П.С. Таранов

120 ФИЛОСОФОВ

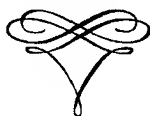
ЖИЗНЬ • СУДЬБА • УЧЕНИЕ • МЫСЛИ

Универсальный аналитический справочник по истории философии

Том I

Универсальный Аналитический Справочник по Истории Философии

П. С. Таранов

120 ФИЛОСОФОВ

жизнь•судьба•учение•мысли

Том I

Симферополь
«Реноме»
2005

ББК 87.3
Т19

Таранов П. С.
Т19 120 философов: Жизнь. Судьба. Учение. Мысли: Универсальный аналитический справочник по истории философии: В 2 т. — Симферополь: «Реноме», 2005. — 704 с.: ил. — Т. 1. — (Рус. яз.).

ISBN 966-7198-50-2
ISBN 966-7198-51-0

Это книга ума. Высокая нота чистого смысла делает ее притягательной и нужной. Без сомнения, долгожданной.

Из таких работ, энциклопедических и новационных, но в то же время тщательных простотой и привлекательной интересностью, мы черпаем вдохновение жизни, приобретаем веру и оптимизм.

Не приходится как-то особенно представлять автора. Его имя вот уже десятилетие как у всех на слуху. Бестселлеры П. С. Таранова есть у каждого, кто не равнодушен к задаче «познать себя», «узнать людей», «разобраться в окружающем нас мире».

Книга рассчитана на самых разных читателей — от студента и школьника до маститого ученого, от рабочего до делутата, от педагога до министра и, конечно же, в первую очередь на тех, у кого «до всего есть дело».

ББК 87.3

Таранов П. С.
Т19 120 філософів: Життя. Доля. Учення. Думки: Універсальний аналітичний довідник з історії філософії: У 2 т. — Сімферополь: «Реноме», 2005. — 704 с.: іл. — Т. 1. — (Рос. мов.).

ISBN 966-7198-50-2
ISBN 966-7198-51-0

Це книга розуму. Висока нота чистого смислу робить її привабливою та потрібною. Без сумніву, довгожданою.

Із таких робіт, енциклопедичних і новаційних, але в той же час ретельних простотою й принадною цікавістю, мы черпаємо натхнення життя, набуваємо віру і оптимізм.

Не варто якось особливо рекомендувати автора. Його ім'я оце вже десятиріччя досить відоме. Бестселеры П. С. Таранова є у кожного, хто не байдужий до задачі «пізнати себе», «узнати людей», «розібратися в світі, який нас оточує».

Книга призначена для найрізноманітніших читачів — від студента й школяра до маститого вченого, від робітника до депутата, від педагога до міністра й, звичайно ж, в першу чергу для тих, у кого «до всього є діло».

ББК 87.3

© П. С. Таранов, 2002
© ЧП «Издательство «Реноме», 2002. Оформление
© Издательский Дом «Квадранал», 2002. Оригинал-макет
© Издательский Дом «Квадранал», 2005. Оригинал-макет

ISBN 966-7198-50-2
ISBN 966-7198-51-0

Человеку высоких стремлений
и благородного профессионализма
НАНИКИШВИЛИ
Михаилу Алексеевичу —
П О С В Я Щ А Е Т С Я

Пусть эта книга станет для всех, кто неутомим умом и отважен в науках, верным подспорьем к мудрости и счастью, ибо Истина, к которой мы так трепетно и самозабвенно стремимся, хоть и выбирает вслепую, зато и одаривает со всей роскошью...

С Уважением *Таранов*

ВВЕДЕНИЕ

Разве вы не слышите зов?

Река времени отдаляет события, но наш интерес вновь приближает их. Мы бьёмся над вопросами и удивляемся парадоксам, однако сами, уже тем, что живём, являем самое что ни на есть чудо: приговорённые природой к «не быть», всё время думаем над «быть». Люди, для которых как раз последнее обстоятельство и есть сфера постоянных размышлений, зовутся философами. Не только потому, что они любят мудрствовать, и даже не столько поэтому, ибо «вникать» и «заглядывать за» свойственно любому, кто старательно и усердно чем-то занимается, сколько ввиду способа, которым они осуществляют и ведут свои усилия: погружаясь, они воспаряют.

Изучение чужой жизни может быть любопытно, может быть полезно. Оно даже, наверное, таково в обоих этих аспектах. Только как не заметить, что польза цели сама, непроизвольно, обязательно превращается в цель пользы. Вот здесь-то и формируется площадка внимания, тот особый ракурс всматривания, когда уже вовсе не обязательно наблюдать, чтобы увидеть. Окружающее никогда не может удержать нас возле себя. Не может, потому что... окружает. Его влекомость отталкивающа: это как вектор — он всегда начинается вблизи нас, но устремлён вовне, в далеко отстоящее.

Если сказать, что философ занимается философией, то это всё равно что утверждать, будто пловец занимается водой. Да, мы вовлечены в мир, только вот в чём загвоздка: куда бы ни светило солнце, его побуждение не вызыва́ние использования себя, а подталкивание к смотрению на источник лучей. То, что люди знают, способно — кто ж оспорит? — согревать их и возлелеивать любое удовлетворение, а вот уж есть, оказывается, закон обратности..., там, где тепло, там и рост: успокаивание не успокаивает, а колеблет.

Что хочет человек? Только невозможного — жить, познавать, не ошибаться. Что получает человек, отваживаясь на неподвластное? — печаль, сомнения, неуверенность. Так что же, никогда недоставало ни у кого ума сдержать порывы неуёмных надежд, не оступаться в канавы пессимизма и удерживаться от обольщения иллюзиями оптимизма?! Почему же, доставало! Однако так уж складывалось, что всякий, кто брался за эти темы и ближайший к ним ареал проблем, — брался́ затем, чтобы от них освободиться! — почему-то вязнул (и вовсе не в отторжении!!!) и посвящал себя тому, на что победоносно замахивался.

Дело ведь не в том, что мы чего-то недоосиливаем. Нет. Просто всё наше существование обвито принципом коромысла: надавливаешь, чтобы исчезло, а по-

рождаешь подъём. Это и есть таинство бытия: не зная своего прихода*, мы обеспокоены по его существу до самого своего ухода...

Неизвестность магнитит нас. И ясно, что это какой-то очень глубинный, сокровенный, по всей видимости, космический, универсумный зов. Лаборатория Вселенной творит своё продолжение. В реторте этих реакций переплавляются пространства, и огонь сущности не потухающе распаляем. А катализатором процесса выбираются люди, мышление которых изощрено оригинальностью неожиданностей — в акцентах, оценках, подтекстах. Некоторые строят дома, но Первозданному нужны **концепции**. Кто-то упорен в искусстве, но Первоначалу нужны **идеи**. Есть любители стежков и дорог, да только Надмировое требует не этого, а **аксиом**. Мы полагаемся на ракурсы, а оказывается, ракурсы располагают нами.

Итак, философы — это глашатаи из безлонья. Ими произносится речь Сути. Матери смысла. И хотя нам этот язык неведом и мало что вообще можно уяснить из незнакомых и странных пока что слов, всё же звук слышимого чем-то нам дорог, как близкие родственники, о которых мы ничего не знаем, кроме того, что они далёкие предки...

Философия не обязательно должна касаться нас. Это вовсе не её забота и не её дело. Если дождь сейчас не идёт, то это не значит, что его и не будет. Растение тянется вверх не потому, что хочет вытянуться, смысл его активности — рост, устремление, выход из занижения. Вот и мы: не там надлежит быть, где оказался, а там, где быть организмно достойно. Мы-то бываем, а вот **сущность** заставляет нас быть. И пока деланье зависит от дела, мастерство адекватности не в подражании, а в соответствии.

Люди бывают разные — умные, способные, никакие. Немалая часть — равнодушны и немы. Так вот, философы — закваска от скуки и дремоты. Их дар — дарить. А уж обрадоваться подарку — это целиком наше дело. И именно счастье осчастливливаться и есть залог самоощущения жизни.

Для чего мы философствуем? Чтобы жить? — Нет, многие в жизни обходятся без философствования, и ничего! Чтобы всё знать? Вряд ли, это было бы более чем странно: как можно опираться на предшествующее, если оно же не опора опирающегося — откуда может быть знание «всего», если само же знание его и ищет? Чтобы блаженствовать? Не думаю, о, если для кого-то блаженство, раздевшись донага обниматься с ветвистым розовым кустом или занятным многолистным кактусом, тогда да — это из разряда таковых.

Я бы философию сравнил с ножницами. Их не едят (и в этом смысле они не сводимы к «жизни»), ими не наслаждаются (колючи, безлики, холодны), но когда надо обрезать лишнее или вырезать нужное — без них не обойтись. И точны, и удобны, и... уместны. Философия обеспечивает наше умение выделять прорисованное, она заметность опредмечивает фактом и взятость извлекания гарантирует в облекание: в целостность и в форму.

Мы гоняемся за истиной и разгадываем секреты. Но есть и еще кое-что. Мы извлекаем смысл или — оправдывание занятия. Еще ничего не зная, мы уже знаем, что надо знать. И отношение к этому образующему нас свойству и есть первое касание философии. И даже кто не любит летать, делает это, невзначай споткнувшись или сорвавшись со ступенек.

Я очень бы хотел, чтобы каждый воспарил к своему предназначению, к расцвету всего самого лучшего, что в нём есть. Самые умные из людей (а их здесь больше ста!) уже готовы к беседе с Вами.

П. С. Тараиов
Июнь, 2002 г.

* Помните, сакраментальное и вечное?: кто мы?, откуда?, куда идём?.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что стóит за мудростью?

Эта книга — плод долгих трудов. И изысканий! Причём самых разных. Извилисты тропы, но серпантин поглощает крутизну. Сейчас, когда у меня вышли десятки книг и среди них милая сердцу и зна́ковая *«500 шагов к мудрости»* (в 2-х т., 1996 г.), философия видится мне уже и ВБЛИЗИ; и, надо полагать, это и есть искомый (по-моему, желанный и не по моему́ долгий) взгляд сверху — ну, тот самый, что «изнутри».

Философия есть вид интеллектуальной деятельности, в котором мы можем попасть, куда хотим, не имея возможности когда-либо это действительно сделать.

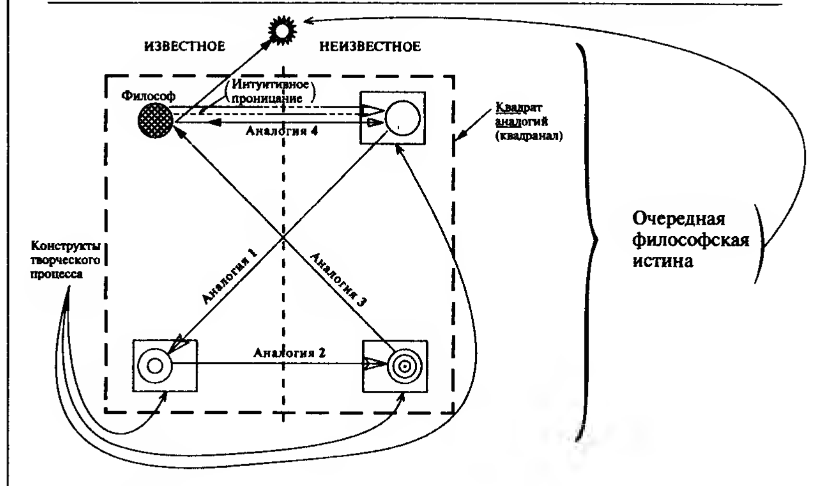
То есть, проще говоря, философия — это наука о неизвестном. И специфика здесь та, что неизвестное так и остаётся неизвестным, хотя и считается нами известным. Это явная неординарность, и средства отношения к ней должны быть ей под стать. Механизм философствования выходит за рамки оперирования обычными познавательными орудиями. На первом и решающем месте тут — квадранал. Идея такая: поскольку интеллектуальная психика подчиняется закону

интерпретация факта всегда отстаёт от его новизны,

то в постижении явлений не остаётся ничего иного, как брать «вникательное» в рамку аналогий и, превращая этот процесс в каскадные и синтезные аналогии — в аналогизацию, через уподобления (= метафоризированные, óбразные аналогии), т. е. ключевые выводные фразы «равно, как...», «сродни тому, как это имеет место...», «похоже на то, как если бы...», «ну, соответствие этому мы видим в...», сначала высвечивать проинтуицированную зону в неизвестном, а потом уже светом усмóтренного выносительно обозначать обнаруженное. По особенности своей квадранал — сущностен: благодаря ему нечто есть лишь... благодаря его. Такая двойственность и обграничивает философию: мы обладаем тем, что обладает нами, мы располагаем известием, не покидающим извне естия. Оттого язык описания содержит в себе и родное нам наречие, и иноязычие. И расшифровка последнего — неотъемлемое и исключительное право того, кто на нём говорит.

Не думаю, что сказанное не понятно; однако, полагая привычную конкретику существенной стороной всякого согласительного приобщения, приму — с должной серьёзностью — то, что нужны, видимо, и резонансные опоры. Тогда, если опираться на *иллюстрацию*, базисные «нача́ла» к вышеизложенному будут такие:

Последовательность и увязка разворачивающегося философствования

Разъяснение:

1. «Прозрение» — внезапное открывание в мироздании, Универсуме, мире новой черты, которую, «как ему данное», открывшееся, изреченное подсознательно (свёрнуто, зашифрованно, на грани понимания) удерживает «автор её обнаружения»: только он вéдает и только он видит. Для остальных это сокрыто, покрывало Изиды* для них ещё не мягко. Ключ к этому этапу: оматериализованная целевизация поиска выступает сложным пограничьем, когда уже имеющееся ещё не имеет ни места для быть, ни имени. Это похоже на мерцание, бывание которого непонятно чем определяется — то ли появлением, то ли исчезновением. Это сравнимо с ночью, которая есть, но... не определима никаким способом: действительно, если я скажу, что её вижу, то получится, что темнота способна отражать свет (или, подумать только, — излучать свет!), а это нелепо.

Данная ступень начальная, запускающая; на ней ядро значения обусловливается — и всецело, и подспудно, и определяюще — истинированной имплантацией.

2. Доработка *индивидуально почувствованным* общественного знания. На основе этого — открытие или изобретение в известном (имеющемся) доселе не явного бытийного оттенка. Свидетельством фактизации такого события является уподобление (аналогизационная подстановка), т. е. словесный оборот «подобно тому, как...».

3. Взгляд на неизвестное уже с точки зрения уподобительной формулы и

---

* По утверждению Плутарха, в Саисе святилище Афины (древнегреческой богини мудрости), которую именуют также Изидой (древнеегипетской богиней плодородия и всяческой учёности), имело такую надпись: «Я есть всё бывшее, и сущее, и имеющее быть, и покрова моего вовеки не поднял никто из смертных». Текст, вне сомнения, замысловатый, с причудинкой; немудрено, что воображение пылких почитателей тайн и таинств нарисовало вошедший в историю образ скульптуры-женщины, накрытой — не видать ни головы, ни лица — каменным платком. Этот интересный культ стал *крылатым смыслом* изваяния, символизирующего «саисский синдром» — разуверенность в возможностях познания. — *Ред.*

законченное осознание усмотренного как действительно взятого умом нового знания. Ощущение представлением приобретения. Однако всё это ещё личностный, а не социальный уровень.

4. Монтажный (целостно адекватный потребностям практики) вид смысла, когда человек преподносит миру, людям свою идею в *готовом* для усвоения оформлении (это план *óбраза, сравнивающего примера,* толковательной притчи), действительно чувствуемом как прибавочное знание. Это этап заявительного момента; раскрытия тайны.

5. Завершение процесса — последний макияж сделанного и, так сказать, «социальные румяна»; мы не только уже выносим «вовне» усмотренное, но ещё раз сопоставляем точку, найденную в «неизвестном», с тем, что уже о ней знаем. Последняя аналогия, а она выбирается из множества однотипных, и становится окончательной.

Пример:

Когда древнегреческого философа и сочинителя речей Исократа однажды спросили, как он, не мóгущий хорошо говорить (он был робок и заикался), берётся писать речн для других да ещё и заниматься обучением ораторов (по самой высокой ставке оплаты во всей Греции!) в созданной им ри́торской школе, он ответил: «Наждачный камень тоже ведь не есть острота́ ножа, но только он её-то и делает при обточке лезвия этого предмета. Вот так и я».

То есть Исократ подметил, что он свою способность (как, собственно, и всё в мире, сказали бы мы теперь) имеет, оказывается, не в себе, а... вне себя. Но увидел он это не как очевидное, а **соотносительно**, т. е. сначала было вдругное воззрение (озарение!), что *«а почему мы считаем, будто свойства явлений принадлежат им*?; может быть, явление есть само — инвариант **связи**, и тогда определяющее обеспечение любого “этого” не только в нём, но и в “другом”?».

В отличие от всех дисциплин, родственных сродственному с ними (отсюда осязательная эмпирика опыта и приборное мышление), философия родственна чужому. Нам то, что говорится, показывается, как при вспышке молнии, — на миг, на то очень короткое время, когда заметить уже можно, а присвоить ещё нельзя. Так что приглядитесь, вчитайтесь: философия — проводник в новые дали, её горизонт дальше видимого. И как интересно это делается! — через сравнения, через изумительно лихо выстроенные соотнесения, через такие подмечания в наличествующем знании, когда голова разума, как растущие цветы вверх, сама ориентируется на более высокое, на ступени подъёма, на возвышение. Отсюда и возвышенное, которым сла́вны приобретения именно ума.

С точки зрения представленного в книге материала, из обилия взглядов сотен признанных по уму и по их праву на глубокомыслие людей замечается интересная возрастная тенденция:

Старому человеку не нужны знания.	С возрастом мы умеем понимать.

В свете такого обнаружения в философии чётче начинают видеться грани тех мест, откуда мы входим в неизвестное, сильнее выделяется рельеф описываемых исследователями интеллектуальных пространств, фиксированнее обозначаются намерения и цели участников процесса, как-то пристальнее чувствуешь взгляд мира в тех, кому он открывается. Мало того, осознаёшь, что доверие тайн — это *тайна* доверия, отчего познание вовсе не так уж прямолинейно, как кажется, зависит от хлопотливых стараний знания. И — вот что существенно! — нельзя не признать, что склон это и есть подлинная *дорога*. Однако ПУТЬ — значимее, потому что в нём присутствует ещё и **направление**. Какое же? Имеет ли тут место выбор? И если да, то чей?, с чем? и как? он связан.

Вообще, это довольно любопытный феномен, и подмеченная ситуация формулирует перед нами отныне уже очевидный и — коль скоро он есть — акту-

альный вопрос: почему все крупные мыслители в молодые годы намного полемичнее, чем в лета зрелые?

Мне объяснение видится таким. Возьмите, для примера, самолёт. Он на взлёте сразит любой пересекающий его курс живой объект, будь то бабочка или птица. Но набрав высоту и летя ровно и равномерно, самолёт уже совершенно безразличен ко всему порхающему и летающему, что носится и мельтешит где-то далеко под ним.

Заядлость несогласия (пора активного старта) не столько означает неуёмность стремления к спору, сколько выбрасываемую человеком вперёд себя упредительную просьбу: «Не мешайте мне развиваться! Дайте мне стать, кем я могу быть и должен!»

Такое распознание существа дела может пригодиться, его надо взять на заметку. Ведь это не что иное, как новый ориентир в нашем соотношении с «почему?». Получается, что «сказанное» — всегда как бы заказанное и откровенность сокровенного много проблемнее, чем кто бы что думал. Природа не только прячется от нас, она ещё и таит себя в нас. Это значит, что скальпель опыта должен включать в себя — с неизбежной обязательностью!! — теорию опыта скальпеля. В себе мы носим зёрна разных всходов, и надо хорошо знать, какой и когда злак и съедобен, и... полезен.

Потребитель потребности сам же исток своей бедности. То, что даётся в руки, конечно же, берётся, но как не спроси́ться нам, отчего это вдруг оно даётся? И, держа что-то в руках, помимо удерживаемого, не держим ли мы ещё и свои руки??! И тогда всплывает аналитика. Защита, вдумайтесь!, не в щите, а за щитом. То есть без коррекции азимута поисков нынешней науке ну никак нельзя! Просто-таки бесчисленная кладезь самых-самых воззрений и рассуждений лучших умов человечества, а также внушительный свод поучительных историй и многоразличных примеров побуждает, на мой взгляд, основательно задуматься над проблемой мудрости, признать, что одной её и мало и недостаточно, чтобы уверенно преодолевать превратности судьбы и рифы жизни. Наша ежедневная коммуникалистика выдвигает в повестку дня вопрос о более объёмистом подходе к замысловатостям совместного бывания и взаимообщения. Я полагаю, что недостающим теоретическим и наставительно-практическим ареалом могла бы стать новая поведенческая наука — ОБОЛОГИЯ. От слов «осмотрительность», «благоразумие», «обходительность» и *греч.* «логос» (знание). Нам важно и необходимо расширять базу, уточнять формы и интенсивнее задействовать всю палитру средств, нужных человеку для того, чтобы активнее приспособиться к реальным условиям существования, чтобы защититься от пагубного общественного (социального) излучения и эффективнее обезопаситься от злой или недоброй манипулятивистики окружающих его индивидов. В потоке времён всё меняется. И не потому, что оно увлекается другим, а как раз потому, что увлекается им. То есть не уносится, не забирается, а... теряет голову, влюбляется. А философия, как известно, наполовину любовь. Из-за чего и обретает она крылья развития, оттого и мани́тся неизменно в самораскрытие. Тягой вперёд, оставлением насиженных мест она не даётся никому задержать её, смущать и гневить однообразием отношения. Не исключение и наш период, не в стороне и мы.

Ведь раньше ка́к смотрели на философию? Да как на науку о том, кто что сказал. Встретилось у какого-то философа, скажем: «Одна ласточка весны не делает», и тут же систематики в один голос кричат: ага, философия — это наука о ласточках.

Я же смотрю на дело иначе. Для меня философия, иновыражаясь, это не размер одежды и не её цвет и даже не её популярность или изношенность, а — покрой, искусство линий и их сочетаний. Я делю всю философию на метафизику, аргументалистику и моралистику:

СТРУКТУРА ФИЛОСОФИИ КАК НАУКИ

- ✓ **Мудрость** — это то, что принимается как «всегда верное».
- ✓ **Моралистика** — это выводная конструкция, где восприятие научается самим моментом прочтения (имеется в виду текста).
- ✓ **Назидания** — это знание, преподносимое в авторитарной упаковке.
- ✓ **Сентенции** — они всегда с оттенком увода в вечность и постоянно с оттенком какой-то явной грусти.
- ✓ **Афористика** — это попытка компактизации и формулизации мысли.
- ✓ **Аргументалистика** — система доказательных обоснований, базирующихся на логике и подоплёковых интуициях.
- ✓ **Догматика** — свод традиционных принципов, устоев, поддержек.
- ✓ **Казуистика** — форма тонкого проникновения в сокровенное путём открытия парадоксов, использования софизмов и оперирования обратным.
- ✓ **Метафизика** — выход за рамки известного, разговор от имени высших сил, апелляция к тайнам и взгляд, обращённый к Началам, оригинальность в завиральности и бесконечный энтузиазм в фантазировании по абстрактному поводу, своеволие и нестандартность в обобщениях, смелость и неожиданность ракурсов в постановке проблем, изумляющая свежесть в новизне перетасовательной аналитики.

Метафизика, моралистика и аргументалистика образуют жёсткую сцепку любого смысла, а линии**, пронизывающие магистрали основного содержания***, подобно тембру голоса, разнообразят какую угодно центральную идею как подтекстовыми значениями, так и всем спектром возможных и невозможных вниканий и направлений.

> Философия говорит из сферы неизвестного, усваивается благодаря уподобительному механизму и транслируется в понятиях современной её науки, имея целью воодушевление жизни на осторожность в успехе и осмотрительность в продолжении.

Этой книге предшествовал двухтомник *«Анатомия мудрости: 120 философов»* (1996). Что же сейчас, повторение? Нисколько. Так же как каждый день необхо-

*) И получается так, что в пересекающих овалах комбинаторно указаны все виды – какие только возможны (и ныне и в будущем) — магистральных (значимо важных и важно значимых) философских систем.

** То есть сентенции, назидания, мудрость, афористика, казуистика, догматика.

*** Имеются в виду метафизика, моралистика, аргументалистика.

димо опять питаться и заново готовить себе пищу, чтобы, продолжая быть, не прекращать жить, так и в философии надо всё время перечувствывать имеющееся и в который раз перепахивать то же самое поле ума, если заботы об очередном урожае понимаешь как *насущную* п о т р е б н о с т ь. В данном случае имеет место не только переосмысление самого числа (теперь **120** есть не просто суммарная цифра, а свидетельство важного направленного позиционирования: была поставлена цель сделать удобное, лёгкое, понятное и, главное, достаточное учебное пособие — особенно для целей вузовской подготовки), подвинулся и продвинулся сам ракурс ви́дения. И если говорить образно (а это, кстати говоря, и есть единственно — по-философски — философский язык!), в глубокие тайники истины наряду с уже имеющимся светом брошен ещё один луч.

Когда имеют в виду хорошую речь, предполагают то её качество, что она разновидна, стилистически ёмка, в ней нет занудного *одного и того же*. Явление, событие, факт растрагивается умом, преподносится в красках н е п о в т о р я ю щ и х с я слов. Так же и дело философских трудов. Они только тогда страстны, когда старательны, а этого не добьёшься, если в ежедневное сегодня будешь приходить с зачерствелым (уныло-пожухлым, исче́рпавшим ресурс безопасной годности) вчера.

На сегодняшний день эта книга, видимо, самое скрупулёзное и конкретное издание. В том смысле, что каждый философствующий и мудрствующий представитель *защищён* по занимаемому им месту. Это значит, что пришлось доказательно выстраивать логику убедительности, и чтобы такая концепция не провисла, набор использованных мыслей должен был оказываться САМОДОВЛЕЮЩИМ.

Отличительные признаки в текстоподаче — сюжетность и драматургия. Мне вовсе не хотелось делать с умных людей скучные оттиски, невыразительно и с тривиальной банальностью копировать их, говоря о великолепии разума, бесцветно и апатично, будто речь идёт о наваленных у стены стёртых булыжниках с мостовой или груде старого бесхозного металла. Не о куче истлевших листьев и не о забродившей луже талого снега у нас идёт речь. Мы имеем дело с живой энергией мощного духа, столь разнообразно выраженного, что не объёмный его показ и любая беспристрастность были бы плоски и неуместны, — представьте себе на минуту вялого, без спасительной бодринки, без п р е о д о л е н и я, наконец, пловца среди бушующих волн в открытом море, далеко-далеко от берега, и вы поймёте, что может иметься в виду.

Я ничего не брал так, как оно лежит и лежало. Моими отправными точками было дать всё животворно, трепещуще, н е з а л е ж а л о. Фрагменты и в разделе «Учение», и в разделе «Мысли» компоновались так и затем, чтобы их восприятие влекло устойчивый интерес к ним, а любые проблески, толчки, импульсы понимания радовали приобщением к великому. Наслаждение — вот что должно определять миги подлинного удовольствия, и такого здесь предостаточно сымпровизировано, сыграно, преподнесено. При этом — и без ненужного пафоса, и без «закомплексованного» экивока, и без вычурного возвеличивания, и без... нескромной и такой вздорной «позиции сверху».

Как режиссёр, я за кадром. Но в самых любопытных, необыкновенных, трудных или очень интересных случаях, при вариантах, звенящих (или звоня́щих!?) серьёзностью, я чуть-чуть выходил на сцену; появлялся в той требуемой открытости, которая, возможно, и не столь приметна (скажем, знак на дороге), как просторы и достопримечательности ландшафта, но направление потерять не даст. Каждый такой случай помечен моим личным авторским значком «◐...◑».

И в заключение — самое главное: эта книга — не компиляция, не какая-то там произвольная копилка — пусть и тщательно собранная — надёрганных под случай высказываний. Отнюдь! Нет!! Совсем нет!!! Я не по цитатам выписывал узор каждой персоналии, а, напротив, — по узору персоналии (её роли, масшта-

бу, величине, своеобычности и неповторимости, наконец) реставрировал, отбирал, структурировал, достраивал, добирал ту, единственную!, необходимость, требуемость, восполнимость, по которой история события узнаваема, а само событие мéстится уместностью. Данная работа и в частях, и в деталях, и в целостности — только и сплошь **авторская**.

Многие тексты я перевёл на логический язык. То есть если сравнить два даже внешне одинаково по-русски выраженных куска текста, то результат всё же — восприи́мчиво, навева́юще, сгу́стково — будет различным. Это близко к тому, как *интонация* отличает одно и то же написанное. Возьмите слово «да» — вы же понимаете, сколькими способами его можно произнести. Говорят, их число доходит до пятисот. Вот какое поле возможностей было предоставлено мне в распоряжение!

Я не трогал канву смысла, но не мог не коснуться ареала значения. Обычные языковые трансформации — это переложение с языка на язык, ну, допустим, с английского на немецкий или с французского на русский. Несомненно, лексические преобразования и осуществлённые ими адаптации позволяют приблизиться к передаваемому содержанию. Но (подобно бегуну, который может как угодно быстро бежать, однако ему никогда (!) не обогнать свой бег) ещё не дают повод осознать ширь, мощь, глубину в другом — семантическом — пространстве передаваемого учения. Пришлось активно, веерно, детально-скрупулёзно компенсировать этот разрыв. Мало того, и это было вовсе не последним занятием, — с яркой эффектностью выделяя ядро трактований, давать авторам возможность не только говорить, но ещё и внушать, подчёркивать, убеждать.

Я весьма живо, хотя и очень бережно, заполнял паузы между давно ушедшими и ныне живущими. Буквалистика, может быть, и хороша, да только кто оспорит, что куда лучше конкретика безусловности! Разрыв всегда некрасив, и это всё время надо было учитывать. И устранять...

Лоск фраз и изысканность их подачи — всё это было первейшей моей задачей. А наиважнейшей из целей — определить (опираясь на учение о квадранале, на мнение творцов философского процесса, на голос моего интуитива в почувствовании необходимого и должного), кому действительно надлежит отдать предпочтение в непростых — трудных и, буду откровенным!, ответственных — размышлениях о включении имени в свод великих интеллектуалов человечества.

Книга, она ведь как... — чем-то похожа на конфету! Мысль автора — это как бы вкус, т. е. то впечатление, которое от неё, от конфеты, остаётся. А всё остальное — обёртка, название, форма, конкретная начинка — так, сопровождение. Без него нельзя, но без него как раз и можно!

Думается, наступил момент, когда философия может уже перестать прятаться за тайну и рядиться в одежды скромного смирения. Время робости спи́шем на робость времени! Теперь же пусть каждый знает, что мы все и можем знать, и можем быть каждым, пока с нами философия, пока имеем в современниках этих славных 120 человек.

Пусть трудится для нас их дух. Пусть наша душа прибавится их беспокойством. Пусть ум наш пополнится тем, что они умели, могли, делали. Любое Я ничто без их прожектора: без мудрости древних мы осколок искры, а с их философией мы сами себе тот свет, при котором видна дорога и в котором пугающий мрак раздвигается смелым ожиданием уверенной поступи жизни. А что ещё нужно тем, кто меряет днями судьбу? Или кто-то рискиёт предложить большее?? Или есть такие, которые не пойдут на зов??? Но тогда зачем им уши, и ноги зачем?!

И потом. Разве Вы не слышите, как разум Ваш говорит: «Хочу!». За чем же дело? И к чему медлить? Дайте ему то, что он просит. Или, голодный на истину, он в клочья разнесёт Ваше терпение.

Начните читать, размышля́ть, думать. И чем выше будет подъём Вашего духа, тем роднее и ближе станет жизнь. Только властелину творческих сил подобает царствовать над природой. Универсум открыт для диалога, но он ждёт равного себе. И пусть будет так!

Система условных обозначений, принятых в данной книге

- 000 — нумерация персоналий.
- Строка крупного кегля сразу же под колонтитулом — исторически закрепившееся имя персоналии.
- — обрамляющее обозначение «визитки» — презентационного введения в персоналию. Здесь приводятся все необходимые карточные сведения на обозначаемое лицо, даётся его портрет.*

  Параметрические (идейные, психологические, личностные) черты самобытности каждого деятеля представлены в «визитке» девизовым афоризмом (он дан в специальной рамке {закавыченно и с подписью}) и, кроме того, ещё — дополнительно — индивидуализирующей подборкой из одного или нескольких зна́чимых сущностных высказываний (они помечены у начала небольшим полностью затемнённым квадратиком, закавычены и подписаны)
- Первая полужирная строка в «визитке» — это подлинное имя, вторая — псевдоним или прозвище.
- 1. ЖИЗНЬ, 2. СУДЬБА, 3. УЧЕНИЕ, 4. МЫСЛИ — Выделительная символика главных разделов по каждой персоналии.
- • — разделительный значок в разделе «Жизнь».
- ► — указательно-разделительный значок в разделе «Судьба».
- ♦ *или* ♦...♦ — прямое цитирование в разделе «Учение» (по каждому философу, мудрецу, мыслителю все фрагменты приводятся по тек-

---

* В портретистике есть свои нюансы. Иногда иконография отсутствует полностью. Иногда она сюжетна или постановочна, т. е. нарисована художниками многие десятилетия, столетия, тысячелетия спустя в режиме, так сказать, «по мотивам». Последнее должно восприниматься спокойно и правильно, так как история потому и история, что исчезнувшее теперь очень рискованно изображается явственно.

сту его первоисточников или авторитетных свидетельств современников, биографов, исследователей).

❁ ◪ — прямое цитирование в разделе «Мысли».

❁ ∇ — значок важного привлечения внимания.

❁ ◐...◑ — авторский значок. Его использованием автор книги «120 философов» особо акцентирует (оттеняет и помечает) свои мысли, свое отношение, свой подход, свою п о з и ц и ю.

❁ ■■...■ — знак, выделяющий дополнительно привлекаемые сведения, материалы, источники. Его индикаторный смысл — «послеглавное» или «второстепенное». Тем не менее это всё еще уровень основного цитирования, и все высказывания принадлежат исключительно персоналии. Цель — исчерпывающе д о с к а з а т ь.

❁ ии■...и — знак рассмотрения темы в контексте истории — отсылки, сопоставления, параллели. По существу, работа на подконтекстах.

❁ /.../
//...//
///...///
— Система примечаний, когда информация или только комментируется и дополняется, или субординируется по степени её привлечения.

❁ ⊙, ◎, ◉, ◉
✓, ↗, ⊡, ⟩,
↔, ❐, ❐,
⊡, ⊡, >, <,
♦, ♦, ♦, ⊡,
⊡, ▷, ⊡,
➢, #, ✱, ❁,
☑, ○, ⟩, ►
— Выделительные или разделительные значки в подборках, сводках, обобщениях.

❁ ➤ — напоминательный сигнал (означает перенос части примечания на следующую страницу) /ставится с обеих сторон разрыва/.

❁ Выделительная методика в зна́чимых и сущностно-важных ситуациях и местах:

> **полужирное** выделение
> *курсив*
> ***полужирный курсив***
> р а з р я д к а
> подчёркивание пунктиром
> КАПИТЕЛЬ
> использование указательных, присоединительных, цепочковых стрелок (→, ↘, ⬇, ⇧, ⇨)
> подчёркивание
> взятие в рамку (▭) или в кружок, как правило, черный, но иногда с вывороткой (◯); это и выделение, и смыслоразличительный знак, и акцентная характеристика.

> волнистая рамка — текст

> пунктирная рамка — текст

> точечная рамка — текст

> каскадные рамочные обводы — текст текст текст

- Не всегда количество имеющихся сведений на персоналию было удовлетворяюще достаточно. В таких случаях здесь и во всех аналогичных обстоятельствах недобирающий материала раздел опускался. Поэтому в последовательности нумерации разделов может иметь место перескок: например, 1 – 2 – ... – 4 (скажем, **Periандр**), или сужение по цифрам: 1 – 2 – ... – ... (скажем, **Эпименид**).

- Деление доставшегося нам от включенных в данную книгу лиц их духовного наследия на «Учение» и «Мысли» достаточно гранично (т. е. если и нет чёткости, то, по крайней мере, уж точно есть то, что не чётко!) и определяется высказываниями как системного (мироописательного) характера {с тем подтекстовым нажимом, когда вероятностная аналитика безоговорочно (или в эфемизмных полунамёках) преподнесена как ***фактичная***} — «Учение», так и почувствовательными рассуждениями, в которых компонента раздумия превалирует над жесткостью безапелляционной категоричности заявлений, а все пожелания закомпонованы {можно сказать и так: закамуфлированы} под заверения, и всё, что говорится, ответно согласительной встречностью — «Мысли».

  В связи с этим на каждую персоналию даётся только тот раздел, в каковом характер её интеллектуального проявления очевиден. Из-за чего я, прн представлении мыслителя, имея в виду всё же обязательный рубрикационный подход (давать и «Учение», и «Мысли»), тем не менее выбирал и оставлял только один из этих двух классификаторов. Так, в персоналии «**Питтак**» раздел «Учение» не присутствует. Этим же объясняется отсутствие «Мыслей» в персоналии «**Гиппас**».

- В сносках даётся уточняющая дополнительная информация периферийного плана, типа «заметок на полях», «сведений на всякий случай», сообщений «для эрудиции» и пр.

- Что касается иллюстраций, то большинство их — прямого действия (т. е. они коррелируют с рядом расположенным текстом). Однако есть и варианты косвенных визуализаций — это когда рисунок или картинка лишь навевающе или обучающе зна́чима (скажем, приводится карта); в таких случаях изображение предусматривает спуск по отношению к главному тексту.

- Применение поло́сных иллюстраций (на всю страницу) бывает «отодвинутым». Причина здесь та, что пространство листа и последовательность вёрстки не всегда позволяли сразу же дать сопроводительное изображение или нужной величины или в дизайнооправданном месте.

Соломон /Мудрый/

XI – X вв. до н. э.

• Древнееврейский мудрец

Родился: 1010 г. до н. э.
Умер: 932 г. до н. э.

Прожил — 78 лет

> **«Всё суета сует. Всё тщета и ловля ветра».** *(Соломон)*

▪ **«И еще довелось мне увидеть под солнцем, что не быстрым — удача в беге, не разумным — богатство, не храбрым — удача в битве и не мудрым — хлеб, и не сведущим — благословенье, но срок и случай постигает их всех».** *(Соломон)*

▪ **«Всему свой час, и время всякому делу под небесами: время родиться и время умирать... время разрушать и время строить... время разбрасывать камни и время складывать камни... время молчать и время говорить».** *(Соломон)*

1. ЖИЗНЬ

• Сын царя Давида.
• Царь Израиля и Иудеи, на царствовании с 972 г. до н. э.
• Построил храм Яхве в Иерусалиме.
• Современники восхищались его мудростью.
• Прославился тонкостью ума и необычностью суждений.
• ◐ Соломону была свойственна парадоксалистская манера. Даже в делах житейских он решал все затруднения так, что стороны проблемы завязывались в один узел и казус приобретал удивительное свойство поворачиваться ответом к тому, кто спрашивал. ◑
• **Сочинения Соломона:**
«Притчи» (915 стихов);
«Экклезиаст» («Книга проповедующего в собрании»);
«Песнь песней».

2. СУДЬБА

► По преданию, царь Соломон владел кольцом, на котором было выгравировано изречение: «Всё проходит». В минуты горя и тяжелых переживаний Соломон глядел на надпись и успокаивался. Но однажды случилось такое несчастье, что мудрые слова, вместо того чтобы утешить, вызвали у него приступ раздражения. В ярости сорвал он кольцо с пальца и бросил на пол. Когда оно покатилось, Соломон вдруг увидел, что на внутренней стороне кольца тоже есть какая-то надпись. Заинтересовавшись, он поднял кольцо и прочел следующее: «И

это пройдет». Данная, казалось бы, сверхтрагическая ситуация была предусмотрена вековой мудростью. Горько засмеявшись, Соломон надел кольцо и больше с ним не расставался.

► О царе Соломоне шла слава как о мудром судье. Однажды привели к нему двух женщин. Одна из них стала рассказывать: «Мы живем с этой женщиной в одном доме. У меня родился сын, а через три дня и у нее тоже. Но ее сын ночью умер, и она подменила детей — мертвого положила ко мне, а себе взяла живого. Утром хотела я покормить ребенка, а он мертвый. И вижу я, что это не мой сын». Другая женщина всё отрицала. И сказал царь Соломон: «Вот меч, рассеките ребенка и отдайте каждой из них половину». И одна из женщин сказала спокойно: «Пусть так и будет — ни мне, ни тебе». А другая закричала в страхе: «Нет! Лучше отдайте его другой, только был бы он жив». Выслушал их царь Соломон и произнес: «Отдайте ребенка той, которая испугалась, что он умрет. Она — его мать».

Суд Соломона.
Худ. Рафаэль Санти. 1508 – 1511 гг.

► Современные исследования показали, что приписываемые ему притчи, вошедшие в Библию, оказались переводом древнеегипетских «Поучений Амен-ем-опе», относящихся ко второму тысячелетию до н. э.

► Почти все высказывания Соломона вошли в сокровищницу мировой афористики, как, например, это: «Кто может уразуметь, что угодно Господу?»

3. УЧЕНИЕ

♦ Что пользы человеку от его трудов?
♦ Род уходит и род приходит, а Земля остается навек.
♦ Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под солнцем.
♦ Бывает, скажут о чем-то: смотри, это новость! А уже было оно в веках, что прошли до нас.
♦ От многой мудрости много скорби, и умножающий знанье умножает печаль.
♦ Ибо что может тот, кто следует царю? То, что делали раньше!
♦ Увидел я, что полезнее мудрость, чем глупость, как полезнее свет, чем тьма.
♦ Но и то я узнал, что единая участь постигнет и мудрого и глупого.
♦ И возненавидел я сам весь труд, над чем я трудился под солнцем, потому что оставлю его человеку, что будет после, и кто знает, мудрый ли он будет или глупый, — а будет владеть моими трудами.
♦ Все дни человека — печали, и заботы его — это скорби.
♦ Я понял задачу, которую дал Бог решать сынам человека: всё он сделал прекрасным в свой срок, даже вечность вложил им в сердце, — но чтоб дела, творимые Богом, от начала и до конца не мог постичь человек.
♦ Бог — ради человеков, чтобы их просветить, дабы поняли сами, что они — это скот, и только!
♦ Всё — из праха, и всё возвратится в прах.
♦ Я увидел: нет большего блага, чем радоваться своим делам, ибо в этом и доля человека, — ибо кто его приведет посмотреть, что будет после?
♦ Благо тому, кто совсем не жил, кто не видел злого дела, что творится под солнцем.
♦ Вдвоем быть лучше, чем одному... если двое лежат — тепло им; одному же как согреться?.. и втрое скрученная нить не скоро порвется.
♦ Обещал — исполни! Лучше не обещать, чем обещать и не исполнить.
♦ От множества мечтаний много тщетных слов.
♦ Ибо кто знает, что есть благо человеку в жизни в считанные дни его тщетной жизни?
♦ Лучше слушать от мудрого порицанье, чем слушать человеку песню глупца.
♦ Не очень будь праведным и не слишком мудрым — зачем тебе ужасаться?
♦ Не очень будь нечестивым и не будь глупцом — зачем тебе умирать до срока?
♦ Мудрость поможет мудрому лучше, чем в городе десять могучих.
♦ Думал: «Стану мудрым», — а мудрость от меня далека.
♦ Мужа — одного из тысячи нашел я, а женщины — ни одной из всех их не нашел я.
♦ Сделал Бог человека прямым, люди же ищут многих ухищрений.
♦ Нет человека, властного над ветром, — удержать умеющего ветер, — и над смертным часом нет власти, и отпуска нет на войне, и не выручит нечестие нечестивца.
♦ Бывает на земле и такая тщета: есть праведники, а дана им участь в

меру деяния нечестивцев, и есть нечестивцы, а дана им участь в меру деяния добрых.

♦ Не может человек найти суть дела, что делается под солнцем, — сколько б ни трудился искать человек — не найдет; и если даже скажет мудрец, что сумеет, — не найдет.

♦ И я подумал: лучше мудрость, чем храбрость, но мудрость бедного презирают и не слушают его речей.

♦ Поставлена глупость на высокие посты, а достойные внизу пребывают.

/ ◐ Подобные сетования часты в философии. Традиционно уверовано учеными мужами, что есть правильное и неправильное и что предпочесть умному подобает первое, а второе отринуть и заклеймить.

Но, видимо, не всё так просто, если *призывающие* кочуют из рода в род, а призыв их (страстный, проповеднический, указующий) так и не услышан!

Почему сегодня мы, жители рубежа XX и XXI веков, слушаем и любим песню Вячеслава Быкова «Любимая моя» с нелепыми — вроде как — строчками:

«Дремлет осенний сад,
Словно ждет весну...» и «Гости разошлись
Друг друга догонять...» ?

Да потому, что правильность, так называемая правильность, это лишь часть, и **ПРИЧЕМ** не самая главная часть, жизни. Мы и неправильность любим, и даже жаждем ее, как любим соль (а не сахар), как любим скабрезность (а не пастораль учебниковых предписываний), как любим бокс (а не нежные поглаживания).

// Вот все хотят разумной жизни, мудрого правителя, торжества истины, добра, справедливости, мечтают о Правде и наступлении благоденствия и достойного человека Существования.

Но... как далеко это от действительности реальности и реальности действительности! Это всё равно, что требовать, чтобы дождь шел по расписанию, да еще и с уведомлением о количестве прольющихся капель.

Жизнь в основе своей **стихийна**. И мы потому есть, что ее **надо** — это не наше **надо**. Не бытие погружается в нас, а нас погружает в себя. Вот почему все правители всегда будут **не такие**, и всё будет идти и не прямо и только через кувырок.

Ответ на вопрос: «Почему “не в ногу” идти легче?» тоже прост. Да потому и легче, чтобы прáва обратности никто нарушить не смел, даже если бы и захотел. Податливость альтернативы в ее... неотвратимости! //◑ /

♦ Копающий яму в нее упадет, и сносящего стенку укусит змея. Разбивающий камни о них ушибется, и колющему дрова от них угроза.

♦ Точно так, как не знаешь ты, откуда стало дыханье и кости откуда в беременной утробе, так не знаешь ты дел Бога, создающего всё.

♦ Даже в мыслях не кляни царя и в спальном покое не кляни богатых, ибо птицы небесные перенесут твою речь, и пернатые объявят дело.

♦ Много книг составлять — конца не будет, и много читать — утомительно для плоти.

♦ Кто хранит уста свои — тот бережет душу свою, а кто широко растворяет рот — тому беда.

♦ Рты тех, кто говорит ложь, должны быть зажаты.

♦ Муравьи — народ не сильный, но летом заготовляют пищу свою; горные мыши — народ слабый, но ставят дома свои на скале; у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах.

♦ Если притупится топор и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить.

♦ Главное — мудрость: приобретай мудрость и всем имением твоим приобретай разум.

◐ По поводу Соломона:

В стилистике проповеди — видимо, пора это открыто и серьезно отметить — таится, кроется, роится зомби-фактор.

Сутью своей словесной практики (публичной, отрудненной, вникательной; с нагружением внимания до глубин границ понимания и... чуть-чуть дальше — до увидения горизонтов подсмысла) Соломон непроизвольно, когда влиял на людей содержанием значения своих охватно-лабиринтных фраз, открыл — задействовал, выявил, пробудил — интересный психологический механизм, действующий как безусловный закон:

заряжаясь проблемами, **з а р а ж а е ш ь с я** ими.

Почему человек умствует? Многие ответят: чтобы быть правым. Но тогда не вытекает ли отсюда пригвождающее справедливостью о б р а т н о е: чтобы быть правым, *приходится* умствовать. И здесь же: прибегать к этому или пользоваться?! И вообще, выскальзывание из некоторой проблемы не порождает ли после этого уже не столько борьбу с ней, сколько нас... с собой!?

Итог: слушатели таких форм мыслительного воздействия становятся зависимыми — направленный обрабывающий их идейный поток они не просто заинтересованно слушают, а подсознательно — и теперь уже подпитывающе (присваивающе, нуждаясь, жаждуще)! — требуют.

Правда, тут есть и своя специфика: податливость к подчинению выражается здесь **согласием п о д ч и н я т ь с я**. ◑

4. МЫСЛИ

◪ И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль.

◪ При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои разумен.

- Придет гордость, придет и посрамление; но со смиренными мудрость.
- Не поможет богатство в день гнева, правда же спасет от смерти.
- Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая и безрассудная.
- Кто любит наставление, тот любит знание, а кто ненавидит обличение, тот невежда.
- Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками.
- Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти.
- Лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое сокровище и при нем тревога.
- Предай Господу дела свои, и предприятия твои свершатся.
- Как пес возвращается в блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою.
- Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится.
- Не хвались завтрашним днем; потому что не знаешь, что родит тот день.
- Жесток гнев, неукротима ярость, но кто устоит против ревности?
- Благоразумный видит беду и укрывается; а неопытные идут вперед, и наказываются.
- Многие ищут благосклонного лица правителя, но судьба человека — от Господа.
- Стремление познать суть вещей дано человеку как бич наказующий.
- Праведника не опечалит ничто с ним случившееся.

◄ **Проповедующий в собрании.**
Постановочный рисунок

/ «И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «Нет мне удовольствия в них!» Доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем. В тот день, когда задрожат стерегущие дом, и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; и запираться будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дщери пения; и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик; и рассыплется каперс[1]. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; — доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем. И возвратится прах в землю, чем он был; а дух возвратится к Богу, Который дал его». *(Соломон)* /

Периандр из Коринфа

VII — VI вв. до н. э.

• Древнегреческий мудрец

Родился: 666 г. до н. э.
Умер: 586 г. до н. э.

Прожил — 80 лет

> **«В усердии — всё».**
> *(Периандр)*

■ **«Сдерживай гнев».**
(Периандр)

■ **«Старайся приобрести друзей своими достоинствами, а не деньгами».**
(Периандр)

1. ЖИЗНЬ

• Сын Кипсела; тиран* (правитель) Коринфа**.
• Один из «7-ми мудрецов»***:

/ Однако Платон (диалог «Протагор», 343а) не считает Периандра мудрым. /

//◐ Мудрость — это такие порывы души, в которых жизненный призыв не только очень и бесконечно красив, но и восторгающе притягателен.

Мудрость восхитительна. Она всегда удивительна и необычна. В ее простоте (а она проста, ибо всем понятна!) заключена широчайшая сложность.

Посещая человека, мудрость озадачивает его, повергает в состояние глубоких раздумий, побуждает в причудливой игре витиеватых медитаций и внезапных озарений вдруг увидеть свет раньше огня.

Мудрость умна, но не умничает; сама по себе она есть только для того и тогда, кто для нее созрел и когда в ней действительно нуждаются.

Мудрость — постоянное проявление людей, заключающееся [в] жизненно нужных и очень полезных выводных операциях ума из разнородной или разноречивой информации; [в] назидании, имеющем уни-

---

* **Тиран** — единовластный правитель, пришедший к власти насильственным путем.
** **Коринф** — крупнейший торговый город Греции.
*** Есть определение мудрости, данное немецким философом, профессором Берлинского университета (с 1931 г.) Николаем Гартманом (1882 – 1950) — см.: **Н. Гартман.** *Этика.* 1935 г.:

«Мудрость — это проникновение чувства ценности в жизнь, в любое чувствование вещей, во всякое действие и реагирование, вплоть до спонтанного «оценивания», сопровождающего каждое переживание; постижение всего действительно этического бытия с точки зрения этого бытия; это — всегда лежащая в основе образа действия практического сознания его связь с ценностью. В строго антиинтеллектуалистском смысле это можно было бы назвать этической духовностью, господствующим положением этики как основного духовного фактора во всей жизни человечества».

версальное упреждающее намерение или значение; [в] сентенциях, обобщенно подводящих итог знáчимым житейским и общественным ситуациям, — запутанных или запутывающих; [в] формулировках, удивляющих тонкостью наблюдения и неисчерпаемостью целесообразности; [в] поступках и действиях, выступающих примером или эталоном точной реакции в условиях неопределенности мотивирующих факторов; [во] впечатляющей единственности дóлжного на фоне переплетения и разноголосицы неглавного и случайного; [в] умении превращать дороги в путь, упования — в надежды, возможности — в сплав цели и средств, жизнь — в судьбу, безвыходность — в просторы.

/// Традиционно в число «7-ми мудрецов» включают следующих древних греков, каждый из которых прославился высказыванием* неизмеримой ценности:

Биант:	«Худших везде большинство».
Клеобул:	«Лучшее из отношений — соответствие!»
Периандр:	«Не спеши: сначала подумай!»
Питтак:	«Люди состоят из жизни и времени».
Солон:	«Желание и получения всегда будут в разладе».
Фалес:	«Ручаясь за других, мы отдаём свой покой в чужие руки».
Хилон:	«Кто забывает о смерти, тот не ценит жизнь». ///◑//

• Периандр правил в Коринфе почти 40 лет (с 627 по 585 г. до н. э.); его охраняли 200 наемных солдат.

• При нём Коринф украсился прекрасными зданиями, при дворе тирана подолгу гостили знаменитые поэты, в том числе Арион — сочинитель первого дифирамба (гимна) в честь Диониса, а также часто приглашались мудрецы на совместные беседы.

• Секрет тиранической власти Периандр узнал у своего друга — милетского тирана. Однажды, когда гонец Периандра прибыл в Милет, тамошний правитель повел его за город в поле и, не говоря ни слова, начал сшибать посохом самые высокие колосья.

Гонец в недоумении доложил Периандру об этой прогулке, но тот догадался, что милетский друг тайно советует ему уничтожать самых выдающихся граждан. Так и стал он поступать — казня или отправляя в изгнание самых видных людей.

• Его поведение зачастую было сумасбродным. Как-то раз, когда у него не хватило средств на пышное жертвоприношение, он приказал сорвать одежды со всех коринфянок, явившихся на праздник в дорогих уборах.

• У него было два сына: младший — толковый, а старший — слабоумный.

• Жену свою он убил в припадке гнева, ударив ее, беременную, то ли ногою, то ли брошенною скамейкою, потому что поверил наговору своих наложниц, которых впоследствии сжег живыми.

• Сына своего, скорбевшего о смерти матери, он выгнал и́з дому, объявив через глашатая, что всякий, кто заговорит с юношей, должен упла-

* Эти изречения были высечены на гермах, 4-гранных столбах, завершенных скульптурной головой, выставленных на холме Аполлона в Дельфах. — См. с. 17.

тить пеню (штраф) в храм Аполлона. Через некоторое время, столкнувшись с немытым и голодным сыном на улице Коринфа, тиран раскаялся и стал звать скитальца домой. Но юноша ответил только одно: отец должен заплатить пеню Аполлону за то, что заговорил с ним.

• По одной из версий, Периандр скончался в одиночестве и печали. Племянник его продержался у власти всего несколько дней: коринфяне восстали и навсегда уничтожили у себя тиранию.

2. СУДЬБА

► Некоторые говорят, будто он не хотел, чтобы его могила была известна, и поэтому измыслил вот какую хитрость. Двум юношам он велел ночью выйти по указанной дороге и первого встречного убить и похоронить; потом велел четверым выйти за ними следом, убить их и похоронить; а потом еще бóльшему отряду выйти за четверыми. После этого он сам вышел навстречу первым двум и был убит.

► Свою мудрость Периандр выразил в словах: «Упражнение — это всё». Именно такая фраза запечатлена на герме из Тиволи, полностью сохранившейся и находящейся ныне в Ватикане. Разумеется, бюст на ней был создан только на основе фантазии, ибо в IV в. до н. э., когда устанавливался этот знак признания, о внешности Периандра уже ничего не было известно.

4. МЫСЛИ

- Обдумывай всё заранее.
- Упражнение — это всё.
- Что самое великое? — Здравый смысл.
- Что такое свобода? — Чистая совесть.
- Что причина всего? — Время.
- Народное правление лучше тирании.
- Будь готов умереть за отечество.
- Ничего не следует делать из-за денег.
- Что ты обещал, то исполняй.
- Выжидай благоприятного времени.
- Допустив ошибку, исправляй ее.
- Несчастья свои скрывай, чтобы не обрадовать врагов своих.
- На вопрос, почему он остается тираном, он ответил: «Потому что опасно и отречение, опасно и низложение».
- Прекрасен покой.
- Опасна опрометчивость.
- Мерзостна корысть.
- Наслаждение бренно — честь бессмертна.
- В счастье будь умерен, в несчастье разумен.
- К друзьям и в несчастье будь неизменен.
- Сговора держись.
- Тайн не выдавай.
- Наказывай не только за проступок, но и за намерение.
- Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а всеобщей любовью.

Питта́к

VII – VI вв. до н. э.

Питтак из Митилен*

• Древнегреческий мудрец

Родился: 651 г. до н. э.
Умер: ок. 569 г. до н. э.

Прожил ≈ 82 года

На вопрос, что лучше всего, *Питтак* ответил: «Хорошо делать, что делаешь».

■ **«То государство лучшее, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя не править».** *(Питтак)*

1. ЖИЗНЬ

• Один из «7-ми мудрецов».
• С 579 по 569 г. до н. э. был правителем Свиды.
• Имел жену знатнее себя, презиравшую его.
• Страдал плоскостопием, был полным, ходил распоясанный и грязный, был тщеславным.
• Современники отмечали в Питтаке не только мудрость, но и осанистое благородство. Он и почтить себя дал в манере, достойной истинного государственного мужа: когда ему предложили взять от завоеванной им для сограждан земли столько, сколько ему заблагорассудится, он взял лишь ту часть, которую отмерил брошенный им дротик.

2. СУДЬБА

► Однажды купец в присутствии Питтака стал спрашивать, как и где ему найти честного помощника.
— Не ищи, в вашем деле такого человека нет, — сказал Питтак.

► Утверждение Питтака «Трудно человеку быть хорошим»** озаботило все последующие века. Какое слово здесь ключевое? На *что?* мудрец делает смысловой акцент:

Трудно человеку быть хорошим?!
Трудно *человеку* быть хорошим?!
Трудно человеку *быть* хорошим?!
Трудно человеку быть *хорошим*?!

∇ ◐ Всего четыре слова, но такова уж мудрость — она и в одном слове совьет гнездо и из одной фразы разовьет мысль, глубиной в жизнь и длиной в столетья. ◑

* **Митилены** — главный город на острове Лесбосе.
** Эти слова Питтак произнёс в ответ на предложение единовластия.

/ Интересно, что сразу же нашлись и несогласные с Питтаком. Так, поэт Симонид Кеосский непримиримо возразил: «Неправду, Питтак, говоришь: не быть, а и стать-то человеком хорошим, чтобы и руки, и ноги, и ум были превосходны, чтобы весь он был без изъяна сработан, — поистине трудно». /

► Когда египетский царь прислал Питтаку жертвенное животное с просьбой отрезать лучший и худший куски, тот вырезал и отослал обратно я з ы к, орудие добра и орудие многих зол.

4. МЫСЛИ

- Желай всем нравиться.
- Корысть ненасытна.
- Тщательно учитывай время.
- Знай всему пору.
- Никого не брани.
- Что не ясно? — Будущее.
- Что верно? — Земля.
- Что неверно? — Море.
- Взятое в залог следует возвращать.
- Держись истины, верности, опытности, правдивости, дружбы.
- С неизбежностью и боги не спорят.
- Человека выказывает власть.
- Дело умных — предвидеть беду, пока она не пришла; дело храбрых — управляться с бедой, когда она пришла.
- Задумав дело, не говори о нем: не удастся — засмеют.
- Неудачей не кори — бойся себе того же.
- Доверенное возвращай.
- Не злословь ни о друге, ни даже о враге.
- В благочестии упражняйся.
- Умеренность люби.
- Храни правду, верность, опытность, ловкость, товарищество, усердие.
- Лучше простить, чем мстить.
- Как отыскать дельного человека? Если искать с пристрастием, то такого и не найти.
- У всякого своя напасть.
- Половина больше целого.

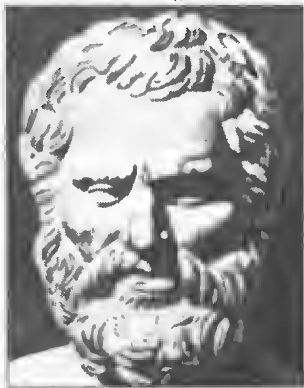
  / Имеется в виду, что умело и вовремя поделиться с другими — важнейшее человеческое правило и залог благоразумной жизни.* /
- Если ты хочешь быть желанным гостем, ходи к своим друзьям возможно реже.
- Человек, нарушивший свое слово, хуже того, кто не сознался в преступлении.
- Тиран, предпочитающий властвовать над рабами, а не над свободными людьми, — разве это не то же, что мужик, пожелавший вместе с ячменём и пшеницею свезти в амбар и саранчу, и жадных птиц?

---

* См. к примеру у Гесиода: «Половина больше целого — ибо делиться поровну выгодней, чем брать себе всё».

Биáнт

VII — VI вв. до н. э.

Биант из Приены

• Древнегреческий мудрец

Родился: 642 г. до н. э.
Умер: 577 г. до н. э.

Прожил — 65 лет

> **«Худших везде большинство».**
> *(Биант)*

■ **«Не силой бери, а убеждением».** *(Биант)*

■ **«Нет стране пользы от правителя, лишённого ума».** *(Биант)*

1. ЖИЗНЬ

• Один из «7-ми мудрецов».
• Сын Тевтама из Приены*.
• Биографический пик творческой активности Бианта — ок. 600 г. до н. э.
• Оригинальность мышления спорила у Бианта с быстротой реакции и находчивостью:

/ Когда на одном пиру некий болтун обвинил в глупости молчаливого Бианта, тот воскликнул: «Да разве глупец смог бы молчать за чашей вина?» /

2. СУДЬБА

► Когда родной город Бианта был осажден войсками полководца Кира, жители стали убегать, захватывая самое ценное свое имущество. Один лишь Биант ничего не взял с собой. На вопрос удивленных горожан, почему он так уходит, Биант ответил: «Всё свое я ношу с собой».

4. МЫСЛИ

- Лучше разбирать спор между своими врагами, чем между друзьями, — ибо заведомо после этого один из друзей станет твоим врагом, а один из врагов — твоим другом.
- Когда многие возьмутся за дело, не быть добру.
- Жизнь надо размеривать так, будто жить тебе осталось и мало, и много.
- Друзей надо любить так, будто они тебе ответят ненавистью, — ибо большинство людей злы.
- Не спеши браться за дело, а взявшись — будь тверд.
- Говори не торопясь: спешка — знак безумия.
- Люби разумение.

---

* **Приена** — малоазийский город, расположенный недалеко от Эфеса.

- О богах говори, что они есть.
- Недостойного за богатство не хвали.
- Что трудно? — Спокойно переносить перемену дел к худшему.
- Что человеку сладко? — Надежда.
- Каким делом человек наслаждается? — Получением прибыли.
- Кто наилучший советник? — Время.
- Несчастен тот, кто не переносит несчастья.
- Плавающий на судне не находится ни в числе живых, ни в числе мертвых.
- Что удается хорошего, то, считай, от богов.
- Из молодости в старость бери припасом мудрость, ибо нет достояния надежнее.

Аллегория Благоразумия. *Худ. Тициан. 1569 г. Холст, масло. Лондон. Национальная галерея.* /На картине представлен образ трехглавого человека, символизирующий Благоразумие, Время и Мудрость./

Солóн

VII – VI вв. до н. э.

Солон из Афин

- Древнегреческий философ; поэт; законодатель из Афин; один из «7-ми мудрецов»

Родился: ок. 638 г. до н. э.
Умер: ок. 558 г. до н. э.

Прожил ≈ 80 лет

> **«Никогда не слишком».**
> *(Солон)*

- **«Прежде чем приказывать, научись повиноваться».** *(Солон)*
- **«Стар становлюсь, но всегда многому всюду учусь...»** *(Солон)*

1. ЖИЗНЬ

- Родился в знатнейшем роду, но жил как многие граждане среднего достатка.
- В молодости Солон был купцом.
- Много путешествовал и однажды услышал от египетского жреца такое мнение: «Вы, греки, всегда остаётесь детьми, не обладая никаким знанием древности и никакой древностью знаний».
- В 594 г. до н. э. афиняне избрали Солона архонтом[2] и наделили его чрезвычайными полномочиями для устройства нового государственного порядка. О принятых тогда законах можно узнать из стихотворений самогó Солона.
- Солон проявил покорившую века мудрость, когда **определил законом** бесчестие тому из граждан, кто во время смуты не пристанет ни к той, ни к другой стороне.

/© Кто бы ни возражал против такого хода, но смысл его правильности хорошо передается таким образом: ведь во время шторма судёнышку покой точно не в море, а возле берега. И еще: уклоняясь от вмешательства в конфликт, серединностои́щие только разжигают его — подобно погоде нулевой температуры, не дающей никому понять, на что же надеяться или чего ждать, они лишают общество тенденции о п р е д е л е н н о с т и в развитии. Примыкание импульсирует весам интриги необратимый разбаланс, и, качнувшись, чаши через преобладание одной сами укажут на определившийся выбор. А это и есть с т а б и л ь н о с т ь.

Да, можно быть нейтральным, вроде стрелы в полете по отношению к обтекающим ее справа и слева, сверху и снизу потокам воздуха. Но следует иметь в виду, что это отстояние имеет наконечник прицела и остриё поражения.

Когда дует ветер, круша деревья и постройки, трава может быть беспечна и не вовлечена в стихию, если... если она или нарисована, или втоптана в землю.

Равнодушие и неприсоединение всегда или корыстно, или зависимо. Любой третий путь, когда противодействие решает вопрос: «вперед» или «назад»?, есть и отклонение, и ⓤклонение, т. е. зигзаг в сто́рону. ◑/

• Через 30 лет, когда Солон был уже стариком, в Афинах установилась тирания Писистрата. Тиран поставил себя выше закона, но отменить Солоновы порядки не решился. И после изгнания Писистратова семейства афиняне сохранили большинство Солоновых законов. Они почитали Солона как почитателя афинской демократии.

• После воцарения Писистрата Солон удалился на чужбину, не желая подчиняться тирану. Писистрат, бывший друг и родственник Солона, приветливо звал его домой, и великий мудрец в конце концов помирился с ним и даже издали давал ему мудрые советы, но жить остался на острове Кипр. Там проводил он последние свои годы среди веселых домашних пиров и ученых трудов.

2. СУДЬБА

► Как-то раз лидийский царь Крёз (правил с 560 по 546 г. до н. э.) пригласил Солона в свою столицу Сарды, находившуюся в Малой Азии. Здесь и произошло событие, о котором мировая история не умолкает вот уже 25 веков. А дело вот в чем.

В один из дней Крёз, воссевши на трон в пышном наряде из цветных одежд, драгоценных камней, золотых вещей художественной работы, спросил у Солона, видел ли тот что-нибудь прекраснее; на что Солон ответил: «Видел — и петухов, и фазанов, и павлинов: их убранство дано им природою и прекрасней в тысячу раз».

► Было и такое. Исполненный напыщенности, Крёз спросил Солона, знает ли он человека счастливее лидийского царя. Солон ответил, что знает: это его соотечественник Телл — человек высокой нравственности, воспитавший достойных детей и погибший со славой в сражении за отечество. Ответ Солона, который не мерил счастье обилием золота и серебра, показался Крёзу простым чудачеством, и он спросил, а кто же после Телла более счастлив, чем он. Тогда Солон назвал двух братьев — Клеобиса и Битона, двух могучих богатырей, которые так любили свою мать, что однажды, когда волы долго не приходили с пастбища, сами запряглись в повозку и под общее ликование афинян отвезли счастливую мать в храм Геры. «А меня ты совсем не ставишь в число счастливых людей!» — воскликнул рассерженный Крёз. «Царь лидийский! — отвечал Солон. — Нас, эллинов, боги наделили таким умом, который не позволяет предвидеть будущее, полное всяких неожиданностей. Счастливым же можно назвать лишь того, кто прожил жизнь до конца без

горя и невзгод. А называть счастливым человека, еще живущего, — это всё равно что провозглашать победителем и венчать венком атлета, еще не закончившего поединка». С этими словами Солон удалился, обидев, но не образумив Крёза.

Гостивший в это время в Сардах знаменитый баснописец Эзоп заметил Солону: «С царями, Солон, надо говорить или как можно меньше, или как можно слаще». «Нет, — возразил Солон, — или как можно меньше, или как можно лучше».

► Когда Солон оплакивал сына, кто-то ему сказал: «Ведь это бесполезно!» — «Оттого и плачу, что бесполезно», — ответил Солон.

► **Платон:**

«Солон — мудрейший из семи мудрецов, самый благородный поэт».

► **Плутарх** *(Из жизнеописания Солона)*:

Рассказ о том, что случилось после того, как Писистрат со своими дубинщиками захватил Акрополь[3].

«...Все были в страхе. Тогда Солон вернулся домой, взял оружие и встал, вооруженный, перед дверьми на улице. «Я по мере сил своих, — сказал он, — защищаю отечество и законы». Во всё последующее время он ничего не предпринимал, не слушал друзей, советовавших ему бежать, а писал стихи, в которых упрекал афинян:

Если страдаете вы из-за трусости вашей жестоко,
Не обращайте свой гнев против великих богов.
Сами возвысили этих людей вы, им дали поддержку,
И через это теперь терпите рабства позор.

В ответ на подобное бесстрашие многие предостерегали Солона, что тиран его погубит, и спрашивали, на что он рассчитывает, поступая с такой отчаянной смелостью. «На старость», — отвечал Солон».

3. УЧЕНИЕ

♦ На вопрос, как изжить преступления среди людей, он ответил: «Нужно, чтобы пострадавшим и не пострадавшим было одинаково тяжело».

♦ **Солон о своих законах:**

Власть даровал я народу в той мере, в какой он нуждался:
Чести его не лишил, но и не дал лишних прав.
Также о тех позаботился я, кто богатством и силой
Всех превзошел, — чтобы их не опозорил никто.
Встал я меж тех и других, простерев мощный щит мой над ними,
И запретил побеждать несправедливо других.

♦ **Солон о богатстве:**

Быть я богатым хочу, но нечестно владеть не желаю
Этим богатством: поздне́й час для расплаты придет.
Многие низкие люди богаты, а добрый беднеет;
Мы же не будем менять доблесть на денег мешок:
Ведь добродетель всегда у нас остается, а деньги
Этот сегодня имел, завтра получит другой.

4. МЫСЛИ

- Законы подобны паутине: слабого они запутывают, а сильный их прорвёт.
- В великих делах всем нравиться нельзя.
- Кто для многих страшен, тот должен многих бояться.
- От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения — наглость.
- Начальника, замеченного в пьянстве, надо наказывать смертью.
- Требуя ответа от других, и сам давай отчет.
- Советуй не то, что всего приятнее, а то, что всего лучше.
- Мера человеческой жизни 70 лет.
- Мне дороже всего жить под народовластием...
- Слово есть образ дела.
- Царь лишь тот, кто всех сильней.
- Молчание скрепляет речи, а своевременность — молчание.
- Со всеми людьми осторожен будь —
  Не таят ли злобу в сердце своем
  За светлым лицом,
  И из черной души
  Не двойной ли язык лукавит?

Остатки герм (отсутствуют головы на этих придорожных бюстах). На первой слева герме — изречение Клеобула, на средней — высказывание Солона, на третьей — жизненный девиз, услышанный греками из уст Питтака.

Эпименид

VII – VI вв. до н. э.

Эпименид с Крита

• Древнегреческий мудрец

Родился: ок. 630 г. до н. э.
Умер: 572 г. до н. э.

Прожил ≈ 58 лет

«Если кто лжёт и сам утверждает, что лжёт, то лжёт ли он в этом случае или говорит правду?»
(Эпименид)

■ **«Прорицателям известно уже только совершившееся».** *(Эпименид)*

1. ЖИЗНЬ

• Уроженец острова Крит.*
• Друг мудреца и законодателя из Афин Солона; помогал ему в составлении законов.
• О соотечественниках высказывался категорично и грубо — «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые», — чем породил проблему «парадокс лгущего критянина».
• В 596 г. до н. э. Эпименид спас город Афины от чумы.

2. СУДЬБА

► **Парадокс лгущего критянина** — один из наиболее известных логических парадоксов. В простейшем его варианте человек произносит одну фразу: «Я лгу». Или говорит: «Высказывание, которое я сейчас произношу, является ложным». Или: «Это высказывание ложно». Если высказывание ложно, то говорящий сказал правду и, значит, сказанное им не является ложью. Если же высказывание не является ложным, а говорящий утверждает, что оно ложно, то его высказывание ложно. Оказывается, таким образом, что, если говорящий лжет, он говорит правду, и наоборот.

Открытие парадокса лгущего критянина произвело громадное впечатление. Философ-стоик Хрисипп (ок. 280 – 205 гг. до н. э.) посвятил ему три книги. Некто Филет Косский, отчаявшись разрешить парадокс, покончил с собой. Предание говорит, что известный древнегреческий логик Диодор Кронос (375 – ок. 307 г. до н. э.) уже на склоне лет дал обет не принимать пищу до тех пор, пока не найдет решение парадокса лгущего критянина, и вскоре умер, ничего не добившись. В древности парадокс лгущего критянина рассматривался как хороший пример двусмысленного выражения.

---

* См. карту на с. 32.

V ◐ На мой взгляд, в науку об интеллекте следовало бы ввести понятие «пробуждающей формулировки». Это особенная словесная конструкция, удивительность которой в том, что она имеет свойство будить в людях аналогичные мыслительные почувствования, каковые были в том, кто дал ей жизнь.

Эпименидов парадокс — из таких. Он оказался живуч на творческий повтор и подтверждение в неожиданных сферах.

У американского писателя-фантаста Айзека Азимова (1920 – 1992) есть рассказ, где весь сюжет основан на логическом парадоксе, заложенном в структуру автомата. На некоей планете высаживаются космонавты и их помощники роботы. Планета находится недалеко от Солнца, и ее поверхность покрыта озерами из расплавленного металла. Судьба космонавтов зависит от того, добудет или нет робот из озера необходимый им металл. Это под силу лишь роботам. Но задание не может быть выполнено, ибо в конструкцию робота заложены, хотя и вполне разумно, но противоположные алгоритмы: а) неукоснительная исполнительность и б) всемерное самосохранение. Робот не может не выполнить приказ, но не может и выполнять его. Он идет к озеру, но не берет из него металл. Так он и остается возле озера, беспрерывно колеблясь между попыткой и страхом.

Айзек Азимов

Приобретениями, смущающими человеческий разум, стали парадоксы, сотворенные уже в наше время.

Парадокс «Мэр города». Каждый мэр города живет или в своем городе или вне его. Представим себе, что издается государственного уровня приказ о выделении одного специального города, где бы жили только те мэры, которые не живут в своем городе. Возникает проблема: где должен жить мэр этого нами созданного специального города? Если он хочет жить в своем городе, то он не может этого сделать, так как там живут только мэры, не живущие в своем городе; если же он не хочет жить в своем городе, то, как и все мэры, не живущие в своих городах, он должен жить в отведенном городе, то есть в своем. В итоге, как ни крути, он не может жить ни в своем городе, ни вне его.

Парадокс «Генерал и брадобрей». Известно: каждый солдат может или сам себя брить или бриться у другого солдата. Чтобы усилить единообразие и навести должный порядок, генерал издал приказ о выделении одного специального солдата-брадобрея, у которого брились бы только те солдаты, которые себя не бреют. Задайтесь вопросом: у кого должен бриться этот специально выделенный солдат-брадобрей?

Если он хочет сам себя брить, то он не может этого сделать, так как он может брить только тех солдат, которые себя не бреют; если же он не будет себя брить, то, как и все солдаты, не бреющие себя, он должен бриться только у одного специального солдата-брадобрея, то есть у себя. Итак, он не может ни брить себя, ни не брить себя.

Действительно, ситуация не из простых...

В начале лета 1902 г. английский философ Бертран Рассел (1872 – 1970) в письме своему другу Готтлобу Фреге показал, что тоже заразился критским вирусом. И как следствие — еще один парадокс: **«О каталоге всех нормальных каталогов».**

Бертран Рассел

Получается он так. Каталоги подразделяются на два рода: 1) такие, которые в числе перечисленных каталогов не упоминают себя (*нормальные*) и 2) такие, которые сами входят в число перечисляемых каталогов (*не нормальные*).

Библиотекарю дается задание составить каталог всех нормальных и только нормальных каталогов. Вопрос: должен ли он при составлении такого каталога упомянуть и этот, составленный им?

Если он упомянет его, то составленный им каталог окажется «не нормальным», то есть он не имеет права упоминать его. Если же библиотекарь не упомянет его, то один из нормальных каталогов — тот, который он составил, — окажется не упомянутым, хотя библиотекарь должен был упомянуть все нормальные каталоги. Итак, он не может ни упомянуть, ни не упомянуть составляемый им каталог.

Еще в студенческие свои годы, в стенах дорогого мне Московского университета, что на Воробьевых горах, мне тоже не удалось избежать соблазна быть плененным творением Эпименида. Мой пример проще предыдущих, но ничуть не хуже: некая собака получила инструкцию переставать вилять хвостом, если она видит перед собой виляющую хвостом собаку. И наоборот. Как быть этой собаке, если она вдруг увидит себя в зеркале?

В парадоксе «Лжец», конечно же, кроется тайна. Она имманентна нам, и истоки ее в той же глубинной противоречивости, коей пронизана любая жизнь: жить — значит умирать.

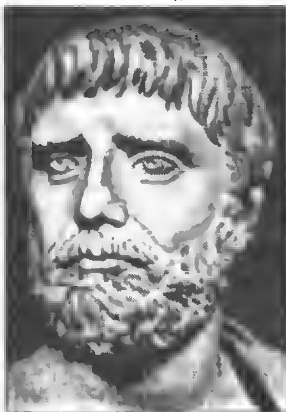
Любое явление, если его брать в целостности и инверсно по отношению к нему же, будет давать «сбой» в определителях своей сущности.

Противоречие есть показатель того, что исследование вышло к границе знания и понимания, и мысль, не будучи еще в состоянии шагнуть дальше, начинает околограничную вибрацию, подобно наведению прицела перед точным выстрелом.

Философы — люди зоркого ума. Их изощренная аналитика удивительна и прекрасна в своей неожиданности и глубине. Хотите убедиться — вернитесь к Эпимениду. ❍

Фалес из Милета[4]

VII — VI вв. до н. э.

- Древнегреческий философ; один из «7-ми мудрецов»

Родился: 625 г. до н. э.
Умер: 547 г. до н. э.

Прожил — 78 лет

> **«Поручись — и пострадаешь».**
> *(Фалес)*

■ **«Я благодарен судьбе за три вещи: во-первых, за то, что родился человеком, а не зверем; во-вторых, за то, что мужчиной, а не женщиной; в-третьих, что эллином, а не варваром».** *(Фалес)*

1. ЖИЗНЬ

- Коренной милетец.
- Среди «7-ми мудрецов» считался первым:

/ Рассказывают, что однажды греки решили подарить мудрейшему из людей золотой треножник. По велению оракула подарок поднесли Фалесу, но он из скромности уступил его другому достойному человеку, тот — третьему, и так треножник обошел по кругу семерых, вернувшись в конце концов снова к Фалесу. /

- Он первым стал рассуждать о природе.
- Фалес первый понял, что затмения Солнца происходят вследствие покрытия его Луной; первым доказал, что диаметр делит круг пополам; первым сформулировал, что во всяком равнобедренном треугольнике углы при основании равны.
- Он первым занялся астрономией и мог предсказывать солнечные затмения и солнцевороты (предсказал солнечное затмение 28 мая 585 г. до н. э.).
- Он измерил высоту египетских пирамид по их тени.
- Жил в одиночестве и сторонился государственных дел.
- **Сочинения Фалеса:**

«О солнцевороте»;

«О равноденствии»:

/ В Древней Греции книгой называлась часть произведения, которая трактовала какой-либо более или менее законченный вопрос и помещалась на отдельном папирусном свитке. /

- Как-то, выведав по небесным приметам, что будет богатый урожай олинок, Фалес, заняв деньги, скупил заранее все маслодавильни Милета и после сбора плодов заработал большую прибыль.

2. СУДЬБА

► Предание сохранило для нас любопытные факты, касающиеся Фалеса, в частности случай с его мулом:

Проходя через реку и будучи нагружен солью, мул случайно споткнулся, вследствие чего навьюченные на него мешки промокли насквозь. Заметив, что, благодаря растворившейся соли, поклажа его стала значительно легче, он с тех пор, как только на пути его попадался ручей, тотчас же погружался в него со своей ношей; он проделывал это до тех пор, пока Фалес не обнаружил его хитрость и не приказал нагрузить хитроумца шерстью. Потерпев неудачу, мул перестал прибегать к своей хитрости.

► Рассказывают, что старуха-служанка вывела его как-то из дому созерцать звезды, а он упал в яму, и в ответ на его громкие стенания старуха сказала: «Эх ты, Фалес! Не в силах увидеть того, что под ногами, думаешь познать то, что на небе?»

► «Чем отличается жизнь от смерти?» — спросили Фалеса. — «Ничем». — «Почему же ты тогда не умираешь?» — «Потому, — ответил он, — что нет никакой разницы».

► **Цицерон свидетельствует:**

«Философия началась с Фалеса, он был первым».

► Фалес исследовательским путем установил факт равенства «видимых» угловых размеров Солнца и Луны, определив, что величины этих небесных тел составляют $^1/_{720}$ часть их кругового пути.

Некий Мандраит из Приены, которому Фалес поведал о своем открытии, пришел в такой восторг от неожиданной истины, что предложил за нее философу любое вознаграждение. «Для меня будет достаточным вознаграждением, если, пожелав сообщить кому бы то ни было, чему ты у меня научился, ты не станешь приписывать это открытие себе, но заявишь во всеуслышание, что оно сделано мною и никем иным», — таков был ответ философа.

► Иногда контексты упоминания Фалеса и его учения более чем необычны:

«Сережа! Я прочел в папашином труде,
Что плавает земля в воде,
Как клёцка в миске супа...
Так в древности учил мудрец Фалес Милетский...»
«И глупо! —
Уверенно в ответ раздался голос детский. —
Ученостью своей, Павлуша, не диви.
Не смыслит твой Фалес, как видно, ни бельмеса.
Мой дядя говорил — а он умней Фалеса, —
Что плавает земля... семь тысяч лет в крови!»

(**Саша Черный.** *В детской.* 1908 г.)

► Голландский естествоиспытатель Ян Батист Ван-Гельмонт (1577 — 1644) в одном из своих исследований, по-видимому, рассуждает так же, как и Фалес.

«Где источник жизни растений?» — задумался Ван-Гельмонт.

Для ответа на этот фундаментальный для науки вопрос он поставил гениальный по простоте и глубочайший по своей сути опыт.

80 кг предварительно высушенной земли он высыпал в глиняный горшок. В этот же горшок был высажен саженец ивы, который весил 2 кг.

Шли годы. В течение этих долгих лет ничего, кроме дождевой воды, в горшок не поступало. А ива росла и росла. По истечении 5 лет ивовый саженец превратился в деревце. Опыт был закончен. Глиняный горшок разбили, землю, которая была в нем, высушили и взвесили. За 5 лет ее убыло всего лишь 60 граммов. Взвесили ивовое деревце. Его вес оказался равным 68 кг. Так как в горшок, кроме воды, ничего не поступало и ива росла и росла, то почтенный доктор сделал вывод: деревья с их листьями, корой и корнями растут из одной только воды.

Вода — источник питания и жизни растений. С легкой руки доктора Ван-Гельмонта этот ответ об источниках роста растений вошел в науку.

Более чем через три века, в наше время, ученые доказали, что источники жизни в зеленом мире: вода, углекислый газ и энергия солнечных лучей.

3. УЧЕНИЕ

♦ Бог древнее всего, ибо он не сотворен.

♦ Начало всего есть вода:

/ «Из первых философов большинство полагало в виде материи единое начало всего: то, из чего всё сущее состоит, из чего как первого оно рождается и в чем как последнем оно гибнет; то, сущность чего сохраняется, а состояния изменяются; говорят, что оно и есть основа и начало сущего и что поэтому ничто не рождается и не уничтожается, так как такая природа сохраняется вечно...» *(Аристотель)* /

♦ Земля плавает на воде.

♦ Земля остается неподвижной потому, что плавает, как дерево или какая-нибудь другая подобная вещь.

♦ Всё полно богов.

♦ Всё из воды: во-первых, начало всех животных — сперма, а она влажная; во-вторых, все растения влагой питаются и от влаги плодоносят, а лишенные ее засыхают; в-третьих, и сам огонь Солнца и звезд питается влажными испарениями, равно как и сам космос.

♦ Океан всем прародитель.

♦ Бог — то, у чего нет ни начала, ни конца. Бог — это ум космоса, а Вселенная одушевлена и одновременно полна божеств.

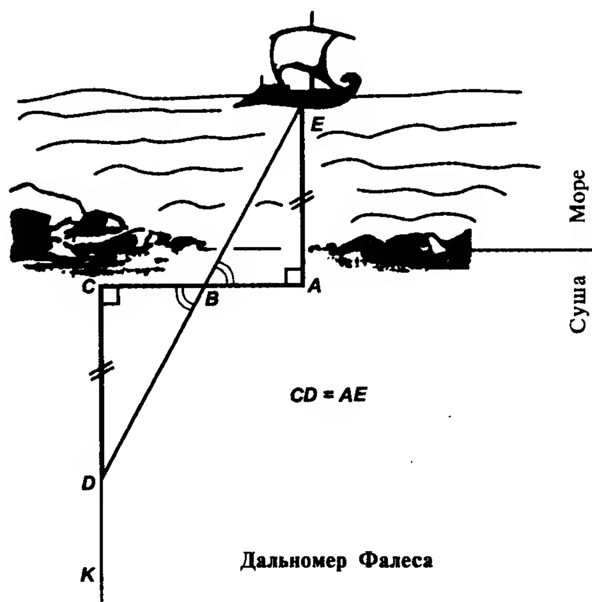
♦ Душа присуща даже неодушевленным телам, и для подтверждения того, что это так, достаточно сослаться на магнит и янтарь.

4. МЫСЛИ

- Что больше всего? — Величайшее пространство, которое вмещает всё.
- Что прекраснее всего? — Мир (космос), ибо он творение Бога.
- Что быстрее всего? — Быстрее всего ум, он обегает всё.
- Что всего мудрее? — Время, ибо оно одно открывает всё.
- Что самое общее для всех? — Надежда, ибо если у кого и ничего нет, то она есть.

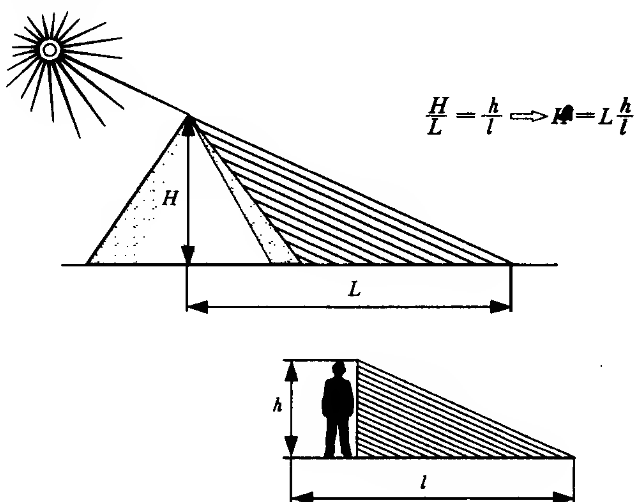
- Что сильнее всего? — Необходимость, ибо она властвует над всем.
- Что трудно? — Познать самого себя.
- Что легко? — Давать советы другим.
- Кто счастлив? — Тот, кто здоров телом, одарен спокойствием духа и развивает свои дарования.
- Как легче всего переносить несчастья? — Если видеть врагов своих в еще худшем положении.
- Невежество — тяжкое бремя.
- Поучай и учись лучшему.
- Те, кто совершают грех, не могут спрятаться от Божьего ока и даже не могут утаить от него свои мысли.

Фалесу принадлежит доказательство положения о равенстве двух треугольников по одной стороне и двум прилежащим углам. Этому открытию мудрец нашел важное практическое применение: в гавани Милета был построен дальномер, определяющий расстояние до корабля в море.

Дальномер Фалеса

Прибор представлял собой три вбитых колышка *A, B, C* (*AB* = *BC*) и размеченную прямую $CK \perp CA$. При появлении корабля на прямой *CK* находили точку *D*, такую, чтобы точки *D, B, E* оказывались на одной прямой. Как ясно из рисунка, расстояние на земле *CD* и является искомым расстоянием до корабля *AE* по воде.

Любопытно, что Фалес определял высоту египетских пирамид по их тени не только простейшим способом, «дождавшись часа, когда наша тень одной длины с нами» (тогда и длина тени пирамиды равна ее высоте), но и через установление пропорциональных отношений между тремя поддающимися измерению величинами и искомым параметром. В последнем случае высоту пирамиды можно измерить в любое время дня.

- **Небезупречно утверждение, что «время всего старше». Ведь «время» есть и прошедшее, и настоящее, и будущее; и то время, которое для нас будущее, несомненно моложе нынешних людей и предметов.**
- **Вот люди восхищаются формулой: «Что всего разумней? Истина». Однако я бы здесь возразил. Порассуждаем: не отличать «истину» от «разума» — не всё ли равно, что не отличать «свет» от «глаза»? А коли «свет» почитается прекрасным (и по справедливости надо признать, что это так и есть), то как можно уйти от того, чтобы от «света» не перейти к «солнцу». Значит, «истина» не предел возвышения ума.**
- **Не наружность надо украшать, но быть красивым в духовных начинаниях.**

Анаксима́ндр

VII – VI вв. до н. э.

Анаксимандр

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 610 г. до н. э.
Умер: ок. 547 г. до н. э.

Прожил ≈ 63 года

> **«Началом всего является беспредельное время».** *(Анаксимандр)*

■ **«И невинновным есть в чем раскаяться».** *(Анаксимандр)*

1. ЖИЗНЬ

• Был родом из Милета.
• Родственник Фалеса и ученик его.
• Первым стал употреблять термин «архэ» (*греч.* ἡ ἀρχή) — в философском смысле «первоначало».
• Ввел термин «закон» — путем перенесения юридического понятия (то есть из общественной практики) на природу.
• В дошедших до нас его фрагментах нет терминов «причина», «необходимость», «случайность».
• Первый в Элладе начертил географическую карту мира, изготовил глобус, изобрел элементарные астрономические инструменты.
• Анаксимандр ввел в употребление солнечные часы, представлявшие собой вертикальный стержень (гномон), от которого падала тень на некое подобие циферблата, нарисованного на полу. Такие часы Анаксимандр установил, согласно источникам, в Спарте — городе, с которым у него имелись какие-то связи.
• В древних источниках есть сведения о том, что Анаксимандр однажды предупредил спартанцев о предстоящем землетрясении и убедил их провести ночь на открытом воздухе, что спасло жизнь многим из них.
• Жители Милета в память заслуг Анаксимандра поставили ему во II в. до н. э. статую в здании народных собраний.
• В настоящее время многие исследователи сходятся во мнении о вероятности иранского влияния на Анаксимандра.
• **Сочинения Анаксимандра:**

«О природе» («Περὶ φύσεωζ»):

/ Этот труд считается первым научно-философским сочинением, написанным прозой. От этой книги до нас дошла всего лишь одна фраза, цитируемая философами Симплицием («Физика») и

Теофрастом («Мнения физиков»), и одна подлинная цитата о космогонии. /;

«О неподвижных звездах».

2. СУДЬБА ► Он сказал нечто, может быть, самое главное:

♦ **Начало — это то, что лежит в основании.** ♦,

и им обычная человеческая практика и обиходный разговорный язык (*греч.* слово: беспредельный, неограниченный, неопределённый — апейрон), стал подразумевать существеннейший из определителей того мира, в котором мы живём и о котором хотели бы знать всё — целиком, полностью, исчерпывающе и неопровержимо.

3. УЧЕНИЕ ♦ Началом (ἀρχή) всего является беспредельное (τὸ ἄπειρον)...

/ Относительно термина «апейрон» **А. В. Лебедев** (см.: журнал «Вестник древней истории», 1978, № 1 – 2) показывает, что он — важнейший термин Аристотеля — ни разу не встречается «как понятие» во фрагментах раннегреческих философов. И это не случайно. Для них, включая и Анаксимандра, слово ἄπειρον было всегда ***прилагательным***, то есть атрибутом какого-то другого существительного. Субстантивация этого прилагательного произошла лишь в эпоху Платона. Поэтому «беспредельное» (апейрон) никак не могло быть у Анаксимандра обозначением того «начала» (архэ), из которого произошел мир.

В результате анализа исторических свидетельств Лебедев доказывает, что бесспорно аутентичными эпитетами Анаксимандрового ἀρχή являются прилагательные ἀΐδιος (вечный) и ἀνήρως (нестареющий). Исследователь обращает наше внимание на источники, где в передаче комментаторов говорится, что, согласно Анаксимандру, ***время*** определяет рождение, существование и гибель миров. /

♦ Беспредельное, оно же Божественное, всем управляет (πάντα χυβερνᾶν).

♦ Из тех же вещей, из которых рождаются все сущие вещи, в эти же самые вещи они разрушаются по неизбежности.

♦ Кроме повода и причины аозникновения и уничтожения вещей, у последних есть еще и то, что их обязательно и необходимо к этому принуждает, — причина причин.

♦ Из вечного начала при происхождении этого космоса отделяется зародыш тепла и холода, и образующаяся из него огненная сфера окружает воздух, объемлющий землю, подобно тому, как кора облекает дерево.

♦ Рождение и гибель миров происходят согласно порядку времени.

♦ Земля пребывает неподвижной вследствие одинаковости или симметрии (διὰ τὴν ὁμοιότητα). А именно тому, что помещено посередине и имеет одинаковое расположение по отношению к крайним точкам, нет никаких оснований двигаться больше вверх, чем вниз или чем в стороны.

♦ *Космогония* (*греч.* kosmogonia — происхождение мира) *Анаксимандра:*

Первоначально вся Земля была покрыта водой, за которой шла мощная воздушная оболочка. Периферию космоса составляет сравнительно тонкая, но горячая огненная сфера; по ходу времени от этой сферы от-

делились несколько колец, подобных громадным колесам, вращающимся вокруг Земли. Каждое из колес окружено воздушной трубчатой оболочкой. Трубки эти непрозрачны (ибо воздух, из которого они состоят, холоден и тёмен), но в них имеются отверстия; просвечивающая через эти отверстия огненная материя видится нам как Солнце, Луна, звезды. Сечение отверстия, образующего Солнце, сравнимо по величине с размером Земли. Небесные кольца обладают различными диаметрами: максимальный — у «солнечного» кольца (он равен 27-ми диаметрам Земли), затем идет диаметр «лунного» кольца (в нем Земля могла бы уложиться 18 раз); «звездное» кольцо имеет наименьший диаметр (что-то около девяти диаметров Земли). Под действием жара Солнца происходит постепенное испарение земной влаги: ее остатки в углублениях земной поверхности — нынешние моря. Когда-нибудь и последние высохнут, и вся поверхность Земли станет сушей.

Первые животные образовались во влажном морском иле и были покрыты твердым иглистым панцирем (или чешуей). Позднее они вышли на сушу, спасающая их оболочка лопнула, и они стали обычными наземными животными.

Первые люди зародились в рыбах и были ими вскормлены и выношены. По достижении такого состояния, когда они могли жить самостоятельно, люди были изрыгнуты рыбами и поселились на суше.

4. МЫСЛИ

- Нет ничего приятнее, чем совершать хорошие дела.
- Презренно трусливое молчание, когда должно звучать слово осуждения.
- Если человек причинил тебе небольшой ущерб, не плати ему большим злом.
- Заботиться о совершенстве своих добродетелей важнее, чем думать о красоте своей внешности.

Солнечные часы. *Современное фото*

Анаксимен из Милета

VII – VI вв. до н. э.

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 605 г. до н. э.
Умер: ок. 525 г. до н. э.

Прожил ≈ 80 лет

> **«Начало всех сущих вещей — воздух».**
> *(Анаксимен)*

■ **«Боги любят мудрость. Люди, посвятившие себя ей, — любимцы богов».** *(Анаксимен)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из Милета, сын Эвристрата.
• Был близким другом Анаксимандра.
• Основной прием его научной аргументации — метод аналогий.

3. УЧЕНИЕ

♦ Дыхание и воздух объемлют весь космос. Из них всё возникает, и в них всё разрешается.
♦ Воздух — начало души, богов и божеств — прозрачная, невидимая субстанция.
♦ Воздух — это и начало (ἀρχή) и элемент (στοιχεῖον), из которого образованы все вещи.
♦ Воздух порождает все вещи, или своих «потомков», путем сгущения и разрежения. И хорошо работающий пример-образ здесь — процесс валяния.
♦ Воздух однороден, недоступен чувствам и беспределен (τὸ ἄπειρον). Воздух не производил бы превращений, если бы не двигался, и обнаруживается только потому, что может быть холодным, теплым, влажным и упругим.
♦ При разрежении воздух становится теплым, и из него получается огонь, а при сгущении — холодным, и из него получаются воды и камни. То, что это так, показывает ежедневное наблюдение: человек выпускает из своего рта только воздух, и тем не менее — и тепло, и холод: сдавленный губами воздух охлаждает дыхание, а открытый рот утепляет «начало» и разрежает его.

/ Это наблюдение, разумеется, ошибочно, что было отмечено уже Аристотелем. Однако оно соответствовало духу доктрины Анаксимена: ведь при предельном разрежении воздух становится горячим огнем; в то же время одной из наиболее плотных его модификаций является лед. Если бы Анаксимен обнаружил, что при замерзании

вода расширяется, а при быстром расширении воздух охлаждается, он был бы весьма озадачен. (См.: **Рожанский И. Д.** *Развитие естествознания в эпоху античности.* М., 1979 г.) /

♦ Небесные светила, в круговороте вокруг Земли, проходят не под Землей, а вращаются вокруг нее, подобно поворотам шапочки вокруг нашей головы, и если не видно этого, то из-за того только, что скрываются они возвышенными частями земной тверди.

♦ Неподвижные звезды — это вроде как огненные гвозди, воткнутые в хрустальный [или ледяной?: *по-греч.*: χρυσταλλοειδής] небесный свод.

♦ Гуляя в тенистой роще, Анаксимен беседовал со своим учеником. «Скажи мне, — спросил юноша, — почему тебя часто одолевают сомнения? Ты прожил долгую жизнь, умудрен опытом и учился у великих эллинов. Как же так, что и для тебя осталось столь много неясных вопросов?»

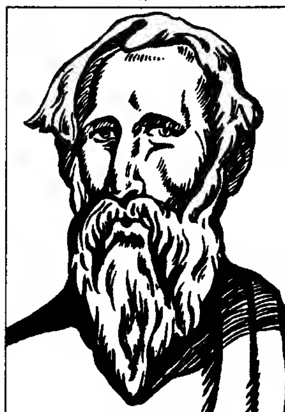
В раздумье философ очертил посохом перед собой два круга: маленький и большой. «Твои знания — это маленький круг, а мои — большой. Но всё, что осталось вне этих кругов, — неизвестность. Маленький круг мало соприкасается с неизвестностью. Чем шире круг твоих знаний, тем больше его граница с неизвестностью. И впредь, чем больше ты станешь узнавать нового, тем больше будет возникать у тебя неясных вопросов».

Хило́н

Хилон Спартанский

VI в. до н. э.

- Древнегреческий мудрец, государственный деятель

Родился: 596 г. до н. э.
Умер: 528 г. до н. э.

Прожил — 68 лет

> **«Обуздывай гнев».**
> *(Хилон)*

■ **«Что бывает трудно?» — спросили у *Хилона*. — «Умолчать о тайне; не злоупотреблять досугом; терпеть обиду», — ответил он.**

■ **На вопрос, что отличает людей с воспитанием от людей без воспитания, *Хилон* ответил: «Подаваемые надежды».**

1. ЖИЗНЬ

- Один из «7-ми мудрецов».
- Сын Дамагета из Спарты[5].
- В 560 – 557 гг. до н. э. был эфором*.

2. СУДЬБА

► Себе в заслугу Хилон ставил умение выносить несправедливости.

► Говорят, в старости Хилон признался, что не знает за собой ни единого противозаконного поступка за всю жизнь, а сомневается только в одном: когда судили его друга, он осудил его по закону, но товарища своего Хилон уговорил друга оправдать; так он услужил и закону и дружбе.

3. УЧЕНИЕ

♦ Познай самого себя, и ты познаешь богов и Вселенную.

♦ Не тот умён, кто подчиняется закону, а тот, кто по собственной воле выполняет все его требования.

4. МЫСЛИ

- Чужой беде не смейся. Не грозись: это дело бабье.
- Сдерживай язык, особенно в застолье. Не злословь о ближнем, чтобы не услышать такого, чему сам не порадуешься.
- К друзьям спеши проворнее в несчастье, чем в счастье.
- Брак справляй без пышности.
- Мертвых не хули. Старость чти. Береги себя сам.
- Кто силен, тот будь и добр, чтобы тебя уважали, а не боялись.

---

* **Эфо́ры** (*греч.* ephoros, ед. ч.) — в Спарте (Древняя Греция) пять ежегодно избиравшихся народным собранием лиц, обязанностью которых было главным образом наблюдение за деятельностью должностных лиц.

- Лучше потеря, чем дурная прибыль: от одной гóре на раз, от другой навсегда.
- Хорошо начальствовать учись на своем доме.
- Языком не упреждай мысль.
- Дорожи временем.
- Гадательству не перечь.
- На непосильное не посягай.
- Не спеши в пути.
- Когда говоришь, руками не размахивай — это знак безумства.
- Законам покорствуй.
- Покоем пользуйся.
- Лучше то государство, где больше слушают законы, меньше — ораторов.

Карта античного мира

Лао-цзы

VI – V вв. до н. э.

• Древнекитайский философ

Родился: 579 г. до н. э.
Умер: 499 г. до н. э.

Прожил — 80 лет

> **«Истинные слова кажутся парадоксальными, но никакое другое учение не может заменить их».**
> *(Лао-цзы)*

■ **«Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других».**
(Лао-цзы)

■ **«Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждвет и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое».**
(Лао-цзы)

1. ЖИЗНЬ

• Житель царства Чу.
• Подлинное имя Ли Эр.
• Лао-цзы означает «учитель Лао». В свою очередь, *Лао* — это прозвище и означает оно «Старец».
• Служил якобы архивариусом при чжоуском дворе и встречался с Конфуцием.
• Видя упадок своего чжоуского царства, архивариус Ли Эр (Лао-цзы) решил уйти — не в «отставку», а совсем, то есть отказаться от общественной жизни. И отправился он на запад. На пограничной заставе его встретил ее начальник и попросил оставить хоть что-нибудь для своей страны. И Ли Эр дал ему рукопись в 5000 знаков — ту самую поэму, которая вошла в историю под названием «Даодэцзин». Дал — и ушел. И конец его не известен.
• **Сочинения Лао-цзы:**
«Дао-дэ-цзин» (иное написание: *«Даодэцзин»*) — *«Путь добродетели, или Книга о силе и действии»:*
/ Это небольшой трактат в двух частях, излагающий суть учения о *дао*. /

Иероглиф *«дао»* состоит из двух частей: «шоу» — голова и «цзоу» — идти, поэтому основное значение этого иероглифа — дорога, по которой ходят люди, но теперь этот иероглиф приобрел переносный смысл и стал означать закономерность, закон.

◄ **Иероглиф *«дао»* — Путь мироздания**

2. СУДЬБА

► Бо Цзюй-и (772 – 846 гг.) в стихотворении «Читая Лао-цзы» пишет о 56-й главе трактата «Даодэцзин», насчитывающем 5000 иероглифов, глубокомысленно, красиво и свежо:

«Кто говорит — ничего не знает,
Знающий — тот молчит».
Эти слова, известные людям,
Лао принадлежат.
Но если так, и почтенный Лао
Именно тот, кто знал, —
Как получилось, что он оставил
Книгу в пять тысяч слов?

► Лао-цзы прозывался «**Старец**». Почему «Старец»? Потому, что мать носила его в чреве 81 год и, когда произвела на свет, новорожденный был сед. Почему фамилия его **Ли**? Потому, что мать родила его под деревом *ли* (сливой). Почему имя **Эр** — «ухо»? Потому, что у него были непомерно длинные уши.

3. УЧЕНИЕ

♦ *Дао* рождает вещи, *дэ* вскармливает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим *дэ*.

♦ *Дао* рождает одно, одно рождает два, два рождают три, а три — все существа. Все существа носят в себе «инь» и «ян», наполнены «ци» и образуют гармонию.

♦ *Дао* пусто, но, действуя, оно кажется неисчерпаемым. О, глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей. Если притупить его проницательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чье оно порождение. Оно предшествует предку явлений.

♦ *Дао* — корень неба и земли, *дао* — мать всех вещей, *дао* лежит в основе мира.

♦ *Дао* не имеет вида, не издает звуков, не обладает формой, смотришь на него, но не видишь, слушаешь его, но не слышишь, ловишь его, но не можешь поймать.

♦ Тридцать спиц соединяются в одной ступице колеса, и, поскольку в оси ступицы есть пустота, появляется возможность использовать колесницу. Из глины делают сосуды, и, поскольку сосуды внутри пусты, появляется

возможность использовать их. Двери и окна выдалбливают, чтобы построить дом, и, поскольку дом внутри пуст, появляется возможность использовать его. Поэтому наличие предметов приносит пользу, а имеющаяся в них пустота делает их годными к употреблению. *Дао* — это «пустота».

♦ Естественное *дао* напоминает натягивание лука. Когда понижается его верхняя часть, поднимается нижняя. Оно отнимает лишнее и отдает отнятое тому, кто в нем нуждается. Естественное *дао* отнимает у богатых и отдает бедным то, что у них отнято. Человеческое же *дао* — наоборот.

♦ *Дао* постоянно пребывает в недеянии, но нет ничего, чего бы оно не делало.

♦ Не выходя со двора, мудрец познаёт мир. Не выглядывая из окна, он видит естественное *дао*. Чем дальше он идет, тем меньше познаёт. Поэтому мудрый человек не ходит, но познаёт. Не видя вещей, он называет их. Он, не действуя, творит. Когда все люди узнают, что красивое является красивым, появляется и безобразное.

♦ Когда все узнают, что добро является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно оформляются, высокое и низкое друг к другу склоняются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому мудрый человек предпочитает недеяние и осуществляет учение безмолвно.

♦ То, что сжимают, — расширяется. То, что ослабляют, — укрепляется. То, что уничтожают, — расцветает. Кто хочет отнять что-нибудь у другого, непременно потеряет свое.

♦ Бытие и небытие порождают друг друга.

♦ Разве пространство между небом и землей не похоже на кузнечный мех? Будучи пустым внутри, он никогда не истощается, и чем больше движется, тем больше из него выходит ветер.

♦ Высшее добро подобно воде. Добро, которое оказывает вода, приносит пользу всем существам, и она не борется с ними. Вода находится в тех местах, которыми гнушаются люди, поэтому она похожа на *дао*.

4. МЫСЛИ

- Человек легко умирает от того, что у него слишком сильно́ стремление к жизни.
- Под небом всё лишь временно бывает.
- Стремясь к малому — приобретаешь, стремясь ко многому — впадаешь в заблуждение.
- Имеющий сильные войска уничтожается.
- Крепкое и сильное — слуги смерти.
- О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем притаилось несчастье.
- Великие дела в Поднебесной обязательно начинаются с мелочи.
- Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное. В Поднебесной нет ничего мягче и слабее воды, но она нападает на крепкое и сильное, и никто не может победить ее.
- Кто знает меру, у того не будет неудачи.
- По себе можно познать других.

- Тот, кто знает, не говорит; тот, кто говорит, не знает.
- На ненависть нужно отвечать добром.
- Кто много обещает, тот не заслуживает доверия.
- Кто действует — потерпит неудачу. Кто чем-либо владеет — потеряет. Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи.
- Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника.
- Когда меня мало знают, тогда я дорог. Поэтому совершенномудрый подобен тому, кто одевается в грубые ткани, а при себе держит яшму.
- Верные слова не изящны.
- Если хочешь, чтобы люди шли за тобой, иди за ними.
- Правдивые слова похожи на свою противоположность.
- Мудрый человек, зная себя, себя не выставляет.
- Усилия мудрого человека направлены к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь вещи.
- Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти.
- Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тем самым ценит свою жизнь.
- Безграничная добродетельность похожа на ее недостаток; распространение добродетели похоже на ее расхищение.
- Будьте внимательны к своим мыслям — они начало поступков.
- Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает.
- Великая прямота похожа на кривизну, великое остроумие похоже на глупость.
- Если надеяться на легкое, то непременно будет много трудностей.
- Смотри на дело как на трудное, и оно в итоге не будет трудным.
- Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.
- Когда глупец впервые слышит о *дао*, он не в силах сдержать смех.

> Способ, посредством которого даосы рекомендовали переходить из земного существования в жизнь духов, был очень простым: человек должен оставить своих близких, уединиться в горы и там вести аскетический образ жизни. Китайский иероглиф *сянь* — «святой» — состоит из двух элементов: «человек» и «гора», т. е. человек идёт в горы. Живя в горах, отшельники воздерживались от обильной пищи и предавались мистическому созерцанию. Они оставляли все земные помыслы, становились недоступными внешним влияниям.

Пифаго́р

Пифагор с Самоса
/Πυϑαγόρας/

• Древнегреческий философ

Родился: 576 г. до н. э.
Умер: 496 г. до н. э.

Прожил — 80 лет

«Числу же всё подобно». *(Пифагор)*

■ **«Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом».** *(Пифагор)*

■ **«Кубок жизни был бы сладок до приторности, если бы не падало в него горьких слёз».** *(Пифагор)*

VI – V вв. до н. э.

1. ЖИЗНЬ

• Родом был из города Регия (Южная Италия)*.
• Был сыном Мнесарха. Однажды Мнесарх приплыл в неурожайный год на остров Самос по своим торговым делам. Там, на острове, и родился его сын Пифагор, которого отец часто брал с собой в деловые поездки. Благодаря им у мальчика развилась любознательность и желание познавать новое.
• Пифагор — это не имя, а прозвище за то, что он высказывал истину так же постоянно, как дельфийский оракул**:

/ Пифагор — значит «убеждающий речью». Этимология связывает это наречение с культом Аполлона Пифийского. /

• Был учеником Анаксимандра и Ферекида:

/ Ферекид Сиросский, поэт и философ, был слушателем мудреца Питтака. Собственная его эпитафия гласила: «Полная мудрость во мне; а если есть пущая мудрость, то в Пифагоре моем же она, который в Элладе — первый из всех, кто ни есть; таково нелживое слово». /

• Имел красивую внешность, носил длинную бороду, а на голове — золотую диадему.
• Во время долгого (почти 22 года) пребывания в Египте учился у жреца Ониуфиса из Гелиополя.
• Неизгладимое впечатление на Пифагора произвела религия загадочного пророка Зороастры:

/ Зороастризм возник около 3500 лет тому назад и восходит к пророку

---

* См. карту на с. 32. Это была территория италийских колоний Греции.

** **Дельфийский оракул** — главное прорицалище в Греции при храме Аполлона в Дельфах; предсказания давалв пророчица «пифия», одурманенная выходящими из земли парами, а толковали их храмовые жрецы.

Зороастру, проведшему многие годы в скитаниях, стремясь познать истину. Истина ему открылась в виде представления о единственном Боге, вечно существующем творце всего благого. Акт творения сопровождается рождением двух первичных сущностей — добра и зла, которые являют собой основные противоположности бытия.

Согласно Зороастру, смерть вынуждает души людей покидать материальный мир и возвращаться на некоторое время в несовершенное нематериальное состояние, поскольку каждая душа судима за то, что совершила в течение жизни. В результате суда одни души отправляются в рай, а другие — в ад. По истечении некоторого времени глобальная катастрофа захватывает весь нематериальный мир. Из огня ее живыми и невредимыми выйдут только праведники. Лишь после этого люди станут едиными в мыслях, словах и делах, то есть станут такими же, как Бессмертные Святые.

Зороастр был первым, кто сказал о божественном суде над каждым человеком, о рае и аде, о грядущем воскресении тел, о всеобщем Последнем Суде и о вечной жизни воссоединившихся душ и тел.

Новое учение раздражало и тревожило многих, ибо пророк порывал со старой, идущей от властителей и жрецов традицией, отводившей всем незнатным людям подземное царство после смерти. За свои идеи Зороастр жестоко поплатился, погибнув от кинжала жреца господствующей религии. /

• Пифагор сам ничего не писал.

• В результате первой же прочитанной им лекции Пифагор приобрел 2000 учеников, которые не вернулись домой, а вместе со своими женами и детьми образовали громадную школу и создали государство, названное «Великая Греция», в основу которого были положены законы и правила Пифагора, почитаемые как божественные заповеди.

• Пифагор был первым, кто назвал свои рассуждения о смысле жизни ***философией*** (любомудрием):

/ Согласно легенде, Пифагор однажды пришел в греческий город Флиунт, владыка которого Леонт спросил его: «В какой науке ты считаешь себя сведущим?» — «Ни в какой, — ответил Пифагор. — Я только философ». — «Философ? А что это значит?» — услышав новое для себя слово, спросил с недоумением Леонт. «Человеческую жизнь, — был ответ Пифагора, — можно, прибегая к образности, сравнить с рынком и Олимпийскими играми. На рынке имеются продавцы и покупатели, которые ищут выгоды. На играх участники их заботятся о славе и известности. Но есть еще зрители, внимательно наблюдающие за тем, что там происходит. Похоже обстоят дела и в жизни людей. Бóльшая часть их заботится о богатстве и славе, все здесь в погоне за ними, только немногие среди шумной толпы не принимают участия в этой суете ради почестей и преуспевания, но созерцают и исследуют природу вещей и познание истины любят больше всего. Они называют себя философами — **любителями мудрости**, а не софосами — мудрецами, потому что только одно божество может обладать всеобъемлющей мудростью, а человеку свойственно лишь стремиться к ней. /

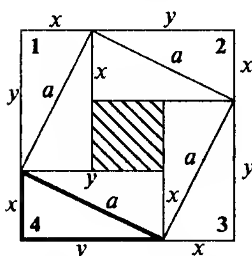
• Сформулировал теорему, носящую его имя:

/ В прямоугольном треугольнике, где катеты равны 3 и 4, «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». /

Теорема Пифагора для частного случая — прямоугольного треугольника со сторонами 3, 4, 5 — была известна за 1100 лет до н. э., а для общего случая — в VI в. до н. э. Доказательство основывалось на разбиении квадрата, построенного на сумме катетов прямоугольного треугольника, на 8 треугольников, равных между собой, и на маленький квадрат со стороной, равной разности катетов.

Легко заметить, что большой квадрат (со стороной «x»+«y») составлен из квадрата со стороной «a» и четырех прямоугольных треугольников (1, 2, 3, 4), равных исходному и имеющих катеты «x» и «y».

Чертеж

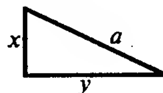

Доказательство

$(x + y)^2 = a^2 + 4\frac{xy}{2}$;
$(x + y)^2 = a^2 + 2xy$;
$x^2 + 2xy + y^2 = a^2 + 2xy$;
$x^2 + y^2 = a^2$.

Вывод

Итак: в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов.

• Первым задумался над уравнением $p^2 = 2q^2$ и показал, что разуму не под силу понять, что собой может представлять сторона квадрата, равная двум квадратам: ведь получается, что число, ее выражающее, должно быть одновременно и четным и нечетным, что невозможно.

• Был склонен к мистификациям и «демонстративности» в поведении:

/ Однажды Пифагор спрятался под землей, а обо всём происходящем узнавал от матери. Потом, иссохший, как скелет, он заявил в народном собрании, что был в Аиде, и показал удивительную осведомленность о земных событиях. Растроганные жители признали его за это богом. /

• Никогда не плакал и вообще был недоступен страстям и волнению.

• Пифагор имел обыкновение объяснять людям, что он происходит из семени лучшего, сравнительно с человеческим.

• **Сочинения Пифагора:**

«О природе»;	*«О душе»;*
«О государстве»;	*«О мире»;*
«О воспитании»;	*«Священное слово».*

• Пифагору приписывается учение о **метемпсихозе**, то есть о переселении душ из одного живого тела в другое. Он будто бы утверждал, что сам некогда был Эфалидом и почитался сыном Гермеса, потом его душа, побывав в некоторых растениях, оказалась в теле героя Троянской войны Эвфорба, а затем в телах еще двух людей.

2. СУДЬБА

► Пифагор даже подвергнул себя операции обрезания, чтобы быть допущенным к знакомству с тайной египетской наукой, чего ему не разрешили бы при невыполнении этого условия.

► Однажды, гуляя, Пифагор подошел к реке. Река тотчас же вышла из берегов и закричала: «Да здравствует Пифагор!»

► Раз шел Пифагор и видит: визжит от побоев собачка.
Жаль ему стало, и он слово такое изрек:
«Полно! Не бей! В этом визге покойника милого голос:
Это родной мне щенок, друга я в нем узнаю́».

► Пропаганда учения Пифагора, уравнивающего всех свободных граждан по меркам высших духовных ценностей, серьезно обеспокоила власть имущих...

Заговор возглавил богатый и знатный житель Кротона *Килон*, властолюбивый и обладавший тяжелым нравом. В свое время он был оскорблен Пифагором, который не захотел поделиться с ним своими знаниями и даже осмелился столь знатного господина прогнать. И вот однажды, когда Пифагор уехал на Делос навестить своего заболевшего учителя, дом, в котором собрались его ученики, был подожжен со всех сторон Килоном и другими заговорщиками. Только двое спаслись из горящего дома и от рук убийц.

Спасаясь от преследователей, Пифагор поселился в Метапонте. Но и здесь его догнала рука убийцы...

Легенда о смерти Пифагора

«Сонную тишину ночного Метапонта прорезал острый крик. Послышалось падение на землю тяжелого тела, топот убегающих ног, и всё смолкло.

Когда ночной караул прибыл на место происшествия, то в колеблющемся свете факелов все увидели на земле распростертого старца и неподалеку от него — мальчика лет 12-ти с лицом, перекошенным от ужаса.

— Кто это? — спросил начальник караула у мальчика.

— Это Пифагор, — ответил тот.

— Кто такой этот Пифагор? Среди жителей города нет гражданина с таким именем.

— Мы недавно прибыли из Кротона. Мой господин должен был скрываться от врагов и выходил только ночью. Они выследили его и убили.

— Сколько их было?

— Я этого не успел заметить в темноте. Они отбросили меня в сторону и накинулись на него.

Начальник караула стал на колени и приложил ухо к груди старца.

— Конец, — сказал начальник».

► Когда ученик Пифагора Гиппас Метапонтский, говоря сегодняшним языком, «засветил» тайну *иррационального числа* (то есть $\sqrt{2}$, или, иначе, отсутствия общей меры у двух отрезков — катета и гипотенузы в прямоугольном треугольнике со сторонами, равными «единице»), то Пифагор воззвал к богам покарать преступника, и те, устроив бурю, утопили корабль с Гиппасом.

/ Обнаружение «несоизмеримости» стало *скандальным* открытием в пифагорейской школе. Так, если взять равнобедренный прямоугольный треугольник, у которого длина каждого катета равна единице (то есть когда гипотенузой служит диагональ квадрата), то окажется, что длину гипотенузы невозможно выразить ни четным, ни нечетным числом. А это противоречило формуле Пифагора о соотношении между квадратом гипотенузы и квадратами катетов ($3^2 + 4^2 = 5^2$) в прямоугольном треугольнике. Оказавшись перед фактом существования в мире несоизмеримых (невыразимых через целое число) величин, пифагорейцы были настолько обескуражены этим, что увидели в свойствах квадрата нечто «уму непостижимое», «алогичное» (*alogos*) или даже «руку злого демона». Они решили держать сделанное ими открытие в строжайшей тайне. /

3. УЧЕНИЕ

♦ Начатки мудрости: научиться размышлять, разучиться болтать.

♦ Что такое острова блаженных? — Солнце и Луна... Что самое прекрасное? — Гармония... Что самое сильное? — Мысль. Что самое лучшее? — Счастье.

♦ Что самое истинное? — Что люди дурны.

♦ И нельзя принимать очами спокойными сна, пока трижды не продумаешь прошедший день: как я его прожил?, что я сделал?, какой мой долг остался невыполненным?

♦ Природу же нача́ла в вещах трудно усмотреть и познать. Если начало взято неправильно, то мы рискуем верностью почти целой науки и всего, что в ней.

♦ Бог един, и он не находится, как некоторые полагают, вне миропорядка, но он всецело пребывает во всём небесном круге, обозревая все порождения, будучи «смешением» всех веков и творцом своих собственных сил и деяний. Бог — начало всего, он светоч неба и отец Вселенной, ум и одушевление всех вещей, движение всех круговращений.

♦ Первообразы и первоначала не поддаются ясному изложению на словах, потому что их трудно уразуметь и трудно высказать, — оттого и приходится для ясности обучения прибегать к числам.

♦ Всё на свете, решительно всё на свете, обязательно гармонично. Гармоничны боги, гармоничен космос, потому что все составляющие его моменты абсолютно согласованы в единое и нераздельное целое. Гармоничны государства, гармоничен царь, потому что от него исходит сила скрепления всех людей в одно целое.

♦ Счастье — это разумность, следование возвышеннейшей философии, очищение от ложных мнений, приобщение к науке, избавление ума от великого невежества, близость к божественным предметам, самодовлеющая жизнь.

♦ Космос настолько великолепен, насколько это только возможно помыслить. Он — небесное живое существо, негибнущее, начало и причина устроения всего миропорядка.

♦ Самое мудрое — число.

♦ Бог — это число чисел.

♦ Всё происходит не из числа, но сообразно с числом, ибо в числе — первичная упорядоченность, по причастию к которой и в исчисляемых предметах последовательно упорядочено первое и второе и т. д.

/ **Аристотель:**

«У них, пифагорейцев, по-видимому, число принимается за начало и в качестве материи для вещей». /

♦ У пифагорейцев считалось чем-то замечательным, если число равнялось сумме своих собственных делителей. Такие числа считались **совершенными**

Например, *число 6.* «Шесть» делится на «1», на «2», на «3».

$$1 + 2 + 3 = 6.$$

♦ Треугольник есть первоисточник рождения и сотворения различных видоа вещей преходящих.

♦ Квадрат несет в себе образ божественной природы; эта фигура символизирует высокое достоинство, ибо прямизна углов передает целостность а качество сторон способно устоять перед силой.

♦ *Дружественные* числа — это такие, из которых одно равно сумме делителей другого.

/ Когда Пифагора однажды спросили, что такое друг, он сказал, что это «второе я», и упомянул о «дружественных» числах 284 и 220. /

// Число «284» делится на 1; 2; 4; 71;142. Число «220» делится на 1; 2 4; 5; 10; 11; 20; 22; 44; 55; 110.

220 = 1 + 2 + 4 + 71 + 142.

284 = 1 + 2 + 4 + 5 + 10 + 11 + 20 + 22 + 44 + 55 +110. //

♦ Из всех чисел священно и даже сверхсвященно «36»: $36 = 1^3 + 2^3 + 3^3$:

/ 1) оно состоит из «1», а без единицы нет ни одного числа, и символизирует «единица» **единство** бытия и мира;

2) оно состоит из «2», а двойка символизирует принципиальную полярность во Вселенной:

свет	—	тьма
чёт	—	нечёт
женское	—	мужское
жизнь	—	смерть
добро	—	зло
правое	—	левое
предел	—	беспредельность
прямое	—	кривое
покоящееся	—	движущееся
единое	—	многое

и т. д.;

3) оно состоит из «3» — совершеннейшего из чисел, ибо имеет начало, середину и конец;

4) в числе «36» возможны удивительные превращения:

$$36 = 1 + 2 + 3 + 4 + 5 + 6 + 7 + 8;$$

$$36 = (1 + 3 + 5 + 7) + (2 + 4 + 6 + 8).$$ /

♦ Числа бывают «треугольные» (например: «1», «3», «6», «10» — см. рис. 1) «квадратные» (например: «1», «4», «9», «16» — см. рис. 2), «пятиугольные» (например: «5», «12», «22» — см. рис. 3).

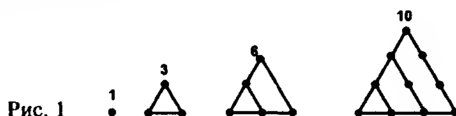
Рис. 1

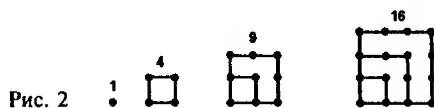
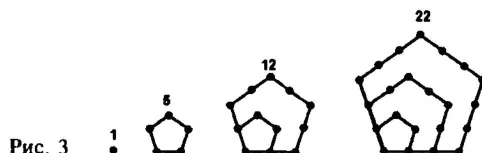
Рис. 2

Рис. 3

♦ Нет сомнений, что природа во всём остается себе подобной. Дело обстоит так: существуют числа, благодаря которым гармония звуков пленяет слух, эти же числа преисполняют и дух чудесным наслаждением.

∇ ◐ Похоже, что у Пифагора была какая-то специфическая слабость к звукам. Как потребность его психики, она выражалась в образе жизни. Просыпался Пифагор рано утром и успокаивал душу игрой на лире, прежде чем приступал к своим «учительским» философским прогулкам с учениками.

По одной из легенд, Пифагор говорил, что, пребывая вне тела, он слышал благозвучную гармонию. ◑

▪▪▪ Хотя пифагорейцы заимствовали основы своего учения о числах (♦ ***Всё есть число.***) у орфиков, а последние — из мифов и культа Аполлона и Дионисия, современная наука отдает должное и их собственным воззрениям и наследует важность семеричности в пифагорейских подходах к эмбриологии.

«Для развития эмбриона в школе Пифагора принималось два отрезка времени: малый, состоящий из 7 месяцев, и большой — из 10 месяцев; в первом — 210 дней, во втором — 274 дня. Зародыш развивается в течение 5 первых недель по этапам: 6, 8, 9, 12, что в сумме дает 35, то есть 7 х 5. Умножая 35 на 6, получаем 210, то есть количество дней, необходимых семимесячному ребенку для рождения. Иначе говоря, число 7 (210 = 30 х 7) является здесь основным. Во втором отрезке времени (10 месяцев) первая стадия состоит из 7 дней, а вторая (когда тело формируется) — из 40 дней, то есть 40 х 7 = 280 дней, или 40 недель; число 280 заменяется числом 274, которое наиболее близко выражает время, составляющее три четверти года.

Обобщая эти и привлекая другие материалы древних и более поздних пифагорейцев, можно заключить, что основатель школы считал число «7» мироправящим (божественным), требующим особого почитания.

Играя «космическую» роль, число «7» всегда независимо, не возникает ни из одного числа и черпает свою силу из того, что само является средним арифметическим чисел «4» и «10», то есть (4 + 10) : 2 = 7. В качестве

всеопределяющей силы («силы свершений») и творца («демиурга») всего число «7» есть судьба под именем *kairos* (критическое время). Число «7», судьба и *kairos* для пифагорейцев одно и то же».

(**Ф. Х. Кессиди.** *От мифа к логосу*)

4. МЫСЛИ

● Заповеди откровения

- Мысль — превыше всего между людьми на земле.
- Не садись на хлебную меру
(то есть не живи праздно).
- Уходя, не оглядывайся
(то есть перед смертью не цепляйся за жизнь).
- По торной дороге не ходи
(то есть следуй не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих).
- Ласточек в доме не держи
(то есть не принимай гостей болтливых и несдержанных на язык).
- Будь с тем, кто ношу взваливает, не будь с тем, кто ношу сваливает
(то есть поощряй людей не к праздности, а к добродетели и к труду).
- В перстне изображений не носи
(то есть не выставляй напоказ перед людьми, как ты судишь и думаешь о богах).
- Богам делай возлияния через ушко сосудов
(то есть богов дóлжно чтить музыкой и песнопениями, потому что и та и те доходят до нас через уши).
- Не ешь не дóлжного, а именно: ни рождения, ни приращения, ни начала, ни завершения, ни того, в чем первооснова всего
(то есть не вкушай от жертвенных животных чресла, яички, матку, костный мозг, ноги и голову: первоосновой он назвал чресла, ибо животные держатся на них, как на опоре; рождением — яички и матку, силою которых возникает всё живое; приращением — костный мозг, потому что он — причина роста для всякого животного; началом — ноги, а завершением — голову, в которой высшая власть над всем телом).

/ Бобов Пифагор запрещал касаться, всё равно как человеческого мяса. Причину этого, говорят, объяснял он так: когда нарушилось всеобщее начало и зарождение, то многое в земле вместе сливалось, сгущалось и перегнивало, а потом из этого вновь происходило зарождение и разделение — зарождались животные, прорастали растения, и тут-то из одного и того же перегноя возникли люди и проросли бобы. А несомненные доказательства этому он приводил такие: если боб разжевать и жвачку выставить ненадолго на солнечный зной, а потом подойти поближе, то можно почувствовать запах человеческой крови; если же в самое время цветения бобов взять цветок, уже потемневший, положить в глиняный сосуд, закрыть крышкой и закопать в землю на девяносто дней, а потом откопать и открыть, то вместо боба в нем окажется детская голова или женская матка. Кроме бобов, запрещал он употреблять в пищу и разное другое — крапиву, рыбу-триглу, да и почти всё, что ловится в море. /

● Назидания и наставления

- Что есть **мудрость**? Знание порядка. Если желаешь быть мудрым в течение твоей жизни, всё поставь на своем месте. Преходящая временная слава не сто́ит тихого и безмятежного порядка, видимого в ежедневных делах мудрого.
- Прежде всего научайся каждую вещь называть ее именем: это самая первая и важнейшая из всех наук.
- Народы! Старайтесь прежде иметь добрые нравы, нежели законы: нравы суть самые первые законы.
- Человек! Не делай другим животным того, чего не хочешь, чтоб они делали тебе.
- Сыщи себе верного друга; имея его, ты можешь обойтись без богов.
- Избери себе друга; ты не можешь быть счастлив один: счастье есть дело двоих.
- Предоставь жрецам исследовать естество богов; ты же занимайся познанием человеческого сердца.
- Порядок да будет твоим божеством! Непрестанно воздавай ему сердечное служение: порядок есть союз всех вещей. Сама природа через него существует.
- Если тебя спросят: что есть добродетель? ответствуй: **любомудрие**, употребленное в действие.
- На поле жизни, подобно сеятелю, ходи ровным и постоянным шагом.
- Не будь членом ученого общества: самые **мудрые**, когда они составляют общество, делаются простолюдинами.
- Какое бы ни постигло тебя несчастье, удержи себя от слез: храни оные для пролития о несчастии других.
- И в словах своих, и делах избегай всего банального и привычного.
- На верность твоей собаки полагайся во всякое время, а на верность жены твоей — только до первого случая.
- Слушая и сохраняя молчание, ты сделаешься **мудрым**: начало премудрости есть молчание.
- Веди жизнь единообразную, если желаешь иметь смерть спокойную.
- Не почитай знания за одно с **мудростью**.
- Благоразумная супруга! Если желаешь, чтоб муж твой свободное время проводил подле тебя, то потщись, чтоб он ни в каком ином месте не находил столько приятности, удовольствия, скромности и нежности.
- Природа есть едина, и ничего нет ей равного: мать и дщерь себя самой; она есть Божество богов. Рассматривай токмо Природу, а прочее оставь простолюдинам.
- Воздержись от употребления вина: оно есть молоко, питающее страсти.
- Не будь одним из тех, кои кажутся **мудрыми** только в своих сочинениях.
- Если тебя спросят: в чем состоит благополучие? — ответствуй: быть в согласии с самим собой.
- Смертный! Когда несчастье станет стучаться у дверей твоих, отвори ему оные с веселым лицом, не дожидаясь, чтоб оно стучалось к тебе в другой раз: сопротивление раздражает его, покорение ему себя делает его безоружным.

- Тело свое не делай гробом твоей души.
- Не делай выговоров твоей жене при твоих детях.
- **Мудрый**! Если ты желаешь возвестить людям какую-либо важную истину, облеки оную в одежду общего мнения.
- Не просите у богов ни дождя, ни вёдра: боги не принимают в сем участия. В Природе всё управляется неизменными законами.
- Не возвещай истину на местах общенародных: народ употребит оную во зло.
- **Мудрый**! Обязан будучи жить среди простого народа, будь подобен маслу, плавающему поверх воды, но не смешивающемуся с нею.
- Не исполняющий должностей отца семейства не может быть ни законодателем, ни градоуправителем.
- Будь повелителем самого себя: царствуя и благоуправляя собою, ты будешь иметь превосходное владычество и самую важную должность.
- Воздержи себя от убийства животных: пролитие крови оных привело людей к неистовству проливать кровь подобных себе.
- Ничему не удивляйся: удивление произвело богов.
- Не избирай себе другом живущего несогласно со своею женою.
- Научитесь познавать людей: познание людей удобнее и нужнее, нежели познание богов.
- Поле свое обрабатывай собственными своими руками: не оставляй его возделывать твоим невольникам: земледелие необходимо требует рук свободного человека.
- По долгом и напрасном искании друга возьми себе собаку: верная собака есть изображение друга.
- Совесть твоя да будет единственным твоим божеством.
- Если спросят: что есть древнее богов? — ответствуйте: страх и надежда.
- Упившись вином, не приступай к святому делу деторождения.
- Не рассуждай с детьми, с женщинами и с народом.
- Боги (говорят жрецы) скоро раскаялись, что сотворили человека. Мы равномерно им ответствуем: человек раскаялся, что сотворил богов.
- Тогда токмо можешь ты назваться свободным, когда будешь носить одно иго необходимости.
- Не будь обезьяною никого, даже и самой природы.
- Одну каплю здравого разума предпочитай целому кладезю учености.
- Не пекись о снискании великого знания: из всех знаний нравственная наука, может быть, есть самая нужнейшая, но ей не обучаются.
- Берегите слезы ваших детей, дабы они могли проливать их на вашей могиле.
- Беседу следует вести так, чтобы собеседников из врагов делать друзьями, а не друзей — врагами.
- Будь другом истины до мученичества, но не будь ее защитником до нетерпимости.
- Веди жизнь умеренную и трезвую, если желаешь быть независимым.
- Гостеприимство крайне безрассудно, если его оказывать дурным людям.
- Дурные надежды, как дурные путеводители, ведут к дурным поступкам.

- Знай, что никакое притворство долго скрываться не может.
- Из двух человек одинаковой силы сильнее тот, кто прав.
- Молчи или говори то, что лучше молчания.
- Не поднимайте пыли на жизненном пути.
- Ни к золоту ржавчина, ни к добродетели позор не пристанут.
- Никогда не советуйся с теми, у кого лоб гладок, — они никогда не размышляют.
- Никто не должен преступать меры ни в пище, ни в питии.
- Одинаково опасно и безумному вручать меч и бесчестному — власть.
- Одному только разуму, как мудрому попечителю, дóлжно вверять всю жизнь, и в особенности юность.
- Прежде всего не теряй самоуважения!
- Прежде всего прочего удерживай язык свой.
- Прежде старайся исследовать вещи, находящиеся вблизи тебя, затем те, которые удалены от твоего зрения.
- Прежде чем станешь говорить, дай время созреть твоей мысли под твоим языком.
- Просыпаясь утром, спроси себя: «Что я должен сделать?» Вечером, прежде чем заснуть: «Что я сделал?»
- Строго накажи твое дитя, виновное в убийстве насекомого: с этого начинается человекоубийство.
- Что бы о тебе ни думали, делай то, что ты считаешь справедливым. Будь одинаково равнодушен и к порицанию, и к похвале.
- Хорошие и красивые люди живут на земле не для того, чтобы отдыхать и развлекаться, а чтобы помогать своим ближним.

• Афоризмы

- Если не можешь иметь верного друга, будь сам себе другом.
- Повинующийся разуму повинуется богам.
- Истинное отечество там, где есть благие нравы.
- Говори мало, пиши еще менее.
- Если хочешь пережить самого себя и быть в почтении у потомства, то оставь после себя добродетельное семейство и хорошую книгу.
- Гражданин без собственности не имеет отечества.
- Измеряй свои желания, взвешивай свои мысли, исчисляй свои слова.
- Истину полезно видеть нагую. Ложь пусть покрывает себя одеждою.
- Старайся прежде быть **мудрым**, а ученым — когда будешь иметь свободное время.
- Во время гнева не дóлжно ни говорить, ни действовать.
- Делай великое, не обещая великого.
- Жизнь подобна театру: в ней часто весьма дурные люди занимают наилучшие места.
- Начало есть половина всего.
- Огорчающий ближнего едва ли сам избежит огорчения.
- Пристанью для корабля служит гавань, а для жизни — дружба.
- Статую крáсит вид, а человека — деяния его.
- Шутку, как и соль, следует употреблять с умеренностью.

Гиппа́с

Гиппас из Метапонта

• Древнегреческий философ

VI в. до н. э.

Глубин веков землею хладной
Зарыт, сокрыт, придавлен, но
Я вновь заглядываю тайной
В мое последнее окно.*

Родился: 574 г. до н. э.
Умер: 522 г. до н. э.

Прожил — 52 года

■ **Когда Гиппаса спросили, что он делает, *Гиппас* ответил: «Ничего: мне покуда не завидуют».**

1. ЖИЗНЬ

• Происходил из города Метапонт (юг Италии).
• Утверждал, как и Гераклит, что **начало всего огонь**:

♦ Из огня всё возникнет, и в огонь всё в конце концов разрешается. От погасания огня образуются все вещи. Уничтожаются вещи и весь мир тоже в огне и огнем в мировом пожаре.

• Обучался в школе Пифагора, где имел ранг «математика»:

/ Обучение в школе Пифагора было двухступенчатым. Одни ученики назывались «математиками» (от *греч.* μάθημα — знание, учение, наука), т. е. познавателями, а другие «акусматиками» (от *греч.* 'άχουσμα — слышимое [отсюда акустика — наука о звуке]), т. е. слушателями: математики — те, кто изучал всю суть науки и полнее и подробнее, акусматики — те, кто только прослушивал обобщенный свод знаний без подробного изложения. Акусматики представляли собой первую ступень в школе Пифагора. Они слушали учителя молча, изучая лишь общие положения, без их логического и критического разбора. Видеть учителя акусматикам не позволялось. Наиболее одарённые акусматики переводились в математики, на вторую ступень обучения. Математикам подробно излагалось тщательно разработанное учение, им разрешалось видеть учителя и даже вести с ним научные споры. /

• Особенно увлекался **задачей Пифагора** и так называемыми **пифагоровыми тройками**, т. е. такими тремя натуральными числами, которые удовлетворяют уравнению $x^2 + y^2 = z^2$, к примеру: (3 : 4 : 5); (45 : 60 : 75); (3367 : 3456 : 4825); (12709 : 13500 : 18541).

• **Сочинение Гиппаса:**

«Об иррациональных числах»:

/ «Иррациональный» в переводе с греческого означает *неразумный.* /

* Не все портреты мы можем увидеть в этой книге. Прошлое имеет свою власть над людьми, которые в нем жили... Попытаемся прислушаться к тому далекому времени. Стихи в портретных рамках принадлежат П. С. Таранову. — *Прим. ред.*

• Гиппас разгласил и построил впервые сферу из 12-ти пятиугольников — *додекаэдр*:

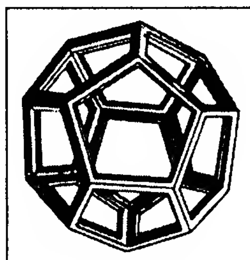

Рисунок деревянной модели додекаэдра, выполненный Леонардо да Винчи для книги его друга Луки Пачоли «О божественной пропорции». *Венеция, 1509 г.*

• Жизнь Гиппаса закончилась трагически. Он утонул.

2. СУДЬБА ► Занимаясь по преимуществу проблемами чисел, пифагорейцы не могли не выйти рано или поздно на *проблему несоизмеримости*. Что и случилось. Это открытие в школе Пифагора было объявлено величайшей тайной и не подлежало разглашению. Но именно Гиппас всё и выдал. Уготованное ему наказание по моральному воздействию было изощренно-жестоким: его изгнали из пифагорова сообщества и соорудили ему, еще живому, самое настоящее надгробие, как будто его уже не было в числе живых. Психологический эффект такого воздействия оказался столь сильным, что Гиппас вскоре действительно ушел из жизни.

/ Мы не знаем доподлинно, решение какой конкретной задачи привело пифагорейцев к открытию несоизмеримости. Возможно, это было следствием той головоломной трудности, которую беспрерывно и безуспешно решал Пифагор: существует ли квадрат, равный двойному квадрату, т. е. имеет ли перспективу уравнение $p^2 = 2q^2$? (последовательная логика рассуждения в данном случае приводит к выводу, что должно существовать число, которое одновременно было бы и чётным и нечётным).

А возможно, это просто общий результат системного кризиса, который дал себя знать в любом из пифагорейских учений: и в арифметике — при нахождении средней геометрической чисел 1 и 2, и в геометрии — при отыскании общей меры диагонали и стороны квадрата, и в музыке — при попытках разделить октаву пополам, что также приводит к нахождению средней геометрической между числами 1 и 2.

Бесспорно одно: доказательство несоизмеримости, т. е. явления наличия таких величин, отношение которых не может быть выражено с помощью отношения целых чисел, было осуществлено при жизни и при участии Пифагора, было строжайше засекречено, но (как и всё сверхсекретное) довольно скоро стало всем известно. Вот это доказательство:

Теорема. Сторона AB и диагональ AC квадрата несоизмеримы, т. е. отношение $AC : AB$ не выражается отношением целых чисел (рис. 1).

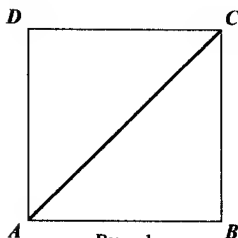

Рис. 1

Доказательство. Допустим противное. Пусть AC и AB соизмеримы, т. е. их отношение равно отношению целых чисел:

$$AC : AB = m : n, \qquad (1.1)$$

причем числа m и n одновременно не являются четными, так как иначе дробь можно было бы сократить на 2. Возводя (1.1) в квадрат, имеем

$$AC^2 : AB^2 = m^2 : n^2.$$

По теореме Пифагора, $AC^2 = 2AB^2$, то есть $AC^2 : AB^2 = 2$, и, значит,

$$m^2 : n^2 = 2 \Rightarrow m^2 = 2n^2,$$

т. е. m^2 четно. Согласно учению о четном и нечетном, m также четно (так как произведение двух четных чисел четно, а двух нечетных — нечетно), т. е. $m = 2k$, откуда $m^2 = 4k^2$. Тогда

$$4k^2 = 2n^2, \text{ или } 2k^2 = n^2,$$

т. е. n^2 четно, и, следовательно (учение о четном и нечетном), n также четно. Итак, m и n одновременно являются четными, что противоречит первоначальному допущению о несократимости дроби. Это противоречие доказывает теорему. /

∇ ◐ Я полагаю, что пифагорейцы ничего такого не открыли и за свои испуги беспокоились зря. Окружность несоизмерима с диаметром? Диагональ — с катетом? Ну и что?! Собака, к примеру, тоже не делится на кошку! Не там они искали, а если и там, то не то!! ◑

3. УЧЕНИЕ

♦ Огонь и Бог — одно.

♦ Душа состоит из огня.

♦ Вселенная конечна и вечно движется.

♦ Вселенная одна.

♦ Время изменения космоса определено́.

♦ Число — первый прообраз (парадигма) творения мира и различительное орудие Бога-Творца.

♦ Тело — это одно, а душа — совершенно иное: когда тело цепенеет, душа полна́ сил; когда оно слепо, она видит; когда тело мертво, душа живет.

♦ Корпускулы огня имеют геометрическую форму пирамиды, поскольку из всех фигур пирамида самая острорежущая. Потому огонь — пирамидален.

Принц Сиддхартха[6] Гаутама /Шакья-Муни/

VI — V вв. до н. э.

• Древнеиндийский мудрец, пророк

Родился: 556 г. до н. э.
Умер: 476 г. до н. э.

Прожил — 80 лет

> **«Предайте смерти анализирующий интеллект, пронзите его одним ударом и выбросьте голодным псам».** *(Будда)*

■ **«Трудно найти благородного человека: не везде он рождается. Но где рождается такой мудрый, там процветает счастливый род».** *(Будда)*

■ **«К тому, кто обижает безвинного человека, чистого и безупречного человека, именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра».** *(Будда)*

1. ЖИЗНЬ

• Первооснователь буддизма — одной из трех мировых религий.
• Сын царя индийского племени шакья, расположенного в среднем течении Ганга.
• Родился у подножия Гималаев, там, где Индия граничит с Непалом.
• Появлением на свет обязан — так сообщают источники — ***непорочному зачатию*** его матери — царицы Махамайя.
• Легенда утверждает, что, родившись, Будда поднял одну руку к небу, а другой, указывая на землю, якобы произнес: «Над небом и под небом я единственный достоин почитания».
• Его имя от родителей — Гаутама.
• Шакья-Муни (отшельник из племени шакьев) — это прозвище Гаутамы.
• Жил Гаутама в прекрасном дворце, среди цветов и драгоценностей, его окружали танцовщицы и музыканты. Слуги держали над его головою белый зонт, чтобы не коснулись принца лучи солнца или капли дождя. Он думал, что повсюду жизнь так же прекрасна...
• Но однажды встретил беззубого, дряхлого старца и понял, что старость неизбежна. Встретил больного и понял, что не вечно будет здоров. Он задумался о смерти и решил стать отшельником...
• Семь лет принц провел в дороге, голодал и терпел лишения. В один из дней, когда он сидел под огромным деревом, скрестив ноги, предаваясь

глубокому размышлению, он обрел мудрость. С тех пор его стали называть санскритским словом Будда, что в переводе обозначает «Просветлённый», «Пробужденный» (постигший высшую истину).

• Основоположения своего учения Будда проповедовал в Бенарессе, городе на реке Ганг. Ядро его взглядов — четыре благородные истины:

1. Истина страдания:

♦ Всё в мире преходяще, не имеет постоянной субстанции, а потому полно скорби.

/■■■ О мировом страдании и суетности земного говорили еще в Древнем Вавилоне и Египте. И особенно громко этот мотив звучал в индийской религии. Но, пожалуй, вершиной жизнеотрицания явился все-таки Будда. Никто до него не находил таких сильных выражений, таких беспощадных оценок для вре́менной жизни:

♦ Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?

♦ Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства. Изношено это тело, гнездо болезней, бренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом своим — смерть. ■/

2. Истина причины:

♦ Причиной страдания является жажда бытия, желания, страсти, влечения.

3. Истина освобождения:

♦ Освободиться от страданий можно, лишь отказавшись от желаний, подавив в себе все страсти.

4. Истина пути:

♦ Для достижения спасения необходимо выключиться из круга перевоплощений, достигнуть состояния *нирваны*, т. е. угасания или исчезновения. Нирваны можно удостоиться, если следовать среднему восьмеричному пути спасения:

1) правильное видение
2) правильная мысль
3) правильная речь
4) правильное действие
5) правильный образ жизни
6) правильное усилие
7) правильное внимание
8) правильное сосредоточение

Это путь освобождения от 10 цепей:
1) от любви к земной жизни
2) от чувственных страстей
3) от желаний
4) от ненависти
5) от гордости
и т. д.

• Будда говорил о том, что всякая жизнь сопровождается страданиями, но можно улучшить свою жизнь, если всегда говорить правду, стремиться к добру, не брать чужого и ни к кому не чувствовать злобы и зависти. Человек должен освободиться от суеты, от бесконечных желаний всё новых богатств и удовольствий. Тогда каждый — богач и бедняк, царь и

раб, брахман и «неприкасаемый» — может спастись, т. е. не будет более вновь и вновь рождаться на этой земле.

• Много лет Будда странствовал по Индии. У него появились многочисленные ученики. Звали их «нищими», так как они собирали подаяние. «Нищие» жили в пещерах или в лесах, носили оранжевую одежду и брили голову наголо.

• Своеобразие Будды было настолько уникальным, что и тысячелетия спустя он единствен и неповторим:

/ Однажды Будда, собрав учеников, молча улыбаясь, показал им цветок. Это и была вся проповедь. /

• Будда был весьма изобретателен в методике обучения, и то, что он делал, непреходяще и сегодня, будучи внедряемо во многих престижных университетах мира и центрах по подготовке высших управляющих:

■■■ **Любимая игра Будды с учениками:**

Он бросал в пространство одно какое-нибудь случайное слово, а ученики подхватывали его и развивали, каждый — в целую мысль. ■

■■■ **Методы закалки клинка духа:**

Когда учениками овладевало утомление, Будда предлагал самый неожиданный вопрос и ждал скорейшего ответа.

Или, поставив самый простой предмет, предлагал описáть его не более чем тремя словами или не менее чем сотнею страниц.

Или, поставив ученика перед запертой дверью, спрашивал: «Чем откроешь ее?»

Или посылал музыкантов под окно и заставлял петь гимны совершенно противоположных содержаний.

Или, проходя перед учениками, спрашивал — сколько прошел?

Или, заметив боязнь перед животными или перед явлениями природы, ставил условием побороть. ■

• Однажды вечером, когда полная Луна освещала учеников, сидевших в почтительном молчании вокруг Будды, он окинул их взглядом и произнес знаменательные слова, в которых объявил ложным весь окружающий мир. Почему ложным? Потому что всё на земле, под землей и в космических мирах — составно и, следовательно, подвержено разрушению:

♦ Нет неизменной сущности в этом мире. Всё непрерывно пребывает в бесцельном беге. Блаженство — это покой, но во Вселенной нам нигде не найти его. Куда бы мы ни бросили взгляд, повсюду томление, неудовлетворенность, неустанная погоня за собственной тенью, разрушение и новое созидание, которое, в свою очередь, несется навстречу гибели. ♦

/ Когда же и почему возникло это всемирное кружение, составляющее самую сущность бытия? На этот вопрос Будда не ответил, а может быть, не успел или не захотел... Кто, кроме него, знает?! /

• Среди имен Будды наиболее часто встречаются такие: «Благословенный», «Обновитель Лотоса жизни», «Великий Познавший», «Совершенный».

• **Из текстов, написанных Буддой**, известен знаменитый сборник изречений: *«Дхаммапада»:*

/© Здесь, в этом каноне буддийской этики, Будда впервые все-

объемлюще и открыто применил метод **уподобительного обосиования**, в котором подоплёка смысла в процеесе ее усвоения самопроизвольно и непредсказуемо превышает емысл подоплёки ◑:

♦ Как пчела, набрав сока, улетает, не повредив цветка, его окраски и запаха, так же пусть мудрец поступает. Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и не сделанное другими, но на сделанное и не сделанное им самим.

♦ Как из вороха цветов можно сделать много венков, так и смертный, когда он родится, может совершить много добрых дел.

♦ Если хотя бы мгновение умный связан с мудрым, быстро знакомится он с дхаммой, как язык с вкусом похлёбки.

♦ Ибо, как не сразу свертывается молоко, так содеянное злое дело не сразу приносит плоды; тлея подобно огню, покрытому пеплом, оно следует за этим глупцом.

♦ Малознающий человек стареет, как вол: у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет.

♦ Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как етарые цапли на пруду, в котором нет рыб. Те, кто не вёл праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом. /

• ◐ Логика буддизма нетрадиционна до такой степени, что было бы правильным именовать ее **«логикой потаённого смысла»** в отличие от «формальной логики» Аристотеля.

/ Чтобы продемонстрировать эту логику, буддист может протянуть к Вам руку и спросить: «Почему это называется рукой?» Если не последует быстрый ответ, он может взять плод, лежащий перед ним, и неожиданно сказать: «Попробуйте, мой друг, это очень вкусно». И таким образом преподнесет урок *различения без различения*. / ◑

• Его последние слова, сказанные ученикам перед смертью: **«Будьте сами своими светильниками»**.

/ Уходя, он еще раз наставлял своих последователей, чтобы они, каждый в отдельности, открывали истину сами, и только сами. /

• Вероятное место смерти Будды — Кушинагар, местечко в округе Гаранхпур, штат Уттар-Прадеш.

• Открыть каждому из нас для себя Будду не так-то просто. Сложная простота его тайны не может быть передана словом или в слове. Только через особую организацию слов наставительной мудрости можно попытаться заглянуть туда, где он... Один монах спросил у буддистского адепта: «Кто такой Будда?» — «Сухая половая тряпка», — последовал ответ. (Возможны и другие варианты ответа: «Три циня хлопка», «Кипарис во дворе».)

/ **Судзуки:**

«Вот средство. Что бы вы ни делали — или сидели, или лежали, — пусть ваш разум постоянно будет сосредоточен на этой «половой тряпке». Настанет время, когда ваш разум неожиданно остановится, подобно крысе, оказавшейся в тупике. Затем вы погрузитесь в нечто неизвестное с криком: «А, вот оно!» Когда раздаётся этот крик, вы открываете себя. В то же самое время вы обнаруживаете, что все

учения древних авторитетов, изложенные в буддистской Трипитаке, даоистских писаниях и в конфуцианской классике являются не чем иным, как простыми комментариями к вашему собственному неожиданному возгласу «А, вот оно!»

(**Дайсэцу Тайтаро Судзуки.** *Основы дзэн-буддизма.* 1927 г.) /

2. СУДЬБА

► Однажды Будда попробовал подняться с места, на котором сидел, и не смог этого сделать, так как из-за недостатка нормального питания он очень ослаб, пытаясь принимать минимальное количество пищи с целью подчинить себе тело настолько, чтобы оно не могло себя утверждать. Цель была достигнута, и тело настолько ослабло, что даже встать было невозможно. Но проблема реальности и истины по-прежнему оставалась нерешенной: самоистязание не привело к ее решению. Тогда он подумал, что если он умрет, то вопрошающий исчезнет, а вопрос так и останется нерешенным.

Он начал после этого принимать достаточное количество пищи, желая окрепнуть физически и продолжить поиски ответа на вопрос, который поглощал всё его существо. Но что же делать дальше? Интеллект не дал ему ответа, аскетизм — тоже. Он был в полном замешательстве и не знал, что делать, а стремление получить ответ на вопрос стало как никогда сильным. Все силы его существа были крайне напряжены в реакции на такого рода положение. Фактически всё его существо, его «Я» и интеллект превратились в вопрос. Другими словами, он сам стал вопросом.

Будда находился в этом состоянии некоторое время, пока его взгляд случайно не задержался на утренней звезде. Ее свет привел его в чувство, и к нему вернулось обычное сознание. Вопрос, который прежде его так сильно беспокоил и волновал, совершенно исчез. Всё приобрело совершенно иное значение. Весь мир предстал перед ним в новом свете. И тогда Будда изрек:

Много раз я рождался,
Будучи прикованным к колесу сансары,
Ища и не находя строителя этого дома.
Постоянно рождаться — значит страдать.
О, строитель дома найден.
Ты больше не будешь строить дом.
Все твои балки поломаны,
Все распорки сметены.
К растворению движется ум.
Я достиг того, к чему так страстно стремился.
Всесильный, всезнающий я теперь.
Свободный от всякого заблуждения.
Все вещи отброшены, желаний нет.
Зачем мне учитель — я сам всё постиг.
Нет равного мне во Вселенной.
Я высший учитель, или архат,
Мое просветление ни с чем не сравнится.
Достиг я блаженного мира в Нирване.

► В центре Индии находится «мировая гора» — буддийская ступа в Санчи. Все буддисты мира с трепетом относятся к этому месту — здесь находятся останки Будды. В этом монастыре создавался буддийский

канон, окончательно записанный на Цейлоне в I в. до н. э. Ступа напоминает купол современного планетария, окруженного каменной оградой с четырьмя воротами. Купол увенчан квадратной террасой. По оси ступы ввысь устремляется шпиль, с острия которого, по учению буддистов, Будда возносится в нирвану.

Ступы, будучи самым важным монументальным строением в буддийском искусстве, воздвигались обычно там, где проходили празднества с музыкой, танцами, торжественными обрядами в честь ду́хов-покровителей и богинь плодородия. Ныне самые известные из сохранившихся в Индии ступ находятся в Санчи, Амаравати, Бхархуте.

Буддийский комплекс в Санчи. *Индия*

3. УЧЕНИЕ

♦ Существует, монахи, нерождённое, неставшее, несотворённое, неоформленное. Если, монахи, не существовало бы нерождённого, неставшего, несотворённого, неоформленного, то не было бы спасения от рождения, становления, сотворения, оформления. Но так как, монахи, существует нерождённое, неставшее, несотворённое, неоформленное, то и можно избежать рождения, становления, сотворения, оформления.

Существует, монахи, что не является ни землей, ни водой, ни огнем, ни воздухом... ни этим миром, ни другим, ни солнцем, ни луной. Это, монахи, не то, что приходит, не то, что уходит... Это не имеет опоры, не имеет начала, не имеет основания; это и есть конец страданий.

Это, монахи, *нирвана.*

/ В одном из буддийских памятников литературы мудрец объясняет царю, что такое нирвана: «Ее нельзя ни увидеть, ни услышать, ни пощупать».

— Ее нет тогда! — воскликнул царь.

Мудрец указал ему на ветер, который есть, хотя его нельзя пощупать, на пространство и т. п. /

♦ За всякой вещью, которая манит человека к обладанию ею, притаился Мара. Этот злобный обольститель лишь тогда утратит над человеком силу, когда тот поймет, что всё преходяще. Кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь, как смотрят на мираж, того не видит царь смерти.

♦ Но что же породило все страждущие существа, и где корни самого их бытия? Бытие есть лишь извечное волнение *дхарм*. Что же это? Частицы? Нет. Ду́хи? Нет. Не может человеческий язык дать определение мировым элементам. Но из них слагается всё; а различаются они только в проявлениях.

♦ Всё для всего всегда.

♦ Чувство собственности измеряется не вещами, но мыслями. Можно иметь вещи и не быть собственником.

♦ Три ученика Будды неотступно просили его позволить испытать им чудо. Будда поместил каждого в темную комнату и запер их. После долгого времени он вызвал их и спросил о виденном ими. Каждый рассказал разные видения.

Но Будда сказал: «Теперь вы должны согласиться, что чудеса не полезны, ибо главное чудо вы не ощутили. Ибо вы могли ощутить бытие вне зримости, и это ощущение могло направить вас за пределы земли.

Но вы продолжали сознавать себя сидящими на земле, и мысли ваши притягивали к земле волны стихий. Набухание стихийных обликов вызвало потрясения в разных странах. Вы разрушили скалы и уничтожили ураганом корабли.

Вот ты видел красного зверя с пламенной короной, но огонь, извлеченный тобою из бездны, спалил дома́ беззащитных — иди и помоги!

Ты видел ящера с обликом девы, ты заставил волны смыть рыбацкие лодки, спеши помочь!

Вот ты видел орла летящего, и ураган снес урожай трудившихся — иди и возмести!

Где же польза ваша, ученики мои? Сова в дупле полезнее провела время. Или вы труди́тесь в поте лица на земле, или в минуту уединения возвышайте себя над землею. Но бессмысленное возмущение стихий пусть не будет занятием мудрого!

Истинно, перо, выпавшее из крыла маленькой птицы, производит гром на дальних мирах. Вдыхая воздух, мы приобщаемся ко всем мирам.

Мудрый идет от земли к верху, ибо миры откроют друг другу мудрость свою».

♦ Однажды пастух увидел Будду, сидящего под деревом в размышлении. Он сел рядом и пытался задуматься, подражая Благословенному.

Он начал пересчитывать своих баранов и мысленно взвешивать выгоду руна их.

Оба сидели молча. Наконец пастух спросил: «Господин, о чем думаешь ты?» Будда сказал: «О Боге». Пастух спросил: «Знаешь ли, о чем думал я?» — «Тоже о Боге». — «Ошибаешься. О выгоде продажи руна!» — «Истинно, тоже о Боге. Только моему Богу нечего продавать, твой же Бог должен сперва сходить на базар. Но, может быть, он на пути встретит разбойника, который поможет ему обратиться к этому дереву».

♦ **Притча Будды о продавце обезьян:**

На корабле плыл продавец обезьян. На досуге он научил их подражать морякам, как те распускали паруса.

Но поднялась буря, моряки бросились убирать снасти. Обезьяны же, зная лишь, как распускать, шли следом и натягивали снасти.

Корабль погиб, ибо учитель предвидел лишь ясную погоду.

♦ **Притча Будды о Колесе Закона:**

К искусному переписчику пришел почетный человек и поручил переписать воззвание к Богу, для чего принес достаточный пергамент.

Вслед за ним пришел человек с поручением переписать письмо, полное угроз, и также дал пергамент, торопя окончить скорее.

Чтоб угодить ему, переписчик нарушил очередь и поспешил с его поручением, причем в поспешности схватил кожу первого заказа.

Угрожавший остался очень доволен и побежал излить свою злобу. Затем пришел первый заказчик и, смотря на пергамент, сказал: «Где кожа, данная мною?» Узнав всё случившееся, он произнес: «Кожа для молитв носила благословенное исполнение, тогда как кожа для угроз была лишена воздействия.

Человек неверный, нарушив закон сроков, ты лишил молитву силы, которая должна была помочь больному, но мало того, ты привел в действие угрозы, которые полны неслыханных последствий.

Пропал труд первосвятителя, благословившего мою кожу. Пропал труд первосвятителя, лишившего зло силы.

Ты выпустил в мир злобное проклятие, и неизбежно оно вернется к тебе. Ты столкнул с пути Колесо Закона, и оно не будет вести тебя, но пересечет путь твой».

Не пишите законы на мертвой коже, которую первый же вор унесет. Несите законы в духе, и дыхание Блага понесет перед вами Колесо Закона, облегчая ваш путь.

Неверность переписчика может вовлечь целый мир в бедствие.

♦ «С чего начинать каждое действие?» — спросили у Будды. — «С самого необходимого, ибо каждое мгновение имеет свою необходимость, и это называется справедливостью действия».

♦ «Как возникает очевидность необходимости?» — поинтересовались ученики. Будда отвечал: «Нить необходимости проходит через все миры. Но не понявший ее останется в опасном ущелье и не защищенным от камней».

♦ Один чистый человек хотел увидеть Будду, удерживая свое внимание на самых разнообразных предметах. Руки его не хватали мудрые образы, и глаза его не пронзали предметы почитания — явление не приходило.

Наконец, преклонившись в молитве, искатель почуял, как на лоб ему спустилась нить паутины. Он отбросил ее, и раздался четкий голос: «Зачем прогоняешь руку Мою? Луч Мой следовал за тобою, позволь обнять тебя».

Тогда задрожал в человеке солнечный змей, и нашел он отброшенную нить. И в руках его она обратилась в сорок жемчужин, и каждая носила Лик Будды. Посреди был Камень, и на нем надпись: «Отвага, отчаяние, отрада». Последователь Будды получил отраду, ибо знал путь к ней.

♦ Однажды Ананда, двоюродный брат, любимый ученик и последователь Будды, пришел к Будде и сказал: «Я понял, Учитель, что наши искания

красоты, наше устремление к красоте, наконец, наше слияние с красотой есть то, что составляет половину нашей духовной жизни».

«Не говори так, Ананда, — отвечал Будда. — Это не половина духовной жизни, а вся наша духовная жизнь».

♦ Как-то к Будде пришел ученик, желавший чудес, — «мол, после чуда уверую».

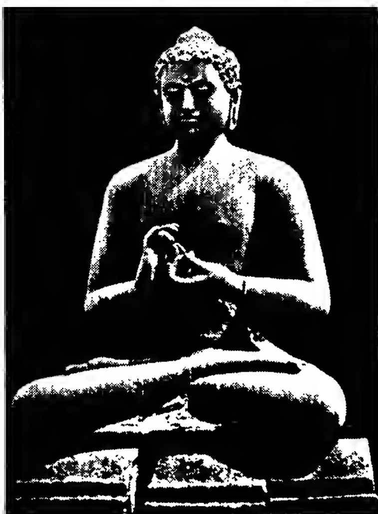
Будда печально улыбнулся и показал ему великое чудо.

Ученик воскликнул: «Теперь я согласен под Твоей рукой пройти ступени Учения!»

Но Будда показал ему на дверь и сказал: «Теперь ты Мне больше не нужен».

♦ Никакие несчастья не случаются с тем, кто не привязан к форме.

♦ Шаги восхождения души — это шесть совершенств: милостыня, обеты, терпение, старание, медитация, мудрость.

Статуя Будды из храма Боробудуре.
Средняя Ява. Конец VIII в.

4. МЫСЛИ

- Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть.
- Один день добродетельного и самоуглубленного лучше столетнего существования порочного и распущенного человека.
- Ум того, кто не спешит делать добро, находит удовольствие в зле.
- Не думай легкомысленно о зле: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его.
- Не думай легкомысленно о добре: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Умный наполняется добром, даже понемногу накапливая его.
- Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу.
- Малознающий человек стареет, как вол: у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет.
- У того, кто почтителен и всегда уважает старых, возрастают четыре дхаммы: жизнь, красота, счастье, сила.
- Плохие и вредные для себя дела — делать легко. То же, что хорошо и полезно, — делать в высшей степени трудно.
- Даже ливень из золотых монет не принесет удовлетворения страстям. Мудр тот, кто знает: страсти болезненны и мало от них радости.
- Говори правду, не поддавайся гневу; если тебя просят, — пусть о не-

многом, — дай. С помощью этих трех условий можно приблизиться к богам.

- И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы.
- Постепенно, мало-помалу, время от времени, мудрец должен стряхивать с себя грязь, как серебряных дел мастер — с серебра.
- Легко жить тому, кто нахален, как ворона, дерзок, навязчив, безрассуден, испорчен. Но трудно жить тому, кто скромен, кто всегда ищет чистое, кто беспристрастен, хладнокровен, прозорлив, чья жизнь чиста.
- Нет огня, подобного страсти, нет спазмы, подобной гневу, нет сети, подобной обману, нет реки, подобной желанию.
- Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма.
- Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение.
- Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу.
- Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата.
- Изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы, также и тело приближается к старости. Но дхамма благих не приближается к старости, ибо добродетельные поучают ею добротельных.
- У цветов аромат не распространяется против ветра, так же — у сандалового дерева, у тагары или у жасмина. Аромат же добродетельных распространяется и против ветра. Благой человек проникает во все места.
- Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепится в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы.
- Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, «глупец».
- Если кто увидит мудреца, указывающего недостатки и упрекающего за них, пусть он следует за таким мудрецом, как за указывающим сокровище. Лучше, а не хуже будет тому, кто следует за таким.
- Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя.
- Как крепкая скала не может быть сдвинута ветром, так мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал.
- Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве.
- Не по учености, не по преданию, не по знаниям назовется человек мудрым; только того, кто шествует без печали, свободный от желаний, затворившийся в себе, в уединенном раздумье, — назову я мудрым.
- Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежанье на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сидение на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений.

- Легко увидеть грехи других, свои же, напротив, увидеть трудно. Ибо чужие грехи рассеивают, как шелуху; свои же, напротив, скрывают, как искусный шулер несчастливую кость.
- Благие сияют издалека, как Гималайские горы. Злых же и вблизи не видно, как не видно стрел, пущенных ночью.
- Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры.
- Если даже человек постоянно твердит Писание, но нерадивый, не следует ему, он подобен пастуху, считающему коров у других. Он непричастен к святости.
- Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало. Стережённая мысль приводит к счастью.
- «Сыновья — мои, богатство — моё», — так мучается глупец. Он ведь сам не принадлежит себе. Откуда же сыновья? Откуда богатство?
- Если глупец связан с мудрым даже всю свою жизнь, он знает дхамму (нравственную заповедь) не больше, чем ложка — вкус похлёбки.
- Многие люди порочны, и я буду терпеть оскорбления, как слон в битве — стрелу, выпущенную из лука.

Непорочное зачатие Будды. *Лубок*

Конфу́ций

VI – V вв. до н. э.

Кун-цзы
/Учитель Кун/

• Древнекитайский мудрец

Родился: 22.09.551 г. до н. э.
Умер: апр. 479 г. до н. э.

Прожил — 71 год

«Мы по природе близки друг к другу, но в процессе обучения далеко отходим друг от друга».
(Конфуций)

■ **«Мне не приходилось встречать такого, кто любил бы доблесть — *дэ*, как любят женскую красоту».** *(Конфуций)*

■ **«Знать нечто — хуже, чем любить».**
(Конфуций)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в пещере на склоне Грязевой горы в уезде Чанпин на востоке Китая, в княжестве Лу[7]. Семья принадлежала к старинному аристократическому роду, к тому времени почти разорившемуся.
• Отец Конфуция Шулян Хэ правил в Лу уездом Цзоу, ко времени рождения мудреца ему было 70 лет.
• В 3 года остался без отца, в 17 лет остался без матери.
• В семье к тому времени было девять дочерей и мальчик-калека.
• Имел высокий рост (1м 91 см) и грузное телосложение, голова его была «бугром».
• В 19 лет женился.
• Имя, данное при рождении, у него было Кун Цю. Стараниями его поклонников имя Кун Цю мало-помалу сменилось почетным прозвищем Кун Фу-цзы, что означает Почтенный Учитель Кун. А много веков спустя (в XVII в.) миссионеры-иезуиты, приехавшие в Китай и там ознакомившиеся с его учением, сделали китайского мудреца достоянием и европейской культуры, латинизировав его имя — Конфуций.
• В жизни Конфуций неизменно держался четырех вещей:
1) он не предавался пустым размышлениям;
2) не был категоричен в суждениях;
3) не проявлял упрямства;
4) не думал о себе лично.
• Встречался с Лао-цзы, обращался к нему за советом. Мудрый старец

выразил особое уважение Конфуцию тем, что проводил его не дарами (как принято у людей, обладающих лишь богатством и знатностью), а добрым словом, как принято у людей человеколюбивых. Правда, вскорости — есть и такие сведения — Лао-цзы, вконец разочаровавшись в торжестве мудрости среди людей, сел на буйвола и уехал в неизвестном направлении...

• Конфуций боготворил порядок. Рассказывают, что он не входил в дом, если циновка у дверей лежала не так, как положено.

• Как Пифагор и Сократ, Конфуций учил изустно и не оставил нам ни строчки. Всё известное нам — это записи его учеников.

• Со своих слушателей Конфуций брал скромную плату, а впоследствии стал жить на средства нескольких богатых учеников, предоставивших ему помещение для «школы».

• Имел 3000 учеников, 72 из них — особенно близкие, 12 — были при нем безотлучно.

• До 66 лет путешествовал по стране, проповедуя свое учение. Начал он это занятие с 30 лет.

• **Сочинения Конфуция:**

«Шицзин» (*«Книга песен»*):

/ По преданию, Конфуций отобрал для нее 305 из трех с лишним тысяч народных и ритуальных песен и од периода XI – VII вв. до н. э. /;

«Луньюй» (*«Беседы и высказывания»*):

/ На создание этого сборника затрачено 80 лет, впервые он появился около 400 г. до н. э. /

• О том, как выглядел Конфуций, можно судить косвенно. Некогда мудрец пришел в царство Чжэн. Один тамошний житель посмотрел на него и сказал: «Головой он походит на Яо, шеей напоминает Гао-яо, плечи вроде как у сановника Цзы-чаня, только вот от пояса книзу недостает до Яо трех вершков...»

/ У Яо был лик дракона; про мудрого судью мифических времен Гао-яо известно, что у него была лошадиная морда (лошадиный рот) или, по другим источникам, птичий клюв, лицо у него было цвета тыквы с ободранной коркой. Что же касается того, чему уподоблялась его шея, нам ничего не известно, и о плечах Цзы-чаня сведения не сохранились. /

• Незадолго до смерти Конфуций заявил своим ученикам, что 40 лет, в течение которых он проповедовал людям, он не говорил им правду, что он скрывал правду под пеленой метафор и иносказаний. «Эта правда, — разоткровенничался уже напоследок Конфуций, — состоит в том, что возлагать надежды можно только на ничто и на пустоту, являющуюся первоначалом всех вещей».

• В 479 г. до н. э. он прервал свои занятия, чувствуя приближение конца. В беседах с учеником Цзы Кунгом он, однако, все время возвращался к древним временам. Он снова и снова сетовал на то, что «не нашлось ни одного правителя, который захотел бы стать его учеником». Под конец он в тоске воскликнул: «Кто после моей смерти возьмет на себя труд продолжать мое учение?» Это были его последние слова.

• Ученики похоронили своего Учителя там, где он сам незадолго до смерти выбрал место для своей могилы: на берегу небольшой речки, под сенью благородных кипарисов.

• На пьедестале памятника Конфуцию — в главном здании храма и пантеона Конфуция, занимающем более 20 гектаров, — имеется подпись следующего содержания: «Самый святой, одаренный даром предвидения мудрец Конфуций — место успокоения его духа».

• В 555 г. до н. э. был издан императорский указ о возведении в каждом городе храма в честь Конфуция и о регулярных жертвоприношениях в этих храмах. Вначале на главном алтаре таких храмов стояли поминальные таблички с именем Конфуция. Затем таблички были заменены скульптурами.

2. СУДЬБА

► Обладаю ли я знаниями? Нет. Но когда низкий человек спросит меня о чем-либо, то, даже если я не буду ничего знать, смогу рассмотреть этот вопрос с двух сторон и обо всём рассказать ему.

► История знает остроумное высказывание близкого ученика Конфуция по имени Цзы-Гун[8]. Однажды некий его знакомый заявил, что Цзы-Гун умом и образованностью превосходит даже своего Учителя, и тогда Цзы-Гун заметил в ответ: «Мудрость человека можно уподобить стене. Моя стена не выше человеческого роста, и потому каждый без труда разглядит всё, что за ней находится. А мой Учитель подобен стене высотой в несколько саженей. Кто не сможет отыскать в ней ворота, никогда не узнает, какие прекрасные храмы и дворцы скрыты за ней».

► Как-то во время отдыха Конфуция с учениками их конь забрел в чужое поле и был захвачен владельцем угодий. Убедительные и церемонные речи посланного уладить конфликт Цзы-Гуна ни к чему не привели. Спас положение неизвестный, только что поступивший на службу к Первоучителю: он просто рассмешил деревенщину и тут же получил коня обратно.

► Цзи Вэнь-цзы[9] обдумывал каждое дело три раза, а потом уже действовал. Конфуций, узнав об этом, сказал: «Достаточно обдумывать два раза».

► Самая краткая формулировка учения Конфуция содержится в его ответе Цзин-гуну (правителю государства Ци) на его вопрос, как управлять государством, Конфуций сказал: «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном».

3. УЧЕНИЕ

Самобытность мудрости

♦ Я познаю всё с помощью одной истины.

♦ Я не родился со знаниями.

♦ О, если бы кто-нибудь призвал меня, я бы за год произвел большие перемены в стране.

♦ «Ты считаешь меня многоученым?» — спросил как-то Конфуций ученика. — «А разве нет?» — ответил тот. — «Нет, — сказал Конфуций, — я лишь связываю всё воедино».

♦ Среди первых учеников Конфуция был Цзы-Лу, почти ровесник Учи-

теля, рослый, вспыльчивый и наделенный чудовищным честолюбием парень, приехавший из какой-то глухой деревушки в Цюйфу на поиски удачи и удививший столичных жителей своими грубыми манерами.

«Если вы так мудры, уважаемый, — позабыв учтивость, бросил он однажды Конфуцию, — то ответьте мне без ухищрений, как добиться повиновения людей, не заставляя их жить в страхе?» — «Своим личным примером побуждай людей трудиться», — ответил Конфуций. Цзы-Лу был немного смущен: ответ-то, оказывается, скрыт в нем самом! Но он всё еще не хотел уступить и спросил: «Положим, я добьюсь этого. А что потом?» — «Не позволяй себе расслабляться», — последовал ответ. Цзы-Лу растерянно молчал, и тогда Учитель продолжил:

— А теперь позволь мне спросить тебя: любишь ли ты музыку?

— Я люблю свой длинный меч, — с вызовом ответил ученик.

— Ты не ответил на мой вопрос. Я спрашиваю о том, не следует ли тебе к твоим способностям добавить еще и знания?

— А от учения есть какой-то прибыток? — принялся за свое Цзы-Лу.

— Правитель, не поучающий подданного, не может быть прям. Благородный муж, не наставляющий друга, не может быть добродетелен. Честный человек, получивший урок, станет великим мудрецом. И никто из тех, кто любит учиться, не пойдет наперекор должному.

— В южных горах растет бамбук, который сам по себе прям, и стрелы, изготовленные из него, пробивают даже панцирь из носорожьей кожи. А ведь этот бамбук ничему не учился! — блеснул своей полемической находчивостью Цзы-Лу.

— Приладь к стреле оперение, надень на нее железный наконечник, и разве не войдет она еще глубже? — сказал Конфуций.

Тут, если верить преданию, Цзы-Лу понял, что нашел своего учителя, и с тех пор служил Конфуцию с такой же пылкостью, с какой поначалу жаждал доказать свое превосходство.

♦ Стоя на берегу реки, Учитель сказал: «Всё течет так же, как вода. Время бежит не останавливаясь».

♦ Цзи Кан-цзы* как-то спросил Конфуция об управлении государством: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к этим принципам?» Кун-цзы ответил: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа подобна ветру. Мораль простолюдина подобна траве. Трава клонится туда, куда дует ветер».

♦ Одному из учеников Конфуция, жаждавшему постигнуть все тайны науки своего Учителя, показалось, что тот не всё открывает своим ученикам, что главное он сообщает только избранным. И ученик этот решил, что самому главному Учитель учит собственного сына. Встретившись однажды с этим сыном, он спросил его: «Есть ли что-нибудь особенное, о чем ты слышал от отца?» Тот ответил: «Нет. Как-то раз Учитель был один. Я пробегал в это время по двору, и он спросил меня: «Ты уже учил Стихи?» Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить Стихи, у тебя не будет ничего, о чем говорить». Тогда я пошел и стал учить Стихи. В другой раз Учитель опять был один. Я пробегал в это

* Сановник государства Лу.

время по двору. Он спросил меня: «Ты уже учил Правила?» Я ответил: «Еще нет». Тогда он сказал: «Если ты не будешь учить Правила, у тебя не будет ничего, на чем утвердиться». Тогда я пошел и стал учить Правила. Вот об этих двух вещах я и слышал от него».

♦ **Золотое правило нравственности:** На вопрос «Что есть *жэнь**?» Конфуций ответил: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье».

/ Древнеиндийские источники передают рассказ о нетерпеливом и любопытствующем молодом человеке, который ходил к разным просвещенным людям и просил их изложить содержание священных книг **столь сжато, чтобы эту мудрость можно было бы почерпнуть стоя на одной ноге**. Наконец он пришел с этой просьбой к знаменитому учителю законов Хилелу. Тот улыбнулся и ответил: «Не делай никому того, что ты не хочешь, чтобы было сделано тебе». /

♦ Цзы-Гун (ученик Конфуция) сказал, повторяя Учителя: «То, чего я не хочу, чтобы делали мне, я не хочу делать другим». Конфуций на это ответил: «Этого добиться невозможно».

♦ Однажды Конфуций поехал к разбойнику Чжэ, чтобы усовестить его. Тот выгнал Конфуция, предварительно произнеся большую речь, в которой были такие слова: «Верхний предел долголетия — сто лет, среднее долголетие — восемьдесят лет и нижний предел долголетия — шестьдесят лет. Если исключить изнуряющие муки болезней, траур при утрате, заботы и треволнения, то в жизни человеческой дней, когда открываешь рот для смеха, найдется в одном месяце не больше четырех или пяти. И это всё».

♦ Благородный муж думает о девяти вещах: о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы слышать четко; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости помнить о последствиях своего гнева; о необходимости помнить о справедливости, когда есть возможность извлечь пользу.

♦ Те, кто обладает врожденными знаниями, стоя́т выше всех. За ними следуют те, кто приобретают знания благодаря учению. Далее следуют те, кто приступают к учению, встретившись с трудностями. Те же, кто, встретившись с трудностями, не учатся, стоя́т ниже всех.

♦ Сыма Ню** спросил о Гуманности. Конфуций сказал: «О Гуманности говорить трудно». Сыма Ню сказал: «То, о чем говорить трудно, — это и есть гуманность?» Философ сказал: «Делать это трудно, неужели говорить об этом не трудно?»

Статуя Конфуция

* Иероглиф-категория «**жэнь**» означает «человечность».

** **Сыма Ню** (Сыма Гэн или Сыма Цзы-ню) — ученик Конфуция.

4. МЫСЛИ

- Подлинная доброта вырастает из сердца человека. Все люди родятся добрыми.
- Не зная, что говорят люди, нельзя узнать людей.
- Умереть с голоду — событие маленькое, а утратить мораль — большое.
- Если человек не обладает человеколюбием, к чему тогда говорить об этике и музыке?
- Тот, кто обладает моралью, непременно умеет хорошо говорить.
- Как на небе не может быть двух солнц, так и у народа не может быть двух правителей.
- Однажды Конфуций увидел плачущую женщину и спросил, в чем ее горе. Она сказала ему, что тигр растерзал одного за другим всех ее родных.
  — Почему же ты не покидаешь этой местности? — удивился мудрец.
  — В других областях князья угнетают народ.
  — Видите, — сказал тогда Конфуций ученикам, — жестокий тиран страшнее для человека, чем лютый зверь.
- Стрельба из лука учит нас, как надо искать истину. Когда стрелок промахивается, он не винит других, а ищет вину в самом себе.
- Тот, кто, дожив до сорока лет, вызывает лишь неприязнь, — конченый человек.
- Достойный человек не идет по следам других людей.
- Каждый может стать благородным мужем. Нужно только решиться им стать.
- Единственная настоящая ошибка — не исправлять своих прошлых ошибок.
- Будьте строги к себе и мягки к другим. Так вы оградите себя от людской неприязни.
- Человек расширяет Путь, а не Путь расширяет человека.
- Достаточно, чтобы слова выражали смысл.
- Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем.
- Ученый, ищущий истину, но стыдящийся бедной одежды и грубой пищи! О чем тут еще говорить!
- Добродетель не останется в одиночестве. У нее обязательно найдутся соседи.
- — Существует ли бессмертие? — спросили у Конфуция.
  — Мы не знаем, что такое жизнь, можем ли мы знать, что такое смерть? — уклончиво ответил он.
- Платить добром за зло — нелепость. Чем же тогда платить за добро?
- Благородный муж подобен колоколу: не ударишь в него — не звучит.
  / Это интерпретируется как отказ говорить о чем-либо до тех пор, пока правитель прямо об этом не спросит. /
- Благородный муж думает о Пути, не думает о еде. Когда пашут — за этим страх голода. Когда учатся — за этим стремление к жалованью. Благородный муж печалится о Пути, не печалится о бедности.
- Цзы-Гун спросил: «Если бы Вы не высказывались, то что бы ученики

записали за счет этого?» Конфуций ответил: «Разве Небо высказывается? Четыре времени года сменяются за счет этого. Сто вещей живут за счет этого. Разве Небо высказывается?»

- Соотношение между правителем и народом таково: император — всадник, чиновники и законы — «узда» и «вожжи», народ — лошадь. Чтобы хорошо управлять лошадьми, нужно их правильно взнуздывать, нужно ровно держать вожжи и стимул, следует соразмерять силы лошадей и наблюдать за согласным бегом последних; при этих условиях правителю можно не издавать ни одного звука, вовсе не хлопать вожжами и не подстрекать стимулом — лошади сами собой побегут.
- Я в 15 лет направил помыслы на учение, в 30 лет установился, в 40 не сомневался, в 50 познал Судьбу Неба, в 60 стал послушными ушами, в 70, следуя тому, что желало мое сердце, не преступал меры.
- При разных принципах не найти общего языка.
- Величайшая слава не в том, чтобы никогда не ошибаться, но в том, чтобы уметь подняться всякий раз, когда падаешь.
- Для людей человеколюбие важнее, чем вода и огонь. Я видел, как люди, попадая в воду и огонь, погибали. Но не видел, чтобы люди, следуя человеколюбию, погибали.
- Когда ты видишь доброго человека, старайся превзойти его; когда видишь дурного человека, изучи свое сердце.
- Тот, кто стремится познать правильный путь, но стыдится плохой одежды и пищи, тот недостоин того, чтобы с ним вести беседу.
- Глупец жалуется, что люди плохо знают его, а мудрец, наоборот, что он не знает людей!

/ © Глупец — в более выгодном положении. У него хоть какая-то есть перспектива... Или утешительная надежда... /

- Если на рассвете познаешь *дао*, то на закате солнца можно умереть.
- Середина есть точка, ближайшая к мудрости; не дойти до нее — то же самое, что ее перейти.
- Совершенномудрого человека я не видел. Увидеть благородного мужа — этого достаточно. Доброго человека я не видел. Увидеть обладающего постоянством — этого достаточно.
- Знать, что нужно сделать, и не делать этого — худшая трусость.
- Тот, кто желает сохранить добро других людей, уже сохранил свое собственное.
- Я слушаю слова людей и смотрю на их действия.
- Народ можно заставить пользоваться (чем-нибудь), но нельзя заставить понять почему.
- Учиться и не размышлять — напрасная трата времени; размышлять и не учиться — губительно.
- Если кто-то считает мудрым того, кто является мудрым и с пренебрежением относится к женской красоте, отдает все силы служению родителям, не щадит своей жизни на службе правителю, поддерживает отношения с друзьями и своими речами приобретает их доверие, хотя о нем и скажут, что он не учился, я обязательно назову его ученым человеком.

- Благородный муж боится трех вещей: он боится воли Неба, боится великих людей и слов совершенномудрых. Благородный человек стойко переносит нужду, а низкий человек в нужде становится распущенным. Благородство — это долг + добродетель.
- Пять вещей составляют совершённую добродетель: серьезность, щедрость души, искренность, усердие и доброта.
- Легче зажечь одну маленькую свечку, чем клясть темноту.
- Когда имущество сосредоточено в одних руках, народ рассеивается. Когда имущество распределяется, народ объединяется.
- Остерегайтесь делать то, о чем можете рано или поздно пожалеть.
- Что ни делай, тебя всё равно поймут превратно. Когда государю служат, выполняя все правила поведения, люди считают это угодничеством.
- Провинившемуся перед Небом не о чем больше молиться.
- Мудрость невозможна без благородства; не соблюдающий достоинства, хотя и учится, его знания непрочны.
- Среди трех человек, с которыми я иду по дороге, для меня обязательно находится учитель, я выбираю хорошего и следую ему, а нехороших исправляю.
- Правитель должен быть величественным, но не заносчивым; строгим, но не жестоким.
- Того, кто не задумывается о далёких трудностях, подстерегают близкие неприятности.

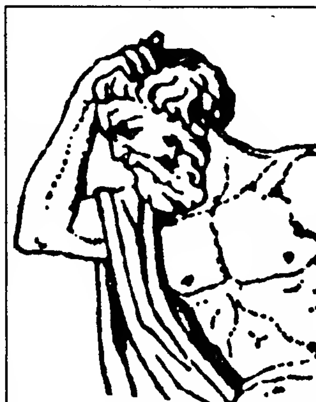
«Есть ли одно такое слово, которым можно было бы руководствоваться всю жизнь?» — спросили у Конфуция. «Да, есть, — ответил он. — Это — *снисходительность*».

Конфуцию перевалило за семьдесят, когда он почувствовал приближение смерти. Его стали посещать видения и сны, которые предвещали скорый уход из жизни. Однажды ученики услышали, как учитель напевал: «Большая гора должна разрушиться, сильное течение должно пресечься, мудрый человек должен завянуть, как растение».

Затем он посетовал, что «не нашлось ни одного умного правителя, который захотел бы стать моим учеником. Пора мне умереть».

Он лег в постель и через неделю тихо скончался.

Парменид

VI в. до н. э.

Парменид

/Παρμενίδης/

- Древнегреческий философ

Родился: ок. 540 г. до н. э.
Умер: 462 г. до н. э.

Прожил ≈ 78 лет

> **«Есть бытие, а небытия вовсе нет».** *(Парменид)*

- **«Вместе всё (ὁμοῦ πᾶν)».** *(Парменид)*

1. ЖИЗНЬ

- Происходил из знатного и богатого рода.
- Родился в городе Элея (Южная Италия).

/ Интересный факт: Элея расположена в заливе, и основавшие город фокейцы дали ему имя Элэ по названию находившегося там источника. /

- Был учеником Ксенофана, однако последователем его не стал.
- Слушал курс пифагорейца Аминия («мужа бедного, но добропорядочного» [Сотион*]). Именно им он был обращён к созерцательной жизни (букв. «к безмолвию»). Почтительность Парменида к этому человеку была столь высока, что после смерти его он воздвиг ему усыпальницу как герою.
- Встречался и беседовал с Сократом и даже дал однажды молодому Сократу такой совет:

«Твое рвение к рассуждениям, будь уверен, прекрасно и божественно; пока ты еще молод, постарайся поупражняться побольше в том, что большинство считает и называет пустословием; в противном случае истина будет от тебя ускользать».

- Главной его целью было истолковать генезис вещей.
- Свои рассуждения Парменид излагал в привычном для себя ключе «вопросов и ответов».
- Аллегория, загадки, мифотворческий вымысел — таковы элементы стиля его манеры изъясняться, вести диспут, убеждать.
- **Сочинение Парменида:**

«О природе» (*«Περὶ φύσεωζ»*, поэма, написанная в эпических стихах):

/ Сохранилось в отрывках $^9/_{10}$ от первой части и $^1/_{10}$ от второй части. /

// Хотя поэтическая форма обязывала его пользоваться метафо-

---

* **Сотион Александрийский** (II в.) — философ, автор сочинения «Преемства философских школ».

рами, фигурами и тропами, Парменид всё же был склонен к лишённой прикрас, сухой и ясной форме изложения. //

• Его доказательства изящны, им присущи обширность ума и смелость подхода:

♦ Если есть сущее, то е́сть и то, что не есть сущее. Но не-сущего нет. Значит, есть только сущее. Следовательно, сущее — ОДНО.

• В старости он был сильно сед, но хорош и благороден на вид.

• Парменид благоустроил свою родину наилучшими законами, так что власти ежегодно брали с граждан клятву оставаться верными его законам.

2. СУДЬБА

► Парменид впервые выставил рассуждение «Ахиллес», которое впоследствии — в качестве одного из четырёх доводов против существования движения — подхватит его преемник и согражданин Зенон.

► С него берёт начало одно из важнейших наукообразующих правил — ПРИНЦИП ОГРАНИЧЕНИЯ:

♦ Никем и никогда не может и не должен ставиться вопрос об исследовании не-сущего (т. е. «того, чего нет»).

/ © То есть это сродни, или по крайней мере аналогично, ве́то (запрету) на рассмотрение уже в новейшее время проблемы создания «вечного двигателя» (perpetuum mobile). /

► **Сократ** (см.: *Платон.* «Теэтет», 183е):

«Парменид — мыслитель действительно необыкновенной глубины». Он внушает мне благоговение и трепет. Без обращения к нему никогда не рассмотреть и не понять того, что́ есть научное знание (ἐπιστήμη)».

► **Аристотель:**

«Парменид полагал, что, кроме бытия чувственно воспринимаемых вещей, никакой другой реальности нет. Но именно он в то же время впервые понял, что без такого рода [= неизменных] вещей никакое познание и мышление невозможно. И вообще, такой вопрос должен рассматриваться не физикой, а другой, первенствующей над ней дисциплиной».

3. УЧЕНИЕ

♦ В основе всего — два начала: огонь и земля, причём первый имеет статус демиурга, а вторая — матери.

♦ Раньше всех богов Афродита создала Эроса. Афродита находится в центре Вселенной и всем управляет, а Эрос — та сила, которая связывает противоположности света и тьмы, огня и земли, мужского и женского.

♦ Всё существующее обладает некоторым сознанием.

♦ Ощущение и мышление (τo φρονεῖν) — тождественны.

♦ **Не возникает бытие и не подчиняется смерти.**
Цельное всё, без конца, не движется и однородно.
Не было в прошлом оно, не будет, но всё — в настоящем.
Без перерыва, одно. Ему ли разыщешь начало?
Как и откуда расти?..
Так неподвижно лежит в пределах оков величайших,
И без начала, конца, затем что рожденье и гибель
Истинным тем далеко отброшены вдаль убежденьем...
Есть же последний предел, и всё бытие отовсюду
Замкнуто, массе равно вполне совершенного шаре
С правильным центром внутри.

◐ В этих строках, по сути дела, заключена одна из принципиальнейших фаз античной аргументалистики — довод самоневозможности ◑:

Сущее не может возникнуть ни из сущего, ни из не-сущего. Из первого ему не появиться, ибо оно уже есть, а из второго — (ведь не-сущее — это то, чего нет) тем более не получится. ◑

♦ Бытие едино, непрерывно, цельно, неделимо и сплошь однородно.

♦ Никогда не может быть доказано, что несуществующее существует. Оберегайте свою мысль от этого пути исследования, ибо немыслимо ни познать, ни выразить небытия: оно — непостижимо.

♦ Утверждение, что «есть небытие и оно необходимо существует» — ошибочно. Никогда не может быть доказано, что несуществующее существует.

◐ А разбитая чашка?! Разве она не небытие *бытия ее целостности*? Вообще появление в философии (через Парменида!) темы небытия очень интересно, важно и эвристично.

Небытие — это понятие, обозначающее не усмотрение его, небытия, как наличествующего, то есть имеющего постигаемое местопребывание, а ПРИПИСЫВАНИЕ бытию черт, входящих в содержание его, понятия небытия, значений.

Простой пример: Вот говорят же: «Мы видим ваши недостатки». Спрашивается, как можно увидеть не что-нибудь, а именно «***не*достатки**»?! Ведь, по определению, это слово фиксирует нечто отсутствующее или само отсутствие как таковое.

Как можно узреть то, чего нет?! Выходит, что мы видим то, чего для нас **как видимого** мало, недостаточно; мы бы хотели видеть больше или, иначе, видеть то, что есть у другого, но нет у этого.

Значит, строго говоря, мы не столько **не видим** — ибо как увидеть «отсутствие»?, — сколько не соглашаемся с видимым! Если принять и учесть это несовершенство в языке и в словоупотреблении, то видеть **небытие**, а следовательно, и говорить и ставить о нем вопрос можно; в том смысле, что познающему мир разуму понятия «бытия» для объяснения мира мало, и он, разум, нуждается в его, понятии «бытия», дополнении. ◑

♦ Противоречие не соответствует истине.

♦ Не существует ни прошлого, ни будущего, ведь прошедшее уже не существует, будущее еще не существует.

♦ **Одно и то же есть мысль, и то, о чём мысль существует,**
Ибо ведь без бытия, в котором ее выраженье,
Мысли тебе не найти.

4. МЫСЛИ

☑ Не болтай праздно языком, не глазей бессмысленно на мир, не вслушивайся в бессмысленные речи.

☑ Порви со слепой привычкой.

☑ В познании, откуда бы ни начинать, безразлично, всё равно вернешься к началу, ибо истина хорошо закруглена.

☑ Дóлжно тебе всё узнать: и недрожащее сердце хорошо закругленной истины, и мнения смертных, в которых не заключается подлинной достоверности.

☑ Есть мыслители как бы «двухголовые», видящие для всего «обратный путь», утверждая, что «мы существуем и не существуем», что «путь вверх и путь вниз один и тот же».

☑ **Женщина с мужем, когда мешает Венерино семя,**
То если разная кровь соблюдает в смешении меру,
Сила ее, творя, порождает складное тело;
Если же, семя смешав, в нем силы враждуют и спорят
И не сливают себя воедино в смешанном теле,
То народившийся пол двояким семенем страдает.

☑ Надеющийся подобен верующему, он видит умом умопостигаемое и грядущее.

Клеобул из Линда

VI – V вв. до н. э.

• Древнегреческий мудрец

Родился: 538 г. до н. э.
Умер: 470 г. до н. э.

Прожил — 68 лет

> **«Наслаждением властвуй».**
> *(Клеобул)*

■ **«В счастье не возносись, в несчастье не унижайся».** *(Клеобул)*

■ **«Люби больше слушать, нежели говорить».** *(Клеобул)*

1. ЖИЗНЬ

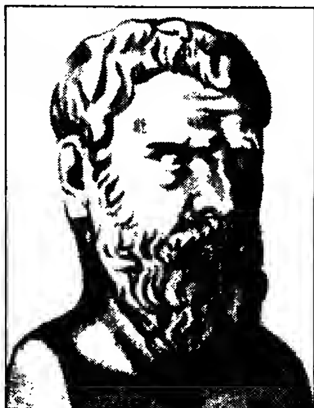
• Его родина — город Линд (остров Родос).
• Был правителем Линда.
• Один из «7-ми мудрецов».
• Отличался силой и красотой.
• Сочинял песни и загадки.
• Изречения Клеобула, как и ёмкие по смыслу краткие высказывания (по-гречески «гномы») других мудрецов, часто были начертаны на каменных скрижалях и на фронтонах эллинских храмов, в частности имевшихся в Дельфах.
• Прославился афоризмом **«Мера важнее всего»**.

4. МЫСЛИ

- С женой при чужих не ласкайся и не ссорься: первое — знак глупости, второе — бешенства.
- Пьяного раба не наказывай: покажешься пьян.
- Жену бери ровню, а возьмешь выше себя — родня ее будет над тобой хозяйничать.
- Над осмеиваемыми не тешься — наживешь в них врагов.
- Превратности судьбы умей выносить с благородством.
- Что ненавидишь, того не желай другому.
- Мудрый человек ненавидит ложь.
- Кто держится во всём середины золотой, тот в жизни обретет и счастье, и покой.
- Больше люби знание, чем незнание.
- Язык держи в благоречии.
- Добродетели будь своим, пороку — чужим.
- Неправды убегай.
- Силой ничего не верши.
- С враждой развязывайся.

Гераклит

VI – V вв. до н. э.

Гераклит из Эфеса

/Ἡράχλειτος/

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 535 г. до н. э.
Умер: ок. 475 г. до н. э.

Прожил ≈ 60 лет

> **«Нельзя дважды войти в одну и ту же реку».** *(Гераклит)*

▪ **«К слову сущему всегда непонятливы люди».** *(Гераклит)*

▪ **«Я исследовал самого себя».** *(Гераклит)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился и жил в городе Эфесе (Малая Азия).
• Сын Блосона.
• Происходил из царской семьи; как отпрыск рода Андроклидов (потомков легендарного основателя Эфеса — Андрокла), он должен был унаследовать почетный титул «царя», но отрекся в пользу брата.
• Офилософствовал греческое слово «λόγος» (логос), первоначально означающее речь, слово, мысль, суждение.

/ В текстах Гераклита этот термин встречается 11 раз: в трех фрагментах — в значении «слово», «речь»; в пяти — в значении «понятие». /

• За глубокомыслие и загадочность изложения получил прозвище «Темный».
• Гераклит был первым греческим философом, в текстах которого появился термин «космос» (χόσμος).

/ «Этот χόσμος, один и тот же для всех, не создал никто ни из богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим». /

// Само слово «космос» означает «порядок». Первоначально оно применялось к обозначению государственного устройства и даже убранства приведшей себя в «порядок» женщины (отсюда — «косметика»). //

• Имел скверный характер. Постоянно ругался с соотечественниками и употреблял злобные выражения.
• **Сочинение Гераклита:**

«О природе» («Περὶ φύσεωζ»):

/ Всего сохранилось 126 отрывков из этой поэмы. /

• Вместе со своим другом и единомышленником Гермодором Гераклит потерпел в Эфесе политическое фиаско, после чего отошел от общественной деятельности.
• В конце своей жизни Гераклит удалился в горы и жил отшельником.

2. СУДЬБА

► Всякий раз, когда Гераклит выходил на люди, он плакал, потому что всё, что люди делают, казалось ему жалким.

∇ ◐ Гераклиту, похоже, было от чего иногда плакать:

♦ Следовало бы всем взрослым эфесцам удавиться и оставить город подросткам, ибо они изгнали Гермодора, мужа меж них наиполезнейшего. Причем изгнали, будучи в злобном убеждении: «Пусть не будет среди нас ни один, кто превосходит нас, а если такой найдется, да будет он на чужбине и с чужими». ♦

Неужели принцип «не высовывайся!» столь древен?! ◑

► Когда эфесцы попросили Гераклита составить для них законы, он обозвал их негодяями и продолжал играть в бабки, говоря, что это лучше, чем управлять их государством.

► **А. Ф. Лосев** /(1893 – 1988), российский философ/ (по поводу Гераклитового релятивизма):

«Если объективно рассмотреть оставшиеся от Гераклита фрагменты, то получается обратное впечатление: Гераклит всячески подчеркивает *пребывание* в смене, *постоянство* в изменении, *тождество* в перемене, *меру* в становлении, *единство* в раздвоении, *вечность* в преходящем».

► Когда народ принудил однажды Гераклита высказать свое мнение о единодушии, он, поднявшись на возвышение, взял чашу с водой, насыпал в нее пшеницы и, перемешав с мятою, выпил и ушел, показав тем самым, что тогда цветут в мире и согласии государства, когда довольствуются граждане своим достоянием, не стремясь к излишествам.

3. УЧЕНИЕ

♦ Хотя этот логос существует всегда, люди не понимают его ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь всё происходит согласно этому логосу.
♦ Не мне, но логосу внимая, разумно признать, что всё едино.

/ О гераклитовском Логосе написана обширная литература. Перечислим несколько основных его интерпретаций:

1. Логос — мистическое божественное Слово.
2. Логос — божество, управляющее миром, может быть завуалированным обозначением Зевса.
3. Логос — верховный разум, лежащий в основе мироздания.
4. Логос — всеобщий закон, согласно которому совершаются изменения и взаимопревращения вещей.
5. Логос — отношение, определяющее (в количественном смысле) превращения одних вещей в другие (например, воду в землю и престер и т. д.).
6. Логос — учение, в том числе учение самого Гераклита, изложенное в его книге.

7. Логос — слово, речь, рассказ в обычном тривиальном смысле.

♦ Всё течет, всё меняется.

∇ ◐ С этим высказыванием Гераклита — те же проблемы, что и с афоризмом Питтака «Трудно человеку быть хорошим».

Есть версия, что выражение «*Всё* течет, *всё* меняется», надо читать с ударением на первом смысловом слове «всё»; «*всё* течет, *всё* меняется», имея в виду тот смысл, что не «текучесть» — главное понятие, а присущность свойства текучести именно целому, то есть **Всему**. Гераклит жаждет сказа́ть: «Целостность» не неподвижна и постоянно себера́вна, а, напротив, она цела распадом и неизменна своей изменчивости.

Как бы там ни было, даже если Гераклит и не имел в виду вышеозначенный смысл, такой подход ему бы понравился.

По некоторым источникам, Гераклит формулировал эту фразу вообще иначе. Не «Всё течет» (*по-греч.* πάντα ῥεῖ), а «Всё движется вперед». ◑

♦ А кормчий всего есть перун (огонь вечный).

/ **Аристотель:**

«Под огнем он не имеет в виду пламени; наименование огня он дает сухим испарениям».

И. Д. Рожанский:

«Рассматривая стимулы, которые могли побудить Гераклита выбрать огонь в качестве первоосновы всего сущего, нельзя просто отмахнуться от предположения о возможном влиянии иранских религиозных представлений. Хорошо известно, что в зороастризме огню придавалось особое значение, выделявшее его среди прочих вещей окружающего нас мира. В «Авесте» огонь является сыном верховного бога Ахура-Мазда, носящим имя Атар. При этом в соответствующем месте «Авесты» перечисляются четыре формы проявления Атара, каждая из которых имеет свое особое наименование. Во-первых, это огонь, выходяший из скал и других естественных источников и горящий перед троном Ормазда. Во-вторых, это огонь, скрытый в телах людей и животных; им обусловливается тепло живого организма, блеск глаз, пищеварение. Третий вид огня скрыт в земле и растениях: он согревает воду и является причиной всякого произрастания. Далее, огонь, содержащийся в облаках, проявляется в виде молний. Наконец, последняя разновидность Атара — это тот огонь, который используется нами в повседневной жизни. Таким образом, огонь, согласно зороастрийским религиозным текстам, представляет собой универсальную божественную силу, разлитую во всей природе. Разумеется, подобная концепция не совсем совпадает с той ролью, которая приписывается огню Гераклитом. И всё же она могла оказать влияние на выбор Гераклитом огня в качестве мировой первоосновы». /

♦ Огня смерть — воздуха рожденье, и воздуха смерть — воды рожденье. Из смерти земли рождается вода, из смерти воды рождается воздух, из смерти воздуха — огонь, и наоборот.

♦ Всё обменивается на огонь, и огонь — на всё, подобно тому, как золото обменивается на товары, а товары — на золото.

♦ Превращения огня — прежде всего море, а море же наполовину состоит из земли, наполовину из «престера»[10]. Земля рассеивается и измеряется тем же логосом, какой существовал ранее, прежде чем образовалась земля.

♦ Чего возможно видение, слышание, усвоение, это я предпочитаю.

♦ Обманываются люди в познании видимого наподобие Гомера, который мудрее был всех эллинов. И его ведь обманули дети, вшей убивавшие, сказав: всё, что мы увидели и поймали, мы бросаем, а всё, чего не увидели и не поймали, мы носим.

♦ А учитель почти всех людей — Гесиод. Он слыл знающим почти всё, он, не распознавший дня и ночи: ведь они суть одно.

♦ Путь прямой и кривой один и тот же.

♦ Бессмертные смертны, смертные бессмертны: друг друга смертию живут, друг друга жизнью умирают.

♦ Единое, расходясь, само с собою согласуется: обратно возвращающаяся гармония, как у лука и лиры.

♦ Расходящееся всегда сходится.

/ «Борьба противоположных сил, по Гераклиту, отнюдь не сводится к попеременному преобладанию то одной, то другой силы: у него обе борющиеся силы всегда налицо, всегда сосуществуют, совместно определяя целостность вещи или процесса. В древности эта кардинальная черта онтологии Гераклита была наиболее правильно понята и отмечена Платоном, философское развитие которого прошло, по-видимому, через период увлечения Гераклитом (возможно, под влиянием Кратила, с которым молодой Платон некоторое время много общался). В «Софисте» Платона имеется место, где в нескольких словах дается глубокое сопоставление взглядов Гераклита и Эмпедокла:

«Позднее некоторые ионийские и сицилийские Музы сообразили, что всего безопаснее заявить, что бытие и множественно и едино и что оно держится враждою и дружбою».

«Расходящееся всегда сходится», — говорят более строгие из Муз; более же уступчивые всегда допускали, что всё бывает поочередно — то единым и любимым Афродитою, то множественным и враждебным с самим собою вследствие какого-то раздора».

Из платоновского контекста следует, что слова «расходящееся всегда сходится» (διαφερόμενον γὰρ ἀεὶ ξυμφέται), представляющие собою, по-видимому, довольно точную цитату из Гераклита, надо трактовать не в том смысле, что теперь расходящееся потом начнет сходиться (это была точка зрения «сицилийской Музы», то есть Эмпедокла), а в смысле синхронного сосуществования обеих тенденций».

(И. Д. Рожанский) /

♦ **Со умом** говорящие укрепиться должны на **соуместном** (т. е. совместном).

/ Здесь игра слов: *хуn поōi хупōi.* /

♦ Луку имя «жизнь» (*bios*), а дело его — «смерть» (*bios*).

∇ ◐ Слово *bíos* с ударением на первом слоге означает жизнь, а с ударением на втором слоге — *biós* — означает лук (оружие, орудие смерти).

С Гераклита можно начать отсчет обращения внимания на игру слов и проблему имплицитной многосмысленности.

Сегодня эти проблемы — предмет целой научной дисциплины полисемии. Каламбуры и обыгрывание значений слов — глубинный фундамент философической поэзии, основа всех анекдотов и базовый компонент всей юмористики и сатиры.

Немного примеров:

- Я спросил сегодня таксу: «За такси какая такса?»
- Я не чаю выпить чаю.
- Жрец — это не жрущий, а служаший Богу.
- Оратор — не от слова «орать», а умеюший говорить красиво.
- Мы — умы, а вы — увы!
- Вы, товарищ, возражаете, словно воз рожаете! } **В. В. Маяковский**
- Блестящий ученый — тот, у кого блестит лысина.
- Застенчивый — выпивоха, держащийся за стенку.
- Свежо предание, да вертится с трудом. (Из комплиментов престарелой балерине.)
- Язык под майонезом. (Положить немного майонеза на язык.)
- Присесть на минутку. (Подпись к рисунку человека, восседающего на минутном делении циферблата часов.)
- Положить деньги на книжку. (Взять книгу и сверху положить на нее купюры.)
- Скверная история. (История, случившаяся в сквере.)
- Вы член партии? Нет, я ее мозг!
- Люди, поверьте, мы живы тоской,
Только в тоске мы победны над скукой,
Всё перемелется, будет мукóй?
Нет, лучше мýкой! (**Марина Цветаева.** *Мукá и мýка.* 1909 – 1910 гг.)
- Отстоять своё предложение — стоять до тех пор, пока с тобой не согласятся.
- В 1990 г. труппа Большого театра выезжала во Францию с оперой «Евгений Онегин» на музыку П. И. Чайковского. Все арии были адаптированы под восприятие французов, так что было чего опасаться за судьбу восприятия, и певица Ирина Архипова (она пела одну из партий) после спектакля спросила у своего сына: «Ну как?» На что он ответил: «Русского нет почти ничего, но ничего».
- Смотри, натуралист, упал на тура лист.
- Зайцы, зайцы, то не вы ли на луну сегодня выли?
- Раку гусь твердил одно:
— Ты ударь клешнёй о дно
И на берег из реки
Вылезь, мудрость изреки.
- В королевских покоях
Потеряла покой.
- Ох, рано встаёт охрана. } **Ю. Энтин.** *Стихи к песням для мультфильма «Бременские музыканты»*
- Любой дар не даётся даром.

- Ко́сит косец, а зайчишка коси́т,
  Тру́сит трусишка, а ослик труси́т.

(Я. Козловский)

- Область рифм — моя стихия;
  И легко пишу стихи я;
  Без раздумья, без отсрочки
  Я бегу к строке от строчки,
  Даже к финским скалам бурым
  Обращаюсь с каламбуром.

(Д. Д. Минаев)

- В сказке А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Мальвина занимается с Буратино диктовкой:

  «Пиши́те: «А роза упала на лапу Азора». Написали? Теперь прочтите эту волшебную фразу наоборот».

- Эпиграмма Г. Р. Державина на русского военачальника, героя кампании 1812 г. генерала Багратиона:

  О, как велик, велик На-поле-он!
  Он хитр и быстр, и твёрд во брани;
  Но дрогнул, как к нему простёр в бой длани
  С штыком Бог-рати-он.

♦ В одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, существуем и не существуем.

4. МЫСЛИ

- Человеческий образ мыслей не обладает разумом, божественный же обладает.
- Мудрейший из людей по сравнению с богом покажется обезьяной в отношении мудрости, красоты и всего прочего.
- Мышление — великое достоинство, и мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать с ней сообразно.
- Всем людям свойственно познавать себя и мыслить.
- Те, кто, слушая, не понимают, уподобляются глухим, о них свидетельствует изречение: «Присутствуя, они отсутствуют».
- Человеческие мысли — детские игры.
- То, что самый испытанный мудрец знает и соблюдает, есть только мнение...
- Образ мыслей человека — его божество.
- В изменении покоится...
- Обманулся Гомер тогда, когда изрёк: «Сгинет пусть Рознь из среды богов и людей...» Ибо не понял он, что молится о том, чтобы всё исчезло. Не родилась бы Гармония...
- Когда все желанья людей сбываются — не лучше им.
- Годины, что всё нам приносят.
- Много злых и мало добрых.
- В Приене Биант проживал, сын Тевтамов: глагол его выше был, чем у других.
- Один, по мне, — тысячи, если он — наилучший.

- С гневом бороться трудно: за всё, что он хочет, жизнью платишь.
- Бороться с наслаждением еще трудней, чем с гневом.
- Любит природа скрываться.
- Глаза — свидетели более точные, нежели уши.
- Душа спящего подобна пауку посредине паутины, она тотчас стремится в задетую часть тела, и человек пробуждается.
- Когда мы живем, души наши — мертвы, когда мы умираем, они оживают.
- Если бы у слепого спросили, что такое зрение, то он ответил бы, что это слепота.
- Роком я называю порядок и последовательность причин, когда одна причина, связанная с другой причиной, порождает из себя явление.
- Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это.
- Не делайте поспешных заключений в важнейших делах.
- Многознание уму не учит. Ибо в противном случае оно научило бы Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана.

  / **Гераклит:**

  «Пифагор создал собственную мудрость: многознание и обман». /
- Прекраснейший космос представлял бы собою как бы кучу сору, рассыпанную наудачу.

∇ ◐ Я бы так перевел это место: «Иногда и куча сора, рассыпанная наудачу, может дать нечто прекрасное». ◑

- Война — отец всех вещей, отец всего.
- Нужно, чтобы люди, занимающиеся философией, о многом были хорошо осведомлены.
- Мудрость состоит в том, чтобы говорить истину и прислушиваться к голосу природы, поступать согласно с ней.
- Мудрость заключается в одном: познавать мысль, как то, что правит всем во всём.

Мели́сс

Мелисс Самосский

• Древнегреческий философ

VI – V вв. до н. э.

Родился: 510 г. до н. э.
Умер: 440 г. до н. э.

Прожил — 70 лет

«О богах не до́лжно учить, ибо познание их невозможно».
(Мелисс)

Скользит вниманьем ум, внимая,
Рисуя образ в образец,
Дрожит призывом речь немая,
Потомок, ты ведь мне отец!

1. ЖИЗНЬ

• Уроженец острова Самос.

• Ученик философа Парменида, но посещал и беседы Гераклита.

• Его акмэ* приходится на середину 60-х годов V в. до н. э.

• Брался доказывать и доказать, будто беспредельное множество предметов есть единое целое.

• **Сочинение Мелисса:**

«*О сущем*» (или «*О природе*»):

/ До нас оно не дошло и известно лишь по незначительному числу цитат в произведениях более поздних авторов. /

• В 441 г. до н. э. в ходе войны о. Самос с Афинами он был избран командующим самосским флотом и нанес тяжелое поражение флоту афинян.

3. УЧЕНИЕ

♦ Ничто из того, что имеет начало и конец, ни вечно, ни беспредельно.

♦ В основании четырех элементов — воды, земли, огня, воздуха — лежит некая общая сущность, не возникшая и не уничтожимая, которую следует назвать всеединым.

♦ Вселенная беспредельна, неизменна, недвижима, едина, подобна самой себе, полна.

♦ **Доказательство невозможности пустоты:**

Пустоты нет вовсе. Ибо пустота — ничто. Итак, то, что есть ничто, существовать не может.

---

* **Акмэ** (*греч.* ἀχμή — высшая степень, расцвет, зрелость, лучшая пора) — древнегреческий термин для обозначения периода расцвета творческих и физических сил человека, приравниваемого обычно для мужчин к 30–40/43–45-летнему возрасту*).

*) © Видимо, нечто подобное есть и для женщин — достаточно вспомнить русскую поговорку: «В 45 (сорок пять) баба ягодка опять».

♦ **Доказательство невозникновения (то есть вечности) бытия:**

Первый подход:

Если бытие возникло, то до своего возникновения оно должно было вовсе не существовать. Если же в самом деле ничего не было, то никоим образом не могло что-нибудь возникнуть из ничего.

Второй подход:

Если сущее изменяется, то, безусловно, оно не пребывает совершенно однородным, но ранее существовавшее погибает, небывшее же возникает. Итак, если бы оно хотя бы на один волос изменилось в течение десяти тысяч лет, то оно всё целиком уничтожилось бы в течение всего времени.

∇ ◐ То есть понятие превращения (как это, к примеру, происходит с бесконечным многообразием узоров калейдоскопа при фиксированном числе их элементообразующих начал — разноцветных стеклышек) ни греческим философам, ни Мелиссу в частности, еще неведомо. ◑

♦ **Доказательство беспредельности бытия:**

Если целое (то есть бытие) не было бы беспредельным, то оно имело бы границу, следовательно, оно граничило бы с чем-то от него отличным. А что может быть отличным от бытия? Только небытие, то есть пустота. Но пустоты не существует.

♦ **Доказательство невозможности движения:**

Если нет пустоты, а это очевидно, то нет и движения. Ибо сущему некуда отойти, но всё полно им. А раз сущему некуда сдвинуться, то нет и надобности в действии, обозначаемом понятием «движение», и, следовательно, нет, не нужно и не может быть никакого движения.

♦ **Доказательство бестелесности бытия:**

Если бытие существует, а это доказано, оно должно быть единым, то есть ни с кем не разделять свое существование. Если же оно едино, то оно не должно иметь тела: если бы у бытия была толщина (определяющий момент телесности!), оно бы имело части, а всё, имеющее части, называется не единым, а множественным, и, кроме того, наличие частей входит в противоречие с фактом невозможности (отсутствия) пустоты.

∇ ◐ Ведь части и наличие границ между предметами предполагают наличие заполненности и незаполненности, плотного и пористого, то есть, в конечном счете, — пустоты. Но пустоты нет.

Что же до «разграничения», не требующего для своего осуществления «пустоты», а именно: «качественного» разграничения вариаций бытия, то к нему «философия», в лице Мелисса, еще только подступается... ◑

♦ Наше зрение обманчиво...

♦ В природе нет ничего постоянного, но всё в возможности подвержено гибели.

Анаксаго́р

Анаксагор из Клазомен
/Ἀναξαγόρας/

V в. до н. э.

• Древнегреческий философ

Родился: 500 г. до н. э.
Умер: 428 г. до н. э.

Прожил — 72 года

«Во всём заключается часть всего».
(Анаксагор)

■ **«Вследствие слабости ощущений мы не в состоянии судить об истине».**
(Анаксагор)

■ **На вопрос: «Ради чего лучше родиться, чем не родиться?» *Анаксагор* ответил: «Чтобы созерцать небо и устройство всего космоса!»**

■ **«О возникновении и уничтожении у эллинов нет правильного мнения. Ведь никакая вещь не возникает и не уничтожается, но соединяется из существующих вещей и разделяется. И, таким образом, правильнее было бы назвать возникновение соединением, а уничтожение — разделением».**
(Анаксагор)

1. ЖИЗНЬ

• Его родина — город Клазомены (Иония)*.
• С самого рождения его не видели ни смеющимся, ни улыбающимся.
• Был учеником Анаксимена.
• Анаксагор рассекал у животных мозг и обнаружил боковые желудочки мозга.
• Увлекся философией настолько, что запустил свое имение до превращения его в пастбище для скота.
• Он первым понял, что деятельное начало является определительной чертой всякой сущности и потому ввел в материю Ум (*по-греч.* «нус» — νόος):
/ «Нус» миротворящий — это νόος, «нус» животворный (т. е. как разум) — это νοῦς. /
• За вольный, нетрадиционный образ мышления Анаксагор подвергался преследованиям и даже какое-то время сидел в тюрьме. Согласно свидетельствам, от более жёстких санкций Анаксагора спас афинский государственный деятель Перикл.
• В тюрьме Анаксагор рисовал квадратуру круга.

---

* См. карту малоазийского побережья Эгейского моря, с. 32.

• В качестве первоначал он принял многозародышевую версию «всего во всём». Позднее Аристотель назовёт их (им, Аристотелем, данным) термином «подобочастные» (αἱ ὁμοιομέρειαι*).

/◐ Видимо, Анаксагору этот образ навеяла мужская сперма, каждая капелька которой содержит целиком организм человека (и кости, и мясо, и волосы, и кровь, и глаза...), или семечко растения, представляющее собой очень разнообразное многое в на вид однообразном малом. ◑

//◐ Скорее всего, для Анаксагора мира-элементы были в духе и традиции σπέρματα (т. е. сéмени).

Что же до Аристотеля, то его ракурс подхода был вроде взгляда сегодняшней генетики или квантовой теории, усматривающих в базовых структурах фундамента природы некий обозримый набор частичек-кирпичиков. ◑ //

///◐ Своей интерпретацией Анаксагора Аристотель его не только объяснил, но и выявил. Совершенно в духе «закона отставания» он проник в темную тайну предшественника по-философски: терминологическую недостаточность Анаксагора он понимательно застолбил о б ъ я с н я ю щ и м ключевым словом. Что бы в небе ни летало, но обозначенное нами как |самолёт|, оно начинает жить правом пáрящей жизни: Мы не только координатно его замечаем, но и... в о з н и к а ю щ е отмечаем. ◑ /// /

• Млечный Путь, по мнению Анаксагора, — это следствие падения тени Земли на эту часть неба, когда ушедшее под Землю Солнце не освещает уже всего.

• **Из сочинений Анаксагора** мы располагаем лишь:

«О природе»:

/ Сохранилось довольно много отрывков из этого произведения. Начиналось оно словами: «Вместе все вещи были...» /

// *По-греч.* «Вместе все вещи были...» — «Ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν...». //

«Пояс»:

/ Это рассуждение о наиболее трудных научных темах и проблемах, и названо оно так потому, что автор полагал, что читателей эти замысловатые вопросы возьмут в некий плен, как бы... свяжут. /

• Анаксагор вполне серьезно заявлял, что снег чёрен: мол, снег есть затвердевшая вода, а вода черна, следовательно, снег чёрен, а не бел, как это представляется нашему зрению.

• Анаксагор был угрюм и никогда не смеялся.

• До глубокой старости сохранял ясность ума и бодрость разума:

/ Случилось так, что друг Анаксагора и руководитель Афин Перикл очень, просто невпроворот, был занят государственными делами.

---

* У Аристотеля это субстантивированное прилагательное — τὰ ὁμοιομερῆ. Позднейшие авторы модифицировали его в термин, т. е. чистое существительное — αἱ ὁμοιομέρειαι — гомеомерии (мельчайшие частички) и впервые как ἡ ὁμοιομέρεια (гомеомерия). Это слово-термин-понятие, — причем безотносительно к Анаксагору, — встречается у Эпикура.

Анаксагор, уже старик, лежал без призора, накрывши голову, чтобы покончить жизнь, уморив себя голодом. Когда известие об этом дошло до Перикла, он в испуге сейчас же побежал к старику и стал уговаривать его оставить это намерение, оплакивая не его, а себя при мысли, что лишится такого советника в своих политических действиях. Тогда Анаксагор открыл голову и в тонком вразумлении выразил ему довод своей озабоченности: «Перикл, но ведь ясно же, что тот, кто имеет надобность в лампе, подливает в нее мáсла». /

2. СУДЬБА

► Термин «гомеомерия» — неотъемлемая понятийная часть сегодняшнего усвоения и понимания учения Анаксагора — введён не им, а Аристотелем.

► Анаксагор целиком отдался исследованию природы, не участвуя в общественных делах. По этой причине его спрашивали, заботится ли он о своей стране. «Да, — отвечал он, указывая рукой на небо, — **я чрезвычайно забочусь о своей родине!**»

► Рассказывают, что однажды Периклу принесли из деревни голову однорогого барана. Прорицатель Лампон, увидав, что рог, выросший на середине лба, был крепок и тверд, сказал, что от двух могущественных партий, существующих теперь в городе, Фукидидовой и Перикловой, сила перейдет к одному, у кого случилось это чудо. А Анаксагор, разрубив череп, показал, что мозг не наполнял своего основания, но, имея форму яйца, собрался из всего вместилища своего в то место, где корень рога имел начало. Тогда все присутствовавшие удивлялись Анаксагору, а немного спустя Лампону, когда... Фукидид был низвергнут, а управление всеми общественными делами перешло в руки Перикла.

► Когда Анаксагор умирал в Лампсаке[11], то на вопрос друзей, не желает ли он, если с ним что-либо случится, быть перевезенным на родину, в Клазомены, ответил: «Совсем этого не нужно: ведь путь в подземное царство отовсюду одинаков расстоянием».

► **Сократ об Анаксагоре:**

«Однажды мне кто-то рассказал, как он вычитал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришлась по душе, и я подумал, что это прекрасный выход из затруднения, если всему причина Ум. Я решил, что если так, то Ум-устроитель должен устраивать всё наилучшим образом и всякую вещь помещает там, где ей всего лучше находиться. С величайшим рвением принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже.

Но с вершины изумительной этой надежды я стремглав полетел вниз, когда, продолжая читать, увидел, что Ум у него остается без всякого применения и что порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам, но приписывается — совершенно нелепо — воздуху, эфиру, воде и многому иному».

► **Аристотель об Анаксагоре:**

«Анаксагор представился словно трезвый по сравнению с пустомелием тех, кто выступал раньше».

Гегель об Анаксагоре:

«Введением нуса в философии впервые забрезжил свет (хотя, надо признать, еще очень слабо): в качестве устроительного принципа провозглашается разум».

3. УЧЕНИЕ

♦ Всё полно мрака. В мире царит не знание, а мнение. И объекты представляют собой что угодно, а наше знание о них лишь такое, какими они нам кажутся.

♦ Мы видим, что простейшая пища — вода и хлеб — превращается в волосы, в вены, в артерии, в нервы, в кости и так далее. Следовательно, необходимо, чтобы в хлебе и в воде содержались маленькие волосы, вены, артерии и так далее, которых наши чувства, правда, не обнаруживают там, но которые не остаются невидимыми для нашего разума или рассудка.

♦ Каждая вещь характеризуется тем, что в ней преобладает. Так, золотом кажется то, в чем много золотого, хотя в нем есть всё.

■■■ Анаксагора теперь мы рассмотрим «гомеомерию»,
Как ее греки зовут, а нам передать это слово
Не позволяет язык и наречия нашего скудость,
Но, тем не менее, суть его выразить вовсе не трудно.
Прежде всего, говоря о гомеомерии предметов,
Он разумеет под ней, что из крошечных и из мельчайших
Кости родятся костей, что из крошечных и из мельчайших
Мышцы рождаются мышц, и что кровь образуется в теле
Из сочетанья в одно сходящихся вместе кровинок.
Так из крупиц золотых, полагает он, вырасти может
Золото, да и земля из земель небольших получиться;
Думает он, что огонь — из огней и что влага — из влаги,
Воображая, что всё таким же путем возникает.

(**Лукреций.** ***О природе вещей***) ■

♦ Солнце — это огненная глыба, а не бог.

♦ Всё небо состоит из камней. Вследствие сильного круговращения оно прочно держится и, если это движение прекратится, оно упадет вниз.

♦ Слова «возникновение» и «гибель» неправильно употребляют эллины. Ибо на самом деле ни одна вещь не возникает, не уничтожается, но каждая составляется из смешения существующих вещей или выделяется из них.

♦ Больше всего вещей выделяется из земли, воды, воздуха и огня. Поэтому нельзя считать, что они имеют простейшую природу, как утверждали Фалес, Анаксимен, Гераклит и Эмпедокл. Дождь идет потому, что он, в виде воды, уже есть в воздухе. Из камня выделяется огонь при высекании. Из воды выделяются при нагревании пузыри воздуха.

♦ Сама по себе каждая вещь и велика, и мала.

♦ И у большого, и у малого имеется равное число частей.

♦ Разум находится, подобно тому как в живых существах, так же и в природе, и это он — виновник благоустройства мира и всего мирового порядка.

♦ Остальные вещи имеют часть всего, но один Ум прост, самодержавен и

не смешан ни с одной вещью. Ум существует сам по себе. Ибо если бы он не существовал сам по себе, но был бы смешан с чем-то другим, то примесь мешала бы ему, так что он не мог бы ни над одной вещью властвовать. Он — легчайшая из всех вещей и чистейшая, и содержит полное знание обо всём, и имеет величайшую силу. И над всем, что только имеет душу, властвует Ум.

♦ Вместе все вещи были, Ум же их отделил и привел в порядок.

♦ **Аристотель:** «Анаксагор, хотя и допустил в числе начал Ум, однако полагает, что многое образуется само, без его содействия».

♦ И над всеобщим вращением стал властвовать Ум (**нус**), так как он дал начало этому вращению. Сперва это вращение началось с малого, теперь оно охватывает большее, а в будущем охватит еще большее.

♦ Всё устроил **нус**. Также и то вращение, которое теперь совершают звезды, Солнце и Луна, а также отделившиеся воздух и эфир. Само это вращение вызывает отделение.

♦ **Нус** не входит в вещи как их часть. **Нус** надстоит над всем и над душой тоже.

♦ В **нусе** нет частей, и он не состоит из частей всего.

♦ Происходит вращение и отделение этих веществ под действием силы и скорости. Ведь силу порождает скорость. Скорость же их несравнима со скоростью какой бы то ни было вещи из тех, что ныне известны людям, но, безусловно, во много раз больше.

♦ Ведь каким образом из не-волоса мог возникнуть волос и мясо из не-мяса?

♦ Помимо нашего существует и некий другой мир, в котором Солнце и Луна, как у нас.

♦ А до отделения, когда всё было вместе, ни один цвет не был различим; ведь этому препятствовало смешение всех вещей, влажного и сухого, теплого и холодного, светлого и темного, и земли, содержащейся в большом количестве, и беспредельных по множеству семя́н, ни в чем не похожих друг на друга. Ибо и из прочих вещей ни одна нисколько не похожа на другую. И если же это так, то следует полагать, что в общей совокупности заключаются все вещи.

♦ Свидетельство ненадежности чувств — невосприятие постепенного изменения цвета. А именно, если мы возьмем две краски — черную и белую, — а затем станем по капле переливать из одной в другую, то зрение не сможет различать ничтожные перемены, хотя в действительности они будут иметься.

∇ ◐ Я думаю, что этот пример-образ у Анаксагора — главный в его теории подобочастных («гомеомерий», по Аристотелю).

Первоначально всё было смешано. Если теперь (пусть даже действиями «мысленного эксперимента») взять из этого первосмешения любой кусочек (так сказать, «фрагмент»), то в нем будут незаметные, но явно присущные, частички всего, подобно той капле черной краски (ну, к примеру, если в ведре черной краски размешать каплю белой краски!), которая содержит в себе частичку, пусть даже незаметную, пусть даже, как мы сказали бы сегодня, в ми́кродо́зе, белой краски. ◑

♦ Растения — те же животные. Они ощущают, печалятся, радуются. На признаки этого указывает подвижность листьев. Растения имеют ум и знание.
♦ Дети похожи лицом на того родителя, который дал больше семени.
♦ Пустоты не существует вовсе.
♦ Человек есть самое разумное из животных вследствие того, что он имеет руки.
♦ Душа бессмертна.
♦ Ощущения ложны. Вода кажется нам прозрачной, а по природе она черна: ведь дым, исходящий из воды деревьев, чёрен. И снег видится нам белым, а он — из воды, а кто видел воду снежной белизны?
♦ Земля — плоская.
♦ Всё человеческое совершается благодаря случаю.
♦ Звезды — это воспламененные камни.
♦ Солнце во много раз больше Пелопоннеса.
♦ **Сократ:** «Анаксагор говорит, что огонь и Солнце — одно и то же; но он упустил из виду то, что на огонь люди легко смотрят, а на Солнце не могут глядеть; что от солнечного света люди имеют более темный цвет кожи, а от огня — нет; он упустил из виду и то, что ни одно растение без солнечных лучей не может хорошо расти, а от согревания огнем они все погибают; утверждая, будто Солнце есть раскаленный в огне камень, он упустил из виду и то, что камень, находясь в огне, не светит и не может долго держаться, а Солнце вечно остается самым блестящим светилом».
♦ Мир возник с начала времени; он тленен.
♦ Движение имело начало. Что мешает **нусу** когда-нибудь остановить все вещи, подобно тому, как он привел их в движение?
♦ Воздух приводится Солнцем в движение, которое имеет характер дрожания и колебания, как это ясно видно на примере мелких крошек и осколков, вечно носящихся в лучах Солнца и называемых пылинками. Шипя и шумя, под действием теплоты, они в течение дня издают звуки, неслышные из-за дневного шума, ночью же их колебание и гул становятся явными.
♦ Название вещи дают преобладающие в ней, из числа бесчисленно в ней имеющихся, первоначала.
♦ Можно ли познать вещи? Нет. Ведь мы только тогда полагаем, что познали сложную вещь, когда знаем ее компоненты. А возможно ли это при бесчисленных первоначалах?
♦ Вначале тела покоились. Божественный разум (**нус**) привел их в порядок и осуществил рождение миров.
♦ Разум — бог, и бог — разум.
♦ Увеличивается же подобное за счет подобного: от принятия одной и той же пищи, например хлеба, возникает много непохожих вещей: мясо, кости, жилы, мускулы, волосы, ногти, а при случае — перья и рога.
♦ В «гомеомерии» имеются мясо, кость, кровь, золото, свинец, сладкое, белое — однако, по причине крайней малости, они не воспринимаются нами.

■■■ **Вот как Лукреций критикует «подобочастные» Анаксагора:**

Правдоподобья нет никакого в таком объясненье.
Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,
Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что-нибудь, что в нашем питается теле;
Были б и травы должны подобным же образом часто
Кровь источать из себя при тренье их между камнями;
Стали б воды струить такие же сладкие капли,
Как молоко, что течет из сосцов у овец густорунных;
Было бы видно тогда, как и в комьях земли размельченных
Разного рода трава и хлебные злаки и листья
В маленьком виде в земле потаённо рассеяны всюду;
И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел и дым, и огни потаённые в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья.

(**Лукреций.** *О природе вещей.* Пер. Ф. А. Петровского) ■

4. МЫСЛИ

- Всё всегда равно: ведь невозможно быть больше всего.
- Желающему знать, что такое смерть, укажу на две вещи — время до рождения [и] сон.
- Сущность вещей, или ГОМЕОМЕРИЯ...
- Когда вещи делятся, их гомеомерия не меняется: так и голос, звуками уходя по всем направлениям, не перестает оставаться в том, кто им обладает.
- Всё заключено во всём, и часть наполнена целым: даже маленький глаз человека, *видя* мир, видит *мир.*
- А что мы еще можем знать о вещах, кроме того, что они таковы, какими они нам кажутся!
- Единый мир наше мнение может разделять на противоположности, но в действительности этого нет: правая и левая рука различны, но не противоположны, сладкое и горькое неодинаковы, но противопоставлять их так же нелепо, как разделительно сталкивать между собой разные по размеру и виду песчинки на берегу моря.
- **Нус** каждый раз пишет свою судьбу мира, пользуясь гомеомерными элементарными частичками, делая это наподобие писателя, слагающего произведения из заимствованных из словаря букв.
- И в малом ведь нет наименьшего, но всегда есть меньшее.

21 Зено́н Элейский

V в. до н. э.

Зенон из Элеи

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 490 г. до н. э.
Умер: 430 г. до н. э.

Прожил ≈ 60 лет

> **«Движенья нет».**
> *(Зенон)*

■ **«Философия дарует человеку презрение к смерти».** *(Зенон)*

■ **«Ум бессилен перед умничаньем: тьма, зажигающая свет, чтобы рассмотреть себя, попадает впросак».** *(Зенон)*

1. ЖИЗНЬ

• Родиной его была Элея, маленький городок в Нижней Италии.
• Отличался высоким ростом.
• Вместе с Эмпедоклом слушал лекции философа Парменида.
• Есть версия, что Зенон был приемным сыном Парменида, но есть и та, что он был его любовником.
• В философии он зачинатель написания прозаических сочинений.
• Был первым, кто изобрел «диалектику» — искусство ведения полемики, а точнее метод опровержения противника путем выявления противоречий в его суждениях. Опровержение противоположного тезиса служило косвенным доказательством защищаемого тезиса. Оригинальность этой методы состояла в том, что, условно приняв тезис, подлежащий низвёржению, Зенон выводил из него два взаимоисключающих следствия, делая тем самым этот тезис внутренне противоречивым, логически несостоятельным и теоретически неразрешимым.
• Вся его жизнь была посвящена доказательству невозможности существования «многого».
• Особенно прославился аргументами против возможности движения.
• На тысячелетия Зенон смутил умы человечества своими апориями (*греч.* ἀπορία — трудность) — неразрешимыми противоречиями. Всего якобы существовало 45 апорий Зенона, из которых до нас дошло только 9, и те — через комментаторов и критиков, прежде всего Аристотеля...

∇ ◐ Историческая особенность Зено́на заключается в том, что все его критики автоматически попадают в анналы человечества, или сами по себе, или по методу возражения, как это случилось, например, с кини-

ком Антисфеном. Не будучи в состоянии ответить на аргументы замысловатого элейца, Антисфен встал и начал ходить, полагая, что доказательство действием сильнее всякого словесного возражения.

Конечно, это не лучшая из попыток справиться с человеком мощной логики, и тем не менее — такова аура философской славы Зенона: она помечает вечностью всех, кто к ней прикасается! — довод Антисфена вошел в историю... ◑

• ◐ Свои опровержения Зенон строил по принципу приведения к противоречию определения понятия, когда поэлементная казуистика конкретного разбора «по существу»... просто-таки иссекает в прах парадигму сложившегося, устоявшегося, привившегося и развившегося здравого смысла ◑:

/ Действительно: возьмем пример. Точка — это то, что не имеет величины, следовательно, то, что не может далее дробиться как бы то ни было делением или членением. Согласитесь! Далее вопрос: можно ли сложить круг пополам? Невольно задумываешься: если «сложить», значит, линия сгиба пройдет по центру круга, а поскольку он представлен точкой, то, следовательно, она, точка-центр, будет разделена и в ней таким образом выделятся «части», а это невозможно. Предположить, что изгиб не коснется «центра», было бы тоже неприемлемо, потому что тогда центр будет смещенным от центра. А с этим тоже кто согласится? Выходит, что мы запутались в противоречиях, а если это так, то **точка** не существует.

Но здравость мысли может вести еще дальше. Пусть кто-то не согласится с вышеприведенными доводами. Пусть даже **всем** (каждому и любому) они покажутся неубедительными. Но тогда есть коронное мыслезапутывание. Пусть у точки нет частей. Пусть она неделима пополам. Пусть! Но не согласиться с тем, что она ориентирована в пространстве, вряд ли возможно. То есть она видна справа и слева, сверху и снизу. Но тогда правое — это правое, а левое — это левое. То есть **есть части**. Не совпадающие! Разные! Опять случилось то же самое: раз противоречие, значит, точка, понимаемая как нечто безчастёвое, есть допущение химерическое. /

• **Сочинения Зенона:**

«О природе»;

«Истолкование воззрений Эмпедокла»;

«Споры»;

«Против философов».

• На склоне лет Зенон вступил в заговор с целью свергнуть элейского тирана Неарха (по другим источникам — Диомедонта).

2. СУДЬБА ► О трагической гибели Зенона мы знаем лишь из легенд, но — многочисленных. События, вероятно, развивались так: организовав политический заговор и потерпев неудачу, он был схвачен, подвергнут допросу и пыткам, но ни в чем не признался и не выдал соучастников.

Перед лицом неизбежной смерти, будучи связан, в окружении много-

численных недругов, совершенно беспомощный, он сумел нанести вред своему врагу: по одной из версий, например, Зенон сказал своему мучителю, что сообщит ему тайну, если тот наклонится к нему, а затем, когда враг исполнил требуемое, вцепился зубами в его ухо и не отпускал его до тех пор, пока самого его не закололи.

3. УЧЕНИЕ

♦ Зенон опровергает существование «места», спрашивая: «Если место существует, то в чем оно существует? Ибо всё существующее существует в чем-то. Естественно, что и любое «место» должно существовать в каком-то для себя «месте». И так до бесконечности. Стало быть, места не существует».

♦ Зенон утверждает неделимость единого, рассуждая, что при делимости мы получим бесконечное множество единиц, каждая из которых, в силу бесконечной делимости, будет делиться на бесконечное множество уже из себя единиц. Но бесконечное множество бесконечных множеств — абсурд.

♦ Если существует единое (одно), то оно не может быть множественным, так как при делении мы, согласно условию, получим множество разделенных единиц, которые, в свою очередь, будут делимы на множество уже новых единиц. Получится, если не отступать от исходного условия, что «единое» состоит из множества «единых», что абсурдно.

Аргументы против множества

♦ *Исходное условие:* «Множество же есть совокупность единиц».

♦ Имеются сведения, что Зенон составил 45 доказательств о невозможности множества. Сохранились лишь два:

Первое. Если сущее множественно, то оно должно быть и малым, и большим: настолько малым, чтобы вовсе не иметь величины, и настолько большим, чтобы быть бесконечным.

Второе. Если существует многое, то одно и то же будет ограниченным и беспредельным.

/ Доказательства построены в форме антиномий: тезис + антитезис. Антиномия — *букв.* противоположение, противопоставление (от *греч.* νόμοζ — установление, законоположение и ἀντι — приставка со значением противоположности) — доказательство в форме противопоставления двух исключающих друг друга положений; состоит из тезиса, утверждающего данное положение, и антитезиса, отрицающего его. /

Первое доказательство

Тезис. Если бытие множественно, то оно вовсе не имеет величины, ибо состоит из единиц (а «единица» — это последний остаток в ряду деления, то есть она — неделима далее), а единицы — поскольку не имеют частей: начало, середина, конец, правое, левое — не имеют величины. Вывод: не имеющее величины не может составлять величину. Потому бытие не имеет величины.

Антитезис. Если единицы отделены друг от друга (а без этого нет множества), то существует нечто разделяющее их: «...перед любой вещью

всегда должно находиться что-нибудь вследствие бесконечной делимости». Но, в свою очередь, между единицей и этим разделяющим тоже имеется свое разделяющее. И между последним разделяющим и единицей будет свое разделяющее. «И к лежащей перед ней вещи применимо опять то же самое рассуждение. А именно, и она будет обладать величиной, и перед ней будет лежать какая-либо другая вещь. Итак, то самое, что было сказано однажды, можно повторять до бесконечности. Ибо ни одна такая вещь его, сущего, не будет последней и никогда не будет вещи, у которой не было бы вышеуказанного отношения к другой вещи». Таким образом, если множество существует, то оно бесконечно, неисчерпаемо.

∇ ◐ Это не философия, а софистика Здесь, чтобы возразить, нужно целое учинéние: несколько раз прочесть, воспользоваться карандашом и т. д. Философии же карандаш не нужен. Ее возражения и средства анализа всегда при ней. Почему вы говорите, что нельзя быть **неделимым**? А *цвет*! Почему вы говорите, что неделимое не существует? А *цвет*! Почему вы утверждаете, что *всё* должно иметь величину? А *цвет*! Почему вы говорите, что нельзя состоять из неделимых? А *свет*!!! Вводить понятие **неделимости** равносильно, что вводить понятие небытия. И то и другое не вытекает никак из нашего опыта и, следовательно, *áразýмно*. ◑

Второе доказательство

Тезис. Если существует множество вещей, то их столько, сколько есть, не больше и не меньше. Следовательно, они существуют в определенном (ограниченном) количестве.

Антитезис. Если вещей много, то их должно быть бесконечное число. В самом деле, допустим существование только двух вещей. Между двумя вещами необходимо должна лежать какая-либо третья, их разделяющая, между этой последней и первыми опять новые вещи, и так далее до бесконечности. В противном случае, две смежные вещи слились бы в единство, образовали бы одну вещь (а не две). Таким образом, двух не существует без трех, трех без пяти, пяти без девяти и так далее до бесконечности.

♦ Зенон отрицает существование чего-то неделимого (скажем, точки), полагая, что невозможно помыслить существующим то, что, будучи прибавлено, не увеличивает нечто, а, будучи отнятым, не уменьшает это нечто.

♦ «Единое» не может иметь величину, ибо, имея величину, оно бы делилось и стало бы множественным, а множественное не может быть единым.

♦ Если нет множественности, то нет и движения, ибо при движении в силу бесконечной делимости пространства надо пройти какому-то предмету (ограниченному по числу состоящих точек) бесчисленное множество касаний других точек, что невозможно сделать, ибо время такого движения или конечно, или бесконечно. Если «конечно», то мы приходим к абсурду, ибо удается охватить бесконечность, что невозможно; если «бесконечно», то при конечной продолжительности наблюдения невозможно зафиксировать бесконечно длящееся дело.

♦ **Апории движения:**

1. «Дихотомия» Движущийся предмет должен дойти до половины своего пути прежде, чем он достигнет его конца. Затем, в свою очередь, он должен пройти половину оставшейся половины, затем половину этой четвертой части и так далее до бесконечности. Мы будем приближаться к конечной точке, но так никогда ее и не достигнем.

2. «Ахиллес быстроногий» Как бы ни быстр был Ахиллес* и каким бы ни было расстояние между ним и черепахой, ему никогда не догнать черепаху. Поскольку это так и это абсурдно, следовательно, все представления о движении и его возможности — ложны.

Доказательство: Преодолевая путь до черепахи, Ахиллес всегда будет сталкиваться с тем, что за время его движения будет продвигаться и черепаха. И так до бесконечности. Так о каком же движении можно говорить, если на преодоление конечного расстояния требуется бесконечное время?!

∇ ◐ Софистика, видимо, неустранимый компонент наших рассуждений, коль скоро приходится затрагивать «запредельные» сферы.

Вот и Зенон не исключение. Возьмем, к примеру, чье-то утверждение: «Я ломаю стену». То есть человек, производя действия по разборке здания, произносит эту фразу. Вот он снял первый верхний слой камней и говорит: «Я ломаю стену», второй слой, третий и так далее, и приговаривает: «Я ломаю стену».

Разумеется, он вправе и ломать, и говорить так, как им это говорится.

Но хотелось бы вот на чем заостриться. Ведь что такое «стена»? Это преграда, отделяющая помещение или от других помещений, или от внешней среды. Очевидно, что на каком-то слое камней от низа понятие «преграда» исчерпает себя и у нас, хотя и будет какая-то еще изгородь, но «преграды» уже не будет.

Продолжая приговаривать «Я ломаю стену», наш разрушитель ломает не только строение, но и пределы действия понятия «преграда», и в какой-то момент это понятие теряет объект приложимости.

Зенон тоже пользуется понятием, правда, другим — «расстояние». Естественно, что, пока между Ахиллесом и черепахой метры или километры, можно говорить, что они отделены друг от друга тем, что описывается словом «расстояние», то есть находятся в пространственно-недосягаемом континууме.

Но если Ахиллес приблизится к черепахе настолько, что будет нависать над ней и между его телом и черепахой будут лишь микроны или меры молекулярной длины, то какое же это «расстояние»?!

На мой взгляд, было бы куда интереснее такое вот предположение в рамках этой апории. Рассуждаем так: движущееся тело необходимо толкает впереди себя воздух.

Действуя как поршень, последний толкает вперед от себя и все предстоящие предметы. Получается, что Ахиллес всё время, приближаясь к черепахе, подталкивает ее хоть и на немного, но в сторону опереже-

---

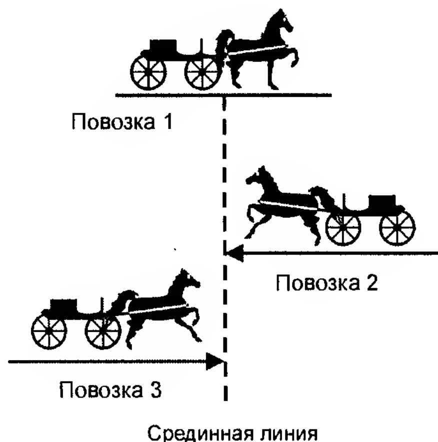
* **Ахилл (Ахиллес)** — в древнегреческой мифологии храбрейший из греческих героев, осаждавших Трою, один из главных персонажей «Илиады» Гомера.

ния себя. И с какой бы силой или скоростью он ни бежал, но всегда будет ускорительно воздействовать на черепаху, и она необходимо будет всегда обгонять его.

Так что это за «движение», мог бы спросить Зенон, если принять такие посылки доказательства, при которых бегущий быстро не сможет догнать ничто медленное?! ◑

3. *«Стрела»* Очевидно — и это легко можно доказать, — что летящая стрела покоится. Действительно, в каждый момент времени стрела, находясь в пространстве полета, занимает фиксированное, равное своей длине место и, следовательно, покоится. Если это так, а это только так и есть, то как может бесконечная сумма «покоев» дать движение? Выходит, что и такое представление о движении ведет к явной бессмыслице.

4. *«Стадий»** Рассмотрим три одинаковых по длине тела, скажем, три запряженные повозки. Одна из них неподвижна. Две другие движутся с равными скоростями навстречу друг другу по параллельным линиям (*см. рисунок*).

Начиная движение от середины первой повозки и заканчивая его у ее краев, обе повозки пройдут за одно и то же время разные пути. Один — относительно друг друга, равный длине повозки, другой — относительно третьей повозки и равный половине ее длины.

Но разве такое утверждение может украсить здравый разум?!

Выходит, что *что* и *как* ни думай о движении и ни рассуждай о нем, ни понять его, ни доказать его наличие — невозможно.

∇ ◐ Конечно же, Зенон лукавит. Он ведь признаёт наличие движения, но он весь в беспокойстве, поскольку не может его осознать, понять, доказать себе.

Но так ли уж он лукавит! Как можно считать наличным то, что не очевидно, чего не понимаешь?! Да, мы видим предметы, которые сначала в этом месте, потом оказываются в другом. То, что они пространственно мобильны, кто ж с этим спорит! Но почему надо говорить или утверждать, что предмет обладает свойством «двигаться» или что есть особый процесс, механизм или процедура «движения»?!

Но если он, этот механизм, есть, то докажите его наличие, объясните его, убедите меня, оспорьте мои возражения на ваши утверждения!

Действительно ли есть **«движение»**? или «движение» — это только

---

* **Ста́дий** (*греч.*): 1) стадион — ристалище, место состязаний; 2) мера длины, равная 184,98 *м*.

слово, которым мы называем пространственную разноположенность тел в процессе их бытийного пребывания, аналогично тому, как мы говорим «Я погрузился в сон», заведомо зная, что при этом нет даже на миллиметр физического сдвига нашего тела?!

С этой проблемой, проблемой доказательства объективного наличия того, что объективно, в чистом виде, как таковое, не воспринимается чувствами и не поддается доказательной неопровержимости, столкнулся через века другой философ, англичанин Давид Юм, имея в качестве проблемы «причинность».

«Движение» — это категория бытия? или категория нашего освоения нашего опыта? подобно тому, как мы членим пространство на версты, мили, стадии и километры, но само оно к этим делениям и глухо, и безразлично, ибо все эти метки служат лишь нашей соизмеримости с миром вне нас и, по сути, являются лишь подпоркой нам, а не законом или сущностью мира?!

То, чего не понимают, нет. И если весь свод знаний и представлений о «движении» нелеп с точки зрения острого разума, значит, «движение» — это пока не факт, а всего лишь гипотеза, не бытийная данность, а формула, идущая от ума.

Что такое «движение»?! Это сущностная сила мира? Это пространственное разноместие предметов? Или это **механизм** перемещения из одного места в другое?

Зенон своими апориями наложил вето на правомерность постановки последнего вопроса и по сегодняшний день заблокировал познание в этом направлении. «Движение» — это и не «быстро», и не «медленно»; и не «вот», и не «потом»; и не перемещение относительно «отсчетного» места; и не прохождение пути по частям. Зенон не софист, а тонкий и бескомпромиссный диалектик. Его утверждения неоспоримы, пока мы пытаемся быть вместе с ним в одних понятийных и мировоззренческих координатах.

Заслуга Зенона в том, что он увидел загадочность в для всех очевидном и, пытаясь понять и показать эту загадочность другим, вывел человеческий род на общее представление о том, что жить в мире и понимать его, а тем более знать или властвовать над ним — не одно и то же. Вот это — действительно мудрость, причем непреходящая. На века! На все века! ◑

■■ Доктор философских наук Арсений Николаевич Чанышев в своей книге *«Италийская философия»*, завершая раздел о Зеноне Элейском, пишет: «Зенону принадлежит также рассуждение, фиксирующее противоречивость чувственного восприятия. Это вопрос, обращенный к софисту Протагору, смысл которого сводится к тому, что «если одно пшеничное зерно при своем падении не издает шума, то и падение медимна (*медимн* — основная мера сыпучих тел Древней Греции, равная 52,5 литра) пшеницы не должно бы издавать шум. Как может из многого тихого сложиться громкое?» Нетрудно заметить, что Зенон показывает здесь незнание такого явления, как порог человеческого

ощущения: и одно зерно, падая, издает шум, и чуткий прибор может его уловить». ■

V ◐ При всем уважении к А. Н. Чанышеву, думается, что проблема и у Зенона и по поводу Зенона всё же в другом.

Элейского философа волнует проблема *«кучи»*, появление «коалиционного», «группового» свойства. И это совсем не то, почему одна песчинка, брошенная на крышу, ничего с крышей не сделает, а, скажем, миллион или больше песчинок могут крышу раздавить? А нечто иное: почему одну соломинку переломить легко, а пучок из таких же соломинок уже сломать не под силу? Что за новое свойство *появляется* у соломинок? А может быть, новое свойство *проявляется*? Но тогда откуда оно берется? И было ли оно хотя бы в потенции у соломинок «до того»?

Скорее всего, и это можно определенно предположить, что рассуждать следует не о зернах пшеницы — они действительно в отдельности шума не издают, — а о проблеме поведения в соприкосновении и о характере передачи телами действия во время взаимодействия. И тогда станет ясно, что шум издает не зерно, падающее на землю, а зерно, соударяющееся с **другими** зернами. И чем их больше, тем больше шум, потому что число соударений в каждый момент времени и на протяжении всего времени пролёта до земли растет в непредсказуемой величине. ◑

■■ По мотивам «Кучи» строятся и другие аналогичной направленности апории. В частности, тоже очень известная — «Лысый»: безволосый человек лыс, но имеющий на один волос больше тоже лыс и т. д., следовательно, любой человек и все люди — лысы. ■

Коллаж по мотивам апорий Зенона.
Худ. Ю. Иванов

Эмпедо́кл

V в. до. н. э.

Эмпедокл из Акраганта*

/Ἐμπεδοκλῆς/

• Древнегреческий философ

Родился: 490 г. до н. э.
Умер: 423 г. до н. э.

Прожил — 67 лет

> **«Любовь и Вражда! Обе они бессмертны...»** *(Эмпедокл)*

■ **«Постятся люди для пользы желудка. Я же всем рекомендую пост соблюдать для души — быть беззлобными».** *(Эмпедокл)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из города Акрагант на Сицилии.
• Происходил из знаменитой семьи (его дед содержал скаковых лошадей), был богат.
• Учился у Ксенофана.
• Был поклонником Парменида и находился под его большим влиянием.
• Стяжал себе славу как врач и оратор.
• Отказался от царской власти в пользу занятий философией.
• Тексты свои писал в гомеровской манере и был изощренным мастером слога, используя метафоры и другие приемы поэтического искусства.
• Эмпедокл первым дал толчок развитию риторики; среди прочих у него обучался красноречию Горгий Леонтинский.
• В медных башмаках и с золотым венком на голове, он обходил греческие города, неся в руках дельфийские венки, и распространял славу о себе как о боге.
• В своих произведениях утверждал, что помнит, как был юношей, прелестной девицей, птицей, рыбой и даже растением.
• Был склонен к колдовству и мистике, занимался чёрной магией.
• **Сочинения Эмпедокла** (написанные в стихотворной форме, они состояли из 5000 стихов, сохранились же 450):

«О природе» («Περὶ φύσεως»);
«Очищения» («Καθαρμοί»):
/ Эта поэма начиналась словами:
«Бессмертному богу подобясь средь смертных, // Шествую к вам...» /;
«Врачебное слово».

---

* **Акрагант** — город в Южной Сицилии, второй по значению после Сиракуз.

• Знаменито его изречение: «Нет, нет, мы ничего не чувствуем и ничего не видим; все вещи сокрыты для нас, нет ни одной, о которой мы в состоянии были бы установить, что она такое».

• Всегда был угрюм и на людях появлялся с неизменным выражением лица.

2. СУДЬБА

► Сохранились предания, что Эмпедокл изменил климатические условия в родном городе, загородив стеною горное ущелье, через которое дул нездоровый ветер, и этим избавил жителей от свирепствовавшей эпидемии. В другой раз ему удалось изменить направление ветра, расставив соответствующим образом натянутые ослиные шкуры, и тем самым спасти урожай. В третий раз он очистил реку в расположенном недалеко Селинунте*. «Когда среди селинунтиев вследствие зловоний, исходивших от вблизи лежавшей реки, распространилась моровая язва, так что и сами они гибли и жены их с трудом рожали, Эмпедокл придумал средство против этого, а именно он на свой собственный счет соединил с той рекой какие-то две из соседних рек. И от этого смешения вода той реки стала приятной».

► Это случилось на одном из пиршеств, которые устраивал Эмпедокл. В его присутствии один юноша уже вытащил меч на гостя — *Анхита*, за то, что тот, будучи присяжным судьей, осудил на смерть отца юноши, и в великом смятении и гневе, размахивая оружием, ринулся на Анхита, чтобы зарубить его. Тогда Эмпедокл, игравший в это время на лире, сразу же настроил ее звук на другой лад, прибегнув к смягчающей и успокоительной мелодии. В итоге он унял гнев и скорбь молодого человека, чем спас его от человекоубийства, а гостя — от смерти. Рассказывают, что с тех пор юноша этот сделался самым верным другом Эмпедокла.

► **Версии о смерти Эмпедокла:**

1) дожил до преклонного возраста и по старческой немощи или неосмотрительности оступился, упал в море и захлебнулся;

2) к бревну потолка прикрепивши отвесную петлю, горло себе стянул и повесился;

3) будто бы, отправившись в Мессену на какой-то праздник, по дороге свалился с повозки, сломал себе бедро, заболел от этого и умер;

4) после одного из застолий, когда на пирующую компанию снизошел сон, отправился к жерлу вулкана Этна и бросился в огнедышащее его чрево. Есть даже, утверждают, доказательство этого — медный башмак Эмпедокла, извергнутый вулканом вместе с вулканической массой.

3. УЧЕНИЕ

♦ ...Ἐόν, или сущее, — это то, из чего состоят реальные вещи.

♦ Космос, то есть мир как упорядоченное целое, один, однако космос не составляет всей Вселенной, но образует лишь некоторую небольшую часть Вселенной, остальная же часть ее представляет необработанную материю.

* **Селинунт** — греческий город в западной части Сицилии. Постоянно враждовал с там же рядом расположенным городом Сегеста.

♦ Знание возникает из подобных, незнание — из неподобных.

♦ Ощущение образуется путем приспособления к каждому из органов ощущений, ибо случается, что одни поры шире, чем ощущаемое, другие же у́же.

♦ Мышление есть или то же самое, или нечто похожее на ощущения.

♦ У́зки средства познания, разлитые по телу, и множество возникающих страданий смущает заботами ум...

♦ Нельзя к божеству подойти и грубо глазами измерить,
Нельзя и руками потрогать; хотя и в обычае многих
Именно этим путем в вере душой обретаться.

♦ Бог... Дух он священный и только,
Скрытый от нашего слова,
Пронзающий разумом быстрым космос от края до края.

♦ Скудные средства познанья нашим дарованы членам.

♦ Глупые! Мысль у вас не глубокая, если вы думаете, что может произойти то, чего не было сначала, или что-либо погибает и исчезает вполне.

♦ Скажу тебе еще другое: не имеет рождения ни одна из всех
Смертных вещей, нет и конца в губительной смерти,
Но есть только смешение и перемещение смешанного, —
У людей же это называется рождением.

♦ Солнце вращается вследствие того, что абсолютно прямолинейному движению его препятствует окружающая его сфера. Круговое движение Солнца описывает границу мира.

♦ Нет пустоты и нет небытия. А если кто думает, что воздух — это пустота, то он заблуждается, так как воздух веществен.

♦ Единое бытие должно иметь в себе противоположные качества.

♦ Сущее и множественно и едино.

♦ Есть Необходимость, оракул богов, древнее постановление, заверенное печатью, вечное, скрепленное пространными клятвами.

♦ Сущность Необходимости — причина, господствующая над началами и элементами.

♦ Ни одна часть Целого [Вселенной] не бывает ни пустой, ни избыточной [~ переполненной].

♦ Природа сложных тел образуется из четырех неизменных элементов.

♦ Существуют четыре телесные стихии: огонь, воздух, вода и земля, которые вечны...

♦ Четыре есть корня Вселенной: огонь — Зевс, вода — Нестие, воздух — Аидоней, Земля — Гера.

♦ **Любовь и Вражда!** Обе они бессмертны, не возникли и всегда были чужды начала рождения. Они были прежде, будут после, и я не думаю, чтобы когда-либо в беспредельное время отсутствовала одна из двух.

♦ Если бы **Любовь** и **Вражда** совсем погибли и их не было бы более, как бы возникла Вселенная?

♦ Любовь соединяет всё, Вражда — разъединяет.

♦ Двоякое скажу, ибо единое *то возрастало* из многого, чтобы быть одним, *то вновь рождалось* многое из одного. И эта постоянная смена ни-

когда не прекращается: то **Любовью** всё соединяется воедино, то, **напротив, Враждою Ненависти** всё несется в разные стороны. Итак, поскольку одно привыкло возникать из многих, а многое, в свою очередь, происходит через распадение одного, поскольку они возникают и век их нестойкий; но, поскольку постоянная смена никогда не прекращается, постольку они всегда существуют в неизменном круге.

♦ Богов — шестеро: четыре смертных (огонь, вода, воздух и земля) и два бессмертных, нерожденных, всегда враждебных друг другу (Вражда и Любовь).

♦ Огонь, вода, земля и воздух произошли от природы и случаем.

♦ До образования четырех элементов существовали очень маленькие частицы, своего рода равночастные...

♦ Везде есть мысль и часть необходимости.

♦ Всё одарено разумом; и не только животные, но и растения.

♦ По необходимости господствует над вещами и движет их то Любовь, то Вражда, в промежуточное же время царит покой.

♦ Каждый предмет существует в силу известного соотношения между его частями.

♦ Тело образуется из соединения четырех подобных элементов, жилы — из земли и огня, к которым примешиваются две части воды, ногти у живых существ образуются из жил, отвердевших под влиянием воздуха, кости — из двух частей воды, двух — земли и четырех частей огня, пот же и слезы — из разреженной крови, которая истекает вследствие своей жидкости.

♦ Что такое, к примеру, кость? Она не есть ни какой-либо один из элементов, ни два, ни три, ни все, но закон смеси их.

♦ Из всех существующих предметов истекают токи. А именно беспрерывно множество истечений исходит не только от животных, растений, земли и моря, но и от камней, меди и железа. Подобно тому, как животные в лесу, испуская истечения, оставляют след и этот след по запаху выслеживают охотничьи собаки, так испускают истечения все существующие тела.

Эти истечения прекращаются только тогда, когда, благодаря их беспрестанному отлёту, исчезают сами тела. И действительно, всё уничтожается и погибло вследствие того, что всегда что-либо течет и уносится беспрестанно. Так и со смертью животного кончаются истечения, и запах, который был свойствен ему прежде, прекращается. Именно поэтому собаки не обоняют следов издохшего зайца.

♦ Смешивается всё, поры чего соразмерны друг другу.

♦ Первые животные и первые растения совсем не родились целыми, но появились отдельными частями, не могущими быть прилаженными.

[...]

Так выросло много голов без шеи, блуждали голые руки, лишенные плеч, двигались глаза, лишенные лба.

[...]

Но потом они все скрепились между собой, как кто с кем повстречался.

[...]

В итоге появилось много существ с двойными лицами и двойной грудью, были даже рожденные быком с головой человека и наоборот.

[...]

Всё то, что соединилось друг с другом так, что было в состоянии сохраниться, *стало животным* и выжило вследствие взаимного восполнения того, что недоставало другому. Всё, что не сошлось по соответственному соотношению, погибло.

♦ Глупые — это те, у которых элементы легки и редко расположены, они тупы и медлительны; те же, у кого элементы густо расположены и разделены на мельчайшие части, те впечатлительны, за многое хватаются, но мало что доводят до конца благодаря быстроте движения крови. Те же, у которых среднее правильное смешение встречается лишь в одной части, те этой частью мудры, — поэтому-то одни — хорошие риторы, другие — умельцы, ибо у одних среднее смешение находится в руках, а у других — в гортани. Точно так же и относительно других способностей. Самые умные те, у которых все элементы перемешаны в подобных и равных частях, у которых они не разделены большими промежутками и по величине они не слишком малы, не слишком велики.

♦ Видим мы потому, что лучи, идущие из глаз, как бы ощупывают предметы.

4. МЫСЛИ

◪ Не давай веры ощущениям и размышляй.

/◐ Несколько странный призыв. А о чем же можно размышлять, не имея веры? Это всё равно, что пытаться откусить от целого арбуза. Вера неделима. И если она есть, то уже невозможно «если», а если невозможно «если», то философ не будет охаивать ощущения, ибо огню может не нравиться его жар, но как ина́че ему же (огню) любоваться его же языками пляшущего пламени? /

◪ Наука увеличивает разум.

◪ Увы, человеческий род, счастья лишенный в страданьях,
Что за невзгоды и распри жизнью тебя обязали?

◪ Блажен, кто надежно владеет кладом божественных знаний,
Жалок, кто смутное мненье в душе о бессмертных имеет.

◪ Неправда, что любое многословие нежелательно. Ибо и дважды сказать о том, что до́лжно, — прекрасно.

/ Из этого потом родится пословица: «Говоря о хорошем, не бойся повториться». /

Протагор из Абдеры
/Πρωταγόρας/

V в. до н. э.

• Древнегреческий философ, ритор

Родился: ок. 480 г. до н. э.
Умер: ок. 410 г. до н. э.

Прожил ≈ 70 лет

> **«О богах невозможно знать ни того, что они есть, ни того, что их нет, ни того, каковы они по виду; а причина тому: неясность вопроса и краткость человеческой жизни».** *(Протагор)*

■ **«Каждому рассуждению противостоит равносильное».** *(Протагор)*

1. ЖИЗНЬ

• Его родина — город Абдера.
• Им было предложено правило тем, кто у него обучался: либо они платят ему, сколько бы он ни назначил, либо под присягою заявляют во всеуслышание в храме, во сколько сами оценивают пользу от занятий с ним, и в соответствии с этим вознаграждают его за труд.
• Традиционно относится к софистам.

/ Древнегреческое слово *sophistês* обозначало мастера, художника, создателя, изобретателя, мудреца. Но со второй половины V в. до н. э. это слово приобретает специальный смысл. Софистами стали называть коммерциализованных учителей философии, красноречия (риторики) и искусства спора (эристики). /

∇ ◐ Негативация смысла в обозвании кого-то «софистом» и бросание обвинений в построении софизмов (от *греч.* σοφισμα — измышление, хитрый выкрутас) случились позже и прежде всего из-за того, что в софистических школах увлеклись формальной стороной слов и понятий и, не сумев справиться с открывшимся горизонтом языковой проблемы, а именно: амфиболичностью, инверсионностью, омонимичностью и синонимичностью, — стали трактовать и мир, и дела человеческие как такие, какие не более, чем другие. То есть *«называя — я и определяю, и обусловливаю»*. Искусство риторики стало полем резвости сил человеческих. И доказательств любых, наперед принятых, установок: ученики поощрялись как за убедительность рассуждений, к примеру, что «кошка ловит мышей», до противо-

положного, с равным рвением отстаиваемого тезиса, что «мыши ловят кошек».*

Поначалу — всего лишь игра ума и неожиданный интеллектуальный ракурс, **софистика** со временем обособилась и приняла формы, с которыми здрѕавый разум соглашаться отказывался.

И действительно! Вот несколько зарисовок из наследия древних об этих философских ловкачах и фокусниках ◑:

- — Знаешь ты этого покрытого человека?
  — Нет.
  — Но это твой отец. Значит, ты не знаешь своего отца.
  (Софизм *«Покрытый»*)
- То, что ты не потерял, ты имеешь. Ты не потерял рога. Значит, ты имеешь рога. (Софизм, придуманный Хрисиппом).
- Кто учит кого-нибудь, тот хочет, чтобы ученик его стал мудрым и перестал быть невеждою. Он, значит, хочет, чтобы ученик его стал тем, что он не есть и перестал быть тем, что он есть теперь. Следовательно, он хочет его привести из бытия в небытие, то есть уничтожить.
- Эта собака имеет детей, значит, она — отец. Но это твоя собака. Значит, она — твой отец. Ты ее бьешь — значит, ты бьешь своего отца и ты — брат щенят.
- Лекарство, принимаемое больным, есть добро. Чем больше делать добра, тем лучше. Значит, лекарств нужно принимать как можно больше.
- Животное есть то, что имеет душу. Моё — это то, чем я могу распоряжаться по своему желанию. Следовательно, со своим животным я могу распоряжаться по своему произволу. Мои боги достались мне по наследству от отца и составляют мою собственность. Боги имеют души, следовательно, они суть животные. Со своими богами я могу поступать, как мне угодно.
- Если стена не дышит, потому что она не есть животное, то она дышала бы, если бы была животным. Но многие животные, например насекомые, не дышат. Следовательно, стена не потому не дышит, что она не животное. Следовательно, стена есть животное, хотя она и не дышит.
- Правильное грамматически лучше неправильного. Мир есть лучшее из всего. Следовательно, мир есть нечто правильное грамматически.
- Вор не желает приобрести ничего дурного. Приобретение хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего.
- Эта статуя — художественное произведение. Но она твоя. Значит, она есть твое художественное произведение.
- Дубина тверда́ и ума не имеет.
  Кай — дубина.
  ———
  Кай тверд и ума не имеет.
- Знаешь ли ты, о чем я тебя хочу спросить? Нет. Знаешь ли ты, что

* ◐ Софисты первые открыли инови́дение, начали использовать подтасовку, приподсели на умосдвиг, задумались над тем, что такое ложь, открыли явление парадокса, понапридумывали разных «штучек» введения человека в заблуждение, стали разыгрывать такую карту, как очевидность.

добродетель есть добро? Знаю. Об этом я и хотел тебя спросить. А ты, выходит, не знаешь то, что знаешь.

- Сидящий встал. Кто встал, тот стоит. Следовательно, сидящий стоит.
- Всё, что я говорю, проходит через мой рот. Я говорю: «телега». Значит, телега проходит через мой рот.
- Как-то крокодил похитил у одной матери дитя. Она стала просить, чтобы он отдал ей похищенное дитя. Крокодил обещал исполнить ее просьбу, если она скажет правду. «Однако же, — отвечала мать, — ты не возвратишь мне дитя». «Значит, я не должен возврашать тебе твое дитя, — отвечал в свою очередь крокодил, — сказала ли ты правду или нет. Если ты сказала правду, то я не должен, по твоим же словам, возвращать его тебе; иначе ты бы сказала неправду. Если же ты сказала неправду, то я также не должен возвращать тебе дитя, потому что в таком случае, то есть сказавши неправду, ты не выполнила наш уговор».

(Софизм *«Крокодил»*)

- 5 есть 2 + 3. Два есть число четное, три — нечетное. Выходит, что пять — одновременно и четное, и нечетное.
- Прекратил ли ты бить своего отца? Отвечай быстро «да» или «нет»?

/ Понятно, что любой ответ на эти вопросы ставил вопрошаемого в невыгодное положение: или «бил, но прекратил», или «бил и продолжаю бить». /

• **Сочинения Протагора:**

«О богах»;
«Наука спора»;
«О первоначальном порядке вещей»;
«О государстве»;
«О добродетелях»;
«Истина, или Ниспровергающие речи»;
«Великое слово»;
«О сущем»;
«О том, что в Аиде».

• По определению Авла Геллия в «Аттических ночах», Протагор — «самый неискренний, но самый острый из софистов».
• В 411 г. до н. э. Протагор был обвинен в атеизме, его книга *«О богах»* — сожжена, а сам он приговорен к смертной казни.
• После помилования изгнан из Афин.
• Утонул в Мессинском проливе на пути из Южной Италии в Сицилию.

2. СУДЬБА

► Есть легенда, как Протагора заметил и приблизил к себе философ Демокрит, который и научил его философии.

В молодости Протагор промышлял ремеслом носильщика дров. Демокрит, случайно увидев Протагора с огромной связкой дров на спине, заинтересовался, как тому удалось охватить дрова одной короткой веревкой и держать их в равновесии.

Демокрит усмотрел здесь геометрический расчет и пришел в восхищение от остроумия и ловкости этого необразованного человека.

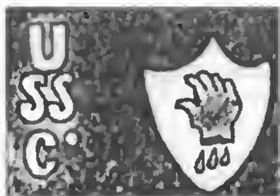
► Протагор заключил со своим учеником Эватлом договор, по которому последний должен уплатить ему гонорар, как только выиграет первый

судебный процесс. Ученик, однако, не торопился затевать какой-нибудь процесс, и потерявший терпение учитель пригрозил обратиться в суд. В ответ на недоуменный вопрос Эватла, за что же Протагор привлечет его к суду, ведь он еще не выиграл ни одного дела, а следовательно, не обязан платить, учитель сказал: «Если мы подадим в суд и дело выиграю я, то ты заплатишь потому, что выиграл я; если выиграешь ты, то заплатищь потому, что выиграл ты». Достойный ученик софиста Эватл не остался в долгу. «Нет, — возразил он, — всё совершенно иначе: если я проиграю дело, то платить-то и не обязан, ибо я его проиграл. Выиграв же процесс, я тем более не должен платить, так как одержал победу».

(Во всемирную историю данная проблемная ситуация вошла под названием *«Эватлов софизм»*)

/ Ирландская судоходная компания «Хэйн энд сонс» имеет на своей эмблеме кисть руки с тремя каплями крови.

В основе знака — подлинная история, причем смысл ее укладывается в магистральные значения «задачки», оказавшейся столь проблемной для учительской практики Протагора:

У основателя фирмы было два сына, а владел он всего одним кораблем. Не зная, как поделить между детьми наследство, и не желая обидеть младшего, он решил предоставить им равные шансы. Отец объявил, что судно получит тот, кто, отправившись к нему от причала, быстрее коснется рукой борта. В назначенный день и час братья разом бросились в шлюпки и налегли на весла. Через пару минут стало ясно, что старший вырвался вперед. Тогда младший схватил топор, отсек свою кисть и бросил ее в борт судна, выиграв тем самым состязание по формальным признакам... /

➥ XX век тоже оказался не чужд интеллектуальному озорству и флирту с софистикой.

■ **К примеру:**

✓ — У меня день рождения на носу!
— Представляю, где у тебя свадьба!

✓ — Девушка, какие у вас красивые волосы! Я бы даже сказал — редкие! Очень редкие волосы!..

✓ Констанция:
— Д'Артаньян, вы такой любезный мужчина, зто что-то!
— Это не что-то, а зфес моей шпаги.

✓ — Любовь — страшная штука.
— Ну, если эта штука страшная, какая уж тут любовь?

✓ — Как говаривал Алсу...
— Алсу* — зто же девушка!
— Алсу — это Александр Суворов!**

✓ — Чем пиво от лекарства отличается?
— Лекарство сначала выписывают, а потом пьют. А пиво сначала пьют, а потом...

■ **Или вот:**

Утверждение: $\boxed{1 = 2}$

Доказательство:

1) возьмем равенство: $3 - 1 = 6 - 4$

* **Алсу Сáфина** — современная российская эстрадная певица.

** Т. е. изворотливость любой ценой — вот «визитная карточка» софистики.

2) умножим обе части его на (-1): $1 - 3 = 4 - 6$
3) прибавим к обеим его частям по ($^9/_4$): $1 - 3 + ^9/_4 = 4 - 6 + ^9/_4$
4) представим это в таком виде: $(1 - ^3/_2) \times (1 - ^3/_2) = (2 - ^3/_2) \times (2 - ^3/_2)$
5) упростим: $(1 - ^3/_2)^2 = (2 - ^3/_2)^2$
6) извлечем квадратный корень: $1 - ^3/_2 = 2 - ^3/_2$
7) сократим на общее число и получим: $1 = 2$*

А то еще:

На $^1/_6$ части суши, в евроазиатском пространстве, тысячи людей, именуя себя философами и последователями самой передовой и самой научной доктрины, на полном серьезе, десятилетия напролёт, писали речи и книги по одной и той же схеме:

— Скажите, что лучше: быть плохим или хорошим?
— Конечно, хорошим!
— А как вы относитесь к диалетике: признаёте или нет?
— Конечно, признаю!
— И то ее положение, что всё изменяется?
— Да!
— И то, что всё изменяется согласно «закону отрицания»?
— Разумеется!
— То есть через противоположность самому себе. Так?
— Очевидно!
— Следовательно, вы себе противоречите, ибо из ваших слов следует, что всё же лучше быть плохим.
— Как так?!
— Что лучше: развиваться или не развиваться?
— Ясно, что развиваться.
— Развиваться в смысле «прогрессировать», уточним мы.
— Я с этим согласен.
— Но ведь развиваться хочет и плохой, и хороший, не так ли?
— Да!
— Но, согласно «закону отрицания», каждый из них — в развитии и через развитие — перейдет в свою противоположность. Верно?
— Очевидно!
— Но противоположность хорошему — плохое, а плохому — хорошее. Разве я ошибаяюсь?
— Нет!
— Значит: хороший станет плохим, а плохой — хорошим.
— Получается так.
— Но разве будущее не предпочтительно?
— Предпочтительно.
— Следовательно, о будущем надо радеть. А о каком: плохом или хорошем?
— Хорошем!
— Выходит, что лучше *быть* плохим, ибо только в этом случае можно *стать* хорошим.

3. УЧЕНИЕ

♦ Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют.

♦ Ведь всё подобно всему в каком-нибудь отношении.

♦ Когда дует ветер, одному холодно, а другому нет. Мы, следовательно, не можем сказать об этом ветре, что он *на самом деле* холоден или нет.

♦ Основные причины всех явлений находятся в материи.

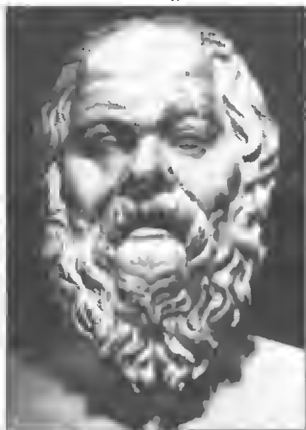
♦ Материя текуча, и при течении ее на месте утрат ее возникают непрерывные прибавления...

---

* Такой «невозможный» ответ получен потому, что, во-первых, применена *подтасовка* (извлекать корень из отрицательных чисел нельзя), а во-вторых, здесь *перевернут* правильный принцип «если числа равны, то и квадраты их равны» на неправильный обратный — «если квадраты чисел равны, то равны и числа».

Сокра́т

V – IV вв. до н. э.

Сократ

/Σωχράτ/

• Древнегреческий философ

Родился: 469 г. до н. э.
Умер: 399 г. до н. э.

Прожил — 70 лет

> **«Заговори, чтобы я тебя увидел!»**
> *(Сократ)*

■ Сократ учил изустно и не оставил ни одного трактата.

Рассказывают, что Тимей спросил его: «О учитель, почему ты не запишешь свою мудрость на бумаге?» *Сократ* ответил: «О Тимей, сколь прочно всё же твое доверие к шкурам мертвых зверей и сколь сильно твое недоверие к живым, вечным мыслям».

■ «Началось у меня это с детства. Возникает какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет. Вот этот-то голос и возбраняет мне заниматься государственными делами».

(Сократ)

■ «Подобно тому, как один человек получает наслаждение от заботы о своей земле, другой — от заботы о своём коне, так и я каждый день наслаждаюсь тем, что становлюсь лучше». *(Сократ)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из *дема* Алопеки (Аттика*) филы Антиохида.
• Сын каменотёса (ваятеля) Софроникса и повитухи Фенареты.
• Сократ был безобразен:

невысокого роста,	приплюснутый и вздернутый нос;
приземистый,	с широкими ноздрями;
с отвисшим животом;	толстые губы,
короткая шея,	одутловатое лицо;
большая лысая голова,	навыкате глаза,
огромный выпуклый лоб,	взгляд исподлобья.

• Был всегда босой, ходил в старом хитоне**:
/ Этот наряд был столь обычен для Сократа, что его восторженный

---

* **Аттика** — область в Греции, центром которой были Афины.
** **Хитон** — длинная подпоясанная рубаха без рукавов, поверх хитона надевался плащ-гиматий.

слушатель Аристодем, увидев его однажды в сандалиях, был весьма удивлен. Выяснилось, что Сократ «вырядился» на пир к поэту Агафону по случаю его победы в афинском театре. /

• Жил Сократ в бедности:

/ Всё имущество Сократа, согласно Ксенофонту, оценивалось в 5 мин[12]. Это была очень скромная сумма, уступавщая, скажем, существовавшей цене на хорошего раба. У того же Ксенофонта говорится, что один из рабов стóит примерно мину, другой и полмины не стоит, третий 5 мин, а иной и 10. А порядочная лошадь, например, стоила 12 мин.

Софист Антифонт, стремясь уязвить Сократа в присутствии его слушателей, сказал ему: «Ты живешь так, что подобным образом не стал бы жить ни один раб у своего господина; пищу и питье ты употребляешь бедные, а одежду носишь не только бедную, но и одну и ту же и летом, и зимой; всегда ты без обуви и без хитона». /

• На женщин ему не везло, хотя он и был дважды женат:

/ О Мирто, второй героине семейного романа Сократа, сохранилось мало сведений, и тем не менее известен анекдот, идущий от Аристоксена, о том, что Мирто и Ксантиппа обычно после долгой взаимной перебранки сообща набрасывались на Сократа, который до этого с интересом нейтрального зрителя следил за происходящим.

Свои познания на семейном поприще Сократ обобщил в крылатой мудрости: «Женишься ты или не женишься — всё равно раскаешься». /

• У Сократа и Ксантиппы* было три сына — старший Лампрок и двое младших — Софроникс и Менексен.

• Не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунить.

• Своей учительницей в теории любви Сократ называет Диотиму из Мантинеи**, а наставницей в умении держать речь — Аспасию, жену Перикла, научившую его говорить не хуже, чем если бы учителем его был сам Антифонт.

• Бóльшую часть времени Сократ проводил в дискуссиях и спорах, и к чему это вело, рассказывает **Диоген Лаэртский**:

«Так как в спорах он был сильнее, то нередко его колотили и таскали за волосы, а еще того чаще осмеивали и поносили; но он принимал всё это не противясь. Однажды, даже получив пинок, он и это стерпел, а когда кто-то подивился, он ответил: “Если бы меня лягнул осел, разве стал бы я подавать на него в суд?”»

• Сократ был отличным плясуном и считал такое упражнение полезным для крепости тела.

• Любимое присловье Сократа — «Клянусь собакой».

• Сократ, когда ему случалось почувствовать раздражение против кого-либо из друзей, стараясь — по принципу: «до бури к спасительной гавани выплыть», — снижал голос, с кроткой улыбкой смотрел собеседнику в глаза и таким образом, настроив себя в противоположном направлении, оставался победителем в борьбе с гневом.

---

* *Букв.* имя **Ксантиппа** означало «рыжая лошадь»; в те времена лошадь считалась животным аристократическим, и имена такого рода — тоже.

** **Мантинея** — город в восточной части Аркадии.

• Сократа волновали вопросы психологии человеческого поведения, особенно тот аспект, который чеканно описал Овидий в «Метаморфозах»: «Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь».

∇ ◐ Эта загадка в поведении людей так и не была разгадана Сократом. Но как он хотел ее разгадать! ◑

• Сократ первым сформулировал тонкоумный парадокс:

♦ Может ли ошибаться по своей воле рассудительный человек?, если: «рассудительность» предполагает добродетель, а добродетель исключает сознательное ошибание.

/◐ Все такие парадоксы показывают — зазывающе, призывающе, заставляюще — только одно: *значение смысла не может иметь смысл.* В противном случае получается, что основа, на которой базируется содержательность суждения, бессмысленна, что в случае со смыслом никак невозможно.

Вывод такой: нельзя применять двунаправленное рассуждение там, где предмет рассуждения инвертируется от итога к началу, минуя всю цепочку рассмотрения.

Это не софистика. Это избыток мысли от переизбытка вмысливания. ◑/

• В 399 г. до н. э., по доносу одного из сограждан, Сократ был обвинен в нарушении гражданских норм жизни, приговорен к смерти и казнен:

/ **Текст обвинения:**

«Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын поэта Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софроникса из дома Алопеки. Сократ обвиняется в том, что он не признаёт богов, которых признаёт город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание — смерть».

Последние слова Сократа на суде:

«Но уже пора идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме бога». /

• Сократа суд признал виновным большинством в 280 голосов против 220.

∇ ◐ В мудрости очевидно есть что-то запретное, точнее запредельное. Все мудрецы поплатились за свой дар и за свои занятия смертью. Это весьма редкие и очень особенные люди. Не случайно молва определила их жизненный статус как «нуждающиеся в уходе*».

Ратоборцу угрожает гибель на поле брани (вспомним расхожее: «На войне могут убить и даже ранить»); властолюбец, когда наслаждается властью, уже заражен свержением; а любомудр, устремляя взор к сильному свету, ведет себя как слепой с теми, кто живет при лучине, пусть даже она и электрическая. Увы, таковы свойства зрения!

Вот и пометим себе: ПРЕВОСХОДСТВО — это всегда заявка на выход, а для нашего случая — на уход. ◑

2. СУДЬБА

► **Сократ на излёте жизни о себе:**

Я никак еще не могу, согласно дельфийской надпи-

---

* Здесь заметны два смысла: 1) забота и 2) требование: «Уйди!». — *Ред.*

си, познать самого себя. И смешно, по-моему, будет, если я, не зная самого себя, примусь исследовать нечто мне чуждое. Я исследую самого себя: кто я — чудовище сложное или же существо простое, и хоть скромное, но по своей природе причастное чему-то божественному?

➥ Сократ считал своих слушателей друзьями, а не «учениками» и, в отличие от софистов, не брал с них денег. Софист Антифонт по этому поводу как-то заметил Сократу: «Очевидно, если бы ты считал свое собеседование что-нибудь стоящим, то брал бы за него деньги не менее стоимости. Ты, может быть, справедлив, потому что никого не обманываешь из-за любостяжания, но ты не можешь быть умным, потому что знаешь то, что ничего не стóит».

➥ Может быть, в этом и нет закономерности, но странность присутствует. Все ученики Сократа изменили «чистой философии». Критий вошел в число «Тридцати тиранов», Алкивиад стал беспринципным политическим авантюристом, Клитофонт участвовал в олигархическом перевороте в Афинах (411 г. до н. э.).

➥ Первые критики Сократа объявились уже при его жизни:

Так, комедиограф Аристофан в своей пьесе «Облака» (423 г. до н. э.) выводит образ Сократа как нечто в высшей степени карикатурное: Сократ — бесстыдный лжец и низкопробный фантазер.

Одним из главных действующих лиц «Облаков» является старик Стрепсиад, запутавшийся в долгах по вине своего сына Фидиппида. Решив вправить непутевому сыну мозги, Стрепсиад обращается за помощью к софистам. Около софистической «мыслильни» их встречает неучтивый ученик софистов, который сообщает «страшную тайну» о новом изобретении Сократа.

— Мудрец Хэрефонт, — произносит с важным видом ученик, — спросил Сократа, что мыслит он о комарином пении. Сократ ответил, что причиной комариного писка является узкая утроба, через которую сдавленный воздух стремится к заднему отверстию. Войдя каналом узким в расширение, из комариной задницы он вылетает с присвистом.

Затем Стрепсиад встречается с Сократом и спрашивает того:

— Чем ты занимаешься, Сократ?

— Паря в пространствах, мыслю о судьбе светил, — высокопарно произнес мудрец, раскачиваясь в гамаке.

Из уст атеиста Сократа, отрицающего существование олимпийских богов, Стрепсиад узнаёт, что философ почитает облака за богов. Такие сложные философские премудрости не в состоянии осилить несчастный старик. Все надежды его — на сына. И эти надежды оправдались, но...

Фидиппид, быстро овладев софистическими уловками, не только спровадил своих заимодавцев, но и доказал родному папаше, что сын вправе бить отца и мать: родите ли наказывают детей, а старик — вдвойне ребенок. Заслуживают старики двойного наказания, ведь непростительны совсем у пожилых ошибки. Взбешенный этим «доказательством» Стрепсиад поджигает «мыслильню» Сократа.

(**Константин Жоль.** *Под знаком вечности.* 1991 г.)

Смерть Сократа. *Худ. Ж.-Л. Давид /На картине изображен момент передачи Сократу чаши с ядом.* */*

Последний день Сократа клонился к закату. Настало время последних дел. Оставив друзей, Сократ удалился на омовение перед смертью. Согласно орфическим и пифагорейским представлениям, подобное омовение имело ритуальное значение и символизировало очищение тела от грехов земной жизни.

После омовения Сократ попрощался с родными, дал им наставления и велел возвращаться домой.

К этому времени тюремщик напомнил, что пора выпить яд.

Когда принесли цикуту, Сократ, мысленно совершив аозлияние богам за удачное переселение души в иной мир, спокойно и легко выпил чашу до дна. Друзья его заплакали, но Сократ попросил их успокоиться, напомнив, что умирать дóлжно в благоговейном молчании.

Он еще немного походил, а когда отяжелели ноги, лег на тюремный топчан и закутался. Затем, раскрыашись, сказал: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте». Это были последние слова Сократа. Жертвоприношение петуха сыну Аполлона Асклепию, богу врачевания, обычно полагалось за выздоровление. Сократ же имел в виду выздоровление своей души и ее освобождение от бренного тела.

3. УЧЕНИЕ

• Общее представление о самобытности

♦ В молодые годы у меня была настоящая страсть к тому виду мудрости, который называют познанием природы. Мне представлялось удивительным и необыкновенным знать причину каждого явления — почему что рождается, и почему погибает, и почему существует. И я часто метался из крайности в крайность и вот какого рода вопросы задавал себе а первую очередь: когда теплое и холодное, взаи-

* Ранее в Афинах приговоренного к смерти сбрасывали со скалы. Но с прогрессом нравов и, видимо, с увеличением числа смертных приговоров цивилизовалась и процедура их исполнения. Во времена Сократа приговоренный к смерти в назначенное время выпивал напиток из растертых семян ядовитой цикуты (растение *болиголов*).

модействуя, вызывают гниение, не тогда ли, как судили некоторые, образуются живые существа? Чем мы мыслим — кровью, воздухом или огнем? Размышлял я и о разрушении всего существующего, и о переменах, которые происходят в небе и на земле, — и всё для того, чтобы в конце концов счесть себя совершенно непригодным к такому исследованию.

♦ **О Сократовском демонии** (внутреннем голосе, хранящем и оберегающем):

Однажды шел Сократ со своими друзьями; им дальше надо было идти по той же улице. На перекрестке Сократ вдруг остановился, углубился в себя, а затем, ссылаясь на указания демония, свернул на другую улицу, позвав с собой остальных. Однако некоторые из спутников не послушали его и, желая доказать лживость демония, пошли прежним путем. Внезапно дорогу им преградило стадо покрытых грязью свиней, одних свиньи опрокинули, других выпачкали грязью.

♦ Сократ, говорят, послушав, как Платон читал «Лисия», воскликнул: «Клянусь Гераклом! Сколько же навыдумал на меня этот юнец!» — ибо Платон написал много такого, чего Сократ вовсе не говорил.

♦ Занятия его казались странными. Однажды на улице он встретил юношу Ксенофонта, показавшегося ему даровитым, и посохом загородил ему дорогу.

— Скажи мне, — спросил Сократ, — где покупают муќу?

— На рынке, — отаетил Ксенофонт.

— А масло?

— Там же.

— А куда надо пойти за мудростью и добродетелью?

Парень задумался.

— Иди за мной, я покажу, — сказал Сократ.

Так Ксенофонт стал спутником и участником бесед Сократа, а после смерти учителя, так же как и Платон, воспроизвел для потомства некоторые из них.

♦ *Алкивиад приводит такой случай из походной жизни Сократа во время осады Потидеи:* «Как-то утром он о чем-то задумался и, погрузившись в свои мысли, застыл на месте, и, так как дело у него не шло на лад, он не прекращал своих поисков и всё стоял и стоял. Наступил же полдень, и люди, которым это бросалось в глаза, удивленно говорили друг другу, что Сократ с самого утра стоит на одном месте и о чем-то раздумывает. Наконец вечером, уже поужинаа, некоторые ионийцы — дело было ле́том — вынесли саои подстилки на аоздух, чтобы поспать в прохладе и заодно понаблюдать за Сократом, будет ли он стоять на том же месте и ночью. И оказалось, что он простоял там до рассвета и до восхода солнца, а потом, помолившись солнцу, ушел».

♦ Однажды Алкивиад предложил Сократу большой участок земли, чтобы выстроить дом; Сократ ответил: «Если бы мне нужны были сандалии, а ты предложил бы мне для них целую бычью кожу, разве не смешон бы я стал с таким подарком?»

♦ Как-то Ксантиппа сначала разругала Сократа, а потом окатила водой. «Так я и говорил, — промолвил он, — у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь». Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима; Сократ ответил: «А я к ней привык, как к вечному скрипу

колеса. Переносишь ведь ты гусиный гогот?» — «Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу», — сказал Алкивиад. «А Ксантиппа рожает мне детей», — отвечал Сократ.

♦ Сократ говорил, что сварливая жена для него — то же, что норовистые кони для наездников: «Как они, одолев норовистых, легко справляются с остальными, так и я на Ксантиппе учусь обхождению с другими людьми».

♦ К Сократу пришел юноша Эвтидем, желающий стать государственным человеком. И Сократ завел с ним разговор о справедливых и несправедливых делах.

Сократ: Не таковы ли действия справедлиаых, как, например, действия ремесленников? [...]
Но подобно тому как ремесленники показывают свои произведения, могут ли так же показать свои произаедения и справедливые? [...]
Так вот... здесь мы напишем *Д*, а здесь *А*; затем то, что признаем делом справедливости, будем относить к *Д*, а что признаем делом несправедливости — к *А*.
Между людьми встречается ложь?

Эвтидем: Разумеется.

Сократ: Куда ее причислить?

Эвтидем: Конечно, к несправедливости.

Сократ: Обман тоже встречается?

Эвтидем: И очень.

Сократ: Его куда причислить?

Эвтидем: Тоже к несправедливости. [...]

Сократ: И к справедливости ничего из этого не будет причислено?

Эвтидем: Да и странно было бы, если бы было иначе.

Сократ: Теперь, если стратег обращает в рабство жителей враждебного неприятельского города и во время войны прибег к обману?

Эвтидем: Это справедливо. Но только в отношении врагов. [...]

Сократ: Если стратег, видя малодушие солдат, сообщит им ложные сведения, будто приближаются союзники, и этой ложью прекратит их малодушие, куда ты причислишь этот обман?

Эвтидем: К справедливости.

Сократ: А если кто обманет своего сына, нуждающегося в лекарстве и не принимающего его, и даст ему лекарство под видом обычной пиши и этой ложью сделает сына здоровым? [И т. д.]

♦ — Я, — сказал афинский трагик Агафон, — не в силах спорить с тобой, Сократ. Пусть будет по-твоему.

— Нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом — дело нехитрое.

♦ «Ты умираешь безвинно», — говорила ему жена; он возразил: «А ты бы хотела, чтобы заслуженно?»

● Позиция мудрости

♦ «Ты знаешь, — замечает Сократ Гиппию*, — что Ликург Лакедемон-

---

* **Гиппий Элидский** (V в. до н. э.) — древнегреческий философ-софист, часто выступал в Афинах.

ский нисколько не возвысил бы Спарты над прочими государствами, если бы главным образом не ввел в ней повиновения законам? Разве тебе не известно, что в государствах те правители самые лучшие, которым граждане наиболее обязаны повиновением законам? И то государство, в котором граждане наиболее повинуются законам, счастливо во время мира и незыблемо во время войны».

♦ Править должны знающие.

♦ Цари и правители — не те, которые носят скипетры, не те, которые избраны известными вельможами, и не те, которые достигли власти посредством жребия или насилием, обманом, но те, которые умеют править.

♦ Тирания — это власть, основывающаяся не на законах, а на произволе правителя, такая власть — против народа.

♦ Мудрецы учат, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную «порядком», «космосом», а не «беспорядком» и не «бесчинством».

♦ Но если, рождаясь, мы теряем то, чем владеем до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливаем прежние знания, тогда, по-моему, «познавать» означает восстанавливать знание, тебе уже принадлежавшее. И, называя это **припоминанием**, мы бы, пожалуй, употребили правильное слово.

♦ Душа человека причастна божеству.

♦ *Сократ в беседе с Меноном*:*

«Я похож на ската, который, приводя в оцепенение других, и сам приходит в оцепенение. Ведь не то, что я, путая других, сам ясно во всем разбираюсь, — нет: я и сам путаюсь, и других запутываю. Так и сейчас — о том, что такое добродетель, я ничего не знаю, а ты, может быть, и знал раньше, до встречи со мной, зато теперь стал очень похож на невежду в этом деле. И все-таки я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать, что она такое».

♦ Те, кто подлинно преданы философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это всё же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!

♦ Философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой.

♦ Этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего дельного и нужного не знаем, но он, не зная, воображает, будто что-то знает, а я, если уж не знаю, то и не воображаю.

♦ Существует только один бог — знания, и только один дьявол — невежество.

♦ Знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью.

♦ Дурная особенность письменности поистине сходна с живописью: ее

---

* **Менон** — афинский софист, ученик философа Горгия Леонтинского. Он фессалиец (Средняя Греция), родом из Фарсалы. О нем рассказывают, что он гордился не благочестием, правдой и честностью, а «способностью обманывать, изобретать ложь и насмехаться над друзьями».

порождения стоят как жиаые, а спроси их — они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями.

▪▪▪ **Диалог** как образ жизни и способ философствования был причиной литературного безмолвия Сократа, его сознательного отказа от письменных сочинений. Такой вывод находит подтверждение и в платоновской **«Федре»**, где Сократ говорит, что письменное сочинение не только не может воспроизвести настоящего диалога и заменить его, но даже становится преградой на пути общения людей: ведь книгу не спросишь, как спрашиваешь живого человека, а если и спросишь, то она отвечает «одно и то же». Письменные сочинения, создавая иллюзию власти над памятью, прививают «забывчивость», так как в этом случае «будет лишена упражнения память». Поэтому тексты — средство не «для памяти, а для припоминания»; они предоставляют людям возможность «много знать понаслышке», повторяя то, что было сказано в чужих сочинениях. Письменная форма, лишая потребности в самостоятельном поиске, позволяет обучающимся казаться «многознающими», оставляя большинство невеждами. Более того, письменные сочинения грозят существованию общения, если не сказать, что они делают его излишним в той степени, в какой они претендуют на замещение диалога, без которого невозможно живое общение. Диалог — это подлинная, «живая и одушевленная речь знающего человека»; письменность же — это всего лишь «подражание» диалогу.

Для Сократа диалектика, вопросно-ответный способ обнаружения истины, была прежде всего методом определения этических понятий, то есть методом нахождения в данном понятии общих и существенных признаков, выражающих его сущность. В ранних («сократических») диалогах Платона встречается много примеров диалектики Сократа, его попыток дать определение общепринятым этическим понятиям и поступкам с помощью вопросов и ответов, посредством «испытания» собеседника. Вот один из таких примеров, посвященный определению понятия «мужество» в диалоге раннего периода творчества Платона «Лахет»*.

Сократ в этом диалоге начинает с общей мысли о том, что приобретение добродетели предполагает знание (хотя бы частичное) того, что такое добродетель. Учитывая, однако, что рассмотрение столь общего понятия является достаточно сложным и трудным, он предлагает предварительно обратиться к выяснению одного из видов добродетели — мужества. Приведем основные моменты диалога «Лахет» в вольном переводе Феохария Харлампиевича Кессиди, посвященного определению мужества, выяснению содержания этого понятия.

♦ **Сократ:** Тебе, Лахет, как полководцу ведь известно, что такое мужество.

Лахет: Конечно. И, клянусь Зевсом, вопрос не трудный. Не долго думая, отвечу: мужествен тот, кто, оставаясь на своем месте в строю, сражается с неприятелем и не бежит с поля боя.

---

* **Лахет** — известный древнегреческий полководец. Он и Сократ были, говоря по-сегодняшнему, однополчанами, вместе сражались на стороне афинян против беотийцев, вместе после поражения их войск при Делии выходили из окружения. Лахет погиб в 418 г. до н. э. в битве при Мантинее.

Сократ: Это ты верно говоришь, Лахет, если, правда, иметь в виду один из примеров мужественного поступка. Возможно, моя вина в том, что ты свел мужество к единичному случаю, поэтому уточним вопрос: я прошу тебя определить существо добродетели мужества, найти то, что есть «одно и то же во всём», то есть то общее и существенное, которое охватывает все случаи и все примеры мужественных поступков. Твой же ответ следует признать опрометчивым потому, что существуют поступки и образы действий, которые по внешнему проявлению противоположны твоему пониманию мужества, но которые всеми должны быть признаны за мужественные. Так, скифы, убегая, сражаются не менее мужественно, чем преследуя.

Да и Гомер называет Энея «мастером бегства». Бегство само по себе не обязательно есть признак малодушия или отсутствия мужества. Ведь во время сражения при Платее гоплиты лакедемонян, столкнувшись с персидскими щитоносцами, побежали, не утратив при этом мужества. Когда же из-за этого бегства ряды персов расстроились, лакедемоняне неожиданно обернулись назад, стали сражаться как конные и таким образом одержали победу. Собственно говоря, я хотел бы узнать от тебя, Лахет, о мужественных не только в пехоте, но и в коннице, и вообще в военном деле, и не только на войне, а также во время опасностей на море, в болезнях, в бедности или в государственных делах, и опять еще не о тех только, что мужественны относительно скорбей и страхов, но и кто силен в борьбе с вожделениями и удовольствиями, на месте ли он остается или обнажает тыл; ведь бывают, Лахет, мужественные и в таких вещах.

Лахет: Если, Сократ, от меня требуется определение мужества, то есть нахождение того существенного признака, присущего всем его проявлениям, то я бы сказал, что это — своего рода стойкость души, твердость характера, словом, упорство.

Сократ: Ты говоришь так, как нужно. Но мне кажется, что не всякое упорство представляется тебе мужеством. Такое заключение делаю из того, что почти уверен, что ты, Лахет, относишь мужество к прекрасным вещам.

Лахет: Да, несомненно, к прекрасным.

Сократ: Упорство, соединенное с благоразумием, не будет ли прекрасной и хорошей вещью?

Лахет: Конечно.

Сократ: Каково же оно будет без благоразумия? Очевидно, противоположной вещью, то есть дурной и плохой?

Лахет: Да.

Сократ: Стало быть, ты не назовешь нечто дурное и плохое хорошим?

Лахет: Не назову, Сократ.

Сократ: Следовательно, ты не признаешь такое упорство за мужество, поскольку оно нечто плохое, а мужество — дело хорошее.

/ Сократ, «обличая» ошибочность определения мужества, данного Лахетом, строит следующий силлогизм:

Всякое мужество — нечто хорошее. Не всякое упорство — нечто хорошее. **Следовательно, не всякое упорство есть мужество.**

/

Лахет: Ты прав, Сократ, но в таком случае я попытаюсь дать третье определение мужества и скажу, что мужество есть благоразумное упорство. Надеюсь, это тебя удовлетворит.

Сократ: Оно, возможно, меня удовлетворило бы, но всё дело в том, что я не знаю, что ты имеешь в виду, употребляя слово «благоразумное». Благоразумное в чем? Во всём? И в большом, и малом? Скажем, человек проявляет упорство в том, что тратит деньги благоразумно, зная, что в конечном счете он от этого только выиграет и приобретет больше. Назвал бы ты его мужественным?

Лахет: Клянусь Зевсом, нет.

Сократ: Или, чтобы привести аналогичные примеры, скажем, врач остается упорным, проявляет твердость и на мольбы своего больного сына или другого больного, страдающих воспалением легких, отказывается дать им пить и есть. Назовем ли врача мужественным?

Лахет: Нет, и это не мужество.

Сократ: Тогда возьмем, к примеру, человека, выказывающего упорство на войне и готового сражаться, но расчетливого в своем благоразумии. Он знает, что к нему придут на помощь; ему также известно, что он будет сражаться с более малочисленным и более слабым противником, к тому же находящимся в менее выгодной позиции. Скажешь ли ты, что этот человек, чья стойкость основана на расчете, более мужествен, чем тот воин, который находится в противоположных обстоятельстаах своего лагеря и готов тем не менее сражаться, проявлять стойкость и упорство.

Лахет: Мне кажется, последний мужественнее.

Сократ: Но ведь стойкость этого менее осмотрительна, менее благоразумна, чем первого.

Лахет: Верно говоришь.

Сократ: Тогда, значит, по твоему мнению, и опытный в сражении наездник, проявляющий упорство и стойкость, менее мужествен, чем новичок?

Лахет: Так мне кажется.

Сократ: То же самое ты скажешь о метком стрелке из пращи, из лука и о другом воине, опытном в какой-либо области военного искусства?

Лахет: Конечно.

Сократ: И те, кто, не умея плавать, но желая показать стойкость, бро-

саются в водоем, ты полагаешь, смелее и мужественнее тех, кто обладает опытом в этом деле?

Лахет: Что же другое можно сказать, Сократ?

Сократ: Ничего, если в самом деле ты так думаешь.

Лахет: Да, я так думаю.

Сократ: Однако, если не ошибаюсь, эти люди в своем желании продемонстрировать упорство и стойкость подвергаются большей опасности и проявляют больше безрассудства, чем те, которые опытны в этом деле.

Лахет: Кажется.

Сократ: А не казалось ли раньше нам, что безрассудная отвага и упорство постыдны и вредны?

Лахет: Конечно.

Сократ: А мужество мы признавали чем-то хорошим?

Лахет: Верно, признавали.

Сократ: Но теперь же мы, напротив, называем постыдное, безрассудное упорство мужеством.

Лахет: Кажется, что так.

Сократ: Полагаешь ли ты, что мы говорим хорошо?

Лахет: Нет, клянусь Зевсом, Сократ, по-моему, нехорошо.

Сократ: Стало быть, Лахет, той дорической гармонии, о которой ты говорил, у нас с тобой что-то не выходит, потому что дела наши не согласуются со словами нашими.

Лахет: Понимать-то я, кажется, понимаю, что такое мужество, а вот только не знаю, как это оно сейчас от меня так ушло, что я не успел схватить его и выразить словом, что оно такое. ♦

(**Ф. Х. Кессиди.** *Сократ.* 1988 г.)

Вслед за этим в разговор вступает другой полководец — Никий*. По его мнению, «мужество есть своего рода мудрость», точнее, «знание опасного и безопасного и на войне, и во всех других случаях».

Это определение тут же опровергается Лахетом, ссылающимся на отличие знания от мужества. Он иронически замечает: если следовать данному определению, то мы должны признать мужественным, например, врача, знающего, что может быть опасно и безопасно в болезнях; то же самое придется сказать относительно земледельца или ремесленника на том основании, что и тот и другой, каждый в своей области, знают, чего следует опасаться и чего нет.

Со своей стороны, Сократ добавляет, что Никий, давая свое определение мужества, имел в виду, во-первых, то, что мужество — это часть добродетели, а во-вторых, то, что оно, в понимании Никия, распространяется только на будущее время, ибо то, что внушает страх и опасения, угрожает не прошедшим и не настоящим, а будущим злом (то есть чего не надо опасаться и бояться — есть будущее зло).

Принимая это добавление и разъяснение, Никий тем самым оказы-

* **Никий** (ок. 470 – 413 до н. э.), сын Никерата, родом из дема Кидантиды (фила Эгеида) — известный афинский полководец, знатный, богатый и образованный человек; был также выдающимся политическим деятелем и оратором.

вается, как до него Лахет, в тупике. В самом деле, всякое знание (в медицине, в земледелии или в военном искусстве) охватывает предмет во всех трех его временны́х измерениях, исследует «и будущее, и настоящее, и прошедшее состояния всякого дела», а не ограничивается только одним из них, то есть будущим временем, будущим состоянием дела. Таким образом, Никий определил всего лишь третью часть мужества, в то время как от него требовалось определить его в целом. Кроме того, если понимание Никием мужества распространить на все три времени и под мужеством понимать знание не только об опасном и безопасном, но и знание о всяком добре и зле, то и это уже будет не часть (не вид) добродетели, а вся добродетель, то есть добродетель вообше.

Итак, определение мужества не найдено ни Лахетом, ни Никием. Сократ не скрывает, что ему неведомо, что это такое. Говоря, что вопрос остался нерешенным, он подводит итог беседе: «Все мы одинаково оказываемся в затруднении: почему бы в таком случае можно было предпочесть того или другого из них? Право, мне кажется, что никого нельзя предпочесть». Другими словами, все попытки решить поставленный вопрос оказались тщетными. ■

♦ Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого... и молодого, и старого, заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше.

♦ Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и оберегает себя от несчастий.

♦ В случаях, когда исход предпринимаемого дела остается неизвестным, необходимо обращаться к гаданиям и вопрошать прорицателей и оракулов.

♦ Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всём пересиливает и удовольствия, и всё прочее.

♦ Кто мудр, тот и добр.

♦ Все люди, думаю я, делая выбор из представляющихся им возможностей, поступают так, как находят всего выгоднее для себя. Поэтому, кто поступает неправильно, тех я не считаю ни умными, ни нравственными.

♦ Не от денег рождается добродетель, а от добродетелей бывают у людей деньги и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной.

♦ Боги всё знают — как слова и дела, так и тайные помыслы, они везде присутствуют и дают указания людям обо всех делах человеческих.

♦ Однажды мне кто-то рассказал, как он аычитал в книге Анаксагора, что всему в мире сообщается порядок и всему служит причиной Ум; и эта причина мне пришлась по душе, я подумал, что это прекрасный выход из затруднений, если всему причина — Ум. Я решил, что если так, то Ум-устроитель должен устраивать всё наилучшим образом и всякую вещь помещать там, где ей всего лучше находиться... С величайшим рвением принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже.

♦ Я, афиняне, приобрел известность лишь благодаря некоей мудрости. Какая же это такая мудрость? [...]

Прошу вас, не шумите, афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно. Не от себя буду я говорить, а сошлюсь на того, кто пользуется вашим доверием. В свидетели моей мудрости, если есть у меня какая-то мудрость, я приведу вам дельфийского бога. Вы ведь знаете Херефонта — он смолоду был моим другом и другом многих из вас, он разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неудержим во всём, что бы ни затевал. Прибыв однажды в Дельфы, осмелился он обратиться к оракулу с таким вопросом...

Я вам сказал: не шумите, афиняне!

...Вот Херефонт и спросил, есть ли кто на свете мудрее меня, и Пифия* ответила ему, что никого нет мудрее. И хотя самого Херефонта уже нет в живых, но вот брат его, здесь присутствующий, засвидетельствует вам, что это так. Смотрите, ради чего я это говорю: ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня.

Услыхав про это, стал я размышлять сам с собою таким образом: «Что хотел сказать бог и что он подразумевает? Потому что я сам, конечно, нимало не считаю себя мудрым. Что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не лжет же он: не пристало ему это». Долго недоумевал я, что же бог хотел сказать, потом весьма неохотно прибегнул к такому способу решения: пошел я к одному из тех людей, которые слывут мудрыми, думая, что уж где-где, а тут я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу: «Вот этот мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым». Но когда я присмотрелся к этому человеку — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что тот, наблюдая которого, я составил такое впечатление, был одним из государственных людей, афиняне, — так вот я, когда побеседовал с ним, решил, что этот человек только кажется мудрым и многим другим людям, и особенно самому себе, но на самом деле не мудр. Потом я попробовал показать ему, что он только мнит себя мудрым, а на самом деле этого нет. Из-за того-то и сам он, и многие из присутстаовавших возненавидели меня. [...]

Чтобы понять смысл прорицания, надо было обойти всех, кто слывет знающим что-либо. И, клянусь собакой, афиняне, должен вам сказать правду, я вынес вот какое впечатление: те, кто пользуются самой большой славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не лишенными асякого разума, а другие, те, кто считаются похуже, напротив, более им одаренными. [...]

Из-за этой самой проверки, афиняне, с одной стороны, многие меня возненавидели так, что сильней и глубже и нельзя ненавидеть, отчего и возникло множество наветов, а с другой стороны, начали мне давать прозвание мудреца, потому что присутствовавшие каждый раз думали, будто если я доказываю, что кто-то в чем-то не мудр, то сам я в этом весьма мудр.

---

* **Пифия** — прорицательница в Дельфах. /Для справки: кроме Дельф оракул был также в Додоне (Эпир), здесь был оракул в святилище Зевса./

А в сущности, афиняне, мудрым-то оказывается бог, и своим изречением он желает сказать, что человеческая мудрость сто́ит немногого или вовсе даже ничего, и, кажется, при этом он не имеет в виду именно Сократа, а пользуется моим именем ради примера, всё равно как если бы он сказал: «Из вас, люди, всего мудрее тот, кто подобно Сократу знает, что ничего поистине не стоит его мудрость».

Я и посейчас брожу повсюду — всё выискиваю и допытываюсь по слову бога, нельзя ли мне признать мудрым кого-нибудь из граждан или чужеземцев; и всякий раз, как это мне не удается, я, чтобы подтвердить изречение бога, всем показываю, что этот человек не мудр. Вот чем я занимался, поэтому не было у меня досуга заняться каким-нибудь достойным упоминания делом, общественным или домашним; так и дошел я до крайней бедности из-за служения богу.

Кроме того, следующие за мною по собственному почину молодые люди, те, у кого вдоволь досуга, сыновья самых богатых граждан, рады бывают послушать, как я испытываю людей, и часто подражают мне сами, принимаясь испытывать других, и, я полагаю, они в избытке находят людей, которые думают, будто они что-то знают, а на деле знают мало или вовсе ничего. От этого те, кого они испытывают, сердятся не на самих себя, а на меня и говорят, что есть какой-то Сократ, негоднейший человек, который портит молодежь. А когда их спросят, что же он делает и чему он учит, то они не знают, что сказать, и, чтобы скрыть свое затруднение, говорят о том, что вообще принято говорить обо всех, кто философствует: и что, мол, «ищут в небесах и под землею», и что «богов не признают», и «ложь выдают за правду». А правду им не очень-то хочется сказать, я думаю, потому, что тогда обнаружилось бы, что они только прикидываются, будто что-то знают, а на деле ничего не знают. [...]

Вот вам, афиняне, правда, как она есть, и говорю я вам ее без утайки...

(**Платон.** *Апология Сократа*)

∇ ◐ Как здесь уместно вспомнить прорицательное дневниковое суждение французских писателей братьев Гонкур! И хотя их и Сократа разделяют почти 2500 лет, есть что-то в общественном настрое по отношению к мудрым пугающее неизменное ◑:

«Общество карает за всякое превосходство...

Самобытный характер, цельная личность, не идущая на компромиссы, повсюду наталкивается на препятствия, со всех сторон встречает неприязнь. Натуры бесцветные и пошлые пользуются особой симпатией... чтобы достичь чего-либо, необходимо быть человеком посредственным и услужливым, уметь раболепствовать...

Поразительно, как преследует жизнь всех тех, кто не идет проторенной дорожкой, кто сворачивает или стремится свернуть на другие пути... Каждое мгновение, каждую минуту их постигает кара — в большом и малом, — и всякий раз кара эта кажется предусмотренной неким уложением о наказаниях для нарушителей великого закона — закона сохранения общества».

▪▪▪ Сократу не повезло не только с одиозными слушателями Алкивиадом и Критием, но и с великими — Гесиодом и Гомером. Так, он

часто цитировал слова Гесиода: «Дела позорного нет, и только бездействие позорно». Сократ при этом имел в виду порочность лени и пренебрежения к труду. Обличители же усмотрели в сократовском цитировании этого места из Гесиода оправдание всякого действия, в том числе дурного и позорного.

Приводил Сократ в своих беседах и стих Гомера, где Одиссей довольно круто обходится с ослушниками и любителями пошуметь:

Если ж кого заставал он кричащим из черни народной,
Скипетром тех ударял, обращаясь с такими словами:
«Смирно сиди, сумасшедший, и слушай других рассужденья,
Тех, кто получше тебя. И труслив ты, и силой не славен;
Ты и в войне никогда не заметен, и в мирном совете».

Подобное обращение к Гомеру было интерпретировано обвинителем как выпад против демоса, одобрение дурного обращения с людьми из народа. ■

♦ Сообщают, что Аполлодор предложил Сократу перед смертью надеть более подходящую к случаю дорогую одежду. «Как? — спросил Сократ. — Выходит, моя собственная одежда была достаточно хороша, чтобы в ней жить, но не годится, чтобы в ней умереть?»

♦ Услышав от кого-то фразу: «Афиняне осудили тебя, Сократ, к смерти», он спокойно ответил: «А их к смерти осудила природа».

♦ Сократ в своей защитительной речи уподобляет себя оводу, а афинян — коню, большому и благородному, но тучному и обленившемуся, и потому нуждающемуся в том, чтобы его подгонял какой-нибудь овод. Делая это сравнение, он заключает: «Вот, по-моему, бог и послал меня в этот город, чтобы я, целый день носясь повсюду, каждого из вас будил, уговаривал, упрекал непрестанно. Другого такого вам нелегко будет найти, афиняне, а меня вы можете сохранить, если мне поверите. Но очень может статься, что вы, рассердившись, как люди, внезапно разбуженные от сна, прихлопнете меня и с легкостью убьете, послушавшись Анита. Тогда вы всю остальную вашу жизнь проведете в спячке, если только бог, заботясь о вас, не пошлет вам еще кого-нибудь».

■■■ В 1972 г. советский исследователь античной философии, специалист и знаток ее Иван Дмитриевич Рожанский предпринял попытку поставить под сомнение историческую фактичность Сократа. По его мнению, Сократ — не более чем собирательный фольклорный образ, аналогичный образу легендарного ходжи* Насреддина. «Никакого учения Сократа... вообще не существовало», а что до свидетельств Платона и Ксенофонта, то эти авторы «видели свою задачу не в воспроизведении высказываний» исторически сомнительного Сократа, а «прежде всего в пропаганде своих собственных воззрений».

И. Д. Рожанский умело увлекает читателя аллюзией на плагиат, очень напоминающей историю с тайной появления «Тихого Дона» Шолохова и проблему-загадку «М. А. Шолохов — Ф. Д. Крюков».

Из тумана неясных, но уверительно авторитетных утверждений и ссылок на непереведенные фрагменты Диогена Лаэртского вырисовывается, хотя и очень-очень смутно, вот что:

Мы-де знаем другую фигуру, которая действительно могла бы заменить Сократа в его роли главного героя художественно-философских диалогов. Это

---

* **Ходжа** — вежливое обращение в старой Турции к людям науки и просвещения.

сапожник Симон, современник Сократа, личность, вообще говоря, крайне загадочная. По тем скудным сведениям, которые сообщаются о Симоне позднейшими источниками, мы можем понять, что этот человек представлял собою аналогичный тип народного мудреца, сидевшего в своей сапожной мастерской и беседовавшего с посетителями на самые различные темы. Сократ будто бы любил бывать у Симона и разговаривать с ним, а потом записывал эти беседы. Во всяком случае, имеются сведения, что действительно существовали так называемые «сапожнические» диалоги; уже по одному этому названию можно судить, что главным героем в них был уже не Сократ, а Симон. Сообщают также, что Перикл так ценил мудрость Симона, что предложил, чтобы тот переехал к нему и жил с ним вместе. Симон отказался от этого предложения, заявив, что он не продает свою свободу.

Любопытно, что у Платона имя Симон нигде ни разу не упоминается. Но у Федона был диалог «Симон»; правда, о его содержании мы ничего не знаем. Так или иначе, Симон был, по-видимому, как раз той фигурой, которая при благоприятных обстоятельствах могла бы стать центральным образом философского диалога, подобного диалогу сократическому. ■

∇ ◐ Взгляды И. Д. Рожанского были подвергнуты незамедлительной и массированной критике, из которой видно, что И. Д. Рожанский — не первый, кто занялся таким делом, но что никто себе не стяжал славы в подобном начинании. Поскольку рецидивов темы с тех пор не было, можно считать, что критика вдобавок была и сокрушительной. Хотя... темны века, тысячелетиями от нас отстоящие. ◑

♦ Вообще Сократ не советовал заниматься изучением небесных явлений, как бог производит каждое из них: этого, думал он, людям не удастся постигнуть, да и богам не доставит удовольствия, кто исследует то, что они не захотели открыть; к тому же рискует сойти с ума, кто занят такими изысканиями, точно так же, как сошел с ума Анаксагор, очень гордившийся своим объяснением действий богов. Так, Анаксагор говорил, что огонь и Солнце — одно и то же; но он упустил из виду то, что на огонь люди легко смотрят, а на Солнце не могут глядеть; что от солнечного света люди имеют более темный цвет кожи, а от огня — нет; он упустил из виду и то, что ни одно растение без солнечных лучей не может хорошо расти, а от согревания огнем они все погибают; утверждая, будто Солнце есть раскаленный в огне камень, он упустил из виду и то, что камень, находясь в огне, не светит и не может долго держаться, а Солнце вечно остается самым блестящим светилом.

4. МЫСЛИ

- Чем меньше у меня желаний, тем ближе я к богам.
- Что за странная вещь — это так называемое **наслаждение**! Как удивительно срослось оно со своей кажущейся противоположностью — с болью! Вместе они не желают приходить к человеку, но если человек преследует и настигает что-нибудь одно из них, то почти неизбежно приходит к нему и другое; можно подумать, что это два тела об одной голове.
- Богатство и знатность не приносят никакого достоинства.
- Сколько же есть вещей, без которых можно жить!
- В одежде старайся быть изящным, но не щёголем; признак изящества — приличие, а признак щегольства — излишество.

- Нельзя лечить тело, не леча душу.
- Если человек сам следит за своим здоровьем, то трудно найти врача, который знал бы лучше полезное для его здоровья, чем он сам.
- Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре.
- Кого не бьет слово, того не будет бить и палка.
- Без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности.
- Злой человек вредит другим без всякой для себя выгоды.
- На вопрос, кого можно считать счастливым, Сократ ответил: «Того, у кого честный образ мыслей и острый ум».
- Молодым людям следует почаще смотреться в зеркало: красивым — чтобы не срамить своей красоты, безобразным — чтобы воспитанием скрасить безобразие.
- Быть ниже самого себя — это не что иное, как невежественность, а быть выше самого себя — не что иное, как мудрость.
- Удивительно, что ваятели каменных статуй бьются над тем, чтобы камню придать подобие человека, и не думают о том, чтобы самим не быть подобием камня.
- Скульптор должен в своих произведениях выражать состояние души.
- Это изумляет: всякий человек без труда скажет, сколько у него овец, но не всякий сможет назвать, сколько он имеет друзей, — настолько они не в цене.
- Хорошее начало не мелочь, хотя и начинается с мелочи.
- Если бы я мог взойти на высочайшее место в Афинах, я бы возвысил голос и заявил: «Сограждане мои, почему вы переворачиваете и скребёте каждый камень, чтобы скопить богатство, и так мало заботитесь о своих детях, которые в один прекрасный день унаследуют всё это богатство?»
- Природа наделила нас двумя глазами, двумя ушами, но лишь одним языком, дабы мы смотрели и слушали больше, чем говорили.
- Я ем, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть.
- Я знаю, что я ничего не знаю.

/ ∇ ◐ Кстати, относительно этой фразы Сократа. Оптимизм его высказывания почти что бескрайне пессимистичен. Хотя... если первое «я» считать ареалом учёного, а второе — свести к его конкретной личности и принять за *вполне понятные рамки рядовой субъективности*, то что возьмёшь с человека, который чувствует, что просто не успевает вникательно изучить и постичь *своим* умом **всё**. ◑/

Демокри́т

V – IV вв. до н. э.

Демокрит из Абдеры
/Δημόχριτος/

• Древнегреческий философ

Родился: 460 г. до н. э.
Умер: 360 г. до н. э.

Прожил — 100 лет

> **«Истина скрыта на дне глубокой пропасти».** *(Демокрит)*

■ **«Из мудрости вытекают следующие три способности: выносить прекрасные решеиия, безошибочно говорить и делать, что следует».** *(Демокрит)*

■ **«Пусть жеищииа не рассуждает: это ужасно».** *(Демокрит)*

1. ЖИЗНЬ

• Его родина — город Абдера.
• Происходил из знатной семьи и был богат, но богатство забросил и всю жизнь провел в бедности, предаваясь исключительно любомудрию.
• Производил впечатление помешанного — своей страстью к одиночеству и уединению.
• Путешествовал в Египет к жрецам, к халдеям в Персию; общался с гимнософистами в Индии, был в Эфиопии.
• Без смеха никогда не появлялся на людях: настолько несерьезным казалось ему всё делаемое всерьез.
• Демокрит считается автором 50 трактатов. Свои произведения писал днем и ночью, запираясь от всех в одном из склепов за городскими воротами:

«О природе человека»;
«Малый миростpой» (ок. 420 г. до н. э.);
«Об идеях»;
«О логике или канон» (Περὶ λογιχῶν χαὶ χανῶν)
/ В этом трактате впервые в греческой науке появляется термин «логика». /
«Большой миростpой»;
«О цели»;
«О различии между законнорожденной и незаконнорожденной мыслью, или О касании круга и шара» (это произведение до нас не дошло);
«Геометрические вопросы» (книга не сохранилась).

• Учителем Демокрита был сын Пифагора Аримнест.

• Демокрит впервые показал, что объем конуса равен третьей части объема цилиндра, если они имеют равные основания и высоты, а объем пирамиды при тех же условиях равен третьей части объема призмы.

• Имел склонность замечать и удивляться всему существенно необычному:

/ В одной из легенд говорится, что Демокрит был поражен, увидев дровоноса, складывающего дрова в вязанку наилучшим геометрическим образом, и узнав, что тот дошел до всего сознательно и самостоятельно. По одной из версий этим дровоносом был будущий философ Протагор. /

• Автор парадокса «Конус»:

/ Будучи остроумным естествоиспытателем, выдвинул следующий трудный вопрос: если конус будет многократно рассекаться плоскостью параллельно основанию, то как следует представлять себе поверхности сечения: будут ли они равными или неравными? Если они не равны между собой, то конус окажется не гладким, а как бы ступенчатым. Если же они равны между собой, то мы приходим к абсурду, ибо в таком случае получается, что у нас был цилиндр, а не конус.

То же можно сказать и относительно шара. /

• Ослепил себя, ставя надраенный медный шит против заходящего солнца:

∇ ◐ Здесь царство версий:

1. То ли Демокрит повторил судьбу Генриха Герца из XIX в., «загнав» свое зрение, изучая природу Солнца, как тот, исследуя распространение электромагнитных колебаний.

2. То ли, как утверждают легенды, сознательно лишил себя возможности видеть мир несовершенными приборами (познание чувствами не проникает до истины): решил сделать «ставни» очам, чтобы открылись очи разума. ◑

/ **Цицерон:**

«Демокрит сам себя лишил зрения, так как считал, что раздумья и размышления разума при созерцании и осмысливании природы будут более оживленными, когда освободятся от развлечений зрения и препятствий глаз». /

2. СУДЬБА

► Однажды, когда Демокрит ел во время обеда фиги, пахнувшие мёдом, он вдруг задумался над тем, откуда взялась у фиг необычная сладость, и, чтобы выяснить это, он встал из-за стола, желая осмотреть то место, где эти фиги были сорваны. Его служанка, узнав, почему он всполошился, смеясь, сказала ему, чтобы он не утруждал себя: она просто положила фиги в сосуд из-под мёда. Демокрит был раздосадован тем, что она лишила его повода провести расследование и отняла у него предмет, возбудивший его любознательность. «Уходи, — сказал он ей, — ты причинила мне неприятность; я всё же буду искать причину этого явления так, как если бы оно было природным». И он не преминул найти какое-то истинное основание для объяснения этого явления, хотя оно было ложным и мнимым.

► О мудрости, остроумии и необычайном даре провидения Демокрита

создавались легенды. Одна из них рассказывает, например, что, когда у персидского царя Дария умерла его любимая и прекрасная жена и монарх находился в безутешном состоянии, Демокрит пообещал вернуть к жизни покойную, если царь даст ему всё необходимое. Дарий отдал распоряжение: не жалеть никаких средств. Философ был удовлетворен, но заметил, что теперь ему не хватает только одного. Если Дарий напишет на гробнице жены имена трех человек, никогда не испытавших горя, красавица тотчас же оживет. Всемогущий царь, конечно, не мог этого выполнить. Тогда Демокрит засмеялся по своему обыкновению и сказал: «Что же ты, нелепейший человек, не перестаёшь плакать, как будто с тобой одним случилось такое несчастье, ведь ты не можешь найти даже одного человека, которому не пришлось бы испытать какую-либо печаль».

► Однажды Платон в сердцах хотел сжечь все сочинения Демокрита, имевшиеся у него, и остановился лишь после того, как ему веско указали, что у других-то книги Демокрита всё равно при этом останутся.

► С Демокрита начинается первое упоминание о том, что общественность потребовала подвергнуть философа медицинскому освидетельствованию на предмет... выявления ненормальности. Существует предание, что жители Абдеры поручили врачу Гиппократу (460 – ок. 377 гг. до н. э.) обследовать умственные способности философа Демокрита.

3. УЧЕНИЕ

♦ Начáла Вселенной — атомы и пустота, всё же остальное существует лишь в мнении.

♦ Атомы — это некие тела, невидимые из-за малой величины и неделимые из-за твердости.

/ Само слово «атом» (ἄτομος) образовано от глагола τέμνω — «резать», «разрезать», «разрубать», «рассекать». «Атом», следовательно, переводится как «неделимое». /

♦ Следует принимать только атомы и пустоту. Количество атомов и пустота — бесконечны.

♦ Атомы можно уподобить поднятым ветром пылинкам, наблюдаемым в лучах солнца через окно. Эти пылинки существуют в воздухе, но так как они незаметны из-за слишком малой величины, то кажется, что они и не существуют, точно так же существуют и неделимые тела, мелкие и невидимые из-за слишком малой величины.

♦ Существуют первопричины, бесконечные по числу, но неделимые из-за своей величины. Эти минимальные первотелá — атомы.

∇ ◐ А не из наблюдения ли за строительством дома, когда **целое** возникает из **частей**, элементарных и бескачественных (в том смысле, что из них можно построить **дом**, а можно и **стену**, и **печь**), возникло представление Демокрита об элементарных «кирпичах» Вселенной!?! ◑

♦ Атомы движутся в пустоте бесконечное время.

♦ Атомы являются субстанциями, не воздействующими на других и не поддающимися воздействию. Рассеянные в пустоте, когда они приближаются друг к другу или наскакивают, или зацепляются друг за друга, то из этих конгломератов атомов одно кажется водой, другое — огнем, третье — растением, четвертое — человеком.

♦ Могут ли разные тела состоять из одних и тех же атомов? Да, могут. Как из одних и тех же букв пишутся разные книги.

♦ Огонь образован шарообразными атомами, ибо шар всегда касается других поверхностей столь малым соприкосновением, что всегда соскальзывает. А огонь и есть бесконечно легкая подвижность.

∇ ◐ Выражение «касание» Демокрит употреблял не в прямом смысле, поскольку между атомами всегда есть пустота. «Точка не касается точки». ◑

♦ Атомы бесцветны...

♦ Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — холодное, в мнении — цвет, **в действительности же существуют только атомы и пустота.**

♦ Мир не одушевлен и управляется не провидéнием, а некоей бессознательной природой.

♦ Миров бесчисленное множество, они различны по величине, появляются из бесконечной пустоты, возникают и гибнут.

В одних мирах нет ни Солнца, ни Луны, в других — Солнце и Луна больше по размерам, чем у нас, а в некоторых их большее число. Расстояния между мирами не одинаковые; кроме того, в одном месте миров больше, в другом — меньше. Одни миры растут, другие достигли расцвета, третьи уже идут на убыль. В одном месте миры зарождаются, в другом — исчезают. Уничтожаются же они, сталкиваясь друг с другом. Некоторые миры не имеют животных и растений и вовсе лишены влаги.

♦ Есть два рода познания: один истинный, другой — темный. К темному относятся все следующие виды познания: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Что же касается истинного познания, то оно совершенно отлично от первого. Когда темный род познания уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование должно проникнуть до более тонкого, недоступного уже чувственному восприятию, тогда на сцену выступает истинный род познания, так как он, в мышлении, обладает более тонким познавательным органом.

♦ Ничто не более такое, чем другое: мед одним кажется сладким, а другим горьким, из чего можно заключить, что сам мед не сладкий и не горький.

♦ Или ничто не истинно, или истинное нам неизвестно.

♦ Земля остается в равновесии, потому что она одинаково удалена от оболочки космоса и у нее нет причин двигаться «скорее сюда, чем туда».

♦ В бесконечном пространстве есть бесчисленное множество Демокритов, таких же, как я.

♦ В любой части материи есть и пустое, и полное, причем одно из них бытие, а другое — небытие.

♦ Подобное познаётся подобным: равного с равным сводят всегда бессмертные боги.

♦ Время безначально...

♦ Спрашивать о причине вещей — то же, что искать начало бесконечного.

♦ Движение вечно. Кто ответит на вопрос, откуда начало природного движения?

♦ Ничто не происходит случайно. Например, причиной нахождения клада является вскапывание земли или посадка дерева.

Люди измыслили идол случая, чтобы пользоваться им как предлогом, прикрывающим их собственную нерассудительность.

♦ Вещи образовались путем соединения шероховатых, гладких, крючковатых и изогнутых тел, в промежутке между которыми находится пустота.

♦ Из несуществующего не может быть возникновения, а из существующего не может возникнуть ничего нового, следовательно, возникновение чувственных вещей происходит путем выделения из того, что существовало раньше.

♦ Что кто бы ни помыслил, всё существует.

♦ Душа и разум — одно и то же.

♦ Действительность заключена в явлениях.

♦ Есть два вида познания: одно посредством чувств, другое — мысли.

♦ Более пяти чувств имеется у бессловесных животных, у мудрецов и богов.

♦ Надо исследовать неявное, а не абсолютно очевидное.

♦ Ничто не соответствует действительности, но представляется так, как нам представляется, к примеру, весло в воде.

♦ «Все вещи вместе». Согласно этому принципу все материальные первопричины заключены во всяком теле.

♦ Первосущности дóлжно называть идеями, то есть формами, подобием, видами.

♦ Одни миры возникают, а другие гибнут.

♦ Пустота неподвижна.

♦ Есть только один вид движения — движение вибрации.

∇ ◐ Этот вывод, очевидно, навеян той же аналогией — пляской пылинок в пронзающем темноту луче солнца. ◑

♦ Мы видим потому, что жилы глаза, сами по себе прямые и сухие, способны принимать форму, сходную с отображаемыми предметами. Ибо однородное лучше всего познаёт друг друга.

♦ Земля плоская и неподвижная.

♦ Все звезды воспламеняются от быстрого движения.

♦ От каждой вещи происходят как бы истечения (образы) в наши органы чувств, вследствие чего возможно чувственное познание.

∇ ◐ Вообще, даже в сегодняшних теориях зрения есть какой-то изъян. Согласно доминирующей позиции, все тела видны вследствие восприятия отраженного от них света. Но если это так, то мы должны были бы тогда воспринимать их «смесь» и не могли бы выделить из этой смеси ни одного из предметов. Ведь ненастроенный радиоприемник, «воспринимая» сразу несколько радиостанций, воспроизводит, как известно, только шум. ◑

♦ Запах — это истечение тонкого из тяжелого.

♦ Люди впервые были созданы из воды и грязи.
♦ При совокуплении человек вытряхивается из всего человека.
♦ Мышление бывает только при гармоническом состоянии души относительно составляющей ее смеси. Если же кто-либо станет слишком теплым или слишком холодным, то гармоническое состояние души нарушается. Поэтому древние прекрасно обозначали это состояние души выражением «терять ум».

4. МЫСЛИ

- Увидев кого-то, говорившего много невежественных вещей, Демокрит сказал: «Этот человек не говорить не умеет, а молчать не умеет».
- Напрасный труд увещевать человека, полагающего, что он умен.
- Надо стремиться к многомыслию, а не к многознанию.
- Не стремись всё знать, чтобы не оказаться во всём невеждой.
- Бывает болезнь дома и имущества, точно так же как и болезнь тела.
- Законы — дурная выдумка. Законы создаются людьми, а от природы — атомы и пустота.
- Откровенная речь — свойство свободного духа, однако опасно выбрать для нее неподходящий момент.
- Добро не в том, чтобы не делать несправедливости, а в том, чтобы даже не желать этого.
- Тому, кто будет властвовать над другими, надлежит сначала властвовать над собой.
- Богат тот, кто беден желаниями.
- Разуму учит не время, а надлежащее воспитание и природа.
- Жизнь без праздников — это длинный путь без заезжего двора.
- Не следует растить детей — ненадежное это дело: ибо удача достигается ценой борьбы и забот, в случае же неудачи страдание ни с чем не сравнимо.
- Прекрасное постигается путем изучения и ценой больших усилий, дурное усваивается само собой, без труда.
- Благоразумен тот, кто не печалится о том, чего не имеет, но радуется тому, что имеет.
- Желающий быть в хорошем расположении духа не должен браться за много дел ни в своей частной жизни, ни в общественной, и, что бы он ни делал, он не должен стремиться свыше своих сил и своей природы.
- Честный и бесчестный человек познаются не только из того, что они делают, но и из того, что они желают.
- Дóлжно препятствовать совершению несправедливого поступка. Если же мы этого не в состоянии сделать, то, по крайней мере, мы не должны содействовать несправедливому поступку.
- Если даже ты наедине с собой, не говори и не делай ничего дурного. Учись гораздо более стыдиться самого себя, чем других.
- Жить дурно, неразумно, невоздержанно — значит не плохо жить, но медленно умирать.
- Не телесные силы и не деньги делают людей счастливыми, но правота и многосторонняя мудрость.

- Многие совершающие постыднейщие поступки говорят прекрасные речи.
- Мужествен не только тот, кто побеждает врагов, но и тот, кто господствует над своими удовольствиями. Некоторые же царствуют над городами и в то же время являются рабами женщины.
- Найти одно научное доказательство для меня лучше, чем овладеть всем персидским царством.
- Не слово, а несчастье есть учитель глупцов.
- Счастье — это хорошее расположение духа, благосостояние, гармония, симметрия и невозмутимость.
- Дурные люди дают клятвы богам, когда попадают в безвыходное положение. Когда же они от него избавились, всё равно клятв не соблюдают.
- Слово — тень дела.
- Мудрец — мера всех существуюших вещей. При помощи чувств он — мера чувственно воспринимаемых вещей, а при помощи разума — мера умопостигаемых вещей.
- Прекрасна во всём середина: мне по душе ни избыток, ни недостаток.
- Не делать никаких уступок жизни есть признак безрассудства.
- Те, которым доставляют удовольствие несчастья ближних, не понимают, что перемены судьбы могут коснуться всех.
- Удовольствие и страдание служат критериями решений относительно того, к чему следует стремиться и чего избегать.
- Ни одна вещь не возникает беспричинно, но всё возникает на каком-нибудь основании и в силу необходимости.
- Желать чрезмерного подобает ребенку, а не мужу.
- Мудрому человеку вся Земля открыта. Ибо для хорощей души отечество — весь мир.
- Умеренность умножает радости жизни и делает удовольствие еще большщим.
- Смелость — начало дела, но случай — хозяин конца.
- Мужество делает ничтожными удары судьбы.

Агафон

V – IV вв. до н. э.

• Древнегреческий философ, поэт, драматург

Родился: 448 г. до н. э.
Умер: 380 г. до н. э.

Прожил — 68 лет

> **«Весьма вероятно наступление невероятного».** *(Агафон)*

■ **«Как было бы хорошо, если бы человек всегда хотел делать только то, что ему следует делать».** *(Агафон)*

1. ЖИЗНЬ

• Жил в Афинах.
• Ученик Продика и Сократа.
• Один из персонажей диалога Платона «Пир».
• Из его сочинений до нас дошли лишь отрывки, которые цитируются у Аристотеля и других авторов.

2. СУДЬБА

► Классификационно может быть отнесен к так называемым ◐ философам одной фразы ◑ (она вынесена в девизовое изречение):

/ **Комментарий Пьера Бейля** (см.: Пьер Бейль. *Исторический и критический словарь.* 1697 г.):

«Претендующим на мудрость следует извлечь пользу из изречения Агафона. Проницательные и рассудительные, вы можете верно угадать в тысяче случаев, но иногда и обжечься: события, порой самые нелепые и необычные, воспринимаемые как химеры, бывает, подтверждаются.

Таким образом, благоразумие повелевает поступать осмотрительно и не выносить окончательных суждений, исходя из самой правдоподобной видимости...

Изречение Агафона полезно и врачам, и любителям новостей. Один профессор из Лейпцига призывал врачей говорить лишь с большой осмотрительностью, если они хотят оказать честь медицине. Он желает, чтобы врачи не обещали слишком многого, а также не приводили в ужас своими диагнозами, чтобы они говорили всегда в условной форме с применением слов «может быть»... Такой же совет можно дать большим любителям рассуждать о новостях: я говорю о тех из них, у кого достаточно проницательности и рассудительности. Они верно угадывают в тысяче случаев: случается, что за год раз сто им не приходится раскаиваться в решительном тоне, с которым они насмехались над надеждами и угрозами газетчиков, но иногда они обжигаются: события в некоторых случаях подтверждают самые нелепые и необычайные новости, какие только могут быть сообщены, новости, которые эти люди осудили как химеры или как поступки, несовместимые с мудростью, столько раз проявленной государственным советом...» /

4. МЫСЛИ

◪ Справедливость вмещает в себе все добродетели.
◪ Не было бы зависти в жизни человека, если бы мы все находились в равных условиях.

Антисфе́н

V – IV вв. до н. э.

Антисфен из Афин

• Древнегреческий философ

Родился: 444 г. до н. э.
Умер: 366 г. до н. э.

Прожил — 78 лет

> **«Государства погибают тогда, когда не могут более отличать хороших людей от дурных».**
> *(Антисфен)*

■ **«Философия дала мне умение беседовать с самим собой».** *(Антисфен)*

■ **У *Антисфена* почти на все случаи жизни была одна и та же очень любимая им притча:**

Зайцы в народном собрании говорили речи, что все во всём равны. На что львы, тоже там присутствовавшие, возразили: «Вашим доводам, зайцы, не хватает только наших зубов и когтей».

■ **На вопрос, какая наука самая необходимая, *Антисфен* ответил: «Наука забывать ненужное».**

1. ЖИЗНЬ

• Сын афинянина и фракийской рабыни.
• Ученик софиста Горгия, затем Сократа; жил он в Пирее[13] и каждый день ходил за сорок стадиев, чтобы посещать Сократа (1 стадий — 184,98 м).
• Был в постоянной полемике с Зеноном Элейским.
• Основатель школы киников.
• Наиболее знаменитый из его учеников — Диоген Синопский.
• Присутствовал при предсмертной беседе Сократа.
• Написал «бесчисленное множество книг» (св. Иероним).
• Свои беседы Антисфен вел в гимнасии Киносарге, неподалеку от городских ворот, а поскольку Киносарг означает «Белая собака», то, по мнению некоторых, отсюда и проистекает общее название и его учения, и его школы — киники. Сам же он называл себя «Непородистый пёс».
• Бо́льшую часть жизни провел в крайней нужде.
• Антисфен первый присвоил себе предметы и одежду, характерные для раба и трудящегося свободного бедняка, как отличительные признаки, *insignia*, созданной им кинической школы. К ним относились: рабочий короткий плащ (*tribon*), надеваемый прямо на голое тело, нищенская сума, котомка бродяги (*pera*) и посох странника, или «дубинка Геракла» (*baktron*). Эти «аксессуары» переняли все позднейшие киники.

- Внешне был дик и неухожен.
- Жизненная позиция Антисфена: всемерное ограничение потребностей.
- **Сочинения Антисфена:**

«Истина»;
«О мнении и знании»;
«О вопросе и ответе»;
«Увещевания»;
«Сатон, или О противоречии»;
«О любви, рождении детей и браке»;
«О воспитании, или Об именах»;
«Геракл».

- Умер от туберкулеза.

2. СУДЬБА

► Антисфен, учивший в Киносарге, получил прозвище *Haplokyōn* («обычная собака»). Это имя одновременно подчеркивало сходство и отличие образа философа, ведущего жизнь «простой собаки», от смысла того экзотического названия гимнасия, которое буквально воспринималось греком как «Белая собака», наподобие того, как мы воспринимаем, скажем, названия московских улиц «Собачья площадка» или «Матросская тишина», не задумываясь и в то же время прекрасно понимая их первоначальный смысл. Данное объяснение тем правдоподобнее, что, вероятно, большинству афинян была известна легенда, связанная с происхождением названия гимнасия.

Вот как передает ее Фотий*:

«Диом Афинский приносил жертву на очаге. Вдруг появилась белая собака, схватила приносимое в жертву мясо и унесла куда-то. Диом сильно перепугался, но бог через оракула поведал ему, что на том месте, куда собака унесла жертву, нужно воздвигнуть Гераклу алтарь. Отсюда происходит и название «Киносарг». Из этого рассказа ясно, что один из корней этого слова должен был отчетливо и активно восприниматься как *kyōn* (собака). Таким образом, сам Антисфен, обитавший в «Белой собаке», был, конечно, не «белой собакой» (*kyōn argos*), а «простой, обычной собакой» (*haplokyōn*). Что же касается последователей Антисфена, то они получили свое название уже без всяких дополнительных эпитетов — «собаки» (*hynes*) или производное от этого слова *kynikoi* («киники»).

(**И. М. Нахов.** *Философия киников.* 1982 г.)

► **Диоген Лаэртский** (по поводу антиплатоновского диалога «Сатон, или О противоречии»):

«Передают, что Антисфен захотел для местных философов прочесть кое-что из своих сочинений и пригласил на чтение Платона. Когда тот спросил, о чем Антисфен намеревается говорить, последний ответил: «О невозможности противоречий». Платон удивился: «Как же ты можешь об этом писать?!» и стал доказывать, что Антисфен сам себе противоречит. На что Антисфен письменно возразил диалогом «Сатон» — легким, но легко узнаваемым изменением имени, намекнув на Платона».

► Он первый дал определение п о н я т и ю: «Понятие есть то, что раскрывает нам, чем являлся или является тот или иной предмет».

---

* **Фотий** (IX в.) — византийский теолог. Ок. 870 г. основал в Византии Академию, в которой читал лекции о древнегреческий философии. Сделал ценные извлечения из произведений 280 древнегреческих писателей (позже эти произведения в большинстве своем были утеряны).

Антисфену принадлежит авторство «аргумента ногами»:

Будучи не в состоянии ответить на *ниспровергающие* доказательства Зенона Элейского по поводу возможности движения, Антисфен, разгоряченный несогласием, начал в возбуждении ходить перед слушателями, приговаривая, что одно уже это наглядное действие сильнее любого возможного словесного возражения.

/ По поводу этого «философического» эпизода сохранилась прелестная эпиграмма А. С. Пушкина, акцентирующая и смысл, и ход происшедшего:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый,
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей. /

4. МЫСЛИ

- Кто боится других, тот раб, хотя он этого и не замечает.
- Я предпочел бы безумие наслаждению.
- Следует домогаться удовольствий, которые идут за трудами, а не перед трудами.
- Справедливого человека цени больше, чем родного.
- Нет ни родо́в, ни ви́дов: «человека» я вижу, а «человечности» не вижу, «лошадей» вижу, а «лошадности» не вижу, поэтому эти общие понятия не существуют вовсе.
- Кто достиг мудрости, тот не должен интересоваться науками, книгами, чтобы его не отвлекали посторонние вещи и мнения.
- На вопрос, почему он так суров с учениками, он ответил: «Врачи тоже суровы с больными».
- Кто-то сказал Антисфену: «Тебя многие хвалят». — «Что же, — спросил он, — я сделал дурного?»
- К юноше, который с гордым видом позировал ваятелю, он обратился так: «Скажи, если бы бронза умела говорить, чем бы, по-твоему, стала она хвастаться?» — «Красотою», — сказал тот. — «И тебе не стыдно гордиться тем же, чем и бездушная статуя?»
- Мудрец ни в чем и ни в ком не нуждается: ибо всё, что принадлежит другим, принадлежит и ему.
- Не пренебрегай врагами: они первыми замечают твои ошибки.
- Однажды Диоген принес с собою кинжал, и когда Антисфен воскликнул: «Ах, кто избавит меня от страданий?», — он показал ему кинжал и произнес: «Вот кто». — «Я сказал: от страданий, а не от жизни», — возразил Антисфен.
- Узнав однажды, что Платон дурно отзывается о нем, он сказал: «Это удел царей: делать хорошее и слышать дурное».
- Надо запастись либо умом, чтобы понимать, либо веревкой, чтобы повеситься.

Аристи́пп

Аристипп из Кирены

V – IV вв. до н. э.

/Ἀρίστιππος/

• Древнегреческий философ

Родился: 430 г. до н. э.
Умер: 355 г. до н. э.

Прожил — 75 лет

> **«Философия приносит ту пользу, что даёт способность говорить с кем угодно».**
> *(Аристипп)*

■ **«Чтобы отличить мудреца от глупца, отправь обоих нагишом к людям, которые их не знают, и тогда увидишь».** *(Аристипп)*

■ **«Лучше быть нищим, чем невеждой: если первый лишен денег, то второй лишён образа человеческого».** *(Аристипп)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из города Кирена (Северная Африка).
• Иногда, чтобы не путали с его внуком, именуется Аристиппом *Старшим.*
• Сначала был учеником Протагора, затем Сократа.
• Основал школу «киренаиков», или гедонистов (от *греч.* hedone — удовольствие), которые высшим благом для человека полагали наслаждение.
• Среди его последователей особенно верной ученицей была его дочь Арета, впоследствии сама развившая бурную преподавательскую деятельность, и тоже обучала философии своего сына Аристиппа *Младшего.*
• Аристипп первым из учеников Сократа начал брать плату со слушателей и, если верить Диогену Лаэртскому, отсылать ее Сократу...
• Вел великосветский образ жизни, много путешествовал, жил в мире изнеженности и благоуханий, хорошо одевался и любил роскошь.
• Ни одно из произведений Аристиппа не сохранилось.

2. СУДЬБА

► Однажды Аристипп плыл на корабле в Коринф, был застигнут бурей и страшно перепугался. Кто-то сказал: «Нам, простым людям, не страшно, а вы, философы, трусите?» Аристипп ему ответил: «Мы оба беспокоимся о своих душах, но души-то у нас неодинаковой ценности».

► Однажды Аристипп заступался за своего друга перед Дионисием и, не добившись успеха, бросился к его ногам. Когда кто-то стал над ним

смеяться, Аристипп сказал: «Не я виноват, а Дионисий, у которого уши на ногах растут».

► Аристиппа упрекали за то, что он, последователь Сократа, берет деньги с учеников. «А почему бы и нет?! — сказал он.— По-моему, я всё делаю в духе учителя! Правда, когда Сократу присылали хлеб и вино, он брал лишь самую малость, а остальное возвращал; но ведь о его пропитании заботились лучшие граждане Афин, а о моем — только раб Евтихид».

► **Ксенофонт** (см.: Ксенофонт. *Воспоминания о Сократе*): «Аристипп любил жить, чувствуя себя всегда... чужим».

3. УЧЕНИЕ

♦ Кто много ест и пьет, но никак не может насытиться, тот идет к врачам, чтобы узнать, чем вызвано его болезненное состояние и как от него избавиться; если же кто, имея пять кроватей, ищет их десять, или, приобретя десять столов, закупает их еще столько же, или, обладая обширными землями и большими деньгами, стремится к дальнейшим приобретениям, теряя сон и оставаясь во всём ненасытным, то не должен ли он понять, что нуждается в помощи человека, который излечил бы его, разъяснив происхождение его болезни.

4. МЫСЛИ

- На вопрос, чем философы превосходят остальных людей, Аристипп ответил: «Если все законы уничтожатся, мы одни будем жить по-прежнему».
- Однажды, когда Аристипп проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: «Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислуживать при дворах тиранов». — «А если бы ты умел обращаться с людьми, — ответил Аристипп, — тебе не пришлось бы чистить себе овощи».
- Однажды Дионисий I Старший (ок. 432 – 367 гг. до н. э.; тиран Сиракуз с 405 г. до н. э.) предложил Аристиппу из трех гетер выбрать одну; Аристипп увел с собою всех трёх, сказав: «Парису плохо пришлось за то, что он отдал предпочтение одной из трех».

Суд Париса. *Худ. П. Рубенс. 1638 – 1639 гг. Мадрид. Музей Прадо*

- Когда Дионисий плюнул в Аристиппа, он стерпел, а когда кто-то начал его за это бранить, Аристипп сказал: «Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку, я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу».
- Однажды, когда Аристипп входил с мальчиками в дом к гетере и один из мальчиков покраснел, Аристипп сказал: «Не позорно входить, позорно не найти сил, чтобы выйти».
- Когда кто-то предложил Аристиппу задачу и сказал: «Распутай!» — Аристипп воскликнул: «Зачем, глупец, хочешь ты распутать узел, который, даже запутанный, доставляет нам столько хлопот?»
- Кто-то сказал, что всегда видит философов перед дверьми богачей. «Но ведь и врачи, — сказал Аристипп, — ходят к дверям больных, и тем не менее всякий предпочел бы быть не больным, а врачом».
- Человеку, который хвастался обширными знаниями, Аристипп сказал: «Оттого, что человек очень много ест, он не становится здоровее, чем тот, который довольствуется только необходимым; точно так же и ученый — это не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользою».
- Когда Аристиппа упрекали за то, что, защищая свое дело в суде, он нанял оратора, Аристипп сказал: «Нанимаю же я повара, когда даю обед!»
- Однажды Дионисий требовал, чтобы Аристипп сказал что-нибудь философское. «Смешно, — сказал Аристипп, — что ты у меня учишься, как надо говорить, и сам меня поучаешь, когда надо говорить». На это Дионисий рассердился и велел Аристиппу занять самое дальнее место за столом. «Что за почёт хочешь ты оказать этому месту!» — сказал Аристипп.
- Кто-то осуждал Аристиппа за то, что он живет с гетерой. «Но разве не всё равно, — сказал Аристипп, — занять ли такой дом, в котором жили многие, или такой, в котором никто не жил?» — «Всё равно», — отвечал тот. — «И не всё ли равно, плыть ли на корабле, где уже плавали тысячи людей или где еще никто не плавал?» — «Конечно, всё равно». — «Вот так же, — сказал Аристипп, — всё равно, жить ли с женщиной, которую уже знавали многие, или с такой, которую никто не трогал».
- Аристипп был любовником гетеры Лаиды. Тем, кто осуждал его, Аристипп говорил: «Ведь я владею Лаидой, а не она мною; а лучшая доля не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им».

У Аристиппа однажды возникла ссора с Эсхином*, и кто-то сказал ему: «Куда же, Аристипп, девалась ваша дружба?» — «Она спит, но я ее разбужу», — отвечал он. И, отправившись к Эсхину, сказал: «Неужели ты считаешь меня таким жалким и неисправимым, что я в твоих глазах не заслуживаю даже вразумления?» — «Нет ничего удивительного, — отвечал Эсхин, — если ты, стоя настолько выше меня во всех отношениях, первым понял и в этом случае, как следовало поступить».

---

* **Эсхин из Афин** (ок. 389/393 – 314/318 гг. до н. э.) — древнегреческий оратор-логограф.

Платóн

V – IV вв. до н. э.

Аристокл
/по прозвищу Платон/
Πλατων

• Древнегреческий философ

Родился: 07.11.428 г. до н. э.
Умер: 347 г. до н. э.

Прожил — 81 год

> **«Не золото надо завещать детям, а наибольшую совестливость».** *(Платон)*

■ **«Мы в действительности ничего не знаем».** *(Платон)*

■ **Прежде чем кого-либо за что-то упрекать, *Платон* советовал всем спросить себя внутренним голосом: «А не таков ли и я?» — и тогда придирка наверняка обернётся снисходительностью.**

1. ЖИЗНЬ

• Сын Аристона и Периктионы.
• Родом из Афин, настоящее имя его — Аристокл.

/ По преданию, Аристокл получил свое прозвище Платон (*греч.* platus — «полный», «широкоплечий») от Сократа за ширину двух частей тела — груди и лба. /

• Семья была небогатой, хотя и знатной: Аристон происходил из рода последнего афинского царя Кодра, а Периктиона — из семьи, давшей Афинам Солона.
• Его дядя Критий (ок. 460 – 403 гг. до н. э.) — афинский софист (т. е. за плату учивший риторике и философии) — отличался непримиримым атеизмом.
• Имел двух братьев и сестру.
• Получил обычное для знатного афинянина образование: гимнастика, грамматика, музыка, математика.
• В подростковом возрасте был очень стыдлив и весьма сдержан; никто не видел, чтобы он смеялся в голос.
• Уже в юношестве он имел представление о философских взглядах Гераклита, Парменида, Зенона, пифагорейцев.
• Учился у Кратила.
• В 407 г. до н. э. познакомился с Сократом и до смерти Сократа был в числе его ближайших учеников.
• Много времени уделил поэзии. Платону приписываются эпические и

лирические произведения, трагедии и комедии. Под его именем дошло до нас около 25 стихотворных миниатюр-эпиграмм. Однако обучение у Сократа и полное посвящение себя философии привело к тому, что Платон сжег свои поэтические произведения.

• После смерти Сократа Платон на целых 12 лет покинул родину.

• В 389 – 387 гг. до н. э. Платон посетил Италию и Сицилию.

/ Во время пребывания в Сицилии он вступил в дружеские отношения с Дионом, ближайшим родственником тирана Дионисия I (Дионисия Старшего), правителя Сиракуз. Дело чуть не закончилось трагически, поскольку (то ли склоки, то ли интриги) монарх заподозрил друзей в заговоре против него.[14] В гневе Дионисий приказывает продать философа в рабство. На о. Эгина на невольничьем рынке Платона купил киренец Анникерид за 30 мин, причем сразу же после покупки владелец тут же отпустил его на свободу, отказавшись от возврата ему потраченных денег, собранных друзьями Платона.[15] Тогда Платон вложил всю эту сумму в приобретение в пригороде сада, носившего имя героя Академа, и открыл там свою школу — Академию. /

// Сад героя Академа был у афинян обычным местом прогулок. Гиппарх, сын тирана Писистрата, обнес его стеной, Кимон превратил эту местность из запущенной и безводной в хорошо орошаемую рощу с тенистыми аллеями и устроил там гимнасий. //

/// Академия Платона просуществовала 916 лет. ///

• В диалоге «Тимей» первым всеобъемлюще обсудил происхождение первоначал и структуру Космоса:

/♦ Нам необходимо рассмотреть, какова была самая природа огня, воды, воздуха и земли до рождения неба и каково было их тогдашнее состояние. Ибо доныне никто не объяснил их рождения, но мы называем их началами и принимаем за стихии буквы Вселенной. ♦

// Происхождение вещей и явлений из первоначал в греческой науке периода Платона довольно устойчиво понимается наподобие... сложения слов из отдельных букв. Характерно, что обозначающий *начала* термин στοιχεια (отсюда старославянская калька — «стихия») означает также буквы алфавита и восходит к более раннему слову στοιχος — ряд, линия. // /

• Впервые поставил вопрос о ***сущности*** вещей и их, сущностей, местопребывании. Положил начало учению об ***эталонных первообразцах и первообразах*** [(*греч.* παράδειγμα — парадигма), (*греч.* ἰδέα — идея)], взирая на которые Демиург (*греч.* dēmiurgós), творец Вселенной, ***матрицирует*** вещный мир:

/♦ Как, постучав по сосуду, мы ждем, раздастся звук целости или надтреснутости, так и целостность несущегося мимо нас бытия определяется слушанием и усмотрением его сущностей.

♦ Надо быть исключительно даровитым, чтобы понять, что существует некий род каждой вещи и сущность сама по себе, а еще более удивительный дар нужен для того, чтобы доискаться до всего этого, обстоятельно разобраться во всем и разъяснить другому!

♦ Идеи пребывают в природе как бы в виде образцов, прочие же вещи

сходны с ними и суть их подобия, самая же причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им.

♦ Идея — это нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, само по себе, всегда в самом себе единообразное, все ее разновидности причастны к ней таким образом, что они возникают и гибнут, а ее не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий она не испытывает. /

/◐ По Аристотелю, «сущность» (οὐσία) — это «то, чем стало бытие». Но более точным и правильным будет, на мой взгляд, такое определение: **Сущность** — это совокупность всего того, что делает бытие тем, чем оно может быть, и в изменениях не изменяясь; т. е. сущность близка к стабильности качества, но отдалена от этой близости именно качеством стабильности. ◑/

• Первым обозначил виды любви, навсегда связал свое имя с открытием любви духовной, без чувственного элемента:

■■■ / О платонической любви:

«С точки зрения Платона, тело является не очень надежным предметом для любовного влечения. Оно и слабое и ничтожное, то больное, то здоровое, а то и просто смертное, оно умирает, исчезает, забывается, забывается сначала не всеми, а потом и всеми. Куда надежнее душа. Но и души человеческие тоже слишком капризны, слишком неустойчивы, слишком истеричны, слишком нуждаются во всём, и прежде всего в воспитании, и тоже уходят куда-то в неизвестную бездну, откуда еще неизвестно, когда они вернутся и вернутся ли. Произведения души и ума как будто бы более устойчивы и более заслуживают быть любимыми. Произведения науки и искусства, конечно, тоже влекут к себе с огромной силой и тоже заставляют их любить и на них любоваться. Но что такое наука? Сегодня она есть, а завтра ее забыли. И что такое искусство? Сегодня на него любуются, а завтра его проклинают. Нет, уж если что любить, то давайте любить, думает Платон, что-нибудь более твердое, более надежное, более устойчивое. И если к чему иметь любовное влечение, вот эту самую безумную страсть к порождению, то **уж** лучше тогда **любить вечное и неизменное, вступать в брак с идеальным и страстно увлекаться чем-то бессмертным и небесным»**. (**А. Ф. Лосев.** *История античной эстетики.* 1974 г.) / ■

• Платон ввел в философию «золотой образ» (образ умельца-творителя, который, пользуясь набором имеющихся у него плавильных форм, может по своему желанию создать нужную ему вещь):

♦Положим, некто, отлив из золота всевозможные фигуры, без конца бросает их в переливку, превращая каждую во все остальные. Если указать на любую из фигур и поинтересоваться у него: «что это такое?», то не будет ли куда осмотрительнее и ближе к истине, если он ответит: «золото» и не станет говорить о треугольнике, шаре, кубе и прочих рождающихся фигурах как о чем-то сущем?? Ибо разве не верно и справедливо, что в то мгновение, когда мы их именуем, они уже готовы перейти во что-то постоянно иное! И... надо быть довольным, если хотя бы с к а к о й - т о долей уверенности (однако не позабудем о всей наивности такого допущения!) допустить выражение «такое». Природа и есть огромный тигль, где кипящее в нем наполнение принимает любые оттиски, следуя в этом отпечатывании о б р а з ц а м *вечносущего.*

•◐ Классификационно Платон может быть отнесен к основоположникам и аналитикам **ДЕФИНИТИ́ВНОЙ**[16] философии:

/ Уверен, что до сих пор никто толком не понимал Платона. Дело в том, что все, рассматривая **ХОД** изложения тех или иных вопросов, делали акцент исключительно на изложении, **ход** же оставался в тени.

Суть же дела в том, что ***ВСЕ*** диалоги Платона являют собой не более как разнообразные вариации на одну и ту же тему — метод Сократа. Именно поэтому так трудно уловить ход рассуждений Сократа с его собеседниками. Именно поэтому непонятным кажется: почему Сократ перескакивает с темы на тему, говорит то о прекрасном, то вдруг, — переключившись как ни в чем не бывало, — о совершенно другом.

Всё, однако, просто. Платон сумел в юности ухватить глубинный смысл сократовского метода, раскачивающего, повергающего наземь и обращающего в пух и прах любое *дефинитивное* утверждение. И суть здесь в том — и Сократ это знал; знал и Платон, но нигде даже словом не обмолвился, — что слабость **определительного утверждения** уже истоково, заранее, ограничивает возможности того, кто его высказывает, как емкость сделанного ведра ограничивает возможности его использующего.

А Сократ сначала предлагал дать определение (то есть сделать ведро), ничего не подозревающий бедняга-собеседник с удовольствием его делал, а затем Сократ раздувал пожар слов и предлагал гасить его «сделанным» только что ведром.

Так как Сократ знал, что делал, емкости «ведра» оказывалось недостаточно, и собеседник в любом случае терпел фиаско: либо он сгорал (от стыда и позора), либо вынужден был браться за изготовление другой емкости, что тоже означало поражение, ибо это был отказ от прежнего, первоначального, утверждения. / ◑

• До нас дошли: 23 подлинных и 11 сомнительных диалогов, речь «Апология Сократа», а также 13 писем, некоторые из них, возможно, подлинные:

/ Письма — это переписка Платона с сицилийским тираном Дионисием Младшим. /

• **Сочинения Платона:**

Диалоги Платона:

«Протагор»;	*«Федр»;*	*«Лахет»;*
«Федон»;	*«Софист»;*	*«Менон»;*
«Пир»;	*«Филеб»;*	*«Государство»;*
«Парменид»:	*«Тимей»;*	*«Политик»;*
«Теэтет»;	*«Критий»;*	*«Законы»* и др.

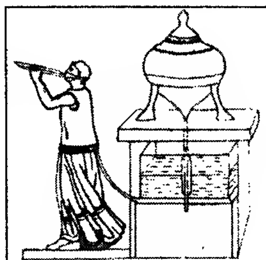
• Был весьма гостеприимен. Те, кто однажды приняли участие в трапезе у Платона, желали испытать это удовольствие вторично. А один из гостей сказал даже так: «Твои пиры нравятся не только тогда, когда в них участвуешь, но и тогда, когда о них вспоминаешь».

• Отличался благородством и мужеством:

/ Говорят, что он один заступился за военачальника **Хабрия**, когда

тому грозила смерть. И когда ябедник Кробил встретил его и спросил: «Ты заступаешься за другого и не знаешь, что тебя самого́ ждет Сократова цикута?» — он ответил: «Я встречался с опаеностями, сражаясь за отечество, не отступлю и теперь, отстаивая долг дружбы». /

• Платон изобрел будильник, впервые применив в гидравлике принцип реле. Падавшая по каплям в верхний ящик вода, дойдя до определенного уровня, посредством особого устройства с силой прорывалась в нижний ящик. Вытесненный из последнего воздух проходил по узкой трубке в статую флейтиста. Раздававшийся громкий звук флейты пробуждал заспавшихся учеников Платона.

Будильник Платона

• Однажды, когда к нему вошел Ксенократ, Платон попросил его выпороть раба: сам он не мог это сделать, потому что был в гневе. А кому-то из рабов он и сам сказал: «Не будь я в гневе, право, я бы тебя выпорол!»

• Сев на коня, он тотчас поспешил сойти, чтобы не поддаться (так сказал он) всаднической гордыне.

• Пьяным он советовал смотреться в зеркало, чтобы отвратиться от своего безобразия. Допьяна, говорил он, нигде не следует пить, кроме как на празднествах бога-подателя вина.

• Незадолго до кончины Платон увидел во сне, будто превратился в лебедя, летает с дерева на дерево и доставляет много хлопот птицеловам. Сократик Симмий истолковал это так, что Платон останется неуловим для тех, кто захочет его толковать, — ибо птицеловам подобны толкователи, старающиеся выследить мысли древних авторов, неуловим же он потому, что его сочинения допускают толкования и физическое, и этическое, и теологическое, и множество иных.

• Потомкам Платон оставил непреходящее по значимости назидание:

«Человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами».

2. СУДЬБА

► Когда сицилийский тиран Дионисий Старший попал в беду и у него спросили, что дала ему мудрость Платона, он ответил: «Неужели кому-то кажется, что я ничего не взял от Платона, если так спокойно переношу превратность судьбы?»

► Пифагорейцы Клиний и Амикл рассказывают, что им однажды довелось отговорить Платона от сожжения сочинений Демокрита, напомнив вышедшему из себя философу, что его затея бесполезная, так как сочинения Демокрита имеются у многих.

► **Диоген Лаэртский:**

«Многое он, Платон, позаимствовал у комедиографа Эпихарма, списав у него бо́льшую часть своих учений[17], как говорит Алким, в четырех книгах «Против Аминта».

► В 1979 г., через 2326 лет после смерти Платона, вся пресса Греции сообщила об автомобильной катастрофе, единственно о которой можно сказать, что она была «философской»: вследствие наезда было повреждено дерево, под которым философ обучал юных сынов Эллады.

► **А. Ф. Лосев:**

«Общий современный результат многовекового изучения терминологии Платона сводится к тому, что у Платона нет никакого учения об идеях. Слово *идея (idea)* Платон употребляет всего лишь 96 раз, а понятие *эйдос* (eidos)* употребляется не более 408 раз. Эти две цифры заставляют подозревать, что термины эти едва ли для Платона являются концептуальными, или системообразующими. Достаточно сказать, что о значении самого термина «эйдос» Платон сам нигде не говорит и не поясняет, в каком смысле его надо понимать».

► **Альфред Норт Уайтхед:**

«Самая надежная характеристика европейской философии состоит в том, что она представляет ряд примечаний к Платону».

3. УЧЕНИЕ

● Основания оригинальности:

♦ Чтобы достигнуть первопричин, знание должно спорить с самим собой, поднимая око души от грязи первоначального мнения к высотам всестороннего охвата предмета и темы исследования. Устремление от чувственных предпосылок рассудка к объектам нечувственным — к идеям — это и есть тот метод, который мы зовем диалектическим (διαλεχτιχή μέϑοδοζ).

♦ Занебесную область не воспел никто. Она же вот какова...

♦ Я держусь единственного объяснения: ничто иное не делает вещь прекрасною, кроме присутствия прекрасного самого по себе или общности с ним.

[...]

Единственный путь, каким возникает любая вещь, — это ее причастность особой сущности.

[...]

Каждая из ***идей*** существует... Вещи получают свои имена в силу причастности к ним.

♦ Противоположность никогда не перерождается в собственную противоположность ни в нас, ни в природе. [...] Огонь, когда приближается холодное, либо сходит с его пути, либо же гибнет: он и не хочет и не в силах, принявши холод, быть тем, чем был прежде, — огнем и, вместе, холодным.

♦ Различать всё по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый — это дело диалектического знания.

---

* εἶδος (*греч.*) — вид, образ, образец, род. — *Ред.*

♦ Диалектическая метода одна возводит предположения к самому началу.
♦ Человек есть существо бескрылое, с двумя ногами и плоскими ногтями, способное обладать общественным знанием.
♦ Оказавшись в Сиракузах в правление тирана Дионисия Старшего, Платон попытался преобразовать тираническую власть в аристократическую и для этого явился к самому Дионисию. Дионисий его спросил: «Кто, по-твоему, счастливец среди людей?» — «Сократ», — ответил Платон. Дионисий опять спросил: «В чем, по-твоему, задача правителя?» Платон ответил: «В том, чтобы делать из подданных хороших людей». Третий вопрос задал Дионисий: «Скажи, а справедливый суд, по-твоему, ничего не сто́ит?» Дело в том, что Дионисий славился справедливостью своего суда. Но Платон отвечал без утайки: «Ничего не сто́ит, или разве что самую малость, — ибо справедливые судьи подобны портным, дело которых — зашивать порванное платье». Четвертый вопрос задал Дионисий: «А быть тираном, по-твоему, не требует храбрости?» — «Нисколько, — отвечал Платон, — тиран самый боязливый человек на свете: ему приходится дрожать даже перед бритвой цирюльника в страхе, что его зарежут». Дионисий на это так разгневался, что приказал Платону в тот же день покинуть Сиракузы.
♦ Ощущение не дает ничего надежного.

— Ясно, что ты говоришь о предметах, видных издалека, как бы в смутной дымке.

— Не очень-то ты схватил мою мысль!

— Но о чем же ты говоришь?

— Не побуждает к исследованию то, что не вызывает одновременно противоположного ощущения, а то, что вызывает такое ощущение, я считаю побуждающим к исследованию, поскольку ощущение обнаруживает одно нисколько не больше, чем другое, ему противоположное, всё равно, относится ли это ощущение к предметам, находящимся вблизи, или к далеким. Ты поймешь это яснее на следующем примере: вот, скажем, три пальца — мизинец, указательный и средний...

— Ну, да.

— Считай, что я говорю о них как о предметах, рассматриваемых вблизи, но обрати здесь внимание вот на что...

— На что же?

— Каждый из них одинаково является пальцем — в этом отношении между ними нет никакой разницы, всё равно, смотришь ли на его середину или край, белый ли он или черный, толстый или тонкий и так далее. Во всём этом душа большинства людей не бывает вынуждена обращаться к мышлению с вопросом: «А что это, собственно, такое — палец?», потому что зрение никогда не показывало ей, что палец одновременно есть и нечто противоположное пальцу.

— Конечно, не показывало.

— Так что, здесь, это, естественно, не побуждает к размышлению и не вызывает его.

— Естественно.

— Далее. А бо́льшую или меньшую величину пальцев разве можно в достаточной мере определить на глаз и разве для зрения не безразлично,

какой палец находится посредине, а какой с краю? А на ощупь можно ли в точности определить, толстый ли палец, тонкий ли, мягкий или жесткий? Да и остальные ощущения разве не слабо обнаруживают всё это? С каждым из них не так ли бывает: ощущение, назначенное определять жесткость, вынуждено приняться и за определение мягкости и потому извещает душу, что одна и та же вещь ощущается им и как жесткая, и как мягкая.

— Да, так бывает.

— В подобных случаях душа, в свою очередь, недоумевает, чтó обозначено этим ощущением как жесткое, когда та же самая вещь названа им мягкой. То же самое и при ощущении легкого и тяжелого: душа не понимает, легкая это вещь или тяжелая, если восприятие обозначает тяжелое как легкое, а легкое как тяжелое.

— Такие сообщения странны для души и нуждаются в рассмотрении.

— Естественно, что при таких обстоятельствах душа привлекает себе на помощь рассуждение и размышление.

♦ **Платон. «Софист»:**

Чужеземец: Следовательно, бытие по своей природе и не стойт и не движется.

Теэтет: По-видимому.

∇ ◐ Да, здесь всплывает, и хорошо заметна, очень серьезная проблема, а именно: вопрос о неосознанной, то есть никогда не замечаемой неправомерной ***аналогизации*** опыта, знаний и индивидуальных проницаний и почувствований мыслителя в бытийный мир вокруг человека.

Это, конечно же, аналогизация, ибо речь идет о неизвестном — проникновении в него и последующем описании: в режиме объяснения как уже хорошо, и чуть ли не окончательно, понятого.

Но можно ли характеризовать **целое** именем части, от имени части, да еще и в измерительных обусловленностях этой части?! Пока не решен этот вопрос, разве дóлжно отвечать на остальные — производные или от него иначе зависимые вопросы.

Ведь кто оспорит, что подлинное постижение — это всегда выявления **сáмости**, или качества, но качество же — это параметр ***соотнесения***, а ***с чем*** можно соотнести «бытие»?!

По сути дела, Платон стоит на точке зрения, если воспользоваться более поздней, но очень подходящей для данного случая формулировкой, что «существовать — значит восприниматься». А как иначе еще можно понимать человека, говорящего о бытии Универсума с точки зрения... ***времени***, то есть с позиции становящегося и меняющегося? Это всё равно что утверждать что-то о внешней форме шара, зная его, шар, всегда, постоянно, неизменно (изначально и безальтернативно!) только изнутри. Странным было бы слышать уверения, что шар — какие сомнения? не смейте возражать! — безусловно В О Г Н У Т. Но он-то на самом деле — выпукл!

Платон еще не ведает того, что говорить о совершенно неизвест-

ном, то есть о том, во что аналогизация принципиально невозможна, а потому и как познавательный прием *недопустима,* нельзя без имманентного противоречия, ибо говорят люди словами, слова связаны со значением, значение — со знанием, знание — с сознанием, а *сознание* и есть сознанный, то есть соотнесенный *со* знанием и *в* знании, внешний мир.[18] Естественно, что, проецируя себя во внешнее, знающее сознание, не имеющее при себе ничего, кроме себя, по существу, моделирует «ситуацию зеркала», со всеми вытекающими из этого следствиями: оно видит только себя, да к тому же — и здесь-то самое главное — наоборот.

Ставя точки над i, нужно добавить, что впервые эту проблему довольно твердо нащупал, хотя и не так, как надо, понял, Иммануил Кант. Речь идет о том, что результативная деятельность — не исключая и философию — невозможна без регулирующих правил и карты предельных допустимостей. И если брать метафорой автодорогу, то и без ГАИ[19] не обойтись. Иначе — сплошные аварии, повреждения, катастрофы...

Обобщенно, вся «логика» Платона сродни фокусничеству того, кто, к примеру, ломая идеально прозрачное стекло на кусочки, показывает их общую (и в частях, и кучеобразно) непрозрачность, а затем, составляя осколки опять в поверхность, вновь приходит, теперь уже к как бы обратному результату — прозрачности. А суть фокуса в том, что нарушаются неизвестные пока фокуснику законы оптики: в целостном стекле путь световых линий таков, что лучи проходят его без искривлений, а сквозь дроблёное стекло свет проникает иначе, в большинстве своем та́я в бесчисленных, хаотического характера, преломлениях. ◑

● О философии:

♦ Всякий имеющий разум никогда не осмелится выразить словами то, что явилось плодом его размышления, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки.

♦ Я во многом превосхожу тех, кто занимается философией, и вменяю себе в заслугу лишь то, что следую своему разуму.

♦ Нет ничего сильнее знания, оно всегда и во всём пересиливает и удовольствия, и всё прочее.

♦ Занимайтесь философией и более молодых людей побуждайте к тому же.

♦ Подлинные философы те, кто любит усматривать истину.

♦ Философам свойственно испытывать изумление. Оно и есть начало философии.

♦ В род богов никому не позволено попасть, если он не занимается философией.

♦ Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры.

♦ Ни мудрецы, ни невежды философией не занимаются. Занимаются ею те, кто находится посредине между мудрецами и невеждами.

♦ Человека, не сроднившегося с философией, ни хорошие способности, ни память с ней сроднить не смогут, ибо в чуждых для себя душах она не пускает корней.

♦ Философия прелестна, если заниматься ею умеренно и в молодом возрасте; но стóит задержаться на ней больше чем следует, и она — погибель для человека. Если даже ты очень даровит, но посвящаешь философии более зрелые свои годы, ты неизбежно останешься без того опыта, какой нужен, чтобы стать человеком достойным и уважаемым. Ты останешься несведущ в законах своего города, в том, как вести с людьми деловые беседы, в радостях и желаниях, одним словом, совершенно несведущ в человеческих нравах. И к чему бы ты тогда ни приступил, чем бы ни занялся — своим ли делом или государственным, ты будешь смешон, так же, вероятно, как будет смешон государственный муж, если вмешивается в философские рассуждения и беседы.

● О Вселенной:

♦ Приступим теперь к рассуждениям о Вселенной, намереваясь выяснить, возникла ли она и каким именно образом или пребывает невозникшей; значит, нам просто необходимо, если только мы не впали в совершённое помрачение, воззвать к богам и богиням и испросить у них, чтобы речи наши были угодны им, а вместе с тем удовлетворяли бы нас самих. Таким да будет наше воззвание к богам! Но и к самим себе нам следует воззвать, дабы вы наилучшим образом меня понимали, а я возможно более правильным образом развивал свои мысли о предложенном предмете.

Представляется мне, что для начала дóлжно разграничить вот какие две вещи: чтó есть вечное, не имеющее возникновения бытие, и чтó есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Однако всё возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно. Далее, если демиург любой вещи взирает на неизменно сущее и берет его в качестве первообраза при создании идеи и потенции данной вещи, всё необходимо выйдет прекрасным; если же он взирает на нечто возникшее и пользуется им как первообразом, произведение его выйдет дурным.

А как же всеобъемлющее небо? Назовем ли мы его космосом или иным именем, которое окажется для него самым подходящим, мы во всяком случае обязаны поставить относительно него вопрос, с которого дóлжно начинать рассмотрение любой вещи: было ли оно всегда, не имея начала своего возникновения, или же оно возникло, выйдя из некоего начала?

Оно возникло: ведь оно зримо, осязаемо, телесно, а все вещи такого рода ощутимы и, воспринимаясь в результате ощущения мнением, возникают и порождаются. Но мы говорим, что *всё возникшее нуждается для своего возникновения в некоей причине*. Конечно, творца и родителя этой Вселенной нелегко отыскать, а если мы его и найдем, о нем нельзя будет всем рассказывать. И всё же поставим еще один вопрос относительно космоса: взирая на какой первообраз работал тот, кто его устроял, — на тождественный и неизменный или на имевший возникновение? Если

космос прекрасен, а его демиург добр, ясно, что он взирал на вечное; если же дело обстояло так, что и выговорить-то запретно, значит, он взирал на возникшее. Но для всякого очевидно, что первообраз был вечным: ведь космос — прекраснейшая из возникших вещей, а его демиург — наилучшая из причин. Возникши таким, космос был создан по тождественному и неизменному образцу, постижимому с помощью рассудка и разума. Если это так, то в высшей степени необходимо, чтобы этот космос был образом чего-то. Но в каждом рассуждении важно избрать сообразное с природой начало. Поэтому относительно изображения и первообраза надо принять вот какое различие: слово о каждом из них сродни тому предмету, который оно изъясняет. О непреложном устойчивом и мыслимом предмете и слово должно быть непреложным и устойчивым: в той мере, в какой оно может обладать неопровержимостью и бесспорностью, ни одно из этих свойств не должно быть утрачено. Но о том, что лишь воспроизводит первообраз и являет собой лишь подобие настоящего образа, и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйтесь, если мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение Вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, **рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего.**

• Время:

♦ И вот когда Отец усмотрел, что порождённое им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить творение образцу. Поскольку же образец являет собой вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства; но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить **некое движущееся подобие вечности**; устрояя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, ***который мы назвали временем***. Ведь не было бы ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лищь тогда, когда небо было устроено. Всё это — части времени, а «было» и «будет» суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она «была», «есть» и «будет», но, если рассудить правильно, ей подобает одно только «есть», между тем как «было» и «будет» приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то и другое суть движения.

• Процесс и процедура *возникновения*:

♦ Сущность, внутри которой вещи получают рождение и в которую возвращаются, погибая, мы назовем «то» и «это»; но любые качества, будь

то теплота, белизна или то, что им противоположно либо из них слагается, ни в коем случае не заслуживают такого наименования.

Надо, однако, постараться сказать о том же самом еще яснее. Положим, некто, отлив из золота всевозможные фигуры, без конца бросает их в переливку, превращая каждую во все остальные; если указать на одну из фигур и спросить, что же это такое, то будет куда осмотрительнее и ближе к истине, если он ответит «золото» и не станет говорить о треугольнике и прочих рождающихся фигурах как о чем-то сущем, — ибо в то мгновение, когда их именуют, они уже готовы перейти во что-то иное, — и надо быть довольным, если хотя бы с некоторой долей уверенности можно допустить выражение «такое». Вот так обстоит дело и с той природой, которая приемлет все тела. Ее следует всегда именовать тождественной, ибо она никогда не выходит за пределы своих возможностей; всегда воспринимая всё, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в нее вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи — это подражания вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом.

● О зрении:

♦ Найдя, что передняя сторона благороднее и важнее задней, боги уделили ей у нас больше подвижности. Сообразно с этим нужно было, чтобы передняя сторона человеческого тела получила особое и необычное устройство; потому-то боги именно на этой стороне головной сферы поместили лицо, сопрягши с ним все орудия промыслительной способности души, и определили, чтобы именно лицо по своей природе было причастно руководительству.

Из орудий они прежде всего устроили те, что несут с собой свет, то есть глаза, и сопрягли их с лицом вот по какой причине: они замыслили, чтобы явилось тело, которое несло бы огонь, не имеющий свойства жечь, но изливающий мягкое свечение, и искусно сделали его подобным обычному дневному свету. Дело в том, что внутри нас обитает особенно чистый огонь, родственный свету дня: его-то они заставили гладкими и плотными частицами изливаться через глаза; при этом они уплотнили как следует глазную ткань, но особенно в середине, чтобы она не пропускала ничего более грубого, а только этот чистый огонь. И вот, когда полуденный свет обволакивает это зрительное истечение и ***подобное устремляется к подобному***, они сливаются, образуя единое и однородное тело в прямом направлении от глаз, и притом в месте, где огонь, устремляющийся изнутри, сталкивается с внешним потоком света. А поскольку это тело благодаря своей однородности претерпевает всё, что с ним ни случится, однородно, то сто́ит ему коснуться чего-либо или, наоборот, испытать какое-либо прикосновение, и движения эти передаются уже всему телу, доходя до души, отсюда возникает тот вид ощущения, который мы именуем зрением. Когда же ночь скроет родственный ему огонь дня,

внутренний огонь как бы отсекается: наталкиваясь на то, что ему не подобно, он терпит изменения и гаснет, ибо не может слиться с близлежащим воздухом, не имеющим в себе огня. Зрение бездействует и тем самым наводит сон. Дело в том, что, когда мы при помощи устроенных богами природных укрытий для глаз, то есть век, запираем внутри себя силу огня, последняя рассеивает и уравновешивает внутренние движения, отчего приходит покой.

• Главное уподобление (Образ пещеры):

♦ — Человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности можно уподобить вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Странный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с ними?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом всё, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

— Клянусь Зевсом, я этого не думаю.

— Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.

— Это совершенно неизбежно.

— Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от

него, иначе говоря, как бы это всё у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять всё это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

— Конечно, он так подумает.

— А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не вернется он бегом к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?

— Да, это так.

— Если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору, и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят.

— Да, так сразу он этого бы не смог.

— Тут нужна привычка, раз ему предстоит увидеть всё то, что там, наверху. Начинать надо с самого легкого: сперва смотреть на тени, затем — на отражения в воде людей и различных предметов, а уж потом — на самые вещи; при этом то, что на небе, и самоё небо ему легче было бы видеть не днем, а ночью, то есть смотреть на звездный свет и Луну, а не на Солнце и его свет.

— Несомненно.

— И наконец, думаю я, этот человек был бы в состоянии смотреть уже на самоё Солнце, находящееся в его собственной области, и усматривать его свойства, не ограничиваясь наблюдением его обманчивого отражения в воде или в других, ему чуждых средах.

— Конечно, ему это станет доступно.

— И тогда уж он сделает вывод, что от Солнца зависят и времена года, и течение лет, и что оно ведает всем в видимом пространстве и оно же каким-то образом есть причина всего того, что́ этот человек и другие узники видели раньше в пещере.

— Ясно, что он придет к такому выводу после тех наблюдений.

— Так как же? Вспомнив свое прежнее жилище, тамошнюю премудрость и сотоварищей по заключению, разве не сочтет он блаженством перемену своего положения и разве не пожалеет своих друзей?

— И даже очень.

— А если они воздавали там какие-нибудь почести и хвалу друг другу,

награждая того, кто отличался наиболее острым зрением при наблюдении текущих мимо предметов и лучше других запоминал, что́ обычно появлялось сперва, что́ после, а что́ и одновременно, и на этом основании предсказывал грядущее, то, как ты думаешь, жаждал бы всего этого тот, кто уже освободился от уз, и разве завидовал бы он тем, кого почитают узники и кто среди них влиятелен? Или он испытывал бы то, о чем говорит Гомер, то есть сильнейшим образом желал бы

...как поденщик, работая в поле,
службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный

и скорее терпеть что угодно, только бы не разделять представлений узников и не жить так, как они?

— Я-то думаю, он предпочтет вытерпеть всё что угодно, чем жить так.

— Обдумай еще и вот что: если бы такой человек опять спустился туда и сел бы на то же самое место, разве не были бы его глаза охвачены мраком при таком внезапном уходе от света Солнца?

— Конечно.

— А если бы ему снова пришлось состязаться с этими вечными узниками, разбирая значение тех теней? Пока его зрение не притупится и глаза не привыкнут — а на это потребовалось бы немалое время, — разве не казался бы он смешон? О нем стали бы говорить, что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не сто́ит даже и пытаться идти ввысь. А кто принялся бы освобождать узников, чтобы повести их ввысь, того разве они не убили бы, попадись он им в руки?

— Непременно убили бы.

— Так вот, **это уподобление следует применить ко всему, что было сказано ранее**: область, охватываемая зрением, подобна тюремному жилищу, а свет от огня уподобляется в ней мощи Солнца. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в вышине, — это подъем души в область умопостигаемого. ***Если ты всё это допустишь, то постигнешь мою заветную мысль — коль скоро ты стремишься ее узнать, — а уж богу ведомо, верна ли она. Итак, вот что мне видится: в том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но сто́ит только ее там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного.*** В области видимого она порождает свет и его владыку, а в области умопостигаемого она сама — владычица, от которой зависят истина и разумение, и на нее должен взирать тот, кто хочет сознательно действовать как в частной, так и в общественной жизни.

● Идея *бла́га*:

♦ — Зрение ни само по себе, ни в том, в чем оно возникает, — мы называем это глазом, — не есть Солнце.

— Конечно, нет.

— Однако из орудий наших ощущений оно самое солнцеобразное.

— Да, самое.

— И та способность, которой обладает зрение, уделена ему Солнцем, как некое истечение.

— Конечно.

— Значит, и Солнце не есть зрение. Хотя оно — причина зрения, но само зрение его видит.

— Да, это так.

— Вот и считай, что я утверждаю это и о том, что порождается благом, — ведь благо произвело его подобным самому себе: чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам.

— Как это? Разбери мне подробнее.

— Ты знаешь, когда напрягаются, чтобы разглядеть предметы, озаренные сумеречным сиянием ночи, а не те, цвет которых предстает в свете дня, зрение притупляется, и человека можно принять чуть ли не за слепого, как будто его глаза не в порядке.

— Действительно, это так.

— Между тем, те же самые глаза отчетливо видят предметы, освещенные Солнцем: это показывает, что зрение в порядке.

— И что же?

— Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познаёт, а это показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смешения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума.

— Похоже на это.

— Так вот, **то, что придаёт познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины.** Как ни прекрасно и то, и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. Как правильно было считать свет и зрение солнцеобразными, но признать их Солнцем было бы неправильно, так и здесь: правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое либо из них самим благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше.

— Каким же ты считаешь его несказанно прекрасным, если, по твоим словам, от него зависят и познание, и истина, само же оно превосходит их своей красотой! Но, конечно, ты понимаешь под этим не удовольствие?

— Не кощунствуй! Лучше вот как рассматривай его образ...

— Как?

— Солнце дает всему, что мы видим, не только возможность быть видимым, но и рождение, рост, а также питание, хотя само оно не есть становление.

— Как же иначе?

— Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой.

• О душе:

♦ Если человек настоящий философ, его заботы обращены не на тело, но почти целиком — насколько возможно отвлечься от собственного тела — на душу.

♦ — Можно ли видеть душу?
— Нельзя.
— Значит, она безвидна?
— Да.

♦ Каждое тело, движимое извне, не одушевлено, а движимое изнутри, из самого себя, одушевлено, потому что такова природа души. То, что движет само себя, есть не что иное, как душа.

♦ Душа наша существовала до того, как мы родились.

♦ Душа — своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал.

♦ То, что видит душа, умопостигаемо и безвидно.

♦ Душа бессмертна и неуничтожима. И поистине наши души будут существовать в Аиде.

♦ **Уподобим** душу слитой воедино силе упряжки крылатых коней и возничего. Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет, один из них прекрасных статей, стройный, шея высокая, храп с горбинкой, масть белая, глаза черные; он любит честь, но при этом воздержан и совестлив, он друг верных мнений, его не надо погонять бичом. А другой весь перекошен, тучен, дурно сложен, шея у него мощная, да короткая, он курносый, черной масти, а глаза светлые, полнокровный, друг наглости и похвальбы; космы вокруг ушей делают его глухим, он с трудом повинуется бичу.

♦ Душа умершего продолжает существовать и обладает способностью мыслить.

♦ Душа всякий раз обманывается по вине тела. Мне кажется, это бесспорно.

♦ На мой взгляд, сказал Симмий*, душа сродни *лире,* ее струнам и гармонии. И верно, в настроенной лире *гармония — это нечто невидимое, бестелесное,* прекрасное и божественное, а сама лира и струны — тела, то есть нечто телесное, сложное, земное и сродное смертному. *Представь себе теперь, что лиру разбили* или же порезали и порвали струны, — приводя те же доводы, какие приводишь ты, кто-нибудь будет упорно доказывать, что гармония не разрушилась и должна по-прежнему существовать. Быть того не может, скажет такой человек, чтобы лира с разорванными струнами и сами струны — вещи смертной природы — всё еще существовали, а гармония, сродная и близкая божественному и бессмертному, погибла, уничтожившись раньше, чем смертное. Нет, гармония непременно должна существовать, и прежде истлеют без остатка дерево и жилы струн, чем претерпит что-нибудь худое гармония. И право же, я думаю, ты и сам отлично сознаёшь, что наиболее частый взгляд на душу таков: если наше тело связывают и держат в натяжении тепло, холод, сухость, влажность и некоторые иные, подобные им, начала, то душа наша есть сочетание и гармония этих начал, когда они хорошо и сораз-

---

* **Симмий** — ученик и последователь Сократа.

мерно смешаны друг с другом. И если душа — это действительно своего рода гармония, значит, когда тело чрезмерно слабеет или, напротив, чрезмерно напрягается — из-за болезни или иной какой напасти, — душа при всей своей божественности должна немедленно разрушиться, как разрушается любая гармония, будь то звуков или же любых творений художников; а телесные останки могут сохраняться долгое время, пока их не уничтожит огонь или тление. Пожалуйста, подумай, как нам отвечать на этот довод, если кто будет настаивать, что душа есть сочетание телесных качеств и потому в том, что мы называем смертью, гибнет первою.

Сократ, по всегдашней своей привычке, обвел собравщихся взглядом, улыбнулся и сказал:

— Симмий говорит дело. Если кто из вас находчивее моего, пусть отвечает. Кажется, Симмий метко поддел наше рассуждение. И все-таки, на мой взгляд, прежде чем отвечать, нужно сперва выслушать еще Кебета*, в чем упрекает наши доводы он, а мы тем временем подумаем, что нам сказать. И тогда уже, выслушав обоих, мы либо уступим им, если выяснится, что они поют в лад, а если нет — будем отстаивать свое доказательство. Ну, Кебет, теперь твой черед: говори, что тебя смущает.

— Да, Сократ, я скажу, — отозвался Кебет. [...] Смотри, есть ли толк в том, что я на это отвечаю. **Естественно, что и мне, как раньше Симмию, понадобится какое-нибудь уподобление.**

Так рассуждать, на мой взгляд, примерно то же самое, что применить этот довод к умершему старику-ткачу и утверждать, будто он не погиб, но где-то существует, целый и невредимый, и в подтверждение предъявить плащ, который старик сам себе соткал: плащ-то ведь цел, ему ничего не сделалось, он невредим. А если кто усомнится, тогда спросить, что долговечнее, люди или плащи, которые постоянно в употреблении, в носке, и, услыхав в ответ: «Разумеется, люди», — считать доказанным, что человек, соткавший этот плащ, без всякого сомнения, цел и невредим, раз не погибла вещь менее долговечная.

Но я думаю, Симмий, что на самом-то деле всё обстоит иначе.

[...]

— Тем не менее я так считаю, — сказал Симмий, — и был бы очень изумлен, если бы мое мнение вдруг переменилось.

Тогда Сократ:

— А между тем, друг-фиванец, тебе придется его переменить, если ты останешься при мысли, что гармония — это нечто составное, а *душа — своего рода гармония*, слагающаяся из натяжения телесных начал. Ведь ты едва ли и сам допустишь, что гармония сложилась и существовала прежде, нежели то, из чего ей предстояло сложиться. Или все-таки допустишь?

— Никогда, Сократ! — воскликнул Симмий.

— Но ты видишь, что именно это ты нечаянно и утверждаешь? Ведь ты говоришь, что душа существует до того, как воплотится в человеческом образе, а значит, она существует, сложившись из того, что еще не существует. ***Ведь гармония совсем не похожа на то, чему ты уподобляешь ее сейчас: наоборот, сперва рождается лира, и струны, и звуки, пока еще негар-***

---

* **Кебет** — ученик и последователь Сократа.

моничные, и лишь последней возникает гармония и первой разрушается. Как же этот твой новый довод будет звучать в лад с прежним?

— Никак не будет, — отвечал Симмий.

— А ведь если какому доводу и следует звучать стройно и в лад, так уж тому, который касается гармонии.

— Да, конечно, — согласился Симмий.

— А у тебя не выходит в лад, — сказал Сократ.

— Сколько я помню, мы говорили, что душа существует до перехода своего в тело с такой же необходимостью, с какой ей принадлежит сущность, именуемая бытием. Это основание я принимаю как верное и достаточное и нимало в нем не сомневаюсь. А если так, я, по-видимому, не должен признавать, что душа есть гармония, кем бы этот взгляд ни высказывался — мною или еще кем-нибудь.

— Пойдем дальше, Симмий. Как тебе кажется, может ли гармония или любое другое сочетание проявить себя как-то иначе, чем составные части, из которых оно складывается?

— Никак не может.

— Стало быть, ни действовать само, ни испытывать воздействие как-нибудь иначе, чем они?

Симмий согласился.

— И значит, гармония не может руководить своими составными частями, наоборот, она должна следовать за ними?

Симмий подтвердил.

— И уж подавно ей и не двинуться, и не прозвучать вопреки составным частям, одним словом, никакого противодействия им не оказать?

— Да, ни малейшего.

— Пойдем дальше. Всякая гармония по природе своей такова, какова настройка?

— Не понимаю тебя.

— Ну, а если настройка лучше, полнее — допустим, что такое возможно, — то и гармония была бы гармонией в большей мере, а если хуже и менее полно, то в меньшей мере.

— Совершенно верно.

— А к душе это приложимо, так чтобы хоть ненамного одна душа была лучше, полнее другой или хуже, слабее именно как душа?

— Никак не приложимо!

— Продолжим, ради Зевса...

∇ ◐ И Симмий и Кебет излагают свои взгляды с привлечением аналогизационного механизма. Предмет их обсуждения — душа — и таинствен, и загадочен, и, даже, бытийно проблематичен. Потому привлечение примеров и образов диктует им *закон отставания*[20].

А что делает Платон, слушая их речи? Он вовсе не ассимилирует смысл сказанного! Он спорит и при этом оспаривает не тему дискуссии, а правомерность образа.

Но так обращаться с уподоблением нельзя. Это всё равно что нюхать нарисованную розу и возмущаться тем, что она не пахнет.

Это всё равно что рассуждать о возможности покорения вершины горы по картинам, где она изображена. И всякий раз, лицезрея очеред-

ное полотно, не соглашаться с художником не по поводу крутизны склонов, а по поводу соответствия величины горы рисованной горе натуральной.

Это всё равно что выдвигать претензии повару, отвергая не непонравившееся блюдо, а запахи на кухне, или, чего доброго, самого повара...

Оспаривать *вспомогательную образность* или *настройную метафору* равносильно «стрельбе на поражение», но не в цель, а в ее тень; не в цель, а в нечто, похожее на нее; а если и в цель, то вовсе даже не в эту...

Кроме того, здесь есть и принципиальный софистический момент. Вся софистика строится на *обратном механизме* хода вопросов, когда мысль-ловушка уже сформулирована. Задача софиста проста в осуществлении своей сложности: осторожно подвести простака к клетке, чтобы не спугнуть... Вот тут-то Платона и выручает периферийная сущность философии, *пограничная* природа которой неискоренимо софистична в силу окантовочного характера философского процесса и его врожденной амфиболичности (не забудем: «философическое» появляется и проявляется только на границе известного с неизвестным и одинаково принадлежит обеим сферам, пользуясь человеком как мостом и информационной линией связи). Обволакивая проблему с целью прояснения и пояснения, *нарождающееся философическое* в силу вынужденного (из-за пограничности!) соприкосновения с другими вопросами — причем к данному рассуждению не имеющими никакого касательства, но касаемыми из-за неустранимой общности **всего со всем** уже на деле, а не в рассуждениях — делает доказательство всегда убедительным, до яркой однозначности, и в то же время — темным, до ускользания смысла. Вот оно — и ты его готов схватить, но оно уже там — и ты, опять, с пустыми руками...

В какой-то мере, а может быть и полностью, Платон разделяет судьбу всех ниспровергателей: отмываемая грязь всегда пачкает. Борьба с софистикой других прорастает вновь софистикой, но уже своей...

Но разве это не говорит о том, что софистика имманентна философии, она сопровождает ее, ибо единородна с ней, но и не равна ей, так как не есть она. Это то же, что колючие шипы на розе: без них — какая роза будет розой, но колючки не есть роза. Последнее — главное! Об этом стоит помнить. ◑

● Знание как припоминание виденного в потусторонней жизни:

♦ Жрецы утверждают, что душа человека бессмертна, и, хотя она то перестает жить на земле — это и называют смертью, — то возрождается, но никогда не гибнет. Поэтому и следует прожить жизнь как можно более благочестиво:

Кто Персефоне[21] пеню воздаст
За всё, чем встарь он был отягчен,
Души тех на девятый год
К солнцу, горящему в вышине,
Вновь она возвратит.
Из них возрастут великие славой цари
И полные силы кипучей и мудрости вящей мужи, —
Имя чистых героев им люди навек нарекут.

А раз душа бессмертна, часто рождается и видела всё и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз всё в природе друг другу родственно, а душа всё познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно — люди называют это познанием, — самому найти и всё остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать — это как раз и значит припоминать.

• Государствам до тех пор не избавиться от бед, пока ие будут в них править философы:

♦ Ведь кто устремился к философии не с целью образования, как это бывает, когда в молодости коснутся ее, а потом бросают, но, напротив, потратил на нее много времени, те большей частью становятся очень странными, чтобы не сказать совсем негодными, и даже лучшие из них под влиянием занятия, которое ты так расхваливаешь, всё же делаются бесполезными для государства.

Выслушав Адиманта, я сказал:

— Так, по-твоему, те, кто так говорит, ошибаются?

— Не знаю, но я с удовольствием услышал бы твое мнение.

— Ты услышал бы, что, по моему мнению, они говорят сущую правду.

— Тогда как же это согласуется с тем, что государствам до тех пор не избавиться от бед, пока не будут в них править философы, которых мы только что признали никчемными?

— Твой вопрос требует ответа с помощью **уподобления**.

— А ты, видно, к уподоблениям не привык.

— Пусть будет так. Ты втянул меня в трудное рассуждение, да еще и вышучиваешь! Так выслушай же мое уподобление, чтобы еще больше убедиться, как трудно оно мне дается.

По отношению к государству положение самых порядочных людей настолько тяжелое, что ничего не может быть хуже. Поэтому для уподобления приходится брать в их защиту и объединять между собой многие черточки, наподобие того, как художники рисуют козлоподобных оленей и так далее, смешивая различные черты. Так вот, представь себе такого человека, оказавшегося кормчим одного или нескольких кораблей. Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем: каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству, не может указать своего учителя и в какое время он обучался. Вдобавок они заявляют, что учиться этому нечего, и готовы разорвать на части того, кто скажет, что надо. Они осаждают кормчего просьбами и всячески добиваются, чтобы он передал им кормило. Иные его совсем не слушают, кое-кто — отчасти, и тогда те начинают убивать этих и бросать их за борт. Одолев благородного кормчего с помощью мандрагоры, вина или какого-либо иного средства, они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что на нем есть, бражничают, пируют и, разумеется, направляют

ход корабля именно так, как естественно для подобных людей. Вдобавок они восхваляют и называют знающим моряком, кормчим, сведущим в кораблевождении того, кто способен захватить власть силой или же уговорив кормчего, а кто не таков, того они бранят, считая его никчемным. Они понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен учитывать времена года, небо, звезды, ветры — всё, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем независимо от того, соответствует ли это чьим-либо желаниям или нет. Они думают, что невозможно приобрести такое умение, опытность и вместе с тем власть кормчего.

Итак, раз подобные вещи наблюдаются на кораблях, не находишь ли ты, что при таком положении дел моряки назовут высокопарным болтуном и никудышником именно того, кто подлинно способен управлять?

— Конечно, — отвечал Адимант.

— Я не думаю, чтобы, видя такую картину, ты нуждался в истолковании того, в чем ее сходство с отношением к подлинным философам в государствах, — ты ведь понимаешь, о чем я говорю.

— Вполне.

— Так прежде всего ты растолкуй этот образ тому, кто удивляется, почему философы не пользуются в государствах почетом, и постарайся убедить его, что гораздо более удивительно было бы, если бы их там почитали.

— Я ему растолкую это.

• Об Эроте:

♦ Мне кажется, что люди совершенно не сознают истинной мощи любви, ибо, если бы они сознавали ее, они бы воздвигали ей величайшие храмы и алтари и приносили величайшие жертвы, а меж тем ничего подобного не делается, хотя всё это следует делать в первую очередь. Ведь Эрот — самый человеколюбивый бог, он помогает людям и врачует недуги, исцеление от которых было бы для рода человеческого величайшим счастьем. Итак, я попытаюсь объяснить вам его мощь, а уж вы будете учителями другим.

Раньше, однако, мы должны кое-что узнать о человеческой природе и о том, что она претерпела. Когда-то наша природа была не такой, как теперь, а совсем другой. Прежде всего, люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, от него сохранилось только имя, ставшее бранным, — андрогины, и из него видно, что они сочетали в себе вид и наименование обоих полов — мужского и женского. Кроме того, тело у всех было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано. Передвигался такой человек либо прямо, во весь рост, так же как мы теперь, но любой из двух сторон вперед, либо, если

торопился, шел колесом, занося ноги вверх и перекатываясь на восьми конечностях, что позволяло ему быстро бежать вперед. А было этих полов три, и таковы они были потому, что мужской искони происходит от Солнца, женский — от Земли, а совмещавший оба эти — от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала. Что же касается шаровидности этих существ и их кругового передвижения, то и тут складывалось сходство с их прародителями. Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов, и то, что Гомер говорит об Эфиальте и Оте, относится к ним: это они пытались совершить восхождение на небо, чтобы напасть на богов.

И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними, и не знали, как быть: убить их, поразив род людской громом, как когда-то гигантов, — тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться с таким бесчинством тоже нельзя было. Наконец Зевс, насилу кое-что придумав, говорит:

— Кажется, я нашел способ и сохранить людей, и положить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах. А если они и после этого не угомонятся и начнут буйствовать, я, — сказал он, — рассеку их пополам снова, и они запрыгают у меня на одной ножке.

Сказав это, он стал разрезать людей пополам, как разрезают перед засолкой ягоды рябины или как режут яйцо волоском.

Итак, каждый из нас — это половина человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, им нравится лежать и обниматься с мужчинами.

Когда кому-либо случается встретить как раз свою половину, обоих охватывает такое удивительное чувство привязанности, близости и любви, что они поистине не хотят разлучаться даже на короткое время. И люди, которые проводят вместе всю жизнь, не могут даже сказать, чего они, собственно, хотят друг от друга. Ведь нельзя же утверждать, что только ради удовлетворения похоти столь ревностно стремятся они быть вместе. Ясно, что душа каждого хочет чего-то другого; чего именно, она не может сказать и лишь догадывается о своих желаниях, лишь туманно намекает на них. И если бы перед ними, когда они лежат вместе, предстал Гефест со своими орудиями и спросил их: «Чего же, люди, вы хотите один от другого?» — а потом, видя, что им трудно ответить, спросил их снова: «Может быть, вы хотите как можно дольше быть вместе и не разлу-

чаться друг с другом ни днем ни ночью? Если ваше желание именно таково, я готов сплавить вас и срастить воедино, и тогда из двух человек станет один, и, покуда вы живы, вы будете жить одной общей жизнью, а когда вы умрете, в Аиде будет один мертвец вместо двух, ибо умрете вы общей смертью. Подумайте только, этого ли вы жаждете, будете ли вы довольны, если достигнете этого?» Случись так, мы уверены, что каждый не только не отказался бы от подобного предложения и не выразил никакого другого желания, но счел бы, что услыхал именно то, о чем давно мечтал, одержимый стремлением слиться и сплавиться с возлюбленным в единое существо. Причина этому та, что такова была изначальная наша природа и мы составляли нечто целостное.

Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней. Прежде, повторяю, мы были чем-то единым, а теперь из-за нашей несправедливости мы поселены богом порознь.

Платон приводит образцы софистики:

■■■ А. Ф. Лосев /(1893 – 1988), советский философ/:

«Особенно мно́го достается от Платона тем из риторов, которых тогда называли софистами. Целый диалог «Евтидем» посвящен у Платона изображению двух таких болтунов и пустословов, Евтидема и Дионисиодора, которые всегда берутся доказывать любую ложь в виде истины и любую истину в виде лжи.

Всякий, кто хочет узнать мнение Платона о софистическом красноречии, должен внимательно проштудировать этот диалог». ■

♦ **Сократ:**

«Дионисиодор начал свою речь, мы же, все остальные, поглядывали на него, немедленно ожидая услышать какие-то удивительные слова. Так и случилось: ибо муж этот поразительное повел рассуждение, и тебе, Критон, сто́ит его выслушать, потому что то было побуждение к добродетели.

— Скажи мне, Сократ, — молвил он, — и вы, все остальные, утверждающие, что стремитесь одарить мудростью этого юношу, Клиния, говорите ли вы это в шутку или серьезно и взаправду испытываете такое желание?

Тут я решил, что они раньше подумали, будто мы шутили, когда просили их обоих побеседовать с мальчиком, и потому поддразнивали их, а не хранили серьезность; и, помыслив так, я еще раз подтвердил, что мы относимся к этому делу на удивление серьезно.

А Дионисиодор в ответ:

— Смотри, Сократ, не отрекись потом от того, что сейчас сказал.

— Я уже предусмотрел это, — возразил я, — и никогда от этого не отрекусь в будущем.

— Так, значит, — сказал он, — вы утверждаете, будто хотите, чтобы он стал мудрым?

— Очень хотим.

— А в настоящее время, — спросил он, — мудр Клиний или же нет?

— Ну уж об этом-то он помалкивает, ему ведь не свойственно хвастовство.

— Но вы-то, — сказал он, — хотите, чтобы он стал мудрым и не был невежественным?

Мы согласились.

— Значит, вы хотите, чтобы он стал тем, чем он сейчас не является, и чтобы таким, каков он сейчас есть, он впредь уже никогда не был.

Услышав это, я пришел в замешательство, он же, подметив мое смущение, продолжал:

— Так разве, желая, чтобы он впредь не был тем, что он есть сейчас, вы не стремитесь его, как кажется, погубить? Хороши же такие друзья и поклонники, которые изо всех сил желают гибели своего любимца!

Но тут Ктесипп, услышав это, вознегодовал из-за любимого мальчика и поднял голос:

— Фурийский гость, — сказал он, — если бы это не было чересчур неучтиво, я бы тебе ответил: «Погибель на твою голову!» Что это ты вздумал ни с того ни с сего взвести на меня и на других такую напраслину, о которой, по-моему, и молвить-то было бы нечестиво, — будто я желаю погибели этому мальчику!

— Как, Ктесипп, — вмешался тут Евтидем, — ты считаешь, что возможно лгать?

— Да, клянусь Зевсом, — отвечал тот, — если только я не сошел с ума.

— А в каком случае — если говорят о деле, о котором идет речь, или если не говорят?

— Если говорят, — отвечал тот.

— Но ведь если кто говорит о нем, то он называет не что иное из существующего, как то, о чем он говорит?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ктесипп.

— Ведь то, о чем он говорит, является одним из существующего, отдельным от всего прочего.

— Разумеется.

— Значит, тот, кто говорит об этом, говорит о существующем?

— Да.

— Но ведь тот, кто говорит о существующем, говорит сущую правду. Так и Дионисиодор, коль скоро он говорит о существующих вещах, говорит правду, а вовсе не клевещет на тебя.

— Да, — отвечал Ктесипп. — Но тот, Евтидем, кто говорит подобные вещи, говорит о том, чего нет.

А Евтидем на это:

— Разве то, чего нет, — это не то, что не существует?

— Да, то, что не существует.

— И дело обстоит разве не так, что то, чего нет, нигде не существует?

— Нигде.

— Возможно ли, чтобы кто-нибудь — кем бы он ни был — так воздействоаал на это, чтобы создать его — это, нигде не существующее?

— Мне кажется, невозможно, — отвечал Ктесипп.

— Так что же, когда ораторы говорят в народном собрании, разве они ничего не делают?

— Нет, делают, — отвечал тот.

— Но раз они что-то делают, значит, и что-то создают?

— Да.

— Следовательно, говорить — это значит что-то делать и создавать?

Ктесипп согласился.

— Значит, никто не говорит о несуществующем: ведь при этом он что-то делает, а ведь ты признал, что ни для кого невозможно создать несуществующее; вот по твоему слову и выходит, что никто не произносит лжи».

Общая схема критики Платона:

■■■ «Мир идей — вечный и неизменный — представляет собою уже не единое бытие Парменида, но иерархически упорядоченную, расчлененную структуру. На вершине этой иерархии стоит идея Блага. Что это такое?

"Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав". Оно уподобляется Солнцу: подобно тому, как оно дает всему видимому возможность быть видимым, а также рождение, рост и питание, так и благо дает вещам бытие и существование, само не являясь ими. "Оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой".

Поэтому благо как таковое трудно постичь человеческому уму: оно проявляется в прекрасном и истинном. И если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, рассуждает Платон, "то поймаем его тремя — красотой, соразмерностью и истиной". Причем, согласно первоначальной теории идей, идея "не рождается и не умирает, не воспринимает в себя что-либо другое, не переходит сама во что-либо другое". Отношения идей к вещам определяются тремя понятиями: подражание, причастность и присутствие. Иначе говоря, вещи возникают, "подражая" идее, стремясь к ней как к цели; возникнув, вещь становится "причастной" идее; наконец, чувственные вещи становятся сходными с идеями только тогда, когда идеи "присутствуют" в них. Как это возможно — философ не объясняет. Но логика его рассуждений такова, что идей должно быть столько же, сколько классов сходных вещей. Однако отсюда **возникает ряд несообразностей**. Как, например, объяснить "причастность" вещи различным идеям (скажем, Сократа — "человеку вообще" и "белому человеку")? Не понадобится ли тут, "третий человек"? Идеи Платона имеют отношение к благу, к истине, к красоте. Но как возможны тогда идеи грязи, мусора, безобразия, лжи и т. д.? Ведь без идеи нет вещи».

(**А. С. Богомолов.** *Античная философия.* 1985 г.) ■

∇ ◐ Вопросы А. С. Богомолова сродни таким:

1. Как может быть прекрасной прекрасная песня, записанная на лазерном диске, если ее можно услышать и в «диком» исполнении пьяных глоток?!

2. Как это можно, чтобы одна и та же радиоволна, коснувшись ра-

диоаппарата (например, телевизора), будучи **одной**, вызывала две разнородные функции — «говорить» и «показывать»?!

3. И как вообще один радиоприемник может, не переставая быть самим собой, реагировать на десятки и сотни совершенно разных радиостанций?!

Как видим, достаточно увести «философскую серьезность» из сферы самомнений и неудержимых желаний во что бы то ни было «круто» и «убойно» возразить и возвратить на почву обыденных и простых представлений, как сразу становится ясной и понятной уподобительная и аналогизационная природа всех «метафизических» утверждений и никчемность рьяного спора живого человека с восхитительным искусством человека умершего. ◑

4. МЫСЛИ

- Основа всякой мудрости есть терпение.
- Человек, поглупевший от суеверия, есть презреннейший из людей.
- В своих бедах люди склонны винить судьбу, богов и всё что угодно, но только не самих себя.
- Когда одни думают так, а другие иначе, тогда уже не бывает общего мнения и непременно каждый презирает другого за его образ мыслей.
- Истинное мнение ведет нас к правильным действиям ничуть не хуже, чем разум.
- Если я кого-нибудь из окружающих сделаю негодяем, то мне придется опасаться, как бы он не сделал мне зла.
- Большáя сила у того человека, который умеет промолчать, хотя он прав.
- Ты опытен — и дни твои направляет искусство, не опытен — и дни катятся по прихоти случая.
- Никто не станет делать того же, что раньше, коль скоро возможно нечто лучшее. Быть ниже самого себя — это не что иное, как невежество, а быть выше самого себя — не что иное, как мудрость.
- Без смешного нельзя познать серьезное, и вообще противоположное познаётся с помощью противоположного, если человек хочет быть разумным.
- Поэт — если только он хочет быть настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения.
- Бояться смерти — это не что иное, как приписывать себе мудрость, которой не обладаешь, то есть возомнить, будто знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто не знает ни того, что такое смерть, ни даже того, не есть ли она для человека величайшее из благ, между тем ее боятся, словно знают наверное, что она — величайшее из зол. Но не самое ли позорное невежество — воображать, будто знаешь то, чего не знаешь?
- Круглое невежество — не самое большое зло: накопление плохо усвоенных знаний еще хуже.
- Можно ответить на любой вопрос, если вопрос задан правильно.
- Существует лишь одна правильная монета — разум, и лишь в обмен на нее дóлжно всё отдавать: лишь в этом случае будут неподдельны и мужество, и рассудительность, и справедливость — одним словом,

подлинная добродетель; она сопряжена с разумом, всё равно, сопутствуют ли ей удовольствия, страхи и всё иное, тому подобное, или не сопутствуют.

- Разве человек, если он дерзок не по разуму, не несет ущерба, а если отважен с умом, не получает пользы?
- С человеком хорошим не бывает ничего плохого ни при жизни, ни после смерти.
- К благу стремится любая душа и ради него всё совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и не хватает сил понять, в чем же оно состоит.
- По-видимому, не в природе человека по собственной воле идти вместо блага на то, что считаешь злом; когда же люди вынуждены выбирать из двух зол, никто, очевидно, не выбирает большего, если есть возможность выбирать меньшее.
- Самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если в них возникает нужда; мир же — это всеобщее дружелюбие.
- О любом деле можно сказать, что само по себе оно не бывает ни прекрасным, ни безобразным. Если дело делается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным.
- Спрашивать, почему хочет быть счастливым тот, кто хочет им быть, незачем.
- Всё, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество.
- Всё чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах.
- Если бы возникающие противоположности не уравновешивали постоянно одна другую, словно описывая круг, если бы возникновение шло по прямой линии, только в одном направлении и никогда не поворачивало вспять, в противоположную сторону, — всё, в конце концов, приняло бы один и тот же образ, приобрело одни и те же свойства и возникновение прекратилось бы.
- Когда мы стремимся искать неведомое нам, то становимся лучше, мужественнее и деятельнее тех, кто полагает, будто неизвестное нельзя найти и незачем искать.
- Богатство вовсе не слепо, оно — прозорливо.
- Крайнее увлечение философией вредно.
- Легче угодить слушателям, говоря о природе богов, чем людей.
- Страсть — приманка зла.
- Всё, что называется благом, для неразумного плохо.
- Использование письмён вселяет в души забывчивость.
- Чтобы приобрести расположение друзей и приятелей при житейских сношениях с ними, следует оценивать их услуги, оказываемые нам, выше, чем это делают они сами; наоборот, наши одолжения друзьям надо считать меньшими, чем это полагают наши друзья и приятели.

На все последующие века Платон смутил человеческую цивилизацию своим рассказом об Атлантиде — таинственном материке, 12 ты-

сяч лет назад располагавшемся за Гибралтаром и погибшем, погрузившись в море «в один день и бедственную ночь».*

Точное место катастрофы Платон не указывает, но авторитет философа столь высок, что, поверив ему, исчезнувшую страну атлантов сразу же стали искать, ищут и ныне, и будут искать все, кто полны вдохновения и дерзновенны...

/ Ни египтяне, ни майя, ни создатели доацтекской центральноамериканской культуры никогда не имели судов, на которых можно было бы пересечь Атлантический океан. Но сходство между египетской культурой и культурой майя настолько велико, что его нельзя считать случайным. Таких случайностей не бывает. Из этого следует, что был, существовал огромный континент, соединявший Новый Свет со Старым. Это была Атлантида. Ее жители основывали в Египте и в Центральной Америке свои колонии. Из этого следует также и тот вывод, что предки первых египтян происходили из «страны Атлантис».

В одной из очень древних рукописей майя — она хранится в Британском музее — можно прочитать следующее:

«Шестого года Кан в одиннадцатый день Мулук месяца Сак начались ужасные землетрясения, которые продолжались беспрерывно до тринадцатого дня Чуэн. Их жертвой пала страна Му — страна болотистых холмов. Дважды поднимаясь, она вдруг исчезла: это была жуткая ночь — из-за непрерывного действия подводных вулканов земля многократно вздыбивалась и опускалась. В конце концов твердь поддалась и 10 государств были разорваны на части и уничтожены. Их население насчитывало 64 миллиона человек. Все они погибли...» /

Одно из версионных представлений о том, как выглядела столица Атлантиды

* О гибели Атлантиды Платон рассказывает в диалогах «Тимей» (20d–25e) и «Критий» (113a–121c); он говорит, что канва этой истории идет из уст Солона, который вроде как слышал всё, на этот счет им сообщаемое, от одного жреца*) во время своего путешествия в Египет, когда Солон общался в тамошнем городе Саисе с местными мудрецами. /См.: *Платон.* Сочинения. Т. 3 (ч. I). — М.: Мысль, 1971. — (Философское наследие)./

*) Это был самый ученый жрец. Его звали Сонхис.

Архит из Тарента

• Древнегреческий мудрец

Родился: 428 г. до н. э.
Умер: 355 г. до н. э.

Прожил — 73 года

V – IV вв. до н. э.

«Мы родились не только для себя, но для родителей, для родины и друзей, так что лично для себя остается незначительная часть». *(Архит)*

1. ЖИЗНЬ

• Пифагореец; механик, математик.
• Учитель и почитатель Платона; друг Платона, состоял с ним в переписке.
• Его почитал и слушался тиран Дионисий Младший.
• По просьбе Архита философ Платон был освобожден из заключения во время третьего своего путешествия в Сицилию (60-е гг. до н. э.) по приглашению Дионисия Младшего.
• Аристотель написал о нем в трех книгах: «О философии Архита» (утрачена), «Беседы» (от них остался лишь один фрагмент, и то — испорченный), «Гармоника», или «О математике» (называлась или так, или так).
• Архит вызывал к себе удивление народа по причине своего совершенства во всех отношениях:

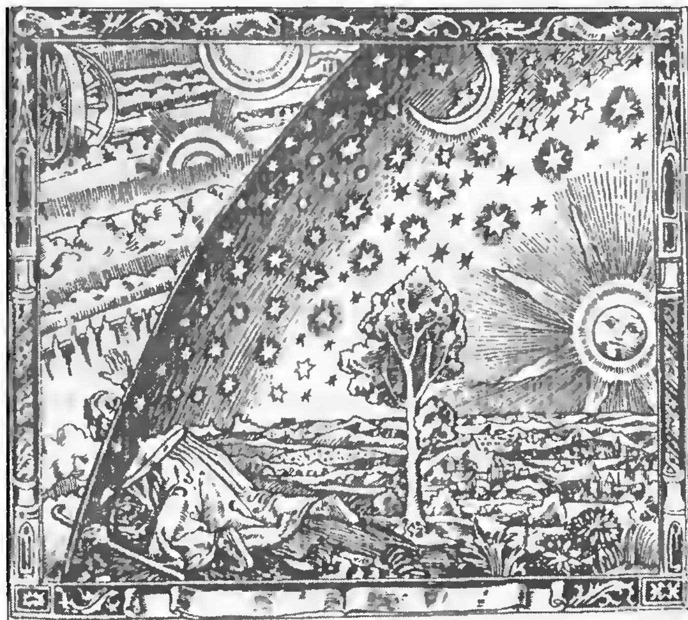
Аристотель в «Политике» упоминает как важное изобретение «погремушку Архита»: «Нужно считать прекрасным изобретением ту погремушку Архита, которую дают в руки малым детям, чтобы они, занимаясь ею, не ломали ничего из домашних вещей: ведь то, что молодо, не может оставаться спокойным».

• Умел повелевать своими страстями: вернувшись домой из похода, где был главным военачальником, нашел свое хозяйство в полном расстройстве: земли оставались не обработанными из-за нераспорядительности управляющего: «Убирайся с глаз моих, — сказал он ему. — Если бы я не был охвачен гневом, я бы отделал тебя как следует».

3. УЧЕНИЕ

♦ Архиту принадлежит доказательство беспредельности Вселенной: «Поместившись на самом крае Вселенной, то есть на неподвижном небе, был бы я в состоянии протянуть свою руку или палку дальше за пределы его или нет? Допущение, что этого нельзя сделать, нелепо. И поскольку этот процесс, протягивание руки,

можно продолжать бесконечное число раз, то и Вселенная должна быть бесконечной».

4. МЫСЛИ

◘ Знаменита речь Архита против страстей. В передаче Цицерона, он произносит ее во время беседы с римлянином Понтием Самнитом:

«Природа не дала людям ничего более опасного и гибельного, чем чувственное удовольствие. Отсюда измены отечеству, отсюда ниспровержение государственной власти, отсюда тайные переговоры с врагами. Нет ни одного преступления, ни одного дурного поступка, в который не вовлекла бы страсть к наслаждению: действительно, бесчестные поступки, нарушения супружеской верности и всякая подобная мерзость вызываются не чем иным, как приманкой удовольствия. А между тем как природа или какой-нибудь бог не дали ничего превосходнее ума, нет ничего более враждебного этому божественному дару, чем удовольствие. Ибо когда господствует страсть, нет места для умеренности. И вообще в царстве наслаждения добродетели нет места. Чтобы лучше это понять, следует только представить себе человека, охваченного самым сильнейшим телесным наслаждением: такой человек, испытывая подобное удовольствие, не будет в состоянии ни о чем думать, ни за чем следовать разумом, ни о чем размышлять».

◘ Если бы кто-нибудь поднялся на небеса и обозрел устройство Вселенной и великолепие светил, то это изумительное зрелище его бы не очаровало; оно было бы гораздо приятнее ему, если бы нашелся человек, которому он мог бы рассказать об этом.

Диоген из Синопа

V – IV вв. до н. э.

• Древнегреческий философ

Родился: 412 г. до н. э.
Умер: 13.06.323 г. до н. э.

Прожил — 89 лет

> **«Я не сумасшедший, просто ум у меня не такой, как у вас».**
> *(Диоген)*

■ **Однажды Диоген закричал: «Эй, люди!» Сбежался народ, он замахнулся палкой: «Я звал людей, а не дерьмо».** *(Диоген)*

■ **Тем, кто говорил ему: «Ты уже старик, отдохни, наконец», он отвечал: «Как же так? Если бы я бежал на состязаниях и был бы уже близок к финишу, разве мне следовало расслабиться, а не напрячь все силы?»**

1. ЖИЗНЬ

• Сын Гикеты из Синопа (Понт).
• Ученик философа Антисфена, основателя школы к и н и к о в:

/ Относительно происхождения слова есть две версии:

1) Кинизм — название, связанное с поименованием гимнасия Киносарг («Белая собака»), где излагал свое учение его основатель Антисфен;

2) *Kynikoi* (киники) от *kyōn* «собака», а не от названия «Киносарг». /

• После смерти учителя Диоген переселился в Коринф, полагая, что больше ни с кем общаться не стоит. В Коринфе он не нанял себе жилья и не поселился ни у кого из гостеприимцев, а стал жить под открытым небом.
• Изрядно потрескавшаяся от времени бочка (а точнее: большая глиняная амфора {высотой до 2-х местров} для хранения воды, вина и зерна — *по-греч.* «пи́фос») служила ему убежищем и пристанищем.
• Утверждают, что он был совершенно лыс, хотя и носил длинную бороду, дабы, по якобы его словам, не изменять вида, данного ему природой.
• Был сутул до сгорбленности; из-за этого его взгляд всегда был исподлобья.
• Ходил, опираясь на палку, в верхней части которой был сук, куда Диоген вешал свою котомку странника.
• Ко всем он относился с язвительным презрением.
• Без стеснения занимался у всех на глазах мастурбацией и мочился, как собака.

- **Сочинения Диогена Синопского:**

  «О любви»;
  «Государство» («Полития»);
  «Эдип»;
  «Фиест» (трагедия).

- Диоген умер, съев сырого осьминога и заболев холерой; но есть и такая версия, что смерть наступила «от задержки дыхания».

2. СУДЬБА

► Александр Македонский, беседуя с 70-летним Диогеном в Коринфе, в пригородной кипарисовой роще Кранеоне, сказал, что он, Александр, великий царь. Диоген довольно беззастенчиво, если не прямо нахально, ответил ему: «А я — собака Диоген».

Диоген и Александр Македонский. *Рим, вилла Альбани*

► **Александр Македонский о Диогене:**

«Если бы я не был царем, я хотел бы быть Диогеном».

► **А. П. Чехов о Диогене:**

«Свободное и глубокое мышление, которое стремится к уразумению жизни, и полное презрение к глупой суете мира — вот два блага, которых никогда не знал человек. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя решетками. Диоген жил в бочке, однако же был счастливее всех царей земных».

► **«Ищу человека, а не негодяя».**

/ Такой ответ Диоген дал, когда его, озабоченно что-то разыскивающего днем с зажженным фонарем, спросили о том, что он делает. /

► Соотечественники воздвигли Диогену много медных памятников и на одном из них, на родине философа в г. Синопе, вырезали надпись:

Время точит и камень, и бронзу,
Но слова твои, Диоген, жить будут вечно!
Ведь ты учил нас благу довольствоваться малым
И наметил пути продвижения к счастливой жизни!

► Однажды Диоген держал речь на городской площади. Много народа слушало его слова с большим удовольствием. Как вдруг он оборвал свою речь, сел на землю и на глазах у всех испражнился. Все сразу же отшатнулись от него, называя кто полоумным, а кто бесстыдником.

3. УЧЕНИЕ

● Самобытность

♦ Когда Диоген был изгнан из своей родины, он пришел в Афины. Там он застал немало слушателей Сократа — Платона, Аристиппа, Эсхила, Антисфена и Эвклида Мегарянина. Диоген вскоре проникся презрением ко всем им, кроме Антисфена; с ним он общался охотно, но хвалил, впрочем, не столько его самого, сколько его учение, полагая, что только оно раскрывает истину и может принести пользу людям.

Сравнивая же самого Антисфена с его учением, он нередко упрекал его в недостаточной твердости и, порицая, называл его боевой трубой — шума от нее много, но сама она себя не слушает; Антисфен терпеливо выслушивал его упреки, так как он восхищался характером Диогена.

♦ С того времени, как Антисфен освободил меня, я перестал быть рабом. Как же это произошло? Он научил меня различать, что является моим и что мне чужое. Богатство, имущество — не мои; родные, близкие, друзья, слава, привычные ценности, общение с другими — всё это — чужое. Что же принадлежит тебе? — Твои представления. Они, — учил Антисфен, — абсолютно свободны, никому не подвластны, никто не может им ни помешать, ни заставить воспользоваться иначе, чем я этого хочу.

♦ Узнав, что, по Платону, человек определяется как двуногое животное, лишенное перьев, Диоген ощипал петуха и, принеся его в Академию, объявил: «Вот человек Платона».

/ После этого к определению было добавлено: «И с широкими ногтями». /

♦ Когда Платон распространялся о своих идеях и говорил о «стольности» и «чашности», Диоген заметил: «Что касается меня, Платон, то стол и чашу я вижу, а вот «стольности» и «чашности» — нет».

На что Платон ему якобы ответил, что для чаши и стола у Диогена есть глаза, а для «чашности» и «стольности» у него нет разума.

♦ Любовь проходит с голодом, а если ты не в силах голодать, петлю на шею — и конец.

♦ Однажды Диоген попросил у Платона вина, а затем и сушеных фиг. Философ прислал ему целый жбан, а Диоген сказал: «Платон, когда тебя спрашивают, сколько будет дважды два, ты отвечаешь — двадцать?»

♦ Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда он принялся верещать по-птичьему; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевелятся.

♦ Он удивлялся, что грамматики изучают бедствия Одиссея, но не ведают своих собственных; музыканты ладят струны на лире, а не могут сладить с собственным нравом; математики следят за солнцем и луной, а не видят того, что у них под ногами...

♦ Когда кто-то привел его в роскошное жилище и не позволил плевать, он, откашлявшись, сплюнул в лицо спутнику, заявив, что не нашел места хуже.

♦ Увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, он выбросил из сумы свою чашку, промолвив: «Мальчик превзошел меня простотой жизни».

♦ Когда кто-то читал длинное сочинение и уже показалось неисписанное место в конце свитка, Диоген воскликнул: «Мужайтесь, други: виден берег!»

♦ Человеку, спросившему, в какое время следует завтракать, он ответил: «Если ты богат, то когда захочешь, если беден, то когда можешь».

♦ Рукоблудствуя на глазах у всех, он приговаривал: «Вот кабы и голод можно было унять, потирая живот!»

♦ Кто-то корил Диогена за его изгнание. «Несчастный, — ответил он. — Ведь благодаря изгнанию я стал философом».

♦ Он просил подаяния у статуи; на вопрос, зачем он это делает, Диоген сказал: «Чтобы приучить себя к отказам».

♦ На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и не подают философам, он сказал: «Потому что они знают: хромыми и слепыми они может быть, и станут, а вот мудрецами — никогда».

♦ Он просил милостыню у скряги, тот колебался. «Почтенный, — сказал Диоген, — я же у тебя прошу на хлеб, а не на склеп!»

♦ На вопрос, что дала ему философия, он ответил: «По крайней мере, готовность ко всякому повороту судьбы».

♦ Человеку, сказавшему: «Мне нет дела до философии!», он возразил: «Зачем же ты живешь, если не заботишься, чтобы хорошо жить?»

♦ О влюбленных говорил он, что они мыкают горе себе на радость.

♦ Нет ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного: даже питаться человеческим мясом не будет преступно, как явствует из обычаев других народов. В самом деле, ведь всё существует во всём и через всё: в хлебе содержится мясо, в овощах хлеб, и вообще все тела как бы парообразно проникают друг в друга мельчайшими частицами через незримые поры.

♦ Когда Филипп, царь Македонии, отец Александра Македонского, объявил, что идет войной на Коринф, и все бросились готовиться против него, Диоген принялся катать туда и сюда свою собственную бочку. Его спросили: «Зачем это, Диоген?» Он ответил: «У всех сейчас хлопоты, потому и мне нехорошо бездельничать; а бочку я катаю, потому что ничего другого у меня нет».

♦ Однажды Диоген плыл на корабле в Афины. Всё было хорошо, как вдруг у о. Крит на судно напали морские пираты. В итоге Диоген в качестве раба попал на невольничий рынок. Последующая сценка, написанная на основании древних свидетельств и легенд, рисует незаурядный облик этого необычного человека.

«Хотя Диоген изнывал от зноя, он весело улыбался. Потом без разрешения хозяина уселся на песок.

— Куд-да! — зарычал на него торговец в персидском халате и белой чалме. — Кто тебя, сидячего, здесь увидит?!

— Почему же? — возразил Диоген. — Рыба лежит, а своего покупателя находит!

Работорговец удивленно захохотал и дозволил рабу сесть на песок.

Тут Диоген, приободряя заморенных жарой невольников, закричал на весь базар:

— Эй, люди! Вы что же носы повесили?.. Уж не потому ли, что не в силах дольше слушать голодное урчанье собственного чрева? Ничего, это дело поправимое! — И, обращаясь к работорговцам, продолжал: — Граждане наши хозяева! Послушайтесь голоса разума! Ведь овец и поросят вы откармливаете на совесть, как и подобает делать рачительным владельцам, не так ли? Так не глупо ли тогда человека, самого дорогого из животных, морить на продаже голодом?!

В толпе послышался смех рабов и их хозяев, потому что шутку любят все. И подобревшие работорговцы сказали: «А ведь, пожалуй, их и в самом деле не мешает покормить!» И потянулись к невольникам руки с ломтями хлеба, с сушеной рыбой, гроздьями винограда и даже бурдюки с водой. Утолив слегка голод и жажду, повеселевшие рабы со всех сторон благодарили сидящего Диогена улыбками. Тогда его хозяин, снисходя к такому необычному рабу, спросил:

— А что ты умеешь делать, старик?

— Я? — переспросил Диоген, отправляя в рот остатки поданных ему оливок. — Властвовать людьми!

Торговец захохотал:

— Ты, конечно, шутишь?

— Нисколько.

— Да кто же купит раба, который корчит из себя господина?

— Как раз такого-то купят всех быстрей, — ответил Диоген. — Ведь обычный раб не в диковинку. Впрочем, ты можешь сам в этом убедиться, сто́ит только тебе объявить обо мне.

— Нет уж! Если хочешь, сам о себе объявляй. А я погляжу, что из этого выйдет!

Диоген поднялся и громко закричал, медленно покачиваясь в стороны:

— Граждане! Кто хочет купить себе хозяина?! Кто хочет купить себе хозяина, спешите сюда!

Все вокруг потешались, но тут к Диогену приблизился какой-то пожилой человек в голубом хитоне и, смеясь, спросил:

— Уж не ты ли и есть хозяин, продающий себя?

— Представь себе, это я! — гордо ответил Диоген.

— А я,— вмешался здесь работорговец, — хозяин этого «хозяина»! Беру за него три мины!

Покупатель сомнительно покачал головой, собираясь отойти, но Диоген задержал его:

— Это совсем недорого, клянусь богами! Ведь три мины — стоимость рабочей лошади, а я умом скакун!

И, улыбнувшись, покупатель сказал:

— Прекрасно! И куда же скачет твой ум?

— В просторы философии, милейший!

— Ты изучаешь явления космоса?

— Диалектика мертвой материи меня не занимает. Диалектика души — вот предмет моих занятий!

— Что ж, в таком случае ты сгодишься моим сыновьям как воспитатель. Согласен?

— Согласен, — сказал Диоген, — но с одним условием...

Вокруг рассмеялись, а хозяин Диогена насмешливо сказал:

— Этот тип еще смеет условия ставить!

— Да, ставлю условие, — упрямо кивнул Диоген.

— Какое? — спросил покупатель.

— Следовать за мной и делать только то, что я тебе скажу...

И снова в толпе рассмеялись, а покупатель, желая намекнуть на пословицу, что яйца курицу не учат, насмешливо продекламировал:

— Вспять потекли источники рек!

— Ты прекрасно знаешь Еврипида, господин хороший, — угадав, чей это стих, сказал Диоген. — Но позволь тебя спросить, если ты нанял, к примеру, врача, а он предупредил тебя, что нужно следовать его советам, ведь ты не стал бы упрекать его изречениями Еврипида?

И, пристально вглядевшись в Диогена, покупатель сказал:

— Я беру этого человека! — И, отсчитав положенную сумму торговцу, добавил: — А вот тебе еще одна мина к запрошенным!

Когда работорговец ушел, Диоген спросил нового хозяина:

— На какую кличку ты отзываешься?

— Я торговец Ксениад...

— А моя кличка — Собака. Не удивляйся, это мое прозвище, а звать меня Диоген, что значит богорожденный! — И он с шутливым величием поднял вверх палец. — Так куда мы отправляемся?

— Ко мне домой, в Коринф.

— Прекрасно! — одобрил Диоген. — Я всю Элладу обошел, а быть в знаменитом Коринфе мне до сих пор не довелось».

♦ Некий «прыгун» сказал Диогену:

— Как жаль, Диоген, что ты, с такой закалкой, никогда не участвовал в Олимпийских состязаниях. Наверняка ты был бы первым!

— Зато я участвую в состязаниях более важных, чем Олимпийские.

— В каких же это? — не понял «прыгун».

И, укоризненно качнув головой, сказал Диоген:

— Вы же знаете: я состязаюсь в борьбе с пороками.

♦ **Одна из притч Диогена:**

— Один аладелец несметных богатств, — неторопливо начал Диоген, — созвал на пир гостей со всех земель, всех народов и языков, всякого звания, пола и возраста. Будучи щедрым, он выставил перед гостями обильные угощения и каждого оделил тем, что ему всего полезнее. Приглашен-

ные наслаждались и благодарили хозяина. Но вот нашелся среди них один, кому показалось мало того, что назначалось ему, и он стал захватывать то, что назначалось для его соседей, даже не подумав, что отнимает в том числе у слабых и хворых и даже малых детей. И стал он отнятое хапать и пихать себе в рот до тех пор, пока желудок не извергнул всё это обратно!.. Так вот, щедрый владелец богатств — это природа, гости на ее пиру — все люди и народы мира, а алчный — это богатеи, которые отнимают у всех, кто слабее их!

■■ Многие киники жили подаяниями, но в этой своей бедности были, следуя и подражая Диогену, довольно остроумны. Один из них, Телес (III в. до н. э.), говорил богачу: «Ты даешь щедро, а я принимаю мужественно, не пресмыкаясь, не роняя своего достоинства и не ворча». ■

4. МЫСЛИ

• Остроумие

◪ Диоген однажды заметил незаконнорожденного мальчишку, швырявшего камни в прохожих.

— Прекрати баловство, — сказал ему философ. — Ты можешь нечаянно угодить камнем в собственного отца.

◪ Однажды, принимая участие в разговоре о том, почему люди так охотно помогают нищим и так неохотно философам, Диоген заметил:

— Это потому, что каждый предвидит возможность самому стать убогим, калекою, пьяницей, но никто про себя не думает, что он сделается философом.

◪ У Диогена спросили:

— Что ты будешь делать, если сломается бочка, в которой ты живешь?

— Меня это не тревожит, — ответил философ. — Ведь место, которое я занимаю, не может сломаться.

• Позиция рассудительности

◪ «Когда мир благоденствует?» — спросили *Диогена.* «Когда его цари философствуют, а его философы — цари», — был ответ.

◪ Солнце заглядывает в ямы с навозом, но не оскверняется.

/ ◐ О Диогене так: или только хорошее, или только плохое, или ничего. Если сказать последнее, — то он исчезнет. Если первое, — то он будет оскорблен, ибо имеет право и на плохую память о нем. Если среднее, — то придется повторять то умосдвижное, что он утверждал, и то ýжасопóлное, что он делал. А чем это отличается от похвалы, если хвалить — значит всё время напоминать и этим оживлять, заставляя одно быть, а другое — через это быть — уйти: ведь не всему есть место на земле? /

◪ Диоген искренне недоумевает, почему это люди не идут к нему как врачевателю душ:

♦ Что, разве человек меньше страдает от болезней души, чем от болезней тела? И неужели для него хуже иметь разбухшую селезенку или гнилой зуб, чем душу безрассудную, гневливую, недобрую, коварную, т. е. во всех отношениях дурную? ♦

◐ Но самое интересное — это его *расшатывающая аргументация*. Казалось бы, что может поколебать уверенность знания? Однако прочность — это вовсе не п р и н а д л е ж н а я характеристика вещей и процессов, а функция координат ума в систематизирующей деятельности разума. Это значит: никому не устоять перед двойственностью факта — не случайно же в словах у**бежд**ённый и по**бежд**ённый одинаковая фундаментальная основа. Вот и становимся мы свидетелями изощренного разбора сути дела, когда Диоген высмеял победителя в беге, которого толпа несла на руках, заметив ему, что, во-первых, животные бегают куда быстрее его и ничуть этим не гордятся, во-вторых, быстрый бег очень проблемен с п р и з н а в а т е л ь н о й т о ч к и з р е н и я (т. е. как заслуживающий наград и поощрения!), поскольку это признак трусости (великолепный *вывертный* ракурс!), в-третьих, какая бы то ни было сла́вность вряд ли приложима к обгоняющему других, так как от наращивания скорости ходьбы, вплоть до мчания наравне с ветром, никто еще не стал умнее...

/ Да уж! Спорить здесь можно. Вот только не проспорить нельзя. / ◑

◪ Когда присматривавший за ним Ксениад спросил Диогена, как его похоронить, Диоген ответил: «Вниз лицом». На вопрос «зачем?» он ответил: «Ведь скоро всё, что было внизу, окажется наверху».

/ Эти слова связаны с тем, что македоняне к этому времени уже захватили власть и из подчиненных стали властителями. /

◪ Гетеры — это царицы царей, потому что они и с царями делают всё, что им заблагорассудится.

◪ Большинство людей отделяет от безумия лишь один только палец: ведь если кто-нибудь будет расхаживать по улицам и указывать на всё средним пальцем, то подумают, что он сошел с ума, а если указательным, то нет.

◪ Влюбленные — это те, кто ради удовольствия готовы испытать все несчастья.

Карта Афин

Аристо́тель

Аристотель из Стагира
/'Ἀριστοτέλης/

IV в. до н. э.

• Древнегреческий философ

Родился: июль 384 г. до н. э.
Умер: октябрь 322 г. до н. э.

Прожил — 62 года

> **«Все науки более необходимы, нежели философия, но лучше ее нет ни одной».** *(Аристотель)*

■ **«Сомневаться небесполезно. Сомневаясь, мы приходим к исследованию; исследуя, достигаем истины».** *(Аристотель)*

■ **«И бедность, и богатство — это нарушение меры до́лжного».** *(Аристотель)*

■ **«А если следствия той и другой вещи плохие, тогда предпочтительнее та, из которой следует плохое в меньшей степени».** *(Аристотель)*

■ **«Ведь порочный человек натворит, наверно, в тысячу раз больше зла, чем зверь».** *(Аристотель)*

1. ЖИЗНЬ

• Родина Аристотеля — греческий город-полис Стагир во Фракии[22]. Иногда, имея в виду место рождения, Аристотеля именуют Стагиритом.
• Отца Аристотеля звали Никомахом, мать — Фиистией.
• Будучи сыном лейб-медика македонского царя Аминты II, Аристотель в детстве играл с Филиппом, будущим царем Македонии.
• С 17 до 37 лет (367 — 347 гг. до н. э.) учился в Академии философа Платона.
• Ноги имел худые, глаза маленькие, был шепеляв, но выделялся одеждой и прической.
• Философ Эпикур считал Аристотеля «мо́том, который пропил отцово добро и пошел наёмничать и морочить людей».
• В 25 лет Аристотель женился на племяннице и приемной дочери Гермия, тирана Атарнеи.
• С 343 г. до н. э. Аристотель был наставником Александра Македонского (356 — 323 гг. до н. э.), за что Александр, став царем (336 г. до н. э.), поставил своему учителю и другу памятник с надписью: «Александр поставил этот памятник сыну Никомаха, мудрому божественному Аристотелю».

/■■■ Спросили как-то, сообщает одно из восточных преданий, Александра Македонского: «Почему наставника своего, Аристотеля, почитаешь ты более, чем царя Филиппа, отца своего?» — «Отец, — отвечал Александр, — воспитав мое тело, низвёл меня с неба на землю; но Аристотель, воспитав душу мою, поднял меня от земли в небо». ■/

// За обучение сына царь Филипп расплатился с Аристотелем, может быть, самым прекрасным и достойным из всех возможных способов: он восстановил им же разрушенный город Стагир, родину Аристотеля, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. //

• Носил свисающую на лоб челку и короткую бородку. Постоянные иронические складки вокруг его рта, которые отмечают все современники, возможно, свидетельство того, что Аристотель ощущал себя учеником Платона и считал, что по знаниям, которых достигла греческая наука, он превосходил даже царя Александра.

• В 336 г. до н. э. Аристотель основал в Афинах свою собственную школу. Она находилась в галереях школы борьбы и на прилегающих участках в Ликее, у восточных ворот Афин:

/ Ликей назывался так то ли по имени героя Лика, то ли Аполлона Ликейского и находился в противоположном — по отношению к Академии Платона — конце города Афин. /

• Аристотель читал в Ликее (или, в другой транскрипции, л и ц е е) лекции, прогуливаясь со своими слушателями. Peripateto (*греч.*) означает «прохаживаюсь». Отсюда название учеников и последователей Аристотеля — **перипатетики**:

∇ ◐ **Перипатос** означает в переводе с греческого не только **прогулку**, но и <u>место</u> прогулок («гу́льбище» или портик). Так что гуляли ли ученики Аристотеля вместе с ним во время занятий или нет — неизвестно. ◑

• Класс перипатетиков выглядел так: скамьи, стол на трех ножках, бронзовая статуя, шар. Была белая доска, на которой чертили. На стенах были картины.

• Проблемы, волновавшие Аристотеля, зачастую были прелюбопытными. Ну, например: нужно ли больше любить самого себя или кого-нибудь другого? Ведь тех, кто любит больше себя, бранят и называют себялюбцами в дурном значении этого слова. С другой стороны, говорят, что больше всего следует любить того, кто больше всего нам друг, а каждый человек сам себе больше всего друг, и потому до́лжно любить больше всех самого себя.

∇ ◐ Живи Зенон Элейский во времена Аристотеля, он наверняка бы «снял шляпу» перед таким рассуждением. ◑

• Аристотель отличался завидным остроумием:

■■ Когда ему сказали, что кто-то бранит его заочно, Аристотель заметил: «Заочно он пусть хоть бьет меня».

На вопрос, что быстро стареет, Аристотель ответил: «Благодарность».

На вопрос, какую он получил пользу от философии, Аристотель ответил: «Стал делать добровольно то, что другие делают в страхе перед законом». ■

• С началом регулярной деятельности Ликея Аристотель совершенно прекращает писать произведения в литературной форме и всё своё учение излагает в лекциях. Настолько всё воздействие Аристотеля выражалось лишь в прямом влиянии на учеников, что сами его произведения были просто забыты после его смерти и их обнаружили лищь два столетия спустя...

• Многие свои объяснения Аристотель заканчивал словами «Kai para tauta uden» («А за этим больше ничего»).

• Идеал жизни Аристотеля: теоретическая жизнь в тиши, в беседке академического сада, на сказочном острове блаженных философов, отрезанных от мира.

• Девиз Аристотеля: философ должен держаться как можно дальше от преходящих вещей и стремиться к себе на родину: в царство чистой истины.

• Имел сына Никомаха (погиб на войне в молодые годы) и дочь Пифиаду.

• Когда Аристотель в своём развитии поднялся до высот возможности критики Платона, то «широкоплечий Аристокл» так определил это событие: «Этот жеребенок лягает родившую его кобылу».

Афинская школа.
1510 – 1511 гг.
Худ. Рафаэль Санти.
Фреска (деталь).
Роспись в папском дворце.
Рим, Ватикан

• В раннем диалоге «Эвдем» Аристотель разделяет слова древнегреческого комедиографа Феогнида (2-я пол. VI в. до н. э.):

Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться
И никогда не видать яркого солнца лучей.
Если ж родился, войти поскорее в ворота Аида
И глубоко под землей в темной могиле лежать.

• Аристотель принимал на веру и передавал самые невероятные вещи, как, например, убеждение пастухов, что пол потомства может определяться стороной света, северной или южной, куда смотрели животные во время спаривания.

• Аристотель был в полной уверенности, что тела падают на землю со скоростью, пропорциональной их весу. Почему он так думал, никто не знал. Опытов Аристотель не ставил. Просто ему никогда не приходилось, видимо, в этом усомниться. Ведь это же так естественно, что камень упадет быстрее пушинки.

/ Первым усомнился Галилео Галилей (1564 — 1642). Он сбрасывал с вершины наклонной башни в итальянском городе Пизе ядра: одно — однофунтовое, другое — стофунтовое, и они падали на землю и достигали ее **одновременно**. /

Наклонная башня в Пизе

• Аристотель упорно считал бесконечное непознаваемым, полагая, что сложную вещь мы можем считать познанной только тогда, когда мы установим, из каких и из скольких начал она состоит. А всё неизмеримое делает этот процесс никогда не заканчиваемым.

/© Но это не так. Наличие представления о бесконечном вовсе не мешает нам представлять его и как данность (скажем, понятие «космос» или «Вселенная»), и как сосчитываемость — как ни сложен любой живой организм, но мы и давим червяка, и ловим бабочку, и небесполезно поедаем курицу, и лечим, к примеру, больной палец...

Увод внимания за якобы границы его контроля — имеет чисто манипулятивную компоненту и неосознаваемо лукавую цель. Да, мне ничего не сто́ит прошагать километр ногами, однако я пролью немало гносеологических слёз и без устали буду издавать сциентические стоны, если средоточие моих интересов замкнется на подсчет атомов в этом километре. Аристотель играет с читателем, как фокусник резинкой перед ребенком. Вот он говорит ему, видишь, какая она? А теперь — и демонстрируя свои богатырские (как бы не от мира сего) чудо-возможности — гляди: была такой, а сейчас стала в два (в три, сколько надо!) раза длиннее. Но это не вещь стала длиннее, это мы длину заполнили вещью, софистически пряча от взора ума тот факт, что вещь под нашу нужду была нами деформирована (подстраиваемо под цель изменена).

Бесконечное есть или нет. Конечно, есть. Но не там, где ему надлежит быть (там его никогда нет!!!), а там, где мы кладем своей волей (определяемый желанием и представлением о нём) конец. Так называемый «конец». Потому что все *наши* пределы заведомо определены́ (и этим-то опредéлены) нами. И только нами, поскольку получаемо берется лишь то, что даваемо даётся.

Вы скажете, как просто! Ну, зачем так?! Ничем всерьез и по-настоящему не проникнешься, пока **ПРО** это **СТО** раз не подумаешь или не скажешь! ◑ /

• Удивительное дело, но Аристотель утверждал, что у женщин зубов меньше, чем у мужчин. И что престранно, он ни разу не удосужился проверить это мнение, хотя был дважды женат.

/ Последнее даёт пищу для размышлений. И не только, чтобы посудачить об Аристотеле. Например, представление о том, что львы боятся петухов, держалось очень долго в античности, в средневековье и даже в эпоху Возрождения. Конец легенде положил эксперимент, проведенный самим Кювье (1769 — 1832): петуха втолкнули в клетку ко льву и тот, разумеется, дал петуху представление о львиной доле.

Правда, некоторые исследователи, защищая прелесть легенды, сомневаются в чистоте эксперимента, справедливо полагая, а не было ли поведение клеточного льва вынужденным, обусловленным невозможностью отступить... /

• Сочинения Аристотеля характеризует стиль «думания на ходу», при котором автор никогда не уверен, что сказал всё, что имел сказать, и постоянно начинает сначала.

• Написал 28 книг объемом в 445 270 строк.

• **Сочинения Аристотеля:**

«О философии» (этот диалог до нас не дошел);

«Протрептик»:

/ Какова была литературная форма этого произведения — неизвестно. Написано оно для некоего Фемистона, правителя Кипра, о котором мы ничего не знаем. Это — увещание Фемистону, очевидно, какому-то просвещенному тирану, с указанием для него наилучшего образа жизни. /;

«Методика» (это сочинение в восьми книгах до нас не дошло);

«Метафизика»;
«Физика»;
«О душе»;
«Риторика»;
«Категории»;
«Политика»;
«Поэтика»;
«О любви»;
«О небе»;
«Топика»;
«Метеорологика»;
«О софистических опровержениях»;
«О возникновении и разрушении»;
«О сне и бодрствовании»;
«О возникновении животных»;
«История животных»;
«О частях животных»;
«Первая Аналитика»;
«Вторая Аналитика»;
«О жизни и смерти»;
«Большая этика»;
«Этика Никомахова»;
«Этика Эвдемова»;
«Об истолковании».

• Аристотель первым ввел в философию слово «категория» (χατηγορια) в качестве термина. Первоначальное значение этого греческого слова — «обвинение».

• Аристотель первым употребил термин **акциде́нция** (впервые он встречается в «Метафизике»), означающий — случайное, несущественное, преходящее.

• Аристотель ввел в оборот весьма загадочное понятие **«энтеле́хия»**: «Движение есть энтелехия существующего в потенции, поскольку оно таково». Как утверждает легенда, отразившая, очевидно, трудность этой сложной категории Аристотеля, ему пришлось прибегнуть к совету дьявола.

∇ ◐ Я бы предложил понимать «энтелехию» в таком словосочетании: это переход **«возможности совершенства» в «совершённость»**. ◑

/ На латинский язык термин «энтелехия» был переведен гуманистом XV в. Ермолаем Барбарусом словом «perfectihabia» («обладание в совершенном виде»). /

∇ ◐ То есть движение — это **актуальное**. Но у него есть и своё **потенциальное**. Это «потенциальное» неизвестно и невыразимо.

Переход (осуществленный переход!) **потенциального в актуальное** и есть ***энтелехия***. ◑

• С Аристотеля берет начало самая нужная в мыслительной деятельности человека наука — формальная логика. Вряд ли есть в интеллектуальной истории человечества что-либо более известное, чем знаменитый силлоги́зм:

Все люди смертны.
Кай — человек.
Кай смертен.

/ ***Кратко о силлогизме (основное, главное, необходимое)***:

Суть: Силлогизм* (*греч.* δυλλογισμὸς — синтез высказываний; дословно: подытоживать, сводить воедино, делать выводы) — дедуктивное умозаключение**, в котором из двух суждений, имеющих субъектно (S)-предикатную*** (P) форму (*«Все S суть P»**), или *«Ни одно S не есть P»**)), или *«Некоторые S суть P»**))), или *«Некоторые S не есть P»**)))), следует новое суждение (оно называется «заключение», «вывод», «резюме»), имеющее тоже субъектно-предикатную форму.

---

* Термин «силлогизм» встречается впервые уже у Платона (см. «Теэтет», 186d).

** **Аристотель**: «Силлогизм есть речь (λόγος), в которой при предположении чего-нибудь из него с необходимостью вытекает нечто, отличное от утвержденного, и именно в силу того, что есть».

*** **Предика́т** (*лат.* praedicatum) — ска́занное.

*) Общеутвердительное суждение (усл. обозн. **A** — от *лат.* affirmo — утверждаю).

*)) Общеотрицательное суждение (усл. обозн. **E** — от *лат.* nego — отрицаю).

*))) Частноутвердительное суждение (усл. обозн. **I** — от *лат.* affirmo — утверждаю).

*)))) Частноотрицательное суждение (усл. обозн. **O** — от *лат.* nego — отрицаю).

Примером силлогизма может быть такая словесно-смысловая конструкция:

бо́льшая посылка →	Все жидкости — упруги.	– бо́льший термин
меньшая посылка →	Ртуть — жидкость.	– меньший термин
заключение, или вывод →	**Ртуть упруга.**	– – средний термин

В этом силлогизме посылки**) стоят над чертой, а заключение — под чертой. Черта, отделяющая посылки от вывода, взаимозаменима со словом «следовательно». Слова и словосочетания, выражающие понятия, фигурирующие в силлогизме, называют терминами**)) силлогизма. В каждом силлогизме имеется три термина: меньший, бо́льший и средний. Термин, соответствующий субъекту заключения, носит название меньшего термина (в приведенном примере таким термином будет «ртуть») и обозначается знаком S. Термин, соответствующий предикату заключения, носит название бо́льшего термина (слово «упруга») и обозначается знаком P. Термин, который присутствует в обеих посылках разом, но не попадает в заключение, носит название среднего термина**))) (для нас здесь это слово «жидкость») и обозначается знаком M**)))).

Логическую форму силлогизма, переданную с применением условных обозначений (на материале вышеприведенного примера) можно представить в виде:

Все M суть P.
Все S суть M.
Все S суть P.

Круговая схема:

◄ Данный способ представления силлогизма был предложен швейцарско-русским математиком, физиком, механиком, астрономом Леонардом Эйлером.

Повторяющийся в посылках термин (средний термин) может занимать в силлогизмных построениях одно из четырех мест. В связи с этим различают четыре фигуры°) силлогизма***):

**) «Посылка» есть высказывание, утверждающее или отрицающее что-нибудь о чем-нибудь.

**)) Термин /terminus/ (латинский перевод греческого слова ὅρος, буквально означающего «точку раздела», «границу»).

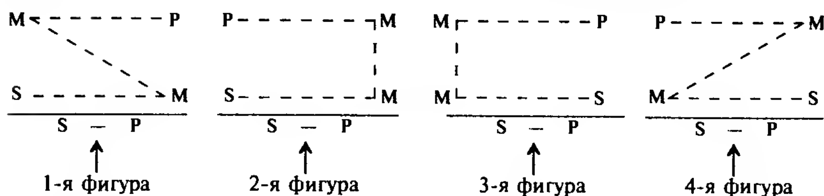
Аристотель: «Термином я называю **то**, на что разлагается суждение, **то**, что приписывается, и **то**, чему приписывается, независимо от того, присоединяется или отнимается то, что выражается посредством глаголов "быть" и "не быть"». Например: «Сократ есть живое существо». Здесь 4 слова, но 2 термина — «Сократ» и «живое существо».

**))) Средний термин (μέσος ὅρος)— это вставляемый термин.

**)))) M — от латинского слова medius — средний.

°) **Фигу́ра** (*лат.* figura) — образ, вид.

***) Помимо графики терминов, для силлогизма важна и обязательная требовательность к его посылкам.

1. **Первая фигура.** Используется в вариантах подведения частного случая под общее положение.

Пример:

Все металлы (M) электропроводны (P).
Стронций (S) — металл (M).

Стронций электропроводен.

Модусы* 1-й фигуры: **AAA, EAE, AII, EIO**

Правила первой фигуры:
1. Бóльшая посылка должна быть обязательно общей.
2. Меньшая посылка — только утвердительная.

2. **Вторая фигура.** Подразумевается следующее: что противоречит признаку вещи, то противоречит и самой вещи.

Пример:

Все рыбы (P) дышат жабрами (M).
Кашалоты (S) не дышат жабрами (M).

Кашалоты — не рыбы.

Модусы 2-й фигуры: **EAE, AEE, EIO, AOO**

Правила второй фигуры:
1. Бóльшая посылка должна быть только общей.
2. Одна из посылок — обязательно отрицательная.
3. Заключение всегда только отрицательное.

3. **Третья фигура.** Ее идея: Что противоречит некоторой вещи или присуще ей, то также присуще или противоречит некоторым вещам, содержащимся под другим признаком этой вещи.

Пример:

Все бамбуки (M) цветут один раз в жизни (P).
Все бамбуки (M) — многолетние растения (S).

Некоторые многолетние растения цветут один раз в жизни.

Модусы 3-й фигуры: **AAI, IAI, AII, EAO, OAO, EIO**

Правила третьей фигуры:
1. Меньшая посылка должна быть обязательно утвердительной.
2. Заключение — только частное.

4. **Четвертая фигура.** Она вполне уместна при умозаключениях от средств к цели.

Пример:

Все шары (P) суть круглые тела (M).
Ни одно круглое тело (M) не есть куб (S).

Ни один куб не есть шар.

Модусы 4-й фигуры: **AAI, AEE, IAI, EAO, EIO**

Правила четвертой фигуры:
1. Если бóльшая посылка в ней — утвердительное суждение, то меньшая — общее суждение.
2. Если одна посылка отрицательная, то бóльшая посылка — общая.

---

* **Мóдус** (*лат.* modus) — мера, образ, способ. Всего возможны 64 модуса (это число сочетаний из 4 /A, E, I, O/ по 3 /две посылки и один вывод/), но 45 из них противоречат правилам силлогизма. Поэтому возможны только оставшиеся (4 + 4 + 6 + 5 ← это кол-во модусов по фигурам) девятнадцать.

Правила силлогизма (7 правил):

Правила посылок:

1. Из двух отрицательных посылок вывод не следует.
2. При одной отрицательной посылке — вывод отрицательный.
3. Из двух частных посылок вывод не следует.
4. При одной частной посылке — вывод частный.

Правила терминов:

1. В каждом силлогизме должно быть только 3 термина.
2. Средний термин должен быть распределен хотя бы в одной из посылок.
3. Если крайние термины не распределены в посылках, то нельзя их распределять и в заключение.

I. В силлогизме должно быть не больше и не меньше трех суждений и трех терминов.

Ошибки:

Ласточка (S) — перелётная птица (P).
Акула (S) -- хищник (P).
?

◄ Вывода сделать нельзя, ибо терминов четыре: все термины разные и отсутствует средний (объединяющий посылки) термин.

Белóк (S) совершенно необходим для жизни (P).
Составная часть куриного яйца (S) — белок (P).
?

◄ Здесь вывод исключен, поскольку имеет место «учетверение термина»: четвертый термин выступает в качестве омонима (написание одинаково, а смысл разный: ну, например, слово «патрон» — оно может относиться к токарному станку и к электросети (в патрон вкручивают лампочку), может обозначать «шефа» и часть стреляющего предмета). Так и здесь: есть белок как часть куриного яйца и есть белок как элемент жизнедеятельности живых существ (т. е. протеин□).

II. Средний термин должен быть распределен хотя бы в одной из посылок.

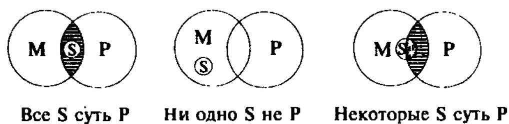
Ошибки:

Оранжерейные растения (P) любят тепло (M).
Эти растения (S) любят теплоту.
?

◄ Вывод невозможен, ибо в обеих посылках средний термин не распределен. Ну действительно: бóльшая посылка несовершенна по смыслу. Тепло любят не только оранжерейные растения. Другое дело сказать: «Некоторые растения, любящие тепло, помещаются в оранжереи».

Меньшая же посылка тоже малоинформативна. От того, что растение любит тепло, вовсе не значит, что быть ему непременно в теплице!

□ **Протеины** (*греч.* prōtos первый) — простые белки, основная составная часть всех клеток животных и растительных организмов, содержится также в тканевой жидкости и в крови. Протеины занимают одно из первых мест по количественному содержанию в организмах и являются необходимым веществом для их жизнедеятельности; состоят из углерода, водорода, азота, кислорода и серы; в некоторых имеется фосфор. К протеинам относятся альбумины, глобулины.

Средний термин никогда не входит в заключение, он обозначает понятие, которое содержится в посылках и тем самым связывает их между собой.

Термин **распределен**, если его объем целиком входит в объем другого термина или целиком исключается из него. Например: «Все люди, чтобы жить, должны дышать»; «Серная кислота не может использоваться в качестве заменителя крови».

Термин **не распределен**, если его объем лишь частично входит в объем другого термина или частично исключается из объема другого термина. Например: «Все отличники — школьники» (неверно: ибо отличниками могут быть и студенты, и производственники, и военнослужащие); «Ни один самолет — не рыба» (неверно: самолет не только не рыба, но и не дерево, и не планета Марс, и не Солнце...); «Некоторые летчики — шлемоносцы» (ну, тут вообще концов не найти: ведь шлемы носят и шахтеры, и участники сражений, и мотоциклисты. И потом: нести шлем можно и без всякой принадлежности к профессии — к примеру, в качестве покупки и т. д.).

Примеры (общий итоговый блок на силлогистику):

Силлогизм	Комментарий
Драгоценные металлы не ржавеют. Золото — драгоценный металл. **Золото не ржавеет.**	Вывод верный. Это модус **EAE** 1-й фигуры.
Все змеи едят яйца. Маленькие дети едят яйца. **Маленькие дети — змеи.**	Оба рассуждения ложны. Это 2-я фигура силлогизма, а во второй фигуре одна из посылок, а значит, и заключение должны быть отрицательными.
Все студенты сдают экзамены. Петров сдает экзамены. **Петров — студент.**	
Некоторые животные — пресмыкающиеся. Некоторые живые организмы — животные. **?**	Здесь тупиковый вариант заключения: по правилам силлогизма вывод из двух частных посылок невозможен.
Все классные комнаты нуждаются в проветривании. Эта комната — не классная. **Эта комната не нуждается в проветривании.**	Данное утверждение никого не убедит. Это 1-я фигура, а в первой фигуре меньшая посылка никак не может быть отрицательной.
Железо тонет в воде. Пароход — из железа. **Пароход тонет в воде.**	Вывод ложный, потому что в меньшей посылке имеет место софистический момент: «из железа» — не значит «железо»!
Все лебеди — белые. Эта птица есть лебедь. **Эта птица — белая.**	Вывод ошибочен, потому что лебеди бывают не только белые, но и черные.

∇ ◐ Если логика начинается с Аристотеля, то ее завершение, пожалуй, приходится на новейшее время. Безупречный абсурдизм и фейерверковые парадоксы Льюиса Кэрролла рубят просеку в новые измерения, как вот этот, к примеру, силлогизм И. Сильдмяэ:

Мужчина колол дрова топором. Топор был очень острым.
Колоть дрова было легко.

◑/

• Аристотель первым ввел в научный исследовательский обиход понятие «Tabula rasa» (чистая /выскобленная/ доска), сравнив первозданный, незамутненный впечатлениями ум с «дощечкой для письма»: пока на ней ничего не написано, ум ничего и не мыслит.

• Аристотель ввел понятие «эфира», или, как стали в дальнейшем говорить, «пятой сущности» (quinta essentia — квинтэссенция; впоследствии слово «квинтэссенция» по значению отошло от первоначального смысла и синонимировалось с фразой «главная сущность чего-либо»):

/ Согласно учению Аристотеля, наряду с четырьмя физическими элементами существует еще один — пятый по счету, — названный им «эфиром». /

• Излюбленный у Аристотеля пример несуществующего предмета — козлоолень. Изображения козлооленей встречаются на греческих вазах того времени.

• Закончил Аристотель свою жизнь трагически. Спасаясь от приговора антимакедонской партии — «смерть Аристотелю за оскорбление богов»,— он бежал из Афин, дабы избавить сограждан от вторичного, после смерти Сократа, преступления против философии. Самоизгнанник поселился в Халкиде на острове Эвбея, где вскоре и умер.

2. СУДЬБА

► **«Платон мне друг... но истину следует предпочесть».** / Знаменитое высказывание, приписываемое Аристотелю. Источник: «Жизнь Аристотеля» александрийского философа Аммония Саккаса (III век). /

► Старинные источники сообщают о такой истории в жизни Аристотеля и его юного ученика — царя Александра Македонского. Последний, во время своих походов в Азию, женился на уроженке Индии Филлиде и так сильно увлекся ею, что забросил все государственные дела.

Видя пагубность этой страсти для благополучия империи, Аристотель просит Филлиду оставить Александра. Филлида согласилась это сделать, но при условии, что Аристотель прокатит ее по комнате на своей спине, то есть станет «лошадкой». Не находя других путей решения проблемы, Аристотель уступает...

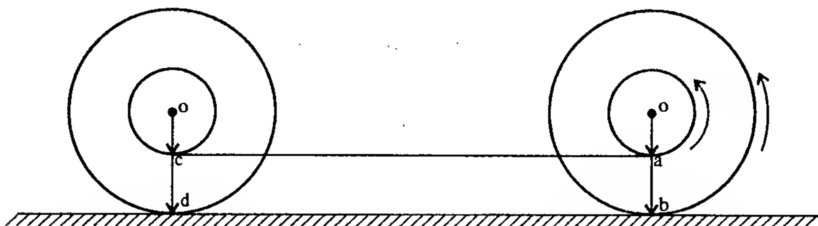

Скульптура из портале Лионского собора

В самый разгар «скачек» в комнату входит Александр и видит Филлиду верхом на философе. Смущенный Аристотель тогда и говорит Александру: «Вот видишь, если она такое вытворяет со мной, старым умудренным человеком, то можешь себе представить, во что она превратит тебя». Этого урока царю оказалось достаточно.

► Рассказывают, что Александр Македонский поначалу оказывал внимание и поддержку своему бывшему учителю. Так, есть указание, что он вручил Аристотелю сумму в 800 000 талантов. Это была огромная сумма, сравнимая, если брать близкие к сегодня аналоги, с двумя миллионами рублей в золотом исчислении 1913 года. Александр отдал в полное распоряжение Аристотеля несколько тысяч человек для приискания образцов животных, послуживших философу для его знаменитого описания животных.

► Аристотель придумал занятную мыслительную головоломку — в историю она вошла как «Аристотелево колесо» — о том, что любое малое равно любому большому. В качестве доказательства он приводил пример колеса, перемещающегося из одного места дороги в другое.

Смысл доказательства сводился к тому, что при полном обороте колеса полный оборот делают и условные окружности разного радиуса, образованные вращением точек «а» и «b».

Из рисунка с очевидностью вытекает, что пути «ас» и «bd» равны, но это противоречит факту, что длины окружностей радиусов «оа» и «оb» не одинаковы. Но ведь — и как здесь оспорить! — каждая точка окружности радиуса «оа» прошла тот же путь, что и каждая точка окружности радиуса «оb» при последовательном провороте колеса из позиции «справа» в позицию «влево».

► Когда некоего иезуитского профессора XVIII в. пригласили посмотреть в телескоп и убедиться, что на Солнце есть пятна, он ответил астроному Кирхеру: «Бесполезно, сын мой. Я два раза читал Аристотеля от начала до конца, и я не обнаружил у него никакого намека на пятна на Солнце. А следовательно, таких пятен нет».

► Существовала легенда, что Аристотель, не будучи в состоянии решить проблему сильных приливов и отливов в проливе Еврип, отделяющем остров Эвбея от Беотии, бросился в него.

► После смерти Аристотеля труды его сохранялись некоторое время в

пещере около дома, а потом были переданы в Александрийский музей. Правда, подлинные его рукописи туда не попали, а были те, что Сулла привез в Рим в качестве военной добычи и размножил в 70 г. до н. э. Так, после почти 200 лет забвения Аристотель вновь вошел в философию...

► **«Искать истину — и легко и трудно, ибо очевидно, что никто не может ни целиком ее постигнуть, ни полностью ее не заметить, но каждый добавляет понемногу к нашему познанию природы, и из совокупности всех этих фактов складывается величественная картина».**

/ Эти слова Аристотеля выгравированы на здании Национальной академии наук США в Вашингтоне. /

► **Цицерон:**

«Аристотель, безусловно, первый среди философов, кроме Платона».

► **Шарль де Голль** /(1890 — 1970), президент Франции, генерал/:

«Без глубины соображения, легкости синтеза и уверенности суждений профессиональные знания были бы напрасными уловками; те, кто обладает зародышами этих свойств, будут плохо развивать их, если будут применять их в одной только военной области. Сила ума требует разнообразия, которого нельзя найти в исключительных навыках определенной профессии. **Истинной школой командования является общая культура...** Не было ни одного знаменитого полководца, который не черпал бы своего искусства из сокровищницы человеческого разума. В основе побед Александра Македонского мы всегда в конце концов находим Аристотеля...»

3. УЧЕНИЕ

♦ Должен ли человек философствовать? Либо должен, либо не должен. Если должен, то вопросов, как говорится, нет; всё и так понятно. Если же человек не должен философствовать, то он должен хотя бы для обоснования этого положения (то есть того, что «не должен») пофилософствовать. Вывод прост и непреложен: человек должен философствовать в любом случае.

♦ Философия начинается с удивления.

♦ Видя каждый день, как Солнце обходит небесный свод, а ночью — стройное движение других светил, нельзя не счесть, что существует некий бог, виновник этого движения и стройности.

♦ То, чем является для корабля рулевой, для колесницы — возничий, для песни — запевала, для войска — полководец и для государства — закон, это самое для мира есть бог.

♦ Ясно, что существует некоторая сущность, вечная, неподвижная и отделённая от чувственных вещей... бог есть живое существо, вечное, наилучшее, так что жизнь и существование, непрерывное и вечное, есть достояние его; ибо вот что такое есть бог.

♦ Боги и природа ничего не создают напрасно.

♦ Поскольку в существующем одно лучше другого, следовательно, имеется и нечто наилучшее, что нужно считать божественным.

♦ Бог наполнил Целое, создав в нем непрерывное становление.

♦ Одна и та же истина возникает в человечестве не однажды, но бесконечное число раз.

♦ Бог — это разум, который мыслит сам себя... и мысль его есть мышление о мышлении.

♦ ...Когда кто-нибудь врачует сам себя, на такого человека похожа природа.

♦ Природа есть некое начало и причина движения и покоя для того, чему она присуща первично, сама по себе, а не по случайному совпадению.

♦ Если бы существовали многие миры, то должны были бы существовать и многие первичные двигатели, что невозможно.

♦ Материя /ὕλη/ (hē hylē) есть тот самый субстрат, что лежит в основе всякого возникновения.

♦ Суть бытия имеется в тех предметах, словесным выражением которых является определение.

♦ У Платона всё множество вещей существует в силу приобщения к одноимённым сущностям, но самоё приобщение или подражание идеям, что оно такое — исследование этого вопроса было оставлено в стороне.

/ ♦ ...Идей... в той форме, как это утверждают некоторые, не существует.

♦ В учении об идеях выводы пришли в столкновение с началами.

♦ ...Как могут идеи, будучи сущностями вещей, существовать отдельно от них?

♦ Ведь покажется, пожалуй, невозможным, чтобы врозь находились сущность и то, чего она есть сущность.

♦ У сущности одно и то же значение и в здешнем мире, и в тамошнем. Иначе какой еще может иметь смысл говорить, что есть что-то помимо здешних вещей, — единое, относящееся ко многому? И если к одному и тому же виду (группе) принадлежат идеи и причастные им вещи, тогда между ними будет нечто общее... Если же здесь не один и тот же вид бытия, то у них было бы только имя общее и было бы похоже на то, как если бы кто называл человеком и Каллия и кусок дерева, не усмотрев никакой общности между ними.

♦ Говорить, что эйдосы (*греч.* εἶδος — вид, образ) — образцы и всё чувственное им причастно, — значит пустословить и говорить поэтическими иносказаниями.

♦ А есть ли эйдосы для сотворённых человеком вещей — кольца́ или до́ма? Нет, для них нет эйдоса... /

♦ Под элементом тел будем понимать то, на что разлагаются остальные тела и что само не делимо на качественно иные части.

♦ Ни что не делается случайно, но для всего, возникновение чего мы приписываем самопроизвольности или случаю, имеется некая определенная причина.

♦ Ощущение есть то, что способно принимать форму чувственно воспринимаемых предметов без их материи, подобно тому, как воск принимает оттиск печати без вбирания в себя железа и без заимствования золота.

/ ♦ Это тем более станет понятно, если учесть, что ведь и ка-

мень, который мы видим, в душе не находится, а есть там только форма его. /

◐ Вряд ли данный образ адекватен. Ведь оттиск печати — пусть он и не золотой, но круглый, как и она. Ощущения посложнее будут: ложка в стакане с чаем видится всё же изломанной, а четырехугольная башня издали кажется цилиндрической... Здесь более бы подошло отражение ветра в воде: зыбкость, волны, растекание — и вызваны им, да не он. ◑

♦ Имеется первое начало.

♦ Быть единым — это именно значит существовать как данная отдельная вещь.

♦ Я определяю ум как то, чем душа мыслит и постигает. Поэтому немыслимо уму быть связанным с телом. Ведь в таком случае он оказался бы обладающим каким-нибудь качеством — холодным или теплым — или каким-нибудь органом, подобно способности чувственного восприятия; в действительности же он ничем таким не является. В связи с этим правильно говорят те, кто утверждает, что душа есть местонахождение форм (идей), с той оговоркой, что не вся душа, но только разумная, и охватывает она идеи не в их действительной наличности, а потенциально.

♦ Начало, которым должен владеть всякий, кто постигает какую-либо вещь, такое начало не гипотеза; а то, что необходимо знать человеку, если он познаёт хоть что-нибудь, это он должен иметь в своем распоряжении с самого начала. Таким образом, ясно, что начало, обладающее указанными свойствами, есть наиболее достоверное из всех. А теперь укажем, что это за начало. Вот оно: невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле.

♦ Знание общего — мыслимо, знание же частичное исчерпывается ощущением.

♦ А теперь рассмотрим наиболее трудный и особенно настоятельно требующий рассмотрения вопрос... Если ничего не существует помимо отдельных вещей, а таких вещей беспредельное множество, — тогда как возможно, однако же, достичь знания о том, что беспредельно? Ведь мы познаём все вещи постольку, поскольку они некоторым образом представляют одно и то же и поскольку существует что-нибудь всеобщее.

Если помимо единичных вещей ничего не существует, тогда, можно сказать, нет ничего, что постигалось бы умом, а всё подлежит восприятию через чувства, и нет науки ни о чем, если только не называать наукой чувственное восприятие. Далее, в таком случае ничего нет ни вечного, ни неподвижного, ибо всё чувственное преходит и находится в движении.

Но если нет ничего вечного, тогда не может существовать и процесса возникновения: в самом деле, в этом случае должно быть что-то и то, что возникает, и то, из чего оно возникает, и последний член в этом ряду не должен подлежать возникновению, раз процесс восхождения к более раннему началу останавливается, и из небытия возникнуть невозможно.

Кроме того, если существует возникновение и движение, то должен быть и предел; в самом деле, ни одно движение не беспредельно, но у всякого есть цель; и не может находиться в процессе возникновения то, что не способно в конце концов возникнуть; а то, что возникло, необходимо должно иметь законченное бытие, как только оно возникло.

Далее, если материя существует именно потому, что она не рождается, тогда еще гораздо более обоснованно, чтобы существовала сущность — то, чем материя становится: в самом деле, если не будет ни сущности, ни материи, тогда не будет ничего вообще; а если это невозможно, тогда должно существовать что-то помимо составного целого — именно образ и форма. Но если и принять это начало, то возникает затруднение, по отношению к каким вещам принять его и по отношению к каким — нет. Что этого нельзя сделать по отношению ко всем предметам — очевидно: мы не можем ведь принять, что есть некий дом вообще наряду с отдельными домами.

♦ Невозможно, чтобы движение возникло или уничтожилось.

♦ Софистика и диалектика занимаются той же областью, что и философия, но эта последняя отличается от диалектики по характеру своей способности, а от софистики — по избранному ею образу жизни. Диалектика только делает те или другие попытки в отношении тех объектов, которые познаёт мудрость, а софистика — это мудрость мнимая, а не действительная.

♦ Не до́лжно высказывать противоположные мнения об одном и том же.

/ За это представление Аристотеля подверг дерзкой критике Гегель: мол, Аристотель ошибается, считая, что правильное рассуждение должно исключать противоречие.

◐ Но при чем здесь Аристотель? И в чем он не прав?! В том, что не знал о Гегеле?

И потом, если Гегель прав в том, что допускает противоречие как необходимую обязательность, то он должен излагать любую систему, **включая Аристотеля**, а не исключая его: ведь, следуя логике Гегеля, противоречие — это сосуществование **разно**родного.

И вывод из этой исторической коллизии непреложен и ясен, даже главенствен:

> Прав и правилен тот, кто высказывается многопланово, с элементами противоречивости себе, — тогда рисуемая им картина истины п о л н е е.

◑/

♦ Кто полагает душу и не бестелесной и не телом, те поступают прекрасно, ибо она не есть тело, но всё же есть нечто от тела.

♦ Душа есть как бы рука: как рука есть орудие орудий, так и ум — форма форм, ощущение же — форма ощущаемого.

♦ Душу от тела отделить нельзя.

♦ Кроме того, не ясно, не относится ли душа к своему телу, как корабельщик* к своему судну?

---

* *Греч.* χυβερνήτης — кормщик, рулевой; *букв.* огласовка — к и б е р н е т и к.

/ ♦ Корабельщики... Ведь эти не так движутся, как судно; оно движется само по себе, те же — поскольку они находятся на движущемся. /

♦ ...Невозможно, чтобы время существовало и мыслилось без «теперь», а «теперь» есть какая-то середина, включающая в себя одновременно начало и конец — начало будущего и конец прошедшего...

♦ Ясно, что во всяком случае есть некоторое начало и причины вещей не бесконечны — ни в прямом последовательном ряду, ни по виду (эйдосу).

♦ Всё нуждается в противовесе, чтобы достичь меры и середины, ибо в этом заключается сушность и правильное соотношение...

♦ Вечное движение необходимо вызывается тем, что вечно.

♦ Существует что-то, что вечно движется безостановочным движением, а таково — движение круговое.

♦ Так как всё движущееся необходимо должно приводиться в движение чем-нибудь, то необходимо признать существование первого двигателя, который не приводится в движение ничем другим и является неподвижным.

/■■■ Эту мысль хорошо выразил в XX в. австрийский философ Людвиг Витгенштейн (1889 — 1951), изящно переложив ее по-своему: «Чтобы дверь двигалась, петли должны быть неподвижны». ■/

♦ Мышление и мыслимое — одно и то же, и оба они лишены материи.

♦ Форма (μορφαί) стоит впереди материи (ὕλη) и есть нечто, в большей мере существующее.

♦ Под материей я разумею, например, медь; под формою — очертание образа; под тем, что состоит из обеих, — статую, или целое.

♦ Природа субстрата постижима лишь по аналогии. А именно, в каком отношении находится медь к статуе или дерево к ложу... в таком же отношении находится субстрат к сущности, конкретной предметности и существующему.

♦ Природное и человеческое... Если бы мы закопали деревянное ложе в землю и смогли бы сделать так, чтобы оно проросло, то из него выросли бы не новые ложа, а дерево.

♦ Природа (φύσις) устроила так, что и физическая организация свободных людей отличается от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов, свободные же люди держатся прямо и не способны для выполнения подобного рода работ; зато они пригодны для политической жизни...

4. МЫСЛИ

◪ Философия, или любомудрие, заключает в себе удовольствия, удивительные по чистоте и неколебимости, и, разумеется, обладающим знанием проводить время в созерцании доставляет больше удовольствия, нежели тем, кто знания ищет.

◪ Кто проявляет себя в деятельности ума и почитает ум, видимо, устроен наилучшим образом и более всех любезен богам.

◪ Нам хорошо иногда, богу — всегда.

◪ Бог свободен от добродетели и от порока.

- Метафора — это отличительный признак гения, ибо способность образовать хорошую метафору есть способность распознать сходство.
- Блаженство состоит в душевной деятельности, сообразной с добродетелью.
- Выдающаяся душа не чужда безумия.
- Избегай неумеренности и в стремлении к славе, и в отклонении от нее.
- Всякий в состоянии гневаться, и это легко, так же и выдавать деньги и тратить их, но не всякий умеет и нелегко делать это по отношению к тому, к кому следует, и насколько и когда следует, и ради чего и как следует.
- Женщина — это увечный от природы изуродованный мужчина.
- Можно ли назвать счастливым того, чье потомство презренно?
- Тот, кто находит удовольствие в уединении, либо дикий зверь, либо бог.
- Справедливость есть приобретенное свойство души, в силу которого люди становятся способными к справедливым действиям и в силу которого они поступают справедливо и желают справедливости.
- Не хорошо многовластье: один да будет властитель.
- Всякая добродетель есть среднее место между противоположными крайностями.
- Наблюдая за достойным человеком, судят о нем по его делам, поскольку иначе невозможно обнаружить, какому выбору он следовал. А если бы можно было непосредственно видеть совесть человека и его стремление к прекрасному, то его сочли бы добродетельным и без дел.
- Эгоизм заключается не в любви самого себя, а в бóльшей, чем дóлжно, степени этой любви.
- Гнев есть зверообразная страсть по расположению духа, способная часто повторяться, жестокая и непреклонная по силе, служащая причиною убийств, союзница несчастия, пособница вреда и бесчестия.
- Люди честолюбивые более завистливы, чем люди без честолюбия.
- Не следует страшиться ни бедности, ни болезней, ни вообще того, что бывает не от порочности и не зависит от самого человека.
- Скромность — середина между бесстыдством и стеснительностью.
- Тверже тот, кто побеждает желания. Лишь тот смел и храбр, кто себя одолевает.
- Хотя мы смертны, мы не должны подчиняться тленным вещам, но, насколько возможно, подниматься до бессмертия и жить согласно с тем, что в нас есть лучшего.
- Того, кто опасается обладать каким-либо благом, нельзя считать нравственно прекрасным. Хорош и прекрасен тот, для кого всё хорошее хорошо, и его не портят такие вещи, как, например, богатство, власть.
- Мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире.
- Совесть — это правильный суд доброго человека.
- Дела добродетели невозможно делать, не страдая или не наслаждаясь при этом.
- Кто двигается вперед в науках, но отстаёт в нравственности, тот более идет назад, чем вперед.

- Совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определенных этических качеств, а именно человеком достойным.
- Человек, достигший полного совершенства, выше всех животных; но зато он ниже всех, если он живет без законов и без справедливости. Действительно, нет ничего чудовищнее вооруженной несправедливости.
- Не цель бывает предметом решения, а средства к цели...
- У кого есть друзья, у того нет друга.
- Воспитание — лучший припас к старости.
- Уничтожение одного есть рождение другого.
- Счастливы камни, из которых сложены жертвенники, потому что их чтят, между тем как их сотоварищи попираются ногами.
- Что́ человек есть в возможности, его творение являет в действительности.
- Для обладания добродетелями знание значит мало или вовсе ничего.
- Начало — это, по всей видимости, больше половины всего дела...
- Всякий любит собственное творение больше, чем оно, оживши, полюбило бы его.
- Серьезное разрушается смехом, смех — серьезным.
- Худший не тот, кто порочен по отношению к себе, но тот, кто порочен по отношению к другим; лучший же не тот, кто добродетелен по отношению к себе, но по отношению к другим.
- На вопрос, как ученикам преуспеть, Аристотель ответил: «Догонять тех, кто впереди, и не ждать тех, кто позади».
- Когда у него поинтересовались, почему нам приятно водиться с красивыми людьми, он сказал: «Кто спрашивает такое, тот слеп».
- Надежда — это сон наяву.
- Корни учения горьки, но плоды сладки.

Аристотель никогда не называл свою философию метафизикой. Вообще, в его времена такого слова не было. Этот неологизм нечаянно «придумал» в I в. до н. э. хранитель Александрийской библиотеки Андроник Родосский. Расставляя по полкам свитки рукописей Аристотеля, он поместил сначала «книги», трактующие о природе, а затем те, что исследуют высшие принципы. «После» по-гречески — «мета». «Мета» за физикой («фюзик» по-гречески — природа) — получилась «метафизика»*. Вроде бы случайность, а какой великой оказалась судьба слова.

* Μετὰ τὰ φυσιϰά (*греч.*) — по ту сторону физики.

Мэн-цзы

IV – III вв. до н. э.

Мэн Кэ

• Древнекитайский философ

Родился: ок. 372 г. до н. э.
Умер: 289 г. до н. э.

Прожил ≈ 83 года

> **«Я принадлежу к людям Неба».**
> *(Мэн-цзы)*

■ **«Когда человек умеет делать то, чему не учился, — это хорошее умение; когда человек знает то, о чем не думал, — это хорошее знание».** *(Мэн-цзы)*

■ **«Человеколюбие, долг, правила поведения, знания вливаются в нас не извне, а всегда присущи нам».** *(Мэн-цзы)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в царстве Лу, на территории современной провинции Шаньдун.
• Его фамилия Мэн, его имя Кэ.
• Был учеником Цзы Сы, внука Конфуция.
• Разработал 12 принципов успешного правления.
• Много странствовал по царствам Китая в надежде попасть на государственную службу и получить возможность на практике осуществить свои идеи государственного управления.
• Короткое время был советником в царстве Ци.
• После тщетных попыток внедрить в жизнь идеи «человечного» правления вернулся на родину, в Лу. Предпринимает шаги по распространению своих взглядов через свою школу, учеников, книги.
• **Главное сочинение Мэн-цзы:**
«Мэн-цзы».

2. СУДЬБА

► **Людвиг Фейербах** /(1804 – 1872), немецкий философ/: «Мэн-цзы величайший после Конфуция философ Китая».
(*О спиритуализме и материализме...*, 1863 – 1866 гг.)

3. УЧЕНИЕ

Принципы успешного управления

1 ♦ **Управление на основе добродетели**

♦ Если правитель государства человеколюбив, для него нет противников в Поднебесной.
♦ Подчинение людей силой не приводит к подчинению сердец, люди

подчиняются из-за недостатка в силах; подчинение людей добродетелью вызывает радость в сердцах, и люди изъявляют настоящую покорность.

♦ Совершенномудрые, управляя Поднебесной, стремятся, чтобы имелись бобы и просо в таком же количестве, в каком имеется огонь и вода... и разве тогда кто-нибудь из народа окажется нечеловеколюбивым?

♦ Благородный муж понимает долг, низкий понимает выгоду.

/■■■ Мэн-цзы был принят лянским правителем Милостивым. Ван[23] сказал: «Отец! Вы приехали ко мне, не посчитавшись с расстоянием в тысячу *ли* [это около 500 км], вероятно, чтобы принести пользу моему царству?»

Мэн-цзы отвечал: «Ах, ван! Зачем непременно говорить о пользе? Ведь достаточно *жэнь*[24] и долга! Ван скажет: «Как принести пользу царству?» Дафу [т. е. сановник] скажет: «Как принести пользу семье?» Простые люди и *ши*[25] скажут: «Как извлечь пользу для себя?» Верхи и низы втянутся во взаимную борьбу за выгоду, и государство окажется в опасности... Если на первом месте будет выгода, а долг — на последнем, то борьба никогда не кончится. Не будь *жэнь*, все оставили бы своих родичей; не будь долга, все забыли бы о своем правителе. Ах, ван! Зачем непременно говорить о выгоде?» ■/

2 ♦ **Установление имущества для народа**

♦ Что касается народа, то, не имея постоянного имущества, он не обладает из-за этого постоянными чувствами и, поскольку не обладает постоянными чувствами, распускается, становится безнравственным и творит всё что захочет.

3 ♦ **Уважение мудрых и использование способных**

♦ Если уважать мудрых и использовать способных, на постах окажутся выдающиеся мужи.

♦ Даже простолюдин может приобрести Поднебесную, если обладает такими же добродетелями, как мудрецы Яо и Шунь, или если его рекомендует Сын Неба.

4 ♦ **Снижение налогов и податей**

♦ Взимаются налоги в виде полотна и веревок, взимаются налоги в виде проса и риса, отбываются трудовые повинности. Из перечисленных трех видов поборов можно использовать только один, а второй следует смягчить, нельзя одновременно использовать и второй вид поборов, тем более нельзя прибегать к третьему, так как это доведет до голодной смерти, а отцы и дети окажутся разъединенными.

♦ Если высшие и низшие будут наперебой стремиться к выгоде, государство окажется в опасности.

5 ♦ **Использование народа, не отрывая его от дел**

♦ Если использовать народ, не отрывая его от дел, то, хотя народ и будет трудиться, он не станет роптать; если убивать народ ради сохранения жизни других, то, хотя и будут убитые, народ не станет роптать на убийц.

♦ Когда склады и амбары заполнены, тогда знают, что такое правила

поведения и долг; когда одежды и пищи достаточно, тогда знают, что такое почет и позор.

6 ♦ **Приобретение сердец народа**

♦ Приобретение народа означает приобретение Поднебесной. Приобретение народа означает приобретение сердец народа. Для приобретения сердец народа существует путь — собирать всё, что хочет народ, и отдавать ему, не осуществлять ничего, чего не любит народ.

/■■■ Любопытен отголосок, который найдет этот принцип Мэн-цзы уже в другой стране — в России, аккурат через два тысячелетия:

Императрицу Екатерину II (1729 – 1796, на троне с 1762 г.) один иностранный посол как-то спросил: «Как Вы, Ваше Величество, добиваетесь того, что Ваши непослушные дворяне Вас всегда слушаются?» — «Я никогда не заставляю их делать то, что им невыгодно», — ответила государыня. ■/

7 ♦ **Ценить народ**

♦ Наиболее ценным является народ, за ним следуют ду́хи земли и злаков, правители же занимают незначительное место.

♦ Правители владений имеют три драгоценности: землю, народ и дела управления.

8 ♦ **Проявлять уважение к уважаемым**

♦ Осуществлять управление нетрудно — нельзя гневить влиятельные дома.

♦ Кто трудится умом, тот управляет людьми; кто трудится силой, тот подлежит управлению; те, кем управляют, кормят; те, кто управляет людьми, кормятся от людей.

9 ♦ **Не допускать утраты доброй природы человека**

♦ В неурожайный год многие сыновья и младшие братья становятся жестокими. Такое различие происходит не от тех природных качеств, которые дало им Небо, а потому, что голод вынудил их сердца погрузиться в зло.

10 ♦ **Подгонять народ в направлении к добру**

♦ Если человек делает недоброе, в этом не вина его природных качеств.

♦ Гао-цзы[26] как-то сказал: «Природа человека подобна иве, а справедливость подобна чаше. Воспитать в человеке человеколюбие и справедливость — это всё равно что из ивы сделать чашу».

Мэн-цзы на это заметил: «Можете ли вы, оставив нетронутой иву, сделать из нее чашу? Вы должны сначала срубить иву, а затем сделать из нее чашу. И если надо срубить иву, чтобы сделать чашу, то в таком случае также нужно нанести ущерб человеку, чтобы воспитать в нем человеколюбие и справедливость. Ваши слова приведут к тому, что все люди Поднебесной будут считать человеколюбие и справедливость бедствием».

Но у Гао-цзы был припасен еще один аргумент: «Природа человека подобна бурлящему потоку воды: откроешь ему путь на восток — потечет на восток, откроешь ему путь на запад — потечет на запад.

Природа человека не разделяется на добрую и недобрую, подобно тому как вода в своем течении не различает востока и запада».

Мэн-цзы и на это ответил возражением: «Вода действительно не различает востока и запада. Но разве она не различает, где верх и где низ? Стремление природы человека к добру подобно стремлению воды течь вниз. Среди людей нет таких, которые бы не стремились к добру, так же как нет такой воды, которая не стремилась бы течь вниз. Если ударять по воде и приводить ее в движение, можно заставить ее подняться выше лба. Если же устроить преграду и приводить воду в движение, то можно заставить ее подняться в гору. Но разве это зависит от природы воды? Сила привела к этому. Человека можно побудить делать недоброе, но его природа подобна природе воды».

♦ Человек от природы добр.

11 ♦ **Искать утерянное созианием**

♦ Путь образования лишь один — искать утерянное сознанием, и только.

♦ Следуя главному (внутреннему сознанию), становишься бо́льшим человеком; следуя второстепенному (т. е. тому, чего желают глаза и уши), становишься мелким человеком.

12 ♦ **Помнить о справедливости**

♦ На вопрос: «Что понимать под чувством справедливости?» Мэн-цзы ответил: «Об этом трудно рассказать. Это чувство весьма велико и чрезвычайно прочно. Когда его воспитывают и не наносят ему ущерба, то оно наполняет всё между небом и землей... Пусть разум не забывает об этом чувстве, но не помогает его росту. Не надо быть похожим на жителя царства Сун. Этот человек, озабоченный тем, что его всходы не растут, стал тянуть их. Вернувшись утомленным, он сказал своим домашним: «Я устал сегодня: помогал всходам расти». Его сын побежал посмотреть и увидел, что всходы завяли. В Поднебесной мало людей, которые бы не помогали расти всходам. Те, кто считает воспитание чувства справедливости ненужным и уклоняется от этого, подобны тем, кто не обрабатывает всходов. Те же, кто помогает его росту, подобны тем, кто тянет всходы».

4. МЫСЛИ

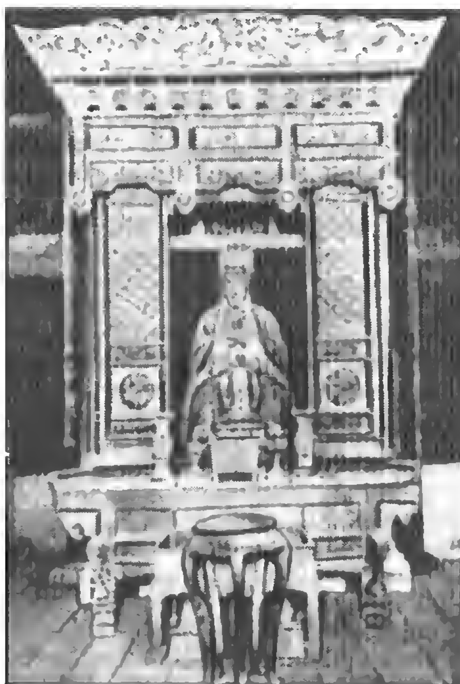
❑ Небо и человек едины, вовсе не разделимы и не обособляемы.

❑ Если нет совершающих, а нечто совершается — это естественность (Небо). Если нет доводящих до конца, а нечто доходит до конца — это Предопределение.

❑ Нет ничего, что не было бы предопределено, но следует воспринимать только правильное предопределение. Поэтому знающий предопределение не станет под нависшей и готовой рухнуть стеной. Умереть, исчерпав свое *дао*, это правильное предопределение. Умереть же в колодках и оковах преступника — не есть правильное предопределение.

❑ Все люди обладают не выносящим чужого страдания сердцем. У всякого человека, вдруг увидевшего ребёнка, готового упасть в колодец, будет испуганное и страшащееся, соболезнующее и сострадающее сердце. И это происходит не из-за внутренней близости с родителями ре-

бенка, не из-за желания иметь хорошую репутацию среди соседей и друзей и не из отвращения к тому, что ребенок разразится воплями. Отсюда видно, что не имеющий соболезнующего и сострадающего сердца — **не человек**, не имеющий стыдящегося за себя и негодующего на другого сердца — **не человек**, не имеющий отказывающего себе и уступающего другому сердца — **не человек**. Соболезнующее и сострадающее сердце — начало гуманности, стыдящееся за себя и негодующее на другого сердце — начало справедливости, отказывающее себе и уступающее другому сердце — начало благоприятности, утверждающее и отрицающее сердце — начало разумности. Человеку принадлежат эти четыре начала, так же как ему принадлежат четыре конечности.

Алтарь Главного храма, воздвигнутого в честь Мэн-цзы

Чжуан-цзы

IV – III вв. до н. э.

• Древнекитайский философ, мудрец

Родился: ок. 369 г. до н. э.
Умер: 286 г. до н. э.

Прожил ≈ 83 года

> **«Немногое известное человеку не сравнить с тем, что ему не известно, и краткое время его жизни не сравнить со временем его небытия. Поэтому тот, кто при помощи крайне малого пытается определить пределы крайне великого, непременно впадает в заблуждение».**
>
> *(Чжуан-цзы)*

■ **«Ловушка нужна для ловли зайцев. Поймав зайца, забывают про ловушку. Слова нужны, — чтобы поймать мысль: когда мысль поймана, про слова забывают. Как бы мне найти человека, забывшего про слова, — и поговорить с ним!»** *(Чжуан-цзы)*

1. ЖИЗНЬ

• Фамилия Чжуан, имя Чжоу.
• Родился в уезде Мэн во владении Сун.
• Сначала служил мелким чиновником, а затем покинул службу и жил в уединении.
• Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он маленькая бабочка, весело порхающая среди цветов. Проснувшись, философ не мог решить, Чжуан-цзы ли он, видевший во сне, что он — бабочка, или же он — бабочка, которой снится, что она — Чжуан-цзы?
• Учение Чжуан-цзы многим (и современникам его, и позже) казалось философией неудачников.
• **Сочинение Чжуан-цзы:**
«Чжуан-цзы» (из этой книги до нас дошли 33 главы).

2. СУДЬБА

► Чжуан-цзы ловил рыбу в реке Пу. Чуский правитель направил к нему двух сановников дафу с посланием, в котором говорилось: «Хочу возложить на Вас бремя государственных дел». Чжуан-цзы, не отложив удочки и даже не повернув головы, сказал: «Я слышал, что в Чу имеется священная черепаха, которая умерла три тысячи лет тому назад. Правители Чу хранят ее, завернув в покровы и спрятав в ларец, в храме предков. Что предпочла бы эта черепаха: быть мертвой, но чтобы почитались оставшиеся после нее кости, или быть живой и волочить хвост по грязи?»

Оба сановника ответили: «Предпочла бы быть живой и волочить хвост по грязи».

Тогда Чжуан-цзы сказал: «Уходите! Я тоже предпочитаю волочить хвост по грязи».

► ...Подходя к Чу, Чжуан-цзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший форму. Чжуан-цзы ударил по черепу хлыстом и обратился к нему с вопросом:

— Довела ли тебя до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого недобрые дела, опозорившие отца и мать, жену и детей, или муки голода и холода? Довели ли тебя до этого многие годы жизни? — Закончив свою речь, Чжуан-цзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп привиделся ему во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя мучений живого человека. После смерти его нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Хочу, — ответил Чжуан-цзы.

— Для мертвого, — сказал Череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуан-цзы сказал:

— А хочешь, я велю Ведающему судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп вгляделся в него, сурово нахмурился и ответил:

— Разве захочу сменить царственное счастье на человеческие муки!..

► Чжуан-цзы лежал при смерти, и ученики задумали устроить ему пышные похороны.

— К чему это? — сказал Чжуан-цзы. — Гробом моим будет земля, саркофагом — небо; нефритовыми бляхами — солнце и луна, жемчужинами — звезды, и всё живое — погребальным шествием; разве не всё уже готово для моих похорон?

— Мы боимся, — отвечали ученики, — чтоб вас не расклевали вороны и коршуны.

— На земле, — сказал Чжуан-цзы, — расклюют вороны и коршуны, под землей — сожрут муравьи и медведки. Так стоит ли отнимать у одних — чтоб отдать другим?

► ◐ *В книге «Чжуан-цзы» есть один весьма любопытный эпизод* ◑:

«Прогуливаясь к северу от реки Красной, Желтый Предок[27] поднялся на вершину горы Хуньдун, а возвращаясь, загляделся на юг и потерял свою Черную Жемчужину. Он послал Знание отыскать ее, но оно не нашло; послал Зоркого, но и тот не нашел; послал Красноречивого, и тот не нашел; послал Всё Забывающего, и этот отыскал.

— Удивительно, — воскликнул Желтый Предок, — что нашел ее тот, кто всё теряет!»

∇ ◐ Мне думается, что Чжуан-цзы осторожно и верно нащупывает глу-

бинные, коренные, предопределяющие основания мира. Подмеченное им — из таких. Ведь еще Лао-цзы почему-то упорно называл настоящего мастера «глупцом». Рассматривать противоположное *не как обратное* и не как иное самого себя, а как **невидимое наличествующее** (не появляющееся, не последовательно ступающее, а вечно пребывающее наряду и рядом, потóм и теперь, дальше и одновременно [образ для понимания — элементики раскрытого веера: они отстоят друг от друга; сложенные, они не видны, хотя и есть; самый дальний всегда «дальний» лишь относительно и условно]) — это и есть признак подлинного ума и великой мудрости.

Я это так говорю, потому что убежден, что миру присущ «**закон сатанинской диалектики**». Согласно ему, любая из человеческих затей и любое из начинаний будут по результату диаметральны и очень-очень в стороне от преднамерений. Поэтому, легче попасть в цель, если не будешь целиться, найдешь, если не станешь искать, получишь, если не жаждешь заиметь и т. д.

Часто слышишь, что-де «дуракам везёт», что кто-то «играючи» всего добивается, что один, работая в поте лица своего, имеет нулевое признание, а другому, ничего не делающему и к стараниям не причастному, всё почему-то само достаётся.

Что тут скажешь?! Люди могут думать что им уголно и, конечно же, стенать и сетовать. Но круглое не станет от этого квадратным, и мир не перестанет быть тем, **чтó** он есть. Коль скоро мирозданию присущи **его** законы, нам, в него входящим и в нем живущим, их надо знать и суметь с ними сжиться, включая и ужиться. ◑

3. УЧЕНИЕ

● Философская позиция

♦ Нет вещи, которая бы не была той, и нет вещи, которая бы не была этой.

♦ Противостояние «этого» и «того» относительно: «то» возникает из «этого», а «это» зиждется на «том».

♦ В Поднебесной есть две великие заповеди: одна — судьба, другая — справедливость.

♦ «Свирель земли создается всеми ее отверстиями, как свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель Вселенной?» — обратился некто к Чжуан-цзы. «В ней звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил философ. — Все вещи звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?!»

♦ Споры об истинном и ложном лишены всякого смысла и похожи на спор обезьян из известной притчи («Человек, содержавший обезьян, както сказал им: «Утром я буду давать вам три *шэна* каштанов, а вечером четыре». Услышав это, обезьяны рассердились. Тогда он сказал: «В таком случае я буду утром давать вам четыре, а вечером три *шэна*». Услышав это, обезьяны обрадовались».), когда ни название, ни сущность не пострадали, но вызвали и радость, и гнев.

♦ Если человек спит в сыром месте, у него разболится поясница и половина тела отнимется от паралича, но разве так происходит и с рыбой-

гольцом? Когда человек взбирается на дерево, он дрожит от страха и робеет, но разве так происходит с обезьяной? Кто из трех — человек, голец и обезьяна — знает, где подходящее место для жизни? Человек ест говядину, баранину, свинину, олени питаются травой, сколопендры любят пожирать змей, а совы и вороны лакомятся мышами. Кто из них может знать, что самое вкусное на свете?

♦ Если оба мы, я и вы, не можем знать, кто прав, кто может установить это? Допустим, мы позовем лиц, придерживающихся того же мнения, что и вы, определить, кто прав, но как, сходясь с вами во мнениях, они могут решить этот вопрос? Если позвать лиц, разделяющих мое мнение, то, разделяя мое мнение, как они могут принять решение? Если позвать лиц, не разделяющих ни моего, ни вашего мнения, то, не разделяя наших мнений, как они примут решение? Если позвать лиц, разделяющих наши мнения, то, разделяя наши мнения, как они могут принять решение? Итак, ни я, ни вы, ни другие лица не могут знать, кто прав, а кто не прав; кого же нам еще ждать?

♦ Чжуан-цзы и Хуй Ши прогуливались по мосту через реку Хао. Чжуан-цзы сказал: «С каким наслаждением эти ельцы играют в воде — в этом удовольствие рыб».

«Ты ведь не рыба, откуда тебе знать, в чем ее удовольствие?» — заметил Хуй Ши.

«Ты ведь не я, — возразил Чжуан-цзы, — откуда тебе знать, что я не знаю, в чем удовольствие рыбы?»

«Я действительно не ты, — согласился Хуй Ши, — и, безусловно, тебя не знаю; однако ты, несомненно, не рыба и ни в коей мере не можешь знать, в чем ее удовольствие».

На это Чжуан-цзы ответил: «Вернемся, пожалуйста, к началу нашего спора. Ты сказал мне такие слова: «Откуда тебе знать, в чем удовольствие рыбы?» Это значит, что ты уже знал, что я знаю это, и поэтому спросил меня. А я это узнал во время нашей прогулки над рекой Хао».

♦ В одной из притч «Чжуан-цзы» описание полной трансформации личности в плане даоского идеала сводится к поэтапному забвению (отчуждению) различных сфер оформленного бытия. Обладающая **«путем мудрого»** женщина рассказывает о том, как она могла бы обучить некоего Бу, имеющего соответствующие способности, но еще не постигшего этого «пути»: «Я бы лишь его удерживала и ему говорила, и через три дня он сумел бы познать отчужденность от Поднебесной. После того как он познал бы отчужденность от Поднебесной, я бы снова его удерживала, и через семь дней он сумел бы познать отчужденность от вещей. После того как он познал бы отчужденность от вещей, я бы снова его удерживала, и через девять дней он сумел бы познать отчужденность от жизни. Познав же отчужденность от жизни, он был бы способным стать ясным, как утро. Став ясным, как утро, сумел бы увидеть единое. Увидев единое, забыл бы о прошлом и настоящем. Забыв о прошлом и настоящем, сумел бы вступить туда, где нет ни жизни, ни смерти».

♦ Внезапно Цзылай заболел. Учащенно дышал перед смертью, а его жена и дети стояли около и плакали. Цзыли (Цзылай и Цзыли — персонажи из

книги «Чжуан-цзы») пришел навестить его и, прикрикнув, велел им прекратить плач и не бояться Изменения. Затем прислонился к дверям и произнес: «О, сколь изумительно созидание вещей! Во что ты превратишься? Куда ты отправишься? Станешь ли ты печенкой мыши? А может быть, ты превратишься в лапку насекомого?» Цзылай сказал: «Если родители прикажут ребенку, то он отправится на восток или на запад, на юг или на север. Но не больше ли значат для человека силы инь-ян, чем родители? Если они приблизили ныне мой смертный час, а я ослушаюсь их, то я окажусь дерзким. Их ли это вина? Ведь **Великий ком** (*да куай* — первозданный хаос, природа, изначальная пнёвма, иногда синоним Земли, мировое целое) снабдил меня телом, истощил мою жизнь трудом, дал мне отдых в старости и успокоил меня в смерти. Поэтому то, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. Если **Великий плавильщик** (распространенная метафора для обозначения *дао*: «Оно (сокровенное) побуждает к выплавлению сотен миллионов форм») будет плавить металл, а металл забурлит: «Я непременно хочу быть **мечом Мосе**» (*меч Мосе* — легендарное оружие, обладавшее необычайной остротой, прочностью и т. п.), то Великий плавильщик обязательно сочтет его негодным металлом. Если пребывающий в форме человеческого тела будет повторять: «Хочу быть только человеком», то **Творец перемен** (эпитет *дао* как принципа, **«правила» процесса созидания** — перемен) обязательно сочтет его негодным человеком. Если мы уподобим Небо и Землю огромному горнилу, а созидание перемен — Великому плавильщику, то куда не мог бы я отправиться?! Моя жизнь свершенá, и я засыпáю, а затем вновь обрету сознание».

♦ Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается работе с отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются работе с циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники на него не смотрят. Так и ваши слова — велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы, — ответил Чжуан-цзы, — как, прижавшись к земле, лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? Но, прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, сами они попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Почему бы не блуждать около него в недеянии? Почему бы не спать под ним при странствиях в беспредельном? Дерево не погибнет раньше времени от топора или секиры; не принося никому пользы, не принесет и вреда.

♦ Хойцзы сказал Чжуан-цзы:

— Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять *дань*. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны, и их порубил.

Чжуан-цзы ответил:

— Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными тыквами, как тот сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтоб кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, в его семье из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем получить сотню серебром. Давайте продадим ему снадобье.

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было всё то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти даней. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать тыквы в большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы несообразительны!

● Афоризмы учения

♦ Состояние Вселенной неуловимо, ее изменения бесконечны. Умирает или живет человек в этих бесконечных изменениях?

♦ От единого начала происходят все вещи, которые сменяют друг друга в самых различных формах. И начало, и конец вертятся, как колесо, и нельзя установить, где они находятся. Это и есть естественное изменение.

♦ Всё сущее выходит из пылинки. Всё сущее, появляясь, подобно молнии, в один миг претерпевает бесчисленные изменения.

♦ О *дао* можно рассуждать, но его нельзя потрогать, его можно постигать, но его нельзя видеть. *Дао* — корень и основа самого себя. Оно было прежде неба и земли, и оно существует вечно.

♦ Вследствие изменений возник человек. Человек в годы, отведенные ему природой, подвержен переменам, как и всё сущее, однако перемены эти происходят так быстро, что нет возможности противостоять им. Не прискорбно ли это? Разве не вызывает скорбь мысль о том, к какому неизвестному состоянию приведут непрерывные изменения, где будет конец?

♦ Если считать, что в Поднебесной нет ничего бо́льшего, чем кончик волоска, тогда гора Тайшань будет маленькой. Если считать, что никто не прожил дольше, чем умерший младенец, тогда Пэн-цзу умер преждевременно.

♦ Истина существует лишь постольку, поскольку существует ложь, а ложь существует лишь постольку, поскольку существует истина. Сказанное не выдумка мудрого, а то, что наблюдается в природе.

♦ Восток и Запад взаимно противоположны, но друг без друга существовать не могут.

♦ Небо, земля и я вместе живем, и тьма вещей составляет со мной единое.

♦ Вся тьма вещей — словно распластанная сеть, и нигде не найти начала.
♦ *Дао*, проявляя себя, уже не *дао*; слова, становясь логически выведенными суждениями, не достигают правды **не-мыслимого**.
♦ Ни словом, ни молчанием не выразить предела вещей.
♦ Научись видеть, где всё темно, и слышать, где всё тихо. Во тьме увидишь свет, в тишине услышишь гармонию.
♦ То, что вершит вещи, не отграничено от вещей. Но вещи имеют свои границы. Границы безграничного — это безграничность ограниченного.
♦ Говорят всю жизнь и ничего не скажут. Всю жизнь не говорят, и не останется ничего не сказанного.
♦ Не мыслить и не думать — это начало познания *дао*, нигде не находиться и ни в чем не упорствовать — это начало безмятежного пребывания в *дао*. Ничему не следовать и не идти никакой дорогой — это начало обретения *дао*.
♦ Природу человека нельзя переделать, судьбу нельзя изменить.
♦ В мире каждая вещь отрицает себя через другую вещь, составляющую ее противоположность. В мире каждая вещь утверждает себя через себя.
♦ Шесть чувств — ненависть, желание, радость, гнев, печаль, удовольствие — приводят в хаос *дэ*.
♦ С точки зрения *дао*, вещи не бывают ценными и ничтожными.
♦ Ищущий истину бродит в потемках.

4. МЫСЛИ

- Мир погряз в скверне, и мне не о чем с ним говорить.
- Кто чрезмерно нравствен, тот затемняет природу вещей, дабы сделаться таким знаменитым, чтобы во всей Поднебесной под звуки флейт и барабанов превозносили его как недосягаемый образец. Это ли не фальшь?
- Если исходить из обычаев, то представления о благородных и неблагородных создаются окружающими, а вовсе не прирождены человеку.
- Того, кто крадет крючок с пояса, казнят, а тот, кто крадет царство, становится правителем.
- Много радуетесь — нарушаете **ян**, много гневаетесь — нарушаете **инь**.
- Человек, обладающий совершенными моральными качествами, ничего не обретает; большой человек лишен самого себя.
- ...Подбородок урода Шу касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса. Внутренности теснились в верхней части тела, бедренные кости походили на ребра. Склонясь над иглой или стиркой, он зарабатывал достаточно, чтобы набить себе брюхо; провеивая и очищая зерно, мог прокормить десять человек.

  Когда призывали воинов, среди них без опаски толкался этот калека. Когда объявляли общую повинность, его, всегда больного, не назначали на работы. Когда же производилась раздача немощным, он получал три чжуна зерна и десять вязанок хвороста. Если способен прокормиться и дожить до предельного срока тот, у кого искалечено тело, то тем паче тот, у кого искалечена добродетель.
- Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

- Время пришло — Учитель родился; настало время уйти — Учитель покорился.
- Если смириться со своей участью и покориться неизбежному — к вам не найдут доступа ни радость, ни печаль; в старину это называлось «освобождением из петли».
- Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. Как только плоды созреют, их обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того, что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми...
- Мешать человеку радостно жить, отнять у него возможность ткать и одеваться, обрабатывать землю и кормиться, украсить его так называемой добродетелью и справедливостью — в этом преступление мудрецов.

Ян и инь*

* **Ян и инь** — два начала в китайской философии: первое — светлое и активное, мужское, духовное; второе — темное и пассивное, женское, вещественное.

IV – III вв. до н. э.

Пиррон

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 365 г. до н. э.
Умер: 275 г. до н. э.

Прожил ≈ 90 лет

> **«Мудрость и знание не являются делом человеческим, и искать их надо только у богов».**
> *(Пиррон)*

■ **«На всякое слово есть обратное».**
(Пиррон)

1. ЖИЗНЬ

• Происходил из города Элида в Пелопоннесе[28].

• Ученик философа Анаксарха из города Абдера:

/ Поначалу Пиррон отдавал предпочтение живописи, но, наслушавшись рассуждений Анаксарха, увлекся философией. Трудно, правда, судить, чему Пиррон научился у этого киника, но, судя по дальнейшим событиям, не всему и не тому, что нужно... Так что когда Анаксарх однажды тонул в болоте, то Пиррон равнодушно прошел мимо, не заволновавшись и не оказав помощи. /

• Участвовал в азиатских походах Александра Македонского и встречался с гимнософистами — «нагими мудрецами», как именовали греки индийских аскетов:

/ Пиррон даже был свидетелем разговора Александра с захваченной в одном из боев в плен группой гимнософистов. Были они очень худы, но жилисты, и кроме набедренных повязок ничего на их темных телах не было. Намереваясь их казнить, царь решил сначала испытать их мудрость, задавая каждому по вопросу. На задачу, кого существует больше — живых или мертвых, первый ответил: «Живых; мертвых не существует». На вопрос, земля или море кормит больше животных, второй ответил: «Земля, ибо море только часть земли».

Вопросы сменяли один другой, их замысловатая потаённая сложность не уменьшалась, но гимнософисты, надо отдать им должное, «держали марку»:

— Какое животное хитрее всех? — То, которого человек доселе еще не знает.

— Что появилось раньше другого, день или ночь? — День, одним днем раньше.

— Как стать самым любимым? — Быть самым могущественным и при этом нестрашным.

— Что сильнее, жизнь или смерть? — Жизнь, только она несет такие страдания.

Самое любопытное в этой истории — реакция властителя Македонии на ответ на последний из своих вопросов. «Как человеку стать богом?» — вопросил он оставшегося гимнософиста. И получил ответ: «Совершая то, что невозможно совершить человеку». Поскольку сам Александр считал себя именно тем, кто совершает невозможное, мысль пленника ему понравилась, и он — в порыве великодушия — отпустил гимнософистов с миром.

Кто знает, может быть, необычное поведение великого завоевателя дало миру еще одного необычного человека — философа Пиррона! /

Александр III Великий
/ Александр Македонский /.
Царь Македонии в 336 – 323 гг. до н. э.
/ *Мраморная статуя. Хранится в Стамбуле.* /

(Александр Македонский был первым греком, не носившим бороды. С него пошла эта мода, и продолжалась она до тех пор, пока римский император (117 – 138 гг.) Адриан (Публий Элий Адриан; 76 – 138) не прекратил ее, возвратив грекам прежние идеалы...)

• Пиррон был верховным жрецом Элиды.

• Натура Пиррона была загадочна и своеобразна. Он ничего не любил, ничто его не раздражало, и ни один человек никогда не был более убежден, чем он, в суетности вещей. Когда он говорил, его мало интересовало, слушают его или не слушают; и если его слушатели уходили, он не прекращал своей речи.

/ И тем не менее:

■■■ Рассказывают, что он однажды пришел в сильный гнев из-за истории, случившейся с его сестрой, а когда его попрекнули, он ответил: «Не за счет женщины подобает щеголять безразличием». ■

■■■ А... раз на него набросилась собака, и он испугался, но на укоры ответил, что нелегко всецело отрешиться от человеческих свойств... ■/

• Есть свидетельство о том, что Пиррон был не чужд острых ощущений и любил играть с судьбой в нечто подобное «русской рулетке»: ставя свою жизнь под угрозу гибели, он якобы сам шел, не сворачивая, навстречу бегущей на него лошади; сознательно не избегал опасностей, от которых его предостерегали друзья.

• Рассказывали, что за хвалебное сочинение в честь Александра он получил 10 000 золотых монет.

• Ничто он, Пиррон, не называл ни прекрасным, ни безобразным, ни справедливым, ни несправедливым и утверждал, что ни в чём ничего не существует по истине [в действительности], люди же делают всё по закону и обычаю, ибо всякая вещь есть не в большей степени это, чем то.

/ **«Ничуть не более это, чем то»** — было философским девизом и частым присловьем Пиррона. /

• Пиррон называл себя скептиком, показывая этим, что в суждениях о вещах лучше всего воздерживаться от какой бы то ни было категоричности.

/ Скептицизм — от *греч.* σχέπτομαι — «рассматриваю», «исследую», «обдумываю», «размышляю», «сомневаюсь».

Пьер Бейль:

«**Пирронизм** — это искусство обсуждать все вопросы, всегда приходя к воздержанию от суждения». /

• Пиррон сформулировал поведенческий идеал скептических убеждений, назвав его **АТАРАКСИЕЙ** (*греч.* ἀταραξία — «невозмутимость»). Сам же он был и примером, и образцом такого образа жизни.

/■■■ Однажды Пиррон находился в открытом море на корабле; его спутники были напуганы бурей; один лишь он, совершенно спокойный, сохраняя присутствие духа, указал на поросенка, пожиравшего что-то, и сказал, что мудрец должен сохранять такое же безразличие. ■/

• Пиррон заложил основы **АКАТАЛЕПСИИ** — учения об осознании своего незнания.

• Охотнее всего Пиррон упоминал о Демокрите, а также о Гомере, восхищаясь им и без конца повторяя бессмертную первую строфу из «Илиады»: «Листьям в дубравах древесных подобны сыны человеков!»

• Как и Сократ и Пифагор, Пиррон тоже учил изустно. Поэтому о его взглядах мы знаем лишь от его ученика Тимона (320 – 230 гг. до н. э.) из Флиунта, и то через, как говорится, третьи руки.

2. СУДЬБА ► Тимон сравнивал своего учителя с солнцем. На что Секст Эмпирик, который тоже был выходцем из скептиков, как-то очень уж **исторически** возразил, ни на йоту не изменив скептическому своему мировоззрению: «Солнце делает видимым ранее невидимое, Пиррон же — в противоположность — делает неясным то, что для любого очевидно ясно».

► Однажды Пиррону задали провокационный вопрос: «А не умер ли ты, Пиррон?», и последнему, в соответствии с его учением, со стойкостью, достойной лучшего применения, ничего не оставалось иного, как ответить: «Не знаю».

► Восстановителем учения Пиррона был древнегреческий философ из Кносса (о. Крит) Энесидем (I в. до н. э.). Им составлен свод из 10-ти позиций, в котором *скептический ракурс в мировоззрении* показан выпукло убедительно и воздействующе сильно.

1. **Увы**: что одному боль, то другому наслаждение. Так, виноградная

лоза для козла съедобна, а для человека горька, отбросы годятся в пищу свиньям и не годятся для лошадей. Неодинаковость представлений у разных существ делает невозможным какое бы то ни было единство в пользу суждений об истине.

2. **Увы**: что одному во вред, то другому на пользу. Так, повар Александра Македонского грелся в тени и мёрз на солнце. Мы все принципиально разны — один влечется к врачеванию, другой к земледелию. И как можно хотеть в такой ситуации общность?!

3. **Увы**: каждое из 5-ти наших чувств воспринимает мир по-своему, и ухо никогда собой не познáет вкус яблока. Где же им сговориться в одинаковость суждений по поводу ощущений и что люди могут знать о целом, если частям вместе не сложиться?!

4. **Увы**: но даже если взять и сами чувства по отдельности, то всё здесь зыбко и не ухватываемо. Так, глядя на солнце, мы видим, будто оно не движется. Спрашивается, чем можно поправить такие отклонения наших анализаторов, если о них мы от них же и знаем?!

5. **Увы**: что для одних справедливо, то для других произвол. На всё у каждого своя точка зрения. Мы не можем прийти к согласию ни по поводу богов, ни о добре и зле, ни по поводу прекрасного и безобразного. И что же, при такой раздрайности мыслей можно начать думать о единой сути вещей?!

6—10. **Увы**: в чем, собственно, мы хотим иметь прочность подхода, если мы все телом непохожи, проживанием разнимся, привычки имеем каждый свой и мысли только те ценим и признаём, которые сами имеем. Своенравные и упрямые, находясь в неверном мире, знающие обо всём лишь частично или косвенно, да и это всё под большим вопросом, ибо нет критерия, могущего эталонировать имеющееся, — как нам браться за познание вещей, если сами они есть проблема познания? Получается, что мы хотим узнать, да вот только узнать-то и не сможем!

Блез Паскаль:

«Больше всего меня удивляет то, что люди не удивляются немощи своего разумения. Они серьезнейшим образом следуют всем заведенным обычаям, и вовсе не потому, что полезно повиноваться общепринятому, а потому, что твердо убеждены в правильности и справедливости своих действий. Ежечасно попадая впросак, они с забавным смирением винят в этом себя, а не те житейские правила, постижением которых так хвалятся. Этих людей очень много, они слыхом не слыхивали о пирронизме, но служат вящей его славе, являя собой пример человеческой способности к самым бессмысленным заблуждениям: они ведь даже и не подозревают, насколько естественна и неизбежна эта немощь их разумения, — напротив, неколебимо уверены в своей врожденной мудрости».

(**Блез Паскаль.** *Мысли*)

3. УЧЕНИЕ

♦ Текучесть и непрерывная качественная неустойчивость вещей ведут к их нечёткой же различимости в восприя-

тии, а потому и невозможности судить о них с точки зрения категорий «истины» и «лжи». Так что лучше всего — воздерживаться от однозначно-определенных утверждений и пребывать в невозмутимости духа и полной свободе суждений.

♦ Если же в зависимости от разницы между живыми существами являются различные представления, судить о которых невозможно, то необходимо воздерживаться от суждения о внешних предметах. Например, морская вода при питье неприятна для людей и напоминает им яд, рыбам же она вполне пригодна.

♦ Если бы всем одно и то же казалось вместе прекрасным и мудрым, то не было бы среди людей враждующего спора.

♦ Возможно, что веши обладают и такими качествами, о которых мы не знаем из-за отсутствия у нас соответствующего органа ощущения... Если же чувства не могут воспринять внешнего мира, то и мышление не может рассуждать о нем должным образом, а потому нам более подобает воздержание от суждений о внешнем мире.

∇ ◐ С ощущениями действительно есть проблемы. Те чувства, что имеются у человека, странно изолированы, например, ушами нельзя понюхать, и в то же время не менее странно взаимосвязаны — слепые лучше слышат, чем зрячие.

Чувства подвержены развиваемости и в упражнениях возвышаются: занятия музыкой утончают слух, а увлечение живописью повышает цветовую зоркость, но и они же необыкновенно аморфны и ускользающе неактивны — человек, к примеру, может сколько угодно смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать. А что уж говорить о том, что мы видим или лишь то, что знаем, или то, что хотим видеть! Не случайно же было сказано обращенное к нам пророческое слово: «Имеющий уши да услышит!», «Не так тот слеп, как кто не хочет видеть!»

Ощущения как будто специально созданы для обманываемости, и сами же люди научились себя обманывать своими же органами чувств: это и всем известная маскировочная техника у военных; это и особая графика вертикальных и горизонтальных рисунков в одежде и в оформлении интерьеров для скрадывания излишней полноты или роста человека и коррекции нежелательных пропорций реальных помещений.

Люди видят (!) во сне, чувствуют фантомные боли в ампутированных конечностях, поддаются на обманы миражей, обманываются в истинности восприятий при болезнях тела, как это бывает при желтухе, из-за которой весь зримый мир «желтеет». Непрерывный тон одинаковой звуковой частоты и силы мы через некоторое время вдруг перестаём вообще слышать, а теплая вода после горячей воспринимается нами как холодная. Бессмысленно есть сладкое яблоко после шоколадной конфеты: на вкус оно будет почти что мерзким. Есть и еще примеры, но разве этих не достаточно?

Как человеку быть довольным своими чувствами, когда он уступает паукам и змеям в ощущении температур: те различают и более широкий диапазон и куда меньший перепад — до тысячных долей градуса.

Царь природы, человек различает лишь несколько тысяч запахов, а

рядовой щенок — до полумиллиона. Кузнечик, «прописанный» где-нибудь в Подмосковье, способен улавливать толчки среднего землетрясения, случившегося в районе, скажем, островов... в Тихом океане. Это доступно ему потому, что он реагирует на колебания с амплитудой, равной половине диаметра атома водорода.

А взять медузу! Как ей удается за 10 – 15 часов «узнать» о приближающейся буре? И ведь узнаёт и успевает спрятаться. Летучие мыши играючи слышат ультразвук, лошади и верблюды без проблем и без миноискателя находят мины, чувствительности гидролокаторов дельфинов дивится уже не одно поколение инженеров, а геоориентация птиц вообше смахивает на чудо.

Конечно же, мы, бывает, отчаиваемся. **Чем** нам воспринять **тысяче**-угольник; **каким чувством** заметить скорость света; **как** ощутить ген, экономический строй общества, атом? А каким органом обнаружить бесконечность, субстанцию, сущность?!

Но с другой стороны. Так ли уж мало у нас имеющихся чувств и нам ли завидовать... кому — животным? Разве нет ли у нас «чувства уюта», «чувства долга», «чувства прекрасного»? А замечательное шестое чувство — сексуальное? И седьмое — чувство, которым мы познаём Бога! «Чувство зависти», «чувство смерти», «чувство жизни», «чувство собственного достоинства», «чувство восприятия моего и чужого Я» — это тоже наши чувства.

Есть вообще непонятные проделки прирожденных нам традиционных чувствилищ. Так, лет двадцать назад в одном из зарубежных городов произошел забавный случай. Два человека обошли многих врачей, жалуясь на странный недуг. Время от времени им слышались голоса, которые советовали покупать холодильники, стиральные машины, автомобили, мыло, зубную пасту...

Врачи недоумевали — пациенты были психически здоровы и вовсе не склонны к мистике. Разве что излишне упрямы — они продолжали утверждать, что отчетливо слышат «голоса». Наконец один из докторов обратил внимание, что оба страдальца недавно лечили зубы у одного и того же врача. Обратились к нему, и дантист рассказал, что он запломбировал их зубы цементом особого состава — в нем была незначительная примесь карборунда. Понемногу всё прояснилось. Кристаллы карборунда — типичного полупроводника — вместе с тканями организма образовали простейший детекторный приемник. Кристалл карборунда служил детектором, превращавшим радиоволны в звуковые колебания. Они воспринимались нервом зуба и затем достигали мозга.

Известно, что у детекторного приемника очень плохая избирательность. И если он принимает одинаковые по мощности сигналы разных радиостанций, то в наушниках будет сплошная мешанина. Но положение сразу изменится, если сигнал одной из радиостанций будет много мощнее других — он просто подавит остальные. Так и случилось в этой истории — сигналы близко расположенной рекламной радиостудии подавляли в «зубном» детекторе передачи дальних станций, и «больные» слышали только навязчивые советы, от которых не могли избавиться...

Вот и судите, заслужил или нет Пиррон себе место в философии, когда пристально вгляделся в столь привычное для всех нас — наше же ощущение. Вгляделся и задумался. Крепко! Основательно! ◑

♦ Доказательство всегда нуждается в критерии, чтобы быть твердым, и не может быть правильного доказательства, если ему не предшествует правильный критерий; но и правильного критерия не может быть без того, чтобы заранее быть уверенным в том, что он снабжен доказательством. Получается, что и доказательство, и критерий попадают в заколдованный круг, в котором они оба оказываются недостоверными, ибо каждое, ожидая подтверждения через другое, становится недостоверным подобно другому.

♦ Если всякое явление созерцается в известном условии, на известном расстоянии и в известном положении, каждое из которых производит большое изменение в представлениях, то мы будем вынуждены и в этом случае прийти к воздержанию от суждения, ибо предполагать какое-нибудь представление без доказательства мы не имеем права, а если мы возьмемся за доказательство, то это доказательство потребует другое доказательство и т. д., что невозможно.

♦ В силу примесей наши чувства не воспринимают точной сущности внешних предметов. Но не воспринимает их также и разум, главным образом потому, что ошибаются его руководители — чувства; кроме того, может быть, и сам он производит какую-нибудь присущую ему примесь к тому, что ему сообщают чувства.

♦ А вот еще аргументы в пользу воздержания от суждения о природе вещей. Например, оскребки рога козы, созерцаемые просто и без составления, кажутся белыми, а в составе рога являются черными. Точно так же и опилки серебра сами по себе кажутся черными, в сложении же в целое они представляются белыми. Части тонарийского камня, будучи отшлифованы, кажутся белыми, а в сложении с полной совокупностью — желтыми. И песчинки, отделенные друг от друга, кажутся жесткими, собранные же в кучу, они производят мягкое ощущение. И чемерица, если принимать ее тонко растертой и вспененной, производит удушье, но этого не происходит, если она грубо размолота. Вино, употребленное в меру, укрепляет нас, а выпитое с излишком — расслабляет тело.

♦ Одни из существующих вещей похожи, другие не похожи между собой, одни равны, другие не равны; и это существует по отношению к чему-нибудь; всё, таким образом, существует по отношению к чему-нибудь. И тот, кто говорит, что не всё существует по отношению к чему-нибудь, подтверждает то, что всё существует по отношению к чему-нибудь, ибо тем самым, что он нам противоречит, он указывает, что положение «всё существует по отношению к чему-нибудь» имеет отношение к нам, а не вообще. Далее, если мы указываем, что всё существует по отношению к чему-нибудь, то ясно отсюда, что мы не сможем сказать, какова каждая вещь по своей природе и в чистом виде, но только каковой она нам кажется по отношению к чему-нибудь.

♦ Землетрясение не одинаково волнует тех, кто его испытывает впервые, и тех, кто привык к нему. А какое сильное впечатление производит на

человека впервые увиденное море! Но и красота человеческого тела, созерцаемая впервые и внезапно, волнует нас больше, чем привычное ее зрелище. То, что редко, кажется нам ценным, а попадающееся часто и легко достижимое — отнюдь нет. [...] Итак, раз одни и те же вещи кажутся либо поразительными или ценными, либо вовсе не такими, смотря по постоянному или редкому их появлению, мы заключаем отсюда, что сможем, пожалуй, сказать, каковой кажется всякая вещь в связи с ее постоянным или редким появлением, но мы не в состоянии утверждать, какова в чистом виде каждая из внешних вещей.

♦ Некоторые из эфиопов татуируют маленьких детей, мы же нет; и персы считают приличным носить разноцветную и длинную до пят одежду, для нас же это неприлично. Индийцы на виду у всех совокупляются с женщинами, большинство же других людей считают это позорным. [...] Догматические же положения мы противопоставляем друг другу, указывая, что одни признают существование одного элемента, другие — бесконечного количества, и одни признают душу смертной, другие — бессмертной...

Выходит, что и по отношению к нравственности, верованиям, обычаям и законам мы также не можем сказать, каковым является по природе подлежащее суждению, но только можем сказать, каковым оно является по отношению к данному поведению жизни, к данному закону, к данному обычаю и к каждому из остального. Таким образом, и здесь мы убеждаемся, что необходимо воздержаться от суждения о природе вне нас лежащих вещей.

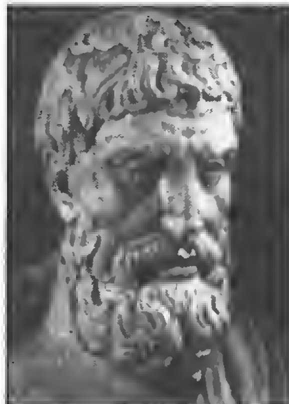
Эпикур

/Επιχουρος/

• Древнегреческий философ

Родился: 341 г. до н. э.
Умер: 270 г. до н. э.

Прожил — 71 год

IV – III вв. до н. э.

«Проживи незаметно».
(Эпикур)

■ **«Следует смеяться и философствовать и в то же время заниматься хозяйством и пользоваться всеми остальными способностями и никогда не переставать изрекать глаголы истинной философии».**
(Эпикур)

■ **В письме одному из своих слушателей *Эпикур* пишет: «Это я говорю не многим, а тебе, ведь мы друг для друга — достаточная аудитория».**

1. ЖИЗНЬ

• Родина его — город Лампсак.
• Родился в семье афинского поселенца на острове Самос.
• В период жизни на Самосе слушал ученика Платона **Памфила**, однако этого платоника сам Эпикур презирал, боясь показаться чьим-либо учеником.
• С 310 г. до н. э. вел философские занятия в городе Митилена на острове Лесбос, а с 306 г. до н. э. и до смерти — в Афинах, в своем «Саду», ставшем для эпикурейцев священным местом:

> / Здесь Эпикур в окружении друзей и учеников вел мирную философскую жизнь. При входе в сад висела надпись: «Гостеприимный хозяин этого жилища, где ты найдешь удовольствие — высшее благо, охотно угостит тебя ячменными пирожками и свежей водой из родника. Сад не возбудит у тебя твоего аппетита искусственными сластями, но удовлетворит его естественной пищею. Желаешь ли ты приятно провести время?» /

• Ставил себе в заслугу то, что никогда никого не цитировал.
• Его приверженцами, учениками и последователями были следующие его современники: Апеллес, Менойкей и лампсакские философы — Колот, Метродор (ок. 331 – 278 до н. э.), Полиен, Идоменей (ок. 325 – 270 до н. э.), Пифокл.

• Эпикур написал около трехсот сочинений.

• **Сочинения Эпикура** (Общий их объем — около 300 свитков. Они до нас не дошли. Сохранились лишь три его письма, в которых сжато изложены основоположения его учения, и ряд фрагментов.):

«Большой обзор»:

/ Был предназначен для начинающих. Есть предположение, что именно им пользовался Лукреций при сочинении своей поэмы «О природе вещей». /;

«Малый обзор», или *«Письмо к Геродоту»*:

/ Это сочинение предназначалось для уже подготовленных учеников. /;

«О природе»;
«Об атомах и пустоте»;
«О цели»;
«О богах»;
«О предопределении»;
«О любви»;
«Против мегариков»;
«Мнения о болезнях»;
«О зрении»;
«Об углах в атомах»;
«Главные мысли» (40 афоризмов);
«О критерии, или Канон»;
«Краткие изречения против физиков»;
«Об образе жизни»;
«Пир»:

/ Здесь обсуждался вопрос: когда самое подходящее время для сближения с женщиной. /;

«Эпикур приветствует Пифокла» (письмо);
«Эпикур приветствует Менойкея» (письмо).

• От Эпикура пошла версия о том, что Левкиппа не было.

• Эпикур презрительно отзывался о Демокрите и Платоне, оскорбительным образом поносил Аристотеля, позорнейше злословил Федона (ученика Сократа).

• Имел подругу — красивую греческую гетеру Леонтию, которую в своих письмах ласково величал «милая Леóнушка».

• Последние четырнадцать дней своей жизни особенно страдал от камней в почках. Согласно преданиям, Эпикур лег в горячую ванну, выпил крепкого вина, пожелал друзьям не забывать его учений и скончался.

• После его смерти главой эпикурейской школы стал Гермах Митиленский. Эпикур завещал ему свою библиотеку и средства на содержание школы.

2. СУДЬБА

➨ Эпикур отрицал богов, а ученики Эпикура почитали его как бога.

➨ Некоторые древние авторы обвиняли Эпикура в плагиате, например, Аристон в «Жизнеописаниях Эпикура» утверждает, что Эпикур якобы списал свой «Канон» с «Треножника» Навсифана, тогда как стоики со своей стороны утверждали, что Эпикур выдавал за свое и учение Демокрита об атомах, и учение Аристиппа-киренаика о наслаждении как высшем благе.

➨ «Странно читать, как Эпикур, отрицавший провидéние и бессмертие души, тем не менее не прекращал почитать богов. Он сочинил набожные книги, в которых с такой силой писал о святости и благочестии, что

можно было сказать: это произведение какого-то верховного жреца. Когда ему возражали, что он, считающий, что боги не причиняют нам ни добра, ни зла, не должен был бы отправлять культ богов, он ответил, что совершенство их природы — достаточная причина, чтобы чтить их, и что очень ошибаются, полагая, будто нельзя воздавать почести богам, не испытывая страха перед их местью».

(**Пьер Бейль.** *Исторический и критический словарь.* 1697 г.)

3. УЧЕНИЕ

♦ Философия, или любовь к мудрости, есть упражнение разума; путем размышления и собеседования она раскрывает смысл счастливой жизни и, в свою очередь, пользуется последней как своим источником. Ведь особенность философии по сравнению с другими науками состоит в том, что цель она видит в завершении своего труда и этим довольствуется.

♦ Пусть никто не откладывает философию в юности и пусть не устает от нее в старости. Ведь никто не может быть недозрелым или перезрелым для здоровья души. И кто говорит, что час для философии еще не наступил или уже отлетел, уподобляется говорящему, что час для счастья или еще не пришел, или уже не существует. Поэтому философия необходима и старцу, и юноше: первому, чтобы на склоне лет он обновлялся благами, радуясь прошлому; второму, чтобы он был юношей и вместе пожилым по бесстрашию перед грядущим.

♦ Прежде всего — ничто не возникает из небытия. Ведь иначе всё возникло бы из всего, не нуждаясь ни в каких зачатках. И если бы нечто, уничтожаясь в небытии, погибло, все вещи исчезли бы: ведь не было бы того, во что они разлагались бы.

И Вселенная всегда была такою, какая она есть, и всегда будет такою. Ведь нет ничего, что могло бы вторгнуться в нее и произвести изменение.

♦ Смертные видели определенный порядок явлений, но не могли объяснить, отчего это всё происходит. Им представлялся один лишь исход: предоставить богам всё и допустить, что по воле богов всё на свете вертится.

♦ Нечестив не тот, кто устраняет богов толпы, но тот, кто применяет к богам представление толпы.

♦ Мудрецу подобает высмеивать необходимость, которую некоторые изображают владычицей Вселенной, так как лучше уж следовать мифу о богах, чем быть рабом рока физиков, ибо вера в мифы дает хоть в живых образах надежду на то, что, воздавая почитание богам, удастся вымолить их расположение, а предопределенность, почитаемая естествоиспытателями, заключает в себе неумолимую необходимость.

♦ Вселенная беспредельна. В самом деле, что имеет предел, то имеет край; а край — это то, на что можно смотреть со стороны; стало быть, кра́я Вселенная не имеет, а значит, и предела не имеет. А что не имеет предела, то беспредельно и неограничено.

♦ Когда бы мир ни возник, он, во всяком случае, возник в весеннюю пору года. В самом деле, так как именно тогда всё впервые начало давать ростки, цвести и оплодотворяться.

♦ Так как атомы находились в беспорядочном, случайном и одновременно непрерывном движении, а к тому же передвигались очень быстро, то

они стали скапливаться в одном месте неизмеримого пространства, в котором теперь находится мир, и образовывать сцепления, благодаря чему они собрались в одну беспорядочную, хаотическую массу, в которой большие атомы смешались с маленькими.

Затем из этой нерасчлененной массы наиболее крупные и тяжелые атомы начали постепенно оседать вниз, тонкие же, круглые, маленькие и подвижные от столкновения стали вытесняться и подниматься вверх, **точно так же как** во взбаламученной воде, когда она отстаивается и светлеет, твердые частицы земли падают вниз, а частицы воды как бы выталкиваются вверх.

Так образовалось переплетение атомов, породившее небо. Из тех атомов, которые осели вниз, образовалась Земля.

♦ Теперь земля, как бы исчерпав свои семена, подобно женщине, утомленной старостью, перестала сама производить на свет живые существа. Этим и объясняется то, что нигде уже люди не выходят из земли самопроизвольно, а возникают лишь путем размножения.

♦ Совершенно очевидно, что мир, так же как животное или растение, родившись, должен погибнуть.

♦ Таков уж жребий мира, что всё постепенно чахнет и, утомившись долгой жизнью, как бы стремится к гибели.

♦ Вселенная есть тела́ и пустота. И кроме этих двух начал, ни в опыте, ни соответственно опыту нельзя и помыслить ничего, что принималось бы как целостная сущность, а не как так называемые состояния и свойства указанных начал.

♦ Атомы движутся непрерывно всю вечность. И начала нет этим движениям.

♦ Что же касается рождения вещей, совершающегося в бесконечной пустоте, то надо представить себе, что по ней несутся атомы, разъединенные между собой, различные по фигуре, величине, положению и порядку, и там, где они встречаются, они взаимно сцепляются и уплотняются, образуя таким путем, в зависимости от случая, вещи разного состава. Дело в том, что атомы объединяются в соответствии со своими величинами, фигурами, положением и порядком, и в согласии с этим происходит также образование сложных вещей.

♦ Атомы необходимо должны быть равноскоры, когда они несутся через пустоту без помехи. Ведь нельзя помыслить, что тяжелые стремительнее малых и легких, когда ничто не противодействует последним. Если бы все атомы двигались как бы вниз по прямой, следствием этого было бы то, что ни один атом никогда не мог бы столкнуться с другим; поэтому необходимо признать, что существует очень небольшое, — меньше которого и быть не может, — отклонение атомов.

/■■■ Цицерон по поводу идеи отклонения:

«Эпикур утверждает, что атомы в силу своей тяжести стремятся вниз по прямой линии; это, по его мнению, естественное движение тел. Но оказалось, что если бы все атомы двигались сверху вниз, то никогда ни один атом не столкнулся бы с другим. Поэтому Эпикур прибег к спасительной лжи: он заявил, что атом чуть-чуть отклоняется, что, однако, совершенно невозможно. Отсюда-де возникают сочетания, соеди-

нения, сцепления атомов между собой, а из этого — мир, и все части его, и всё, что в нем есть. Не говоря уже о том, что дело это по-детски задумано, он даже не достигает того, чего хочет».

(**Цицерон.** *О природе богов*)

// Цицерон приводит реплику стоика Бальба о том, что вероятность возникновения мира из случайных столкновений атомов такова же, как если бы случайно разбросанные буквы азбуки сложились бы в «Анналы» Энния. // ■/

♦ Ведь совсем не глупо признать материю активной. Скорее нелепо считать ее инертной.

♦ Мир, конечно, не вечен: некогда началось его существование.

♦ Для становления вещей необходима не только материя, из которой они образуются, но также и производящая причина.

♦ Так как наши чувства делают очевидным, что в природе вещей многое возникает и многое уничтожается, то следует думать, что должна существовать материя, из которой возникают и в которую переходят вещи при своем разрушении.

♦ **Силлогизм Эпикура:**

Никто не видел разума иначе, как в человеческой фигуре. Боги имеют разум.
Следовательно, боги имеют человеческую фигуру.

♦ Тело, покинутое душой, **подобно** вину, из которого выдохлись его крепость и аромат, или мази, потерявшей свой запах. Ведь масса как вина, так и мази в этих случаях остается такой, как если бы от нее ничего не убавилось. Поэтому-то душа и может почти поместиться в точке или в самом маленьком месте, если представить ее себе сосредоточенной в одном месте.

♦ Те, кто объявляют душу бестелесной, — бредят.

♦ Душа есть тончайшее тело, рассеянное по всему организму. Наиболее оно уподобляется дуновенью, имеющему примесь тепла, и отчасти подобно первому, отчасти второму.

♦ С разложением всего тела рассеивается и душа.

♦ Хотя душа и имеет столь тонкую ткань, она тем не менее смешана и состоит из неких четырех природ. Действительно, ее следует представлять себе составленной, слитой из доли огня, доли воздуха, доли дыхания и четвертой, безымянной доли, благодаря которой душе присуща способность чувствовать. Эта доля представляет собой как бы душу души, ибо благодаря ей душа и становится душой.

♦ Чувствуют не душа сама по себе или тело само по себе, **но оба они сообща**.

♦ Труднее всего понять, каким образом чувствующие или одаренные способностью чувствовать существа рождаются из бесчувственных. Причина этого — определенная, специфическая комбинация величины, фигуры, движения, положения и порядка первоначал, то есть атомов.

♦ С поверхности предметов непрерывно во все стороны отлетают «при-

зраки», тончайшие плёнки, сохраняющие облик этих предметов, и, попадая людям в глаза, они возбуждают чувство зрения, давая тем самым точное представление о предмете.

/ Эти плёнки-изваяния Эпикур именовал также словом «эйдола» (уменьшительное от «эйдос» — «вид»), которым Гомер называл тени, или души, умерших в царстве Аида. /

♦ Чувство никогда не обманывает.

■■■ Эпикур считал критерием истины чувства, наперекор всей античной философии, которая неустойчивости и субъективности чувств противопоставляла неизменность и всеобщность мысли. В этом была своя логика: последующей деятельности души следует доверять еще меньше, ибо там то же, что в чувствах, но с потерей содержания еще больше, так как душа отстоит от предмета далее, чем отстоят чувства. ■

♦ Сами чувства ничем не могут быть опровергнуты или изобличены во лжи.

♦ **Разум**, или рассуждение, также не может опровергнуть чувство, ибо всякое умозаключение зависит от предварительных ощущений.

■■■ Эпикур рассуждает: отходя от огня, мы перестаём чувствовать жар, а потом уже замечаем, что огонь кажется нашему взгляду меньше, чем он есть; жар солнца мы чувствуем; стало быть, мы еще не так далеко от него, чтобы оно казалось нам меньше, чем оно есть. ■

♦ Мы утверждаем, что удовольствие есть начало и конец блаженной жизни. Мы знаем, что оно есть первое и природное благо. Оно есть исходный пункт для всякого выбора или избежания. Прекрасное, добродетель и тому подобное заслуживают почитания только в случае, если это доставляет удовольствие, а если не доставляет, то с ними нужно проститься.

♦ Когда мы говорим, что наслаждение есть конечная цель, то мы разумеем отнюдь не наслаждения распутства или чувственности, как полагают те, кто не знают, не разделяют или плохо понимают наше учение, — нет, мы разумеем свободу от страданий тела и от смятений души. Ибо не бесконечные попойки и праздники, не наслаждение мальчиками и женщинами или рыбным столом и прочими радостями роскошного пира делают нашу жизнь сладкою, а только трезвое рассуждение, исследующее причины всякого нашего предпочтения и избегания и изгоняющее мнения, поселяющие великую тревогу в душе.

♦ При философской дискуссии больше выигрывает побежденный — в том отношении, что он умножает знания.

♦ Пусты слова того философа, которыми не врачуется никакое страдание человека. Как от медицины нет никакой пользы, если она не изгоняет болезней из тела, так и от философии, если она не изгоняет болезни души.

♦ Если поджаривать мудреца в быке Фаларида, он воскликнет: «приятно! и меня нисколько не касается».

/ По преданию, Фаларид (тиран г. Агригента на о. Сицилия в 565 — 549 гг. до н. э.) отличался ужасающей жестокостью. Так, он приказал отлить из меди полого быка и заключал в его чрево казнимых людей, которых заживо сжигал на медленном огне. Оболочка этого металлического животного резонировала, и оттого страшные душеразди-

рающие крики несчастных внутри быка превращались в мелодичный звон, раздававшийся снаружи. /

4. МЫСЛИ

- Для того чтобы добиться настоящей свободы, ты должен стать рабом философии. Человек, сделавший себя ее слугой и невольником, не ожидает изо дня в день унижений, он эмансипируется, так как настоящее служение философии — это свобода.
- Не умеющие довольствоваться малым, не довольствуются ничем. Я же, имей я хлеб и воду, готов оспаривать счастье даже у самого Зевса.
- Ни жениться, ни заводить детей мудрец не будет.
- Мудрец один способен верно судить о поэзии и музыке, хотя сам и не будет писать стихов.
- Один мудрец другого не мудрее.
- Да, боги существуют, ибо знание о них — очевидность; но они не таковы, какими их полагает толпа.
- Кто советует юноше хорошо жить, а старцу хорошо кончить жизнь, тот неразумен не только потому, что жизнь ему мила, но еще и потому, что умение хорошо жить и хорошо умереть — это одна и та же наука. Но еще хуже тот, кто рассуждает в духе Феогнида: «Хорошо не родиться. Если ж родился — сойти поскорее в обитель Аида».

  Если он говорит так по убеждению, то почему он не уходит из жизни? Ведь если это им твердо решено, то это в его власти. Если же он говорит это в насмешку, то это глупо, потому что предмет совсем для этого не подходит.
- Начало и корень всякого удовольствия — удовольствие чрева, даже мудрость и прочее имеют к нему отношение.
- Лучше с разумом быть несчастным, чем без разума — счастливым.
- Кто не помнит о прошлом счастье, тот старик уже сегодня.
- Самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, пока мы существуем, смерть еще отсутствует; когда же она приходит, мы уже не существуем.
- Поблагодарим мудрую природу за то, что нужное она сделала легким, а тяжелое ненужным.
- Величайший плод ограничения желаний — свобода.
- Необходимость есть бедствие, но нет никакой необходимости жить с необходимостью.
- Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно.
- Не избегай делать мелкие услуги: будут думать, что ты также способен и на большие.
- Благородный человек всегда более занят мудростью и дружбой: одна из них есть благо смертное, другая — бессмертное.
- Не юношу надо считать счастливым, а старца, прожившего жизнь хорошо.
- Совсем ничтожен тот, у кого есть много причин для ухода из жизни.
- Всем желаниям следует предъявлять такой вопрос: что со мною бу-

дет, если исполнится то, чего я ищу вследствие желания, и если не исполнится?

- Мы рождаемся один раз, а дважды родиться нельзя, но мы должны уже целую вечность не быть. Ты же, не будучи властен над завтрашним днем, откладываешь радость; а жизнь гибнет в откладывании, и каждый из нас умирает, не имея досуга.
- Боги живут в «междумириях».
- Мудрый не может превратиться в безмозглого.
- Начало всего и величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии.
- Люди обижают друг друга или из ненависти, или из зависти, или из презрения; но мудрец с помощью разума становится выше этого. Раз достигнув мудрости, он уже не может впасть в противоположное состояние даже притворно. Он больше, чем другие, доступен страстям, но мудрости его они не препятствуют.
- Людям необходимы даже самые дурные законы, ибо, не будь их, люди пожрали бы друг друга.
- Имей всегда больше ума, чем самолюбия.
- Нагибайся только затем, чтобы поднять павших.
- Мы ценим свой характер как свою собственность, хорош ли он и уважается ли людьми или нет: так дóлжно ценить и характер других.
- Кто кажется страшным, тот не может быть свободным от страха.
- Человек бывает несчастлив или вследствие страха, или вследствие безграничной, вздорной страсти.
- Во всех занятиях плод с трудом приходит по окончании их, а в философии познание и удовольствие бегут наперегонки. Наслаждение не следует за познанием, но познание и наслаждение существуют одновременно.
- Имей всегда в своей библиотеке новую книгу, в погребе — полную бутылку, в саду — свежий цветок.
- Боль есть величайшее из всех зол.

Зенон из Кития
/Зенон-стоик/

IV – III вв. до н. э.

• Древнегреческий философ

Родился: 336 г. до н. э.
Умер: 264 г. до н. э.

Прожил — 72 года

> **«Философу надлежит преподносить речь, как бы окрасив ее умом».**
> *(Зенон Китийский)*

■ **«Философия похожа на фруктовый сад, полный различных плодов, в котором логика является оградой, физика — деревьями, а этика — плодами».**
(Зенон Китийский)

■ **В Афинах один человек, собираясь угощать царских послов, решил, согласно их желанию, пригласить к себе и философов: поскольку на пиру все гости в общей беседе друг другу рассказывали о себе и лишь Зенон хранил безмолвие, благожелательные и общительные чужеземцы, подняв за его здоровье чашу, спросили у него: «А о тебе, Зенон, что рассказать царю?» — «Ничего, — отвечал он, — кроме того, что есть в Афинах старик, умеющий молчать во время попойки».**

1. ЖИЗНЬ

• Родом он из города Кития, одного из девяти главных городов тогдашнего Кипра.
• Отец его Мнасей был купцом.
• Зенон обучался у киника Кратета* и философов мегарской школы Стильпона и Диодора, позднее — платоника Полемона:

/■■■ К Кратету Зенон попал следующим образом. Он плыл из Финикии в Пирей с грузом пурпура и потерпел кораблекрушение. Добравшись до Афин, — а ему было уже 30 лет, — он пришел в книжную лавку и, читая там 2-ю книгу Ксенофонтовых «Воспоминаний о Сократе», пришел в такой восторг, что спросил, где можно найти подобных людей? В это самое время мимо лавки проходил Кратет; про-

---

* **Кратет** (ок. 360–280 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, родом из Фив[29]. Родился в богатой аристократической семье, но объявил нищенскую жизнь идеалом добродетели: «Я гражданин темноты и бедности, они неприступны для судьбы».

У него была подруга Гиппархия, которая полюбила и речи Кратета, и его образ жизни, так что не обращала внимания ни на красоту, ни на богатство, ни на ➤

давец показал на него и сказал: «Вот за ним и ступай!» С тех пор Зенон и стал учеником Кратета. ■/

• Выглядел он уродливо и убого, очень стеснялся своей неприглядной наружности:

/ У него была кривая шея... он был худой, довольно высокий... со смуглой кожей... с толстыми ногами... нескладный и слабосильный. /

• Обращали на себя внимание его напряженное лицо, серьезный взгляд и изрезанный морщинами лоб.

• Зенон был всегда мрачен и éдок.

• Многолюдства он избегал и даже на скамье сидел с краю, чтобы не иметь соседей хотя бы с одной стороны.

• У Зенона было свое представление о тонкой мудрости:

/ Он любил рассказывать, как флейтист Кафисий, увидев, что один его ученик силится играть погромче, стукнул его и сказал: «Не в силе добро, а в дoбре сила!» /

• Ел он ломтик хлеба и самую малость вина с хорошим ароматом. С мальчиками он имел дело редко:

/ Влюбленный в Хремонида, он сидел рядом с ним и с Клеанфом[30] и вдруг встал; Клеанф удивился, а Зенон сказал: «Я слышал от лучших врачей, что при воспалении самое хорошее средство — покой». /

Рассказывают, что он жил в Афинах, когда услышал о крушении своего корабля. Сказанная Зеноном при этом фраза стала знаменитой: «Как хорошо, что удача сама толкает нас в философию!»

И тогда он купил для себя и своих друзей узорчатый портик*, расписанный фресками художника Полигнота, и основал здесь же, в Афинах, свою философскую школу, получившую название стоической, потому что слово портик по-гречески произносится «стоа» (στοά). Это было в 280 г. до н. э.:

/ Некогда на территории, приобретенной Зеноном, собирались поэты, которые уже тогда, по месту встречи, назывались *стоиками*.

➣ знатность многочисленных своих женихов: Кратет был для нее всё. Она даже грозила родителям наложить на себя руки, если ее за него не выдадут. Родители позвали самого Кратета, чтобы он отговорил их дочь, — он сделал всё, что мог, но не убедил ее. Тогда он встал перед нею, сбросил с себя, что было на нем, и сказал: «Вот твой жених, вот его добро, решайся на это: не быть тебе со мною, если не станешь тем же, что и я». Она сделала свой выбор: оделась так же, как он, и стала сопровождать мужа повсюду, ложиться с ним у всех на глазах и побираться по чужим застольям.

Однажды, явившись на пир у Лисимаха, она сокрушила самогó Феодора по прозвищу Безбожник с помощью вот какого софизма: *если в чем-то нет дурного, когда это делает Феодор, то в этом нет дурного и когда это делает Гиппархия; когда Феодор колотит Феодора, в этом нет дурного, стало быть, когда Гиппархия колотит Феодора, в этом тоже нет дурного.* Феодор не нашелся ничего возразить на это и только разодрал на ней плащ; но Гиппархия не показала ни смущения, ни женского стыда.

* **Пóртик** (*лат.* porticus) — архитектурный термин, означающий навес, поддерживаемый колоннадой, или открытую галерею. Портик служил местом для отдыха, прогулок, бесед. Вообще же портик — это крытая колоннада со стороны входа в дом.

Затем портик стал немым свидетелем казни почти 1500 человек. Теперь же, спустя столетие, эту располагающую к раздумьям галерею с колоннами стал обживать пришелец-киприот. /

Стоя Аттала II на афинской агоре.
153 – 138 гг. до н. э. Реконструкция

• Зенон никогда не отрекался от того, что он из Кития. Так, когда он был одним из вкладчиков на восстановление бани и на столбе было написано имя: «Зенон, философ», он потребовал добавить: «Из Кития».

• Остроумие Зенона было по-особенному глубоким:

/■■■ Кто-то пожаловался, что Полемон говорит не то, что обещал; Зенон спросил: «А разве одно другого не сто́ит?»

Один юноша вел слишком дерзкие разговоры; Зенон ему сказал: «Ну, мальчик, не скажу я тебе того, что думаю!» ■/

• Его произведения дошли до нас лишь в виде названий или немногочисленных отрывков из полных некогда свитков.

• **Сочинения Зенона Китийского:**

«О жизни, согласной с природою»;
«О порыве, или Человеческой природе»;
«Об эллинском воспитании»;
«Воспоминания о Кратете»;
«Пифагорейские вопросы»;
«Всеобщие вопросы»;
«Гомеровские вопросы» (5 книг);
«О слушании поэзии»;
«Учебник любви»;
«Этика»;
«Логика»;
«Государство»;
«О законе»;
«О страстях»;
«Об обязанностях»;
«О зрении»;
«О цельном»;
«О знаках»;
«О словах»;
«Опровержения».

• Зенон ввел термин «каталепсис» (понимание); сформулировал две отправные позиции стоического миросозерцания:

1. *«То, что в нашей власти»*;
2. *«То, что не в нашей власти»*.

• Биографы Зенона утверждают, что он был врагом поэзии, твердо считая, что ничто не делает человека столь мало пригодным для знания, как поэзия.

• В определениях философских предметов Зенон использовал метод объяснения неизвестного через *известное непонятное*. К этому приему он прибег и в объяснении сути времени:

♦ Время — это расстояние движения.

• Ни Зенон, ни его последователи никогда не говорили, кто есть мудрец или кто был таковым.

• Смерть его была необычной. Однажды, споткнувшись и упавши на землю, он счел это предупреждением и зовом свыше и тут же кончил свою жизнь самоудушением, задержав дыхание.

2. СУДЬБА

► Страсть Зенона к знаниям была очень жадной, но всему он предпочитал парадоксы. Когда один диалектик показал ему семь диалектических приемов для софизма «Жнец», он спросил, сколько тот за них хочет, и, услышав: «Сто драхм», заплатил двести:

/ **Софизм «Жнец»** имел такой вид:

«Если ты жнёшь, то жнёшь, а не «может быть, жнёшь, может быть, нет»; если не жнёшь, то не жнёщь, а не «может быть, не жнёшь, может быть, жнёшь», стало быть, никакого «может быть» вообще не существует и всё совершается только с необходимостью».* /

3. УЧЕНИЕ

♦ Никто, кроме мудреца, ничего не знает.

■■■ И это Зенон разъяснял жестом: показав свою руку с вытянутыми пальцами, он говорил: «Вот образ»; затем, немного согнув пальцы, заявлял: «Вот согласие»; наконец, полностью сжав пальцы в кулак, он восклицал: «А это постижение». На основании такого уподобления он дал этому явлению не употреблявшееся ранее название katalēpsis[31]. Затем он протягивал левую руку и, сильно сжимая ею кулак, говорил, что это знание, которым никто, кроме мудреца, не обладает. ■

♦ Философию можно сравнить с живым существом: кости и нервы — это логика, мясо — этика, душа — физика; или же с яйцом: наружное — это логика, следующее за ним — этика, а находящееся в самой середине — физика. Уместным было бы и сравнение с городом — хорошо укрепленным и разумно управляемым.

♦ Однажды Кратет схватил Зенона за плащ, чтобы оттащить от Стильпона. «Нет, Кратет, философов мало схватить за уши: убеди и уведи! — сказал ему Зенон. — А если ты оттащишь меня силой, то телом я буду с тобой, а душой со Стильпоном».

♦ То, что источает семена разумного, и само разумно. Но мир источает семя разумного. Следовательно, мир есть разум.

♦ Ни одно зло не заслуживает уважения. Зло — это всего лишь препятствие, которое будит в нас силу, рост и добродетель.

♦ Однажды у Зенона спросили:

— Пусть кто-нибудь будет слепцом, калекой, тяжелобольным, изгнанником, бездетным, бедняком, пусть его пытают, как ты его назовешь, Зенон?

— Счастливым.

— Даже счастливейшим?

— Конечно, ведь здесь нет никаких ступеней, как и в добродетели, а в ней заключено само блаженство.

♦ Всё *(пан)* — бесконечная пустота, наполняемая миром (космосом).

---

* Это любопытное умозаключение вошло в анналы неопровержимых рассуждений.

♦ Сущность вещей — первичная материя или то, из чего всё возникает.
♦ Материя — начало страдательное. Начало деятельное — это находящийся в материи разум, бог.
♦ Бог вечен, каждую вещь в мире он создает посредством всей материи.
♦ Если нельзя обойтись без бога, то наилучшим было бы определить его как особый род состояния материи.
♦ Во всём мире разлита *пнёвма*[32] — начало мира и его дух, смесь воздуха и огня, узлы и степени напряженности которой образуют всю лестницу тел в природе — от камней, воды и животных до человека и мудреца (существа с наивысшим напряжением пнёвмы).
♦ В наших душах заложены многие представления.
♦ Душа состоит из восьми частей: пять чувств — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание; шестая часть — голос; седьмая — воспроизводительная часть; восьмая — управляющая, которая распоряжается всеми остальными и пользуется ими на правах орудий, как осьминог щупальцами.
♦ Жить надо согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью.
♦ Мы способны и чувствами, и разумом воспринимать и познавать внешний мир.
♦ Слова — не следствие договора между людьми по поводу обозначения вещей, а, напротив, сами они обусловлены вещами и природой вещей.
♦ Свобода — это то состояние, которого достигают мудрые. Всем же остальным она неведома.
♦ Жить люди должны не обособленными городами и общинами, а как бы всеобщим стадом, так, чтобы каждый был всем остальным земляком и согражданом. Нам следует иметь не разные уставы, как это принято у разных народов, а иметь общую жизнь и единый распорядок.

4. МЫСЛИ

- Ничего нет неприличнее гордыни.
- При овладении науками самое нежелательное — это самомнение, а самое надобное — это время.
- Друг — это наше второе я.
- Тот наилучший меж всеми, кто доброму верит совету.
- Хорош тот человек, кто сам умеет умом пораскинуть.
- Как-то раз Зенон увидел чьего-то знакомого раба всего в синяках; «Вижу следы твоего нрава!» — сказал он ему.
- Мальчишке-болтуну Зенон сказал: «У нас для того два уха и один рот, чтобы мы больше слушали и меньше говорили».
- Ни одно зло не заслуживает уважения.
  Смерть заслуживает уважения.
  Стало быть, смерть вовсе не зло.
- Никто не вздумает доверять свою тайну пьянице.
  Всякий доверяет ее лишь разумному человеку.
  Следовательно, разумный человек не может быть пьяницей.

Сюнь-цзы

IV – III вв. до н. э.

Сюнь-цзы

• Древнекитайский философ

Родился: ок. 313 г. до н. э.
Умер: ок. 235 г. до н. э.

Прожил ≈ 78 лет

«Не преклоняйся перед прошлым, не скорби о будущем, не предавайся беспокойным мыслям! Когда наступит подходящий момент, нужно действовать...» *(Сюнь-цзы)*

■ **«Человек по своей природе зол... Человек рождается с инстинктивным желанием наживы... Человек рождается завистливым... Когда человек вежлив и уступчив, это противоречит его природе».** *(Сюнь-цзы)*

■ **«Я пробовал целый день размышлять, но не получил и того, что дало бы даже кратковременное учение. Я пробовал глядеть вдаль, поднявшись на цыпочки, но не увидел того простора, который видно с высоты. Когда стоишь на высоком месте и зовешь кого-либо рукой, рука не становится от этого длиннее, однако ее видно издалека. Если крикнуть по направлению ветра, голос не станет от этого сильнее, однако слушающий слышит его очень отчетливо. Если ехать в повозке, запряженной лошадьми, ноги не станут от этого быстрее, однако можно преодолеть расстояние в тысячу ли. Если плыть в лодке, от этого не станешь лучше плавать, однако можно переплывать большие и малые реки. При рождении совершенный человек не отличается от других. Он отличается от остальных тем, что умеет опираться на вещи».** *(Сюнь-цзы)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в царстве Чжао.
• В 266 г. до н. э. он покинул Чжао и совершил поездку в царство Цинь, где беседовал с циньским правителем Чжао-ваном и его сяном (первым министром) Суем (Ин-хоу) о принципах управления Поднебесной.
• В 264 г. до н. э. Сюнь-цзы приехал в царство Ци, где начал проповедовать свои взгляды в академии «Цзися». Вскоре он стал первым сановником и признанным главой ученых в царстве Ци.
• Сюнь-цзы обладал независимым характером и прямотой суждений.
• В 255 г. до н. э. Сюнь-цзы был оклеветан и вынужден переехать из царства Ци в царство Чу, где становится начальником уезда Ланьлин.

• В 250 г. до н. э. смещённый с должности Сюнь-цзы отправился в царство Чжао.

• Вскоре Сюнь-цзы возвратился в царство Чу, в Ланьлин, где был восстановлен в должности.

• В 238 г. до н. э. произошло убийство правителя области Чуньшэн, являвшегося покровителем Сюнь-цзы, и философу пришлось оставить государственную службу. Он остался жить в Ланьлине, где вместе с учениками написал свой главный труд.

• **Сочинение Сюнь-цзы:**

«Сюнь-цзы»:

/ В первоначальном тексте, состоящем из нескольких десятков тысяч слов, было 322 главы. Но в 290 из них содержатся повторы.

Поэтому в I в. до н. э. Лю Сян, последователь Сюнь-цзы, взявший на себя труд систематизировать и научно отредактировать наследие Сюнь-цзы, включил в издаваемые им сочинения философа только оставшиеся после минимизации 32 главы основного материала. Именно в таком виде памятник «Сюнь-цзы» дошел до сегодняшнего читателя.

В свою очередь отделённые главы могут быть сгруппированы по признаку авторства:

23 главы — дело самого Сюнь-цзы;

3 главы — содержат записи его учеников, сделанные при жизни учителя;

6 глав — написаны как воспоминания учеников Сюнь-цзы уже после его смерти. /

• Сюнь-цзы смело говорил правителям и их министрам «неприятное» и как результат — довольствовался бедностью и низким положением.

• Сюнь-цзы умер не востребованный и не оцененный своим поколением.

2. СУДЬБА ► В силу своей открытости и неукротимого нрава Сюнь-цзы часто становился жертвой дворцовых интриг. Как зеркало собирает свет, так и он средоточил на себе чужую клевету, зависть, недоброжелательство. Об этом свидетельствуют и подробности отстранения его от должности начальника уезда Ланьлин:

«Некто сказал правителю области Чуньшэн: «Начиная свою деятельность, Чэн Тан — основатель династии Шань-Инь (XVIII в. до н. э.) имел 70 квадратных *ли* территории, Вэнь-ван — основатель династии Чжоу, правитель царства Чжоу (XII в. до н. э.) — 100 *ли*; Сюнь-цзы талантлив, и то, что Вы дали в его распоряжение территорию в 100 *ли*, разве не представляет опасности для царства Чу?» Правитель области Чуньшэн отстранил Сюнь-цзы от должности. Сюнь-цзы уехал в царство Чжао. Спустя какое-то время один из гостей правителя области Чуньшэн сказал ему: «После того как И Инь, ближайший помощник Чэн Тана, покинул территорию Ся и перешел на службу к правителю династии Инь, Инь стала править всей Поднебесной, а Ся погибла. После того как Гуань Чжун, министр в царстве Ци (VIII – VII вв. до н. э.), покинул царство Лу и перешел на службу в царство Ци, Лу ослабло, а Ци усилилось. Значит, там, где находится талантливый человек, правителя почитают, а в государстве царит спокойствие. Сейчас самым талантливым человеком в Поднебесной является Сюнь-цзы — не означает ли это, что царству,

которое он покидает, угрожает опасность?» Тогда правитель области Чуньшэн послал человека пригласить Сюнь-цзы обратно в Чу. Сюнь-цзы в ответ составил послание правителю области Чуньшэн, в котором обрушился с критикой на царство Чу. Послание было написано в форме оды и направлено правителю области Чуньшэн. Правитель разгневался и решил снова отказаться от услуг Сюнь-цзы. Однако Сюнь-цзы всё же вернулся в Чу и снова стал начальником уезда Ланьлин».

(**В. Ф. Феоктистов.** *Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы.* 1976 г.)

► Любопытно, что ученики Сюнь-цзы, несмотря на приверженность его воззрениям, имели по наиболее жизненным вопросам и свою точку зрения. Так, Хань Фэй, достигший немалых высот (он был первым министром царства, а затем империи Цинь), в своей книге «Хань Фэй-цзы» в главе «О том, как трудно убеждать» писал:

«Трудность убеждать заключается **не в том**, что я знаю, что кого-то должен убедить, и **не в том**, чтобы с помощью красноречия уметь ясно выразить свои мысли, и **не в том**, что иной раз приходится идти наперекор сложившимся ошибочным азглядам. Трудность убеждать заключается **в том**, чтобы познать чувства того, к кому я обращаюсь, и суметь подойти к нему... Если я еще не обрел расположения господина и дал мудрый совет, благодаря которому господин добился успеха в задуманном деле, мои заслуги будут саедены на нет. Если же я дал неудачный совет и господин мой потерпел неудачу, меня заподозрят а обмане, и это чревато опасными для меня последствиями... Толкать господина на то, что он безусловно не сделает, и удерживать его от того, от чего невозможно удержать, — опасно для меня самого... Каждый советник обязан знать и приукрашивать асё, что нравится тому, кому он дает совет, и не говорить ему неприятное...»

► **Сюнь-цзы:**

«Вместо того чтобы возвеличивать Небо и размышлять о нем, не лучше ли самим, умножая вещи, подчинить себе Небо?»

3. УЧЕНИЕ

♦ Если человек старательно занимается сельским хозяйством и бережет добро, то Небо не в состоянии ввергнуть его в нищету.

♦ Спрашивают: когда возносят молитвы о дожде и он приходит, — что это значит? Отвечаю: ничего не значит. Это значит то же самое, когда идет дождь, о приходе которого не просили в молитвах. То, что при затмениях солнца и луны люди стремятся спастись от них, при засухе — молят о дожде и решения по важным делам принимают только после гадания, — всё это совсем не говорит о том, что, вознося молитвы и гадая, действительно можно добиться цели! Это всего лишь внешние украшения дел правителя. Поэтому совершенный человек считает это украшением, а для простых людей а этом заключено «божественное». Когда это считают украшением, это приносит счастье; когда же всё это обожествляют, это ведет к несчастьям!

♦ Обычно люди верят в существование нечистой силы тогда, когда мысли их находятся в смятении, а в глазах мерещится. Именно в этот момент человек несуществующее принимает за существующее...

♦ Из всех природных тел и существ только человек обладает способностью познавать и имеет чувство долга, поэтому он самое дорогое в Поднебесной.

♦ Человек в силе уступает быку, в способности бегать уступает лошади, однако он заставляет служить себе и быка, и лошадь. Почему это происходит? Отвечаю: благодаря способности людей жить сообща, в то время как бык и лошадь не обладают этой способностью. Благодаря чему люди могут жить сообща? Отвечаю: благодаря разделению обязанностей. Благодаря чему возможно это разделение? Отвечаю: благодаря чувству долга.

♦ Если человек соблюдает естестаенное *дао* и не соаершает ошибок, Небо не в состоянии навлечь на него беду.

♦ Через гармонию *инь* и *ян* рождаются вещи.

♦ То, что происходило тысячу лет назад, непременно возвращается; таково древнее постоянство.

♦ Когда изменяется внешний вид вещи, но по своему реальному содержанию эта вещь остается прежней, не рождая новой, отличной от нее вещи, это называется изменением, но гоаорить следует об одной и той же реальной вещи.

♦ Человек не видит совершаемого внутри, он видит лишь его результат... Человек знает лишь то, чего достигают аещи в своем совершенствовании, и не представляет себе самих этих невидимых изменений.

♦ Начало является концом, а конец — началом, и это походит на круг, не имеющий ни начала, ни конца. Если отбросить это, то Поднебесная погибнет.

♦ Способность познавать вещи — врожденное свойство человека; возможность быть познанными — закономерность вещей.

♦ Быть способным познавать вещи — значит уметь различать их. *Дао* человека состоит в том, что он не может не различать вещи.

♦ Если исследовать вещи, сосредоточив всё внимание на *дао*, тогда все вещи смогут быть познанными.

♦ Если стремиться постигнуть закономерности всех вещей, которые могут быть познаны, и при этом никак не ограничивать это стремление, то за всю жизнь до самой смерти так и не сможешь узнать всего! Если даже какой-либо человек постигнет закономерности бесчисленного множества вещей, то и тогда в конечном счете он не сможет узнать закономерности всех вещей и их изменений и в результате окажется похожим на глупца.

♦ Крестьянин все свои силы сосредоточивает на работе в поле, однако он не может быть управителем полей; торговец все свои силы сосредоточивает на торговле, однако он не может быть управителем рынка; ремесленник все свои силы сосредоточивает на производстве инструмента, однако он не может быть управителем этого производства. А есть другие люди: они не обладают навыками трех последних, но им можно позволить управлять и крестьянами, и торговцами, и ремесленниками. Это происходит потому, что они сосредоточили всё свое внимание на *дао*, а не на вещах. Тот, кто всё свое внимание сосредоточивает на вещах, способен управлять лишь одной категорией вещей, в то время как человек, сосредоточивший всё свое внимание на *дао*, способен одновременно

управлять всеми категориями вещей. Поэтому совершенный человек всецело сосредоточивается на *дао* и таким путем исследует вещи.

♦ Уши, глаза, нос, рот и кожа человека дают ему возможность соприкасаться с вещами, причем каждый из этих органов чувств обладает своими пределами соприкосновения, и они не могут заменить друг друга.

♦ Если придавить пальцами глаза и так смотреть на вещи, то один предмет покажется двумя. Если прикрыть рукой уши и так слушать, то тишина покажется человеку шумом. Всё это происходит потому, что человек своими действиями нарушил работу органов чувств.

Поэтому, если с горы смотреть вниз на корову, она покажется бараном, однако человек, ищущий барана, не пойдет к подножию, чтобы увести эту корову. Это происходит потому, что он понимает, что расстояние искажает величину вещей. Если с подножия горы смотреть вверх на деревья, растущие на горе, то деревья высотой в десять *жэней* покажутся величиною с палочку для еды, однако человек, ищущий палочки для еды, не поднимется на гору, чтобы сломать эти деревья. Это происходит потому, что он понимает, что высота может исказить величину деревьев! Если вода придет в движение, то вслед за этим заколеблются и отражения в воде, однако человек отнюдь не будет судить по ним о красоте самих вещей. Это происходит потому, что он понимает, что вода может ввести его в заблуждение. Подняв голову, слепой всё равно не увидит звезд на небе, однако люди отнюдь не будут решать вопрос о том, есть или нет звезды на небе, исходя из его наблюдений. Это происходит потому, что человек знает, что слепой своими глазами может ввести лишь в заблуждение. Если предположить, что найдется человек, который возьмется определять вещи при перечисленных выше обстоятельствах, это будет тупица из тупиц! При определении вещей тупицы решают вопрос о сомнительных вещах, будучи сами ограниченными.

♦ Каким образом люди познают *дао*? Отвечаю: с помощью сердца.

♦ Когда сердце помогает естественным чувствам отличить истину от лжи, это называется размышлением.

♦ Люди обычно страдают от заблуждений, вызываемых однобоким рассмотрением явлений, при котором они не имеют полного представления об их сущности. Если покончить с односторонностью, то можно снова встать на обычный правильный путь. Если же допустить, чтобы одна сторона приравнивалась к целому и ставилась на его место — возникает путаница.

♦ Сердце — господин тела и повелитель мудрости. Оно отдает приказы телу, а не принимает их.

♦ Сердце человека можно сравнить с водой в миске: когда вода находится в миске в горизонтальном положении без движения, грязь оседает, а чистая вода оказывается наверху; таким образом, в этой аоде можно увидеть усы и брови, в ней можно увидеть даже узоры на коже! Но когда на воду в миске подует слабый ветер, грязь на дне приходит в движение и чистая вода наверху делается мутной. В такой воде не различишь точные очертания предметов. Таково и сердце человека. Если направлять его с помощью принципов, воспитывать при помощи спокойствия, тогда вещи

не смогут увести его в сторону от правильного пути. В этом случае сердце человека может определить, что правильно и что неправильно, и распознать сомнительные вещи.

♦ Если сердце в смятении и беспокойстве, то пусть даже во рту будет мясо домашнего животного, человек не почувствует его прекрасного вкуса; пусть даже его уши услышат звуки колокола, они не в состоянии будут познать всю прелесть его звука; пусть даже глаза увидят платье с вышитыми узорами, они не познают его красоты... Когда сердце человека спокойно и находится в радостном состоянии, то пусть даже цвета не достигли своего обычного вида, они всё равно смогут ласкать глаз человека; пусть даже звуки не достигли своего обычного состояния, они всё равно смогут ласкать слух человека.

♦ Имя вещам дается людьми по договоренности между собой. Имя само по себе не обладает заранее данным реальным содержанием.

♦ То, с чем сталкивается человек, называется его судьбой.

♦ Мэн-цзы говорил: «Человек по своей природе добр». Я говорю, что это неправильно.

∇ ◐ Тема зла и присущности его человеку была не только общей, но и проблемной для философов. Почему-то считалось и считается, что не чье-то понимание того или иного явления называется злом, а, напротив, уже наличествующее как якобы фактическая данность зло покрывается тем или иным «философским» пониманием.

Но куда проще и ближе к истине было бы признать, что люди — не плохие и не хорошие, не злые и не добрые. Они такие, каковы они в общении. Подобно тому, как стеклянный шар и хрупкий, и крепкий — в зависимости от того, с чем он соприкасается: если с железом, то хрупкий, если с поролоном, то крепкий. А сам «по себе»? — А никакой. Характеристика предмета — это результат только и исключительно *взаимодействия*.

Здесь же хотелось бы коснуться и попутной проблемы, а именно ложной формулы о торжестве зла.

Субстантивируя зло, мыслители, гримируясь в мудрость, в страдальческой затравленности спрашивают: почему зло торжествует, а праведные и честные влачат трудную жизнь и незаслуженно подвергаются гонениям?

На это можно возразить таким ответом: а почему всем скатывание с наклонной плоскости традиционно видится делом простым, а подъем или поднятие рисуется требующим затрат и усилий?

Ведь что мешает пристальнее всмотреться в суть дела?! Во-первых, скатывание вниз — не всегда в радость: можно скатиться и куда-то не туда. А во-вторых, следовало бы учесть, что для исполнения скатывания всё «скатывающееся» находится ***ужé*** в верхней точке, следовательно, было поднято, и «легкость скатывания» — это иновыражение усилий по подъему, которые — при скатывании — не столь очевидны.

Выходит, что любая добродетель — это результат ранее совершённого злодеяния! Чтобы пролился благодатный дождь, сначала должны появиться грозные тучи.

То, что традиция называет «злом», на самом деле есть работа обеспечения созидания. Чтобы умирающий больной засмеялся, врач должен пустить ему кровь, скормить какую-то горечь, резать его, заковывать в гипс, вырезать органы.

Боль рождения, му́ки рождения — залог самого́ рождения.

Всё должно быть в трудах поднято, прежде чем оно легко скатится. Скольжение — это составная часть подъема.

Не завидуйте легкости траты денег, ведь сначала надо было их заиметь.

Фундамент добра — не добро: яблоко хоть и «от яблони», но оно не яблоня. Основание явления в своих истоках может вполне не совпадать с ним и даже быть противоположным; ближайший пример тому — несъедобность корней плодовых деревьев.

Так называемые «добродетельные» — не лучше критикуемых ими «злых». Они как раз те, которые хотели бы только соскальзывать. Не тратясь на подъем. Но ведь известно же: любишь кататься с горок, люби и саночки возить вверх!

Так что торжествует не зло, а бо́льшая жизненная приспособленность, социальная гибкость и ситуационная пластичность. Это тоже труд, это тоже усилия, и это, не в последнюю очередь, **искусство** адаптации, таинственное и извечное умение идти кратчайшим и менее затратным путем к цели или ориентирам устремления.

Любая победа, — чья бы она ни была, — это показатель *недостаточности* одолённого, и чем скорее люди это осозна́ют и призна́ют, тем раньше «добрые» начнут качать мышцы своих желаний вместе с обеспечиванием средств их осуществления.

Общественная жизнь справедливее сетований морали. «Не нравится? Одолей!» — вот ее предписания.

В утверждении Сюнь-цзы совершенно нет подтекстового «проливания слез». Он как ученый констатирует непреложный факт:

в человеке есть основания принуждающего обеспечения согласия других с его самореализацией.

И заметьте, у него для этого есть всё необходимое: природа позаботилась и о его уме, и о силе его тела, и о коварстве натуры, и о хитрости поведения.

Так разве человек нарушает что-либо, если он всего лишь проявляет то, чем наделён от рождения?! ◑

♦ Спрашивают: если человек по своей природе зол, то как появились ритуал и чувство долга? Отвечаю: все нормы ритуала и долга появились как результат деятельности совершенномудрых, а не из врожденных качеств человека. Например, гончар с помощью формочек изготавливает из глины гончарные изделия; в этом случае гончарные изделия представляют собой результат труда человека, а не его врожденных качеств. Рабочий, обтесывая дерево, изготавливает из него деревянные изделия; в этом случае деревянные изделия представляют собой результат труда рабочего, а не его врожденных качеств. Совершенномудрые после долгих размышлений и изучения действий людей ввели нормы ритуала и понятие чув-

ства долга и создали систему законов... совершенномудрые изменили свою природу человека и стали первыми заниматься практической деятельностью; после того как появилась практическая деятельность, родились ритуал и долг; после того как родились ритуал и долг, были выработаны законы. Таким образом, ритуал, долг, законы — всё это результат деятельности совершенномудрых! Поэтому совершенномудрые не отличаются от других людей по своей природе, но отличаются от них своими действиями.

♦ Как появился ритуал? Отвечаю: человек от рождения обладает желаниями; когда эти желания не удовлетворяются, неизбежно возникает стремление добиться их удовлетворения; когда в этом стремлении человек не знает границ и пределов, неизбежно возникает соперничество. Когда возникает соперничество — это приводит к смуте, а смута приводит к нищете. Ваны-предки питали отвращение к смутам, поэтому они создали нормы ритуала и долга, чтобы в соответствии с ними разделять людей, удовлетворять их желания и стремления. Добиться того, чтобы желания не превосходили возможности вещей их удовлетворять, а вещей всегда было бы достаточно для удовлетворения желаний, когда и желания, и вещи соотаетствуют друг другу и взаимно растут, — такова причина появления ритуала.

♦ В древние времена совершенномудрые, видя, что человек по своей природе зол, именно поэтому и создали власть правителя, чтобы следить за людьми, разъясняли основы ритуала и долга, чтобы воспитывать людей.

♦ Если распределение будет равным, тогда не хватит на всех; если уравнять власть, станет невозможным единство; если все будут равны, никого не заставишь работать. Подобно тому, как существуют небо и земля, существуют различия между теми, кто наверху, и теми, кто внизу.

♦ Положение людей от ученого и выше нужно регулировать с помощью ритуала и музыки; если говорить о простых людях, народе, то управлять ими нужно с помощью законов.

♦ Ваны-предки знали, что, если те, кто стоит над людьми, кто правит ими, не прекрасны и не украшены красивой одеждой, они не смогут объединить народ...

♦ Если те, кто стоит над людьми и правит ими, не богаты и не щедры, они не смогут управлять теми, кто находится внизу.

♦ Если хочешь видеть, что было тысячу лет назад, вникай в современность; если хочешь познать огромное множество вещей, начинай их изучение с одной или двух; если хочешь узнать о делах поколений древности, вникай в *дао* эпохи Чжоу; если же хочешь вникнуть в *дао* эпохи Чжоу, изучай дела совершенных людей, которых почитают твои современники.

♦ Существуют четыре вида мудрости:

1. **МУДРОСТЬ СЛУГИ**: быстрота, находчивость, остроумие и проницательность в речи, но отсутствие в ней последовательности; способность разрабатывать учение, которое, однако, никому не нужно, нежелание считаться с правдой и ложью...;
2. **МУДРОСТЬ НИЧТОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА**: лицемерие в словах, нарушение всех принципов в поступках, множество ошибок в делах;

3. **МУДРОСТЬ ОБРАЗОВАННОГО СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА:** способность говорить мало, но прямо и сжато, способность излагать свои мысли по порядку, словно каждое слово нанизано на одну ниточку, и быть сдержанным;
4. **МУДРОСТЬ СОВЕРШЕННОМУДРОГО:** последовательность в изложении, способность целыми днями обсуждать причины тех или иных явлений, рассматривать их со всех сторон и в то же время сохранять единую последовательность.

♦ Лучше сначала дать возможность народу получить выгоду и лишь затем отобрать часть ее, чем совсем не давать народу возможности получать выгоду и отнимать ее у него.

♦ Спрашивают: как осуществлять управление государством? Отвечаю: мудрых и способных людей нужно выдвигать на должности независимо от их положения и происхождения; ленивых и неспособных людей нужно немедленно отстранять от должности.

♦ Народ легко заставить быть единым в своих стремлениях, если использовать для этого правильный путь, но нельзя совместно с ним выяснять необходимость этого.

4. МЫСЛИ

- Новорождённые везде плачут одинаково. Когда же они вырастают, у них оказываются неодинаковые привычки. Это — результат воспитания!
- Орхидея сама по себе ароматна, но если опустить ее в мочу, то совершенный человек не подойдет к ней, а простые люди не будут носить ее на поясе! Это объясняется не тем, что орхидея по своим качествам нехороша, — отвратительна моча, в которую ее опустили. Поэтому совершенный человек предпочитает жить в хорошем месте, а дружбу заводить лишь среди людей образованных. Всё это он делает для того, чтобы оградить себя от лжи и подлости и сблизиться с честными, прямыми людьми.
- Если будешь поступать слишком жестоко, тебя постигнет неудача; если же будешь действовать слишком мягко, сам окажешься в оковах.
- Все вещи стремятся к себе подобным.
- Люди иногда сами своими словами накликáют на себя беду.
- Совершенный человек осторожен в выборе своего места.
- Кто не отдастся целиком делу, не будет иметь блестящих успехов.
- Учиться надо всю жизнь, до последнего дыхания. Кто же бросает учиться — тот зверь.
- В учении нет более удобного способа, чем личные встречи с учителем.
- Когда задают неприличный вопрос, отвечать на него не следует.
- С тем, кто любит спорить, не надо вступать в пререкания.
- Когда заботятся только о личной выгоде и забывают о чувстве долга — это называется величайшей подлостью.
- Предание гласит: «Правителя можно сравнить с лодкой, а народ — с водой: вода может нести лодку, а может ее и опрокинуть».
- Каждый человек что-то считает правильным — это одинаково свойственно и мудрому, и глупому. Однако то, что они считают правиль-

ным, отлично одно от другого; в этом и состоит различие между мудрым и глупым.

- Заниматься делом — это то, что ненавидят люди; заслуги и власть — это то, что они любят.
- Смерть наступает один раз, человек не возвращается.
- Музыка, звуки глубоко проникают в сознание человека, быстро изменяют его; поэтому ваны-предки предусмотрительно делали музыку красивой. Когда музыка гармонична и спокойна — в народе царит согласие и благопристойность.
- К словам, которые нельзя проверить, к действиям, которых не было раньше, к замыслам, о которых ранее ничего не было слышно, — ко всему этому совершенный человек относится осторожно.
- Люди любят и ненавидят одни и те же вещи, но желающих много, а вещей мало.
- Бывают случаи, когда методы правления прекрасны, а в стране — смута; но с древности и до наших дней не было слышно, чтобы смута существовала при совершенном правителе.
- Каким образом правителю легче всего добиться могущества, спокойствия в стране и славы и избежать слабости, опасностей и позора? Отвечаю: нет пути легче, чем выбрать себе достойного первого министра (*сяна*)!
- Действия Неба обладают постоянством. Ясно сознающий различие между небесным и человеческим может быть назван высшим человеком. Совершающееся помимо человеческих деяний и получающееся помимо человеческих устремлений называется деятельностью Неба. А если так, то высший человек, обладая глубоким рассудком, большими способностями и тончайшей наблюдательностью, не станет применять их здесь. Это называется не оспаривать деятельность Неба. Именно совершенномудрый человек не стремится познать Небесное.
- Сердце никогда не бывает ненаполненным, и, однако, оно обладает тем, что называется пустотой. Когда то, что уже наполнило сердце, не вредит тому, что им будет воспринято, это называется пустотой.
- Не слышать о чем-то — хуже, чем слышать; слышать о чем-то — хуже, чем видеть это; видеть что-то — хуже, чем знать это; знать что-то — хуже, чем воплотить это в действии. Учение доходит до предела и завершается в действии.

Хань Фэй

III в. до н. э.

Хань Фэй

- Древнекитайский философ

Родился: 288 г. до н. э.
Умер: 233 г. до н. э.

Прожил — 55 лет

> **«Для ума существует то, что он не может познать, для силы существует то, что она не может поднять, для могущества существует то, что оно не может победить».**
>
> *(Хань Фэй)*

■ **«Мудрец не стремится следовать древнему, не берет за образец неизменное, а, обсуждая дела своего века, применяется к обстоятельствам».** *(Хань Фэй)*

■ **«Природа человека себялюбива, ей свойственны любовь к выгоде и ненависть к беде».** *(Хань Фэй)*

■ **«Если при завершении дела возникает вред, но при сравнении оказывается, что польза больше вреда, следует идти на это».** *(Хань Фэй)*

■ **«Правителю надлежит быть окруженным таинственностью».** *(Хань Фэй)*

1. ЖИЗНЬ

- Происходил из знатной аристократической семьи царства Хань, родственной правящему дому.
- С детства был заикой.
- Учился у Сюнь-цзы, интересовался идеями Шан Яна, Шэнь Бухая (умер в 337 г. до н. э.), а также даосов.
- Как и многие крупные мыслители до него, Хань Фэй был *«легистом»* [от *ср.-лат.* legistae < lex (legis) закон], т. е. увлекался проблемами управления государством и являлся сторонником того взгляда, что «законы — это отец и мать народа. Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые — все должны следовать закону. Это и называется великим искусством правления» (*Гуань Чжун,* первый советник в царстве Ци, середина VII в. до н. э.,):
  - Путь просвещенного правителя состоит в том, чтобы создать единый закон.
- Опираясь на мысли Шан Яна, ставившего на первое место **закон** («Законы и предписания — жизнь народа и основа управления»), Шэнь Бухая, ставившего на первое место **искусство власти** («Хорошо действую-

щий правитель прячется в безделье, скрывает мотивы своих поступков и показывает Поднебесной свое недеяние»), и Шэнь Дао, ставившего на первое место **силу иерархии** («Мудрость недостаточна для приведения к покорности порочных, но влиятельное положение достаточно, чтобы согнуть мудрых»), Хань Фэй разработал учение о «трех инструментах» и «двух рычагах»:

♦ Соблюдение закона, наличие власти, использование искусства управления приводят к порядку. Все три элемента — средство от беспорядков в стране. Нельзя допускать отсутствия хотя бы одного, все они — инструменты в руках правителя. ♦

♦ В каждом законе есть два начала. Они же — два рычага: рычаг наказания и рычаг добродетели (награды). Убийства и казни называются наказаниями, подарки и награды называются добродетелью. ♦

• **Сочинения Хань Фэя:**

«Ропот одинокого» (235 г. до н. э.):

/◐ В этом сочинении Хань Фэй анализирует природу «дворцовой власти». Со знанием дела рисуя картины «интриги перехвата», он вдумчиво и очень глубоко, даже пространно выясняет вопрос: может ли преданный государю правдивый одиночка быть «в поле воином» ◑:

♦ Умные и сведущие в законах люди и распоряжающиеся властью узурпаторы являются непримиримыми врагами.

♦ Редко бывает так, чтобы узурпировавший власть не пользовался бы доверием и любовью государя, который к тому же давно знаком с ним. Доходит до того, что такой человек подлаживается к настроениям государя, поддакивая ему и в хорошем, и в плохом. Используя всё это, он и делает карьеру. Должности и звания такого человека почетны и важны, сообщников у него толпы, и всё государство воспевает его.

♦ А когда к государю хочет обратиться человек, сведущий в законах и искусстве управления, то он не находит у государя ни доверчивого и любовного отношения, ни давнего прочного знакомства. Когда он хочет речами о законе и об искусстве управления выправить заблуждения государя, то оказывается, что его взгляды противоречат настроениям государя. Такой человек занимает низкое положение, влияние его ничтожно, у него нет сторонников, и он одинок... он может ждать долгие годы, но так и не пробиться к очам государя; а узурпировавший власть... может обращаться к государю хоть каждый день. ♦

∇ ◐ Наверное, каждому могут показаться чем-то несуразным поучения человека царям, который сам царем никогда не был. Ну, скажите, разве возможен совет сапожника... астроному?! Конечно, оказывать участие «мастеру подметки» не запретишь, но вот будут ли его подсказки полезными и уместными?

Однако, с другой стороны, ведь известно же, что «слово, которое тебе поможет, ты сам себе не скажешь». Истинный совет — это тот, что несет в себе как бы **свет**, и потому, по определению, он должен

быть только *извне*. И если вы, читатель, сейчас же вспомнили высказывание проницательного Руставели (XII в.): «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», то почему бы нам всем не потерять из памяти и такое суждение: чем дальше отойдешь, тем больше увидишь.

Только скучая, можно захотеть; только захотев, можно разочароваться; только разочаровавшись, можно испытать страсть. Так что же мешает *не царю* понять «царское дело»? ◑ /;

«Пять паразитов» (234 г. до н. э.):

/ Эта книга значительно (в несколько раз) превышает объем книги «Ропот одинокого». В ней Хань Фэй рассуждает о «пути» совершенномудрых правителей древности и обращает внимание на две характерные черты, делающие государя *совершенномудрым*: заботу о нуждах народа и умение перестраивать методы управления страной в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Свою принципиальную установку на антидогматизм он иллюстрирует притчей, которая впоследствии вошла золотой идеей в фонд китайской политической культуры:

> «Некий житель царства Сун пахал поле, а среди поля стоял пень. Бежал откуда-то заяц, наскочил на пень, сломал себе шею и сдох. Увидев это, пахарь оставил соху и стал у пня в надежде заполучить еще одного зайца.
>
> Второго зайца он, конечно, не заполучил, а сам сделался посмешищем всего Сунского царства.
>
> Ныне те, кто желает мерами прежних государей управлять нынешним народом, подобны этому стерегущему у пня».

// Один из хроникеров древности сообщает:

Кто-то доставил книги Хань Фэя в царство Цинь. 25-летний циньский царь Цинь Шихуан (сын умершего в 246 г. до н. э. государя Чжуан Сянвана; тогда Шихуану было 13 лет, и имя его тогда было Ин Чжэн), прочитав «Ропот одинокого» и «Пять паразитов», воскликнул: «Вот что мне нужно! Я готов пожертвовать жизнью ради того, чтобы встретиться и побеседовать с автором!» И тогда Ли Сы, легист, уроженец царства Чу и очень влиятельная персона в окружении Цинь Шихуана, почтительно заметил: «Эти книги написал Хань Фэй». // /;

«Хань Фэй-цзы»:

/ Это сочинение — книга-сборник. Все предыдущие работы Хань Фэя вошли в нее как главы. В современном тексте книги «Хань Фэй-цзы» пятьдесят пять глав. Далеко не все из них можно признать аутентичными, т. е. принадлежащими либо самому Хань Фэю, либо его ученикам. На протяжении долгих веков произведение «Хань Фэй-цзы» подвергалось многочисленным искажениям. Работу по восстановлению первоначального варианта книги до сих пор нельзя считать полностью законченной. /

Цинь Шихуан читает трактат Хань Фэя.
(В Древнем Китае текст книги заносился на продолговатые бамбуковые пластинки, которые связывались кожаными шнурами.)

• ◐ Философские основания взглядов Хань Фэя конкретны и лишены вычурности. Есть только то, что есть, а то, чего нет, того нет, нет и нет. Правда, осторожность исследователя предостерегла Хань Фэя от «литых», категоричных суждений, и этот его «пилотаж» так свеж в своей наивности и столь безыскусен в своей простоте, что грех не умилиться начальными шагами его философии. Хотя как много в робости ученого крупиц подлинных проблем, и не только таких, решения по которым не найдены до сих пор! Мне думается, что нижеследующий фрагмент просто уникален по тематике смысла и по способу анализа. Судите сами ◑:

♦ Действие, происходящее раньше появления вещей; поступок, совершаемый раньше выявления *ли* в вещах, называют опережающим знанием. Опережающее знание — это предположение, не имеющее оснований.

Откуда это видно? Однажды Дань Хэ, сидя дома, вел беседу. Ученики были рядом. За воротами промычала какая-то корова. Ученик сказал: «Эта черная корова с белым пятном на лбу». Дань Хэ сказал: «Верно, эта черная корова, но белое у нее на рогах». Послали человека посмотреть. Действительно, оказалась черная корова, рога ее были обмотаны белой холстиной.

Методом Дань Хэ опутывают сердца простых людей, и этот прием опасен.

Поэтому говорится: «Это цветок *дао*».

Если попробовать провести проверку созерцания Дань Хэ, то, послав малого несмышленого ребенка посмотреть, узнают, что это черная корова, а рога обмотаны холстом. Поэтому созерцанием, по Дань Хэ, причиняют страдания сердцу, вредят душе, а впоследствии результат оказывается такой же, как у малого несмышленого ребенка. На этом основании говорят: «Это начало глупости».

Поэтому говорится: «Опережающее знание — это цветок *дао* и начало глупости».

• ◐ Композиционно систематика воззрений Хань Фэя очень привлекательна и притягательна. Порой он просто обвораживает вас своим искусством плести кружева изощренных мыслей. Он один из тех немногих ученых, чьи научные построения запоминательны не столько своей обширностью и разработанностью, сколько нестандартностью и неожиданностью ракурса. Но есть в нем и совершеннейшая от всех отличительность. Это «дуплетное доказательство». Суть здесь в том, что обоснование строится **впараллель** по убедительности и фактовому материалу. Как вот в этих двух фрагментах ◑:

♦ Если правитель не владеет *дао*, то внутри он жесток и бесчеловечен по отношению к своему народу, а вовне — агрессивен и коварен по отношению к соседним царствам. Если внутри он жесток и бесчеловечен, то народ прекращает занятие производством. Если вовне он агрессивен и коварен, то происходят многочисленные сражения. Если народ прекращает заниматься производством, то меньше рождается скота. Если происходят многочисленные сражения, то гибнут все солдаты и офицеры. Если скота рождается меньше, то боевых коней недостаточно. Если гибнут солдаты и офицеры, то войска подвергаются смертельной опасности. Если боевых коней недостаточно, то в войска выставляются кобылы. Если войска подвергаются смертельной опасности, то к воинской повинности привлекаются близкие правителю сановники. Кони — это важнейшее средство, применяемое войском. Окрестности означают места, близкие к столице. Ныне войска предоставляют кобыл и близких сановников, поэтому говорится: «Когда в Поднебесной отсутствует *дао*, то боевые кони пасутся в окрестностях».

♦ Чрезмерное желание выгоды для себя приводит к заботам. Если есть заботы, то появляется недомогание. Появляется недомогание, и действенность мудрости ослабевает. Если действенность мудрости ослабевает, то теряется чувство меры. Если теряется чувство меры, то действия предпринимаются беспорядочно. Если действия предпринимаются беспорядочно, то приходят несчастья и страдания. Приходят несчастья и страдания, и недомогание охватывает всё нутро человека. Если же недомогание охватывает всё нутро, то приводит к страданиям. Несчастье вовне человека вызывает горести. Если страдание и боли проникают в кишки и желудок, то они жестоко ранят человека, вызывая мучительную боль. Если жестоко ранят,

то человек, отступив перед болью, сам себя корит. Таким образом, отступление и укор самого себя порождены желанием выгоды для себя. Поэтому говорится: «Нет большей опасности, чем желание выгоды для себя».

• Советы Хань Фэя правителям были столь мощны в своей адекватности и наблюдательной прозорливости, что и сегодня они всё еще читаются как самые нужные и важные. Их полезность, как говорится, проверена временем:

♦ Выгода государя в том, чтобы иметь способных подданных и назначать их на должности, а выгода чиновников в том, чтобы, не имея способностей, распоряжаться делами; выгода государя в том, чтобы иметь заслуженных подданных и вознаграждать их; выгода чиновников в том, чтобы, не имея заслуг, быть богатыми и знатными; выгода государя в том, чтобы выдающиеся люди служили ему по своим способностям; выгода чиновников в том, чтобы использовать в личных целях своих друзей и сторонников... Таким образом, государь теряет силу, а чиновники завладевают государством; государь опускается до положения подчиненного чиновника, а первый министр начинает распоряжаться раздачей чиновничьих верительных бирок.

♦ Правитель ни в коем случае не должен делить ни с кем свою власть. Если он уступит чиновникам хотя бы крупицу власти, они тут же превратят эту крупицу в сто крупиц.

♦ Мудрый правитель скрывает свои следы, утаивает причины своих поступков, дабы чиновники не воспользовались ими; удáливает свою мудрость, принижает свои способности, дабы низшие не могли разобраться в них, лишает чиновников надежды и использует их так, чтобы они не желали власти правителя.

♦ Надо постоянно поддерживать в чиновничьей среде атмосферу подозрительности и взаимного недоверия, умышленно раскалывать сановников на противоборствующие группировки, тайно поддерживать их и тем самым добиваться ослабления влияния чиновничества на власть.

• Хань Фэй предложил ряд способов воздействия на чиновников с учетом психологических особенностей аппаратных, так сказать, игр и раскладок: предоставлять чиновникам высокие должности и оклады, но держать их в страхе за свою судьбу; постоянно напоминать чиновникам, кому они обязаны своим благополучием и как следует себя вести, чтобы не лишиться всех благ; держать в руках добродетельных чиновников, угрожая им уничтожением семьи и всей патронимии; ввести систему слежки и поощрения доносов.

• ◐ Мыслительная оригинальность Хань Фэя очень любопытна. Классификационно он может быть определен как философ «властного действия». Его размышления над сутью «государевой тактики» (а если более точно, то «интриг в высшей сфере») настолько тщательны и ёмки, что его приоритет и заслуги в этой части совершенно бесспорны и исторически непреходящи. ◑

2. СУДЬБА

Хань Фэй ввел в государственный терминологический оборот новую категорию преступлений — «тяжкие преступления»:

♦ Всякий, даже малейший обман государя следует квалифицировать как тяжкое преступление, и оно заслуживает смерти. Начинать казни следует с высших чиновников, призвав первым к ответу самого самовластного. Тогда положение в царстве в корне изменится и правитель вновь обретет власть над администрацией, ибо разумный человек, который дальновиден и боится смерти, ни за что не пойдет за самовластным узурпатором; мудрец, который совершенствуется в бескорыстии и стыдится обманывать своего государя заодно с коварными чиновниками, ни за что не пойдет за самовластным узурпатором. Что же касается тех, кто плетется за узурпатором, то коли это не глупцы, не понимающие опасности, так это непременно низменные личности, не удерживающиеся от коварных деяний. Лишить их жизни и есть главное дело правителя.

Хань Фэй испытал все злоключения творческого человека и сполна познал бедственную и трагическую судьбу оригинального ума и нестандартной личности:

- Видя неуклонное ослабление царства Хань, он представил его правителю доклад, в котором предлагал в целях усиления царства изменить законы, но его предложение не было принято.
- В царстве Хань к нему был благосклонен император, но завистники оказались сильнее, и главный из них — Ли Сы, соученик Хань Фэя, — приказал засадить философа в тюрьму, где тому пришлось впоследствии принять яд.

Циньский император Цинь Шихуан, руководствуясь на практике идеями Хань Фэя об управлении с помощью закона, смог успешно завершить объединение страны. Однако — ◐в исторических констатациях исследование обязано быть беспристрастным◑ — тот же Цинь Шихуан в 213 г. до н. э. приказал закопать живьем в землю 460 современных ему видных конфуцианцев.

В 140 г. до н. э. был издан специальный императорский эдикт, запрещавший принимать на государственную службу сторонников легизма. В нем содержался абзац, где имя Хань Фэя перечислялось в списке лиц нежелательного направления взглядов:

«Если среди тех, кого выдвигают в число мудрых ученых, найдутся люди, которые станут мешать управлению страной, используя учение... Хань Фэя... то просим всех их оставить службу при дворе».

/◐ Может быть, история есть не только череда событий, но и некий непрерывный нравственный урок. Ведь в свое время Хань Фэй предлагал уничтожение всей конфуцианской литературы как наиболее эффективное, с его точки зрения, средство из всего, что могло бы способствовать более успешному внедрению единого законодательства:

♦ В государстве мудрого правителя нет книг ученых. ♦

И разве не справедлив приговор веков всем таким людям и их действиям: «Не стреляйте в прошлое из пистолета, иначе будущее выстрелит в вас из пушки»? ◑/

3. УЧЕНИЕ

♦ *Дао* — начало всех вещей; благодаря ему образуются все вещи; оно делает вещи такими, как они есть.

♦ В общем, сущность *дао* в том, что оно не навязывает свою волю и не имеет своей формы, а гибко и легко следует за временем в соответствии с *ли* (принципом).

♦ *Дао* родилось вместе с рождением неба и земли и не умрет и не придет в упадок, даже когда небо и земля исчезнут.

♦ Человек редко видит живых слонов, но, обретя кости мертвого слона, на основании его рисунка представляет его живым. Поэтому обо всём, что представляется людьми в сознании, говорится: «Образы». Ныне, хотя *дао* нельзя усвоить на слух и зрением, совершенномудрый фиксирует его видимые результаты и с помощью этого по частям видит его очертания. Поэтому относительно *дао* говорится: «Форма без форм, образ без существа».

♦ Можно, конечно, предоставить свободу человеколюбию и милости, но что тогда будет с системой законов? Она разрушится.

♦ В государстве мудрого правителя нет письмен на бамбуковых дощечках, а обучают с помощью закона, нет заветов покойных ванов, а учителями являются чиновники.

♦ Власть прячется в груди, чтобы быть готовой к различным событиям и незаметно управлять своими слугами.

♦ При наличии способностей, но при отсутствии искусства управления даже мудрый не сможет управлять порочными.

♦ Управляя народом в опасное время, нельзя пользоваться великодушной и мягкой политикой.

♦ Управлять живущим в настоящее время народом нельзя на основе методов покойных правителей.

♦ В периоды, когда происходит великая борьба, нельзя уступать друг другу.

♦ В настоящее время правителям приходится иметь дело совсем с иным народом, чем раньше. Теперь пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе идет борьба, ибо бедность и богатство — это не одно и то же. Отсюда следует вывод, что такие традиционные понятия, как *человеколюбие, милосердие, добро* и *зло*, уже исчерпали себя. Они исчерпали себя не только в жизни, когда люди ныне в голодный год не накормят и младшего брата, но и в политике, ибо народ сам стал иным. В этих условиях меняется и дело *совершенномудрого* — он уже не обязан непременно заботиться обо всём народе и руководствоваться принципами *человеколюбия*.

Совершенномудрый осуществляет управление, принимая во внимание обилие и нехватку в имуществах, разбираясь в недостатке или полноте власти. Поэтому, когда его наказания незначительны, это не является милосердием, а когда его кары строги, это не является жестокостью. Он просто действует в соответствии с существующими нравами. Поэтому

его деятельность исходит из задач времени, а его средства соответствуют задачам деятельности.

♦ Лепешка, оставленная на время, черствеет и потом оказывается непригодной в пищу. Такое же происходит и с заветами древних: некоторые из них уже нельзя использовать сейчас.

♦ Ныне и конфуцианцы, и моисты превозносят прежних правителей, которые проявляли всеобщую любовь ко всем в Поднебесной, относились к народу, как родители к детям. Откуда видно, что это так? На это они отвечают: «Когда главный судья налагал наказание, государь переставал веселиться, когда ему докладывали о смертной казни, государь лил слезы». Вот за это и восхваляют древних правителей. Но ведь утверждать, что если отношения между государем и подданными будут подобны отношениям между отцом и сыном, то непременно будет порядок, — значит исходить из того, что в отношениях поколений не бывает никаких нарушений. В чувствах человека нет ничего сильнее родительской любви, все проявляют такую любовь, но далеко не у всех порядок. Хотя родительская любовь щедра, но разве в семьях обходятся без беспорядков?.. Если закон требовал наложения наказания, а государь при этом лил слезы, то этим он выражал свое человеколюбие, а не осуществлял управление. Проливать слезы и не желать прибегать к наказаниям — это человеколюбие; однако нельзя не прибегать к наказаниям — таков закон. Человеколюбием нельзя управлять. К тому же народ прочно подчиняется силе и мало может помнить о чувстве долга.

♦ Упорядоченности и силы нельзя приобрести извне, они кроются во внутренней политике. Ныне, кто не следует закону и искусству управления во внутренних делах, а нацелил свой ум на дела внешние, у того государство не станет сильным и упорядоченным. Поговорка гласит: «С длинными рукавами хорошо танцевать, с большими деньгами хорошо покупать». Это о том, что добиваться успеха легко, когда для этого есть все условия. Поэтому государству упорядоченному и сильному легко строить замыслы, а государству слабому и расстроенному трудно что-либо планировать.

♦ В каждом государстве есть свои люди-«паразиты». Их пять категорий. Если правители не искоренят таких и не займутся воспитанием порядочных людей, то что же удивительного, что в мире еще будут разрушающиеся государства и гибнущие династии? Вот они, эти пять опасных для государства типов людей:

1) ученые, которые расхваливают путь прежних правителей под предлогом их гуманности и следования чувству долга, пышно украшают свои одежды и изощряются в изысканных речах, вызывая сомнения в существующих законах и раздвоенность в душе правителя;

2) болтуны, которые несут всякий вздор, опираются на внешние силы, чтобы устроить свои личные дела и отбросить дела, полезные для алтаря земли и злаков, каковым является любое царство;

3) те, кто носят мечи, собираются толпами, выставляют напоказ свои качества, чтобы прославить свое имя и нарушить запреты высших чиновников;

4) те, кто страшатся повинностей, собираются в частных домах, употребляют всё свое добро на взятки, чтобы упросить самовластных чиновников и уклониться от тяжких трудов и воинской службы;

5) торговый и ремесленный люд, который изощряется в изготовлении грубых подделок, собирает у себя несметные запасы, а собрав их, выжидает время, чтобы посягнуть на выгоды земледельцев, занимаясь перепродажей продуктов в зимнее время или неурожайные годы.

♦ Чтобы государство ослабло и перестало управляться, достаточно поступать так:

Вариант № 1. Выдавать награду отрубившему голову врага и в то же время высоко ставить доброе и милосердное поведение; давать ранги знатности и жалованье взявшему вражеский город и в то же время верить в учение о всеобщей любви, обогащать государство с помощью земледелия и отражать врага, опираясь на воинов, и в то же время ценить людей, отличающихся культурой и ученостью; отстранять людей, уважающих государя и боящихся закона, и в то же время воспитывать толпы удальцов, самовольно орудующих мечами.

Вариант № 2. В 496 г. до н. э., как раз на 14-м году правления луского царя Дин-гуна, Конфуций был назначен на должность *дасыкоку* — руководителя судебного ведомства. В его обязанности входило вести дознание и выносить приговоры по всем нарушениям существовавшего в те времена в царстве Лу законодательства. И случилось тогда одному воину, ходившему со своим государем на войну, в трех сражениях трижды показывать спину. Разумеется, трус подлежал суровому наказанию, и потому дело попало к Конфуцию. На вопрос о причине нарушения воинского долга лусец ответил: «У меня старый отец, если я умру, некому будет его содержать». То есть сыновняя почтительность столкнулась лоб в лоб с обязанностями государева подданного. Конфуций был не из мягкой породы. Известно, что именно он приговорил к смертной казни луского *дафу* Шаочжэн Мао за выступление против царя. Но при вынесении решения по делу струсившего воина Конфуций отдал предпочтение не закону, карающему за пренебрежение долгом, а *сяо* (сыновней почтительности). Конфуций был хорошим чиновником, но он был еще и мыслителем. В данном случае победил мыслитель. Вот к каким пагубным для государства последствиям может привести следование конфуцианским канонам.

4. МЫСЛИ

◪ Ныне твердых и вызывающих доверие людей не больше десятка, а чиновничьих должностей в стране — сотни. Если непременно назначать на них твердых и вызывающих доверие людей, то таких не хватит, чтобы заполнить все чиновничьи должности. А если не хватит людей заполнить чиновничьи должности, то поддерживающих порядок будет мало, а сеющих смуту — много. Поэтому путь просвещенного правителя состоит в том, чтобы создать единый закон, а не разыскивать умных, крепко овладеть искусством управления, а не восхищаться людьми, вызывающими доверие. И тогда закон не рухнет, а среди массы чиновников не будет злодеев и обманщиков.

- Обычно мудрыми называют тех, чье поведение твердо и вызывает доверие; умные же — это те, чьи речи утончённы и таинственны. По отношению к умникам нужна осторожность. Ведь в делах по управлению миром, не добившись того, что является настоятельным, не торопятся с тем, с чем можно повременить. Ныне те, кто занимается управлением, не годятся даже для решения простонародных дел, ясных и понятных простым мужикам и бабам, но восхищаются речами, понятными только самым умным. Это противоречит принципам управления. Поэтому утонченные и таинственные речи ни к чему для народа.
- Сейчас есть такие, которые говорят людям: «Непременно смогу сделать тебя умным и долголетним». Но весь мир считает это чепухой: ведь ум дается природой, а долголетие дается судьбой. Природа и судьба — это то, чего люди не могут постичь. А прельщать людей тем, что они сделать не в силах, весь мир называет это чепухой.
- Когда рабо́тающих головой масса, то закон рушится; когда работающих руками немного, то государство беднеет. Оттого и происходят в нашу эпоху смуты.
- Тот, кто определяет счастливые дни путем гадания, служит душам умерших и ду́хам, верит гаданиям на панцирях черепах и тысячелистнике, любит совершать жертвоприношения, должен погибнуть.
- Для беды и счастья не существует ворот, они порождаются самим же человеком.
- Когда предметы доходят до крайней точки, они обязательно возвращаются обратно. Если смотреть с напряжением, глаза не видят ясно; если слишком вслушиваться, уши не слышат отчетливо; если чрезмерно размышлять и обдумывать, в знаниях появляется хаос.

∇ ◐ Здесь, по-моему, Хань Фэй подмечает одно из существеннейших свойств *очеловеченного* мира. Есть что-то такое и в нас и в наших делах, что проявляется неумолимо и неизбежно, но более чем странно; когда всякие переходящие некий порог усилия или старания почему-то влекут следствия, совершенно обратные исходным намерениям. Ну, действительно. Вспомним хотя бы ситуацию, зафиксированную в записных книжках Ильи Ильфа: «Наняли 20 корректоров, чтобы избежать ошибки. И всё равно, на титульном листе издания стояло: «Британская энциклопудия».

Мои размышления над этим вопросом дают основание видеть во всём этом весьма интересный **закон**, который я бы назвал «законом рьяной исполнительности». Согласно данному закону, **совершенство недостижимо, а всякий стремящийся всё же к совершенству имманентно и независимо от своего желания сотворяет *несовершенство,* степень которого пропорциональна расстоянию до намеченного идеала, умноженному на рьяность.**

В этой связи уместен один пример. У французского писателя Альфреда Виктора де Виньи (1799 — 1863) есть любопытный рассказ «Вечерний разговор в Венсене». Характерно здесь само название первой главы: «Солдат редчайшей добросовестности».

О человеке, к которому отнесены эти слова, мы читаем: «Рядом

с нами, неподалеку от деревянных ворот крепости, мы увидели старого вахмистра, лицо которого выражало беспокойство и озабоченность; он то отпирал, то запирал дверь небольшой башни, которая служила пороховым складом и арсеналом для крепостной артиллерии и была наполнена пороховыми бочками, оружием и снаряженными боеприпасами.

В руках он держал три длинных списка и внимательно изучал ряды обозначенных на них цифр; мы спросили его, почему он столь поздно еще на месте работы. Он ответил почтительно и спокойно, как подобает солдату, что на следующий день, в 5 часов утра, предстоит генеральный осмотр крепости, а он отвечает за запасы пороха, поэтому и проверяет эти запасы вот уже, вероятно, в 20-й раз, чтобы не получить замечания за халатность. Правда, он хотел использовать для этого хоть скудные остатки дневного света, в связи со строгими предписаниями, запрещающими вход в башню не только с факелами, но даже с потайным фонарем; к несчастью, у него не хватило времени, чтобы охватить проверкой все объекты, еще несколько снарядов остались неосмотренными; хорошо бы, если бы он имел возможность проникнуть в башню после наступления темноты! С некоторым нетерпением он поглядел в сторону гренадера, который стоял на карауле у дверей башни; вон он-то и воспрепятствует замышляемой дополнительной сверке! Сообщив нам всё это, вахмистр опустился на колени посмотреть, не забились ли под двери остатки пороха. Он боялся, что порох взорвется при соприкосновении со шпорами или металлическими набойками на сапогах офицеров: «Впрочем, не это меня больше всего беспокоит, — произнес он, вставая, — а мои списки». И он с тревогой скользнул по ним взглядом».

Трагизм рассказа заключается в том, что вахмистр именно своими чрезмерными предосторожностями вызывает катастрофу, которая стоит ему жизни. Его усердие не дает ему покоя:

«Вы ведь видели, господин лейтенант, что я, как солдат, большое значение придаю добросовестному выполнению долга. Я бы, верно, умер от стыда, если бы завтра при осмотре обнаружили недостачу хоть одной картуши. И представьте, мне кажется, что во время последних упражнений по стрельбе у меня стащили бочку пороху для пехоты. Меня так и подмывает пойти посмотреть, и я сделал бы это, если бы вход в помещение с источником света в руках не был запрещен».

Запрета входить со светом в пороховую башню добросовестный служака нарушить не может. Но тяга к ажуру тоже ох как сильна! Через два часа после того, как прозвучали слова вахмистра, пороховой склад с грохотом взлетел на воздух: «По-видимому, несчастный всё же не мог воспротивиться неодолимой потребности еще раз посмотреть на свои пороховые бочки и посчитать свои гранаты. И вот что-то: подковка, камешек, просто неосторожное движение — в один миг всё воспламенило».

Отсюда вывод, столь же непреложный, сколько и оригинальный: лучше целиться в несовершенство и попасть, чем в совершенство и не попасть. ◑*

- Если у человека случается беда, сердце его наполняется страхом и боязнью, а когда сердце наполняется страхом и боязнью, действия становятся правильными, мысли становятся зрелыми, а когда мысли становятся зрелыми, постигается существо дела. Когда действия становятся правильными, не возникает беды и вреда, когда нет беды и вреда, человек живет отведенные ему годы жизни. Когда постигается существо дела, это обязательно приводит к успеху. Когда человек живет отведенные ему годы жизни, он живет в благополучии и долголетии. Когда достигается успех в делах, это приводит к богатству и знатности. Благополучие и долголетие, богатство и знатность называются счастьем. Но корень счастья заложен в несчастье, поэтому и сказано: «О несчастье! Оно является опорой счастья!»
- Если человек обладает счастьем, к нему приходят богатство и знатность. Когда приходят богатство и знатность, его одежда и пища становятся прекрасными. Прекрасные одежда и пища вызывают гордыню. Когда появляется гордыня, действия становятся порочными, а в поступках не соблюдается высший закон. Когда действия становятся порочными, человеку грозит преждевременная смерть, когда в поступках не соблюдается высший закон, не бывает успешных свершений. Когда человеку из-за него самого грозит преждевременная смерть и он не может добиться славы успешными свершениями, это большая беда, но корни беды зародились в счастье.
- Время бывает пустым и полным, в делах бывают удачи и неудачи, предметы рождаются и умирают.
- Даже небо и земля не могут быть постоянно расточительными и постоянно тратить средства, тем более этого не может быть у человека. Поэтому для всех предметов обязательно существуют периоды процветания и упадка, все дела обязательно то развиваются, то сворачиваются, в государстве обязательно есть гражданские и военные чиновники, такие чиновники, которые, занимаясь делами управления, обязательно применяют награды и наказания.
- Занимающийся рассуждениями непременно должен соблюдать закон, занимающийся делами обязательно должен добиваться заслуг.
- Каждый правящий Поднебесной должен обязательно следовать чувствам людей. Чувства людей бывают хорошие и дурные, поэтому нужно использовать награды и наказания.
- Правитель продает должности и титулы, а слуга продает знания и силу.
- Делающий колесницы желает людям богатства, ремесленник, сделав гроб, желает людям ранней смерти, и не потому, что делающий ко-

* Здесь уместно и кстати будет привести одно из заветных высказываний французского государственного деятеля, удачливого дипломата Шарля Мориса Талейрана (1754 — 1838): «Преданность, аккуратность, ловкость — ради Бога! Пусть будет всё что угодно. Но только пусть не будет чрезмерного усердия».

лесницы человеколюбив, а ремесленник — разбойник. Если люди не будут знатными, колесницу не продать, если люди не будут умирать, гроб не сбыть, поэтому нельзя считать, что ремесленник ненавидит людей, что ему выгодна их смерть. Поэтому супруга правителя, его наложницы и наследник престола создают группировки, желая смерти правителю. Если правитель не умрет, они не будут занимать высокое положение и желают правителю смерти не потому, что ненавидят его, а потому, что им выгодна его смерть.

- Приближаться к тому, что приносит спокойствие и выгоду, и удаляться от того, что грозит опасностями и бедой, — таковы чувства человека.
- Если на честном и прямодушном пути можно приобрести выгоду, слуги станут служить правителю, прилагая все силы и не страшась смерти; если на честном и прямодушном пути не добиваешься спокойствия (выгоды), слуги станут действовать в своих интересах и нарушать права высших.
- Хотя земледелие требует приложения сил и очень утомительно, народ станет заниматься им, надеясь разбогатеть; война — опасное дело, но народ пойдет на нее в надежде стать знатным.
- Совершенномудрый осуществляет управление, учитывая количество имеющихся богатств и то, щедро или скудно снабжается ими население. Дело здесь вот в чем. В древности мужчины не пахали, поскольку для поддержания жизни хватало диких плодов, а женщины не ткали, так как шкур диких зверей хватало для одежд, народа было мало, а богатств было в избытке. Ныне же народу много, а богатств мало, все трудятся изо всех сил, а питания не хватает, поэтому народы борются друг с другом. В древности люди не ценили богатство не по причине высоких моральных качеств, а потому, что в то время богатств было много; современные же люди борются друг с другом не из-за низких моральных качеств, а из-за недостатка в богатствах.
- Конфуций был в Поднебесной совершенномудрым, он совершенствовал свое поведение и понял сущность *дао*, объехав всю страну, и вся страна радовалась его человеколюбию, восхищалась его чувством долга; но за ним пошло лишь семьдесят человек, ибо ценящие человеколюбие встречаются редко, а следовать чувству долга трудно. Потому-то хотя Поднебесная и велика, но за ним последовало лишь семьдесят человек, а на самом деле следовал человеколюбию и чувству долга лишь один человек.
- В царстве Лу один человек искусно ткал матерчатые туфли, а жена его — белый шелк «гао». И захотели они переселиться в царство Юэ. Некто сказал им:

  — Вы не минуете разоренья!

  Луский житель спросил:

  — Как так?

  В ответ же было сказано:

  — Матерчатые туфли делают, чтобы обувать на ноги, а жители Юэ ходят босыми; белый шелк «гао» идет на головные уборы, а жители

Юэ простоволосы. И вы надеетесь не разориться там, где ваши способности никому не нужны?!

◪ Некий житель царства Чжэн однажды пожелал купить туфли. Он заранее обмерил свои ноги и положил мерку рядом с собой. А отправившись на рынок, забыл ее. Вот уже взял туфли и вдруг говорит:

— Я забыл размер!

Пошел обратно домой. Когда возвратился, рынок уже закончился, туфель он не купил. Его спросили:

— Почему же ты не примерил их прямо на ноги?!

— Он же сказал:

— Лучше я доверюсь мерке, чем понадеюсь на себя!

◪ Чии Цзы-пи служил у Тянь Чэнь-цзы. Тянь Чэнь-цзы, бежав в царство Ци, отправился затем в Янь, а Чии Цзы-пи следовал за ним, и у него был пропуск для проезда через пограничную заставу. Когда они достигли удела Ван, Цзы-пи сказал:

— Неужто господин не слыхал о змеях в пересохшем болоте? Когда болото высохло, змеи собрались уползать. И вот маленькая змейка сказала большой змее: «Если вы пойдете вперед, а я за вами следом, люди подумают, что это всего-навсего ползут змеи, и непременно найдется кто-нибудь, кто убьет вас; не лучше ли вам взять меня к себе на спину — люди непременно решат, что я — царь змей!»

Большая змея положила на себя маленькую и поползла через проезжую дорогу, а люди расступались перед ними, говоря: «Змеиный царь!»

Ныне вы, господин, прекрасны, а я безобразен. Если бы вы были моим приближенным, меня приняли бы за государя, обладающего тысячью боевых колесниц, были б слугой — за властителя десяти тысяч. Не лучше ли вам, господин, притвориться челядинцем?

И вот уже Тянь Чэнь-цзы, неся пропуск, стал сопровождать Чии Цзы-пи. И когда они достигли постоялого двора, хозяин встретил их с великим почтением и поднес вина и мяса.

◪ Небо имеет свой великий закон, и человек имеет свой великий закон. Прекрасный запах и нежный вкус, крепкое вино и жирное мясо приятны для рта, но приводят к болезням; изящная кожа и белые зубы радуют чувство, но приводят к упадку сил. Потому-то и удаляют неумеренность и излишества, и тогда телу ничто не вредит.

◪ Каждая вещь имеет свое применение, и каждая человеческая способность используется по-своему, всему следует занимать должное место, поэтому-то государь и может пребывать в недеянии. Если поручить петуху быть стражем ночи, а кошку заставить ловить мышей, то оба они используют свои возможности и их хозяину нечего будет делать. Исходя из этой аналогии, можно перейти к делам государственным. Царское дело — тоже пребывать в недеянии. Если же государь обладает превосходством над чиновниками, то дело не пойдет. Если он тщеславен и любит кичиться своими исполнительскими способностями, то он будет обманут нижестоящими; если он выставляет напоказ свое красноречие и ум, то нижестоящие будут пользоваться этим его каче-

ством, чтобы снискать расположение. А если верхи и низы поменяются местами, то государство не будет управляться как следует.

- Справедливо говорится: «Не обогащай людей, а то сам будешь просить у них взаймы; не возноси людей высоко, а то они сами будут тебя теснить; не полагайся целиком на кого-то одного, а то утеряешь и столицу и государство». Когда нога у икры толще, чем у бедра, то трудно идти быстро. Если государь утеряет свою таинственность, то тигр будет идти за ним по пятам. Если государь не распознает его, тигр прикинется собакой. Если государь сразу же не пресечет их, таких собак будет всё больше. Когда тигров наберется стая, они погубят правителя. Но если быть государем без чиновников, то как же владеть государством? Правитель применяет свои законы, и большой тигр в страхе; правитель применяет свои наказания, и большой тигр покоряется сам. Если законы и наказания строго соблюдены, тигры превращаются в людей и принимают свой прежний облик чиновников.
- Для государства с десятью тысячами колесниц главная беда тогда, когда крупные чиновники захватывают слишком большую власть; для государства с тысячью колесниц главная беда тогда, когда окружающие государя чиновники пользуются слишком большим доверием у государя; это общие беды для всех государей.
- Трудность убеждать обычно состоит не в том, что трудно убедить собеседника из-за недостатка моих знаний; не в том, что мне трудно своими доводами сделать ясными свои мысли; не в том, что я не смею высказать всё до конца из-за недостатка красноречия. Трудность убеждать обычно состоит в том, чтобы уяснить помыслы убеждаемого и суметь нацелить на них свои убеждения.*

∇ ◐ Это замечание Хань Фэя так и просится в золотой фонд самых значительных мыслей человечества. *Закон ответности,* а Хань Фэй дает именно его ареал, неизбежно действует в таких направляющих: учет другого, собственная гибкость, общая пластичность в *столкновительном* соприкасании.

Приспособительное поведение — ключ к успеху в любом деле. Как вода способна охватывать собой какие угодно пространства за счет того, что адаптируется к любой поверхности, так и человек может жить и быть желанным в жизни, т. е. наделенным умением покорять людей, если их неодинаковость — для него не преграда, не повод для раздражения, а удовольствие поиска им соответствия. ◑

/■■■ В связи с этим наработки Хань Фэя по тактике *«совéтнического»* поведения:

- Если толковать с государем о крупных людях, то государь решит, что его хотят поссорить с ними; если толковать с государем о мелких людях, то государь решит, что покушаются на его права; если толковать о том, что государь любит, то государь решит, что к нему подлаживаются; если толковать о том, что государь ненавидит, то государь решит, что его испытывают. Если советчик говорит просто

* В несколько ином переводе эта формула дана на с. 234. — *Ред.*

и коротко, его считают неумным и прогоняют; если советчик говорит подробно и красноречиво, его считают многословным и болтливым; если большой смысл заключен в кратких словах советчика, то это считают трусостью и боязнью высказаться до конца; если советчик говорит свободно и без стеснения, это считают грубостью и надменностью. Это всё трудности убеждать, и нельзя не знать их.

Задача всякого советчика состоит в том, чтобы знать, как приукрасить то, чем государь гордится, и прикрыть то, чего он стыдится. Если у него есть личные пристрастия, непременно следует представить их как общественный долг и тем подкрепить их. Если у него есть низменные желания, но сам он не в силах от них воздержаться, советчик должен приукрасить их и преуменьшить их недопустимость. Если устремления государя возвышенны, но на самом деле недостижимы, советчик должен обратить его внимание на их недостатки и пояснить их плохие черты, поощряя отказаться от них. Если государь желает показать в каком-либо вопросе ум и способности, нужно поставить перед ним подобный вопрос, дать ему побольше соответствующих данных и подсказать от себя главные идеи, а самому прикинуться незнающим, чтобы помочь ему проявить свой ум. Если советчик хочет всеобщего спокойствия, следует непременно представить государю это желание прекрасным и ненароком дать понять, что это соответствует и его личной выгоде. Если советчик хочет предостеречь от чего-либо опасного, следует открыто сказать, что государь получит дурную славу, и ненароком дать понять, что это грозит бедой и ему лично. Следует восхвалять людей, чьи поступки совпадали бы с поступками государя, и ставить в образец дела, которые совпадали бы с планами государя. Пороки, одинаковые с пороками государя, надлежит непременно сильно приукрашивать как безвредные; неудачи, одинаковые с неудачами государя, надлежит непременно сильно приукрашивать как не представляющие никакой потери. Если государь преувеличивает свои силы, не надо поправлять его ссылкой на трудности; если он смело принимает решения, не надо гневать его указанием на его ошибки; если он считает свои планы разумными, не надо затруднять его ссылкой на неудачные примеры. Не перечь государю, когда он в сильном гневе; не противоречь государю, когда он несет ерунду; а после этого превозноси его ум и красноречие. На этом пути ты будешь по-родственному близок государю, станешь вне всяких подозрений и сможешь раскрыться перед ним до конца. ♦ ■/

◪ Все вещи не могут одновременно процветать — это *инь* или *ян*.

◪ *Дэ** — это внутреннее; полученное — это внешнее, фраза «Человек с

* К примеру, характеристика *дэ*, данная в VII в. до н. э. видным политическим деятелем Китая Гуань Чжуном в трактате «Гуань-цзы»: «То, что пусто и лишено форм, называется *дао*. А то, благодаря чему формируются и изменяются вещи, называется *дэ*».

высшим *дэ* не осуществляет добрые дела» говорит о том, что его душа не соблазняется внешним. Если душа не соблазняется внешним, то тело цело; если тело цело, это называется *дэ*. Таким образом, *дэ* — это приобретение тела. Любое *дэ* оформляется посредством недеяния; создается посредством отсутствия желаний, вызванных вещами; становится спокойным посредством того, что не прибегают к размышлениям; делается твердым посредством того, что не прибегают к использованию. Если осуществляются какие-либо деяния, проявляют какие-либо желания, то для *дэ* нет пристанища, а раз для *дэ* нет пристанища, то не сохраняется целостность тела. Если прибегают к использованию чего-либо и размышлениям над чем-либо, то *дэ* не бывает твердым, а раз *дэ* не бывает твердым, то успех не достигается. Поскольку не сохраняется целостность тела и успех не достигается, то жизнь приобретает собственное *дэ*.

Таким образом, стремление к приобретению чего-либо есть отсутствие *дэ*, а отсутствие стремления к приобретению чего-либо есть наличие *дэ*. Поэтому говорится: «Человек с высшим *дэ* не осуществляет добрые дела, поэтому он является добродетельным».

/© Это чисто **китайская** стилистика мышления. Ее *особенность* — в утверждении через отрицание. Нынче и мы привычны к таким словесным конструкциям. Достаточно напомнить некоторые: «Хочешь получить — дай», «Не делай добра, не получишь зла», «Я не настолько богат, чтобы приобретать дешевые вещи», «Хорошо там, где нас нет», «Благими намерениями дорога в ад вымощена» и т. д. и т. п. Однако и в этой «особенности» есть своя особенность. Китайская мудрость всегда преподносится в виде энтимемы, т. е. силлогизма с подразумеваемыми посылками. При этом возникает *эффект недосказанности*, а в нем — притягательный феномен интеллектуальной красоты. Китайская «грамматика ума» — это как бы чтение книги, начиная с последней страницы. Попробуйте, читатель, вариант *«с конца»*, и вы убедитесь, что в этом есть своя прелесть и даже удобство.

Но спешить ставить здесь точку я бы не советовал. И вот почему. Уж слишком сочен колорит данной темы! И потому хочется оттянуть расставание с ней, избежать свойственного равнодушной аналитике беглого, что ли, обзора.

Есть в вышеприведенном *«заоконеченном»* узле смысла нечто такое, что, по-моему, шире, и много шире, **любого** из имеющихся в сегодняшней науке представлений. Эту добавку понимательной весомости я рискну назвать **ЗАКОНОМ**, причем из группы наиболее значимых. Этот закон столь нетрадиционен по формулировке, что новационен даже в названии — **«СНАЧАЛА КОНЕЦ НАЧАЛА»**.

Обосновывающе описывать указанный закон, видимо, можно на разных примерах. В данной работе более уместен присущный материал. Итак:

Каждая из наук дает не более чем структурный элемент алфавита

знания, то есть букву. Философия же единственно составляет из этих букв историю своего времени.

Может ли повествование обойтись без букв? Ответ: «Нет!» А могут ли буквы обойтись без повествования? На первый взгляд, ответ очевиден: «Да!» Так примерно утверждал **позитивизм**. Но если присмотреться к делу внимательнее, то тогда нельзя не увидеть, что буквы сами есть лишь постольку, поскольку они вызваны целями повествования.

То есть все компоненты, составные части человеческого знания только потому и есть, что через них осуществляется нечто более важное, чем каждая из них, то, к чему они призваны, то, **после чего** они возникли, то, в связи с чем они возникли, — т. е. ***познание***. Общая же теория познания ***как вся система обеспечения сохранения рода человеческого — это есть философия.***

Так что философия во всех отношениях должна предшествовать и предшествовала всей теоретической деятельности человека, ибо мудрость — есть не что иное, как выражение интеллектуального превосходства человека, и именно она является организующим центром-средством сохранения такого вида, каким является этап природной эволюции — **человек**.

Именно она, эта **сила-средство**, инспирирует наше познавательное взаимодействие с природой и оформление интеллектуального восприятия этого взаимодействия. Отсюда возникла наука.

Вывод, который, я полагаю, сам собой уже напрашивается, однозначен и прост: завершение науки — философия — определяюще предшествовала ей. То есть, **СНАЧАЛА КОНЕЦ НАЧАЛА**. Вершина процесса всегда у его подножия. Обобщение только потому и возможно, что *оно* обусловило, импульсировало *частности*. Лучи только потому и могут сходиться, что расходились из средоточия.

Я думаю, что принцип «сначала конец начала» имеет и **иновыражение:** ***всё с начала*** или ***всё с самого начала***. Отсюда следует, что известная формула о всеобщей связи вещей, процессов и явлений в мире — «всё во всем, всё из всего» есть лишь частный случай этой: «всё с начала», которая сама только потому возможна, что подчинена закону более общего порядка — «сначала конец начала». ◑/

- Если при наполнении большого сосуда многократно передвигать его, то будут большие повреждения; если при приготовлении блюда из мелкой рыбы часто мешают ее, то отнимают ее вкусовые качества; если при управлении большим царством часто меняют законные установления, то народ страдает от этого.
- Некто спросил: «Что более насущно необходимо для государства — утверждения Шэнь Бухая или Шан Яна?» На это следует ответить: «Их невозможно сравнивать. Если человек не имеет еды десять дней, он умирает; в сильный мороз без одежды он также умирает. Можно ли спрашивать, еда или одежда нужнее для человека? Так что нельзя отказаться от чего-то одного: обе эти вещи необходимы для поддержа-

ния жизни... Если государь не владеет искусством управления, то в верхах возникают злоупотребления; если подданные не следуют закону, то низы приходят к смуте, и тут нельзя отказаться от чего-то одного, обе эти вещи необходимы для царей».

- Если у меня сил много, то люди приходят к моему двору, если сил недостаточно, то сам приходишь ко двору других. Поэтому просвещенный правитель старается быть сильным. Ведь в строгой семье не бывает строптивых рабов, а вот у любящей матери бывают непутевые дети. Отсюда я знаю, что строгой властью можно пресечь буйство, а щедрой добродетели недостаточно, чтобы прекратить смуту.
- Когда совершенномудрый управляет государством, он не полагается на то, что люди будут делать ему хорошее, а использует их так, чтобы они не могли делать дурное. Если полагаться на то, что люди будут делать ему хорошее, то таких людей не наберется и десятка, а если использовать людей так, чтобы они не могли делать дурное, то всё государство можно привести к единообразию.
- При управлении государством используют массы и отвергают немногих и поэтому не стараются быть добродетельными, а стараются использовать закон. Если во что бы то ни стало искать в природе идеально прямой бамбук, то и за сто поколений нельзя было бы сделать стрелу, а если искать в природе идеально круглое дерево, то и за тысячу поколений нельзя было бы сделать колеса. Идеально прямой от природы бамбук и идеально круглое от природы дерево не попадаются и один раз за сто поколений. Но каким образом всегда все ездят на колесницах и стреляют птиц? Путем применения инструмента для выпрямления дерева. Хотя и попадаются идеально прямой от природы бамбук и идеально круглое от природы дерево, не требующие выпрямления, но искусные мастера не ценят их. Почему? На колесницу садится не один человек, и стрелу выпускают не один раз. Хотя попадаются от природы идеально хорошие люди, которым не требуются награды и наказания, но просвещенные правители не ценят их. Почему? Законы государства нельзя отбросить, а управлять нужно не одним человеком. Поэтому правитель, владеющий искусством управления, не рассчитывает на людей, случайно оказавшихся хорошими, а идет по пути, непременно дающему успех.
- Потому и требуются совершенномудрые и всезнающие, потому что знаний народа недостаточно, чтобы руководствоваться этими знаниями и использовать их. В прошлом Юй регулировал реки и углублял потоки, а народ кидал в него камни; Цзы Чань поднимал земли и сажал шелковичные деревья, а чжэнцы ругались и бранились. Юй принес пользу Поднебесной, а Цзы Чань сохранил Чжэн, но оба они подвергались ругани. Ведь ума у народа недостаточно, чтобы полагаться только на него, это очевидно. Потому-то, возвышая служилых, требовать мудрых и умных, а осуществляя правление, возлагать надежды на народ — всё это ведет к смуте; невозможно посредством этого управлять.

Хрисипп

III в. до н. э.

Хрисипп
/Χρύσιππος/

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 280 г. до н. э.
Умер: 205 г. до н. э.

Прожил ≈ 75 лет

Кто-то его попрекнул, что он не ходит слушать Аристона*, как все. «Если бы я делал, как все, я не был бы философом», — ответил *Хрисипп*.

■ **«Мудрец будет есть даже человеческое мясо, если таковы будут обстоятельства».**

(Хрисипп)

■ **«Прячь всё, что говорит в пользу оспариваемого тобой дела, и скрывай всё, что ослабляет защищаемое тобой».**

(Хрисипп)

1. ЖИЗНЬ

• Родом из Сол (Киликия):
/ Солы — афинская колония в малоазийской Киликии. Жители Сол очень плохо говорили по-гречески. /
• Его отца звали Аполлоний.
• Был атлетом (бегуном на длинные дистанции).
• К философии он пришел оттого, что наследственное его имущество отобрали в царскую казну.
• Телом он был тщедушен.
• О себе он был такого высокого мнения, что на чей-то вопрос: «Кому поручить мне сына?» — он ответил: «Мне: ведь если бы я считал, что кто-то есть лучше меня, то я сам бы пошел к нему за философией».
• Постижение философских основ он начал в школе Зенона Китийского и впитал ту мысль, что «счастье есть удачное течение жизни».
• После смерти Клеанфа (ок. 331 – 232 гг. до н. э.) он стал очередным (третьим по счету с момента основания) схолархом (руководителем) школы стоиков.

---

* **Аристон Хиосский** (III в. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Зенона (стоика). Он отвергал логику и физику, поскольку, по его мнению, логика нам не приносит никакой пользы, поскольку вроде бы должна опираться на физику, но предмет физики — природа — превосходит силы нашего ума. По поводу природы бога он говорил, что она непостижима.

/ Диоген Лаэртский приводит древнюю поговорку: «Если бы не было Хрисиппа, не было бы Стои». /

• Среди его последователей наиболее заметной фигурой стал Диоген из Селевкии в Вавилонии — философ-стоик, учитель Карнеада:

/ Стоическое своеобразие передавалось, как по наследству, от поколения к поколению. У Диогена Вавилонского (II в. до н. э.) был учеником Архедем из Тарса (II в. до н. э.). Так этот последний известен изысканиями в вопросе о пределах натурализации этики. Он выдвинул принцип, который тем более бесспорен, чем больше он спорен: «Волосы под мышкой соответствуют природе, но ценности не имеют». /

• Хрисипп оперировал понятием «пнёвма», полагая под ним духосилу и некое духодвижение. То есть что-то вроде — если брать по-сегодняшнему — нервоносной способности.

• Во всём мироздании, согласно его точке зрения, присутствует скрытая сила передачи действия. Через тысячи лет европейская наука, тоже придя к необходимости именно такого взгляда на природу вещей, назовет предмет, введенный Хрисиппом, физическим термином «поле» (электрическое, магнитное, гравитационное, биоэнергетическое, психическое).

• У души, по его мнению, есть высшая часть, чувства и периферия, касающаяся всех частей тела. Высшая (управляющая часть), словно в мироздании, помещается в шарообразной голове.

• Хрисипп придумал «рогатый» силлогизм — верх в находчивости по созданию классической софистической миниатюры:

То, что ты не потерял, то ты имеешь. Ты не потерял рогов.
Следовательно, ты рогат.

/◐ Хрисипп, вдумавшись в свойства **отрицания**, обнаружил в нем «эффект многообразного вытекания»: из отрицания следует любой список перечисления. ◑ /

• Хрисипп составил и силлогизм представлений о душе:

Смерть — это отделение души от тела. Однако ничто бестелесное не может отделиться от тела, ибо ничто бестелесное не причастно телу. Душа же причастна телу и отделяется от него.
Следовательно, душа есть некоторое тело.

∇ ◐ У Хрисиппа (единственного!) есть «менеджерский» аргумент доказательства бытия бога. Принцип обоснования такой:

Всё, где есть части, представляет собой совокупность разнообразного. Слова про «разное» не должны никого удивлять: ведь даже подобные элементы, находясь справа и слева, уже разнятся тем, что один — правосторонний, а другой — левосторонний.

Там, где всё разное, там должно быть **то**, что их, «разности», упоря-

дочивает и возглавляет на единодействие, ибо иначе этот коллективизированный набор стремился бы к распаду и самоликвидации.

У нас, у людей, это **«то»** есть — оно, как полагают, находится где-то (в сердце, или в мозгу, или в какой-то другой части тела), но по крайней мере, в организме.

Без главного нельзя: он (средоточие энергии, инициативы и неутомимости) вызывает движение, направляет его участников и целеподчиняет их.

Поэтому, поскольку мироздание сопереплетено природой и состоит из многих частей, в нем не обойтись без управляющего, того, которое увязывало бы наличествующую толпу сущего в общее русло целостного устремления. Таким может быть ведущая потенция, или субстанциальное ядро. Это жизнедаваемое импульсирующее обеспечение есть бог. ◑

• Его продуктивность была очень высока. Жившая при нем старуха утверждала, что он пишет по 500 строк в день.
• Хрисипп — автор 705 работ (в том числе более 300 по логике).
• До нас дошли фрагменты 66-ти его книг.
• Его труды носили названия, включавшие, как правило, слово «введение», однако устоявшаяся традиция их упоминания, к сожалению, иная.
• **Сочинения Хрисиппа:**

«Логические исследования» (из него дошли до нас лишь фрагменты):

/ Он начал писать этот свой «Логикон» сорокалетним, окончил же незадолго до смерти. /;

«К вопросу, что есть ложь»;
«Пособие по диалектике»;
«О древних философах природы»;
«О государстве»;
«О стихах»;
«О прекрасном и наслаждении»;
«О способе слушания поэзии»;
«О средствах к жизни»;
«О провидении»:

/ Здесь в 4-й книге есть сомнение: «возникают ли болезни людей от природы?» /;

«О том, что удовольствие не является целью жизни»:

/ Эта работа полемическая, направлена она была против Эпикура. /

• В его учении экстравагантность переплетена с теоретическим эпатажем. Он смело, очень откровенно, даже сверхцинично разбирает многие такие вопросы, которые традиционно входят в запретную, в человеческом обществе, сферу.

Однако, по мнению Хрисиппа, табу́ есть дело кого угодно, но только не для философа. Скрывая тайны, мы лишь растим предрассудки.

∇ ◐ Поражает аргументалистика Хрисиппа. Тут вполне есть чему подивиться. Ибо это единственный — ни много ни мало! — раз, когда философ (подобного мы никогда ни у кого больше не встретим) в основу доказательства берет не возможности разума (границы, мощь), а его самого как предельное по совершенству нечто, **но** уже тем на самом деле (реально!) не совершенное, потому что это «нечто».

Нечто — значит элемент. А элемент — элементарен. А всё элементарное может быть совершенным только... в несовершенном смысле.

Выходит, что все наши допущения лукавы. Так как сам факт предположения говорит о неполноте присущного знания.

Мы изначально для себя не те, за кого себя выдаём. И тяга к этой выдаче есть вечное клеймо нашей тщеты. То есть **по***знание* — это **потуги знания**, а если больше — то незнания. Прошедший дождь может смочить землю, но земля никогда не узнает о количестве пролившихся на нее капель.

Познание касается осуществившегося или осуществляющегося. То есть оно констатирует действие. Но фиксация актуализации не может не ставить вопроса о причинных моментах. Получается, что мы интересуемся одним, а спрашиваем о другом. Загоняя себя в подобную двойственность, мы очень похожи на мяч, который, отскочив от стены, думает, что это произошло не с ним, а с ней.

В рамках рационального мышления, где контекст примата «чувственного» концептуален, представление о боге более логично, чем его отрицание. Последующая философия сильно затормозила саму себя, не признав это.

Видимо, преодоление Христиппа возможно только одним способом — сменой логики. Идея бога — координатная. И в дру́гой системе отсчета она нейтрализуется сама собой.

Признавая мир, мы порождаем бога. Методы, формы, специфика описания действительности неумолимо продуцируют свои выводы.

Однако если мир разнообразен, то почему же мышление одно? И так ли уж правы те, кто о знании узнаёт через познание?, не понимая, что познание о познании уже невозможно как знание! И тем не менее кто когда удержался, чтобы не сказать **своё мнение** о познании?!??!

♦ То, что бог существует, это очевидно. Однако предполо́жим невозможное — то, что бога нет.

Тогда, что может быть в природе лучше человека? Ведь только у него имеется разум, превосходнее которого ничего не может быть. Но если этим разумом человек считает так и не видит *во всём мироздании* (!!) ничего лучшего, чем он, то это признак безрассудного высокомерия. Следовательно, есть нечто лучшее, чем мы. А раз так, то надо отказаться от нашего допущения и признать, что бог действительно существует. ◑

• Он умер своей смертью. Якобы в припадке хохота: увидев, что осел сожрал его смоквы, он крикнул жене, что теперь надо дать ослу чистого вина промыть глотку, закатился смехом и испустил дух.

• На афинской агоре (рыночной площади и месте народных собраний в древнегреческих городах) стояла скульптура Хрисиппа. Ваятель Эвбулид изобразил философа сидящим с вытянутой рукой, «считающим на пальцах». Хрисипп сидит на простом раскладном стуле в необычно скромной позе; он погружен в себя. Его мысли отражаются в движении руки.

• В 163 г. до н. э. в городе Солы были выпущены монеты с изображением двух знаменитых людей этой местности. Один из них — Арат, другой — Хрисипп.

2. СУДЬБА ► ◐ Доказательная база Хрисиппа в местах теоретической остроты́ *спасается от перенапряжения* исключительно за счет приналегания на софистические методы. Однако над ухабистой доро́гой взлететь — тоже не худший вариант:

Итак, «силлогизм» Хрисиппа:

1-я конструкция:

> Нет ничего лучше добродетели.
> Лучшее из совершенного — мироздание.
> ―――
> **Следовательно**, мирозданию присуща добродетель.

Далее: 2-я конструкция:

> В любом совершенном и неограниченном любое качество пребывает цельно.
> Природа человека не полна добродетелью, но она, добродетель, в нем, человеке, бывает.
> ―――
> **Следовательно**, в мироздании добродетель, в любом случае!, встречается чаще.

И наконец: 3-я конструкция:

> Если в мироздании добродетель максимальна, то оно мудро.
> Всё совершеннейшее совершенно всем, а значит, и мудростью.
> Бесконечные атрибуты присущи только Богу.
> ―――
> **Следовательно**, мироздание — Бог.

◑

∇ ◐ Да, Хрисипп не увеличил емкость своей мысли: он лишь поводил ее на поводке, как опытный рыбак это делает с пойманной на крючок рыбой... Но самое главное в том, что он не потерял направление. Не впал в скептицизм, не растерялся. В данном случае, назовем вещи своими именами, это не просто заслуга, это д о с т и ж е н и е.

В качестве аналога подтверждения сошлюсь на гибкость: **прямое** на время теряет свою сущностную (идентификационную!) принадлежность и приобретает себе черты, *далекие от определенности*, зато *б л и з к и е к с и т у а ц и и п о п а д а н и я*.

Что от нас требуется? Если т р е б у е т с я, то надо соответствовать. Дело ведь не в том, чтобы что-то сказать! Философ — вовсе не глашатай истины. Ибо, если так, то возможны два варианта. Первый: мы, как репродуктор радиоприемника, — говорим, не неся ответственности за содержание и смысл. Второй: мы весомее и важнее того, что произносится. Ясно, что обе версии и очень сомнительны и крайне уязвимы.

Значит, остается то, что остается. И если кому-то покажется, что остаток равен нулю, то почему бы не предположить (и, по-моему, вполне правомерно), что было не вычитание, а... исчезновение. Там, куда мы не вхожи, трудно вести речь о карте дорог. Заглядывая в основы Первоосновы, откуда наша надежда что-то увидеть, если мы еще не знаем не только чем смотреть, но и на **что**?! ◑

► **Диоген Лаэртский** (173 – 242):

«Если бы боги занимались диалектикой, то они бы занимались диалектикой по Хрисиппу».

► **Аполлодор Афинский**[33]:

«Если из текста Хрисиппа исключить всё списанное им у других авторов, то останутся только пустые страницы».

3. УЧЕНИЕ

♦ Философия включает в себя такие свои виды: физику, этику, логику. Причем последовательность этих частей ее по значимости должна быть следующей: логика, физика, этика.

♦ Если в природе существует нечто, чего не могли произвести человеческий ум, разум, сила, человеческое могущество, то ясно: то, что создало это нечто, лучше человека... И как назвать его иначе, чем богом?

♦ Бог, ум, судьба, Зевс — это всё одно, хотя и имен может быть больше и они могут быть другими.

♦ *Несколько слов о Вселенной*:

Сначала бог был сам по себе. Потом Он всю свою сущность, не себя, а только ее!, посредством воздуха превратил в воду. И подобно тому как в семени содержится зародыш, так и бог помещает во влаге образовательное начало мироздания, делая через это материю способной порождать вещи. Так возникает всё.

♦ Исчерпав отведённый им срок, возможности мира завершаются последней в их перечне — мировым пожаром, превращающим всё в огонь.

♦ Материю образуют четыре стихии — огонь, вода, воздух, земля. Соответственно: теплое, влажное, холодное, сухое.

♦ Выше всего огонь; он — эфир и образующая среда для звезд: круга их неподвижных и второго круга их блуждающих. Затем, нисходяще: воздух, вода и, наконец, земля — основание всего, находящееся в центре всего.

♦ Управляющая сила мироздания — небо — чистая часть эфира, или первый бог, проникающий как бы чувственно всё, что в воздухе и во всех живых существах и растениях, а самою землю — как состояние.

♦ Мироздание преходяще. Все вещи изменяются к худшему, значит, они преходящи. Но мироздание ведь состоит из вещей, которые как бы его части. А то, что преходяще частями, преходяще и как целое.

♦ Сгущение и разжижение — вот удел всему.

♦ Всё живое превосходит неживое. Следовательно, нет и ничего лучше мироздания, потому что оно живое и к тому же разумное и одушевленное.

♦ Первоначальные истоки Вселенной — в стихиях. Из них всё зарождается и к ним возвращается, когда разлагается.

♦ Вне шарообразного мироздания находится разлитая безгранично пустота, которая бестелесна.

/ ♦ Бестелесно всё, что может быть занято телами, но не занято ими. /

♦ Познание состоит из мышления, которому предшествует представление и которое завершается словом.

♦ Знание бывает непосредственное (чувственное) и выводное (через доказательства). Именно благодаря последнему мы знаем о том, что боги существуют и что они осуществляют провидение.

♦ Логика разделяется на риторику (умение хорошо говорить) и диалек-

тику (искусство вести беседу, правильно ставя вопросы и давая ответы). Более общо́, диалектика есть знание исти́нного и ложного и того, что не есть ни то, ни другое.

♦ Последовательное размышление непредубеждённо ведет к тому, что, по-видимому, материю надо представлять и как величину.

Но что тогда не позволит считать бога материей в определенном состоянии?

♦ Поскольку верховность души несомненна, то надо полагать всеобщую сущность единой, коль скоро она пронизана и скреплена этой распространившейся в ней пнёвмой, как этой бывает с пузырьками воздуха в кипящей воде — они зарождаются повсюду и в высшем состоянии воды есть уже повсюду, и даже как почти одни только.

♦ Вся природа, очевидно, стремится к пользе и удовольствию, как это явствует из создания человека.

♦ Добродетель и порок, добро и зло зависят от человека и выбира́ются добровольно.

♦ Как чехол сделан для щита, ножны для меча, так, за исключением мироздания, все вещи созданы для других вещей. Так, например, злаки и плоды, которые родит земля, созданы ради животных, животные — ради людей: лошадь — для перевозок, бык — для землепашества, собака — для охоты и охраны...

♦ Судьба — это не насилие рока, а всего лишь непрерывная цепь причин сущего или разум, согласно которому управляется всё, что есть и бывает.

/ Рассказывают, что Зенон Китийский однажды бил своего раба, уличенного в краже. Слышав о фатализме, проповедовавшемся хозяином, тот возопил: «Но мне ведь суждено было украсть!» — «И суждено было быть битым», — ответил философ. /

♦ Диалектика — это совокупность прекрасных качеств, среди которых:

неторопливость — она подсказывает нам, когда следует и когда не следует соглашаться;

осмотрительность — содействует приведению доводов против кажущегося правдоподобным, чтобы не поддаться ему;

неопровержимость — сила в доводах, исключающая отклонение к противоположному;

серьезность — способность приводить представления к правильным суждениям.

♦ В безупречности ума надежность мудрости, и всё это невозможно без диалектического познания.

♦ Так как наши желания не зависят от внешней, главной, причины, а только от внешней, не главной, причины, которая лишь побуждает к действию, то наша душа производит свои действия свободно, являясь госпожой своей деятельности. Она нуждается в том, чтобы ее побуждали объекты. Без этого она не может совершить ни одного акта согласия. Но объекты, побуждающие ее, не вызывают актов ее воли. После того как объекты дали ей первый толчок, она побуждает себя своей собственной силой.

/■■ Это можно понять из следующего сравнения:

Тот, кто толкнул цилиндр, сообщает ему первое движение, но не его дальнейшее вращение. Получив запускающее касание, этот цилиндр катится уже под воздействием собственной силы.

Так и наша душа, поколебленная объектами, затем осуществляется на собственной основе, активизируя сама самоё себя... ■/

♦ Правильно схваченная мысль о существующем есть мерило его истинности; и здесь главное: ощущения и предвосхищение (способность прирожденного понимания) общего.

♦ Целостность порождает целое из себя. Выходит, что и, превращаясь в другое, оно изменяется, но не изменяет. Этим держится согласие целого с самим собой.

♦ Мы видим вокруг себя два рода огня — один, пожирающий то, чем питается, и другой — постоянно хранящий себя (таково солнце и иные светила). Так вот: первый — он лишен творчества. Иное дело второй: самодостаточный, могущий из себя делать себя, т. е. творческий.

♦ Прорицание не невозможно, потому что это искусство основано на некоторых всё же успехах.

♦ В целом, материи столько, сколько есть, — уменьшается она или увеличивается только в своих отдельных частях.

♦ Если сущность способствует образованию вещей, то она не может не быть изменчивой. Но что до делимости ее бесконечно, то это вряд ли. Разве не на то указывает невозможность пойти дальше четырех стихий?

♦ Мироздание во всех отношениях совершенно, поскольку объемлет всё и нет ничего вне его.

♦ Наиболее близкий образ того, как бог пребывает в материи, это — мёд в сотах.

♦ Исследование мироздания способствуется математикой и физикой. Первая соотносит и измеряет, вторая же делает следующее: 1) исследует природу мироздания; 2) доискивается, состоят ли Солнце и звезды из материи и формы; 3) сотворено ли мироустройство или нет; 4) наделено ли оно душой или нет; 5) преходяще ли оно или непреходяще; 6) управляется провидением или нет; 7) и т. д.

♦ Страдательное начало в природе (а это материя) активизирует разум (бог). В результате он, вечный, создает из бескачественной сущности, посредством ее всей, каждую вещь.

♦ Природа заряжена творчеством, а в человеческой душе она созидательна еще и творчеством.

♦ Душа воплощаема в людях, как и вещи из материи. Сама же основа — душа Вселенной — непреходяща и вечна. Так что тело — это производное телесной исходности, и оно смертно, а душа — из другого первоистока, который дробим, но не превращаем (части воздуха — всё равно воздух, деформации воздуха — опять же воздух). Поэтому душа, во-первых, остается после смерти, а во-вторых, причастна бессмертию, — последнее, правда, касается только душ мудрецов, которые есть и будут вплоть до воспламенения мироздания.

♦ На свои ответы в учении о причинах притязают врачеватели, исследующие управляющую силу души и все происходящие в ней и с нею процессы, и математики. Последние взяли на себя такие вопросы:

- Как мы воспринимаем зрением?
- Какова причина отражения в зеркале?
- Как образуются облака, гром, кометы?

• Из чего строится радуга?
• Что такое ореол?

♦ Всё, что оказывает действие, дóлжно считать телом. Но разве звук не переходит от произносящего его к слушающему? Значит, — звук есть тело.

♦ Если есть что-либо сущее, то оно или благо, или зло, или безразлично.

♦ *У блага четыре составляющих*: 1) благоразумие; 2) умеренность; 3) справедливость; 4) мужество.

♦ Зло состоит из таких пороков: неразумие, необузданность, несправедливость, трусость.

♦ В людей заложен п р и н ц и п д о б р о в о л ь н о с т и: мы свободны в отношении того, к чему склоняемся.

♦ Для глупости не бывает меры, и человек, приближающийся к состоянию совершенства, всё же порочен и жалок, ибо человек, погрузившийся по локоть в воду, так же захлебнется, как и погруженный в пучину.

♦ Всякая аксиома или истинна или ложна. Если мы не станем поддерживать это положение, то нам не удержать и то утверждение, что всё происходит в силу судьбы и от вечных причин будущих вещей.

/ Действительно, если одно из двух извечно истинно, то оно также достоверно, а если достоверно, то также необходимо. /

♦ Человек вовсе не совершенен, но он некая частица совершенного.

♦ Величайшее в божественном провидении — это то, что оно не оставляет без внимания и приложения зло, которое происходит от отпадения, вызванного произвольным актом, и не допускает, чтобы оно порождало абсолютно вредное.

♦ Мы бываем не правы не из-за примет вещей, а из-за неумения правильно толковать их.

♦ Мир дарит нам способность заранее узнать, каковы намерения богов относительно людей. Источник указаний, из которых подобное знание черпается, — особые символические знаки в явлениях и вещах и сны.

♦ Из всего в мире к нам ближе всего мы сами. Однако это совсем не значит, что наши первичные стремления обращены к у д о в о л ь с т в и ю. Стремления должны нами гармонизироваться с природой. А уже все следствия из этого вторичны и привходящи.

♦ Наша природа — часть общей природы. И жить, исходя из приобретаемого относительно природы знания и живя правильным разумом (в подчинении высшему устроителю и правителю всего сущего), как раз и значит *жить добродетельно.*

♦ Лучший государственный строй — это сочетание демократии, царской власти и аристократии.

♦ Раб отличен от свободного не тем, что он продан и куплен. Он отличается образом мыслей. Не свойственным свободному человеку. Свобода заключается в возможности проявлять самодеятельность; рабство исключает эту возможность.

♦ Я не считаю дурным то, чтобы мать рождала детей от сына, и отец от дочери, и единоутробный брат от единоутробной сестры.

/■■■ Эта мысль перекликается с утверждением главы стоической школы Зенона Китийского: «Входить в любовную связь с детьми нужно не больше и не меньше, чем с не детьми, и с женщинами не меньше, чем с мужчинами.

Ибо детям приличествует и подобает не другое, чем не детям, и женщинам не другое, чем мужчинам, но одно и то же.

По поводу же почитания родителей, — рассуждая применительно к жизни Иокасты и Эдипа, — нет ничего страшного в том, чтобы сойтись с матерью. Здесь нужно правильно всё понимать. Если бы она, мать, была больна и сын помог бы ей, растирая руками ту или иную часть ее тела, то не было бы ничего постыдного. Следовательно, если он радует ее, врачуя другую часть тела, и успокаивает этим ее страдания, и порождает от матери благородных детей, то как такое можно считать постыдным?» ■/

4. МЫСЛИ

◪ Человек рожден для созерцания мироздания и подражания ему.

◪ «Кто раскрывает таинства посвященным, тот кощунствует. Но первосвященник именно раскрывает их непосвященным. Стало быть, первосвященник кощунствует». Далее: «Чего нет в городе, того нет и в доме. В городе нет колодца, стало быть, и в доме нет колодца». Далее: «Вот голова; она не твоя. Стало быть, есть голова, которой ты не имеешь. Стало быть, у тебя нет головы». Далее: «Если некто находится в Мегарах, он не находится в Афинах. Человек находится в Мегарах. Стало быть, в Афинах людей нет». Далее: «То, что ты говоришь, проходит через твой рот. Ты говоришь: телега. Стало быть, телега проходит через твой рот».

◪ *Из размышления о том, на какие средства жить мудрецу*:

А зачем ему добывать средства к жизни? Если для того, чтобы жить, то ведь жизнь безразлична; если для наслаждения, то и оно безразлично; если для добродетели, то добродетель сама довлеет для счастья. Смехотворны и сами источники этих средств к жизни. Брать у царя? Тогда придется ему подчиняться. Пользоваться дружбой? Тогда дружба покупалась бы за деньги. Жить мудростью? Тогда мудрость сдавалась бы внаймы.

◪ Польза клопов в том, что они не дают нам слишком много спать, мыши заставляют нас заботиться о лучшем сохранении имущества, тогда как хвост павлина доказывает, что природа любит красоту и радуется пестроте.

◪ Всё, могущее переходить в противоположность (скажем, богатство может приносить вред не меньший, чем пользу), не есть благо. И удовольствия не благо, ибо бывают удовольствия постыдные, а ничто постыдное не благо.

◪ Добродетели сопутствуют друг другу, и тот, кто имеет хотя бы одну, обладает и всем, потому что основы у них общие.

◪ Нет ничего среднего между пороком и добродетелью. И вовсе не верно говорят перипатетики, когда заявляют, что между добродетелью и пороком находится преуспеяние.

◪ Дикие животные делают всё только для себя. Муравьи, пчелы, аисты делают кое-что и для других. Наиболее же сильная общественная связь только у людей. По природе мы способны собираться вместе, совещаться, объединяться.

/■■ Мироздание управляется божественной волей и потому представляет

собой как бы общий город, общину людей и бога. Каждый из нас есть часть этого мироздания, а отсюда, естественно, следует, что необходимо ставить общее благо выше своего. ■/

- Не будем категоричны в отношении людоедства. Если от живого человека отрежут какую-нибудь часть, годную для пищи, то ее не надо ни погребать, ни бросать попусту, но издержать так, чтобы из наших частей произошла другая часть.

/■■ Когда умирают родители, то нужно делать самые простые похороны, так как нам нет никакого дела до тела, как и до ногтей или зубов, или волос, и мы не нуждаемся ни в какой такой заботе и внимании. Поэтому, если мясо годно, пусть употребят его в пищу; точно так же, если отрезаны собственные части, например нога, следует употребить в пищу ее и тому подобное; а то, что негодно, либо пусть оставят, похоронив, либо сожгут и развеют пепел, или, бросив подальше, не будут заботиться о нем так же, как о ногте или волосах. ■/

- Удивляться необычайному — как это далеко от мудрости!
- Боги сотворили людей ради себя самих и друг друга, животных же ради нас: коня, чтобы с ним вместе воевать, собаку — чтобы с нею охотиться, барсов, медведей и львов — чтобы мы могли упражняться в мужестве.
- Все прегрешения равны.
- Все четыре главных рода страстей (печаль, страх, вожделение, удовольствие) — следствие неразумных противоестественных движений души.
- Подобающее, или долг, есть то, что, когда оно совершено, может быть оправдано разумным основанием.

/■■ Но поднять, скажем, соломинку разум не внушает и не запрещает. Следовательно, это и не сообразно с долгом и не противно ему. ■/

- У мудрецов должны быть общие жены, дабы каждый мужчина мог сходиться с любой женщиной. При реализации такого подхода мы всех детей будем одинаково любить, как отцы, и будем избавлены от ревности из-за супружеской неверности.

/◐ Если подобное предписание продиктовано исключительно женским непостоянством (а женщину **ум** если еще способен кое-как сексуализировать, то уж **мудрость** — вообще никак!), то вряд ли Хрисипп избрал верные ориентиры... ◑/

- Мудрец может на разумном основании отдать свою жизнь за отечество и за своих друзей.
- Только среди мудрецов царская власть может быть устойчивой.

/■■ Ведь правитель должен различать, что хорошо и что плохо, а этого не знают люди дурные. И только мудрецы умеют управлять, сведущи в судебных делах, обладают даром красноречия. Кроме того, они непогрешимы, безвредны и ни к кому не проявляют сострадания, ибо никому не прощают и ни с кого не снимают полагающегося по закону наказания, поскольку уступки и жалость и сама снисходительность есть ничтожность души, прикидывающейся доброй, когда наказывают; ведь они не считают, что наказания слишком строги. ■/

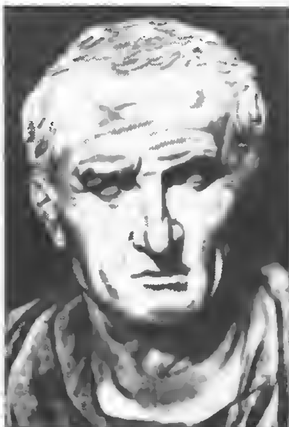
- Относиться друг к другу по-человечески — значит видеть друг в друге сограждан.

/■■ У нас одна жизнь и одно мироздание. И все мы есть как бы стадо, которое пасется на общих пастбищах согласно общему закону. ■/

- Нет рабов по природе.

Марк Туллий Цицерон

II – I вв. до н. э.

• Древнеримский философ, оратор, политический деятель

Родился: 03.01.106 г. до н. э.
Умер: 07.12.43 г. до н. э.

Прожил — 63 года

⊙ **«Я буду говорить, ничего не утверждая».** *(Цицерон)*

⊙ **«Я не буду говорить ничего определённого».** *(Цицерон)*

■ **«Если наши соображения правдоподобны, не следует стремиться к большему».** *(Цицерон)*

■ **«Те, кто хочет узнать, что мы думаем о всякой вещи, более любопытны, чем нужно».** *(Цицерон)*

1. ЖИЗНЬ

• ◐ Строгая логика требовала бы признать его «древнегреческим философом», ибо мыслил он как грек и культура в нем была истинно греческая! ◑

• Марк Туллий Цицерон — от *лат.* cicer «цицер», или, в другой транскрипции, «кикер» — «горох».

/ Считается, будто таким именем был прозван кто-то из предков Цицерона, у которого якобы на лице была бородавка, с виду очень похожая на горох; но, может быть, справедлива и версия Плутарха, что-де всё много проще, и в роду у философа был человек с раздвоенным — как это есть у бобовых — кончиком носа. /

• Происходил из богатого римского сословия всадников.

• Слово **Туллий** дословно означает «бьющий из земли источник», «вода, бурлящая среди камней». Это позволяет строить догадки и с большой степенью вероятности заключить, что свое имя семья получила по месторасположению ее усадьбы, стоявшей возле родника.

• Учился в местечке Арпинуме близ Кайэты (современная Гаэта).

• В детстве Марк Цицерон считался чудо-ребенком, которым шумно восторгались все его учителя, отмечая легкость в схватывании и запоминании любого научения.

• Свое обучение Цицерон продолжил в Риме, где изучил в совершенстве греческий язык и по тем временам получил отличное образование.

• В молодости Цицерон отличался крайней худобой и изрядной слабостью; у него была тонкая и длинная шея; а телосложение было такое, будто этот человек недолог как жилец на этом свете.

• С восемнадцати лет Цицерон в армии, а в девятнадцать лет он уже в войсках полководца Луция Корнелия Суллы (138 – 78 гг. до н. э.).

• С двадцати лет Цицерон начал осваивать ораторское искусство; он в совершенстве овладел мастерством «умения красиво говорить», изучая его в Афинах, Малой Азии и на острове Родос:

/ Кое-кто считает, — а вернее: начиная с римского историка Саллюстия (85 – 36 гг. до н. э.) и его «Инвективы против Цицерона» бытует версия, — будто всё свое красноречие Цицерон почерпнул у *выбранного ему в учителя отцом* оратора Марка Пупия Пизона и вроде как за обучение у этого человека, — а Пизон был старше Марка Туллия всего на несколько лет, — Цицерон заплатил целомудрием.

◐ Об адекватности цены можно дискутировать, но тот же Пизон приобщил молодого Цицерона к философии Аристотеля, и это обстоятельство стало во многом определяющим событием в жизни Цицерона. ◑ /

• В 64 – 63 гг. до н. э. был консулом, красноречиво выступал против нового претендента в тираны — Катилины. Четыре его речи этого периода — золотой фонд ораторского речения.

• За раскрытие заговора Катилины и организацию борьбы против заговорщиков получил от сограждан почетный титул «отец отечества».

• Цицерон был равнодушен к наживе, хотя и имел прирожденную слабость к почестям.

• Раб Цицерона *Тирон* служил хозяину не только личным секретарем, но часто подавал ему оригинальные идеи.

• Цицерон был современником многих громких скандалов, в частности того, который породил на свет знаменитую фразу *«Жена Цезаря выше подозрений»*:

/ Ежегодно в Риме справлялся ночной праздник Доброй Богини, на котором могли присутствовать только женщины. В начале декабря 62 г. до н. э. в доме Цезаря во время этого праздника произошел громкий скандал: одна из служанок обнаружила мужчину, переодетого в женское одеяние. Им оказался Публий Клодий, знатный молодой человек отчаянно авантюрного нрава; все решили, что он пробрался на праздник, чтобы насладиться преступной любовью с Помпеей, женой Цезаря. Римская общественность очень возмутилась этой проделкой и расценила ее как святотатство: Клодия отдали под суд.

Цезарь оказался в некрасивом положении обманутого супруга, дом которого к тому же осквернен святотатством. Ревнивцем Цезарь никогда не был, и эта сторона дела его мало беспокоила. Всё было гораздо серьезнее, ибо затрагивало политику, что для Цезаря имело первостепенное значение. Клодий был не только легкомысленным волокитой. Этот юноша, обладавший кипучей энергией, играл заметную роль в общественной жизни и пользовался большой популярностью у плебса, поэтому Цезарю выгодно было иметь в нем друга, а не врага, зато

противники Цезаря были бы очень рады принять Клодия в свои ряды.

Как всегда, Цезарь сумел сохранить самообладание; жену свою он виновной не признал, но спокойно развелся с нею (развод у римлян был очень простым делом; как люди здравомыслящие, они по этому поводу позорных судилищ не устраивали).

С Клодием Цезарь сумел помириться и тем самым поставил его бешеную энергию на службу себе.

Суд над Клодием состоялся в 61 г. до н. э. На суде Цезарь во всеуслышание заявил, что его жена невиновна. На вопрос судьи, почему же он все-таки развелся с нею, Цезарь ответил, что на его жену не должна даже падать тень подозрения — жена Цезаря вне подозрений!

Суд оправдал Клодия. Таким образом, скандал был потушен к выгоде Цезаря, который приобрел в лице Клодия полезного пособника в борьбе за власть; в 52 г. до н. э. Клодий был убит.

О скандальных событиях 62 – 61 гг. до н. э. в Риме помнили долго. Спустя столетие Сенека писал: «Ты ошибаешься, Луциллий, если думаешь, будто только наш век повинен в таких пороках, как страсть к роскоши, пренебрежение добрыми нравами и всё прочее, в чем каждый упрекает свое столетие. Это свойства людей, а не времен: ни один век от вины не свободен. Некоторые думают, будто деньги были заплачены в том суде, где Клодий обвинялся в тайном блуде с женою Цезаря и в осквернении таинств жертвоприношения. Верно, судьи получили и деньги, но вдобавок (и это куда позорнее денежной сделки!) — возможность поблудить на закуску с замужними женщинами и подростками из знатных семей. В самом преступлении было меньше греха, чем в его оправдании. Обвиненный в прелюбодействе поделился тем, в чем был обвинен, и перестал опасаться за свое благополучие, лишь когда уподобил себе своих судей. Я приведу слова Цицерона, так как поверить в это невозможно: «Он пригласил к себе, пообещав, поручился, роздал. Вот уж, благие боги, гнусное дело! Как самую дорогую мзду кое-кто из судей получил ночи с некоторыми женщинами и свидания с некоторыми подростками из знатных семей». — Не ко времени сетовать из-за денег, когда главное — надбавка! — «Хочешь жену этого сурового мужа? Получай! Хочешь супругу того богача? И ее доставлю тебе в постель! Не захочешь блудить — признавай на суде меня виновным. И та красавица, которую ты хочешь, придет к тебе, и ночь с этим я обещаю тебе безотлагательно: обещание будет выполнено еще до срока вынесения приговора». — Раздаривать прелюбодеянья хуже, чем совершать их: ведь не по доброй воле шли на них матери семейств. Такие дела и делаются и делались, и распущенность в городах временами шла на убыль благодаря строгости и страху, но никогда — сама по себе». /

• К философским занятиям Цицерона побудила душевная скорбь вследствие великого и тяжкого удара судьбы, когда неожиданно умерла его любимая дочь Туллия.

• Активная политическая борьба, злой рок и очевидная неискушенность Цицерона в сложных многоходовых политических интригах привели его

к трагической гибели. Организовал убийство внучатый племянник Юлия Цезаря Антоний, который в Риме пригвоздил голову Цицерона в том месте, откуда Цицерон произносил свои пламенные речи.

• Из литературного наследства Цицерона сохранилось 58 речей, 19 трактатов по ораторскому искусству, политике и философии, а также свыше 800 писем.

• **Сочинения Цицерона:**

«Тускуланские беседы»:

/ Тускула — пригородное местечко в 20 км от Рима, где находилась вилла Цицерона. /

// Этот трактат Цицерона состоит из пяти книг:

1. «О презрении к смерти».
2. «О перенесении боли».
3. «Об утешении печали».
4. «Об остальных душевных волнениях».
5. «О добродетели».

Именно в «Тускуланских беседах» Цицерон формулирует свое знаменитое исповедальное мнение:

♦ «Много ли найдется философов, которые бы так вели себя, таковы были нравом и жизнью, как того требует разум?, для которых их учение — это закон их жизни, а не только знания, выставляемые напоказ?» ♦//;

«О предвидении»:

/ В этом трактате есть удивительный эпизод. Речь идет о событии запредельной значимости. Мало того что оно необычно, оно еще и глубоко запало в душу Цицерона.

Конечно же, происшествие не было рядовым, и похоже, что Цицерон в своих воззрениях на действительность не только не был, но и не хотел быть заурядным эмпириком. Его душа видела земное, но вопрошала метафизическое.

А дело вот в чем. Шла осада самнитского города Нолы. В соответствии с обыкновением военачальник Сулла, стремясь предузнать волю богов, приносил жертвы, стоя перед своей палаткой-преторием. В это мгновение все увидели, как у подножия жертвенника выползла из земли змея. Гаруспик по имени Гай Постумий тут же сказал командующему, чтобы тот устремился на штурм города, который действительно оказался захваченным без всякого труда.

Поскольку Цицерон был свидетелем столь любопытного случая, он о нем помнил. А так как сам факт был достаточно проблемным, он пытался его понять и преобразовать в форму, привычную для своего знания. Вот почему в данном сочинении ставится им вопрос — с виду риторический, а по существу философский:

♦ А не объясняется ли одержанная победа талантом полководца в значительно большей мере, чем появлением змеи? /;

«Парадоксы»;
«Академические вопросы»;
«О высшем благе и высшем зле»;
«О границах добра и зла»;
«О дивинации»;
«Катон Старший, или О старости»;

«О законах»;
«О философии Академии»;
«О гадании»;
«О государстве»;
«Об обязанностях»;
«Гортензий» (45);
«О «Федоне» Платона»;
«Лелий, или О дружбе»;
«Об изобретениях».

Речи Цицерона:

«Речь в защиту Архия»; «Речь против Верреса»; «Речь в защиту Планка»; «Речь в защиту Клуенция»; «Речь в защиту Квинта Лигария»; «Речь в защиту Мурены»; «Речь в защиту Секста Росция»; «Речь в защиту царя Дейотара»; «Речь после возвращения»; «Речь в защиту М. Целия»; «Речь в защиту Милона».

Письма Цицерона:

«Письмо к Марку Бруту»; «Письма к Аттику»; «Письма к Квинту»; письма к близким и др.

- На старости лет Цицерон стал проникаться презрением к науке.

2. СУДЬБА

► **Цицерон:**

«Никогда нельзя будет воздать философии ту хвалу, которую она заслуживает, ибо всякий, кто следовал бы ее заветам, мог бы беспечально прожить весь свой век».

► **Иммануил Кант** считал, что если сон не приходит сам, то его надо уметь вызвать. На самого Канта магическое снотворное действие оказывало слово «Цицерон»; повторяя его про себя, «кёнигсбергский мыслитель» эффективно рассеивал мысли и быстро засыпал.

► *Цицерон обладал талантом меткого и точного слова:*

Туллия, дочь его, ходила очень быстро, даже до неприличия быстро; зять же его, Пизон, напротив, шагал очень медленно. Однажды Цицерон в присутствии дочери сказал зятю: «Пизон, ходи как мужчина». Одним словечком он дал понять обоим их недостатки.

► Цицерон высказал много важных суждений, просто обязательных для людей в их общественном единении. Можно даже сказать, что он был первым, кто выкладывал из мозаики принципов облик гармонической человеческой совместности:

- Наш особый долг заключается в том, что, если кто-либо особенно нуждается в нашей помощи, мы должны приложить все силы к тому, чтобы помочь этому человеку.
- Ничто не приближает человека к богам настолько, как совершение добрых дел.
- Дружба делает время процветания прекраснее и облегчает горе тем, что дает возможность разделить его с другом.
- Жизнь, отпущенная нам, по природе своей коротка, но память о хорошо прожитой жизни остается навеки.
- Не следует завязывать кошелек так туго, чтобы доброе побуждение не смогло развязать его.
- Мы рождены затем, чтобы объединиться с нашими братьями-людьми и со всем родом человеческим.

- Ни одним качеством я не хотел бы обладать в такой степени, как умением быть благодарным. Ибо это не только величайшая добродетель, но и мать всех других добродетелей.
- Что есть дружба, как не гармония всех вещей божественной и человеческой природы во взаимной доброй воле и притяжении? Если не считать мудрости, то едва ли среди даров, ниспосланных богами человечеству, существует более прекрасный.
- Ничто так не популярно, как доброта.
- Доброта порождается добротой.
- Существование добродетелей зависит всецело от нас самих.
- Любовь следует измерять не так, как измеряют ее молодые, то есть по силе страсти, но по ее верности и прочности.
- Все наши обязанности в их огромном разнообразии можно разделить на две части: первая часть обязанностей состоит в объяснении того, что хорошо и что есть величайшее благо. Вторая часть — это определенные предписания, согласно которым наш долг — управлять своей жизнью и своими поступками в любых обстоятельствах.
- Не следует углубляться в поиски истины настолько, чтобы забывать необходимые обязанности деятельной повседневной жизни.
- Будь то общественная или личная жизнь, деловая или домашняя, частная или имеющая отношение к другим людям, нет ни одного жизненного явления, которое было бы лишено моральных обязательств. Исполнять эти обязательства — значит обладать нравственностью. Пренебрегать ими — значит быть безнравственным.
- Мы обязаны уважать, защищать и поддерживать узы единения и братства, существующие между всеми представителями рода человеческого.

➨ Сложен, противоречив и неодномерен был Цицерон. В исследованиях его биографа, современного известного французского ученого Пьера Грималя, приводится ряд случаев, я бы сказал « моралеонства* » Цицерона, когда он добровольно или вынужденно брался защищать людей, которых ранее сам же разоблачал как насильников, грабителей, подлых интриганов, когда после возвращения из изгнания (в середине 50-х гг. до н. э.) он выступил адвокатом им же некогда заклейменных Габиния и Витиния.

Однако Цицерон отнюдь не только провозглашал моральные заповеди в речах и трактатах и нарушал их в практическом поведении — он неоднократно доказывал также на деле, что готов в соответствии с ними жить и действовать. В 80 г. до н. э. Римом недолго и единовластно правил диктатор Корнелий Сулла. Его приближенные, и в первую очередь всемогущий вольноотпущенник Хрисогон, под разными предлогами грабили граждан, убивали каждого, кто стоял на их пути, и никто не решался оказать им сопротивление. Очередной жертвой Хрисогона оказался некий Росций из городка Америи. Все попытки пострадавшего добиться справедливости были тщетны. Ни один из адвокатов Рима не брался за это дело, и только начинавший двадцатишестилетний Цицерон согласился защитить Росция, разоблачил козни всесильного временщика и добился восстановления справедливости. Процесс не принес Цицерону

* Мораль + хамелеонство.

никаких материальных выгод; мало того — после суда он вынужден был бежать из Рима. Ситуация повторилась в 63 г. до н. э., когда на долю Цицерона-консула выпала обязанность пресечь опасные замыслы заговорщиков — Катилины и его сообщников. Необходимость такого шага была ясна всем, но брать на себя ответственность за казнь римских граждан не решался никто. Цицерон решился. Это опять-таки не принесло ему ничего, кроме преследований, опасностей, нареканий.

► До XIV в. письма Цицерона были неизвестны. Их совершенно случайно в библиотеке города Верона обнаружил итальянский гуманист и философ Франческо Петрарка (1304 – 1374).

Это было ошеломляющее открытие, взбудоражившее весь интеллектуальный мир. Сказалось оно и на Петрарке, который был и взволнован, и вместе с тем несколько уязвлён в своем почитании Цицерона. Видел его теперь иначе, вблизи, прямо перед собою, и даже еще ближе — читал в его открытой душе. Никто из современников Петрарки не знал такого Цицерона. Памятник сошел с пьедестала и предстал в обычных человеческих пропорциях, увы, до смешного незначительных. Петрарка был задет за живое. Труднее всего прощать слабости, которые сродни нашим собственным. В письмах Цицерона Петрарка обнаружил ту же слабость духа, те же колебания, опасения, страхи и ту же раздражительность, суетность, которые были свойственны ему самому. Он был возмущен и потому написал от себя лично письмо великой тени:

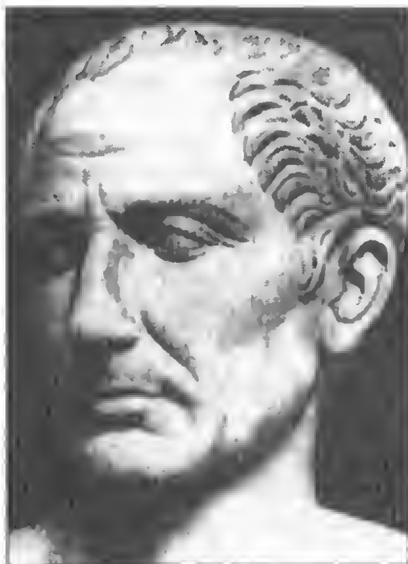
«Франческо Петрарка приветствует Марка Туллия Цицерона.

Долго разыскивал я твои письма и наконец нашел их там, где меньше всего ожидал. Я читал их с жадностью. Я слышал твои слова, твой плач, узнал твою переменчивость, Марк. До сих пор я знал, каким ты был учителем для других, теперь знаю, каким ты был для самого себя. Поэтому, где б ты ни был, выслушай — не совет, а сетование, которое один из потомков, с почтительностью произносивший даже имя твое, высказывает со слезами на глазах. О беспокойный, вечно испуганный или, говоря твоими же собственными словами, вспыльчивый и несчастный старик, зачем участвовал ты в стольких распрях и никому не нужных раздорах? Где ты оставил спокойствие, столь уместное для твоего возраста, занятий, судьбы?..

Я скорблю о твоей судьбе, мне стыдно за тебя, и я сожалею о твоих ошибках. Чего же сто́ят твои поучения, кому нужны прекраснейшие слова о добродетелях, если ты сам себе в глубине души не веришь? Ах, насколько лучше было бы, особенно для философа, состариться в тихой деревне в раздумьях о вечной жизни, а не обо всём этом, столь ничтожном, и не знать ни ликторских розог, ни триумфов, ни Катилины. Но бессмысленно говорить об этом. Прощай навеки, Цицерон.

В горном краю, на правом берегу Адидже, в городе Верона, шестнадцатого июня, года от Рождества Христова, которого ты не знал, 1345».

► Цицерон, видя, что Цезарь почесывал голову лишь кончиком пальца, что он уделял много внимания прическе, стрижке и тщательной укладке волос, пришел к выводу, что он не способен посягнуть на свободу республики. Сделав такое предположение, Цицерон обманулся.

Римский диктатор Гай Юлий Цезарь.
Мрамор. Неаполь

• Юлий Цезарь получил прекрасное образование, которое в те времена заключалось в изучении греческого языка, литературы, философии, истории и в овладении ораторским искусством. Цезарь от природы отличался великолепными способностями и быстро достиг выдающихся успехов в красноречии. Из всех ораторов своего времени он уступал только Цицерону. А Цицерон был столь высокого мнения об ораторском искусстве Цезаря, что в одном из писем писал о нем: «Кто острее его, кто богаче мыслями! Кто пышнее и изящнее в выражениях!»

• Однажды Юлий Цезарь поехал в провинцию. Рассказывают, что, когда он со свитой проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским* населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соперничество из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» — «Что касается меня, — ответил им Цезарь с полной серьезностью, — то я предпочел бы здесь быть первым, чем в Риме вторым».

* *Варварами* античный мир называл всех тех, для кого греческий или латинский язык не был родным. Древние римляне, как и древние греки, презирали варваров за бескультурье, за рабскую покорность своим владыкам. Тем не менее они понимали, что варвары тоже люди, и не гнушались вступать с ними в контакты, особенно если это диктовалось какой-либо выгодой.

► Цицерон ввел в научный оборот понятие **определение** (definicio): «Дефиниция есть краткое и исчерпывающее разъяснение отличительных признаков той вещи, которую мы хотим определить».

► Цицерону принадлежит авторство в понятии **прогресса** (progressio — «восхождение»).

3. УЧЕНИЕ

♦ Благочестием, почитанием богов и мудрой уверенностью в том, что всем руководит и управляет воля богов, мы, римляне, превзошли племена и народы.

♦ Решил я ради само́й республики изложить нашим людям философию, ибо я полагал, что важно и для украшения, и для славы нашего государства, чтобы столь важные и славные вещи были изложены также и на латинском языке. И ничуть я не жалею о затраченном труде, потому как вижу, что мой пример возбудил во многих желание не только изучать, но и самим писать о философии. Ведь очень многие римляне, изучившие греческие науки, не могли передать усвоенные ими знания своим согражданам по той именно причине, что не верили, будто воспринятое ими от греков можно изложить на латинском языке. Я же в этой области, как мне кажется, настолько продвинулся, что не уступлю грекам даже в богатстве слов.

♦ Сила философии: излечивать души, отсеивать пустые заботы, избавлять от страстей, отгонять страхи.

♦ Нет ничего превосходнее разума.

♦ Никому я рабски не подчинялся, никому не следую. Во многом я верю суждениям великих людей, кое же в чем полагаюсь и на свое суждение.

♦ Лучшая философия: всё оспаривать и ни о чем не высказывать определенного мнения.

♦ Природа не дала нам познания предела вещей.

♦ Философствовать — это приуготовлять себя к смерти.

♦ Мудро поступают философы, которые воздерживаются выражать одобрение вещам сомнительным.

♦ Время уничтожает ложные мнения, а суждения природы подтверждает.

♦ Наука об исцелении души есть философия, но помощь ее приходит не извне, как помощь против телесных болезней, — нет, мы сами должны пустить в дело все силы и средства, чтобы исцелить себя самим.

♦ Не знаю, чем это объяснить, но, пока я читаю «Федона» Платона, я соглашаюсь; а сто́ит мне только отложить книгу в сторону и самому начать размышлять о бессмертии души, согласие мое исчезает без остатка.

♦ Если душа — это сердце, или кровь, или мозг, тогда, конечно, она — тело и погибнет вместе с остальным телом; если душа — это дух, то он развеется; если огонь — погаснет.

♦ То, что боги существуют, — это я не буду оспаривать, но буду оспаривать любые доказательства.

♦ Всё, что делается согласно природе, должно считаться хорошим.

♦ Сам же человек рожден, чтобы созерцать мир, размышлять и действовать в соответствии с этим. Он никоим образом не соверше́нен, он какая-то частичка соверше́нного.

♦ Вот что запомни твердо: мощь духа и какое-то необыкновенное его величие, которое с особой силой проявляется в презрении и пренебрежении к страданию, — это самое прекрасное из всего, что существует на свете, и тем прекраснее, если не ищет публичного одобрения и получает наслаждение в самом себе.

♦ Часто даже не полезно знать, что произойдет в будущем: ведь это несчастье — сокрушаться о том, чему нельзя помочь и не иметь последнего и, однако, всеобщего утешения — надежды.

♦ Нет ничего более противного разуму и природе, чем случайность.

♦ Тот, кто лучше понимает, в чем подлинная сущность каждой вещи, кто точнее и быстрее способен и найти, и объяснить ее принцип, тот по праву всегда считается и самым разумным, и самым мудрым.

♦ Культура ума есть философия.

♦ Так называемые боги — это собственно природа вещей.

♦ Самый трудный и неясный вопрос — это вопрос о природе богов. Однако как можно философствовать, не попытавшись ответить на него?? Вот и отвечали все ученые мужи, — хотя по-разному и даже полярно. Из чего следует, что (пусть в философии много еще есть невыясненного, но о смысле богов хоть что-то, да дóлжно знать!) само *начало философии* есть не праздный разговор, а серьезное дело, т. е. всё то, что принято называть *наукой*.

♦ Разве есть что-либо более откровенное и очевидное, когда мы взираем на небеса и созерцаем небесные явления, чем чувство, что есть некий высший разум, который всем этим управляет?

♦ Сперва мы должны ответить, в чем сущность природы и кто мы такие, прежде чем сказать, как мы можем стать счастливыми.

♦ Что может быть глупее и неприличнее, чем дерзкое мнение, будто человек обладает душою и разумом, но помимо него во Вселенной нет ничего подобного, или будто те вещи, которые он едва может постигнуть при крайнем напряжении своего разума, движутся и управляются без какого-либо разума вообще?

♦ Я признаю, что не от нас зависит родиться с острым умом или тупым, сильным или слабым. Но тот, кто из этого делает вывод, что не в нашей воле даже сидеть или гулять, тот не видит, что за чем следует.

♦ Подобно тому, как мы пользуемся частями своего тела до того, как узнаем, ради какой пользы мы обладаем ими, так и между собой мы природой связаны и объединены для создания гражданского общежития. Если бы дело обстояло иначе, то не было бы места ни для справедливости, ни для доброты.

♦ Мы рождены для высокой и великой цели. Об этом можно судить не только по тем частям духа, в которых находится память о бесчисленных вещах. В нас поразительная находится способность предугадывания следствий, не намного отличающаяся от божественного предвидения, находится умеряющий вожделение стыд, находится верная, во благо человеческого общества, охрана справедливости, находится крепкое и стойкое презрение к боли и смерти в непрерывных подвигах и надвигающихся опасностях. Это — всё духовные преимущества. Но посмотри также на

самые органы чувства: они покажутся тебе, подобно остальным частям тела, не только спутниками, но и служителями добродетелей. Если уже многое, находящееся в самом теле, как сила, здоровье, проворство, красота, надо поставить выше наслаждения, то как же расценить способности души? В них ученнейшие древние видели присутствие чего-то небесного и божественного.

♦ **Цицерон** («Против академиков»):

«Вы утверждаете, что диалектика была изобретена как некий судья между истинным и ложным? Истинным и ложным в чем? И в какой области? Уж не решит ли диалектик, что́ именно истинно и ложно в геометрии? Или в литературе? Или в музыке? Но он в этом ничего не смыслит. Следовательно, в философии? Какова величина Солнца? Но какое он имеет к этому отношение? Или что́ есть высшее благо? Но чем он обладает, что позволило бы ему об этом судить? Так о чем же он будет судить? Какая связь и какое различие было бы верным? Какое высказывание можно считать двусмысленным? Что соответствует каждой вещи? И что противоречит ей? Если диалектика судит об этом и подобных этим вопросах, то она судит о себе самой. Однако обещано было больше; ведь судить только об этом, в то время как в философии есть много других важных вопросов, во всяком случае недостаточно».

♦ Я думаю, недостойно философа опираться на свидетелей, которые могут либо случайно говорить правду, либо намеренно лгать и выдумывать. Разумные основания надо приводить в доказательство тех или иных положений, а не факты, особливо такие, в которые я не мог бы поверить.

♦ Философский подход к делу заключается в том, чтобы сначала уразуметь самую природу дела, затем установить, как что-то произошло, и, наконец, показать, почему оно сохранилось.

4. МЫСЛИ

● Крылатые изречения Цицерона

- Каждому свойственно заблуждаться, но упорствует в заблуждениях только неразумный.
- Вероятностные знания — вот предел человеческого разумения.
- Всякому своё.
- Друзья познаются в беде.
- Бумага всё стерпит.

  / Первоисточником этого выражения являются «Письма» Цицерона, где встречается фраза «Письмо не краснеет». /
- Где хорошо, там и отечество.

  / Чаще всего цитируется в латинской форме «Ubi bene ibi patria», принадлежащей Цицерону. Но есть и другое мнение, что первоисточник данного афоризма — комедия греческого драматурга V – IV вв. до н. э. Аристофана «Плутус». /
- Благо народа — высший закон.
- Голоса взвешивают, а не считают.
- Что посеешь, то и пожнешь.
- Когда говорит оружие, законы молкнут.
- Жизнь коротка, но слава может быть вечной.

- Наибольшее бесправие там, где царит только буква закона.
  / Дословно, в латинской форме «Summum jus — summa injuria», выражение находится в одной из речей Цицерона, произнесенной в 44 г. до н. э.
  Что же касается переводов, то варианты могут быть и иные:
  ◐ «Высшее право — высшая неправда» или
  «Высшее право — высшая несправедливость». ◑ /
- Говорить умолчанием.
- Кому это выгодно?
- О, времена! О, нравы!
- Каков человек, такова и его речь.
- Красноречие — это свет, который придает блеск уму.
- Правительство есть говорящий закон, а закон — немое правительство.
- Недостаточно овладеть мудростью, нужно также уметь пользоваться ею.
- Приятно вспоминать невзгоды, если они миновали.
- Одни противоположности рождают другие.
- Привычка — вторая натура.
- Труд притупляет боль.

● Думы

- Я не в состоянии забыть того, о чем желал бы не помнить.
- Свидетелем нашим является бог, то есть наша совесть.
- Бог наделил нас не знанием вещей, а умением пользоваться ими.
- Религия есть то, что предопределяет заботу и почтение по отношению к некоей высшей сущности, которую обычно называют божественной.
- Не следует доискиваться, какой вид имеет душа.
- Наши души долговечны, но не бессмертны.
- Трудности, доставляющие славу, переносятся с легкостью.
- Ничто так не вредит, как возлагаемые надежды.
- Сам предмет подсказывает слова.
- Ненавижу мудреца, который не мудр для себя.
- Желающим научиться препятствует авторитет тех, кто учит.
- Ибо и глаза у нас также ученые.
- Всякому подобает то, что больше ему свойственно.
- Мы довольствуемся призраками.
- Мудрому надлежит сдерживать порывы приязни.
- Не быть жадным — уже богатство.
- Люди хвалят то, чему в состоянии подражать.
- Жизнью управляет не мудрость, но судьба.
- Ложное... близко соседствует с истиной.
- Мы должны быть рабами законов, чтобы стать свободными.
- А наши философы? Сочиняя книги о презрении к посмертным воздаяниям и о бессмысленности всего загробного, ни один не забывает надписать на них свое имя.
- Много труда, тяжелого и совсем бесполезного, затратили сперва Зенон, после него Клеанф, а затем Хрисипп, чтобы объяснить смысл выдуманных басен, чтобы объяснить причину, почему то или иное

божество носит свое имя. Но, занимаясь этим, по силам каждому осознать, что дело в обратном и обстоит совсем по-другому. В действительности то, что принято считать богами, имеет происхождение естественное, а не чудесное. Именно из наблюдений за *природой* хлынуло великое множество богов, которые, будучи наделены человеческой наружностью, дали обильный материал поэтам для их вымыслов, а жизнь людей наполнили всякими суевериями.

- Размеры состояния определяются не величиной доходов, а привычками и образом жизни.
- Лучше признаться, что ты не знаешь того, чего не знаешь, чем болтать какой-нибудь тошнотворный вздор и самому себе быть противным!
- Когда ты уже не тот, чем был, у тебя нет причин быть привязанным к жизни.
- О Греция, как порою ты скудна в своем обилии слов!
- Несправедливость бывает двух видов: одна — со стороны тех, кто совершает ее, другая — со стороны тех, кто, хотя и может, не отводит противозаконие от тех, по отношению к кому его совершают.
- Люди более всего приближаются к богам именно тогда, когда даруют людям спасение.
- Огорчение существует не само по себе, а в нашем представлении.
- Следует поступать таким образом, чтобы ни в чем не противоречить общечеловеческой природе, а, исполнив ее требования, — следовать нашей собственной и измерять нашу деятельность меркой нашей собственной природы; ведь хоть на свете есть и другие виды деятельности, не имеет смысла бороться с природой и стремиться к тому, чего ты не можешь достигнуть.
- Помни, что сильные страдания завершаются смертью, слабые предоставляют нам частые передышки, а над умеренными — мы владыки. Таким образом, если их можно стерпеть — снесем их; если же нет — уйдем из жизни, раз она не доставляет нам радость, как уходим из театра.
- Наши руки как бы создают в природе вторую природу.
- Всё достоинство добродетели — в действии.
- Всё прекрасное редко.
- Если не будешь знать событий, случившихся до твоего рождения, то останешься вечно ребенком.
- Живет свободно только тот, кто находит радость в исполнении своего долга.
- Как в жизни, так и в речи, нет ничего труднее, как видеть, что уместно.
- Лучше быть страдающим лицом в правом деле, чем торжествовать в неправом.
- Невелика заслуга, если человек честен лишь потому, что никто и не пытается его подкупить.
- Преступные желания — верх несчастья. Менее прискорбно не получать того, чего желаешь, чем достичь того, что преступно желать.
- Нужно быть умеренным в шутках.
- Осторожно действовать еще важнее, чем разумно рассуждать.

- Никогда еще не было поэта, который бы ставил другого поэта выше себя.
- Никто из глупцов не может быть счастливым; нет мудреца, который был бы несчастен.
- В оскорблении содержится какое-то жало, которое люди благоразумные и хорошие переносят с величайшим трудом.
- О добром имени Хрисипп и Диоген прямо говорили, что если оставить в стороне пользу, то ради него не стоит даже пальцем шевельнуть. И я от души к ним присоединяюсь.
- Возможна ли в жизни радость, когда денно и нощно приходится размышлять, что тебя ожидает смерть?
- Право же, какую можно высказать еще нелепость, которая бы уже не была высказана кем-нибудь из философов!
- Вещь непостыдная становится постыдной, когда ее прославляет толпа.
- Честью называется то, что признаёт славным молва.
- Наиболее трудная часть — вступление.

  / Цицерон говорит об этом во вступлении к своему переводу платоновского диалога «Тимей». /
- Чем человек изворотливее, тем больше в нем ненависти и подозрительности.
- Ничто так не ценится народом, как доброта.
- Если мы не бессмертны, то человеку весьма желательно своевременное угасание его жизни. Ибо природа устроила жизнь, как и все другие явления, так, чтобы в старости жизнь приходила к своему завершению, как театральный спектакль, причем мы должны избегать утомления и тем более пресыщения.
- Если есть что-либо почтенное, то это цельность всей жизни.
- Память — хранилище всех вещей.

Однажды во время путешествия по Греции Цицерон встретился с известным оратором Аполлонием. Последний не знал языка римлян и попросил Цицероиа произнести речь по-гречески. Цицерои согласился. Когда он закончил, Аполлоний сказал:

— Ты достоин похвалы, Цицерон, твое искусство восхищает. Но мне больно за Грецию, чья последняя слава — образованность и красноречие — по твоей вине уходит к римлянам.

Лукре́ций

Тит Лукреций Кар

(*по-лат.* Titus Lucretius Carus)

I в. до н. э.

• Древнеримский поэт и философ

Родился: 99 г. до н. э.
Умер: 15.10.55 г. до н. э.

Прожил — 44 года

«И вовсе не для нас и вовсе ие божествеиной волей создан весь существующий мир. Да и как можно думать иначе, видя, сколь много в мире пороков?!»

(Лукреций)

■ **«Моя наука — это жить и здравствовать».**

(Лукреций)

■ **«Никогда ни одии человек не отрицал так смело божественное провидение, как Лукреций, и тем не менее он признавал нечто, чему доставляет удовольствие унижать человеческое величие. Почти невозможно не призиать такой склонности, когда внимательно изучаешь историю... Даже средней продолжительностн жизни достаточно, чтобы мы могли видеть людей, поднявшихся до высокого положения в результате стремительио следующих одна за другой большнх удач и падающих в безвестность вследствне такого же ряда неудач».**

(**Пьер Бейль.** *Исторический и критический словарь.* 1697 г.)

■ **«Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами**
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованием законов природы».

(Лукреций)

1. ЖИЗНЬ

• Ни место его рождения, ни социальное происхождение и положение нам не известны.
• Лукреций — родовое имя; собственное имя — Тит; Кар — прозвище.
• По характеру своего учения и взглядам рассматривается как оригинальный продолжатель философа Эпикура.
• Первым придумал и ввел в философский оборот слово «материя» (*по-лат.* materies) по аналогии от латинского слова *mater* «мать».
• **Главное сочинение Лукреция:**

«О природе вещей» (поэма):

/ Об этом произведении никто не знал в течение многих столетий: впервые поэма Лукреция была издана лишь в 1473 г. /

// Блаженный Иероним свидетельствует, будто Лукреций, выпив любовный напиток, поднесенный ему его возлюбленной, впал в помешательство, а свою поэму «О природе вещей» писал в часы просветления. //

- Кончил жизнь самоубийством, бросившись на меч.

2. СУДЬБА

► **Пьер Бейль:**

«Лукреций считает возможным, что те же самые атомы, из которых состоит человек и которые рассеиваются после смерти, со временем возвращаются в прежнее положение и снова воспроизводят человека; но он думает, что жизнь и судьба этого второго человека ни в какой степени не относятся к первому; перерыв в жизни, добавляет он, есть причина того, что мы не проявляем никакого интереса к тому, что произойдет в том случае, если будущие века снова дадут нам человеческую природу, которой мы не обладали. Состояние, в котором мы были когда-то, сегодня для нас совершенно безразлично...

Опровергнем это заблуждение Лукреция, воспользовавшись примером с часами. Допустим, что часовщик сказал им: «Я разделю вас на части и оставлю в таком состоянии три или четыре года, но по истечении этого времени я соединю эти части и снова вас соберу. Во время разделения ни одна часть не будет испытывать никаких страданий, они все будут в состоянии полного бесчувствия, но, как только они будут восстановлены в их прежнем положении и заведены, их страдания возвратятся к ним». Не правда ли, часы, которые поверили бы этим словам, были бы убеждены, что они-то и будут теми часами, которые снова соберут через три или четыре года? У них были бы все основания думать это и проявлять интерес к судьбе этих новых часов, как к своей собственной, хотя, конечно, их первая жизнь была бы прервана. Итак, Лукреций весьма поверхностно разобрал этот вопрос, предполагая, будто смерть, создавая большой перерыв между первой жизнью атомов человеческого тела и второй жизнью тех же атомов, воспрепятствует тому, чтобы первая и вторая жизнь принадлежали тому же самому человеку». (1697 г.)

3. УЧЕНИЕ

♦ Всю, самоо́ по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство.

♦ Первоначала вещей — просты и плотны́.

♦ Пло́тны тела основные, однако вполне объяснимо,
Как из них воздух, вода и земля, и огонь — всё, что мягко, —
Может возникнуть, какой созидается всё это силой,
Если в составе вещей пустоты́ заключается примесь.
Если ж напротив, вещей нача́ла мягкими были б,
Взяться откуда б могли и твердый кремень и железо?

♦ Знай же: идет от начал всеобщее это блужданье;
Первоначала вещей сначала движутся сами,
Следом за ними тела́ из малейшего их сочетанья,
Близкие, как бы сказать, по силам к началам первичным,
Скрыто от них получая толчки, начинают стремиться
Сами к движенью затем, понуждая тела покрупнее.

♦ Силе нельзя никакой нарушить вещей совокупность,
Ибо и нет ничего, куда из Вселенной могла бы
Скрыться материи часть и откуда внезапно вломиться
Новая сила могла б во Вселенную, сделать иною
Всю природу вещей и расстроить порядок движений.

♦ То, что доселе всегда рождалось, то будет рождаться
В тех же условиях и жить, и расти постоянно, и крепнуть
Столько, сколько кому суждено по законам природы.

♦ Если ж в теченье всего миновавшего ранее века
Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,
То, несомненно, они обладают бессмертной природой,
И потому ничему невозможно в ничто обратиться.

♦ Тем, кто утверждает, будто атомов /«атомарных» первонача́л/
Нет на том основании, что мы их не видим, возразить можно,
Что ветра тоже никто не видит, а между тем он существует.

♦ Если ж, как капли дождя, атомы вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа.

♦ Если движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке
И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы...
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что позволяет идти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленье не в месте известном
И не в положенный срок, а согласно ума побужденью?

♦ Даже и в наших стихах ведь имеет большое значенье
Расположение букв и взаимное их сочетанье;
Теми же буквами мы означаем ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью всё, то всё-таки большая часть их
Те же, и только один распорядок их дело меняет.
То же и в самых вещах: материи все измененья —
Встречи, движенья, строй, положенья ее и фигуры —
Необходимо влекут за собой и в вещах перемены.

♦ Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно...
Также и времени нет самого по себе, но предметы
Сами ведут к ощущенью того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что воспоследует позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя...

♦ Невозможно считать, что рожденья
Ду́ши не знают совсем и свободны от смерти законов.

♦ Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела и формы животной,
В комьях ли рыхлых земли или где-нибудь в пламени солнца,
Или в воде пребывать, иль в пределах высоких эфира.
Значит, всё это отнюдь не владеет божественным чувством,
Раз не имеет в себе никакого дыхания жизни.

♦ Из ничего ничто не возникает.*

/◐ Лукреций — не первый, кто это заявляет. В подтверждение можно сослаться на Мелисса, за четыре века до него провозгласившего: «Из ничего никогда не может возникнуть нечто». Категорично, по-философски безапелляционно, со свойственной для неколебимой уверенности вескостью. И тем не менее: а из чего же ему еще «возникать», если для всего другого уместнее — точнее, вернее и правильнее! — говорить «отделяться»?!

По-видимому, не было такого философа, который бы не использовал в своей системе эту формулу **или** как очевиднейшую истину, **или** как самый убедительный довод в какой бы то ни было аргументации в споре с оппонентами по поводу сотворения мира. В парном контрасте: «мир создан» ⟷ «мир был всегда» данное утверждение прямо-таки надавливающе предписывает выбирать **вторую** полярность.

Однако что касается действительной правоты такой точки зрения, то, по-моему, нет ничего ее опровержимее. И чтобы в этом достаточно убедиться, будет довольно самого простого из вопросов: *А из чего возникают, скажем, каждый раз новые стихи?* Непредвзятый подход и рассудительное размышление дадут немедленный и единственно возможный ответ — **из ничего**! Любое произведение искусства безосно́вно, беспо́водно и безматериально. Таково творчество! Это его закон. Но раз так, то этот закон законен и для самого́ всего мира. ◑/

♦ *Лукреций о пифагорейцах, этих «надменных глупцах», ум которых «к извращению истины склонен», которые полагали, что,*
Находясь под Землей, стремятся к ней тяжести снизу.
И пребывают на ней, обернувшися кверху ногами,
Как отраженья, что мы на поверхности вод наблюдаем:
Будто бы вниз головой и животные также под нами
Бродят, и будто с земли упасть им никак невозможно
В нижние своды небес, как и наши тела не способны
Сами собой улететь к высоким обителям неба;
Будто бы солнце у них, в то время как ночи светила
Мы созерцаем, что мы взаимно меняемся с ними
Сменой времен, а их дни ночам соответствуют нашим.

♦ Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала.

---

* ◐ Можно безошибочно уточнить: именно из ничего всё и бывает.

- Есть у вещей то, что за призраки мы почитаем;
Тонкой подобно плеве, от поверхности тел отделяясь,
В воздухе реют они, летая во всех направленьях.
- Я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир...

4. МЫСЛИ

- Нет ничего, сколь бы великим и изумительным оно ни показалось с первого взгляда, на что мало-помалу не начинают смотреть с меньшим изумлением.
- Вместе с ходом времени меняется значение вещей.
- Человеческий род жаден до всяких россказней.
- **Нам ничего не может быть страшного в смерти:**
Невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.
  А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле,
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит не искренне, что уязвляет
Сердце его затаённая мысль, вопреки увереньям
Собственным, что никаких ощущений со смертью не будет:
Не соблюдает, по мне, он своих убеждений заветных,
С корнем из жизни себя извлечь не желая и вырвать,
Но бессознательно мнит, что не весь он по смерти погибнет.
Ибо тому, кто живой представляет себе, что по смерти
Тело терзают его и птицы, и дикие звери,
Жалко себя самого; он себя отделить не способен
И отрешиться вполне от простертого трупа: себя он
Видит лежащим пред ним и свои придает ему чувства.
В негодовании он на то, что смертным родился,
Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным.
Ибо, коль горестно быть после смерти раздробленным пастью
Диких зверей, почему не ужасно — понять не могу я —
В пламени жарком гореть, на костре погребальном пылая,
Или положенным в мед задыхаться и мерзнуть от стужи,
Ежели труп распростерт на холодных каменьях гробницы
Или могильной землей засыпан и тяжко раздавлен.
  «Нет, никогда ни твой радостный дом, ни жена дорогая
Больше не примут тебя, не сбегутся и милые дети
Наперерыв целовать и наполнить отрадою сердце.
Не в состоянии ты уже больше способствовать благу
И процветанью родных. Погубил, о несчастный! — взывают —
Этот единственный день злополучный все радости жизни!»
Но не прибавит никто: «Но зато у тебя не осталось
Больше тоски никакой, ни стремленья ко всем этим благам».
Если же мысли у них и слова бы их были разумны,
Стал бы свободен их ум от великой заботы и страха.
«Ты ведь, как был, так и впредь в усыпленье останешься смертном
Все остальные века без забот и без тягостной скорби,
Мы же пред жутким костром, где твой труп обращается в пепел,

Мы безутешно тебя оплакали; вечной печали
Нам никогда не унять и не вырвать из скорбного сердца».
Надо спросить у того, кто так рассуждает: «Да что же
Горького тут, — коли всё возвращается к сну и покою, —
Чтобы всегда изнывать и томиться в тоске безысходной?»
Люди нередко еще, возлежа на пиру и подъемля
Кубки и лица себе осенивши венком, начинают
Так от души восклицать: «Коротко наслажденье людишек:
Было — и нету его, и никак не вернуть его снова».
Точно по смерти для них нет большего зла и несчастья,
Чем непрерывно страдать иссушающей жгучею жаждой
Иль угнетенному быть неуемным иным вожделеньем.
Но ведь никто о себе и о жизни своей не жалеет,
Если и тело и ум погружаются в сон безмятежный,
Ибо охотно идем мы на то, чтобы сон этот вечно
Длился, и мы никогда о себе не тоскуем при этом.
И тем не менее тут во всем нашем теле и членах
Первоначала всегда сохраняют движения чувства,
Раз пробудившись от сна, человек ободряется снова.
Смерть, таким образом, нас еще меньше касается, если
Можно быть меньше того, что ничто представляет собою,
Ибо материя тут в беспорядок сильнейший приходит
И расторгается в нас со смертью: никто не проснется,
Только лишь хладный конец положит предел нашей жизни.
Если же тут, наконец, сама начала бы природа
Вдруг говорить и средь нас кого-нибудь так упрекнула:
«Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,
Будто в пробитый сосуд налитые, утекши бесследно,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством жизни,
И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?
Если же всё достоянье твое растеклось и погибло,
В тягость вся жизнь тебе стала, — к чему же ты ищешь прибавки,
Раз она так же опять пропадет и задаром исчезнет,
А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам?
Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать
Я бы в утеху могла: остается извечно всё то же;
Даже коль тело твое одряхлеть не успело и члены
Не ослабели от лет, — всё равно остается всё то же,
Если тебе пережить суждено поколенья людские
Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избегнешь ты смерти».
Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа законный
Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?
Если ж печалится так человек пожилой или старый
И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,
То не вправе ль она еще более резко прикрикнуть:
«Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!
Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,
И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,
Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни, довольный и сытый.
Но, тем не менее, брось всё то, что годам твоим чуждо,
И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо».

Думаю, так укорять и бранить нас вправе природа,
Ибо отжившее всё вытесняется новым, и вещи
Восстановляются вновь одни из других непременно.
И не уходит никто в преисподней мрачную бездну,
Ибо запас вещества поколениям нужен грядущим,
Но и они за тобой последуют, жизнь завершивши;
И потому-то, как ты, они сгинули раньше и сгинут.
Так возникает всегда неизменно одно из другого.
В собственность жизнь никому не дается, а только на время.
Ты посмотри: как мало для нас значенья имела
Вечного времени часть, что прошла перед нашим рожденьем,
Это грядущих времен нам зеркало ставит природа
Для созерцания того, что наступит по нашей кончине...

◘ Всё, что, согласно молве, в глубине Ахеронта[34] сокрыто,
Всё, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней...
Что же до Цербера[35], фурий[36], а также лишенного света
Та́ртара[37], что изрыгает из пасти ужасное пламя, —
Этого нету нигде, да и быть, безусловно, не может.
Страх наказаний зато существует при жизни, за наши
Злые дела, по заслугам, и кара за нашу преступность:
Тюрьмы, свержение вниз со скалы жестокое, плети,
Факелы, пытки, смола, палачи, раскаленные прутья.
Ежели даже их нет налицо, то сознанье проступков
Всё-таки мучит людей и стрекалами жалит боязни;
Нету у них и надежд, что конец этим бедам наступит,
Иль хоть какой-то предел наказаниям будет положен:
Ждут и боятся они ухудшения их после смерти.
Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом.

◘ Смерти не заперта дверь ни для свода небес, ни для солнца,
Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря, —
Настежь отверста она и зияет огромною пастью.

◘ Не ясно ли всякому, что природа наша требует лишь одного — чтобы тело не ощущало страданий и чтобы мы могли наслаждаться размышлениями и приятными ощущениями, не зная страха и тревог?

◘ Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедой, постигшей другого.
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.

◘ Нужно телесной природе
Только немногое: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставить и многие можно,
Но и приятней, порой, и не против воли природы,
Если в хоромах у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Дабы ночные пиры озарять в изобилии светом;
И серебром не сверкают дома, и златом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке
Возле ручья берегов, под ветвями высоких деревьев,

Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на плебейской подстилке.
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от праздности или от власти,
То остается считать и душе это всё бесполезным.

- Дух силён радостью.
- Если чувства будут не истинны, то весь наш разум окажется ложным
- После истинной смерти не будет второго тебя.
- Душа рождается вместе с телом.
- Душу можно врачевать, как и тело.
- Вместе с ростом тела развиваются и душевные свойства.
- Природа души должна быть телесна.
- Природа души неизвестна.
- Нет ничего, на что бы не дерзнуло воображение человека.
- Смертные перенимают жизни одни у других.
- Новое мнение губит предшествующее.
- То, что у нас под рукой, нравится нам.
- Всё преходяще, природа всё претворяет.
- Познание истины порождается в нас чувствами.
- Всякому чувству дана своя область.
- Показания чувств всегда верны.
- Всё сущее ничто по сравнению со Вселенной.
- Нет вещи, которая могла бы возникнуть и расти одна.
- Где-то должны существовать другие скопления материи.
- Что меняется, то разрушается и, следовательно, гибнет.
- Мы вращаемся и пребываем всегда среди одного и того же.
- Здоровье не составляет у человека отдельной части.
- Богом был тот, кто впервые открыл разумную основу жизни.
- Почему ты не уходишь из жизни, как пресыщенный сотрапезник? Почему ты стремишься продлить то, что погибнет?..
- Потрясенные горы отбрасывают голоса к светилам.
- На что ни посмотрит больной желтухой, всё ему кажется желтоватым.
- Если слюна человека коснется змеи, она погибает.
- Страхи и заботы не боятся оружия.
- Лучше подчиняться, чем властвовать.
- Из источника наслаждений исходит нечто горькое.
- Некая скрытая сила рушит дела человеческие.

Лукреций выдвинул аргумент — очень впечатляющий, очень понятный и очень красивый:

- **Заявляющий, что «нельзя ничего знать», поступает более чем странно: своим незнанием он пытается доказать знание о своём незнании. Но это всё равно что в тёмной комнате утверждать всесилие мрака.**

Иисус из Назарета /Ешуа Машиах/

I в. до н. э. — I в. н. э.

• Христианский мудрец

Родился: 25.12.05 г. до н. э.
Умер: 14.04.30 г. н. э.

Прожил — 33 года

> **«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много клада».**
> *(Иисус Христос)*

■ **«Наше предназначение — отдавать себя».**
(Иисус Христос)

■ **«Мы все своя собственная искупительная жертва».**
(Иисус Христос)

■ **Спросили *Иисуса Христа* ученики: «Для чего притчами говоришь?» Он ответил: «Говорю притчами тем, кому не дано знать Царствия Небесного. Они, видя, не видят, и, слыша, не слышат, и не разумеют».**

1. ЖИЗНЬ

• Иисус — греческая огласовка еврейского имени Ешуа.
• Родился в семье плотника Иосифа — потомка легендарного царя Давида.
• Год его рождения с точностью не известен; по наиболее достоверной версии, он родился в царствование Августа, где-то за 4 года до начала нашей эры.
• Место появления на свет — город Вифлеем.
• Место проживания родителей — город Назарет в Галилее (Палестина).
• Мать Иису́са — Мария; согласно легенде, несмотря на зачатие и рождение сына, оставалась тем не менее девственницей, что дало основание многочисленным версиям.
• В то время императо́р **Август** издал указ о проведении переписи на всей территории Римской империи. Это была первая перепись со времен правителя Сирии **Квириния**. Поэтому каждый житель отправился в свой родной город для регистрации. Иосиф тоже пошел из Назарета в Иудею, в город Давида Вифлеем, потому что он принадлежал к дому и роду Давида. Он отправился на перепись вместе с Марией, которая была обручена с ним и ожидала ребенка. Когда они там находились, наступило для нее

время родов. Мария родила своего первенца, запеленала его и положила в кормушку для скота, потому что в гостинице для них не было места.

• Рождение Иисуса было отмечено рядом космических явлений, что дало повод считать мальчика Мессией и новорожденным царем Иудейским.

• Слово «Христос» — греческий перевод древнееврейского «Машиах» («помазанник»):

/ «Помазанник» — это лицо, над которым совершён обряд помазания елеем. В иудаизме и христианстве помазанниками называются пророки, первосвященники, монархи, которые через обряд помазания получают свою власть якобы от самого Бога. /

• Христос никогда не царствовал, но все, кто верили в его происхождение и считали Иисуса Сыном Божьим, не сомневались, что он царь, ибо помазан на царство Богом. Так Иисус стал именоваться Иисус Христос.

• В 12 лет Иисус в Иерусалимском храме впервые почувствовал, что он не просто в помещении, а в доме своего Отца, что он Сын Божий.

• Около 30 лет от роду получил крещение.

• Всё, что говорил и делал Иисус Христос, утверждалось им как истины, ниспосланные Отцом, и лишь проявляются в нем, Сыне Человеческом.

• Мудрая вера Иисуса Христа влекла к нему лучших людей израильского народа, а все воистину услышавшие его слова становились учениками назаретянина.

• Доминирующими качествами его личности были смирение, терпение, доброжелательность.

• Внешностью он был несовершенен и весьма непривлекателен:

/ > **Герберт Уэллс** (английский писатель):

«Иисус был, по всей вероятности, человеком хилым и тщедушным».

> **Цельс** (II в.; эллинский философ):

«Люди рассказывают, будто Иисус был мизерного роста и с таким некрасивым лицом, что оно вызывало отвращение».

> **Тертуллиан** (один из «отцов церкви»):

«Облик его был лишен какой-либо красоты и обаяния. Поистине, неужели нашелся бы смельчак, который бы нанес малейший вред телу, если бы оно отличалось необычной красотой и было озарено небесным сиянием? Кто бы покрыл плевками лицо, если бы уродство, которое наложил на себя Иисус и которое сделало его презренным в глазах людей, не представляло это лицо заслуживающим одних лишь плевков?» /

• С жизнью Иисуса Христа молва и легенды связывают множество историй, которые могут быть отнесены к категории «невероятно, но факт», а могут быть определены кратко и адекватно — «чудо». Это и воскрешения мертвых, и исцеление больных, наполнение пустых хранилищ продуктами и изгнание нечистого духа.

• Когда Иисусу Христу был уже 31 год, он из всех своих учеников отобрал 12, которых определил быть апостолами нового учения: Симон (его Иисус называл Петром), Иаков и Иоанн (сыновья Зеведея, их за шумный нрав Иисус называл «сыновьями грома»), Андрей, Филипп, Варфоломей, Мат-

фей, Фома, Иаков (сын Алфея), Фаддей, Симон Зилот и Иуда Искариот (который впоследствии предал Иисуса за «тридцать сребреников»).

• Апостолы называли Иисуса так: **Иисус Назареянин Мессия**, т. е. Иисус Назареянин Христос. Последнее имя — Христос. Первое — Иисус. Мессия имеет два значения: и *Христос*, и *измеренный*. Иисус — по-еврейски *искупление*. Назара — истина. Назареянин — тот, кто от истины. Христос — тот, кто измерен. Назареянин и Иисус — те, которые измерены.

• Учителя были и до Иисуса Христа, но то, что говорил он, было доселе и невозможным, и неведомым. Завораживающее глубокомыслие и совершенно неземные формулировки, неопровержимая образность и безапелляционность каждого слова, каждой фразы покоряли всех, с кем он встречался. Его речи стали квалифицироваться как проповеди, а сам Иисус Христос стал новым духовным властителем израильского народа:

♦ Моё учение — не Моё, но пославшего Меня.

♦ Я исшёл от Отца и пришел в мир, *и* опять оставляю мир и иду к Отцу.

• Из уст в уста стали передаваться обнадеживающие и вдохновенные призывы нового проповедника:

♦ Вы — соль земли. Если соль потеряет свою силу, то что сделает ее соленой? Она уже ни к чему не пригодна, ее останется лишь выбросить на попрание людям. Вы — свет мира. Город, стоящий на вершине горы, скрыть невозможно. Зажженный фонарь не прячут, а ставят повыше, чтобы светил всем в доме. Пусть же свет ваш светит людям, чтобы они видели ваши добрые дела и славили вашего небесного Отца.

♦ Счастливы нищие духом — им принадлежит небесное царство.
Счастливы плачущие — они будут утешены.
Счастливы кроткие — им будет принадлежать весь мир.
Счастливы те, кто жаждет праведности, — они будут удовлетворены.
Счастливы милосердные — с ними тоже поступят милосердно.
Счастливы чистые сердцем — они увидят Бога.
Счастливы миротворцы — они будут названы сынами Божьими.
Счастливы преследуемые за праведность — им принадлежит небесное царство.
Счастливы вы, когда люди будут оскорблять вас, преследовать и ложно обвинять во всяком зле из-за меня. Радуйтесь и торжествуйте! Вас ждет великая награда на небесах, ведь так же преследовали и пророков прежде вас.

• Все помыслы свои, направленные на очищение людей от пороков и неверия, Иисус Христос вложил в молитву свою, которая и поныне является интимной исповедальностью каждого его последователя:

«Наш Небесный Отец, пусть же прославится имя Твое!
Пусть наступит Царство Твое и свершится воля Твоя как на небе, так и на земле.
Дай нам сегодня хлеб на пропитание.
Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.
Удержи нас от искушений и избавь нас от зла.

Тебе принадлежит царство, сила и слава навеки. Аминь.

Если вы будете прощать людей, которые делают вам зло, то и ваш Небесный Отец простит вас. Но если вы не прощаете людям их грехи, то и Отец Небесный не простит вам ваших грехов».

• Как и все публичные глашатаи истины, Иисус Христос учил изустно. Письменные свидетельства слова Божьего мы имеем благодаря записям апостолов — Ева́нгелиям, что в переводе с греческого означает «Благовестие».

• О себе Иисус Христос говорил в образе важнейшей — в его квадранальной манере — пары: «пастух — овцы»:

«Истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их. Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет. Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить. Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком.

Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наёмник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их. А наёмник бежит, потому что наёмник, и не радит об овцах.

Я есмь пастырь добрый, и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец. Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь.

Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего».

• Самое заветное из своего учения Иисус Христос излагал притчами. Это позволяло ему в доходчивой форме и привычной для слушателей знаковой системе раскрывать смысл и значение Божественной мудрости и Отцовых наставлений. Евангелисты сохранили в памяти своей следующие притчи:

1. Притча о сеятеле.
2. Притча о светильнике.
3. Притча о потерянной овце.

4. Притча о сорняках.
5. Притча о горчичном зерне и закваске.
6. Притча о зарытом кладе и драгоценности.
7. Притча о рыболовной сети.
8. Притча о непрощающем слуге.
9. Притча о милосердном самарянине.
10. Притча о богатом безумце.
11. Притча о бесплодной смоковнице.
12. Притча о великом пире.
13. Притча о потерянной монете.
14. Притча о блудном сыне.
15. Притча о нечестивом управителе.
16. Притча о богаче и Лазаре.
17. Притча о вдове и судье.
18. Притча о фарисее и сборщике налогов.
19. Притча о работниках и винограднике.
20. Притча о десяти фунтах серебра.

• Как и все великие люди, Иисус Христос испытал по отношению к себе не только признание и восхищение, но и оголтелую ненависть, вплоть до требований физической расправы. Его земной путь окончился предательством от его ближайшего ученика, арестом и обвинением в подстрекательстве народа к восстанию. По решению римского управителя Понтия Пилата Иисус Христос был приговорен к страшной и мучительной казни — распятию живым на кресте.

/ Священники заставили толпу требовать для Иисуса крестной казни. Этот род казни был не иудейского происхождения; если бы приговор над Иисусом был произнесен по чисто Моисееву закону, то он был бы побит камнями. Крест был римским способом казни, предназначенным для рабов и для тех случаев, когда смертную казнь имелось в виду усилить бесславием. Применяя этот род казни к Иисусу, его подвергали участи грабителей на больших дорогах, разбойников, бандитов, вообще тех преступников из подонков общества, которых римляне не считали достойными чести подвергнуться обезглавлению мечом. /

// Жестокая особенность крестной казни заключалась в том, что в этом ужасном состоянии можно было жить в страшных муках три-четыре дня. Кровотечение из ран в руках скоро прекращалось и вообще не могло быть смертельным. Истинной причиной смерти являлось противоестественное положение тела, которое вызывало страшное расстройство кровообращения, ужасные головные боли, боль в сердце и, наконец, оцепенение членов. Распятые на кресте, если они обладали крепким телосложением, могли даже спать и умирали только от голода. Основной мыслью этой жестокой казни было не непосредственное умерщвление осужденного с помощью определенных повреждений его тела, а выставление раба с пригвожденными руками, из которых он не сумел сделать хорошего употребления, к позорному столбу, где его и предоставляли гниению. //

Суд Иисуса Христа

Как-то утром Иисус Христос опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания.

Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышав *то* и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.

«Иди и впредь не греши!»
Гравюра на дереве. Худ. Юлиус Шнорр фон Карольсфельд

• Незадолго до вынесения приговора между Иисусом Христом и Пилатом состоялся примечательный разговор:

«Ты иудейский царь?» — задал вопрос Понтий Пилат. «Ты это от себя говоришь или тебе обо Мне сказали другие?» — спросил Иисус. «Я что, иудей? — ответил Пилат. — Это твой народ и твои начальники отдали тебя мне. Что ты сделал?» Иисус сказал: «Царство Мое не от этого мира. Если бы оно было от этого мира, то Мои подданные защитили бы Меня. Мое царство не от этого мира». «Так ты, значит, всё-таки царь!» — продолжал выяснять Пилат. «Ты сам говоришь, что Я царь, — ответил Иисус, — Я родился и пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Тот, кто на стороне истины, тот слушает Меня». Пилат спросил: «Чтó есть истина, Христос?»

• Нежная организация Иисуса избавила его от страданий в медленной агонии. Жгучая жажда, составляющая одно из мучительнейших ощущений у распятого, как и при всякого рода казнях, сопряженных с обильным кровотечением, пожирала его. Он попросил пить. Тут поблизости стоял сосуд, наполненный обычным питьем римских воинов, состоящим из смеси уксуса с водой и называемым *posca*. Воины обязаны были брать эту *posca* во всякие экспедиции, к которым причислялись и казни. Один воин обмакнул в эту смесь губку, укрепил ее на конце трости и поднес к губам Иисуса; он пососал ее. На Востоке существовало предубеждение, будто бы если давать пить распятым или посаженным на кол, то они умирают скорее; многие считали, что Иисус испустил дух тотчас после того, как выпил уксуса. Гораздо вероятнее, что апоплексия, или внезапный разрыв сосуда, в области сердца послужила у него причиной скоропостижной смерти после трех часов мучений. За несколько мгновений перед тем, как испустить дух, голос его был еще твердым. Вдруг он испустил ужасный крик, в котором присутствующие услыхали слова: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!»; другие же, более занятые мыслью об осуществлении пророчеств, передали этот вопль в виде одного слова: «Свершилось!» Голова его склонилась на грудь, и он умер.

Распятие Иисуса Христа.*
Худ. Н. Н. Ге. 1892 г.

---

* Местонахождение этой картины неизвестно. Первоначально она была в Люксембургском музее в Париже.

2. СУДЬБА

► Из двенадцати апостолов Иисуса Христа десять были казнены. Святой Петр, главный апостол, был казнен в Риме через распятие.

► **Жозеф Эрнест Ренан** /(1823 – 1892); французский писатель/ об Иисусе Христе:

«Эту великую личность, ежедневно до сих пор главенствующую над судьбами мира, позволительно назвать божественной, не в том, однако, смысле, что Иисус вмещал всё божественное или может быть отождествлен с божеством, а в том смысле, что он научил род человеческий сделать один из самых крупных его шагов к идеалу, к божественному. Взятое в массе, человечество представляет собой скопище существ низких, эгоистов, стоящих выше животного только в том одном отношении, что их эгоизм более обдуман, чем у животного. Тем не менее среди этого однообразия обыденщины к небесам возвышаются колонны, свидетельствующие о более благородном призвании людей. Из всех этих колонн, показывающих человеку, откуда он происходит и куда должен стремиться, Иисус — самая высокая. В нем сосредоточилось всё, что есть прекрасного и возвышенного в нашей природе. Он не был безгрешен; он побеждал в себе те же страсти, с какими мы боремся; никакой ангел Божий не подкреплял его, кроме его собственной чистой совести; никакой сатана не искушал его, кроме того, которого каждый носит в своем сердце. Как многие из его великих черт потеряны для нас из-за непонимания его учеников, точно так же, вероятно, и многие из его недостатков были скрыты. Но никогда ни у кого интересы человечества не преобладали до такой степени, как у него, над светской суетой. Беззаветно преданный своей идее, он сумел всё подчинить ей до такой степени, что Вселенная не существовала для него. Этими усилиями героической воли он и завоевал небо. Не было человека, быть может, за исключением Шакья-Муни, который до такой степени попирал ногами семью, все радости бытия, все мирские заботы. Он жил только своим Отцом и божественной миссией, относительно которой он был убежден, что выполнит ее.

Для нас, вечных детей, которые осуждены на бессилие, которые работают, не пожиная, и которым никогда не суждено увидать плодов того, что ими посеяно, остается только преклоняться перед этими полубогами. Они умели то, что нам недоступно, умели создавать, утверждать, действовать. Возродится ли подобная великая оригинальность или отныне мир удовольствуется лишь тем, что будет следовать по путям, открытым ему смелыми создателями древних времен?

Это неизвестно. Но каковы бы ни были неожиданности, которые готовит нам будущее, Иисуса никто не превзойдет. Культ его будет вечно обновляться; легенда его будет вечно вызывать слезы; его страданиями будут терзаться лучшие сердца; и во все времена все будут провозглашать, что среди сынов человеческих никогда не рождалось более великого, нежели Иисус».

(**Эрнест Ренан.** *Жизнь Иисуса.* 1861 г.)

► © Иисус Христос подпадает под действие «социальных закономерностей неясной природы», в частности, под **закон великих удивительностей вокруг великих**. Суть здесь такая:

Всё великое и известное способно удивлять собой и воздействовать на нас даже после того, как его не стало.

Проследим некоторые сюжетные линии. Для чего войдем в Историю или... по крайней мере задумаемся над ней. Только давайте не будем давить на «факты». Условимся и примем: *реальность* факта — это факт реальности. И сюда же: дело ведь не в полноте и даже не в недостаточности тех или иных сведений! — разве пунктирная линия не линия?! Мы можем только то, что должны, так почему же долженствование не принять нам за точку отсчета!!?

В пятницу 14 апреля 30 г. в Иудее был распят Иисус Христос. Мы немало уже знаем об этом событии. Не ослабевает наш интерес и ко всякого рода уточнениям. Много существенных подробностей того далекого весеннего дня обобщил и систематизировал в своей книге «Исповедимый путь» экстрасенс из Санкт-Петербурга Анатолий Мартынов. В его окаймлении события развивались следующим образом:

«После трех часов дня наступила смерть одного из трех казненных на Голгофе: существует мнение, что Иисус, обладая глубокими знаниями йоги, сам вызвал смерть, для этого достаточно было остановить дыхание. Известный меценат Иерусалима, с сочувствием относившийся к Христу и его учению, Иосиф Аримафейский, испросил у Пилата разрешения снять тело Иисуса с креста. Для подтверждения факта смерти был послан врач, лечивший Пилата, сириец Ейшу. Выдающийся медик и натуралист, Ейшу относился к числу наиболее талантливых людей своего времени: его называли арабским Гиппократом.

На Голгофе он застал Иисуса уже мертвым, но на всякий случай один из солдат пробил бок Иисуса копьем. Тело было сначала отнесено в сад Иосифа и здесь, на каменной плите, завернуто в плащаницу. Под подбородком и на темени завязан платок, на сложенных руках и ногах — полотняные завязки. Тело положили в гроб, который был установлен в

Мертвый Христос.
Худ. Андреа Мантенья. Ок. 1500 г. Милан. Галерея Брера

раку — нишу в скале. Целая когорта[39] воинов прикатила к крышке гроба огромный камень. У гроба круглосуточно дежурила римская стража: римляне боялись фальсификаций, ибо было предсказано воскресение Христа на третий день.

В ночь на воскресенье более 200 человек пришли к месту погребения, ожидая чуда, и их ожидания оправдались.

Тринадцать свидетелей оставили описание воскресения Христа. Наиболее значимые из них — грек Гормизий, биограф правителей Иудеи, в том числе и Понтийского Пилата, и уже упоминавшийся врач Ейшу.

Показания Гормизия ценны тем, что в момент вознесения Христа он находился поблизости, сопровождая одного из помощников Пилата. Очень важно учесть, что Гормизий вначале был сильно настроен против Христа и, как он сам говорил, признавал Христа обманщиком. В ночь на воскресенье он по собственной инициативе направился к раке, надеясь убедиться в том, что Иисус никогда не воскреснет, а тело его будет навсегда предано земле.

«Приблизившись ко гробу, находясь шагах в полутораста от него, — пишет Гормизий, — мы видели в слабом свете ранней зари стражу у гроба: два человека сидели, остальные лежали на земле у костра. Было очень тихо. Мы шли медленно, нас обогнала стража, шедшая сменить ту, которая находилась там с вечера.

Вдруг стало очень светло. Мы не могли сразу решить, откуда этот свет, но вскоре увидели, что он исходит от движущегося сияющего облака: оно опустилось над гробом и там, над землею, показался человек, как бы весь состоящий из света. Затем раздался удар грома, но не с небес, а на земле. От этого страшного грома находившаяся на месте стража в ужасе вскочила, а затем упала... В этот момент справа от нас по тропинке спускалась женщина. Она вдруг закричала: «Открылась! Открылась! Открылась!..» В тот же миг нам стало ясно, что очень большой камень, лежавший на крышке гроба, как бы сам собой поднялся, открыв гроб. Мы очень испугались. Через некоторое время свет исчез и всё стало таким, как обычно. Когда мы приблизились к гробу, оказалось, что там уже нет тела погребенного в нем человека».

Ейшу, по поручению Пилата, с вечера накануне воскресенья находился у гроба с пятью своими помощниками-сирийцами, всегда сопутствовавшими ему. Он же был свидетелем и погребения Христа: в субботу дважды осматривал гроб, а вечером, по приказанию Пилата, отправился сюда и должен был провести здесь всю ночь. Зная о пророчествах относительно Христа, Ейшу и его помощники-медики интересовались этим с точки зрения естествоиспытателей, поэтому всё, связанное с жизнью и смертью Христа, тщательно исследовали.

В ночь под воскресенье они бодрствовали по очереди. С вечера помощники Ейшу легли спать, но незадолго до вознесения проснулись и возобновили свои наблюдения за происходящим. «Мы все — врачи, стража и остальные, — пишет Ейшу, — были здоровы, бодры и чувствовали себя как асегда: у нас не было никаких предчувствий. Мы совершенно не верили, что умерший может воскреснуть. Но... он действительно воскрес, и все мы видели это собственными глазами».

Когда женщины утром пришли завершить погребальные обряды, они увидели, что тело исчезло. Мария Магдалина поспешила сообщить это апостолам. Петр и Иоанн побежали к месту погребения. Что же они обнаружили? Плащаница, завязки и платок — целы, а тело исчезло...

Итак, нам, продолжающим жить на Земле, осталась **только** его, Иисуса Христа, плащаница. Но весь вопрос сейчас в том, **только** ли? Судя по тому, что происходит с этим саваном Христа, нам еще досталось вместе с ней и **ЧУДО**.

Пожелтевшая уже от времени плащаница хранится позади главного алтаря в Туринском соборе, в королевской часовне. Это кусок льняной ткани ручной работы длиной 4,3 м и шириной 1,1 метра. Когда в редких случаях плащаница вынимается из своего хрустального футляра и развертывается, на ней видны два туманных изображения, образованные на полотне золотисто-коричневыми пятнами. Одно из них — изображение передней стороны тела мужчины, а другое — противоположной его стороны. Причем оба изображения положены голова к голове с расстоянием между ними приблизительно в 15 сантиметров. Они достаточно ясны, чтобы можно было различить, что это изображение хорошо сложённого мужчины около 35 лет, роста 180 см и веса около 77 кг, с волосами до плеч, с усами и короткой бородой. Видно также, что он был умерщвлен ужасным способом: сначала, по-видимому, он был подвергнут бичеванию — большие карминно-красные пятна покрывают те места, по которым текла кровь из пронзенных рук и ног. Его бок пронзен так, как это сделало бы копье. По всему его черепу видны ручейки крови, как будто его кололи шипы.

Лик Христа на плащанице, сфотографированной синьором Пиа.
Фото из архива Издательства отдела Московской патриархии. 1898 г.

Глубоко волнующий образ, который можно видеть на фотографии плащаницы (см. снимок выше) обнаружился только тогда, когда туринский фотограф синьор Пиа с разрешения кардинала получил возможность сфотографировать плащаницу. Каково же было его удивление и благоговейный страх, когда, проявив пластинку, он увидел не то, что обычно представляет собой негатив с его перестановкой света и тени в обратном порядке, — но ясное позитивное изображение, лицо Иисуса Христа.

Поскольку верующие люди, а тем более признающие боговочеловечивание, составляют не всё население Земли, а лишь его часть, то было уже несколько попыток разного **принижения** церковной значимости плащаницы и даже «научной» ее дискредитации.

Мол, она — подделка и ей всего каких-то несколько сотен лет. Был проведен особо якобы надежный тест на выявление возможности подлога и мистификации — радиоуглеродный анализ. Вердикт этого последнего такой, что саванная ткань из Турина «возрастом» не старше 700 лет.

/ Поясню, для справки, суть изотопной диагностики, применяемой сегодня для целей хронологического зондажа.

В атмосфере под действием космических лучей происходит ядерная реакция — превращение ядер азота ^{14}N в ядра радиоактивного изотопа углерода («радионуклида») ^{14}C. В результате в атмосферном воздухе содержится радионуклид ^{14}C в определенной и постоянной концентрации. У растений происходит обмен веществ с атмосферой, поэтому радионуклид содержится в клетках живых растений также в определенной и постоянной концентрации. Когда растение умирает, обмен с атмосферой прекращается и концентрация радионуклида начинает падать. Сравнивая концентрацию ^{14}C в изучаемой ткани с исходной концентрацией, можно установить возраст ткани, точнее, время, когда было сорвано растение, из которого эта ткань изготовлена (или убито животное, если это шерсть). /

∇ ◐ Мое же мнение такое, что в случаях с **чудесным** методы его постижения должны быть адекватными. Вряд ли то, что сегодня называют Наукой, всё она в состоянии изучить, познать, безапелляционно объяснить. И если есть сейчас желающие поставить окончательную точку в истории с накрывалом Иисуса Христа, то вот тех, кто захотел бы ее принять, нет. Споры продолжаются... Людей всегда будет беспокоить то, что появлялось и появляется ради их спокойствия. ◑ ◑

3. УЧЕНИЕ

♦ Притча о сеятеле

Однажды Иисус вышел из дому и сел на берегу озера. К Нему собралось столько людей, что Он вынужден был сесть в лодку, а ученики Его стояли на берéгу. В тот день Он рассказывал им много притч и среди прочих — эту.

«Земледелец вышел сеять. Когда он бросал семена, некоторые из них упали у дороги, и птицы склевали их. Другие упали на камни, там, где было мало плодородной почвы. Эти семена быстро взошли, потому что почва была неглубокой. Но когда взошло солнце, ростки засохли, так как у них не было корней. Другие семена попали в колючий кустарник, который разросся так, что заглушил ростки. Остальные семена упали на хорошую почву и принесли плод во сто, в шестьдесят или в тридцать раз больше того, что было посеяно. Слушайте, если у вас есть уши».

Ученики пришли к Иисусу и спросили: «Почему Ты говоришь притчами?» Иисус ответил: «Вам знание о Царстве Небесном уже было дано, они же этого еще не знают. У кого есть, тому будет дано еще, и дано в избытке. У кого же нет, у того отнимается и то, что есть. Я говорю им притчами потому, что они смотрят, но не видят, слушают, но не понимают. Они исполняют пророчество Исайи: «Вы будете слышать, но не поймете, будете смотреть, но не увидите. Сердца этих людей огрубели, они почти не слышат своими ушами, они закрыли глаза. Ведь они могли бы

увидеть своими глазами, могли бы услышать своими ушами, понять своими сердцами и обратиться, и Я бы исцелил их».

Счастливы глаза ваши, что видят, и уши ваши, что слышат. Говорю вам правду, много пророков и праведников хотели бы увидеть то, что вы видите, но они этого не видели. Они хотели бы услышать то, что вы слышите, но они этого не слышали.

Так слушайте же, что означает притча о сеятеле. Когда кто-либо слышит весть о Царстве Небесном и не понимает ее, то приходит дьявол и выхватывает то, что было посеяно в сердце. Это — семя, упавшее при дороге. Семя, упавшее на каменистую почву, — это о человеке, который слышит Слово и сразу же с радостью принимает его, но, так как у этого семени нет глубоких корней, оно долго не проживет. Это — о человеке, который отдастся греху, как только мир постигнут преследования и трудности. Семя, упавшее в тернии, — это о человеке, который слышит Слово, но заботы жизни и обманчивость богатства заглушают его, и семя не приносит плода. Семя же, упавшее на хорошую почву, — это о человеке, который слышит Слово и понимает его. Он приносит урожай во сто, в шестьдесят или в тридцать раз больше посеянного».

♦ Кто не со Мною, тот против Меня, а кто не собирает со Мною, тот расточает.

♦ Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

♦ Во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними.

/◐ Любопытно и многозначительно это совпадение Иисуса Христа с Конфуцием. ◑/

♦ Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.

♦ Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего.

♦ За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда.

♦ Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

♦ Гóре миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но гóре тому человеку, через которого соблазн приходит.

♦ Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах.

♦ Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие.

♦ И будут первые последними и последние первыми; ибо много званых, а мало избранных.

♦ И сказал Петр: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?» На что Иисус Христос ответил: «Не говорю тебе: «до семи», но до седмижды семидесяти раз».

♦ Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя.

♦ *Чему уподобим Царство Божие? Или какою притчею изобразим его?:*

- Царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нём идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то.
- Царство Небесное подобно неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов.
- Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его.
- Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё...
- Царство Небесное подобно купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее.
- Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: «Господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы?» Он же сказал им: «Враг человек сделал это». А рабы сказали ему: «Хочешь ли, мы пойдем, выберем их?» Но он сказал: «Нет, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы; оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их: а пшеницу уберите в житницу мою.
- Царство Небесное подобно пастуху, у которого 100 овец. Одна из них, самая больная, заблудилась. Он оставил 99 и стал искать одну, пока не нашел ее. После того, как потрудился, пастух сказал овце: «Я люблю тебя больше, чем девяносто девять».
- Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов*; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить. Тогда раб тот пал и, кланяясь ему, говорил: «Государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу». Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: «Отдай мне, что должен». Тогда товарищ

---

* **Талант** (*греч.* tálanton, *букв.* — вес, весы) — самая крупная весовая и денежно-счетная единица Древней Греции и др. областей Малой Азии.

его пал к ногам его, умолял его и говорил: «Потерпи на мне, и всё отдам тебе». Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видевши происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему всё бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: «Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с каждым, кто не простит от сердца своего брату своему согрешений его.

♦ Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека.

♦ Имейте веру Божию. Ибо истинно говорю вам: если кто скажет горé сей: «Поднимись и ввергнись в море» и не усомнится в сердце своем, но поверит, что исполнится по словам его, — будет ему, чтó ни скажет.

♦ Подозвав учеников Своих, Иисус Христос сказал им по поводу женщины, положившей в храмовую сокровищницу две лепты*: «Истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в копилку в синагоге; ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое».

♦ Не хлебом одним живет человек, но всяким словом Божиим.

♦ Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них.

♦ Вера бéз дел мертва.

♦ Познай то, что перед лицом твоим, и то, что скрыто от тебя, откроется тебе.

♦ Пусть тот, кто ищет, не перестаёт искать до тех пор, пока не найдет, и когда он найдет, он будет потрясен, и, если он потрясен, он будет удивлен, и он будет царствовать над всем.

♦ Если те, которые ведут вас, говорят вам: «Смотрите, Царствие в небе!» — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас. Но Царствие Небесное внутри вас и вне вас.

♦ Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает.

♦ Когда вы увидите того, кто не рожден женщиной, падите ниц и почитайте его; он — ваш Отец.

∇ ◐ Читая это заявление Иисуса Христа, трудно удержаться от соблазнов экстраполяции, особенно в свете последних достижений науки и версий о космических палеовизитах: ведь пасть ниц — это единственный способ спастись от яркого света. ◑

♦ Я дам вам то, чего не видел глаз, и то, чего не слышало ухо, и то, чего не коснулась рука, и то, что не вошло в сердце человека.

♦ Ученики спросили Иисуса Христа: «Скажи, каким будет наш конец?» Иисус Христос ответил: «Открыли ли вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, там будет конец. Блажен тот, кто будет стоять в начале: и он познает конец, и он не вкусит смерти».

---

* **Лéпта** — мелкая монета.

♦ Ученики спросили: «В какой день Ты явишься нам и в какой день мы увидим Тебя?» Иисус Христос сказал: «Когда вы обнажитесь и не застыдитесь и возьмете ваши одежды, положите их у ваших ног, тогда вы увидите Сына того, кто жив, и вы не будете бояться».

♦ Фарисеи и книжники взяли ключи от знания, они спрятали их и не вошли и не позволили тем, которые хотят войти. Вы же будьте мудры, как змии, и чисты, как голуби.

♦ Блаженны бедные, ибо ваше — Царствие Небесное.

♦ Блажен человек, который потрудился: он нашел жизнь.

♦ Я говорю: мои тайны... тайна. То, что твоя правая рука будет делать, — пусть твоя левая рука не знает того, что она делает.

♦ Да не стану я тем, кто делит.

/ Некий человек обратился к Иисусу Христу: «Скажи моим братьям, чтобы они разделили вещи моего отца со мной».

На что Иисус Христос ответил ему: «О человек, кто сделал Меня тем, кто делит?» Он повернулся к своим ученикам, сказал им: «Да не стану Я тем, кто делит!» /

♦ Покажи мне камень, который строители отбросили! Он — краеугольный камень.

♦ Когда вы видите ваше подобие, вы радуетесь. Но когда вы видите ваши образы, которые произошли до вас, — эти образы не умирают и не являются — сколь великое вы перенесёте?

♦ Тот, кто напился из Моих уст, станет как Я. Я также, Я стану им, и тайное откроется ему.

♦ Если у вас есть деньги, не давайте в рост, но дайте тому, от кого вы не возьмете их.

♦ Жемчужина, если она брошена в грязь, не станет более презираемой, и, если ее натрут бальзамом, она не станет более ценной. Но она всегда ценна для ее обладателя. Подобным образом сыновья Бога, где бы они ни были, они всегда имеют ценность для их Отца.

♦ Сосуды стеклянные и сосуды глиняные появляются с помощью огня. Но сосуды стеклянные, если они разбиваются, создаются снова, ибо они появляются от дуновения. Сосуды же глиняные, если они разбиваются, уничтожаются, ибо появляются они без дуновения.

♦ Иисус Христос в ответ на вопрос Понтия Пилата «что есть истина?»: «Я есмь путь, и истина, и жизнь».

4. МЫСЛИ

- Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом сýдите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такою и вам будут мерить.
- Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.
- Просите, и дано будет вам; ищите и найдете, стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.
- Нет ничего сокровенного, чтó не открылось бы, и тайного, чтó не было бы узнано.
- Ибо дерево познаётся по плоду своему; потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника.

- Кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится.
- Ибо где будет труп, там соберутся орлы.
- Все, взявшие меч, мечом погибнут.
- Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем, и у сродников, и в доме своем.
- Кто против вас, тот за вас.
- Может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?
- Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть? Но если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?
- Никакой слуга не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть.
- Терпением вашим спасайте души ваши.
- Если же вы не познаёте себя, тогда вы в бедности и вы — бедность.
- Город, построенный на высокой горе, укрепленный, не может пасть, и он не может быть тайным.
- Если плоть произошла ради духа, это — чудо. Если же дух ради тела, это чудо из чудес. Но Я, Я удивляюсь тому, как такое большое богатство заключено в такой бедности. Если двое в мире друг с другом в одном и том же доме, они скажут горé: «Переместись!» — и она переместится. Много вокруг источника, но никого нет в источнике.
- Тот, кто знает всё, нуждаясь в самом себе, нуждается во всём.
- Почему вы моете внутри чаши и не понимаете того, что тот, кто сделал внутреннюю часть, сделал также внешнюю часть?
- Осел, ходя вокруг жернова, сделал 100 миль, шагая. Когда его отвязали, он находился всё на том же месте. Есть люди, которые много ходят и никуда не продвигаются.
- Истина не пришла в мир обнажённой, но она пришла в символах и образах. Он не получит ее по-другому.
- Будьте прохожими.
- Всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, я уподобил бы тому благоразумному, который построил дом свой на камне, и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на прочном фундаменте.

  Тот же, кто пропускает слова Мои мимо ушей (слушает, да не исполняет), подобен человеку совершенно безрассудному: он построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и дом упал, и было падение его великое.*

---

* ◐ Здесь тоже ощущается конгениальная и по-свóему удивительная в этом очень близком совпадении по духу и образу мыслей перекличка с Конфуцием — вспомним: «Того, кто не задумывается о далёких трудностях, подстерегают близкие неприятности».

Сене́ка

I в. до н. э. — I в. н. э.

Сенека Луций Анней (Младший)

• Римский философ, политик, поэт

Родился: ок. 04 г. до н. э.
Умер: апр. 65 г. н. э.

Прожил ≈ 68 лет

«Жить — значит бороться».
(Сенека)

■ **«Если философы и не поступают всегда так, как говорят, то всё-таки они приносят большую пользу тем, что рассуждают, что намечают нравственные идеалы».** *(Сенека)*

■ **«Против бедствий жизни есть благодеяние смерти».** *(Сенека)*

1. ЖИЗНЬ

• Сын ритора Луция Аннея Сенеки, именуемого в последующей историографии — Луций Анней Сенека (Старший), и Гельвии.
• Родился в Испании (Кордове), но еще ребенком был привезен отцом в Рим.
• Учился у пифагорейца Сотиона, стоиков Аттала, Секстия, Папиния.
• Принадлежал к высшему сенаторскому сословию.
• Был воспитателем 11-летнего Нерона, будущего императора, сына Агриппины Младшей.
• Своими суждениями Сенека старался показать, что истинная философия даже у самых несхожих теоретиков на практике сводится к одному и тому же.
• У Сенеки была незавидная участь быть связанным с сумасшедшим императором Калигулой (37 – 41 гг.), слабоумным императором Клавдием (41 – 54 гг.), императором-извергом Нероном (54 – 68 гг.).
/ Нерон покончил с собой 7 июня 68 года. /
• Образцом для Сенеки был Посидоний*.
• ◐ Мышление Сенеки напоминало маятник в крайних точках — всегда

---

* **Посидоний** из Апамеи (ок. 135 – 51 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, влиятельнейший мыслитель средней Стои, руководитель основанной Панэцием (ок. 180 – 110 гг. до н. э.) в Родосе школы. Был универсальным ученым — естествоиспытателем, математиком, астрономом, географом, историком, этнографом. Он один из первых представителей стоицизма римской эпохи.

наивысший подъем, всегда крайности, всегда перемена сторон, всегда раскачивание воспринимающего его взора ◑:

/ Когда император Нерон построил себе роскошный восьмиугóльный шатер, на диво разукрашенный, то Сенека сказал ему: «Ты показал себя бедняком: ведь если ты потеряешь этот шатер, то другого такого уже не приобретешь».

// Этот шатер действительно пропал при крушении перевозившего его корабля. Но Нерон, помня о словах Сенеки, перенес эту потерю достаточно спокойно. // /

• **Сочинения Сенеки:**

«Нравственные письма к Луциллию»*:

/ Это самое крупное произнедение Сенеки; дошло до нас в подлинниках. В нем 124 письма. /;

«Вопросы естествознания»;
«О счастливой жизни»;
«О провидении»;
«О гневе»;
«О досуге»;
«О спокойствии души»;
«О милосердии»;
«Утешения»;
«Отыкбление».

• Сенека — автор девяти трагедий: «Медея», «Федра», «Эдип», «Агамемнон» и др.

• Римский ритор Квинтилиан (ок. 35 – 100) утверждает, что Сенека часто опирался на помощь «ученых рабов», из-за чего его порой вводили в заблуждение собственные сотрудники, предоставлявшие неверные сведения по исследованиям, проведенным ими по его приказу.

• Общий перечень тем, затрагиваемых Сенекой, обширен и впечатляет своей целенаправленной разноплановостью:

◙ Об употреблении времени для усовершенствования души.
◙ О добродетели и богатстве.
◙ О выборе друзей.
◙ О страхе смерти.
◙ О показной и истинной философии.
◙ Об истинной дружбе.
◙ О телесных упражнениях.
◙ О пользе философии.
◙ Против страха перед будущим.
◙ Быть под взглядом мудреца.
◙ Похвала старости.
◙ О тщете путешествий.
◙ О Боге и душе.
◙ О строении мира.
◙ О житейском поведении.
◙ О презрении к молве.
◙ Спокойно и с готовностью ждать смерть.
◙ Жить на виду:

---

* **Луциллий Гай Младший** — друг Сенеки. Человек широких интересов и пытливого ума, он был автором неплохих стихов и философской прозы.

/ Опровержение известного эпикурейского правила «Проживи незаметно». /

- Все люди — равны.
- Против словесных тонкостей (которыми был славен, например, Хрисипп).
- Видеть свои пороки.
- Мудрому везде покой.
- Радость не в наслаждениях.
- О презрении к тому, что все ищут.
- О готовности к бедствиям.
- О пьянстве.
- О честности, единственном благе.
- О закаливании души.
- О посмертной славе.
- О самоубийстве.
- О мере в гóре.

• В 57 г. Сенека получает высшую в империи должность — консула. Богатства его достигают в эту пору огромной суммы, 300 миллионов сестерций (около 50 миллионов долларов США на нынешние деньги).

• Недруги и завистники клеветнически, играя на слабостях Нерона, обвинили Сенеку в алчности и соучастии в заговоре против императора.

• По приказу Нерона Сенека был приговорен к смерти с правом выбора способа самоубийства; престарелый философ мужественно встретил несправедливый приговор и принял смерть, вскрыв себе вены.

2. СУДЬБА

► Расцвет славы Сенеки пришелся на начало нашей эры, на годы правления Калигулы. При этом императоре Сенека получает место в сенате и первую государственную должность. Увы, его блистательный талант в один прекрасный момент вызвал бешеную зависть правителя. Тот распорядился убить Сенеку, но... вмешалась императорская наложница, успокоив властелина тем, что слабый здоровьем философ и так скоро умрет. Однако Сенека пережил Калигулу...

► Был случай, когда Сенека испугался на море, и один шутник сказал ему, что он еще только мудрец суши.

► В 1813 г. в Риме на Целиевом холме была обнаружена герма* с изображениями Сократа и Сенеки. С 1878 г. она находится в Берлине. Удивительно спокойным изображен Сенека на двойной герме. Это вполне соответствует тому факту, что его состояние достигало порой огромных размеров. Парность гермы намекала на то, что оба философа относились равнодушно к смерти.

► **Сенека:**

«Мне говорят, что моя жизнь не согласна с моим учением. В этом в свое время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить. Я толкую о

---

* О гермах см. на с. 8, 17. — *Ред.*

добродетели, а не о себе, и веду борьбу с пороками, в том числе и со своими собственными: когда смогу, буду жить, как должно...»

«Про меня говорят: "Зачем он, любя философию, остается богатым?, зачем он учит, что следует презирать богатства, а сам их накопляет?, презирает жизнь — и живет?, презирает болезни, а между тем очень заботится о сохранении здоровья?, называет изгнание пустяком, однако, если только ему удастся, — состарится и умрет на родине?"

Но я говорю, что всё это следует презирать не с тем, чтобы отказаться от всего этого, но чтобы не беспокоиться об этом. Мудрец не любит богатства, но предпочитает его бедности; он собирает его не в своей душе, но в своем доме...»

3. УЧЕНИЕ

● О философии

♦ Как много бесполезного в том, чем занимаются философы! Как много устаревшего!..

♦ То, что было у нас раньше философией, стало филологией с тех пор, как мы учим тому, как следует спорить, а не тому, как следует жить.

♦ Самоё имя философии достаточно ненавистно. Что же будет, если мы, философы, станем выделяться среди других людей странными привычками.

♦ Философия учит делать, а не рассуждать. Она требует, чтобы каждый жил согласно ее закону, чтобы жизнь не расходилась с речью, она не терпит пестроты, расхождения в поведении.

♦ Философия — не хитрая затея для толпы, изготовленная для показа; она не в словах, а в делах. Ее значение не в том, чтобы помочь забавно провести день или убить скуку во время досуга. Она образует и формирует дух, упорядочивает жизнь, управляет действиями, указывает, что надо делать и чего не надо делать; она сидит у руля и проводит судно через опасность волн. Без нее никто не может быть спокоен. Ежечасно происходит бесчисленное множество событий; они требуют совета, который надо просить у нее.

♦ Луциллий! Чем дороже груз, которым владеет путешественник, тем более он заботится о спокойствии волн и благодарен Нептуну за это спокойствие. Так и философ: ему нужен мир в государстве — чтобы размышлять в покое, — и он благодарен тому, кто дарует нам этот мир... Вот отчего я так забочусь о силе Цезаря и славлю его власть!

♦ Истинно свободным может считаться только одно занятие, делающее нас свободными, а именно: возвышенное, чистое, высокое занятие философией.

♦ Философия и целебна, и приятна в одно время.

● Мировоззрение и нравственная позиция

♦ Никому я рабски не подчинялся, никому не следую. Во многом я верю суждениям великих людей, кое же в чем я полагаюсь и на свое суждение.

♦ Нет рабства более позорного, чем рабство духа.

♦ Мы не можем изменить мировых отношений. Мы можем только одно: обрести высокое мужество, достойное добродетельного человека, и с его помощью стойко переносить всё, что приносит нам судьба.

♦ Судьба согласного с ней ведет, противящегося — тащит.*

♦ Наблюдай, изучай и читай, чтобы ты был в состоянии преодолеть еще оставшиеся у тебя сомнения и продвигался к дальнейшему изучению и постижению, ибо жизнь без познания означает смерть и бесславное погребение.

♦ Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки. Возблагодари же Бога за то, что никого нельзя удержать в жизни. Обуздать самоё необходимость — дозволено.

♦ Презирайте бедность — никто при жизни не беден настолько, насколько при своем рождении.

♦ Разум — это не что иное, как часть божественного духа, погруженная в тело людей.

♦ Пусть поймут все те, кто достиг великого могущества между людьми, что даже молнии не посылаются Юпитером без совета: пусть они призывают советников, обдумывают мнения многих, взвешивают внесенные предложения и имеют в виду, что для нанесения смертельного удара даже Юпитеру недостаточно его собственного решения.

♦ Всё, что ты видишь, в чем заключено и божественное, и человеческое, — едино: мы — только члены огромного тела. Природа, из одного и того же нас сотворившая и к одному предназначившая, родила нас братьями.

♦ Дух человека велик и обширен; он не терпит никаких границ. Он не признаёт своей родиной узкие пределы Эфеса, Александрии или какого-либо еще более обширного государства. Его подлинная родина охватывает весь этот мир, это — свод, включающий в себя моря и земли.

♦ Наше общество весьма подобно каменному своду: он рухнул бы, если бы камни не препятствовали друг другу падать, и этим он держится.

♦ Природа повелевает нам приносить пользу людям, а рабы ли они или свободные, благородного ли происхождения или вольноотпущенники, дарована ли свобода с соблюдением надлежащих формальностей или в кругу друзей, совершенно безразлично.

♦ От чувства берет разум свое начало, ибо он не имеет ничего другого, на что бы опереться и откуда бы проникнуть к истинному, и в себя возвращается.

♦ Всё возникает из всего. Из воды воздух; из воздуха вода; огонь из воздуха; из огня воздух. Почему, следовательно, не возникать земле из воды и из земли воде?

♦ Всё находится во всём.

♦ Все элементы подвержены взаимным превращениям. Что погибает, из одного переходит в другое. И природа сохраняет образующие ее части в равновесии, словно боясь, чтобы при нарушении отношения частей не рухнул мир.

♦ В создании вещей участвуют два элемента: **материя и причина.** Материя инертна, способна принимать любую форму и мертва, пока ничто не приводит ее в движение. Причина же, или разум, придает материи форму,

* Первым автором этой мысли следует считать не Сенеку, а древнегреческого философа Клеанфа.

дает ей по своему усмотрению то или другое назначение и производит из нее различные вещи. Итак, должно быть нечто, из чего состоит предмет, и затем то, что создало его, Первое есть материя, второе — причина.

♦ Захочешь ли назвать Бога судьбой? Не ошибешься: ведь от него всё в мире зависит, он причина всех причин...

Назовешь ли его природой? Не согрешишь против истины, ибо от него всё рождается, его дыханием мы живем.

Назовешь ли его миром? Не обманешься: ведь он и есть то целое, что ты видишь, совершенный во всех составляющих его частях, сам сохраняющий себя своей силой.

♦ Высшее благо заключено в разуме, а не в чувствах. Что в человеке самое лучшее? Разум. Силой разума он превосходит животных и идет вровень с богами.

♦ Скелет, который ты видишь у нас, мышцы и обтягивающая их кожа, лицо и послушные руки, равно как и все другие члены, которыми мы окружены, — это оковы духа и тьма. Они подавляют, затемняют, заражают дух, отклоняют его от истины и навязывают ему ложь; с этим отягчающим его телом духу приходится вести настоящую борьбу.

♦ Души суть искорки, оторвавшиеся от высших святынь, упавшие и приставшие к чуждому им элементу.

♦ Душа — это Бог, нашедший приют в теле человека.

♦ Тот, кто думает, что рабство распространяется на всю личность, заблуждается: ее лучшая часть свободна от рабства. Только тело подчинено и принадлежит господину, дух же сам себе господин... Только судьба тела в руках господина: его́ он покупает, его́ продает; то, что внутри человека, он не может присвоить себе с помощью торговой сделки.

♦ Вселенной управляет Бог, всеобъемлющая мировая стихия.

♦ Развитие человечества не находится еще в столь блестящем состоянии, чтобы **истина** была доступна большинству. Одобрение толпы — доказательство полной несостоятельности.

♦ Я принимаю общее правило всех стоиков: «Живи сообразно с природой вещей». Не уклоняться от нее, руководствоваться ее законом, брать с нее пример, — **в этом и заключается мудрость**. Следовательно, жизнь счастлива, если она согласна со своей природой.

♦ Природа обыскивает нас и при входе, и при выходе. Голыми пришли, голыми уходим. И нельзя вынести отсюда больше, чем принес.

♦ Кто сказал, что умирать страшно? Разве кто-то возвратился оттуда? Почему же ты боишься того, о чем не знаешь? Не лучше ли понять намеки неба? Заметь: в этой жизни мы всё время болеем — то этой болезнью, то другой. То нас донимает желудок, то болит нога. Со всех сторон в этом мире нас преследует дыхание болезней, ярость зверей и людей. Со всех сторон нас будто гонят отсюда прочь. Так бывает лишь с теми, кто живет **не у себя**. Почему же тебе страшно возвращаться из гостей домой?

♦ Ты покинул теплую материнскую утробу, и тебя овеял вольный воздух земли. Ты закричал от прикосновения жестких рук, почуяв страх

перед неведомым. Почему же потом, когда мы готовимся предстать перед другим неведомым и покидаем теплую утробу мира, — почему мы так боимся? Ведь однажды мы уже испытали этот страх? Чего же нам бояться вновь? Девять месяцев приготовляла нас утроба матери для жизни в этом мире, почему же мы не понимаем, что весь срок нашей жизни — от младенчества до старости — мы только зреем для какого-то нового рождения?

♦ И вновь понимаешь: нет, нет, мы не умираем — мы только прячемся в природе. Ибо дух наш — вечен... Ох, побыстрее бы в гавань! Чего желать! Что нам оплакивать в этом мире? Вкус вина, меда, устриц? Но мы всё это изведали тысячу раз. Или милости фортуны, — которые мы, как голодные псы, пожираем целыми кусками — проглотим и вкуса не почувствуем? Всё суета... Пора! Пора! Прочь из гостей! Засиделся! В гавань! В гавань!

♦ Ты спросишь, а почему тогда грабят и убивают в этом мире? А в этом — намёк человекам: не бегайте за тщетою! Зачем нам достояние? Пурпурная тога? Ведь Бог — нагой. Запомни: у человека нет несчастий, кроме тех, которые он сам считает несчастиями. Я хвораю? Говори себе — такова доля смертных! Друга похитила смерть? Участь людей, обычная участь! Помни: что бы ни случилось с философом, — спокойствие духа его — постоянно. Да, достичь гармонии — трудно, но достичь ее среди стонов и крови — во сто крат труднее... Будем же думать не о бренном теле, которым легко распоряжаться властителям сего мира, — но о душе и вечности, им неподвластным. Тогда ты до конца постигнешь слова древних: «Кто борется с обстоятельствами, — тот поневоле становится их рабом». На прощание прими от меня в дар слова философа: «Мы учим не терять. А нужно учить: «Будь счастлив, всё потеряв»». И еще: «Все заботятся жить долго, но никто не заботится жить правильно».

♦ ...Ведь они рабы? Да, но они твои товарищи по рабству, если подумать, что и они, и мы одинаково находимся во власти судьбы.

♦ Мне скажут: да ведь они рабы. Да, но вот этот раб обладает свободным духом. А покажите мне, кто не рабствует, в том или другом смысле? Этот вот — раб похоти, тот — корыстной жадности, а этот — честолюбия...

♦ Удовольствие не награда за добродетель и не побудительная причина к ней. Добродетель привлекательна не потому, что доставляет наслаждение, а наоборот, она доставляет наслаждение благодаря своей привлекательности. Высшее благо заключается в самом сознании и в совершенстве духа. Когда последний закончит свое развитие и сосредоточится в своих пределах, ему, ввиду полного осуществления высшего блага, нечего больше желать. Ведь понятие о целом не допускает возможности какой-нибудь не входящей в его состав части, равно как нельзя допустить, чтобы что-либо находилось дальше конца. Поэтому ты рассуждаешь нелогично, спрашивая, что заставляет меня стремиться к добродетели. Твой вопрос равносилен желанию определить то, что́ выше высочайшего пункта. Ты спрашиваешь, что́ я желаю найти в добродетели? Ее самоё! Ведь нет ничего лучше ее, она сама служит себе наградой...

♦ Жизни первый час жизнь на час убавил.

4. МЫСЛИ

- Ни один не признаёт себя скупым или жадным.
- Наша беда не приходит извне: она в нас, в самой нашей утробе.
- Добродетели нельзя разучиться.
- Подлинна только та безмятежность, чей корень — совершенство духа.
- Великие полководцы, когда замечают плохое повиновение у солдат, усмиряют их трудом и держат в узде походами. Кто занят, у того нет времени на озорство; и вернее верного то, что дело искореняет пороки, порожденные бездельем.
- Ведь не так опасны пороки, не скрытые от глаз; даже больные идут к выздоровлению, если болезнь прорвалась из глубины и обнаружила всю свою силу. Знай, что и скупость, и честолюбие, и другие недуги человеческого духа пагубнее всего тогда, когда прячутся под личиной здоровья.
- У радости же один непременный признак: она не может ни прекратиться, ни обернуться своей противоположностью.
- Вот я прилежно читаю Секстия; философ великого ума, он писал по-гречески, мыслил по-римски. Один образ у него меня взволновал. Там, где врага можно ждать со всех сторон, войско идет квадратным строем, готовое к бою. Так же, говорит он, следует поступать и мудрецу: он должен развернуть во все стороны строй своих добродетелей, чтобы оборона была наготове, откуда бы ни возникла опасность, и караулы без малейшей суматохи повиновались бы каждому знаку начальника.
- Жив тот, кто многим приносит пользу; жив тот, кто сам себе полезен. А кто прячется и коснеет в неподвижности, для того дом — словно гроб. Можешь хоть начертать у порога его имя на мраморе: ведь они умерли раньше смерти.
- И в скорби есть доля тщеславия! Мы ищем в слезах доказательства нашей тоски и не подчиняемся скорби, а выставляем ее напоказ.
- Так будем жадно наслаждаться обществом друзей — ведь неизвестно, долго ли еще оно будет нам доступно.
- Ничто не становится ненавистно так быстро, как горе.
- Если хочешь меня послушаться, думай об одном, готовься к одному: встреть смерть, а если подскажут обстоятельства, и приблизь ее. Ведь нет никакой разницы, она ли к нам придет, мы ли к ней.
- Пока смерть подвластна нам, мы никому не подвластны.
- Много ли радости прожить восемьдесят лет в праздности? Такой человек и не жил, и замешкался среди живых, и не поздно умер, а долго умирал.
- Малая печаль говорит, большая — безмолвна.
- Мудрость никогда не досадует на себя.
- Доблесть жаждет опасности.
- Нет человека, который не предпочел бы упасть один раз, чем постоянно колебаться.
- Кто друг себе, тот друг и всем.
- Поспешность сама себе препятствует.

- Чтобы рассказать о своем сновидении, нужно проснуться.
- Кто начал тревожиться, тому себя не сдержать.
- Только разум может обеспечить покой.
- Ничто не является пороком само по себе.
- Что было пороками, то теперь нравы.
- Довольствующийся немногим желудок освобождает от очень многого.
- Что измельчено в пыль, то смутно.
- Подняться на небо можно из любого закоулка.
- Страшиться потерять — всё равно, что горевать об утрате.
- Всякое удовольствие усиливает опасность.
- Наградой за доброе дело служит свершение его.
- Мучительнее всего неизвестность.
- В беде следует принимать опасные решения.
- Люди сами держатся за рабскую долю.
- Слишком неумеренная радость угнетает нас.
- Атрибуты смерти устрашают сильнее самóй смерти.
- Доводы разума... на взгляд... невелики, но растут по мере того, как делают свое дело. Тот же удел у наставлений, что и у семян: короткие, они многое могут, лишь бы только им попасть в подходящую душу, способную их принять. А она сама принесет плоды, возвратив полученное сторицей.
- Учиться надо смолоду, на старости же лет — наслаждаться знаниями.
- Лучше изучить лишнее, чем ничего не изучить.
- Обучая учусь.
- Лучшее средство от обиды — прощение.
- Цезарю многое непозволительно именно потому, что ему дозволено всё.
- Чаще пользуйся ушами, чем языком.
- Человек для человека — святыня.
- Прежде чем сказать что-либо другим, скажи это себе.
- Если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму.
- Зависть людей показывает, насколько чувствуют они себя несчастными; их постоянное внимание к чужому поведению — насколько они скучают.
- Чем кто больше заслуживает презрения и насмешки, тем наглее его язык.
- Доказательства свойств характера можно извлекать из мелочей.
- Великая судьба — великое рабство.
- Кто не знает, в какую гавань плыть, для того не бывает попутного ветра.
- Каждый из нас для другого являет великий театр.
- Кратчайший путь к богатству — через презрение к богатству.
- Для мудрого его век так же долог, как для богов вечность. А кое в чем мудрец превосходит и Бога, тот избавлен от страха благодаря природе, а этот — благодаря самому себе.
- Все заботятся не о том, правильно ли живут, а о том, долго ли проживут; между тем жить правильно — это всем доступно, жить долго — никому.

- Глупо, конечно, чувствовать себя несчастным из-за того, что когда-нибудь станешь несчастным.
- Жди каждый день какой-нибудь беды от людей... Гром гремит прежде, чем поднимается буря. Здания предвещают свое разрушение треском. Дым возвещает о пожаре. Опасность со стороны людей подкрадывается неожиданно, и чем она больше, тем тщательнее скрывается. Мы ошибаемся, когда верим выражению лица людей, приближающихся к нам. У них только наружность людей: в душе же они звери.
- Мы должны вынести над собой один и тот же приговор: мы злы, были злыми и будем злыми.
- Мудрец тогда больше всего думает о бедности, когда его окружает богатство.
- Бывают заблуждения, имеющие видимость истин.
- Важно не то, чтобы у тебя было много книг, а то, чтобы они были хорошими.
- Вдвойне дает тот, кто дает быстро.
- Величие некоторых дел состоит не столько в их размерах, сколько в своевременности.
- Власть над чужими народами непрочна.
- Где оказывался бессильным ум, там часто помогало время.
- Если нет дальнейшего роста, значит, близок закат.
- Если хотите ничего не бояться, вспомните, что бояться можно решительно всего.
- Золотая узда не сделает клячу рысаком.
- И после плохого урожая нужно сеять.
- Кого боятся многие, тот сам многих боится.
- Кто слишком боится ненависти, не умеет управлять.
- Мы на многое не отваживаемся не потому, что оно трудно; оно трудно именно потому, что мы на него не отваживаемся.
- Некоторые неписаные законы сильнее всех писаных.
- Никогда счастье не ставило человека на такую высоту, чтоб он не нуждался в других людях.
- Новизна восхищает часто больше, чем величие.
- Одни преступления прокладывают путь другим.
- Память о великих людях имеет для нас не меньшее значение, чем их живое присутствие.
- Порицание со стороны дурных людей — та же похвала.
- Пороки усваиваются и без учителей.
- Пьянство — это добровольное сумасшествие.
- Свои способности человек может узнать, только попытавшись применить их на деле.
- Настанет время, когда наши потомки будут удивляться, что мы не знали таких очевидных вещей.

Апостол Па́вел

I век н. э.

Павел

- Иудейский философ-моралист, христианский мудрец

Родился: ок. 01 г.
Умер: 29.06.67 г.

Прожил ≈ 66 лет

> **«Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия?»**
> *(Павел)*

■ **«Знание преисполняет надменностью».** *(Павел)*

■ **«Знаем ведь, что для любящих Бога всё творится во благо».** *(Павел)*

■ **«Надлежит быть ересям и расколам для того, чтобы стали явными достойные похвалы».** *(Павел)*

■ **«Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобресть».** *(Павел)*

1. ЖИЗНЬ

• Один из апостолов христианства.
• Родился в Тарсе, главном городе Киликии — плодородной равнины в юго-западной части Малой Азии. Это была еврейская колония, основанная за два века до того распоряжением царя Антиоха IV Селевкида.
• Отец его занимался производством шатров и палаток. Они изготавливались из кожи и из особой пряжи, сотканной из длинной плотной шерсти черных коз.
• Кроме Павла, у его родителей, по всей видимости, была еще и дочь.
• Семья имела римское гражданство и не была бедной.
• Во время обряда *обрезания,* на восьмой день после рождения, ему было дано, помимо римского — Павел, еще и второе, иудейское, имя Савл, буквально означающее «тот, о ком просили».
• К 11 годам Павел уже постиг еврейскую историю, поэзию псалмов, прозу пророков. Для продолжения образования он морем отправляется в Палестину. Здесь в течение 5 лет он становится слушателем у Гамалиила, внука Гиллеля, высокодуховного учителя, скончавшегося чуть ранее в возрасте более 100 лет.
• У Павла был хорошо сформированный великолепный мощный ум, который и сделал его «властителем дум» иудеев.

• По всей вероятности, Павел был женат; он занимался преподавательской деятельностью; в нем давала себя знать натура проповедника.

• Лично Иисуса Христа Павел не знал, прямым учеником его не являлся.

• Павел был невысокого роста, кривоногий, лицо овальное, мясистое, с нависающими бровями; носил черную бороду; одевался в длинный плащ с голубой каймой.

• Обычный его вид — надменный. Он всегда был уверен, что уже заслужил благоволение Бога и стоит выше других.

• Всю жизнь Павла мучила некая загадочная болезнь. Ее отвратительные симптомы были тяжелы не только для него, но и для тех, кто его окружал, вольно или невольно был рядом с ним. Сам Павел эту болезнь нигде прямо не описывает, отделываясь больше туманными намеками. Но судя по всему, учитывая его склонность к экстатическим состояниям, это была эпилепсия.

• ◐ Следует признать, что у Павла, помимо физического и психического недуга, было еще, так сказать, **психосоциальное** отклонение. Ему был свойствен «синдром Красной Шапочки» (или иначе — «комплекс Епиходова», по имени того самого Епиходова из «Вишневого сада» А. П. Чехова, которого все называли «двадцать два несчастья»). Павел, как магнит железо, тянул к себе людскую негативность, разные раздорности, а также неспокойные, даже взрывные, силы природного внешнего мира. Будучи во многих критических ситуациях вместе с другими людьми, он неисчислимым бедам подставлялся **очевидно** чаще, чем они. Его подверженность неудачным, опасным, проблемным вариантам, попадаемость в, ну, прямо как с неба сваливавшиеся, безвыходные ситуации была какой-то заклятой:

/ Формулировку «синдрома Красной Шапочки» я привел в моей книге «Управление без тайн» (Симферополь: Апейрон, 1993). Там определение этого явления дано в следующем виде:

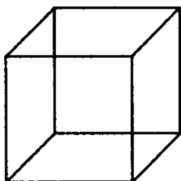
Жертва несет свою долю вины за то, что с ней произошло, происходит или произойдет. / ◑

• Взгляды христиан, их веру в Христа Спасителя Павел до своего *обращения* (случившегося приблизительно в 32 г.) не разделял. Мало того, он всячески оскорблял, огульно поносил и нагло высмеивал всё, что было связано с Иисусом Христом. Павел набрасывался на всех последователей Иисуса Христа, как дикий зверь; он стоял во главе большинства организованных на них гонений. Иисус был для него обманщиком и богохульником, никогда не восстававшим из гроба.

• Но — удивительное дело! — слова верующих, которым Павел выказывал свое превосходство, неприятие и презрение, почему-то запоминались им, даже западали в душу. Может быть, это сбывались слова Иисуса Христа, сказанные ученикам: «Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все противящиеся вам»?

• Расширяя круг своей гнеаливости относительно христиан, Павел (ему было в то время чуть больше 30 лет) отправился в город Дамаск[40]. И по дороге туда с ним случилось невероятное. Невдалеке от пригорода, «около полудня, — вспоминал он, — вдруг осиял меня великий свет неба». Павел, с его слов, увидел Иисуса Христа и уверовал в него. Произошло *обращение*:

/ ◐ Мне думается, что смысл *обращения* хорошо передает оптическая иллюзия «куб Неккера»:

Долгое рассматривание рисунка вдруг переключает восприятие, и мы видим изображенный предмет ориентированным то вправо, то влево.

Мирское жизнеощущение под воздействием каких-то значимых факторов будничной жизни тоже иногда «переключается» в сознании, и тогда человек видит иное в привычном, другое в заурядном, возвышенное в неказистом, сияющее в неприметном.

Вера — это когда гордыня самопочувствований сразу и одномоментно меняется на понимание своей ничтожной мелкости и **зависимости** от того, кто всегда Был и Есть, кто в положительных обрисовках превосходит любого из людей и который может даровать любому из нас спокойствие, прощение и всеблагий приют. ◑ /

• ◐ Дальнейшие события в жизни Павла, хотя и были разными (в них присутствовал и трагизм, и пафос), но в целом представляли череду проповеднической деятельности, столько же нужную нам, людям, сколько и горькую для того, кто есть ее носитель. ◑ Павлу пришлось испытать преследование и избиение камнями, бичевание в Филиппах[41] и изгнание из Фессалоники[42], бегство и осмеяние в Афинах, кораблекрушение и тюремный застенок, камеру пыток и ожидание казни.

• **Сочинения Павла:**

«Послание к римлянам»:

/ Здесь, в общем контексте проповеднического убеждения, Павел дает любопытную подборку негативных человеческих проявлений, указывая, что люди бывают:

- исполнены всякой неправды
- исполнены блуда
- лукавства
- корыстолюбия
- злобы
- зависти
- ненависти
- убийства
- распрей
- обмана
- злонравия
- они злоречивы
- они клеветники
- богоненавистники
- обидчики
- они самохвалы
- они горды
- изобретательны на зло
- непослушны родителям
- безрассудны
- они вероломны
- непримиримы
- нелюбовны
- немилостивы

◙ они знают о запрете на недо́лжное, но тем не менее не только сами делают его, но и делающих еще одобряют
◙ они поклоняются твари вместо Творца
◙ заменяют истину Божью ложью
◙ будучи обезумевшими, называют себя мудрыми
◙ они осуетчены в сердце своем
◙ они оскверняют свои тела противоестественной похотью /;

«Послание к коринфянам» (2 послания);
«Послание к галатам»;
«Послание к Филимону».

• © Павел — интереснейший мыслитель. Сделанное им единожды явилось человечеству, чтобы навсегда помниться в восхищении. Этому человеку и довелось, и посчастливилось притронуться к тайне тайн, загадке загадок.

На него пал и́збраннический жребий. И потому только и только он обозначил одну из важнейших *фундаментальностей* христианского учения, а именно: п а р а д о к с как форму и стиль правильного мышления; не как исключение, а как правило, закон, обязательность. Поистине, достойно назвать этот неожиданный (*греч.* paradoxos — неожиданный) вид оразумения мира — **«павлософией»**:

♦ Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Ибо если мудрость мира не привела к премудрости Божией, то пусть это сделает юродство проповеди. Греки, видите ли, ищут мудрости. А мы проповедуем Христа распятого, что для греков — безумие. Вот и получается, что немудрое Божие премудрее человеков. ♦

Во всём этом фрагменте нет убеждающей чистоты, но зато есть чистота убеждения. **Хиазматическая риторика** (хиазм — *греч.* chiasmos, расположение чего-либо в виде греческой буквы *X* [*хи*], а в данном случае — крестообразие (взаимоперечёркивание) зна́чащих смыслов) обладает цепкостью якоря, ее внедрение в мозг сродни гарпуну: входит легко, не выходит вовсе.

О чём стоит свершить нам проблемовкуше́ние? Думаю, вот о чём. Те, кто пытались *понять* мир, давно в этом своем романтизме разочаровались (достаточно вспомнить Дюбуа-Реймоновское: «Не знаем и не узнаем!»). Может быть, повезет больше тем, кто встанет на иную тропу — не веду́щую, а уводящую?! Беря за образ округлость земного шара!

Чем окантовка круга лучше таковой квадрата, если обе рассматривать как виды другого, *иначе общего подхода*, т. е. как вариации *ломаности прямой линии*? Что остается от проблемы «квадратуры круга», если сменить тупиковый ракурс мысли и подвижное отграничение (скажем, некий связанный в концах отрезок нитки) выложить на плоскости то как квадрат, то как круг? И не следует ли отсюда, что Павел взывает к нам, дабы мы усвоили, что не человек страдает от своих мыслей, а что мысли наши давно уже порабощены нами и пора наконец воинством апостольских воззрений освободить ум людей от засилья коварных предубеждений. Не навязывать себе истину, а самому послойно, каждый день, нанизываться на нее — вот где правота правильности соседствует с правильностью правоты.

И что с того, что эта правильность моя не совпадает с вашей?! Пусть это больше заботит вас, если вам больше заботиться нечем! Ну что же тогда истина? Когда человек поет, он не может есть. Пока мы спрашиваем об истине, она не с нами. Вслушиваться в пасторское слово здесь более уместно. Чтобы слушать, надо перестать спрашивать. ◑

• ◐ Павел сформулировал ряд положений, которые, я бы сказал, носят характер **ключевых**, то есть как бы открывают двери в новые разделы философии. Компонента казуистической мудрости в них (его положениях) столь велика, что над каждым будут думать и задумываться все роды и поколения людей. ◑:

- Если Бог за нас, то кто против нас?
- Мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся, того чего не видим, ожидаем в терпении. Но следует знать, что тем, кто любит Бога, всё содействует ко благу.
- Кто ты, человек, что пытаешься спорить с Богом? Это Бог определяет, кого ему миловать, а кого ожесточать. Разве изделие вправе сказать сделавшему его: «Зачем ты меня так сделал?» И вообще: не властен ли горшечник над глиною, чтобы из одной и той же смеси сделать один сосуд для почетного *употребления*, а другой — для низкого?!
- Знай, если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Христа Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил его из мертвых, то спасешься.
- Если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то *это* уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.
- Немудрое мира избрал Бог, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное.

• ◐ Павел заложил основы новой стилистики мышления, где отрицание смысла есть его утверждение. Это путь, который ведет дальше привычной (для простоты скажем, «аристотелевой») логики. У него всякая, так сказать, «СТОРОНА» мысли мгновенно имеет свой противовес, который есть уже хотя бы потому, что, по определению, сторона есть часть и есть место, а любой части могут быть противопоставлены другие части, а любому месту — то, что напротив.

Павел упоённо «играет» блёстками мысли, откровенно радуясь тому, что как бы кто его мысль ни брал, ее блеск всякий раз блестит по-другому. Это удивительное свойство мира высвечивать себя непрестанным многообразием своих отражений в любом из своих созданий Павел и выразил на уровне им (Павлом) сконструированных высказываний, показывая, что слова не обыденно служат ему, а признанно раболепствуют ему в угоду и пользу. ◑:

/◐ Я бы определил этот, Павлом используемый, вид мышления как ВСТРЯХИВАЮЩИЙ.

Его основа — инверсия привычному ожиданию. То есть говорящий

втягивает слушающего в значение своей мысли не цепочкой увязанных и сцеплённых единиц последовательного вытекания и обоснования, а сразу опутывающим *шокированием.* Ударное воздействие производит потрясение, и это последнее одномоментно перебрасывает внимание из фазы настроя в фазу сопричастности, минуя фазы вникания и согласия. ◑ /

• ◐ Иногда мысль Павла витиевата до завуалированности, что невольно хочется спросить: «О чём это он?» Но как только вопрос срывается с края сознания и разум берет, одержимый мыслью, ее объект к опробованию и испытанию, яркая ясность озаряет душу. Этого эффекта Павел достигает проникновенной образностью и проницательной мудростью. Я бы даже сказал, что он был **первым**, кто стал пользоваться образом не как тропом, сравнением и примером, не как окантовкой украшения внимания на манер притчи, а как неразложимым, незаменимым, **единственным** элементом мысли. Алфавит мудрствования Павла состоит исключительно из образных житейских начал, осимво́ленных до значений зарядовой энергетики, многоступенчатой важности, нетеряемой нужности. Павел сделал то, что никто (никто!) до него: он заложил в науку свой язык, а следовательно, — в язык свою науку. За примерами и ходить не надо. Любое из апостольских высказываний и указаний Павла глаголит в его пользу и ему во славу. Смотрите же и проникайтесь восхищением:

♦ Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те — для получения венца тленного, а мы — нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.
♦ Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.
♦ Только бы нам и одетым не оказаться нагими.
♦ Мы не сильны против истины, но *сильны* за истину.

∇ ◐ Любопытно, что Павлова находка не потерялась во времени. С его легкой руки она проросла и глубоко укоренилась. Даже через почти 2000 лет виден ее след.

Одно из своих публичных, кануна революции, выступлений В. И. Ульянов (Ленин) начал набегово и вбросно: «Что такое переговоры? — Начало соглашения. Что такое соглашение? — Конец переговорам!» Пока ошарашенный зал в головах присутствующих связывал концы этой расплющивающей мозг мысли, «Ильич» преспокойненько пошел дальше: дорога в сознание людей была прочищена.

Трудно не заметить столь непривычный узор. Это вам не какая-нибудь статичная «формальная логика» Стагирита! Это — динамичная логика бросќовой манипуляции, порождающей в *установочном* воздействии на человека долговременный **капканирующий** эффект. ◑ ◑

• ◐ Через проповедальное разумение Павла — здесь он не исключите-

лен; это же самое можно видеть и на примере других людей — как бы проходит некая разделительная линия: вот он — мыслитель, незаурядный, уверенный, смелый, а вот он — обычный человек, бытовой, гражданский, будничный. Я здесь иллюстрирую только вторую сторону, так как первая будет отражена в разделе «Учение»:

■■ Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. ■

■■ Не оставайтесь должными никому ничем. ■

■■ Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию. ■

■■ Проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы. Вере нашей надлежит *утверждаться* не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящей. А премудрости Божией никто из властей века сего не познал, ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. ■

/◐ Не хочется становиться здесь, относительно последнего предложения 4-го высказывания данной подборки, в недоумённую позу, но спросить Павла так и тянет: но распятие Иисуса Христа есть провозвестие и образ искупления, как же можно было этому помешать или упредить? И где в имеемом случае премудрости больше: чтобы *не делать* или чтобы **делать**, следуя замыслу вочеловечившегося Бога? ◑/◑

• Помимо чисто апостольских функций — провозглашения нового духовного учения, Павел сам, без какого-либо притормаживания и довольно императивно, хотя «повелительность» и отрицал, распространял свою, скажем так, юрисдикцию на сферы явно отстоящие, к примеру семейно-брачные. Это, несомненно, показатель экспансии, а отдалённо — и фанатизма:

♦ Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; но если не можете воздержаться, то вступите в брак, ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

♦ А вступившим в брак Господь повелевает: жене не разводиться с мужем, — если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем *своим*, — и мужу не оставлять жены *своей*.

• В последний раз Павла арестовали летом 66 года. Это случилось скорее всего в северо-западной части Малой Азии или восточной Македонии. Павла, как и других христиан, обвинили в поджоге Рима. Ему грозила страшная участь быть разорванным львами на арене гладиаторского цирка под хохот и крики толпы. Однако вскоре это обвинение с него было снято и выдвинуто другое: его нашли виновным в распространении запрещенной веры. Когда же дело дошло до суда, то здесь инкриминация была уже совсем иной — оскорбление личности императора. Приговоры по этой статье были только смертными.

• Каков был облик Павла в эти годы?:

✓ удлиненное лицо с большим изогнутым носом, лицо, хранящее выражение возвышенной сосредоточенности;

✓ седая борода;
✓ почти лысая голова.

• Павел провел в заключении (а томился он за решеткой вместе с другим апостолом — Петром) чуть ли не 270 дней. А 29 июня 67 г. (этот день почитается в Риме как дата мученической смерти Петра и Павла) его, а следом и Петра казнили. Петр был пригвожден к кресту по его просьбе — вниз головой и выставлен напоказ в Цирке Нерона на потеху толпе. Павла обезглавили.

/ С первыми лучами рассвета солдаты вывели Павла к эшафоту. Палач стоял наготове, с обнаженным топором. Павла раздели до пояса и связали; апостол опустился на колени и положил голову на плаху. Некоторые из знатоков того периода и тогдашних казневых технологий считают, что Павла предварительно бичевали прутьями, чтобы понизить его общую чувствительность и обезволить. Но вряд ли это именно ему было нужно. Тело его, приготовленное всей долгой и страдальческой жизнью к смерти, не чувствовало боли — дух его был далеко: «Кто отлучит нас от любви Божией? — как обычно выстукивало его Учителю Иисусу Христу отданное сердце. — Нагота, или опасность, или меч?» Ему предстало исполнить собой то, что он без устали проповедовал: «Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас». /

2. СУДЬБА

► **Павел:**
«Я наименьший из Апостолов и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию».

► ◐ До своего **обращения** Павел *не жил* Христом. Над теми, кто носил в душе Христов образ, он посмеивался, глумился, растаптывал их, убивал. Кто-то скажет: «Не верится!» Не может быть! Это же Павел! Павел!! — так и хочется воскликнуть. Что ж, тем страшнее правда.

А то, как попрание Павлом инаковерцев выглядело в красках подлинности, я попробую передать, используя несколько источников, включая и первичные, а также прекрасную и очень страстную книгу Джона Поллака «Апостол» (Чикаго, 1990); приводимый из нее фрагмент дан в кавычках.

Нам придется познакомиться с самой впечатляющей из расправ периода раннего христианства, так и вошедшую в историю, как вечно вопиющее несмываемое грязное пятно на совести Павла.

Речь идет о причастности Павла к вероборческой экзекуции (кстати, умело обряженной под якобы законное судилище) над руководителем секты «эллинистов» Стефаном. Стефан молод, социально темпераментен. Он агитатор, пламенный оратор. Его дерзкие речи со ссылками на Ветхий Завет, его упреки евреям в том, что со времени патриархов они противились Божьей воле, а не так давно распяли Иисуса, Сына Божьего, — и это уже предел всему! — не могли не навлечь крупные неприятности как на секту, так и на самого Стефана. А чего стоило поведение последнего на суде! Судьи, защищая устои и традиции, попытались его урезонить. Так он вместо того, чтобы умалиться, превратил свою обви-

нительную скамью в обличительную трибуну: «Жестоковыйные! Люди с необрезанными сердцем и ушами! Вы всегда противитесь духу святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие праведника, которого предателями и убийцами сделали ныне вы!»

Такая безоглядная смелость смутьяна, такое беспрецедентное неуважение этого новоявленного вероотступника к обычаям и исповедальной духовности присутствующих превратили серо-унылое судебное присутствие в подобие злобной шаровой молнии. ◑

«Судьи с яростным ревом вскочили со своих мест.

Зал Сверкающих камней, арена важнейших совещаний исторических судебных процессов, весь дрожал от криков улюлюкающей, беснующейся толпы, набросившейся на молодого обвиняемого. Его потащили вниз по ступеням, к яркому солнечному свету, на Двор священников. Обезумевшая людская масса волокла Стефана через широкий, открытый двор, снова вниз по ступеням — свидетели, паломники, торговцы гнали его через новые и новые дворы и переходы, пока не вытолкнули за пределы Храма, на улицы священного города.

Ни один смертный приговор не мог быть вынесен и приведен в исполнение без одобрения римских властей и без торжественного обряда, призванного соблюсти справедливость до самого конца казни. Но судьи и толпа даже не вспомнили о законах. Согласно обычаю, преступника следовало вывести за северные ворота к Скале Наказаний, «высотою в два человеческих роста», затем торжественно сорвать с него одежды и сбросить со скалы точно вниз головой — так, чтобы сломать ему шею или хотя бы оглушить; тогда приговоренный, побиваемый камнями, не испытывал слишком жестоких мучений. Стефана же втащили на скалу и сразу сбросили с нее: спутанные одежды смягчили падение, и он, в полном сознании, пошатываясь, поднялся на ноги.

Грубейшее нарушение обычаев дошло до сознания толпы. По закону, первые камни должны были бросить те, кто обвинил наказуемого. Поэтому свидетельствовавшие против Стефана проложили себе локтями дорогу в передние ряды, сбросили верхние одежды и стали искать кого-нибудь, кто посторожил бы одеяния, когда они приступят к казни. Молодой судебный чиновник выступил вперед и взялся выполнить эту обязанность. Все узнали в нем фарисея, киликийца[43] из Малой Азии, которого евреи называли Савлом (греки и римляне произносили это имя как «Павел»).

Павел одобрительно поглядывал на свидетелей, которые, один за другим, подбирали тяжелые, острые камни, поднимали их над головой и бросали, нанося увечья и рваные раны человеку, стоявшему перед ними. Вдруг Павел услышал голос Стефана. С болью, но ясно и отчетливо говорил он — так, как будто некий невидимый стоял рядом с ним: «Господи Иисусе! приими дух мой».

Толпа приступила довершить начатое свидетелями: камни обрушились градом. Стефан преодолевал боль, хотя кровь струилась ручьями из ран и ужасных ушибов. Он опустился на колени, чтобы совершить последнюю молитву. Павел услышал слова, произнесенные с силой, удивительной в умирающем человеке: «Господи! не вмени им греха сего».

Еще один удар, и Стефан упал без сознания. Толпа продолжала кидать камни до тех пор, пока тело не скрылось под грудой камней».

➡ ◐ Все библейские сюжеты очень значимы. Но даже среди последних есть такие, которые значимы вдвойне. К ним относится история **«обращения»** Павла, отвергателя Бога и гонителя *дó смерти* ревностных приверженцев веры Христовой. Он испытает «наградное наказание», вохристианится, войдет в ряды апостолов — лучших из праведников и проповедников учения Сына Божия. Отныне его имя будет не только впрямую именем, но еще и прозвищем, ибо Павел (по-латински «Paulus») означает — «малый», а это хорошо сочетается и с невысоким ростом Павла, и его ранговым местом среди других апостолов. ◑

А сама история, со слов Павла, выглядела так. /Но предварительно надо иметь в виду, что момент, предшествующий рассказу, был роковой минутой в жизни Павла. Когда за проповеднические его речи иудеи, исповедовавшие другие взгляды, призвали стражу иерусалимскую, крича: «Мужи Израильские, помогите! Этот человек всех повсюду учит против народа и закона». Павла схватили, начали бить. В дело вмешался тысяченачальник с воинством своим. Он, дабы оградить побиваемого от фанатичествующей толпы, взял Павла под защиту, велел сковать его двумя цепями и всё время вопрошал: «Кто он? Чтó он сделал?»/ Ну а теперь дословный текст из Библии, раздел «Деяния святых Апостолов»:

«В народе одни кричали одно, а другие — другое; тысяченачальник, не могши по причине смятения узнать *ничего* верного, повелел вести Павла в крепость.

Когда же Павел был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа, ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!

При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: «Я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу». Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на Еврейском языке так: «Мужи, братия и отцы! Выслушайте теперь мое оправдание перед вами».

Услышавши же, что он заговорил с ними на Еврейском языке, они еще более утихли. Павел сказал: «Я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сём городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне. Я даже до смерти гнал *последователей* сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин, и женщин. Как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от которых и пи́сьма взяв к братиям, *живущим* в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание.

Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: «Савл, Савл! Чтó ты гонишь меня?» Я отвечал: «Кто ты, Господи?» Он сказал мне: «Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь».

Бывшие же со мною свет видели и пришли в страх, но гóлоса Гово-

ривщего мне не слышали. Тогда я сказал: «Господи! Что́ мне делать?» Господь же сказал мне: «Встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что́ назначено тебе делать».

А так как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск. Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подошед, сказал мне: «Брат Савл, прозри». И я тотчас увидел его. Он же сказал мне: «Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его. Потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что́ ты видел и слышал. Итак, что́ ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа (Иисуса)».

Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление и увидел Его. И Он сказал мне: «Поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что *здесь* не примут твоего свидетельства обо Мне».

Я сказал: «Господи! Им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах. И когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его».

И Он сказал мне: "Иди. Я пошлю тебя далеко к язычникам"».

➨ **Павел о себе:**

«У меня против высших Апостолов ни в чем нет недостатка. Хотя и невежда в слове, но не в познании. Кто я? — еврей, израильтянин, семя Авраамов. Служитель Христовый, я много в трудах бывал, в ранах, в темницах, многократно при смерти. Пять раз я получал от иудеев по 40 ударов, три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, почти сутки пробыл в глубине морской. Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, от язычников, в городе, в пустыне, на море, в опасностях между лжебратиями. Я часто бывал в изнурении, в бдении, в голоде и жажде, в посте, на стуже и в наготе. Я страдал даже до уз, как злодей. Однажды, в Дамаске, чтобы спастись, мне пришлось бежать; тогда меня в корзине спустили из окна по стене, и так я избежал рук царя Аресты».

➨ ◐ Как человек, Павел — носитель общественного энергетизма. Из таких, как он, общество почерпывает реформаторов, переустроителей, ниспровергаторов, революционеров. Дух несогласия пронизывает его естество, пропитывает дела. «Вы люди разумные, — обращается он к коринфянам, — охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, обирает, бьет вас в лицо, когда кто превозносится». ◑

➨ В истории об обстоятельствах смерти Павла есть много обста́вочного материала. Он значительно дополняет образ Павла как святого мученика. Христианский писатель Тертуллиан (160 – 220 гг.) сообщает, что Павел был казнен близ трех источников и место это по сей день носит название «Три фонтана». Тело его якобы забрала благочестивая матрона

по имени Люцина и похоронила в своем семейном склепе среди виноградников на пути в Остию. В период преследования христиан императором Валерианом верующие перенесли останки Павла вместе с телом святого Петра в катакомбы св. Себастиана, где они покоились 40 лет. Потом Константин Великий сложил святые останки в саркофаг из мрамора и серебра и построил храм, носящий теперь название «Базилики* св. Павла за стенами».

Археологи искали этот саркофаг в подземельях храма, однако ничего не нашли, за исключением железной решетки, бывшей якобы элементом гробницы Павла. Другой храм, «Церковь св. Павла у Трех фонтанов», был воздвигнут в V в. на месте казни Павла. В 1599 г. его подвергли коренной перестройке, так что от древнего сооружения ничего не осталось. Сегодня в этом храме можно увидеть лишь колонну, к которой Павел будто бы был привязан перед казнью.

► **Фридрих Ницше:**

«Апостол Павел — один из самых честолюбивых людей, суеверие которого уравновешивалось только присущим ему коварством; многострадальный мученик, вызывающий жалость, личность чрезвычайно неприятная себе и другим».

► **Поуэл Дэвис** (известный английский библеист):

«Павел в момент своего самого тяжкого жизненного испытания был совершенно одинок. Стоя перед судом и кладя голову на плаху, Павел был один как перст. Никого из единоверцев, все куда-то исчезли! Никто не заботился о его судьбе и, быть может, даже не знал, что с ним произошло. Павел простился с жизнью с горестным сознанием, что он покинут всеми».

► О «Посланиях» Павла долгие годы никто не вспоминал, его популярность очень быстро падала уже при его жизни, в течение двух последних лет, прежде чем наступил ренессанс его влияния и нравственного авторитета. Но Павла уже не было в живых.

8. УЧЕНИЕ

Опорные точки духоопределения Павла

- Бог верен, а всякий человек лжив.
- Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.
- Видимое временно, а невидимое вечно.
- Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего.

---

* **Базилика** [*лат.* basilica > *греч.* basilikē — царский дом] — здание вытянутой прямоугольной формы, разделенное на три или пять продольных нефов (неф [*фр.* nef] — *архит.* корабль, первоначальное значение — продольная часть западноевропейского христианского храма, обычно расчлененная колоннадой или аркой на главный, более широкий и высокий, неф и боковые нефы — по одному или по два) рядами столбов или колонн; средний (главный) неф при этом выше боковых. В Древнем Риме в форме базилики строили здания для суда, торговли и других целей. В дальнейшем базилики — широко распространенный тип композиции христианских храмов.

♦ Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.
♦ Какое может быть общение с неверными? Что общего у света со тьмою?
♦ Не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь.
♦ Сатана способен принимать вид Ангела света.
♦ Когда я немощен, тогда я силен.
♦ Благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех нас, что вера наша возвещается во всём мире; свидетель мне Бог, которому служу духом моим в благовествовании Сына Его.

♦

Программная матрица в учении Павла

Заповедные призывы

1. Веруйте, что Иисус умер и воскрес.
2. Дети, будьте послушны родителям вашим во всём.
3. Отцы, не раздражайте детей ваших, чтобы они не унывали.
4. Рабы, во всём повинуйтесь господам.
5. Господа, оказывайте рабам должное и справедливое.
6. Не ищите славы человеческой.
7. Непрестанно моли́тесь, за всё благодарите, пророчества не уничижайте, всё испытывайте, держитесь хорошего.
8. Не ешьте хлеб даром, но занимайтесь трудом и работой ночь и день.
9. О го́рнем помышляйте, *а* не о земном.
10. Умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание.
11. Не говорите лжи друг другу.
12. Снисходите друг к другу и прощайте взаимно, если кто на кого имеет жалобу.
13. Жены, повинуйтесь мужьям своим.
14. Мужья, люби́те своих жен и не будьте к ним суровы.
15. Бу́дьте кроткими.
16. Не о себе *только* каждый заботьтесь, но каждый и о других.
17. Не упивайтесь вином, от него бывает распутство.
18. Дорожите временем, потому что дни лукавны.
19. Поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые. Не поступайте по суетности ума своего.
20. Не поддавайтесь на обольщение пустыми словами.
21. Наставляемые словом делитесь добром с наставляющим.
22. Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что́ посеет человек, то и пожнёт.
23. Не будьте побежденными злом, но побеждайте зло добром.
24. Подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви.

♦ Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? В членах моих вижу я закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Я доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю.
♦ Как одним человеком грех вошел в мир и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, *потому что* в нем все согрешили.

♦ Если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более Благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих.

♦ Суд за одно *преступление* к осуждению, а дар благодати к оправданию от многих преступлений.

♦ Бог свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками.

♦ Умерший освободился от греха.

Неужели вы не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть *соединены* и *подобием* воскресения.

♦ Кому мы отдаем себя для послушания, того мы и рабы. Освободившись от греха, мы становимся рабами праведности.

♦ В том, в ком есть Христос, того тело мёртво для греха, но дух жив для праведности.

♦ Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносись пред ветвями. Если же превозносишься, то *вспомни, что* не ты корень держишь, но корень — тебя.

Скажешь: «Ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя.

Итак, видишь благость и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благость к тебе, если пребудешь в благости *Божией*; иначе и ты будешь отсечён.

Но и те, если не пребудут в неверии, привьются, потому что Бог силён опять привить их. Ибо если ты отсечён от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине.

♦ Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти *до времени*, пока войдет полное *число* язычников.

♦ Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.

♦ Всякому из вас говорю: не думайте *о себе* более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил. Ибо как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены.

И как по данной нам благодати имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли — в учении; увещатель ли — увещевай; раздаватель ли — раздавай в простоте; начальник ли — начальствуй с усердием; благотворитель ли — благотвори с радушием.

V ◐ Это очень интересная и важная философия. По существу, она касается места человека в сообществе. Оно (место) есть, будучи занимаемое им, **не его** место, а *выделенное ему* место. В сообществе у всех людей есть только скоординированная функция. Их индивидуальные права кончаются в тот момент, когда они коллективизируются в социоконгломерат и человек начинает жить уже не как *личность*, т. е. адаптационно, понимающе, с установкой на востребовательность. Не «Хочу!» говорит теперь его воля, а «Возьмите!» и «Используйте!».

Социальная философия говорит всегда от имени общества, делая акцент на проблему взаимоотношения «этого и других», «Единственного» и «Многих», наших прав и навешиваемых обязанностей. Но тогда тем более должна быть идущая от Иисуса Христа и от Павла **ДУХОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ**. Ее сфера — мир наших вольных чувств, потенциальности, порыва и ограничивающих установок, шлифующих предписаний, барьерных установлений. Этому кругу, своеобразному «корсету души», я бы дал название **«интимология»**, подразумевая в этой закладке новой научной дисциплины то, что вынужденное обжимание индивидуального *социальным* необходимо рождает целый слой **новой реальности** — писковых и сопротивленческих всплесков, которые, конечно же, кто-то должен замечать и заботливо обихаживать в «обрезке» и элиминации. Почему бы не религия? По крайней мере, до сих пор это делали ее таланты. И судя по проповедям, хотя бы того же Павла, небезуспешно. ◑

♦ Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его: ибо делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не мстите за себя. Дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам», — говорит Господь.

♦ Иисус Христос, прошедши по земле, подавил все основания, кроме основания, положенного собой.

♦ Как огонь испытывает силу любого строения, так и вера Христова испытывает силу любого убеждения.

♦ Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как дóлжно знать; но кто любит Бога, тому дано знание от Него.

♦ Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет, и когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно; но Бог дает ему тело.

♦ Если вы тéрпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец. Если же остаетесь без наказания, которое всем óбще, то вы — незаконные дети, а не сыны. Притом, *если* мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу дýхов, чтобы жить?

Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей — для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его.

Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности.

♦ Если мы, получивши познание истины, произвольно грешим, то не

остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.

♦ Христос Духом Святым принес себя непорочного Богу. Его кровь очищает совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному! И потому Он есть Ходатай Нового Завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное.

Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших; оно не имеет силы, когда завещатель жив.

♦ **Павел → Тимофею:**

Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня. Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием.

Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух, и обратятся к басням.

Но ты будь бдителен во всём, переноси скóрби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое.

♦ Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир, явно, что ничего не можем и вынести *из него.*

♦ Еще скажу: наследник, доколе в детстве ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом *назначенного.* Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира. Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление.

♦ Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал[44] звучащий. Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто. И если я раздам всё имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит.

Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

4. МЫСЛИ

- Не тот Иудей, кто *таков* по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти, но тот Иудей, кто внутренно *таков*, и *то* обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: ему и похвала не от людей, но от Бога.
- Надлежит хвастать надеждою и скорбями, ибо от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда. А надежда никого не постыжает...

- Всякий поступай по удостоверению своего ума.
- Каждый из нас за себя даст отчет Богу.
- Я знаю и уверен, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто.
- Разве не известно, что малая закваска квасит всё тесто? Посему станем жить не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с закваскою чистоты и истины.
- Неправедные Царства Божия не наследуют. Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют.
- Тела наши суть храм живущего в нас Святого Духа, которого имеем мы от Бога. Разве кому не известно, что мы не сами свои, ибо куплены мы *дорогою* ценою. Посему будем прославлять Бога в телах наших и в душах наших, которые суть Божии.
- Я, конечно, желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе.
- Я вам сказываю, братия: время уже коротко, ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу. А женатый заботится о мирском, как угодить жене. Конечно же, есть разница.
- Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы.
- И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?
- Совершите же теперь самое дело, дабы чего усердно желали, то и исполнено было по достатку. Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что́ имеет, а не по тому, чего не имеет.

  Не *требуется*, чтобы другим *было* облегчение, а вам тяжесть, но чтоб была равномерность. Ныне ваш избыток в *восполнение* их недостатка; а после их избыток в *восполнение* вашего недостатка, чтоб была равномерность, как написано: «Кто *собрал* много, не имел лишнего; и кто — мало, не имел недостатка».
- Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла.
- Всё истлевает от употребления.
- Кто почитает себя, будучи ничто, тот обольщает сам себя.
- Корень всех зол есть сребролюбие.
- Глупых и невежественных состязаний следует уклоняться, ибо надлежит знать, что они рождают ссоры.
- Закон добр, если кто законно употребляет его.
- Все люди, рожденные от отца с матерью, по природе суть чада гнева.
- Водворясь в теле, мы устранены от Господа.
- Нет больше ни иудеев, ни греков; нет больше ни рабов, ни вольных; нет больше ни мужчин, ни женщин: ибо все мы едины во Иисусе Христе.

Эпиктет *I – II вв.*

/Ἐπιχτήτος (*букв.* «прикупленный»)/

• Римский мудрец

Родился: ок. 50 г.
Умер: 135 г.

Прожил ≈ 85 лет

> **«Знай и помни, что если человек несчастен, то он сам виноват в том потому, что Бог создал всех людей для их счастья, а не для того, чтобы они были несчастны».**
> *(Эпиктет)*

■ **«Не думай, что злые люди могут повредить тебе. Разве может кто-нибудь повредить твоей душе? Так чем же ты смущаешься?»**
(Эпиктет)

■ **«Если бы тебя усыновил царь, твое высокомерие не знало бы пределов. Почему же ты не гордишься сознанием, что ты сын Божий?»**
(Эпиктет)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Малой Азии, в торговом городе Гиерополисе (Святограде), располагавшемся тогда в 75 км к западу от теперешней столицы Турции Анкары.
• Родился рабом (его мать была рабыней).
• Маленьким мальчиком был привезен в Рим и там попал в рабы к Эпафродиту — телохранителю Нерона. /Эпафродит — *греч.* любимец Афродиты./
• Эпиктет — это не имя, а разговорное прозвище раба: επιχτήτος («эпиктетос» означает «приобретенный», «прикупленный»).
• Эпафродит, однажды проверяя терпение своего раба, ударил Эпиктета палкой по ноге ниже колена и сломал кость, из-за чего Эпиктет всю жизнь хромал.
• Эпиктет стал свободным после вынужденной смерти тридцатилетнего императора Нерона в 68 г. и прихода к власти императора Домициана (81 – 96 гг.), казнившего Эпафродита как бывшего приближенного Нерона.
• Эпиктет учился у тогдашних стоиков — Эврата и Музония Руфа:

/ Об обоих этих людях почти ничего не известно, кроме того только, что Музоний Руф был учителем греческого философа и оратора Диона Хрисостома (ок. 40 – 115 гг.), прозванного за свои риторические умения и искусство «З л а т о у с т о м». /

• Эпиктет вел нищенскую киническую жизнь. Всё имущество Эпиктета состояло из соломенной подстилки, деревянной скамьи и глиняной лам-

пы, которая после смерти философа-стоика была продана на аукционе как реликвия за 3 тысячи драхм (что составляло более 13 кг серебра).

• Любимая его поговорка: «Терпи и воздерживайся».

• Учил изустно и речей своих никогда не записывал.

• В городе Никополисе имел свою философско-воспитательную школу.

• Тем, что учение Эпиктета было увековечено, мы обязаны его ученику и почитателю греческому писателю и историку Флавию Арриану (ок. 96 – ок. 180):

• **Сочинения Эпиктета** (в изложении Флавия Арриана):

«Беседы Эпиктета» (12 книг);

«Жизнеописание Эпиктета»:

/ Не сохранилось, за исключением небольших отрывков. /;

«Руководство Эпиктета»:

/ Извлечения из «Бесед», сделанные самим Аррианом. /;

«Рассуждения Эпиктета»:

/ Из 8 книг сохранились лишь четыре. /

• На могиле Эпиктета была выбита сочиненная им самим гордая эпитафия:

«Я, Эпиктет, по происхождению раб, тщедушный телом,
Я беден, как Ирос, и я при этом друг бессмертным...»

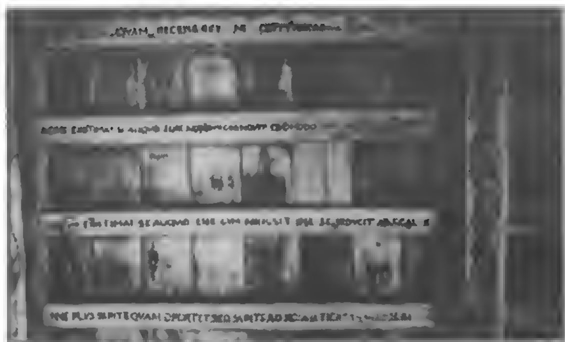
/ Ирос (Ир) — некий нищий на острове Итака во времена Одиссея, прозванный так женихами Пенелопы за то, что он был у нее на побегушках, как богиня Ирис (Ирида) у богов. /

2. СУДЬБА

► Греческий философ и христианский теолог Ориген (186 – 255) в своем сочинении «Против Цельса» рассказывает, что, когда хозяин (δεσπότης — деспот) начал выкручивать ногу своему рабу, то он, неустрашимо улыбаясь, сказал: «Вы сломаете», а когда тот и в самом деле сломал ему ногу, хладнокровно добавил: «Разве я не говорил, что сломаете?»

► «Людей мучают не вещи, а представления о них».

/ Это изречение из «Руководства Эпиктета» было начертано среди других древних изречений на потолке библиотеки французского философа Мишеля Монтеня.

Потолок библиотеки Монтеня с латинскими высказываниями /

3. УЧЕНИЕ

♦ Не всё ли равно для меня, из атомов или гомеомерий, из огня ли или земли материя Вселенной? Не довольно ли знать сущность добра и зла, меру любви и ненависти и, пользуясь этим, как мерилом, устроить свою жизнь!..

♦ Что же есть природа, и как она управляет Вселенной, и разумна ли она или нет — разве обо всём этом не подобает размышлять?

♦ Главное — иметь здравые представления о бытии богов и их мудром управлении Вселенной. Повинуйся им, мирись со всем происходящим без ропота, следуй воле провидения.

♦ Что я такое? Человек. Если я смотрю на себя как на предмет отдельный и независимый от прочих предметов, то следует, чтобы я жил долго, чтобы я был богат, счастлив, здоров; но если я посмотрю на себя как на человека, как на часть целого, то может иногда случиться, что по отношению к этому целому я должен подчиниться болезням, нужде или даже погибнуть преждевременной смертью. Какое же право имею я жаловаться в таком случае? Разве мне не известно, что, жалуясь, я перестаю быть человеком, как нога перестаёт быть органом тела, когда она отказывается ходить?

♦ Подумай о том, что ты являешься актером в драме и должен играть роль, предназначенную тебе поэтом, будь она велика или мала. Если ему угодно, чтобы ты играл нищего, постарайся и эту роль сыграть как следует, то же относится и к любой другой роли — калеки, государя или обыкновенного гражданина. Твое дело — хорошо исполнить возложенную на тебя роль; выбор же роли — дело другого.

♦ Одни из существующих вещей находятся в нашей власти, другие — не в нашей власти. В нашей власти наши мнения, наша воля, наше влечение и уклонение, словом — все наши действия. Не в нашей власти — наше тело, наше имущество, почет, чины — словом, всё, что не есть наши действия. Всё, что в нашей власти, от природы свободно, не знает препятствий и стеснений; то, что не в нашей власти, является слабым, подчиненным, подверженным препятствиям и чуждым воздействиям. Теперь подумай о следующем: если то, что от природы является подчиненным и подверженным чуждым воздействиям, ты будешь считать своей собственностью, то ты столкнешься с препятствиями, впадешь в заботы и беспокойство и будешь недоволен богами и людьми. Если же, напротив, ты будешь лишь то считать своей собственностью, что действительно принадлежит тебе, а то, что подвержено чуждым воздействиям, будешь считать чуждым тебе, то никто никогда тебя ни к чему не принудит, никто ни в чем не сможет тебе воспрепятствовать; ты всеми будешь доволен, ибо вообще никто не может принести тебе вреда.

/■■ Когда я вижу человека, который мучит себя какими-нибудь опасениями и беспокойствами, я спрашиваю себя:

— Что нужно этому несчастному человеку? Наверное, он хочет чего-нибудь такого, что не находится в его власти и чем он не может сам распорядиться, потому что, когда то, чего я хочу, находится в моей власти, то я не могу беспокоиться об этом, а прямо делаю то, чего желаю.

Посмотрите, например, на человека, поющего или играющего на гуслях: пока он поет или играет сам для себя, без всяких слушателей, он не беспокоится и не волнуется никакими опасениями или сомнениями. Но посмотрите на него тогда, когда он играет перед большой толпой народа: как он мучит себя, как он бледнеет и краснеет, как сильно бьется у него сердце! А почему? Потому, что он хочет не только хорошо сыграть или спеть, но чтобы и люди похвалили его; а это, очевидно, зависит не от него, но от слушателей его. И вот он беспокоится о том, чем не может распорядиться сам, и мучит себя совершенно понапрасну. Он беспокоится не о том, что он плохо споёт или сыграет, нет, — он хорошо знает свое дело; он беспокоится не о деле своём, но о похвале людской, т. е. о том, что не в его власти.

Он мучит себя потому, что дорожит тем, что вовсе не дорого; он не знает еще дешевизны и гнилости похвал людских. Он знает хорошо свои гусли и умеет петь на разные голоса, но он не знает и никогда не думал о том, как ничтожна людская похвала и как мало она заслуживает внимания.

Такого человека я называю чужеземцем среди людей.

— Почему же так? — спросите вы.

— А потому, что чужеземец не знает порядков того народа, среди которого он поселился, и без руководителя может наделать себе бед, когда будет добиваться того, что не дозволяется в этой стране. Так и этот человек: он чужеземец среди людей, потому что не знает законов, данных людям Богом, не знает, что́ во власти человека и что́ не в его власти. Ему хочется получить то, что не дано ему, и избегнуть того, от чего нельзя отказаться. Если бы он хотел только того, что ему предоставлено, то он ничем бы не смущался и не тревожился.

В самом деле, если бы он знал, в чём истинное зло, то он не боялся бы ни того, что не есть зло, ни того, что есть настоящее зло, так как он знал бы, что настоящее зло не приходит извне, но находится внутри человека, и что, следовательно, человек всегда может от него освободиться.

Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка или печени.

Таким расстройством желаний болен всякий человек, который тревожится о будущем или мучит себя разными беспокойствами и страхами о том, что от него не зависит. ■/

♦ Душа наша похожа на сосуд с водой, а мысли, которые нам приходят, похожи на свет, падающий на эту воду. Когда вода в сосуде колышется, то кажется, будто колышется и свет, падающий на эту воду, хотя это и не так на самом деле. Так же точно, когда душа волнуется, то кажется, будто и сами наши мысли расшатываются и путаются. Но в самом деле волнуется только душа: успокоится она — и мысли наши сейчас же опять придут в порядок.

♦ Надежда человека в том, чтобы ввериться Богу, чтобы то, что Бог хочет, человек сам хотел, и чего Бог не хочет, этого и сам он не хотел.

♦ Не вещи смущают людей, но их мнение о вещах. В смерти, например, нет ничего страшного. Страшно мнение, потому что оно представляет смерть страшною.

4. МЫСЛИ

- Не требуй, чтобы совершающееся совершалось по твоей воле, но желай, чтобы совершающееся совершалось так, как оно совершается, и проживешь счастливо.
- Жизнь короткую, но честную всегда предпочитай жизни долгой, но позорной.
- В несчастье познаётся друг и изобличается враг.
- Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях.
- Строгость отца — прекрасное лекарство: в нём больше сладкого, нежели горького.
- Следует всегда помнить, что мы не можем управлять событиями, а должны прилаживаться к ним.
- Если ты хочешь быть беспристрастным судьёю, смотри не на обвинителя, а на самое дело.
- Школа философа — это та же лечебница, и дóлжно, чтобы вы покидали ее не в веселом настроении, а с ощущением боли.
- Первой и важнейшей частью философии является ее применение к жизни, например жить без лжи в словах и действиях. Вторая часть содержит доказательства, например почему человек не должен лгать. Третья часть служит первым двум и состоит в обосновании и исследовании этих доказательств, например из чего видно, что это есть доказательство; что является вообше доказательством; что такое следствие; что такое противоречие; что является истиной и что ложью. Таким образом, третья часть нужна в силу второй, вторая — в силу первой. Однако необходимейшей остаётся первая и о ней нужно непрестанно заботиться. Но мы обычно делаем обратное. Мы заботимся о третьей части, отдаем ей весь наш пыл и совсем упускаем из виду первую часть. И происходит так, что продолжаем лгать, а между тем всегда можем доказать, что человек не должен лгать.
- Свободным человеком бывает только тот, с которым случается всё так, как он того хочет. Но значит ли это, что с ним непременно случится всё то, что ему вздумается? Нисколько. Ведь грамота, нвпример, научает нас писать буквами и словами всё, что мы захотим; но для написания хоть своего имени я не могу писать такие буквы, какие мне вздумается: этак я никогда не напишу своего имени. А я должен пожелать писать именно такие буквы, какие нужны, и в порядке, который нужен. И во всём так.
- Вспомни, что не тот тебя оскорбляет, кто поносит тебя или даже бьет, но твое чисто субъективное мнение, будто в этом есть что-то обидное.
- Вместо того чтобы разумом освещать и направлять свою жизнь, мы наваливаем на себя множество посторонних забот. Один заботится о здоровье своего телв и дрожит при одной только мысли заболеть; другой мучает себя заботами о своем богатстве; третий волнуется об участи своих детей, о делах своего брата, об усердии своего раба. Мы

добровольно взваливаем на себя все эти не нужные нам заботы, и они ложатся тяжелым камнем на нашу шею.

Ведь это всё равно как если бы человек захотел на парусном корабле переплыть через море. Он усаживается на берегу моря и ожидает попутного ветра. Проходит день за днем, а ветер дует всё не тот, который ему нужен.

— Господи!.. — восклицает он в отчаянии. — Когда же, наконец, подует попутный для меня ветер?

— Когда ему заблагорассудится, милый друг, потому что Бог не тебя назначил распорядителем погоды.

— Что же мне делать в таком случае?

— Подчиниться тому, что не от тебя зависит, и улучшать в себе то, что зависит только от тебя. Разумно только об этом заботиться, а всё остальное принимай так, как оно происходит. Ведь всё остальное происходит не так, как ты хочешь, а как то Богу угодно.

- Если больной лихорадкой не совсем вылечился, то он легче вновь заболевает, чем человек, никогда не страдавший ею. То же бывает и с болезнями души: после них остаются раны, которые надо вылечить совсем. Иначе, если ударят опять по тому же месту, рана вновь откроется и еще пуще разболится.
- Посмотрите на меня. У меня нет ни права гражданства, ни дома, ни денег, ни рабов. Я сплю на голой земле. У меня нет жены, детей, постели. Только земля и небо и вот этот единственный плащ. Чего же мне еще не хватает?! Разве я не свободен? Я сам себе и царь, и господин...
- Изгнание? Но куда? Может ли кто выбросить меня из мира? Я иду куда мне хочется. Повсюду одно солнце, одна луна, звезды, сны, пение птиц...
- Когда человек желает того, что ему не дано, и отвращается от того, чего он избежать не может, то у него желания не в порядке: он болен расстройством желаний, точно так же, как люди бывают больны расстройством желудка или печени.
- Лопата, которою следует копать, непременно ржавеет, если она лежит без всякого употребления. И все твои разумные мысли ни к чему не поведут, если ты не будешь поступать по ним.
- Разве можно сказать, что человек плотник или музыкант, если видишь у него в руках топор или гусли? Точно так же нельзя назвать человека мудрым, если он говорит мудрые речи.
- Есть люди, которые едва только послушают мудрых поучений, как уже сами начинают поучать других. Они делают то же самое, что и больной желудок, который тотчас извергает принятую пищу. Не подражай таким людям. Сначала хорошенько перевари в себе то, что ты услыхал, а не извергай прежде времени, иначе выйдет настоящая блевотина, которая не может служить никому пищей.
- Все твои дела и предприятия начинай следующею молитвой: «Управляй мною, Зевс, и ты, необходимая судьба. Куда и к чему вы меня

определили, я вам следовать буду усердно и нелепостно. А хотя бы я не желал, то однако поневоле следовать вам должен буду».

- Непобедимым быть можешь, ежели не вступишь ни в какой бой, в котором победа не от тебя зависит.
- Если Бог хочет, чтобы ты представлял лицо нищего, старайся представить оное сколько можешь искуснее.
- Всё прилежание употребить до́лжно на исправление ума нашего.
- Ни в коем случае не называй себя Философом и не рассказывай о правилах и законах философских перед невеждами.
- Не рассуждай с невеждами о правилах мудрости, но если ты совершенно оные вразумел, покажи их в своих поступках.
- Состояние и свойство невежды есть никогда от себя самого не ожидать себе ни пользы, ни вреда, но всегда от внешних вещей. Состояние и свойство Философа есть всякой пользы и всякого вреда ожидать только от самого себя.
- Всяк, кто вольным быть хочет, не должен ни желать, ни гнушаться всего того, что от других зависит.
- Если ты любишь сына своего или жену, помни, что ты любишь людей смертных. Таким способом, когда случится им умереть, ты сокрушаться не станешь.
- Земной человек — это слабая душа, обремененная трупом.
- Печаль другого — это чужое...
- И что это за спокойствие, которому кто попало может воспрепятствовать, — я не говорю цезарь или друг цезаря, но — ворон, флейтист, лихорадка?..

Нагарджу́на

Нагарджуна

• Древнеиндийский философ

II – III вв.

> **Сейчас я далеко, нас разделяет время,**
> **Мои труды отлиты в строчек путь.**
> **Кому, скажи, по силам станет бремя**
> **Свечу, что нарисована, задуть?!**

Родился: ок. 113 г.
Умер: ок. 213 г.

Прожил ≈ 100 лет

«В этом мире благополучие настоящего и стремление к лучшему будущему противоречат друг другу». *(Нагарджуна)*

1. ЖИЗНЬ

• Уроженец Центральной Индии.
• Сын индийского брахмана и аристократки из Кучи.
• Обучался буддийским дисциплинам с девяти лет в Северной Индии, Кашгаре, Яркенде и Куче.
• Был монахом и, приняв посвящение в юности в монастыре Кашмиро-Гандхарской области, следовал монашеским правилам.
• Имя *Нагарджуна* носило несколько исторических личностей — философов мадхьямики, проповедников махаяны, магов, алхимиков, медиков, авторов отдельных текстов и др.
• К сожалению, до сих пор не выяснено, кем был первый Нагарджуна, реальным лицом или мифической личностью?
• Ныне общепринято, что деятельность первого Нагарджуны связана с Югом Индии.
• Обладал необычными психическими возможностями и познаниями в химии и медицине, был астрологом, биологом, минералогом.
• Основал школу мадхьямиков, или, как прозывают их европейские ученые, нигилистов.
• Его достижением было осознание того, что знания — балласт, и надо искать другой путь.
• Часто и много путешествовал.
• Согласно источникам, он был автором трактатов по науке любви и искусству омоложения.
• Ему воздаются почести как «Второму Будде», свершившему «второй поворот колеса учения», и как основателю махаяны.
• Был учителем царя Сатавахана и его жены Чандралекхи.
• Из всех последователей Будды Нагарджуна — самый плодовитый автор, ему приписывается более 200 трудов.

• **Сочинения Нагарджуны:**

«Сухрил-лекха» («Письмо другу») (послание царю);

«Ратна-авали-раджа-парикатха» (наставление царю, названное *«Строфы о драгоценностях»*);

«Муламадхьямика-карики» («Основополагающие строфы срединного учения»):

/ Карики — двустишия. /;

«Виграха-вьявартани» (*«Обсуждение разногласий»*);

«Чатух-става» (*«Четыре гимна»*);

«Махаяна-вимшика» (*«20 строф о махаяне»*);

«Ишвара-картритва-ниракритир...» (*«Опровержение идеи творения мира Богом-Творцом...»*);

«Вайдалья-пракарана» (логико-эпистемологический трактат, автокомментарий к 73 сутрам*).

2. СУДЬБА

➤ Нагарджуна первым обнаружил и четко сформулировал один из удивительнейших парадоксов познания — **парадокс возникновения** (парадокс новизны):

Абсолютно нет вещей,
Нигде и никаких, которые возникают зáново,
Будь-то из самих себя, или из не-себя,
Или из обоих, или случайно...
Ни не-сущее, ни сущее
Не могут иметь причины.
Ибо если это не-сущее, то чего оно причина?
Если же сущее, то зачем ему причина?..
Ни в какой-либо из отдельных причин,
Ни во всех них вместе
Не обитает предполагаемый результат.
Как же можно извлечь из них
То, что никогда в них не существовало?
[...]
Фраза «это бытие, которое возникает»
Теряет тогда всякий смысл.

➤ ◐ Ход мысли Нагарджуны таков:

Возникновения не существует, ибо ничто *новое* невозможно ни помыслить, ни понять. И действительно: если оно новое, то оно или наряду со «старым», или «из старого». Но если оно «из старого», то какое же оно тогда «новое», ведь оно всё время было. Если оно наряду «со старым», то какое же оно «новое», если оно всегда было и такого же возраста и свойства, что и всё наблюдаемое помимо него? ◑ **

---

* **Сутра** (от *санскр.* — нить) — краткое изложение в форме лаконичных изречений религиозно-философских учений Древней Индии; вид религиозно-философской литературы.

** И тем не менее, для полноты картины укажу на точку зрения Саши Селезнёва, шестилетнего вундеркинда, о феномене которого поведал журналист Евгеиий Глушаков. На вопрос: «В чем суть нового?» этот необычный*** мальчик ответил: «Новое состоит из своего будущего». ➤

3. УЧЕНИЕ

♦ «Спроси народ и знатоков санкхьи, вайшешики, джайнизма, а также буддистов — сторонников идеи личности и групп, учат ли они преодолению двойственности «есть» и «нет»? Только наше собственное учение, провозглашённое буддами и преодолевшее двойственность «нет» и «есть», глубоко верно и бессмертно». *(Из письма Нагарджуны царю)*

♦ Чтобы положить конец высокомерию этих логиков, которые из-за самонадеянности и уверенности в собственных познаниях склонны к полемике, я превращу их в пыль.

♦ Не из себя и не из иного, и не из того и другого, и не без причины возникают когда-либо, где-либо, какие-либо вещи.

♦ В условиях не содержатся следствия. Также не бывает условий, которые не обладали бы следствиями. То же относится и к следствиям.

♦ Ни в одной отдельной причине, ни во всех причинах вместе следствие не содержится. Как может из причин возникать то, что в них не существовало?

Если предположить, что следствие возникает из причин, в которых оно не содержится, то почему следствие не возникает из не-причин?

Если следствие состоит из причин, то причины состоят не из самих себя. Как может следствие, которое происходит из причин, состоящих не из самих себя, состоять из причин?

Поэтому нет следствия, которое состоит из причин, и нет следствия, которое не состоит из причин. Если же не существует следствия, то как могут существовать причины и не-причины?

Движение не существует:

♦ Поскольку движение есть в движущемся (а в пройденном и непройденном движущегося нет), *движение существует только в движущемся.*

Если настоящее движение обладает движением, то необходимо следует существование двух движений: то, благодаря которому движение совершается, и другое, которое в настоящем движении.

Из двух видов движения необходимо вытекает существование двух идущих, так как существование движения без совершающего движение недопустимо.

Если движение недопустимо без совершающего движение, то где находится идущий, когда нет движения?

➤ *** Ребенок действительно любопытен. Вот некоторые из его суждений — глубокомысленных и глубиной и мыслью:

Чем отличается ученик от учителя? — *У учителя ум в голове, а у ученика — в учебнике.*
Что такое легенда? — *Бывшая правда.*
Что такое трамплин? — *Горка для чувств в воздухе.*
Что такое акробат? — *Пропеллер с руками и ногами.*
Что такое радуга? — *Радость дождя.*
Что такое морская пучина? — *Корни воды.*
Что такое дыра? — *Яма воздуха.*
Что такое труба? — *Окружность дыры.*
Что такое человек? — *Радость другого человека.*
Кто такие философы? — *Расширители проблем.*

Идущий не движется, равным образом не-идущий не движется. Кто же третий, отличный от идущего и не-идущего?

Говорят: «Идущий — это тот, кто движется». Как можно это допустить, если совершенно недопустимо движение без идущего?

Кто говорит: «Идущий движется», предполагая, что идущий обладает движением, тот необходимо должен допустить, что идущий существует без движения.

Если «идущий движется», то необходимо следует существование двух движений: одно, благодаря которому говорят «идущий», и другое, которое движется.

♦ Движение не начинается ни в пройденном, ни в предстоящем пройти, ни в настоящем движении. *Где же начинается движение?*

До начала движения не существует ни настоящего движения, ни пройденного движения. Как же движение может начаться в непройденном движении?

Как могут различаться пройденное, настоящее и предстоящее пройти, если нигде не наблюдается начало движения?

♦ Идущий не стоит, а не-идущий также не стоит. Как же третий, отличный от идущего и не-идущего, должен стоять?

Как можно допустить положение «идущий стоит», если невозможно существование идущего без движения?

♦ Покой не вытекает ни из настоящего движения, ни из пройденного, ни из предстоящего пройти. Возникновение движения и прекращение движения — тоже движение.

♦ Невозможно, чтобы движение и идущий были одним и тем же. Также невозможно, чтобы движение и идущий были отличными друг от друга.

Если бы идущий и движение были одним и тем же, то необходимо следовало бы, что деятель и действие — одно и то же.

Если бы идущий рассматривался как нечто отличное от движения, то существовало бы движение без идущего и идущий без движения.

Если две вещи не могут рассматриваться ни как одно и то же, ни как две вещи, то как же еще они могут рассматриваться?

♦ Движение, благодаря которому движущийся называется идущим, не то, что сейчас движется, так как идущий не существует раньше движения, иначе кто идет и куда?

Настоящее движение также не может быть отлично от того движения, благодаря которому идущий получает свое название, ибо один идущий не может обладать двумя движениями.

Реально существующий идущий не обладает движением во всех трех временах. Несуществующий идущий также не обладает движением в трех временах.

Существующий и несуществующий идущие также не обладают движением в трех временах. Поэтому и движение, и идущий, и проходимый путь не существуют.

∇ ◐ Этому рассуждению можно аналогизировать такой же ход мыслей, но на более простом и очевидном материале, например на цветке и его запахе.

1. Запаха нет ни в бутоне, ни в семенах, то есть нет ни до «цветка» ни после.

2. «Запах» и «цветок» — одно и то же, ибо они самоопределяемы друг через друга. Но «запах» и «цветок» — не одно и то же, ибо запах, к примеру, не имеет цвета.

3. Мы улавливаем «запах» всегда как «то, что было», ибо сначала — и как здесь возразить! — должно «запáхнуть», а лишь потом мы сможем сказать «есть запах».

4. Цветок не существует без запаха, запах невозможно воспринять в «сейчас», тем более его нельзя воспринять в «было» и уж тем более в «потом». Следовательно, здраво и точно рассуждая, надо согласиться, что нет ни запаха, ни цветка.

Из всей такой философии можно сделать следующие выводы:

1. Строго говоря, не пахнущие цветы — не цветы.

2. Без боязни надо говорить, что ни мать, ни ее дочь не существуют, а есть лишь две женщины, из которых одна порождена другой.

3. На уровне определительных понятий, таких как «движение», «единое», «многое», «творение», «материя», «дух», «расстояние» и т. п., с бытием можно делать всё что угодно, вплоть до отрицания реальности.

4. Очевидно, несовершенство языка и несводимость его без остатка к описываемой реальности всегда будет оставлять люфт (зазор) для софистических изгаляций и упражнений.

5. Благодаря этой софистической эквилибристике и по ее, так сказать, «солидности» можно судить как о наличии такого «зазора», так и его величине, то есть о степени нашего приближения к познанию познаваемого. ◑

∇ ◐ В толкованиях Нагарджуны *о движении* «вычитывается» следующая проблематика:

1. Как может начаться «движение»?! Вот его нет. А вот оно есть. А что за механизм между «нет» и «есть»?, то есть *откуда* «движение» берется? И вообще, может ли появляться то, чего нет, а если оно — это сáмое «то» — есть, то **как** можно говорить, что оно появляется?! И попутно: **а зачем** ему появляться?!

2. Куда исчезает «движение», когда «движение» прекращено? Если человек задумал пойти, то «движение» где: в нем, вне его, в согласовании его с кем-то вне его, в воле этого кого-то, в силах природы? Одним словом: *где*?! «Движение» возникает *или* «пробуждается»?!

3. Есть ли движение «само по себе»?

4. Есть ли какая-либо разница в «Движении» и «движении» человека, между «Движением» и «движением» предметов, сотворенных человеком, например полётом стрелы? ◑

4. МЫСЛИ

◪ Узнав о благотворном, сразу же приступай к овладению им, даже если это неприятно. Точно так ученый человек пьет горькое лекарство, чтобы выздороветь.

◪ Видя, что смерть неизбежна и что страдание умирающего определяется

его виной, пойми, что ради земного наслаждения не дóлжно совершать зла.

- Узнавай добрых советчиков-учителей по тому, от чего они отреклись. Удовлетворение, сострадание, нравственность и проникновенное понимание — вот средства отсечь омрачения.
- Подвластный смерти подобен лампе, стоящей на ветру.
- Тратя богатства на наслаждения, обретешь блаженство здесь, на даяние — блаженство там, после смерти. Страдание же проистекает от невозможности либо наслаждаться, либо отдавать. Что же такое блаженство?
- Подобно тому как неправильно и не вовремя потребляющий пищу находит погибель, а правильно питающийся получает в награду долголетие, здоровье, силу и наслаждения, незнающий находит погибель, а истинно знающий обретает наивысшее просветление и блаженство.
- С точки зрения цели неверно уподоблять истину непротиворечивости или считать ее продуктом ума. Истина — это благо, творимое исключительно для других, и, наоборот, ложно то, что неблагостно.
- Благодаря щедрости и нравственности — польза другим, благодаря терпимости и решимости — польза себе.

Марк Авре́лий

II век

Марк Аврелий Антонии

• Римский философ

Родился: 26.04.121 г.
Умер: ..17.03.180 г.

Прожил — 58 лет

«Итак... проведи этот момент времени, то есть жизнь свою, в согласии с природой, в затем расстанься с жизнью так же легко, как падает созревшая слива: славословя природу, ее породившую, и с благодарностью к нроязведшему ее древу».

(Марк Аврелий)

▪ **«Всё основано на убеждении; оно же зависит от тебя. Устрани ноэтому, когда пожелаешь, убеждение и, как моряк, обогнувший скалы, обретёшь спокойствие, гладь и тихую приствнь».**

(Марк Аврелий)

▪ **«Свернись в себя самого».**

(Марк Аврелий)

1. ЖИЗНЬ

• Полное имя Марк Аврелий Антонин.
• Родился в Риме.
• Сын Марка Анния Вера и Домиции Луциллы.
• Семнадцатилетним юношей его заметил, усыновил и привлек к управлению государством родственник и тогдашний император Антонин Пий.
• Его воспитанием занимались Халкидий и Корнелий Фронто.
• Обучался греческой риторике у Герода Аттика, находился под сильным влиянием этого человека и, как все ученики этой школы, имел свойственный ей эдакий налет меланхолии.
• В 140 г. стал консулом.
• Философ Луций Юний Рустик приобщил его к стоической философии, познакомил с учением Эпиктета.
• Последователь учения философа Сенеки.
• В 161 – 180 гг. — римский император.
• В период правления Марка Аврелия в Афинах был преподаватель философии Эпикура, получавший жалованье от императора.
• Жена его, Фаустина, была развратной супругой.
• Его сын Коммод также был императором.[45]
• Умел владеть собой, и это умение было столь велико, что его лицо всегда оставалось спокойным в горе и радости.

• **Сочинение Марка Аврелия:**

«Наедине с собой» (этот сборник сентенций Марка Аврелия был найден после его смерти в складках одежды):

/ Сквозь века прошли два списка этого сочинения, из которых на сегодня уцелел один — в библиотеке Ватикана. /

2. СУДЬБА

► Из изображений Марка Аврелия особенно известна впечатляющая **конная статуя**, установленная на центральной площади Рима. Простертая правая рука императора-всадника дарует пощаду побежденным варварам.

Одна из передних ног коня приподнята. Некогда под ней была небольшая фигурка побежденного вождя варваров, но куда и когда она исчезла — неведомо.

Высота позолоченной бронзовой композиции — 5,12 *м*, возраст — 1800 лет. Эта статуя, видимо, украшала триумфальную арку в честь победы над парфянами (164 — 166 гг.) и счастливого возвращения.

Сохранилась она в общем-то случайно. В мрачные столетия инквизиции произведения античного Рима безжалостно уничтожались. Но какой-то не очень образованный инквизитор спутал изображение язычника Марка Аврелия со статуей императора Константина, возведшего христианство в ранг государственной религии Рима. Когда же ошибка выяснилась, то уничтожать памятник было уже поздно.

► **Колонна Антонина** — триумфальная колонна, воздвигнутая в конце правления Антонинов (90-е гг. II в.) в честь победы Марка Аврелия над германцами на одной из центральных площадей Рима (Пьяцца Колонна), — более известна под названием колонны Марка Аврелия. Дело в том, что скульптура философа-императора венчала ее, но в эпоху Возрождения при папе Сиксте V статуя была заменена фигурой апостола Павла, сохранившейся до сих пор.

► ***Почему на пасху красят яйца? И почему именно яйца?***

Многие народы считали, что яйца символизируют тайну жизни и смерти, что, как и в жизни, из яйца может родиться и добро, и зло. Один из музеев Милана украшает картина: Дева Мария с младенцем, а над ними висит яйцо.

Легенда связывает обычай красить яйца с именем Марка Аврелия. В день его рождения одна из кур его матери якобы снесла яйцо, помеченное красными точечками, что было истолковано как счастливое предзнаменование. У римлян стало традицией посылать в качестве поздравлений друг другу окращенные яйца. Христиане переняли этот обычай, вложив в него иной смысл: красный цвет имеет особую силу, так как в пасхальные дни он символизирует кровь Христа.

3. УЧЕНИЕ

♦ Когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных явлений.

Конная статуя Марка Аврелия в Риме

♦ Всё подвержено изменению. И ты сам находишься в процессе постоянного перехода в другое и частичного умирания. Да и весь мир.

♦ Непрестанное течение времени постоянно сообщает юность беспредельной вечности.

♦ Всё сплетено друг с другом, всюду божественная связь, и едва ли найдется что-нибудь, чуждое всему остальному. Ибо всё объединено общим порядком и служит к украшению одного и того же мира.

♦ Я состою из действующей силы и телесной материи. Ни одно из них не обращается в ничто, так как они не возникают из ничего. Каждая часть моего существа через превращение входит в какую-нибудь часть мира, и эта, в свою очередь, — опять в другую часть его, и так бесконечно совершаются его превращения. В силу подобных превращений возник я, как и мои родители, и так назад до бесконечности.

♦ Солнечный свет един, хотя и дробится стенами, горами и бесчисленным множеством других предметов. Едина общая сущность, хотя она и раздроблена между бесчисленным множеством отдельных и своеобразных тел. Едина душа, хотя она и раздроблена между множеством существ и особых образований.

♦ Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бренно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, всё, относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение.

♦ Что бы ни случилось с тобой, оно определено тебе от века. Либо царит неминуемая судьба и непреодолимая закономерность, либо милостивое провидение, либо безличный слепой случай. Если царит неминуемая судьба, зачем ты стремишься противостоять ей? Если царит провидение, милость которого можно заслужить, — будь достоин божественной помощи. Если же царит беспорядочный случай, то радуйся, что среди всеобщего хаоса имеешь руководителя в себе самом — свой дух.

♦ С человеком ничего не может произойти, что бы не определялось судьбой человека, подобно тому как с животным, растением, камнем ничего не может случиться, что бы не соответствовало их природе. Если же ни одно существо не может испытать ничего другого, кроме того, для чего оно взросло и к чему оно определено по своей природе, зачем тебе жаловаться? Будь уверен, что всемогущая природа не наделила тебя ничем непосильным.

♦ Кто видел настоящее, тот уже видел всё, бывшее в течение бесконечной вечности и что будет в течение беспредельного времени, ибо всё однородно и единообразно.

♦ Думай почаще о том, что всё, что есть и происходит, так же быстро проходит и уносится. Вся материя — вечно движущийся поток, всё совершённое и совершающееся — тысячекратная смена, цепь вечных превращений. Ничто не прочно. Впереди и сзади бесконечность, в которой всё исчезает. Как глуп, следовательно, всякий, кто чем-нибудь чванится или убивается и горюет о чем-нибудь, точно го́ре не длится лишь короткое время.

4. МЫСЛИ

- Самыми убедительными доводами, которые всегда надо иметь в виду, пусть будут следующие два: первое — это то, что вещи не затрагивают души́, они стоя́т вне ее, недвижно, а наши тягости происходят исключительно от нашего внутреннего представления. А второе — это то, что всё видимое тобой так мгновенно меняется, что скоро его уже не будет. И скольких перемен ты и сам уже был свидетелем — постоянно думай об этом. Мир — изменение, жизнь — восприятие.
- Чаще размышляй о связи всех вещей, находящихся в мире, и об их взаимоотношении. Ибо все они как бы переплетены между собой и поэтому — в содружестве друг с другом, следуя друг за другом в определенном порядке. Это объясняется непрерывностью движения, общей согласованностью и единством сущности.
- Самое главное, чтобы человек безропотно ждал смерти как простого разложения тех элементов, из которых он состоит. Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.
- Непрестанно держи в уме, до какой степени всё то, что бывает ныне, бывало и раньше; и держи в уме, что это же самое предстоит и в будущем, и представь себе однообразные драмы и представления, которые ты узнал из собственного опыта или из истории старых времен, как-то: весь двор Адриана, и весь двор Антонина, и весь двор Филиппа, Александра, Крёза. Ведь это было всегда одно и то же, только разыгрывалось разными лицами.
- Нелегко указать на кого-либо, кто бы стал несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.
- Что бы ни случилось с тобой — оно предопределено тебе от века. И сплетение причин с са́мого начала связало твое существование с данным событием.
- Паучок, поймавший муху, уже гордится этим; а иной гордится тем, что словил зайчонка, или рыбешку сетью, или кабаненка, или медведей, или сарматов. Разве все они не разбойники, если разобраться в их побуждениях?

∇ ◐ Здесь вся суть «аврелизма». ◑

- Смотри вовнутрь, пусть от тебя не ускользнет ни качество любого предмета, ни его ценность.
- Не уклоняйся в сторону софистической изощренности, не пиши умозрительных сочинений.
- Не спеши соглашаться с болтунами.
- Пусть не увлекает тебя ни чужое отчаяние, ни ликование.
- Смотри внутрь себя.
- Всё человеческое есть дым, ничто.
- Не довольствуйся поверхностным взглядом.
- Всё следует делать, обо всём говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Самая про-

должительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

- Но что же может вывести на путь? Ничего, кроме философии...
- Представь себе, что ты уже умер, что жил только до настоящего момента, и остающееся время жизни **как доставшееся сверх ожидания** проводи согласно с природой. Оглянись на прошедшее: столько переворотов уже пережили государства! Можно предвидеть и будущее. Ведь оно совершенно в том же роде и не выйдет из ритма происходящего ныне. Поэтому и безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что ты увидишь нового?

V ◐ Подобные настроения для обыкновенного слабосильного человека *(Homo sapiens)* не более чем мнение, предположение, гипотеза. Какую же надо было иметь дерзновенную смелость, чтобы **ограниченное наблюдение** выдать за вековой факт и присущее миру постоянство.

А поскольку такие смелости и составляют копилку знания, как же надо радоваться, что не скудеет земля «Марками Аврелиями». И истина здесь — такая: «Не решайте **загадку** — назовите ее **догадкой**!» ◑

- Как смешон и невежествен тот, кто дивится чему-либо из происходящего в жизни.
- Долг человека в том, чтобы любить тех, кто его оскорбляет.
- Люди существуют друг для друга, чтобы учить друг друга или мириться друг с другом.
- Следует раз и навсегда положить конец дискуссиям о том, каким должен быть хороший человек, и просто... стать им.
- Если вас раздражает некий предмет, то виноват в этом не он сам, а ваше суждение о нем. И в ваших силах изменить это суждение.
- Есть такие люди, которые, оказав тебе услугу, тут же объявят, что ты им обязан. Другие, хотя и не станут заходить так далеко, всё же будут втайне считать тебя своим должником и всегда будут помнить, что помогли тебе. Но найдется и такой человек, который вовсе не поймет, что оказал услугу; как виноградная лоза, взрастившая свои плоды и уступающая их безропотно и кротко, не требуя наград, подобно лошади, несущей всадника, гончей, выслеживающей дичь, или пчеле, собирающей мёд. Им подобен человек, который совершает добрый поступок и не кричит об этом во всеуслышание, но переходит сразу ко второму доброму делу, — как лоза начинает взращивать следующий урожай.
- Делай то, что от тебя требует в настоящее время природа, не надейся осуществить республику Платона и будь доволен движением вперед хотя бы на один шаг — и не считай этот успех маловажным. Кто может изменить образ мыслей людей? А без такого изменения что может быть, кроме рабства, стенаний и лицемерного повиновения?

V ◐ К концу жизни рукой Марка Аврелия уже уверенно водил возраст ◑: «Скоро ты забудешь обо всём, и все, в свою очередь, забудут о тебе».

Тертуллиа́н

II – III вв.

Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан

• Латинский философ

Родился: ок. 160 г.
Умер: ок. 222 г.

Прожил ≈ 62 года

«Верую, ибо абсурдно» («Credo quia absurdum est»).
(Тертуллиан)

■ **«Мы не нуждаемся ни в любопытстве после Иисуса Христа, ни в изысканиях после Евангелия».**
(Тертуллиан)

■ **«Безрассудно любое намерение судить о Боге по нашему только смыслу».**
(Тертуллиан)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в одной из провинций огромной Римской империи — в Карфагене (Северная Африка), в семье проконсульского центуриона.

• На становление Тертуллиана повлияли сочинения Цицерона и Сенеки. И не только своим особым, узорчатым, содержанием, но и манерой, и формой изложения материала.

/◐ Обращение к Сенеке ни для кого не обходится бесследно, а **увлечение** им прививает человеку Сенекины стиль и мирооценки. Сенека — единственный из философствующих авторов, который, входя в человека, уже никогда не выходит из него; и не потому, что жаждет сам там — в душе и уме — остаться, а потому, что с ним — с Сенекой — никто не хочет расставаться.

Парадоксы Сенеки необычны и неожиданны; они красивы и глубокомысленны. Взять хотя бы такой: *«После смерти всё прекращается, даже она сама»*.

Тертуллиан начался с Сенеки, возмужал им, чтобы стать столь же широко восприимчивым ко всем краскам любой мысли, как удавалось это только одному — Цицерону. ◑/

• Был судебным оратором в Риме.

• В возрасте 35 лет Тертуллиан принял христианство, и с этого времени он вновь на родине.

/ Остается загадкой, что послужило причиной перемены религии римским адвокатом. На сей счет высказывались самые различные пред-

положения. Скорее всего истоки тут в свойствах естества Тертуллиана. Это была очень эмоциональная натура. Чувства в нем заглушали разум, а потому, вероятно, обращение произошло не только под влиянием мнения о превосходстве христианства над язычеством, но и в результате случившихся с Тертуллианом переживаний. Рассказывают, что на него произвело сильнейшее впечатление зрелище казни христиан, которую они мужественно и безропотно приняли. Эта *стойкость в смерти* живых, полных сил и надежд людей закрепилась в сознании Тертуллиана убежденностью в правоте предмета их веры. Случилось то, что и всегда: мученическая смерть указала дороги жизни... /

• Из произведений Тертуллиана 31 сохранилось, 13 утрачено.

• **Сочинения Тертулляана** (основное из дошедшего):

«О прескрипции»;

«О зрелищах»;

«О плоти Христовой» (207 г.);

«Против еретиков»;

«Об идолопоклонстве»;

«О воскресении плоти»;

«Против Маркиона»;

«Против Гермогена, или Против вечности материи» (209 г.):

/ Этот трактат — образец риторического искусства. Разбирая тезисы Гермогена, Тертуллиан не упускает случая оценить личность оппонента. Главным образом благодаря этому мы имеем некоторое представление о Гермогене (возможно, современнике Тертуллиана). Греческий живописец, принявший христианство, он не расстался с профессиональными привычками художника: рисовал неприличные для христианина изображения языческих богов, не отказывался от наслаждения женской красотой. Его теория, вероятно, и была попыткой умозрительно соединить два противоположных образа жизни. Опасное влияние идей Гермогена на христиан подтверждается сообщениями многих древних авторов. /;

«Апология» (217 г.).

• Тертуллиан отличается обильным цитированием христианских первоисточников. Так, его апелляции только к Новому Завету насчитывают несколько тысяч.

2. СУДЬБА

► **Св. Иероним** /Евсевий Иероним Софроний (ок. 340 – 420); «учитель церкви»/:

«Кто учёнее Тертуллиана, кто проницательнее? Его «Апологетик» и книги «Против язычников» обнимают собою всю мирску́ю науку».

► **Викентий Леринский:**

«Кто учёнее Тертуллиана, кто искушеннее в делах божественных и человеческих? Ведь всю философию, все философские школы с их предводителями и приверженцами, все их учения, всё разнообразие взглядов и пристрастий он охватил своим на удивление обширным умом. Разве не отличался он поистине столь веским и мощным дарованием, что реши-

тельно всё назначенное им к опровержению либо уступало остроте его ума, либо подавлялось его основательностью? И впрямь, кто еще так славится своей речью? Она столь насыщена вескими доводами, что тех, кого не смогла привлечь, просто принуждает к согласию. Сколько в ней слов, столько и мыслей, сколько суждений, столько и побед».

3. УЧЕНИЕ

♦ Ничто не бестелесно, кроме того, чего нет.

♦ Истина существовала первоначально, а заблуждение явилось впоследствии.

♦ Учение наше древнее всякого другого, а потому оно и истинно.

♦ Раньше всех вещей Бог был един, Он сам был для себя и миром, и местом, и всем. Но Он был един потому, что вне Его ничего не было.

♦ Мы признаём телесную душу, отличающуюся собственной субстанцией и плотностью, благодаря чему она может чувствовать и страдать... Почему ты называешь ее небесной, если не понимаешь, откуда происходит ее небесный характер?.. Плоть и душа образуются вместе в одно и то же время и даже вместе существуют во чреве... душа нисколько не божественна, так как в ней есть нечто смертное.

♦ Не ищи общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами.

♦ Ты не можешь быть истинно мудрым, если не покажешься безумным в глазах мира, веря тому, что мир именует безумием...* Я не нахожу лучшего предлога к посрамлению себя, как, презирая стыд, быть свято бесстыдным и счастливо безумным. Сын Божий был распят — я того не стыжусь, потому что будто бы надобно стыдиться. Сын Божий умер — надлежит тому верить, потому именно, что разум мой возмущается против того. Он восстал из гроба, в котором был положен, — дело верное, потому что кажется невозможным.

/◐ В мировой литературе это утверждение, пожалуй, самое знаменитое. Его высказыванием Тертуллиан открыл новую магистраль в сложнейших мыслительных процедурах — зеркально-параллельную философию: в зеркале, как известно, всё наоборот, но, увы, такова плата за возможность в нем видеть. ◑/

♦ Я напомню кое-кому, что не следует искать ничего сверх того, во что они уверовали, то есть того, что должны были бы искать: то есть не нужно толковать слова *«Ищите и найдете»* без разумной основы.

♦ Я скажу раз и навсегда: только тот ищет, кто либо не имел, либо потерял. *Женщина потеряла одну из десяти драхм и потому искала; а когда нашла, перестала искать* (ср. Лук. 15, 8)**. *Сосед не имел хлеба и потому стучал в дверь; а когда ему открыли и дали хлеба, перестал стучать* (ср. 11, 5 сл.).

---

* Эта фраза указывает на ап. Павла (см. с. 325). — *Ред.*

** В Евангелии от Луки (15:8) есть такое упоминание об Иисусе Христе:

«Приближались к Нему все мытари и грешники слушать Его. Однако это не нравилось фарисеям и книжникам. Те роптали и говорили: “Он принимает грешников и ест с ними”.

И тогда Иисус Христос притчей объяснился с ними:

— Говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся. И разве не поймем мы: если, к примеру, какая-то женщина, ➤

Вдова просила судью выслушать ее, ибо ее не пускали; когда же ее выслушали, прекратила просить (ср. 18, 2 сл.). Поэтому есть предел и исканию, и стучанию, и прошению. Ибо *просящему дастся,* — говорил Он, — *и стучащему откроют, и ищущий найдет* (11, 10). Пусть задумается тот, кто всегда стучит, почему ему никогда не откроют: он ведь стучит туда, где никого нет. Пусть задумается тот, кто всегда просит, почему его никогда не выслушают: он просит у того, кто не слушает.

♦ **Против Гермогена:**

1. Обычно, ради краткости, мы опровергаем еретиков ссылкой на их позднее происхождение. Ибо, поскольку учение об истине, обличившее даже будущие ереси, появилось раньше других, постольку все более поздние учения будут считаться ересями, раз они были предсказаны более древним учением об истине. Учение же Гермогена и вовсе новое. Да и сам он до сего дня человек мирской, по природе еретик, и даже закоренелый; болтливость он считает даром слова, наглость — решимостью, а злословие в адрес всякого — долгом чистой совести. Кроме того, он рисует неприличные изображения, постоянно меняет жен, заповеди Божьи насчет удовлетворения желаний соблюдает, а насчет искусства забывает. Вдвойне бесчестный, и кистью, и пером, он полностью изменяет законам Божьим и мирским. Дурной знак можно увидеть и в совпадении имен: ведь и тот самый известный из апостольских времен Гермоген не сильно усердствовал в исполнении предписаний учения.

Но оставим личность Гермогена, так как нас главным образом интересует его учение. На первый взгляд, он признаёт Христа Богом, но изображает Его таким, что возникает сомнение, Бог ли это христиан? Мало того, Гермоген вообще не признаёт главное дело Бога, отрицая, что Он сотворил Вселенную из ничего. Обратившись от христиан к философам, от Церкви к Академии и Портику, Гермоген позаимствовал у стоиков идею уравнять материю с Богом, которая, таким образом, и сама всегда существовала, нерожденная и несотворенная, не имеющая ни начала, ни конца, из которой впоследствии Бог создал всё.

2. И вот, начав свою картину с такой тени, причем совершенно беспросветной, этот живописец раскрасил ее самыми наихудшими аргументами. Он предположил, что Бог сотворил всё или из Себя Самого, или из ничего, или из чего-либо, чтобы после того как он покажет, что Бог не мог сотворить ни из Самого Себя, ни из ничего, отсюда заключить, что останется: Бог творил из чего-либо, а это что-либо и было той самой материей. Итак, Гермоген отрицает, что Бог мог творить из Себя Самого, потому что всё, что ни сотворил бы из Самого Себя Бог, было бы частью Его Самого. С другой стороны, Он не раскладывается на части, так как Неделим, Неизменяем и всегда Один и Тот же, раз Он — Бог. Далее, если бы Он сотворил что-либо из Самого Себя, то оно принадлежало бы Ему

► имеющая 10 драхм, потеряет одну, то неужели она не зажжет свечи и не станет мести комнату и искать тщательно, пока не найдет? А нашедши — кто же усомнится?! — не созовет ли подруг и соседок, чтобы сказать: “Порадуйтесь со мною, я нашла потерянную драхму”?»

Самому. Всякое же нечто, и которое возникло, и которое Он сотворил, должно считаться несовершенным, потому что возникло из части и из части Он сотворил. Если же, будучи всем, Он сотворил всё, то следовало бы, чтобы Он одновременно и был, и не был бы всем, потому что следовало бы, и чтобы Он был всем, чтобы сотворил Сам Себя, и чтобы не был всем, чтобы возник из Самого Себя. Но это слишком трудно. Ведь если Он был, то не стал бы, поскольку был. А если бы не существовал, то и не сотворил бы, так как был бы ничем. Он же, Который пребудет всегда, не возник, но существует во веки веков. Следовательно, не из Самого Себя сотворил Тот, у Кого не было условий и возможности творить из Себя Самого.

Затем Гермоген рассуждает таким же образом о том, что Бог не способен творить из ничего. Для этого Гермоген определяет Бога как Благого и Всеблагого, Который постольку желает творить благое и всеблагое, поскольку Сам таков. И ничего не благого и не всеблагого Он вообще не хочет и не делает. Стало быть, следует, чтобы от Него происходило только благое и всеблагое согласно Его же характеру. Однако существует и зло, сотворенное Им, хотя и не по Его усмотрению, и не по Его воле, — так как по Своему усмотрению и желанию Он не сделал бы ничего несообразного и недостойного Себя. Поэтому то, что Он сделал не по Своей воле, надо полагать, совершено в результате вредного воздействия какой-то иной причины, без сомнения — материи.

3. К этому доказательству Гермоген добавляет и другое. Бог всегда был Богом, и даже Господом, и никогда не-Господом. Но никоим образом Он не мог всегда быть Господом, подобно тому как всегда был Богом, если не существовало ранее и всегда чего-либо, чьим Господом Он всегда был. Из этого вытекает, что материя была всегда соприсуща Богу-Господу.

Это его соображение я поспешу тут же опровергнуть, чтобы научить пониманию и преодолению и других его аргументов, поскольку это добавление он сделал в расчете на непонимающих. Итак, мы считаем, что имя Бога у Него Самого и в Нем Самом было всегда, а имя Господа — не всегда. А ведь каждое из этих имен предполагает разное состояние своего обозначаемого. «Бог» есть имя самой субстанции, то есть божественности (divinitas), «Господь» же — не субстанции, но Божественной силы, или власти (potestas). Субстанция всегда была при своем имени, каковое есть «Бог». Только впоследствии заходит речь о Господе, а именно как о чем-то привходящем. Ибо как только появилось то, на что начинает воздействовать Божественная сила Господа, именно благодаря появлению Божественной силы Он с того самого момента сделался и стал называться Господом. Точно так же Бог есть Отец, а равно и Судья. Однако не всегда Он Отец и Судья, потому что всегда Бог. Ведь Он не мог стать ни Отцом прежде появления Сына, ни Судьей прежде сотворения греха. Было же время, когда не было ни греха, ни Сына, сделавших Бога Судьей и Отцом. Так и Господом Он не мог стать прежде того, благодаря чему Он стал Господом. Первоначально Он мог быть только Богом, еще только намеревающимся когда-нибудь стать Господом благодаря тому, что Он

сотворит Себе для служения, как, в свое время, Он станет и Отцом благодаря Сыну, и Судьей вслёдствие греха.

[...]

8. И вот Гермоген, полагая, что материя не равна Богу, и тем самым подчиняя ее Ему, на самом деле даже ставит ее выше Бога и, скорее, Бога подчиняет материи, когда считает, что Бог всё сотворил из материи. Ведь если Он использовал ее часть для создания мира, то материя, которая доставила Ему средство творения, оказывается выше Него, и Бог кажется подчиненным материи, в чьей субстанции Он нуждался. Ведь никто не может не испытывать нужды в том, чьей собственностью он пользуется; никто не может не подчиняться тому, в собственности которого он нуждается, чтобы пользоваться ею; так что никто не может не быть меньше того, собственностью которого он пользуется, и никто, позволяя пользоваться своим, не может не быть в этом выше того, кому он дает возможность пользоваться. Итак, материя сама не нуждалась в Боге, но предоставила Богу, Который в ней нуждался, себя, богатую, обильную, благородную, — худшему, очевидно, и немощному, и не способному сделать из ничего то, что пожелает. Она на самом деле оказала Богу великое благодеяние, так что у Него теперь есть тот, кто признаёт Его Богом и называет Всемогущим. Хотя какой уж Он Всемогущий, если Он не способен сотворить всё из ничего.

[...]

17. Единобожие требует признать следующие положения. Бог один только при условии, что Он — Один-Единственный. Один-Единственный только потому, что нет ничего вместе с Ним. И Первым Он будет потому, что всё после Него. Так, и всё после Него, потому что всё от Него. А от Него, потому что из ничего. Важно, чтобы всё это не вошло в противоречие со смыслом Писания: *Кто познал мысль Господа? Или кто был советником Ему? Или у кого Он спрашивал совета? Может, кто указал Ему путь разумения и знания? Есть ли кто, кому Он обязан за сделанное одолжение?* (Римл. 11, 34 – 35). Разумеется, нет таких. Так как не было рядом с Ним никакой силы, никакой материи, никакого существа иной субстанции. А если бы Он сотворил из чего-либо, то должен был бы от этого самого получить и план, и разъяснение к нему, как путь разумения и знания. И тогда Он должен был бы творить сообразно качеству вещи и природным особенностям материи, а не по Своей воле. Так что Он и зло бы сотворил не согласно Своей воле, а в соответствии с природой субстанции.

[...]

20. ...Во всякой деятельности существенны три основных момента: кто делает, что возникает, из чего возникает. Поэтому в правильном описании деятельности должны быть указаны три имени, обозначающие персону Создателя, созданное и материю созданного. Если же материя не указывается, но указывается произведение и Создатель произведения, то ясно, что Он производил из ничего.

♦ Не подобало Сыну Божьему родиться из семени человеческого. Ведь если бы Он *целиком* был *Сын человеческий*, то не был бы Сыном Божьим

и ни в чем не превосходил бы *ни Соломона, ни Иону* (Матф. 12, 40 – 42), и о Нем нужно было бы судить согласно мнению Эвиона. Значит, раз Он уже был Сыном Божьим от семени Бога-Отца, то есть Духа, то Ему, чтобы стать и Сыном человеческим, нужно было только принять плоть от плоти человеческой, без семени мужа. Излишне было семя мужа для Того, Кто имел семя Божье. Поэтому, как Он мог иметь Отцом Бога без матери человеческой, — пока еще не родился от Девы, — точно так же, когда родился от Девы, мог иметь мать человеческую без отца человеческого. А именно Он есть человек, соединенный с Богом, как плоть человеческая с Духом Божьим — плоть от человека, но без семени; Дух от Бога, и с семенем. Стало быть, если относительно Сына Божьего был тот замысел и намерение, чтобы Он произошел от Девы, то почему Он *не принял* от Девы тело, которое вынес из нее? Потому, что тело, которое он принял от Бога, другое, ибо *Слово*, говорят, *стало плотью* (Иоанн 1, 14). Но это слово Писания свидетельствует лишь о том, что́ сделалось плотью; а с другой стороны, нет никакой опасности, чтобы Слово, сделавшееся плотью, тотчас оказалось чем-то иным, а не Словом. Сделалось ли Слово плотью из плоти или из самого семени, — это пусть скажет нам Писание. Но раз Писание указывает лишь, *чем* оно сделалось, не указывая, *из чего*, — то этим склоняет к предположению, что сделалось это из чего-то другого, а не прямо из семени. А если не прямо из семени, но из другого, то уже отсюда сделай вывод, — есть ли иной, более достойный доверия, источник того, что Слово стало плотью, нежели сама плоть, в которую Оно и воплотилось. Ибо Сам Господь решительно (sententialiter) и определенно провозгласил: *Что рождено во плоти, то есть плоть* (Иоанн 3, 6), — потому именно, что от плоти рождено. Но если Он высказал это только о человеке, а не о Себе Самом, тогда, конечно, отрицай человечество Христа и заявляй, что это Его не касается. Но ведь Он тотчас добавил: *А что рождено от Духа, то есть Дух* (там же), — ибо Дух есть Бог и рожден от Бога. Если это относится к верующим в Него, то уж тем более относится к Нему Самому. Но если *это* относится к Нему, то почему не относится и сказанное выше? Если признаёшь во Христе ту и другую субстанции, и плотскую и духовную, то нельзя разделять эти слова и вторую часть относить к Нему Самому, а первую — ко всем прочим людям. Кроме того, если Он так же имел плоть, как и Дух, то, заявляя о свойстве этих двух субстанций, которыми Сам обладал, Он не мог отнести духовную субстанцию к Своему Духу и вместе с тем не отнести телесную к Своей плоти. Значит, раз Сам Он происходит от Духа Божьего, а Дух есть Бог, то и Сам Он есть Бог, от Бога рожденный, и Человек, порожденный во плоти от плоти человеческой.

♦ А теперь посмотрим, в каком теле, по мнению апостола, возвратятся мертвые. И хорошо, что он сразу же взялся это показать, — словно кто-то просил об этом. *Неразумный*, — говорит он, — *что́ ты сеешь, не оживет, если не умрет* (1 Кор. 15, 36). Уже из примера с семенем понятно, что оживает только такая плоть, которая умерла, и отсюда станут ясны следующие затем слова. Дальше он говорит: *А что ты се́ешь, это отнюдь не будущее тело* (37) — и показывает, что не следует понимать это в противоречии со смыс-

лом примера, думая, будто воскреснет иное тело, нежели посеянное в смерти. В противном случае ты не понял примера. Ибо, если посеяна и растворилась в земле пшеница, никогда не всходит ячмень, но всегда тот же самый род зерна той же природы, свойства и формы. Откуда же оно берется, если оно не то же самое? Ведь тление то же самое, ибо относится к нему. Но апостол и объясняет, что значит — *сеется отнюдь не будущее тело*, говоря: *Но голое зерно, какое случится, пшеницы, или какое другое. А Бог дает ему тело, как хочет* (37 – 38). Конечно, речь идет о том зерне, которое, но его словам, сеется голым. — «Верно», — соглашаешься ты. — Значит, спасено то, чему Бог намерен дать тело. Но как оно может быть спасено, если нигде не находится и если воскреснет не то же самое? Если оно не воскреснет, то и не спасено. А если не спасено, то не может и получить тело от Бога. Но ведь очевидно, что оно спасено. Для чего тогда Бог даст ему тело по Своему желанию (если у него уже есть тело, нагое), как не для того, чтобы оно воскресло уже не нагим? Значит, тело получит нечто добавочное сверх этого. А то, к чему присоединяется добавка, не уничтожается, но увеличивается. То же, что увеличивается, сохраняется. Ведь сеется только зерно без шелухи, своей одежды, без колоса, своей основы, без ости, своей защиты, без стебля, своей гордости; а вырастает оно полным с лихвой, в тесном сообществе, в стройном расположении, защищенное своим убранством и вполне одетое. Всё это для него — другое тело от Бога, в которое оно превращается не через уничтожение, а через увеличение. *И каждому семени свое тело* (15, 38), но не свое, конечно, в том смысле, что не прежнее, ибо теперь ему принадлежит и данное Богом сверх того.

Итак, придерживайся примера, храни его для плоти, словно зеркало, и верь: принесет плод то же самое, что посеяно, оно само возвратится — и обильнее — и не будет другим, хотя явится по-другому. Ведь именно оно получит ту помощь и то убранство, какие Бог пожелает дать ему сообразно заслугам.

4. МЫСЛИ

- Философы утверждают, что они ищут; стало быть, они еще не нашли.
- Язык — это зверь, посаженный в клетку губ с решетками зубов.
- Души плохих людей после смерти превращаются в демонов.
- Нет ничего в этой жизни ближе нашему сердцу, как умереть возможно скорее.
- Кто желает войти в рай, должен отрещиться от всего, что не свойственно раю.
- Совершенной и целомудренной христианке следует не только не стремиться к привлекательности, но прямо ненавидеть ее. Знайте, что вы губите брата своего, когда, представляя глазам его свою красоту, порождаете в нем похотливые желания. В душе он уже совершил то, чего пожелал, и вы становитесь для него мечом убивающим. Хотя прямой вины тут на вас нет, ненависть вам за это обеспечена. Когда в чьем-то поместье совершается разбой, его хозяин в преступлении не виновен, но так как о поместье идет дурная слава, пятно ложится и на его владельца. Мы будем украшаться, чтобы губить другого? А как же заповедь: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя?*

- Есть люди, которые женятся для потомства, из желания иметь детей, желания иногда весьма горького. Но и эта мысль должна быть далека от нас. Зачем желать детей, когда, имея их, мы желаем им поскорее покинуть наш злосчастный век и быть принятыми у Господа, как того хотел апостол? Хватит с нас забот о своем собственном спасении, если даже не заводить детей! Нам ли искать обузы...
- Как бы ни свершилось заблуждение, оно, во всяком случае, царило до тех пор, пока не было ересей. Для своего освобождения истина ждала каких-то маркионитов и валентиниан: а тем временем превратно учили Евангелию, превратно верили, тысячи тысяч неправильно были крещены, столько дел веры неправильно исполнялось, столько чудес неправильно совершено, столько даров неправильно получено, столько священнодействий и служб совершено неправильно, наконец, столько мучеников увенчано неправильно! А если всё это не было неверно и втуне, то как же дела Божьи творились раньше того, чем открылось, какого Бога это дела? Как могли быть христиане прежде, чем найден был Христос? Как ереси могли существовать прежде истинного учения?

На деле, конечно, истина предшествует своему изображению, подобие следует за вещью. Право, совершенно нелепо считать, что ересь существует прежде истинного учения, — хотя бы потому, что само это учение возвестило: ереси будут и нужно их остерегаться. Для церкви, обладавшей этим учением, написано, — или, вернее, само учение наставляет свою церковь: ***Если бы даже ангел с неба благовествовал вам иначе, чем мы, да будет анафема.***

Притча о потерянной драхме. ►
Худ. Доменико Фетти.
Ок. 1618 – 1621 гг.
Германия. Дрезден.
Картинная галерея

Секст Эмпирик

II – III вв.

• Древнегреческий философ

Родился: ок. 200 г.
Умер: 250 г.

Прожил ≈ 50 лет

> **«Скептическая позиция проста и очевидна. Представьте себе, что в доме, в котором находится полно драгоценностей, многие ищут золото ночью. Каждый думал бы, что нашел золото, но не знал бы этого наверняка, хотя бы и действительно нашел его. Точно так же философы вступают в этот мир, как в большой дом, чтобы искать истину; если бы даже они и нашли ее, то они всё же не могли бы знать, достигли ли они ее».** *(Секст Эмпирик)*

1. ЖИЗНЬ

• Биографических сведений о нем практически нет.
• Жил в Александрии и в Афинах.
• Его сочинения писались на греческом языке, и у нас нет никаких оснований считать его римлянином, имея в виду латинскую аллюзию — *«sextus»* (*лат.* — «шестой»).
• Был врачом, а в те времена понятия «врач» и «эмпирик» в обиходном языке взаимозаменялись.
• Прославился умозаключением, отрицающим возможность высшего начала:

♦ Относительно Бога приходится признать, что его нет. И вот доказательство тому:

Если божественное обладает всеми добродетелями, то оно обладает и мужеством. Если же оно имеет мужество, то имеет знание страшного, нестрашного и того, что между тем и другим; и если так, то для Бога существует нечто страшное. Ведь мужественный не потому мужествен, что знает, в чем состоит опасность для соседа, но потому, что знает, в чем состоит опасность для него самого́.

Поэтому если Бог мужествен, для него существует нечто страшное. Если же есть нечто страшное для Бога, то, значит, существует и то, что может его отяготить. А если это так, то он доступен гибели. Отсюда вытекает: если существует божественное, то оно тленно. Но ведь оно нетленно, следовательно — не существует.

- **Сочинения Секста Эмпирика:**
  «Пирроновы основоположения»;
  «Против ученых» (6 книг);
  «Против догматических философов» (2 книги);
  «Против физиков» (2 книги);
  «Против этиков».

2. СУДЬБА

Трактаты Секста Эмпирика при первом знакомстве кажутся «темными», то есть непонятными до запредельности. Иногда это действительно так. Но по большей части эта проблема носит скорее «литературный» характер.

Вот, к примеру, одна и та же мысль, но в изложении разных переводчиков. Эти языковые посредники выступают не только истолкователями первоисточника, но и привносят свою культуру, свое образование и свое, если хотите, отношение к читателю. Последнее можно было бы назвать контекстуальным грамматическим сервисом, который, к сожалению, очень часто отсутствует. Да, собственно, судите сами.

I

«Обо всех скептических выражениях следует заранее признать, что мы вовсе не утверждаем, что они правильны, так как говорим, что они могут быть опровергнуты сами собою, будучи описаны вместе с теми вещами, о которых они говорят, подобно тому, как очистительные лекарства не только избавляют тело от соков, но вместе с ними выгоняются и сами».

II

«Положение будто «мы ничего не знаем», обладает тем свойством, что оно, ниспровергая другие положения, опровергает и само себя, уничтожая всякое знание о вещах; тем самым оно уничтожает и знание о себе самом, подобно лекарству, которое, изгоняя из тела вредные соки, само, как утверждают, выделяется вместе с ними».

Из монтажа двух примеров видно, что один и тот же авторский подход разными изданиями Секста Эмпирика передан по-разному. Даже для газетного репортажа это может оказаться не безразличным. Что же говорить тогда о тексте философском, причем, когда уже десятки столетий нет ни самого автора, ни того контекста, в котором лабораторилась его мысль, кристаллизовалось его творчество?!

Так уж получается, что цивилизация, осваивая своих интеллектуальных героев, не всегда заботится о соблюдении должной усваивающей гигиены. А надо бы! Чтобы философия и вообще всё духовное созидание по возможности не болели бы чужими болезнями.

С моей точки зрения, в философских текстах, а более широко — в излагающей и пересказывающей литературе, существует проблема перевода чьих-то мыслей с «философского языка» на общепонятный язык, а уж затем и необходимость — и тоже «перевода» — с русского языка на русский, или иначе: с «заумного», подражающего стилевым тенденциям оригинала, — на «обычный», то есть в ключе национальной социокультурной вариации, а с «обычного» — на «понятный», то есть адаптированный не под способ изложения, — здесь все первопроходцы неизведанного сильно, хотя и совершенно безвинно, грешат, — а под несóмую мысль.

8. УЧЕНИЕ ♦ Скептический способ рассуждения называется «ищущим», от деятельности, направленной на искание и осматривание кругом, или «удерживающим», от того душевного состояния, в которое приходит осматривающийся кругом после искания, или «недоумевающим», либо вследствие того, что он во всём недоумевает и ищет, как говорят некоторые, либо от того, что он всегда нерешителен перед согласием или отрицанием.

● Апории познания

♦ Как воспринимающее теплоту воспринимает ее, будучи согреваемо этой теплотой, а согреваемое тотчас же само является теплым, так и телесная масса человека, если воспринимает ощущения как ощущения, то она и сама ощущает, а если ощущает, то она должна стать целиком ощущением. И в силу этого уже не получится исследующего, но будет только исследуемое.

∇ ◐ Среди проблем, связанных с ощущением, есть так называемый **эффект сваренной лягушки**. Если лягушку бросить в кипящую воду, то она, испытав болезненные ощущения, мгновенно выпрыгивает. Но если лягушку опустить в холодную воду и кипятить воду вместе с лягушкой, то последняя не ощущает опасного изменения температуры и остается в воде, пока не сварится заживо. ◑

♦ Но и самих себя ощущения не постигают. Кто же узнал зрение при помощи зрения? Или кто услышал слух при помощи слуха? Ведь всё это может быть познано лишь мыслью. Но и относительно последнего утверждения скептики преисполнены сомнения. И действительно, если рассудок воспринимает ощущения, он и сам должен во всех отношениях становиться ощущением, то есть быть одного с ними рода.

Но если в самом деле рассудок, познающий ощущения, оказывается перешедшим в их природу, то уже перестанет существовать и то, что исследует ощущения, потому что то, что мы предположим при таком раскладе исследующим, оказалось тождественным с исследуемым, а потому и нуждающимся в постигающем.

∇ ◐ Да, здесь есть над чем задуматься. В современной медицине этот парадокс выражен проблемным афоризмом: «Врач, ставший на точку зрения больного, уже не врач, а больной»[46]. ◑

♦ Догматические философы совершенно глупы и только впустую поднимают крик против выставляемых нами апорий. Взять, к примеру, такой вопрос, как: **может ли ум постигать сам себя?** В самом деле, если ум постигает самого себя, то он должен или весь постигать себя, или не весь, но пользуясь для этого какой-нибудь частью себя самого.

Правда, весь он не мог бы себя постигать. Случись такое, то получилось бы, что он весь оказался постижением и постигающим. В итоге — потеря постигаемого. Однако нет ничего бессмысленнее того, что постигающий существует, а то, к чему относится постижение, не существует.

Но ум не может для этого воспользоваться и какой-нибудь частью. Сама-то эта часть как себя постигает? Если как целое, то она никак не может быть искомым. Если какой-нибудь частью, то, опять-таки, как эта последняя должна себя познавать? И так до бесконечности.

● Апории науки

♦ Если существует какая-либо наука, доступная человеку, то предварительно должно существовать согласие по четырем вопросам: о преподаваемом предмете, о преподающем, об учащемся и о способе обучения. Как мы докажем, не существует ни преподаваемого предмета, ни преподающего, ни учащегося, ни способа обучения. Следовательно, не существует и никакой науки.

Итак, если начать с первого, то мы прежде всего утверждаем, что если нечто преподается, то или существующее преподается в силу существования, или не-существующее — в силу несуществования. Но, как мы установим, ни существующее не преподается в силу существования, ни не-существующее — в силу несуществования. Следовательно, ничто не преподается вообще.

Действительно, **не-существующее** не может преподаваться в силу несуществования. Ведь если оно преподается, оно преподаваемо, а будучи преподаваемо, оно окажется существующим и вследствие этого одновременно будет и не-существующим и существующим. Однако во всяком случае невозможно, чтобы одно и то же было и существующим, и не-существующим. Следовательно, не-существующее не преподается в силу несуществования. Кроме того, не-существующее не имеет никаких акциденций. А у чего нет никаких акциденций, тому не свойственна и преподаваемость, поскольку преподаваемость есть тоже одна из акциденций. Следовательно, и поэтому не-существующее не преподаваемо. Наконец, предмет преподавания изучается, возбуждая наше представление. Не-сущее же не может возбудить наше представление и не является преподаваемым.

И далее, не-существующее не может быть преподаваемым и в качестве истинного. Ведь истинное не относится к области не-сущего, и ничто истинное не может быть преподано в качестве не-существующего. А если ничто истинное не преподаваемо в качестве не-существующего (поскольку истинное относится к области существующего), то, следовательно, несуществующее не преподаваемо. Если же ничто истинное не преподается, то всё преподаваемое ложно. А это неразумнее всего. Следовательно, не-существующее не преподается. Ведь преподаваемое или ложно, или истинно. Но в качестве ложного оно было бы неразумнее всего, а как истинное оно было бы существующим. Следовательно, не-существующее не преподаваемо.

Однако и **существующее** не преподается в силу существования, потому что раз существующее явствует для всех одинаково, то непреподаваемым окажется всё. А за этим должно последовать, что ничто не преподаваемо. Необходимо ведь, чтобы существовало в наличности нечто, чему не надо учить, чтобы на основании его знания возникло обучение преподаваемому. Следовательно, не преподается также и существующее в силу существования.

Подобный же способ апории должен возникнуть и в отношении тех, кто утверждает, что преподается «ничто» или «нечто». Действительно, если преподается «ничто», то, поскольку оно преподается, оно будет существовать как «нечто», и поэтому оно должно совместить в себе противоположности «ничто» и «нечто». А это относится к невозможному. Кро-

ме того, «ничто» не имеет никаких акциденций, а потому не имеет и преподаваемости, поскольку последняя относится к акциденциям. Следовательно, «ничто» не преподается. Аналогично должно быть отнесено к непреподаваемому и «нечто».

Действительно, если оно будет преподаваемо потому, что существует как «нечто», то не окажется ничего непреподаваемого. А за этим следует, что не будет и ничего преподаваемого. Кроме того, если что-нибудь преподается, то оно будет преподаваться или при помощи «ничто», или при помощи «нечто». Но оно не может быть преподаваемым при помощи «ничто», поскольку это оказывается лишенным реальности для разума. Следовательно, остается, чтобы обучение происходило при помощи «нечто». А это опять апорийно. Именно, как преподаваемый предмет преподается постольку, поскольку он есть «нечто», как и то, на основании чего ведется обучение, то поскольку есть «нечто», постольку оно тоже должно оказаться преподаваемым. И тогда, поскольку нет ничего не преподаваемого, обучение должно устраниться.

Еще иначе: поскольку из «нечто» одно есть тела́, а другое бестелесно, то и преподаваемое, являясь этими «нечто», тоже должно быть или телами, или бестелесным. Но, как мы установили, оно не может быть ни телом, ни бестелесным. Следовательно, «нечто» не преподаваемо.

♦ Некоторые, обращаясь к промежуткам времени, в течение которых происходит возникновение и уничтожение, рассуждают так. Если Сократ умер, то он умер или когда жил, или когда скончался. Но во время жизни он не умер, потому что он тогда, конечно, жил и не был мертв во время жизни. Но он не умер и тогда, когда умер, потому что это значило бы, что он дважды умер. Следовательно, Сократ не умер вообще.

∇ ◐ Смерть есть пограничное **понятие**, означающее процесс, не имеющий существования во времени, и потому его фиксация как факта невозможна.

То есть мы знаем: вот — *жизнь*, а вот — *смерть*. А где здесь **умирание** — сказать невозможно. При жизни всё -таки живут, а не умирают; не умирают и будучи мертвыми. Однако философия ***должна*** оперировать **обратными** понятиями, ибо привнесение в любой процесс его противоположности позволяет квалифицировать процесс «процессом», а не «протеканием» или «наблюдаемой видимостью».

И вообще, следуя логике Секста Эмпирика, можно сказать, что Сократ не жил, так как после смерти он точно не жил, а до смерти не жил, потому что всё время умирал, чтобы наконец умереть. ◑

На основании такого же принципа, но на другом примере, Диодор Крон построил следующий аргумент: «Если стена уничтожается, то она уничтожается или тогда, когда камни цепляются друг за друга и взаимно прилажены, или когда они разъезжаются. Но стена не уничтожается ни тогда, когда камни цепляются друг за друга и взаимно прилажены, ни когда они взаимно разъезжаются. Следовательно, стена вообще не уничтожается».

Таков этот аргумент, и смысл его ясен. Ведь, с точки зрения мысли, существуют два времени — когда камни цепляются друг за друга и взаимно прилажены и когда они разъезжаются. Кроме этих, не может мыс-

литься никакое третье время. Поэтому если стена уничтожается, то она должна уничтожаться в одно из этих двух времен. Но она не может уничтожиться в то время, когда камни цепляются друг за друга и взаимно прилажены, потому что тут стена еще существует, и если существует, то она не уничтожается. Не уничтожается она и в то время, когда камни разъезжаются, потому что тут уже нет стены, а не-сущее не может уничтожаться. Следовательно, если стена не уничтожается ни тогда, когда камни цепляются друг за друга и взаимно прилажены, ни тогда, когда они разъезжаются, то стена не уничтожается вообще.

Можно рассуждать и так. Если что-нибудь возникает и уничтожается, то оно возникает и уничтожается или в то время, в котором оно существует, или в то время, в котором оно не существует. Если в то время, в котором оно находится, то оно ни возникает, ни уничтожается; ведь поскольку оно существует, оно не возникает и не уничтожается. Но оно не может испытать ничего из этого и в то время, в котором оно не существует, потому что, в чем что-нибудь не находится, в том оно не может ни действовать, ни страдать. А если это так, ничто ни возникает, ни уничтожается вообще.

Вот что пусть будет сказано против физиков из числа философов.

∇ ◐ Метод Секста Эмпирика не только прост, но примитивен и ошибочен. Его подход к делу может быть продемонстрирован на таком сочиненном мною примере-образе, являющемся квинтэссенцией подхода этого философа к предмету анализа:

Утверждение: Сократа никогда не было.

Доказательство: Сократ или **был** или **есть.** Но когда Сократ жил, к нему нельзя было применить «был», а теперь, когда его нет, к нему не приложишь «есть». И наоборот эти слова не применишь, поскольку «есть» не приложимо к прошлому, а «был» — к настоящему.

Следовательно: Сократа никогда не было, поскольку «был» и «есть» исчерпывают факт любого наличия.

Суть создаваемой Секстом ситуации в том, что его интересуют не события или проблемы, не попытки их разрешения или живое в них участие, а **слова**, обозначающие то или иное думание философов. Да для него, видимо, и философия как таковая невозможна, ибо «любовь к мудрости» предполагает равноранговость познающего и познаваемого, что невозможно, так как знание не равно незнанию, а таковы Мудрость и человек. Кроме того, Мудрость вечна и беспредельна, а человек конечен и убог; а как может быть любовь между тем, что есть, и тем, чего нет (коль скоро Мудрость «навсегда», а человек — «на миг»)?

Лексика Секста Эмпирика — очень скудна: он знает только «да» и «нет». Но он забывает, что слова эти — лишь как бы отследы с событий, **для которых** они. А те куда богаче, ибо имеют **степени своей событийности** в отличие от «да» и «нет», для которых, по определению, отсутствует градационность. Они, эти «да» и «нет», подобны оттиску печати, которая свидетельствует, что ее поставил, конечно, человек, но не говорит «какой», «когда», «почему», «как», «зачем», «в каком настроении» и т. д. Слова — те же «печати» познания.

Секст Эмпирик, похоже, не заметил, что каждое слово человеческое, а тем более философское, есть не что иное, как точка на окружности, которая условно разделяет мир постигнутый и неизвестный. Поэтому-то слово нас всегда ***подводит***. Да-да! Именно подводит: с одной стороны, к делу, проблеме, а с другой — как говорится, «под монастырь»[47]. **Слово** — подобно горизонту: оно **ведет**, но оно и **уводит**, то есть оно ***подводит***. Ведь горизонт и манит и обманывает одновременно, но об обмане мы узнаём лишь *post factum*[48].

Конечно, философия — это проблема слов, ибо ведется и выражается словами. Может быть, поэтому-то все ее достижения, даже самые интересные и необыкновенно находчивые, так просто опровергаемы и так мало жизнеспособны: слову о словах всегда можно противопоставить слова о слове.

И не следует ли из этого, что философия как способ отношения человека к миру и к своим делам в нем, сводясь исключительно к себе, чем-то похожа могла бы быть на свет, который решился бы посветить самому себе. Светом-то он бы остался, а вот был бы **от него** при этом свет?

Пора, наверное, признать — и такая книга, как эта, дает к тому повод, — что одной философии для исследования проблематик бытия **недостаточно**. Вот почему ее, — кстати, это хорошо видно на результативных достижениях, — всегда еще сопровождали мудрость и развернутая мыслительность.

Так что если берущийся понять мир одновременно может быть в гармоничном единении тремя: мудрецом, мыслителем, философом, то о признательном месте в человеческой истории ему можно не беспокоиться — это свершится автоматически. ◑

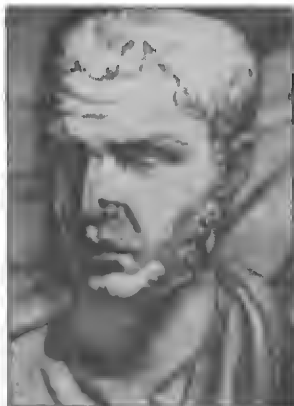
4. МЫСЛИ

◪ Заблуждаются математики, говоря, что данная прямая делится на две части. Ведь начертанная нам на доске прямая имеет чувственную длину и ширину, а мыслимая или прямая линия есть длина без ширины. И начерченная на доске прямая не будет линией, и начинающие ее делить делят не существующую линию, но несуществующую.

Или иначе: поскольку, по их мнению, линия мыслится состоящею из точек, то пусть некая прямая линия, которую они собираются делить на равные части, будет состоять из нечетного числа точек, например из девяти. Но, деля ее, они или разделят пятую точку — я подразумеваю точку, мыслимую посредине между четырьмя и четырьмя, — или один из отрезков сделают в четыре точки, а другой — в пять. Следовательно, они не могут сказать, что делят пятую точку. Ведь она, по их мнению, не имеет частей, а лишенное частей невозможно мыслить разделенным на части. Следовательно, остается из отрезков линии один сделать в четыре точки, а другой — в пять, что опять нелепо и противоречит их предположению. Ведь они обещают научно разделить данную прямую линию на равные отрезки, а делят ее на неравные.

Плоти́н

III век

Плотин

• Древнегреческий философ

Родился: ок. сент. 204 г./авг. 205 г.
Умер: ок. июль – авг. 270 г.

Прожил ≈ 64/65 лет

> **«Прекрасны мы, когда познаём самих себя, безобразны же, когда этого знания не имеем».** *(Плотин)*

■ **«Нового ничего нет, всё уже сказано Платоном».** *(Плотин)*

■ **«Начало — цель для всего».** *(Плотин)*

■ **«Подобно тому как о красоте, воспринимаемой чувствами, ничего не может сказать слепой, так же и в мире вещей духовных происходит с тем, кто лишён умения видеть, как прекрасен лик справедливости или умеренности и что так прекрасны не могут быть ни утренняя и ни вечерняя звезда».** *(Плотин)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из Египта (Ликополь), жил в Риме.
• Учился в Александрии у Аммония Саккаса*, основателя новоплатонической философии. Обучение длилось 11 лет.
• Своего облика Плотин стыдился.
• Никому и никогда он не рассказывал ни о своем происхождении, ни о своих родителях, ни о своей родине.
• Будучи 39 лет от роду, Плотин записался в действующую армию и примкнул к походу императора Гордиана в Персию, где собирался изучать персидскую философию, но после поражения Гордиана должен был спасаться бегством в Антиохию.
• Его учениками были Евстохий, Амелий и Порфирий, который был как раз вдвое моложе своего наставника (в год встречи с Плотином Порфирию было 30 лет).

---

* **Аммоний Саккас Александрийский** (ок. 175 – 242). Саккас — это прозвище; оно означает Мешочник и указывает на первоначальную профессию Аммония — носильщик. Аммоний был крещен родителями, сам ничего не писал; а вот устно проповедовал некий синтез Платона и Аристотеля. Два маленьких фрагмента хода его мыслей в опровержение тезиса стоиков о том, что *душа есть тело*, показывают нам философа крепкой витиеватости, весьма умелого, изощренного:

◘ «Всякое тело движется или вовне, или вовнутрь. Движущееся вовне не одушевлено, движущееся внутрь — одушевлено. Если бы душа, будучи телом, ➤

• Около 244 г., переселившись в Италию, сорокалетний Плотин становится известным учителем в Риме.

• В разговоре он был искусным спорщиком и отлично умел находить и придумывать нужные ему доводы; но в некоторых словах он делал ошибки, например, говорил «памятать» вместо «памятовать» и повторял это во всех родственных словах, даже на письме.

• Ум Плотина ярче всего обнаруживался в беседе: лицо его словно освещалось, на него было приятно смотреть, и сам он смотрел вокруг с любовью в очах, а лицо его, покрывавшееся легким пóтом, сияло добротой и выражало в споре внимание и бодрость.

• Написав что-нибудь, Плотин никогда дважды не перечитывал написанное; даже один раз перечесть или проглядеть это было ему трудно, так как слабое зрение не позволяло ему читать.

• Писал он, не заботясь о красоте букв, не разделяя должным образом слогов, не стараясь о правописании, целиком занятый только смыслом; в этом он оставался верен себе до самой смерти.

• Продумав про себя свое рассуждение от начала и до конца, Плотин тотчас записывал продуманное и так излагал всё, что сложилось у него в уме, словно списывал готовое из книги. Даже во время беседы, ведя разговор, он не отрывался от своих рассуждений: произнося всё, что нужно было для разговора, он в то же время неослабно вперял мысль в предмет своего рассмотрения.

• Плотин умел беседовать одновременно и сам с собою, и с другими, и беседы с самим собою он не прекращал никогда, разве что во сне; впрочем, и сон отгонял он от себя и пищею довольствовался самой малой, воздерживаясь порою даже от хлеба...

• Современники вспоминают, что он страдал болезнью живота, но не соглашался на лечение; в баню никогда не ходил, а растирался дома сам,

---

➤ двигалась вовне, она была бы неодушевленною, если же душа станет двигаться вовнутрь, то она одушевлена. Но, очевидно, нелепо утверждать, что душа одушевлена или не одушевлена. Следовательно, душа не есть тело. Воспитываемая душа питается чем-то бестелесным — науками. Но ни одно тело не питается чем-нибудь бестелесным, следовательно, душа не есть тело».

◙ Действительно бестелесная, душа проникает всюду, наподобие вещей, изменяющихся при единении, оставаясь, однако, неизменною и неслитною, сохраняя сходство в себе, своею жизнью изменяя вещи, в которых она бывает, но сама не изменяясь от них. Наподобие того, как солнце своим присутствием превращает воздух в свет, делая его световидным, и соединяет воздух со светом, не смешивая их, и, однако, сливая. Так и душа, соединенная с телом, остается вполне не слитною, отличаясь от солнца тем, что последнее, будучи телом и ограниченное известным местом, не везде следует за светом, как это бывает и с огнем. Огонь остается в лесу и связан как бы на месте с воспламенённым светочем, тогда как душа, будучи бестелесною и не ограниченная местом, проникает всюду всецело вслед за своим светом и за телом, и нет ни одной освещенной его части, в которой она не находится всецело. Она не управляется телом, но сама управляет им и не находится в нем, как бы в сосуде или в мешке; напротив, тело существует в ней. Мысленным предметам не препятствуют тела; они переходят, проницают всякий род тела, не удержимые никаким телесным местом».

и когда ввиду эпидемии был покинут растиравшими его, то начал болеть дополнительно и другими болезнями.

• Свои дни рождения Плотин не отмечал, но с удовольствием праздновал дни появления на свет Сократа и Платона, устраивая в их честь обильные и пышные пирушки.

• Плотин был весьма проницателен и прозорлив, вплоть до того, что по одному только выражению лица узнавал того, кто украл ожерелье, и по поведению детей предсказывал их будущее.

• Плотин хорошо знал геометрию, механику, оптику и музыку, хотя в силу своего темперамента, практически этими предметами никогда не занимался.

• В человеческом плане он был очень мягок и легко доступен всем, кто хоть сколько-нибудь был с ним близок. Поэтому, прожив в Риме 26 лет и бывая посредником во многих спорах, он ни в ком не нажил себе врага.

• О земном пути и подробностях преподавательской деятельности Плотина мы знаем от Порфирия, поведавшего обо всём этом в своей книге «О жизни Плотина и его трудах».

• По биохроническим расчетам получается, что до 50-ти лет Плотин ничего не писал, а начал делать это только под сильным влиянием и давлением своих ближайших учеников. Потому писание было для него не занятием, а неизбежной необходимостью.

• **Сочинения Плотина:**

/ Никаких заголовков Плотин своим текстам не давал. Их рубрикация скорее условна. Заглавия даны Порфирием по первым ключевым словам или фразам каждого из — законченных по теме — фрагментов. /:

1. *«О прекрасном»;*
2. *«О бессмертии души»;*
3. *«О сущности души»;*
4. *«О судьбе»;*
5. *«Об уме, идеях и бытии»;*
6. *«О нисхождении души в тело»;*
7. *«Как от первого происходит последующее и об единице»;*
8. *«Все ли дýши — одна душа»;*
9. *«О Благе и Едином»;*
10. *«О трех начальных субстанциях»;*
11. *«О становлении и порядке того, что после единицы»;*
12. *«О двух материях»;*
13. *«Разные наблюдения»;*
14. *«О круговом движении»;*
15. *«О присущем каждому демоне»**:

/ Вариант перевода: «О сопровождающих нас дýхах». Однако правильнее был бы заголовок «О наделении каждого из нас *даймонием*». **Даймоний** же — это и не демон, и не гений. Наиболее подходящий по верности оттенок смысла — «ангел-хранитель», талисман — в ключе навеяния пушкинскими строчками: «Храни меня, мой талисман...» /;

---

* Вспомним о демоне (или о демонúи) Сократа (см. с. 113).

16. *«О разумном исходе»;*
17. *«О качестве»;*
18. *«О том, что сущее повсюду одно и то же»;*
19. *«Чтó есть первое мыслящее и чтó второе»;*
20. *«О силе и действии»;*
21. *«О бесстрастии бестелесного»;*
22. *«О душе первая книга»;*
23. *«О душе вторая книга»;*
24. *«Об умопостигаемой красоте»;*
25. *«О том, что вне ума нет умопостигаемого, а также об уме и благе»;*
26. *«Против гностиков»;*
27. *«В продолжительности ли счастье»;*
28. *«Как существует множественность идей, а также о благе»;*
29. *«О родáх сущего»;*
30. *«О познающих субстанциях и о том, что выше их»:*
    / Вариант перевода: «О познающих ипостáсях и запредельном начале». /;
31. *«Чтó есть животное»;*
32. *«О первичном благе, или О счастье»;*
33. *«Существуют ли идеи частных вещей»;*
34. *«Почему душу можно назвать средним между неделимым и делимым»;*
35. *«О добродетелях»;*
36. *«О диалектике»;*
37. *«О добровольном»;*
38. *«О мироздании»;*
39. *«Об ощущениях и памяти»;*
40. *«О том, что не может мыслить то, что выше сущего»;*
41. *«О свободе и воле Единого»;*
42. *«О душе третья книга, или же О времени»;*
43. *«О созерцании»;*
44. *«Почему издали вещи кажутся маленькими»;*
45. *«О вечности и времени»;*
46. *«О числах»;*
47. *«О всеобщем смешении»;*
48. *«О счастье»;*
49. *«О провидении»;*
50. *«О любви»;*
51. *«В чем зло»;*
52. *«Чтó делают звезды»;*
53. *«Чтó есть человек»;*
54.* *«Различные вопросы».*

---

* Все 54 трактата Плотина Порфирий разделил на 6 групп по 9 сочинений в каждом. Поскольку «девять» по-гречески называется «эннеада», то, привнесённый поначалу как *технический*, временный, подручный, заголовок **«Эннеады»** стал со временем основным, единственным. В связи с этим поневоле приходит на ум известная эмпирическая сентенция — «Нет ничего долговечнее врéменных сооружений». ◐ Видимо, такой странный, на первый взгляд, штрих в бытии имеет место оттого, что сделанное наскоро быстрее отодвигается в прошлое, а потому легче стыкуется с *вечным* или его ареалом. ◑

• ◐ Плотин был мастером **поясняющих образов** и достиг в них виртуозного совершенства. Благодаря аналогиям, сравнениям, уподоблениям, его бессистемность легка и прекрасна. Разобраться в ней может любой и каждый. Мало того, он еще испытает и удовольствие. Тематика Плотиновых квадранальных оснований более чем обширна:

- ▣ солнце и его лучи
- ▣ отражение в воде
- ▣ отражение в зеркале
- ▣ отношение ствол — корни. ◑

/■■■ К примеру, Плотин, выясняя мысль Платона, часто утверждает, что та душа, которую академики считали душою мира, блаженна оттуда же, откуда и наша душа. Что есть некоторый отличный от нее свет, которым она создана и которым, духовно озаряемая, она духовно сияет. Подобие этому бестелесному он указывает в самих видимых и великих небесных светилах: свет представляет собою как бы солнце, а душа — как бы луну. Ибо луна... светится светом, отраженным от солнца. ■/

//■■■ Плотин нередко прибегал к сравнениям, взятым из реальной действительности. Небезынтересна судьба одного из них, возможно, заимствованного у Филона Александрийского (ок. 20 г. до н. э. — ок. 40 г. н. э.). Утверждая, что в основе мировой организации лежит принцип Единого и в нем заключено бесконечное многообразие, а само Единое пребывает всегда незыблемым, Плотин поясняет: на дереве тоже появляются, растут и отмирают ветви, листья, плоды, но корень его и само оно, имея единый ствол, не умирает. ■//

• ◐ Плотин был великолепным мастером **проникающего вопроса**. Всё, чем он озадачивался, было конкретно и действительно проблемно. Да к тому же еще таково, что не каждому было, как это принято говорить, по плечу и под стать. И таких вопросов десятки и сотни. В качестве примеров только несколько, взятых не системно и произвольно ◑:

- ↪ Действительно ли отрицание равнозначно с не-бытием?
- ↪ Каким образом безграничное может существовать и в умопостигаемом мире, и в мире чувственного бытия?
- ↪ Всё ли равно быть безграничным, как таковым, или только обладать безграничностью?
- ↪ Тождественна ли материя с инобытием?
- ↪ Какова же природа души?

• ◐ Видимо, составляющие характера Плотина вряд ли давали ему надежду на безоблачность и гармонию в общении с другими людьми, поскольку в своем противостоянии предшественникам Плотин бывает и нетерпим, и сурово полемичен, и даже ехиден:

■■■ Размышляя над одним метафорно важным и очень вообще значимым примером у Аристотеля, указывавшего, что душа всякой сущности — ее форма и что если, к примеру, отнять у секиры душу, то она (секира) секирой не будет и, следовательно, не будет сечь, Плотин без обиняков и без предисловий берет, что называется, штангу на грудь ◑:

♦ Но ведь и сама но себе душа (форма) секиры тоже сечь не будет! ♦■

• ◐ Тайна всех изысканий и рассуждений Плотина — **офилософствование психологии**. Мышление (и как метод, и как процесс, и как результат) — основа интеллектуального проявления и существования человека. Не знать и не узнать его — значит потерять волевую опору в жизни, обездýшиться до физической предметности, опустошúться и раздавиться своим бессилием. И Плотин идет штурмом на эту крепость, которую брали философы и до него, но они «взяли» ее тем, что пока что только ее нарисовали. Это, понятно, удобно сформировало направление и цель, но не осчастливило результатом. Это как свет сигнальной ракеты ночью. Она подсвечивает и указывает, но в атаку-то идти не ей... ◑

• ◐ *«Плотинизм»* — это: (Платон) + (Платон, извлеченный из Платона) + (Платон, осмысленный в ракурсах привлеченных для этого Аристотеля и Парменида) + (Платон, желаемый Плотином, вместо Платона действительного). ◑

• ◐ Выстраивая постоянную для него, как личная визитная карточка, цепочку **Единое → Ум → Душа → Природа**, — Плотин вовсе не создает специальную систему особого вúдения этих категорий. Он отнюдь не «системщик», в кондильяковском, так сказать, понимании этого занятия. Плотин о<u>разум</u>енивает по-новому весь мир привычных обозначений, чтобы ответить на главный вопрос: почему маленькая человеческая голова постигает большой внешний мир, почему познаваемое, будучи фáктоцéнным, не является никогда до конца истинным, почему люди, увлеченно предающиеся забавам с результатами, а вернее, со следствиями, так несправедливы к «началам»? Почему не то что не помним о родстве, но вообще не хотим знать и признавать его?! ◑

• Перешагнув 60-летний рубеж, Плотин, страдавший слоновой болезнью, уединился в своем имении возле Минтурн, где умер почти совершенно, к тому же, ослепшим.

• В последние минуты своей жизни Плотин всё еще ждал одного своего любимого ученика Евстохия, который явился к Плотину очень поздно. Умирающий учитель сказал ему: «А я тебя всё еще жду», потом промолвил, что сейчас попытается слить то, что было божественного в нем, с тем, что есть божественного во Вселенной, и тут змея проскользнула под постелью, где он лежал, и исчезла в отверстии стены. А он испустил дыхание.

2. СУДЬБА

► ◐ В своих писаниях Плотин часто цитирует или аллюзирует Эмпедокла, Парменида, Аристотеля, Платона. Особенно последнего. Так что может даже сложиться — у тех, кто хорошо знает диалоги «Тимей», «Теэтет», «Федр», «Филеб», «Федон», «Пир», «Государство», — впечатление о несамостоятельности Плотина, его платонозависимости и *«платоноведóмости»*. Но пусть такая ***«платонопохожесть»*** Плотина никого не смущает. Когда дело доходит до изложения личного **принципа взглядов**, Плотин тверд и постоянен. Он непреклонен, никаких и никому реверансов. Заимствования у других ему не нужны: он

и без того переполнен **своим**. В частности, Платону, считавшему, что все объекты и состояния бытийного мира узаконивает и опекает небытийный мир идей, Плотин непримиримо возражает:

♦ Даже фантазия не может вообразить идею зла.* ◑

➨ Что касается жизни своей, то в беседах своих с учениками Плотин рассказывал вот что. Молоком кормилицы он питался до самого школьного возраста и еще в восемь лет раскрывал ей груди, чтобы пососать; но услышав однажды: «Какой гадкий мальчик!», устыдился и перестал. К философии он обратился на 28-м году жизни и был направлен к самым видным александрийским ученым, но ушел с их уроков со стыдом и печалью, как сам потом рассказывал о своих чувствах одному из друзей. Друг понял, чего ему хотелось в душе, и послал приятеля к Аммонию, у которого Плотин еще никогда не бывал и не обучался. А побывав у Аммония и послушав его, Плотин сказал другу: «Вот кого я искал!»

➨ Плотин не любил позировать живописцам и скульпторам. Это было для него столь неприятно и противно, что однажды он сказал Амелию, когда тот попросил его дать снять с себя портрет: «Разве мало тебе этого подобия, в которое одела меня природа, что ты еще хочешь сделать подобие подобия и оставить его на долгие годы, словно в нем есть на что глядеть?» Однако у Амелия был друг Картерий, известный в те времена живописец. «Нельзя напрямую, но можно в обход» — так решил для себя Амелий и попросил художника почаще бывать на занятиях Плотина. Здесь не было проблемы, поскольку такое посещение дозволялось всякому желающему. Мастеру кисти, сверстнику Амелия, оставалось только не пропускать занятий, всматриваться в учителя и запоминать всё самое выразительное, что он видел. Прошло время, и дело удалось. По образу, оставшемуся у него в памяти, Картерий написал изображение Плотина, а сам Амелий внес в него последние поправки для сходства.

➨ Есть еще и такая история. Амелий был человеком богобоязненным. Всякое новолуние и всякий праздний день он ходил по всем храмам. Однажды он то же самое предложил сделать и Плотину. На что будто бы сразу же последовал прямо-таки «исторический» ответ: «Пусть боги ко мне приходят, а не я к ним!»

Мало того, что эти слова очень надменны, так и неясно, что Плотин хотел таким образом сказать. И Амелий не отважился спросить, видимо, сильно смущенный услышанным.

➨ Порфирий как-то взялся писать возражение Плотину, стараясь показать, будто и вне ума существует умопостигаемое. Плотин попросил Амелия прочесть ему это возражение и, выслушав, улыбнулся и сказал: «Ну что же, Амелий, придется тебе разъяснять Порфирию его недоумения, возникшие от незнания наших мнений!» Амелий написал тогда увесистую книгу «О недоумениях Порфирия». Порфирий сочинил на нее возражение. Амелий и на него ответил. И вот тогда-то, с третьего лишь раза, Порфирий понемногу понял сказанное, оформил усвоенное в виде ре-

---

* И еще: «Платон прав, говоря об идеях бытия, но он упустил сказать, что все идеи находятся в уме Божества».

ферата и прочитал его при всех на занятии. С тех пор Плотин стал доверять Порфирию свои книги и, со слов того же Порфирия, якобы и сам возымел желание излагать свои воззрения более адаптированно, систематичнее, яснее. В этой истории удивительно еще и то, что у Амелия с тех пор появилась охотка писать книги.

► **Порфирий:**

«Плотин всегда был готов благожелательно выслушать возражения, поскольку в споре ему не было равных. Однажды я три дня донимал его вопросами о том, как душа связана с телом, и он мне терпеливо всё разъяснял; как раз посреди нашего разговора вошел еще один ученик Тавмасий, более интересовавшийся не рассуждениями на частные темы, но системой воззрения в целом, и хотел послушать теорию Плотина, дабы затем ее записать, однако не смог вынести бесконечных моих вопросов и ответов. Плотин же сказал: "Пока я не решу всех сомнений Порфирия, ничего для твоего трактата, Тавмасий, я сказать не смогу!"»

► С большим уважением к Плотину относились римский император Галлиен и его жена Салонина. Такая дружеская атмосфера показалась Плотину благоприятной для одного доброго, с его точки зрения, дела. В Кампании когда-то давно был город философов, впоследствии разрушенный. Плотин попросил Галлиена восстановить этот город, присовокупить к нему окрестную землю и основать там государство, в котором бы жизнь велась по законам Платона. В городе с названием Платонополь Плотин и сам обещал поселиться, перенеся туда свою школу. Это его желание вполне могло исполниться, и дело, кажется, к тому и шло. Но, как всегда, и в этот союз двух вмешалась третья сила. Императорские советники отговорили властелина от исполнения затеи. То ли из зависти, то ли из мести, то ли из каких-то других недобрых побуждений. Кто знает?..

► Сочинения Плотина были вновь открыты Европой в эпоху Возрождения; появившись сперва по-латыни в переводах Марсилио Фичино (Флоренция, 1492), они впервые изданы по-гречески и на латыни в Базеле в 1580 году.

► **Лев Шестов** /(1866 – 1938), русский философ/:

«Плотина нельзя изучать, он хочет, чтобы его «угадывали». То есть чтобы мы не повторяли за ним то, что он сказал, так же, как он сам избегал, даже боялся повторять то, что он раз уже сказал. Или вернее, он повторял только то, что, по его мнению, не относилось к «самому главному», то, что, стало быть, и в самом деле годится для будничного употребления, на каждый день. То же, что нужно для праздников, — иногда, очень редко — вложить в форму нашей истины не то что невозможно, а нельзя, ибо это значило бы убить истину. Отсюда все трудности понимания Плотина».

► **Георг Гегель:**

«В отдельности можно привести из сочинений Плотина много прекрасного. Однако, так как в его произведениях известные основные мысли повторяются бесконечно часто, то чтение их имеет в себе нечто утомительное».

А. Ф. Лосев:

«Следует отметить, что Плотин отвергает идею всякого сознательного творения по заранее имеющемуся плану. Творение мира — это внезапное появление Ума. Только несовершенный творец думает о том, что́ и как он должен делать. Отсюда по аналогии следует, что философ, который только «думает», будет весьма плохим философом. Мысль — это несовершенство разума».

3. УЧЕНИЕ

♦ Так как Отец выше Сына, и если Афродита прекрасна, то как же прекрасен должен быть Дух?

♦ Пока сияет светом жизни и красоты мир эйдосов, до тех пор не может погибнуть и происходящий из него чувственный мир; последний может и должен существовать столько же, сколько и первый; но первый как всегда был, так всегда и будет — если только этими словами может быть выражена истинная сущность дела.

♦ Одно явление, возникая из другого, закономерно имеет отличную от первого природу.

♦ Всё сложное менее совершенно, чем простое.

♦ Противоположности познаются одним и тем же знанием. Поскольку же зло противоположно Благу, то, познавая Благо, мы будем также познавать и зло.

♦ Что же такое философия? Она са́мое ценное.

♦ **Диалектика...** Конечно, ум дает ей очевидные начала. Она есть самое чистое в уме и мышлении; она наиболее ценная из всех наших способностей. Диалектика — ценнейшая часть философии. Материя диалектики — сущее; каждой вещи она дает ◐ *ло́госное* ◑ определение и говорит обо всём, что есть в мире, на основании знания, а не мнения; ее путь всегда лежит к Первоединому.

♦ **Благо...** К нему стремится всякая душа. Оно желанно, к нему чувствуется тяготение. Достигает его тот, кто восходит вверх. Кто его увидел, тот восхищается им, как прекрасным, бывает преисполнен изумления, испытывает болезненное потрясение, любит истинной любовью, со страстным пылом, смеется над всякой другой любовью и презирает то, что прежде считал прекрасным.

Всё, идущее от Блага, прекрасно; само же оно — выше прекрасного, выше даже высочайшего — царственно содержит в себе весь умопостигаемый мир, являющийся уже областью умного Духа.

♦ **Что надлежит?..** Каждому следует заменить телесное зрение и пробудить зрение духовное. Оно е́сть у всех, но вот пользуются им немногие. Но будучи только что пробуждённым, оно, это внутреннее зрение, не вполне может смотреть на блещущие истинной красотой предметы. А потому сама душа должна вначале приучиться взирать на прекрасные занятия, затем на прекрасные дела — не те, которые порождаются искусствами, но те, которые делаются так называемыми хорошими людьми, а затем уже взирать на души тех, кто совершает прекрасные дела. Но как можно узреть красоту хорошей души? Обратись к самому себе и посмотри.

Если же не увидишь красоты в самом себе, то поступай подобно

скульптору, творящему прекрасную статую: одно он отсекает, другое полирует; одно сглаживает, другое подчищает — пока не добьется своего. Так и ты — удали лишнее! Выпрями то, что криво, очистив темное, сделай его сияющим; и не прекращай обрабатывать свою статую, пока не заблистает перед тобой богоподобная сияющая красота добродетели, пока не узришь мудрость, восседающую в священном чистом величии.

♦ В качестве первого начала надо полагать Красоту. Она тождественна с Благом. От Красоты (Блага) исходит Ум. Через Ум нисходит Душа. Душа же оформляет всё Остальное.

♦ Единое есть высочайшее первое начало.

♦ Единое есть всё и ничто, ибо начало всего не есть всё.

♦ Единое всегда еще не есть, но будет.

♦ В Едином нет разнообразия.

♦ Единое неподвижно, но изливается.

♦ Что же такое Единое? Потенция всех вещей. Если бы ее не было, то и всё не существовало бы, не существовал бы и Ум, первая и всеобъемлющая жизнь. А то, что находится выше жизни, есть причина жизни. В самом деле, не активность жизни, которая есть всё, есть первая жизнь, а сама она как бы истекает, словно из источника:

/■■ **О Едином:**

Представь себе источник, у которого уже нет другого начала и который излился во все реки, но при этом не разошелся в них, а спокойно пребывает в полной целости; и точно так же представь, что реки, истекшие из него, еще не устремились в разные места и находятся все вместе, но каждая уже знает, куда она направит свои струи. Или вообще жизнь огромного растения, которая распространилась по нему повсеместно, тогда как источник её пребывает на месте и не рассеялся повсюду, прочно оставаясь в одном корне. Именно он дал растению всю его обильную жизнь, но сам остался как и был, не имея этой обильной жизни в себе, но являясь ее первоначалом. ■

◐ Конечно, Единое не выдумано Плотином. Это то, что действительно есть и имеет место быть в реальности. Причем оно столь очевидно, что на него указывает всё: от маленького продолговатого зернышка, из которого, если бросить его в землю, прорастают множеством ветви, листья, соцветия и плоды, до тучи на небе, одной и цельной, но проливающейся почему-то тысячами струй дождя и осыпающейся, если дело происходит зимой, мириадами снежинок.

Философская работа ума здесь совсем не сложна, хотя она вполне и принципиально оригинальна, — надо только аналогизировать схваченное поиском мысли (ищущей основания мира) *найденное* и распространить его (в качестве общей подложки) на всю вязь познания. ◑/

♦ Единое есть не сущее, а родитель его, и это как бы первое рождение, ибо, будучи принципиально совершенным (так как ничего не ищет, ничего не имеет и ни в чем не нуждается), оно как бы перелилось через край и, наполненное самим собою, создало другое.

♦ Единое актом рождения создаёт другое из себя — сущее, наполненное собой. Образ тому — переливание через край.

♦ Единое, обращенное к себе и на себя, — Ум. Умом Единое лицезрит себя.

♦ Ум прекрасен, даже прекраснейшее из всего.

♦ Ум возникает из того, что ему предшествует, и это предшествующее — неизменно.

♦ Подобно тому как воззревший на небо и увидевший свет звезд размышляет об их творце и ищет его, так подобает, чтобы и тот, кто увидел умопостигаемый мир и изумился, узрев, искал его творца, того, кто есть основавший его, искал, где и как тот породил такого сына, как Ум, прекрасного о́трока, от него происшедшего о́трока.

♦ Душа есть активность сущности.

♦ Ставшее Умом Единое создаёт (читай: переливается) в Душу, которая, взирая на то, из чего она возникла, наполняется и вытекает в иное, порождая в нем, ином, образ самой себя — ощущение и растительную душу.

♦ Когда отрезают отростки или верхушки веток растения, куда, спрашивается, уходит находящаяся в них его (растения) душа? Конечно, туда, откуда она пришла, так как она пространственно не отделена от него. Следовательно, она едина с началом.

/◐ Это одно из сложнейших мест у Плотина, и подобрать близкий образ к данному рассуждению, похоже, не просто. Надо, чтобы был подходящий квадранал. Но вот такое, пожалуй, подойдет: представим себе светящийся луч, упирающийся в некую из зеркальных точек-островков состоящую сферу. Начав гасить темной краской зеркала, мы не отсекаем световые струи луча, а, напротив, возвращаем им их растёкшуюся было по сфере энергию.

Не всякое сравнение способно проиллюстрировать потаённые истоки мысли Плотину. Скажем, совсем не уместен был бы пример с ртутью. Пролитая ртуть разбегается шариками или каплями, отделяющимися всё более и более от места пролития и друг от друга по мере отдаления.

Годится как подсказка уподобление с мешком. Высыпая из полного мешка его наполнение, мы увеличиваем сущность мешка, но делаем это не прибавлением, а через восстановление, через распрямление придавленного, через отпускание зажатого и т. д. ◑/

♦ Единое продвигается (эманирует) от первого к последнему, причем это движение таково, что все его участники остаются каждый на своем месте. И еще: цепочка порождений ухудшается от начала, однако все звенья такого нисхождения тем не менее тождественны тому, за чем они следуют.

∇ ◐ Здесь, видимо, мог бы быть уместен образ огня: он поджигает, выливаясь из себя, но не изливаясь и не теряя себя. Он стоит, но им вызванный пожар может двигаться. Все последующие огни огня теряют первоначальную, так сказать, «породистость», но сила огня не теряется: на краю цепочки она столь же жа́рка, как и в начале. ◑

♦ Существует как бы вытянутая в длину жизнь; каждая из следующих по порядку частей иная, но всё есть нечто непрерывное, и одно отлично от другого, но предшествующее не уничтожается в последующем.

♦ Как всегда остается свет, пока есть солнце, так и производные от Единого несут в себе печать его вечности. Как бы ни удалялись истечения Единого от Единого, они не смогут отделиться от него, как свет солнца всегда соединим с самим солнцем на любом от того расстоянии.
♦ Жизнь Здесь — и без Бога — есть лишь след, отображающий ту жизнь. В безмолвном соприкосновении с «Тем», душа, обращенная к Единому, порождает (поскольку То есть активность Ума) активностью, воспринятой Там, богов, красоту, справедливость, добродетель. Этим бременеет душа, наполненная Богом, и это для нее начало и конец. Начало — потому что она Оттуда, и конец — потому что Благо находится Там. И когда она Туда прибывает, она становится тем, чем она, собственно, и была. А то, что она есть здесь и среди этого мира, это есть для нее падение, изгнание и потеря крыльев.
♦ Душа есть нечто отличное от Бога, и в то же время от него происходит. Неудивительно, что она по необходимости любит его. Зная хороначальника истинной жизни, душа стремится к соединению и восприятию с истинным предметом любви.
♦ Наш прекрасный мир есть лишь тень и отражение Ума.
♦ Если кто-нибудь спросит природу, ради чего она творит, то ее ответ будет такой: «Я произошла оттого, что более высокие смыслы созерцали самих себя».
♦ Творить какое-либо бытие — значит творить форму, а это значит наполнить всё созерцаниями. Хотя созерцание, осуществляемое природой, более смутно, чем созерцание, производимое на высшем, чем природа, уровне.
♦ Всякое уничтожение, вообще, является существованием, ибо уничтожается всегда нечто сложное.
♦ Можем ли мы говорить о возникновении эйдосов (εἶδος — *греч.* «вид»; у Плотина — матрица, архетип, ◐ как бы высшего ранга *выкройка* для тел ◑)? Да, поскольку каждый из них имеет свое начало. Но так как это начало не лежит во времени, а эйдосы ◐ *лóгосно* ◑ возникают в недрах Духа, то эйдосы нужно признать вечными.
♦ Наше мышление основывается на логических умозаключениях и действует с помощью последовательных рассуждений, так что и сущее оно познаёт посредством последовательных умозаключений, и хотя оно изначально содержит в себе сущее, но всё же остается пустым до тех пор, пока его не изучит.

Дух же — совсем иной природы: он содержит всё и он есть всё, однако, будучи слит со всем, он остается самим собой и содержит всё, не содержа. Он не есть нечто иное по отношению к тому, что он содержит; и всё, что в нем есть, не существует по отдельности, ибо каждая его часть есть в то же время и целое, и всё содержится во всём; однако эти части и не смешаны, но все они различны, поскольку всякая вещь, причастная Духу, участвует в нем настолько, насколько она сама на это способна.

Дух — первая энергия Блага и первая его сущность; Благо пребывает недвижимо в самом себе, Дух же действует и как бы живет вокруг Блага.

Душа, в свою очередь, находится вокруг Духа, как бы обтекая его, и, всматриваясь в Дух, в глубинах его прозревает Благо.

Такова бесстрастная и блаженная жизнь богов; зла там вовсе нет, а если бы оно там и оказалось, то уже не было бы злом, но Благом, ибо вокруг Царя всего всё есть Благо — первое, второе и третье Благо. Он — причина всех прекрасных вещей, и всё принадлежит Ему; и на втором месте от Него — второе Благо, а на третьем — третье.

Итак, если такова природа истинно-сущего и того, что следует за истинно-сущим, то зло не может находиться ни в том, ни в другом, ибо они благи.

Таким образом, если зло и существует, то существует оно лишь в царстве небытия, как некий вид не-сущего существует в чем-то, смешанном с небытием, или в той или иной степени причастном небытию.

♦ **Под не-сущим** мы, конечно, понимаем не то, что вообще не существует, но только нечто иное, нежели существующее; притом оно не есть сущее не так, как движение и покой сущего не суть само сущее, но как подобие сущего, или, пожалуй, нечто даже в еще большей степени не-сущее, нежели подобие.

Таковыми являются все чувственные вещи и все их состояния, таковы, далее, все случайные свойства чувственных вещей; таково начало чувственного мира или же то нечто, что привходит в него, проявляя его суть.

♦ Но что же это — абсолютное зло?

Это субстанция, лежащая ниже всех образов, видов и форм, мер и пределов, не имеющая в себе ничего благого, но лишь получающая порядок и вид извне, относящаяся к сущим вещам, как жалкое подобие к прообразу, она-то и есть сущность зла — если только у зла может быть вообще какая-нибудь сущность. И вот эту-то субстанцию, известную под словом «материя», отыскивает наш разум и указывает на нее, как на первое зло, зло само но себе.

♦ Если же кто-то считает, что зло может исчезнуть, то тому мне придется возразить, что это невозможно, ибо зло существует по необходимости — необходимо должно быть нечто, противоположное Благу.

/■■ Если Благо — это бытие, или даже более того, оно выше всякого бытия, то каким образом может быть нечто, что ему противоположно?

Очевидно, что среди отдельных сущностей нет ничего, что было бы противоположно любой другой отдельной сущности, но для сущности в целом, для универсума это не доказано.

Так вот, что же будет противоположно бытию в целом и первым сущностям как таковым?

Бытию в целом может быть противоположно только небытие, а природе Блага — природа и начало зла. ■/

♦ Но почему существование Блага необходимо предполагает и существование зла? Не потому ли, что во Вселенной должна быть материя? Да, ибо Вселенная необходимо содержит в себе противоположности и ее не могло бы быть, если бы не было материи. Природа этого космоса, таким образом, есть смешанная природа; она есть «смесь Духа и необходимости», и всё, что пришло в него от Бога, — Благо, зло же — «от древней природы», выражение, имеющее в виду подлежащую, еще не упорядоченную эйдосом материю.

♦ Как нам понять выражение «смертная природа»? Ответ на это содержится в следующей фразе (ее произносит Отец богов, обращаясь к божествам низших сфер): «Поскольку вы созданы мною, вы не бессмертны, однако вы никогда не будете разрушены». А если так, то, пожалуй, правильно будет утверждать, что и зло никогда не погибнет.

♦ Но как нам бежать от материи? «Полёт отсюда», о котором мы читаем у Платона, это не перемена места, но приобщение к добродетелям и отмежевание от тела; ибо тот, кто привязан к телу, тот привязан также и к материи. Платон разъясняет, как можно стать свободным и что значит отмежеваться от тела: нужно «быть с богами», т. е. с умопостигаемыми сущностями, ибо они бессмертны.

♦ Форма, заключенная в материю, производит зло не сама по себе, отдельно от материи: известно, что образ секиры не разрубит без помощи железа. В самом деле, эйдосы, заключенные в материю, не тождественны тем, какими они были сами по себе: они уже суть материализовавшаяся Душа, они испорчены материей и смешаны с ее природой. Ведь сущность огня не жжет, да и любой другой эйдос не производит сам по себе того, что он делает, проявляясь в материи.

♦ Материя становится хозяйкой всего, что попадает в нее; она портит его и разрушает, вкладывая в него свою собственную противоположную природу; противоположную не в том смысле, что к горячему она привносит холодное, но к виду горячего она привносит свою безвидность, и ко всякой форме — свою бесформенность, и избыток и недостаток свой — к соразмерному.

♦ Материя есть совершенная непричастность, лишенность и полное отсутствие Блага.

♦ Материя уподобляет себе всё, что с ней соприкоснулось.

♦ Существование материи носит неопределенный характер, и она недоступна для наших чувств. Материя бестелесна, ведь она — иное тел; материя безжизненна, ведь она не ум, не душа и не живое само по себе существо; материя лишена вида, постоянства, предела, творческой силы; поэтому она и не сущее, а вообще — не-сущее; и не потенциально сущее, как движение, а поистине не-сущее; она подобие и призрак тяжести, так как она то, что первично в тяжести, и то, что лишено творческой мощи, и что стремится к субстанции, и что покоится не в покое; но она — призрачная противоположность в себе самой: она мала и велика; и меньше, и больше; и в недостатке, и в избытке; вечно становящееся и никогда не пребывающее, но и неспособное к перемещению; она, таким образом, недостаток всего существующего. За что себя ни выдаст — солжёт, оказавшись другим. Вообрази ее великой — она мала; ведь она, словно забава, обращенная на ничто. Она — бегство, но не в каком-то месте, а поскольку она покидает сущее. Поэтому отражения в материи являются отражением в наихудшем отражении. Так в зеркале: предметы помещены с одной стороны, а их призрачные отражения — с другой. Представляясь наполненной, не имея ничего, она кажется всем.

♦ Материя — это то, в чем уже нет никакой формы; и если кто решает созерцать материю и потому исключает всяческую форму, то он тем самым как бы впускает бесформенность в себя.

А потому и дух, который отваживается взглянуть на то, на что глядеть ему не подобает, есть уже не истинный дух.

Так бывает, когда глаз, дабы узреть тьму, отвращается от света: при свете тьма была для него невидима, но и без света он ничего не может видеть; единственно, что он может без света, — это не-видеть и вот это-то *не-виденье* и оказывается для него ви́дением тьмы. Так же и дух, чтобы созерцать чуждую ему материю, должен выйти за пределы самого себя, отринув свой внутренний свет, подавить свою истинную сущность и, отвратившись от всего светлого, увидеть то, что ему противоположно.

♦ Разрушение материи невозможно, ибо о нем нельзя составить себе понятия, во что и каким образом она разлагается.

♦ Есть материя, и есть душа, и место у них как бы одно. Действительно, нет отдельного места для материи и отдельного — для души, например, для материи — на земле, а для души — в воздухе: для души быть в «отдельном месте» означает просто не быть в материи, не соединиться с ней, не составить с ней нечто одно, не раствориться в материи.

У души много измерений: она имеет начало, середину и конец. Материя же, находясь рядом, как бы попрошайничает (*Платон*. «Пир») и изводит душу надоедливыми жалобами: она хочет проникнуть внутрь души; но вся область души священна (цитата из трагедии Софокла «Эдип в Колоне»), в ней нет ничего, что не было бы причастно Душе. Материя же, простершись под нею, озаряется ее светом, но не может достигнуть самого источника света, поскольку Душа не допускает к себе столь чуждую вещь, тем более что зло делает ее невидимой. Но зато она сумела омрачить лучи, озаряющие ее, затемнить свет, струящийся из Души; смешавшись с этим светом, материя привнесла в него свою немощь; поселив в душах становление, она дала им повод обратиться к ней, что было бы невозможным, не будь она всегда рядом, как бы под рукой.

Вот здесь и начинается падение Души: она спускается в материю и ослабевает, поскольку многие из ее сил и способностей завязают в ней, как в тине, и теряют способность действовать; и вот материя уже занимает место, принадлежавшее Душе, и заставляет Душу как бы сжиматься, а то, что она украла у Души, она делает злым; и так до тех пор, пока Душа не найдет в себе силы восстановить свои права.

Таким образом, именно материя — причина немощи Души и ее зла.

Зло материи — источник немощи и порока, она — первое зло. И если Душа бывает восприимчива к материи, если она, соединяясь с материей, становится злой, то это лишь потому, что рядом с ней, в течение всей ее земной жизни, всегда находится материя.

♦ Откуда взялась материя, что породило ее? Возможно, что материя нашего мира является прямой противоположностью материи, существующей в мире умопостигаемом. Ведь разве можно говорить о мире, не принимая в расчет его эйдоса? Однако материя в ноуменальном мире никогда не бывает бесформенной.

♦ Что же касается материи в умопостигаемом мире, то она относится к категории бытия, ибо то, что стоит выше ее, само выходит за пределы бытия. Но в чувственном мире то, что предшествует материи, уже́ само

принадлежит к категории бытия. И поэтому здесь материя, как нечто не-сущее, является инобытием по отношению к красоте бытия.

♦ Теперь еще вопрос: сохраняет ли материя характер злого начала даже после того, как она становится причастной добру?

Несомненно, и это потому, что материя нуждается в добре, так как она по своей природе чужда ему. Ибо всё, что, с одной стороны, обладает некоторыми данными, с другой же — нуждается во многом, занимает в некотором смысле среднее положение между добром и злом, так как оно причастно и к тому, и к другому. Но то, что не обладает решительно ничем, что прозябает в нужде или, вернее, есть само воплощенная нужда, то неизбежно относится к категории зла. Ибо здесь мы имеем не только недостаток богатства или отсутствие силы, — здесь не хватает всего: духа, разума, добродетели, красоты, образа, формы, качества. Как при таких условиях материя может не быть крайним злом, безобразием, мерзостью?

♦ **Разделительный силлогизм Плотина:**

Первичные элементы должны состоять **или** из чистой формы, **или** из чистой материи, **или** же, наконец, из соединения того и другого.

Они не могут быть чистой формой, ибо откуда получат они без материи меру и величину? Они не могут быть также и первичной материей, ибо, как мы знаем, они подвержены уничтожению.

Следовательно, они состоят из материи и формы.

♦ Каждое тело делимо по всем направлениям. Так что атомы, как таковые, вообще не существуют.

♦ Благо и **начально** и прекрасно. Оно — место всех идей (эйдосов).

/ Эйдосы, которые есть не что иное, как «смысловые изваяния сущности» (формулировка А. Ф. Лосева), ◐ следует понимать как универсумно первичные определители всего того, что есть в мире: это своеобразные лекала — образцы (первоо́бразы) для всего того, чему надлежит быть предметно я́вленным. ◑ /

V ◐ Правда, и в этом непреходящая философская заслуга Плотина, поставившего проблему и отважившегося отвечать на нее, возникает вопрос: а есть ли идея (эйдос), т. е. форму́ющая ма́трица, для низменных и порочных явлений? И каковы идеи тех объектов, которые перестают существовать и навсегда уходят в прошлое? Их идеи что, тоже навсегда исчезают?!

Вопрос очевидно многосмысловой, подоплёково-ка́верзный и, несомненно, стреляет в широкоплечего ученика Сократа*. Однако, будем откровенны, эта стрельба более шумова́я, нежели в цель. И Платон не терпит от этого никакого убытка в изначальной содержательности своей теории: как учитель передает свои знания независимо от

---

* Имеется в виду Платон. — *Ред.*

того, что станет с его тем или иным учеником — сядет ли он в тюрьму с запятнанной репутацией или уйдет из жизни (добровольно либо убитый), так и идея формирует собой другое, не убывая от этих трудов, не пачкаясь ими и не теряя ничего в своем престиже. Идея мусора не мусорна, как, к примеру, римское государство, давшее римское гражданство кому-то, не станет больным, если тот вдруг заболеет, и не аннигилирует, если он по какой-то причине умрет. ◑

♦ Ум — потенциальная совокупность всех идей, **очаг** всех сущностей.

♦ Идеи начинают **существовать**, когда Ум начинает мыслить для себя свое содержание (содержимое), ◐ обу́мливается ◑.

♦ В Душе, в отличие от Ума, все идеи уже не совокупно вместе, а разделённо (раздробленно) вместе.

♦ Ум видит поле своего смысла сразу (◐ как человек видит город *сразу*, всеохватно и цельно, глядя на него сверху с самолета, дирижабля, воздушного шара ◑). Душа же познаёт объекты попеременным, последовательным ознакомлением с ними (◐ как путешественник узнаёт местность, обходя ее пядь за пядью вдоль и поперек ◑).

♦ Объекты постижения Души — предметы умопостигаемого мира, т. е. находятся в Уме. Следовательно, обращаясь к ним, Душа должна выходить из себя и тем не менее продолжать быть в себе, ибо она постигает постигаемое не тем, что из нее выходит, а тем, что постоянно остается.

∇ ◐ Мысль Плотина совсем не покажется замысловатой, если представить себе переносной радиоприёмник с выдвижной телескопической антенной. Чтобы «поймать» станцию, надо выдвинуть антенну. Но хотя волну *ловим* мы ею, принимаем мы радиосигнал всё же приёмником ◑.

♦ Уму не нужно время, он пребывает в вечности. Душа же невозможна вне времени.

♦ Мышление насквозь энергийно, ибо осуществляется движением. Сущее мышления есть для него сущность, ибо Ум, мысля себя, является умом Ума. Фрагменты умозрения не являются частями ума, как море, если бы воспринимало себя, делало бы это покапельно, но не каплевидно.

/ ◐ Мы ведь в кинотеатре тоже видим фильм пока́дрово (24 кадра в секунду), но не кадрикацио́нно. С экрана телевизора мы считываем изображение построчно, но схватываем его узрением (не смотрением, смотрение видит строчки!) — не строкацио́нно: для нас «картинка» на экране *целостна*, а не рядко́ва и то́чечна. ◑ /

♦ Если мир чувственных вещей, как он есть перед нами, прекрасен, хотя для признания его таковым иные требуют строгого доказательства, которое трудно, если не невозможно, то уже прежде всякого исследования, без всякого доказательства следует признать, что мир сверхчувственный, как он есть, во всей целости своей прекрасен.

♦ Все вещи, существующие во времени, как произведения искусства, так и произведения природы, творит некая мудрость. Все искусства предполагают, что кто-то обладает этой мудростью, а иначе их не было бы совсем. Сам художник вникает, всматривается в ту мудрость, которая присуща природе и, сообразуясь с ней, уже творит. А между тем эта, присущая природе, мудрость вовсе не слагается постепенно из теорем или доказа-

тельств, но сразу есть как единое целое, она не из множества слагается в единство, но, напротив, свое единство раскрывает во множестве.

Если согласиться, что эта мудрость есть самая первая, тогда довольно и ее одной, как такой, которая не происходит ни от какого другого начала и не содержится в нем. Но если признать, что природа обладает разумом и сама служит началом разума, тогда, спрашивается, откуда она имеет разум? Если ответить, что — от высшего начала, тогда и об этом высшем можно спросить, откуда оно само, и так далее до такого начала, которое, наконец, будет признано не имеющим над собою никакого другого высшего. Только на таком начале может остановиться и успокоиться наша мысль.

♦ Когда мы восходим мыслью даже до Духа, то и тут возникает вопрос, есть ли он производящее начало мудрости, и если да, то почему и как это возможно? Ведь если он производит мудрость, производит сам собою и из себя, то это возможно лишь в том предположении, что он и есть сама мудрость. Выходит, что истинная мудрость должна быть субстанцией, как и наоборот, истинная субстанция должна быть мудростью, что с истинной мудростью нераздельна ее субстанциальность, а с истинной субстанциальностью нераздельна ее мудрость. А потому те существа, которые не представляют собой такой субстанциальной мудрости, суть тоже субстанции, насколько выражают некую произведшую их мудрость, но не суть субстанции в строгом, истинном смысле слова, потому что мудрость эта не в них имеет свое начало.

♦ Не следует представлять себе, что боги, вообще блаженные обитатели сверхчувственного мира, заняты там какими-нибудь аксиомами, теоремами, доказательствами: там вся совокупность мыслимых нами и словесно обозначаемых вещей является как бы совокупностью прекрасных образов подобно тому, как мы представляем себе образы вещей, находящихся в душе мудреца, но не таких образов, которые представляли бы собой списанные с чего-нибудь другого картинки, а таких, которые суть истинно-сущие вещи. На основании этого уже древние признавали идеи за истинно-сущее, за сущности, субстанции.

♦ Нам кажется, что мудрецы Египта руководствовались или совершенным знанием, или неким природным чутьем, когда, желая дать верное выражение своим представлениям о вещах, не прибегали к буквам, которые входят в состав слов и предложений и указывают на те голосовые звуки, посредством которых те и другие выговариваются, но вместо этого делали как бы статуи, рисунки вещей — чертили иероглифы и имели в святилищах для каждого предмета особый иероглиф, особую символическую эмблему, которая выражала его смысл и значение.

Каждый такой иероглиф уже и сам по себе может быть принимаем за образчик знания и мудрости египетских жрецов, но знание и мудрость особого рода, так как тут предмет предстаёт созерцанию сразу в целостном синтезе всех своих очертаний, не требуя для своего представления ни размышления, ни усилия воли. Каждый такой эмблематический образ потом раскрывался в целом ряде других эмблем и разных символических знаков, имевших целью обозначить все частные моменты его смысла и значения, и тут уже рефлексия, выискивая причины того, а не иного

расположения элементов этого образа, приводит к невольному восхищению глубиной замысла и красотой его исполнения.

♦ Так как мы сразу признаём, что вся Вселенная, какой мы ее наблюдаем, произошла от иного, высшего начала, то спрашивается, обдумывал ли Создатель ее план прежде создания, рассчитывал ли, что прежде всего нужно образовать земной шар и поместить его посреди мира, затем произвести воды и разлить их по земной поверхности и уже потом создать постепенно всё, что занимает пространство от земли до неба? Приступил ли Он к созданию живых существ лишь после предварительного обдумывания, какие формы дать каждому их роду и виду, какими внутренними и какими внешними органами их снабдить? Начертал ли Он предварительно план мироздания в целом и в частях и уже после этого приступил к созданию?

Нет, такое предваряющее размышление, с одной стороны, невозможно, поскольку как мог бы Он обдумывать то, чего еще не видел, чего еще нет, а, с другой, и неуместно, ибо если бы Он творил, взирая на нечто другое, пользуясь другим, то это было бы похоже на то, как творят художники, пользуясь руками и разными инструментами, а это немыслимо в применении к Нему, потому что и руки, и ноги, и всё такое прочее есть нечто по сравнению с Ним позднейшее.

♦ Мы можем, конечно, задаваться вопросами о том, почему земля помещена в центре мира, почему она имеет форму шара, почему и для чего экватор наклонен к эклиптике и т. п., но из этого вовсе нельзя заключить, что и в Духе было и есть нечто похожее на эти наши соображения, что он сперва взвесил, что́, как и почему должно всё быть, и уже потом решил всё так и устроить. Напротив, если всё в мире прекрасно устроено, то это единственно только потому, что Дух таков, каков есть, что природа его такая, а не иная.

Творчество высочайшего Духа можно сравнить с умозаключением, но с таким, в котором заключение, вывод, дается сразу безо всяких посылок, показывающих его основания или предшествующие условия; тут нет ничего выведенного, никакого предварительного обдумывания и последовательно развитого плана, но всё готово сразу, прежде всякого обдумывания, потому что обдумывание, рассуждение, доказательство — всё это суть вещи уже позднейшие и низшего порядка. Единственно только потому, что Дух есть начало всего, имеющего такую, а не иную природу, он определяет к существованию весь этот состав и порядок вещей, каким мы его видим.

Поэтому следует считать истинным правило, говорящее, что началу нечего искать причин.

♦ Как из Единого образуется множество?

Ответ: Единое *везде*. Поскольку нет нигде ни одной точки, где бы его не было. Оно, значит, всё наполняет. Этим, стало быть, и дано уже множественное или, лучше сказать, дано уже *всё*. В самом деле, если только оно везде существует, то оно и было этим всем. Однако поскольку оно еще, кроме того, и *нигде* не существует, то, с одной стороны, получается то, что *возникает* всё через него, так как оно везде, а с другой — возникает всё через него как различное с ним, поскольку само оно — нигде. Но почему же оно не только везде, но опять, сверх того, еще и нигде?

Это потому, что Единое должно быть по смыслу раньше всего. Оно должно всё наполнять и всё создавать и не быть всем тем, что создает.

♦ Движется ли *к прекрасному* каждая отдельная вещь? Причем в силу естественной необходимости и последовательности и именно так, как только она может? Отнюдь! Всё это созидает властвующий разум (logos). Именно так он хочет. А так называемое злое создаёт он с умыслом, так как не желает, чтобы всё без исключения было хорошим, подобно тому как и художник не делает в изображаемом живом существе всё только глазами. Так же и разум не сделал всё богами, но одно — богами, другое — демонами, иное — природой, затем — людьми и — последовательно — животными, не в силу зависти, но в силу умысла, обладающего умным разнообразием. Мы же уподобляемся людям, которые, будучи несведущими в искусстве живописи, обвиняют художников в том, что они не везде употребляют одинаково прекрасные цвета, в то время как живописец каждому месту дал то, что надо. И в городах не все равны, даже если этот город живет по хорошим законам. Точно так же кто-нибудь может порицать драму за то, что в ней не все — герои, но есть еще и рабы, и люди, говорящие грубо и дурно. Будет далеко не прекрасно, если из драмы изъять худшие характеры, так как она получает свою полноту именно от них.

♦ О сущности Единого:

Но где же тот, кто создал такую красоту и такую жизнь и кто породил сущность? Ты видишь эту красоту на всех пестрых формах. Прекрасно здесь пребывать. Но, находясь в прекрасном, необходимо и смотреть, откуда оно и откуда прекрасное. Оно не может быть *чем-нибудь одним* из этого. Что́ будет *из* этого, то́ оказывается только моментом. Однако оно не есть и подобная форма (morphē), или какая-нибудь потенция, или даже всепорождённые потенции и здесь находящиеся; необходимо, чтобы оно было выше всех потенций и выше всех форм. Оно — начало бесформенное (archē... to aneideon), не то, что нуждается в форме, но то, из чего происходит всякая интеллектуальная форма. Ведь ставшее, если оно действительно стало, должно было стать *чем-нибудь*, и оно получило свою специфическую форму. Его же никто не создал, да и кто мог бы создать? Поэтому оно и н и ч т о из сущего и в с ё сущее: ничто, потому что сущее — позже, и всё — потому, что оно — из него. Если оно может всё создать, какой оно могло бы обладать величиной? Пожалуй, бесконечной. Но если бесконечной, то оно, значит, не обладает никакой величиной. Да кроме того, величина находится только в низших предметах. Следовательно, если он создал эти последние, сам он не должен ее иметь. Кроме того, величина сушности — не количественная, и иметь величину может только нечто другое после него. Величина творящего заключается в том, чтобы ничто не было могущественнее его и не могло с ним сравняться. Действительно, с чем же из относящегося к нему могло бы что-нибудь сравняться, если оно ничего не имеет с ним тождественного? Выражение «навсегда и во всём» не дает ему ни меры, ни безмерности. Да и как он мог бы в таком случае измерять другое? Однако не есть он и фигура. И в самом деле, если ты не можешь постичь ни фигуры, ни формы того, что является предметом вожделения, оно становится, надо

полагать, вожделеннейшим и достойнейшим любви, и этот эрос — безграничен. Тут эрос уже не имеет предела, так как он не есть только еще любимое, но этот эрос здесь безграничен, так что и красота его — другого рода, красота выше красоты. И если Единое — ничто из существующего, то почему оно — красота? Но так как оно достойно любви, оно есть то, что *порождает* красоту. Поэтому, будучи потенцией всего прекрасного, оно есть цвет красоты, красоту красотворящий. Оно порождает ее и преизобилием красоты у самого себя делает ее еще прекраснее, так что оно и начало красоты и предел красоты. В качестве начала красоты оно делает прекрасным то, для чего оно является началом, и делает прекрасным не по форме, но и само возникшее здесь от него — бесформенно, и если оно в форме, то — в другом смысле. Ведь форма, которая утверждается только как это само, есть форма в другом. Потому обладает формой участвующее в красоте, но не сама красота.

♦ Вселенская жизнь схожа с игрой на сцене, когда убитый актер, переменив одеяние, появляется вновь, приняв другой облик. Но в жизни — смерть действительная. Однако если и смерть есть перемена тела, как на сцене — одеяния, или даже у кого-нибудь и оставление тела, как и там, когда актер окончательно покидает сцену после спектакля, а позднее он вновь возвращается, чтобы играть в другом спектакле, — то чтó страшного в таком превращении животных друг в друга, которое всё же много лучше того, когда они вообще не возникают более? В этом случае жизнь вообще прекратилась бы и не могло бы возникнуть жизни в ином; теперь же — разнообразная жизнь во Вселенной всё создаёт и в процессе жизни разнообразит и не перестаёт создавать миловидные живые игрушки.

♦ Поскольку всё не только проистекает из Блага, но и восходит к нему, Единое — так будет правильнее и лучше сказать — не есть, но только еще будет.

4. МЫСЛИ

- Настоящий художник восходит к логосам, так что многое является продуктом его собственного воображения, и он сообщает красоту тому, что лишено ее в природе. Так, статуя прекрасна не потому, что воспроизводит черты оригиналов, но благодаря форме, которую ей сообщило искусство, и Фидий изваял Зевса, не имея перед глазами оригинала, таким, каким он (Зевс) был бы, если бы ему явился.
- То, что живет в другом, не есть живое в себе.
- Все виды жизни суть смыслы; и всякая жизнь есть некое мышление.
- Когда мы удивляемся красоте какой-нибудь копии, то удивление наше относится всегда, собственно, к тому образцу, с которого она снята, а если кто этого не сознаёт, то в этом ничего удивительного нет, ибо и влюбленные, например, восхищающиеся видимой красотой, не сознают, что они вместе с тем восхищаются и причиной ее — красотой сверхчувственной, идеальной.
- Лучше и яснее всего мы сознаём самих себя тогда, когда переживаемое, испытываемое нами составляет одно с нами, с нашим существом. Вот почему, даже когда речь идет о мире сверхчувственном, то мы, дойдя до

познания его духом, всё-таки склонны думать, что познанием тут не обладаем. Думаем так иногда потому, что обращаемся за справками к ощущению, а ощущение отвечает, что оно ничего такого не видело и не видит; и это правда, потому что оно не видело и не увидит никогда ничего подобного. Это значит, что тот, видевший этот сверхчувственный мир, есть кто-то совсем другой, чем ощущение, и для него-то, этого другого, отрицать виденное значило бы отрицать самого себя, свое собственное существование, потому что он никоим образом не может выйти вне самого себя, чтобы видеть себя телесным взором.

- То, что имеет конкретное место, вторично, смешанно и не есть Первоначало, но от него проистекает.
- Если целое прекрасно, то и части должны быть прекрасны, ибо не может же прекрасное состоять из безобразных частей.

V ◐ Но ведь состоит же всё великое из малого, всё длинное из короткого, всё правое из имеющегося в нем левого (разве не будет большой палец левой руки правее мизинца на ней?)! В свете такого подхода неестественна и естественность и как раз вполне может быть та, что безобразного нет в прекрасном. Хотя не менее очевидно, что в этом занятном сосуществовании «естественного» и «неестественного» вполне уживаемо могут стыковаться и неуживчивые пары.

Московская журналистка Татьяна Иванова дает нам интересный пример для проработки темы. Ее рубрика «Женская логика» в журнале «Новое время» позволяет кому угодно найти что-то нужное. Одна из историй мне особенно запомнилась; а сейчас я вижу, что она будет вполне кстати. Итак, извлечение из недавнего:

«В университете был красавец-преподаватель. Ну, образец мужской красоты. Причем талант и умница. Помню стихотворение знаменитого поэта, этому красавцу посвященное. Цитировать не буду, потому что имя тогда раскроется или вычислится. Но суть стихотворения была в том, что совершенства некоторых людей с годами лишь усугубляются, время как бы на них работает, и наш красавец, безусловно, принадлежит именно к этой счастливой человеческой породе. Словом, если и не влюбиться, то не мечтать об этом человеке было просто невозможно.

И вот жаркое летнее воскресенье. Вся Москва за городом, улицы пусты. На Самотеке под мост въезжает троллейбус и останавливается у светофора. Троллейбус один — вокруг никаких машин, никаких автобусов, никаких, естественно, грузовиков. Далеко до тротуаров, по которым могут (теоретически) ходить люди, и поэтому нечего бояться, что кто-нибудь заглянет в троллейбус. И потому пассажир троллейбуса — единственный! — чувствует себя на минуту абсолютно изолированным от мира. И он понимает, что он может делать что хочет. И он ковыряет в носу. О, господа, как глубоко, как усердно, как тщательно, если бы вы могли себе вообразить! А машина, в которой сижу я и всё это вижу, подъехала сзади, тихонько, низенькая машина, я-то у самого асфальта в ней, а он-то, красавец, высоко, весь мне виден, вся напряженная с отведенным в сторону локтем рука, прекрасный глаз, скошенный на трудящийся палец.

Так-то кончаются иные мечты».

Что и говорить, такое впечатлит хоть кого, если рассказать о том, как кумир сплевывает харкóту, нюхает пот с подмышек, разглядывает зеленоватые выделения, только что высморканные в носовой платок, ковыряется в нечищенных зубах, подтирается, подмывается, издаёт интимные звуки. Всё вроде бы правда... Но почему-то от нее непроизвольно хочется сжаться в точку.

Вообще, я бы предложил понимать смысл **прекрасного** и его предназначенные место и роль как некую *возвышеную оболочку*. То есть оно — как бы упаковка мира и его частей, в облагораживающий флёр которой Бог, Единое, Мировое начало, Тот самый-пресамый прячет для себя свое же неправящееся ему свое. Ну, — ... примерно... — нечто вроде красок, дезодоранта, крышки мусорного ведра, всякого рода освежителей и накидок, благовоний, румян, помад и макияжных составов, накладных ресниц, ногтей и иных заменителей, а также исправителей дефектов тела.

Цитирую письмо, которое получил пишущий книги психиатр В. Л. Леви. Я читаю его, а перед глазами помимо воли мерцают и проносятся в череде случайного выбора силуэты и облики первых красавиц мира:

«Презираю природу и ненавижу тело. Презираю и ненавижу организм вообще и свой, в частности... Это какая-то зловещая ошибка, а может быть, просто издевательство — помещение духа в этот животный маразм, в эту слизь... Чего стоит один только мерзейший кишечник, производитель зловоннейшего в мире продукта, чего стоит один только вход в этот урчащий змеевик — рот, эта дыра, полная гнили и стрептококков. Можно еще как-то вытерпеть тело ребенка, если он уже вышел из состояния, когда купается в собственных выделениях... Но дальше, но дальше!.. Осатанелое оволосение. Ноги, благоухающие заплесневелым сыром. Тошнотворная испарина дикорастущих подмышек... Душные джунгли, окружающие совмешенный санузел, где органы, изрыгающие отбросы, функционируют в одной упряжке с органами совокупления и размножения. И это называется цветением юности!.. А дальше... А дальше распад. Прокисающие жиры, усыхающие белки, пухнущие сизые вены. Камни в почках и печени, грустный хруст одеревенелых суставов. Разлагающая работа нетерпеливой смерти, протухание заживо».

Чего здесь больше: омерзительной жути или жуткой омерзительности? Выворачивания естественности или естественности выворачивания?? Думай не думай об образе мыслей корреспондента и как бы там ни было, но после принятия такой информации ощущаешь (и устойчиво!) не что-нибудь, а именно озабоченность по поводу прекрасного. Ну, конечно, и по поводу вышеприведённого высказывания Плотина. ◑

- Что же такое прекрасное в телах? Прежде всего это нечто, чувственно воспринимаемое нами с первого взгляда.
- Каким же образом телесное согласуется с тем, что бестелесно? Каким образом, к примеру, зодчий, сопоставив внешний вид здания с его

внутренним эйдосом, говорит, что оно прекрасно? Не потому ли, что внешний вид здания, если удалить камни, и есть его внутренний эйдос, разделённый внешней косной материей, эйдос неделимый, хотя и проявляющийся во многих зданиях.

Прекрасное более высокого порядка душа видит и схватывает без помощи органов чувств, оставив чувственное восприятие пребывать внизу.

И умеренность, и мужество, и всякая добродетель, и самáя мудрость заключаются в очищении. Поэтому правильно говорится в мистериях, что, кто не очистится, тот будет пребывать в преисподней, в грязи, ибо нечистое любит грязь по самой своей порочности, как и свиньи, нечистые телом, радуются грязи. Да и в чем ином состоит истинная умеренность, как не в том, чтобы не приобщаться телесным наслаждениям, избегать их, как нечистых и свойственных нечистому? Мужество же — отсутствие страха перед смертью, ну а смерть — отделение души от тела. Не страшится этого тот, кто жаждет остаться один. Величие же души — презрение к вещам тленным. А мудрость — это мышление, отвращающееся от низменного, ведущее душу к высшему миру.

Мы едва ли ошибёмся, сказав, что душа становится безобразной в силу смешения и соединения с материей и склонности к ней. Это безобразие заключается в том, что душа бывает не чистой, не несмешанной, подобно тому как и золото становится безобразным, если покрывается землистыми частицами, но если кто-либо удалит этот налёт, то вновь ставшее чистым, обособленное от чуждых ему тел золото будет блистать красотой. Так и душа, отстранившись от вожделений, которые имеет через плоть, если слишком ей приобщается, освободившись от прочих страстей, очистившись от того, что имеет от вхождения в тело, оставшись наедине с собой, слагает с себя всё безобразие, возникающее от чуждой ей природы.

Каким же образом, с помощью какого средства, как кто-либо может созерцать неизреченную красоту, как бы остающуюся во святая святых и не выходящую наружу, дабы не узрел ее и непосвященный? Пусть тот, кто может, идет и проникает внутрь, оставив снаружи телесное зрение и не обращаясь назад к прежнему блеску и красоте тел. Ибо тому, кто взирает на прекрасное в телах, не следует гнаться за ним, но зная, что оно — образ, след и тень, стремиться к тому, образом чего оно является. Если бы кто-либо погнался, желая схватить, как истинное, за тем, что на самом деле подобно лишь отражению прекрасного образа в воде, тот испытал бы то же, что Нарцисс, который, как гласит некий миф, желая поймать свое изображение в воде, погрузившись в источник, исчез в нем. Подобным образом и тот, кто находится во власти прекрасных тел и не отстраняется от них, тот уже не телом, а душой погружается в темные и ужасные для ума бездны, и, пребывая слепым в преисподней, таким образом и здесь, и там будет обращаться среди теней.

Всякий, кто хочет созерцать божественное и прекрасное, пусть прежде сам сделается богоподобным и прекрасным.

/■■ То, что зрит, нужно обращать к созерцанию, сделав его родственным и подобным зримому. Ведь око наше никогда не увидело бы солнца, не сделавшись само солнцеподобным. ■/

- Недостаток блага означает только то, что нечто не благо; зло же — не недостаток, но полное отсутствие блага.
- Как при помощи линейки мы можем легко отличить прямую линию от кривой, так и порок различим, как отклонение от прямого пути добродетели.
- Но если человек утратил смысл своего существования?

В это трудно поверить, но коль скоро это произошло, то следует предположить, что за этим стоит влияние чужой и чуждой воли. Освобождать душу с помощью подобных лекарств — странный способ обретения смысла.

И если судьбой каждому отпущен свой срок, не нужно предвосхищать час своего ухода, если, конечно, в том нет особой необходимости.

Возможно, что в ином мире мы еще долго будем пребывать в том состоянии, в котором покинули этот, а потому не следует торопить свой исход, пока имеется хоть проблеск надежды.

- Душа не покинет вас, не захватив что-нибудь с собой.
- Всё, что «существует в возможности», является своего рода субстратом всех тех сил, форм и эйдосов, которые оно стремится воспринять и к восприятию которых оно пригодно.

Ведь ясно, что, к примеру, Сократ в возможности есть то же самое, что Сократ в действительности. Но разве можно сказать, что его знания заключались в его прежнем невежестве? Ведь он был знающим только в возможности. На это нужно ответить, что его знание носит акцидентальный характер. Ибо он является знающим в возможности не потому, что он невежествен, а невежество есть для него акцидентальный* признак, тогда как его душа, обладающая богатыми задатками, была с самого начала, как разумная, знающей и в возможности.

- Единый Бог имеет в себе совокупность всех божеств, и Бог от этого нисколько не умаляется, но все прочие от Него происходят именно потому, что все и всегда в Нём же и находятся.
- Живое животное, как бы уродливо оно ни было, прекраснее животного нарисованного, ибо живой оригинал обладает душой, а душа обладает образом Блага.
- Слезы и жалобы не являются свидетельством существования зла, так как ведь и дети плачут и жалуются на то, что не есть зло.
- Одно и то же действует на разных людей по-разному. И Елена на Идоменея** произвела совсем не то впечатление, что на Париса.

---

* **Акциде́нция** [*лат.* accidens (accidentis) случайность] — случайное, преходящее, несущественное, отделимое свойство предмета.

** **Идоменей** — в греческой мифологии царь Крита, один из женихов Елены, участник Троянской войны (был в числе других ахейских воинов, которые проникли в Трою в чреве деревянного коня — хитрость, придуманная Одиссеем).

Августин Аврелий (Блаженный)

IV – V вв.

• Римско-христианский философ-богослов, мудрец, один из «отцов церкви»

Родился: 13.11.354 г.
Умер: 28.08.430 г.

Прожил — 75 лет

> **«Что́ я понимаю, тому и верю; но не всё, чему я верю, я понимаю. Всё, что я понимаю, то и знаю, но не всё то знаю, чему верю. Поэтому, хотя многие предметы я и не могу знать, я всё же знаю, как полезно им верить».**
>
> *(Августин)*

• **«Не пользуйся моими книгами как каноническими писаниями, но если в последних отыщешь то, чему не верил, твердо верь. В моих же книгах не запоминай крепко того, что раньше не считал за достоверное, если только не поймешь, что оно достоверно».**

(Августин)

• **«Имей любовь и делай что хочешь».**

(Августин)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Тагасте* (ныне Сук-Арас в Алжире) на севере Африки, в небогатой семье члена городского совета.
• Отец его — римлянин-язычник, а мать — христианка, ее звали Моника.
• У Августина были брат и сестра.
• По настоянию отца, честолюбивые надежды которого не совпадали с пребыванием чиновника местного муниципалитета, Августин с отрочества уже готовился к карьере ритора.
• Три года обучался в риторской школе в Карфагене:

/ ♦ Я был первым в риторской школе: был полон горделивой радости и надут спесью. /

• От отца Августин унаследовал горячий темперамент и жажду яркой, полнокровной жизни.
• С 15 лет в Августине активно заговорили позывы плоти.

---

* **Тагаста** — небольшой город римской провинции Нумидия, располагалась близ границы с провинцией Африка, примерно в 60 км к югу от прибрежного города Гиппон Регий и в 220 км к юго-западу от Карфагена, центра провинции Африка (граница между провинциями Нумидия и Африка приблизительно совпадала с границей между современным Алжиром и Тунисом).

/ ♦ Я прибыл в Карфаген: кругом меня котлом кипела позорная любовь. Я еще не любил и любил любить, и в тайной нужде своей ненавидел себя за то, что еще не так нуждаюсь. Я искал, что́ бы мне полюбить, любя любовь: я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек. Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезговал.

Поэтому не было здоровья в душе моей: вся в язвах, бросилась она во внешнее, жадно стремясь почесаться, жалкая, о существа чувственные. Но если бы в них не было души, их, конечно, нельзя было бы полюбить.

Любить и быть любимым было мне сладостнее, если я мог овладеть возлюбленной. Я мутил источник дружбы грязью похоти; я туманил ее блеск адским дыханием желания. Гадкий и бесчестный, в безмерной суетности своей я жадно хотел быть изысканным и светским. Я ринулся в любовь, я жаждал ей отдаться. Боже мой милостивый, какой желчью поливал Ты мне, в благости Твоей, эту сладость. Я был любим, я тайком пробирался в тюрьму наслаждения, весело надевал на себя путы горестей, чтобы секли меня своими раскаленными железными розгами ревность, подозрения, страхи, гнев и ссоры. /

• В соответствии с программой Августин изучал Цицерона, в частности и ныне утраченный диалог «Гортензий». Красота языка и глубина содержания этого произведения Цицерона, написанного в подражание опять же не дошедшему до нас «Протрептику» Аристотеля, очаровали и покорили 19-летнего Аврелия:

/ ♦ Любовь к мудрости по-гречески называется философией; эту любовь зажег во мне «Гортензий». Я наслаждался этой книгой потому, что она увещевала меня любить не ту или другую философскую школу, а самоё мудрость, какова бы она ни была; поощряла любить ее, искать, добиваться, овладеть ею и крепко прильнуть к ней. /

• С 375 г. в течение восьми лет преподает риторику.

• В 384 г. Августин переехал в Италию и поселился у одного приятеля в Риме. Но преподавательская деятельность здесь не пошла...

/ Дело в том, что Августин, к недоумению своему, вскоре столкнулся с постыдной привычкой римских студентов обманывать своих учителей в деле оплаты уроков. Послушав лекцию какого-нибудь преподавателя, они все быстро переходили в другую аудиторию, не расплатившись с лектором. Подобные студенческие выходки ухудшили материальное положение Августина. /

• С помощью друзей Августин переезжает в Милан, где становится учителем в риторской школе.

• В Милане (Медиолане) Августин посетил знаменитого на весь Запад миланского епископа Амвросия (ок. 340 – 397) и становится его приверженным слушателем.

• В 386 г. в руки Августина попадают латинские переводы «Эннеад» неоплатоника Плотина. Неоплатонизм проник в глубины души Августина и там, в ее сокровенных тайниках, навсегда поселился.

• В июле 386 г. духовник Амвросия Симплициан (роль этого человека в духовном становлении Августина огромна) дает Августину Послания апостола Павла. Это чтение и рассказанная в начале августа знакомым Августина история жизни святого Иеронима производят на Августина столь сильное впечатление, что в тот же день происходит знаменитая сцена в саду, психологически и психографически подробно описанная в восьмой книге «Исповеди», — обращение Августина в христианскую веру:

/ ♦ ...Я искал места, где бы никто не тяготил меня своим присутствием. Сам не знаю как, я выбежал в сад, бросился на землю под каким-то смоковным деревом и дал волю слезам. Из глаз моих хлынули потоки — жертва, угодная тебе, Боже. Не совсем с такими словами, но за мысли похожие, ручаюсь, я обращался к тебе: «Господи, доколе? Господи, доколе ты всё гневаешься? Перестань вспоминать наши прежние неправды!» Пу́ты их я ведь ощущал на себе, вопил жалобно: «До каких пор всё «завтра, завтра», почему не теперь? Почему не кончить в сей же час с моим непотребством?»

Так говорил я, плача в горестном сокрушении сердца. И вдруг из соседнего дома зазвучал напевный голос то ли мальчика, то ли девочки, голос, повторявший всё время: «Возьми и читай, возьми и читай». Я изменился в лице, начал раздумывать, не поют ли так дети в каких-нибудь играх, но не припомнил ничего. Подавив слезы, я встал, принял эти слова за повеление взять только что отложенную рукопись апостола Павла и прочесть в ней первую же главу, какую увижу. Мне знако́м был рассказ об Анто́нии, о том, как он был вразумлён неожиданно во время евангельского чтения, когда слушал так, как будто к нему относились слова: «Иди, продай твое имущество и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, и следуй за мной». Вняв им, он тогда же обратился к тебе, Боже.

Итак, я поспешил в комнату, схватил книгу, раскрыл наугад и молча прочел главу: «Не в пиршествах, не в пьянствах, не в сладострастии и распутстве, не в спорах и зависти проводите жизнь свою, но облекитесь в го́спода Иисуса Христа и попечения о плоти не превращайте в похоть» (Посл. римлянам, XIII, 13). Дальше читать я не захотел, да и нужды не было. Лишь только прочел я это, как мирный свет точно влился в мое сердце, и вся тьма облегавших меня сомнений рассеялась. /

• 24 апреля 387 г. Августин вместе с сыном Адеодатом, что означает «Богом данный» (372 – 389) и своим другом Алипием принимает крещение.

• В 388 г. Августин возвращается в родную Африку, где через три года, полностью посвященных духовным занятиям, он принимает сан священника. Рукоположение произвел епископ Гиппона (25 км от Тагасты) Валерий.

• В 395 г. Валерий посвящает его в свои преемники, а через год, после смерти Валерия, Августин занимает епископскую кафедру в Гиппоне, где он пробыл 34 года, до самой смерти.

• Августин был начитан и образован. В книге «О граде Божьем» им цитируются около 40 античных авторов. Из них Варрон упоминается 210

раз, Вергилий — 85 раз, Цицерон — 45, Апулей — 27, Платон — 20 раз. Ссылки на Библию даются 1400 раз.

• В одежде и житейских привычках Августин был весьма скромен. Питался он в основном овощами, вино употреблял понемногу, но регулярно, из профилактических соображений согласно слову апостола (I Тим. 5, 23). За трапезами он предпочитал не столько есть и пить, сколько беседовать с друзьями. Посуда употреблялась деревянная и глиняная, лишь немногие столовые предметы были из серебра.

• Женщин в доме Августина не бывало; не допускались они и к трапезе. Исключение не было сделано даже для родной его сестры — монахини. Женские монастыри Августин посещал только в самых необходимых случаях.

• К 73-му году жизни Августином было написано 93 трактата общим объемом в 232 книги, не считая огромного количества писем и проповедей (из последних до нащих дней сохранились 500). До нас не дошли только 10 из перечисленных самим Августином произведений.

• **Сочинения Августина:**

«О прекрасном и соответствующем» (381 г.) — первое юношеское творение Августина, к сожалению, им же вскоре после написания утерянное;
«Против академиков» (386 г.);
«О жизни блаженной» (386 г.);
«О порядке»;
«Монологи» — 2 книги (387 г.);
«О бессмертии души» (387 г.);
«О музыке»;
«О граде Божьем» /*«De civitate Dei»*/ — над этим трактатом Августин работал с 413 по 426 год;
«Об учителе» (389 г.);
«Принципы диалектики»;
«О христианской науке»;
«Исповедь» /*«Confessiones»*/ (400 г.);
«Толкование на книгу Бытия»;
«Против Фавста»;
«О Троице» /*«De Trinitate»*/;
«К Оросию против Присциана и Оригена»;
«О милосердии»;
«О лжи»;
«Об истинной религии»;
«83 вопроса»;
«О количестве души»;
«Изложение псалмов»;
«Отречения»;
«Буквальное истолкование бытия»;
«Об упрёке и благодати»;
«О благодати Христовой» /Здесь много строк посвящены учителю и наставнику Августина христианскому святителю Амвросию Медиоланскому/.

• ◐ Философия Августина многогранна и многоцветна. Всё, за что он берется и подвергает исследованию, наполняется смыслом и зна́чимостью (и значительностью!) уже в силу одного этого. И если кто-то спросит, как такое возможно, я укажу самый близкий, самый простой из возможных примеров: а полевые цветы? — разве надо кому-то объяснять, что они красивы?! Ум имеет свойство завораживать, и даже в одноразовом варианте (раз + ум = разум) он прекрасен ◑:

♦ Может ли кто-нибудь одновременно быть и живущим и умирающим? /■■ Если же было бы нелепостью сказать, что человек уже находится в смерти, прежде нежели он достигнет смерти (ибо к чему бы он приближался, переживая время своей жизни, если он уже находится в ней?), тем более что было бы слишком странным назвать его одновременно

и живущим и умирающим, когда он не может, например, быть одновременно бодрствующим и спящим, то возникает вопрос, когда же он будет умирающим? Ибо прежде чем наступит смерть, он бывает не умирающим, а живущим; а когда смерть уже наступила, то он бывает умершим, а не умирающим. Следовательно, одно бывает до смерти, а другое уже после смерти. Когда же он бывает в смерти (ибо тогда он бывает умирающим), чтобы соответственно каждому из трех состояний, которые мы называем бывающими до смерти, в смерти и по смерти, были: живущий, умирающий и умерший. Весьма трудно определить, когда человек бывает умирающим, то есть в смерти, причем он не был бы ни живущим, — то есть до смерти, ни умершим, — то есть по смерти, но был бы умирающим, — то есть находящимся в смерти. Ибо пока душа находится в теле, в особенности если есть в нем еще и чувство, то человек, состоящий из души и тела, без сомнения, еще живет; и потому его следует назвать находящимся до смерти, а не в смерти. Когда же душа отделится и уничтожит всякую чувствительность в теле, то он уже признаётся находящимся по смерти и умершим. Итак, момент, в который он является умирающим или в смерти, теряется между тем и другим: потому что если он еще живет, то находится до смерти; а если перестаёт жить, то находится уже по смерти. Следовательно, никогда не представляется он умирающим, — то есть находящимся в смерти. Так точно и в течение времени ищем мы настоящего и не находим его: потому что без всякого промежутка совершается переход от будущего к прошедшему. Но не следует ли опасаться, что таким путем мы придем к отрицанию самой телесной смерти? Ибо если она есть, то когда бывает она, — она, которая ни в ком и в которой никто не может быть? Ведь если человек живет, то ее еще нет: потому что это происходит до смерти, а не в смерти; если же он перестаёт жить, то ее уже нет: потому что это бывает уже по смерти, а не в смерти. Но с другой стороны, если никакой смерти не бывает ни прежде, ни после, то что такое есть, что называется до смерти или по смерти? Ведь и это пустые слова, если нет никакой смерти. Но о если бы мы могли проводить в раю добродетельную жизнь, чтобы на самом деле не было никакой смерти! А теперь она не только есть, но и так мучительна, что никаким словом нельзя выразить и никаким способом нельзя избежать ее.

Итак, будем держаться обычного способа выражения, потому что иначе и не должно быть. Будем говорить: «до смерти», прежде нежели наступит смерть, как написано: ***Прежде смерти не блажи никогоже*** (Сир.*, XI, 28). А когда случится, будем говорить: «По смерти того или другого было то-то или то-то». Будем говорить и о настоящем времени, как можем, подобно тому как мы говорим: «Умирая, такой-то составил завещание и, умирая, оставил этим и тем то-то и

* **Сирахов** (Иисус Сирахов; Иисус, сын Сирахов) /Иешуа бен-Элезар бен-Сира; ок. 235 – ок. 159 гг. до н. э./ — еврейский ученый-книжник, известен книгой — ее включают только в неканонический, поскольку считается апокрифом, свод Библии — крылатой мудрости и наставительных афоризмов, по большей части выводной и вторичных.

то-то»; хотя это мог сделать только живущий, и сделал, конечно, до смерти, а не в смерти. ■/

• © Августин ввел в оборот аргумент «сдвинутого не» ©:

♦ Следует внимательно и зорко различать возможность не грешить и невозможность грешить. В первой выражается свобода воли: я могу не грешить; вторая значительно выше: я не могу грешить.

• Августин был тщателен во всём и весьма наблюдателен:

/ Например, его очень поразила схожесть теорий Платона со Священным Писанием (например, ощущаемая близость теорий о сотворении мира в «Тимее» и книге Бытия). Уж не был ли Платон знако́м с Библией?, размышлял Августин. /

• Умер Августин в 430 г. в осажденном Гиппоне, когда варвары, переправившиеся в 429 г. через Гибралтар, летом 430 г. достигли города, где он последние десятилетия жил и работал.

/ Его останки в начале VI в. были вывезены на остров Сардиния, а в VIII в., при короле лонгобардов Лиутпранде, перевезены в город Павию, где и покоятся до сего дня в базилике Св. Петра.

Рядом с ними, в крипте этого собора, лежит прах Аниция Манлия Северина Боэция. /

• В 1298 г. папа Бонифаций VIII объявил Августина **учителем церкви**.

2. СУДЬБА

► — Бывают ли чудеса? — спросили Блаженного Августина.

— Бывают, — ответил он. — Восход Солнца есть подлинное чудо.

► «Одно из первых происшествий его, Августина, жизни, о которой рассказывается в «Исповеди», случилось с ним в детские годы, и само по себе оно не особенно выделяет его из числа других детей. Оказывается, вместе с несколькими товарищами, своими сверстниками, он обокрал грушевое дерево соседа, хотя вовсе не был голоден, а у родителей дома были груши лучшего качества. Всю свою жизнь Августин не переставал считать этот поступок проявлением почти невероятной порочности... И он молит Бога простить его... В том же роде Августин тянет целых семь глав, и всё из-за каких-то груш, сбитых с дерева мальчишками-проказниками. Современный ум усмотрит в этом проявление болезненной впечатлительности». (**Бертран Рассел**. *История западной философии*. 1945 г.)

► **Августин о Платоне:**

♦ «Всё, что бы он ни сказал, было великим. Философия его не есть философия этого мира, от которой совершенно заслуженно отвращается наша религия, но философия другого мира, постигаемого умом».

♦ «Некоторые авторы считают Платона могущим быть причисленным к полубогам (полубогов же они считают выше героев, но и тех и других причисляют к божественным существам). Однако я не сомневаюсь в том, что Платона следует ставить не только выше героев, но и самих богов. С бо́льшим правом следовало бы воздвигнуть храм ему, чем всем языческим богам, вместе взятым».

► **Исидор Севильский** /(560 – 636), испанский философ, епископ Севильи/: «Выше всех... по уму и по знаниям стоит Августин, потому что столько,

сколько написал он, никто не в силах не только написать, но даже и прочесть, хотя бы и тратил на это день и ночь».

► **Франческо Петрарка:**

«С Августином, по-моему, не может сравниться ни один человек: ведь если в его изобильный талантами век ему, на мой взгляд, не было равных, кто сравнится с ним теперь? Слишком велик был во всех отношениях этот человек, слишком неподражаем».

■■■ **С. Н. Булгаков** /(1871 – 1944), русский философ, священник, православный богослов/:

«...Петрарка рассказывает в описании одного из своих путешествий, как он, взойдя на высокую гору, откуда открывался чудесный вид, раскрыл наудачу «Исповедь» Августина, которую всегда имел при себе, и в ней прочел следующие слова: "И вот люди идут и с удивлением смотрят на высокие горы и далекие моря, на бурные потоки и океан и небесные светила, но в это время забывают о самих себе"». ■

3. УЧЕНИЕ

● Формулы

♦ Узнать Бога — это жить, служить Ему — это царствовать.

♦ Хочу познать Бога и душу. — И ничего кроме этого? — Совершенно ничего.

♦ Божественное провидение войнами исправляет и выравнивает испорченные нравы людей.

♦ Одна и та же сила, обрушивающаяся бедствиями, добрых испытывает, очищает, отбирает, а злых отсеивает, опустошает, искореняет.

♦ Есть нечто в человеке, чего не знает и сам дух человеческий, живущий в нем.

♦ Будем же верить, если не можем уразуметь.

♦ Кто объяснит удивительные свойства самого огня, который всё обожженное делает черным, будучи сам светлым? Да и это свойство огня не составляет, так сказать, правила, потому что, наоборот, побывавшие в его пламени камни становятся и сами белыми.

♦ Если ты не понимаешь, что́ я говорю, и сомневаешься, верно ли всё это, обрати внимание по крайней мере на то, не сомневаешься ли ты в самом этом сомнении своем.

♦ Ты, Боже, вдунул в телесный состав человека душу живую, которая движет и управляет.

♦ Мы любим жизнь не из-за самой жизни, а из-за познания.

♦ Разум есть душа, или он в душе.

♦ Я — разум.

♦ Поскольку различение истинного и ложного весьма трудное дело, не следует сердиться на тех, кто заблуждается.

♦ Мудростью следует называть знание вещей божественных, тогда как термин «знание» приложим к знанию человеческих вещей.

♦ Принесло ли мне какую-нибудь пользу изучение всех аристотелевых категорий? Нет. Оно было даже вредно.

♦ Полагаю, что истину знает один только Бог и, может быть, узнает душа человека, когда оставит это тело, то есть эту мрачную темницу.

♦ Разве без справедливости царство не является вертепом разбойников?
♦ Обо всём, подлежащем уразумению, мы знаем по крайней мере, что оно или истинно, или ложно, а поэтому не совсем ничего не знаем.
♦ Мы не знаем, долго ли просуществуют земля и небо, но знаем, что всегда 3 и 7 будет 10.
♦ Лучше всего Бог познается через незнание.
♦ Быть не может, чтобы вера христианская могла с таким авторитетом распространяться по всему миру, если бы она не была истинна.
♦ Рабы, повинуйтесь своим господам. Церковь должна заботиться не о том, чтобы сделать рабов свободными, но чтобы сделать их добрыми.
♦ Всё, что совершается чудесного в этом мире, не идет ни в какое сравнение с тем чудом, которое являет собой этот мир, это небо и земля и всё, что в них существует, — а всё это создано, конечно, Богом. А тот, кто их создал, и способ, которым он создал их, остаются тайными и непостижимыми для человека. Да и сам человек есть бо́льшее чудо, чем все чудеса, творимые людьми.
♦ И как между властями и начальствами в обществах человеческих низшие повинуются высшим и высшие предпочитаются низшим, так и Бог превыше всех, и всё должно покоряться ему.
♦ Не стремись к внешнему, возвратись в себя самого: истина обитает во внутреннем человеке; а если ты найдешь свою природу изменчивой, превзойди и свои пределы... Стремись туда, откуда возгорается самый свет разума.
♦ Уразумей, чтобы уверовать.
♦ Вере в Бога должно предшествовать понимание некоторых вещей. В то же время вера, которой в него верят, помогает больше понимать. Но поскольку вера происходит от слышания, а слышание — через проповедование Христа, можно ли было бы верить проповеднику веры, если бы прежде не был понят по крайней мере его язык, чтобы не сказать больше? Но и обратно: имеются вещи, которым сначала нужно верить, чтобы потом их понять. Это явствует из слов пророка: «Если не поверите, не поймете» (Исайя 7, 9).
♦ Вера вопрошает, разум обнаруживает.
♦ Всякого человека, поскольку он человек, следует любить ради Бога, а Бога — ради Него Самого.
♦ Люби — и делай что хочешь.
♦ Человек начинает умирать с момента рождения... вернее, он живет и умирает одновременно.
♦ Я убедил себя, что следует больше доверять тем, кто учит, а не тем, кто приказывает.
♦ Воля, отвратившаяся от неизменного и общего блага к своему собственному... грешит.
♦ Смиряясь в покаянии, душа получает свою высоту.
♦ Пойми мое слово, чтобы поверить ему; поверь слову Божьему, чтобы понять его.
♦ Бог, не изменяясь, творит изменяющееся, вне времени создаёт временное.
♦ Мы не должны уподобляться тем, кто не верит, что всемогущий Бог

мог что-то сделать из ничего, ссылаясь на то, что мастера и ремесленники ничего не могут сработать, не имея материала для работы.

♦ Не следует думать, что Бог сначала создал бесформенную материю, а затем, пропустив некоторое время, придал форму тому, что создал раньше бесформенным. Как говорящий не произносит сначала бесформенных звуков, принимающих форму слов, так не следует думать, что и Бог создал мир из бесформенной материи, но сотворил ее одновременно с миром.

♦ Мы не могли бы познать этот мир, если бы его не было; если бы Бог заранее не видел его, мира бы не было.

♦ Боже, пребывающий всегда одним и тем же, пусть я узна́ю себя, пусть я узна́ю Тебя!

V ◐ Я думаю, что религия[49], верование, есть специфический продукт человеческого мозга, деятельность которого, нормальная от природы, так имманентно препарирует и преобразует наличествующее в нем (в знаниях и информации), что в итоге всегда реализуется представление о Верховном существе, или Первоначале.

Понятие Бога не прирождено нам, его нет в развивающемся мозгу, но при заполнении мозга отпечатками с органов чувств или комбинациями представлений оно «прорастает» их, подобно тому, как из семян розы при ее росте «прорастает» ее запах, которого не было ни в корнях, ни в листьях, ни в семени.

Может быть, заполнение души понятием Бога есть вообще один из важнейших принципов самосохранения всего живого. ◑

♦ Два града — нечестивцев и праведников — существуют от начала человеческого рода и пребудут до конца века. Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же суда поставлены будут розно. [...]

Земной град создан любовью к самим себе, доведённой до презрения к Богу, небесный — любовью к Богу, доведённой до презрения к самому себе. [...]

Небесный град вечен; там никто не рождается, потому что никто не умирает; там истинное и полное счастье, которое есть дар Божий. Оттуда мы получили залог веры на то время, пока, странствуя, вздыхаем о красоте его. [...]

Основателем земного града был братоубийца Каин; ему соответствует и братоубийца Ромул — основатель Рима.

♦ **Что такое время?**

● Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю. [...]

● Твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто ни приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое.

Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибаемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть? [...]

● До творения мира времени не было. Творение вызвало некоторое движение; моменты этого движения и изменения в мире и есть время. [...]

● Что же представляет собой время? Как понимать «длительность» или «краткость» времени, где они существуют? В прошлом? Но его уже нет. В будущем? Но его еще нет. Значит, в настоящем. Но если мы возьмем отрезок настоящего времени любой длины — в сто лет, в год, в месяц, в день, в час и т. д., то увидим, что он состоит как бы из трех интервалов. Один из них находится в прошлом, другой — еще в будущем и третий, кратчайший, не делимый уже далее на мельчайшие части, миг, — и составляет собственно настоящее время. Он так краток, что длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее не продолжается. Но как же тогда мы можем измерять время, сравнивать временны́е отрезки и т. п.?

Где же пребывает это неуловимое время? [...]

● Время существует только в нашей душе. Прошлое — в памяти, будущее — в ожидании. Его можно предвидеть по некоторым признакам, существующим уже в настоящем. Сущность настоящего времени составляет созерцание (*intuitus*). [...]

● Правильнее не называть времена — прошедшее, будущее, настоящее, а говорить так: «настоящее прошедшего», «настоящее настоящего» и «настоящее будущего». Некие три времени эти я не увижу нигде в другом месте, кроме как в душе. [...]

● В тебе, душа моя, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Впечатление я измеряю, измеряя время.

Звук измеряется не тогда, когда он уже отзвучал, и не тогда, когда он еще не прозвучал, и не в момент звучания; и всё-таки он измеряется. Где же? В нас, его слушающих, в нас, с ним длящихся. Там же, где нет никакой твари, через изменяющиеся движения которой образуются времена́, там совершенно не может быть времён. [...]

● Каким же образом уменьшается или исчезает будущее, которого нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существуют три времени. Она ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает. [...]

● Мне кажется, что время есть не что иное, как некое протяжение, но протяжение чего именно — я не знаю с достоверностью, хотя маловероятно, чтобы оно было чем-то иным, нежели протяжением самого духа.

Говоря всё это о времени, я ничего не утверждаю, а только доискиваюсь истины и пытаюсь познать ее.

V ● Насколько я понимаю, часы не дают нам понятия времени. Ибо они ничем не отличаются по результату, процессу и природе своего

действия от вращения, скажем, колеса автомобиля или лопасти комнатного вентилятора.

Само определение времени — последовательность длящихся событий — ничего не дает к пониманию сущности времени самого по себе, и если говорить строго — то оно тавтологично.

Часы — это не **время**, а прибор, конвенционально используемый для ориентирования среди рядоположенных предметов и событий, причем *событие* понимается как **ситуационная вещность**.

Так что же тогда **время**?

На мгновение отвлечемся. Кто-то говорит: книга — это упорядоченное бумажное множество, несущее разнообразную информацию, целенаправленно организованную. Так вот вопрос: можно ли обойтись без слова «книга»? Думаю, что да. Но используя ***короткое определение*** — книга, мы ускоряем общение, упрощаем речевой арсенал, расширяем выразительные возможности языка.

Если то же относится и ко времени, то, как говорится, ради бога! Появились на земле люди, проблема взаимодействия их между собой повлекла обозначение форм их жизнедеятельности и название ориентиров вокруг них. Что ж тут непонятного или неприемлемого?!

Но «книга» будет до тех пор, пока будут люди, ее не было ***до*** человека. А вот, скажем, океан или Земля — они были и будут.

Время до человека б ы л о?

Это интересный вопрос — вопрос о реальности или об объективности бытия **возникшего.**

А человек реально е с т ь? Ведь до человека человека не было и после человека человека не будет. Является ли **человек** универсальным измерителем природы или он — всего лишь одна из форм в обилии формотворчества во Вселенной? Если последнее принимается, — а как его не принять! — то вопрос о природе времени становится настоятельнее строже по позициям усмотрения, отсчета и формулировки.

Хотелось бы быть ясным и никого не запутывать. Ни в коем случае не подражать Гегелю с его подходом к движению — «Двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, следовательно, находиться в обоих местах одновременно». Гегелевское решение очень напоминает знаменитое из Рабле — «Дайте-ка я надену очки, чтобы лучше слышать».

«**Времени**» нет. Это факт. И пора философии определиться со своим реквизитом. Не разделив «природное» и «человеческое», мы всегда будем в водовороте двусмысленностей и на арене апорий и софизмов.

Возьмем в качестве уподобления кинопленку. Пока она рулоном лежит в коробке, это просто «ленточный» предмет, ну, всё равно что клубок ниток, а всё, что на ней, — склад кадров. Но вот ее зарядили в аппарат и прокручивают в кинотеатре. И что же? Всё резко меняется! В течение полутора часов перед нами проносится чья-то жизнь, мчатся автомобили, летят самолеты... Одним словом, реализуется время. Но ведь его не было, пока пленка покоилась в коробке. Но оно

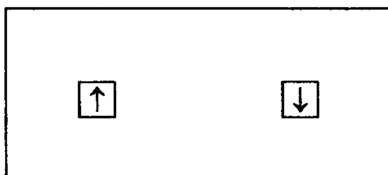
есть, и с ним можно делать что угодно: ускорять, замедлять, обращать вспять.

Кинопленка, кстати, дарит нам и свои ПАРАДОКСЫ:

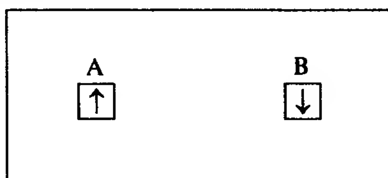
- На ней одномоментно представлены и последовательность событий и их одновременность.
- И прошлое и будущее на ней всегда в настоящем.
- Всё исчезающее на ней никуда не исчезает, всё появляющееся — всегда было.

Кто мешает предположить, а не таков ли внешний мир? Не принимаем ли мы его беспокойные результации за стремление к некоей цели и наращивающиеся изменения в участниках и свидетелях этого стремления?

Прибегнем к наглядности:

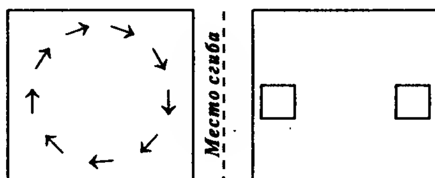

Пусть будет некая ширма с окошечками, в которых мы замечаем динамизм и направленность в реализации существования стрелок. Видя бесконечность устремления вверх левой стрелки и столь же отчетливое постоянство полета вниз правой, — как устоять против фиксации этого стабильного и неопровержимого наблюдения. Как не обозначить эти разные формы жизни знаками отличия и индивидуальности? Назовем их **А** и **В**:

Продолжая принятую *логику подхода*, можно задаться вопросом, что это за стрелки, чем обусловлена их скорость, когда началось их движение, где пункт их конечного устремления и т. д.

Но, может быть, заглянем за ширму:

Оказывается, что наши стрелки вовсе не суверенны, а расположены на круге и приговорены никуда не стремиться. Вся их самостоятельная жизнь — иллюзия. Ничего такого, что придумало для объяснения увиденного сознание, нет. И не было! И не будет!

Вот так и **время**. Если оно — некоторая ***познавательная вспомогательность***, позволяющая упорядочивать факты и впечатления, подобно тому как дорожная сумка заботливо и сервисно складирует нащ личностный вещный мир во время путешествий, то пусть себе **время** будет и приносит оговоренную пользу.

Если же кто-то утверждает, что оно — бытийная от века характеристика Универсума, то следует заметить, что в пользу этого никто не привел ни одного хоть сколь-нибудь убедительного довода... Обычные — и стандартные для теоретической деятельности — попытки многословного гипноза:

- Мудрее всего время, потому что оно всё открывает.

  (Фалес)
- Время — это лицезреющая свои осуществления вечность.

  (Платон)
- Из всего неизвестного время — самое неизвестное.

  (Аристотель)
- Время — мера движения. Все предметы во времени и измеряются временем.

  (Аристотель)
- Времени нет самого по себе, но предметы сами ведут к ощущению того, что в веках совершалось...

  (Лукреций)
- Существуют вещи или нет, движутся ли они или находятся в состоянии покоя, время всегда течет равномерно, не подвергаясь никаким изменениям.

  (Гассенди)
- Не во времени всё возникает, а само возникновение и есть время.

  (Гегель)

А наиболее проницательные мыслители сразу фиксируют проблему в остроте внутреннего теоретического конфликта.

Рене Декарт:

«Для всех, кто станет внимательно рассматривать природу времени, будет вполне очевидно и ясно, что для того, чтобы сохраниться во все мгновения своей продолжительности, субстанция, переходя из прошлого в будущее, нуждается в той же силе и в том же действии, которые были бы необходимы для ее порождения и создании сызнова, как в случае, если бы она еще не существовала».

/◐ Ибо иначе не понятно, как вся громада вещества может ***«перейти»***! Ясно, что никуда она не переходит. В противном случае «Декартово замечание» самое убийственное из всех построений разума. ◑/

Дж. Э. Мак-Таггарт /(1866 – 1925), английский философ)/:

«Деление на «прошлое, настоящее, будущее» концептуально предпочтительнее и теоретически должно предшествовать другой перио-

дизации — «раньше, позже». Но эта «предпочтительность» заражена ненадежностью и неустойчивостью.

Простой пример. 26.08.1812 г. проходил Бородинский бой. Аустерлицкое сражение находилось в прошлом, а битва при Ватерлоо — в будущем. Но уже 27.08.1812 г. и Аустерлиц и Бородино одинаково стали относиться к прошлому, а спустя менее чем три года, 18.06.1815 г., в прошлое попало и Ватерлоо. Между тем Аустерлиц как был раньше Бородино, так и остался, и оба они навечно предшествуют Ватерлоо».

/◐ Выходит, что любая характеризация времени чем более углубляется в «объективное», тем скорее оказывается в «субъективном». Но ведь так было с «движением» и так потом будет с «причинностью». Проблематичность времени на острие Августина достигла апогея. Надо было разобраться и определиться./

◐ Мне представляется, что в вопросе о **времени** наилучший образ — калейдоскоп. В нем целое задано своей неизвестностью (то есть являет заряженность будущим) и всегдашней незавершенностью (то есть выявляет разряженность прошлого).

Оказывается, можно обойтись без апелляций к миру и Богу, а на простейшем — человеческих рук — приборе показать на конечном числе разноцветных стекляшек бесконечность из них узоров и задаться всей помыслимой вопросительностью в связи со временем.

Августин решал «время», противопоставив ему наполняющуюся событийными фактами емкость — «в тебе, душа моя...». Думаю, что это был единственно приемлемый ход в понимании «времени» и одновременно последний шаг на пути к исключению времени из бытийного классификатора в описательно-вспомогательный аксессуар. Любители созидать «машину времени» были обезоружены. ◑ ◑

● Время измеряется в памяти. Например, я намереваюсь пропеть известный мне гимн, который знаю наизусть. Прежде чем начну его, я весь обращаюсь при этом в ожидание. Но когда начну, тогда пропетое мною, переходя в прошедшее, принадлежит уже моей памяти, так что жизнь моя при этом действии разлагается на память по отношению к тому, что пропето, и ожидание по отношению к тому, что осталось петь, а внимание всегда присуще мне и служит к **переходу будущего в прошедшее**. И чем далее продолжается действие мое, тем более ожидание сокращается, а воспоминание возрастает, пока ожидание не истощится и не обратится всецело в воспоминание.

● «Системные» аксиомы

♦ Бог — умный свет, в котором, от которого и через которого разумно сияет всё, что сияет разумом.

♦ Быть субстанцией — значит: во-первых, быть, во-вторых, быть тем или этим, в-третьих, оставаться тем, что есть, столько, сколько возможно.

♦ Чувство есть то, благодаря чему душа осведомлена о том, что испытывает тело.

♦ Не смей любить Бога меньше потому, будто что ты мало в чём виноват: люби Его еще больше за то, что тебе много дано.

Если любят за то, что давший не требует возврата, то насколько боль-

ше надо любить Давшего тебе что-то в полное владение. Тот, кто с самого начала пребывает в целомудрии, Им наставлен; кто стал из развратника целомудренным, Им исправлен; кто до конца остается развратным, Им покинут.

♦ Что можно понять? и разве не мучит мысль нашу жизнь?? Мы говорим «наука», но она... скорее проблема, чем знание. Одни утверждали, что мир один, другие — что миров существует бесчисленное множество; одни — что этот единственный мир имеет начало, другие — что он его не имеет; одни — что он будет иметь конец, другие — что будет существовать вечно; одни — что им управляет божественный ум, другие — случай; одни говорили, что дýши бессмертны, другие — смертны; а из тех, кто признавал дýши бессмертными, одни доказывали, что они переселяются в животных, другие — что это совершенно невозможно; среди тех же, кто называл дýши смертными, одни учили, что они погибают после смерти тела, другие — что они продолжают жить еще более или менее долго, но не вечно; одни полагали высшее благо в теле, другие — в духе, третьи — и в том и в другом, а некоторые добавляли к духу и телу еще и внешние блага; одни считали, что телесным чувствам нужно верить всегда, другие — что не всегда, третьи — что никогда.

♦ Логика — дисциплина дисциплин. Она учит учить, она учит учиться, в ней рассудок обнаруживает себя и открывает, что он такое, чего хочет, что видит. Она одна знает знание и не только хочет, но и может делать знающим.

♦ Как взаимное сопоставление противоположностей придает красоту речи, так из соединения противоположностей возникает своего рода красноречие, но не слов, а вещей, состааляющее красоту мира.

♦ Управляют те, которые заботятся, как муж — женою, родители — детьми, господа — рабами. Повинуются же те, о которых заботятся, как жены — мужьям, дети — родителям, рабы — господам.

♦ Так как любой человек делается образованным из необразованного и любой необразованный не может знать того, как он должен вести себя и что делать, чтобы приобрести способность к учению, то для всех желающих учиться чему-либо великому и сокровенному вратами к этому служит только авторитет.

♦ Иисус Христос пожелал, чтобы апостолы были числом 12. Это произведение трех на четыре. Три — число Троицы, но и души, устроенной по ее образцу. Четыре — число элементов и символ материальных вещей.

Умножить три на четыре означает пропитать материю духом, объяснить миру истину веры через 12 апостолов. Четыре и три, сложившись, составят семь — число человеческое: человеческая жизнь имеет семь возрастов, а с каждым возрастом связывают одну из семи добродетелей, обретая необходимую благодать при помощи семи просьб «Отче наш». Семь таинств поддерживают человека в семи его добродетелях, противостоя власти семи главных грехов (зависти, скупости, блуду, обжорству, гордыне, унынию, гневу). Число семь выражает гармоническое отношение человека к миру. Семь планет управляют судьбами людей. Созидая мир в семь дней, Бог хотел дать ключ к такому же числу тайн. Семь тонов григорианской музыки — чувственное выражение мировой гармонии.

♦ Всякий, которому кажется, что он постиг божественное Писание или любую его часть, но который, несмотря на это постижение, не воздвиг в себе любви к Богу и ближнему, тот ничего не понял. Всякий же, кто извлек для себя такое убеждение, которое является полезным для пробуждения любви, и, однако, не высказал того, что явно чувствовал при этом автор, которого он читал, тот ошибается не опасно и вообще не лжет. Ведь лгущему присуще желание говорить ложное.

♦ Нечестивый живет ведь для благочестивого и грешник — для праведника, чтобы через сравнение с нечестивым и грешником человек благочестивый и праведный мог ревностнее возвышаться, пока достигнет конца своего.

♦ Верное направление исследования должно начинаться с веры. Давайте искать подобно тем, которые находят; и давайте находить подобно тем, которые всё еще должны продолжать поиск.

♦ Я называю миром всё, что таковым мне является.

♦ Если в отношении вещей, прошедших память, есть то, что позволяет их вызывать и вспоминать, то в отношении вещей пребывающих мы можем, не впадая в абсурд, называть памятью то, чем ум является самому себе, — его присущность самому себе, благодаря которой он может постигать себя через свое мышление.

♦ Кто отвергает свободное, тот отвергает и грех.

♦ Усердие может иногда заменить изысканность.

♦ Что полезного в чистоте речи, которая не приводит к пониманию слушателя, поскольку совершенно нет надобности высказывать то, что остается непонятным для тех, ради которых мы говорим?

♦ Признаком таланта является любить в словах их истину, а не сами слова. Ибо что полезного в золотом ключе, если он не может открыть того, что мы хотим? Или что вредного в деревянном ключе, если он может сделать это, когда мы добиваемся только того, чтобы открыть запертое?

♦ И доброжелательным людям приятно слышать о своих прошедших беззакониях, не потому приятно, что это были беззакония, но потому, что они были, а теперь их нет.

♦ Есть своего рода прелесть в прекрасных телах, и в золоте, и в серебре, и во всём тому подобном, для осязания всего приятнее гармония частей, есть и для других чувств соответственно приятные свойства тел. Есть привлекательность и во временных почестях и правах силы и власти, от чего и рождается властолюбие, но... И жизнь наша, которую мы живем здесь, имеет своего рода заманчивую прелесть по своей красоте и возможности наслаждаться всею земной красотою. Самоё дружество человеческое, как союз любви, дорого и мило по взаимному единодушию, но... Конечно, и в земных предметах находятся свои удовольствия, но...

● Дополнительное и сопутствующее

♦ Во всех прочих делах мы имеем перед собой лишь нечто вероятное, но когда речь заходит о предметах веры, то отпадают всякие даже намёки на «может быть».

♦ **Совершенно неизвестную** вещь любить никто никогда не может.

Знаменитая сцена в саду,
когда произошло о б р а щ е н и е Августина.
Слева мы видим мать Августина — св. Монику.
*Худ. фра Анжелико**

* **Фра Анжелико** (наст. имя и фам. фра Джованни да Фьезоле, в миру Гвидо ди Пьетро; XIV – XV вв.) — итальянский художник.

♦ Апостол... **тысячью** лет назвал... полноту времен... Десять, взятые десять раз, дают сто; получается фигура квадратная, но плоская; чтобы она получила высоту и сделалась полной, сто умножается снова на десять и получается **тысяча**.

♦ Если вы доказываете, что человек не может знать ничего истинно, то осуждаете его на вечное невежество. Мы не должны жаловаться на чувства, будто бы они нас обманывают; мы не имеем права требовать от них более надлежащего. Что видят глаза, то видят совершенно правильно. Если палка, опущенная в воду, кажется изломанною, то есть причина такого явления, так что мы больше права имели бы жаловаться на чувства, если бы они представляли палку в воде прямой. Глаза не обманывают, потому что передают душе предметы именно в таком виде, в каком они им представляются.

♦ Что есть душа? Мне кажется, это некоторая субстанция, причастная разуму, которая приспособлена к упраалению телом.

♦ Поскольку душа оживляет тело и наполняет его жизнью, она называется душой; поскольку проявляет желания — волей; поскольку вспоминает — памятью; поскольку рассуждает и различает — разумом; поскольку отдается созерцанию — духом; поскольку получает способность чувствовать — душа есть чувство.

♦ Все чудеса мы называем явлениями, противными природе. Но на самом деле они не противны природе. Ибо как может быть противным природе то, что совершается по воле Божьей, когда воля Творца есть природа всякой сотворённой веши? Чудо противно не природе, а тому, как известна нам природа.

♦ Люди идут дивиться горным высотам, морским валам, речным просторам, океану, объемлющему Землю, круговращению звезд, — а себя самих оставляют в стороне! Их не удивляет, что, говоря обо всем этом, я не вижу этого перед собой, но я не мог бы об этом говорить, если бы не видел в себе, в памяти своей, и гор, и волн, и рек, и звезд (это я видел наяву), и океана, о котором слышал, во всей огромности их, словно я вижу въявь перед собой. И, однако, не их поглотил я, глядя на них своими глазами; не они сами во мне, а только образы их, и я знаю, *что* и *каким* телесным чувством запечатлено во мне.

♦ И Бога, и известные научные положения мы постигаем умом, и всё-таки они весьма отличны друг от друга. И земля, и свет видимы, но землю нельзя видеть, если она не освещена светом. Также и относительно научных положений, которые любой понимающий их признает без всякого колебания самыми истинными, следует думать, что их нельзя было бы постичь, если бы они не были освещены как бы своим солнцем. Поэтому как в отношении видимого солнца нужно различать три вещи, а именно, что оно есть, что оно светится и что оно освещает, так и в отношении этого таинственнейшего Бога различаются подобные же три вещи: что Он существует, что Он познаётся и, наконец, что Он делает возможным познавать остальное.

♦ Я дошел до того, что над своим умом, тоже подверженным изменению, нашел неизменную и вечную истину.

До этого я шел постепенно. От тел я переходил к чувственной душе животных, которая посредством телесных чувств ощущает внешний чувственный мир, насколько может вместить это душа животных. Затем еще выше и выше возносился к мыслящей и разумной силе, которая уже судит о полученных ею впечатлениях. Наконец, мой разум, также изменяющийся, сознавая, что всё неизменное лучше изменяющегося, отрешался в мышлении своем от привычных образов и признаков и стремился найти истинный **свет**. С помощью этого света можно познать самоё бытие неизменяющееся.

♦ Философией называется не самая мудрость, а любовь к мудрости; если ты к ней обратишься, то хотя и не будешь мудрым, пока живешь (ибо мудрость у Бога и человеку доступна быть не может), однако если достаточно утвердишь себя в любви к ней и очистишь себя, то дух твой после этой жизни, то есть когда перестанешь быть человеком, несомненно, будет владеть ею.

♦ Образ Божий — эта неуничтожимая принадлежность человека — находится, собственно, не во внешнем, а во внутреннем человеке, не в теле, а в бестелесной, бессмертной разумной душе. В душе человека можно также усмотреть некоторое, хотя и очень отдаленное, подобие святой Троицы: как Бог, единый по существу, троичен в лицах, так единая душа имеет три способности — ум, память и волю.

♦ Ты, который желаешь знать себя, знаешь ли ты, что ты существуешь? — Знаю. — Откуда же знаешь? — Не знаю. — Простым ли ты себя чувствуешь или сложным? — Не знаю. — Знаешь ли ты, что ты движешься? — Не знаю. — Знаешь ли ты, что ты мыслишь? — Знаю. — Итак, ты знаешь, что существуешь, знаешь, что живешь, знаешь, что познаёшь.

♦ Как тишина есть отсутствие всякого шума, нагота — отсутствие одежды, болезнь — отсутствие здоровья, а темнота — света, так и зло есть отсутствие добра, а не нечто, существующее само по себе.

♦ Всякий, кто сознаёт себя сомневающимся, сознаёт истинное и уверен в том, что в данном случае сознаёт: следовательно, уверен в истинном. Отсюда всякий, кто сомневается в существовании истины, в самом себе имеет нечто истинное, на основании чего он не должен сомневаться; ибо истинное бывает истинным не иначе, как от истины. Итак, тот не должен сомневаться относительно истины, кто почему бы то ни было мог сомневаться. Там, где видим мы это, действует свет, не ограниченный пространством и временем и свободный от любых подобных призраков.

♦ Быть мудрым означает умереть для этого мира.

4. МЫСЛИ

- Без сомнения мир, мир создан не во времени, а вместе со временем.
- Когда люди думают о Боге, которого не в состоянии постигнуть, то в действительности думают о самих себе, а не о нем; они сравнивают не Его, а себя, и не с Ним, а с собой.
- Разум есть взор души, которым она сама собою, без посредства тела, созерцает истинное.
- Само сокрытие истины есть или испытание нашего смирения, или уничижение гордости.

- Жизнь говорящего имеет больше значения, чем любая речь.
- Люди испытывают страдания ровно настолько, насколько поддаются им.
- Всякий охотнее согласится плакать, владея здравым умом, нежели радоваться в состоянии помешательства.
- Смерть — зло лишь в силу того, что за ней следует.
- Способ, каким соединяются души с телами, весьма поразителен и решительно непонятен для человека, а между тем это и есть сам человек.
- Подобно тому, как бывает иногда милосердие, которое наказывает, так бывает жестокость, которая щадит.
- Злой человек вредит самому себе прежде, чем повредит другому.
- Совершенство есть знание человека о своем несовершенстве.
- Все человеческие беды происходят оттого, что мы наслаждаемся тем, чем следует пользоваться, и пользуемся тем, чем следует наслаждаться.
- Воля в нас всегда свободная, да не всегда добрая.
- Не во власти человека то, что приходит ему в голову.
- Время врачует раны.
- Да будет выслушана и другая сторона.

  / Введённый Августином основной принцип беспристрастия судебного разбирательства. /

  // Здесь примером ему была древность. Известно, что Александр Македонский, слушая обвинения против кого-то, обычно затыкал себе одно ухо. Когда его спрашивали, что сие может означать, он отвечал: «Берегу это ухо для обвиняемого». //
- Великая бездна сам человек, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца.
- Любовь к временному можно изгнать, только почувствовав сладость вечного.
- Что может быть отвратительнее, что больше собирает на человеке гнев в день гнева и праведного суда Божия, как не радость чужой беде, когда человек уподобляется дьяволу?
- Справедливейшее наказание за грех состоит в том, что человек утрачивает то, чем он не захотел хорошо пользоваться... тот, кто не захотел поступать правильно, когда мог, утрачивает эту возможность, когда захочет поступить правильно.
- Никто не способен найти Бога, если раньше не поверит в то, что потом узнáет.
- Злом называется и то, что человек совершает, и то, что он терпит. Первое — это грех, второе —наказание... Человек совершает зло, которое хочет, и терпит зло, которого не хочет.
- Если зла нет, то самый страх перед злом есть зло.
- Кто ненавидит мир? Те, кто растерзал истину.
- Пусть свирепеют против вас те, кто не знает, с какими усилиями находят истину и как трудно избежать заблуждения.
- Явная истина, оставляющая человека холодным, пленит его, когда он вскроет ее под аллегорией.
- Нет блаженной жизни, кроме той, которая проводится в философии.

- Всякий, кто имеет свою меру, то есть мудрость, блажен.
- Все хотят быть блаженными, но не все могут.
- Всем нравится прекрасная лошадь, но почему-то совершенно нет желающих ею стать.
- Не произносите бесповоротных суждений!
- Тот, кто добр, — свободен, даже если он раб; тот, кто зол, — раб, даже если он король.
- Чтобы душа могла без препятствий погрузить свою сущность в полноту истины, она начинает жаждать как наивысшего дара бегства и полного избавления от тела — смерти.
- Всякий, кто сознаёт, что он сомневается, сознаёт это свое сомнение как некоторую истину.
- Не выходи в мир, а возвращайся к самому себе: внутри человека пребывает правда.
- Я желаю знать Бога и душу, а более решительно ничего.
- Верь, чтобы понимать.
- Способ, каким соединяются души с телами, решительно непонятен для человека.
- Хотя всё созданное Богом прекрасно, но по сравнению с Творцом несовершенно и даже ничтожно, ибо Он приписывает лишь **Себе** бытие в высшем и собственном смысле, когда говорит: «Я есть сущий».
- Бог ближе и понятнее нам, чем чувственные, телесные предметы, и потому мы легче познаём его.
- Недостатки отпадут, но сущность останется. Чрезмерный рост ногтей и волос принадлежит к излишествам и недостаткам природы, ибо если бы человек не согрешил, то его ногти и волосы росли б только до определенной величины, как у львов и птиц.
- Созидай добро, делай это не ради своей славы, а ради славы того, кому ты обязан возможностью делать добро. От своего лица ты способен делать лишь зло; добро, которое ты творишь, — от Бога.
- Святый Боже! Ты создал землю и небо не **из Себя**, иначе они были бы **подобны Тебе**. Однако и вне Тебя не было ничего, из чего Ты мог бы их создать. Следовательно, Ты создал их **из ничего**.
- Когда тебя прославляют, презирай себя. В тебе прославляется тот, кто через тебя действует.
- Из чего мы состоим? Из духа и тела. Что из них лучше? Конечно, дух.

/© Для правильности (и ещё большей приманчивости!) этому суждению не хватает добавления. Причём, существенного: «до тех пор, пока он ещё в теле». /

Симпли́ций

V – VI вв.

Симплиций

• Греческий философ

Родился: 471 г.
Умер: 549 г.

Прожил — 78 лет

> **«Безрассудно признание двух начал; если они одинаковы, то они излишни. Если они различны, то неминуем вопрос о причине их отличия. Но тем самым снимается и заявка о них как о началах. Начало сродни вершине: под ним может быть всё, но рядом — ничего. Начало подобно сосуду: наполнение как бы повторяет его, но... не удваивает».** *(Симплиций)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из Киликии.
• Во взглядах был сторонником неоплатонизма.
• Ученик философа-неоплатоника Прокла.
• Известен как комментатор естествоведческих трактатов Аристотеля.
• Был преподавателем в Афинской Платоновской академии.
• Прославился своими диалектическими возражениями против концепции «двух начал» — добра и зла.
• **Сочинение Симплиция:**
«Эпиктет».

2. СУДЬБА

► Симплиций был свидетелем и участником исторической драмы, случившейся с античной философией:
/ В 529 г. император Юстиниан I (483 – 565), известный своими преследованиями христианских ересей, специальным эдиктом запретил преподавание эллинской философии, закрыл Афинскую академию неоплатонизма и все имевшиеся языческие школы, а также конфисковал принадлежавшее этим учебным центрам имущество. Подобное торжество мракобесия не было первым. Еще раньше, в 488 г., император Зенон уже закрыл Эдесскую академию в Сирии. Но удар, нанесенный Юстинианом, был самым сильным. Семь преподавателей Афинской академии (кроме Симплиция — Гермес, Диоген, Дамаский, Исидор из Газы, Присциан и Эвласис) стали изгнанниками. Они вынуждены были эмигрировать и нашли приют в новом университете персидского царя Хосрова Нуширвана, который увлекался греческой культурой и основал в Гундишапуре школу, получившую у современников, да и в последующей литературе название «Академия Гундишапура».

Однако душевного спокойствия изгнанники так и не приобрели, поскольку персы не проявляли интереса к чуждым религиозно-философским воззрениям.

В 533 г. Хосров заключил мирный договор с Юстинианом. В особом пункте оговаривалось право философов вернуться на родину — им гарантировалась свобода, но запрещалось распространение своих учений.

Эта история стала роковой для греческой науки. Идейное господство в Римской империи бесповоротно перешло к христианству. /

// Эпизод с закрытием философских школ не был случайностью. И краткое напоминание исторической канвы того времени, когда жил и правил Юстиниан, хорошо это показывает:

/// Сын крестьянина из Македонии, *Юстиниан* вознесся по прихоти судьбы на трон самого могущественного государства. Его дядя, начав службу в армии рядовым воином, стал военачальником, а затем солдаты провозгласили его императором. Он вызвал Юстиниана в столицу, помог ему получить хорошее образование, а потом сделал своим соправителем.

Юстиниан царствовал с 527 по 565 год. Он обладал большим умом, энергией и организаторским талантом, умело подбирал и направлял своих помощников. Он был внешне доступен и обходителен в обращении с людьми, но под этой маской скрывались беспощадность, двуличность и коварство. По словам историка того времени Прокопия Кесарийского, он мог, не выказывая гнева, «тихим ровным голосом отдать приказ убить десятки тысяч ни в чем не повинных людей». Крайне завистливый и подозрительный, Юстиниан боялся покушений на свою жизнь, а потому легко верил доносам и был скор на расправу.

Сильное влияние на Юстиниана имела его жена *Феодóра*. Дочь смотрителя в зверинце, в молодости она была цирковой актрисой. Невысокого роста, изящная и стройная, Феодора была на редкость красива, остроумна и весела. Но, став императрицей, она проявила набожность. Феодора никогда не прощала обид и жестоко расправлялась с теми, кто вызывал ее гнев или недовольство. Умная и властолюбивая императрица участвовала в государственных делах, принимала послов, вела переписку с зарубежными правителями.

Чтобы укрепить свою власть, Юстиниан старался получить поддержку христианской церкви. Основным правилом его политики было: «Единое государство, единый закон, единая религия». Юстиниан жаловал церкви земли и ценные подарки, строил много храмов и монастырей. Его правление началось невиданными гонениями на язычников, иудеев и отступников от учения церкви. Их ограничивали в правах, увольняли со службы, некоторых судили. Была закрыта знаменитая школа в Афинах — крупный центр языческой культуры, а ее преподавателям пришлось уйти в изгнание.

В начале своего правления император собрал комиссию из выдающихся юристов для составления единых для всей империи законов. За несколько лет эта комиссия провела огромную работу — были изучены все старые римские законы времен империи.

Созданный комиссией труд включал собрание законов римских императоров (Кодекс Юстиниана), отрывки из сочинений выдающихся римских юристов с объяснением этих законов, краткое руководство к пользованию кодексом и изданные при Юстиниане новые законы. В этом своде законов четко прослеживаются идеи абсолютной императорской власти («воля императора — источник закона»), охраны частной собственности.

Рост налогов, притеснения чиновников и религиозные преследования вызвали в 532 г. грозное восстание в столице.

Восстание началось на *ипподроме* — цирке, где проходили состязания колесниц, спортивные игры и другие зрелища. Собравшиеся, а среди них было много свободных торговцев и ремесленников Константинополя, потребовали от Юстиниана уменьшить налоги и уволить некоторых жестоких чиновников. Разгневанный император приказал арестовать и казнить зачинщиков беспорядков. Но эта расправа лишь подтолкнула жителей столицы к решительным действиям.

Повстанцы с криками «Ника!» («Побеждай!») осадили дворец императора. Юстиниан послал отряд наемников, чтобы оттеснить толпу, но воинов забросали камнями и вынудили отступить. Повстанцы стали громить и поджигать дома богачей и правительственные здания. Центральные кварталы полностью выгорели. «Казалось, империя находится на краю гибели», — писал современник.

Юстиниан сделал последнюю попытку примирения с повстанцами. Придя со свитой на ипподром, он согласился уволить своих помощников и простить мятежников, если они разойдутся по домам. Но народ уже не верил Юстиниану, его речь прерывали выкриками: «Ты лжешь, осел, ты даешь ложную клятву!» В императора полетели камни, и ему пришлось спасаться бегством.

Повстанцы требовали отречения Юстиниана. В страхе и отчаянии император собрался бежать из столицы. В момент смертельной опасности только Феодора сохранила самообладание. Она обвинила супруга и его советников в трусости и заявила, что предпочитает смерть потере власти: «Порфира* — лучший саван!» Настойчивость Феодоры вынудила императора остаться во дворце.

Руководители повстанцев действовали нерешительно: собравшись на ипподроме, они обсуждали, что делать дальше. Император же не жалел средств на подкуп колеблющихся. Наемные отряды скрытно подобрались к ипподрому и с обнаженными мечами ворвались на арену. Они устроили там страшную резню, перебив до 35 тысяч человек. Основные силы повстанцев были разгромлены.**/// //

3. УЧЕНИЕ

♦ Философы, утверждающие наличие двух противоположных начал — **зла** и **добра**, не могут быть адептами истины. Ну, действительно. Нельзя быть противоположностями, не будучи причастными чему-то общему, т. е. без признака принадлежности к одному и тому же роду. Это значит, что есть нечто такое, что значимее их, а следовательно, и выше. Но нечто, имеющее такие характеристики, необходимо должно полагаться нами как начало: ведь началом следует считать то, что объемлет всё идущее из него, если ничего иного, кроме только выходящего, более нет. А коль скоро **зло** и **добро** сведены к отличному от них началу, значит, сами они вовсе не есть начала и потому первоначальное наше предположение о них как о началах — ошибочно.

♦ Возможен и другой аргумент против двух начал — доброго и злого. Ведь признание такого их наличия — в высшей степени оскорбительно для Бога, которого все называют добрым. Если Бог располагает только одним началом из имеющихся двух, значит, его могущество ополовинено и сам Бог — робок, несправедлив, неблагоразумен, несведущ и т. д.;

---

* **Порфи́ра**, или **пу́рпур**, — цвет императорской одежды.

** См.: *Агибалова Е. В. и др.* Всемирная история: Средние века. — Киев: Освіта, 1995.

то есть все признанные атрибуты Бога необходимо должны быть изменены на противоположные. Мало того, Бог непрерывно должен испытывать страх перед возможным вторжением своего антипода (может быть, даже, точнее говоря, врага). В случае такого поползновения «зла» добру не суметь отстоять свои интересы. И будет оно, добро, постоянно и неисправимо искажённым. Но коль такого нет и Бог действительно добр, допущение о двух началах несостоятельно.

♦ Предположение, что Бог может бояться чьего бы то ни было вторжения в себя и в свои владения, не прибавляет величия Богу. Ведь начала потому и начала, что никак, ни при каких обстоятельствах не могут войти в контакт друг с другом. Начало — всегда самодостаточно. Как же можно так принизительно судить о Боге?, допуская, что он может быть волнуем вопросом, в котором разбирается любой школяр?!

♦ Из учения о двух началах следует также, что душа человека не может противостоять побуждению, при помощи которого ее толкают к греху. Мои соображения против этой нелепости такие: если зло как начало вечно, нетленно и настолько могущественно, что сам Бог не может его победить, то о какой свободе души можно говорить, если иметь в виду, что душа и подавно не может того, что может Бог. Однако в жизни мы наблюдаем совершенно обратное, из чего заключаем, что гипотеза «двух начал» ложна.

♦ Я готов утверждать даже большее, а именно то, что признание двух начал — добра и зла — исключает наличие зла. Смотрите сами: если побуждение к греху неотвратимо, то душа совершает убийство, прелюбодейство и т. д. не по своей вине, а под влиянием большой силы извне. В таком случае она не является ни преступной, ни наказуемой. Из чего должно заключить, что греха нет, ибо грех — это вольное поведение души в дурном направлении. Но отсутствие «грешности» как следствия «зла» ведет к потере злом своей определенности (перестает быть причиной причина, у которой нет следствий). Итак, если зло есть, то его нет.

♦ Наличие в мире двух начал (пойдем вновь от противного!) показывает, что каждого из них в отдельности недостаточно для осуществления мироуправления. Но если так, если разделённость уменьшает силу, то объединение ее увеличивает. Что же помешает нам, зная на деле мудрость мироустройства, даже не предполагать, а просто и решительно быть уверенным, что нет бытийно никаких там тебе двух начал, а есть начало одно. И это единственное начало и есть *образователь* нашей Вселенной.

♦ И последнее. Всё, что способно ограничивать и ограничивает, всегда больше по силе, чем всё остальное. Сомневаться, что каждое из двух начал, если их два, ограничено другим, ему противоположным, вряд ли кто станет. Выходит, что сколько ни предполагай два начала, они в действительности никак не есть начала, а всего лишь виды **чего-то такого,** что подлинно для них первично и исходно. Итог такой: два начала — противоречие, т. е. нелепость такого допущения аналогична утверждению, будто существует не одно окончательное уничтожение вещи, а два.

∇ ◐ И всё же множественность начал не только допустима, но и фактически наличествует. Мир — это не только существование, но и стремление. Быть — означает иметь импульс к быванию. Начало не может быть н а ч а л о м, если оно не начнется. А коль так, то приходится говорить о побуждении к пробуждению.

Заметьте, я не веду речь о *диспозиционном аспекте*, тем, что на рисунке:

Да, здесь и поляризация есть — то ли «6», то ли «9»; и обусловливание имеет место: принимая одно, затрагиваешь другое. Наличие влечет отличие, и ничего с этим не поделаешь — утверждая столбишь **веру** и творишь да, однако и утерю готовишь.

Но тот момент, о котором мы сейчас взялись толковать, он иной. Он касается не развёрнутости первоначальной целостности, не соотносимости частей в их частной взаимосвязи и взаимозависимости, и не привязке сторон действительности к **дарителю** им их ли́ка, а... Бога и его верховенства и суверенности.

Кажется, вы уже начинаете чувствовать аллюзию. Конечно, аналогия с монархией очевидна. Царь не может допустить у себя царствие еще кого бы то ни было. И всё же... Любой властитель, чтобы быть единственным самодержным правителем, хочет (и это «хочет» = «вынужден») не только знать о своей безграничной мощи, а и отслеживать ее н е о с п о р и м о с т ь. Присутствие *подтверждаемости* мостит поле власти убеждённостью в ее прочности и долговечности.

Устроитель мира тоже владычествует один. Однако без закавыки дело не обходится, и в известную сложность дело всё же упирается. Это как слово «единица»: она-то **одна**, а букв, ее несущих и о ней транспарирующих, — семь. Кажется, уже понятно: Бог может быть хозяином положения, но само п о л о ж е н и е — это то, с чем он **не может** не считаться. Он не обязан, не принуждён, он просто в этом находится. Ну, наподобие круга в кольце.

Итак, есть во-первых. А еще прибавьте во-вторых. Бог слит со своей сущностью, он неотдели́м от самого себя. Странным было бы не допустить, что в нём есть и осознание и разумение своих действий. Вот вам и проклюнулось второе начало: пребывание «в себе» невозможно без выбывания «себя». Один потому и один, что он е д и н.

И если строго, то нача́л во всём (и в Истоке Универсума тоже!) столько, сколько начинаний. Я уже не говорю о том, что в цепи мира (а она-то ведь от Верховного Определителя и Задавателя) каждое звено является первым и основным: там, где удержание, там и все концы целостности.

Умаляет ли тень штырь солнечных часов? Оскорбительно ли для него это очернение его светлого бывания?? Ясно, что нет. Просто дело умственной селекции всегда вычурно. Вывод же такой: считать Бога главным — это уже подспудно внедрять с о о т н е с е н и е, считать его единственным — значит лишать смысла. Что же напрашивается из этого? А то: пытаясь «накручивать» особые силы Бога, мы Его этим только ослабляем. Тут бы помнить: пачкая воду, разбрызгивая и испаряя, мы ни на йоту не вредим и не умаляем H_2O. Не бойтесь множить «нача́ла»!: перебором капель ОКЕАНУ не повредишь!! Тайна Миро-Творителя потому и тайна, что «время» (хоть нынешнее, хоть прошедшее) может или могло об нее биться, а цель-то — д о с т у ч а т ь с я.

И в довершение. Разве две ноги у человека — это не уже́ два нача́ла? Для того, чтобы иметь возможность двигаться! ◑

Аль-Фараби́ 54

Абу-Наср аль-Фараби

IX – X вв.

• Мусульманский философ*

Родился: 870 г.
Умер: 950 г.

Прожил — 80 лет

> **«Поскольку мы достигаем счастья только тогда, когда иам присуще прекрасиое, а прекрасиое присуще иам только благодаря искусству философии, то из этого необходимо следует, что имеиио благодаря философии мы достигаем счастья».**
>
> *(аль-Фараби)*

■ **«Группу людей, следующих одному и тому же миеиию и ссылающихся иа тот же авторитет, ведущий их за собой, с мнеиием которого оии все согласиы, можно рассматривать как одии разум, а одии разум может заблуждаться... Когда же различиые умы сойдутся после размышлеиия, самопроверки, споров, прений, дебатов, рассмотреиия с противоположных сторои, то тогда ие будет иичего вериее того убеждеиия, к которому оии иридут».**

(аль-Фараби)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в районе Фараба́, у впадения реки Арысь в Сырдарью (что соответствует Шаульдерскому району Южно-Казахстанской области современного Казахстана).

• Является выходцем из привилегированных слоев тюрков, о чем свидетельствует слово «Тархан» в составе его полного имени — Абу-Наср Мухаммад Ибн-Мухаммад Ибн-Тархан Ибн-Узлаг аль-Фараби ат-Турки.

• Его отец входил в состав конной гвардии в городке Васидж.

• В годы ранней юности аль-Фараби переехал в Багдад. Он жадно впитывает культурную атмосферу столицы арабского халифата, знакомится с учеными.

• Когда аль-Фараби прибыл в Багдад, там жил известный мыслитель Абӯ Бишр Маттā бен Йӯнис (? – 22.06.940):

/ После смерти Аристотеля изучением его наследия занялись 12 учите-

---

* Мусульманская философия только отчасти является философией арабов, арабская она в основном по своему языку; это философия определенного круга народов, особенно иранцев, говорящих на арабском языке и исповедующих религию ислама.

лей философии в Александрии. Последний из них — Андроник. После победы Августа над Клеопатрой ему было поручено скопировать книги, переписанные при жизни Аристотеля и его учеников. Один вариант этих дублей был оставлен в Александрии (Египет), а другой был перевезен в Византий[50]. С приходом христианства изучение трудов Аристотеля приостановилось, однако было разрешено изучать определенную часть работ по логике. Гонения на сирийских христиан привели к смещению центра изучения Аристотеля в Антиохию (Сирия). Однако оставался один ученый из Антиохии, знавший оригиналы трудов Аристотеля; у этого ученого обучались два человека. Один из них родом из Харрана, а другой — из Мерва. У уроженца Мерва обучались Ибрахим аль-Марузи и Йуханнā бен-Хайлāн. У Марузи обучался Абӯ-Бишр Маттā бен Йӯнис, который в дальнейшем обучал Абу-Насра аль-Фараби. /

// Абӯ-Бишр Маттā бен Йӯнис преподавал логику, и у него в этом была высочайшая репутация и всеобщая известность. Каждый день на его лекции собирались сотни изучающих логику. Он читал книгу Аристотеля по логике, давая объяснения своим ученикам. Аль-Фараби написал с его слов комментарии в 70-ти томах. В своем искусстве логики в то время Абӯ-Бишр Маттā бен Йӯнис не знал равных. В сочинениях своих он блистал четкостью стиля и искусностью объяснения, стремился к простоте и избежанию сложностей. Поэтому один ученый сказал: «У аль-Фараби не было бы способности передать самые абстрактные идеи в понятном виде и выразить их в легких терминах, если бы не обучение у Абӯ-Бишр Маттā бен Йӯнис. Аль-Фараби посещал его лекции и бывал в толпе его учеников». //

• После общего обучения логике аль-Фараби некоторое время провел в городе Харране, где мыслитель-христианин Йӯханнā бен Хайлāн научил его особым применениям логики. После чего аль-Фараби вернулся в Багдад, где стал изучать философские науки ('улум ал-фалсафа).

• Аль-Фараби познакомился со всеми книгами Аристотеля, обрел легкость в восприятии как его идей, так и совокупности задач и проблем. Говорят, что рукой аль-Фараби было написано на Аристотелевом трактате «О душе»: «Я прочел этот трактат 200 раз».

• Аль-Фараби является первым полностью самобытным арабо-исламским философом.

• Роста он был ниже среднего, одевался очень просто, вел непритязательный образ жизни, любил уединение, избегал быть на придворных приемах.

• По обыкновению, бóльшую часть дня аль-Фараби проводил на краю бассейна или в тенистом саду, где писал книги и беседовал с учениками.

• Свои сочинения аль-Фараби записывал на отдельных листах. Поэтому почти всё созданное им приняло форму изолированных глав и записок. Некоторые из них сохранились лишь в фрагментах, многие не были закончены:

/ Общее количество работ аль-Фараби колеблется между 80-ю и 130-ю. Есть трактаты, состоящие из 2 — 3 страниц, но есть и многотомные. К сожалению, нам неизвестны даты написания того или иного сочинения аль-Фараби. /

• **Сочинения аль-Фараби:**

«О том, что должно предшествовать изучению философии»:

/■■ Девять вещей необходимо усвоить перед изучением философии:

* **во-первых** — название школ, существовавших в философии;
* **во-вторых** — знание цели каждой из книг Аристотеля;
* **в-третьих** — знание науки, положенной в основу изучения философии;
* **в-четвертых** — знание цели изучения философии;
* **в-пятых** — знание пути, избираемого тем, кто желает постичь философию;
* **в-шестых** — знание особенностей языка Аристотеля в каждой из его книг;
* **в-седьмых** — знание причин, побудивших Аристотеля к исключению неясностей в своей книге;
* **в-восьмых** — знание состояния, в котором должен находиться человек, имеющий познания в философии;
* **в-девятых** — вещи, необходимые для того, кто желает изучить книги Аристотеля ■/;

«О происхождении философии» (текст не сохранился и потому воспроизводится по сохранившемуся изложению в труде Ибн Абу Усейбиа):

/ Здесь аль-Фараби сообщает, что первоначально философия зародилась у халдеев, обитавших в Ираке, оттуда перешла в Египет, потом к грекам, где впервые получила форму письменно зафиксированной философии, от них — к сирийцам и, наконец, к арабам. /;

«Об изменчивых вещах»;

«О значении слова “интеллект”»;

«Жемчужина мудрости»:

/ Первоначальное название — «Главы учения о мудрости»; трактат состоит из 58 кратких параграфов (название «Жемчужина мудрости» дано комментатором XV в. Исмаилом аль-Хоссейни). Скорее всего, это сочинение аль-Фараби предназначалось для широкого читателя в качестве начального курса, так как уже с X в. использовалось для школьного преподавания. Этот трактат вызывает интерес тем, что некоторые параграфы, а именно первые 29, трактующие вопросы онтологические, излагаются очень необычным для аль-Фараби (всегда такого строго рационалистичного до «математичности») языком, насыщенным метафорами, сопоставлениями с сурами Корана, суффическими аллегориями. /;

«О классификации наук»;

«О философии Платона, о ее частях и порядке расположения этих частей от начала и до конца»;

«О философии Аристотеля»;

«Тезисы метафизики»;

«Указание пути к счастью»;

«Трактат о началах существования тел и акциденций»;

«Ответ на разные вопросы, заданные аль-Фараби»:

/ ♦ Спросили о способах возникновения образов предметов. Он сказал: образование образов предметов происходит тремя способами, один из них — это возникновение образов предмета в ощущении; второй — в мышлении, третий — в предмете.

Что касается возникновения образа в предмете, это происходит в случае воздействия одного предмета на другой предмет и заключается в восприятии внешнего очертания или свойства постороннего предмета. Например, когда железо сближается с огнем, оно принимает его образ, т. е. накаляется. В таких случаях воспринимающий уподобляется воздействующему. Что касается возникновения образов предметов в ощущении, то оно не может произойти без воздействия предметов на органы чувств. И это возникновение образов относится к состоянию предмета и происходит в результате его взаимодействия с материей.

Что касается возникновения образа предмета в разуме, то в этом случае образ находящегося вне разума предмета образуется независимо от связи с состоянием и материей предмета, следовательно, возникает, отвлекаясь, абстрагируясь от предмета и всех относящихся к нему вещей. Вообще, возникший в ощущении образ, который сам по себе смутный, неопределенный, является тенью определенных предметов.

Некоторые полагают, что разум отражает образы предметов, непосредственно чувствуя ощущаемые предметы. /;

«Гражданская политика»;

«Афоризмы государственного деятеля»;

«Книга предложений к "Альмагесту"[51]»;

«Книга духовных искусных приемов и природных тайн о тонкостях геометрических фигур»;

«Трактат о том, что правильно и что неправильно в приговорах звезд»:

/ ♦ После того как ученые и знатоки истины сошлись на том, что небесные светила в своей сущности не поддаются влияниям и преобразованиям и что в их природе нет противоречия, то что же тогда толкает предсказателей по звездам приписывать некоторым из них дурное предзнаменование, а другим — счастливое и подобное этому, исходя из их цвета, медленного или быстрого движения. Всё это не является правильным при сопоставлении, поскольку вовсе не обязательно, чтобы вещь, похожая на другую, в каком-либо отношении была подобна ей в целом и чтобы из каждой из них вытекало то, что вытекает из другой. /;

«Трактат о добродетельном городе-государстве» (произведение написано незадолго до смерти аль-Фараби):

/ ♦ Если когда-нибудь случится так, что в руководстве будет отсутствовать мудрость, то пусть, даже если оно отвечает всем остальным условиям, всё равно добродетельный город останется без государства, и глава, управляющий городом, не будет уже в этом случае государем, а городу самому будет угрожать гибель.

♦ Когда правитель ведет войну с какими-либо людьми только для того, чтобы они покорились и подчинились ему, почитали все его предписания, соглашались, чтобы он руководил и управлял ими, как он это находит нужным, и чтобы они соглашались со всеми его указаниями во всём, чего бы он ни пожелал, то это — несправедливая война. Точно так же, если он ведет войну с единственной целью одержать (над кем-то) верх, то и это несправедливая война. Точно так же, если он ведет войну или убивает не для чего другого, как только для того, чтобы утолить свой гнев или ради удовольствия, которое он получает от победы, то и это несправедливость.

♦ У различных добродетельных городов могут быть различные религии, хотя все они верят в одно и то же счастье и стремятся к одним и тем же целям.

♦ Формы общения с подданными и способы воздействия на них должны быть близкими и понятными, ведь может оказаться, что люди не поймут чего-то или будут не в состоянии что-то сделать. Предводители должны уподобляться искусному врачу, который дает больному лекарства в любимых и привычных блюдах. Поэтому любовь и ласка, поощрение представляют собой главные методы обращения с подданными.

♦ Так же как в первую очередь должно существовать сердце, которое только потом уже служит причиной существования всех других органов тела, равно как и возникновения в них способностей и расположения их в известном порядке, так что если придет в расстройство какой-нибудь из органов, то именно сердце обеспечивает устранение этого расстройства, — точно так же и глава Града должен существовать прежде, чтобы стать затем причиной возникновения города и его частей, причиной возникновения в них отсутствующего в природе, а также расположения этих частей по соответствующим ступеням.

♦ У главы Добродетельного Града должно быть двенадцать врожденных качеств: хорошее сложение, понятливость, сильная память, проницательность, красноречие, прилежность в учении, умеренность в удовлетворении телесных потребностей, любовь к честности и отвращение ко лжи, великодушие, презрение к богатству, любовь к справедливости и ненависть к притеснению и притеснителям, настойчивость. /

• За свои заслуги в области логики аль-Фараби получил от своих современников эпитет «мантикий» (логик).

• Аль-Фараби писал стихи. Вот одно, приписываемое ему:

Брат мой! Оставь место праздных.
Посети место небесных истин.
Это строение — недолгий приют нам.
Нет человека на земле, который избежит удара судьбы.
Этот человек завидует тому даже из-за
Меньшего, чем кратчайшие слова.

Что мы такое, кроме как капля спермы,
На которую снизошла непостоянная удача.
Небесный океан — первая, лучшая, из построек.
Почему же столько хлопот из-за центра, из-за Земли?

• Аль-Фараби был прозван «Вторым Учителем», потому что он так же, как и Аристотель, систематически излагал свои взгляды по всем отраслям знания.

• В 327 – 328 гг. *хиджры* (949 – 950 гг.) аль-Фараби побывал в Египте, где в то время распространялось исмаилитское движение, но с какой целью он ездил туда — неизвестно. Что мы знаем доподлинно, так это то, что именно в Египте философ еще раз просмотрел свой «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» (есть и такой вариант перевода заголовка) и разделил его на главы:

/ Относительно *хиджры*. Началом летосчисления в исламе принято считать 16 июня 622 года. Согласно преданию, эта дата есть день переселения (хиджры) *Мухаммада* (ок. 570 – 632), первого проповедника ислама, почитаемого мусульманами как величайшего пророка, посланника *Аллаха*, передавшего своим последователям «божественную книгу» — *Коран*, из Мекки, где он в 610 г. выступил как провозвестник новой мировой религии — ислама, в Медину, куда Мухаммаду пришлось перебраться из-за непризнания и возникших религиозных распрей. /

• В 950 г. аль-Фараби окончил свой жизненный путь. Погребли его за стенами Дамаска у Малых ворот...

/ О смерти аль-Фараби существуют две версии: согласно одной, он умер естественной смертью в Дамаске, согласно второй — был убит вооруженными бандитами в степи, когда с несколькими людьми отправился в город Аскалан. Узнав об этом, Сайфут-давла Хамдамид (943 – 967 гг.), правитель города Халеба, человек, расположенный к ученым и особенно хорошо относившийся к аль-Фараби, со своими приближенными привез тело аль-Фараби, похоронил его, поймал бандитов и повесил их. /

2. СУДЬБА

► В источниках есть упоминание о том, что до своего увлечения науками аль-Фараби был судьей, но, решив посвятить себя поискам истины, бросил эту должность, занявшись светскими делами, в частности преподавательской деятельностью. Рассказывается также и о том, как он приобщался к знаниям. Однажды один из близких людей отдал аль-Фараби на хранение большое количество книг, среди которых было много трактатов Аристотеля. Аль-Фараби в часы досуга начал читать эти книги и настолько увлекся ими, что бросил должность кади. Этот случай якобы сыграл решающую роль в его судьбе: он стал великим ученым. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что в процессе изучения наук аль-Фараби увлекся греческой мудростью и особенно трудами величайшего мыслителя древности Аристотеля. В тот период было много переводов Аристотеля, сделанных в основном с сирийского языка (на сирийский язык его труды были переведены раньше,

еще в VI – VII вв.). Имеются сведения о том, с каким усердием и терпением изучал аль-Фараби труды греческого мыслителя. Согласно легендам, он прочитал «Естественную гармонию» Аристотеля сорок раз.

➤ Однажды у аль-Фараби спросили: «Кто больше знает — ты или Аристотель?» Он ответил с достойной скромностью: «Если бы я жил в тот период и встретился с ним и занимался бы у него, то я мог бы быть его лучшим учеником».

➤ Как-то раз в Дамаске аль-Фараби пришел к правителю, когда у него происходило собрание ученых. Когда аль-Фараби вошел в зал, где Сайфут-давла восседал на троне, правитель предложил ему сесть. Тогда ученый спросил: «Как сесть, сообразно моему сану или сообразно твоему?» «Сообразно твоему», — ответил правитель. Тогда аль-Фараби прошел мимо всех эмиров и сел около трона. Государь рассердился и сказал своему телохранителю на тайном языке, который знали только немногие посвященные: «Этот тюрк нарушил все правила приличия, поэтому когда он встанет (по окончании собрания), тогда вы накажете его за невоспитанность». Тогда аль-Фараби спросил: «Я никакого проступка не совершил, за что я буду наказан?» Услышав этот вопрос, изумленный Сайфут-давла спросил: «Ведь в народе этого языка никто не знает, где и у кого ты его изучал?» Аль-Фараби ответил: «Мне пришлось изучать многие языки, я знаю их больше семидесяти». В тот момент кто-то из сидящих ученых задал вопрос, и началась дискуссия среди собравшихся. Никто не мог ответить на этот вопрос, и тогда *Второй Учитель* всесторонне разъяснил его, и никто не смог с ним спорить. Тогда правитель спросил, обратившись к аль-Фараби: «Судя по всему, ты и есть тот, кого среди знатоков тайн мира называют «вторым» после Аристотеля?» Аль-Фараби ответил утвердительно. И пришлось Сайфут-давле просить у него прощения за то, что не узнал мудреца и обидел его, а аль-Фараби пожелал правителю здоровья.

➤ В трактате «Избавляющий от заблуждения» Газали обвиняет Аристотеля и его «приверженцев из мусульман» в неверии и указывает на необходимость вернуть их на «правильный путь». «Аристотель, — пишет он, — ... глубоко погряз в пороках того же неверия и той же ереси, что и его предшественники. Остальным также не удалось освободиться от неверия и ереси, поэтому появилась необходимость разоблачать неверие как этих метафизиков, так и их приверженцев из числа философствующих мусульман, к каким принадлежат, например, Ибн-Сина, аль-Фараби и им подобные, хотя нужно отметить, что ни один из философствующих мусульман не постиг аристотелевской науки так глубоко, как эти два мужа».

Перечисляя погрешности, которые он обнаружил в произведениях аль-Фараби и Ибн-Сины, Газали указывает: «... все допущенные ими ошибки могут быть сведены к двадцати принципам, из коих три должны быть признаны противоверными, а семнадцать — еретическими. Для того чтобы доказать несостоятельность их учения в этих двадцати вопросах, мы составили книгу «Опровержение», а что касается упомянутых трех вопросов, то в них философы выступали против всех мусульман.

Эти вопросы излагаются в следующих их высказываниях: тела не воскресают; воздаяния и наказания получают лишь души; воздаяния и наказания носят духовный, но не телесный характер. Их высказывания верны там, где утверждается существование духовных воздаяний и наказаний (таковые действительно существуют), но не верны там, где отрицается существование телесных воздаяний и наказаний. Их высказывания безбожным образом противоречат шариату*.

Сюда же относится и такое их высказывание: «Всевышний Аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном». Это — еще одно очевидное проявление неверия. Истина же заключается в том, что «от видения Его не укрывается ни одна вещь, будь она величиной с пылинку, ни на небесах, ни на земле».

Сюда относится также их высказывание об извечности и нетленности мира. Что-нибудь подобное не осмеливался еще утверждать ни один мусульманин.

За такими их высказываниями кроется отрицание атрибутов Аллаха, их утверждение, что Аллаху ведомы лишь сущности и что, кроме таковых, он ничего не знает».

3. УЧЕНИЕ

♦ Обретение человеком знания осуществляется посредством чувств. Душа челоаека потенциально познающа. Чувства — это средство, при помощи которого человеческая душа обретает знание.

♦ ***Необходимо-сущее*** есть первоначальный источник всякого ***истечения***, и оно очевидно. Оно владеет Вселенной без того, чтобы вследствие этого в нем возникло многообразие. Оно существует, поскольку оно очевидно и охватывает по своей собственной сущности всё. Его знание о Вселенной поэтому более позднее, чем его сущность, но знание его о нем самом есть он сам. Первое приносит с собой многообразие, которое является всё же более поздним, чем его сущность. Но Вселенная имеет к нему отношение как к единству, и поэтому оно есть Вселенная в форме единства.

♦ Искусство, целью которого является достижение прекрасного, называется философией или, в абсолютном смысле, мудростью.

♦ Философия предшествует «вероучению» во времени.

♦ Сфера философии вращается вокруг вопросов «откуда?» и «каким образом?».

♦ Определение философии и сущность ее в том, что она наука о сущем, как таковом.

♦ Философия, *говорю я*, постигается только при хорошем здравомыслии, а хорошее здравомыслие достигается только при такой потенции ума, которая должна наличествовать у нас до этого времени. А потенция ума возникает тогда, когда у нас имеется такая способность, посредством которой мы об истине судим, как о достоверной, и убеждаемся в ней,

* **Шариáт** (*араб.* Шариа, *букв.* — надлежащий путь) — свод норм мусульманского права, морали, религиозных предписаний и ритуалов, призванных охватить всю жизнь мусульман от колыбели до могилы. Шариат основывается на Кораие и Сунне.

посредством которой мы судим о ложном, что оно действительно ложно, и избегаем его, судим о ложном подобно истине, и не заблуждаемся относительно него, и судим о том, что истинно само по себе, но сходно с ложным, и не заблуждаемся и не обманываемся относительно этого. Искусство, посредством которого мы приобретаем эту способность, называется искусством логики.

♦ Потенциальный интеллект — это одна из способностей души или нечто, сущность чего способна или готова абстрагировать сущности и формы существующих предметов от материи. Что же касается человеческого интеллекта, то он естественно появляется у человека с начала его существования, он представляет собой некое расположение в материи, подготовленной к восприятию умопостигаемых форм, следовательно, это — **интеллект потенции**, интеллект первоматериальный и, равным образом, умопостигаемые возможности.

♦ Пока *потенциальный интеллект* не приобрел формы существующих вещей, он является потенциальным интеллектом, но коль скоро эти формы в нем реализовались, тогда... он становится интеллектом.

♦ *Деятельный интеллект* представляет собой некую абстрагированную форму, которая никогда не была в материи и с нею совершенно не связана. Это он превращает ту сущность, которая была в потенции, в актуальный интеллект, и он же претворяет потенциальные умопостигаемые объекты интеллекции в соответствующие актуальные объекты.

♦ *Благоприобретенный интеллект* представляет собой способность человеческого разума познать существующие вещи, оперируя уже понятиями о них. Благоприобретенный интеллект есть актуальный интеллект в действии, когда понятия — формы актуального интеллекта уже осуществляют свою основную функцию — цельное познание материального мира: актуальный интеллект является как бы субстратом и субстанцией для благоприобретенного интеллекта, деятельность которого состоит в том, что формы (понятия) начинают нисходить к телесным материальным формам, в то время как прежде они постепенно *восходили* до тех пор, пока они мало-помалу не абстрагировались от субстанций, переходя к нематериальному состоянию.

♦ Рассуждения бывают либо абсолютно истинные, либо абсолютно ложные, либо в целом истинные, но частично ложные, либо наоборот, либо истинные и ложные в равной мере. Абсолютно истинное рассуждение называется доказательством; то, которое в целом истинное, — диалектическим; то, которое в целом ложно, — софистическим; то, которое абсолютно ложно, — поэтическим.

♦ Душа не может существовать раньше тела, как это утверждает Платон; точно так же она не может переселяться из одного тела в другое, как это утверждают сторонники учения о переселении душ.

♦ Постижение *универсалий*, осуществляемое человеком, происходит через чувственное восприятие единичных предметов.

♦ Знай, что нет ничего, кроме субстанции и акциденции и их творца, благословенного в веках.

♦ Акциденцию воспринимают пять чувств. Субстанцию воспринимает

только разум, причем посредствующим звеном между ним и ею служит акциденция. Разум познаёт, что, к примеру, за цветом находится нечто окрашенное и за голосом — нечто слышимое.

♦ Именно благодаря первой материи и противоположным формам, в которых с необходимостью заключено их бытие, создаются возможно-сущие вещи.

♦ Возможно-сущие вещи представляют собой последующие вещи с самым несовершенным бытием, т. е. вещи, слагающиеся из бытия и небытия, ибо между ними и тем, что не может существовать (а это — все крайние противоположности), находятся вещи, которым можно приписать противоположность каждой из двух крайностей. Они могут существовать и могут не существовать. Они слагаются из бытия и небытия. Они являются бытием, которое противополагается небытию и с которым сочетается небытие. Небытие — это несуществование того, что может также и существовать.

♦ Материя и форма не могут служить причиной существования друг друга.

■■ Форма существует не потому, что она по природе предназначена для материи. Напротив, материя существует ради формы, т. е. ради того, чтобы бытие формы зиждилось на ней. Ввиду этого форма превосходит материю. Материя же превосходит форму в том отношении, что в своем бытии она не нуждается в пребывании в каком-либо субстрате, между тем как форма нуждается в этом.

Материя не имеет ни противостоящего ей небытия, тогда как у формы есть небытие и противоположность. А то, у чего бывает небытие или противоположность, не может быть постоянно существующим. ■

♦ Вещь не уничтожается сама по себе, ибо в противном случае ее бытие было бы недействительным. Представление о том, что движение уничтожается само по себе, нелепо, ибо для его уничтожения должна существовать некая внешняя причина, так что если прекратится одно движение, то за этим последует возникновение другого движения.

♦ У бытия самого по себе нет ни начала, ни конца.

♦ Всякий раз, как только одно тело освобождает пространство, в ту же минуту это пространство заполняется другим телом и выйдет смежное с ним тело, но никогда пространство, из которого вышло первое тело, не останется абсолютно пустым.

♦ Есть шесть родо́в бытия: небесные тела, разумные и неразумные животные, растения, минералы, четыре первичных элемента (огонь, вода, воздух, земля).

♦ Акт творения состоит в сохранении дальнейшего существования вещи, причина бытия которой не заключена в ней самой, так что существование этой вещи не зависит ни от каких иных причин, кроме него как Творца. Все вещи имеют одинаковые отношения к нему как к Творцу (а между Ним и Его творением нет ничего посредствующего, ибо первое творение есть причина других сотворенных вещей). Оно таково, что Его действия лишены недостатков и источник их — в Нем самом.

♦ Ни одна вещь не движется сама по себе.

♦ У движения не может быть ни начала во времени, ни конца во времени.
♦ Промысл Божий простирается на всё, он связан с каждой единичной вещью, и всякое сущее подлежит приговору Всевышнего и предопределению Его. Точно так же и злосчастья подлежат приговору Его и предопределению, ибо они, как на привязи, следуют за тем, из чего неизбежно рождается зло. Приключаются же они с тем, что́ подвержено возникновению и уничтожению. Но злосчастья эти акцидентально достойны восхваления, поскольку, не будь их, не длились бы многие блага. Если же великое благо, составляющее достояние вещей, ускользало бы от них из-за малой толики зла, коей нельзя избежать, то зла было бы гораздо больше.

4. МЫСЛИ

◘ **Вопрос.** О ты, чье имя Абу-Наср аль-Фараби, прославившийся как Второй Учитель после великого и непревзойденного Аристотеля! Ответь, кто ты есть — политик или философ? Назвать тебя политиком не повернется язык. Ведь ты никогда не восседал на троне, не вел людей за собой в битву во имя Бога, не было у тебя ни свиты, ни слуг. И богатства нет и не было; у тебя всего четыре дирхема серебром — вот всё твое каждодневное содержание от султана Сайфут-давлы (да продлит Бог его дни!). Наверно, больше подобает назвать тебя аскетом — ведь проводишь свои дни в уединении и размышлении, стремишься встречи свои ограничить беседами редкими с учениками прилежными. Не назовешь тебя и философом. Философы мыслят о вечном, мыслью возносясь к сферам небесным, общаясь с существами духовными, ангелоподобными. А ты посбивал себе ноги, по градам блуждая, ища совершéнный. И мыслишь о том, как построить такой, где все обретут свое счастье: и воин, и пахарь, и тот, кто живет ремеслом, и другие — все те, кого видишь на рынке, на улицах, в поле. Не слишком ли низкими занят делами — ты, претендующий зваться философом? Ведь можно оставить всё это владыкам, писцам и визирям, немало они написали о том, что зовется «политикой»...

Ответ аль-Фараби. Что скажу тебе, вопрошающий? Поведаю тебе о некоем аскете — воздержанном, из людей, известных своим благочестием, праведностью, воздержанностью и набожностью, чем он и прославился среди всех. И стал его преследовать неправедный султан. Захотел он тогда убежать из города. Султан же приказал его разыскать и схватить, где бы он ни находился. И стало ему невозможно выйти ни через какие врата города. Испугался он, что попадет в руки людей султановых. Тогда оделся в одежды, которые надевают придворные, взял в руки тамбур, притворился пьяным и в сумерках подошел к городским воротам, распевая и играя на тамбуре. «Кто ты?» — спросил его стражник. А тот ответил ему со смехом: «Я аскет такой-то». Стражник подумал, что он шутит, и пропустил его. Так он и спасся, не солгав.

Вот так точно и Платон, великий мудрец, не позволял себе демонстрировать знания и раскрывать их всем людям. Он избрал метод символов и загадок, сокрытий, чтобы не достались знания тому, кто их не оценит или использует не по назначению. И делал он правильно. Но

когда это стало известно и люди узнали, что он этим знаменит, то он, быть может, говорил о чем-то прямо и открыто, а те, кто читал его или слушал, считали, что эта речь его — символы, а подразумевает он нечто совсем другое.

- Подражание Аристотелю должно быть таким, чтобы любовь к нему никогда не доходила до той степени, когда его предпочитают истине, ни таким, когда он становится предметом ненависти, способным вызвать желание опровергнуть его во что бы ни стало.
- Всё, что полезно для достижения счастья, и всё, чем оно достигается, — добро. А всё, что в какой-то мере препятствует счастью, — это абсолютное зло.
- Правитель, наряду с высокими интеллектуальными качествами, должен любить правду и ее поборников, искоренять ложь и прибегающих к ней, любить от природы справедливость и ее поборников, ненавидеть несправедливость и тиранию и тех, от кого они исходят; быть справедливым, но не упрямым, не проявлять своенравность и не упорствовать перед лицом справедливости, но быть совершенно непреклонным перед всякой несправедливостью и низостью.
- **Смышленость** — это способность превосходно догадываться о чем-то быстро, без затраты времени или в короткий промежуток времени.
- **Рассудительность** — это то, что простые люди называют умом. Если человеку свойственна эта сила, его называют умным.
- **Мудрость** — есть знание отдаленных причин, от которых зависит бытие остальных существующих вещей и ближайших причин вещей, имеющих причины.
- Норма поведения преподавателя заключается в том, что он не должен проявлять ни излишней строгости, ни чрезмерного потворства, так как суровость восстанавливает обучающегося против своего наставника, а потворство приводит к неуважению его персоны, нерадению к его преподаванию и его науке. С его стороны необходимы усердие и настойчивость, ибо они, как говорят, подобны способности воды, капля за каплей пробивающей камень. Очень важно также ограничивать свои занятия одной наукой, ибо усиленные занятия различными предметами приводят к беспорядку и нарушению системности.
- Все нравственные качества, как прекрасные, так и безобразные, приобретаются. Когда человек не обладает сложившимся нравом, то, соприкасаясь с хорошим или плохим нравом, он может по своей воле перейти к противоположному нраву.
- Хороший нрав и сила ума, оба вместе, являются человеческим достоинством в том смысле, что добродетель каждой вещи состоит в превосходстве и совершенстве в ней самой и в ее действиях.
- По отношению же к людям связующим началом выступает человечность, и людям, поскольку они принадлежат к роду человеческому, надлежит поддерживать между собой мир.

- Друг, не иди по пути, по которому идут плохие
  люди, избегай их, всегда будь на стороне правды.
  Этот мир-дом не может быть для нас местом постоянной

жизни: никто на Земле не мог перебороть смерть.
Мы, люди, подобны краске на рисунке?
Мы — песчинки и при дуновении ветра исчезнем сразу.
Жизнь так коротка, и люди даже в такой краткой жизни
не могут жить мирно и дружно.
До каких пор мы будем друг другу делать зло и
неприятности, не лучше ли нам подняться к создателю
Вселенной, т. е. умереть?

- С двумя стеклянными сосудами коротаю я жизнь.
  На них построил я все дела свои.
  Один сосуд наполнен чернилами,
  Другой наполнен вином.
  С помощью одного составляю я свод мудрости,
  С помощью другого отгоняю тоску от сердца.
- Несостоятельным философом является тот, кто осваивает теоретические знания, не обладая наивысшим совершенством, чтобы привить свои знания другим людям по мере своих возможностей. Ненастоящим философом является тот, кто изучает теоретические науки, не искажая их, но кто не совершает добродетельных поступков, а, напротив, во всем следует своим страстям и желаниям. Ложным философом является тот, кто изучает теоретические науки, не будучи от природы предрасположенным к этому.
- Человек не может быть наделенным с сáмого начала от природы добродетелью или пороком, так же как он не может быть прирожденным ткачом или писцом.
- Человек стал человеком благодаря разуму.
- Нет такой величины, которая после деления стала бы чем-то уже не имеющим частей; тела не состоят из таких частей, у которых не было бы своих частей.
- Если философ не находит себе применения, то такой философ бесполезен.

Фирдоуси́

X – XI вв.

Абу-ль-Касим Фирдоуси

• Иранский поэт, мудрец

Родился: ок. 934 г.
Умер: 1024 г.

Прожил ≈ 90 лет

«Как милость неба отличить от гнева,
О мудрецы, ответите ли мне вы?»
(Фирдоуси)

■ **«От разума — печаль и наслажденье,**
От разума — величье и паденье».
(Фирдоуси)

■ **«Мы все равны — богатый и бедняк».**
(Фирдоуси)

■ **«Всё в мире покроется пылью забвенья,**
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца».
(Фирдоуси)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Тусе в Хорасане, в семье малоимущего феодала (дехканина).
• Образование получил в доме своего отца.
• Знал арабский язык и, возможно, среднеперсидский.
• За глубину и обширность познаний его величали *«хаким»* — «мудрец», «ученый».
• Практически всю жизнь проработал над эпической поэмой о царствовании пятидесяти легендарных и исторических шахов Ирана. Эта грандиозная задумка во много раз превышает Гомеровы «Илиаду» и «Одиссею», вместе взятые. Ее первый вариант был окончен в 994 году.
• По завершении второй редакции своего труда Фирдоуси преподнес его выходцу из тюркской племенной гвардии Саманидов султану Махмуду, освободившему Бухару от захвативших ее кочевых племен и вновь восстановившего суверенитет и целостность Ирана.
• В период творческой зрелости некоторое время жил в городе Газна (ныне территория Афганистана) при дворе тюрка-завоевателя Восточного и Северного Ирана и Северной Индии султана Махмуда Газневидского (999 – 1030).
• Автор самой льстивой похвалы и, может быть, самой тонкой из всех, какие преподносились султану:

Ребенок, пососавши грудь матери, еще необсохшими губами
Лепечет в колыбели свое первое слово: «Махмуд».

• Познал нужду, испытал неудачи, пережил потерю любимого сына.
• Беды и горести состарили его раньше времени.
• **Сочинения Фирдоуси:**

«Шах-наме» (994 – 1010) — *«Книга о шахах»*:

/ Написана двустишиями (бейтами). Содержит 60 000 бейтов. Одно из прежних названий этого шедевра Фирдоуси *«Бистан-наме»* (*«Книга о старине»*). /

// Жестокий властелин Газны не сумел понять эпопеи «Шах-наме», оплатил ее крайне скупо, и Фирдоуси, убежавши от двора, составил даже сатиру на недалекого и алчного владыку, где были слова: «Будь Махмуд не сын раба, а из рода царского, он бы увенчал мою голову царской короной». //

/// Вокруг могущественного Махмуда роилась целая плеяда талантливых ученых и стихотворцев. Среди них были и такие, как философ и врач Авиценна (Ибн-Сина), астроном Бируни и другие.

Султан со всеми обращался, как с челядью. Бируни, разгневавши Махмуда своим удачным ответом по астрологии, когда тот заранее ждал ответа неудачного, должен был за свою ученость просидеть в тюрьме полгода. ///

• Этический идеал Фирдоуси не обычная личность, а необыкновенная — сильная, героическая:

♦ Лишь та достойна властвовать десница,
Что солнце заставляет поклониться!

♦ Не подобает от любви страдать
Тому, кто миром должен обладать.

♦ Стреле не подобает кривизна:
Кривая — в цель не попадёт она.

• На его могиле, в Иране, в 1934 г., в связи с тысячелетием со дня рождения поэта, возведен мавзолей.

∇ ◐ Как мыслителя Фирдоуси можно отнести к основоположникам *«философии судьбы»*. ◑

2. СУДЬБА

► Согласно легенде (этот вариант поэтически обработан немецким романтиком Генрихом Гейне), султан обещал Фирдоуси заплатить за каждый бейт по золотой монете. Но Махмуд жестоко обманул поэта. Когда прибыл караван от султана и развязали тюки, оказалось, что золото заменено серебром. Оскорбленный Фирдоуси, который в этот момент был в бане, разделил эти деньги на три части: банщику, людям каравана, а на третью купил прохладительные напитки. Это был явный и дерзкий вызов владыке. Султан приказал наказать поэта — бросить его под ноги слону. Фирдоуси бежал из родных мест и много лет провел в скитаниях.

Прошло время, и, согласно преданию, султан сменил гнев на милость. Его прощение и смерть Фирдоуси совпали. Так поэт и не узнал о раскаянии шаха.

► И еще один штрих посмертного соприкосновения Фирдоуси с нами —

миром, о котором он точно знал: здесь его будут и помнить, и ценить, и чтить. Цитирую информационный сюжет из газеты «Эйшн уолл стрит джорнэл» (Гонконг), переданный для «Известий» (26 ноября 1994 г.) журналистом Владимиром Скосыревым:

«Пасмурным утром реактивный самолет из Ирана приземлился в аэропорту Вены. С трапа спустился господин, который прошел в грузовой терминал и внимательно осмотрел три тщательно упакованных и запломбированных деревянных ящика. Тем временем из лайнера выгрузили крупный контейнер, который перенесли в грузовик. Респектабельные джентльмены ознакомились с содержимым контейнера.

Когда процедуры были завершены, самолет с запломбированными ящиками взял курс обратно на Тегеран. Контейнер остался в Вене. Что было в ящиках и контейнере?

Австрийский аэропорт оказался удобным местом для тайного обмена шедеврами искусства между двумя государствами, исповедующими разные культурные ценности и противоположные взгляды на современность. Иранский самолет доставил на родину после четырехвековой «иммиграции» остатки непревзойденного шедевра персидского искусства «Шах-наме», книги стихов и рисунков. А в контейнере находилось сокровище европейской модернистской живописи — картина Виллема де Коонинга «Женщина III», которую скрывали от взора правоверных в запасниках Тегеранского музея современного искусства с 1979 года, когда в Иране победила исламская революция.

Что касается «Шах-наме», то с 1010 года, даты ее завершения, шахи, правившие страной, неоднократно приказывали придворным художникам переписывать и иллюстрировать поэму.

Один из самых замечательных выпусков этой книги — плод творчества многих художников, работавших в 20-х годах XVI века по заказу шаха Тахмаспа. В 1568 году шах подарил книгу турецкому султану Селиму II. С тех пор в Иране ее больше не видели. Знатоки искусства на Западе понимали значимость этого произведения. И три с половиной столетия спустя книга оказалась сначала в руках барона Ротшильда, затем была продана американскому миллионеру Артуру Хоутону-младшему. Между тем выдающийся коллекционер на закате жизни, видимо, уже плохо оценивал последствия своих поступков. К удивлению специалистов по восточным культурам, он стал дарить и распродавать «Шах-наме» по частям.

— Но ведь книга была единым произведением, каждая картина, как правило, связана сюжетной линией с предыдущей, и очередность чрезвычайно важна, — говорит Михаил Бич, директор картинной галереи в Вашингтоне.

После смерти Хоутона в коллекции из прежних 258 осталось 118 миниатюр. Когда она перешла по наследству к сыну Хоутона, тот стал подыскивать покупателя. Им оказалось правительство Ирана.

В самом Иране отношение к поэме неоднозначное. В начале исламской революции творение Фирдоуси было запрещено: решили, что в нем слишком большое внимание уделяется шахам. Но вот кончился период революционной горячки, и в 1990 году «Шах-наме» официально реабили-

тировали. Сделал это президент республики Хашеми-Рафсанджани, который назвал Фирдоуси «ответственным мусульманином и одаренным поэтом».

Итак, Тегеран был готов выкупить всё, что осталось в коллекции Хоутона. Где взять деньги? Помогла коллекция западного искусства, собранная последним шахом Ирана. Картина де Коонинга входила в эту коллекцию. Кстати, с точки зрения мулл, правящих в Иране, это полотно нарушает каноны шариата: «изображает ничем не прикрытое, искривленное тело женщины».

Процедура обмена была довольно сложной. Некая корпорация в Англии получила картину де Коонинга от Ирана и продала ее анонимному покупателю, на вырученные деньги выкупила «Шах-наме» у Хоутона и передала шедевр иранцам. Вся операция была подготовлена заранее и заняла всего несколько часов, пока лайнер ждал в аэропорту.

Во что обошлась картина де Коонинга анонимному коллекционеру? Это тайна. Известно лишь, что пять лет назад другая его работа — «Взаимный обмен» — была продана за 20 миллионов долларов».

3. УЧЕНИЕ

♦ Един лишь Бог, всесущий и незримый:
Нет у Него ни друга, ни любимой.

Четами Он все твари сотворил,
Тем самым тайну мира нам открыл.

Что со Вселенной стало бы и с нами,
Когда бы твари не жили четами!

♦ Спросил я знающего: «В мировом просторе
Недвижной суши больше или моря?»

«Всю твердь земную, — отвечал брахман, —
Безбрежный омывает океан».

♦ Был первым в мире создан разум наш,
Он — страж души, трех стражей верный страж,

Те трое суть язык, глаза и уши:
Чрез них добро и зло вкушают души.

♦ Душа и плоть достойны изумленья.
Сперва о них ты возымей сужденье.

♦ Всё решено заране. Никому
Не обойти, что суждено ему.

♦ Мудрец сказал: «Коль ты умен, пойми ты,
Что все деянья с их причиной слиты».

♦ О мир, как дивно круг ты совершаешь —
Ломаешь то, а это исправляешь!

♦ Мир удивителен; и нет ни в ком
Из смертных разуменья обо всём.

♦ Сей мир противен светлому уму,
И мудрый ужасается ему.

Любого из живых судьба находит.
Один уходит, а другой приходит.

И в счастье и в беде — одна судьба,
Безумна с Высшим судиёй борьба.

♦ Не будь спесивым, царь непобедимый,
Затем, что все для смерти рождены мы.

Немало было до тебя царей,
Блиставших в мире славою своей,

Вёл каждый счет благому и дурному
И отходил, оставив мир другому.

Пусть ты стойишь железною стеной, —
Поток времен тебя снесет волной.

Другой воссядет на престол по праву,
Он ввергнет в прах тебя, твой трон и славу.

♦ Учил мудрец: «Кто мудр — от зла уйдёт,
Кто сеет зло — возмездие пожнёт».

4. МЫСЛИ

◪ Венец, краса всего живого — разум,
Признай, что бытия основа — разум.

◪ Ты мудреца слыхал ли изреченье?
Сказал он правдолюбцам в поученье:

«Раскается в своих деяньях тот,
Кто, не подумав, действовать начнет.

В глазах разумных — дураком он станет,
Для самых близких — чужаком он станет».

◪ О том, что ты услышал, всем поведай,
С упорством корни знания исследуй:

Лишь ветви изучив на древе слов,
Дойти ты не сумеешь до основ.

◪ Волшба в чести, отваге нет дорог.
Сокрылась правда, явным стал порок.

◪ Зачем же долгой жизни ты желаешь,
Коль тайну мира так и не узнаешь?

◪ Быть может, выход мы найдем с тобой, —
Есть избавленье от беды любой.

◪ Спросил о горнем городе учитель:
То — наша постоянная обитель.

Мы временно живем в степи сухой,
С ее отрадой и ее тоской.

Она щедроты нам несет и прибыль,
Она заботы нам несет и гибель.

Землетрясенье, буря — в этот миг
Взволнован мир, он поднимает крик,

Твой труд заносится песком пустыни,
Ты переходишь в город на вершине.

Другой начнет владеть твоим трудом,
Но так же он уйдет, как мы уйдем.

Да, нашей жизни такова основа.
Так было, так пребудет — вечно ново.

В дорогу имя доброе возьми,
Тогда прославлен будешь ты людьми.

Таков закон дворца, где правит зло:
То ты в седле, то — на тебе седло.

Ум просветленный должен шах иметь,
А не безумьем ярости гореть.

Что́ в мире смертного *произволенье*,
Где всё предначертало провиденье,

Где тайным всё венчается концом,
Заранее решенное Творцом?

Коль кипарис подни́мет к небу стан,
То на кустарник не глядит фазан.

Хоть сотни лет мне счастье верно служит,
Но мир свое коварство обнаружит.

О древний старец, что мне скажешь ты
О мире, о смятении тщеты?

Кому победу, взлет, кому паденье
Сулит в грядущем времени стремленье?

Но бесконечность времени для нас
На сей земле дарит всего лишь час.

Кто знает, сколько битв, пиров в грядущем
Скрывается под куполом бегущим?

...Ты видишь ли круговращенье дней?

Оно одних на самый верх поставит,
От го́рестей и бед избавит,

Других низвергнет вниз, в непрочный прах,
Где сплошь и рядом — горе, смута, страх.

Того, кого лелеяло на воле,
Вдруг бросит в яму нищеты и боли,

Другого из темницы до высот
Престола и короны вознесет.

Судьба кознелюбива и упряма.
Ни перед кем она не знает срама.

Она сильна в хорошем и в плохом.
Заботиться не хочет ни о ком.

Добра и зла вожатый постоянный —
Таков сей мир и все его обманы.

- Мир только вечен. Наша жизнь мгновенна.
Но имя остается во Вселенной.

Лишь добрые деяния народ
Прославит. Остальное — всё умрет.

- И тот, в ком светоч разума горит,
Дурных деяний в мире не свершит.

- Лишь чести ты моей не угрожай!
Достоинство мое не унижай.

- Кто львенка в доме у себя взлелеет,
Пусть помнит тот, что лев заматереет.

В стальную клетку ты запри его,
Иль разорвет тебя он самого!

- Я поступаю, как велит мне честь.
Постыдна добрым низменная месть.

Ты — лжемудрец! Учил ты лишь дурному —
Бежать добра, стремиться к делу злому.

- Обычай мира древнего таков:
Мы в море тайн не видим берегов.

- Брахман заметил: «Алчность и нужда —
Два демона, не спящих никогда».

- Жизнь такова: пройдет столетье, миг ли, —
Где муж, кого б несчастья не постигли?

- И мудрые сказали: «Время быстротечно,
О муж, добро и зло недолговечно».

∇ ◐ Вообще, это весьма интересная тема — *прекращаемость* чего бы то ни было. В принципе, всё заканчивается, всё проходит, всё умирает. И казалось бы, что тут говорить: каждый день мы наблюдаем сход земных образований (то ли вещей, то ли событий) В НИКУДА, В НИЧТО, В РАСПАД. Можно уже и попривыкнуть, да и наобобщаться вдосталь. И тем не менее каждое новое поколение людей, каждый вновь мыслительствующий или мудрствующий приступает вновь и вновь к разработке одного и того же: на всём, о человече! лежит печать чересполосицы, всё проходит, и на место черных дней заступят дни светлые.

Заметьте, речь идет не о том, что наличествующее отживет свое и

уйдет со сцены, дело совсем в другом — время его бывания не может быть дольше времени моего терпения и ожидания. Это действительно любопытно. Получается, что на всем есть печать третьего компонента. То есть не «оно живет», а... «оно своей жизнью что-то ОПРЕДЕЛЯЕТ». И выходит, что главное определение срока существования идет не от высшей силы, но от па́рной сцепки «явление и другие события».

Это только кажется, что человек ждет, когда зло окончится или само зло перетерпит, пока ему отмерено выдохнуться. На деле моё с ним собывание меняет характер и смысл его фиксации. Бывание не просто есть, его суть **во взаимосвя́зи**. Поэтому можно и не быть будучи, а можно утратиться и не перестав иметься. Понятие исчезновения в какой-то мере счётно: это я своим отношением к со мной рядом находящемуся отмеря́ю, когда для него наступит «ты больше не будешь».

Конечно, одно дело сломанное, разорванное, разбитое. И совсем другое — отодвинувшееся, незамечаемое, утратившее значение. В первом случае имеет место только констатация: радостная или горестная — всё равно; во втором — меняя силу чувствования (т. е. степень личной самоопределимости в соувязке), можно варьировать диапазон бытийности чему-то или кому-то от «ты есть» до «ты перестал для меня иметь значение».

Что ж, пора, как говорится, определиться, **что, зачем и почему**... Сформулируем закон: всё вокруг — это не столько окружение, сколько *рисуемый* круг. И только от нас зависит — расширяться ему, быть ли в неизменности, или стянуться в точку и даже совсем исчезнуть. Это как кусок льда, взятый в руку: сначала он твёрд и мерзли́т ладонь, потом мы свыкаемся с его фактом и это запускает *процесс его иста́ивания*.

Поймём: всякая горестность для кого-то начинает отбирать потенциал у само́й этой горестности, и доброта среды испаряет саму́ ее причину. Собственно, чему удивляться!: это только с виду река течет, а так-то она уносится, забирая себя и отдавая себя. Вот и выходим мы на колебательный феномен: то для нас что-то есть, то для нас этого же и нет. И никакой загадки — падающее ударяет поверхность (ясное дело: больно и неприятно; берут оторопь и обида!), да только и УДАРЯЕТСЯ (деформируется, расплющивается, разбивается — претерпевает то есть). Вот они, РАМКИ СУДЬБЫ: — а нам лишь бы дождаться и... выстоять.

- С душою твердой, чуждый обольщенья,
Взирай, мудрец, на взлеты и паденья.

- Чту мудрых, повидавших свет,
И юных, жадных к знанью с детских лет.

- В юдоли сей овца не лучше волка, —
Равно от них нет никакого толка.

- Излишество и роскошь изгоните,
Богач, бедняк — единой ткани нити.

- И жемчугов и трона золотого
Ценней разумно сказанное слово.

- *К шаху:*

Так будь разумным, щедрым, справедливым.
Страна счастлива — будет царь счастливым.

Лжи приближаться к трону запрети,
Ходи всегда по правому пути.

Для добрых дел сокровищ не жалей;
Они стране — как влага для полей.

А если шах жесток, и скуп, и жаден, —
Труд подданных тяжел и безотраден.

Коль падишах гневлив, едва ль народ
Его владыкой мудрым назовет.

Коль шах на миг допустит в сердце страх,
То может осмелеть соседний шах.

Будь мудр и тверд в сей жизни многобедной
И всем явленьям в мире цену ведай.

Знай: быть царем достоин тот,
Кто щедр, как этот вечный небосвод.

Не приближай советников дурных,
Не слушай низких: зависть в сердце их.

К наветам подлых слухом не склоняйся
И клеветою злой не огорчайся.

Безмерна подлость низких и лжецов,
И тесно на земле от подлецов.

Коль тайну даже близкому доверишь,
Ты бедственных последствий не измеришь.

Не поноси́ людей, хоть ты и в силе,
Дабы тебя в ответ не поноси́ли.

Кто чтит себя превыше всех на свете, —
Не должен восседать в твоем совете.

Отринь от сердца, на престол воссев,
Страстей смятенье, ненависть и гнев.

- Нет, видно, разума у небосвода, —
То милость от него, а то — невзгода.

- Познанье выше имени и званья,
И выше свойств врожденных — воспитанье.

Коль в воспитанье сил не оберут,
Врожденные достоинства замрут.

- Меня секут, а я свое опять:
  «Храните честь!» А если негде взять?
  «Прекрасное любите!» — заклинаю.
  Но разве это можно приказать?

- Паденье тем страшней, чем выше взлет.

- Веления светил для нас темны...

- Быть может, если я царей прославлю, не книгу я, а памятник оставлю?

/ ◐ Как будто памятник есть память! Наивность и заблуждение. Память — это когда нет памятника, а тебя помнят. Но это только во-первых. А вот во-вторых... Прославляя царей, больше напоминаешь собой рефлектор прожектора: они — на свету, а ты — не просто в тени, а в кромешной тьме. И вообще! О каком из поленьев хоть когда-то оставалась память? — из тех, что сгорели, светя и грея?! /

♡ ◐ Мы без стихов никогда быть не сможем. И дело не в том, что мысли без них, порой, ну, никак. Стихи — стихия смысла. В ритмах созвучия мы способны передать не только значение, т. е. информацию, но и свои собственные подготовительные ощущения в момент зарождения всех направлений новизны в преподносимом содержании. Это можно понять так: кофе вполне способен утолить жажду, однако он не сводим просто к питью. Верх наслаждения — ещё и аромат и вкус. И церемония.

Стихи не просто читаются. Они — вычитываются. А это совсем не одно и то же. Данные нам внешне, как, скажем, и море с палубы корабля, они воспринимаются во всех оттенках способностей лингвистики. И это теперь, хоть и то же море, но уже изнутри, на взгляд аквалангиста.

Стихотворение (любое!) начинается в строчках, но заканчивается в возбуждении вызванного им состояния разума. Глазам не интересна рифма, они её не видят. Зато рифма целиком подчиняет себе взор. Поэтому, по прозе мы скользим взглядом, а в поэзии — мечемся. И мучаемся. Здесь всё открыто. Но... это как замóк с шифром. Смотри сколько хочешь на цифры лимбов или шкал. Комбинация — вот что спрятано.

В поэзии сознание доверчиво к тайне. Но именно поэтому последняя лукáвее. Первый её шаг — доступность. А второй — быть никогда не узнанным, что он состоялся. Это-то и позаоляет нам надеяться, что мы имеем больше, чем аладеем. Отсюда — постижение силы: мочь — это всегда заблуждаться относительно результата...

Да, поэтическое мыслит мышлением. Заметьте, не с ним, а им! И наподобие того, как двойственна фраза «руки в мукé» (то ли они в ней, то ли она на них), так и ритм окончаний двоит удваиванием.

Где ещё можно взять недаваемое? А разве дающееся способно быть в з я т ы м ?! Неужто земля б е р ё т падающий на неё камень? Но ведь же *у п л ы в а е т* корабль по целиком данному и неподвижному морю!!

Мир полон тайн и загадок. Но одно то, что обо всех них мы знаем, уже перечёркивает возможность секретности. Поэзия переворачивает привычное. Она говорит: смотри! И хотение видеть побуждает нас отметить отметками себе отметку. ◑

Авицéнна

X — XI вв.

Ибн-Сина

/Абу-Али Хусейн Ибн Абдулла Ибн Хасан Ибн-Али Ибн Сина/

• Персидский (таджикский) философ, врач, ученый

Родился: авг. 980 г.
Умер: 18.06.1037 г.

Прожил — 56 лет

> **«Душа похожа на стеклянный светильник, а знание есть свет, дающий огонь, а мудрость Бога — масло. Если он (светильник) горит — ты жив, если он погас — ты мёртв».**
> *(Авиценна)*

■ **«Мне город мал любой с тех пор, как стал велик».**
(Авиценна)

■ **«Мудрость — это то, что подготавливает нас к величайшему счастью в гóрней жизни».**
(Авиценна)

1. ЖИЗНЬ

• Родился и вырос в местечке Афшан близ Бухары.

• Ибн-Сине было 19 лет, когда его родной город заняли иноземные захватчики — караханиды[52]. Бухара была разграблена и опустошена; погибли многие культурные ценности. К этому времени Ибн-Сина успел закончить свое образование и прославился как врач и философ:

/ Известно, что уже в 17 лет Ибн-Сина вылечил эмира Бухары от тяжкого недуга, поставившего того на край могилы. Благодарный правитель разрешил юноше пользоваться придворной библиотекой династии Саманидов — одной из самых богатых среди книжных собраний ближневосточных стран того времени. /

• В странах Востока Ибн-Сина имел почетное прозвище «Шейх* ар-Раис» («Учитель мудрецов»).

• Авиценна — это латинизированная огласовка его имени.

• Ибн-Сина много читал и познаниями своими по преимуществу обязан самообразованию:

/ ♦ К десяти годам я изучил Коран и литературную науку. Потом я

* **Шейх** (*араб.* букв. старик) — 1) глава рода; 2) деревенский староста; 3) представитель высшего мусульманского духовенства, богослов и правовед.

занялся чтением книг по логике и тонкости этой науки постиг уже самостоятельно. Я продолжал читать и собирать книги. Тут я обратился к медицинской науке и увлекся книгами по медицине. В короткое время мое искусство в этой области достигло таких пределов, что многие из уважаемых врачей того времени стали приходить ко мне за советом. Занялся я также и практикой врачевания, и врата исцеления и опыта распахнулись передо мной. А было мне в это время только 16 лет. /

• Можно только удивляться работоспособности и неутомимой пытливости молодого Ибн-Сины:

/ ♦ В это время я ни одной ночи не спал полностью, да и днем я ничем другим не занимался, как наукой... пока я не укрепил себя во всех знаниях, пока не продвинулся в изучении их настолько, насколько позволяет человеческая природа. /

• Вскоре после смерти отца (1001 г.) Ибн-Сина навсегда покинул родину и переехал в Гурган — столицу Хорезма, где просвещенный визирь Сухайли собрал знаменитостей того времени.

• Ум и проницательность Ибн-Сины были поистине необыкновенны:

/■■■ Когда Абу-Али Ибн-Сина прибыл в Гурган, то остановился в караван-сарае. Однажды заболел человек, живший по соседству. Абу-Али лечил его, и тот вскоре почувствовал облегчение. Он вылечил другого человека, и на следующее утро больные стали приходить к нему и он осматривал всех. У него появились доходы, и они с каждым днем росли.

Так прошло некоторое время, пока не заболел один из родственников Кабуса, владыки Гургана. Врачи принялись лечить его, прилагая все усилия, но болезнь не отступала. Кабус же очень был привязан к больному, и печали его не было конца.

Тогда-то от одного из слуг и узнал он, что в караван-сарае остановился молодой человек, который занимается врачеванием, лечение его отмечено благодатью, и уже несколько человек получили выздоровление от него. Кабус велел разыскать того лекаря и привести к больному, ибо одна рука, сказал он, бывает благодатнее другой.

Абу-Али нашли и доставили к одру болящего. Он увидел хорошо сложённого юношу с прекрасным лицом, которое едва было подёрнуто пушком. Тот лежал без движения.

Абу-Али присел, нащупал пульс, спросил мочу и, исследовав ее, заключил: «Мне нужен человек, знающий все кварталы и дома Гургана». Такового привели. Тогда Абу-Али, держа руку на пульсе больного, попросил того человека называть разные районы города. Человек этот принялся перечислять их, и, когда он назвал один из кварталов, пульс больного тотчас же сильно забился. Тогда Абу-Али сказал: «Назови улицы этого квартала». Человек подряд называл все улицы, пока не дошел до одного названия, при упоминании которого странное учащение пульса повторилось. Абу-Али сказал: «Теперь мне нужен человек, который знает все дома этой улицы». Привели и этого, и он перечислял все дома, пока не назвал один из них, при упоминании о котором пульс юноши точно так же забился.

«Теперь, — сказал Абу-Али, — приведите человека, знакомого со всеми жителями этого дома». Ему доставили и таковото. Он начал перебирать имена жителей, пока не назвал одно имя, при произнесении которого пульс больного забился сильнее.

«Теперь довольно!» — воскликнул Абу-Али и, повернувшись к советникам из свиты Кабуса, молвил: «Юноша этот влюбился в девушку, живущую в Гургане». — И он назвал квартал, улицу, дом. «Лекарство для него — это свидание с этой девушкой».

Больной, прислушивавшийся к речам Абу-Али, услышал его слова и спрятал лицо в простыню.

Советники Кабуса тотчас проверили слова лекаря и убедились, что всё действительно было так, как он сказал.

Когда Кабус узнал о случившемся, он приказал привести к себе врача. Каково же было его удивление, когда он наконец понял, что перед ним тот самый исцелитель, о котором людская молва уже давно слагает легенды. «Как, ты и есть Абу-Али?!» — вскричал Кабус. «Истинно так, о могущественный государь!» — ответствовал знаток болезней.

Тогда Кабус сошел с трона, сделал несколько шагов навстречу Абу-Али, обнял его и, сев рядом с ним, повел милостивую речь: «О величайший и совершеннейший из философов мира, объясни нам твой способ лечения!»

«Владыка, — стал рассказывать Абу-Али, — когда я исследовал пульс и мочу, то убедился, что страдание парня было от любви, а немощь его так усилилась от того, что он хранил это в тайне. Спроси я его о том, он ничего не поведал бы мне; тогда я нащупал пульс и держал его, пока перечисляли названия разных мест города; когда же было названо то место, где жила его возлюбленная, любовь вызвала в нем движение, а сердце возбудилось так, что я сразу же понял, что девушка находится среди жителей определившегося населенного места. Затем я спросил улицы, а потом и дом. Когда назвали уже имена конкретных жильцов и юноша услышал любимое имя, он был так сильно поражен, что от меня уже ничего не могло быть более скрыто. Тогда я высказал ему мое заключение, которое он не мог отрицать и был принуждён открыть мне истину».

Продолжающемуся удивлению властителя не было границ. И в самом деле, было чему удивляться! «О знаменитейший и лучший из философов мира! — воскликнул Кабус. — Оба — влюбленный юноша и девушка, которую он полюбил, — дети моих сестер и приходятся двоюродными братом и сестрой друг другу. Назначь благоприятное время, дабы я мог сочетать их браком».

Тогда Ибн-Сина выбрал счастливый час, когда они и были соединены, и сей прекрасный юноша, отпрыск эмиров, излечился от недуга, который чуть было не привел его к порогу смерти.

После этого случая Кабус заботливо содержал Абу-Али. Из Гургана Абу-Али отправился в Рей, а впоследствии сделался визирем при Ала-ад-Дауле, как то хорошо известно из истории жизни Абу-Али Ибн-Сины. ■/

• Философское становление Ибн-Сины было не простым и имело свою сугубо биографическую окраску:

/ ♦ Прочитал я «Метафизику» Аристотеля, но не понял ничего, и намерения ее автора для меня остались сокрытыми. Хотя я всё сызнова брался за эту книгу и читал ее, пока не выучил наизусть, но попрежнему ничего не понимал.

Я отчаялся в возможности понять ее и говорил себе: непонятная эта книга. И вот однажды проходил я по базару переплетчиков; торговец громким голосом расхваливал книгу. Он предложил ее мне, я раздраженно ответил ему и сказал про себя: нет в этой науке пользы, непонятная она. Продавец настаивал: купи эту книгу, дешево отдам, а владелец ее нуждается. Купил я ее за три дирхама, вижу — это книга Абу На́сра Фараби «Тезисы метафизики». Я поспешил домой и начал читать ее. Двери основных мыслей этой книги раскрылись передо мной, и все трудности разъяснились. Возрадовался я этому случаю и на другой день в благодарность за это раздал нуждающимся обильные подаяния. /

• Ибн-Сина оставил огромное количество работ, насчитывающих более двухсот названий.

• **Сочинения Авиценны:**

«Получаемое и достигаемое» (1000 г.);

«Книга знания»:

/ Здесь дается тройственное деление практической философии:

♦ Поскольку человек бывает или в отдельности, или в сообществе, а сообщество бывает или между членами семьи, или между земляками, то практическая наука должна разделяться на три вида: первая — наука об управлении городом, вторая — наука об управлении домом, третья — наука об управлении самим собой. /;

«О счастье»;

«Книга исцеления»;

«О классификации рационалистических наук»;

«О душе великого мудреца»;

«Трактат об обосновании пророчеств»;

«Трактат о любви»;

«Мерило разума»;

«Метафизика»;

«О достижении счастья»;

«Канон врачебной науки» (1000 – 1020 гг.);

«Автобиография».

• Ибн-Сина сам строил астрономические приборы и проводил наблюдения. Так, 24 мая 1032 г., будучи в Исфахане, он наблюдал и описал редкое астрономическое явление: прохождение Венеры по диску Солнца. Такое наблюдение было проведено **впервые**.

• Ибн-Сина является основоположником науки о старости (геронтологии). Им сформулированы весьма ценные физиолого-гигиенические рекомендации для каждого возраста, не потерявшие и поныне своего значения (физические упражнения, массаж, режимы питания и сна).

• Жизнь Ибн-Сины была совсем не сладкой. Познал он и придворные козни, и в крепость его заточали, и смертной казни по навету недругов он избежал, можно сказать, чудом.

• Есть сведения, что Ибн-Сина порой злоупотреблял вином и усладой чувственности, что, в конечном итоге, ускорило его смерть.

2. СУДЬБА

► Ибн-Сина умер от болезни, которой посвятил в свое время специальный медицинский трактат — «Книгу о коликах» и от которой не раз спасал людей. Такова судьба, такой бывает ее ирония.

► В мусульманском обычае не принято рисование людей. И потому мы не располагаем прижизненными изображениями Ибн-Сины. Однако кое-что здесь всё же возможно. Речь идет о методике реконструирования облика умерших людей по их черепу. Такая работа была проделана известным антропологом, археологом и скульптором профессором М. М. Герасимовым. Его версия лица Ибн-Сины сегодня общепризнанна, хотя сам Михаил Михайлович на тождестве сделанного им портрета с подлинником не настаивал и говорил, что его метод дает лишь приближённое представление о сходстве.

Портрет Ибн-Сины.
Реконструкция по черепу работы М. М. Герасимова

► Слава его была столь велика, что не могла не отлиться в мифы и сказания. К примеру, такое из преданий:

В город Нишапур прибыл знаменитый философ и поэт, престарелый шейх Абу-Саид. Устраивается публичный диспут Ибн-Сины и Абу-Саида. Это не просто спор двух людей, это битва противоположных мировоззрений. Ибо шейх основывает познание вещей только на слепой вере, все явления в мире он объясняет вмешательством сверхъестественных сил — слабый человеческий ум не может постичь их. А Ибн-Сина верит только опыту и считает, что можно познать даже так называемую душу.

И вот диспут начался. После замысловатых восточных приветствий спорящие излагают свое мнение по различным вопросам.

«Ибн-Сина! — пронзительно восклицает старец, белоснежная борода его трясется. — Вы утверждаете, что всякое тело стремится к своему центру?» (Так принято называть Землю.)

Вместо ответа ученый берет медную чашу и подбрасывает ее вверх. Чаша со звоном падает на каменные плиты пола.

В заключение диспута, обратясь к своим ученикам, шейх сказал не без сарказма: «То, что я вижу, он знает».

На что Ибн-Сина ответил, повернувшись к друзьям: «То, что я знаю, он видит».

Есть легенда, что спор о падении тел получил продолжение: шейх будто

бы поднял чашу, подбросил ее вверх и, пристально глядя на нее, поднял руку. Чаша неподвижно зависла в воздухе.

— Ибн-Сина, — торжествующе вопросил шейх, — вы и теперь утверждаете, что всякое тело стремится к своему центру?

— Да, почтенный Абу-Саид, я считаю, что каждое тело стремится к своему средоточию, если ему не мешает посторонняя сила, в данном случае ваша воля! — достойно и находчиво ответил Ибн-Сина.

3. УЧЕНИЕ

♦ Первопричина есть Чистое Благо, абсолютное по своей сущности. Это доказывается следующим образом: Первопричина называется истинным бытием, а всё, что существует, у того истинная природа не лишена известного блага.

♦ Путем индукции выводятся универсалии из единичных предметов.

♦ Каждая из простых неживых индивидуальных субстанций сопровождается врождённой любовью, от которой она никогда не свободна, и любовь эта — причина их бытия. Что же касается первоматерии, она представляет собой лишённость в то время, когда она только стремится иметь форму, а само ее стремление к ней есть нечто существующее. Поэтому ты можешь заметить, что, когда она лишена одной формы, она спешит обрести другую форму взамен, избегая абсолютного небытия. Ибо поистине каждая индивидуальная субстанция по природе бежит от абсолютного небытия. Первоматерия же есть местопребывание небытия. Таким образом, когда она имеет форму, в ней есть лишь относительное небытие, а если бы у нее вообще не было формы, то ей было бы присуще абсолютное небытие. И здесь нет нужды в подробном рассуждении для выяснения того, почему это так. Первоматерия подобна уродливой, безобразной женщине, которая боится, как бы ее уродство не обнаружилось: каждый раз, когда открывается ее покрывало, она прикрывает свои недостатки рукавом. Итак, установлено, что первоматерия обладает врождённой любовью.

Что же касается формы, то имеющаяся у нее врождённая любовь проявляется двояко: 1) в обнаруживаемом нами стремлении ее придерживаться своего предмета и отвергать всё то, что может отторгнуть ее от этого предмета; 2) в обнаруживаемой нами приверженности ее к своим совершенствам и естественным местам, когда она находится в них, и любовном стремлении к ним, когда она от них отделена, как то имеет место у пяти простых тел [четыре элемента (земля, вода, воздух, огонь) и эфир] и вещей, составленных из четырех элементов. Кроме этих разрядов вещей, форма не придерживается ничего.

♦ Любовь делится на две разновидности. К первой из них относится **естественная любовь**. Ее носитель не успокаивается до тех пор, пока каким-либо образом сам по себе не достигнет своей цели, если ему не препятствует в этом какая-либо внешняя принуждающая сила. Камень, к примеру, не может не достичь своей цели, а именно соединиться со своим естественным местом и покоиться в нём самому по себе, если только на него не действует некая принуждающая сила. Так, например, обстоит дело с питающей силой и другими растительными силами: первая про-

должает добывать пищу и претворять ее в плоть до тех пор, пока какое-либо стороннее явление не воспрепятствует этому. Вторым видом любви является **любовь по свободному выбору**. Ее носитель может иногда сам отвернуться от объекта своей любви; когда он предвидит, что она повлечет за собой какой-то вред, он взвешивает степень этого вреда и ту выгоду, какую представляет собой объект любви. Так, например, когда осёл издали увидит направляющегося к нему волка, он перестаёт жевать ячмень и спасается бегством, ибо знает, что грозящий ему вред перевешивает пользу того, от чего он отказывается.

♦ Каждая из существующих вещей любит Абсолютное Благо врождённой любовью.

♦ Поскольку каждая из существующих вещей испытывает естественную любовь к своему совершенству, ибо ее совершенство есть то, благодаря чему она получает благо, ясно, что то, благодаря чему вещь получает свое благо, независимо от того, где и как оно появляется, делает необходимым, чтобы данная вещь была любима тем началом, которое наделяет ее благом.

♦ Всякое зло связано с первоматерией и небытием.

♦ Принципы всех наук основываются на метафизике. (Она является наукой о том, что лежит вне природы.) И хотя ее изучают в конце, в действительности она является первой.

♦ Воля Бога исходит из знания. Более того, у него — как необходимо-сущего — воля является не чем иным, как познанием истины, т. е. того, каким должен быть порядок бытия вещей.

♦ Материя всегда предшествует существованию самой возможной вещи. Всё, что стало существовать, после того как не существовало во времени, имеет материю, в которой и воплощается его возможность существования.

♦ Все вещи, кроме первичной, подобны в одном смысле, а именно в том, что они, с одной стороны, необходимы, а с другой — возможны.

♦ **Душа нетленна, она не гибнет с гибелью тела и не уничтожается.**

Мы говорим: душа вовсе не гибнет вместе с гибелью тела, она вообще нетленна. Что же касается этого первого положения, то дело в том, что всё то, что гибнет с гибелью чего-то другого, некоторым образом связано с ним, а всё то, что некоторым образом связано с чем-то другим, либо существует одновременно с ним, либо следует за ним в бытии, либо предшествует ему, причем предшествование это является предшествованием по природе, а не во времени. Если душа была бы связана с телом таким образом, что она существовала бы одновременно с ним, и если бы это не было акцидентально, а относилось бы к ее сущности, то они по своей сущности зависели бы друг от друга. Тогда ни душа, ни тело не были бы субстанциями; в действительности же они субстанции. А если бы эта связь была акцидентальной, а не сущностной, то с гибелью одного из них другое лишилось бы только акцидентального отношения, но само бытие его с уничтожением другого не прекратилось бы. Если же душа была бы связана с телом таким образом, что она следовала бы за ним в

своем бытии, то тело было бы причиной существования души. А поскольку причины бывают четырех видов, то тело было бы либо действующей причиной души, в этом случае оно наделяло бы ее существованием, либо ее материальной причиной, воздействующей, может быть, через сочетание (как это обстоит дело с элементами в их отношении к телу) или без сочетания (как это обстоит дело с бронзой в ее отношении к статуе), либо же формальной или целевой причиной. Но тело не может быть действующей причиной души, ибо как таковое оно действует не само по себе, а лишь через свои силы. Если бы оно действовало само по себе, а не через свои силы, то точно таким же образом действовало бы каждое тело. Далее, телесные силы в совокупности своей являются либо акциденциями, либо материальными формами, а акциденции или формы, существующие в материи, не могут вызывать существование чего-то самодовлеющего, независимого от материи, или существование субстанции вообще. Равным образом тело не может быть материальной причиной души, ибо душа, как мы уже ясно показали и доказали, никоим образом не запечатлена в теле. Тело, стало быть, не наделяется формой души — будь то без сочетания или через сочетание — таким образом, чтобы части тела сочетались и смешивались друг с другом и чтобы душа затем запечатлевалась в них. Точно так же тело не может быть формальной и целевой причиной души — дело обстоит как раз наоборот.

Таким образом, душа связана с телом не так, как действие — с необходимой причиной. Истина же заключается в том, что тело и смесь элементов в нем являются акцидентальной причиной души, ибо, когда материя тела предрасположена к тому, чтобы стать орудием души, и когда возникает особый носитель души, отрешённые от материи причины вызывают существование единичной души, и именно таким образом из них возникает душа. Ибо различные души не могут возникать произвольно, без особой на то причины. Кроме того, душа не допускает множественности по числу, как мы это уже показали выше. Далее, всякий раз, когда возникает что-то новое, ему должна предшествовать материя, готовая принять его или иметь к нему отношение, как это было выяснено в других науках. Опять же, если бы единичная душа возникала без такого орудия, посредством которого она достигает совершенства и осуществляет свои действия, то существование этого орудия было бы напрасным, но в природе нет ничего напрасного. В действительности, когда орудие годно и готово к тому, чтобы войти в отношение с душой, становится необходимо, чтобы такая вещь, как душа, возникала из отрешённых от материи причин. Но если существование чего-то одного делает необходимым существование чего-то другого, то уничтожение первого не приводит с необходимостью к уничтожению второго — это бывает лишь в том случае, когда само существование его имеет место благодаря этой вещи или в ней. Ведь сколько существует вещей, кои, возникнув из других вещей, продолжают существовать после уничтожения последних, когда они своим существованием обязаны не им и особенно когда они существуют благодаря чему-то иному, нежели то, что́ было лишь подготовкой к ис-

течению их существования. Существование души, как мы это уже разъяснили, в действительности происходит от чего-то иного, нежели тело и телесные действия. Начало существования души должно быть в чем-то ином, нежели в теле. Таким образом, если душа обязана своим существованием этому иному и если она обязана телу лишь временем своего возникновения, то ее существование независимо от тела, которое является всего лишь его акцидентальной причиной. Нельзя сказать, что между телом и душой имеется такое отношение, которое требует, чтобы тело предшествовало душе в качестве ее необходимой причины.

Обратимся теперь к третьему из допущенных нами вначале положений, то есть к тому, что связь души с телом могла бы означать, что душа в бытии предшествует телу. В таком случае предшествование будет предшествованием либо во времени и по природе — тогда существование души, очевидно, не могло бы быть связано с телом, поскольку она предшествует телу во времени, — либо оно будет лишь по природе, а не во времени, поскольку во времени душа не отделена от тела. Подобное предшествование означает, что когда возникает предшествующее, то из него должно следовать существование последующего. И тогда предшествующее не может существовать, если последующее предположено как несуществующее. Я не утверждаю, что несуществование последующего необходимо предполагает несуществование предшествующего, но я говорю, что последующее может быть несуществующим только в том случае, если вначале с предшествующим естественным образом бывает нечто такое, что делает его также несуществующим. Таким образом, не несуществование последующего необходимо предполагает несуществование предшествующего, а несуществование самого́ предшествующего, ибо последующее можно предположить несуществующим только в том случае, если перестало существовать само предшествующее. А раз так, то из этого следует, что причина несуществования тела должна заключаться в субстанции души, делая необходимым уничтожение тела одновременно с уничтожением души, и что тело не может уничтожиться по причине, заключенной в нем самом. Но в действительности уничтожение тела происходит именно по причине, заключенной в нём самом, то есть вследствие изменений в его составе и смеси элементов. Таким образом, утверждение о том, что, с одной стороны, душа связана с телом как нечто предшествующее по природе и, с другой стороны, что тело действительно уничтожается по причине, заключенной в нём самом, несостоятельно. Никакого такого отношения, стало быть, между душой и телом не существует. А раз так, то доказана ложность положения о существовании всех этих видов связи между телом и душой, и остается лишь признать, что душа в бытии не имеет никакой связи с телом, а имеет связь с началами, не подверженными изменению или уничтожению.

Что же касается утверждения, что душа совершенно не подвержена уничтожению, то я скажу, что существует и другая, последняя причина нетленности души. Всё, что́ может уничтожиться по какой-нибудь причине, заключает в себе потенциальность уничтожения и — до уничтожения — актуальность устойчивости. Но невозможно, чтобы одно и то же в одном и том же отношении обладало и потенциальностью уничтожения и актуаль-

ностью устойчивости. Потенциальностью уничтожения оно не может быть обязано актуальности своей устойчивости, ибо понятие потенциальности противоположно понятию актуальности. Равным образом и отношение этой потенциальности противоположно отношению этой актуальности, ибо потенциальность имеет отношение к уничтожению, а актуальность — к устойчивости. Оба понятия, таким образом, могут быть отнесены к двум разным сторонам данной вещи. Поэтому мы говорим: актуальность устойчивости и потенциальность уничтожения могут сочетаться в сложных вещах, а также в таких простых вещах, кои существуют в сложных; но в простых вещах, у каждой из которых — своя отдельная сущность, эти два понятия несовместимы. Иначе говоря, эти два понятия несовместимы в какой-либо простой вещи, сущность которой едина. Ибо всё, чтó устойчиво и имеет потенциальность уничтожения, имеет также и потенциальность устойчивости, ибо устойчивость его не является необходимой. Когда оно не необходимо, оно возможно, а возможность обладает природой потенциальности. Таким образом, потенциальность устойчивости находится в самой субстанции устойчивого. Однако совершенно ясно, что актуальность устойчивости чего-то не тождественна с ее потенциальностью, и актуальность его устойчивости, стало быть, является чем-то таким, что оказывается в теле, обладающем потенциальностью устойчивости. Поэтому такая потенциальность имеется не в чём-то потенциальном, а в чём-то таком, актуальное существование чего лишь акцидентально и не составляет его действительной сущности. Из этого с необходимостью следует, что существование его определяется тем, обладание чем придает актуальность его существованию, — это является формой в каждой данной существующей вещи, — и тем, благодаря чему достигается это актуальное существование, но что само по себе имеет лишь потенциальность существования, — это материя данной существующей вещи.

Итак, если душа совершенно проста и не поддается делению на материю и форму, то она не подвержена уничтожению. Но если она есть нечто сложное, то давайте, оставив в стороне сложное, рассмотрим лишь субстанцию, которая есть ее материя. И мы говорим: или эта материя будет оставаться делимой и, таким образом, тот же разбор будет и далее применим к ней — в этом случае мы будем иметь бесконечный ряд, а это приведет нас к нелепости, — или же эта субстанция и основа сложной вещи никогда не прекратит своего существования. Но если так, то данное рассуждение ведется именно об этом — об основе и начале, то есть о субстанции, а не о чём-то сложном, составленном из субстанции и из чего-то другого. Таким образом, ясно: всё, что является простым, а не сложным, или чтó есть начало и основа (то есть субстанция) сложной вещи, само по себе не может обладать одновременно актуальностью устойчивости и потенциальностью уничтожения. Если бы оно обладало потенциальностью уничтожения, то у него не могло бы быть актуальности устойчивости, а если бы оно обладало актуальностью устойчивости и существования, то у него не могло бы быть потенциальности уничтожения. В таком случае ясно: субстанция души не обладает потенциальностью уничтожения.

Там, где имеет место возникновение и уничтожение, уничтожаются

лишь отдельные сложные вещи. Потенциальность уничтожения и устойчивости не свойственна в одно и то же время чему-то такому, что́ придаёт сложной вещи единство, — она свойственна материи, которая подчиняется обеим этим противоположностям. Таким образом, подверженная уничтожению сложная вещь как таковая не обладает ни потенциальностью устойчивости, ни потенциальностью уничтожения, не говоря уже о той и другой вместе. Что же касается самой материи, то она или обладает устойчивостью, но не благодаря какой-нибудь потенциальности, наделяющей ее способностью к устойчивости, как это полагают иные, или же она обладает устойчивостью благодаря какой-то потенциальности, придающей ей устойчивость, но не обладает потенциальностью уничтожения, причем последняя есть нечто приобретаемое ею. Потенциальность уничтожения простых вещей, существующих в материи, имеется благодаря материи и не находится в их собственной субстанции. Что всё возникающее исчезает из-за конечной природы потенциальности устойчивости и уничтожения, доказывается применительно лишь к тем вещам, существование которых возможно лишь благодаря сочетанию материи и формы. Материя обладает потенциальностью устойчивости в ней данной формы и одновременно потенциальностью уничтожения в ней этой формы.

Отсюда ясно: душа нетленна. А это и есть то, что мы хотели обосновать доводами, и то, что мы желали доказать.

♦ Быть живым — это значит быть таким, чтобы из данной вещи вытекали действие и восприятие.

♦ Реальность вещи состоит в индивидуальности ее бытия.

♦ У любой вещи есть отношение к первосущему, и она восходит к нему в бытии.

♦ Приобретающий знание о первосущем, в полном соответствии с Аристотелем, приобретает заново другую натуру.

♦ Всякое знание, которое не взвешено на весах разума, не является достоверным и, следовательно, не является истинным знанием. Поэтому необходимо изучать логику.

♦ Предметы разумного восприятия приобретаются лишь в том случае, если получен средний термин силлогизма. А этот средний термин можно получить двумя способами: иногда благодаря проницательности, представляющей собой такое действие разума, посредством которого средний термин постигается сразу самим разумом. Эта сила проницательности заключается в сообразительности.

♦ Иногда же средний термин приобретается благодаря обучению, а начала обучения сами приобретаются благодаря проницательности, ибо всякое знание может быть сведено в конечном счете к постигаемым благодаря проницательности началам, которые те, кто приобрел их впервые, сообщили обучающимся.

♦ Но человек может благодаря своей собственной проницательности обнаружить истину, и силлогизм может быть построен в его голове без помощи какого бы то ни было наставника. Причем это происходит по-

разному как в отношении количества, так и в отношении качества: в отношении количества — потому, что некоторые люди обладают большим числом средних терминов, найденных ими благодаря своей проницательности; в отношении качества — потому, что у некоторых людей благодаря проницательности познавание занимает меньше времени, чем у других. Поскольку эти различия не ограничены и всегда бывают разной степени таким образом, что на низшей ступени оказываются те, кто совершенно лишен проницательности, то, значит, и высшую ступень необходимо занимают люди, обладающие проницательностью во всех или в большинстве вопросов, или же те, у кого благодаря проницательности познавание занимает наикратчайшее время.

Таким образом, среди людей может оказаться человек, чья душа имеет такую чистоту и так тесно связана с началами разума, что он будет воспламеняться наитием от деятельного разума, имеющего связь со всем. Таким именно образом формы всего, что́ содержится в деятельном разуме, отображаются в душе этого человека сразу или почти сразу, и он принимает их, опираясь не на установившиеся убеждения, а на определенную систему, объемлющую все средние термины. Ибо установившиеся убеждения относительно того, что́ познаётся через его причины, не удостоверяются разумом. А это способность есть определенный вид пророчества, даже высшая форма пророческой способности, и она более всего достойна названия непогрешимой способности. Это высшая человеческая способность.

♦ Сила догадки... Это одна из сил живой души. Расположенная в конце среднего желудочка мозга, эта сила воспринимает не воспринимаемые чувством идеи, существующие в единичных чувственных предметах. Примером может служить существующая в овце сила, которая судит о том, что от *этого* волка следует бежать, а к *этому* ягненку можно приласкаться.

♦ Многие считают, что в действительности вне человеческой мысли существует некое реальное существо — человечность или чернота, которые в действительности существуют в бесчисленном множестве вещей... Такого общего, которое является единым и принадлежит многим вещам, конечно, не существует, кроме как в воображении человека и в его мысли.

♦ Каждая вещь имеет причину, но причины вещей нам полностью не известны. Стало быть, их необходимость нам также не известна, и если мы познаем лишь некото́рые причины, то это вызовет сомнение, а не уверенность, потому что мы знаем, что эти причины, которые мы познали, не делают необходимым существование. Может быть, окажется еще какая-либо причина или встретится препятствие. Если бы «может быть» не было, то мы знали бы достоверно.

♦ **Душа мыслит самостоятельно и связи с телесностью не имеет.**

Первое доказательство:

Мы утверждаем: если бы разумная сила воспринимала посредством телесного органа, так что свойственное ей действие осуществлялось бы лишь благодаря использованию этого телесного органа, то из этого необ-

ходимо вытекало бы, что она не воспринимает ни самой себя, ни этого органа, ни того, что она воспринимает. Ибо нет никакого органа, который был бы расположен между разумной силой и ею самой. Равным образом нет никакого органа, который был бы расположен между разумной силой и ее органом или между нею и тем, что она воспринимает. Она не воспринимала бы ни самой себя, ни того, чтó могло бы быть названо ее органом, ни того, что она воспринимает. Из этого следует, что она воспринимает через себя, а не через какой-то орган.

Далее, восприятие разумной силой своего органа происходило бы либо благодаря той или иной форме последнего — и в этом случае данная форма была бы одновременно и в разумной силе и в ее органе, — либо благодаря некоторой другой форме, качественно отличной от формы ее органа, — и тогда эта форма была бы также и в разумной силе и в ее органе. Если это происходило бы благодаря форме ее органа, то эта форма находилась бы всегда как в органе, так и в самóй разумной силе. А из этого следует, что она всегда должна была бы воспринимать свой орган, ибо она могла бы воспринимать другие вещи только тогда, когда их формы принимались бы этим органом. Но если бы это происходило благодаря некоторой другой форме, различие между вещами, имеющими общее определение, возникало бы либо благодаря различию в их материи, либо благодаря различию между всеобщим и единичным, между отвлеченным и тем, чтó находится в материи. Но различия между материями не существовало бы, ибо материя этих вещей одна. Равным образом не существовало бы никакого различия и между отвлеченным и находящимся в материи, ибо как то, так и другое находились бы в материи. Точно так же не было бы никакого различия между тем, чтó относится к виду, и тем, чтó относится к роду, ибо одна форма приобретала бы единичность лишь через единичную материю и через акциденции, зависимые от материи, в коей она находилась бы, а пребывание в материи не являлось бы чем-то таким, чтó было бы свойственно одной форме и не свойственно другой.

Равным образом невозможно, чтобы восприятие разумной силой ее органа происходило благодаря некоторой умопостигаемой форме, отличной по виду от формы органа. Это было бы даже еще большей нелепостью, ибо, если умопостигаемая форма находилась бы в воспринимающей субстанции, то она давала бы этой субстанции знание о том, формой чего она является, так, что форма того, к чему эта форма относится, оказалась бы составной частью самой умопостигаемой формы. Но эта умопостигаемая форма не является формой данного органа (или формой чего-то такого, чтó имеет к нему сущностное отношение), поскольку сам орган есть субстанция, в то время как мы отвлекаем и рассматриваем лишь форму его сущности и субстанция сама по себе не может иметь к нему отношение. Это важный довод в доказательство невозможности того, чтобы воспринимающее воспринимало орган, посредством которого оно воспринимает. Вот почему чувство воспринимает внешний предмет, но не воспринимает ни самого себя, ни своего органа, ни своего воспринимающего действия. Точно так же и представление не представляет ни себя

самого, ни своего действия, ни своего органа. Если бы оно даже и представляло свой орган, то оно могло бы совершенно свободно делать это, как ему заблагорассудится, так, что образ его органа не относился бы к какому-то одному предмету, пока ощущение не передало бы ему — если это было бы только возможно — форму его органа. В этом случае оно воображало бы лишь представляемую форму, взятую именно из данного одного предмета чувственного восприятия, а не из другого, так, что если бы его орган не был данным единичным органом, то оно вовсе не могло бы его вообразить.

Второе доказательство:

А вот еще один ясный и убедительный довод в пользу этого. Силы, воспринимающие благодаря запечатлеванию форм в определенном органе, при продолжительном действии ослабевают, ибо постоянное движение вызывает в органах усталость и разрушает их состав. Острые впечатления, с большой силой воздействующие на органы восприятия, ослабляют, а иногда и разрушают их — так, что, восприняв их, эти органы уже не могут воспринимать более слабые впечатления, поскольку сильное действие глубоко проникающих впечатлений приводит их в страдательное состояние. Именно так обстоит дело с чувством: глубоко проникающие раздражения большой силы, повторяясь, вызывают в органах слабость, а подчас и расстройство; так действует ослепительный свет на зрение или оглушительный гром — на слух. Эти чувства, испытав очень сильное раздражение, уже не могут воспринимать слабые раздражения: так, всякий, кто видит яркий свет, одновременно или даже после этого уже не может воспринимать слабое свечение; точно так же всякий, кто слышит громоподобный звук, одновременно или даже после этого не может воспринимать слабый звук; равным образом всякий, кто пробует что-нибудь очень сладкое, после этого уже не может ощутить на вкус что-нибудь менее сладкое. Но с разумной силой дело обстоит как раз наоборот: продолжительность мышления и образование разумной силой четких понятий придают ей еще бóльшую мощь и способность к последующему восприятию чего-то менее четкого. Если же она время от времени устает и утомляется, то это происходит потому, что разум прибегает к помощи воображения, которое использует орган, поддающийся усталости, и которое поэтому иногда отказывается служить разуму. Если бы разумная сила уставала по какой-нибудь другой причине, то это случалось бы постоянно. В действительности же разум большей частью сохраняет свою работоспособность.

Третье доказательство:

Далее, по завершении телесного роста, что происходит к сорока годам или около этого, силы всех частей тела начинают слабеть, в то время как разумная сила после этого большей частью как раз и крепнет. Если бы эта сила была одной из телесных сил, то со временем она должна была бы слабеть, но в действительности это бывает лишь в тех случаях, когда она сталкивается с некоторыми особыми препятствиями, а такое бывает далеко не всегда. Стало быть, она не принадлежит к числу телесных сил.

♦ Предположение, будто душа забывает содержащиеся в ней предметы

разумного восприятия, а деятельность ее прекращается как в случае болезни, так и с наступлением старости и будто всё это происходит потому, что ее деятельность без помощи тела несовершенна, это предположение не необходимо и не истинно. Теперь, когда мы уже установили, что душа мыслит самостоятельно, необходимо попытаться разрешить это сомнение. Если бы эти два положения, а именно: что душа действует самостоятельно и что она перестает действовать в случае болезни, мы могли совместить, не впадая в противоречие, то всякие вопросы по этому поводу отпали бы. Так вот, мы утверждаем, что душа совершает два вида действий: один — по отношению к телу, которым она руководит и управляет; другой — по отношению к себе самой и к своим началам, а это как раз и есть действие разума. Эти два вида действий столь противоположны и так препятствуют друг другу, что, когда душа бывает занята одним из них, она отвлекается от другого, не будучи в состоянии сочетать одно с другим. Ее действия в отношении тела — это воспринимание, воображение, стремление, гнев, страх, печаль и боль. Ты можешь это знать по себе: когда начинаешь размышлять, все вышеупомянутые действия прекращаются, пока не возьмешь себя в руки и не заставишь себя вернуться к ним. Ты, конечно, не будешь отрицать, что ощущение препятствует душе осуществлять разумные действия, ибо когда душа занята предметами чувственного восприятия, она отвлекается от предметов разумного восприятия — без того, чтобы сам разум или орган умопостигания был каким-либо образом поврежден. Точно так же ты согласишься с тем, что всё это объясняется занятостью души именно этим, а не каким-либо другим, особым, действием. Вот почему деятельность разума при болезни прекращается. Если бы из-за расстройства определенного органа умопостигаемая форма совершенно исчезла и пропала, то возвращение органа к прежнему состоянию сделало бы необходимым, чтобы форма была приобретена заново. Но дело обстоит не так, ибо часто душа вновь осмысливает прежние предметы разумного восприятия, а это свидетельствует о том, что то, чтó она раз приобрела, так или иначе наличествовало в ней, только она была отвлечена от этого.

Однако действиям души препятствует не только упомянутая противоположность между двумя сторонами ее деятельности. Препятствия могут быть созданы также и множественностью действий одной из этих сторон. Так, страх отвлекает душу от голода, стремление мешает ей гневаться, а гнев — страшиться. Во всех этих случаях причина оказывается одна и та же, а именно — полная занятость души чем-нибудь одним. Следовательно, если нечто не совершает своего собственного действия из-за того, что оно занято чем-то другим, то оно всё же может действовать даже при наличии этого другого. Мы могли бы еще много сказать по этому вопросу, но нет никакой необходимости в дальнейшем подробном рассмотрении — с нас достаточно и этого. Из установленных нами начал явствует, таким образом, что разумная душа и не запечатлена в теле и не пребывает в нем. Способ ее связи с телом, стало быть, должен соответствовать ее особому положению, привлекающему ее к руководству и управлению данным единичным телом, ибо душа имеет к этому природную склонность.

♦ Мы говорим: «Восприняв то-то и то-то, я разгневался» — и это будет истинным суждением, — так что здесь мы имеем нечто такое, что́ и воспринимает и гневается, а это есть либо тело человека, либо его душа. Если это тело, то это либо совокупность органов, либо только некоторые из них. Но это не может быть совокупностью органов, так как руки и ноги, конечно, не входят в него. Равным образом это и не два органа: один — воспринимающий и другой — гневающийся, ибо в таком случае это нечто не могло бы быть чем-то одним, что́ и воспринимало бы и гневалось бы. Это и не один орган, который, по мнению последователей этого взгляда, мог бы совершать оба действия. Вероятнее всего, истина заключается в том, что, когда мы говорим: «Я воспринял и разгневался», — мы имеем в виду, что нечто в нас восприняло и нечто в нас разгневалось, но не имеем в виду, что это происходит с двумя разными расположенными в нас «нечто»; этим хотят сказать, что нечто такое, чему восприятие передало свое содержание, разгневалось. Тогда либо это суждение, понимаемое именно в этом смысле — в том, в коем мы его истолковали, — является ложным, либо истина заключается в том, что то, что́ воспринимает, и то, что́ гневается, суть одно и то же. Но суждение это явно истинное — в том смысле, в коем мы его истолковали. В таком случае гневающееся есть именно то, чему воспринимающая сила передает содержание своего восприятия. Это нечто, даже в том случае, если таковым является тело, пребывает в данном состоянии не только потому, что оно — тело, но и потому, что обладает такой силой, благодаря которой оно способно сочетать и то и другое. Этой нетелесной силой должна быть сама душа.

Таким образом, носителем обоих этих качеств не является ни всё наше тело, ни какие-то два органа нашего тела, ни какой-нибудь один орган, поскольку он является телесным органом. Отсюда вывод: тем, что́ сочетает в себе оба качества, служит сама душа или тело — поскольку оно имеет душу, — причем в последнем случае носителем этих качеств будет душа, которая сама есть начало всех этих сил. Необходимо, чтобы душа была связана с первым органом, в коем рождается жизнь, а потому ни один орган не может жить, если с ним не связана определенная телесная сила, и первым, что́ связывается с телом, может быть лишь это начало, а не какая-нибудь следующая за ним сила. А раз дело обстоит так, то органом, с которым связано это начало, должно быть сердце. Это воззрение Аристотеля противоположно воззрению философа Платона. Однако здесь мы сталкиваемся с одной трудностью: мы видим, что в растении имеются растительные силы, но у него нет воспринимающей или разумной души. Далее, у животного имеется как растительная, так и воспринимающая душа, но у него нет разумной души. А это свидетельствует о том, что каждая из них представляет собой силу, отличную от другой силы и не связанную с ней. Для устранения этого сомнения необходимо уяснить себе, что обрести жизнь телам, состоящим из элементов, мешает то, что им свойственна крайняя противоречивость. Чем более способны эти тела освободиться от этой противо-

речивости и приблизиться к чему-то среднему, не имеющему противоположности, тем более они уподобляются небесным телам, и в той же мере они заслуживают того, чтобы они получили от отрешённого [от материи] управляющего начала одушевляющую силу. И чем более они приближаются к чему-то среднему, тем более они становятся способными к жизни, пока, наконец, не достигают такого предела, где им уже невозможно больше приближаться к чему-то среднему и освобождаться от противоречащих друг другу противоположностей. Так они получают определенную субстанцию, имеющую некоторым образом сильное сходство с самóй нематериальной субстанцией, так же как небесные тела, получив ее, оказались связанными с нематериальной субстанцией. О том, о чем говорилось (в случае, когда тела, состоящие из элементов, уже получили эту субстанцию) как о возникающем в этих телах лишь благодаря отрешённой от материи внешней субстанции до того, как была получена ими эта новая субстанция, — об этом можно теперь говорить как о возникающем в них благодаря обеим этим субстанциям. Приведем пример из физики. Возьмем огонь или даже солнце на месте нематериальной субстанции, а на месте живого тела — материальную субстанцию, способную испытывать воздействие огня, скажем, шар. На месте же растительной души возьмем нагревание шара солнцем, на месте животной души — освещение его солнцем, а на месте человеческой души — разжигание в нем огня солнцем. И мы говорим: положение этого шара в отношении огня или солнца, воздействие которого он способен испытывать, может быть таким, что ему нельзя будет ни освещаться, ни разжигаться ими, но он сможет нагреваться ими. Но если его положение в отношении источника света или тепла изменится так, что он сможет быть освещаемым, просвечиваемым и нагреваемым, то о свете, исходящем из источника и направленном к шару, можно будет также сказать, что он является причиной нагревания шара, дополнительной к самому источнику, ибо солнце греет именно своими лучами. Но в этом случае, если бы шар обладал большей способностью получать свет и тепло и, испытывая воздействие от силы или лучей того, что разжигает, имел способность к горению, то он воспламенился бы и возникло бы пламя как некоторое тело, в определенном смысле подобное нематериальной субстанции, какой является здесь солнце. Тогда это пламя вместе с нематериальной субстанцией было бы причиной как освещения, так и нагревания. Если бы было одно только пламя, то вместе с ним продолжались бы и нагревание, и освещение, хотя возможно, что было бы лишь одно только нагревание или были бы лишь нагревание и освещение, и в этом случае пламя не было бы источником нагревания и освещения. Но если бы все фазы появлялись одновременно, тогда то, что предполагается как последующее, было бы также источником последующего и последующее проистекало бы из него. Так, примерно, следует принимать телесные силы. Отсюда явствует также и то, что душа существует вместе с телом и что источником ее происхождения служит не тело, а некая субстанция, представляющая собой бестелесную форму.

♦ Было бы вполне правомерно, если бы кто-нибудь усомнился и спросил: каким это образом форма горы или даже целого мира отображается в небольшом органе — носителе силы представления? На это мы ответили бы ему: дабы не мучить себя подобного рода сомнениями, следует лишь вникнуть в то, чтó такое делимость тел до бесконечности. Ибо подобно тому, как обстоит дело с миром, отображающимся в небольшом зеркальце или в зрачке (а отображаемый в них предмет делится таким образом, что деление небольшого тела оказывается по числу получаемых частей и по их очертаниям пропорциональным делению большого тела, хотя эти части и различаются между собой по своим размерам).

4. МЫСЛИ

- Три орудия есть у врача: слово, растение, нож.
- В одиночестве человек не выжил бы. Всё то, в чём он нуждается, он получает лишь благодаря обществу.
- Философу надлежит в своих книгах пользоваться символами и намёками. Ведь известно, как порицал Платон Аристотеля за то, что тот распространял мудрость и демонстрировал знания. И Аристотель был вполне согласен с ним: «Хоть я и сделал это, но оставил в моих книгах много пробелов, и их дано восполнить только немногим из ученых и разумных».
- Невежество ближе к спасению, нежели полузнание.
- Назначение *силы размножения* заключается в том, чтобы сохранить вид, ибо стремление к долговечности есть нечто истекающее от божества, которое возвышается надо всем. А в том, что не способно продолжать существование в качестве особи, но способно продолжить существование вида, определенная сила побуждается к возмещению его следующей за ним особью, дабы таким путем был сохранен его вид. Таким образом, питательная сила возмещает то, что разлагается в особи, а сила размножения возмещает то, что разлагается в виде.
- *Сила размножения* помещается в весьма чувствительном органе, дабы она вожделением способствовала позыву к соитию. В противном случае, если бы в этом не было определенного наслаждения и если бы это не было предметом вожделения, никто не стал бы затруднять себя этим, ибо этого не требуется для продолжения существования особи.

V ◐ Помимо пикантности лейтмотива, в этом замечании Ибн-Сины есть и другая примечательная черта. По существу, он подобным способом развивает общую базу **объяснения**. К известным уже, а их получается **девятнадцать** — ***обучение, научение, опыт, авторитет, озарение, благодать, силлогизм, доказательство, здравый смысл, индукция, дедукция, сравнение, аналогия, уподобление, версиальность, идеализация, моделирование, мысленный эксперимент, «я сказал»***, — он добавляет двадцатую разновидность — ***объяснение через очевидность факта***.

Сказать своё (весомое!) слово в сфере методов познания, наверное, не менее трудно, чем отмыть добела эфиопа или загнать выдавленную зубную пасту назад в тюбик.

Но у Ибн-Сины это получилось, и теперь мировая философия без него немыслима. ◑

- Всё, что претерпевает действие ближайшей причины, испытывает действие через посредство аналога, передаваемого ему этой причиной, что явствует из индукции. Жар огня, например, воздействует на то или иное тело, лишь передавая ему свой аналог, коим является теплота. Точно так же обстоит дело с прочими силами из числа качеств. Так разумная душа воздействует на другую подобную ей разумную душу, лишь передавая ей свой аналог, каковым является умопостигаемая форма; меч рубит, лишь передавая испытывающему его действие предмету свою внешнюю форму; точило затачивает нож, лишь передавая его краям аналог того, чего он касается, а именно ровность и гладкость частей.

- Тайн хранить не умеет глупец и бахвал,
  Осторожность поистине выше похвал,
  Тайна — пленница, если ее бережешь ты,
  Ты у тайны в плену, лишь ее разболтал.

- Безделье и праздность не только рождают невежество, они в то же время являются причиной болезни.
- Врач должен обладать взглядом сокола, руками девушки, мудростью змеи и сердцем льва.

> Интересен один из опытов, поставленных Авиценной. Доказывая, что волнения души имеют пагубные последствия для организма, он брал двух баранов и возле каждого клал много пищи. Только невдалеке от одного из них он привязывал волка, который — веревка позволяла — мог чуть ли не доставать до барана. И хотя по результату усилия волка были бесплодны, страх сделал свое дело: несчастное животное полностью теряло аппетит и через какое-то время сдыхало от истощения.

Известный антрополог М. М. Герасимов

/ Михаил Михайлович Герасимов создал науку о восстановлении лица по черепу. Он открыл строгие, объективно существующие закономерности, которые связывают форму и строение черепа с внешним обликом человека, закономерное распределение на черепе мягких тканей и их связь с рельефом черепной коробки. /

Ансельм, архиепископ из Кентербе́ри

XI – XII вв.

• Франко-английский философ итальянского происхождения, христианский теолог (отец Ансельм)

Родился: 1033 г.
Умер: 21.04.1109 г.

Прожил — 76 лет

> **«Не ищу разумения, дабы уверовать. Напротив! Верую, чтобы уразуметь. Ибо верую и в то, что если не уверую, то и не уразумею».**
> *(Ансельм)*

■ **«Так почему же сказал безумец в сердце своём: «Нет Бога», если для каждого разумного духа так самопонятно, что Бог сравнительно со всем в наибольшей степени обладает бытием? Почему, если не потому, что он глупец и безумец?»**
(Ансельм)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в североитальянском городе Аоста.
• О его родителях известно только то, что мать его была добропорядочной женщиной, а отец был беспутен.
• Недоброжелательство отца побудило юношу бежать из дому.
• Жизнеописание Ансельма было составлено его верным другом монахом Эадмером.
• В странствиях своих Ансельм перешел Альпы и оказался во Франции. Здесь, в Нормандии, в Бекском аббатстве, он становится учеником незаурядного церковного деятеля и ученого Ланфранка (ок. 1005 – 1089). Ланфранк был приором (*лат.* prior — первый, важнейший), т. е. настоятелем мужского монастыря. Для Ансельма из Аосты он становится духовным отцом и заменяет ему отца родного:

/ Ланфранк родился в Павии и происходил из семьи городских судей. В юности учился в Болонье и мог бы рассчитывать на хорошую должность, но предпочел уклониться от муниципальных забот. Он пригласил учеников, которым преподавал всё, что сам знал: предметы тривиума — риторику, грамматику, диалектику — и право. Он был прекрасным ритором и педагогом. По ходу дела он решил обновить и расширить свою аудиторию и отправился на север (в то время многие странствующие учителя были итальянцами). В конце концов он дошел до Нормандии и остановился в Авранше, куда к нему стекались ученики из всей просвещенной Европы. О том, как он попал в Бек, в

монастыре ходила легенда, отражённая также и в монастырской хронике: будто он шел ночью по лесу и на него напали разбойники, отняли у него всё и привязали нагого к дереву. Ланфранк попытался молиться, и здесь выяснилось, что он не знает на память ни одной молитвы. Подумав об этом, он ужаснулся и понял, что не так живет: знает массу ученых вещей, а в критический момент не может произнести всего лишь коротенькую молитву, которую наверняка знает любой темный крестьянин. Когда утром прохожие отвязали его, он спросил у них, какой здесь самый нищий и убогий монастырь в окрестности. Ему был указан Бек.

// «Бек» — слово германского происхождения, во Францию его занесли норманны, и означает оно «ручей». Территория, где протекал этот ручей, принадлежала по тем временам не Франции, а Нормандии, герцогству, хотя и бывшему вассалом французской короны, но проводившему в духе времени вполне самостоятельную политику. В год рождения Ансельма нормандский герцог Роберт II Дьявол отправился в паломничество в Палестину (откуда ему не суждено было вернуться), оставив вместо себя, при регентстве своего сюзерена — французского короля, семилетнего незаконнорожденного сына Вильгельма с опекуном, своим родственником графом Жильбером.

Среди вассалов этого Жильбера был воин Эрлуин, смелый и великодушный рыцарь. В 1031 г., когда ему было около 37 лет, он по какому-то пустячковому поводу поссорился со своим хозяином, получил отпуск от дел и удалился в свою вотчину в долине реки Рисль, вблизи Брионского леса, где протекал ручей, чтобы основать там монастырь св. Марии, Матери Божьей, получивший потом название «Бек» (правильно: Le Bec). //

Эрлуин принял Ланфранка радостно, ему очень не хватало толкового помощника. Ланфранк же, решив бороться с собственной гордыней, был образцом смирения и даже подчинялся полуграмотному кантору (*лат.* cantor — певец, певчий). Хроники тех лет сообщают, что он три года ничего не преподавал из тех же соображений. Но потом все-таки начал преподавать, и Бек стал потихоньку богатеть. В 1045 г. Эрлуин сделал Ланфранка приором.

Школа Ланфранка приобрела известность. Это было настоящее «большое и славное училище словесности». Среди учеников были Гвитмунд из Аверсы, Иво Шартрский, Ансельм из Баджио, будущий папа Александр II. Ансельм из Аосты явился в Бек без определенного намерения сделаться клириком. Ученики монастырской школы не были монахами, и многие по завершении «либерального» курса покидали стены обители. /

• Монастырь Бек стал для Ансельма пристанищем на долгие годы. Здесь он со временем становится приором, а затем и аббатом. По всей Нормандии распространяется слава об его учености и благочестии:

/ Ансельм, с большим рвением взявшийся за учебу, делал столь заметные и столь быстрые успехи, что со временем Ланфранк доверил

ему проводить некоторые занятия. В 1060 г. Ансельм стал монахом в Беке. Он был простым монахом лишь три года. В 1062 г. Вильгельм I (тот самый сын Роберта Дьявола, будущий Завоеватель; 1036 – 1087) основал монастырь св. Стефана в Кане на Орне, во искупление своего не совсем, с точки зрения церковно-административных учреждений, правильного брака с графиней Матильдой Фландрской, вроде бы приходившейся ему близкой родственницей. Аббатом в этот монастырь он пригласил Ланфранка, который помог ему устроить дело так, чтобы этот брак был признан Римом. Ансельма же Эрлуин сделал в Беке приором вместо Ланфранка.

Ансельм вёл все предметы тривиума, отдавая предпочтение диалектике: он не был «словесником», о чем сам свидетельствует в письме одному из своих учеников, говоря, что никогда не был слишком усерден по части Вергилия. От Ланфранка Ансельм усвоил вкус к принципу меры, но Ланфранк — и здесь вполне можно согласиться с И. В. Купреевой, написавшей подробный биографический очерк о жизненном пути Ансельма для книги «Ансельм Кентерберийский. Сочинения» (Москва: Канон, 1995), — «пожалуй, склонен был скорее применять этот принцип практически, диалектика была для него прежде всего орудием полемики (ведь он снискал славу еще и как «победитель» Беренгария Турского), а этика — орудием повседневной дипломатии (Ланфранк умел ладить и с Вильгельмом, и с «баронами», и с римскими реформаторами церкви)».

Ансельм был более созерцательным мыслителем и в теоретическом отношении всё же глубже Ланфранка. В Беке Ансельм написал основные свои сочинения. /

• В 1093 г. против своей воли Ансельм был принуждён заступить место умершего Ланфранка на архиепископской кафедре города Кентербери. Он становится духовным приматом[53] Англии. Последующие 16 лет, вплоть до своей смерти, Ансельм отдавал все силы преобразованию английской церкви по принципам папы Григория VII. На этой почве у него даже было несколько конфликтов с королями — Вильгельмом Рыжим и Генрихом I.

• Ансельм был непрестанно погружён в раздумия о Боге и о священных науках. Он достиг здесь таких высот, что сумел постичь и изъяснить самые темные и дотоле нерешенные вопросы.

• Целого дня, рассказывают, недоставало Ансельму для бесед с теми, кто алкал его совета, и ко дню не единожды прибавлялась бóльшая часть ночи.

• Именно по ночам Ансельм работал с книгами, вчитываясь в них и исправляя то, что неумело и ошибочно привнесли переписчики.

• Религиозный экстаз и чувствительность Ансельма были безмерны. В порывах экзальтации, думая о Боге, он изливал целые потоки слез, горчайше оплакивая бедствия жизни, грехи свои и чужие. Заснуть в дни таких душевных волнений он уже не мог и потому бодрствовал порой сутками напролет...

• Ансельм прославился тем, что привнес в теологию ***чисто философским способом***, т. е. опираясь на логику и метафизику, идею «окончательного»

доказательства наличествующей действительности Бога, которое зафиксировано в *умопостигаемых* достижениях человечества как **онтологическое доказательство бытия Бога** (онтология: *греч.* óntos — сущее и lógos — учение; слово «онтология» возникло в XVII в. [авторство принадлежит немецкому философу Гоклениусу; 1613 г.] и именует учение *о бытии вообще*, бытии как таковом):

- ♦ Только лишь Бог один обладает бытием в истиннейшем смысле.
- ♦ Вышесказанное справедливо в такой степени, что небытие этой сущности невозможно и помыслить. Ибо мыслимо нечто, о чем нельзя даже помыслить, что его нет, и это больше, чем если о чем-либо можно помыслить, что его нет. Ведь если то, более чего нельзя ничего помыслить, может быть помыслено как то, чего нет, из этого следует, будто бы то самое, более чего нельзя ничего помыслить, не есть то, более чего нельзя ничего помыслить; а это явное противоречие. Итак, воистину есть то, более чего нельзя ничего помыслить, и притом так, что его небытия и помыслить невозможно. И это Ты, Господи, Боже наш!
- ♦ То, что нельзя помыслить небытие Бога, составляет одно из его свойств.
- ♦ Всё можно представить несуществующим, за исключением высочайшего существа.
- ♦ Существовать величественнее, чем не существовать.

• **Сочинения Ансельма:**

«О том, чтó есть грамматик»;

«Монолог» (1076):

/ В этой книжице Ансельм ведёт одинокое собеседование с самим собою. Совершенно оставив в стороне авторитет Священного Писания, одним только разумом отыскивает и уясняет, чтó есть Бог. И цель его — непобедимым рассуждением доказать, что и на разумоопределимой стезе дело обстоит не иначе, нежели исповедует о Боге истинная вера:

♦ Точно так же, как найдено, что нечто есть высшее благо, поскольку все блага являются благими через нечто одно, что благо само через себя, — так же с необходимостью получается, что нечто есть высшая величина, потому что всё, что велико, велико через нечто одно, что велико само через себя. Я имею в виду не пространственно большое (spatio), как какое-нибудь тело, но то, что чем больше, тем лучше или достойнее, какова мудрость. И так как не может быть высшей величиной ничто, кроме высшего блага, то необходимо есть нечто наибольшее и наилучшее, т. е. высшее в отношении всего существующего.

Наконец, не только все блага благи через нечто одно и то же и все величины велики через нечто одно, но кажется, что всё существующее существует через одно. Ибо всякое существующее существует либо через нечто, либо через ничто. Но ничто не существует через ничто. Ведь нельзя даже и представить себе, чтобы нечто существовало не через нечто. Итак, всё, что существует, существует не иначе как через нечто. Если это так, то тó, через что существует всё существующее, есть одно или многое.

Но если многое, то оно или относится к какому-то одному нечто, через которое существует, или из многого каждое существует через себя, или отдельные части множества существуют друг через друга. Но если это многое существует через одно, то уже всё существует не через многое, а скорее через то одно, через которое существует это многое. Если же в этом многом каждое существует через себя само, то во всяком случае есть некоторая одна сила, или природа, существования через себя, которой они обладают, чтобы существовать им через себя. Но тогда они, без сомнения, суть одно, через то самое, через что они имеют возможность существовать через себя. Тогда вернее сказать, что всё существует через это одно, чем что через многое, которое не могло бы существовать без этого одного. А чтобы многие вещи существовали друг через друга, взаимно, — этого не допускает никакой разумный смысл (ratio), потому что неразумно представление, будто какая-то вещь существует через то, чему она даёт бытие (esse). Ведь даже и соотнесенные не таким образом существуют друг через друга. Например, если соотнесены друг с другом господин и слуга, то те люди, которые находятся в этом отношении, вообще как люди не существуют друг через друга, и те отношения, в которых они соотнесены, сами по себе не существуют друг через друга, потому что эти отношения существуют через подлежащее. Итак, поскольку истина всячески исключает множественность того, через что всё существует, то то́, через что всё существует с необходимостью, есть одно.

Тогда, поскольку всё существующее существует через это одно, нет сомнения, что это одно само существует через себя. Таким образом, всё остальное существует через иное и только оно — через само себя. А всё, что существует через иное, меньше, чем то, через что существует всё иное, и что одно только существует через себя. Поэтому то, что существует через себя, является наибольшим из всего. Итак, есть нечто одно, что одно только больше и выше всего. Что же больше всего, и через что существует всё благое или великое, и вообще всё, что есть нечто, то́ с необходимостью есть в высшей степени благое, и в высшей степени великое, и высшее в отношении всего существующего. Потому есть нечто — назвать ли его сущностью (essentia), или субстанцией, или природой — наилучшее, и наибольшее, и высшее в отношении всего существующего.

♦ Всё, из чего возникает нечто, является причиной того, что оно, это второе нечто, возникает из него; а всякая причина необходимо доставляет некое вспомогательное приспособление для существования действия. Этого положения все, зная из опыта, держатся так крепко, что никому его ни в прямом споре не отнять, ни обманом незаметно не похитить. Тогда, если нечто было создано из ничего, это ничто было причиной того, что нечто из него было создано. Но каким образом то, что не имело никакого бытия, способствовало тому, чтобы нечто пришло к бытию? Если же от

ничего для нечто не происходит никакого вспомогательного средства, тогда чем или как убедиться, что из ничто сделалось нечто?

Кроме того, «ничто» или обозначает нечто, или не обозначает нечто. Но если «ничто» есть нечто, то всё, что было создано из ничего, было создано из чего-то. Если же «ничто» не есть нечто — поскольку нельзя помыслить, чтобы из того, чего вовсе нет, возникло нечто, — постольку из ничего возникает ничто; как говорится, «из ничего — ничего». Отсюда, как видно, следует, что всё возникает из чего-то. Потому что всё возникает или из чего-то или из ничего. Итак, всё равно — является ли ничто чем-то или не является — по-видимому, следует, что всё, что было создано, было создано из чего-то. Если это полагается как истинное, то это противополагается всему, что было изложено выше. Отсюда, поскольку то, что было ничем, становится чем-то, — то, что в высшей степени было чем-то, становится ничем. Ведь из того, что я нашел некую субстанцию, в наибольшей степени существующую, я пришел путем рассуждений к тому, что всё остальное таким образом создано ею, что нет ничего, откуда это было бы создано. Поэтому если то, откуда всё создано, — то, что я считал за ничто, — есть нечто, то тогда всё, что я полагал найденным о высшей сущности, есть ничто.

Итак, что же следует думать о ничто? Ведь я уже принял решение в этом размышлении не пренебрегать ничем, что покажется затруднительным, пускай и чуть ли не глупым. Итак, я думаю, можно трояким образом изложить то, что достаточно для выяснения настоящего затруднения, если говорится, что какая-то субстанция создана из ничего. И один способ состоит в том, чтобы трактовать то, что называется созданным из ничего, как вовсе не созданное. Подобно тому как на вопрос о молчащем: «О чем он говорит?» — отвечают: «Ни о чем», что значит: «Не говорит». Соответственно этому способу об этой высшей сущности и о том, чего вовсе не было и нет, спрашивающему, из чего оно создано, правильно будет ответить: «Из ничего». То есть: «Вовсе не было создано». Этот смысл нельзя подразумевать в отношении того, что было создано. Другое значение таково, что его можно высказать, но оно не может быть истинным в действительности: как если бы понимать высказывание «Нечто было создано из ничего» в том смысле, что нечто было создано из самого «ничего», т. е. из того, чего вовсе нет; как если бы это ничто было чем-то существующим, из которого может возникнуть нечто. Поскольку это всегда ложно, то всякий раз, когда это утверждается, следует невозможное противоречие. Третье толкование высказывания «Нечто было создано из ничего» состоит в том, чтобы помыслить, что нечто было создано, но не было ничего, из чего бы оно было создано. Видимо, в таком смысле говорится, когда человек, опечаленный без причины, называется опечаленным из-за ничего.

Таким образом, если толковать в этом смысле достигнутое выше заключение, что, кроме высшей сущности, всё существующее

создано этой высшей сущностью из ничего, т. е. не из чего-то, — то и само это заключение правильно следует из предшествующих положений, и из него, в свою очередь, нет никаких неприемлемых дальнейших следствий.

Тем не менее отнюдь не несуразно и без всякого противоречия можно сказать, что созданное творящей субстанцией возникло из ничего, так же, как обычно говорят, что некто стал богатым из бедного и получил здоровье из состояния болезни. Иначе говоря, кто раньше был бедный, теперь богач, чем он раньше не был; и кто раньше имел болезнь, теперь имеет здоровье, чего раньше не имел. Вот так можно уместным образом помыслить. /;

«Прибавление к рассуждению» [*«Proslogium», т. е. «Пролог»*] (1077 – 1078):
/ В этом сочинении Ансельм развил *«онтологическое»* доказательство бытия Бога. /;

«Против безумца»:
/ Произведение написано против автора трактата *«В пользу безумца»*. Автор этот неизвестен.* /;

«Об истине»
«О свободе воли» } (1080 – 1085);
«О грамотном»

«О падении дьявола» (1085 – 1090);
«Почему Бог является человеком» (1094 – 1098);
«О происхождении Духа Святого»;
«О вере в Троицу и в воплощение Слова»;
«Книга размышлений и молитвословий»;
«О согласии провидения, предопределения и благодати Бога со свободной волей».

• Ансельм ушел из жизни в среду 21 апреля 1109 г. перед днем вечери Господней. Умирая; он горько сожалел о том, что не имел достаточно досуга довести до конца свои размышления о природе души.

• В 1163 г. Ансельм был канонизирован и причислен к лику святых.

• Ансельм был человеком ровного и твердого характера, его поступки были взвешенными, он был (и главное, умел быть!) горд без гордыни. От своих намерений не отказывался, однако достигал их не пресмыкательством, а терпеливой настойчивостью.

---

* Здесь, дополнительно, надо иметь в виду еще и вот что. Один из современников Ансельма, монах Гаунило из монастыря Мармутье (в миру это был граф де Монтиньи), в своей критической работе «Книга в защиту безумца против Ансельма, рассуждающего в "Прибавлении к рассуждению"» пытался показать несостоятельность Ансельмового способа доказательства существования Бога. Все понятия, считал Гаунило, представляют собой только и не более чем плоды ума («игру продуктивного воображения», как сказали бы мы сегодня), и потому совершенно неубедительно заключать от таких *невеских* оснований к наивысшей весомости — бытию. В этом случае — позволил себе о́бразную резвость знатный монах — можно «доказать» реальность любой химеры. Древние, например, повествуют о совершенном острове, который им так якобы представляется. Значит ли это, что такой остров в действительности существует?

Быть чему-то в уме и быть тому же вне ума — не имеет жесткой, обязательной связи. Таков вывод Гаунило.

2. СУДЬБА ► Ансельм в бытность свою малым ребенком охотно прилежал душою, покуда то еще дозволял его возраст, к материнским беседам; и вот услыхав, что есть единый Бог горé в небесах, который всем правит и обладает, он представил, как отрок, выросший среди гор, что на них и покоятся небеса, так что к небесной обители Божией возможно подняться через горы. Когда он особенно часто обращал в душе эту мысль, ему случилось ночью увидеть в сновидении, что он должен взойти на вершину горы и поспешить к обители Бога, великого Царя. Притом еще прежде, чем начать восходить на гору, он узрел на равнине, простиравшейся до подножия горы, женщин, которые были служанки Царя; они жали ниву, но делали это весьма небрежно и леностно; отрок же, скорбя об их небрежении и негодуя на него, положил в душе своей обвинить их перед Господином и Царем. Пройдя засим гору, он вступил под кров Царя. Господина он застал с одним только хлебодаром, прочих же своих слуг, как представилось дитяти, он послал собирать урожай, ибо тогда стояла осень. Итак, отрок входит, слышит зов Господина, подходит к нему, садится у его ног, слышит обращенный к нему со сладостною приветностию вопрос, кто он, откуда, зачем пришел, и ответствует на вопрос сообразно своему разумению. Тогда властью Господина предлагается ему через хлебодара белейший хлебец, каковой он и вкушает пред лицом предложившего. Восстановляя поутру в памяти увиденное, он поверил, как отрок, простой и невинный, что и вправду был в небесах и вкушал от хлеба Господнего, и в присутствии других людей утверждал, что всё так и было.

► ◐ Как и все люди до него, снискавшие себе святость своей ученостью и смирением во славу Церкви, Ансельм испытал то, чтó и должен был испытать. Его долго настраивающаяся психика вошла в резонанс с предметом занятий, и произошло **обращение**: Ансельм заговорил в русле, в знакоподобии и языком своего Вседержательного Вдохновителя. Если для кого-то Бог *может быть* есть, то отныне для Ансельма он (Бог) **только ЕСТЬ**. Безусловно, всемилостиво, величественно. Обращение слилось с **ПРИ**общением. В воды Церкви влился еще один бурлящий энергией разлива поток. Богоизбранничество состоялось. ◑

Если кратко, то сам процесс выглядел так:

> В некую ночь, бодрствуя на ложе своем, Ансельм размышлял сам с собою, силясь уяснить себе, как это пророки во время óно прозревали прошедшее и будущее, словно бы настоящее, и с твердой уверенностью возвещали, будь то в слове изустном или записанном. И вот, когда он весь погрузился в эти мысли и чрезвычайно желал уразумения, вперяя во тьму лучи глаз своих, *узрел он сквозь толщу стен* спального покоя и церковного покоя, как монахи, на обязанности которых это лежало, обходили алтарь и прочие части церкви, приготовляя всё к утреннему богослужению и возжигая лампады, и как наконец один из них взял в руки прут и для пробуждения братий ударил по билу, на каковой звон сонм братий начал вставать с лож своих. Ансельм же дивился случившемуся и через это уразумел в себе самом, что для Бога бесконечно легко в духе явить будущее пророкам, коль скоро и ему было

даровано узреть происходящее телесными очами сквозь столько препятствий.

► В 1078 г., в конце августа, умер Эрлуин. Аббатом на его место избрали Ансельма. Он стал вторым аббатом Бекского монастыря. На плечи Ансельма легло бремя административных и хозяйственных забот. Он должен был теперь управлять жизнью в монастыре, а с другой стороны, представлять монастырь в суде графства. С этого времени у Ансельма устанавливаются более прочные связи с Англией. В первый год своего аббатства он посещает Ланфранка в Кентербери. В это время в английской церкви шел спор об Эльфеге, кентерберийском архиепископе в 1011 году. Во время набега датчан (так называли норманнов в Англии) он под угрозой смерти отказался отдать им казну и сокровища церкви, за что и был убит. Теперь шел спор, чтить ли его как мученика. Ланфранк сомневался, потому что, по правилам, мучеником считается тот, кто, как первые христиане, умер, свидетельствуя свое христианство, а Эльфег просто защищал казну. Ансельм же, узнав о споре, сказал, что, по справедливости, конечно, его надо чтить, потому что «дух животворит», да к тому же если придираться к букве, то ведь и Иоанн Креститель погиб, не то чтобы прямо свидетельствуя о Христе. С тех пор Эльфег причислен к числу мучеников, почитаемых английской церковью. Во второй свой приезд в Англию по делам монастыря Ансельм ближе познакомился с Завоевателем, который очень его полюбил. По общему мнению, Ансельм был вторым человеком, кроме Ланфранка, имевшим влияние на Вильгельма. В конце жизни Завоевателю пришлось возвратиться в Нормандию и подавлять восстание, поднятое там против него местными баронами. В июле 1087 г., проезжая по дымящимся развалинам жестоко наказанного им французского города Манта, Вильгельм неудачно упал с лошади, пропорол себе живот и через два месяца скончался в Руане. Чувствуя приближение смерти, он послал за Ансельмом в Бек, тот приехал, остановился недалеко от Руана, но, сам бу́дучи болен, не смог сидеть у постели герцога, и они общались через гонцов.

События, последовавшие вслед за этим, стали как бы зловещими предзнаменованиями серьезных перемен. Как только стало ясно, что Вильгельм мертв, его свита, епископы и клирики, члены семейства и бароны спешно направились по своим поместьям охранять дома и имущество — ведь не стало главного гаранта общей безопасности. Слуги, видя такое дело, мигом очистили дом от всего, что плохо лежало, не пощадив даже и беззащитный труп грозного герцога, и тоже разлетелись кто куда, «как ястребы со своей добычей», — пишет Ордерик Виталий. В Руане весть о смерти Вильгельма подействовала на всех как удар грома, и три часа ни один человек не решался подойти к дому злосчастного покойника. Наконец, духовенство собралось с силами, но добродетельный архиепископ Вильгельм Добрая Душа не сумел найти транспорт, чтобы перевезти тело герцога в Кан. Его вёз в нанятых дрогах простой солдат по имени Эрлуин, тезка нашего бекского аббата; он же нанял судно до Кана, людей, чтобы обмыть и обрядить герцога, могильщиков. Над могилой, перед тем как опустить гроб, полагалось, по тогдашнему обычаю, спрашивать под присягой, не имеет ли кто претензий к покойному. Один дворянин вышел вперед и, присягнув, сказал, что обвиняет покойного в том, что он тогда-то и тогда-то без всякого на то права отнял у него эту землю, в которой выкопана могила, а земля эта по праву принадлежит ему. Присутствующим пришлось «скинуться» и выкупить этот клочок земли во избежание возможных недоразумений. Этой сделкой был завершен земной путь Завоевателя.

У Вильгельма было три сына. Старший, Роберт, получил в наследство Нор-

мандию, родовое герцогство. Англию Вильгельм не рассматривал как свою вотчину и потому не мог — так он считал — передать по наследству английскую корону своему второму сыну, Вильгельму Рыжему (Руфу), но выразил завещательное пожелание, чтобы тот, если сможет, правил Англией, и дал ему письмо к Ланфранку, содержавшее просьбу помочь сыну стать королем. Вильгельма Рыжего признали в Англии без всяких затруднений, он был коронован и посвящен Ланфранком в Вестминстере спустя месяц по смерти отца. Младший сын, Генрих, должен был удовольствоваться пока значительной суммой денег.

Два старших сына унаследовали от отца худшие норманнские качества: необузданность и грубость нрава. В Роберте эти свойства проявлялись в виде вспышек страсти, сменявшихся периодами апатии, а Вильгельм всегда был в «форме», имея сильный, как у отца, характер. Год спустя после смерти Вильгельма умер Ланфранк — Руф не спешил назначать нового архиепископа, преспокойно присваивая доходы церковных земель. Даже тот грубый век был этим шокирован. Эдмер пишет, что «король захватил церковь кентерберийскую, мать всей Англии, Шотландии и Ирландии и соседних островов; всё, принадлежавшее ей снаружи и внутри, подвергнул ревизии своих чиновников и, назначив для монахов жалованье, всё остальное велел посылать в качестве дохода ко двору... Итак, он вынес церковь Христову на продажу». Ожидалось, что следующим архиепископом кентерберийским будет Ансельм: кто мог бы достойнее заменить Ланфранка? Но прошло уже четыре года, церковь вдовствовала, а Ансельм, зная о слухах, упорно не хотел ехать в Англию ни по какому делу.

Наконец в 1092 г. его старый друг, граф Хуго из Авранша, с третьей попытки (притворясь умирающим) сумел заманить Ансельма на остров, и когда тот, побыв по делам пять месяцев, собрался восвояси, король не дал ему «визу». Почему — из источников совершенно неясно. Ведь про замещение кентерберийской вакансии король и слышать не хотел, а в ответ на просьбы епископов и знати назначить архипастырем Ансельма начинал в своей излюбленной сардонической манере выяснять, кто же этот Ансельм, почему хочет быть архиепископом, так ли уж он бескорыстен и т. д. И вот вдруг в начале 1093 г. он сильно и опасно заболел. Дело было в Глостере. Вильгельм слег и вынужден был послать за Ансельмом. После беседы с Ансельмом король выпустил эдикт, объявляющий общую амнистию для всех узников всех тюрем, прощение всех долгов и забвение всех обид, нанесенных величеству. Кроме того, король обещал хорошие и божеские законы и назначил наконец Ансельма архиепископом. Эдмер подробно описывает, как Ансельм сопротивлялся этому назначению, говорил, что он уже стар и не справится, что его не отпустят из Нормандии, как Вильгельм плакал и просил принять должность ради любви к его отцу и матери, и Ансельм в ответ плакал, а его нормандский товарищ, Болдуин из Турне, «разрыдался так, что кровь потекла у него из ноздрей». И всё же Ансельм не соглашался. С одной стороны, так было положено: общие представления о скромности и приличиях требовали, чтобы избираемый или назначаемый на церковную должность изо всех сил отказывался (когда Ансельма выбирали аббатом, он тоже плакал и «падал на лицо», и все монахи «плакали и падали на лицо» — так было принято). Но вместе с тем нельзя исключать и того, что в данном случае перед нами больше искреннего чувства, нежели соблюдения обычая: Ансельм знал, что за человек этот Руф, и не мог не понимать, что им вряд ли удастся «сработаться». Наконец уже все приличия были соблю-

дены, а Ансельм продолжал отказываться. Тогда епископы, потеряв терпение, схватили его под руки, силой подволокли к постели короля и вытянули его правую руку вперед — для посоха, но Ансельм так крепко сжал ее, что им не удалось разогнуть его пальцы, и они символически (но очень сильно — Ансельм закричал от боли) прижали посох к его кулаку. Здесь все возгласили «ура» епископу, спели «Te deum laudamus» и повели его в церковь, а он упирался и кричал, что дело было сделано неправильно (об этом он сообщает в письме к бекским монахам). После службы он сходил к королю и еще раз сказал ему, что не согласен с назначением, и епископам то же самое повторил. После чего ему стало дурно, он ушел к себе, а епископы побежали за святой водой для него. Всё это было в первую пятницу Великого поста, 6 марта 1093 года.

► **Формула «онтологического» доказательства бытия Бога, как оно было воспринято в последующие века:**

Что вытекает из идеи или определения известного предмета, то может быть высказано о предмете. Бытие вытекает из идеи Бога (или совершеннейшего существа, выше которого ничего нельзя себе помыслить), ибо совершеннейшее существо содержит в себе полноту совершенств, к которым принадлежит и бытие; следовательно, существование может быть приписано Богу.

Готфрид Лейбниц:

«На это я отвечаю: вывод правилен, если допустить, что совершеннейшее существо возможно. Доказательство это недостаточно убедительно и поэтому было отвергнуто уже Фомой Аквинским.

Определениями только тогда безопасно пользоваться для выводов, когда известно, что это реальные определения и что они не заключают в себе противоречия. Для пояснения этого я обычно беру в пример понятие быстрейшего движения, которое заключает в себе противоречие. Предположим в самом деле, что некое колесо вертится с самой какой угодно большой скоростью; если продолжить одну из спиц колеса, то конец этой последней будет двигаться быстрее, чем гвоздь на ободе колеса, и, следовательно, движение гвоздя, в противоречие с предположением, не быстрейшее»[54].

∇ ◐ Печально, что Г. В. Лейбниц, маститый немецкий философ, пытаясь опровергнуть Ансельма, сам впадает в противоречие и с философской точки зрения сильно «подставляется», учетверяя термины и предельно налегая на «софистику».

Если следовать его примеру с «быстрейшим движением», то получается, что путник, странствующий со скоростью пять километров в час, движется медленнее, чем его напарник, перемещающийся рядом с ним, но со скоростью пять тысяч метров в час.

Манипулируя разницей цифр, Лейбниц не заметил, что как бы ни интерпретировалось движение отдельных точек его (Лейбница) «колеса», но 1 оборот всегда равен одному обороту, а скорость вращения не равна скорости, учитываемой со стороны пройденного пути. Ибо ес-

тественно, что чем больше диаметр колёс, тем быстрее двигается приводимое ими в движение устройство. ◑

Иммануил Кант (через 500 лет после Фомы Аквинского внес свою критическую лепту в опровержение Ансельма):
«Существование не может быть предикатом понятия. Мысль о ста талерах не может наполнить мой действительно пустой кошелек».

∇ ◐ Имея перед собой таких авторитетных ниспровергателей, как Лейбниц и Кант, казалось бы, только то и остаётся любому из нас, что пиететно внимать им. Но я всё же попробую не согласиться. И с ними, и с другими, рассуждающими так же, как они, или близко и похоже.

Итак:

Бог — метафизический объект мысли, но не гипотетический. Ведь мы вводим понятие Бога в ткань обдумывания и рассуждения не художественно, скажем, как русалку, козлооленя или химеру. В нашем рационалистическом поле Бог связан со всеми предметами и процессами мира или как их причина, или как их творец, или как их вседержитель. Причем вполне серьезно, без всякого там временами угодливо подставляемого «якобы». Да и как по-другому? Может ли вообще *ум человеческий* предположить, что твердое и истинное существование обходится без приобщенности к хоть одной из этих ипостасей **обусловливающего начала** мира, или бытия?!!

Итак, мы мыслим не только всевысшее существо, но мы одновременно мыслим и то, что уж если мы это мыслим, то мы не можем не мыслить и атрибутики обязательных сущностносмысловых привязок надстоящего над миром объекта мысли и его обязательности в этом его надстоянии **быть** надстоящим. То есть все предметы мысли, мыслимые именно в силу реальной бытийности (даже основываясь на сенсуалистическом подходе: мол, нет ничего в разуме, чего бы не было исходно в чувстве), передают имманентно фактор своего существования объекту, рассматриваемому в ареале и апофеозе своих совершенств. А это значит, что всякое помышление сверхчувственного существа влечет законообразно и статус его действительности.

Это не Кантовы 100 талеров, которые будут отсутствовать, сколько ни мысли их наличие в пустом кошельке. Это, напротив, мокрость воды, сколько ни мысли сухим ее след. То есть действительность Бога не *выводится* из мысли, а извлекается из нее, поскольку она там уже есть.

Ансельму посчастливилось своим доказательством бытия Бога обнаружить новый взгляд и новый **вход** в проблему высших универсалий. Это не просто абстрактные обобщения типа: деревья — лес, капли — море, стебельки — поле. Когда суммируется в круговом охвате весь Универсум, тогда складываются не только элементы видового многообразия, но и родообразующие признаки. На вершине горы нет предметов. Понятно, в силу ее сужения и остро́ты. Но эта острота́ есть самый важный признак горы.

Когда мы квинтэссировали понятие Бога, мы отвлеклись от многих факторов, но зато выудили главный, основной, первостепенный момент: если для всех предметов **существование** их может быть пробле-

мой (отсюда вопрос: быть или не быть?[55]), то для предмета всех предметов такая озабоченность отпадает. Отдельный человек может быть и без рук, и без глаз, и без ног, и без... и без... и без... Но «человек» в своем наипредельном обобщении — и красив, и не увечен, и здоров.

Ансельма его противники обвиняли в логической ошибке «предвосхищение основания». Мол, он-де опирается на то, что надо еще доказать. По их мысли, Бога сначала надо дедуцировать, а лишь потом говорить, что он есть.

Я бы здесь заметил, что с логикой следовало бы и возражателям обращаться повежливее и без «накручиваний». Разве, мысля розу, я должен доказывать ее наличие? Да и как я это сделаю??!! Разве мироснова нуждается в обосновании, если любое обоснование есть ее, мироосновы, следствие?! Давайте не забывать, что не логика лежит в фундаменте бытия, а бытие — реальная подпорка всех каких угодно логик. А если это так, то представление о координатных (главенствующих) определителях мира столь же живо реально, как свет солнца, моя жизнь, ощущение границы перед чертой смерти.

В ситуации споров вокруг Ансельма выявилась новая, совершенно неизвестная ранее логическая ошибка. Ее-то и допустили, сами того не ведая, его критики. По сути дела, Ансельм своим **доказательством** спровоцировал и обстановку и тенденцию, при которых эта ошибка «засветилась», обнаружилась. Ее суть: **мысля возможную мнимость,** мы **мнимо мыслим невозможность.** ◑

► В течение целого тысячелетия «объяснительный» героизм Ансельма в связи с его доказательством существования Бога *не только в уме, но и вне ума* подвергается нападкам. Грустно, что это продолжается и сегодня, причем людьми, авторитет которых от этого, мне кажется, совсем не выигрывает.

Как, к примеру, можно согласиться со следующим утверждением многославного учителя стольких поколений присоветских философов В. В. Соколова в его книге-учебнике «Средневековая философия» (М., 1979)?:

> «Некорректность и неправомерность отождествления понятия о Боге с бытием его в дальнейшем была раскрыта довольно поздно — это было сделано только Кантом, который и назвал его онтологическим доказательством».

∇ ◐ Понятие Бога не нуждается в доказательстве. В демонстрации — да! Разве надо кому-либо настойчиво внедрять изощренным способом, что зимой холодно и можно, если не беречься, заболеть? Нет, это и так понятно. Но прояснить это понимание будет вполне уместно. Скажем, все «научные» и вразумляющие, типа «от врача», консультации по поводу гриппа и его профилактики будут и к месту, и ко времени. Напоминать — это значит подчеркивать, подчеркивание же косвенно обосновывает, а обоснование, которое по ясности и прямоте воздействия неопровержимо, есть не что иное, как синоним реальной фактичности.

Всё, что не *не есть*, — есть. Только фантастические навешивания могут овопросить степень реалитета. Бог только потому и не выводим из бытия, что он туда введен. Он — сущностное дополнение, подкрепление и завершение знания. Как же тогда можно вообще, будучи в теоретической здравости, предполагать что-либо иное, не говоря уже — отличное?!! ❍

3. УЧЕНИЕ

♦ О человече! Войди в клеть ума твоего, изгони всё, кроме Бога и тех вещей, что помогают тебе искать Его, и, затворив дверь, взыскуй Его.

♦ Господи, Боже мой! Где искать мне Тебя? Почему не могу я зреть Тебя? Где он этот свет, как приступить мне к свету, кто приведет меня к нему? Под какими знаками, под каким образом искать мне Тебя? Никогда не зрел я Тебя. Лика Твоего не ведаю. Что же делать? Доселе еще не познал я Тебя!

♦ Ты, Господи, во мне и вокруг меня, а я Тебя не ощущаю.

♦ Свет, Господи, в котором Ты обитаешь, неприступен. Воистину нет ничего, что могло бы проникнуть в него и рассмотреть Тебя в нем. Воистину, его я не вижу, ибо слишком ярок он для меня; и всё же всё, что я вижу в нем, как слабое око видит всё им видимое в свете солнца, хотя взирать на само солнце и не может.

♦ О, кто вкусит это блаженство Бога. Истинно, чего он только пожелает, то будет; чего он только не пожелает, того не будет. Там именно будут *блага тела и души*, каких не видал никакой глаз. Люби *одно* благо, в котором *все блага*, и ты имеешь довольно. Что же ты любишь, моя *плоть*, чего ты хочешь, моя *душа*? Там, там всё, что вы любите, чего желаете. Хотите вы *красоты* — там светят праведные, как солнце. Хотите *быстроты*, или *крепости*, или *свободы тела*, которому ничто не стоит на пути, — там будут они подобны ангелам Господним.

♦ Ты, Господи, еще скрыт в Твоей ясности и блаженстве от души моей, и потому она странствует еще во тьме и нищете. Она смотрит вокруг себя и не видит Твоей красоты. Она прислушивается и не слышит Твоей гармонии. Она обоняет и не чувствует Твоего запаха. Она вкушает и не чувствует Твоего вкуса. Она осязает и не чувствует твоей гладкости. Ибо Ты — Господь Бог! *Всё это* Твоим неизъяснимым образом в Тебе, потому что Ты дал это созданным Тобою вещам чувственным способом.

♦ То, что имело свое начало от небытия и может быть мыслимо как несуществующее, что без посторонней поддержки снова впадает в небытие, что имеет в прошлом бытие, уже не существующее больше, а в будущем — бытие, еще не наступившее, — такое бытие не есть бытие в собственном и абсолютном смысле. Но Ты, Боже, есть сущий. Только Ты *существуешь* воистину, ибо Ты не имеешь бытия в прошлом и в будущем, а только в настоящем, и не можешь быть мыслим когда-либо несуществовавшим.

♦ Господи, Ты еси то именно, во что мы веруем. Веруем же мы, что **Ты нечто, более чего нельзя ничего помыслить.** Или, может быть, сущности такой нет, коль скоро сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (Пс. 13, 1)? Но даже и сам этот безумец разумеет, что я говорю,

когда слышит: «нечто, более чего нельзя ничего помыслить»; и то, что он разумеет, есть в его разуме, хотя он и не разумеет, что оно есть. Ибо одно дело, если вещь есть в разуме, а другое, если разум мыслит ее как ту, которая есть. Так, когда живописец замышляет то, что ему предстоит делать, он имеет в своем разуме нечто; однако он не мыслит того, что он еще не делал, как то, что есть. Когда же он всё написал, он и в разуме имеет уже им сделанное, и мыслит его как то, что есть. Итак, даже и означенный безумец принуждён признать, что хотя бы в разуме есть нечто, более чего нельзя ничего помыслить; ведь слыша эти слова, он их разумеет, а то, что разумеют, есть в разуме. Но то, более чего нельзя ничего помыслить, никак не может иметь бытие в одном только разуме. Ведь если оно имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме. Итак, если то, более чего нельзя ничего помыслить, имеет бытие в одном только разуме, значит, то самое, более чего нельзя ничего помыслить, есть одновременно то, более чего возможно нечто помыслить; чего явным образом быть не может. Следовательно, вне всякого сомнения, нечто, более чего нельзя ничего помыслить, существует как в разуме, так и на деле.

♦ Господи, Ты еси жизнь, и премудрость, и правда, и благость, и блаженство, и вечность, и всякое истинное благо. Блага эти множественны, и бедный ум мой бессилен узреть их все единым взглядом, дабы усладиться ими всеми одновременно. Как же, Господи, Ты еси всё это? Быть может, это части Твои? или, вернее, каждое из них есть Ты во всей Твоей целокупности? Всё, что составлено из частей, не являет собою безусловного единства, но до некоторой степени множество, не тождественное самому себе и могущее быть разъятым либо в действии, либо в мысли; но Тебе, совершеннее которого нельзя ничего помыслить, это чуждо. Итак, нет в Тебе частей, Господи, нет в Тебе и множественности, но Ты столь целокупен и самотождествен, что ни в чём не являешь неподобия самому себе; Ты — само Единство, не делимое ни для какой мысли. Следственно, и жизнь, и премудрость, и прочие совершенства — не части Твои, но все они суть едино, и каждое из них есть вся Твоя целокупность, объемлющая все остальные. Но коль скоро ни Ты не имеешь частей, ни вечность Твоя, которая есть Ты же сам, их не имеет, следственно, нигде в пространстве и никогда во времени ни Ты, ни вечность Твоя не даны как часть; но Ты целокупно присутствуешь во всяком месте, и вечность Твоя целокупно присутствует во всяком мгновении.

♦ **Внимай же с тщанием, что это означает: быть сотворенной по образу и подобию Божию.** В этом тебе дан сладостный залог благочестивого размышления, дабы упражнять на нем свои мысли. **Познай, что одно есть подобие, другое образ:** примера ради, некое подобие человека может являть в себе конь или бык и другие подобные творения, между тем как образ человека не являет никто, кроме человека. *Ест человек, ест и конь;* вот некое подобие и общность между различными естествами. Образа же человеческого не воспроизведёт никто, кроме как другой человек той же природы, какую являет и образ. Потому

образ выше, нежели подобие. Подобие Богу можем мы иметь в себе, если, усматривая, сколь Он добр, потщимся быть добрыми; если, познавая, сколь Он справедлив, усилимся быть справедливыми; если, созерцая, сколь Он милосерд, приложим силы наши к делам милосердия. **Но как обстоит дело с образом Его?** Поразмысли. Бог вечно памятует о Себе, разумеет Себя, любит Себя. Следовательно, и ты будешь причастен его образу, если по мере скудных сил твоих станешь неустанно памятовать о Боге, разуметь Бога, любить Бога.

4. МЫСЛИ

В некое время один аббат, почитавшийся за мужа весьма набожного, беседовал с Ансельмом о делах монастырского благочиния и в числе другого упомянул воспитывавшихся в обители школяров, присовокупив: «Что, вопрошаю, выйдет из оных? Злонравны они и неисправимы; днем и ночью мы непрестанно их бьем, а они по-прежнему делаются самих себя хуже». На это Ансельм с изумлением молвил: «Непрестанно их бьете? Каковы же они становятся с возрастом?» — «Тупы и звероподобны», — был ответ. Ансельм продолжал: «Что же побуждает вас устроять воспитание ваше так, что из человеков творите вы зверей?» — «А что, — вопросил аббат, — можем мы сделать? Всеми способами утесняем мы их, дабы они исправились; они же нисколько не исправляются». — «Утесняете? **Скажи мне Бога ради, авва; если насадишь ты в саду твоем древо и тотчас отовсюду сдавишь его оградой,** так что оно ни в одну сторону не сможет протянуть ветвей, а по прошествии нескольких лет уберешь ограду, какое вырастет дерево?» — «Совершенно негодное, с ветвями искривленными и спутанными». — «А кто будет в этом повинен, если не ты же сам, столь неистово его сдавивший? Воистину, так поступаете вы с вашими школярами! Они насаждены в саду церкви, да возрастут и принесут плод свой Богу; вы же отовсюду стесняете их угрозами, застращиваниями и ударами, ни в чём не давая воли. От такого неразумного стеснения в них умножаются, прививаются, разрастаются помыслы порочные и наподобие плевелов спутанные.

Вая́я потребный образ, мастер то своим орудием легко сжимает и ударяет лист, то искусной лаской разглаживает и круглит его. Так до́лжно поступать и вам, если вы хотите, чтобы школяры ваши просияли изяществом нравов; грозя им розгами, облегчайте им бремя лаской и подкреплением отеческой доброты и приветливости». На это аббат вскричал: «Какое облегчение? Какая ласка? Мы хотим строгостью приготовить их к приятию тяжкого и мужеского бремени». Ансельм же возразил: «Так, так. И хлеб, и всякая основательная пища хороша и здорова для того, кто может ее принимать. Дай, однако, загустевшее в творог молоко грудному младенцу, и ты увидишь, как он скорее давится им, нежели насыщается. Почему, объяснять излишне: дело ясно само собой. Так помните же, что как хрупкому и сильному телу определена разная пища в соответствии с силами их, так и хрупкой и сильной душе определено разное кормление по мере их. Сильная душа утешается и насыщается пищей основательной, сиречь тем, чтобы являть терпение в скорбях, не желать чужого, ударившему в

одну ланиту подставлять другую, молиться за врагов, любить ненавидящих, и прочее в том же роде. Но душа хрупкая и только учащаяся служить Богу нуждается во млеке».

- Ансельм в бытность свою аббатом Бека однажды сверх меры углубил свой ум в размышления и раздумия, и вид его являл, что помысление это его омрачает. И вот некто из его монахов, по случайности при этом присутствовавший, сказал ему: «Господине, отче, Богом вас заклинаю, скажите, чем вы себя иссушаете; ибо вижу, что душа ваша в волнении и в истязании беспокойством». — «Скажу, — отвечал тот. — Вот о чем я думал: положим, некий богатый человек имеет стадо овец, и призывает он отрока столь немощного и малолетнего, что волку легче его унести, нежели любую из овец, и поручает отроку пасти своих овец, но с условием, что за душу любой погибшей овцы отрок отдаёт свою душу; разве он не должен был бы весьма устрашиться? Или если бы хозяин поручил пасти стадо одной из тех же овец, быть может, слабейшей и неразумнейшей среди них, и сказал так: «Овца, пекись об этих овцах, и ведай, что если погубишь одну из них, кровь ее взыщу от руки твоей, и будет душа твоя платой за душу ее»; разве не страшно было бы овце той? Как обрести ей уверенность? Так обстоит дело со мною. Я, я есмь малый отрок, я есмь овца слабая и немощная, я доступен козням врага более, нежели любой другой; и мне Бог поручил заботу об овцах своих, дабы я их вел, хранил, питал, притом с условием, что, если по небрежности моей одна из них погибнет, душа моя будет платой за душу ее, и кровь ее от руки моей взыщет Бог. Потому страшусь, потому омрачаюсь, ведая, что страшно впасть в руки Бога живаго» (К евреям, 10,3 1). Брат же заботливо сказал: «Господине, Бог с вами, зачем вы такое думаете и говорите? Никто не думает о том, о чем вы думаете; посмотрите-ка, другие аббаты веселятся и горя не знают». Ансельм возразил: «Быть может, Бог дал им уверенность, и потому они радуются и благодушествуют; мне же не дал, и потому я не без причин страшусь, ведая, что он с лихвой взыскивает талант свой с того, кому доверил» (От Матфея, 25, 25).
- Поразмысли с прилежанием, как усладительно то Благо, что содержит в себе приятность всех благ; однако не ту приятность, какую знаем по опыту из сотворенных вещей, но столь же отличную от нее, сколь Творец отличен от творения. Ибо коль скоро и жизнь сотворённая есть благо, то какое благо — жизнь творящая? Коль скоро зиждимое спасение сладостно, то как сладостно то Спасение, которым зиждимо всяческое спасение? Коль скоро мудрость, состоящая в познании вещей созданных, любезна, то сколь любезна Премудрость, создавшая из ничего все вещи? Наконец, коль скоро много великих услаждений обретается в вещах усладительных, то сколь дивное и сколь великое услаждение обретается в Том, кто сообщил им усладительность?
- Кто презирает себя, тот в чести у Бога; кто себе не мил, тот мил Богу. Будь поэтому ничтожен в твоих собственных глазах, чтобы быть великим в глазах Господа; тем больше будет тебя ценить Бог, чем презреннее ты будешь во мнении людей.

58 Юсу́ф Баласагу́нский

XI век

Юсуф хас-Хаджиб Баласагунский
/из Баласагуна/

- Мусульманский мудрец

Родился: 1034 г.
Умер: 1083 г.

Прожил — 49 лет

> **«Твержу не уставая: “В мире счастья мало, // И всё, что сладко, сладко лишь сначала”».**
> *(Юсуф Баласагунский)*

■ **«Ты помни, друг, уменье что-то скрыть**
Порой ценней уменья говорить».
(Юсуф Баласагунский)

■ **«<u>Вся мудрость — в истине такой несложной:</u>**
На чем сижу я? — на скамье треножной.
Будь коротка́ хотя б одна из ножек,
Упала бы скамья, сидящий — тоже.
Хотя бы ножка хоть одна качалась,
Устойчивым сиденье б не осталось.
Чтоб быть ему устойчивым, должны
Все три его опоры быть равны.
Пусть же ценимо будет всеми и опять —
Уменье равновесье сохранять*».◐
(Юсуф Баласагунский)

1. ЖИЗНЬ

- Родом он из Баласагуна (Караханидское государство).
- Представитель тюркоязычной культуры Центральной и Средней Азии.
- ◐ Сквозная тема у Юсуфа — <u>разум</u>; причём не в тех аспектах, которые позднее станут базовыми для европейской философии — мощь, пределы, возможности, а... исключительно в разрезе НРАВСТВЕННОСТИ — что́ он даёт для жизни, что́ он даёт для счастья, чем он полезен для межчеловеческого со-общежития ◑:

♦ Лишь разумом и знаньем обладая,
Ты нужен людям, как вода живая.

- **Написал поэму**, которая ценилась у мудрецов всех народов и считалась в мире лучших книг вершиной вершин:

«Наука быть счастливым» (1069 – 1070):

---

* ◐ Стихи, помеченные значком (◐), даются в моей редакции.

/ Эта дидактическая поэма была посвящена правителю Кашгара, главе караханидского дома, хану ханов Бограхану, который за нее удостоил автора почетным чином хас-Хаджиба (личного камергера).

Подлинник поэмы не сохранился. В нашем распоряжении сейчас имеются три ее несколько разнящихся списка, первый из которых был найден в начале XIX века. /

• В строки своих мыслей Юсуф часто вплетает наставления китайских мудрецов. Некоторые его рассуждения дополняют притчи учёных Индокитая.

2. СУДЬБА ► ◐ Коренной признак мудрости — человскове́дение, и Юсуф здесь не исключение. Он задумывается о природе поведения, его беспокоит, что основания натуры людей далеки от совершенства. Есть какая-то прореха то ли в том, из чего мы созданы, то ли в том, как мы созданы ◑:

♦ В своей корысти люди непреклонны.
Они друг друга жрут, как скорпионы.

Слаб человек, а сам-то я каков.
Я не избег соблазнов и грехов.

На свете нет добра, нет состраданья.
Искать друзей — напрасное старанье.

3. УЧЕНИЕ ♦ Единый Бог — хвала ему и честь! —
Был ранее всего, что в мире есть.

♦ Нет в вышине, что только днем лазурна,
Планеты отдалённее Сатурна.

♦ Между иными звездами всегда
Открытая иль тайная вражда.

Когда встречаются они, несясь по кругу,
Меча острее неприязнь друг к другу.

С небесной выси падает тогда
И гаснет побежденная звезда.◐

♦ И создал человека Бог единый
Из воздуха, воды, огня и глины.

♦ Бог дал нам совесть, дал нам стыд, и всё ж
Зло укрепилось в нас, вселилась ложь.

♦ Сперва меня сознанье озарило.
Оно слова и знанье подарило.

♦ В конце концов у всех одна судьба —
Смерть ждет и властелина и раба.

♦ Был прав мудрец, сказав нам в назиданье,
Что не бывает зла без наказанья.

♦ Нам открывает знанье путь прозренья,
Наш разум проникает в суть явленья.

♦ Без счета мир нам не дает щедрот.
Что днем взойдет, то к вечеру сойдет.

Опорожнится водоем любой,
И превратится в спуск подъем крутой.

♦ Тем, кто в нездешнее уходит царство,
Не помогает ни одно лекарство.

♦ Пусть помнит хан — велик он или слаб, —
Что, властелин людей, он Божий раб.

♦ Ум — это шах, он за собой ведет
Семь наших чувств — они его народ.

♦ Какой бы суть предмета ни была,
Всё, что колеблется, — источник зла.

4. МЫСЛИ

- Всех на печаль обрёк наш властелин,
На свете беспечален Бог один.

- Коль хочешь ты увидеть облик счастья,
Пусть примет хан в твоей судьбе участье.

- Знай, что быстротечно всё, что нам даётся,
Навечно только слово остается.

- Мрачна планета Марс, чей грозный вид
Великой засухой Земле грозит.

- Тебя великим может сделать слово,
А многословье — превратить в смешного.

- Тем, кто не знает, я скажу по чести:
Язык карают с головою вместе.

- Где б место ни было отведено,
Мудрец его украсит всё равно.

- Я повторю, хоть это и старо:
«От разума рождает власть добро».

- Ученый независимей невежды,
Он знаньем хлеб добудет и одежды.

- Напомню истину, что непреложна:
«И добродетель без ума ничтожна».

- На мускус наши знания похожи:
Скрыть мускус невозможно — знанья тоже.

- Одно и то же слово и совет
На пользу мудрецу, глупцу — во вред.

- Еще скажу я: прав ты иль не прав,
Не молви слова, гнев не обуздав.
Чтобы потом, когда уж сделал дело,
Раскаянье тобой не овладело.

- Один порок, поверь, вселится в нас —
И открывает дверь другим тотчас.

- Злой человек — земли недолгий гость.
Его сжигает собственная злость.

- Сорокалетье — вот рубеж извечный,
Попутный ветер был, теперь он встречный.

- Я повторю известное от века:
«Лишь доброта — богатство человека!»

- Порою зоркость нам нужней, чем сила,
  Беспечность многих сильных погубила.
- Тот властелин, о ком дурная слава,
  Судить и править не имеет права.
- Один мудрец изрёк такое слово:
  «Путь правды — вот правления основа».
- Во всех живых болезнь свивает кров,
  Не может смертный быть всегда здоров.
- О, если б жизнь зависела от платы, —
  Бессмертны были б те, что были бы богаты.
- В еде разборчив тот, кто сыт всегда,
  А для голодного и яд — еда.
- Ужель рождался я, чтоб мертвым быть!
  Ужель смеялся я, чтоб слезы лить!
- Ученые больших и малых царств
  От жадности не могут дать лекарств.
- Кто уст не запирает на замок,
  Теряет голову свою не в срок.
- Всегда, слова обдумывая чьи-то,
  Ты видеть должен, что за ними скрыто.
- Мудрец глупеет от любви к вину,
  Глупец еще быстрей идет ко дну...
- Кто б знал, как правил хан и что с ним сталось,
  Когда б об этом грамот не осталось?
- О золото, его всесилен гнёт,
  Оно и несгибаемого гнёт.
- Пусть будешь ты разумен, ибо разум
  Увидит то, что не увидишь глазом.
- Тому, кто ведает добром чужим,
  Полезней быть не щедрым, а скупым.
- Сынам своей или чужой земли
  Того, что дать не можешь, не сули.
- То дорого бывает нам всегда,
  Во что немало вложено труда.
- Злым людям люди глупые сродни,
  Способны только враждовать они.
- Считает истиной весь белый свет:
  «В том, что любимо, недостатков нет!»
- Кто жизнью дорожит, тех губит жизнь,
  Кто от нее бежит, тех любит жизнь.

/ *Интересное на этот счет рассуждение есть у английского писателя Г. К. Честертона (1874 – 1936) в его книге «Ортодоксия» (1908):*

«Жизнь — не бессмыслица, и всё же логике она не по зубам... Настоящая смелость — парадокс: очень сильная любовь к жизни выражается в готовности к смерти. Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий сохранит. Это не мистическая абстракция, а бытовой совет морякам и альпинистам, его можно напечатать в путеводителе по Альпам или

строевом уставе. В этом парадоксе — суть мужества, даже самого грубого. Солдат, окруженный врагами, пробьется к своим только в том случае, если он очень хочет жить и как-то беспечно думает о смерти. Если он только хочет жить — он трус. Если он только готов умереть — он самоубийца. Но смелый любит жизнь, как жаждущий — воду, и пьет смерть, как вино. Ни один философ, мне кажется, не сумел выразить этой романтической и непростой истины...»

◐ Я бы сказанное и Юсуфом Баласагунским, и Гилбертом Честертоном определил как важнейший закон приспособления живого к бытию, а именно: ***закон неадекватной адекватности.*** ◑/

◪ Что говорит о мире прозорливый:
«Плох этот мир, неверный он и лживый!»

◪ Ведь радость — это дерево, и жаль,
Что корень всякой радости — печаль.

◪ И чем бы ни насытился вчера,
Сегодня вновь ты голоден с утра.

◪ Мудрец, что в правоте своей уверен,
Дает совет нам: «Будь во всем умерен!»

◪ Ты помни: если проявить терпенье,
Страданье превратится в наслажденье.

◪ Запомни: знанье — это ширь морская,
Которой нету ни конца, ни края.

◪ Не думай, как бы ни был ты велик,
Что ты всего достиг и всё постиг.

/∇◐ Обратим внимание на это примечательное — во всех смыслах! — высказывание. Тем более, что оно даёт повод к новым представлениям о привычном.

Я полагаю, что человек способен на три выразительных действия. Первые два — это говорение и сообщение. А есть ещё и изрекание. Когда содержание высказывания не содержит в себе значение мысли — оно не результат исследования и совсем не в струе научного потока!, — а всего лишь предполагает, что таковое, может быть, может быть. Но выражено это предположение (привлекательно помеченное как бы избраннически доверительным намёком на некую действительно важную и волнующую проблематику) безусловным уверением. ◑/

◪ Ум — та верёвка, что в тяжелый час
Над пропастью удерживает нас.

Мы только с помощью ума и знанья
Осуществим заветные желанья.

◪ Вольны мы в том, чтобы себя прославить,
Навеки имя доброе оставить.

Иль имя, заклеймённое презреньем,
Оставить на проклятье поколеньям.

◪ **Будь добрым, справедливым и правдивым,**
Ведь быть таким и значит быть счастливым.

XI – XII вв.

Омар
/по прозвищу Хайям/

- Иранский поэт, ученый, философ, мудрец

Родился: 18.05.1048 г.
Умер: 04.12.1131 г.

Прожил — 83 года

«Сияли людям зори — и до нас!
Текли дугою звезды — и до нас!
В комочке праха сером, под ногою,
Ты раздавил сиявший юный глаз».
(Омар Хайям)

- **«Не осталось мужей, коих мог уважать,**
Лишь вино продолжает меня ублажать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать».
(Омар Хайям)

- **«Утром лица тюльпанов покрыты росой,**
И фиалки, намокнув, не блещут красой.
Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
Чуть заметно подол приподнявшая свой».
(Омар Хайям)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Нишапур, на востоке Ирана, в семье зажиточного ремесленника.
• Полное имя — Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим.
• По отцу он Омар ибн Ибрахим.
• По прозвищу — Хайям (т. е. человек, шьющий палатки).
• Был на язык несдержан, желчен до грубости.
• Стихи писал по-персидски (т. е. на своем родном языке), трактаты писал на арабском языке (языке ученых).
• Прославился своими **рубаи** — четверостишиями.
• Омару Хайяму принадлежит авторство 300 – 400 рубаи.
• Библиотека Кембриджского университета содержит 293 его рубаи.
• Хайям придерживался веры в переселение душ:

/ На этот счет в его биографии есть любопытная история.

Дело было в Нишапуре. Там имелось старое медресе, и для его ремонта ослы возили кирпичи. Однажды Хайям вместе с учениками

шел по двору училища. Один из ослов никак не входил во двор. Увидев это, поэт улыбнулся, подошел к ослу и... сымпровизировал стихи:

Ты нас давно покинул и возвращён, когда
Твое исчезло имя из мира без следа,
Когда срослися ноги в копыта у тебя,
Хвостом ослиным стала седая борода.

Осел вошел. Естественно, что у ученого спросили, в чем причина этого. Хайям сказал: душа, которая принадлежит телу этого осла, раньше находилась в теле учителя этого медресе — поэтому он и не мог войти. Но теперь, когда он увидел, что его товарищи узнали его, он волей-неволей должен был войти. /

Эдвард Фитцджеральд

• Европейцам Омар Хайям стал известен лишь с марта 1859 г., когда впервые были опубликованы 75 четверостиший в вольном переводе Эдварда Фитцджеральда (1809 – 1883).

• Внимание Фитцджеральда на стихи Омара Хайяма обратил его друг, профессор Коуэлл, летом 1856 года.

• Книга «Рубайят Омара Хайяма», изданная Фитцджеральдом, пролежала более двух лет в одной из лондонских книжных лавок, пока Омар Хайям, наконец, не был оценен по достоинству. До конца XIX в. перевод Фитцджеральда выдержал 25(!) изданий.

• Рукописное наследие Омара Хайяма весьма обширно.

• **Сочинения Омара Хайяма:**

«Трактат о доказательствах задач алгебры и алмукабалы»;
«Комментарии к трудностям во Введениях книги Евклида»;
«Проблемы арифметики» (этот трактат до нас не дошел);
«Рубайят» /рубайят (*перс.*) — форма множественного числа слова «рубаи» — четверостишие/;
«Весы мудростей, или Трактат об искусстве определения количества золота и серебра в состоящем из них теле»;
«Малик-шахские астрономические таблицы» (составлены Хайямом во время работы в обсерватории в Исфахане, названы по имени персидского шаха Малика);
«Свет разума о предмете всеобщей науки»;
«Трактат о бытии и долженствовании»;
«Трактат о существовании».

• Когда возраст Хайяма перевалил за восемьдесят лет, то, по версии одной из старейших биографий, случилось вот что:

Однажды, чистя зубы золотой зубочисткой и в это же время внимательно читая философские фрагметы из «Книги Исцеления» Авиценны, он почувствовал несомненное приближение смерти. Остановил Хайям чтение на самом трудном метафизическом разделе «Единое и множественное», заложил между двух листов рукописи зубочистку, закрыл фолиант, встал, сделал завещание и после того уж не принимал ни еды, ни питья. Прочитавши вечернюю молитву на сон грядущий, он положил земной поклон и на коленях произнес: «Боже! По мере своих сил я по-

старался познать тебя. Прости меня! Поскольку я тебя познал, постольку я к тебе приблизился». И умер.

• Похоронили Хайяма под Нишапуром, по дороге, ведущей в Мерв, в саду из персиковых и грушевых деревьев. Могила цела и теперь.

2. СУДЬБА

► Омар Хайям был в подлинном смысле энциклопедистом. Математик, выведший формулы, подтвержденные лишь спустя шесть столетий... Врач, который сумел вылечить 11-летнего царевича... Звездочет, предсказывавший погоду, солнечные и лунные затмения... Человек, которого правитель Бухары во время бесед сажал с собою рядом на престол в знак наивысшего уважения...

► Это история о том, как султан попросил Хайяма вычислить астрологическим путем время, наилучшее для охоты.

Хайям указал день. Когда все собрались, вдруг пошел снег. Хайям невозмутимо сказал: «Пусть государь успокоится! Тучи сейчас разойдутся, и пять дней будет стоять сухая ясная погода». Что и случилось.

► Портретный облик Омара Хайяма был восстановлен по черепу из гробницы поэта доктором медицинских наук, профессором Андраником Джумшудовичем Джагаряном, учеником известного антрополога М. М. Герасимова, основателя метода пластической реконструкции лица по черепу.

А. Д. Джагарян

Работу Джагаряна принимала представительная комиссия, в состав которой входили медики и археологи, историки и криминалисты. Как водится, не обошлось без контрольной проверки. Для экзамена был предоставлен череп недавно умершего человека, прижизненная фотография которого хранилась в тайне. Когда скульптурный портрет был воссоздан, комиссия сравнила его с фотографией. После этого ни у кого уже не осталось сомнений, что работа велась на строго научной основе.

► © За переводы стихов Омара Хайяма брались многие поэты. Для каждого из них это благодатная почва приложения ума и таланта и прекрасная возможность выразить себя. Высвечивая непреходящее, подсветиться от него — стать заметным и нужным от сопричастности к нему. Перевод — это ведь не только языковое переложение и подрифмовка некоторого набора высказываний, мыслей и идей конкретного человека, но и культурно-социальная адаптация эпох, сближение времен, сохранение истинных ценностей умонастроений и стремлений прошлого. Большу́ю роль здесь играет адекватность, однако не меньшую — сплетение в единый узор почувствований, привлекательности и... духа. Причем последнего — в инонациональной колористике, в свежести другой фонетической и лексической парадигмы.

В данной книге ссылки на стихи Хайяма даются в переводе Германа Плисецкого (1931 – 1992). Этот выбор для меня существен и по-своему

исповедален. В юности мне попался томик Хайяма, и зазывателем в него, путеводителем по нему был Плисецкий. Тогда это была случайность. Сегодня же я склонен считать это зна́ковой закономерностью. Плисецкий не приобщался к Хайяму, Плисецкий имел право **на равенство** с ним: не философское, нет, да это и не нужно, — на смыслоощутительное совпадение, на достойность представительства. Плисецкий не извлекает Хайяма, он нас вовлекает в него. Думаю, что как Хайям — уникален и единствен, так и в каждом национальном языке есть уникален и единствен тот, кто открывает Хайяма каждому новому поколению. Таков, по-видимому, Плисецкий, и его собственные стихи это наглядно и однозначно подтверждают ◑:

Уходят годы. Мимо, мимо...
Поди, попробуй, задержись!
Уходит жизнь невозвратимо.
Как женщина, уходит жизнь.

Ее вторая половина
короче первой. Финиш скор.
Как будто снежная лавина
стремительно несется с гор.

* * *

Как в сновиденье: город опустевший...
Вот что случится в старости с тобой:
лишь стукнет ставней ветер налетевший
да пыль взлетит над мостовой сухой.

Всё на местах: картины, книги, вещи.
Исчезли только люди и зверье.
И всё родное выглядит зловеще,
и всё вокруг как будто не моё.

* * *

Увы, не блещет мысль, но заблистала
холодной сединою голова...
Слагать стихи как будто стыдно стало,
неловко как-то рифмовать слова.

Копье сравненья пролетает мимо,
а прежде был удар неотразим...
Ничто ни с чем на свете не сравнимо.
И полная безо́бразность за сим.

Бушует в юных пламя, не стихая,
а я давно горюю — не горю...
Ты думаешь, что говоришь стихами?
Мне кажется: я прозой говорю.

Кустари

Им истина светила до зари
в сыром углу, в чахоточном подвале.
Шли на толкучку утром кустари
и за бесценок душу продавали.

У перекупщиков был острый глаз.
Был спрос на легковесных и проворных.
Бездарный, но могущественный класс
желал иметь талантливых придворных.

И тот, кто половчей, и тот, кто мог, —
тот вскоре ездил в золотой карете.
И, опускаясь, дохли у дорог
к подделкам неспособные калеки.

О, сколько мыслей их потом взошло,
наивных мыслей, орошенных кровью!
Но это всё потом произошло,
уже за рамками средневековья.

Г. Плисецкий

► ◐ **Слово о Хайяме:***

Знать об Омаре Хайяме лестно, читать его приятно, а говорить о нем и тем более писать — почетно. Рано или поздно любой плод, созревая, падает, а это значит, что слову о Хайяме — быть.

* Здесь приводится *Предисловие*, написанное автором для книги «Омар Хайям в кругу мудрости» (Симферополь: Квадранал, 1998). — *Прим. ред.*

Посмотрите вокруг, воззрите вверх, загляните вглубь. Нас влечет вовсе не изведанное, не то, что рядом, не обыденное. Стремления сами собой тянутся к запредельному, к неизвестному. А еще к красоте. И мысль не успокаивается ничем, пока есть в перечне наших слов звучащие загадочно, сильно, призывно «почему?», «куда всё?», «зачем?», «откуда?».

Ум человека похож на езду на велосипеде: он заставляет мчаться. Медленно нельзя — упадешь. А чтобы быстро, это, знаете ли, уметь надо.

Я бы сказал, что жизнь — любая!, и большая и малая, и праведная и не очень, — есть поиск учителя. Человека, способного втолковать, раскрыть, ввести. По-доброму и душевно. Искренне, заботливо, внимательно упредить все наши недоумения. Показать трудное, малопонятное, сокрытое в прелести его нужности, в великолепии предназначенной изначальности.

Сколько нас сегодня? Миллиарды и миллионы. А сколько уже было? И как много будет! Но разве зависит от количества миль или километров мощность двигателя? И только ли числом населения знаменит и памятен род человеческий?

Бархат ночного неба украшается блестками звезд. И даже одной бывает достаточно, чтобы исполниться чувством неизъяснимого радостного насыщения. Тут и захотел бы, да не обойдешь главное: дело не в полноте восприятия, а в восприятии полноты дела.

Среди нас тоже есть светочи, островки мудрого ума, иногда попадая на которые мы дивимся целесообразности мира и многообразию жизни. Как лучи солнца, здесь впитываются нами потоки оптимизма, веселье задорной бодрости, неуёмность быстрой находчивости.

Да, наконец осознаём мы: все люди равны. Но вот не *во всём* — это уж точно. Есть избранные. Богом ли, судьбою, временем, обстоятельствами — не знаю. Однако концентрируют они в себе и сущность роднящего нас начала, и объединяющих хотений, и увещаний от противности, греховности, ханжества.

Таким был Омар Хайям. Насмешливый, умный, человечный. Он любил и современников, и потомков. Уважал бывший род и упоённо славил будущий.

Осторожной строкой своих раздумий он бережно берет своих читателей за руку и направляет туда, где быть интересно, а бывать занятно. Он дарит удивительность. Он обещает удивление. Он удивляет необычным.

Оригинальный, свежий, динамичный Хайям и темами настолько разнообразен, что не поразиться его энциклопедичности, кругозору, эрудиции просто невозможно.

А отсюда — влечение. И рифма сюда же. И всё в пользу. К уместности. К нужности.

Нежным женским лицом и зеленой травой
Буду я наслаждаться, покуда живой.
Пил вино, пью вино и, наверное, буду
Пить вино до минуты своей роковой!

Вулкан задумок, море красок, фейерверк услады. И не только от «ог-

ненной» воды, и не потому, что гибкость молодого девичьего тела разгоняет страстями кровь до сверхзвуковых пределов, и не из-за безграничного жизнелюбия. А из-за того, в первую и главную очередь, что несет он себя, свою личность, неповторимый узор своего витиеватого, как кроссворд, но изумительного, как лабиринт, ума. Трудность его трудов упрощает нам их взятие.

Гордость распирает все ощущения, и потаённые уголки естества наполняются теплотой умиротворения, когда замечаешь себя другим, строго и филигранно отформованным остроумием, усердной рассудительностью, изыскательской неуспокоенностью.

Мужи, чьей мудростью был этот мир пленён,
В которых светочей познанья видел он,
Дороги не нашли из этой ночи темной,
Посуесловили и погрузились в сон.

Хайям многое имеет, щедро делится, ко всем ровен. Однако где он заимел это? Взял ли, получил, нашел? А может быть, родился с ним?!

Кто знает! Ведь не знанием живет знание и не будь незнания, кто бы его желал?! Хайям с нами, только вот послан кем? И почему бы не поклониться тем прежним временам, когда рождались на свет люди, несшие в нашу юдоль долю многоцветия — назидательности, предосторожности, справедливости.

Не тó жизнь, когда собираешь, накапливаешь, обрастаешь скарбом. И не во власти над людьми суть и цель. Всё по-другому: в чем-то сложнее, а где-то и попроще. Нам свойственно о*тяга*щаться суетой, нелеными упованиями, тщетой алканий. Только вот **зачем**? Задуматься бы.

Беспощадна судьба, наши планы круша.
Час наступит, и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

Поле его жизни было просторным. Нива урожайной. Немало дней отшагали его наблюдения, и сотни верст покорились его настойчивости. Астроном, математик, большой ученый в подлинном смысле этого слова, Хайям превратил собой свой век во врата из древности во всегдашнюю современность. Его разум расставил в мире вечные вехи, чтобы по ним ориентироваться в тумане сомнений, опереться в минуту отчаяния, уныния, скорби, отсчитать меру надежды и могучесть мечты. Опериться, в конце концов!

Хайям не изменен и не изменяем. Но он еще и не изменит. Как верный друг, он всегда навсегда.

И пусть будут лавровым венком ему признания почтения и почитания все те, кто делал то же, что и он, кто трамбовал его дорогу своими подошвами. Согласитесь, что это более чем заманчиво — вступить на нее.

Так что же удерживает? Как говорится, в добрый путь! С посохом Хайяма дали раздвинутся. С чашей Хайяма расстояния не измождят нас. А заветы его — обессмертят. ❍

► **Гилберт Честертон:**

«В нашем странном мире нет, наверное, ничего, что не превозно-

сили бы в ущерб всему остальному. Всё на свете поочередно объявляли единственным смыслом бытия. Книги, любовь, деньги, вера, вино, истина, чувства, мистика, простота, труд, жизнь на лоне природы, жизнь в фешенебельном квартале — словом, всё как есть оказывалось благом, искупающим несостоятельность мира, в котором без этой светлой точки было бы просто невозможно жить. Так мир, то и дело осуждаемый в цёлом, оправдывается и даже восхваляется в каждой своей части.

Хор пессимистов оправдывает и славит бытие. Дело благодарения справедливо распределено между ними. Артур Шопенгауэр — библиотекарь в доме Божьем, воспевающий суровые радости ума. Томас Карлейль — дворецкий, на чью долю выпало хвалить трудолюбие. Омар Хайям ведает погребом и заверяет нас по долгу службы, что во всех остальных частях дома ничего хорошего нет».

3. УЧЕНИЕ

♦ Существующие вещи не созданы Всевышним Аллахом все вместе, а Он создал их в нисходящем порядке, отправляющемся от него в виде цепи порядка.

♦ Всё появляется на свет, и всё уходит со света. Откуда ж этот приход? И куда — уход? Вседержитель, создавший и упорядочивший природу, зачем после того производит в ней уроны? Если она оказывается плоха, то на ком за это лежит упрек? Если ж она хороша, то к чему ее разрушать?

♦ Знай, что те, которые добиваются познания Господа, чистого и высокого, подразделяются на четыре группы:

Первые — мутакаллимы, которые согласны с мнением, основанным на традиционных доказательствах. Этого им хватает для познания Всевышнего Господа, Творца, имена которого священны.

Вторые — это философы и ученые, которые познают при помощи чисто разумного доказательства, основанного на законах логики. Они никоим образом не удовлетворяются традиционными доводами. Однако они не могут быть верны условиям логики и ослабевают.

Третьи — это исмаилиты и талимиты, которые говорят, что путем познания Творца, его существования и свойств является только весть праведника, так как в доказательствах познания есть много трудностей и противоречий, в которых разум заблуждается и ослабевает, поэтому лучше так, как требует речь праведника.

Самое раннее изображение Омара Хайяма
/Из арабской рукописи начала XVI века/

Четвертые — это суфии, которые не стремятся познать с помощью размышления и обдумывания, но очищают душу с помощью морального совершенствования от грязи природы и телесности, и когда субстанция очищена, она становится наравне с ан-

гелами и в ней поистине проявляются эти образы. Этот путь лучше всего, так как мне известно, что ни для какого совершенствования нет лучшего, чем достоинство Господа, от него нет ни запрещения, ни завесы ни для какого человека. Они имеются только у самого человека от грязи природы, и если бы эти завесы исчезли, а запрещения и стены были бы удалены, истины вещей стали бы известны и казались бы как они есть.

♦ Нищим дервишем ставши — достигнешь высот.
Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот.
Прочь пустые мечты о великих свершеньях!
Лишь с собой совладавши, достигнешь высот!*

♦ Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятного нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно!
Вот последняя правда, открытая мной.

♦ Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всесильным визирем в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека...

♦ В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни.
За подрубленный сук не держись, человек!

♦ Был ли в самом начале у мира исток,
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели,
Ни один разгадать ее толком не смог.

♦ Ты обойден наградой — позабудь.
Дни вереницей мчатся — позабудь!
Небрежен ветер: в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть.

♦ Недостойно стремиться к тарелке любой,
Словно жадная муха, рискуя собой.
Лучше пусть у Хайяма ни крошки не будет,
Чем подлец его будет кормить на убой!

♦ Я познание сделал своим ремеслом.
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

♦ Всё, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности мира до дна.

---

* Исторически сложились два вида рубаи. Наиболее распространены четверостишия, в которых рифмуются первая, вторая, четвертая строки (оба полустишия первого бейта и вторая мисра [полустишие] второго бейта), а третья строка остаётся незарифмованной. Схема рифм такого рубаи *а а б а*. Во втором же типе рубаи («песенное рубаи») рифмуются все четыре строки — полустишия: *а а а а*.

Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей — не видна.

♦ Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг не доступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.

♦ Мы — послушные куклы в руках у Творца!
Это сказано мною не ради словца.
Нас по сцене Всевышний на ниточках водит
И пихает в сундук, доведя до конца.

♦ Жизнь — пустыня, по ней мы бредём нагишом.
Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
Ты для каждого шага находишь причину —
Между тем он давно в небесах предрешен.

♦ Тайну вечности смертным постичь не дано.
Что же нам остается? Любовь и вино.
Вечен мир или создан — не всё ли равно,
Если нам без возврата уйти суждено?

♦ Когда б я властен был над этим Небом злым,
Я б сокрушил его и заменил другим,
Чтоб не было преград стремленьям благородным
И человек мог жить, нуждою не гоним.

♦ Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену.
Век наш краток — не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину!

♦ Пусть хрустальный бокал и осадок на дне
Возвещают о дне наступающем мне.
Горьким это вино иногда называют,
Если так — значит, истина скрыта в вине!

♦ Давно — до нас с тобой — и дни и ночи были,
И звезды, как сейчас, по небесам кружили.
Не знаешь, как ступить на этот прах земной, —
Зрачками любящих его песчинки жили.

♦ Родился я... Но от того Вселенной — пользы нет.
Умру, — и в славе ничего не выиграет свет.
И я доныне не слыхал, увы, ни от кого,
Зачем я жил, зачем страдал и сгину для чего.

♦ Мы умрем, а мир наш будет в небе странствовать всегда;
Мы ж по смерти не оставим здесь ни знака, ни следа.
Мы не жили во Вселенной — мир вращался и тогда.
И без нас — ему не будет ни ушерба, ни вреда.

♦ Пусть счастлив ты теперь; скажи, а что потом?
Пусть смерти час придет; скажи, а что потом?

Пускай других сто лет ты в свете проживешь,
Не зная бед и зла; скажи, а что потом?

♦ Капля стала плакать, что рассталась с морем.
Море засмеялось над наивным горем:
«Всё я́ наполняю, всё — моё владенье.
Если ж мы не вместе, делит нас мгновенье».

♦ Разметался у розы подол на ветру.
Соловей наслаждался в саду поутру.
Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна.
Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

♦ В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, быть может, окажется злейшим врагом.

♦ Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая — на Коране.
И так вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.

♦ «Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился в их лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай — это две половины души.

♦ Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся, как с данной тебе напрокат.

♦ Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротою,
Чем от пут человечество освобождать.

4. МЫСЛИ

◪ Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плачь не плачь — а придется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирать.

◪ Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
И тебя не минует внезапная тьма.
О Хайям! Оборвется непрочная нитка.
Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

◪ Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивцем, смутьяном — воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе, что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!

◪ Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла.

Жизнь, мгновенье которой равно мирозданью,
Как меж пальцев песок, незаметно, прошла!

- Как нужна для жемчужины полная тьма,
Так страданья нужны для души и ума.
Ты лишился всего и душа опустела?
Эта чаша наполнится снова сама!

- Ученью не один мы посвятили год,
Потом других учить пришел и нам черёд.
Какие ж выводы из этой всей науки?
Из праха мы пришли, нас ветер унесёт.

- В полях — межа. Ручей. Весна кругом.
И девушка идет ко мне с вином.
Прекрасен миг! А стань о вечном думать,
И кончено: поджал бы хвост щенком!

- Если ночью тоска подкрадётся — вели
Дать вина. О пощаде судьбу не моли.
Ты не золото, пьяный глупец, и едва ли,
Закопав, откопают тебя из земли.

- Знает твердо мудрец: не бывает чудес,
Он не спорит — там семь или восемь небес.
Раз пылающий разум навеки погаснет,
Не равно ль — муравей или волк тебя съест?

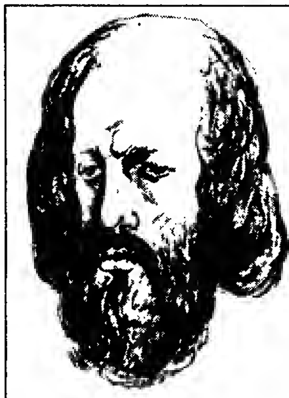
- Вместо солнца весь мир озарить — не могу,
В тайну сущую дверь отворить — не могу,
В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
Но от страха ее просверлить не могу.

- В жизни сей опьянение лучше всего,
Нежной гурии пение лучше всего,
Вольной мысли кипение лучше всего,
Всех запретов забвение — лучше всего.

- Ту тайну дивную свою от всех я утаю.
То слово краткое облечь не в силах наша речь.
Сияют страны предо мной... Но нем язык земной:
О чуде тайн, что вам не знать, не в силах рассказать.

Аль-Газали́

XI – XII вв.

Абу-Хамид аль-Газали

• Иранский философ

Родился: 1058 г.
Умер: дек. 1111 г.

Прожил — 53 года

«Не достичь познаваемого — значит познать». *(аль-Газали)*

■ **«Мистический путь, а не философия с ее ненадежными и узкоограниченными доказательствами ведёт нас к совершенной истине».** *(аль-Газали)*

■ **«Наши схоластики-богословы, мутакаллимы, пытаясь опровергнуть философов, постоянно обнаруживают свое глубокое невежество и полное незнакомство с тем, что́ они хотят опровергать. Я решил им не подражать, а предварительно изучить и постичь всю философскую науку».** (*аль-Газали.* **Автобиография**)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Тусе (ныне Мешхед) в Восточном Иране.
• Рано прославился своей ученостью.
• С 1091 г. он преподаёт философские и теологические дисциплины в Багдаде в знаменитой тогда богословской школе (медресе́) Низамийя.
• Уже в юности Газали потерял надежду найти истину на пути, намеченном философами.
• В 34 года пережил сильный духовный кризис, глубоко поколебавший фундамент его мировосприятия. Но длился этот период сомнений недолго — два-три месяца. Газали выстоял, не утонул в скептицизме.*
• Газали отвернулся от философии, оставил преподавательскую деятельность, удалился в Сирию, в уединение, чтобы вести здесь мистически-созерцательную жизнь суфита. Здесь он получил откровения величайшей важности и прозрел истиной.
• По прошествии 11 лет Газали оставляет своё затворничество и вновь становится учителем. Но теперь уже воинственным распространителем истины и борцом с заблуждениями.
• Мысль в его трудах ярка, слог красив, изложение ясно.
• **Сочинения аль-Газали:**

«Стремления философов» (в другом переводе: *«Цели философов»*);

---

* О проблеме околотридцатилетнего возраста см. т. 2, с. 646–647. — *Ред.*

«Разрушение философов» (в других переводах: *«Опровержение философов», «Непоследовательность философов»*);

«Воскрешение наук о вере» (1099 – 1102):

/ Это самое крупное произведение Газали. Оно состоит из 4 руб̒ов («четвертей»), а каждый руб̒ включает 10 книг. Руб̒ы называются: «Обряды», «Обычаи», «Погубители», «Спасители». Каждая книга делится на рукны, состоящие из шатров, которые, в свою очередь, состоят из байанов.

Аль-Газали:

«К написанию этой книги в четырех частях меня побудили два фактора. Первый и основной: именно такой порядок в разъяснении и исследовании является обязательным, поскольку знание о потустороннем делится на Науку поведения и Науку откровения. Под последней я подразумеваю то, что требует только открытия знания, а под второй — Наукой поведения — то, что требует также и действия.

Эта книга затрагивает только Науку поведения, поскольку Науку откровения нельзя описать в книгах даже в том случае, если она является целью ищущих и объектом для правдивейших. Наука же поведения есть путь к Науке откровения. Пророки, да благословит их Аллах, разговаривали с людьми именно об этой науке, науке пути и наставления. О Науке откровения они говорили только символически, иносказательно, посредством примеров и обобщений, принимая во внимание ограниченность умственных способностей людей. Ученые же — наследники пророков и должны следовать им». /;

«Судящий о различии между исламом и ересью»;

«Избавляющий от заблуждения»;

«Порочность учения батынитов»;

«Ниша света»;

«Правильные весы»;

«Ответы на вопросы»;

«О, чадо!»:

/ В этом обращении к одному из своих учеников Газали пищет:

«Приобретенные знания должны быть прилагаемы к делу. Личная наука без применения — это есть оружие, спрятанное в ножнах и не извлекаемое как раз тогда, когда подступает грозный, лютый лев». /;

«Драгоценная жемчужина»;

«Алхимия счастья»;

«О необходимости удержать простой народ от богословских рассуждений»;

«Критерий действия».

• Многое прочитал Газали, многое слышал, многое знал, но восторгался лишь одним — строчкой арабского поэта Лабида: «Разве не всё, кроме Аллаха, ложно?»

2. СУДЬБА

► Газали как-то раз посетил Омара Хайяма, вероятно, в обсерватории, с целью получить разъяснение от сведущего в астрономии мудреца насчет одного из положений небесного свода. Хайям начал объяснять имаму движение светил, но тот, видно, не всё уразумел. В это время до их слуха донесся из мечети призыв муэдзина на полуденную молитву. Газали, услыщав священный призыв к молению, сказал: «Пришла истина — и разлетелась пустая ложь» — и ушел.

► В историю развития мусульманского вероучения имам Газали вошел с титулом «Худжжат ал-Ислам» — «Доказательство ислама». Мусульмане доныне говорят, что если бы Коран и все писания исчезли, но осталось бы цело «Воскрешение наук о вере», то из него одного ислам всё равно мог бы быть прекрасно восстановлен.

► **Суюти** (богослов, XV – XVI вв.):

«Если бы после Мухаммада мог появиться еще пророк, таким пророком был бы, конечно, Газали».

► Версия **Моисея Нарбонского:**

«Газали написал для своих друзей небольшое тайное сочинение, в котором давал решение всех вопросов, которые он открыто изобразил как неразрешимые».

► Версия **Ибн-Туфейля** /(1110 – 1185), имам, «знающий и совершенный философ»/:

«Газали сочинил тайные книги, где проповедовал совершенно другие теории, чем те, которыми он угощал публику.

Газали: «Воспринимай то, что ты видишь, и забудь о том, что ты слышал; когда восходит Солнце, оно избавляет нас от созерцания Сатурна».

3. УЧЕНИЕ

♦ Знание есть атрибут, дающий способность тому, кто им обладает, действовать подобающим образом.

♦ Сомнение есть путь к истине: кто не сомневается — не видит, кто не видит — не понимает, кто не понимает — пребывает в слепоте и заблуждении.

♦ Тайны этой науки не могут быть изложены на страницах книги, ибо знающие говорили: «Раскрытие тайны божественного господства есть неверие».

♦ Поэтому тайна есть бытие, и образ этого бытия — это то, что в нем присутствует, а если присутствует в нем нечто другое, то как будто бы и нет бытия, кроме как для присутствующего.

Пример тому — сверкающее зеркало: ведь оно само не имеет цвета, его цвет — это цвет присутствующего в нем. Так же и стекло: оно показывает цвет своего содержимого, и его цвет — это цвет присутствующего в нем. Само оно не имеет образа: его образ — это принятие различных образов и их цветов, что есть состояния готовности принимать цвета. Эта истина выражена в словах поэта:

Прекрасен бокал, и прекрасно вино,
Спаялись они, и ты видишь одно:

Как будто вино без бокала краснó
Иль нет в нём вина и краснеет стекло.

♦ Результат экстаза сказывается на откровениях и состояниях. Знай, что каждое из них делится на то, что можно выразить, придя в себя после них, и на то, что выразить вообще невозможно. И невозможно — не вследствие неспособности своего языка, а вследствие того, что смысл его настолько тонок, что его трудно выразить словами. Это постигли те, кто изучает трудные задачи.

[...]

Если бы вырос человек, не зная образа женщины и не имея представления о совокуплении, и привиделся б ему сон, и обуяло бы его желание, то он почувствовал бы в себе огонь желания, не зная, что он стремится к совокуплению, ибо он не знает, **чтó такóе** совокупление, и не имеет представления о женщине. Точно так же в душе человека есть соответствие с высшим миром и удовольствиями, которые обещаны ему у ослепительного предела и в райских садах, но из этих вещей он мог вообразить только атрибуты и имена, подобно тому, кто услышал слова «совокупление» и «женщина», но никогда не видел ни образа женщины, ни образа мужчины, ни своего собственного образа в зеркале, чтобы судить по аналогии. Слушание вызывает в нем тоску, а полное невежество и увлечение миром заставили его забыть себя, своего Господа и того, кто дал ему устойчивость и к кому обращены эмбрионы его и непроизвольная тоска, и сердце его требует от него чего-то, он сам не знает чего именно. Он изумляется, теряется, волнуется, будучи подобен задыхающемуся, не знающему, как спастись. Этому подобны другие состояния, всю истину которых осознать невозможно и которые тот, кто хочет их описать, не может выразить. Так очевидно деление экстаза на то, что можно выявить и чего выявить нельзя.

♦ Бог знает все предметы знания и понимает всё происходящее в мире, от границ земли до высочайшей точки небес. Он — ведающий таким образом, который позволяет быть уверенным, что вес пылинки на земле или на небе не ускользнет от Его знания. Воистину, Он знает о возне черного муравья на твердой скале во тьме ночи. Он постигает колебание частицы воздуха. Он знает то, что сокровенно и скрыто. Он наблюдает потаенные мысли, возникающие идеи, которые прячутся в сердце.

♦ Прежде всего дóлжно понять, что только Бог воистину знает о Себе и полностью понимает сущность Своего величия. Нет надобности считать это странным, ибо я говорю: только ангел истины знает об ангелах, только пророк истинно знает о пророках. Действительно, только ученый истинно знает об ученых. Я бы даже сказал, что, пока ученик не достигнет уровня знаний учителя, он не знает по-настоящему своего учителя. А когда он достигнет его уровня, он знает того почти так же, как учитель знает себя... Я бы даже сказал, что нельзя представить себе, что импотент может воистину знать о состоянии человека, достигаемом при соитии.

♦ Даже низшие формы жизни, такие, как муравьи и комары, возможно постичь лишь муравьям и комарам. У человека же нет истинного знания о себе, поскольку о нас самих мы знаем только косвенно — через дела и внешние характеристики души, не ведая ее сущности.

♦ И как только человек узнаёт, что необходимо не способен постичь сущность величия Бога, он достигает конца своего совершенства, что и есть его цель.

♦ / **Байан о смысле души, духа, сердца, разума и о том, что имеется в виду под этими названиями, из книги о разъяснении чудес сердца третьего руб'а «Погубители»** /:

Среди великих ученых мало таких, кто разбирается в этих словах, разнице между ними по значению, их определениях и в том, что́ они описывают. Источником большинства ошибок является невежество в отношении значения этих слов и тех различий вещей, которые они обозначают. Мы разъясним здесь значение этих слов.

Первое слово — «сердце» — имеет два значения. Первое из них: ткань конусообразной формы, находящаяся в левой стороне груди. Это особая ткань, а внутри нее — полость, заполненная черной кровью, которая есть источник и исток духа. Мы не ставим здесь целью описать вид его и функцию, ибо это задача врачей, но не задача вероучения. Это сердце есть у животных и даже у мертвых. Употребляя это слово в нашей книге, мы не имеем в виду этот немощный кусок плоти. Он принадлежит миру явного и осязаемого, так как помимо людей его воспринимают и животные с помощью зрения.

Второе значение этого слова — божественный духовный дар, связанный с этим телесным сердцем. Этот дар есть суть человека, постигающее, знающее и осознающее в человеке, оно же беседующее, контролирующее, укоряющее и требующее; оно связано с телесным сердцем, и для умов большинства людей трудно разобраться, какова же эта связь.

Эта связь подобна связи акциденций с телами и атрибутов с определяемыми предметами, связи употребляющего орудие с орудием или связи занимающего место с местом. Объяснять это здесь мы остерегаемся по двум причинам: во-первых, это связано с Науками откровения, а целью этой книги являются лишь Науки поведения, во-вторых, такое объяснение потребовало бы раскрыть тайны духа, а об этом не говорил и Пророк, из чего следует, что и другим не надлежит говорить об этом. Употребляя в нашей книге слово «сердце», мы имеем в виду этот дар. Наша задача — упомянуть атрибуты его и состояния, а не истинную суть в его субстанции: ведь Наука поведения нуждается в знании его атрибутов и состояний, но не нуждается в упоминании его истинной сути.

Второе слово — «дух» — также имеет два значения. Первое: прекрасный элемент, источник которого — полость телесного сердца и который разносится при посредстве пульсирующих сосудов во все части тела. Его распространение в теле — разлив огней жизни, чувства, зрения, слуха, обоняния по всем членам подобен разливу света от светильника, который помещается в углу дома: он освещает в доме не только этот угол; так, жизнь подобна свету, падающему на стены, дух подобен светильнику, а движение духа внутри тела человека — передвижению светильника по дому, благодаря тому, кто его передвигает. Когда врачи произносят это слово, они подразумевают именно это значение: прекрасный пар, продукт теплоты сердца. Его описание не является нашей целью, это задача врачей,

исцеляющих тела. Цель же врачей веры, лечащих сердце — чтобы оно направлялось к Господу миров, — никоим образом не связана с описанием этого духа.

Второе значение — осознающий, знающий дар в человеке, тот, что мы описали в связи с одним из значений понятия «сердце», и именно о нем говорил Всевышний Аллах: «Скажи: дух от повеления Господа моего»; это удивительное Божественное повеление, суть которого не может понять большинство умов и рассудков.

♦ Пророк говорил: «От троякого не спастись никому: от подозрения, от дурного мнения и от зависти. Но я расскажу вам, как избавиться от них: если ты подозреваешь — не проверяй, если ты дурно думаешь — удались, если ты завидуешь — не возжелай». Рассказывали: и «от трех вещей не спастись никому», и «мало, кто может спастись от трех вещей». Это доказывает возможность спасения.

♦ Пророка спросили: «Что такое беда народов?» Он ответил: «Высокомерие, надменность, гордыня, соперничество в земном мире, разобщенность и зависть друг к другу, так что появляется сначала разложение, а потом хаос».

♦ Есть три мира. Мир явного и осязаемого; мир сверхчувственного и скрытого, мир духовного, который находится между первыми двумя.

♦ Великий и Всемогущий сказал, обращаясь ко всем людям: «Даровано вам знание только немного». И если все жители небес и земли соберутся вместе, чтобы достичь Его знания и мудрости в подробном описании сотворения муравья или комара, они не узнают о том и десятой доли истины. Люди обладают из Его знания лишь тем, что Он пожелает.

♦ Можно ли представить, чтобы человек любил себя и не любил своего Господа, благодаря которому он существует! Ведь известно, что если изнывающий от палящих лучей солнца любит тень, то он, несомненно, любит и дерево, бросающее эту тень.

Однако этот пример хорош лишь для простых людей, ибо они воображают, что свет — от солнца, исходит от него, существует благодаря ему, но это ошибочно, ведь обладателям сердец открывается с большей ясностью, чем видящим с помощью зрения, что свет — от могущества Всевышнего, будучи создан в момент стыковки солнца и твердых тел. Свет солнца, источник его, форма и образ — всё есть следствие могущества Всевышнего. Однако цель примеров — разъяснение, а истина, как таковая и в полноте ее, не нужна.

♦ / **Байан о сущности любви, видах ее и смысле любви раба ко Всевышнему из книги о любви, тоске, радости и довольстве четвертого руб῾а «Спасители»** /:

Первое, что нужно сделать, — это понять, что любовь может быть только результатом познания, так как человек любит лишь то, что он знает. Поэтому не могут любить камни. Любовь есть свойство познающего живого.

[...] Любовь представляет собой врожденную симпатию индивида к приятному для него. Если эта симпатия очень сильна, она называется влюбленностью.

[...] Второе. Любовь, будучи подчинена познанию и ощущению, есте-

ственно имеет то же деление, что и объекты познания и чувства. Каждое чувство познаёт определенный род объектов, и для каждого чувства приятен тот или иной объект.

[...] Так, Пророк сказал: «Три предмета в вашем мире любимы мною: аромат, женщины и молитва, радуюшая меня».

Аромат назван объектом любви, хотя и известно, что он даёт удовольствие лишь обонянию, но не зрению, не слуху. И женщины названы объектами любви, хотя они приятны лишь для зрения и осязания и ничего не дают ни обонянию, ни вкусу, ни слуху. Молитва названа радостью, она — главный объект любви, хотя наслаждаются ею не пять чувств, а шестое, идущее из сердца, и познать ее может лишь тот, у кого оно есть. Удовольствия пяти чувств могут испытывать помимо человека также и животные; и если любовь ограничить объектами познания пяти чувств и утверждать: Аллах не познаётся с помощью пяти чувств и не может быть представлен в воображении, то это приведет к заключению, что характерной особенностью человека является шестое чувство, которое можно назвать разумом, либо светом, либо сердцем, но, как бы ты его ни называл, оно всё равно есть. Внутренний разум сильнее разума явного, а сердце для познания лучше, чем глаза. Красота того, что познаётся разумом, величественнее красоты, доступной зрению. И наслаждение сердца от познания тех благородных, Божественных вещей, что выше объектов познания чувств, полнее и прекраснее, следовательно, и симпатия к ним нормального человека, нормального разума сильнее. А в чем же еше смысл любви, как не в симпатии к тому, что приятно познать?

[...] Все виды любви определены пятью причинами. Во-первых, любовь человека к себе, своему совершенству и самосохранению. Во-вторых, любовь человека к своим благодетелям, помогающим продлить его существование, сохранить его, отвести от него погубителей. В-третьих, любовь человека к тому, кто облагодетельствовал других людей, даже если он и не облагодетельствовал лично его. В-четвертых, любовь человека ко всему прекрасному, будь то во внешнем или во внутреннем образе. В-пятых, любовь к тому, с кем у него есть внутреннее, скрытое сходство.

[...] Все виды любви могут достичь высшей степени совершенства и могут быть собраны все вместе лишь в любви к Всевышнему. Только Всевышний Аллах достоин истинной любви.

4. МЫСЛИ

- Цель философии заключается в указании пути к достижению счастья. Истинное знание и правильное действие — таков способ его достижения.
- Прежде чем познать Бога, нужно познать себя.
- Это факт, что мы обладаем свободой воли, и никакие рассуждения о якобы полном подобии двух одинаковых вещей, исключающем наше склонение к одной из них, несостоятельны. Возможность возможности всегда говорит в пользу представимости бытия.

Предположим, что перед человеком находятся два одинаковых финика; он с вожделением смотрит на них, но дотянуться до обоих сразу

он не может. Конечно, он возьмет один из них. И сделает это благодаря способности отличать одну вещь от другой, какое бы равенство относительно них кто ни утверждал. Да, они отличаются по красоте, сподручности и прочему, а всё же возможность взять один из них остаётся. У любого пытающегося сейчас спорить со мной непременно возникает дилемма: **ИЛИ** вы ска́жете, что невозможно представить себе разницу в целях желающего, и тогда при полном совпадении предметов алкания они недоступны, ибо равнопритягательны, но это глупый ответ, так как такую «разницу» в принципе найти можно; **ИЛИ** вы заявите, что человек в любом случае останется без фиников, целый век *в нерешительности взять* созерцая их, ибо, ну и что с того, что плоды разнятся? — свобода воли потому и свобода, что ее ничто не принуждает, а значит, она в отношении двух объектов желания разделится строго пополам. Однако такое утверждение вообще не выдерживает критики: разве может быть равное равенство — ведь всё, что бы ни было, *есть*, а всё, что есть, во-первых, длится и уже в силу этого меняется, а во-вторых, пространственно распределено и потому «привязано» к верху и низу, к «правому» и «левому». Взять кисти рук: они *равны*, но они неодинаковы.

Итак, каждый, кто изучает осуществление свободы выбора — хоть на основе самонаблюдения, хоть умозрительным путем, необходимо должен признать наличие способности отличать одну вещь от другой, ей подобной.

∇ ◐ Данное мнение аль-Газали, по-видимому, являет собой его мыслительные изыскания по проблематике, *традиционно* связанной с французским оккамистом, философом и физиком Жаном Буриданом (ок. 1300 – ок. 1358). Буридан предложил «аргумент осла»: логический эксперимент в виде вероятностного уподобления: осёл, стоящий между двумя совершенно одинаковыми, находящимися на равном от него расстоянии охапками сена, должен будет непрерывно голодать, ибо — при наличии равных мотивов — он никак и никогда не решит, какую охапку съесть сначала.

Проблема воле́ния, обусловливающего детерминизма и всеобъемлющей свободы наших поступков всегда была неоднозначной в философии. Однако здесь дело дошло до казуистики, и это значит, что час **ответа** про́бил: не всегда можно искать, иногда приходится и заискивать.

Именно в беспределии фантазий познания мы и замечаем пределы знания. И тогда гордое «иду на вы» умеряется смиренным «увы...».

Аль-Газали жил раньше Буридана. Но разве трудность выбирает того, кто решится с нею померяться силой? Каждая эпоха выдвигает свои доводы и предлагает свои рецепты. Только вот ни славный араб, ни ученнейший француз (Буридан дважды — в 1327 г. и в 1348 г. — становился ректором Парижского университета) не заметили существеннейшего в том, чем завлеклись: не воля определяет выбор, а выбор фиксирует факт состоявшейся воли. Понятно, что соловей *поёт*, но только неужели мы станем считать, что он сочиняет свои песни?!

Зачем же «воля»? — спрóсите. А зачем ограда вокруг *дóма*??!! — не для того ли, чтобы придать смысл его наличности!!?? Реальность реализуется к ней не относящимся — это и формула и закон. Вот так-то.

- На всех философах, к какой бы из многочисленных категорий они ни принадлежали, непременно лежит одно и то же клеймо — клеймо неверия и безбожия.
- Настоящая наука — это такая, которая объясняет людям, что непослушание Всевышнему — губительный яд и что потусторонняя жизнь лучше посюсторонней.
- Всякий, кто думает, что для обнаружения истины достаточно одних только доказательств, ставит узкие границы беспредельной милости Аллаха.

Аверрóэс

Ибн-Рушд
/Абу-ль-Валид Мухаммед бну-Ахмад Ибн-Рушд/

XII век

• Испано-мусульманский философ арабской цивилизации

Родился: 1126 г.
Умер: 10.12.1198 г.

Прожил — 72 года

> **«В необходимых вещах не может быть ни действующей причины, ни создателя».** *(Аверроэс)*

■ **«Верьте своему уму и тому, что он возвещает, это есть то, что Аллах предписал всем нам».** *(Аверроэс)*

■ **«Познай самого себя — познаешь своего Бога».** *(Аверроэс)*

■ **«Всякий пророк — мудрец, но не всякий мудрец — пророк».** *(Аверроэс)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Кордове.
• Его дед и отец были великими кадиями (судьями) Кордовы.
• Ибн-Рушд с малых лет изучал теологию, юриспруденцию, арабскую литературу.
• Имена его наставников во врачебной науке известны, а вот о тех, кто обучал его философии, источники умалчивают.
• Ибн-Рушд был человеком трудолюбивым, несамолюбивым, преисполненным справедливости и сознающим свои недостатки.
• Он работал сутками напролет и только две ночи в жизни провел без научных занятий — свадебную и ту, когда умер его отец.
• Не во всём он был сведущ; к примеру, не знал греческого языка, не очень разбирался в истории греческой философии — говорят, путал Протагора с Пифагором. Но зато именно Ибн-Рушд обогатил философию новой терминологией: один термин — natura naturans (творящая, действующая природа), другой — natura naturata (созданная природа).
• Ибн-Рушд весьма деликатно сумел разрешить проблему соотношения веры и разума при философском осмыслении мира:

/ ♦ Я утверждаю со всей решительностью: всякий раз, когда выводы доказательства приходят в противоречие с буквальным смыслом ве-

роучения, этот буквальный смысл допускает аллегорическое толкование по правилам толкования, принятым в арабском языке. /

• Ибн-Рушд был комментатором восемнадцати произведений Аристотеля (таких, как «Метафизика», «Физика», «О душе», «О небе», «Никомахова этика» и др.) и Платона (в основном, «Государства»); до нас дошли двадцать восемь комментариев на арабском языке, тридцать шесть — в переводе на древнееврейский, тридцать четыре — в переводе на латинский язык.

/ *В эпоху средневековья были известны три вида комментариев:*

1. **Большой**, когда приводятся цитаты из текста и дается им толкование.

2. **Средний**, когда цитируются только первые слова текста, а остальные объясняются.

3. **Малый** (или **парафраз**), когда комментатор излагает анализируемое произведение от собственного имени. Суть: довольно свободное изложение первоисточника с ассоциативным привлечением по ходу дела других книг и прилежащих авторов. /

• В 1153 г. Ибн-Рушд находился в Марокко, где по заданию шейха Абд аль-Мумина имел миссию по передаче тамошним ученым опыта в создании учебных заведений (таких, как в Андалусии). Во время этой поездки он наблюдал звезду Канопус и проверял по ней шарообразность Земли и ее относительную величину.

• В 1168 г. произошла встреча Ибн-Рушда с халифом Абу-Якубом Юсуфом (1163 – 1184). Ко двору этого повелителя Ибн-Рушда пригласил его друг Ибн-Туфейль (1110 – 1185). Пользуясь близостью к халифу, Ибн-Туфейль добился для 42-летнего Ибн-Рушда аудиенции у могущественного монарха. Сохранилось воспоминание самого Ибн-Рушда об этой встрече. В рассказе перед учениками событие выглядело так:

/■■ Ибн-Рушд с улыбкой обвел взглядом присутствующих.

— Расскажу я вам о встрече с Повелителем правоверных, коей удостоил он меня не далее как вчера. Кто-то из вас выражал опасения относительно моей судьбы, иные меня не надеялись снова увидеть среди живых и в добром здравии, но замыслы Всевышнего превосходят все наши фантазии, ведь он Всезнающ и Всесилен.

Когда я вошел к Повелителю правоверных, то увидел там Ибн-Туфейля. И начал он рассказывать Повелителю о благородстве нашего рода и его долгой и верной службе Альмохадам. И восхвалил он меня таким восхвалением, которого я и не заслужил. Халиф же обратился ко мне и, спросив мое имя, имя моего отца, начал беседу таким вопросом: «Что думают философы о существующем мире? Вечен он или же имеет начало во времени?» От этого вопроса объял меня страх, и я стал искать какой-то предлог, чтобы на вопрос не ответить. Я заявил, что философией не занимаюсь.

Ведь не знал я, что Ибн-Туфейль и Повелитель правоверных сговорились меня испытать. Увидев мое замешательство, Повелитель обратился к Ибн-Туфейлю и стал с ним обсуждать сей предмет. Каждый рассказывал о том, что сказал, Аристотель и Платон и другие

философы, какие им были на то возражения. И тогда успокоилась моя смутившаяся было душа, удивился я уму Повелителя и его редкой памяти, какую и у ученых-то не найдешь, хотя и занимаются они этими вещами постоянно. Тогда и я осмелился заговорить, чтобы увидел Повелитель, чего я достиг в этом предмете. А когда я покидал собрание, одарил он меня деньгами, знатной одеждой и скакуном. ■/

• Ибн-Рушд написал 78 книг и трактатов, но большинство этих произведений до сих пор еще хранится в виде рукописей.

• **Сочинения Аверроэса:**

«Опровержение "Опровержения философов" аль-Газали»:

/ Дискуссия между авторами двух «Опровержений» включает в себя доводы восточных перипатетиков («философов»), контраргументы Газали и оспаривающие состоятельность последних рассуждения Ибн-Рушда. Спор ведется по поводу четырех доказательств вечности мира, рассматриваемых Абу-Хамидом аль-Газали в «Опровержении философов».

Чтобы почувствовать общий фон этой полемики, достаточно беглого обзора стиля *первого доказательства*:

Философы отрицают возможность того, чтобы нечто, имеющее начало во времени, исходило от какого-либо вечного принципа. Если бы мир был сотворён, то должно было бы существовать нечто, определяющее его возникновение, ибо в противном случае он пребывал бы в прежнем своем состоянии чистой возможности; вместе с тем о таком определяющем начале можно спросить: становилось оно в момент сотворения чем-то новым или нет? Если нет, то мир опять же продолжал бы находиться в состоянии чистой возможности; если да, то об этом определяющем начале можно было бы спросить: каким другим детерминантом определялся его переход в новое состояние в момент творения мира и почему это произошло именно в данный, а не в какой-то другой из совершенно равноценных в отношении возможности творения моментов времени? И тогда мы либо получили бы бесконечный регресс, либо дошли бы до такого принципа, который определяет вечно.

Газали выдвигает против этого доказательства двоякое возражение. Во-первых, говорит он, философов можно спросить, на каком основании они оспаривают мнение тех, кто убежден в сотворённости мира некоей извечной волей, которая решила, чтобы мир возник именно тогда, когда он возник. Философы, с точки зрения теологов, в данном случае претендуют на то, что они опираются на определенную аксиому, хотя на самом деле ее здесь нет, ибо иначе она пользовалась бы общим признанием. Между тем людей, убежденных в сотворённости мира во времени, бессчетное множество. С другой стороны, философы совершенно незаконно сравнивают вечную волю Бога с конечной волей людей, у которых возникновение объекта желания не может отставать от появления самого желания. Во-вторых, философы обязаны признавать творение мира во времени, поскольку они признают наличие в нем причинно-следственных отношений, которые не могут образовать бесконечного регресса.

Ибн-Рушд, отвергая мимоходом ссылку Газали на общепринятость догмата о сотворённости мира извечной волей, замечает, что условие истинности какого-либо положения не состоит в признании его всеми людьми. Что же касается существа́ возражений Газали, то первое из них носит чисто софистический характер: поскольку Газали не мог утверждать возможность отставания результата действия от самого акта действователя, наделенного волей, и от его решения действовать, он заявил, что от желания действователя может отставать результат его действия. Но ведь весь вопрос заключается в невозможности отставания результата действия от самого акта действователя. Главный же порок этого рассуждения заключается в том, что о «воле», которую религия приписывает Богу, судят по аналогии с волей человека. Во втором возражении Газали игнорируется тот факт, что всё имеющее начало во времени проистекает из кругового движения небесных сфер, но не постольку, поскольку это движение постоянно, а поскольку оно всегда обновляется. /;

«Рассуждение, выносящее решение относительно связи между религией и философией»;

«Мнение аль-Фараби относительно силлогизма»;

«Изложение мнения аль-Фараби, выраженного в его трактате по логике»;

«По поводу критики, направленной аль-Фараби против “Второй аналитики” Аристотеля»;

«О дивинации во сне»;

«Метафизика»;

«О небе»;

«Парафраз книги “О чувстве и ощущаемом”»;

«О субстанции мировой сферы»;

«Книга о рассмотрении вопросов метафизики в “Книге исцеления” Ибн-Сины»;

«Вопросы о мудрости»;

«Книга об устранении сомнения тех, кто возражает Мудрецу и его доказательству существования ***первой материи****, и разъяснение того, что доказательство Аристотеля (мудреца) есть очевидная истина»*;

«О соединении отрешенного от материи разума с человеком»;

«Вопрос о том, что Аллах, Благословенный и Всевышний, ведает о единичных предметах»;

«Рассуждение о движениях небесной сферы»;

«Книга о том, в чем аль-Фараби расходится с Аристотелем относительно “Аподейктики” с точки зрения ее порядка, правил доказательства и определений»*;

«Парафраз “Поэтики” Аристотеля».

• Говорят, что Ибн-Рушд был хитроват и позволял себе мошенничать, считая это не только не вредным для своей репутации, но даже полезным: он говорил, что этим способом он обманывает своих соперников,

---

* **Аподе́йктика** (*греч.* apodeiktikos — убедительный) — то, что доказуемо непререкаемым образом.

ловко направляя на свой нрав критику, которая в противном случае обрушилась бы на его произведения; а она, эта критика, без сомнения, сильно повредила бы его славе.

• Жизнь Ибн-Рушда и ее перипетии оказались тесно связанными с династией Альмохадов, правившей в Северо-Западной Африке и Андалусии в XII – XIII веках. При втором, третьем и четвертом правителях из этой царствующей семьи Ибн-Рушд занимался делами, требующими доверия халифов.

• В 1171 г. Ибн-Рушд вернулся в Кордову, где вскоре занял уже ставшую наследственной в его роду должность великого кадия. Государственная служба, несмотря на свои положительные стороны, отнимала много времени и отвлекала от осуществления научных замыслов. В одном из своих трудов философ жалуется, что мог допустить кое-какие ошибки, поскольку был занят посторонними неотложными делами и не имел под рукой нужных источников, оставшихся в его кордовском доме; в другом сочинении он сетует на то, что недостаток времени вынудил его ограничиться наиболее важными вопросами, сравнивая себя с погорельцем, который выхватывает из огня лишь самые необходимые пожитки.

• В 1182 г. Ибн-Рушд замещает Ибн-Туфейля на должности лейб-медика халифа.

• В 1184 г., после смерти Абу-Якуба, халифский престол перешел к его сыну Абу-Юсуфу Якубу. У нового правителя Ибн-Рушд был не в меньшем фаворе, чем у прежнего. Часами, бывало, засиживался он в покоях халифа на подушке, отведенной для самых близких друзей хозяина, ведя с ним ученые беседы и время от времени обращаясь к нему со словами: «Послушай, брат мой». А между тем над ним уже сгущались тучи.

• Гроза разразилась в 1195 году. Абу-Юсуф повелел сжечь сочинения Ибн-Рушда, а самого философа сослал в местечко аль-Ясана, близ Кордовы:

/ Средневековые арабские авторы комментируют это событие по-разному. Некоторые из них ищут мотивы, побудившие халифа подвергнуть Ибн-Рушда опале, в чрезмерной фамильярности последнего, выразившейся, в частности, в том, что он назвал Повелителя правоверных в одной из своих книг просто королем берберов, как это было принято у ученых, без обычных пышных титулов и эпитетов. Предполагали также, что причиной немилости Абу-Юсуфа были его подозрения по поводу близких отношений между Ибн-Рушдом и братом халифа Абу-Яхьей, тогдашним губернатором Кордовы. Согласно еще одной версии, по Андалусии разнесся слух о приближающейся гибели рода людского от небывалого урагана, и губернатор Кордовы созвал по этому случаю наиболее мудрых и уважаемых людей города; Ибн-Рушд дерзнул дать упомянутому метеорологическому явлению естественнонаучное объяснение, а когда один из теологов спросил его, верит ли он в передаваемый Кораном рассказ о племени Ад, погибшем при аналогичных обстоятельствах, воскликнул: «Бог ты мой, само существование племени Ад нереально, так что же говорить о причине его гибели!» Говорили, наконец, что некие злопыхатели раздобыли комментарий, написанный собственноручно Ибн-Рушдом, где

имелась фраза: «Ясно, что аз-Зухра (Венера) есть божество», показали эту фразу в отрыве от контекста халифу и, приписав ее самому философу, объявили его язычником. /

• Мытарства, выпавшие на долю Ибн-Рушда в дни опалы, не могли не отразиться на его здоровье. И хотя ссылка продолжалась недолго и философу вновь вернули его место при дворе, силы человека не беспредельны. 10 декабря 1198 г. Ибн-Рушд скончался. Случилось это в Марокко. Через три месяца по просьбе родственников его останки были переправлены в Кордову.

• Некоторые взгляды Ибн-Рушда могут удивить сегодняшнего читателя. Да и впрямь, как не удивиться?:

♦ Солнце своими размерами превышает Землю приблизительно в сто пятьдесят — сто шестьдесят раз. Это вещь, установленная в астрономии столь твердо, что в ней не сомневается ни один из знатоков этой науки. ♦

/ ◐ Давайте не поверим на слово и проверим Ибн-Рушда. Сначала выясним разницу в видимых площадях дисков Солнца и Земли. Известно, что радиус нашей звезды 7×10^5 км, а радиус родной планеты $6{,}4 \times 10^3$ км. При формуле $S = \pi R^2$ Солнце превышает Землю в десять тысяч раз, а если исходить из соотношения объемов ($V = \frac{4}{3} \pi R^3$), то Земля может поместиться внутри оболочки Солнца не менее одного миллиона раз.[56]

В этой связи хотелось бы напомнить всем философствующим: когда философ в чём-то *уверен*, это значит, что ему пора начать сомневаться. ◑/

2. СУДЬБА

► Ибн-Рушду было уже за сорок, когда произошло событие, определившее его будущую славу Комментатора. Вот его собственное признание:

«Однажды Ибн-Туфейль вызвал меня к себе и сказал: «Слышал я сегодня: как Повелитель правоверных, сетуя на трудные места у Аристотеля — или его переводчиков — и упомянувши о неясности замыслов их, сказал: “Коли б нашелся для этих книг человек, который, хорошенько осмыслив преследуемые в них цели, дал бы их изложение и доступное толкование, вот тогда они стали бы для людей удобопонятными”. Так что, если у тебя хватит на это сил, возьмись за дело. Я знаю твой большой ум, чистоту твоих задатков и твое сильное влечение к науке и думаю, что это будет тебе по плечу. Я сам взялся бы за это, да только я, видишь, уже в летах, занят казенной службой и заботы мои связаны с делами, по моему разумению, более важными».

Такими были обстоятельства, заставившие меня сделать то, что я изложил из книг Аристотеля для всех, кто хочет с ним ознакомиться и понять».

► Именно через Ибн-Рушда Европа первоначально познакомилась с Аристотелем. В 1217 – 1256 гг. Михаил Скотт и Герман Немец перевели большие комментарии Ибн-Рушда к аристотелевским сочинениям «О небе», «О душе», «Метафизика», средние комментарии к книгам «Рито-

рика», «Поэтика», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Никомахова этика» и малые комментарии к небольшим естественнонаучным работам Стагирита. Передовые европейские мыслители с энтузиазмом восприняли и развили оригинальные идеи арабо-исламских философов.

► **Эрнест Ренан*** /(1823 – 1892), французский ученый и философ/:

«Ибн-Рушд — это своего рода Боэций арабской философии, — один из тех феноменов, в которых отсутствие оригинальности уравновешивается энциклопедическим характером их трудов».

► Когда по инициативе Раймунда, архиепископа толедского, в средневековой Европе приступили к переводу на латынь памятников арабо-мусульманской философии, имена создавших их мыслителей очень часто искажались до неузнаваемости. Так случилось и с именем великого арабского философа Ибн-Рушда: под влиянием древнееврейского, испанского и латинского языков оно преобразовалось последовательно в Абен-Рощд, Авен-Рощд, Аверрощд, Аверросд, пока не приобрело окончательного вида — Аверроэс. В такой, сохранившей от первоначальной основы лишь одну букву, «латинизированной» форме оно стало фигурировать и в трудах европейских исследователей прошлого века, после того как интерес к творчеству Ибн-Рушда был возрожден работой Э. Ренана «Аверроэс и аверроизм» (1852 г.). В западной историко-философской литературе эта традиция продолжается поныне.

3. УЧЕНИЕ

♦ Учение Аристотеля представляет собой величайшую истину. Он поднялся на ту ступень человеческого, которая более всего приближается к божественному. Бог послал его нам, чтобы показать, каковы границы человеческого ума и какие вещи нам дано познать. Людей следует считать более или менее учеными в зависимости от того, насколько хорошо они воспринимают его мысли.

♦ Полное познание Бога происходит после познания всего сущего.

♦ Философия — это спутница и молочная сестра религии.

♦ Исследование, опирающееся на доказательство, не ведет к противоречию с тем, что дала религия, ибо истина не противополагает себя истине, но согласуется с ней и служит доводом в ее пользу.

♦ Управление Вселенной подобно управлению городом, где всё исходит из одного и того же центра, но не всё делается непосредственно главой.

♦ Мы можем даже сказать: человек, воспрещающий изучать философские книги тем, кто достоин их, ввиду того, что о каких-то негодниках могут подумать, будто они сбились с пути из-за чтения этих книг, такой человек уподобляется тому, кто не давал жаждущему пить пресную прохладную воду, пока тот не умер, потому что кто-то де погиб, захлебнувшись водой.

♦ Что же касается человека, разглашающего эти толкования перед теми, кто не способен их понимать, то он неверующий постольку, поскольку

---

* **Эрнест Ренан** — один из наиболее серьезных исследователей аверроизма. Избранный в 53 года французским академиком, он вошел в число сорока́ «бессмертных». Его научная позиция: «Философия — это приправа, без которой все блюда покажутся безвкусными, но которая сама по себе не годится для пищи». Его кредо: «Предположим, что это правда, если только мы не ошибаемся».

призывает людей к неверию, выступая против призывов вероучителя Мухаммеда, особенно тогда, когда это порочные толкования, касающиеся основоположений религии. Именно так случилось с некоторыми из наших современников: мы были свидетелями того, как иные из них возомнили, будто они философы, и уже постигли диковинной мудростью своей вещи, противные религии во всех отношениях, то есть в отношении текстов, которые не допускают аллегорического толкования, и будто обязанность их состоит в том, чтобы разглашать эти вещи перед публикой. Разглашая же перед публикой эти порочные убеждения, они стали причиной погибели как публики, так и своей собственной в посюсторонней жизни и потусторонней. Отношение цели этих людей к цели вероучителя можно представить на примере человека, затаившего зло на искусного лекаря, чья задача заключается в том, чтобы сохранять здоровье всех людей и устранять у них болезни, давая пользующиеся общим доверием советы о необходимости применения вещей, которые сохраняют их здоровье и устраняют у них болезни, и об избегании противоположных вещей. Ведь этот человек не может всех превратить в лекарей, поскольку именно лекарь познаёт аподейктическими способами вещи, которые сохраняют здоровье и устраняют болезнь. Так, представим, что такой человек приходит к людям, говоря им: «Способы исцеления, которые советует вам применять этот лекарь, неверные», и принимается опровергать эти способы так, что они теряют в их глазах всякую силу. Или представим, что он говорит: «Для этих способов имеются аллегорические толкования», — между тем как на деле люди и не понимают их, и не проникаются к ним доверием. Спрашивается: будут ли в этом случае люди делать что-нибудь из тех вещей, что полезны для здоровья и устранения болезни, и сможет ли человек, разглашающий перед ними несостоятельность того, во что они верили, применять с ними их, то есть те вещи, что полезны для сохранения здоровья? Нет, и сам он не сможет применять их с людьми, и те не будут применять их, так что погибель будет их общим уделом. Это если он будет разглашать перед ними правильные толкования данных вещей — в этом случае люди просто не поймут толкований; но мы не говорим о том случае, когда он стал бы разглашать перед ними порочные толкования, ведь тогда бы им толковали такое, что они возомнили бы, будто нет ни здоровья, которое надо сохранять, ни болезни, которую надо устранять, куда там уж до взгляда, что существуют вещи, сохраняющие здоровье и устраняющие болезнь! Таково же отношение к религии того, кто разглашает толкования перед публикой и людьми, не способными к их пониманию; тем самым он лишь порочит религию и отвращает от нее людей, а отвращающий от религии есть неверующий. **И это сравнение достоверное, а не поэтическое, как могут иные сказать, поскольку оно правильно с точки зрения соотношения сравниваемых вещей.** Ибо отношение лекаря к здоровью тел — то же, что отношение вероучителя к здоровью душ.

♦ Рассуждения о душе являются весьма тёмными, и Аллах сделал их занятием сведущих в науке; поэтому на вопросы толпы он (хвала ему!) ответил, что она не доросла до этих вопросов, говоря: «Они будут во-

прошать тебя о духе. Скажи: дух — дело Господа моего; вы же знаете о нем лишь самую малую толику». Сравнение смерти со сном является в этом смысле ясным доказательством того, что душа остается после смерти тела; ведь действия души прекращаются во сне в силу бездействия ее óргана, но сама душа не перестает существовать; отсюда необходимо вытекает, что ее состояние при наступлении смерти похоже на ее состояние при наступлении сна, ибо ее части подчиняются одному и тому же закону. Это — понятное всем доказательство, под стать толпе, когда убеждаешь ее в истинной вере, и оно показывает сведущим в науке, как может быть удостоверено существование души после смерти. Это явствует из слов Всевышнего (хвала ему!): «Аллах берет к себе души при наступлении их смерти и те души, кои не умерли, когда они спят».

♦ Материя так же древня, как Аллах. Материя сама в себе содержит источник своего творчества.

♦ Высказывание Аристотеля о том, что подобное возникает из подобного или близкого подобному, вовсе не имеет того смысла, будто подобное своей сущностью и своей формой воздействует на форму ему подобного. Это высказывание имеет тот смысл, что подобное выводит форму ему подобного из потенциального состояния в актуальное, но как действователь оно выступает вовсе не потому, что привносит в первоматерию нечто извне. С субстанцией дело обстоит так же, как и с акциденциями: горячее не привносит в нагревающееся тело теплоту извне — здесь потенциальное становится горячим актуально. Точно так же обстоит дело с величиной, относящейся к становлению, а именно если величина при становлении переходит из одного количества к другому, то этот переход совершается не благодаря какому-то количеству, привходящему в эту величину извне. Точно так же и перемещение не есть нечто проистекающее извне от двигателя.

♦ Когда возникающая вещь начинает существовать, ее несуществование исчезает, а когда она уничтожается, появляется ее несуществование.

♦ Движение есть необходимый атрибут субстрата.

♦ В абсолютном небытии не заключена никакая возможность, иначе абсолютное небытие могло бы обратиться в бытие. Следовательно, небытие, необходимо предшествующее тому, чтó имеет начало во времени, должно быть связано с субстратом и отделяется от него, когда какая-то вещь возникает, как это происходит со всеми другими противоположностями. Так, например, когда теплое становится холодным, не сама теплота переходит в холод, а тот предмет, который был холодным, воспринимает тепло и служит ему субстратом.

♦ Искусство логики признаёт существование причин и действий и считает, что действия можно познать исчерпывающим образом только благодаря познанию их причин. Отрицание этого заключает в себе отрицание познания.

♦ Мы не должны сомневаться, что существующие вещи являются причиной друг друга и действуют друг через друга и что их самих недостаточно для их действий, но что они нуждаются во внешней причине, действие которой обусловливает как их действия, так и их существование.

♦ У философов не возникает никаких сомнений в том, что в элементах существует небесная теплота, которая есть субстрат сил, созидающих животные организмы и растения.

Философы единодушны в своем мнении, что в элементах имеются души, созидающие тот или иной вид животных, растений и минералов. Эти души либо представляют собой нечто вроде посредника между душами небесных тел и душами чувственно воспринимаемых тел подлунного мира, либо же они сами бывают связаны с телами, кои они созидают в силу имеющегося между ними сходства, и после гибели тел они возвращаются к своей духовной материи и тонким неощутимым телам.

4. МЫСЛИ

- Философия — наука наук.
- Философия есть высшая цель человеческой природы, но мало людей могут ее достигнуть. Для толпы ее место заступает пророческое откровение. Философские диспуты существуют не для народа, потому что они способны ослабить его веру.
- Всё гибнет в человеке, кроме разума, который является разумом человеческого рода. Человечество живет вечно, потому и разум его бессмертен.
- Одна и та же материя составляет многие тела людей в разное время.
- То, что полезно по своей природе и сущности, нельзя отвергать из-за какого-то зла, наличествующего в нем побочно.
- Метафорические речения, конечно, весьма убедительны, но только до тех пор, пока их не подвергнут исследованию, — вот тогда-то их недостатки всплывают наружу.
- Наверное, все хотели бы быть господами, но это невозможно, так как необходимо, чтобы у господина был некто, ему подчиняющийся.
- Если кто-то, помимо нас, уже изучил данный предмет, то, решая свою задачу, мы, ясное дело, должны опираться на то, что́ было сказано об этом нашим предшественником, независимо от того, принадлежит он к нашей общине или нет. Ведь оценивая годность орудия для осуществления жертвоприношения, никто не принимает во внимание, принадлежит ли таковое нашему единоверцу или иноверцу, если оно отвечает требованиям годности. Под «иноверцами» же я подразумеваю тех древних мыслителей, которые занимались этими предметами до появления мусульманской общины.
- Содержание священных текстов распадается на буквальное и внутреннее: буквальное — это образы, созданные для этих предметов; внутреннее — это сами предметы, которые ясны лишь аподейктикам.
- С точки зрения разумения священных текстов, люди делятся на три разряда. К одному разряду относятся те, кто вовсе не способен к толкованию священных текстов; это риторики, составляющие широкую публику, ибо нет ни одного здравомыслящего человека, который был бы лишен способности к риторическому суждению. К другому разряду относятся те, кто способен к диалектическому толкованию; это диалектики только по природе или по природе и по навыку. К третьему разряду относятся те, кто способен к аподейктическому толкованию;

это аподейктики по природе и по науке, то есть по философской науке. Последний вид толкования не подлежит разглашению перед диалектиками, а тем более перед публикой. Разглашение какого-нибудь из подобных толкований перед человеком, не способным к их уразумению, — это особенно касается аподейктических толкований, так как они наиболее далеки от доступных всем знаний, — ввергает в неверие и того, перед кем оно разглашается, и того, кто его разглашает. Ибо последний ставит своей целью доказательство несостоятельности буквального смысла священных текстов и истинности своего толкования их, но если он опровергнет буквальный смысл в присутствии человека, который окажется способным уразуметь лишь буквальный смысл и в глазах которого толкование останется недосказанным, то это приведет к неверию, если дело будет касаться основоположений религии.

V ◐ Сколько здесь со стороны Ибн-Рушда заискивающего лукавства! Частично неосознанного. Частично — и это заметно — осознанного: мол, признайте мое философское **величие**, а я признáю вашу религиозную *возвышенность*. ◑

Необходимо, чтобы существовала группа людей, соверше́нных в нескольких видах человеческого совершенства и помогающих друг другу в достижении полного совершенства; менее совершенный следует за всесторонне совершенным как средство для подготовки к его полному совершенству, а всесторонне совершенный приносит пользу менее совершенному, давая ему начала своего совершенства. Дело обстоит так же, как с искусством верховой езды и ремеслом уздечных дел мастера. Ибо ремесло того, кто делает узду, служит искусству верховой езды в качестве подготовки к нему, а искусство верховой езды показывает, каким образом можно улучшить узду и как оба могут объединиться для достижения общей цели.

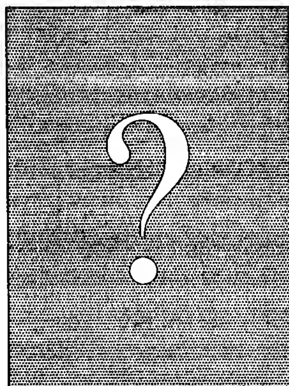
Всякий раз, когда мы обнаруживаем у живших до нас народов какие-либо взгляды и суждения относительно **сущего**, нам следует изучать то, что они говорили по этому поводу и излагали в своих книгах. Если что-то в этих книгах соответствует истине — переймём это у них, порадуемся этому и поблагодарим их за это; если же что-то окажется несоответствующим истине — укажем на это, предостережем от этого и простим их.

Что касается противопоставления одних сомнительных положений другим, то оно не приводит к опровержению, а вызывает лишь недоумение...

Скорее всего совершенство существует преимущественно во многих индивидах, взятых вместе. Для отдельного же индивида без помощи других, видимо, невозможно обрести и какую-нибудь одну из имеющегося списка добродетелей. Для приобретения своей добродетели человек нуждается в других людях.

Чжу Си

XII век

Чжу Си
/по прозвищу Юаньхуэй;
псевдоним в последние годы жизни: Чжу Хуй-ань/

• Китайский философ

Родился: 19.10.1130 г.
Умер: 24.04.1200 г.

Прожил — 69 лет

«Не варите песок в надежде получить кашу». *(Чжу Си)*

■ **«Есть только две вещи — понимание высшего принципа и осуществление его в жизни».** *(Чжу Си)*

■ **«Знание сначала, действие потом».** *(Чжу Си)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в уезде Юань в области Хуйчжоу при династии Южная Сун.
• Много читал, изучил все классические каноны, написанные конфуцианцами.
• Был сведущ в естествознании.
• Оставил большое количество трудов по самым разным вопросам.
• **Сочинения Чжу Си:**

«Природа и принцип»;
«Абзацы "Дасюэ". Дополнения к понятию "добиваться знаний, постигая вещи"»;
«Объяснения к толкованиям карты великого предела»;
«Собрание примечаний к Четырехкнижию»:
/ Во времена династий Мин и Цин это сочинение считалось обязательным на экзаменах для получения ученой степени, дающей право на занятие должности чиновника. /;
«Высказывания учителя Чжу»;
«Собрание сочинений Чжу, носившего титул Вэнь-гун»;
«Подлинный смысл "Книги Перемен"»;
«Сомнительный смысл "Слов мудрости"».

• Его учителем в философии был Ли Тун, последователь Чэн И (1033 – 1108).
• Много лет своей жизни Чжу Си отдал государственной службе: служил помощником начальника перевозок, был правителем области Чжангчжоу,

возглавлял округ Цзянлин, занимался составлением императорских указов, работал секретарем при дворе Баовэньгэ.

• Познал чужую зависть, козни, подлость, интриги. В 1196 г. его учение было запрещено и Чжу Си отстранили от всех должностей.

• Буквально за год до смерти Чжу Си реабилитировали, ему вернули его посты, но философ от дальнейшей службы отказался.

• Годы прозябания Чжу Си провел в Фуцзяне, родине своего детства; созданная им там школа, где он излагал свое учение, называлась «фуцзяньской».

• ◐ Есть смысл считать, что взглядами, основоформирующими мировоззрение Чжу Си, были идеи китайского философа Чжан Цзая (1020 – 1077) по прозвищу Цзыхоу. «Если нет двух, — утверждал Чжан Цзай, — не может появиться одно; если не может появиться одно, то прекращается действие двух. Изменения в небе и на земле зависят только от двух». Характеризуя данную *навеянность* своего предшественника, а в том, что она такова, не может быть никаких сомнений, ибо навеяны мысли не чем иным, как детородной аллюзией, Чжу Си подчеркивает и заостряет внимание современников и потомков ◑:

♦ Эти слова крайне умны.

■■ Любое явление, происходящее под небом, пока оно одно, не может изменяться, оно может изменяться лишь тогда, когда в нем два. Только тогда, когда есть одно тёмное и одно светлое начала, они могут изменять и рождать все предметы. ■

∇ ◐ На точку зрения Чжу Си есть смысл взглянуть еще вот и с такой стороны. **Развитие** зарождается там, где пропадает четко выраженная *однозначность*. Скажем, там, где всё «идеально» и всё «очень хорошо», рассчитывать на прогресс не приходится, — это период застоя и спячки. Фаза изменения начнется здесь с момента потери этой преобладающей (то ли мнимой, то ли реальной!) «хорошести».

Точно так же и в «бедственности» только с разрыва однообразия и с появлением начáл *улучшения* начнет «заквашиваться» период нового состояния, трансформация ощущения «невыносимости» в чувство «зримой перспективы».

Видимо, и *революционная ситуация* в любой стране может возникнуть не тогда, когда всё «очень и очень плохо», когда «нужда и бедствие народных масс» тяжелы и беспросветны, а только в интервал, когда ситуация из крайне негативной будет постепенно переходить на ступень хоть пусть какого, но заметного подъема. ◑

• Классифицирование высказываний Чжу Си произвел его ученик Хуан Ши. У философа было много учеников. Хуан Ши собрал записи семидесяти из них. В его своде было 138 фрагментов. Другой ученик — Ван Би — собрал записи еще тридцати слушателей Чжу Си и составил дополнительную подборку из сорока позиций. В конце эпохи Сун последователь Чжу Си *Ли Цзиндэ* скомпоновал целую книгу из 140 изречений и взглядов Чжу Си, в которой первые шестьдесят пунктов были полностью только философскими.

• Чжу Си был самым выдающимся философом династий Сун и Мин, начавшейся в 960 г. и продолжавшейся семь столетий, вплоть до 1644 г.,

когда династия Мин была свергнута в результате крестьянского восстания, руководимого Ли Цзычэном.

2. СУДЬБА

► **Ван Шоужэнь:**

«В 1514 году, получив должность, я обосновался в столице и опять взялся за изучение сочинений Чжу Си, после чего понял, что в последние годы жизни он, безусловно, пришел к великому осознанию ложности своих прежних высказываний. Он горько раскаивался и сожалел. Дошел даже до утверждения, что «его вина, состоящая в самообмане и обмане других, не может быть искуплена». Распространившиеся теперь сводные комментарии и собрания вопросов и ответов — это еще не устоявшееся учение, относящееся к середине его жизни. Он сам порицал себя за ошибочность своих старых книг и задумал подвергнуть их исправлению, но не успел этого сделать. Содержащееся во всех его классифицированных высказываниях и тому подобных произведениях ученики без зазрения совести дополнили собственными воззрениями. Поэтому ясно, что в них имеются значительные искажения и извращения обычного учения Чжу Си. А ограниченные в осведомленности заурядные ученые покорно следуют предписаниям такого учения. О положениях, установленных Чжу Си после прозрения, они и слыхом не слыхивали, поэтому что ж удивительного в том, что мои слова не вызывают к себе доверия, а сердце Чжу Си лишено возможности обнаружиться в последующих веках?»

► В 1313 г. толкование конфуцианских произведений, принадлежащее «перу», а вернее кисти, Чжу Си, было официально признано, а в 1415 г. *«Четверокнижие в великой полноте изъяснений»* было декретивно утверждено в качестве основы для сдачи государственных экзаменов. На целых 230 последующих лет все соискатели ученых степеней, дающих право на занятие должности *чиновника*, обязаны были показывать знание и усвоение чжусинских доктрин.

► **Цянь Му** (известный историк китайской общественной мысли):

«В эпоху Южной Сун был один Чжу Си, последующие ученые-конфуцианцы либо передавали изложенное Чжу Си, либо боролись против Чжу Си; в общем так или иначе рассматривали Чжу Си в качестве центрального пункта рассуждений».

3. УЧЕНИЕ

• Категориальная основа взглядов Чжу Си

«Ли» — закон-разум: бестелесное начало, составляющее основу рождения вещей; одновременно это принцип, норма поведения, высшее установление.

«Ци» — телесная истоковость, представляющая собой воплощение рождающихся вещей. «Ци» распадается на пять стихий: дерево, огонь, металл, воду, землю.

«Тайцзи» — «великий предел». Он предшествует «Ли» и «Ци», но существует наряду с ними. Его можно постичь только интуицией.

«Жэнь» — человеколюбие, гуманность.

«И» — долг.

«Чжи» — мудрость.

● Главное и основное

♦ До появления неба и земли в конце концов существовал только высший принцип. Затем родились частицы.

♦ Могут спросить: вы утверждаете, что ничто не существовало прежде неба и земли, и в то же время полагаете, что разум-закон существовал прежде неба и земли. Как это понять? Отвечаю: лишь разум-закон создаёт небо и землю. А если бы его не было, то не было бы ни неба, ни земли, ни людей, ни вещей — всё это не имело бы содержания. Разум-закон положил начало растечению *ци*, рождению и взращиванию всего сущего.

♦ Спрашивают: как понимать, что разум-закон обнаруживается внутри *ци*? Отвечаю: это подобно разделению изначального *ци* на отдельные части *инь — ян* и пять стихий. Когда нет скопления *ци*, у разума-закона нет места для своего пребывания.

♦ Во Вселенной существует только один высший принцип, обретя который небо стало небом, обретя его, земля стала землей, а всё, живущее на земле под небом, обретает его и получает свою природу. Распространение высшего принципа привело к возникновению трех устоев (власти государя над народом, отца над сыном, мужа над женой) и к возникновению пяти незыблемых принципов в отношениях между людьми. Высший принцип распространён во всём и присутствует всюду. Исчезая и появляясь, наполняясь и истощаясь, высший принцип безостановочно движется по кругу. Таким образом, еще до появления предметов и после исчезновения человека и предмета высщий принцип кончается и снова начинается, начинается и снова кончается, никогда хотя бы на мгновение не останавливаясь.

♦ В пространстве между небом и землей существуют и высший принцип, и частицы. Высший принцип — путь не имеющего телесной оболочки, основа, рождающая предметы. Частицы — сосуд для имеющего телесную оболочку, орудие, рождающее предметы. Поэтому при рождении человек и предметы обязательно сначала получают высший принцип, а затем появляется форма.

♦ Высший принцип и частицы — это два предмета, но, если посмотреть на предметы, они смешаны в них, и их нельзя отделить один от другого.

♦ Нельзя говорить, что сначала появилось это, а затем — то. Всё произошло от единого великого источника, начиная от появления тела до его использования, начиная от мельчайшего до появления очевидного.

♦ Высший принцип один, но рассеивается в различном. Например, луна в небе только одна луна, но когда она отражается в озерах и реках, появляется бесчисленное количество лун. Каждая луна в каждой реке отражает всю луну, а не какую-то ее часть. Поэтому десять тысяч — это одно, одно — это десять тысяч.

♦ Великий предел породил два начала, два начала породили четыре стихии, четыре стихии породили восемь триграмм. Здесь одно делится на два, и так происходит повсеместно, везде, вплоть до бесконечности, одно порождает два. То, что одно порождает два, — высший естественный принцип.

♦ Нет не противоречащих друг другу явлений, которые не порождали бы друг друга. Восток противоположен западу, юг — северу, и нет ни одного предмета, ни одного явления, с которым бы не было так.

♦ Движение рождает светлое начало, но это не означает, что рождение происходит после движения, здесь следует начинать с рассуждений о движении. На самом же деле причина, по которой возникает движение, рождается в покое, а покой в свою очередь зарождается в движении, и этот высший принцип в круговороте рождает одно и устраняет другое. Вода порождает дерево, дерево порождает огонь, огонь порождает землю, земля порождает металл, металл порождает снова воду, вода опять порождает дерево, и такое движение и взаимопорождение по кругу происходит постоянно.

♦ Постижение вещей — это исследование каждой вещи вплоть до выявления ее высшего принципа.

♦ Под Небом нет предметов, не имеющих высшего принципа. Например, конопля, пшеница, рис, просо сеются в точно определенные сроки и убираются также в точно определенные сроки. Жирная и каменистая почвы различны по плодородию, они используются для выращивания различных хлебов, и в этом тоже есть высший принцип.

∇ ◐ По-моему, это самое лучшее и самое сильное доказательство наличия **определяющего начала** в окружающем нас мире. Другого такого — по точности и убедительности — философия не знает. ◑

♦ Во всех случаях истина — это то, чем обладаю я сам, она не получается со стороны, и то, что называют знанием, — это познание истины во мне, а не познание с помощью моих знаний истины на стороне.

∇ ◐ Величина философа как философа определяется только и исключительно тем, насколько он субъективирует объективное. Да, конечно, *закономерности* гнездятся в познаваемой среде. Но обнаруживает их не она (среда), а тот, кто ее изучает. Значит, истина — во мне, как вкус кофе находится не в кофейнике, а в пьющем кофе человеке. ◑

♦ Высшие принципы находятся в сердце. Сердце охватывает десятки тысяч высших принципов, и десятки тысяч высших принципов находятся в одном сердце. Неспособность сохранить полученное сердце вызывает неспособность исследовать полученный высший принцип; неспособность исследовать полученный высший принцип вызывает неспособность полностью исследовать полученное сердце.

♦ Познание и действие всегда нуждаются друг в друге, как без глаз не идут ноги, а ноги без глаз не видят. Если говорить о значении познания и действия в принципе, то предпочтение надо отдать первому; если говорить о том, что более важно, то предпочтение надо отдать действию.

♦ Когда истина понята, с этого времени в служении родителям не может не быть сыновней почтительности, в служении старшим братьям не могут не проявляться чувства уважения со стороны младщего брата, в отношениях с друзьями не может не соблюдаться доверие.

♦ Если принцип справедливости не понят, как тогда действовать? Если человек идет по дороге, но не видит к у д а?, как он может идти?

♦ Все действия следуют после постижения высшего принципа. Если основа неправильна, высший принцип не понят, как совершать дело? Это — пустое занятие.

♦ Если только знать, но не действовать, то это равносильно неучению.

♦ Получившие чистейшие частицы становятся совершенномудрыми и мудрыми, получившие одряхлевшие, тонкие и грязные частицы становятся глупыми и порочными.

♦ Правитель пользуется уважением, находясь наверху, слуга проявляет почтительность, находясь внизу, почетное и подлое, высокое и низкое положения определены, и их ни в коем случае нельзя нарушать.

♦ Всё происходит по приказу Неба.

♦ Сердце одно, и если в нем, имеющем размеры в один квадратный *цунь*, переплетаются желания людей, оно называется человеческим сердцем; если же в нем заключен чистый высший принцип Неба, оно называется истинным сердцем.

♦ У человека одно сердце, если в нем сохраняется высший принцип Неба, человеческие желания исчезают; если побеждают человеческие желания, высший принцип Неба погибает. Ученые должны полностью устранять человеческие желания, полностью снова восстанавливать высший принцип Неба и начинать обучать этому. Десятки тысяч слов совершенномудрых и мудрых учат людей понимать высший принцип Неба и уничтожать человеческие желания.

♦ Между небом и землей не только человек является предельно одушевленным. Наше собственное сердце — то же, что и сердца птиц и зверей, трав и деревьев. Но зато человек рождается наделенным срединным положением относительно неба и земли.

♦ Природа — это принцип. Настоящий принцип не имеет недоброго. Ведь слова Мэн-цзы о человеческой природе (**Мэн-цзы:** ***«Что касается их (людей) природных свойств, то таковые можно считать добрыми».***) относятся к ее коренному состоянию. В таком случае в них безусловно есть то, на что можно опереться. Но ведь данное на пнёвменной основе не может не различаться как поверхностное и глубокое, толстое и тонкое. Слова Конфуция о том, что *по природе люди близки друг другу, а по привычкам далеки друг от друга*, касаются пнёвменной основы.

♦ Природа бывает только одного рода. Как может различаться то, что предопределено Небом? Именно благодаря неодинаковости пнёвменной основы возникают несхожести. Это Конфуций и характеризовал словами о том, что только по привычкам люди далеки один от другого. А Мэн-цзы, испугавшись, что люди скажут: природа одного человека изначально отличается от природы другого, обратился к тому, что предопределяемо Небом и несомо внутри пнёвменной основы. Объясняя людям, он утверждал, что в человеческой природе нет недоброго. Это как раз то, о чем Цзы-Сы сказал: предопределяемое Небом называется природой.

♦ Мэн-цзы говорил только о природе и не говорил о пнёвме, что свидетельствует о неполноте. Если говорить о природе и не говорить о пнёвме, то учение о природе не будет исчерпывающим. Если же говорить о пнёвме и не говорить о природе, то не проникнешь в сущностные качества

природы. И Сюнь-цзы, и Ян Сюн, и Хань Юй — все они, хотя и рассуждали о природе, на самом же деле вели речь о пнёвме. Сюнь-цзы усмотрел лишь природу дурных людей, поэтому и говорил, что она зла. Ян-цзы усмотрел наполовину добрых, наполовину злых людей, поэтому и говорил о смешении добра и зла. Хань-цзы усмотрел то, что в Поднебесной имеется множество разнородных людей, и утвердил это в качестве учения о трех категориях человеческой природы (**Хань-цзы /Хань Юй/**: «Существуют три категории человеческой природы, а того, благодаря чему она является природой, — пять. Высшей категории присуще только добро, низшей — только зло, а средней — и добро и зло. Пять качеств, делающие человеческую природу тем, что она есть, суть следующее: гуманность, благопристойность, благонадежность (т. е. способность вызывать доверие), справедливость, разумность. Важнейшее из них гуманность»). Среди учений этих трех мужей учение Хань-цзы сравнительно ближе к истине.

♦ Неодинаковость конфуцианских концепций природы не означает непонимания относительно добра и зла. Всё дело только в неустановленности смысла слова «природа».

♦ Как на примеры *ли* (принципа) я могу указать или на пучки нитей, или на волокна бамбука, или на бамбуковые побеги, переплетающиеся в плетёнке.

/ Китайский термин *ли* в европейской синологии представлен широким спектром переводов и философских трактовок. На русском языке его передают как «принцип», «закон», «правило», «правильность», «порядок», «теория», «истина», «резон», «мотив», «справедливость», «идеал», «разум», «разум-закон», «разумное начало», «логос», «правда вещей», «тайные, но основные линии всего сущего»; на английском — как *principle, (principle of) organisation, pattern, (natural) law, order, meaning, reason, truth, discernment, analysis, idea*; на французском — как *norme, rationa lité, ordonnancement*; на немецком — как *Gestalt, Vernunft.*

Вообще-то правильным было бы не приближаться к трактовке *ли* как естественного закона или как разума, а больше помнить о том, что слово *ли* в своем наиболее древнем значении обозначало «узор» («pattern») на вещах, раскраску нефрита или волокнистое строение мускула. Стандартное словарное значение — «принцип» — это слово приобрело много позднее, и в адекватной правильности такой терминизации, конечно же, есть много вопросов. /

♦ То, что питаем мы, конфуцианцы, это *жэнь* — гуманность, *и* — долг, *ли* — нормы поведения и *чжи* — мудрость. Они же, буддисты, питают лишь зрение, слух, речь и движение. Для нас, конфуцианцев, во всеобъемлющей субстанции имеется множество принципов, которые отдельны и отличны один от другого, имеется истинное и ложное, всё наделено определенными моральными качествами и нет ничего, лищенного своего собственного принципа *ли*. Они же заняты рассмотрением лишь хаотического и нерасчлененного и не делят его на истинное и ложное. Для них вдоль — истина, поперек — тоже истина, прямо — истина и криво —

истина. То, что не является принципом (ли), они относят к природе (син), то, что является им, также включается в природу. Это небольшое различие приводит к тому, что практика конфуцианцев и буддистов различается в корне. У них семь начал и восемь концов и ничто не находится на правильном пути. Мы, конфуцианцы, признаем существование лишь одного, правильного принципа *дао ли*. Они также считают, что этот наш принцип верен, но утверждают, будто лишь одна вещь истинна, а две ложны. Их теория односторонняя. Они принимают лишь индивидуальное сознание человека и отвергают то, что мы называем сознанием Пути. Для них не существует ни гуманности — *жэнь*, ни долга — *и*, ни норм поведения — *ли*, ни мудрости — *чжи*, ни сострадания, ни ненависти, ни скромности, ни критерия истинного и ложного. Именно здесь заключен предмет спора...

4. МЫСЛИ

- Умереть от голода — это сущий пустяк, а нарушение долга — дело огромной важности.
- Когда в сердце не останется ни одного дела, это и есть почтительность.
- Все дела под Небом имеют основу только в сердце... Среди всех дел под Небом, бесчисленных количеств изменений, не имеющих конца, нет ни одного, которое не имело бы основы в сердце правителя людей, и это само собой разумеющаяся истина. Поэтому, когда сердце правителя правильно, под Небом не происходит ни одного дела, которое было бы неправильно; если же сердце правителя неправильно, под Небом нет ни одного дела, которое было бы неправильным.
- Возможно, спросят: у человека и предметов природы один источник, почему же они имеют различие? Отвечаю: природа человека, можно сказать, и светлая, и тёмная; природе же вещей свойственно стремление к скрытности. Тёмное можно сделать светлым, но то, что уже имеет стремление к скрытности, нельзя сделать понятным, явным.
- Спрашивают о различии четырех вещей: неба и судьбы, природы и разума-закона. О небе говорят как о природе, о естественном. Судьба — это течение и движение неба, но иногда люди говорят о ней как о чем-то таком, что́ небо дарует вещам. Природа вещей — это именно то, что придаёт формы всему сущему. Разум-закон — это то, чем обладает всё сущее. Говоря о всех этих четырех вещах вместе, можно сказать, что небо и есть разум-закон, а судьба и есть природа вещей. Так ли это? Отвечаю: конечно.
- Сердце — это главный министр тела, желания исходят от сердца, чувства вызываются движением сердца; воля — это предел сердца, она важнее, чем желания и чувства.
- *Жэнь*, справедливость, правила *ли*, мудрость — основа природы человека. Сочувствие, ненависть, различение правды и неправды — это чувства. Любить, проявляя *жэнь*, судить о чем-то, соблюдая справедливость, быть уступчивым, следуя правилам *ли*, познавать, обладая мудростью, — в этом основа сердца. Природа человека — это разум-закон сердца; чувства — это движение природы человека; сердце — владыка природы человека и его чувств.

18 120 философов, т. 1.

- Для чего нужно постигать суть вещей и приобретать знания? Именно для того, чтобы не было ничего не изученного, не познанного. Постижение сути вещей и приобретение знания — это способ, которым можно изменять природу сердца и совершенствовать тело. Ничто не мешает распространить этот способ на упорядочение семьи, управление страной, умиротворение Поднебесной, проникновение в природу.
- Разум-закон изучают из желания познать, почему события и вещи таковы и чтó делает их естественными, и только. Знать, почему вещь такова, — значит не вводить в заблуждение свою волю. Если знаешь, чтó делает вещи естественными, то поступки не будут неправильными.
- Если говорить о том, как много нужно знать, то не лучше ли знать главное? Зная главное, не лучше ли претворять эти знания в поступки?
- Усердие мудреца обращено лишь на две вещи: на проявление почтительности и исчерпывающее изучение разума-закона. Эти две вещи поспешествуют друг другу. Если будешь исчерпывающе изучать разум-закон, то это будет способствовать проявлению почтительности. Если будешь следовать почтительности, то будешь усердным в исчерпывающем изучении разума-закона. Это подобно двум ногам человека: когда движется левая нога, правая нога стои́т; когда движется правая нога, левая нога стои́т.
- Еще не было дела, но уже существовал его высший принцип. Например, не было правителей и слуг, но уже заранее существовал высший принцип для правителя и слуг.

/◐ У китайского философа Фань Чжэня (445 – 515) есть рассуждение, которое я бы, не колеблясь, поставил в эту строку Чжу Си и как изящную мысль, и как обоснование с широким спектром намёкового обрисовывания и эвристического опросторивания: «Жизнь людей подобна одновременно распустившимся цветам на дереве. Ветер срывает цветы и несет одни лепестки к богатым оконным занавескам, где они падают на роскошные циновки, а другие — к заборам и стенам, где они падают в навозные ямы. Вы упали на роскошную циновку, а я упал в навозную яму. Хоть между знатным и низким положением и существует разница, но где здесь причина и следствие?» ◑/

- Все говорят, что тёмное и светлое начала — два конца, но и само тёмное начало делится на тёмное и светлое, а светлое начало также содержит в себе тёмное и светлое начала.
- Философ Сюнь-цзы подобен человеку, который пытается почесать свою ногу через сапог.
- Если человек говорит: «Это предопределено», идет и становится под отвесную стену и стена падает и придавливает его, то это нельзя отнести только за счет судьбы. В человеческих делах, когда человек сделал всё, что было в его силах, можно говорить о судьбе.

Ильяс из Гянджави /Низами/

XII – XIII вв.

• Азербайджанский поэт, мудрец

Родился: 1141 г.
Умер: 1211 г.

Прожил — 70 лет

> **«Где ж теперь человечность? Ужель удалилась навек? // Человека любого страшится любой человек».**
>
> *(Низами)*

■ **«Чекань монету с начертанием доброй славы, чтобы по высоте достичь высокого небосвода — дабы там, где буду я пленником*, от твоей возвышенности возвысился».**

(Низами, наставление сыну)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Гяндже (это центр бывшей области Аран), в Азербайджане.
• Полное имя — шейх Низамаддин Абу Мухаммад Ильяс Ибн-Юсуф Ибн-Зеки Ибн-Му'аййад Гянджави, т. е. Ильяс, сын Юсуфа, сына Зеки Му'аййада.
• Семья принадлежала к средним слоям городского населения.
• Жил в Гяндже.
• Получил блестящее образование, знал арабкий и персидский языки.
• Был сведущ в философии, астрологии, разбирался в математике, знал физику.
• Причины, заставившие его избрать себе псевдоним «Низами», не известны. Остается загадкой и его значение.
• Известно, что Низами отверг карьеру царедворца, не стал придворным поэтом.
• Имел прозвание «хаким» — «мудрец».
• Был женат, имел сына.
• **Сочинения Низами:**

«Искендер-намэ» («Книга про Александра»):

/ Во второй части этой книги *«Игбал-намэ»* подробно описана беседа Александра Македонского с античными мудрецами. /;

«Сокровищница тайн» (1173 – 1180):

/ Это дидактико-философская поэма, утвердившая Низами в ряду

* То есть в могиле.

великих гуманистов. Основной здесь мотив — проповедь, обращенная к правителю Эрзинджана (в Малой Азии) Бехран-Шаху. Много места отведено вопросам морали и духовного совершенствования. Автор открыт, смел, прям; он знает говоримое им, бесконечно уверен в нём и потому исповедально и назидательно учит ему. /;

«Хосров и Ширин» (1181):

/ Заказ на эту поэму он получил от иракского правителя Тогрула II. Это произошло вскоре после смерти любимой жены Афак. Несмотря на то что он был убит горем, поэт всё же взялся за работу и вложил в нее столько страсти, души и мысли, что произведение, вышедшее из-под его пера, стало «нерукотворным памятником» Афак. /;

«Лейли и Меджнун» (1188):

/ Именно весной этого года в доме Низами появился гонец ширванщаха, который привез личное письмо своего повелителя с просьбой к поэту написать на персидском языке стихотворную обработку старого арабского предания о несчастной любви юноши Кейса и прекрасной девушки по имени Лейли.

Сраженного смертью теперь уже второй жены Низами эта тема никак не привлекала. Однако он не отверг предложения и создал изумительное повествование о любви. /;

«Семь красавиц» (1197)*:

/ Творение написано по поручению правителя Мерагинской области. Заказчик не связывал поэта определенной темой, поэтому Низами обратился к мотивам «Шах-наме» Фирдоуси. /

// Это «Семь сказок» (или «Семь портретов»), которые царю Бехраму рассказывают его жены. Их у него семь, из семи стран. Каждая живет в особом дворце с куполом, цвет которого посвящен одной из семи планет: черный — Сатурну, желтый — Солнцу, зеленый — Луне, красный — Марсу, бирюзовый — Меркурию, сандаловый — Юпитеру, белый — Венере.

Все сказки — о цвете купола того дворца, где происходит рассказ, но в то же время они повествуют о людях — их уме и характере, их добротелях и манерах, о их жизни, судьбе и возможностях. //

• У Низами красив слог, язык его произведений знает оригинальные примеры употребления метафор:

- И столько над собой рыдала туча.
- Цвет фиалки на замочек свой цветочный склад закрыл.
- Ты сладка, с тобою рядом тростниковый сахар — горечь.
- Ты других ласкаешь нежно, и глаза твои — нарцисс.

• Низами знаток тончайших струн человеческой души, певец светлых и чистых чувств. Любовная лирика его оригинальна. Она возвышенна и

* Все упомянутые пять поэм Низами составляют *«Пятерицу»* и насчитывают 60 тысяч строк, 30 тысяч бейтов (двустиший).

благородна. Конечно же, искренна. Строки произведений передают тончайшие оттенки каждого мгновения душевного состояния. В газелях присутствует лирическая «Я» — в нём вся палитра мыслей и вожделений богатого натурой и щедрого на эмоции человека:

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на миг!
Душа желанием полна, — о, погляди на миг!

Ты жизни плещущий родник, исток существованья,
Недаром я к тебе приник, прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немножко счастья!
Смотри, как жадно бьется кровь, — к ней припади на миг!

2. СУДЬБА

► «Судьба поэтов всегда складывается так, что творчество налагает на их жизнь неизгладимый отпечаток и даже предопределяет события. Не стал исключением из этого правила и Низами. Одна из газелей совершенно неожиданно для автора понравилась правителю Дербента, и тот прислал ему в подарок молодую кыпчакскую рабыню по имени Афак. Она стала женой поэта, и в этом браке родился единственный сын Мухаммед».

(**В. А. Братко.** *Старайся быть полезным людям...: К изучению творчества Низами Гянджеви.* 1990 г.)

► ◐ Как и все до и после него, Низами отдает дань пессимистическому мотиву. Это не оттого, что он грустит в безысходности. Мысли о бренности вовсе не вывих зауми. Иногда нам кажется: сверну горы, а то бывает, что ничего не мило и мы чести́м, кости́м и клянём краткие дни ми́га нашего. Низами человек, и обе указанных струй, как и у всех, у него тоже впадают в его душевное море. Но есть в этом подобии крайне интересное отличие: Низами в моменты печали и транса не опускается, напротив — поднимается. Это как прыжок с вышки в воду во время соревнований по плаванию: чтобы занять верхнюю ступеньку пьедестала признания, надо, конечно, прыгнуть вниз и нырнуть. Однако условие победы очевидно и непререкаемо единственно — это надо сделать и виртуозно и красиво. Вот Низами и не отходит от канона. Он прилежен и он учтив, но он... кланяется, а не поклоняется; признаёт, а не... признаётся. Вот почему его рассуждения так похожи на воздушный шарик: он летит, но мы-то знаем, что он... у л е т а е т; мы держимся за него, да только делаем это взглядом, не привязываясь собой к нему.

Люди, будучи людьми, должны грустить, переживать, мучиться неизвестностью, беспокоиться. Полярность несовпадения — вечный спутник природы: вершина горы — остра́, а основание — широко́ и огромно. Так было и будет. В этом нет проблемы. Но есть... загадка, есть **тайна**. Нужна ли она? Наверное, нет. Можно ли без нее? Наверное, да. А вот нужно ли? И сразу становится понятно, что есть вопросы, обречённые на неответ. Это-то явно и очевидно чувствовал и понимал Низами, но он не хотел перестать быть человеком. Мы все хотели бы идеализированного мира, только вот зачем нам муха, которая не жужжит, или дождь, который не мочит, или гром, который не пугает? Или Универсум, который не страшит, не прячется, не злит?? ◑:

♦ Где доблестный найдется муж, кого бы мир не гнул?
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона, — нет.

♦ Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но всё ж убора для нее у небосклона нет.

♦ Коль так убого бытие, каким его я зрел, —
То нет в нём света, ничего в нём, кроме стона, нет.

♦ О сердце, словно ценный клад, ты оба мира чти!
Но оба здесь они, для них другого лона нет.

♦ Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То скорпион, спасенья нам от скорпиона нет.

3. УЧЕНИЕ

♦ Хоть немало столетий над миром проплыло, мы зрим, —
Он такой же, как был; ни на волос не стал он другим.
Как и древле, земля нам враждебна. И всё год из года
Нас карает палач — многозвёздный простор небосвода.

♦ Устрашает нас мир мглою тайных уловок.
Этой книги никто не прочел заголовок!

♦ Продажа и купля — вот мира оплот.
Одно отдает он, другое берет.
Хоть есть в нем червяк, порождающий шелк,
Но есть и червяк, поедающий шелк.

♦ Разум, самый подвижный и самый пытливый и строгий,
Пристыжен и смущён вечной тайной безвестной дороги.

♦ Этот мир! Быть не может он в дружбе с людьми,
Ласки в нем не найдешь — это с грустью пойми.

♦ Не постичь звездной тьмы над пределами шара.
Ты для песен о том струн не трогай дутара!

♦ Ты, познавший весь мир! Видишь: мир — чародей.
Сколько в нем пострадало мелькнувших людей!
Унижающий мир, полный зла и страданий, —
В чём нашел он права для своих злодеяний?

♦ Я слыхал: человек, предназначенный казни,
Шел смеясь, будто вовсе не ведал боязни.
И спросили его: «Что сияешь? Ведь срок
Твоей смерти подходит, твой путь недалёк».
Он ответил: «Коль жизни осталось так мало,
То в печали ее проводить не пристало».
Был разумен его беспечальный ответ.
И во мраке Создатель послал ему свет.
Хоть порой должный ключ мы отыщем не скоро,
Но откроем мы всё-таки створку затвора.

♦ Мудрым людям одним откровением Бога
К постижению Бога открылась дорога.

♦ То, в чем нет справедливости, твой не умножит доход,
То, в чем нет правосудья, как ветер, тебя унесет.

♦ **Повесть о царе-притеснителе** *(притча из поэмы «Сокровищница тайн»)*:

Жил некий правитель, поправший закон.
В искусстве придирок — Хаджжаджем* был он.
О тайнах, которыми ночь тяжела,
На крыльях заря ему шепот несла.
И как-то приходит к царю клеветник,
Кто в тайны людские без спросу проник,
Из тех, что должают ночной темноте,
А утром свой долг отдают клевете.
«Такой-то тут старец, — царю он донёс, —
Сказал — ты убийца, ты дэв-кровосос!»
И вспыхнула ярость в царе, горяча.
Вскричал он: «Тотчас же позвать палача!»
Вот казни ковер посыпают песком**,
Сам дэв устрашится при гневе таком!
А к старцу спешит горожанин один:
«Шах казнь для твоих замышляет седин!»
И старец омылся и саван берет,
И к шаху с бесстрашною речью идет.
А шах в нетерпенье ладони потёр,
К ногам опускает прищуренный взор:
«Ты, слышал я, дэвом меня называл,
Твердил, что бессмысленно я убивал?
Ты с царством моим справеливым знаком,
Чего же порочишь меня языком?»
И старец ответил царю: «Я не спал.
И больше, чем эти слова, я сказал.
Пред старым и малым, не зная стыда,
Ты грабишь деревни, сосёшь города.
Я только пороки твои подсчитал,
В дурном и благом тебе зеркалом стал.
Ты в нём отразился таким, каков есть, —
Разбить это зеркало — малая честь;
Правдив я, пойми правоту моих слов!
А хочешь казнить меня — к смерти готов».
Бесстрашным признанием речь старика
Царя потрясла, правотой велика.
Он вскинул глаза, устремил их вперед
И в правде — неправду свою узнаёт.
Сказал он: «Тотчас с него саван совлечь!
В почетное платье и в амбру облечь!»
И стал, беззаконья оставя пути,
В заботе о людях законность блюсти.
Праадивое слово в стране поощрил,
За правду — ущерба нигде не чинил.
Вот так побеждает правдивость в делах,

---

* **Хаджжадж-Ибн-Юсвф** (годы правления: 660 – 714) — знаменитый полководец и правитель Ирака и Хеджиса. Отличался крайней жестокостью. Его имя стало синонимом кровожадности и жестокости.

** Когда казнили провинившихся, то в тронном зале расстилали ковер из кожи. Именно на нём приговор и приводился в исполнение. Пролившуюся же на ковер кровь засыпáли песком.

Ты дашь правоту, а победу — Аллах.
Правдивая речь да пребудет крепка!
Ах, горько нам, горько, — ведь правда горька!
Но тем, кто правдивость в беседу вложил,
Пособником речи сам Бог послужил.
Правдиво твоё, Низами, естество, —
И правдой увенчано дело его!

♦ В страшный день суда тирану будет вся страна врагом.
Горе тем, кто унижает, — яма их последний дом.

4. МЫСЛИ

◪ Вот свадебный, Азрою убранный зал.
Вот пир, за которым Вамик пировал.
И зал не разрушен, и пир не затих,
Но нет ни Вамика, ни Азры в живых.
Хоть много над миром веков пронеслось,
Ни на волос меньше у мира волос.
Всё тот же земли крепковыйновой гнёт,
Всё тот же над нею палач-небосвод.
Общения с миром искать ли кому?
Кто им не обманут, чтоб верить ему?..
Завистливо жители суши твердят:
«Как счастливы те, кто моря бороздят!»
Моряк же, от бури заклятья творя,
Готов у пустыни отдать якоря.
Нигде человеку спасенья от бед,
Ни в месте безводном, ни на море нет.

◪ Лес новый не вырастет, если не срыть
Пни старые, ставшие поросль глушить.

◪ Вино ль виновато, что пьет человек?
Ты сделал проступок — причем тут твой век?
Нет, век не брани за свои же дела —
Ни мне, ни тебе им не сделано зла!..
Лишь те, что поддельны, сгорают в огне,
Но яхонт и злато — не тают в огне...
Жасмин и колючка равно для нас злак.
Но первый — врачует, вторая — сорняк.
Пусть розовый куст из ручья не поят, —
В саду всё равно он струит аромат.
Но самою мягкою струйкою гор
Не сделаешь розой колючку и сор.

◪ Прекраснее грубых нет в мире одежд.
Сужденье по платью — сужденье невежд.
Жестка кожа лани — зато и ценна:
Пергамент даёт под любви письмена.
Сохранность для мускуса — грубость мешка, —
Рассыплется он, переложен в шелка.

- Не говори того, что сказал прежний мудрец,
ибо не годится сверлить два отверстия в одной жемчужине,
разве только в местах, связывающих мысль,
когда повторение становится неизбежным.
Раз в этом ремесле ты — новый водитель,
не следуй же за теми, кто работал над этим раньше.

- Не сниму я покрова с этой картины,
пока не поднимется она, как высокая пальма.
Если ты придешь к дереву, плоды которого еще не созрели,
и начнешь трясти его, — ты сам еще не созрел!
Рыночный торговец даёт яблокам дозреть дома,
но только тогда они ни для чьих зубов не хороши.
Если помять незрелый инжир, он станет мягким,
но, только поешь его, пойдет кровь из нёба.
Цветок, который раньше времени не смеется на ветке,
много принесёт плодов на дереве.

- Тот, кто завидует Низами
и видит дыхание без вздоха и глаза без слез,
пусть придет ночью, посмотрит, как раскапываю я рудник,
да не рудник я раскапываю, а с жизнью расстаюсь!
Из-за каждой жемчужины, которую я извлеку из уст,
ворочаюсь я много раз с боку на бок.
Сотней жарких усилий сжигаю я мозг,
пока не раздобуду посреди ночей ночной самоцвет.

- В том саду, над которым предвечные звезды повисли,
Что острее, чем слово толкующих тонкие мысли.
Ведай: слово — начало, и ведай, что слово — конец.
Многомудрое слово всегда почитает мудрец.
Всё о слове сказать наше сердце еще не готово.
Размышлений о слове вместить не сумело бы слово.

- До поры, как любовь не явила дыханье своё,
В бездне небытия не могло засиять бытие.
Но счастливец великий в своей непостижной отчизне
Захотел бытия, и завесы раздвинул он жизни.

- Всё, что в жизни находишь, что в ней обретаешь — отдай;
Всё, пока на земле ты еще пребываешь, — отдай,
Чтобы в день воскресенья ты был бы от груза свободен...

- Дарование каждое тяжкие слышит укоры.
Даже в сахаре яд. [...]

- Ведь железо железным смягчают ударом.

- Глупость глупостью гни — это верная хватка.

- И всё то, что создашь, что упрочишь с отрадой,
В долгой жизни твоей тебе станет наградой.

- И тоска, и печаль нам полезны порой.

◪ Дай мне, кравчий, вина, что во мраке ночей
Укрепляет наш дух, словно чистый ручей.
Я сгораю, ведь скорби во мне преизбыток,
Научился я пить твой отрадный напиток.

◪ Единицу к себе тянет сотня всегда,
К одному не потянется сто никогда.

/◐ Чем не закон **всемирного тяготения**! ◑/

◪ Согласуй с его мнением дела своей славы,
Ибо мудрый советник дороже державы.

◪ Там, где ценится знанье, — недремное счастье
Тотчас в звездах правителя примет участье.

◪ Миродержец, состарившись, видит с испугом,
Что постыл он своим верноподданным слугам.
Если ж он распознал все людские дела
И с добром не смешает потайного зла,
То пред ним, всех врагов постигающим, в страхе
Преклоняются люди и никнут во прахе.
Но, склонённые в трепете, ищут пути,
Чтоб царя им ненужного с трона свести.
Новый царь так приятен их лживому стану:
Может статься, что он и поддастся обману.

◪ Человек, за лепешку принявший луну,
Может рухнуть в колодец, в его глубину.

◪ Если боль и страданья содействуют смерти,
Это — воля судьбы благодетельной, верьте.

◪ Много книг я прочел, все я ведал науки,
Но бессильны они в час последний разлуки.

/ ∇ ◐ Как и все хоть сколько-то заметные поэты этого периода (Рудаки, Руми, Саади, Хакани, Джами), Низами — типичный МУДРЕЦ. За малой, может быть, толикой исключения, он не философ — у него нет ни изощренной тонкости парадоксов, ни эквилибристики озадачивающих усмотрений, ни круговерти новых отсчетных постулатов, ни атáковых дерзновений в перереаливании реальности, ни старательной проблемной рассудительности, ни всеохватной системной обстоятельности. У него есть только оригинальность формулировок. Всю свою жизнь он искал в мире значенье и смысл и понимал, что нельзя искать то, чего не знаешь. Углубляться в сокрытое — нонсенс, ибо нельзя входить в невходимое.

Мы любим таинственность. Но ведь и звезды любят темное небо! Даже самому мирозданию нужна ночь, чтобы оно озаметнилось.

На черном не видно дорог. Так что же тогда хранит направления? И если свет призывен, то разве мы знаем **зачем**?

Низами размышляет, однако у него готов ответ. Ему претит философское придумывание, когда содержание предположения выдается за предположение содержания. Выстроительность ума достойна разума, только вот есть ли у разума достоинство равности с истиной?

Мудрец не вторгается в божественные чертоги. Он не судит об универсуме, потому что понимает предельность любого замáха: в позиции «снизу вверх» вряд ли есть величие. Тяга успеха и славы движет всеми людьми. Да только как не заметить, что мы привязаны к своим целям.

Философ раб страсти приобретения. За крупицу добавочного знания он презрит всё. И где ему успеть прислушаться к простому и откровенному: с сердцем мы рождаемся раньше, чем узнаём о нем и познаём законы кровотока. И если так, то надо отвлечься от шелухи практики, перейти в измерение, где не координаты задают место, а коллизии души ведут взоры чувств по линейке заповедных ценностей.

Мудрец ничего не оспаривает. Он лишь соглашается. И тогда он становится природой, ибо былинка только тогда трава, когда грациозно и приветливо гнется, не мешая встречному ветру. Дело не в разумении, дело в том, что нельзя разуметь «нельзя» (в этот парадокс нет дорог!) и тем более невозможно воспользоваться разрешением (ибо, пока не известно, от кого оно исходит, ни на какую смелость нельзя без опаски положиться!..)

Мудрец ничего не констатирует (он был бы смешон, взяв на себя полномочия такого права!), зато способен транслировать голоса явлений. И чем обильнее он это делает, тем вековечнее оставляемые им записи. И пусть никого не смущает его слух: превзошедшему его придется занять его место.

Для философа мир — бывание, для мудреца же его никогда нет. Подобно весу, теряемому телом, погруженным в воду, мудрец освобождается от бытийности бытия, превращая себя в абсолютное восприятие, а не в восприятие абсолютного. Он оставляет себе тщету, лишь бы никогда не знать гордыни. И как вода, испарившись сама собой, получает верхнюю точку зрения относительно всего, где недавно была сама, так и мудрец... Он не ищет и не находит, поскольку имеющееся для него и есть то, что он имеет. ◑/

◪ Если будем о смерти мы думать почаще,
Мы спокойно пойдем в жизни сумрачной чаще.

◪ Но довольно! Напрасен и крик мой, и вздох.
Время всё разберёт, кто хорош, а кто плох.
Не прервут небеса неуклонного хода.
Будет взвешено всё на весах небосвода.

/ ◐ При таком полном неверии уповать на честность весовщика — уже что-то не то. /

◪ **Старайся быть полезиым людям. Лучше иметь добрый ирав, как роза, дабы благоухать по всему миру.**

Р. Бэкон

XIII век

Давид Ди Радик /Роджер Бэкон/

• Английский философ и ученый

Родился: ок. 1214 г.
Умер: 11.11.1292 г.

Прожил ≈ 78 лет

«Есть три наихудших довода: это передано нам от предков; это привычно; это общепринято». *(Р. Бэкон)*

■ «У нас в руках три средства познания: авторитет, мышление и эксперимент. Авторитет не имеет значения, если справедливость его не может быть доказана: он не учит, он требует только согласия. При мышлении мы обычно отличаем истинный аргумент от ложного, проверяя вывод опытом. Экспериментальная наука испытывает и проверяет выводы других наук, она исследует тайны природы собственными силами». *(Р. Бэкон)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился на юго-западе Англии, близ Ильчестера, в графстве Доргет.
• От рождения он прозывался Давид Ди Радик, а Роджером Бэконом он стал именоваться позже.
• Учился в Оксфорде.
• Учителем Р. Бэкона был Роберт Гроссетесте /Роберт Линкольнский (ок. 1168 – 1253), епископ (с 1235 г.) в городе Линкольне/ — прекрасный ученый, великолепный знаток Аристотеля, крупный английский священнослужитель.
• С 1236 по 1247 г. преподавал в Парижском университете.
• Являлся доктором богословия Парижского университета.
• Он знал Фому Аквинского и Бонавентуру.
• В 1256 г. вступил во францисканский орден.
• В 1278 г. его произведения были признаны еретическими. Бэкона заточили в монастырскую тюрьму, где он провел 14 лет.
• У него был единственный ученик — Джон из Лондона.
• До нас дошли его сочинения — многие сотни листов, но о начале его пути, о целых десятилетиях его жизни мы не знаем почти ничего.
• Современники называли его *Doctor mirabilis* («Дивный доктор»).
• Дал определение алхимии:
 ♦ Алхимия есть наука о том, как приготовить некий состав или элик-

сир, который, если его прибавить к металлам неблагородным, превращает их в совершенные металлы. Алхимия есть непреложная наука, работающая над телами с помощью теории и опыта и стремящаяся путем естественных соединений превращать низшие из них в более высокие и более драгоценные видоизменения.

• Р. Бэкон первым употребил словосочетание «опытная наука» (*«scientia experimentalis»*).

• Его любимым присловьем было: «На опыте удостоверено».

• Отмечен познаниями и исследованиями в области математики, оптики, географии, климатологии, астрономии.

• **Сочинения Р. Бэкона:**

«Большое сочинение» («Opus majus»);

«Общие сведения о природе» («Communia naturalium»);

«Комментарии на "Тайну тайн"»:

/ Сочинение «Тайна тайн» («Secretum secretorum») содержало разные наставления в людских делах и в средние века многократно переводилось с арабского. Бэконом оно было переделано, расширено и издано. /;

«О продлении человеческой жизни»;

«Руководство для изучения богословия»;

«Руководство к изучению философии» (1271 – 1276);

«Малый труд»;

«Похвала математике»;

«О радуге»;

«Третий труд» (предварение к «Большому» и «Малому»);

«Перспектива»;

«О врачебных ошибках»;

«Зеркало алхимии» (или «Умозрительная алхимия»).

• Р. Бэкон чётко выделил и принципиально обозначил болезнетворные факторы познания — рытвины, колдобины, валуны и заторы на том пути, по которому ум человеческий движется к всеведению:

♦ Есть четыре препятствия (offendicula) на пути познания:

1) доверие недостаточному авторитету;
2) привычка;
3) приверженность общепринятым мнениям;
4) боязнь признаться в собственном незнании.

• Умер Р. Бэкон в Оксфорде.

2. СУДЬБА ► Рассказывают, как Роджер Бэкон предупредил английского короля Генриха III (1216 — 1272) об опасности для трона и государства, исходящей от приближенного к монарху епископа Пьера де Роша — жестокого человека, мракобеса, гонителя ученых.

Бэкон обыграл имя Винчестерского епископа. Пьер де Рош по-латыни будет Петрус де Рупибус, что в переводе означает «скалы и утёсы» — (петрэ эт рупес).

«Государь, — обратился он к Генриху, — что всего опаснее и страшнее для плывущего через бурное море к берегу?» Король отвечал: «Про то ведают странствующие и путешествующие по большим водам». И тогда

Бэкон — глаза его дерзко блестели, а сердце билось тревожно — сказал монарху правду: «Государь, я скажу: всего опаснее *скалы* и *утёсы*».

➡ Именно у Р. Бэкона встречаются первые упоминания о приборе, который позднее будет назван телескопом. Знакомство Роджера Бэкона с достижениями арабской оптики, собственные опыты с преломлением лучей в кусках стекол с различной геометрией и даже пользование при чтении «магическим кристаллом», подогнанным под собственные глаза, приводят его к такому восторженному выводу: «Расскажу о дивных делах природы и искусства, в которых нет ничего сверхъестественного... Прозрачные тела могут быть так обделаны, что отдаленные предметы покажутся приближенными, и наоборот, так, что на невероятном расстоянии будем читать малейшие буквы и различать мельчайшие вещи, а также будем в состоянии усматривать звезды, как пожелаем».

3. УЧЕНИЕ

♦ Ничто не совершенно в человеческих изобретениях...

♦ Изложение должно быть наглядным; последнее невозможно без опыта.

♦ Бог, ангелы, загробная жизнь и небесные тела труднодоступны для человеческого знания, и чем более они превосходны, тем менее нам известны.

♦ В метафизике не может быть иного доказательства, кроме как через следствие, так что духовные веши познаются через телесные следствия и творец — через творение.

♦ Математика была открыта первой из всех частей философии, ибо от начала рода человеческого она была открыта первой, еше до потопа...

♦ Если мы хотим в других науках прийти к несомненной достоверности и безошибочной истине, то необходимо положить основания всякого знания в математике... Математика — врата и ключ к знанию. Она подготавливает душу и возвышает ее. Математика — и метод, и инструмент.

♦ Важнейшие тайны мудрости остаются в наши дни неизвестными толпе ученых за недостатком правильного метода.

♦ Хотя Аристотель и признавал силлогизм источником знания, но есть случаи, когда простой опыт учит лучше всякого силлогизма.

♦ Выше всех умозрительных знаний и искусств стоит умение производить опыты, и эта наука есть царица наук.

♦ Людям прирожден способ познания от ощущения к уму, так что если нет ощущений, нет и науки.

♦ Авторитет, данный церкви божественным судом, неколебим и подлинен.

♦ Математические знания как бы прирождены нам, ибо, как рассказывает Цицерон в «Тускуланских беседах»[57], маленький мальчик на вопросы по геометрии, задаваемые ему Сократом, отвечал так, как если бы он уже обучался геометрии.

♦ Для нас естествен путь от легкого к трудному...

♦ Доводов недостаточно, необходим опыт. Ибо если какой-нибудь человек, никогда не видавший огня, докажет с помощью веских доводов, что огонь сжигает, повреждает и разрушает вещи, то душа слушающего не успокоится и он не будет избегать огня до тех пор, пока сам не положит

руку или воспламеняющуюся вещь в огонь, чтобы на опыте проверить то, чему учат доводы.

♦ Двояк путь познания вещей: один — через философский опыт, другой — через божественное вдохновение. Это надо знать, это важно. Есть привычный опыт. Он — низшего рода. Этот опыт приобретается с помощью внешних чувств. Именно он удостоверяет нас относительно телесных вещей, удовлетворяя жаждущий познания дух и успокаивая его в сиянии истины, даруя при этом благо и помогая избежать зла. Следовательно, одних только доказательств недостаточно. Нужен опыт ощущений.

Однако поскольку опыт ощущений не касается вешей духовных, да и относительно вешей телесных тоже удовлетворяет нас не вполне, необходим еще один опыт. Опыт, хотя и не исключающий первый, но всё же **иной**. Этот опыт умеет проникать сквозь заслон очевидного в ощущениях. Он — мистичен и даруется божественным озарением.

В мистическом опыте таится постижение Бога как первопричины всего. Следствия же подведомственны опыту внешнему и постигаются созерцательным наблюдением. Бог — наибольшее бытие, всё же оствльное к нему лишь сопричастно.

♦ Начала металлов суть ртуть и сера. Природа стремится достичь совершенства, то есть **золота**. Но вследствие различных случайностей, мешающих ее работе, происходит разнообразие металлов. Соответственно чистоте и нечистоте этих двух компонентов — ртути и серы — происходят совершенные и несовершенные металлы: совершенные — золото и серебро **и** несовершенные — олово, свинец, медь, железо.

♦ Два начала составляют все металлы, и ничто не может соединиться с металлом или трансформировать его, если само не будет составлено из этих начал. Таким образом, простой здравый смысл принуждает нас взять для изготовления **философского камня** ртуть и серу...

♦ Ни ртуть, ни сера не могут в одиночку зародить металлы, а только путем соединения друг с другом они порождают их многочисленные минералы. Значит, очевидно, что **философский камень** должен родиться и сам из соединений этих начал. Такой секрет чрезвычайно драгоценен и очень сокровенен.

♦ Практическая геометрия создает зеркала, способные сжечь всё, сопротивляющееся огню...

∇ ◐ Очевидно, здесь **речь** идет о том, что сегодня именуется **«солнечной печью»**. ◑

♦ Науки полезны и для богословия. Вот сказано, что праведник Ной спасся от потопа, сделав Ковчег. Надо полагать, это был огромный корабль, если на нем поместились сам Ной, и всё его семейство, и все звери, и птицы, и гады, пресмыкающиеся на земле, — по паре от каждого рода. Огромный корабль, триста локтей в длину, и было в нем устроено «нижнее, второе и третье жилье». Никак нельзя было его сделать без знания геометрии.

♦ Тела состоят из более простых тел, смешанных в строгом отношении, от чего зависит их вид, прочность и склонность к воздействию огня.

4. МЫСЛИ

- Пока длится невежество, человек не находит против зла средств.
- Обретение философского камня столь же трудно, сколь осада Трои*.
- Когда Аристотель говорит в первой книге «Метафизики», что те, кто знает основания и причины, более мудры, чем обладающие опытом, то там речь идёт о тех, кто из опыта знает только голую истину без знания причин. Я же говорю о таком обладающем опытом человеке, который из опыта знает и основание, и причину.
- Ложные авторитеты неразумной толпы подобны нарисованному или сделанному из камня глазу, который обладает лишь названием глаза, а не его свойствами.
- Дело ведь не в доверии. Дело в другом — опирается ли то, чему мы доверяемся, на подтверждение. И чем менее словесно оно, тем более истинно.
- Опытная наука одна даёт совершенное знание того, **что́** может быть сделано природой, **что́** — старательностью искусства, **что́** — обманом.
- Опытная наука, владычица умозрительных наук, может доставлять прекрасные истины в области других наук, истины, к которым сами эти науки никаким путем не могут прийти. Истины эти не относятся к сущности начал, а полностью находятся вне их, и хотя принадлежат к этим наукам, но не составляют в них ни выводов, ни начал.
- Опытная наука относится к другим так, как искусство мореплавания к умению править повозкой или как военное искусство к простому ремеслу. Ибо она предписывает, как делать удивительные орудия и как, создав их, ими пользоваться, а также рассуждает обо всех тайнах природы на благо государства и отдельных лиц.
- Самое худшее — полагать, погрузившись в глубочайший мрак заблуждений, что находишься в полном свете истины.
- Познание многих превосходных источников мудрости зависит от владения языками.
- Увеличение и изменение связаны между собой; тем не менее есть случаи, когда увеличение не ведет к изменению (на это указал уже Аристотель): к примеру, квадрат любой величины всё равно остаётся только квадратом, и ничем иным.
- Наука, опершись исключительно на природные вещи, вряд ли будет прочна. Это очевидно, ибо в них нет доказательств, исходящих из подлинной и необходимой причины, доказательств, основывающихся на собственной силе, потому что в природных вещах ввиду возникновения и гибели подлинных причин, как и следствий, не заключена необходимость.

  Путь обоснования один и единствен: из сомнения может вывести лишь ясная и несомненная достоверность.
- Не станем же отвергать истину только из-за того, что мы лично не знаем ее или что именно у нас нет на нее доказательств.

---

* Осада Трои длилась 10 лет. И только после хитрости Одиссея, придумавшего деревянного коня (отсюда идет крылатое выражение «данайский дар»), город пал.

Фома из Аквино

XIII век

• Итальянский философ, богослов

Родился: 1225 г.
Умер: 07.03.1274 г.

Прожил — 49 лет

> **«В вопросах веры любая старуха знает больше всех философов, ибо какая старуха не знает, что душа бессмертна?»** *(Фома Аквинский)*

■ **«Никакой двойственной истины!: не может такого быть, чтобы наряду с истиной Священного Писания существовала еще и какая-то там своя мирская (философская) истина. Это тот случай, когда *или-или* предпочтительнее еретического *и-и*. Истина не огонь, чтобы делиться, а свет, который е д и н».** *(Фома Аквинский)*

1. ЖИЗНЬ

• Первый схоластический *учитель церкви.*
• Князь философии («princeps philosophorum»).
• Был младшим сыном графа Ландольфа Аквинского, феодала, рыцаря короля Фридриха II.
• Родился Фома в замке Роккасекка близ Аквино, недалеко от Неаполя (отсюда иногда встречающееся прозвище философа — Аквинат, и второе поименование — Аквинский).
• Воспитывался у бенедиктинцев в Монте-Кассино.
• Учился в Кёльне, Болонье, Риме, Неаполе.
• Изучал в Неаполитанском университете свободные искусства (философию и диалектику) на подготовительном факультете.
• В 17 лет вступил в доминиканский орден, откуда был послан учиться в Париж, где его учителем в течение трех лет (1245 – 1248) был Doctor universalis Альберт фон Больштедт /Альберт Великий (ок. 1193 – 1280)/, получивший титул «всеобъемлющего доктора» за энциклопедичность познаний:

/■■■ **Альберт Великий:**

«Разум всё же не может доказать сверхразумных истин или тайн христианства. Он может только отражать все нападки против них и установить, что эти истины не противоречат разуму».

«Хотя творения не дают нам оснований для доказательства посредством умозаключений тайн христианства, но они дают нам известные аналогии, на основании которых можно установить уместность этих тайн». ■/

• В 1249 – 1251 гг. Фома следует за своим учителем в Кёльн и налаживает там преподавание теологии.

• В 1252 г. он возвращается в Париж, и с этого момента начинается собственная академическая деятельность Фомы в качестве магистра богословия Парижского университета. Его слава вскоре затмевает славу его учителя. Толпы юношей стекались к нему со всех христианских стран.

• Фома был знаком с Роджером Бэконом и Джованни Фиданца Бонавентурой (1221 — 1274).

• За мягкость и легкость своего характера Фома получил прозвище «ангельский доктор».

• На пальце левой руки у него, как и у всех докторов богословия того времени, было кольцо — символ обручения с религией, верой.

• На Фому сильное влияние оказали труды Аврелия Августина. В частности, такое учение этого «отца церкви»: «“Сущность” означает то же самое, что и “субстанция”, но Бог обладает сущностью, которая выше субстанциальности». В естество Фомы глубоко запало исповедальное августинское: «Хочу понять Бога и душу. И ничего более? Совершенно ничего».

• В 1259 г. папа Урбан IV отозвал Фому в Рим. Аквинат преподаёт теологию, знакомится с трудами Аристотеля.

• По поручению римской курии Фома участвует в переработке аристотелизма в христианско-католическом духе.

• В 1269 – 1272 гг. Фома вновь в Парижском университете. Он активно вовлекается в лихорадившую это учебное заведение полемику августинианцев с латинскими аверроистами во главе с Сигером Брабантским (ок. 1235 – ок. 1282), сторонником учения о **двойственной истине.** В связи с последним характерен и примечателен такой эпизод, когда Сигер Брабантский, обращаясь к Фоме, заметил: «Вы говорите о разуме и вере в том смысле, что оба дают истину. Так же считаем и мы, но только с тем различием, что не следует беспокоиться о примирении двух истин. Это тонкое различие — единственное, что нас разделяет». Укол оппонента, ироничный и язвительный, оказался чувствительно точным и болезненным. Так что Фома, отличавшийся уравновешенностью темперамента, во второй раз в жизни, как он сам вспоминал, вышел из себя, закричав: «Твое учение, Сигер, пронизано ложным знанием!»

• В 1272 г. Фома возвращается в Италию и преподаёт теологию в родном Неаполитанском университете.

• Словарь научных трудов Фомы Аквинского насчитывает 13 000 000 терминов:

/ Чтобы представить себе масштабность этой цифры, достаточно трех сравнений:

◘ весь русский язык, по данным Института русского языка, насчитывает 440 тысяч слов;

◘ общее количество слов, имеющихся во всех текстах А. С. Пушкина, не выходит за пределы 600 тысяч;

◘ словарь языка А. С. Пушкина, считающийся специалистами одним из самых емких, составляет 16 тысяч слов. /

• **Сочинения Фомы Аквинского:**

«О вечности мира против ворчунов»;
«О единстве разума против Аверроэса»;
«О единстве разума против аверроистов»;
«О правлении владык»;
«О существовании и сущности» (1250 – 1256);
«Сумма истины католической церкви против язычников»* (1259 – 1264);
«Сумма теологии» (1265 – 1274):

/ Это последнее сочинение Фомы осталось неоконченным и было дописано учениками.

«Сумма» означает логически упорядоченный трактат, обобщающий теоретические достижения эпохи той или иной области знаний с позиции автора.

«Сумма теологии» (иногда дается перевод «Теологическая сумма») содержит несчетное количество цитируемых и толкуемых мест из Писания и несколько тысяч ссылок на Аристотеля. Выдержек из Августина приводится более 2000. /;

«Объяснение Апостольского Символа веры»;
«Вопрос о чудесах»;
«О могуществе Бога»;
«Об ангелах»;
«О демонах»;
«Комментарий к "Сентенциям" Петра Ломбардского»;
«О тайных делах природы»;
«О жребиях»;
«Комментарий к "Метафизике" Аристотеля»;
«Комментарий к книге Аристотеля "О душе"»;
«Комментарий к "Никомаховой этике"».

• Умер Фома Аквинский весной, 7 марта 1274 г., в монастыре бернардинцев Фоссануове, около Рима, тяжело заболев в дороге из Неаполя в Лион, куда он был приглашен на собор папой Григорием X.

• В 1368 г. его останки были перенесены в Тулузу.

2. СУДЬБА

► В 1244 г. Фома принимает решение вступить в орден доминиканцев, отказавшись тем самым от должности аббата Монте-Кассино, что вызвало решительный протест семьи, которая, желая заставить сына отказаться от принятого решения, обращалась даже к папе, прося его о ходатайстве перед властями ордена. Просили также, чтобы Фоме было разрешено носить рясу доминиканца и одновременно занимать пост аббата в бенедиктинском монастыре в Монте-Кассино. Но молодой Фома был непреклонен и не изменил однажды принятого решения. Совершив пострижение в монахи, он несколько месяцев пребывает в монастыре в Неаполе, откуда генерал ордена доминиканцев Иоанн Тевтонский забирает его с собой в Болонью, куда он отправился на капитул. Здесь было решено послать Фому с несколькими

* **Су́мма** — в переводе на русский язык это слово должно пониматься как «свод».

другими членами ордена в Парижский университет, являвшийся в то время центром католической мысли. Но намечавшаяся поездка не состоялась. В дело решительно вмешалась семья. Едва Фома успел покинуть Болонью и выехать за пределы Рима, как на пути к Парижу он был схвачен группой всадников — его братьями, которые служили в то время в императорской армии в Ломбардии. Захваченный в плен, он был возвращен в отцовский замок в Роккасекка и здесь в профилактических целях заключен в башню, в которой находился свыше года. В дальнейшем семья, не пренебрегая никакими средствами, пытается заставить сына отказаться от принятого решения. Есть сведения о том, что братья Фомы, желая совратить его с избранного пути, провели в принадлежавшую ему комнату красивую куртизанку, полагая, что он подвергнется искушению или будет скомпрометирован. Фома впал в неистовство, выхватил из камина тлеющее полено и стал им размахивать, угрожая поджечь замок. Перепуганная женщина убежала. Через минуту он успокоился, запер изнутри дверь и бросил горящее полено в огонь. Мать, видя, что сын не изменил решения, смирилась с судьбой, и Фома летом 1245 г. получил свободу, а осенью того же года отправился наконец в Париж.

➡ В 1323 г. учение Фомы было канонизировано папой Иоанном XXII, а с 1366 г. католические магистры должны были изучать труды Аристотеля как философский источник томизма («фомизма»).

➡ В 60-х гг. XIV в. в испанской капелле флорентийской церкви Санта Мария Новелла художник Андреа да Фиренце написал фреску «Торжество Фомы»:

/ В центре картины на троне — Фома Аквинский. В руках его книга, раскрытая на тексте из «Книги премудрости Соломона»: «И сошел на меня дух премудрости: я предпочел ее скипетрам и престолам». Витающие над ним семь ангелов символизируют кардинальные и теологические добродетели.

В одном ряду с Аквинатом четыре евангелиста, апостол Павел и ветхозаветные цари и пророки. Четырнадцать аллегорических женских фигур нижнего ряда фрески символизируют семь теологических наук и семь свободных искусств. Еще ниже, соответственно каждой аллегории, помещены (слева направо): Юстиниан, папа Климент V, Петр Ломбардский, Дионисий Ареопагит, Боэций, Иоанн Дамаскин, Блаженный Августин, Пифагор, Евклид, Птолемей, легендарный кузнец Тувал-каин, Аристотель, Цицерон, Донат. У ступеней трона, у ног вознесенного к славе Фомы, между еретиками первых веков христианства Арием и Савелием — поверженный Аверроэс. /

► На Тридентском соборе (1545 – 1563), основавшем Контрреформацию, его участники искали именно в произведениях Фомы обоснования своим действиям. Уже после собора, в 1567 г., папа Пий V провозгласил «всеобщего доктора» (Doctor communis) одним из учителей католической церкви:

/ Фома Аквинский стал пятым именем в этом списке после Григория Великого, Амвросия Медиоланского, Августина Аврелия, св. Иеронима. /

► 4 августа 1879 г. папа Лев XIII в энциклике «Aeterni Patris» провозгласил учение Фомы Аквинского обязательным для всей католической церкви в качестве «единственно истинной философии католицизма».

► **«Парадокс Фомы»** (в любопытной трактовке мельбурнского теолога А. Келли):

«Теология — это интеллектуальная процедура, предназначенная для укрепления веры. Но ежели человек верит, если им инстинктивно овладевает Дух Божий, зачем ему схоластические размышления. Ведь последнее слово предоставлено вовсе не систематическому рассуждению. Кто же не знает, что божественное откровение превосходит совершенное использование разума. Сам Фома в последние годы своей жизни осознал этот парадокс и охарактеризовал свои теологические труды как «сплошную солому». Вывод напрашивается сам собой: мы можем отбросить все эти осложнения как неправомерные изощрения средневекового интеллектуализма».

► **Лопес де Андраде:**

«Само небо допустило, чтобы в писаниях святого Фомы были коекакие противоречия, иначе их, пожалуй, приняли бы за канонические».

3. УЧЕНИЕ

♦ Размышляю о теле, чтобы размышлять о душе, а о ней размышляю, чтобы размышлять над отдельной субстанцией, над нею же размышляю, чтобы думать о Боге.

♦ Есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе, и его мы именуем Богом.

♦ ...Бог есть первопричина всех вещей как их образец. Дабы стало очевидным, следует иметь в виду, что для продуцирования какой-либо вещи необходим образец, т. е. постольку, поскольку продукт должен следовать определенной форме. В самом деле, мастер продуцирует в материи определенную форму в соответствии с наблюдаемым им образцом, будь то внешний созерцаемый им образец или же такой, который зачат в недрах его ума. Между тем очевидно, что все природные порождения следуют определенным формам.

♦ Бог есть первичный образец всего. Однако же и среди сотворенных вещей некоторые могут именоваться образцами других в соответствии с тем, что одни из них следуют подобию других либо в силу принадлежности к тому же роду, либо в силу аналогии некоторого подражания.

♦ Коль скоро Бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, дóлжно отнести к его провидению то, что он дозволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего блага. В самом деле, если устранить все случаи зла, то в мироздании недоставало бы многих благ. Так, без убийства животных была бы невозможна жизнь львов, а без жестокости тиранов — стойкость мучеников.

♦ Зло, состоящее в несовершенстве действования, неизменно имеет свою причину в несовершенстве действующего лица. Однако в Боге нет никакого несовершенства, но высшее совершенство, как то было показано. Поэтому зло, состоящее в несовершенстве действования или проистекающее от несовершенного действия, не может быть возведено к Богу как к своей причине. Но зло, состоящее в порче каких-либо вещей, восходит к Богу как к своей причине. И это очевидно как в делах природы, так и в делах воли. В самом деле, уже было сказано, что любое действующее начало в той мере, в которой оно своей силой производит некоторую форму, подверженную порче и несовершенству, своей силой вызывает эту порчу и это несовершенство. Между тем очевидно, что форма, которую прежде всего имеет в виду Бог в своих творениях, есть благо целокупного миропорядка. Но целокупный миропорядок требует, как то сказано выше, чтобы некоторые вещи могли впасть в несовершенство и время от времени впадали в него. И, таким образом, Бог, обусловливая в вещах благо целокупного миропорядка, в качестве следствия и как бы акцидентально обусловливает порчу вещей.

♦ Подобно тому как совершенство Вселенной требует, чтобы были не только вечные, но и бренные сущности, точно так же совершенство Вселенной требует, чтобы были и некоторые вещи, которые могут отступить от своей благости; потому что они и в самом деле время от времени делают это. В этом и состоит сущность зла, т. е. в том, чтобы вещь отступала от блага. Отсюда явствует, что в вещах обнаруживается зло, как и порча, ибо и порча есть некоторое зло.

♦ ...Есть люди, которых Бог отвергает.

♦ Если всё сущее, поскольку оно таково, благо, то всякое зло, поскольку оно таково, есть не-сущее. Но для не-сущего, поскольку оно таково, невозможно предположить производящую причину: ведь всякое действующее начало действует постольку, поскольку оно есть актуально сущее, и производит оно нечто себе подобное. Итак, для зла, поскольку оно есть зло, невозможно предположить причину, действующую через себя самоё. А потому и невозможно свести все виды зла к единой первопричине, которая через себя самоё была бы причиной всех зол.

♦ То, чего вообще нет, не есть ни благо, ни зло. Но то, что есть, в меру того, что оно есть, есть благо, как мы видели выше. Итак, необходимо, чтобы нечто было злым в меру своего небытия. А это есть ущербно су-

щее. Итак, зло, поскольку оно таково, есть ущербно сущее, и само зло есть эта ущербность.

♦ Добро — это то, чего все желают.

♦ Добро является субъектом зла.

♦ Для познания тех истин о Боге, которые могут быть добыты разумом, необходимо уже заранее обладать многими знаниями, ибо почти все изыскания философии подчинены цели богопознания; именно по этой причине метафизика, занимающаяся тем, что относится к божеству, в ряду философских дисциплин изучается последней.

♦ Когда человеку предлагаются некоторые истины в Боге, выходящие за пределы разума, то через это в человеке укрепляется мнение, что Бог есть нечто, превыщающее всё, что можно помыслить.

♦ Познание истины двояко: это либо познание через природу, либо познание через благодать. И то познание, которое происходит через благодать, в свою очередь, двояко: первый вид познания исключительно умозрителен, как то, когда некоторому лицу открываются некоторые божественные тайны; другой же род познания связан с чувством и производит любовь к Богу. И последнее есть особое свойство дара мудрости.

♦ Для спасения человеческого было необходимо, чтобы сверх философских дисциплин, которые основываются на человеческом разуме, существовала некоторая наука, основанная на божественном откровении; это было необходимо прежде всего потому, что человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью. Между тем цель эта не поддается постижению разумом; в соответствии со словами Исайи (гл. 64, ст. 4): «Око не зрело, Боже, помимо тебя, что уготовал ты любящим тебя». Между тем до́лжно, чтобы цель была заранее известна людям, дабы они соотносили с ней свои усилия и действия. Отсюда следует, что человеку необходимо для своего спасения знать нечто такое, что ускользает от его разума, через божественное откровение.

♦ Притом даже и то знание о Боге, которое может быть добыто человеческим разумом, по необходимости должно было быть преподано человеку через божественное откровение: ибо истина о Боге, отысканная человеческим разумом, была бы доступна немногим, притом с примесью многочисленных заблуждений, между тем как от обладания этой истиной целиком зависит спасение человека, каковое обретается в Боге.

♦ Сила Бога не может быть познана во всей своей полноте из познания чувственно воспринимаемых вещей, из чего следует, что его сущность не может быть созерцаема.

♦ То, что преподано Богом в откровении, следует принять на веру.

♦ Различие в способах, при помощи которых может быть познан предмет, создаёт многообразие наук. Одно и то же заключение, как то, что земля кругла, может быть сделано и астрологом, и физиком, но астролог придет к нему через посредство математического умозрения, отвлекаясь от материи, физик же через посредство рассуждений, имеющих в виду материю. По этой причине нет никаких препятствий, чтобы те же самые предметы, которые подлежат исследованию философскими дисциплинами в меру того, что можно познать при свете естественного разума, ис-

следовала наряду с этим и другая наука в меру того, что можно познать при свете божественного откровения. Отсюда следует, что теология, которая принадлежит к священному учению, отлична по своей природе от той теологии, которая полагает себя составной частью философии.

♦ Священное учение есть наука. Следует, однако, знать, что природа наук бывает двоякой. Одни из них таковы, что зиждутся на основоположениях, непосредственно отысканных естественной познавательной способностью, как-то: арифметика, геометрия и другие в этом же роде. Другие таковы, что зиждутся на основоположениях, отысканных при посредстве иной, и притом высшей, дисциплины; так, теория перспективы зиждется на основоположениях, выясненных геометрией, а теория музыки — на основоположениях, выясненных арифметикой. Священное учение есть такая наука, которая относится ко второму роду, ибо она зиждется на основоположениях, выясненных иной, высшей наукой; последняя есть то знание, которым обладает Бог, а также те, кто удостоен блаженства. Итак, подобно тому как теория музыки принимает на веру основоположения, переданные ей арифметикой, совершенно так же священное учение принимает на веру основоположения, преподанные ей Богом.

♦ Теология может взять нечто от философских дисциплин, но не потому, что испытывает в этом необходимость, а лишь ради большей доходчивости преподаваемых ею положений. Ведь основоположения свои она заимствует не от других наук, но непосредственно от Бога через откровение.

♦ Если что-либо относящееся к творениям совместно наблюдают философ и верующий, то их объяснения будут исходить из различных оснований. Ведь философ будет опираться в своих рассуждениях на собственные причины вещей, верующий же — на первопричину, т. е. он будет говорить: «Так дано в Откровении», или: «Это относится к славе Божией», или: «Могущество Божие беспредельно». Отсюда вера, коль скоро она созерцает высочайшую причину, может быть названа высшей мудростью в соответствии со словами Писания (Второзак., IV, 6): «Это есть мудрость ваша и разумение перед лицом народов». И потому человеческая мудрость берет на себя услужение этой мудрости, признавая ее превосходство. Отсюда понятно и то, почему божественная мудрость порой опирается на основоположения человеческой философии. В самом деле, даже у философов Первая Философия пользуется показаниями всех наук, чтобы сделать свой предмет яснее.

♦ Из сказанного следует и то, почему обе дисциплины излагаются в различной последовательности. Ибо в философском учении, которое рассматривает творения в них самих и от них восходит к богопознанию, в самом начале рассматриваются творения и лишь в конце Бог; напротив, в вероучении, которое рассматривает творения лишь в их соотнесённости с Богом, вначале рассматривается Бог и затем творения. И такая последовательность более совершенна, ибо обнаруживает больше сходства с процессом познания самого Бога: ведь Бог, познавая самого себя, через это созерцает и остальное.

♦ Божественная истина есть мера всякой истины... Всякая разумная истина должна измеряться истиной Бога.

♦ Полезно, чтобы разум занимался догматами веры, но чтобы только не возомнил заносчиво, что понял их или доказал.

♦ Наше естественное познание берет свое начало от ощущения. Отсюда следует, что наше естественное познание может простираться до тех пределов, до которых им руководит чувственное восприятие. Но от чувственных ощущений наш интеллект не может дойти до созерцания сущности Бога, ибо чувственно воспринимаемые творения суть следствия божественной силы, неадекватные своей причине.

♦ **Бытие Божие может быть доказано пятью путями:**

I. Первый и наиболее очевидный путь исходит из понятия движения. В самом деле, не подлежит сомнению и подтверждается показаниями чувств, что в этом мире нечто движется. Всё, что движется, должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности, ибо в таком случае не было бы перводвигателя, а следовательно, и никакого иного двигателя; ибо источники движения второго порядка сообщают движение лишь постольку, поскольку сами движимы первичным двигателем, как-то: посох сообщает движение лишь постольку, поскольку сам движим рукой. Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все разумеют Бога.

II. Второй путь исходит из понятия производящей причины. Нельзя помыслить того, чтобы ряд производящих причин уходил в бесконечность. Следовательно, необходимо положить некую первичную производящую причину, каковую все именуют Богом.

III. Третий путь исходит из понятий возможности и необходимости. Невозможно, чтобы ряд необходимых сущностей, обусловливающих необходимость друг друга, уходил в бесконечность (таким же образом, как это происходит с производящими причинами, что доказано выше). Поэтому необходимо положить некую необходимую сущность, необходимую саму по себе, не имеющую внешней причины своей необходимости, но самой собой составляющую причину необходимости всех иных; по общему мнению, это есть Бог.

IV. Четвертый путь исходит из различных степеней, которые обнаруживаются в вещах. Мы находим среди вещей более или менее совершённые, или истинные, или благородные; и так обстоит дело и с прочими отношениями того же рода. Но то, что в предельной степени обладает некоторым качеством, есть причина всех проявлений этого качества: так, огонь, как предел теплоты, есть причина всего теплого. Отсюда следует, что есть некоторая сущность, являющаяся для всех сущностей причиной блага и всяческого совершенства; и ее мы именуем Богом.

V. Пятый путь исходит из распорядка природы. Мы убеждаемся, что предметы, лишенные разума, каковы природные тела, подчиняются целесообразности. Это явствует из того, что их действия или всегда, или в большинстве случаев направлены к наилучшему исходу. Отсюда следует, что они достигают цели не случайно, но будучи руководимы сознательной волей. Поскольку же сами они лишены разумения, они могут подчи-

няться целесообразности лишь постольку, поскольку их направляет некто одаренный разумом и пониманием, как стрелок направляет стрелу. Следовательно, есть разумное существо, полагающее цель для всего, что происходит в природе; и его мы именуем Богом.

♦ Очевидно, что время и вечность не суть одно и то же.

♦ Различие между вечностью и временем останется, по словам Боэция («Утешение Философией», кн. 5, гл. 4), в том, что вечность в каждом своем мгновении целокупна, времени же это не присуще; а также и в том, что вечность есть мера пребывания, а время — мера движения.

♦ Даже если дано, что время не имеет конца, всё же возможно отметить в течении времени начало и конец, приняв некоторые доли времени: так мы говорим о начале и конце дня или года. Вечности же это не присуще.

♦ Относительно же ангелов... Их бытие неизменяемо в том, что касается их естества, но подвержено изменениям в том, что касается их избрания, а также их интеллектов, состояний и положений в пространстве. Такие предметы имеют своей мерой век, который занимает промежуточное место между вечностью и временем. Но то бытие, которое имеет своей мерой вечность, не подвержено никаким изменениям и не соединимо с ними. Итак, время имеет «прежде» и «после»; век не имеет в себе «прежде» и «после», но может вступать с ними в соединение; вечность же не имеет «прежде» и «после» и не терпит их рядом с собой.

♦ Следует разуметь, что бесконечное именуется так потому, что оно ничем не ограничено. Между тем и материя некоторым образом ограничена формой, и форма — материей. Материя ограничена формой постольку, поскольку до принятия формы она потенциально открыта для многих форм, но как только воспринимает одну из них, через нее становится замкнутой. Форма же ограничена материей постольку, поскольку форма сама по себе обща многим вещам; но, после того как ее воспримет материя, она определяется как форма данной вещи.

♦ Ничто, кроме Бога, не может быть бесконечным безусловно, оно таково лишь условно. В самом деле, если мы говорим о той бесконечности, которая принадлежит материи, то очевидно, что всё, что актуально существует, наделено формой, а потому его материя ограничена формой. Но поскольку материя, приняв одну субстанциальную форму, остаётся открытой для ряда акцидентальных форм, постольку то, что безусловно ограничено, может быть условно бесконечным. Так, кусок дерева ограничен в отношении своей формы, но бесконечен в той мере, в какой потенциально открыт для бесконечного множества фигур.

♦ Поскольку мир возник не случайным образом, но сотворен Богом через посредство активного интеллекта, необходимо, чтобы в божественном уме была форма, по подобию которой сотворен мир. А в этом и состоит понятие «идеи».

♦ Самый порядок, существующий в вещах, которые так сотворены Богом, обнаруживает единство мироздания. В самом деле, мироздание именуется единым от единой упорядоченности в том смысле, что каждая вещь соотнесена с другими. Всё, что от Бога, соотнесено между собой и с самим Богом. Отсюда необходимо, чтобы всё принадлежало единому

мирозданию. По этой причине могли полагать множество миров те, кто в качестве мировой причины полагал не какую-либо упорядочивающую мудрость, но случай; так, Демокрит утверждал, что из сталкивания атомов возник и этот мир, и другие бесчисленные миры.

♦ Ведь немыслимо, чтобы у великого множества различных предметов была одна форма, совершенно так же, как немыслимо, чтобы они имели единое бытие: ибо форма есть начало пребывания в бытии.

♦ Сущность есть в собственном смысле слова то, что выражается в дефиниции. Дефиниция же объемлет родовые, но не индивидуальные основания.

♦ Не форма определяется материей, но скорее материя формой; в форме надлежит искать основание, почему такова материя, а не наоборот.

♦ Сущее есть то, чему не противоречит существование.

♦ Всякий предмет может быть истинным постольку, поскольку имеет форму, соответствующую его природе, из чего с необходимостью следует, что интеллект, поскольку он познаёт, истинен в меру того, насколько он имеет подобие познанного предмета, которое есть его форма, коль скоро он есть интеллект познающий. И потому истина определяется как согласованность между интеллектом и вещью.

♦ Истина состоит в соответствии интеллекта и вещи, как то сказано выше. Но такой интеллект, который есть причина вещи, прилагается к вещи, как наугольник и мерило. Обратным образом обстоит дело с интеллектом, который получается от вещей. В самом деле, когда вещь есть мерило и наугольник интеллекта, истина состоит в том, чтобы интеллект соответствовал вещи, как то происходит в нас. Итак, в зависимости от того, что вещь есть и что она не есть, наше мнение истинно или ложно. Но когда интеллект есть мерило и наугольник вещей, истина состоит в том, чтобы вещь соответствовала интеллекту; так, о ремесленнике говорят, что он сделал истинную вещь, когда она отвечает правилам ремесла.

♦ Истина изменяется одним способом из-за того, что о той же вещи, обретающейся в том же состоянии, некто приобретает иное мнение; или другим способом, когда при неизменности мнения меняется вещь. И в обоих случаях происходит превращение истины в ложь.

♦ По закону своей природы человек приходит к умопостигаемому через чувственное, ибо всё наше познание берет свой исток в чувственных восприятиях. Отсюда следует, что бытие Божие, коль скоро оно не является самоочевидным, должно быть нам доказано через свои доступные нашему познанию следствия.

♦ Чувственное восприятие не схватывает сущности вещей, но только их внешние акциденции. Равным образом и представление схватывает всего лишь подобия тел. Лищь один интеллект схватывает сущность вещей.

♦ Существуют некие совершенно разумные субстанции, не нуждающиеся в обретении знания от чувственных вещей; стало быть, не все разумные субстанции соединены с телом, но некоторые отделены от тел, и их мы называем ангелами.

♦ Невозможно, чтобы интеллектуальное начало было телом. Язык больного, насыщенный холерической и горькой влагой, не воспринимает ни-

чего сладкого, но всё кажется ему горьким. Итак, если бы интеллектуальное начало имело в себе природу некоего тела, оно оказалось бы неспособным познать прочие тела.

♦ Невозможно и то, чтобы интеллектуальная деятельность осуществлялась через телесный орган, ибо в таком случае определенная природа этого органа воспрепятствовала бы познанию всех тел; так, если бы некоторый определенный цвет окрашивал не говорю уже зрачок, но хотя бы стеклянный сосуд, то налитая в сосуд влага представилась бы наделенной тем же цветом.

♦ Само интеллектуальное начало, которое именуется умом или интеллектом, осуществляет действование через себя самоё, и тело здесь не участвует. Но ничто не может действовать через себя само, если через себя самоё не оказывается самосущим. Ведь действовать может только актуально сущее; поэтому нечто действует таким же образом, каким и существует. Отсюда мы не говорим, что разогревает тепло, но говорим, что это делает теплый предмет. Остаётся вывод, что человеческая душа, именуемая интеллектом или умом, есть нечто бестелесное и самосущее.

♦ В интеллектуальном познании мы можем брать какую-либо вещь обобщенно, что превышает возможности ощущения. Между тем интеллекту ангелов свойственно познавать сущности, обретающиеся вне материи, что превышает естественную способность интеллекта человеческой души в статусе этой жизни, где она соединена с телом.

♦ Познание самого субстанциального бытия свойственно лишь интеллекту Бога и превышает возможности какого бы то ни было сотворенного интеллекта.

♦ Только в Боге интеллект есть его сущность; во всех прочих умопостигающих существах интеллект есть некоторая потенция умопостигающего лица.

♦ Подобно тому как познавательные формы цветов заключены в зрении, так и познавательные формы воображений находятся в возможностном интеллекте.

♦ Мышление есть деятельность целиком нематериальная.

♦ Если бы душа, как это уже неоднократно говорилось, была соединена с телом лишь в качестве его двигателя, было бы возможно утверждать, что она пребывает не в каждой части тела, но лишь в той, через которую она движет остальные. — ***Коль скоро, однако, душа соединяется с телом в качестве его формы, необходимо, чтобы она пребывала во всём теле в целом и в каждой его части.*** Ведь она не акцидентальная форма тела, но субстанциальная; субстанциальная же форма наделяет должной степенью совершенства не только целое, но и каждую из частей.

♦ Во второй книге «О душе» Аристотель уподобляет различные души геометрическим фигурам, из коих одна содержит в себе другую: так, пятиугольник включает в себя треугольник, однако сам выходит за пределы последнего. Подобным же образом умопостигающая душа виртуально содержит в себе всё, чем обладают и чувственная душа животного, и вегетативная душа растения. Следовательно, подобно тому как пятиугольная плоскость пятиугольна не потому, что имеет две фигуры одновременно — фигуру треугольника и фигуру пятиугольника (но фигура треугольника

излишня, коль скоро она уже присутствует в фигуре пятиугольника), точно так же Сократ не благодаря одной душе есть человек, а благодаря другой — животное, но он есть и то и другое благодаря одной и той же душе.

♦ Есть некоторые *отправления души, которые осуществляются без помощи телесных органов: таковы мышление и воление. И потому потенции, составляющие начало этих отправлений, имеют своим субстратом душу.* Однако есть и такие акты души, которые осуществляются через телесный орган, как-то: зрение — через глаз, а слух — через ухо. И таким образом обстоит дело *со всеми отправлениями чувственной и вегетативной частей души. И потому потенции, составляющие начала этих отправлений, имеют своим субстратом составленную из души и тела сущность, а не одну только душу.*

♦ Авиценна предположил бытие пятой потенции, занимающей среднее место между способностью суждений и способностью воображения: к этой потенции будто бы относится расчленение и сопоставление созерцаемых воображением форм, что происходит, например, когда мы, вообразив форму золота и форму горы, составляем из них единую форму золотой горы, которую мы никогда не видели. Но такое действование не наблюдается ни в одном живом существе, кроме человека; а последнему для этого достаточно способности воображения. Последней приписывает это действование также и Аверроэс в своей книге «О чувственном восприятии и его объектах».

♦ И потому *нет надобности допускать существование каких-либо внутренних способностей чувственной части души сверх следующих четырех: общее чувство, воображение, способность суждения, способность памяти.*

♦ Всеобщее словоупотребление, которому, как полагает Философ* («Топика», II, 1, 5, p. 109 A), дóлжно следовать при обозначении вещей, обычно требует, чтобы мудрыми именовались те, кто правильно упорядочивает вещи и хорошо ими распоряжается. Отсюда наряду с прочими представлениями, которые люди создают себе о мудреце, Философ приводит следующее: «Мудрому свойственно упорядочивать» («Метафизика», 1, 2, 3, p. 982 A).

♦ Благо, находимое искусством, не есть благо воли человека или его пожелательной способности (собственное его благо), но благо вещей самих по себе — вещей, сделанных искусным ремеслом. Вот почему искусство-ремесло не связано с правильностью пожелания.

4. МЫСЛИ

❑ Теология не следует другим наукам как высшим по отношению к ней, но прибегает к ним как к подчиненным ей служанкам.

❑ Наш разум находится по отнощению к потусторонним предметам как глаза совы по отношению к солнцу.

❑ Человек имеет свободу выбора, ибо в противном случае советы, увещания, назидания, награды и наказания были бы бессмысленны.

❑ Выбор зла не принадлежит к сущности свободной воли, поскольку последняя пребывает в сотворенном существе, способном на падение.

---

* То есть **Аристотель**.

- Нельзя желать того, что до этого не было познано.
- Когда несправедливое правление осуществляется многими лицами, это называется демократией; господство народа имеет место именно тогда, когда широкие массы благодаря своей силе и численному превосходству подавляют богатых. Тогда весь народ выступает как один единый тиран.
- Несовершенство выступает ранее того, что совершенно.
- Справедливость есть свойство души, руководствуясь которым люди неизменно и постоянно стремятся воздать каждому по праву его.
- Общение друзей не есть необходимость для человеческого счастья, поскольку человек имеет уже всю полноту своего совершенства в Боге.
- Блаженство и Бог — одно и то же.
- Бог вечен, а души́ не было раньше ее тела. Бог неизменяем, а в душе происходят изменения. Бог есть чистая деятельность, а душе свойственны страдания и деятельность, следовательно, душа не может быть частью божественной субстанции.
- Общие понятия, роды (universalia) существуют всюду и всегда. Цвет вообще выше отдельного цвета. Человечество выше человека. Свойство выше того, кто им обладает, святость выше отдельного святого, Бог выше всякого отдельного существа.
- Хотя Бог пребывает в себе самом нераздельно, всё же его дары, то есть его совершенства и силы, распределяются между отдельными созданиями и частично усваиваются ими по степени их восприимчивости.
- В природе находятся лишь следы, но не образ божества. Следы лишь показывают, что кто-то проходил, но не дают понятия о качествах его. Образ Бога находится лишь в разумном создании, в человеке.
- Только в забвении достоинства своего существа человек может прилепляться к вещам, недостойным Бога (то есть только Бог есть объект, достойный человека и соответствующий достоинству человека). И поэтому, чтобы доказать человеку достойнейшим образом, что только в Боге состоит полное блаженство человека, Бог непосредственно и воспринял человеческое естество.
- Бог именуется не-сущим не потому, что ему не хватает существования, а потому, что он возвышается над существующим.
- Как может настоящее счастье проистекать из богатства, если для приобретения богатства приходится претерпеть страдания? Если потеря богатства вызывает потрясение, а его изобилие приводит к безрассудству?
- Мы должны искренне любить других ради их собственного блага, а не ради нашего.
- Счастливому человеку нужны друзья... и не для того, чтобы извлекать из них пользу, ибо он и сам преуспевает, и не для того, чтобы восторгаться ими, ибо он владеет совершенными восторгами добродетельной жизни, но, собственно, для того, чтобы творить добрые дела для этих друзей, чтобы наслаждаться зрелищем друзей, творящих добро, и принимать от них помощь в собственных благодеяниях.

Петра́рка 66

XIV век

Франческо Петрарка

• Итальянский мыслитель, поэт

Родился: 20.07.1304 г.
Умер: 19.07.1374 г.

Прожил — 69 лет

> **«Авось меня как-нибудь потерпят среди живых, а когда я покину землю, мои писания, может быть, выйдут наружу и покажут, что я был учеником истины... И кто знает, не я ли сам с моей негодующей и не боящейся призраков душой проложу путь имеющим волю идти вперед?»**
>
> *(Петрарка)*

■ **«Я — пока еще один из многих, хоть и неотступно стараюсь всеми силами стать одним из немногих».** *(Петрарка)*

■ **«Мне достаёт заботы об одной своей душе; о, если б меня хватило хоть на это».** *(Петрарка)*

■ **«Не хочу вождя, который бы меня связывал или стеснял: вождь вождем, но пусть при мне останутся и глаза, и свое мнение, и свобода; пусть мне не мешают ни идти, куда хочу, ни оставлять кое-что без внимания, ни пытаться достичь недостижимого; пусть разрешат ходить и по кратчайшей и — если хватит терпения — по более ровной дороге, и спешить и медлить, и отклоняться с пути и возвращаться назад».** *(Петрарка)*

■ **«Кажется, один я, или по крайней мере первым во всей Италии, изменил стиль отцов в наших краях, стиль, изнеженный и расслабленный, вернув ему мужество и крепость».** *(Петрарка)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в тосканском городе Ареццо, где некоторое время жил его отец, по профессии нотариус, незадолго перед тем изгнанный из Флоренции.
• В 1312 г. семья переезжает в Авиньон, где с 1305 г. находился папский двор.
• Девятилетним мальчиком Петрарка на всю жизнь был очарован музыкой Цицеронова слова, услышанного им от своего учителя *Конвеневоле да Прато* в Карпантрасе:

♦ Какая ладность и звучность слов сама собой захватывала меня, так что всё другое, что я читал или слышал, казалось мне грубым и далеко не таким стройным!

• В 1326 – 1330 гг. Петрарка учится на юридических факультетах Монпелье и Болоньи. В Болонском университете он посещал занятия вместе со своим младшим братом Герардо (1307 – 1374):

/■■ Небольшой фрагмент из письма Петрарки к Герардо (1349 г.) дает крайне важное представление об одной интересной стороне этого периода:

«Ты помнишь, что́ это была за мания одевания и переодевания, ежеутренне и ежевечерне повторявшийся труд; что́ это был за страх, как бы прядка волос не выбилась из приданной ей формы, как бы порыв ветерка не спутал прилизанные и причесанные кудри; что́ это было за шараханье от встречных и настигающих четвероногих, чтобы случайные брызги не попали на чистую и надушенную тогу, чтобы не утратила она от толчков оттиснутые на ней складки... Что скажу о сапогах? По видимости защищая ноги, какой тяжкой и непрестанной они теснили их войной! Мои, честно сказать, они вовсе вывели бы из употребления, не решись я под давлением крайней необходимости лучше оскорбить немножечко чужие взоры, чем терзать собственные жилы и суставы. А щипцы для завивки и заботы о прическе? Сколько раз боль прерывала наш сон, и без того отложенный ради этих трудов! Какая пиратская пытка мучила бы нас жесточе, чем мы себя мучили собственными руками? Сколько раз, глядя поутру в зеркало, мы видели ночные рубцы на воспламененном лбу и, собравшись блеснуть волосами, вынуждены были теперь прятать лицо!.. Не говоря уж об этих мелочах... сколько трудов, сколько бессонных ночей мы с тобой положили на то, чтобы безумие наше стало широко известно и мы сделались бы притчей во языцех для многих людей! Как мы изворачивались, подгоняя слоги, переиначивая смыслы (sillaba contorsimus, verba transtulimus), да и чего только не делали, чтобы ко всеобщему одобрению воспеть любовь, которую стыд велел по крайней мере скрывать, раз уж нельзя было ее угасить!» ■/

• В 1326 г. Петрарка принял духовный сан..

• Учителями Петрарки были только древние авторы и отцы ранней церкви (Амвросий, Иероним, всего больше Августин).

• Одним из ближайших друзей Петрарки был музыкант Людовик де Беринген (ок. 1304 – 1361), по прозвищу Сократ, который с 1330 г. так же, как и Петрарка, капеллан домовой общины кардинала Джованни Колонна в Авиньоне:

/ «А тебя, мой Сократ, — пишет ему Петрарка 12 марта 1351 г., — тебя одного, на удивление потомкам, дала мне не авзонская земля, как остальных, а забытая Церерой, Бахусом и Минервой, зато плодовитая мужами Кампинская Нуния (чтобы какой-нибудь тёмный читатель не подумал здесь о Кампанье, скажу, что Кампиния есть часть нижней Германии, как теперь в просторечии неправильно называют

отдаленную область бельгийской Галлии, расположенную между левым берегом Рейна и Голландией с Брабантом), так что скудное отечество может хвалиться щедрым талантом, и природа осуществляет свое право из любой грязи и под любым небом взращивать великие души. Эта-то земля родила мне тебя, редкостного человека, произведя на свет в то самое время, когда в другом далеком краю родился я; но пускай твоя родина сделала тебя чужестранцем, природная мягкость души, долгое общение с нами, а главное, большая привязанность ко мне превратили тебя отчасти в итальянца. Удивительно при таком отстоянии мест рождения, какая между нами духовная близость, какое согласие воль, подтвержденное теперь опытом вот уже двадцати лет. Имя тебе досталось за положительность нравов и веселость: хотя от музыкального искусства, в котором царишь, ты заслуживал прозвища Аристоксена, победил приговор друзей, и ты стал называться нашим Сократом». /

• 6 апреля 1327 г. Петрарка встретил женщину, которая вошла в историю под именем Лауры. Кто была она, с достоверностью не известно. Но любовь Петрарки к ней прошла через всю его жизнь.

• Вдохновлённый своим романтическим чувством, Петрарка написал великолепные сонеты, которые не только вошли в общемировой золотой фонд «науки любви» и обессмертили донну Лауру, но и стали волнующим образцом для многочисленных последователей и подражателей «певца возвышенных страстей»:

♦ Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, —
Дум золотых о ней, единой, сплав!

Этот знаменитый LXI сонет (русский перевод сделан Вячеславом Ивановым) стал своего рода лирическим манифестом новой эпохи и именно так воспринимался современниками.

• Петрарка совершенно не приемлел учительскую профессию; ни разу в жизни он не прочитал ни одной лекции и весьма гордился, что по этой части превзошел Блаженного Августина, который, как известно, только в 33 года, по словам самого Аврелия, «тихонько отошел от этой работы языком на ярмарке болтовни».

• В 1330 г. Петрарка поступил на службу к кардиналу Джованни Колонна, что дало ему, сыну изгнанника, и определенное положение, и возможность играть заметную роль в жизни современного ему мира.

• В начале 1337 г. Петрарка впервые посетил Рим:

♦ Рим показался мне еще более великим, чем я предполагал, особенно великими показались мне его развалины.

• 1 сентября 1340 г. Петрарка получил сразу два предложения венчаться лаврами первого поэта — от Парижского университета и из Рима. Предпочтение было отдано Риму. В апреле 1341 г. Петрарка был увенчан лаврами на Капитолии.

• С 1337 по 1353 г. Петрарка жил неподалёку от Авиньона, в Воклюзе. Здесь и в это время его еще больше, чем поэзия, занимает наука о древности и о свойственной греко-римской древности **человечности**:

/ Некоторое время спустя наука эта будет названа studia humanitatis, и знание ее станет в Европе обязательным для всякого образованного человека. /

• Петрарка был свидетелем страшной чумы, сгубившей на его глазах треть населения Европы (только в Сиене и Пизе в 1348 г. умерло больще половины жителей).

• В 60 – 70-е гг. Петрарку связывали дружеские чувства с Джованни Боккаччо (1313 – 1375) и Колюччо Салютати (1331 – 1406) — тоже мыслителями, людьми творческими, личностями цельными, заметными, интересными:

✓ Пора оставить тщетные усилья,
Уразуметь, как это ни жестоко,
Что рвением талант не заменить.

(Джованни Боккаччо)

✓ «Философия никого не унижает и не возвышает; всем она одинаково светит».

(Колюччо Салютати)

• Петрарка был почетным гостем Венецианской республики. В решении Больщого совета Венеции от 4 сентября 1362 г., когда республика приняла его план устроения публичной библиотеки, говорилось, что «на человеческой памяти не было в христианском мире философа или поэта, которого можно было бы сравнить с ним».

• В 1351 г. флорентийская коммуна направила к Петрарке Джованни Боккаччо с официальным посланием, приглащавшим поэта вернуться в город, из которого были изгнаны его родители, и возглавить специально для него созданную университетскую кафедру. Петрарка сделал вид, что польщён, однако в 1353 г., покинув Воклюз и вернувщись в Италию, он поселился не в республиканской Флоренции, а в Милане.

• Летом 1356 г. Петрарка был с посольством к Карлу IV (годы правления: 1347 – 1378) от государя Милана Галеаццо Висконти.

• Приходится отмечать и то, что Петрарка не смог достойно воспитать своего сына Джованни (1337 – 1361), о котором очень заботился, и потому, разрывая с ним отношения, в сердцах написал в последнем письме к своему непутевому отпрыску: «Знаю, что́ тебя погубило: моя беспечная благосклонность».

• Весной 1362 г. Петрарка, «уставший от мира, уставший от людей, уставший от дел, уставший до крайности от самого себя», отправился было

из Милана в Прагу, следуя троекратному приглашению Карла IV, но по дороге, задержанный хозяйничавшими в Ломбардии отрядами наемников, повернул в Венецию, где и поселился.

• **«Я хочу, чтобы смерть застала меня или молящимся, или пишущим»**, — обмолвился как-то Петрарка. Так оно и случилось. Умер Петрарка в Аркве, в ночь на 19 июля 1374 г., не дожив всего лишь одного дня до своего семидесятилетия.

• **Сочинения Петрарки:**

«Филология» (комедия, написана между 1326 – 1336 гг.);

«Канцоньере» (то есть книга стихов и песен, составлена в 1336 – 1358 гг., здесь 215 стихотворений);

«О знаменитых людях» (1338 – 1358);

«Африка» (1339 – 1341):

/ Неоконченная героическая поэма. Только единожды прижизненно был обнародован отрывок из нее, первые два стиха, так называемая «Жалоба Магона». /;

«Тайна» (1342 – 1343):

/ Это диалогизированная исповедь. Особенно важны в «Тайне» рассуждения о любви. Они предваряют весь европейский петраркизм. Здесь один из собеседников, Франциск, бескомпромиссно порывает с Августином. Осудить можно только страсть к «развратной женщине», но любить «редкий образец добродетели» — это «едва ли не величайшее счастье». На доводы Августина Франциск отвечает гуманистическим афоризмом: «Нас сбивает с пути то, что мы упрямо держимся стародавних мнений и с трудом отрываемся от них».

Петрарка «открыл» и ввел в европейскую поэзию новое понимание любви. Любовь — это всеохватывающее чувство, естественно, по-земному, и очень по-человечески идеализирующее свой объект. Земная любовь, даже будучи неразделенной, порождает в человеке не только печаль, но и радостные токи, потому что благородная влюбленность восполняюще насыщает признательную тягу к жизни и ко всему земному. Она исполнена полноценных переживаний и позволяет человеку лучше осознать себя, почувствовать в себе волны очищающего обновления. /;

«О тайном борении многих забот, или О презрении к миру» (1343);

«Об уединенной жизни» (1346);

«О монашеском досуге» (1347);

«Стихотворные послания» (1350 – 1352):

/ Здесь 64 эпистолы разбиты на 3 книги. /;

«Лекарства от превратностей судьбы» (1354 – 1366):

/ Здесь 253 диалогических фрагмента. /;

«Четыре инвективы против врача» (1355):

/ Инвектива [*лат.* invektiva oratio — бранная речь] — резкое выступление против кого-либо, чего-либо; оскорбительная речь; брань; выпад; отповедь./;

«Старческие письма» (1361);

«На жизнь донны Лауры»
«На смерть донны Лауры» } (1342 – 1374):

/ 366 стихотворений, 9 редакций стихов. /;

«Триумфы» (неоконченная поэма);

«Книги достопамятных вещей»;

«Сонеты»;

«Книга писем о делах повседневных» (1470):

/ Найдя летом 1345 г. в епископальной библиотеке города Вероны собрание Цицероновых писем, по примеру величайшего прозаика Рима, передавшего векам свои живые чувства, наблюдения, мысли, Петрарка тогда же решает из накопившейся и будущей у него переписки создать книгу, в которой тоже день за днем отложилась бы его жизнь. Петрарка добился своего. Свод из 350 писем, коррелируя с числом стихотворений в «Книге песен», стал его писательским и философским триумфом. /

• В завещании 1362 г. Петрарка дарил свои книги Венецианской республике с условием, что они станут основой охраняемой и пополняемой государством «публичной библиотеки».

• ◐ Классификационно Франческо Петрарка с полным правом может быть определен как ***философ самокопательской аналитики***, с той разновидностью, что вариации и зигзаги, случавшиеся с самим Петраркой, **удивительно, непроизвольно и всегда** становятся смыслоузнавательной *подсветкой* для обобщающих утверждений почти общечеловеческого уровня и всевременнóго звучания. ◑

2. СУДЬБА

► **Франческо Петрарка:**

● «Почти вся моя жизнь прошла в скитаниях. Я сравниваю свои блуждания с Одиссеевыми; будь блеск имени и подвигов одинаковым, его странствия не оказались бы ни дольше, ни длиннее моих. Он ушел из стен отечества уже пожилым, а хоть ничто ни в каком возрасте не продолжительно, в старости всё делается особенно коротким. Я, родившись в семье изгнанников, в изгнании появился на свет — с такими муками для матери и с такой опасностью, что не только повивальные бабки, но и врачи долго считали меня бездыханным; так мои тревоги начались еще прежде моего рождения, и на самый порог жизни я пришел под крылом смерти. Об этом помнит небесславный город Италии Ареццо, где вместе со многими достойными людьми нашел себе прибежище мой лишенный отечества отец. Оттуда я был увезен на седьмом месяце жизни и носим по всей Тоскане десницею одного крепкого молодца, который, обернув меня в плат, словно Метаб Камиллу, и подвесив на суковатую дубину, таскал в таком положении, чтобы не помять младенческое тело. При переходе через реку Арно он свалился с лошади и сам чуть не погиб в сильном водовороте, спасая доверенную ему ношу. Конец тосканских блужданий, Пиза; оттуда снова семи лет от роду я был отторжен и морским путем вывезен в Галлию, причем недалеко от Марселя под налетевшим студеным северным ветром пережил кораблекрушение и едва не был отозван назад от самого порога молодой жизни. Не

удивительно, что с тех пор до сего дня у меня или совсем не было возможности осесть или передохнуть, или она крайне редко выдавалась; и сколько среди скитаний я пережил опасностей и тревог, никто лучше меня не знает. Мне захотелось вспомнить об этом ради напоминания всем, кто меня сейчас читает, что я среди тревог родился и среди тревог состарился».

● «Добрую часть своего времени я проводил в служении государям. Чтобы впредь здесь не гадать, знайте истину. Называлось, что я был с государями; на деле, однако́, государи были со мной. Их советы меня не связывали никогда, их общение — очень редко. Никто не сможет доказать, что я когда-либо был в положении, хоть чуть стеснявшем мою свободу и мои занятия; когда все тянулись во дворец, я уходил в рощи или спокойно сидел среди книг в своей келье. Если скажу: «не потерял ни дня» — скажу ложь; много дней потерял — о, лишь бы не все! — из-за ленивой косности, из-за болезней, из-за приступов сердечной тоски, совершенно избегнуть которых не удается ни одной душе. Сколько потерял по велению государей — тоже не секрет, потому что и я вместе с Сенекой веду счет растратам. Однажды был послан в Венецию по делам восстановления мира между этим городом и Генуей и провел там один зимний месяц целиком. Потом — к римскому цезарю, который на краю варварских земель лелеет — верней мне было бы сказать, хоронит — увы, рухнувшую надежду на империю; три летних месяца. Наконец — с поздравлениями к королю франков Иоанну, освободившемуся тогда из британской тюрьмы; еще три зимних месяца. Хотя в этих трех поездках я постоянно был занят в душе привычными заботами, но, поскольку не получалось ни писать, ни затверживать продуманное в памяти, я называю их потерянным временем. Так вот, семь месяцев я растратил на служение государям; не скрою, потеря огромная для нашей коротенькой жизни, но как бы не оказалась огромней та, на которую толкали меня юношеское тщеславие и ненужные занятия».

➨ Петрарка познал радость настоящего признания, когда флорентийские приоры, решив возвысить свой край над всей Италией и поощряя расцвет словесности и искусства, обратились к мыслителю (это было осуществлено через Боккаччо) с письмом, где говорилось об «отеческой нежности» к нему соотечественников и о том, что ему будет немедленно возвращено имущество, конфискованное некогда у его отца, лишь бы Петрарка соблаговолил вернуться на родину, избрав любую книгу для публичного комментирования: «Твоя родина заклинает тебя всем самым святым, всеми правами, которые она на тебя имеет, чтобы ты посвятил ей свое время».

➨ После кончины Петрарки Боккаччо писал зятю покойного мыслителя и поэта:

«Я прошу Вас сообщить мне, что стало с драгоценной библиотекой этого знаменитого человека: об этом толкуют здесь по-разному. Больше всего меня интересуют его собственные труды, и особенно «Африка», которую я считаю божественной поэмой. Не предал ли он их огню, как часто угрожал, из-за излишней скромности и суровости по отношению к

своим сочинениям? Говорят, что некие люди собрались, дабы рассмотреть их и решить их судьбу. Какой смертный осмелится осудить то, что одобрил мой учитель? Я боюсь, как бы эта комиссия не была доверена юристам, которые думают, что, изучив законы, они тем самым узнали всё. Сохрани, Боже, стихи нашего маэстро! Говорят, что доктора велели сжечь его «Триумфы»... Я в ужасе. У образованности нет бóльших врагов, чем невежды... Будьте начеку. Это было бы такой потерей для итальянской словесности».

► Анонимный биограф Леона Баттисты Альберти рассказывает, что гуманиста «не могли оторвать от книг ни голод, ни сон; но всё же иногда самые буквы начинали извиваться перед его глазами, подобно скорпионам». Альберти занимался в юности, как и подобает «универсальному человеку», всеми видами физических упражнений, был ловок и силен, способен, если верить биографу, забросить яблоко выше Флорентийского собора, но это не спасло его от переутомления при изучении права. Во время болезни он ради утешения и отдыха написал комедию о любителе учености («Филодоксеос»), а затем опять погрузился в книги. Результатом было новое тяжкое нервное истощение. Биограф обстоятельно описывает симптомы: головокружения, забывание имен близких, колики в желудке и шум в ушах.

Нечто подобное было и с Петраркой. «Эта неистовая страсть к знанию, это ученое подвижничество, — пишет знаток и исследователь итальянского Возрождения Л. М. Баткин в книге «Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления», — составляли не личное свойство Альберти, а родовой признак гуманистов».

► На судьбе Петрарки сказался его порыв, когда поэт поддержал Кола ди Риенцо (1313 – 1354), сына хозяина постоялого двора и прачки, но сумевшего получить юридическое и классическое образование. В 1347 г. Риенцо, завоевав популярность римского народа настойчивыми просьбами к папе возвратиться из Авиньона в вечный город, захватил власть в Риме. Через три года он был низложен, а римская курия не простила Петрарке его приверженность народному трибуну и тех эпитетов, которыми он его именовал, — «освободитель Рима», «третий Брут».

∇ ◐ Вот уж ничего не скажешь, прав поэт Стаций: «Порыв — дурной распорядитель». ◑

► В 1452 г. некто Стефано Поркари повторил в Риме попытку покончить с коррупцией духовенства, вернуться к доблестному «прежнему образу государственной жизни» и «основать отечество» (заговор был раскрыт и подавлен); «вдохновлялся он, — пишет Макиавелли, — стихами Петрарки из канцоны, начинающейся словами «Высокий дух, царящий в этом теле»... Мессер Стефано знал, что поэты нередко одержимы бывают духом божественным и пророческим, и вообразил он, что предсказанное в этой канцоне Петраркой должно обязательно осуществиться...

► **Франческо Петрарка:**

«Мне легче пересчесть морской песок и небесные звезды, чем все препятствия, какие ставит завидующая моим трудам фортуна». (1348 г.)

3. УЧЕНИЕ

♦ Брат мой... Единственно о чем скорблю, о чем плачу, о чем жалею, — это что при одних и тех же родителях не одни и те же звезды сопутствовали нашему появлению на свет. Мы слишком непохожи друг на друга, брат, слишком разные создания произведены одним и тем же чревом. Невольно понимаешь, что всё в нас — дар не смертных родителей, но вечного Отца. В самом деле, что дает отец, кроме низменного семени? Что мать, кроме тёмной обители? Бог дает душу, Бог — жизнь, Бог — разум, Бог — стремление к благу, Бог — свободу воли; всё, что есть чистого, святого, благочестивого, возвышенного в человеческой природе, всё от него.

♦ Ни один разумный человек не станет жаловаться на то, на что жалуется весь мир: каждому довольно своих личных бед. «Довольно», — сказал я, а надо бы сказать — «с избытком». Неужели ты думаешь, что ни с кем никогда не случалось такого, как с тобой? Ошибаешься: почти ни с кем не бывало иначе. Едва ли чьи писания или подвиги находили одобрение при жизни их автора или свершителя; человеческая слава начинается после смерти. Знаешь почему? Потому что вместе с телом живет и вместе с телом умирает зависть.

♦ В са́мом деле, посмотри сперва, кому принадлежат хвалимые сочинения, отыщи авторов — они давно истлели в земле. Хочешь, чтобы хвалили и твои? Умри! Со смерти человека начинается людская благосклонность, и конец жизни — начало славы; если она началась раньше, это необычайно и несвоевременно. Скажу больше: пока кто-то еще остался на свете из знавших тебя, ты тоже не достигнешь желаемого вполне; всех вместе должна поглотить могила, чтобы пришли люди, способные судить без ненависти и злобы. Так что пусть нынешний век выносит о нас какое угодно суждение...

♦ Не переносит превосходства одного или немногих над собой только тот, кто упрямым умом постановил самолично первенствовать в славе. Как во всём прочем, сноси свою участь и в том, что касается таланта и известности. Думаешь, фортуна распоряжается только достатком? Она госпожа всего в человеке, кроме добродетели; с ней нам дано часто бороться, никогда — справиться. Уж славой-то, са́мой воздушной вещью на свете, она легко вертит и крутит с помощью ветреных мнений, от достойных гоня ее к недостойным: нет ничего переменчивей, нет ничего несправедливей суждения толпы, а на нем держится слава, и неудивительно, что она постоянно сотрясается, держась на столь шатком основании. Разумеется, фортуна властна только над живыми; смерть избавляет человека от ее власти, с кончиной ее шутки кончаются и, хочет она или нет, слава начинает следовать за добродетелью, словно тень за непризрачным телом.

♦ По-моему, больше разборчивости и искусства в том, чтобы, подражая пчелам, передавать суждения других людей своими словами. Опять же у нас должен быть не стиль того или другого автора, а единственно наш стиль, сплавленный из многих; и плодотворней не собирать наподобие пчел без разбора всё подряд, а следовать примеру тех червячков немного крупнее пчелы, что добывают шелковую ткань из собственного чрева, то есть извлекать мысль и слово из самих себя.

♦ Любить и одобрять философские школы позволительно, но когда они не чураются истины, когда не отвращают нас от нашей главной цели; если в чём-то они это попытаются сделать, будь то Платон, Аристотель, Варрон или Цицерон, их надо с благородной непреклонностью презреть и растоптать. Пусть нас не смущает никакая тонкость рассуждений, никакая вкрадчивость слов, никакая весомость имен: они были люди, и познанием вещей умудренные, насколько это доступно человеческой проницательности, и речью блестящие, и природным умом одаренные, но несчастные от незнания невыразимой высшей цели; доверяя собственным силам и не доискиваясь истинного света, они часто падали, словно слепые, часто спотыкались о камни. Будем поэтому, восхищаясь их гением, преклоняться перед сотворителем гения; будем сочувствовать их заблуждениям, благодаря Бога за дарованную нам благодать и сознавая, что по милости, без всякой заслуги мы удостоены великой чести и вознесены на бóльшую высоту Тем, кто пожелал утаить свои глубины от мудрых и разумных и открыть их младенцам. Будем, наконец, философствовать так, как велит само имя философии, то есть любить мудрость; но истинная премудрость божия — Христос, и чтобы истинно философствовать, Его надо выше всего любить и им жить. Чтобы стать всем, будем прежде всего христианами; философию, поэзию, историю будем читать так, чтобы всегда для слуха нашего сердца звучало Христово Евангелие: им одним мы достаточно мудры и счастливы, без него чем больше узнáем, тем неучёней и несчастней станем; с ним, словно с надоблачной вершиной истины, надо соотносить всё, на нем, словно на едином непоколебимом основании истинного знания, человек может строить уверенно, и, трудолюбиво возводя на нем здание новых не противоположных ему учений, мы не заслужим ни малейшего упрека, пусть даже, пожалуй, очень мало что прибавим к главной сути дела, а больше потрудимся ради утешения души, по крайней мере, и более облагороженного образа жизни.

♦ Вот что, признаться, меня поражает — взаимный раздор между стремлениями одного и того же человека! В самом деле, кто из нас, скажите, хочет стариком того же, чего хотел молодым? Зачем далеко ходить: кто из нас хочет одного и того же летом и зимой? Нет, всё еще не то думал сказать: кто из нас хочет одного и того же сегодня и вчера, кто хочет вечером того, чего хотел утром? День тоже ведь дробится на часы, часы на минуты, и у человека вы найдете больше воль, чем минут. Этому вот крайне дивлюсь. Еще больше дивлюсь тому, что люди этому не дивятся!

♦ Попробую убедить тебя в том, в чём, надеюсь, уже убедил сам себя. Сделай то, что делают чистоплотные люди, и не только люди, а даже иные чистые животные, враги грязи: когда, выйдя из норок, они замечают, что место вокруг усеяно нечистотами, они поворачивают назад и прячутся в своем убежище. Ты тоже, не находя во всей земле места для покоя и утешения, вернись за порог своей кельи и сосредоточься в самом себе; сам с собой размышляй, сам с собой беседуй, сам с собой молчи, сам с собой ходи, сам с собой живи и не бойся одиночества, оставаясь наедине с собой, ведь если не сможешь оставаться наедине с собой, то даже среди людей останешься один.

♦ Бывает ли в делах человеческих хоть что-нибудь настолько благоразумное и осмотрительное, чтобы не оставить лазейки для брани и нападок? Покажи хоть одного, кто избавлен от этой чумы! Самого Христа опозорили и в конце концов погубили те, кого он пришел спасти; мы еще хорошо отделались, если без топора над головой, без боязни плетей терпим словесные наскоки. Если только не предположить, что древние лучше умели язвить, никогда не было эпохи наглее нашей. Расскажу тебе одну из известных в народе басен, какими старухи коротают у огня зимние ночи. Старик и сын-подросток шли куда-то, имея на двоих одного, да и то небольшого, ослика, на котором по очереди облегчали себе тяжесть пути. Когда поехал родитель, а мальчик шел следом, встречные стали насмехаться: «Вот дышащий на ладан и бесполезный старик, ублажая себя, губит красивого мальчугана». Слез старик и поднял упирающегося сына вместо себя на седло. Встречная толпа зашепталась: «Вот ленивый и крепкий мальчишка, потакая своей испорченности, убивает дряхлого отца». Покраснев, тот заставляет отца подсесть к себе, и одно четвероногое везет обоих. Но громче ропот прохожих и возмущение: малое животное задавлено двумя большими! Что делать? Одинаково расстроенные, оба сходят и на своих ногах поспешают за идущим налегке ослом. Однако насмешки жесточе и смех наглей: двое-де ослов, желая поберечь третьего, не берегут себя. «Замечаешь, сын мой, — говорит тогда отец, — что не выходит сделать так, чтобы одобрили все? Давай вернемся к тому, что было у нас принято в самом начале, а они пускай продолжают говорить и браниться, как принято у них».

∇ ◐ Как правильнее определить то, на что обращает наше внимание Петрарка? Может быть, надо поступить твердо и без обиняков и экивоков сформулировать так: да, действительно, в делах людских всегда есть место двум *вечным* законам — «закону злословья» и «закону неистребимости упрёков»? ◑

♦ В любом возрасте, как только человек способен мыслить и судить, есть место для добродетели и порока, для славы и позора. Вот уж действительно: как осени самой по себе еще мало для урожая, но если позаботиться обо всём летом, она будет далеко не неприятным временем года, так старость, венчающая долгие годы безволья, будет и нищей, и тоскливой, и бесплодной, и бесполезной частью жизни, но если та же старость была заботливо подкреплена в молодости упорными занятиями, она и богата, и плодовита добрыми искусствами, и полезна, и радостна.

♦ Тягостно бремя богатства, ценное больше в глазах заблудшей толпы, чем для просвещенных людей, блестяща, но давит золотая цепь; высокая ступенька удачи всего ближе к пропасти, власть среди людей есть не что иное, как явное и намеренно избранное несчастье, путь жизни в верхах — не что иное, как громкая и яркая буря, исход — только крушение; меч колет не менее остро, если его рукоять украшена яшмой, и силки затягиваются не хуже, если их петли сделаны из драгоценного шелка; отечество человеку — всякий уголок земли, изгнание — только там, где его устроит ему собственное нетерпение; когда ум начинает упиваться небесными вещами, ему везде изгнание, пока он не достиг-

нет того, о чем воздыхает; мудрый несет всё свое добро с собой, куда бы ни пошел, и никакое потопление караванов, никакой пожар и грабеж ему не грозят; так называемая бедность есть облегчение от тревог и борьбы, так называемое изгнание есть бегство от бесчисленных забот; смерть для добродетельного и конец мучений и начало блаженного покоя. Есть тысячи подобных истин, и хоть толпе они кажутся по большей части легкомысленным чудачеством, для просвещенных и опытных нет ничего более истинного, ничего более достоверного.

♦ Есть одна вещь — мне прежде, признаться, неизвестная, да и теперь еще удивительная и поражающая, — без упоминания о которой я решил не оставлять ни тебя, ни это письмо. Вот она: всех нас, пишущих что-то новое, чаще вводит в заблуждение и привычней обманывает в самом действии писания то, что́ мы лучше изучили; наоборот, достовернее мы знаем то, что медлительней запоминали. «Что еще такое? — скажешь ты. — Разве ты не видишь, что говоришь взаимоисключающие вещи? Не могут две противоположности быть одновременно верны, а как у тебя получается, что вполне познанное мы знаем меньше, а ленивей усвоенное помним тверже? Что за Сфинкс, что за загадка?» Скажу. Бывает ведь и в других вещах подобное, когда у хозяина не оказывается под рукой того, что он старательно запрятал, или когда глубже закопанное трудней откопать. Правда, всё это из области телесного, так что я не совсем то́ хотел сказать. Чтобы не раздражать тебя дальше неясностью, приведу пример. Я прочел что-то однажды у Энния, у Плавта, у Феликса Капеллы, у Апулея; читал спешно, бегло, задерживаясь не больше, чем приходится в чужих пределах; мимоходом случается много увидеть, мало что взять, еще меньше сохранить, да и то как общее достояние, открыто лежащее, так сказать, на переднем дворе памяти, поэтому всякий раз, как приходится услышать или сказать такое, сразу знаешь, что добро не твое, и не заблуждаешься насчет его принадлежности: получил от другого, владею как чужим. Прочел что-то у Вергилия, у Флакка, у Северина, у Туллия; читал не единожды, а тысячекратно, и не бегло, а прилежно, вдумываясь всей силой ума: что вобрал утром, переваривал вечером, что проглотил юношей, пережевывал, повзрослев. Все подобные вещи засели во мне так глубоко, причем не только в памяти, но проникли до мозга костей и стали одним целым с моим сознанием, что перестань я даже на всю остальную жизнь читать, они всё равно никуда не уйдут, пустив корни в сокровенной части души; но между тем я забываю автора, потому что от долгой привычки и давнего владения словно отчуждаю его добро и считаю его своим! Заваленный грудой таких приобретений, я не помню как следует ни чьи они, ни даже что они чужие. Вот я и говорю, что более знакомое скорей обманывает: когда такие вещи обычным образом всплывают в памяти, иногда случается, что увлеченному и безраздельно захваченному чем-то одним уму они предстают не просто своими, но, что удивительно, новыми изобретениями!

♦ Мы непрестанно умираем, я — пока это пишу, ты — пока будешь читать, другие — пока будут слушать или пока будут не слушать; я тоже буду умирать, пока ты будешь это читать, ты умираешь, пока я это пишу,

мы оба умираем, все умираем, всегда умираем, никогда не живем, пока находимся здесь, кроме как если прокладываем себе добрыми делами путь к настоящей жизни, где, наоборот, никто не умирает, живут все и живут всегда, где однажды понравившееся нравится всегда и его несказанной и неисчерпаемой сладости ни меры не вообразить, ни изменения не ощутить, ни конца не приходится бояться.

♦ Бывает, считают, что нужность искусств — доказательство их благородства. Но это вовсе не так, и дело обстоит совсем наоборот, иначе благороднейшим из художников был бы землепашец, в чести были бы сапожник, булочник и ты, если бы перестал губить жизни. Упаси Господь! Никакая необходимость не прибавит вам цены, никакая необходимость не выведет из числа ремесленников. Не знаете разве, что самая черновая хозяйственная работа часто всего нужней? Как нужны и как непочтенны горшечник и шерстобит! Толпа скорей обойдется без философских школ и без воинского великолепия, чем без мясного рынка и бань. Подите, старцы диалектики, доказывайте благородство через необходимость, если вам угодно — или передумали? — в вещах, лишенных жизни, чувства и разума; испытайте здесь силу своего искусства! Осел нужней льва, курица нужней орла — значит, они благородней; смоква нужней лавра, мельничный жернов нужней яшмы — значит, они выше! Дурно заключаете, ложно судите, вздор говорите...

♦ Разве Аристотель и сиятельнейший Платон не могли бы говорить яснее? Уж молчу об остальных, и прежде всего о Гераклите, получившем прозвище Тёмного. А само слово Божие, которое ты хоть и ненавидишь, но открыто оклеветать из страха костра не осмелишься? Как часто оно темно и запутанно, хоть произнесено Духом, создавшим и людей и мир и сумевшим бы при желании и новые слова найти, и среди найденных воспользоваться более ясными! Августин своим умом, позволившим ему без учителя усвоить и многие науки и учение философов о десяти категориях, не мог, как сам признаётся, понять начало Исайи. Отчего это? Неужели скажешь, что Святой Дух не помогает, а завидует читателям? Об этой темноте Августин говорит в той же книге о граде Божием: «Темнота божественной речи полезна и потому, что порождает и производит на свет знания много истинных суждений, когда один понимает ее так, другой иначе». То же в толковании на Псалом 126: «Это изложено иногда с некоторой темнотой для того, чтобы породить много пониманий и чтобы люди оказались богаче, встретив предложение, истолковываемое многими способами, чем найдя только одно истолкование». То же в толковании на Псалом 144, когда он замечает о Священном Писании: «Искажения здесь никакого нет, но есть нечто тёмное — не чтобы закрыть тебе доступ, а чтобы обострить понимание». И немного спустя: «Не хочу восставать против темноты и говорить: было бы лучше, если бы было сказано таким-то образом; ведь разве можешь ты сказать или рассудить, как следовало сказать?» Ему вторит Григорий в толковании на Иезекииля: «Огромная польза от темноты слова Божия, оно упражняет разум, расширяя его усилием, а упражнение помогает схватить то, чего не схватывает праздный ум. Тут еще и что-то более важное, потому что, если бы

смысл Священного Писания повсюду лежал открытым, он опошлился бы, тогда как в некоторых более тёмных местах обнаружение его тем больше услаждает и питает, чем большего труда стоило уму его найти».

♦ Не только обо мне речь. Всякий, кто пытается выйти из общего стада, становится общественным врагом. Почему, скажите на милость?

∇ ◐ Что будет, если кирпич захочет «выйти» из стены? Она рухнет. Что будет, если магнит захочет «выйти» из коробки с железными опилками, где он до того лежал? Они потянутся за ним. Все эти примеры говорят о значимости *«выходящего»* для той среды, в которой он находился. Петрарка сдвигает акцент восприятия в сторону своего почувствования отношения к нему. Но разве так называемое «стадо» *не вправе* обезопасивать себя от всплесков и потрясений, которые отдельные личности (даже если они — «Петрарки»), не всегда всё взвесив достаточно полно и основательно, дарят окружающим? ◑

♦ Для желающих спрятаться свет тем тягостней и неприятней, чем ближе? Хочешь, покажу это тебе с ясностью солнца?

Подумай, сколько раз на нашей памяти, на памяти отцов и дедов вынужденные вести жесточайшие войны, всегда имея у себя дома отважных и прекрасно обученных военачальников, они шли за предводителями то в цизальпийскую Галлию, то в Пиценскую землю и предпочитали разгром под чужим водительством, только бы не триумф со своими полководцами: так стыдно получить победу от вождя-соотечественника, что они лучше отдадут ее врагу, чем позволят своему согражданину вырвать у врага славу. Тут или желчная зависть, или происходящий от нее страх — страх, что доблесть великих людей, сияя в выдающихся деяниях, явит соседствующую с ним косность.

♦ ◐ Любопытная вещь! Но это ведь и вправду интересно. Петрарка рассказывает о... (пусть наше название будет *беглым* и «проходным»)... о **«феномене предсмертности»** ◑:

Я много мог бы тут пересказать из философов и из истории, но лучше расскажу о том, в чем не могу ошибиться, потому что видел собственными глазами и слышал собственными ушами. Это был один из тех, с кем я бежал часть трудного, хоть и краткого поприща этой жизни; обстоятельства сложились так, что я провел в его близости много лет. За всё это время, насколько я мог слышать, у него никогда или почти никогда не вырывалось слова, которое не было бы своевольным, безрассудным, самоуверенным, недружелюбным, заносчивым, буйным; все его речи были чистый вызов и скандал, и не случайно — вся его жизнь была такой. И голос был подобающий; ты сказал бы, что это кабан ярится или медведь ревет, а не человек говорит. Наконец за ним пришла та, которая ни одного человека не минует и которая, думаю, заставила бы моих судий, будь они осмотрительней, тревожиться не о моем стиле, а о своей кончине. Мы все сбежались и из сострадания, и чтобы посмотреть, как будет умирать человек такой жизни. Почувствовав близость смерти, он — слушай и удивляйся — сразу изменился лицом, жестами, голосом и стал говорить такое, так себя бранить, так увещевать и предостерегать то нас всех, то каждого в отдель-

ности, не прерывая этих жалостных речей почти до последнего вздоха, что и меня, никогда не одобрявшего и не любившего нравы этого человека, и, думаю, остальных присутствующих тоже оставил с вечной и доброй памятью о себе. А король сицилийский — Роберт? Хотя в своих делах и словах он сохранил при смерти облик всей своей жизни, однако перед кончиной произнес нечто еще более славное и высокое; это была божественная лебединая песнь философа и короля. Он так ясно представил слушающим близкую беду и все превратности королевства, словно то, что ожидало всех, стояло у него перед глазами.

♦ И пусть нас не тревожит та избитая и общеизвестная истина, что нельзя ни сделать, ни сказать ничего нового. С тех пор как Соломон и Теренций это написали, до чего прояснилась философия, до чего усовершенствовалась поэзия, сколько света пролито на историю, сколько изобретено искусств, сколько законов принято разными народами! Как утончилась человеческая жизнь! Сколько прибавилось опыта! Как возросло познание Бога! Нет настолько отделанной, настолько законченной вещи, чтобы к ней ничего нельзя было прибавить. Как для больного наслаждение подняться с постели и расправить члены, так для сильного и здорового духа питание — труд.

♦ Мне небезызвестны раны Италии, от которых она страдает и теперь, и исстари; она уже окаменела ко злу, и бесчисленные шрамы зарубцевались мозолью, — впрочем, не одна ведь Италия, а весь круг земель с самого начала времен терпит несчетные беды. Что, в самом деле, иное вся наша краткая жизнь, как не затяжная смерть? Что иное земная обитель, как не гнетущий позор рабства, тюрьма и вечно мрачный дом скорби? Всё знаю; и всё-таки одно дело неприятель, и совсем другое — осада, жернова, гнет, пожар, грабительство пороков. Внешний враг иногда отсутствует и сам устает, удручая другого; в конце концов, всякое нападение людей кратко, и ни одна война смертных не бессмертна... Пороки возрастают со временем, крепнут по мере совершения ими своих действий и вредят тем больше, чем больше уже навредили...

♦ Мир гибнет, и осталось утешаться разве только тем, что не пришлось родиться позже, когда его состояние будет хуже.

♦ Я принимаю скромные правила платоновской Академии: следовать правдоподобному, когда истина недостижима, ничего поспешно не осуждать, ничего назойливо не утверждать.

♦ Гомер и Вергилий изобразили войну богов друг с другом; в Афинах Гомера из-за этого считали безумным. Думаю, так считала толпа; мудрые понимают, что, если богов много, между ними будут и раздоры, и войны и при победе одного другой обязательно окажется побежденным, — а тогда он и не бессмертный, и не всемогущий, и, следовательно, вовсе не бог; значит, Бог один, а не много богов и толпа заблуждается.

♦ Всякий век должен довольствоваться своими талантами.

♦ Чрезмерное усердие часто мешает успеху, и крайнее напряжение воли вредит исполнению.

♦ Всякий скорее извинит себя, чем другого, и, наоборот, каждый скорее утешит другого, чем себя.

♦ Добиваться власти для спокойствия и безопасности — значит взбираться на вулкан для того, чтобы укрыться от бури.

4. МЫСЛИ

- Жизнь человеческая на земле не просто воинское служение, а бой.
- Если даже желудок одного и того же человека не асегда просит одной и той же пищи, тем более ум не должен всегда питаться одним и тем же стилем.
- У всех одно правило: гнушаются читать что бы то ни было, если хоть раз в жизни видели автора.
- Личное присутствие вредит славе.
- От великих, чтимых и наученных опытом жизни людей мы знаем, что красиво говорить доступно немногим, а жить доброй жизнью — всем, и однако большинство людей к первому льнёт, второго избегает; таково свойство человеческой природы — браться за сложное и жаднее всего тянуться за тем, что труднее всего достать.
- Многословие спорщика обычно сродни гневу.
- Пусть пройдет еще десять тысяч лет и к векам прибавятся века — никогда не будет довольно славить добродетель, никогда не хватит наставлений любить Бога и ненавидеть сластолюбие, никогда для глубоких умов не закроется путь к открытию нового.
- Удивительно, но создания некрасивых людей могут быть красивыми. О Фидии и Апеллесе нигде не читаем как о красивых людях, но от одного сохранились остатки его блестящих произведений, о другом до нас дошла славв.
- Я понял, что не только людям, но и писаниям выдающаяся форма иногда вредит и надо во всех вещах стремиться к умеренности.
- Если судьба и бывает к кому-то дружественной, то только для того, чтобы потом по-свойски обмануть. Она всегда возносит только для того, чтобы больней было падение. Впрочем, веселиться от удачи — лишь одно из человеческих заблуждений, которым нет числа.
- Часто зло известнее добра, и страшный ураган знаменитее ясной погоды.
- Природа установила неопределенный конец жизни, чтобы всегда верилось в настоящее и ближайшее будущее.
- Мне зеркало сказало напрямик:
  «Твой взор потух, твои скудеют силы,
  Твой дух поник, усталый и остылый,
  Не обольщайся, ты уже старик.

  Так примирись! Кто понял и постиг
  Закон вещей, тот дальше от могилы».
- Не верил я, от истины далек,
  Что сердце стойкость даже в малой доле
  Утратит с первым ощущеньем боли.
  Удел самонадеянных жесток!
- Ни грамматика, ни какое бы то ни было что-то другое из семи свободных искусств не достойны того, чтобы благородный ум состарился в занятиях ими: они путь, не цель.

- Я часто убеждался в том, что простое слово благотворно действует на множество людей, и не автор слова, а само оно приводит в движение души, скрыто проявляя свою силу.
- Раз человек желает избавиться от своего жалкого состояния, желает искренне и вполне, — такое желание не может быть безуспешным.
- Нас сбивает с пути то, что мы упрямо держимся стародавних мнений и с трудом отрываемся от них.

∇ ◐ Давайте здесь порассуждаем. Только спокойно! Ибо повод и интересный и важный одновременно.

Держаться за **привычное**, веровать в прочность *старого* (не это ли означает слово уверенность!) не недостаток, а преимущество людей. Даже если всё новое уподобить сметающему что только ни есть на его пути урагану (хоть разрушительному, хоть какому), не избежать всё же согласиться, что и ему рано или поздно придется вернуть на землю то, что он с нее в высь небесную и дали заоблачные поднял и унес.

Мне думается (да и Петрарка, *постоянством* упёртости своих сетований, на эту мысль наводит), что тяга людей к тому, чтобы и сегодня продолжалось то, что было вчера, позавчера (привычно **всегда**), есть главный, коренной смысл их жизни. Этот важный фактор стóит обозначить как **феномен** стабильности и утвердить за ним ту атрибуцию, что новое должно ***вырастать*** из старого, а не вылетать (будто снаряд из пушки), не говоря уже о том, чтобы влетать.

Феномен «стабильности» как выражение нашей склонности помнить и свои корни и благодарить цепочку, определившую рождение *настоящего,* как выражение нашей чувствительности к перерыву постепенности (тем более — к резкому, а еще более — к неоправданному!) — есть часть человеческого естества, есть элемент нашей коллективной психологии. **Стабильность**, ее ощущение, ее нам присущность — это наш абсолютный слух на что-то *«не такое»*. Это наша гарантия, что чуждое нам чье-то поползновение или «всплеск» не нанесут непоправимый урон. Это наш щит, от которого незрелые новации отталкиваются, как мячик от стены.

Мудра природа! Заложив в нас устремление вперед, она положила нам и силу переосиливать себя. Зовите ее традицией, предрассудком, как-то по-другому — это ничего не изменит: ключ к спасению — в спасении. Вот и всё. ◑

- Часто многим сила стыда приносила то, чего не давала сила духа, часто зрители больше способствуют преодолению бездействия, чем доблесть.
- Когда-то я думал, что без женской близости мне не обойтись, а теперь я ее боюсь хуже смерти, и хоть меня часто тревожат самые злые искушения, но едва аспомню, что такое женщина, все искушения тут же исчезают и ко мне возвращаются мои свобода и покой.
- Чтить сильных — дешевая услуга, настоящее величие души — оказывать помощь слабым.
- Любовь великолепно умеет убеждать.
- Убогие и тёмные люди почти всё делают втайне — для счастливых нет укрытия, нет умолчания.

- Нехватка придает достоинства вещам: будь земля на каждом шагу усеяна жемчугом — его начнут топтать, как гальку; будь фениксов, что голубей, — погибнет слава редкостной птицы; покрой бальзамовое дерево все горные склоны — бальзам станет плебейской жидкостью; у всех вещей с увеличением числа и массы настолько же падает цена. И наоборот, от нехаатки самые низменные вещи бывали драгоценными: так среди жаждущих песков Ливии чуточка влаги в руках римского полководца вызывала вссобщую зависть; так при осадс Казилина в цене было безобразное животное, крыса; так — что уже превосходит всякий род безобразия — подлейшие люди часто расцветали из-за одного отсутствия мужей; примеров не привожу, потому что перо отказывается выводить гадкие имена, да и нужны ли примеры?
- Носители громкого имени философов либо с надменным высокоумием разыскивают причины вещей, гнушаясь знанием того, что́ есть Бог, творец всех вещей, либо в своих речах расписывают добродетель, а в своей жизни разрушают ее.
- Разве не любопытно: кто предпочтет иметь изображение красивого врага, а не неказистого друга?
- Против напора судьбы служит щитом мужество, боязливых можно считать безоружными, чем больше страха, тем больше опасности; бегущих судьба теснит, лежащих топчет, стоящих не может растоптать...
- Для челоаека нет ничего естественней труда, человек рожден для него, как птица для полета и рыба для плавания.
- Есть закон зависти: завистники сами себя мучат своим пороком, становясь тем несчастней, чем более счастливыми кажутся им наши обстоятельства.
- Многое несет с собой новый день, никакой поворот судьбы не вечен, помощь часто приходит с неожиданной стороны, отчаяться никогда не поздно, избавление нередко бывает неожиданным.
- Почти всегда мудрость и сила ходят врозь: та прозябает, когда эта цветет, а когда та пробуждается, эта увядает, — иначе человеческие начинания были бы удачливей, исход предпринятого благоприятней, а пока что, увы, человек только тогда обычно начинает знать, когда перестаёт мочь.
- В чем сначала был расточительным, потом щедрым, в том хочу стать бережливым, скупым, скаредным. Пора учит, нужда гонит, нет места шуткам; поверьте мне, нас сломит и опрокинет в самом разгаре наших трудов, если мы не проснемся и не воспротивимся: если не аосстанем, собрав асе силы души, то будем раздавлены.
- Всё становится весомей, тяготея к концу, самая гибельная ошибка последняя, и один смертный час выносит приговор всем годам жизни.
- Вообще обычное прискучивает, а редкостное захватывает.
- Пересаженные растения меняют свои соки; лесной кустарник после прививки от перемены места утрачивает прежнюю природу и приобретает другую. Вы понимаете, к чему я клоню: я тоже — что ж скрываться от вас? — чуть ли не кажусь себе в деревне одним, в городах другим; ведь там я следую природе, здесь примерам.

- Насколько у воспитателей души больше заслуг перед нами, чем у воспитателей тела, поймет всякий, умеющий назначить тому и другому справедливую цену и признающий, что первое — бессмертный, второе — шаткий и временный дар.
- Я оплакиваю всеобщую участь, видя, как постыдным искусствам достаются награды благородных...
- Умелое мастерство скрывает промахи, неопытность их вскрывает. Дайте неисправного коня умелому и опытному всаднику — недостатки скрадутся, посадите неопытного — все выступят наружу; поручите неправое дело незаурядному защитнику — он выгородит его несправедливость а цветистой речи, выведите на трибуну неумелого стряпчего — заодно с беспомощностью оратора объявится неправота дела.
- Нет ничего настолько исправного, чтобы в нем не было ошибок.
- Можно занимать у другого ум, занимать блеск, но удерживаться от повторения слов: первое подобие скрыто, второе выпирает наружу; первое делает нас поэтами, второе — обезьянами.
- А еще лучше: писать так, как пчелы медоносят: не сберегать цветы в нетронутом виде, а превращать их в соты, где из многого и разного получается одно, иное и лучшее.
- Всякий умирающий — старик, потому что для каждого конец жизни — его старость; но мало кто умирает созревшим, никто — много пожившим, кроме разве тех, кто убедился, что нет никакой разницы между кратчайшим и самым долгим, однако тоже конечным временем.
- В делах человеческих нет ничего совершенного, нет смертного, которого самый робкий критик не нашел бы за что потрепать.
- За свою жизнь я убедился, что всего больше и всего незаметней отнимают время разговоры с друзьями; друзья — великие грабители времени...
- Не терпеть нужды и не иметь излишка, не командовать другими и не быть в подчинении — вот моя цель.
- Раз нельзя быть внешне тем, чем хочешь быть, стань внутренне таким, каким должен стать.
- Если человек желает избавиться от своего жалкого состояния, и желает искренне и вполне, — такое желание не может оказаться безуспешным.
- У кого много пороков, у того много и повелителей.
- Чем больше скупость, тем больше жестокость.
- Можно и прекрасное любить постыдно.
- Кто в состоянии выразить, как он пылает, тот охвачен слабым огнём.
- Нельзя держать книги запертыми, точно в тюрьме; они должны непременно переходить из библиотеки в память.
- Что пользы в том, что ты многое знал, раз ты не умел применять твои знания к твоим нуждам.

Никола́й Куза́нский

XV век

Николай Кребс /Николай из Кузы/

- Немецкий философ, ученый, богослов

Родился: 01.08.1401 г.
Умер: 11.08.1464 г.

Прожил — 63 года

«Человек есть собственное царство, свободное и благородное». *(Николай Кузанский)*

■ «Гордые, самонадеянные, мудрецы в собственных глазах, полагавшиеся на собственный разум, в надменной заносчивости считавшие себя равными Всевышнему, замахнувшиеся на божественное познание, — все они заблудились, потому что преградили себе путь к премудрости, решив, что в ней нет ничего не измеримого их умом, обессилели в своём суемудрии, привязались к древу познания, не поняв древа жизни. И для философов, не почтивших Бога, не было иного конца, кроме гибели в своём тщеславии».
(Николай Кузанский)

1. ЖИЗНЬ

- Был родом из местечка Куза, что в Южной Германии на реке Мозель, недалеко от Трира.
- Являлся сыном лодочника и рыботорговца Кребса и его жены Катарины Рёмер.
- Кребс по-немецки означает «рак», в связи с чем семейный герб Кребсов изображал вертикально расположенного красного рака на золотистом фоне.
- Был четвертым ребенком в семье, помимо брата Йоханнеса и двух сестер — Маргариты и Клары.
- Имел прозвище **«Кузанец»** — латинизированное производное от названия Куза.
- Николай рано убежал от своего строгого отца и воспитывался у «братьев общей жизни» в голландском городе Девентере, где получил первое, школьное, образование.
- С 15 лет он уже в списках университета в городе Гейдельберге.
- Изучал различные виды права, включая и церковное, каноническое, право.
- Через год он уже в Падуе, где до 1423 г. в тамошнем университете

продолжает свои правовые штудии. Здесь происходят его многочисленные знакомства с молодежью, которая спустя годы будет очень известной в сферах науки и политики, а двое друзей юности даже станут папами римскими — Николаем V (понтификат в 1447 — 1455 гг.; он сделает Николая из Кузы кардиналом) и Пием II (первосвященство в 1458 — 1464 гг.; в 1459 г. он вызовет Кузанца из Тироля в Рим и назначит генеральным викарием, т. е. своим первым заместителем [помощником]).

• Под влиянием своего друга флорентийца Паоло Тосканелли Николай приобщился и приохотился к занятиям естественными науками, а также географией, возрождавшейся в тот период.

• Стал доктором канонического права.

• Некоторое время Николай работал юристом у трирского архиепископа Отто фон Цигенхейна.

• Было в юридической практике Николая и такое, что, будучи в Майнце, он проиграл свой первый процесс, вследствие чего охладел к своей правовой профессии и обратился к богословию, став со временем выдающимся проповедником.

• В 1425 г. Николай переезжает в Кёльн и, уже имея степень доктора канонического права, приступает к занятиям в Кёльнском университете, где обширно и углубленно изучает философию и богословие.

• Большое, просто огромное, влияние на Николая оказал каталонец Раймунд Луллий.

• Чтобы сделать выписки из сочинений Луллия, Николай в 1428 г. специально ездил в Париж, где имел доступ к оригиналам произведений этого философа.

• Сделал успешную церковную карьеру:

/ Признааая большие заслуги Николая перед церковью, папа Евгений IV объявил его кардиналом. Но так как перед самым актом возведения Николая в сан папа умер, то эту обязанность исполнил его преемник Николай V. Произошло это событие 20 декабря 1448 года. /

• Папа Пий II первым ввёл новое церковное поименование Николая — **Николай Кузанский**.

• В 1450 г. Николай стал епископом Бриксенским.

• Николай был страстным гуманистическим «охотником» — искал древние рукописи.

• Прославился как неутомимый исследователь, мастерски владеющий мыслью и склонный возделывать только нераспаханные умственные поля:

/◐ Характер тем у Николая определялся родом его занятий. *Божественным* задавались для него границы допустимости, а человеческое... Человеческое рвалось из него самого. Теоретизируя, он лишь замыкал эти полюса (на манер лампочки между электродами батарейки) в некое светящееся единство:

♦ Человек есть бог, но не абсолютным образом, ибо он человек. И тем не менее человек, подобно Творцу, содержит всю Вселенную, однако удерживает он это лишь так, как это позволяет сделать ему ограниченный человеческий способ. ♦ ◑ /

• Любя философию и много занимаясь ею, Николай в то же время имел

сложившиеся установки и иной мирообъяснительной ориентации: для него была вполне естественной абсолютная уверенность в том, что Моисей раньше философов описал творение мира.

• В произведениях Николая много ссылок на Платона, часты упоминания апостола Павла, Сократа, Августина, Боэция, ведется речь об Анаксагоре, Пифагоре, Демокрите, Аристотеле, Плотине, Прокле, Фоме Аквинском, Экхарте, Дионисии Ареопагите, Давиде из Динанта...

• Николай первым заметил, что *теология имён* совсем не возвышает Бога, а, напротив, делает его зависимым от творения, поскольку в ней свойствами произведения пытаются охарактеризовать сущность Творца, что не только само по себе странно, но еще и крайне неубедительно:

/ Кузанец впервые **продолжил** предшествовавшее ему воззрение, что «Бога можно именовать материей, умом и природой, а видимый мир — видимым Богом» **новым ракурсом его понимания**, а именно:

♦ Бог не может мыслиться как нечто, поскольку не исчерпывается не только каждым из них, но и ими всеми; поэтому, называя Бога именами или отождествляя его с тем или иным срезом нашего представления о мире, мы не должное воздаём Богу, а только принижаем его, не истину выражаем, а вносим заблуждение. ♦

Николай демонстрирует прямо-таки безоглядную смелость, когда идет еще дальше:

♦ По отрицательной теологии Бог не есть ни Отец, ни Сын, ни Святой Дух, он только бесконечность. /

• Николай неоднократно оперирует фундаментальной для него формулировкой «совпадение противоположностей» (coincidenta oppositorum).

• В сочинениях его большýю роль играет термин evolutio (эволюция — развёртывание), которому он придает тот новый для философии смысл, что становление мира подобно разворачиванию линии из точки.

• ◐ Николай затронул своим размышлением один весьма любопытный аспект. Даже странно, что до него этого никто не заметил. А дело простое донéльзя. Смотрим: если любое творение есть акт Бога, то оно — божественно; но всё божественное не может иметь ослабление статуса; значит, оно вечно. Столь же очевидно нельзя не признать вечным и сам акт творения; но всё «вечное» не может создаваться из «чего-либо», тем более из «ничего»; получается, что закономерно всплывает представление о «необходимости», которая осуществляется в Боге, когда Бог реализует себя.

А главная мысль Николая в итоге вот какая. Мир создан не волей Бога, поскольку это невозможно (ведь воля предполагает наличие хотения и обязательно выбор, а значит, и альтернативное поведение водящего), а проявлением в абсолютном существе абсолютной необходимости.

Мир не мог быть другим, потому что для другого мира нужен был бы другой Бог. А поскольку такого нет и быть не бывает, то данный мир есть не вариант обилия миропроектов в Боге, а только тот, который потому и один, что он сам есть миг, фаза и степень богоосуществления. ◑

• ◐ Иногда высказывания Николая не просто парадоксальны, а, как бы здесь поточнее и удачнее, что ли, определиться, **парадоксализируют парадоксальность**. Как, к примеру, вот это:

♦ Нельзя найти для звезд середины, равно отстоящей от полюсов. ♦

При первом порядке парадоксальности такое заявление темно и даже спорно, но при парадоксальности второго порядка отношение к запутанным фразам смягчается, поскольку суждения из эпатажных становятся ***системными***. Что и подтверждается:

♦ Ищушим центр говорю, что Бог является центром земли, звезд, всех сфер и всего того, что есть в мире.

♦ Бог есть окружность и центр, так как он везде и нигде.

♦ Да и о каких сферах в их прежнем понимании может идти речь, если нигде в космосе вне Бога нельзя отыскать точной, равно отстоящей от раздельных точек, окружности, потому что он один — бесконечное равенство.

♦ Сфера неподвижных звезд не является окружностью. ◑

• Николай Кузанский оставил после себя обширный литературный материал, состоящий из научных трактатов, проповедей, философских и богословских трудов.

• **Сочинения Николая Кузанского:**

«О *католическом согласии*» (1433);
«Исправление календаря» (1436);
«Об ученом незнании» (1440);
«О творении» (1447);
«Апология ученого незнания» (1449);
«Простец» (1450):

/ Это саод из четырех диалогов, два из которых *«О мудрости»*, третий — *«Об уме»* и четвертый — *«Об опыте с весами»*. /;

«Согласие веры» (1453);
«О вúдении Бога» (1453);
«О берилле» (1458);
«О возможности-бытии» (1460);
«О неином» (1462);
«Игра в шар» (1463);
«Об охоте за мудростью» (1463);
«Компендий» (1463);
«Опровержение Корана» (1464);
«О вершине созерцания» (1464);
«О *квадратуре круга»*;
«Математические дополнения».

• По распоряжению кардинала Николая Кузанского была выгравирована на меди **первая** карта Германии.

• Николай — знаток, мастер и поклонник использования уподобительного механизма в рассуждении:

♦ Я утверждаю: человеческая душа должна оживлять различные части тела, находящиеся в разных местах. Следовательно, она присутствует там, где оживляет. Поэтому в теле находится вся душа в любой части тела, наподобие того, как ее создатель — в любой части мира.

Правда, любители казуистики обычно зубоскалят: «А если отсечь палец, душа не устранится?»

Что тут ответишь и как возразить людям, не видящим глубины?! По мне, задаваться вопросом, отсекаем ли мы душу, отсекая что-то в теле, пусть это будет, к примеру, палец, равносильно тому, что поинтересоваться: если Бог даже в песчинке, то что происходит с Богом, если ее разрушить? Разве солнце убывает, если залить чернилами его какой-то один лучик?!!

Душа, если продолжать мою мысль, никоим образом не устранится, а только перестанет оживлять палец. Вытаскивая из водоёма наполненное водой сито, мы видим, как вода смыкается, восстанавливая свое единство, а сито обезвоживается. Душа не устраняет себя и не переходит из одной частицы тела в другую, так как она подобна и в целом, и в своих единичных частях. Аналогия тому — родственность прямого света от свечи и того, что получено отражением ее огня в зеркале.

• Приобщаясь к учению Николая, нельзя не восхититься его дидактикой: чем сложнее разбираемая им проблема, тем интереснее избирается им привлекаемый для пояснения образ. Полюбуемся одним из таких:

/■■ Пусть нашему незнанию поможет вот такой пример. Когда какой-нибудь выдающийся учитель хочет показать ученикам свое духовное, то есть мысленное слово, чтобы они могли видеть его мысль и питаться духовной истиной, он заставляет это мысленное слово одеться в звук голоса, раз его нельзя показать ученикам иначе, чем воплощенным в чувственный образ. Это может произойти только так, что учитель из привлекаемого своим природным дыханием воздуха строит звуковой образ, отвечающий мысленному слову, и так единит с ним это слово, чтобы звук голоса покоился в нем как в своей основе и слушатели воспринимали мысленное слово через звук. Такое сравнение, пусть очень приблизительное, немного поможет нам подняться над доступными нашему пониманию вещами. По своей безмерной благости желая показать нам сокровища своей славы, полноту своего знания и премудрости и сострадая нашей слабости — ведь иначе как в чувственной и подобной нам форме мы ничего воспринимать не можем, — предвечный Отец соразмерно нашим способностям, то есть облачив в человеческую плоть, явил нам через своего единосущного Духа Святого предвечное Слово, своего Сына, который есть равная Отцу полнота всего. Как голос образуется из воздуха, привлекаемого входом, так Святой Дух из чистой плодотворности девственной плоти соткал живое тело, вдохнув в него разум, чтобы оно стало человеком, и так глубоко соединил его со Словом Бога-Отца, что Слово стало центром, основой существования человеческой природы. Всё это совершилось не в прерывной последовательности, какой мы выражаем свои временны́е понятия, а в мгновенном действии над всяким временем по воле, соразмерной бесконечному всемогуществу. ■/

• В невыносимо жаркое лето 1464 г. Николай заболел. 16 июля он слег, 6 августа составил завещание, а 11 августа его не стало. ◐ Всё в мире таинственно и как-то загадочно странно: через три дня умер его друг папа Пий II. ◑

• Николай завещал похоронить себя в церкви св. Петра в Риме. Однако, согласно воле покойного, сердце его должно было быть предано земле в Капелле госпиталя в Кузе.

2. СУДЬБА ► Исторически так сложилось, что творчество Николая несколько раз подпадало под полемические стрелы гейдельбергского богослова, преподавателя университета Иоганна Венка. Венк был родом из Херренберга, окончил факультет логики и диалектики Парижского университета и был старше Николая на 8 лет. Его первый выпад против Кузанца состоялся в 1442 г., когда он в своих бранных листках, названных им «О заслуживающем забвения полузнании», утверждал, что учение о совпадении противоположностей разрушает «здание науки».

В 1448 г. Николай становится кардиналом. Это его новое положение не могло не повлечь перераспределение и перевосприятие тех философских акцентов, которые он так запросто и решительно расставлял ранее.

Венк тут же реагирует новым сочинением — «Невежественная ученость», направленным уже против новозамеченных тенденций в философии Николая. Он обращает внимание религиозных теоретиков на то, что «принцип совпадения», столь отстаиваемый Николаем, таит в себе идею тождества творения и творца. То есть очевиден крен в пантеистическую ересь (что-де всё совпадает с Богом):

Позиция Кузанца:

♦ Поскольку творение создано бытием максимума, а в максимуме быть, создавать и творить — одно и то же, то творение, очевидно, есть не что иное, как то, что Бог есть всё. ♦

Логика критикующей мысли Венка была совершенно незамысловатой и откровенно апеллирующей к стандартной догматике: «Очевидно, что поскольку абсолютный максимум не допускает ничего превышающего и превышенного, то ему ничто не противостоит и, следовательно, из-за отсутствия различения он есть Вселенная».

По сути, создавался прецедент обвинения очень высокого церковного лица в несоответствии его писаний канону. «Не знаю, видел ли я в свои дни писателя более пагубного!» — взвивался в послушническом негодовании ортодоксальный католик Венк.

Это, несомненно, была интрига. И естественно, закон жанра требовал немедленной отповеди. Любое промедление могло свести к нулю возможности даже самого высокого ранга. Церковные алтари всегда готовы к жертве.

Понимая, чем всё это чревато, Николай немедленно выступает с книгой «Апология ученого незнания», где выстраивает защиту от предъявленных обвинений, доказывает согласованность основных идей «Ученого незнания» с положениями церковных авторитетов. Это сочинение являет собою известный поворот в творчестве Николая: последующие работы написаны им в менее задиристой манере и уже с большей осторожностью. Заметно, что ему никак не с руки давать повод фанатикам и рьяным библеистам снова обвинить его в отступлении от традиции и устоев.

Но, как говорится, талант не спрячешь. Силой бушующего огня острота новаций в воззрениях Николая рвалась на поверхность. Смелость теоретика брала верх над защитной рассудительностью. И что бы ни выходило в последующем из-под пера Кузанца — во всех этих сочинениях он неотступно проводил прежнюю линию «Ученого незнания».

► В натуре Николая Кузанского удачно сошлись воедино тонкий аналитик, безошибочный прогнозист, хороший дипломат и неутомимый борец. Как итог плодотворного сочетания столь редких качеств оказалось найденное им согласие светской и церковной властей Германии. Николаю удалось сломить сепаратистские тенденции немецких князей и обеспечить на ближайшие четыре века единство церкви.

Поддержка Николаем Ватикана не прошла для него бесследно и породила ему в Германии сильное, стойкое и весьма продолжительное оппонирование. Даже столетие спустя реформаторские круги в лице теолога из Гессена Иоганна Киймса (1498 – 1552), выпустившего критическое сочинение в адрес Николая «Библейский Геркулес против немцев», полемизировали с ним. Нашлось место и эскападе. На карикатуре того времени можно видеть, как Николай Кузанский, марионеточно управляемый за шнурки кардинальской шляпы, принуждает немецких князей к коленопреклоненному смирению перед римской церковью.

► В XV в. идеи Николая Кузанского не оказали заметного влияния на развитие философии. Впервые его произведения были напечатаны в 1488 г. в Страсбурге. И то это случилось только благодаря тому, что за два года до смерти Николай поместил в сохранившейся до сих пор библиотеке при основанном им приюте для престарелых в Кузе полное рукописное собрание своих работ, лично им просмотренное и отредактированное.

В XVI в. сочинения Кузанца издавались в 1514 и 1565 гг. (в Париже и Базеле). Философский потенциал этих книг оказался интересен Джордано Бруно, был знаком ряду других французских, итальянских, немецких любомудров. В следующем столетии на Николая ссылались Декарт и Лейбниц, которые высоко ценили присущие ему здравость и основательность, а также виртуозность умственных построений. Однако большого влияния, соответствовавшего глубине его идей, Кузанец всё же длительное время не оказывал.

В эпоху немецкого Просвещения в конце XVIII в. взгляды Николая привлекли большое внимание Гёте и Шеллинга. Однако его произведения, не издававшиеся с 1565 г., знали плохо. Неудивительно, что Г. В. Ф. Гегель, столь внимательный ко всем суждениям, толкующим о наличии и совпадении противоположностей, в своих «Лекциях по истории философии» его имени даже не упоминает.

По-настоящему простор воззрениям Николая открылся лишь после того, как немецкий исследователь Шарпф в 1862 г. издал основные его произведения в немецком переводе и пересказе. В последующие десятилетия появились многочисленные переиздания творений Кузанца в оригинале и в переводах.

► В 1960 г. в ФРГ основано межнациональное и межконфессиональное «Общество Кузанского». Его председатель доктор Гельмут Гестрих соста-

вил интересную иллюстрированную брошюру «Жизнь и труды Николая Кузанского, представленные в его доме-музее». Это одновременно и добротный биографический справочник о Николае, и путеводитель по недавно реставрированному дому, где Николай родился.

► **Эрнст Кассирер** /(1874—1945), немецкий философ, автор многочисленных фундаментальных исследований по истории философии/:

«Любое изучение, стремящееся рассматривать философию Ренессанса как систематическое единство, должно брать за исходный пункт учение Николая Кузанского».

3. УЧЕНИЕ

• Плоды главных раздумий

♦ Нигде не существовало ни одной нации, которая не чтила бы Бога и не признавала бы его за абсолютный максимум.

♦ Мы бродим среди вещей, которые сама природа обнаруживает перед нами. Рассудок наш спотыкается оттого, что далёк от этой бесконечной силы и не может связать противоречия, разделённые бесконечностью.

♦ Единство, равенство и снязь есть одно и то же. Этому тройственному единству до́лжно поклоняться.

♦ Первый образ вещей в уме Творца есть число.

♦ Время движется к вечности, но никогда не сможет достичь ее, хотя постоянно к ней приближается.

♦ Видимые вещи суть доподлинно образы невидимых вещей, и создатель наш может быть видим и познаваем через создания, как в зеркале.

♦ Бог обнимает всё, даже противоречия; ничто не может ускользнуть от его взора.

♦ Бог не познаваем ни в веках, ни в будущем.

♦ Отстраните Бога от творения, и останется небытие, ничто.

♦ Чувство не способно воспринимать вещи сверхвременные и духовные.

♦ Умереть нам так или иначе предстоит, но смерть за веру в Сына Божия несёт воздаяние вечной жизни: неужели Бог, справедливый и многомилостивый, не наградит за верность человека, умирающего во славу Его?

♦ Никто не может в точности следовать тропинке другого.

♦ Судьба не распоряжается тем, **что** зависит от человека. Каждый из нас обладает свободным выбором, а именно выбором между волением и противлением.

♦ Увы, человеческое движение не получается неизменно прямым...

♦ Бог творит реальное бытие, наш же ум творит **понятийное** бытие.

♦ Разрушимость и изменчивость вещей не от Творца, но они случаются с вещами.

/■■ Вот пояснительный образ тому. Если бросить разом горох на ровную мостовую, то он разлетается так, что ни одна горошина не движется и не останавливается наравне с другой, а у каждой свое место и движение. Однако любая инаковость и всё происходящее разнообразие в положении горошин происходят не от бросившего, который бросил их все разом и одинаково, но от случившихся обстоятельств. ■/

♦ Зло, и возможность грешить, и смерть, и порча — не творения Бога.

♦ Разве, думая о ценностях, ум становится ценным?

♦ Вещь существует по природе прежде, чем познаётся. Из-за этого ни чувство, ни воображение, ни интеллект не постигают ее в модусе бытия, раз он им предшествует... Это значит, что мы обладаем умным ви́дением, созерцающим то, что прежде всякого познания. Кто старается пото́м определить в познании то, что так видит, трудится напрасно, словно человек, старающийся еще и рукой коснуться цвета, который доступен только зрению.

● Острая свежесть взгляда

♦ Мудрость, которая есть равенство бытия, есть Слово, или основание (ratio) вещей. Она есть как бы бесконечная разумная форма; форма же дает вещи оформленное бытие. Поэтому бесконечная форма есть актуальность всех образуемых форм и точнейшее равенство их всех. Подобно тому как бесконечный круг, если бы он существовал, был бы истинным прообразом всех фигур, которые можно образовать, и равенством бытия любой фигуры, и был бы в самом деле треугольником, шестиугольником, десятиугольником и так далее, и самой адекватной мерой их всех, хотя и простейшей фигурой, — так и бесконечная мудрость есть свертывающая простота всех форм и самая адекватная мера всех форм, так же как в са́мой совершенной идее всемогущего искусства всё формируемое простейшей формой с помощью искусства существует как само это искусство.

♦ Когда математик говорит, что всякий треугольник имеет три угла, равные двум прямым, то даже если ученик усвоил, что это фактически так, до постижения истинной причины у него еще нет понимания; ум начинает видеть суть с обнаружением причины. А первопричина светится в области интеллекта. Только интеллект имеет глаза для ви́дения сути.

♦ Всё, чего мы желаем познать, есть наше незнание. Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. Для са́мого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем ученее, чем полнее увидит свое незнание. Ради этой цели я взялся за труд написать кое-что о научении такому незнанию.

♦ С веры начинается всякое понимание.

♦ Бог — во всех вещах, как они — в нем.

♦ Творец и творение — одно и то же.

♦ Бог не может не знать себя.

♦ Бог выше ничто и нечто, потому что ничто повинуется ему, превращаясь в нечто.

♦ Только один Бог есть то, чем он может быть.

♦ В Боге всякое *может* быть всегда означает *будет* быть. Бог предполагает свершившимся. В нем всё «не есть» уже «есть». Он есть действительность всего возможного.

♦ Не может быть более близкого к бесконечности ответа на вопрос «есть ли Бог?», чем «он ни есть, ни не есть, ни — есть и не есть». Это единственный более высокий, простой, совершенный и более сообразный ответ на любой вопрос о са́мой первой, простейшей, невыразимой бытийности. Этот наиболее простой предположительный ответ равно относится ко всем вопросам. Всё же он предположителен, ибо абсолютно точный от-

вет остаётся невыразимым и непостижимым как для рассудка, так и для разума.

♦ Повсюду можно видеть четырехступенчатость и троичность:

I. В объективном мире [нисхождение]:
- Бог → дух → душа → тело;
- необходимость Бога → конкретная необходимость Вселенной → действительность индивидуумов → возможность материи.

II. В человеческом познании [восхождение]:
- чувственное ощущение и воображение (они дают лишь смутные образы) → рассудок /ratio/ (он вводит время и пространство, оперирует числами и даёт имена, способен усматривать противоречия) → разум /intellectus/ (этот уже способен замечать согласие противоположностей) → созерцание или интуиция (здесь уже очевидна та вершинность мысли, что противоположности **совпадают** в бесконечном единстве).

III. Троичность божества **в мире**:
порождающее → порождаемое → любовь.

IV. Троичность божества **в духе**:
творческая сила → понятие → воля.

V. Троичность **в самóм Боге** [истолкования]:
- субъект, объект, акт познания;
- творческий дух, мудрость, благость;
- бытие, сила, действие;
- единство, равенство, соединение того и другого.

♦ Никакое создание не есть в смысле акта всё то, чем оно может быть, так как творческая потенция Бога не исчерпывается в его творении.

♦ Поистине Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией — искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений. Арифметикой он их соединил; геометрией придал им фигуру, так что они приобрели крепость, устойчивость и подвижность сообразно своим устройствам; музыкой так соразмерил их, чтобы в земле было не больше земли, чем в воде — воды, в воздухе — воздуха и в огне — огня, и ни один элемент не разлагался совершенно в другой, благодаря чему машина мира не может погибнуть.

♦ Земля не есть центр мира.

♦ Видимая тленность в мире в действительности не такова, поскольку при «развертывании» всё появляется, чтобы снова исчезнуть, образом чему может быть нитяной клубок, перематываемый попеременно от конца к началу и обратно.

/■■ Мы не можем быть уверены в полной тленности чего бы то ни было. Всё гибнет лишь сообразно тому или иному модусу бытия, когда распадаются эти влияния, прежде как бы сгустившиеся в отдельного индивида; гибнет лишь способность существовать таким-то и таким-то образом, так что нет места смерти, по словам Вергилия. Смерть есть явно всего лишь разложение состава на составные части. ■/

♦ Так как Бог есть всё, он также и ничто.

♦ Абсолютный максимум единствен, потому что он — всё, в нем — всё, потому что он высший предел.

♦ Мир не бесконечен, всё же нельзя считать его конечным, потому что он не имеет границ, между которыми заключен.

♦ Все вещи состоят из противоположностей в различных степенях, имеют то больше от этого, то меньше от другого, выявляя свою природу из двух контрастов путем преобладания одного над другим.

♦ Разум, не являющийся истиной, никогда не постигает истины с такой точностью, которая не могла бы быть постигнута еще более точным образом через бесконечность. Разум так же близок к истине, как многоугольник к кругу, ибо чем больше число углов вписанного многоугольника, тем больше он приблизится к кругу, но никогда не станет равным кругу даже и в том случае, когда углы будут умножены до бесконечности, если только он не станет тождественным кругу.

Итак, ясно одно, что всё, что мы знаем об истине, — это то, что истину невозможно постигнуть таковой, какова она есть доподлинно... Сущность вещей, которая есть истина бытия, недостижима в своей чистоте. Все философы искали эту истину, но никто ее не нашел, какой она есть, и чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы подойдем к самой истине.

♦ Всякое человеческое высказывание об истине есть предположение, ибо точное знание истины невозможно.

∇ ◐ Это утверждение имеет *аннигиляционный* признак. То есть, будучи обращенным на самоё себя, оно взрывается. Но что же тогда такое **истина,** если и сказать о ней ничего не можно, так как, не зная, то и нéчего, а зная, запутываешься в силках собственных же противоречий?!

Давайте упростим проблему и спросим что полегче. Ну, например, можно ли познать истинно себя? Всем известно, что себя познать не получается. Что же тогда означает «истинно»? Целиком?! Подробно?! Окончательно?! Может, даже с упреждением?!

Говорят: истинно — значит, адекватно. Но если адекватно, то чему? Самóй истине? Но ведь мы же ее не знаем! Своим намерениям относительно знаний о ней? Но тогда исчезает весь смысл понятия истины, как **того, чтó** ищут: как можно искать в другом то, что и без того уже есть в тебе!

Я думаю, что **истина** — это закамуфлированное под неоткровенность выказывания борение. То есть наша нами самими для себя самих заявляемая претензия иметь **точку зрения Бога**.

Кто-то из числа всегда несогласных заметит, что это-де невозможно. Ой ли! А разве не разбираем мы явления с точки зрения вечности, с позиции здравости, с оснований единственно верной возможности и т. д. и т. п.?

Понятие **истины** — вовсе не цель познания. Так же, как, прикрикивая на расшалившегося ребенка, мы вовсе не ставим задачей остановить его баловство, ибо понимаем (косвенно, подсознательно, исходя из опыта), что это недостижимо, а исключительно только чтобы осуществить свою силу и напомнить про свою власть. Это тем более важ-

но, когда кто-то другой в нашем присутствии ведет себя не так, как нам бы того хотелось.

Выходит, что истина — разговоры о ней, стремление к ней, попытка найти — всё это не более как некие вехи самоощущения человеком хоть какой-то не вовлеченности или причастности к Универсуму, а власти над ним.

Вот и оказывается, что понятие «власти» превалирует над понятием «истины» и тайна значений категорий светит при **нажиме** на них нашими обычными поведенческими позициями.

Мы знаем всё ровно настолько, насколько хотим, и уверены в том, что это так, именно на величину наших представлений о своем праве на силу. ◑

♦ Минимум совпадает с максимумом.

/■■ Это станет яснее, если свести максимум и минимум к количеству: максимальное количество есть максимально великое; минимальное количество есть максимально малое. Очищая максимум и минимум от количества, мысленно отбрасывая большое и малое, любой человек придет к той очевидности, что максимум и минимум совпадают. ■/

♦ Так как абсолютный максимум непременно содержит действительно все вещи, какие только возможны вне какой бы то ни было противоположности, т. е. и все самые большие и все самые малые, то выходит, что максимум совпадает с минимумом.

♦ Единица есть начало всякого числа, так как она — минимум; она — конец всякого числа, так как она — максимум. Она, следовательно, абсолютное единство; ничто ей не противостоит, она есть сама абсолютная максимальность.

♦ В рассудке нет ничего, чего раньше не существовало бы в ощущении.

♦ Благословен Бог, который дал нам разум, ненасытимый ничем временным! По беспредельности своих стремлений, по неутолимости своих желаний временными вещами ум понимает, что бессмертен и неподвластен преходящему миру, и сознаёт, что желанная жизнь, способная духовно насытить его, может заключаться только в наслаждении высшим, максимальным, никогда не иссякающим благом, где наслаждение не становится прошедшим, потому что влечение к нему от обладания не уменьшается. Это — возьмем телесный пример — как если голодающий сядет за стол великого царя, где ему дадут столь желанную пищу, что другой он не захочет, и природа этой пищи будет такова, что при насыщении ею она будет только разжигать его аппетит: будь эта пища неисчерпаемой, вкушающий ее, конечно, постоянно бы насыщался, всегда хотел бы только одной и той же пищи, всё с большей жаждой стремился к ней и, значит, всегда был бы способен вкушать эту пищу, способную постоянно привлекать к себе его разгорающееся желание. Так вот разумная природа, вбирая в себя жизнь, способна претворяться в эту жизнь благодаря присущей ей обратимости, как воздух, вбирая солнечный луч, претворяется в свет. Имея природу, претворяющуюся в понимаемое им, разум потому и понимает только всеобщее, нетленное и постоянное, что духовно увлека-

ющая его цель — непоколебимая истина, которой он начинает обладать в покое вечного мира, в Иисусе Христе.

♦ Разум не может ничего постигнуть, что не было бы уже в нем самóм в сокращенном, ограниченном состоянии.

♦ Из диалога между **Философом и Простецом** — последний выражает позицию Николая Кузанского:

Философ. Аристотель утверждал, что никакое понятие не сотворено вместе с нашим умом или душой, по каковой причине он уподоблял ее чистому листу. Платон же утверждал, что понятия созданы вместе с душой, но она забыла их из-за бремени тела. Что ты здесь считаешь правильным?

Простец. Несомненно, наш ум внедрен Богом в тело с пользой для ума же. Следовательно, надо думать, что ум от Бога имеет всё то, без чего он не в состоянии достичь эту пользу. Следовательно, нельзя верить, что с душой были созданы понятия, которые она утратила, оказавшись в теле, но для того она нуждается в теле, чтобы довести до осуществления сотворенную с нею способность понимания. Подобно тому как зрительная способность души не может получить осуществления, то есть действительно видеть, если не будет возбуждена объектом — а она не может быть им возбуждена, если ей не противостоят чувственные образы, размноженные в органе чувства, и, таким образом, она нуждается в оке, — так и способность ума — а это способность к восприятию и пониманию вещей — не может получить осуществления, если не будет возбуждена чувственным, и не может прийти в возбуждение без посредствующих чувственных представлений. Словом, ум нуждается в теле как óргане, то есть в том, без чего не может возникнуть возбуждения.

В данном вопросе, следовательно, правильным представляется мнение Аристотеля, который отрицает, что сначала душе были врождены понятия, а по воплощении она их утратила. Однако так как душа не может преуспеть, если она совершенно лишена силы суждения, — как и глухой никогда не может сделаться кифаредом, раз он не имеет никакого представления о гармонии, при помощи которого он мог бы судить о своих успехах, — наш ум обладает врожденной ему способностью суждения, без которой он не мог бы успешно функционировать. Эта сила суждения от природы врождена уму. При ее помощи он сам по себе судит о разумности оснований, слабы ли они, сильны или убедительны. Если Платон назвал эту способность врожденным понятием, он нисколько не уклонился от истины.

Философ. Насколько ясно твое изложение! Слушая его, всякий принужден соглашаться. Без сомнения, это требует пристального внимания; ведь мы явственно ощущаем, что некий дух в нашем уме говорит и судит: это хорошо, это справедливо, это истинно — и удерживает нас, если мы уклоняемся от справедливого. Этой речи и этому суждению он никоим образом не учился, но они врождены ему.

Простец. Отсюда мы узнаем, что ум есть та способность, которая хотя и лишена всякой формы понятия, но, если получила возбуждение, может уподобить себя саму любой форме и создать понятие о любых вещах,

будучи некоторым образом подобной здоровому зрению в темноте: оно никогда не видело света и лишено всякого действительного понятия о видимых вещах, но, выйдя на свет и получив возбуждение, уподобляет себя видимому, образуя о нем понятие.

♦ Верх человеческой постигательности — это интеллектуальная интуиция, дающая в интеллектуированном ви́дении такое понимание совпадения противоположностей в единстве, когда в своей простоте ум **всё** созерцает как бы свою величину в одной точке и всё — вне всякой сложенности из частей, и не так, что одно есть это, а другое — иное, а так, что всё есть одно и одно есть всё.

∇ ◐ Как же родилось это представление, что есть **единство противоположностей**? Конечно, мы видим день и ночь, зло и добро, большое и малое, правое и левое. Но откуда пришла мысль, что где-то есть начало, в котором полярности или еще или уже́ неразличимы, сняты, отсутствуют?

Отчего это вдруг философия стала по-разному замечать коробку конфет и конфеты в коробке, семью и семейную пару, клинок и единство рукоятки и лезвия?

Я думаю, что здесь имеет место рост самонаблюдательности человека. Как бы мы ни изучали внешний мир, в любом случае базой всему будет наш собственный организм, наша са́мость, механизмы нашей физиологии и психики.

Уделив немного внимания процессу зрения, мы удивимся: как это огромный мир вмещается в точечку (я имею в виду соизмерительность космоса и головы) нашей памяти? Задумавшись же над **я**, мы не сможем не заметить, что им (одним, но никак не многим) мы ме́тим весь мир вокруг себя.

В философии всегда пытались видеть нечто заумное, сложное, вымученное. Считалось, и такое мнение держится, что философия есть поприще, на котором пируэты ума принимают скорее позу человека, который неудачно споткнулся или очень нелепо обо что-то шмякнулся.

Всё это имеет место... но лишь по видимости. Точно так же, как весло, опущенное в воду, кажется сломанным. Сложность философских построений не более не проста, чем всё вокруг. Но в философии высока соотносительность отдалённостей, когда познавательное уравнение строится не из двух неизвестных, а, напротив, из двух известных, но — пока не скажут в чем дело — совершенных несвязанностей. Собственно, философия и есть усмотрение между ними цепочки или общей смыслоизлучательности. Тогда становится понятной лукавая зарисовка на тему: что родни́т часы и ручей. Философски воспитанному разуму решение даётся сразу же результатоносно — камни. Они есть и в ручье, и в опорах шестеренок часов.

Философия — это летопись углубления людей в себя, связанного с их желанием получше (изобильнее, увереннее, масштабнее) обосноваться в мире. ◑

♦ Природа человека (а сам человек находится в иерархии божьих творений лишь немного пониже ангелов, зато выше всех остальных творений Бога) заключает в себе умственную и чувственную природу и стягивает в

себе всю Вселенную: она есть малый мир, микрокосм, если выражаться словами древних.

♦ Мир, т. е. всё, что создано и будет создано, развертывается из того, в чём оно существует в свернутом виде.

/■■ Абсолютное единство может быть уподоблено точке, последовательным развертыванием которой является линия, плоскость, объем. Точка, следовательно, свёртывает, содержит в себе все формы видимого мира. ■/

♦ Как Бог развёртывает из себя всё многообразное богатство природных вещей, так и человеческий ум развёртывает понятия, свёрнутые в нем.

♦ Как в теле голова, руки и ноги имеют различные функции, так и в душе разум есть голова, рассудок — руки, чувства — ноги.

♦ Человек образован из чувства и разума, связанных посредством рассудка, служащего для них посредником.

♦ Никогда наше понимание не будет полностью совпадать с понимаемым. Всякому желающему достичь божественной меры необходимо превзойти всякую меру представления и понимания. Той меры, которая есть мера всякой меры, можно достичь, только превзойдя всякую меру, так как ничего подобного не может прийти нам на ум.

♦ Те, кто именуют троицу Отцом, Сыном и Святым Духом, менее точно приближаются к божественной троичности, хотя, как видно, они надлежащим образом пользуются этими именами ради согласованности с писанием. И тем не менее надо иметь в виду, что несравненно ближе к истине оказались бы те, кто провозглашает троицу единством, равенством и связью, т. е. трактуют ее в терминах предлагаемой мною философии. Но, увы, этих важных понятий еще не найти в священных книгах.

♦ Утверждения одни, сами но себе, недостаточно вéски и понятны.

♦ Человек, объятый самым пламенным рвением, может достичь более высокого совершенства в мудрости в том лишь случае, если будет оставаться весьма ученым даже в самом незнании, составляющем его свойство, и тем станет ученее, чем лучше будет знать, что он ничего не знает.

♦ Всякий человек, желающий подняться до познания чего-либо, необходимо должен верить в то, без чего он не может подняться. Где нет здоровой веры, там нет и настоящего разумения.

♦ Всякое исследование основано на сравнении и пользуется средством сопоставлений. Всякое искание состоит в легком или трудном сравнительном сопоставлении, и вот почему бесконечное, которое ускользает как бесконечное от всякой пропорции, — неизвестно.

♦ Абстрактное заключено в конкретном.

♦ Не представляется возможным найти более благородную и более совершенную породу, чем разумная порода, населяющая землю как собственная область. И это даже в том случае, если на других звездах имеются жители иного рода. Человек не желает, в действительности, другой природы, другой натуры, но старается быть совершенным в своей, ему присущей.

♦ Целое находится в своих частях в любой части через любую часть.

/■■ Возьмем такой образ для объяснения: в теле каждый член способствует каждому другому и все удовлетворяются всеми: хотя глаз

не может быть рукой, ногой и всем остальным актуально, он доволен тем, что он — глаз, а нога — тем, что нога, и все члены взаимно способствуют друг другу, чтобы каждый наилучшим возможным для него образом был тем, что он есть. И ни рука, ни нога не пребывают в глазу в качестве руки или ноги, но в глазу они — глаз постольку, поскольку сам глаз — непосредственно в человеке, и точно так же все члены — в ноге, поскольку нога — непосредственно в человеке: каждый член через каждый другой непосредственно пребывает в человеке, а человек, то есть целое, через каждый член пребывает в каждом члене. Так вселенское целое через каждую из своих частей пребывает в каждой. ■/

♦ Всякая возможность определена́, и определена́ действительностью.

♦ По красоте и стройности вещей, которые мы лицезреем, искусство и превосходство Бога поражают нас.

♦ Всё, что богословствующие или философствующие стремятся выразить в разнообразии модусов, есть единое. Едино царство небесное, и его уподобление — тоже одно, но развернуть его можно только в разнообразии способов, как показывает Учитель истины. И Зенон не говорил одно, а Парменид, Платон или кто бы то ни было из повествовавших об истине — другое, но, имея в виду единое, они только выражали одно и то же в разных модусах. Пускай эти способы выражения противоположны и кажутся несовместимыми, однако каждый по-своему — один утвердительно, другой отрицательно, третий обоюдно — они пытались развернуть одно и то же единое, недостижимо вознёсшееся над всяким противоположением. Ибо едина и утвердительная теология, всё утверждающая о едином, и отрицательная, всё отрицающая о нем же, и двоякая, не утверждающая, не отрицающая, и разделительная, одно утверждающая, другое отрицающая, и сочетательная, в утверждении связующая противоположности или в отрицании совершенно отбрасывающая оба взаимно отрицающих противоположения.

♦ Поскольку, однако, форма даёт бытие всякой частной вещи — вернее, форма есть само бытие вещи, — то Бог, дающий само бытие, справедливо именуется обычно дарителем форм. Соответственно Бог не форма земли, воды, эфира или чего бы то ни было другого, а абсолютная форма формы земли или воздуха. Земля поэтому ни Бог, ни что-то другое, но она есть земля, и воздух есть воздух, и эфир — эфир, и человек — человек, каждое сообразно своей форме: форма любой вещи есть нисхождение от универсальной формы, так что форма земли есть ее форма, а не чего-то другого, и так далее.

♦ Даритель форм даёт не что-то другое, отличное от себя, но его дар — наилучший, то есть само его абсолютное и универсально величайшее благо; оно только не может быть принято как даётся, раз принятие даруемого совершается в нисходящем порядке. Бесконечное принимается конечным, универсальное — частным, абсолютное — ограниченным, а такое принятие, отпадая от истины сообщающего себя начала, отклоняется к подобию и образу. Оно не истина дарителя, а его подобие. Поистине он не может быть принят в другом иначе как с различием. Скажем,

твое лицо, многократно размножая из себя равенство своего поверхностного очертания, по-разному принимается каждым зеркалом, смотря по различию зеркал, то есть принятий, — одним яснее, потому что зеркальное восприятие здесь яснее, другим туманнее, но никогда и ни одним зеркалом не так, как оно есть: в другом оно обязательно принимается с различием.

♦ **Из диалога с каноником Майнфельдского монастыря Конрадом Вартбергом:**

Конрад. Предел разысканий у всех мудрецов — единое начало: когда в своем восхождении через разные потоки и озера они приходят к источникам, то останавливаются, а у предела так же нет предела, как у начала — начала. Но где начало и предел совпадают, там ведь и середина обязательно должна с ними совпасть, а серединой представляется опять то же самое, в котором всё — оно же, как говорит пророк Давид: «В начале Ты основал землю, и небеса — дело Твоих рук; они погибнут, но Ты — тот же». Скажи, верно ли такое предположение?

Николай. Как нельзя больше. Но остается узнать, что ты имеешь в виду.

Конрад. Мне кажется удивительным, что **тот же** — причина всех вещей, а они так разнообразны и противоречивы. Словом, вопрос касается становления всех вещей, и мне очень хотелось бы услышать от тебя об этом что-нибудь, по возможности краткое и легкое.

Николай. Хочешь, чтобы труднейшую и непонятнейшую вещь, от которой отступились все древние, я, самый недалекий из всех, сразу разъяснил тебе в легком сокращении?

Когда мы говорим, что разное разно, мы утверждаем, что разное тождественно себе самому; поистине разное только и может быть разным через абсолютное **то же**, в силу которого всё существующее есть то же самое для себя и другое для другого. Но всё, что то же самое для себя и другое для другого, не есть абсолютное **то же**, которое для другого и не то же, — потому что как сочетать то же для другого с абсолютно тем же? — и не отлично, — потому что как разность может быть присуща абсолютному **тому же**, которое предшествует всякому различию и инаковости?

Конрад. Понимаю. Ты имеешь в виду, что нет такого сущего в мире, которое не было бы тем же для себя и другим для другого, а значит, ничто такое не есть абсолютное **то же**, хотя само это абсолютное **то же** не отлично ни от чего, тождественного себе и отличного от другого.

Николай. Правильно. Абсолютное **то же**, которое мы и называем Богом, не состоит в числовой соразмерности ни с чем другим; например, нельзя сказать, что Бог и небо — это несколько вещей, или две, или неодинаковые, или разные, равно как небо не есть абсолютное **то же**, раз в качестве неба оно другое для земли. Но абсолютное **то же** есть актуально форма всякой формируемой формы, и форма не может поэтому быть вне **того же**. Что вещь та же самая для себя, тому причиной форма, а другая для другого она из-за того, что ее форма не есть само по себе абсолютное **то же**, то есть форма всякой формы. Начало, середина и конец всякой формы — абсолютное **то же**, и абсолютный акт всякой возможности — опять-таки безотносительное, неизменное **то же**, в кото-

ром универсальное не противоположно частному, раз то и другое идет уже после него: ведь универсальное есть то же для самого себя и другое для частного, и частное так же. Словом, абсолютное **то же** возносится и над всеми универсалиями интеллектуальной области, и над реально существующими индивидами.

Конрад. Вот наш пророк Давид, чьи слова об абсолютном **том же** ты подробно объяснил, в другом месте говорит, что «словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — вся их сила». Очень прошу тебя истолковать мне его, если это уподобление уместно, тем более что оно не кажется слишком уж в корне отличным от Моисеевых изображений.

Николай. Предположение о способе, каким всё существует, пытался высказывать каждый, но мудрейшие философы говорят, что от Бога, чистейшего интеллекта, вполне и совершенно выступившего в акт, природные формы вещей возникли так же по решению воли, как по решению архитектора, которому повинуются его инструменты, возникает форма здания. Да, впрочем, если на то пошло, выше было показано, что всякий деятель, будучи **тем же** для самого себя, отождествляет; значит, всякий вообще деятель в своей деятельности в какой-то степени уподобления воспроизводит (repraesentat) творение.

Конрад. Разумеется, но в одном действии яснее, чем в другом, и поэтому прошу у тебя для руководства какое-нибудь более близкое подобие.

Николай. С удовольствием, насколько сейчас приходит в голову. Ты, наверное, видел, как художник-стеклодув делает вазу?

Конрад. Видел.

Николай. Вот тебе хорошее руководство. Стеклодув подбирает материю. Потом он с помощью огня делает ее в печи пригодной для обработки. После через посредство железной трости, к которой присоединяется материя для принятия благодаря воздействию художника задуманной в уме учителя формы, мастер вдувает свой дух, входящий в материю, и через посредство такого духа, производящего в материи движение в соответствии с замыслом учителя, художник делает стеклянную вазу из материи, которая была лишена какой бы то ни было формы вазы. Форма образует материю до той определенности, когда возникает такая-то ваза такого-то вида, так что материя, подчинившись теперь форме, лишается универсальной возможности стать какой угодно формой вазы — эта универсальная возможность теперь связана действительностью ее вида. Впрочем, если художник из такой вазы такого вида вознамерится сделать другую другого вида, убедившись, что ни эта ваза, ни ее части, поскольку они ее части, не находятся в отношении возможности к тому, что он замыслил, — из-за того, что любая законченная вещь представляет цельную завершенность и ее части суть части ее цельности, — то он заставляет эту вазу или ее обломки вернуться в первоначальную материю, устраняя связывавшую ее действительность формы, и, когда после этого материя благодаря расплавлению придет к текучести, то есть к универсальной возможности, снова делает из нее другую вазу.

Вот подобие, пусть очень отдаленное, того, как Бог произвел в бытие

все вещи, — хотя он, конечно, не берет возможность вещей из чего-то не им созданного. Если вдуматься, природа при создании чувственно постижимых форм так же пользуется солнечным теплом, как стеклодув — огнем; она действует так же, как дух стеклодува; и природа так же управляется умом всевышнего художника, как дыхание мастера — его замыслом. Легко можешь вывести отсюда и это, и многое другое.

Конрад. Ты дал прекрасное подобие происхождения чувственных вещей; я как бы в наглядном примере вижу...

♦ Любовь есть конечная цель красоты; красота хочет быть любимой.

4. МЫСЛИ

- Велик Господь! Во всём мы ищем только его, раз без него всё ничто; его одного имея, мы имеем всё, потому что он есть всё; его одного зная, мы знаем всё, потому что он истина всего. И он сам пожелал, чтобы изумительная машина мира приводила нас в удивление, но скрывает ее от нас тем больше, чем больше мы изумляемся, потому что хочет, чтобы только его мы от всего сердца и со всем старанием искали.
- Бог устроил так, что всякий доволен самим собой (даже когда восхищается другими), собственным отечеством (родная земля кажется ему милее), нравами, языком своей страны и так далее, чтобы повсюду в меру возможного царили единство и независтливый мир, а это вообще бывает возможно только у соцарствующих с тем, кто и есть наш нерушимый мир, превосходящий всякое разумение.
- Корень знающего незнания — в понимании неуловимости точной истины.
- Наш разум относится к истине, как возможность — к абсолютной необходимости, не могущей быть ни больше, ни меньше, чем она есть.
- Неравенство состоит из равенства плюс излишек. Единство предшествует двойственности, т. е. связь предшествует делению.
- Когда мы говорим, что разное разно, мы утверждаем, что разное тождественно себе самому.
- Чтение книг о философах, их жизни и учениях побуждает душу отдаться раздумью, сладостнее которого ничего не может быть в человеческой жизни.
- В земных вещах таятся причины будущего, как нива — в семени.
- Если круг увеличится до бесконечности, разве тогда его диаметр не станет бесконечной линией, а окружность максимального круга, больше которого не может быть, минимально крива, а стало быть, максимально пряма?
- Высший мир изобилует светом, но не лишен тьмы. В низшем мире, напротив, царит тьма, хотя он не совсем без света.
- О становлении (genesis) и божественный Моисей, и многие другие говорили по-разному, так что трудность получилась уже́ от разнообразия предположений.
- Бог есть точность любой данной вещи. Поэтому если бы мы обладали точным знанием об одной вещи, то по необходимости мы обладали бы знанием обо всех вещах.

- Ум — это то, откуда возникла граница и мера всех вещей.
- Опытная наука требует пространности сочинений. Чем больше их будет, тем безошибочнее станет возможно от опытов переходить к выводимому из них искусству.
- Натурфилософы говорят, что влечению к пище предшествует некое болезненное чувство в преддверии желудка, побуждающее природу, которая стремится к самосохранению, подкрепить себя. По-моему, точно так же и сильное удивление, начало философии, предшествует жажде познания, благодаря которой интеллект, чьё бытие есть понимание, укрепляет себя исследованием истины. А задевает нас обычно редкостное, даже если оно ужасно.
- Последняя точность сочетаний в телесных вещах и однозначное приведение неизвестного к известному настолько выше человеческого разума, что Сократ убедился, что он знает только о своём незнании; премудрый Соломон утверждал, что все вещи сложны́ и неизъяснимы в словах, а еще один муж божественного духа, Иов, сказал, что мудрость и место разума таятся от глаз всего живущего. Поскольку это так и даже глубочайший Аристотель пишет в «Первой философии», что природу самых очевиднейших вещей нам увидеть так же трудно, как сове — солнечный свет, то ясно, если только наши стремления не напрасны, что всё, что мы желаем познать, есть наше незнание.

∇ ◐ Этот пафос печали и пессимизма более чем задирающ. Он свойствен всем, кто философствует. Им обычно начинается мудрствование, и в нем оно сникает.

Но давайте обозрим имеющееся без стенаний и предубеждений. Для начала: плетью обуха не перешибешь. То есть есть нечто невозможное. Не недоступное — ведь мы видим и обух, и сотворимое с ним! — а именно невозможное. Сгоревшую вещь не воскресить. И пепел имеется, и то, какой она была, знаем, и как горела, видели, а вот воссоздать ее, попавшую в небытие, не можем!

Кирпич не летает, и как бы он ни завидовал птице, ему не уподобиться ни ей, ни другим крылатым существам.

Мне не стать змеёй, вам — стрекозой, ему — телевизором. На всём лежит сущностное ограничение. Обратите внимание: речь не идет о запрете. Но дождь — это **всегда** то, что сверху, а хруст снега под ногами бывает только при морозе. То есть если ты есть вот **это**, то тебе только **этим** и быть. Иного не дано. Потому что «иное» — это уже начало *другого.*

Когда заявляют, что **познание** невозможно, видимо, что-то путают. Если я могу видеть сквозь стекло, а не могу глядеть сквозь бетонную стену, то разве это проблема моих свойств? Разве Создатель меня чем-то обделил, что не сделал меня раскаленным, как Солнце, и величиной, скажем, с Луну?! Да и опять же, если я построю автомобиль, а он, стремительный и комфортный, при этом не будет еще и доиться молоком, как корова, то что, я сразу же стану объектом обоснованной критики??!!

Человек вполне и в совершенстве познаёт всё, что ему доступно.

То есть его «полем» будет всё то, куда он способен ступить. Недоступное он не в состоянии **не познавать,** а всего лишь использовать.

Однако говорят: Бога-то мы не знаем и не узнаем. Так уж! Мы знаем и узнаём всё, что может быть известно. Это непреложная констатация. Это база нашей жизненности. Именно она — источник естественного оптимизма.

А вот **невозможное** — это, конечно, посерьезнее. Немóчное — немочно! И тут надо, понятно, хочешь или нет, считаться. Если, к примеру, коммунизм не достижим, то при чём тут вопрос о его познаваемости? Если рельс не жуётся, то откуда будет обнадеживание в исследовании такого действия?!

Познавание опирается на то, что нам присуще. И с позиций последнего **всё познаваемо.** Допущение обратного приводит нас к нам самим же. То есть любое сомнение носит только и исключительно субъективный характер.

Вот так. И что тут добавить! ◑

- Человеческая природа есть вписанный в круг многоугольник, а круг — божественная природа.
- Кто может подняться настолько высоко, чтобы постигнуть многообразие в единстве и единство в многообразии? Это сочетание выше всякого разумения.
- Стóит мне сказать: «Единство есть максимум», как я ужé выражаю троичность. Ведь говоря «единство», я называю безначальное начало; говоря «максимум», я называю изначальное начало; связывая и соединяя то и другое связкой «есть», я называю нечто исходящее от того и другого.
- Математические предметы... Недаром именно в них мудрецы искусно находили примеры умопостигаемых вещей, и великие светочи древности приступали к трудным вещам только с помощью математических подобий. Разве Аристотель, который, опровергая предшественников, желал предстать единственным в своём роде, сумел показать нам в «Метафизике» различие сущностей каким-то другим образом, чем в сравнении с числами? Желая преподать свое учение о природных формах — о том, что одна пребывает в другой, — он тоже был вынужден прибегнуть к математическим фигурам и сказать: «Как треугольник в четырехугольнике, так низшее — в высшем».

  То же и Боэций, и Пифагор, и Августин, и Эпикур...
- Мы находим Бога путем отстранения причастных ему вещей: всё сущее причастно его бытию; если отнять это приобщение к нему всего сущего, останется простейшее бытие, единая сущность всего. И созерцать это бытие мы можем только в высотах ученого незнания, потому что, когда я отстраняю из своей мысли всё причастное бытию, кажется, что ничего не остаётся; недаром великий Дионисий Ареопагит говорит, что понятие Бога приближается больше к ничто, чем к чему-то. Но святое незнание учит меня: то, что кажется уму ничем, есть непостижимый максимум.
- У максимального круга его диаметр тоже максимален, а раз многих максимумов не может быть, такой круг до того един, что его диаметр

есть окружность. Но у бесконечного диаметра бесконечна и середина, середина же есть центр; значит, центр, диаметр и окружность у такого круга тождественны. Наше незнание учится отсюда непостижимости максимума, которому не противоположен минимум и в котором центр есть окружность.

Богу подходит такое единство, которому не противоположны ни различие, ни множество, ни многочисленность. Такое единство и будет его максимальным именем, свертывающим всё в простоте своего единства. Это имя несказанно и превосходит всякое понимание. В самом деле, кто сможет понять бесконечное, бесконечно предшествующее всякому противоположению единство, где в единой простоте без составления свёрнуто всё сущее, где нет другого или разного, где человек не отличен от льва, а небо не отлично от земли и тем не менее каждая вещь есть истиннейшим образом она сама, — не в конечности своего бытия, а как свернуто заключаемая максимальным единством? Если бы кто-то смог понять или назвать такое единство, которое, будучи единством, есть всё и, будучи максимумом, есть минимум, то он постиг бы имя Божие. Но поскольку имя Божие есть Бог, его имя тоже знает только тот ум, который сам есть максимум и сам есть максимальное имя. Так в ученом незнании мы постигаем: хотя «единство» представляется ближайшим именем максимума, оно еще бесконечно далеко от истинного имени величайшего, которое есть сам максимум.

Отсюда ясно, что утвердительные имена, которые мы приписываем Богу, его бесконечно умаляют.

Гермес Трисмегист справедливо говорит: «Поскольку Бог есть всеобщность вещей, ни одно имя не есть его имя собственное, иначе или Бога пришлось бы называть всеми именами, или всё называть его именем», раз в своей простоте Бог свёрнуто заключает всеобщность вещей.

Линия крива оттого, что не максимальна, потому что, будь она максимальна, она не была бы крива. Так и с вещами. Раз они не могут быть максимумом, случается им быть ущербными, искажёнными, разрозненными и так далее, чему нет причины в Боге.

Кто способен, соединив в творении абсолютную необходимость, от которой оно происходит, со случайностью, без которой его нет, понять его бытие? Не будучи ни Богом, ни ничем, творение стоит как бы после Бога и прежде ничто, между Богом и ничто, как один из мудрых сказал: «Бог — противоположность ничто через опосредование сущего». Но ведь не может быть состава из бытия-от (ab-esse) и небытия! Творение явно и не бытие, раз оно исходит из от-бытия, и не небытие, раз оно всё-таки прежде ничто, и не состав из обоих. Неспособный вырваться за пределы противоположений, наш разум не постигает бытие творения ни разделением, ни сочетанием, хоть знает, что это бытие не может происходить иначе как от максимального бытия. Бытие-от непонятно уже потому, что непонятно бытие, от которого оно происходит, как непонятно свойственное акциденции бытие-при (ad-esse), если не понять субстанцию, при которой она существует.

И творение, как таковое, нельзя назвать ни единым, раз оно исхо-

дит из единства, ни многим, раз его бытие — от единого, ни тем и другим вместе, но его единству случилось быть в некоей множественности. То же самое явно приходится сказать о простоте и составности и остальных противоположностях.

Нельзя понять, как Бог может открываться нам через видимые творения; ведь он это делает не по способу нашего, только Богу и нам ведомого ума, который, начиная мыслить, переходит от бесформенности к восприятию в памяти цветовой, звуковой или какой-нибудь другой воображаемой формы, а потом, взяв новую, знаковую, словесную или письменную, форму, внушает свой смысл другим умам. В самом деле, создал ли Бог мир для того, чтобы обнаружить свою благость, как считают верующие, или потому, что он, максимальная абсолютная необходимость, хотел, чтобы мир ему повиновался, чтобы было кем повелевать, кто трепетал бы перед ним и кого бы он судил, или по какой другой причине, — всё равно ясно, что он и не облекается в другую форму, будучи формой всех форм, и не является в положительных знаках, потому что эти знаки тоже потребовали бы в том, что они суть, других знаков, в которых бы они имели свою основу, и так до бесконечности.

Вселенная есть всё-таки первоначало, только конкретно определившееся, и тем самым она есть максимум, то ясно, что Вселенная целиком вышла к существованию посредством простой эманации конкретного максимума из абсолютного максимума; а поскольку вещи составляют части Вселенной и без них она — ведь она существует только в конкретной определенности — не могла бы быть единой, цельной и совершённой, то всё сущее пришло к бытию одновременно со Вселенной, а не сначала интеллигенция, потом благородная душа и, наконец, природа, как думал Авиценна и некоторые другие философы. Впрочем, как в замысле художника целое (например, дом) предшествует части (например, стене), так мы говорим, раз всё вышло в бытие из божественного замысла, что сначала тогда произошла Вселенная и вслед за ней всё, без чего она не могла бы быть ни Вселенной, ни совершённой.

Если внимательно рассмотришь сказанное, тебе будет нетрудно увидеть истину анаксагоровского «каждое — в каждом», может быть, глубже самого Анаксагора. Коль Бог во всём так, что всё — в нем, а мы к тому же и дополнительно знаем, что Бог во всём как бы через посредничество Вселенной, то, очевидно, всё — во всём и каждое — в каждом.

В самом деле, Вселенная как бы природным порядком, будучи совершеннейшей полнотой, заранее всегда уже предшествует всему, так что каждое оказывается в каждом: в каждом творении Вселенная пребывает в качестве этого творения и так каждое вбирает все вещи, становящиеся в нем конкретно им самим; не имея возможности из-за своей конкретной определенности быть актуально всем, каждое конкретизирует собой всё, определяя всё в себя самого.

Каждая актуально существующая вещь успокаивается благодаря тому, что все вещи суть в ней она сама, а она сама в Боге — Бог. Вот чудес-

ное единство вещей, их удивительное равенство и чудодейственная связь, благодаря которым всё пребывает во всём.

Не будь возможность вещей определенной, не могло бы быть никакого основания для вещей, а во всём царил бы произвол, как ложно полагал Эпикур. То, что этот мир произошел из возможности на разумном основании, необходимо должно было получиться оттого, что у возможности было предрасположение (aptitudo) стать только этим миром. Значит, предрасположенность возможности была определенной, а не абсолютной. Так и Земля, и Солнце, и всё остальное: если бы они не таились в материи в неким образом определенной возможности, то не было бы большего основания, почему бы им скорее выйти в актуальность, чем не выйти.

Отсюда следует, что хотя Бог бесконечен и соответственно мо́г сотворить мир бесконечным, но поскольку возможность по необходимости была определенной, а не вполне абсолютной, а ее предрасположенность — не бесконечно́й, то сообразно такой возможности бытия мир не мог стать ни актуально бесконечным, ни бо́льшим, ни иным. С другой стороны, определенность возможности идет от действительности, действительность же — от максимального акта. И поскольку определенность возможности, таким образом, — от Бога, а определенность действительности — от того, что вещам случается быть такими-то, то миру, по необходимости конкретно определенному, случилось быть конечным.

Бог сотворил всё так, что каждая вещь, стремясь сохранить своё бытие, словно некий божественный дар, делает это в общении с другими. Служа только для хождения, нога служит не только себе, но и глазу, и рукам, и телу, и всему человеку; то же самое — глаз и остальные части. Так и части мира.

Чтобы яснее понять таинство креста, надо сделать небольшое отступление и сказать об изначальном замысле Бога о человеке. Как известно, человек состоит (exsistit) из чувства, интеллекта и посредника-рассудка. Ощущение сто́йт порядком ниже рассудка, рассудок — интеллекта. Интеллект не погружен во временное и вещественное, он абсолютно свободен от них; чувство целиком зависит от мира, подчиняясь временным движениям; рассудок по отношению к интеллекту как бы на горизонте, а по отношению к чувству — в зените, так что в нем совпадает то, что ниже, и то, что выше времени. Чувство не улавливает надвременных и духовных вещей, оно животно, а животность не воспринимает божественного, ведь Бог есть дух и больше, чем дух; вечность поэтому окутана для чувства мраком непознаваемости. Следуя законам плоти, чувство побуждается силой желания к плотским влечениям, а силой гневливого возбуждения — к преодолению препятствий. Возвышающийся над ним по природе рассудок благодаря причастности к интеллектуальной природе хранит определенные законы, руководствуясь которыми управляет порывами страстей, умеряет их и приводит в равновесие, чтобы человек не сделал чувственные вещи своей целью и не лишился стремления к духовным и интеллек-

туальным вещам. Высший смысл законов рассудка в том, чтобы не делать другому, чего не хочешь себе, предпочитать вечное временному и чистоту и святость — греховности и грязи; этому и служат законы, выведенные святыми законодателями из самого рассудка и провозглашенные сообразно различиям места и времени для исправления людей, погрешающих против рассудка.

Интеллект взлетает выше и видит, что, пускай чувство во всем подчинится рассудку, перестав служить своим природным страстям, человек сам по себе всё равно не может достичь цели своих духовных и вечных стремлений. Человек родился из семени Адама среди плотских вожделений, животность с самого рождения преобладает в нем над духовностью...

❑ Никто никогда не смог сам преодолеть себя и свою изначально подданную грехам плотского желания природу, собственной силой поднявшись над своим животным корнем к вечности и к небу, кроме сошедшего с небес Иисуса Христа, который и собственной добродетелью возвышался и в своей человеческой природе, рожденной не от желания плоти, а от Бога, не имел помехи для того, чтобы как власть имущий возвратиться к богу-Отцу. В Христе человеческая природа благодаря соединению с верховным всемогуществом поднята и вырвана таким образом из-под груза временных и гнетущих желаний.

❑ Вот несказанное таинство креста, таинство нашего искупления. В нем Христос яснее всякой очевидности показал, что истину, праведность и божественные добродетели надо предпочесть временной жизни, как вечное — преходящему, и что в совершеннейшем человеке должны быть терпение и мужество, любовь и смирение. Крестная смерть Христа обнаружила также, что в максимальности Иисуса эти и все другие добродетели присутствовали максимальным образом и чем больше поднимается человек к этим бессмертным добродетелям, тем подобнее Христу становятся. И здесь тоже минимальное совпадает с максимальным: величайшее унижение — с превознесением, позорная смерть праведника — с его жизнью в славе, как всё это явлено нам жизнью Христа, его страстями и распятием.

❑ Истинный человек мог быть только смертным, и он мог поднять смертную природу к бессмертию только после того, как смерть сняла с нее смертность. Послушай, в каких прекрасных словах Истина научила нас этому: «Если пшеничное зерно, упав на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, даст многий плод». Если бы Христос так и остался смертным, то разве смертный человек, пусть даже никогда не умирая, мог бы дать человеческой природе бессмертие? Хоть сам бы он не умер, он остался бы просто одним-единственным не умирающим смертным. Поистине, раз ему предстояло дать «многий плод», он должен был освободиться через смерть от возможности умереть, чтобы, вознесшись так, привлечь к себе всех, когда его власть была бы уже не только в мире и на смертной земле, но и на нетленных небесах.

❑ Некоторые раскаляемые вещества устойчиво выдерживают огонь и способны вобрать в себя и его свет, и его тепло, потому что их чистота

позволяет им преображаться в подобие огня, пускай в разной, большей и меньшей мере, а другие из-за своей нечистоты, даже если нагреваются, в свет всё-таки не превращаются. Так судья Христос, верша единый, простейший и нераздельный суд, в один момент — как бы природным, а не временным порядком — справедливейше, без зависти сообщает Вселенной тепло сотворенного разума, после восприятия ею этого тепла разливая сверх того и божественный умопостигаемый свет, и через это его посредничество Бог есть всё во всём и всё пребывает в Боге, равняясь ему, как только возможно по способности каждой вещи; но что-то благодаря большей цельности и чистоте способно воспринимать не только тепло, но и свет, а другое из-за нерасположенности субъектов (subiectorum) едва воспринимает тепло без всякого света.

◘ Положительные утверждения мудрецов суть предположения. Предположение есть положительное утверждение, которое причастно истине, как она есть, в инаковости.

Всякое сущее пребывает в своей собственной бытийности, как оно есть. И в ином оно существует по-иному. Ты легко это поймешь, если обратишь внимание вот на что. Круг как предмет рассудка познаётся, как он есть, лишь в своей собственной рассудочной бытийности. Если ты представишь себе фигуру, в которой все линии от центра к окружности равны, то по этому основанию ты постигаешь круг как предмет рассудка. Но вне собственно самого рассудка в качестве чувственного круга он существует в ином и потому по-иному. Итак, невозможно, чтобы круг, как он есть в рассудке, был таким же за его пределами. Чувственно же воспринимаемый круг причастен к единству круга, образуемого рассудком, в инаковости.

Поэтому точность круга, как он есть сам по себе, остается непередаваемой. Ведь он размножается только в инаковости. Поистине, не может быть дан ни один чувственный круг, в котором линии, проведенные от центра к окружности, были бы точно равны, мало того, нельзя провести линию, которая во всём была бы равна другой. Значит, видимый круг никогда не является столь точным, чтобы не могло всегда быть еще более точного. И хотя круг, как он есть, участвует в ином только таким, каков он есть сам по себе, иное приобщается к нему только инаково. Следовательно, круг, как он есть, неприобщаем не из-за своего несовершенства, но потому, что приобщаются к нему в ином, а потому всегда с различием.

◘ Наш разумный дух несет в себе силу огня, он послан Богом на землю не для чего другого, как чтобы пылать и возрастать в своем горении. Он возрастает тогда, когда пробуждается удивлением, подобно тому как ветер, вея на огонь, раздувает его и переводит его возможность в действительность: постигая деяния Бога, мы удивляемся его вечной премудрости, и внешний ветер этих деяний и творений столь различной силы и действенности превращает наше стремление в любовь к Создателю и в созерцание его премудрости, чудесно устроившей всё.

Когда мы рассматриваем крохотное (minimum) горчичное зерно и

зрением ума видим его способность и потенцию, то это нам повод пробудиться в удивлении перед нашим Богом. При столь малом теле его сила не имеет предела: в этом зернышке огромное дерево с листвой, ветвями и множеством новых семян, в которых подобным же образом заключена та же сила сверх всякого числа. Такой я вижу силу горчичного зерна в уме: если бы ему предстояло развернуться в действительности, не хватило бы этого чувственного мира, да что я говорю, не хватило бы ни десяти, ни тысячи, ни стольких миров, сколько можно перечислить.

- Если велик даже художник, который сумеет произвести из малого куска дерева лик царя, либо царицы, или муравья, или верблюда, то как велик искусник, могущий в действительности создать всё, что есть в любой потенции? Тот Бог, который из любого малого тела способен сделать всё по подобию любых форм, какие только мыслимы в этом мире и в бесчисленных мирах, удивителен тонкостью своего искусства. Но еще удивительнее потенцией и знанием тот, кто создал просяное зерно и вложил в него такую силу. Поражает величием премудрость, способная пробудить в зерне все возможные формы не в случайном подобии, а в истине существования. И превышает всякое понимание и несказанно изумляет то, что Бог может не только произвести живых людей из камней, но и создать людей — из ничего, и вызвать к бытию несуществующее так же, как существующее.
- Вот в чём я хотел бы убедить всех: поднявшись над собственным пониманием и научившись незнанию, мы должны поэтому, пускай не вмещая точной истины как она есть, прийти по крайней мере к узрению того, что она существует, хоть мы сейчас и не способны ее охватить.
- Просить — значит искать в неослабной вере с неколебимой надеждой на обретение.
- Вот причина, почему тайное нельзя сообщать всем людям: ибо когда оно открывается, то кажется им нелепым.
- Жить в постоянном счастье — значит восходить к жизни.
- К совершенно неизвестному никто не стремится. Существуют же у индийцев плоды, которых мы не желаем, не имея никакого представления об их вкусе. Но поскольку мы не могли бы жить вообще без пищи, то мы стремимся к ней. Ведь мы обладаем предвкушением пищи, чтобы жить чувственной жизнью. Так, дитя по своей природе имеет некое предвкушение молока, почему и устремляется к нему, когда голодно. Из чего мы возникаем, тем и питаемся. Так и разум имеет жизнь свою от вечной мудрости и обладает неким предвкушением ее. Поэтому при любом вкушении, которое необходимо разуму для жизни, он стремится питаться лишь из того, из чего он получает свое разумное бытие.
- Мудрость содержится во всех формах, как истина в образе, и прообраз в копии, и форма в фигуре, и точность в уподоблении.

Джованни Джовиано Понтано

XV – XVI вв.

• Итальянский философ

Родился: 1426 г.
Умер: 1503 г.

Прожил — 77 лет

«В минуты роковой опасности для государства власть уместнее всего передать человеку, авторитетному умом и ученостью. Когда Рим был объят страхом и в ужасе перед Катилиной и другими заговорщиками не знал, на что решиться, по общему согласию народа и сената консульская власть была немедленно передана Цицерону, хотя он и был «новым человеком», пришельцем в городе, и при этом были обойдены знатные граждане города».

(Понтано)

■ **«Что может быть достойнее человека, чем выделиться среди других? А как раз таковы ученые люди».**

(Понтано)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в местечке Черрето.
• Образование получил в университете Перужи.
• В 21 год поступил на службу к неаполитанскому королю Альфонсу V Арагонскому.
• Занимал министерские посты.
• Был заметен своим дипломатическим искусством; стремился к установлению мира между итальянскими государствами.
• Был воспитателем сына преемника Альфонса V короля Фердинандо I Альфонса.
• Был учеником Антонио Панормита и в течение многих лет возглавлял созданную тем Академию (кружок гуманистов, дискутировавших по вопросам философии, поэзии, астрологии).
• В истории итальянского гуманизма Понтано занимает место как поэт и писатель, автор многих стихов и сатирических диалогов. К примеру, «Харон» (1467) содержит много критических наблюдений над нравами современников и по поводу религии и церкви.
• **Сочинения Понтано:**
«О повиновении» (1470);

«Государь» (1490):

/ Дидактический этико-политический трактат; нечто вроде ежедневного пособия по вопросам психологии управления. /;

«О неаполитанской войне» (1494);

«О небесных явлениях» (1475 – 1495):

/ Это трактат по астрологии. /;

«О Фортуне» (1500);

«О мужестве»;

«О великодушии»;

«О благоразумии».

2. СУДЬБА

► ◐ Особый предмет исследования Понтано — «царское дело». Он философствует по поводу государственного верховодства, анализирует условия эффективного управления в высшем звене власти. Его советы своему подопечному — наследнику престола представляются ему новым словом в изучении «дворцовых трудов в условиях абсолютизма» ◑:

♦ Герцог Альфонс! Всё то, что было мною сказано до сих пор о поддержании и укреплении величия, как мне кажется, было совершенно обойдено древними философами; ни один из них, насколько мне известно, ничего не говорил об этом.

3. УЧЕНИЕ

♦ Кто хочет властвовать, должен прежде всего заботиться о двух вещах: первое — быть щедрым, второе — быть снисходительным.

♦ **Щедрость** и врагов делает друзьями, и чужих — близкими, и неверных — верными.

♦ Власть справедливого правителя все воспримут спокойно.

♦ Следует вырвать с корнем и вышвырнуть прочь из дворца **честолюбие**, ибо оно порождает несчастья.

♦ Тот, кто прислушивается к льстецам, тот теряет самостоятельность и себя самого и свои поступки оценивает согласно чужому неискреннему мнению.

/◐ Понтано строит свои рассуждения в полном соответствии с принципами *приемов влияния на людей*. Он понимает, что при обосновании не обойтись ему без конкретных примеров (желательно о ситуациях знаменитых и о людях очень известных). Но **этический аспект** его воздействия на слушателя и читателя оформляется в ёмкую запоминающуюся миниатюру, которая в моей классификации *способов влияния на человека* называется **«преподать урок»**. ◑

Наставительный же эпизод здесь такой:

Римский император Александр Север (годы правления: 222 – 235) – Понтано говорит: «поступил разумно» — распорядился привязать к столбу одного из тех, кто ревностно добивался народного благоволения, казавшегося ему пределом счастья. Александр приказал затем разжечь костер из сырых дров, от дыма которого тот и задохнулся. При этом Александр заметил: «По заслугам задохнулся от дыма тот, кто всю жизнь продавал и покупал его». /

♦ Удачливым правителям подчиняются охотнее.

♦ Нет ничего позорнее, чем не сдержать свое слово. Честность обладает таким свойством, что требует ее соблюдения даже при обещаниях, данных врагу.

/◐ Это требование может показаться странным и несколько безумным. Однако здесь есть один очень верный нюанс: поступки, не совместимые с природой и предназначением души, обладают для судьбы человека бумеранговым эффектом.

В истории было немало случаев нетрадиционного решения людьми этой непростой для них проблемы. Я же здесь ограничусь только двумя, исходя из предположения, что и этого довольно ◑:

- ◘ В трагедии Корнеля «Гораций» старик Гораций на вопрос его жены, чего бы он хотел для своего сына, сумевшего победить врагов с помощью притворного бегства, ответил ставшей знаменитой фразой: «Пусть он умрет».
- ◘ В V в. до н. э. два известных пифагорейца Дамон и Финтий показали беспримерный образец дружбы: один остался заложником смерти другого, а второй пришел к сроку казни, чтобы освободить первого. Видя такое величие духа, сиракузский тиран Дионисий I Старший (ок. 432–367 гг. до н. э.; правил с 405 г. до н. э.), отличавшийся исключительной жестокостью, в данном случае пошел наперекор себе и явил пример человечности. /

♦ Для государя нет ничего выше истины.

/◐ Ибо истина правит правлением, поправляя его. ◑/

♦ Государь обязан быть доступен, любезен, симпатичен. Его величие требует, чтобы он преследовал негодяев.

♦ Быть оптимистом — залог успешного правления. Для государя должно стать прямо-таки ежедневной формулой прекрасное замечание Тита Ливия: «Никому не до́лжно уходить в печали после беседы с царем».

♦ Тот, кто стоит над людьми, должен быть неподвластен любым аффектам.

/◐ Ведь он потому и над, чтобы не обвеваться обычной обыденщиной. Как человека, садящегося в карету, уже больше не беспокоят проблемы пешехода, так и, входя во власть, следует помнить, что привычки и настроения должны оставаться тем ниже, чем выше поднимаешься. Здесь, как в театре: свои страсти должны погрузиться в темноту погашенного в зрительном зале света, а чужие — те, что на сцене, — должны и волновать, но не трогать! ◑/

♦ Правление предполагает не только победы, но и поражения, и несчастья. И потому мудрость напоминает стоящим у руля государства, что к вершинам (поскольку они вершины и бывают круты и неприступны) можно подняться только ценой величайших усилий и опасностей.*

---

* ◐ Собственно, любое правление для человека есть уже само по себе величайшая опасность.

Для тех, кто правит, командует, руководит, скорее более удивительны победы и ежедневное пребывание в числе живых, чем поражения и необузданное кружение вокруг и торжество смерти.

Историки рассказывают, что льстец Дамокл, бывший фаворитом Дионисия I Старшего, беспрерывно превозносил счастливую участь своего повелителя. И тогда последний решил показать ему, что такое на самом деле жизнь государя.

Дамокла поместили на золотом ложе, ему прислуживали красавцы-слуги, угождавшие малейшему его желанию, стол был полон яств, курились ароматы. И было лишь одно маленькое, просто совсем малюсенькое «но». Над головой Дамокла постоянно висел на тонком конском волосе необычайно острый и очень тяжелый, правда, блестящий и украшенный драгоценностями меч.

Дамокл, поначалу растаявший от счастья, через некоторое время не захотел такой жизни и умолял Дионисия отпустить его.

Вот бы всех льстецов **поучить бы** так! ◑

♦ Несчастья нередко бывают причиной великих успехов.

∇ ◐ Хотя чаще и справедливее обратное, Понтано совершенно прав. Но с одной оговоркой: есть **закон отскока**. Несчастья не должны ударять в несчастное; тогда они там вязнут. Несчастья же, нацеленные в предыдущее им противоположное, конечно, больно бьют, но непременно отскакивают.

Противоположности потому и познаются друг другом, что они полюсируются, а не сливаются. Именно это их свойство — основание надежды и фундамент оптимизма. ◑

♦ Возгордившийся, надменный и наглый имеет перспективу очень больно упасть.

/◐ Гордыня — это как бы кислота, проливаемая нами на канат счастья, на котором мы висим над бездной пороков, зла горестей. Рано или поздно она его разъест... ◑/

♦ Нельзя быть мудрым в молодости, ибо нет еще ни опыта, ни понимания. Поэтому без общения с мудрым человеком не обойтись.

∇ ◐ Да, действительно. Ребенка надлежит водить за руку, а юношу — за ум. Пока живое не вырастет, ему помогают.

Кстати, и старости нужно тоже вспоможение: чтобы не обломилась она плодоношением. Ее помощь юности и есть самооблегчение от чрезмерия силы. ◑

♦ Для человека противоестественна непрерывная деловитость. Ему так же, как и еда и воздух, нужны шутка, анекдот, услаждающая музыка. Положено взбадривать усталый дух.

♦ Радуясь чужим удачам и горюя вместе с людьми над их неудачами, мы обезопасиваем себя любовью, поскольку привлекаем к себе души и делаем окружающих преданными нам. Здесь точка зрения проста, так как свыше нам предписано каждый день определяться: от какой смерти мы хотим умереть — от своей или от насильственной?

♦ Привлекая к себе достойных, мы повышаем свою безопасность.

♦ Существует древняя, весьма убедительная истина — для царей всегда страшна чужая добродетель.

♦ Жестокого и ска́редного правителя всегда ожидают тревоги, его денно и нощно терзают пытки страха. Покушения и заговоры, коварство врагов и вероломство ближайшего окружения — всё это обычные будни тирана. Все притеснители чаще всего гибнут от руки своих же слуг, будь то уборщик помещений, наложница или дворцовая стража.

/■■■ Говорят, что Масинисса*, под властью которого некогда находилась бо́льшая часть Африки, не доверяя даже своим детям, поручил охрану своей жизни огромной стае свирепых собак. И уже по одному тому, что он псам доверял больше, чем сыновьям, можно судить о том, чувствовал ли он себя в безопасности. В такой же тревоге и таких же муках жили Александр Ферейский** и Дионисий

* **Масинисса** (238 –149 гг. до н. э.) — нумидийский царь, союзник Рима в войне с Карфагеном.

** **Александр Ферейский** — тиран Фессалии (годы правления: 369 – 358 до н. э.), отличался крайней жестокостью.

Сиракузский. Первый, желая войти к своей жене Фебе, которую он, надо сказать, безумно любил, приказывал, как пишет Цицерон, войти сначала некоему варвару, покрытому татуировкой, с мечом в руке, а кроме того — нескольким своим телохранителям, чтобы они обыскали шкатулки жены и убедились, что под одеждой ее не спрятан кинжал. Второй же имел двух жен, Аристомаху и Дориду, и, говорят, никогда не обнимал ни одной из них прежде, чем они не сбросят одежды. А в спальню он входил по деревянному мосту, переброшенному через широкий, окружающий ее ров. Более того, когда его дочери, которые стригли его, подросли, он, боясь доверить им бритву, приказывал выжигать ему волосы раскаленным углем. ■/

//◘ Императора Домициана 18 сентября 96 г. до н. э. убил Сатур, начальник его прислуги.

◘ Тиберий (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.; римский император с 14 г.) был задушен начальником своей охраны.

◘ Калигула (12 – 41 гг. н. э.; римский император с 37 г.), стремившийся к неограниченной власти и требовавший к себе почестей как к богу, был убит императорскими гвардейцами.

◘ Лепид Марк Эмилий — сын триумвира Лепида был умерщвлен по приказу Октавия за попытку его убийства. Его жена Сервилия, будучи не в силах перенести смерть мужа, проглотила горящий уголь.

◘ Константин I Великий (274 – 337; римский император с 306 г.), политик расчетливый и коварный, опиравшийся в борьбе за власть на христиан, казнил своего сына Криспа, подозревая его в заговоре против себя.

◘ Султаны Оттоманской империи, восходя на престол, имели обыкновение расправляться с близкими родственниками, дабы избавить себя от возможных соперников и заговорщиков. Так поступил в 1595 г. Магомет III. //

♦ Природа добродетели такова, что она, будучи присуща кому-нибудь, не может долго оставаться незамеченной.

■■■ Однажды Антонио Панормита, утомившись от чтения, сидел, отдыхая в вестибюле своей виллы «Плинианум», недалеко от Неаполя, на побережье Резины. Когда среди присутствовавших зашел разговор о добродетели и Антонио стал утверждать, что свет ее ослепителен, какой-то проходящий мимо крестьянин заметил: «Я не знаю, Антонио, как блестит эта самая добродетель, о которой ты говоришь, но твердо знаю только, что как я ни хотел взглянуть на нее, никогда не мог этого сделать». На это Антонио с улыбкой сказал: «Добрый человек, ты наверняка мог бы прекрасно рассуждать об ослике, которого ты, потеряв по глупости, всё еще не можешь найти. Но скажи мне, пожалуйста, что, по-твоему, самое ослепительное на свете?» — «Солнце», — сказал тот. «Но ведь слепые не видят солнца, — ответил Антонио, — потому что они лишены зрения. Значит, добродетель намного ярче солнца, ибо даже слепые могут ее видеть совершенно отчетливо». ■

♦ Суть государева дела — это принятие решений. По общественным и по

частным делам. Здесь есть свое усердие, но есть и свое искусство. Прежде чем принять решение, нужно выслушать многих, еще больше соображений принять во внимание, выяснить, какими причинами руководствовался каждый, не соглашаться тотчас же, не всегда и не явно высказывать неодобрение, многое выражать лишь молча, одним взглядом, изображая на лице глубокую работу мысли, выслушивать мнения других с таким видом, чтобы казалось, что ты способен прочитать их мысли, собственные мысли не раскрывать сразу же, а если раскрывать — то немногим; быть кратким в словах и осторожным в их выборе, в соответствии с характером дела скупо высказывать замечания, порицать редко и только по самым важным причинам, хвалить, сохраняя достоинство, умерять вспышки гнева, ибо гнев — враг величия, и вообще ни в чем не выходить за рамки приличия.

♦ В умении *не согласиться* есть свои тонкости. К примеру, отказывая каким-то людям, это лучше делать не прямо, не с мрачным выражением лица и не в резких словах, но скорее показать, что отказываешь ты не потому, что не хочешь удовлетворить их просьбу, а потому, что полагаешь это вредным для них и что, отказывая, ты заботишься об их же интересах.

♦ В управленческой деятельности нередко следует поступать, руководствуясь не столько правом, сколько добром и справедливостью: кое-что скорее следует простить, чем наказать, на что-то сознательно закрыть глаза или отложить это до другого времени.

♦ Частные отношения — это отношения между частными лицами, либо — между частными лицами с тобой. Поэтому вот закон, которому ты должен следовать в отношениях с другими: чужеземцев принимай доброжелательно, внимательно выслушивай, обращайся с ними любезно, во всем проявляя свою доступность и доброту; насколько это возможно, старайся еще до встречи с ними узнать, что они за люди, с кем общаются, чем занимаются, каковы их взгляды и политические симпатии, мрачного или веселого они нрава, приятны ли в беседе или нет, с чем они пришли, чего хотят от тебя, явились ли они официально или как частные лица. Нужно также знать хорошо обычаи других народов и их занятия. Зная всё это, легко поймешь, как следует действовать тебе самому. Пригласив на пир, старайся принять их богаче, за обедом веди с ними дружескую беседу, покажи, что разговор с ними доставляет тебе большое удовольствие, что тебе интересно узнать, что достопамятного видели они и слышали в своем путешествии. Пригласи присутствующих рассказать что-нибудь смешное или серьезное, что могло бы удивить или позабавить слушателей. Когда же они заведут с тобой речь о своих делах и просьбах, прояви тогда свою щедрость и нескаредность, а там, где потребуют этого твое ли достоинство или характер их просьбы, — благочестие, справедливость, сдержанность, мягкость. Когда же наступит время провожать их, сделай это вежливо и любезно и, не довольствуясь тем, чем ты уже одарил их, пообещай сделать в дальнейшем еще большее.

♦ Из всех манер общения с людьми — *любезность, щедрость, доброжелательность* есть самые полезные.

Марсилио Фичино

XV век

• Итальянский философ

Родился: 19.10.1433 г.
Умер: 01.10.1499 г.

Прожил — 65 лет

> **«Не возделывайте философию языком. Сердце для этого подходит куда больше».** *(Фичино)*

■ **«Природа предоставила каждому всё, чтобы он был человеком, гуманитарные науки — всё, чтобы он стал человеком, философия — чтобы он сделался Богом».** *(Фичино)*

1. ЖИЗНЬ

• Происходил из тосканского местечка Фильино.
• Родился в семье врача Диотифечи.
• Поименование **Фичино** Марсилио придумал себе сам, преобразовав и латинизировав имя отца.
• Образование получил во Флорентийском университете, где изучал медицину, литературу и философию.
• Фичино был маленького роста, его осанку искажал горб, он постоянно жаловался на слабое здоровье.
• Его наставником в философии был известный медик и философ Никколо Тиньози, автор комментариев к этико-политическим сочинениям Аристотеля.
• Жизненным девизом Фичино были слова Аристотеля: «Худший не тот, кто порочен по отношению к себе, но тот, кто порочен по отношению к другим; лучший же не тот, кто добродетелен по отношению к себе, но по отношению к другим».
• Современники свидетельствуют, что в гимназиуме Фичино было изображение мировой сферы, а рядом с нею тут же — Демокрита и Гераклита, одного — смеющимся, другого же — плачущим.
• Раннее увлечение Фичино перипатетической традицией быстро прошло под влиянием поэмы Лукреция «О природе вещей».
• Фичино в совершенстве знал греческий язык.
• Был в дружбе с Анджело Полициано (1454 – 1494) и с Джованни Пи́ко де́лла Мира́ндолой (1436 – 1494):

/ Это был прекрасный союз людей, не только общных по жизни, но и единых в науке. Побуждаемые бескорыстной любовью к знаниям, эти люди честно и мужественно предавались нелегким ученым заня-

тиям. Они так распределили между собой обязанности, что втроем, складывая усилия, могли охватить все сферы тогдашней учености.

Общение друзей демонстрировало всегдашнюю сладость пребывания в дорогой сердцу и возлюбленной умом компании. Каскад остроумных изречений — быстрых, как экспромт, и приятных, как афоризм, — был непрерывен. Божественные жесты, игривые шутки, чудная речь. Словом, здесь был рай единомыслия. /

• Фичино прекрасно музицировал на лютне. Его музыкальные «сеансы» проходили под знаком Орфея, чье изображение было нанесено на инструмент.

• Фичино очень любил прогулки по окрестным холмам. Это считалось (да, видимо, и было) хорошим лекарством от меланхолии, залогом здоровья и стимулом к медитации. ◐ В само́й натуре Фичино, как и в окружавших его близких его сердцу людях, была душевная узорчатость, трепещущая и зовущая в незаурядность экзальтация ◑:

/ В одном из писем Фичино рассказывается, как они с Пико делла Мирандолой гуляли в окрестностях Фьезоле и восхищались открывавшейся оттуда панорамой Флоренции. Они говорили о том, что здесь было бы хорошо поставить жилище. Дом должен быть повёрнут на юг и восток, укрыт от жары и ветра, хорошо снабжен водой. Нужно сделать его укромным и вместе с тем оставить выход в открытое и полное воздухом пространство (т. е. поставить на границе уединения и общения). Нужно, чтобы вокруг были и леса, и обработанные поля (т. е. и природа, и культура). И вдруг Пико вскричал: то, чего желали, «форма, созданная в уме», — вот, перед глазами. Ибо в месте, куда они забрели, действительно расположилась вилла, построенная для Леонардо Бруни; здесь поблизости когда-то жил Боккаччо... /

• К 1462 г. Фичино осуществил перевод всех диалогов Платона на латынь.

• Фичино переводил и комментировал неоплатоников — Плотина, Прокла, Ямвлиха, Порфирия.

• Фичино ввел понятие «Homo scientifico» («человек наукозанятый»):

/ Это и не научный работник, и не кабинетный созерцатель, и не кропотливо погруженный в материал согбенно-земной эмпирик. Это — человек, который ставит науку делом и условием своего освобождения. Пусть природа обнимает наш ум, а не душит его.

Это была исповедально ощущаемая ◐ эстетика учености ◑:

♦ Удовольствуемся же деятельностью ума, которая не зависит от внешних обстоятельств, но пребывает в себе, не ожидая награды, ведь наградой служит получаемое ею наслаждение. /

// **Ученость** — идеал Фичино. Он сторонник ◐ науколюбезного гуманизма ◑. И потому утверждение еще одного выдающегося деятеля итальянского Возрождения Леона Баттиста Альберти (1404 – 1472): *«Не для того дает природа человеку величие разума, ума и таланта, чтобы он прозябал в покое и изнеженности. В праздности мы становимся слабыми и ничтожными. Искусство жить постигается в деяниях»*, — было и его таким же мнением. //

• Фичино (всю его жизнь) покровительствовал флорентийский правитель Козимо Медичи (1389 – 1464; начало правления с 1434 г.).
• В 1462 г. Козимо Медичи подарил Фичино виллу Кареджи — одну из своих загородных вилл в окрестностях Флоренции.
• Фичино стал зачинателем Платоновой академии во Флоренции. В 1462 г. (ему шел тогда 30-й год) он на вилле Кареджи основал кружок друзей — художников, поэтов, философов, собиравшихся для обсуждения проблем философского учения Платона:

/ Этому кружку суждено было стать центром изучения платонизма в Италии. Во Флорентийскую академию входили скульптор и живописец Антонио Поллайоло и его брат Пьетро, поэты Анджело Полициано и Джироламо Бенивьени, философ Пико делла Мирандола. Марсилио Фичино был центром этого кружка. /

// Всех посетителей Флорентийской академии встречала (как и в той памятной Платоновой академии) надпись: «Всё идет от благого к благому. Радуйся настоящему, но не цени имущества и не гонись за почестями. Избегай излишнего, избегай суетных трудов, радуйся настоящему». //

///■■■ Групповое самоощущение в Академии Кареджи весьма выразительно и сущностно цело передано в «Камальдолийских диспутах» (ок. 1474) Кристофоро Ландино (1424 – 1498). Этот неоплатоник вывел здесь двух участников диалога Леона Баттиста Альберти и Лоренцо Медичи, в уста которых вкладывает беседу о выяснении общественно полезной функции созерцателей, ученых людей в структуре гражданского общества. Мысль темы пульсирует вокруг такой основы: подобно частям человеческого тела, нужным независимо от того, «высокие» они или «низкие» по предназначению, полезны и разные профессии, независимо от своего кем-то, пусть даже верно или неверно, приписываемого им «ранга». С уважением в разговоре упоминаются купцы, законодатели, солдаты, советники, судьи, юристы, врачи, скульпторы, живописцы, кузнецы, плотники, шерстяники, ткачи, портные, сапожники, колбасники, пекари, повара, торговцы мясом и рыбой. С этими занятиями, приглашают нас к согласию рассуждающие, всё ясно, ибо это «ремёсла, распространенные среди толпы» и «искусства, достойные свободного человека, ибо созданы разумом и трудолюбием». Но как быть с *человеком ученым*? Для чего нужен он, «досужий и безучастный, который пребывает с собою и у себя, укрывается, одинокий, в своей библиотеке, никуда не выходит, ни с кем не общается, никого не привечает, не занят никаким частным или общественным делом»?

Ответ, даваемый Ландино, и красив, и остроумен. Он полемически безупречен и по убедительности безукоризнен. Он совсем не побуждает к спору, а просто подвигает к единению с точкой зрения диспутантов:

«Кто не знает, что человек — это и душа и тело? Кому придет в голову отвергать то, что мы — то и другое? А значит, целостному человеку свойственны и размышление и действие. Однако действия

разделяют с людьми их смертный жребий; размышления же, побеждая все века, пребывают бессмертными и сравниваются с вечностью. К тому же польза от sapientes — совет в любом деле. Ученые не отказываются, если их попросят горожане, взять на себя управление государством, как то предусмотрено Платоном. Но их мудрость почерпнута именно в созерцании. Горожане должны склониться перед учеными людьми, как перед некими смертными богами. Бояться же, что горожане по примеру этих «досужих» мудрецов забросят свои дела, — нечего! Очень редки те, кто бежит человеческого общества и может оставаться наедине с собой. Ведь на это способен только тот, кто, преодолев человеческую природу, взлетит к божеству». ■ ///

• **Сочинения Фичино:**

«О наслаждении» (1457);

«Комментарии к диалогу Платона "Пир"» (1469):

/ Этот трактат считается также и как бы трактатом «О любви»:

♦ Истинная любовь есть не что иное, как некое усилие вознестись к божественной красоте, вызванное лицезрением красоты телесной. /;

«Платоновское богословие о бессмертии души» (1469 – 1474);

/ Издана работа в 1482 году.

В самом же труде автор предлагает читателю свой, чуждый и враждебный схоластике, вариант «ученой» религии. Фичино отстаивает концепцию «всеобщей религии» (religio universalis), искони присущей человечеству. Все исторически существовавшие религиозные культы, а равно и религиозно-философские учения оказываются проявлениями этой «всеобщей религии» и, пусть неполным, но всё же выражением единой истины, высшим воплощением которой является, по мысли Фичино, христианство. Оттого-то и имеет место множество религиозных культов, которое вовсе не есть результат обмана и дьявольского наваждения, как полагают многочисленные рьяные приверженцы христианства, а предусмотрено самим божественным провидением:

♦ Полнота божественной присущности не позволяет, чтобы в какое-либо время какая-либо часть мира была полностью лишена религии, хотя и допускает, чтобы в различных местах и в разное время соблюдались разные способы почитания Бога. Так что, быть может, это разнообразие во Вселенной, согласно божественному предписанию, порождает восхитительную красоту. /;

«О христианской религии» (1474);

«Апология о похищении нимфы Маргариты героем Пико» (1486):

/ Шутливо-серьезный текст в защиту друга Фичино Пико делла Мирандолы. Этот 23-летний граф 10 мая 1486 г. на глазах мужа похитил его жену донну Маргариту, в которую так беспамятно влюбился, что уже не мог контролировать свое поведение.

Фичино в этой истории показал себя настоящим философом. Он подвел под заурядное бытовое событие мифологические обоснования, чем, собственно, хотя и очень казуистично, оправдывал перед властями и общественным мнением поступок друга. /;

«О жизни» (1489);
«О солнце и свете» (1492);
«Послания» (1495):

/ Многочисленные небольшие трактаты:

«О золотом веке»;
«О моральных добродетелях»;
«О фортуне»;
«О счастье»;
«О жизни созерцательной, активной и проводимой в наслаждениях». /

• Фичино был искренне верующим католиком. В 1473 г. он стал священником, а в 1477 г. — каноником Флорентийского собора.

2. СУДЬБА

► 7 ноября 1468 г. Фичино устроил на вилле Кареджи пир в честь дня рождения (а по преданию, и смерти) Платона. Данное действие возобновляло старинную традицию неоплатоников по ритуализированному почитанию основателя Академии, которая прервалась 12 веков назад, когда 36-летний Порфирий, тогдашний глава Платоновой академии, переехал из Рима в Сицилию. Всё было сделано с имитацией обстановки тех лет. Фичино зажег лампаду перед бюстом Платона. Сотрапезники почтили память Платона беседой о природе и сущности любви, распределив между собой роли участников платоновского диалога «Пир». Результатом этой научной беседы явился комментарий Фичино на это сочинение Платона.

/ Театрализация, устроенная Фичино, оказалась более чем плодотворной. Завершивший ее «Толковник...» вошел в золотые философские анналы как важнейший памятник итальянского неоплатонизма XV столетия. /

// Обстановка в Кареджи была отличительно возвышенной. В одной из своих зарисовок Фичино передает царивший здесь настрой в красках, навевающих ощущение обстановки. В используемых им словесных конструкциях отчетливо заметна торжественная интонация:

♦ Юноши здесь или с приятностью и легкостью усваивают посреди забав наставления в нравах, или посреди игр учатся искусству рассуждать. Зрелые мужи здесь основательно изучают науку о семейных и общественных делах. Старцы здесь надеются сменить смертную жизнь на жизнь вечную. В саду Академии поэты внимают Аполлону, в вестибюле ораторы видят декламирующего Меркурия, в портике и зале юристы и правители выслушивают Юпитера. Во внутренних помещениях философы познают своего Сатурна, созерцателя небесных тайн. И повсюду жрецы и учителя святости находят оружие, коим они бодро защищают благочестие против нечестивых. //

► Фичино был великим философом. Это непреложно, и это факт. Однако он был в то же время и просто человеком, порой мелочным, а подчас прямо-таки поражающим неразборчивостью средств в контактах и столкновениях с людьми. Так, он с друзьями сумел, построив интригу на об-

винениях в нечестивости, поссорить поэта Пульчи с внуком Козимо Медичи Лоренцо Великолепным (Лоренцо Медичи; 1448 – 1492), за что, как говорится, «получил тем же концом по тому же месту»: поэт отплатил ему издевательскими о нем стихами. Опять же, всем обязанный семейству Медичи, Фичино не явился к ложу умиравшего Лоренцо, сказавшись из осторожности больным: ведь правление Медичи уже шаталось под громовые проповеди монаха Джироламо Савонаролы (1452 – 1498), настоятеля доминиканского монастыря во Флоренции. Фичино был враждебен режиму Савонаролы (обличителя папства, интригана и автора трактата «Об управлении», развернувшего в 80 – 90-е годы деятельность, направленную против тирании Лоренцо Медичи), однако держался лояльно. Зато после сожжения монаха немедленно опубликовал «Апологию», в которой с запоздалой смелостью утверждал, что Савонарола — антихрист.*

/◐ Пусть читатель поймет правильно цель этих штрихов в обрисовке личности Фичино. Я вовсе не хочу сказать плохое о философе. Я просто опасаюсь переусердствовать в хорошем о нем. ◑/

3. УЧЕНИЕ

● Наиболее существенное

♦ Бог — везде.

♦ Всюду, где открывается или мыслится бытие, которое является всеобщим результатом, там повсюду есть и Бог, являющийся всеобщей причиной.

♦ Бог есть всеобщая природа вещей.

♦ Начало, конец и середина всех вещей — Бог.

♦ Бог, разум и душа — три главные начала мира. Богу присуще единство, разуму — порядок, душе — движение. От одного лишь Бога возникает в мире единство частей и целого, от божественной силы разума — порядок соединенных частей, от души, силою высших сущностей, — движение упорядоченного мира. Душа движет миром, изменяя его благодаря самой себе, движет его к определенному порядку благодаря разуму, сохраняет всегда в этом порядке благодаря вечному единству самого Бога.

♦ Все части мира, хотя они и различны, согласуются во взаимном порядке, ибо составляют единое тело, перенимают друг у друга и заимствуют природу. Низшие тела движутся высшими, высшие — бестелесной природой. Порядок этот зависит не от случая, ибо он всегда тождествен и подобен себе. Стало быть, Бог есть единственный распорядитель единого мира.

♦ Нас обманывает воображение, когда мы представляем себе, что Бог заполняет собой абсолютно всё; так как в этом случае оно внушает нам,

---

* По настоянию Савонаролы ростовщиков изгнали из города, неимущие были освобождены от долгов, был введен налог на богачей. Савонарола звал к покаянию и очищению нравов. На кострах сжигали «предметы суеты» — богатые одежды и драгоценности. Были запрещены светская музыка, веселые карнавалы и представления. Среди флорентийцев, привыкших ценить искусство и зрелища, возникло недовольство строгими порядками, которые установил в городе Савонарола.

Авторитет Савонаролы пошатнулся не только среди богачей, но и среди рядовых горожан. Сторонники папы и Медичи внутри города повели против него борьбу. Папа отлучил Савонаролу от церкви. Савонарола был схвачен своими противниками, осужден папским судом как еретик и сожжен на площади перед дворцом Синьории.

что он некоторым образом помещается в вещах. В действительности же, он находится повсюду таким образом, что в нем содержится то, что именуется «повсюду», более того, что он сам и есть это «повсюду», которое охватывает собою себя и всё остальное.

♦ Бог потому находится во всех вещах, что все они находятся в нем, и если бы они не были в нем, они не были бы нигде и не существовали бы совсем.

♦ Не Бог распространяется в мире, а мир, насколько это возможно, простирается в Боге.

♦ Как первое в природе, являющееся Богом, действует во всём, на всё и не испытывает никакого воздействия, так последнее, каковое есть телесная материя, должно испытывать воздействие от всех, само же менее всего воздействовать на иное.

♦ Душа есть величайшее чудо природы, ибо объединяет и образы божественных сущностей, от которых происходит, и образцы низших вещей, которые некоторым образом сама и производит.

♦ Душа есть центр природы, середина всех вещей, цепь мира, лик всех вещей, связь и узы мира.

♦ Структура мироздания пятиступенчата:

① ♦ **Бог** — неподвижное единство над формами.

② ♦ **Ангельский ум.** В нем Бог запечатлел формы всех подлежащих творению вещей. Происходя из Бога, он к Богу же и возвращается.

③ ♦ **Душа.** Она есть средняя, связующая ступень всех вещей. Именно она своим движением распространяет жизнь в вещах.

④ ♦ **Качество.** Оно придает материи ограничивающий ее вид (форму).

⑤ ♦ **Материя.** Она есть телесная масса, нечто пассивное, близкое к ничто, хотя и не ничто.

♦ Движение есть знак внутренней жизни

♦ И как во всеобщности тела, т. е. в телесной Вселенной, повсюду присутствует природа, так и во всеобщей природе повсюду находится всеобщая душа.

♦ Все части мира, поскольку они являются созданием одного мастера и членами одного и того же мироздания, подобны друг другу в бытии и в жизни, так что справедливо именовать любовь вечной связью и узами мира и его частей, недвижимой его опорой и прочным основанием всего мироздания.

♦ Один и тот же круг, идущий от Бога к миру и от мира к Богу, называется тремя именами: поскольку он начинается в Боге и к Богу влечёт, — красотой; поскольку, переходя в мир, захватывает его, — любовью; а поскольку, вернувшись к Создателю, соединяется с ним его творение, — наслаждением.

♦ В Боге безмерно изобилие его благости и истины.

♦ Мощь человека почти подобна божественной природе. Управляя низшим миром, повелевая самим собой, устраивая государство и организуя семью, человек есть как бы некий Бог.

♦ Человек рожден царствовать. В своем стремлении к свободе он совершенно не может терпеть рабства.

♦ Кто станет отрицать, что человек обладает гением, так сказать, почти таким же, как и сам создатель небес, и некоторым образом мог бы даже создать небеса, если бы получил в свое распоряжение орудия и небесную материю, коль скоро теперь он их воспроизвел, хотя и из иной материи, но в подобном порядке, когда через астрономию научился имитировать в моделях небесный свод?

● Из обязательного

♦ Что такое искусство? — Род природы, обрабатывающий материю извне. Что такое природа? — Искусство, которое формирует материю изнутри, как если бы плотник был внутри дерева.

♦ Следовать природе — значит действовать «изнутри», исходя из числа и меры, из разумных оснований, заложенных в природу ее внутренним искусством.

♦ Красота есть скорее некое духовное отображение вещи, нежели телесный образ.

♦ Что же такое, наконец, красота тела? Деятельность, жизненность и некая прелесть (грация), сияющая в нём от вливающейся в него идеи. Сияние этого рода проникает в материю не раньше, чем она будет надлежащим образом приуготовлена. Приуготовление живого тела заключено в трех вещах: порядке, мере и облике. Порядок означает интервалы, мера — количество, образ — очертания и цвет.

♦ Платон — князь философов.

♦ Любовь есть соединяющее движение.

♦ Всякая вещь в природе является либо причиной, направленной на нас, либо следствием, идущим от нас.

∇ ◐ Эта мысль чрезвычайно ценна, поскольку базополагает то понимание мirowовникания, что вокруг человека не «человеческих» (или **вне** человеческих) вещей уже, с появлением в Универсуме **человека**, ***в принципе*** нет: все они его, человека, и по *данности,* и по *как бы,* продукт — или обработаны его руками, или пронизаны его разумом, или обследованы его глазами. Видеть — значит присваивать.

Когда говорят, что мир объективен, в том смысле, что-де существует **до, вне** и **независимо** от сознания человека, то, скорее всего, или выражаются, далеко отстоя от философского канона, или без должной своей ответственности за говоримое. Объективен — значит, определяемый *объектом.* Но! Но при взаимодействии односторонность обусловливания совершенно невозможна, ибо **исключается**: и по определению, и по действию, и по результату, и, если хотите, по смыслу. Ну, как, скажите, может быть одноканальным соприкосновение?! К примеру, пальца руки с холодной водой? Да, она его охлаждает, и руке зябко. Но разве не имеет место еще «кое-что»??!! Разве он, палец, не нагревает воду своим теплом? Разве, уже дополнительно, не «раздвигает» ее, тем самым влияя и, давайте говорить в тематике темы, подчиняя ее себе?!

Нам никогда не вычесть себя из природы! И в этой беде познания — вся его радость. ◑

♦ Если и есть две истины, то вот они:

1. Любите только себя и живите настоящим.
2. Любите всё и думайте о вечности.

♦ ◐ Рационалитет ◑* нравов, искусства и наук изначален. Мы узнаём о присутствии этих врожденных свойств души по проявлениям с сáмого нежного возраста. Но следует знать, что природа наделяет ими человека по жребию. И дух, если его правильно возделывают, необходимо произведет на свет в положенное время все заложенные в него стремления к истине, добру, достоинству, пользе.

♦ Божественные вещи непозволительно открывать черни.

■■ Являть плебсу высочайшие тайны божества, запретные мистерии — разве не значит бросать святыни псам и метать бисер среди свиней?

Ведь что такое плебс? Это некий полип, то есть переменчивое и безголовое животное. Для народа всегда свойственно заблуждаться и ничего не знать.

■■ Разве способны простолюдины понять мудрость? Учитывая это, Христос проповедовал толпе иносказательно (in parabolis), что называется, с покрытым лицом, дабы не слепил свет, потому что народ не смог бы выдержать свет незрячими, сонными глазами.

♦ Воздержание и умеренность укрощают, обуздывают страсти. Постоянство, терпение, упорство, смелость преодолевают опасности, побеждают страхи, утешают в печали. Поскольку природе Бога, утверждает Платон в письме к Дионисию, чужды наслаждение и тяготы, разве ему нужны те добродетели, которыми умеряются такого рода волнения души? Нужна ли невинность Богу, который не может никому вредить? Или верность и справедливость тому, у кого с нами нет никакого соглашения или договора? Разве не так? Ведь не будет у Бога для людей дружбы, не лишенной привязанности, каковая существует между равными, между теми, кто знает друг друга и питает друг к другу сердечные чувства. Бог же лишен всякого чувства. Между ним и людьми неизмеримое расстояние. Бога никто не знает, никто не разговаривал с ним, не общался. Ведь ни один Бог, по словам Платона, не соприкасается с людьми. И пусть никто не говорит, что Богу свойственна щедрость.

♦ Мысль должна стремиться к пределам, на которые указывает желание.

♦ Вечность есть мгновение, пребывающее всегда подобным себе, тогда как время проходит периоды не подобные.

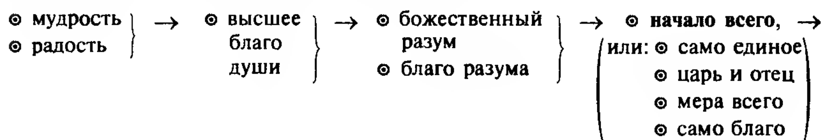
♦ Та добродетель, что наиболее соответствует природе, является главной. Именно таково велико-лепие (◐ антитеза раболепию, рабо-лепию ◑). Она — превосходнейшая. А ее полное соответствие природе очевидно по двум признакам: с одной стороны, нет ничего более подходящего для благополучия множества людей и общего блага, чем то, что по своей природе активно радеет о других; с другой стороны, именно оно из всех человече-

* Лингвизация *лат.* rationes — ◐ разумопричастность ◑.

ских дел доставляет высшие почести, бессмертие и славу. Истинная же слава есть то, к чему от природы стремятся прежде всего остального. Кроме того, если добродетели свойственно делать нас подобными Богу, то великолепие, которому удается это лучше всех моральных добродетелей, разумеется, совершеннее и божественнее остальных.

♦ Зло с корнем вырвать невозможно. Должно же что-то быть противоположным добру! Это закон смертной природы и низшей области мира. Но там, где Бог, там иные отношения. Поэтому мы должны бежать, и как можно скорее, **отсюда — туда**. *Бежать* — значит становиться, насколько это возможно, подобными Богу. А что уподобляет душу Богу? — Праведность, святость, мудрость.

♦ Источник блаженства великий Платон полагал не в царстве идей, как это неверно считают перипатетики, но выше идей, ума, жизни и сущности. Восходящая иерархия здесь такая:

→ **из него истекают:**
- формы материи
- семена природы
- разумные основания души
- идеи ума
- жизненная деятельность
- ряд всех сущностей

♦ События случайные могут быть предугаданы, а, следовательно, против них могут быть приняты меры.

- Ударам Фортуны не может противостоять человек и человеческая природа как таковая, но лишь человек благоразумный и человеческое благоразумие.
- Благоразумие есть не столько человеческое приобретение, сколько дар природы.
- Природа не в себе состоит и не от себя зависит. Потому в ней следует усматривать разумную основу.
- Более строго, человеческое благоразумие есть дар не просто природы, но гораздо больше — начала, источника и первопричины природы.

♦ Если бы кто-нибудь меня спросил, что такое судьба и какую защиту я могу предложить против нее, я ответил бы, во-первых, что судьба есть ход событий, совершающийся хотя и вне порядка вещей, который нам обычно известен и желателен, тем не менее согласно порядку, о котором знает и которого желает тот, кто знает и желает более, чем нам позволяет наша природа. Поэтому то, что по отношению к нам зовется Фортуной или случаем, по отношению ко всеобщей природе можно назвать роком,

по отношению к разумному началу — провидением и по отношению к высшему благу — законом. На вторую часть вопроса я ответил бы, что образ верного поведения, при событиях случайных, неизбежных и закономерных подсказан самой основой такого порядка событий и знание его также входит в этот порядок, поскольку оно не мешает, не затрудняет, но осуществляет и завершает всеобшее управление.

♦ Существует три образа жизни — созерцательный, активный и заполненный наслаждениями. Поэтому люди для достижения счастья избирают три пути, т. е. мудрость, силу и наслаждение. Под именем мудрости мы разумеем изучение свободных искусств и проведение досуга в благочестивых размышлениях. Под названием силы, полагаем мы, понимается власть в гражданском и военном управлении, а также изобилие богатств, сияние славы и деятельная добродетель. И наконец, мы не сомневаемся, что в понятие «наслаждение» входят удовольствия пяти чувств, а также пренебрежение к трудам и заботам.

♦ Когда будете при чтении у древних авторов встречать разные и порой разбросанные наименования природы, то относите каждое из них к соответствующей ступени. Например, где природа справедливо называется связуюшим бесконечным пределом и отцом себя самого и тому подобным, понимайте ее как высшее благо. Где же искусной, творящей, провидящей мудростью — понимайте ее как сам чистый ум, как дитя этого благо. Где матерью-кормилицей, преобразуюшей и движущей, — там рассматривайте как душу мира, созданную чистым умом. Где демоном небесным, эфирным, морским и земным — там представляйте себе энергию души и правящий земной дух.

♦ Есть три вида блага — блага Фортуны, блага тела, блага души.

1. *Блага Фортуны — это богатства, почести, известность, власть.*

Однако не в них счастье. К примеру, чем бóльшим числом людей мы управляем, тем бóльшие заботы нас терзают, бóльшим опасностям мы подвергаемся, к бóльшему числу людей мы должны уметь подойти, с бóльшим количеством дел справиться, бóльшее количество врагов нас окружает.

А что касается богатства, то и здесь не без проблемы. Согласно греческой мифологии, фригийский царь Мидас выпросил для себя у бога Диониса дар, в силу которого всё, к чему этот царь прикасался (в том числе пища, вода, вино), превращалось в золото. Обрадованный вначале таким обретением, Мидас вскоре понял, что ему грозит голодная смерть, и обратился к Богу с мольбой о попятной.

2. *Блага тела — это сила, здоровье, красота.*

Но разве сокрыто от нас, что всякая малость приносит нам ущерб, а красота — это более благо для других, чем для того, кому она принадлежит.

3. *Блага души — восприимчивость и наслаждение чувств, острый ум, память, смелая воля, добродетельные нравы.*

Но чувствами нас превосходят животные, за всякой страстью следует раскаяние, нам приходится воевать, чтобы жить в мире, и делать всё, чтобы ничего не делать. А потом, каким бы ни было ярким солнце,

но не пробить ему замутнённость воздуха, следовательно, и не в нравах счастье. Может быть, тогда счастье — размышлять над божественными вещами? Нет, ибо это недостижимо, поскольку имеет место слабость интеллекта, а кроме того, ум, стремясь восходить от причин к причине причин, рано или поздно требует знать беспричинную причину. А это Бог.

Следовательно, все три вида блага уступают са́мому высочайшему благу — Богу. Только в Боге обретает человек блаженство.

♦ Природа порой отказывается от некоторого познания. Она отвергает даже жизнь, как только находит, что жизнь становится чрезвычайно неприятной.

♦ Сила познания состоит в разделении, а сила любви в соединении. Мы сильнее соединяемся с Богом посредством радости любви, чем посредством познания, так как эта радость превращает каждого из нас в возлюбленного Бога.

♦ Желая знать Бога, мы достигаем немногого в течение долгого времени, а любя его, в кратчайшее время приобретаем очень много.

4. МЫСЛИ

- Чему смеется Демокрит? Тому же, над чем плачет Гераклит, — над толпой, чудовищным животным, безумным и жалким.
- Философы пошли от Платона и Сократа.
- Обязанности — это деяния, берущие начало в разуме, и ближайшие к природе добродетели.
- Бог наделяет каждого из нас по достоинству широчайшими общественными и божественными милостями и не терпит, если кто-нибудь лишен своего.
- Редкие таланты — это небесные существа, а не ослы с поклажей.
  / Это высказывание Фичино известно благодаря частому озвучиванию его Козимо Медичи. /
- Люби себя во всём и всё в себе, человек, думай о мгновении, которое длится бесконечно.
- Мысль должна быть направлена на необъятное.
- Мы должны любить свою причину, ибо она бо́льше есть наша сущность, нежели положенная нам и присутствующая в нас сущность.
- Энергия души — основа движения.
- Любовь к Богу никогда нельзя использовать плохо. Ненавидеть Бога хуже, чем не знать его, а любить Бога — лучше, чем знать.
- Не тот, кто лицезрит благо, но тот, кто его желает, становится благим; равным образом и душа становится божественной не потому, что она познаёт Бога, но потому, что любит его, подобно дереву, которое загорается не потому, что получает свет от огня, но благодаря жару.
- Справедливо именовать любовь вечной связью и узами мира и его частей, недвижимой его опорой и прочным основанием всего мироздания.

Пьетро Помпонацци

XV – XVI вв.

• Итальянский философ

Родился: 16.09.1462 г.
Умер: 18.05.1525 г.

Прожил — 62 года

> **«Цель философа есть истина».**
> *(Помпонацци)*

■ **«В философии всякому, кто стремится к постижению истины, подобает быть еретиком».** *(Помпонацци)*

■ **«Одно убедительное доказательство бессмертия разумной души я предпочел бы и папской власти, и всем богатствам мира. Я больше хотел бы получить одно доказательство бессмертия, чем тысячу тысяч лет быть повелителем мира».** *(Помпонацци)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Мантуе в богатой патрицианской семье.
• Был сыном Джованни Никколо Помпонацци из Мантуи.
• Учился в Падуе.
• Преподавал сперва в родном Падуанском университете, а с 1512 г. и до конца жизни читал лекции и вел занятия в Болонском университете.
• Друзья и ученики называли его Перетто, несколько видоизменив его имя. Так и пошло́ – *Перетто Мантуанец.*
• Помпонацци был профессором философии и медицины в университете Феррары.
• Его профессорский* взлет был рано признан, и как преподавателя его уважительно удостоили чести работать без «конкурента»:

/ В итальянских университетах практиковался обычай — у каждого профессора обязательно должен был быть лектор-конкурент, читавший тот же самый лекционный курс параллельно, в то же самое время; студенты должны были — и имели возможность — выбирать. Чтение «без конкурента» было зна́ком особой исключительности. /

• Ему неизменно покровительствовали венецианский сенат и болонские городские власти.
• Как-то так само сложилось, что Помпонацци стяжал у современников славу главы аристотеликов.
• Метод его лекций был обычен и для средневековых вузов типичным:

---

* **Профе́ссор** (*лат.* professor) — наставник.

берёшь первоисточник (фрагмент текста Аристотеля, Библии, «отцов» и «учителей» церкви) и толкуешь его.

• Помпонацци дважды вдовел. Был трижды женат. Имел двух дочерей.

• Жизнь его проходила в чтении лекций, в научных занятиях, в беседах с учениками.

• Дальше чем за пределы трех-четырех североитальянских городов он не выезжал.

• Помпонацци доподлинно знал и профессионально ориентировался в сочинениях Платона, Аристотеля, Боэция, Аверроэса, Авиценны, Фомы Аквинского.

• Был сведущ в античной словесности и не понаслышке имел сведения о творениях первых лиц во флорентийской Платоновской академии — Марсилио Фичино и Джова́нни Пи́ко де́лла Мира́ндолы*.

• Любимым присловьем Помпонацци на его лекциях были повторяемые им слова Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

• На формирование взглядов Помпонацци оказали влияние произведения одного из виднейших комментаторов Аристотеля — Александра из Афродизии (в 198 – 211 гг. жившего в Афинах и прозванного «экзегетом», т. е. «толкователем»). В «александринизме» были заметны крупные прорастания номинализма и примата чувственной стороны в познании.

• Интересный штрих: среди толкователей Дионисия Ареопагита (I в.) Помпонацци почтительно выделяет французского платоника Жака Лефевра д'Этапля.

• Благоговение Помпонацци перед авторитетами никогда не переходило в преклонение, тем более в зависимость:

♦ О, ты сказал, что это мнение Аристотеля! Соглашусь с этим, но не забуду напомнить и то, что Аристотель был человек и мог ошибаться.

♦ Аристотель воображал, будто знает многое такое, чего, если судить непредвзято, он вовсе и не знал.

♦ Аристотель утверждает, что жизнь на экваторе никак не возможна. Но я вот получил письмо от спутника Магеллана *Антонио Пифагетта*, только что вернувшегося в Италию из первого в истории кругосветного путешествия. Это мой друг, и, исходя из его сообщения,

* В труде Пико (из Мирандолы) «Речь о достоинстве человека» (1487) гуманистические импульсы эпохи Возрождения достигают наивысшей амплитуды. Отваживаясь на присвоение себе права очевидца, Джованни рассекречивает обращение Творца к Адаму и вот что говорит о напутствии Бога человеку:

«Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по собственному решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центр мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать всё, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам сформировал себя в образе, который ты предпочтешь».

надо полагать, что от всей аристотелевской космографии не остается теперь — заметьте, государи мои, сегодняшнюю дату: 18 марта 1523 года — и камня на камне.

Пифагетт был с посольством у короля Испании и путешествовал в сторону Южного полюса. Ему пришлось пересечь жаркий пояс. Он пишет, что там находится более трехсот островов и повсюду бесчисленное множество населенных мест.

• Главным его жизненным принципом было не иметь никаких закрепощающих или зашóривающих убеждений. Свои курсы он завершал так:

♦ Государи мои, вы окажетесь при бóльших сомнениях к концу, чем были в начале...

• Помпонацци явно был приверженцем учения о «двух истинах», согласно которому богословское знание не может и не должно противоречить разумному, философскому.

∇ ◐ Правда, у Помпонацци был любопытный акцент: он *философский подход* трактовал как истинно богословский. Я бы именовал эту его склонность в учёноисповедании как **диктатуру философии**. ◑

• Истоки творчества Помпонацци не очень ясны, но, может быть, на него повлияли материалистический цинизм и неприкрытые намерения обесславливания нравственной жизни:

/ В делах морали толчком может быть и отсутствие твердости. Когда чья-то нестойкость вызывает не только неприятие и несогласие, но гнев и активность. А что до поводов, то они были. И в немалой мере. Так, еще в XIII в. францисканец Пьетро де Трабибус писал: «Если нет иной жизни, то дурак тот, кто совершает добродетельные поступки и воздерживается от страстей; дурак, кто не предается сладострастию, разврату, блуду и скверне, обжорству, мотовству и пьянству, алчности, грабежу, насилиям и иным порокам!» /

• Как критически настроенная личность, Помпонацци был вполне наблюдательным человеком, далеким от наивности и понимавшим, **чтó** кого может ждать за неосторожное слово или кому-то неугодное дело. Оттого-то и слышали его слушатели от него призывающее к осторожности постоянное назидание:

♦ Государи мои, в философии верьте тому, что велят вам разумные доказательства, в теологии — тому, что велят богословы и апостолы со всею Римскою церковью, а не то умрете вы смертью поджаренных каштанов.

Расправа всегда недалека от смелого: направо пойдете — будет вам пытка, налево — четвертование.

• Центральной темой своих исследований Помпонацци выбрал трудность из трудностей — *можно ли считать душу бессмертной?:*

♦ Из всех вопросов вопрос о бессмертии души труднейший, и над ним мучились почти все славные философы.

/ А началось всё с того, что Помпонацци заметил несовпадение на этот предмет взглядов Фомы Аквинского (1225 – 1274) и Аристотеля (384 – 322 гг. до н. э.):

Фома Аквинский:
«В вопросах веры любая старуха знает больше всех философов, ибо какая старуха не знает, что душа бессмертна?»

Аристотель:
«Душа сама по себе материальна и смертна».
«Душу от тела отделить нельзя».

Но ведь и Аристотель, и Фома в те времена оба считались авторитетами. Естественно, что перед любым мыслящим человеком здравомыслие ставило вопрос: как же быть? /

• ◐ Манеру своей аналитики Помпонацци, по всей видимости, перенял у Секста Эмпирика, но в то же время он нигде не высвечивал границы своей эрудиции. Надо думать, что делал он это сознательно, в благоразумной осторожности полагая, что только **единознающий** может быть безопасным собеседником. ◑ Два-три примера в обоснование таких выводов и для убедительности:

♦ Установив многообразие и двоякость человеческой природы — не ту, конечно, которая есть следствие соединения материи и формы, но ту, которая относится к самой форме, или душе, следует рассмотреть, учитывая противоположность смертного и бессмертного и неприложимость этих определений к одному и тому же субъекту, справедливо ли будет усомниться, чтобы эти два определения одновременно относились к человеческой душе. А выяснить это нелегко.

Поэтому предположим, что либо одна и та же природа одновременно и смертна и бессмертна, либо речь должна идти о двух разных природах. Если принять второе предположение, то это может быть истолковано тремя способами. Либо существует столько же смертных и бессмертных душ, сколько людей, так что у Сократа окажется одна бессмертная и одна или две смертные души, и то же относится ко всем другим людям, так что каждый человек будет обладать своей смертной и бессмертной душой. Либо следует скорее принять для всех людей лишь одну бессмертную душу, полагая, что смертные души распределяются во множестве соответственно числу людей. Либо, напротив, мы сочтем бессмертную душу множественной, а смертную — единой, общей для всех людей. Если предпочесть первое положение, т. е. что человек смертен и бессмертен согласно одной и той же природе, то, поскольку невозможно, чтобы противоположные высказывания относились к одному и тому же субъекту, невозможно, чтобы одна и та же сущность была смертной и бессмертной сама по себе. Но либо она бессмертна по своей природе и смертна в некотором отношении, либо, напротив, по природе своей смертна и лишь в определенном отношении бессмертна. Эти три способа рассуждения позволяют в достаточной мере избежать противоречия. Подводя итог этому рассуждению, отметим, что двойственность человеческой природы можно толковать шестью способами, как это ясно из хода рассуждения и выводов.

♦ Некоторые считают, что Бог печется о вещах низшего мира и особенно о людях, а среди людей в особенности о славных мужах. Но это не представляется истинным, поскольку, если Бог занимается делами низшего мира, он делает это лишь мысля и желая, а стало

быть, либо посредством универсалий, либо посредством индивидуального. Если посредством универсалий, то почему нечто предназначено к этому, а не к тому? А если посредством индивидуального, то почему он предопределяет более к этому, нежели к тому? И почему более теперь, чем прежде?

♦ Говорят, что поэты, пророки и люди, которых называют одержимыми демоном, и прочие люди такого рода имеют действенной причиной небесные тела, а материальной причиной — состояние собственного тела. Но это не представляется разумным: поскольку либо эти поэты и прорицатели всегда находятся в таком состоянии, либо не всегда. Если принято первое, то, во-первых, это очевидно ложно по свидетельству опыта, ибо они оказываются в таком состоянии, лишь когда исполняются божеством, — смотри об этом в VI книге «Энеиды» Вергилия:

Вещая жрица меж тем всё противится натиску Феба,
Точно вакханка, она по пещере мечется, будто
Бога может изгнать из сердца. Он же сильнее
Ей терзает уста, укрощает мятежную душу.

Во-вторых, поскольку св. Фома в книжке «О тайных делах природы» сказал: «То, что одному присуще всегда и от произведенного в нем впечатления, естественно присуще всякому существу того же вида, но одним в большей, иным же в меньшей степени; и тогда очевидно ложной является посылка, ибо пророков всегда ничтожное меньшинство».

Если же дано второе, то и это представляется столь же ложным, потому что тот же Фома в том же месте говорит, что подобные явления происходят с людьми не от чего-то в них запечатленного извне, но только когда они движимы высшим движущим началом. Так, морская вода прибывает и убывает не от качества, запечатленного в ней от небесных тел, но будучи движима только от неба, и мощи святых если кого-либо исцеляют, то никак не благодаря силе, в них заключенной, поскольку тогда исцеляли бы всякие останки, что очевидно ложно.

Подобным образом, если кольцо с вырезанным на нем знаком Юпитера отгоняет от кого-то лихорадку, то это происходит не от силы, заключенной в кольце, но от силы ангелов или демонов. Поэтому и в указанных случаях, согласно этому доводу, это происходит не от запечатленной силы.

♦ Если от молитв и молебствий аквилейцев были разогнаны проливные дожди, то не ясно, по какой причине их молитвы оказали такое действие. Ибо нельзя сказать, что молитвы осуществили это реальным образом, подобно тому как солнце разгоняет облака, ибо это представляется чистой ложью, так как они не могут производить ни местного движения, ни хотя бы изменения, и это совершенно неправдоподобно. Ведь очевидно, что молитвы аквилейцев не движут небесные тела, побуждая их к разгону дождевых облаков, поскольку это еще более далеко от разумного объяснения и очевидно глупо.

Стало быть, остается только один способ: воздействуя на интеллигенции и умоляя их, подобно тому как подданные своими мольбами побуждают снизойти к ним власть имущих; и таково мнение верующих, которое не согласуется с высказанным нами. Ибо философы считают интеллигенции не поддающимися воздействию и полагают, что они движут небесные тела согласно необходимости. Поэтому этот довод представляется несостоятельным.

• ◐ Люди вообще мастаки загадывать загадки, а философы прославлены еще и тем, что умеют нейтрализовывать отгадки и ответы, и потому мир вопросов со временем так разрастается, что превращается не в их м и р, а в их в о й н у. Мне кажется, что пламя этого инспирированного и *постановочного* раздора где-то **опалило** и Помпонацци. Парадоксы наполняли его опустошением, что особенно заметно в прицельной частотности разных, но одинаково тревожных своей неуютной акцентностью, одиноко-тоскливо-подобных прикасаний ◑:

♦ Плутарх в «Жизнеописании Никия и Красса», там, где он сравнивает их между собой, говорит так: «Никий благоговел перед наукой прорицания, Красс смеялся надо всем, что к ней относится, однако обоих постиг один конец, поэтому трудно судить, какой путь надежнее».

♦ Многомерно совершенство Вселенной: ...ведь и палата, расписанная изображениями различных животных, красивее и приятнее той, где находилось бы одно какое-нибудь изображение... и дураки могут быть полезны, ибо они полезны мудрым, чтобы забавлять их и быть у них в услужении, либо для того, чтобы, наблюдая их, мудрецы могли судить о разнообразии природы, либо для того, чтобы делать мудрость еще заметнее.

• Схема построения его трактатов привычна, стандартна, традиционна. Он точно следует жанру схоластических «вопросов», «дистинкций» (*лат.* distinctio — различение), нагромождая сомнения и возражения, ответы на возражения, возможные доводы противников и их опровержения.

• Несмотря на все религиозные экивоки Помпонацци, его **вера** — закон силлогизма:

♦ Если выводы следуют из данных предпосылок, не в нашей власти отвергать заключения.

• **Сочинения Помпонацци:**

«Комментарий на “Пролог” Аверроэса к 3-й книге Аристотелевой “Физики”» (1514);

«О бессмертии души» (1516):

/ В этом трактате Помпонацци формулирует важнейший из своих выводов:

♦ Законодатель, видя склонность людей ко злу и стремясь к общему благу, постановил, что душа бессмертна, заботясь не об истине, но единственно о добронравии. ♦

Однако направленность сочинения не укрылась от церковников: ведь «законодатель» в трактовке Помпонацци — это вероучитель. А значит — налицо святотатство. Наиболее фанатично настроенные богословы немедленно обрушились на Помпонацци.

К примеру, советник инквизиции Бартоломео да Спина в своем венецианском (1519) письменном осуждении Помпонацци призвал изгнать богохульного философа из сообщества добрых людей и зачислить его в один ряд вместе с дьяволом, отцом всех заблуждений. Каждая строчка в книге этого высокопоставленного доминиканца кипит гневом: «Ты и Господа нашего Христа осмеливаешься поносить, утверждая, что он не заботится об истине, что он сказал ложь, что он обманул весь мир, что подобно лжеврачевателю он вымыслами привел народ ко благу!»

Последствия не заставили себя ждать, книга была публично сожжена в Венеции. /;

«Апология» (1518);

«Защитная речь, или Ответы на возражения Агостино Нифо» (1519);

«О причинах естественных действий, или О волшебстве» (1520):

/ Помпонацци не предназначал эту вещь для печати, и она была опубликована лишь в 1556 году.

Что же до клерикальной реакции, то это сочинение было включено в «Индекс запрещенных книг», что означало сразу же всеобщее общественное осуждение, презрение и позор. /;

«О судьбе, свободе воли, предопределении и божественном провидении» (1520);

«О питании и росте»:

/ И в этом своем, последнем обнародованном при жизни, сочинении Помпонацци верен своему генеральному тезису о телесной обусловленности души:

♦ Но хотя я вне всяких сомнений считаю, что Аристотель полагал всякую душу делимой и смертной, я говорю, однако же, что из этого правила следует изъять человеческую душу, поскольку Римская церковь твердо придерживается противного. /

• Как ни бесновались противники Помпонацци, как ни травили его враги, всё же запрещения на чтение им лекций по философии не последовало.

• Умер Помпонацци на 63-м году жизни:

/ Современники сохранили свидетельство о деталях кончины философа. Как рассказывали, Помпонацци, будучи неизлечимо болен и не желая переносить тяжкие страдания, уморил себя голодом. Утверждали, что между ним и окружавшими его состоялся такой диалог: «Я ухожу, и ухожу с радостью. — Куда ты хочешь уйти, господин? — Туда, куда и все смертные. — А куда уходят смертные? — Туда же, куда я и другие». А когда стали утешать его и принесли еду, он воскликнул: «Оставьте, я хочу уйти!» /

• В целом же, Помпонацци представлял свое время. Будучи хотя передовым и великим, он оставался почтительным сыном средневековья. Как и все люди XV в., разделил с ним, веком, многие из царивших тогда предрассудков, заблуждений, незнаний, поверий и суеверий:

♦ Согласно Аристотелю, ворон предсказывает бедствия и грядущие войны; многие рыбы и птицы возвещают наступление бури и дают

удивительные знамения будущего, настоящего и прошедшего, как это известно из всех гаданий, и об этом рассказано в историях греков, латинян и варваров. Не чужды такие явления и неодушевленным предметам, ибо амантинский камень, по сообщению Альберта Великого во II книге «Минералов», помогает побеждать врагов, понимать пророчества, толковать сны и даже отгадывать загадки. Камень же квиритин раскрывает тайны и возбуждает воображение; камень селенит, по свидетельству того же Альберта, испытан в гаданиях при новолунии. Не меньше бы можно было привести примеров и относительно некоторых трав. Вполне возможно, чтобы небесные тела запечатлевали такие явления и в людях.

♦ Посидоний-стоик рассказывает, как два друга-аркадца, прибыв в Мегару, отправились: один — к владельцу постоялого двора, другой — к хозяину дома; и этому второму, когда они, поужинав, легли спать, явился во сне тот, что остановился на постоялом дворе, и умолял его о помощи, так как хозяин постоялого двора собирался его убить. И этот, сперва устрашенный сновидением, поднялся, а потом, успокоившись, решил не придавать значения сновидению, снова улегся спать. Тогда во сне ему снова явился его друг и стал просить его, чтобы, раз уж он не пришел к нему на помощь живому, не оставил бы неотомщенной хотя бы его смерть; и сказал, что он убит хозяином постоялого двора, а труп его брошен в телегу и погребен под навозом. И он просил, чтобы тот назавтра пришел к воротам прежде, чем телега выедет из города. Потрясенный таким сновидением, он рано утром явился к воротам возчика и спросил, что у него в повозке. Тот в ужасе убежал, покойник был обнаружен в повозке, а кабатчик, после того как было раскрыто дело, был казнен. Симонид же, когда нашел заброшенный труп и предал его земле, задумал отплыть на корабле, и ему явился во сне тот, кого он похоронил, и предостерег его, чтобы он не делал этого, ибо если он отправится в плавание, то погибнет в кораблекрушении. Симонид остался, остальные погибли во время кораблекрушения. И можно было бы привести множество такого рода историй. И я сам свидетельствую, что имел множество сновидений, почти подобных этим.

• ◐ Философская оригинальность Помпонацци заключена в коротких ему принадлежащих словах ◑:

♦ Главное не то, **что** на самом деле, а то, каким должно быть **то**, что на самом деле.

♦ Пусть добродетель предшествует истине!

2. СУДЬБА

► Трактат Помпонацци «О бессмертии души» был опубликован 06.11.1516 г. То есть ровно через три года после того, как на V Латеранском соборе 19.12.1513 г. было принято постановление (булла) папы Льва X, которое распространялось на весь католический мир. Наряду с прочим, в нем, в частности, было и довольно откровенное предостережение всем «презренным нехристям» и разным «омерзительным еретикам»:

«Поскольку в наши дни сеятель смуты, исконный враг рода человеческого, осмелился посеять и взрастить в поле Божьем некие опаснейшие заблуждения, а именно о природе разумной души, т. е. что она смертна или едина во всех людях, и некоторые безрассудные философы утверждали истинность этого по меньшей мере в философском отношении, то мы проклинаем и осуждаем всех, кто тщится уверять, что разумная душа смертна, или хотя бы в намёковой форме делает подобные заявления. Всем надлежит знать и твердо усвоить, что никаких двух истин нет и быть не может, ибо по природе своей истина истине не противостоит и не противоречит».

∇ ◐ Что до «двух истин», то здесь любой спор заведомо проигрышен. Это действительно так: ведь не может противоречить себе одна и та же стрелка часов, которая показывает то дневное, то ночное время.

Видимо, надо признать, что формула философского спасения, выдвинутая концептуаторами теории «двойной истины», была истоково неадекватной. И если строго — неверной. Мысли Фомы не опровергают утверждений Аристотеля, а, напротив, развивают и дополняют их. Если я говорю, что кирпич летает, а кто-то — до меня — доказывал, что кирпич — камень, то я не перечеркиваю его суждение, а лишь приплюсовываю к нему своё, сегодняшнее взглядополагание, имеющее лишь тот смысл, что камень, помещенный в самолет, может не только лежать, но и летать. Просто Аристотель толковал о душе в индивидуальном ее понимании, а Фома — в родовом. А родовые признаки индивидуального человека действительно бессмертны. И Философ должен был знать это скорее и лучше, чем любая старуха.

Не может умереть или умирать то, что в основе своей бессмертно. Это подобно тому, как живой организм, на 90% состоя из воды, при уходе из жизни теряет и свой состав. Но вода-то, из которой он состоял, не исчезла, не перестала быть водой. Тело может распылиться на какие угодно молекулы и атомы, но наполнявшая его жидкость может оставаться и быть только жидкостью, и ничем иным. Что мешает под эти же углом понимать и нашу душу?! ◑

➨ Трактат «О бессмертии души» был выстроен виртуозно. Весь текст сплошь нашпигован авторскими оговорками и бесчисленными ссылками, сопоставлениями и отсылками, смысл которых столь широкопланен, разнороден и многолик, что собственная позиция Помпонацци при всей ясности его заявлений оставляет сомнение, а он ли всё это говорит.

Видимо, здесь таится главная причина того, что инквизиция показала Помпонацци, так сказать, свои зубы и даже изрядно покусала, но запустить в него свой смертельный яд так и не смогла.

/ В 1618 г. некий венецианец Траяно Боккалини смоделировал фантазийную сценку развития событий по надлежащему демонстрированию силы власти и того, «кто есть кто», строптивцу-философу. В сатирических «Донесениях с Парнаса» перед нами развёртывается такое *покарательное* действо:

«Весь грязный и скверно одетый появился Пьетро Помпонацци

Мантуанец, застигнутый за составлением книги, в которой с помощью безумных и софистических доводов тщился доказать, что душа человеческая смертна. Аполлон, не в силах вынести вида этого нечестивца, приказал, чтобы немедля была сожжена его библиотека и чтобы в том же огне спалили этого негодяя... Отчаянно завопил тогда Помпонацци, оправдываясь, что в смертность души он верил только как философ, и тогда Аполлон повелел палачам, чтобы только как философа его и сожгли». /

► ◐ В характере Помпонацци было много своевольной прямоты, а самоопределимость позиции не признавала кого бы то ни было рядом. И хотя у нас нет прямых свидетельств, но Помпонацци вполне мог бы стать автором афоризма «Авторитет — это я». Здесь нет никаких преувеличений. Смотрите сами:

↗ Он мог по ходу лекции заявить, имея в виду Аристотеля, что «довод Философа — ребяческий, если приличествует говорить такое о столь великом муже».

↗ Для него ничего не стоило пренебрежительно отозваться об Аверроэсе и сказать, что «мнение Комментатора — невообразимое, дурацкое и химерическое».

↗ Рассуждения величайшего авторитета схоластики Фомы Аквинского он запросто объявляет «ложными, невозможными, скорее обманом и заблуждением, нежели решением вопроса». И вообще, многое, говоримое ангельским доктором, — «бред и ребяческий самообман».

↗ Или такое мимоходное, но хлесткое и безапелляционное: «Авторитет Аристотеля и его подражателей здесь недопустим». ◑

3. УЧЕНИЕ

♦ Элементы гибнут в соединениях, составы в растениях; растениями питаются животные, и одно животное предназначено в пищу другому, и всё, что ниже человека, предназначено для человека, и, что особенно жестоко, невинное животное становится пищей животного злого, и неблагодарнейшим животным оказывается человек.

♦ Есть вещи справедливые с богословской точки зрения, но неверные с философской. По богословию, нужно верить, что призывание святых и прикосновение к мощам много помогают в болезнях; но в философии нужно признаться, что кости мёртвой собаки имели бы такой же успех, если бы обращаться к ним с верою.

♦ Философия выводит то, что знает, либо из известного нам, либо из того, что известно само по себе.

♦ Тайны философов не дóлжно распространять среди толпы и невежд, они ведь действуют только в надежде на награду и из страха наказания.

♦ Сомнение вовсе не чуждо науке, и никто не достигнет истинного знания, если сначала не усомнится.

♦ И то, что в частности и рассматриваемое само по себе представляется несправедливым, рассмотренное в отношении Вселенной оказывается справедливым... Порядок Вселенной требует этих различий.

♦ Нет ничего в мире, что хоть каким-нибудь свойством не могло бы иметь общего с человеком, почему заслуженно называют его микрокосмом, или

малым миром. Ведь говорят некоторые, что великое чудо есть человек, поскольку он является всем миром и способен обратиться в любую природу, так как дана ему власть следовать любому, какому пожелает, свойству вещей. Справедливо ведь говорили древние в своих притчах, утверждая, что некоторые люди становились богами, другие львами, иные волками, иные орлами, те рыбами, эти растениями и камнями и так далее, так как одни люди следуют разуму, другие чувству, а третьи растительным силам и т. д.

♦ Весь человеческий род может быть сравним с отдельным человеком. В человеческом же индивидууме существуют различные и многообразные члены, предназначенные для различных действий и ближайших целей, с тем, однако, чтобы все они были устремлены к единой цели; так что в чём-то они все должны обладать общностью. Если бы нарушился этот порядок, то человек либо не существовал, либо существовал бы несовершенным образом. Все же члены приспособлены к общей пользе человека, и либо они необходимы друг другу, либо по крайней мере полезны, хотя бы иногда, и один в большей, другой в меньшей мере. Почему сердце необходимо мозгу, а мозг сердцу, и сердце необходимо руке, рука же сердцу полезна, и правая рука полезна левой, и левая правой, и всем им равно свойственна жизнь и природное тепло, и они нуждаются в жизненном духе и крови. Помимо же того, что в них общего, каждый член имеет специальное предназначение: одно у сердца, другое у мозга, иное у печени и т. д.

Все эти предназначения или действия неодинаковы, но одно предшествует другому, одно более, другое менее совершенно. Ибо так как сердце, по Аристотелю, обладает высшим благородством и первенством, то благородна и изначальна его деятельность, и то же самое можно сказать о других членах. И хотя мозг, к примеру, не столь совершенен, как сердце, в своем, однако же, роде он может обладать совершенством.

Поэтому, как все члены различаются между собой свойствами и размерами, так различается и каждый их род, хотя и в определенных пределах. Ведь не все сердца равновелики или подобны по теплоте, и то же относится к прочим членам. Нужно также заметить, что хотя между ними существуют великие различия, но различия эти не таковы, чтобы привести к раздору; но должно в них существовать соразмерное различие. Превысив же меру, оно приведет либо к гибели индивидуума, либо к болезни. А если бы не было этого соразмерного различия, то индивидуум не мог бы существовать. Действительно, если бы все члены были сердцем или глазом, животное не могло бы существовать: как в симфониях или концертах, если бы все голоса были одного порядка, не возник бы ни концерт, ни наслаждение музыкой; и таким образом все они расположены, что ни индивидуум в целом, ни какая либо часть его не могут быть расположены лучшим образом, нежели это существует в действительности. И как Платон в «Тимее» сказал, что Бог дал каждому то, что наилучшим образом подобает и ему, и Вселенной, так следует думать и обо всём человеческом роде. Ибо весь человеческий род подобен одному телу, составленному из различных членов, которые обладают

различным назначением, но упорядоченных на общую пользу человеческого рода, и один нечто дает другому и получает от того, кому дает, и все они взаимодействуют.

♦ Все люди должны быть причастны трем видам разума (intellectus), а именно созерцательному (speculativus), практическому (practicus), или деятельному (operativus), и действующему (factivus). Ибо нет человека, если только он не убогий и достиг должного возраста, который не обладал бы каким-нибудь из этих трех видов разума. Ведь каждый человек хоть в чём-то причастен созерцанию, а быть может, и какой-нибудь из созерцательных наук. [...] Что же касается деятельного разума, относящегося к делам нравственности, государственным и домашним, то совершенно очевидно, что каждому дано различие добра и зла, каждый является членом семьи и государства. [...] А что до разума действующего, то каждому ясно, что ни один человек не может без него существовать. Ибо без механических искусств и всего необходимого для жизни человек обойтись не может. Надо, однако, знать, что, хотя всякий человек не вполне лишен трех перечисленных видов разума, он обладает ими не в равной мере.

♦ Когда, пытаясь убедить нас в бессмертии души, утверждают, будто если принять, что душа смертна, то состояние человека было бы хуже, чем любого животного, по моему мнению, это вовсе не философское рассуждение, потому что действия животных, хотя и представляются достаточными в своем роде, не являются таковыми, когда речь идет о роде мыслящих существ. Кто предпочтет быть камнем или долголетним вороном, нежели сколь угодно низким человеком? К тому же благоразумный человек может сохранять спокойствие духа в любое время и в любом состоянии, хотя бы и мучимый телесными недугами. Более того, мудрый муж скорее предпочтет крайние несчастья и мучения пребыванию в невежестве, глупости и пороках. И неверно, что, наблюдая величайшие тяготы, отречение от телесных наслаждений, неясное познание вещей и легкую утрату приобретенных благ, он скорее будет склонен к порокам и материальным благам, чем устремится к приобретению знаний, если муж этот поступает по велению разума.

♦ На то возражение — что Бог либо не является правителем Вселенной, либо он — правитель несправедливый — надо сказать, что из допущения смертности души не следует ни то, ни другое.

♦ Нужно иметь в виду различие между людьми разного ума. Ибо одни благородны, обладают от Бога доброй природой, склонны к добродетели единственно из-за ее благородства и отвращаются от пороков единственно из-за их гнусности.

♦ На возражение — относительно того, что, если принять смертность души, почти вся Вселенная окажется введенной в заблуждение, так как все законы религии полагают душу бессмертной, то на это можно сказать, что если целое есть не что иное, как совокупность частей, как многие полагают, и если нет человека, не подверженного заблуждению, как говорит Пла́тон в «Государстве», то не только не грешно, но даже и необходимо допустить, что заблуждается либо весь мир, либо по крайней мере бо́льшая его часть.

Ибо, предположив, что существуют лишь три религии, а именно Христа, Моисея и Магомета, придется признать, что либо все они ложны, и тогда обманут весь мир, либо ложны хотя бы две из них, и тогда в заблуждении пребывает бóльшая его часть.

♦ Есть люди (хотя они крайне немногочисленны), которые наилучшим образом предрасположены к добродетельной жизни.

Другие же менее расположены к добру, и они помимо благородства добродетели и низости порока поступают праведно также и из-за наград, почестей и похвал и бегут пороков из-за наказаний, таких, как бесчестье и позор. И эти находятся на второй ступени.

Иные в надежде на некое благо и из страха перед физическим наказанием становятся добродетельными, и поэтому, чтобы они следовали такой добродетели, политики учредили денежные награды и почести и прочее в этом роде, а чтобы они избегали пороков, учредили наказания — либо денежные, либо по отношению к чести и телу, то ли убивая преступника, то ли лишая его каких-либо членов.

Некоторые же вследствие жестокости и подлости своей природы не движимы ничем из сказанного, как учит повседневный опыт. Поэтому и положили, чтобы праведникам было в иной жизни вечное воздаяние, а грешникам — вечное возмездие, чтобы в величайшей мере их устрашить.

Бóльшая же часть людей если и поступает хорошо, то скорее из страха вечных мучений, нежели в надежде на вечное блаженство, так как мучения нам более знакомы, чем эти вечные блага.

♦ Люди, считающие душу смертной, гораздо лучше защищают добродетель, нежели те, кто полагает ее бессмертной. Ведь надежда на воздаяние и страх возмездия привносят в душу нечто рабское, что противоречит самим основаниям добродетели.

♦ На возражение, что порочные и бесчестные люди, сознающие свои преступления, считали душу смертной, а святые и праведные — бессмертной, нужно сказать, что далеко не всегда негодяи придерживались мнения о смертности души и далеко не всегда благоразумные люди считали ее бессмертной. Мы ведь с очевидностью наблюдаем, что многие дурные люди являются верующими, хотя и соблазняемы страстями. В то же время многие люди святой и праведной жизни полагали душу смертной.

♦ Следует знать, что, как учит Аристотель в книге «О происхождении животных», природа действует постепенно и упорядоченно, таким образом, что не соединяет непосредственно крайность с крайностью, но между крайностями располагает среднее. Так, мы видим, что между травами и деревьями посредствуют кустарники, между растениями и животными — неподвижные живые существа вроде устриц и других в том же роде существ и так дальше по восходящей линии. То же внушает нам и блаженный Дионисий Ареопагит в 7-й главе книги «Об именах божьих», говоря, что божественная мудрость соединяет пределы высших природ с началами низших. Человек же, как сказано, есть совершеннейшее животное. Поэтому среди материальных вещей человеческая душа занимает первое место и, следовательно, будучи соединенной с нематериальными, является средней между ними. Среднее же в сравнении с крайностями име-

нуется по отличию от них. Поэтому в сравнении с нематериальными сущностями душа может считаться материальной, а в сравнении с материальными — нематериальной. И она не только достойна такого наименования, но и причастна свойствам крайностей: ведь по сравнению с белым зеленое не только именуется черным, но и воспринимается глазом как черное, хотя и не в такой сильной мере.

Поэтому и душа человека обладает как свойствами духовных сущностей, «интеллигенций»*, так и свойствами материальных вещей. Благодаря чему, когда она совершает действия, в которых согласуется с духовными сущностями, она именуется божественной и превращается в божество; когда же действует подобно животным, как бы превращается в животное: ведь за коварство называют ее змеёй или лисой, за жестокость — тигром и так далее.

♦ Надо знать, что, как говорят Платон и Аристотель, политика есть врачевание душ и намерение политика заключается в том, чтобы сделать человека скорее праведным, нежели ученым. Без выдумки, своеобразной сказки для взрослых, здесь не обойтись.

И так как эта выдумка может пойти на пользу всем людям, на какой бы ступени они ни находились, законодатель, видя склонность людей ко злу и стремясь к общему благу, постановил, что душа бессмертна, заботясь не об истине, но только о добронравии, чтобы наставить людей в добродетели. Поэтому политика не дóлжно за это винить. Ибо как врач многое выдумывает, чтобы вернуть больному здоровье, так и политик сочиняет притчи, чтобы исправить граждан. Ведь в этих притчах, как говорит Аверроэс в Прологе к 3-й книге «Физики», не заключена, собственно, ни истина, ни ложь. Подобным же образом и няньки ведут своих воспитанников к тому, что считают полезным детям. Если человек здоров и умом и телом, то ни врач, ни нянька не нуждаются в подобных выдумках. Так что если бы все люди находились на указанной первой ступени, то они и при том, что душа смертна, поступали бы праведно.

♦ **О чудесах...** Да, есть загадочные и таинственные явления. Но невежественная толпа и грубые люди, не зная, что всё это происходит вследствие явных и очевидных причин, относят это к Богу или к демонам.

Следовало бы знать, что чудеса и колдовские действия совершаются не сверх природы и не вопреки природе и вполне могут быть сведены к естественным причинам.

---

* Некоторое дополнительное представление об «интеллигенциях» даёт следующее замечание одного из ученых того времени магистра богословия Парижского университета Педро Гарсиа. Сам он не сторонник этих взглядов, ибо критикует их, но — и для нас именно это важно — в передаче и частичной трактовке чужих взглядов не фальшивит, как это бывает со многими в полемическом пылу:

«Философы полагают, что интеллигенции совершенно неподвижны и невместимы, как сами по себе, так и акцидентально. Ибо они считают, что интеллигенция есть некая сущность, лишенная всякой материи и материальных условий, и что она движет сферу посредством приданной сфере души, как одушевленную и желаемую. И поэтому она не обладает никаким местоположением или отношением к телу, так как, согласно их мнению, не действует посредством некоего тела. Кроме того, они говорят, что небесные тела одушевлены и что число интеллигенций точно соответствует числу движений небесных тел».

Все волнуюшие людей необычные события потому именуются чудесами, что неординарны и чрезвычайно редки и происходят не по обычному ходу природы, но с весьма долгой периодичностью.

По-моему, гораздо меньшее зло — отвергать в нас свободу воли и оказаться рабами, нежели отвергать провидение и оказаться святотатцами.

Бог или правит, или не правит миром. Если не правит, то какой же он Бог, если правит, то почему же он правит так жестоко?

∇ ◐ Несколько странный вопрос для мыслителя, признающего необходимость. Жестокость — конечный пункт необходимости, ибо она есть некое обязательно осуществляемое принуждение. Принуждение же есть чья-то воля, не совпадающая с моими действиями. Выходит, что мы подошли к еше одному ближайшему понятию — насилию. А от насилия до жестокости — рукой подать. ◑

♦ Чудеса в каждой религии (если брать зна́чимые явления в ее развитии) вначале очень слабы, затем увеличиваются, потом достигают вершины, потом ослабевают, пока не обращаются в ничто. Наличие таких фаз объясняет, отчего ныне все охладели в нашей вере. И то, что прекратились в ней чудеса, кроме поддельных и ложных, — говорит только о том, что видимо близок ее конец.

♦ Поскольку Бог допускает в мире зло, он должен быть признан жестоким палачом, наихудшим из всех, несправедливым и полным коварства. Человек окружен соблазнами, и не Бог ли ответствен за грехи людей? Если Бог всё знает и может отвратить заблудшего от его заблуждений, то почему он не делает этого? И почему если Бог не отврашает от заблуждений, то грех падает не на Бога, а на человека? Ведь это Бог дал душу, склонную ко греху, и омраченный рассудок соединил со страстями.

♦ Тому, кто захотел бы разобраться в судьбах людей, зная при этом, что люди созданы Богом, надзираемы им и подотчетны ему, пришлось бы задуматься перед дилеммой: либо Бог в своих намерениях — подлый обманщик и лжец, либо он не хочет, чтобы все люди были добродетельны; он подобен тому, кто отправил своего сына в опасный путь, из которого не вернётся и один из тысячи, и дал ему дурных попутчиков, о которых знает, что они погубят его. Так не до́лжно ли почитать такого отца глупым и жестоким? Но тем более можно сказать это о Боге. А если это так, то нет нужды в дьяволе и его компании, и тогда не нужен иной дьявол и злой искуситель, кроме самого́ Бога.

♦ Оставаясь в естественных пределах и насколько позволяет человеческий разум, мне представляется, что из всех суждений о царящем в мире зле и имеющихся мнений о Боге и его божественной природе и силах наиболее свободно от противоречий учение стоиков.

Да, Бог поступает по фатуму и согласно своей сущности. А зло в мире существует ради блага Вселенной, и, как представляется, нельзя отрицать, что зло способствует украшению Вселенной. Зло происходит из природы Вселенной, а не от справедливости Бога.

И действительно, ничто не препятствует считать именно так. Ведь поскольку Вселенная содержит в себе всеобщее совершенство, то в ее природе

должны быть и различия, как малые, так и великие. И то, что в частности и рассматриваемое само по себе представляется кому-то и почему-то несправедливым, рассмотренное в отношении универсума, оказывается справедливым. Порядок Вселенной требует таких различий, притом что нет никакой несправедливости и несоразмерности в божественном провидении.

♦ В гармонии целого — оправдание частного зла. Это относится не только к природе, но и к человеческому обществу. Тем, что богатые угнетают бедных, не доказываются несовершенство и жестокость Бога, равно как и тем, что волк пожирает овцу, волка терзают псы, а псов — львы, ибо, хотя по отношению к отдельному это кажется несправедливым и неправомерным, по отношению к мировому порядку это не представляется таковым. Ведь то, что земледельцы находятся в подчинении у горожан, кажется жестоким, но, в другом измерении, если иметь в виду благоустройство государства, это окажется необходимым и без этого мир не обладал бы совершенством.

♦ Язык религий — это язык притч.

♦ Религиозники не желают, чтобы происходили диспуты и шло выяснение истины, так как, когда люди слушают споры и узнают истину, которая лучше воспринимается именно разумом, они подвергают сомнению веру, религию. Поэтому системы всех вероучителей требуют, чтобы философов изгоняли из государства.

♦ Мы многое совершаем по своей воле, если нет препятствий с нашей стороны или извне, это вполне очевидно, и этого я не отрицаю. Но вот что я отрицаю и в чём сомневаюсь — так это то, каким образом наличествует в нас эта воля и что определяет эту волю.

4. МЫСЛИ

- Повсюду изобилует зло.
- Добродетели крайне редки.
- Даже самая малая частица знания и добродетели предпочтительнее всех телесных наслаждений и самих царств, в которых властвуют пороки и тирания.
- Прометей — ведь это философ, который, стремясь познать тайны Бога, терзаем постоянными заботами и размышлениями, не знает ни голода, ни жажды, не спит, не ест и не находит смерти; все смеются над ним и считают глупцом и святотатцем, его преследуют инквизиторы и выставляют на посмешище толпе. Таковы-то выгоды философов, таковы их награды!
- Ни одно зло не остаётся безнаказанным.
- Ни одно зло не остаётся без вознаграждения.
- Почти никто не обладает предрасположением к добру.
- Природа человеческая почти полностью погружена в материю и лишь в малой мере причастна разуму. Человек дальше отстоит от интеллигенций, чем больной от здорового, ребенок от мужа и невежда от мудреца.
- Не все могут обладать равным совершенством, но одним оно дано в большей, другим в меньшей мере. Если же уничтожить это неравенство, род человеческий либо погибнет, либо будет лишен совершен-

ства. Неравенство между людьми (однако же соразмерное) не должно представляться раздором; но как в симфонии соразмерное различие голосов создаёт сладостное созвучие, так и соразмерное различие между людьми порождает совершенство, красоту, достоинство и наслаждение, несоразмерность же приводит к обратному результату.

- Цель человеческого рода в целом заключается в причастности трем видам разума, благодаря которым люди сообщаются между собой и живут, и один другому полезен либо необходим, подобно тому как все члены в отдельном человеке обладают общностью в жизненном духе и во взаимодействии. И от этой цели человек не может быть свободен.
- Каждый человек должен обладать практическим разумом, причем обладать им в совершенстве. Ибо для сохранения рода человеческого каждый человек должен быть добродетелен в нравственном отношении и, насколько возможно, избегать порока.
- Одни лишь философы и праведники, как говорят Платон в «Государстве» и Аристотель в «Этике», знают, сколь велико наслаждение добродетелью и как велико несчастье невежества и порока.
- Когда же говорят, что, допустив смертность души, мы никак не должны будем предпочесть смерть, мы ответим, что это никак не следует из принятия смертности души, но следует именно противоположное. Ведь у Аристотеля в «Топике» сказано: «Из двух зол следует выбирать меньшее». А в «Этике»: «Избирать надо благо, отвергать же зло».

Поскольку же предпочитая смерть за отечество, за друзей ради того, чтобы избежать порока, люди приобретают высочайшую добродетель и приносят пользу другим, так что все одобряют такого рода деяния, и поскольку нет ничего выше и счастливей самой добродетели, то именно ее и следует предпочесть. Совершая же преступление, человек в высшей мере вредит обществу, а стало быть, и себе, так как сам он есть часть общества, и впадает в порок, что есть величайшее несчастье, так как он перестаёт быть человеком, как говорит Платон во множестве мест «Государства», и потому этого всячески следует избегать. Следуя же добродетели, человек достигает счастья, хотя бы частичного и не длительного; следствием же греха является несчастье, ибо, по свидетельству Платона, порок есть несчастье, а в конечном счете — смерть, так как благодаря совершённому преступлению не достигается бессмертие, разве что в виде бесславия и позора.

Но очевидно, что первое есть меньшее зло, чем второе. И долгая жизнь в бесславии не предпочтительнее краткой похвальной жизни, так как жизнь человеческая, даже самая краткая, предпочтительнее сколь угодно долгой жизни скота. Ведь Аристотель говорит: «Долгую жизнь только при прочих равных условиях следует предпочесть кратковременной жизни».

В таком случае оказывается предпочтение не смерти самой по себе, так как она — ничто, но праведному деянию, хотя за ним и следует смерть. Так что, отвергая порок, человек не отвергает жизни, которая сама по себе — благо, но отвергает порок, следствием которого явилось бы сохранение жизни.

◘ Надо знать, что воздаяние и возмездие двояки: одно существенно и неотделимо, другое же отделимо и привходяще. Существенное воздаяние добродетели есть сама добродетель, которая делает человека счастливым. Ибо человеческая природа не может достичь ничего более великого, чем сама добродетель, потому что она одна придаёт человеку уверенность и избавляет от всяческого смятения. Ведь в праведнике всё согласно: ничего не боясь, ни на что не надеясь, он равно ведет себя в преуспеянии и в бедствиях, как сказано в «Этике». И Платон в «Критоне» замечает: «С благим мужем ни в жизни, ни в смерти не может случиться никакое зло». И наоборот, то же можно сказать о пороке: ведь возмездие грешнику есть сам порок, несчастнее и низменнее которого нет ничего.

А сколько превратна жизнь злодея и как следует бежать ее, с очевидностью показал Аристотель, доказывая, что злодею всё враждебно: он никому не верит, даже себе самому, не находит покоя ни в бодрствовании, ни во сне и мучается тягчайшими недугами тела и духа — жалкая жизнь!

Так что ни один мудрец, как бы ни был он нищ, немощен телом, лишен земных благ, не предпочтет жизни тирана или какого-нибудь погрязшего в пороках властелина, но разумно пожелает пребывать в своём состоянии.

Итак, всякий добродетельный человек вознаграждается своей добродетелью и счастьем. [...] Противное происходит с пороком. Поэтому ни один злодей не остаётся безнаказанным, поскольку сам порок ему наказание.

◘ Те, кто телесные наслаждения предпочитает нравственным или разумным добродетелям, скорее превращаются в зверей, чем в богов, а те, кто предпочитает богатство, уподобляются золотому металлу; одних поэтому дóлжно именовать животными, других — безумцами.

◘ Говоря о причастности человека к материи, следует полагать это не в собственном смысле, а лишь имея в виду, что он и животных, и растения содержит в себе, находясь ниже нематериальных сущностей и выше материальных вещей. Поэтому он не может достигнуть совершенства нематериальных сущностей, почему людей следует называть не богами, но святыми или божественными. Зато человек может не только сравниться со зверем, но и превзойти его: ибо некоторые люди бывают куда более жестоки, чем звери, как говорит Аристотель: «Плохой человек в десять тысяч раз хуже зверя». И то, что сказано о жестокости, может быть отнесено и к другим порокам.

И если столь гнусен порок и так мерзостна жизнь порочного человека и противное можно сказать о добродетели, то кто же, даже и при том, что душа смертна, предпочтет порок добродетели, если только не предпочтет быть зверем или хуже зверя, чем быть человеком!

◘ И разве нет чему удивляться, видя, что путь добродетели усеян препятствиями, что честный человек подвергается повсюду горестям, мучениям и страданиям? Получается так, как если бы Бог наказывал людей за то, что они идут стезёй добродетели, между тем как негодяи окружены почетом, процветают и внушают страх.

- Не вполне во власти прорицателей пророчествовать. Во многих случаях они и хотят, но не могут пророчествовать, то ли из-за собственного неподходящего состояния, то ли из-за различий в положении небесных тел. Отчего и случается, что не всегда пророчества оказываются истинными, поскольку светила не всегда движутся одинаково, а толпа приписывает это божественному гневу, не ведая истинной причины. Но таков уж обычай толпы — приписывать демонам или ангелам то, причина чего ей неизвестна.
- **Об исцелении мощами...** По суждению св. Фомы, не прорицатели и иные люди совершают это, но совершают всё демоны, хотя бы и казалось, что это делают люди, подобно тому, как исцеляют многих больных мощи святых, хотя всего менее именно сами реликвии даруют выздоровление. Ибо в самих мощах нет ничего такого, что могло бы исцелять, а то бы исцеляли все останки, что очевидно ложно.

  По всей видимости, исцеление происходит от воображения верующего. К примеру, врачам и философам особенно известно, насколько исцеление зависит от веры и воображения. Поэтому пусть хоть будут даже собачьи кости, но при великой силе воображения, на них направленной, от них последовало бы ничуть не меньшее исцеление. Более того, в разных странах почитаются останки людей, чьи души, согласно суждению Августина, находятся в аду.
- Я многократно удивлялся Фоме Аквинскому и даже подозревал, что признаваемое как написанное им сочинение «О тайных делах природы» вышло не из его мастерской. Ибо в этом же сочиненьице он говорит: «Морская вода движима Луной соответственно приливу и отливу, а не в результате качеств, заключенных в ней, но как пила движется в руке пильщика», что для меня совершенно непонятно, поскольку во всяком движении движущее соприкасается с движимым. И требуется поэтому, чтобы посредствующие вещи также двигались местным движением, чего здесь не видно. Поэтому я считаю, что указанное выше сочинение — не его сочинение.
- Не помимо природы и разума умы людей подвергаются переменам и повинуются звукам, и очевидно, что, когда изменяются умы, изменениям подвержены и тела. Ибо они порождают радость и печаль, гнев и кротость, и то же происходит с прочими человеческими страстями, от которых могут зависеть здоровье и болезни, жизнь и смерть.
- Если один человек может заразиться и получить болезнь от другого человека через испарение, то всякий может воспринять и здоровье. Правда, это как будто явно противоречит Аристотелю, который, как мы знаем, задавал такой вопрос: почему некоторые заболевают от близости к больным, а от близости к здоровым никто не может выздороветь?

  /■■ Я полагаю, что Аристотель противоречит сам себе (в чем можно убедиться, посмотрев его же «Историю животных»). Ведь, согласно общему суждению всех врачей, больному очень даже полезно общаться со здоровыми, отчего рекомендуют обнимать здорового ребенка во время болезни. Да и поговорка даже есть о прокаженных, что они очень любят общаться со здоровыми.

Но помимо всего прочего, верным служением истине было бы добавить также, что сказанное у Аристотеля противоречит разуму и опыту. Разуму, потому что человек, здоровый он или больной, постоянно выдыхает и испаряет пары, которые у больного являются вредными, а у здорового — добрыми и полезными. В не меньшей мере это противоречит и опыту. Ибо мы ощущаем, что у некоторых людей дыхание благоуханно, как у здоровых детей, и оно укрепляет нас не менее, чем сладкие запахи; такие пары́, по сообщениям историков, исходили от всего тела Александра Македонского. В «Истории животных» можно прочитать, что многие животные наслаждаются обонянием запахов и испарений других животных.

[...]

Однако я допускаю, что Аристотеля можно понимать и без критики, а именно: не в том смысле, что от здоровья никоим образом не исходит движение, но что это движение — меньшее, нежели то, что исходит от болезни. ■/

- Хотя философы в некоторых случаях обходятся в объяснениях без признания участия демонов, однако же не всеобщим образом. И не всякая магия является натуральной, но лишь та ее отрасль, которая трактует о тайных делах природы, которые лишь в той мере называют магическими, в какой их понимание доступно лишь мудрейшим из людей. Кстати, на это указывает и слово «маг», которое по-персидски означает «мудрец».
- **Случайными** мы называем события не потому, что в то время, когда они происходят, они могли бы не произойти, а потому, что они в одно время происходят, а в другое нет.
- Смешно и совершенно нелепо оставлять в стороне очевидность и то, что может быть доказано на естественном основании, и стремиться к темному и к тому, что не может быть представлено хоть сколько-нибудь правдоподобно.

Эра́зм Роттерда́мский

XV – XVI вв.

Герхард Герхардс
/Эразм из Роттердама/

• Нидерландский мыслитель

Родился: 28.11.1469 г.
Умер: 12.07.1536 г.

Прожил — 66 лет

«Человеческий ум склонен к порокам, он подхватывает гибельный пример, совсем как нефть огонь». *(Эразм Роттердамский)*

- **«В жизни надо быть бдительным».** *(Эразм Роттердамский)*
- **«Ни к чему не относись с ненавистью, ничему не ужасайся, ничего не избегай, кроме позора...»** *(Эразм Роттердамский)*
- **«Истина не умеет лгать».** *(Эразм Роттердамский)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Роттердаме.
• Сын священника и его служанки.
• Рано осиротел.
• Сначала учился в школе города Девентера.
• В 15 лет стал монахом одного из нидерландских монастырей, где основательно проштудировал имеющуюся там библиотеку.
• В 1497 – 1500 гг. он — студент Парижского университета.
• С 1499 г. много ездил; был в Риме, Оксфорде, Брюсселе, Лондоне, Кембридже, Фрейбурге (Freiburg).
• В 1506 г. в Турине он получает степень доктора теологии.
• В 1509 – 1510 гг. он преподает в Кембридже греческий язык и теологию.
• Писал на латинском языке, обильно уснащая свои произведения греческими словами и афоризмами.
• На молодого Эразма немалое влияние оказал трактат Лоренцо Валлы по грамматике и стилистике — «Об изяществе латинского языка», впервые изданный в 1471 г., с превосходно подобранными примерами из произведений классиков древности.
• Он находился также под воздействием корифеев римской поэзии классического периода: Вергилия, Горация, Овидия, которые — особенно первые два — стали его любимыми поэтами.

• Особый интерес Эразм проявлял к произведениям отцов церви; его пристальное внимание уделено св. Иерониму и Оригену.
• В Риме ему покровительствовал просвещенный кардинал Джованни де Медичи (будущий папа Лев X (1475 – 1521), понтификат 1513 – 1521).
• Папа римский Павел III* предлагал ему кардинальскую мантию.
• Всю вторую половину своей жизни считался общеевропейским лидером гуманистически настроенных людей.
• Филологи считают его самым выдающимся латинистом эпохи Возрождения.
• Внимания Эразма искали германский король и император Священной Римской империи, король Испании и Сицилии Карл V; на его поддержку рассчитывали французский король Франциск I и английский король Генрих VIII.
• Увлекался живописью, писал стихи (136 стихотворений и небольших поэм), рисовал.
• Был честолюбив и трудолюбив.
• У него никогда не было обычной семейной жизни.
• Всю жизнь его мучил позор незаконного рождения.
• Своё учение он именовал «философией Христа».
• За едкую сатиричность его, уже в наш век, Вильгельм Дильтей (1833 – 1911) назвал «Вольтером XVI века».
• ◐ Пожалуй, Эразм первым решился выставить напоказ людскую глупость. И в этом смысле он — единственный из мыслящих исследователей, которого можно определить как **философа человеческих пороков** ◑:

♦ Поэты кичливы...

♦ Дела военные ведутся дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества...

♦ Философы, уважаемые за длинную бороду и широкий плащ, при тщетах на всезнание в действительности не знают ничего и в делах повседневных совершенно непригодны...

♦ А что глупее и гаже купеческой породы?..

♦ Христиане — суеверные безумцы...

♦ Монахи распутны, невежественны, скаредны...

♦ Зодчие... скорее близки к помешанным, ибо без конца что-то перестраивают; и занятие это не знает ни конца, ни предела...

♦ А те, кто тщится при помощи тайных, невиданных прежде наук преобразовать природу вещей и отыскивают некую пятую сущность на суше и в морской пучине?.. И так их обольщает сладкая надежда, что не жалеют они ни трудов, ни издержек, с удивительной изобретательностью придумывают постоянно что-нибудь новое, обманывают и морочат себя приятнейшим образом до тех пор, пока не лишатся всего и не останутся без гроша...

♦ А возьмите игроков... Беспрестанно в надежде на выигрыш находящиеся — как они смешны...

---

* Светское имя **Алессандро Фарнезе** (1468 – 1549; понтификат 1534 – 1549).

♦ А актеры, певцы и ораторы! Из них кто невежественнее, тот и наглее в своем самомнении...

♦ Французы только себе приписывают приятную обходительность...

♦ Итальянцы присвоили себе первенство в изящной литературе и красноречии...

♦ Греки мнят себя творцами всех наук и приписывают себе достохвальные деяния древних героев...

♦ Турки притязают на обладание единственной истинной религией и смеются над суеверием христиан...

♦ Иудеи цепко держатся за Моисея...

♦ Испанцы никому не согласны уступить в том, что касается воинской славы...

♦ Немцы бахвалятся высоким ростом и знанием магии...

♦ Что до богословов... то люди этой породы весьма спесивы и раздражительны. А как они увёртливы! С помощью своих «расчленений» и диковинных, только что придуманных словечек они выскользнут откуда угодно. По своему произволу они толкуют и объясняют сокровеннейшие тайны: им известно, по какому плану создан и устроен мир, какими путями передается потомству язва первородного греха. Это их мучают вопросы: может ли Бог превратиться в женщину, дьявола, осла, тыкву или камень? А если бы он действительно превратился в тыкву, могла ли бы эта тыква проповедовать, творить чудеса, принять кре́стную му́ку? От них идут схоластические архидурацкие тонкости типа: де, зарезать тысячу человек — не столь тяжкое преступление, как починить бедняку башмак в воскресный день, или что лучше допустить гибель мира со всеми, как говорится, его потрохами, нежели произнести малейшую ложь...

♦ Государи... Эти возлагают все заботы на богов, а сами живут в довольстве и веселии и, дабы не смущать своего спокойствия, допускают к себе только таких людей, которые привыкли говорить одни приятные вещи...

♦ А что сказать о придворных вельможах? Нет, пожалуй, ничего раболепнее, низкопоклоннее, пошлее и гнуснее их, а между тем во всех делах они хотят быть первыми. В одном лишь они скромны до крайности: довольствуясь тем, что украшают себя золотом, дорогими каменьями, пурпуром и прочими внешними знаками доблести и мудрости... Спят они до полудня; наемный попик стоит наготове возле постели и, лишь только господин пробудится, тотчас же наспех правит службу. Засим следует завтрак, по окончании которого почти тут же подают обед. Затем кости, бирюльки, пари, скоморохи, шуты, потаскухи, забавы и потехи. В промежутках раза два закуска с выпивкой. После наступает время ужина, за которым следует попойка с многократными возлияниями. Таким образом без малейшей скуки проходят часы, дни, месяцы, годы, века...

♦ И ежели поглядеть на человеческую суматоху, то только то и увидишь, что всю общественную нелепость и людей, дерущихся...

- **Сочиинения Эразма Роттердамского:**

  «Пословицы» (1500):

  / В первом издании эта книга содержала более 800 примеров, пополнявшихся в последующих изданиях (в 1536 г. в ней насчи-

тывалась уже 4151 позиция). Сборник этот, сразу завоевавший огромную популярность (только прижизненных изданий было более шестидесяти), содержал изречения и пословицы античных авторов (древнегреческих в латинском переводе), некоторые цитаты из Библии и кое-какие обрáзчики народной мудрости. Интерес множества современников к древним образцам человеческой мудрости свидетельствовал об их нестареющей злободневности. Сам автор всемерно подчеркивал живую связь античности с современностью и многие из приводимых им пословиц и изречений сопровождал комментариями, иногда перераставшими в остропублицистические эссе. /;

«Руководство христианского воина» (1501);

«Похвала Глупости» (1509):

/ Это сочинение издано было в 1511 году. Писалось оно в Лондоне, в доме Томаса Мора; ему же и посвящено.

◐ Именно в *«Похвале Глупости»* Эразм сформулировал кредо своей научной деятельности ◑:

♦ Но если кто судит жизнь человеческую, не называя имен, то почему, спрошу я, видеть здесь непременно язвительное издевательство, а не наставление, не увещание? /

//◐ Что за наивность! Любая попытка учить людей «достойному поведению» (а в *«Похвале...»* Эразм тотально и детально анатомирует глупость, невежество, спесь) является уже косвенной критикой их. А для автора, к тому причастного, это — всегда, — считайте, смертный приговор! ◑//;

«О свободе воли» (1521):

/ Основные идеи этого трактата сформулированы в опровержение Мартина Лютера. /;

«Речь о достойном воспитании детей для добродетели и наук» (1529);

«Разговоры запросто»;

«Трактат о нравственной философии».

• Эразм первым задался прелюбопытным вопросом: можно ли кому-то держать в своих руках ключи от знания, не обладая самим знанием?

• ◐ Эразм — **философствующий философ**. Он пытается потрогать пальцем горячее, будучи пальцем. ◑

• Эразм называл себя по-латински Дезидерием.

• Был очень дружен с Томасом Мором (1478 – 1535). Именно Эразм в 1516 г. осуществил первое издание книги Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

• Своим гербом Эразм избрал римского бога Термина — хранителя рубежей и границ, связывая с ним девиз «Всегда думай о смерти». В 1520 г. он заказал серебряное кольцо с печаткой, на которой были выгравированы изображение Термина и слова «Никому не уступлю».

• Эразм до конца дней сильно страдал от мочекаменной болезни, которая прицепилась к нему (так он сам думал) из-за постоянного употребления дрянного венецианского вина с гущей.

• Из-за религиозных распрей ему пришлось 13 апреля 1529 г. покинуть ставший для него родным Базель (Швейцария) и переехать во Фрейбург (Германия). Здесь он пишет передающее его настроение стихотворение:

Вы мне скажите, зачем опрокинутой чашею небо
Ночи и дни напролёт падает наземь дождём?
Вины оплакать свои не хотят земнородные люди, —
Небо за нас потому ныне разверзлось в слезах.

• Эразм умер в Базеле; здесь же он (аккурат через год после казни Т. Мора*) и похоронен.

• Завет Эразма Роттердамского потомкам, к каждому, живущему за ним следом, был таким:

«Прежде всего хорошо познакомься с апостолом Павлом. Пусть всегда он будет у тебя под рукой, листай его ночью и днем, наконец, выучи его наизусть».

2. СУДЬБА ► ◐ В юные годы Эразм был свидетелем одной «уличной» сценки. Она вроде бы рядовая, обычная, заурядная. Но на мальчика она как-то повлияла. Может быть, тогда ему впервые запало в душу, что человек — существо не одномерное, в нем, в человеке, есть что-то явно другое и большее, чем о нем принято говорить. Манера поведения. Не она ли стала той личностной для Эразма осью, вокруг которой начали вращаться все его предстааления о должном, обязательном, прирожденном?! ◑ Вот этот случай, так, как его передает сам Эразм:

«Дело было в Девентере, когда я был мальчишкою. Стояла пора, когда царствуют рыбники, а мясники пропадают от безделия. У окна торговки фруктами, женщины весьма грузной и дородной, какой-то человек разглядывал выставленный на продажу товар. Торговка, конечно, спросила, чего ему угодно, и, видя, что он глядит на смоквы, сказала: «Смоквы замечательные! Угодно?» Тот кивнул, хозяйка спрашивает, сколько фунтов: «Угодно пять фунтов?» Тот опять кивнул, и хозяйка высыпала смоквы ему в полу. И пока она кладет на место чашки весов, тот удаляется, не бегом, а вполне спокойно. Хозяйка выходит получить деньги, видит, что покупатель ушел, и поднимает крик ему вдогонку. Он, однако ж, продолжает шагать своей дорогою, словно это не имеет к нему никакого отношения, и лишь когда на крики хозяйки сбегается много народу, останавливается. Суд вершат тут же, в кольце зрителей: покупатель утверждает, что ничего не покупал, — он лишь принял то, что было ему предложено; если торговка желает судиться по-настоящему, он не против. И все хохочут».

► К счастью для себя, Эразм не дожил до начала католической контрреформации, порвавшей со всяким либерализмом внутри католической церкви и породившей мощную волну фанатизма, направленного не только против реформаторских вероисповеданий (как в лютеранской, так и в

---

* В день расправы над «королём гуманистов» Т. Мором, 6 июля 1535 г., когда в одночасье рухнули все надежды Эразма на «просвещённое правление» Генриха VIII, он признавался друзьям: «Я почувствовал, как будто бы вместе с Мором умер я сам».

последовавшей за ней кальвинистской форме), но, по существу, и против всех передовых философских (как и собственно научных) учений и идей, способных подорвать католическую догматику. В учрежденный в 1559 г. папский «Индекс запрещенных книг» были включены и все важнейшие произведения Эразма. Некогда Мартин Лютер (1483 – 1546) проницательно подметил, что человеческое начало для их автора важнее начала божественного. Теперь это стало ясно и для католических церковников. Тем самым идеи «философии Христа»* оказались неприемлемы ни для одной официальной христианской церкви.

➤ Характерно, что если Павел IV** включил в «Индекс запрещенных книг» произведения Эразма как автора, «проклятого по первому классу», то Климент VIII*** и Павел V**** проявили явную склонность признать его крупнейшим авторитетом католической церкви.

➤ «Руководство христианского воина» («Энхиридион»)... Эта работа была написана в 1501 г. и через два года издана в Антверпене вместе с другими сочинениями в сборнике под названием «Lucubratiunculae» («Ночные размышления»). Более десяти лет на этот труд не обращали особого внимания. В 1515 г. последовало второе издание, но и оно не изменило отношения к книге. Только после того, как Фробен в 1518 г. опубликовал «Энхиридион», предпослав ему в качестве своеобразного предисловия, излагающего основные мысли книги, послание Эразма к аббату бенедиктинского монастыря Паулю Вольцу, судьба этого труда резко изменилась. При жизни автора, т. е. до 1536 г., книга выдержала более пятидесяти изданий и была переведена на несколько языков: не только на немецкий, французский, английский, испанский, но и на чешский (на русском языке «Энхиридион» впервые вышел в XVIII в.). Широкое распространение книги, однако, не свидетельствовало о полном одобрении мыслей Эразма. В Испании он нажил себе этой книгой не только друзей, но и врагов; лувенские теологи запрещали студентам ее читать. Более всего раздражала убежденность Эразма в том, что монашество само по себе не равнозначно благочестию.

В 1523 г. в письме к Иоганну Боцхейму (Botzheim, ок. 1480 – 1535), настоятелю собора в Констанце, дом которого привлекал к себе многих ученых, Эразм рассказывал, как более двадцати лет назад, спасаясь от чумы, он жил в замке на юго-западе теперешней Бельгии и подружился с человеком по имени Яков Бат. Тогда-то он и стал работать над «Энхиридионом». Адресат этой книги был неизвестен несколько веков. Только в 1954 г. О. Шоттенлоэр доказал, что книга предназначалась в первую очередь для Иоганна Поппенрейтера (Poppenreuter) — знаменитого оружейника того времени (см.: *Schottenloher O.* Erasmus, Johann Poppenreuter und die Entstehung

---

* Эразм Роттердамский не раз высказывался в том духе, что если в Бога верить не только нужно, но и до́лжно, то в церковь, если даже она состоит из добрых и достойных людей, которые в силу своей человеческой природы могут, однако, испортиться, верить совсем необязательно.

** Светское имя **Джанпьетро Карафа** (1476 – 1559; понтификат 1555 – 1559).

*** Светское имя **Ипполито Альдобрандини** (1536 – 1605; понтификат 1592 – 1605).

**** Светское имя **Камилло Боргезе** (1552 – 1621; понтификат 1605 – 1621).

des Enchiridion militis christiani. — Archiv fur Reformationsgeschichte, 1954, Bd. 45, S. 109 ff.). Его первая жена и попросила когда-то через Якова Бата, чтобы Эразм вразумил его супруга. Профессия Поппенрейтера — он был придворным литейщиком Карла V — во многом объясняет название сочинения Эразма, так как «Энхиридион» (*по-греч.* Εγχειριδιον) значит «нож», «кинжал» и в то же время «руководство», «пособие», «наставление». Эразм передавал оружейнику свое «Оружие». В одном из писем он рассказывал, что они обменялись оружием: он дал Поппенрейтеру «Энхиридион», а тот ему — маленький меч. И с печалью заключил, что как ему нет пользы от меча, так и Поппенрейтеру — от его книги.

3. УЧЕНИЕ

♦ Невозможно изменить природные задатки совершенно, но исправить их отчасти — возможно.

♦ Если ты не понимаешь тайны, помни, однако, что в основе она существует: ведь предпочтительнее надеяться на нечто неизвестное, чем успокоиться на убивающей буквальности.

♦ Нередко самый плохой наставник в жизни и чувствах — это чернь (vulgus). Ведь никогда дела человеческие не обстояли так хорошо, чтобы большинству не нравилось самое худшее.

■■ Я называю чернью не по положению, а по душе. Чернь — это те люди, которые в Платоновой пещере*, скованные своими страстями, восхищаются пустыми изображениями вещей вместо настоящих вещей. Разве не поступает превратно тот, кто пытается приложить камень к линейке, а не линейку к камню? ■

♦ Кто сплошь и рядом не считает, что прекрасно происходить от знаменитых предков, кто не думает, что это следует числить среди особых благ? Как раз это и называют благородством. Пусть тебя не смущает, когда ты слушаешь, как мудрецы сего мира, люди значительные, весьма влиятельные, вполне серьезно, надменно подняв брови, рассуждают о степенях родства, словно о деле чрезвычайно важном, и с большим усердием несут всякий вздор, когда ты видишь, что иные так раздуваются от изображений своих дедов и прадедов, что всех остальных, кроме себя, едва считают за людей. Но, посмеявшись Демокритовым смехом над их заблуждением, знай, что единственное и высшее благородство — это родиться вновь во Христе, быть привитым к его телу, стать единым телом и единым духом с Богом. Пусть другие будут царскими детьми, для тебя же величайшее дело — стать и называться сыном Божьим.

♦ Того, кто собрал дома больше всего золота, кто только не называет блаженным, богатым, счастливым? Ты же считай достаточно счастливым, а вернее, только того и считай счастливым, в ком есть Христос — высшее благо; кто купил ценой всего состояния или даже с ущербом для тела своего эту драгоценную жемчужину чистой совести; кто обрел сокровище мудрости, которое драгоценнее всех богатств; кто, чтобы разбогатеть, купил у Христа богатейшего золото, прошедшее через огонь. Что же тогда предметы восхищения толпы — золото, драгоценные каменья, поместья? Это ложным образом называется богатством, а в дей-

* См.: т. 1, с. 152. — *Ред.*

ствительности — колючки, которые, по притче евангельской, душат семя слова Божьего; это ноша, обременённые которой не могут следовать по тесному пути за нагим Христом и войти через низкий вход в царство небесное. Если ты превзошел богатством Мидаса и Крёзов, считай, что ты ни на волос не лучше их, а еще более связан, более нагружен, более обременён. Более чем достаточно имеет тот, кто способен отважно презирать это. Много ожидает того, кому Христос пообещал, что у него ни в чем не будет недостатка. Не будет голодать тот, кого питает манна слова Божьего. Не будет наг тот, кого оденет Христос. Считай убытком лишь то, что столько раз уводит тебя от благочестия и умножает пороки.

♦ Обратим внимание, как свойственно народу ошибочное мнение насчет силы и слабости, храбрости и трусости. Разве не называют сильным того, кто может легко кому-нибудь причинить вред? Хотя ясно, что способность вредить — это ненавистная сила; она делает таких людей подобными шпанским мухам, скорпионам и самому дьяволу — конечно, в умении творить зло. Один только Бог воистину силен; Он не может вредить, даже если захотел бы; и не хочет, даже если мог бы, ибо Его природа в том, чтобы творить добро.

♦ Другое заблуждение... Люди называют умелым и опытным того, кто ловит всякие слухи и знает, что происходит везде на свете: какова удача в торговле, что затевает король Британский, что нового в Риме, что появилось в Галлии, как живут даки и скифы, что обсуждают князья? Короче говоря, они считают умным того, кто поднаторел в болтовне обо всяческих делах перед всякого рода людьми. Но что может быть бессмысленнее и глупее, чем исследовать то, что делается далеко и не имеет к тебе никакого отношения, и вовсе не думать о том, что происходит в твоей груди и единственно только тебя и касается? Ты рассказываешь мне о мятеже у британцев; лучше расскажи, как бушуют в твоей груди гнев, зависть, похоть, тщеславие! Скоро ли ты их обуздаешь? Какая надежда на победу, в какой мере война закончена, какие пути приняты? Если ты будешь бдителен, если станешь следить за этими ушами и глазами, если будешь внимательным, осторожным, тогда я назову тебя умелым. А на то, что обыкновенно распространяет о нас мир, я отвечу: ничего не знает тот, кто о себе ничего не знает.

♦ **Правителю...**

⊙ Пусть никакая обида не трогает тебя меньше той, которая касается тебя лично. Помни, что ты лицо общественное и тебе следует думать только о благе общества. Если ты мужественный человек, помышляй не о том, сколь ты велик, но о том, какой груз ты несешь на своих плечах. Чем в большей опасности ты живешь, тем меньше прощай себе. Пусть не предки твои и не льстецы указывают тебе форму управления государством...

⊙ Сколь терниста, сколь полна забот, опасностей и страданий жизнь могущественных людей. Как трудно при счастливых обстоятельствах не забыть о себе; как тяжело не упасть, стоя на скользком месте; как опасно для жизни падение с высоты. Всегда надо помнить, что всякая почесть связана с очень большим бременем.

⊙ Находятся такие, которые прославляют знаменитое изречение Платона: «Блаженны государства, в которых философы повелевают или повелители философствуют». Справьтесь у историков — и увидите, что ничего не бывало для государства пагубнее, нежели правители, которые баловались философией или науками.

⊙ Подобно тому как хороший садовник заботливо ухаживает за садом, поливая добрые и полезные растения и выпалывая бесполезные сорняки, так и король должен поступать в государстве, поощряя добрых и верных подданных и наказывая неверных и бесполезных.

♦ **Сладострастие...** Ни одно зло не настигает нас раньше, чем это, ни одно не преследует более жестоко, ни одно не распространено шире и не влечёт к гибели большее число людей. Поэтому, если душу твою подстрекает грязное сладострастие, помни, что тотчас надо встречать его таким оружием: во-первых, подумай, сколь нечисто, сколь гнусно, сколь недостойно человека это наслаждение, которое нас, творений Божьих, равняет не только со скотиной, но даже со свиньями, козлами, собаками и наигрубейшими из грубых животных; более того, с другой стороны, оно опускает нас ниже скотского состояния...

Пусть вспомнится тебе и то, сколь быстротечно это наслаждение, сколь нечисто, насколько больше в нем всегда горечи, чем меда. И напротив, подумай о том, сколь благородна душа, сколь священно человеческое тело. Поэтому какая бессмыслица из-за малейшей гнусной щекотки мимолетного наслаждения позорить недостойным образом и дух и тело.

Обдумай также и то, какое полчище бед тащит за собой эта льстивая чума. Прежде всего она отнимает у нас доброе имя, наидрагоценнейшую собственность. Ведь никакое осуждение другого порока не пахнет хуже осуждения похоти! Оно исчерпывает наследственное имущество, лишает одновременно и сил, и телесного обличья. Чрезвычайно вредит здоровью, порождает несчетные болезни, к тому же постыдные. До времени обезображивает цвет юности, приближает позорную старость. Уничтожает блеск ума, притупляет совесть, насаждает скотские нравы. Отвлекает сразу ото всех благородных занятий и полностью погружает человека в нечисто́ты, так что он не может думать ни о чем, кроме грязи, низости, мерзости. Отнимает у человека то, что ему присуще, — потребность рассуждать. Делает юность безумной и бесславной, старость — ненавистной, позорной и жалкой. Поэтому будь разумным и рассуждай именно так: «Вот это и это удовольствие так плохо кончилось, принесло такой убыток, столько стыда, отвращения, страданий и болезней, и я, глупейший умник, снова попадусь на крючок? Снова натворю что-то, в чём опять придется раскаиваться?»

Представь себе наглядно, сколь некрасиво, сколь бессмысленно любить, бледнеть, изводиться, плакать, льстить и по́стыдно умолять наиотвратительнейшую развратницу; петь ночью у дверей, зависеть от кивка госпожи, терпеть власть бабёнки, требовать, гневаться, снова попадать в милость, добровольно давать волчице себя высмеивать, бить, изувечить, обобрать. Почему же, скажи пожалуйста, ты зовёшься мужчиной? Где борода? Где тот благородный дух, рожденный для прекраснейших дел?

Подумай и о том, сколь великое стадо преступлений обыкновенно ведет за собой наслаждение, которому ты единожды уступил. Среди других пороков, возможно, имеются такие, у которых есть что-то общее с добродетелями, но только не у похоти; она всегда связана с самыми большими и многочисленными грехами.

♦ Говорят, деньги создают друзей. Я согласен, однако ложных. Они создают друзей не тебе, а себе. Поэтому богач — наинесчастнейший человек: ведь он никак не может узнать друзей. Один ненавидит его в душе за скупость; другой завидует, потому что он богаче; третий, добиваясь чего-то для себя, поддакивает, улыбается, объедается. Кто с виду любезней всех, молится о скорейшей смерти. Никто не любит богача настолько, чтобы желать ему жизни, а не смерти. Нет такого друга, который сказал бы правду. Если даже и найдется такой, который искренне любит богатого, богатый не может жить без подозрения. Он считает всех коршунами, которые с нетерпением дожидаются трупа, мухами слетающимися на его добро. Поэтому всё, что приносит выгоду, кажется приукрашенным, темным, обманчивым. Богатство приносит очень много настоящего зла и отнимает очень много настоящего добра. Если ты предпримешь подсчет прибыли и убытка, то, конечно, обнаружишь, что богатство никогда не приносит много удобств, но влечет за собой гораздо больше неудобств. Каким несчастным трудом оно добывается, с каким риском, с какой тревогой сохраняется, с каким горем утрачивается! По этой причине Христос и называет богатство терновником, так как тысячью забот оно терзает душевный покой, слаще которого у человека ничего нет. Оно никогда не утоляет жажду, а возбуждает ее более и более, ввергает во всякий грех и бездну.

♦ Невежество почти всегда сопровождает невосприимчивость.

♦ Тому, кто пишет, сама собой приходит одна мысль за другой...

♦ Какое безумие мстить за чужую наглость, становясь еще наглее? Если же ты пренебрежешь оскорблением, все поймут, что оно нанесено незаслуженно. Но если ты рассердишься, ты доставишь нападающему лучший повод. Затем подумай, что от мщения полученная неприятность нисколько не устраняется, а увеличивается. Как же наступит конец взаимных обид, если каждый будет платить местью за свою боль? С обеих сторон возникнут враги, боль станет сильнее, и, разумеется, чем более застарелой она будет, тем неизлечимее.

♦ **О скептиках...** Они, ничего в действительности не зная, воображают, будто познали всё и вся.

♦ В жизни человеческой всё так неясно и так сложно, что здесь ничего нельзя знать наверное.

♦ Человек — это некое странное животное, состоящее из двух или трех чрезвычайно разных частей: из души (anima) — как бы некоего божества (numen) и тела — вроде бессловесной скотины. В отношении тела мы настолько не превосходим животных другого рода, что по всем своим данным находимся гораздо ниже их. Что касается души, то мы настолько способны воспринять божественное, что сами могли бы пролететь мимо ангелов и соединиться с Богом. Если бы не было тебе дано тело, ты был бы божеством, если бы не был в тебя вложен ум (mens), ты

был бы скотом. Эти две столь отличающиеся друг от друга природы высший Творец объединил в столь счастливом согласии, а змей, враг мира, снова разделил несчастным разногласием, что они и разлученные не могут жить без величайшего мучения и быть вместе не могут без постоянной войны; ясно, что и то и другое, как говорится, держит волка за уши; к тому и к другому подходит милейший стишок из «Любовных элегий» Овидия:

Так, не в силах я жить ни с тобой, ни в разлуке с тобою.

(Пер. С. Шервинского)

♦ Мы так непомерно боимся гибели тела, потому что она видна глазами телесными. В смерть души, потому что ее никто не видит, верят немногие, совсем мало кто боится ее, хотя эта смерть настолько страшнее той, насколько дýши предпочтительнее тела, насколько Бог выше душѝ.

♦ Следует сперва познать движения души, затем понять, что они вовсе не так сильны, чтобы их нельзя было ни укротить разумом, ни склонить к добродетели.

♦ Подобно тому как одно государство бывает мятежнее другого, так один человек склонен к добродетели более другого; это различие происходит не из-за различия душ, а либо из-за воздействия небесных тел, либо коренится в предках, в воспитании или же в самóм строении тела. Так что рассказ Сократа у Платона в «Федре» о возничих и конях хороших и плохих — не бабьи россказни.*

♦ Некоторые человеческие пороки — почти врожденные; говорят, что некоторым народам присуще вероломство, другим — стремление к роскоши, третьим — похоть. Определённые пороки связаны со строением тела: так, сангвиникам присущи женолюбие и любовь к наслаждениям. Холерикам — гнев, дикость, злоязычие. Флегматикам — вялость, сонливость. Меланхоликам — завистливость, уныние, горечь. Некоторые пороки с возрастом ослабевают или же усиливаются, как, например, похотливость в юности, а также расточительность, опрометчивость. В старости — скупость, придирчивость, жадность. Кажется, есть и такие, которые присущи разным полам: в мужчине — неистовство, в женщине — суетность и жажда мести. Между тем бывает, что природа, как бы распределяя, возмещает болезненную наклонность души каким-нибудь противоположным даром. Один человек хотя скорее склонен к наслаждениям, однако совсем не гневлив, совсем не завистлив. Другой — неподдельно застенчив, но высокомерен, гневлив, корыстолюбив. Нет недостатка и в таких, которых соблазняют противоестественные роковые пороки: воровство, святотатство, человекоубийство...

---

* В диалоге Платона «Федр» Сократ свои рассуждения о душе строит с привлечением аналогизационных конструкций:

«Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего. У богов и кони и возничие — все благородны и происходят от благородных, а у остальных они смешанного происхождения. Во-первых, этот возничий правит упряжкой, а затем и кони-то у него — один прекрасен, благороден и рожден от таких же коней, а другой конь — его противоположность, и предки его — иные. Неизбежно, что править нами — дело тяжкое и докучное». (**Платов.** *Федр.* 246 А—В.)

♦ Некоторые страсти, по виду более достойные и как бы надевшие личину добродетели, обманывают неосторожных людей. Строгий судья неистовствует по отношению к преступнику и считает себя правым. Хочешь о нем поговорить? Если он потворствует своим склонностям и служит своей врожденной жестокости без всякой душевной печали, а возможно, и с некоторым удовольствием, нисколько, однако, не отклоняясь от обязанности судьи, но не для того, чтобы потом себе нравиться, то он совершает нечто среднее. Если же он злоупотребляет законом либо по личной ненависти, либо по сильному желанию, то дело это — плотское, и он совершает человекоубийство. Если душу его охватывает большая печаль, потому что он вынужден погубить того, кого предпочитает увидеть исправленным и невредимым, и он предлагает заслуженное наказание с тем чувством, с каким отец приказывает сечь и бить дражайшего сына, — то, что он делает, будет как раз духовным.

♦ Какой, спрашиваю тебя, образ жизни в миру хотел бы ты избрать, в котором не надо было бы с избытком терпеть и переносить много скорби и суровости? Кому не известно, что придворная жизнь полна горестей? Разве только человеку неопытному или совсем глупому. Боже бессмертный! Сколь долгое, сколь недостойное рабство должны мы здесь терпеть, с какими мучениями должны добиваться милости правителей: их благосклонность надо выманивать лестью — они могут и навредить, и помочь. Часто надо принимать новую личину. Надо проглатывать обиды власть имущих. С другой стороны, есть ли такое зло, которого не приносит военная служба? Ты можешь лучше всех засвидетельствовать и то и другое — ты изучил это на своём опыте. Ведь чего только не делает, чего не испытывает купец, который

Мчится... не ленясь, чрез огонь, чрез море, чрез скалы?

(**Гораций.** *Послания.* Пер. Н. Гинцбурга)

Какое множество семейных забот в браке! Какой только нищеты не видят те, которые изведали это. Сколько тревоги, тягот, опасностей нужно брать на себя при выполнении государственных дел! Куда ни обратишь свой взгляд, повсюду встретишь великое множество несчастий.

Человеческая жизнь сама по себе состоит из тысячи разных бед, которые равно касаются честных и бесчестных. К тому же у несчастий нет никакого конца: чем дольше работаешь, тем тяжелее работа. Каков же в итоге конец такой тревожной, полной страданий жизни? Действительно, вечное мученье.

♦ Те люди, которые принимают этот мир, должны как бы и не принимать его. Я знаю, что мир смеётся над этой мыслью, как над глупой и безумной; однако Богу угодно спасать верующих при помощи только вот этой глупости. И что у Бога глупость, то — умнее, чем у людей. Всё, что ты свершаешь, проверяй этим правилом. Ты обучаешься делу; хорошо, но без обмана. Но какая у тебя цель? Чтобы прокормить семью? А для чего семья? Чтобы сберечь ее для Христа? Хорошо. Ты постишься. С виду это дело благочестивое. Но какой смысл в твоем посте? Чтобы подкопить припасов или чтобы прослыть более набожным? Это скверно.

Постишься, чтобы не заболеть? А почему ты боишься болезни? Чтобы она не лишила тебя потребности наслаждений? Твой взгляд порочен. Но ты хочешь быть здоровым, чтобы посвятить себя занятиям. Какой смысл в твоих занятиях? Чтобы когда-нибудь добыть себе сан священника? Зачем тебе понадобился сан священника? Разумеется, чтобы жить для себя, а не для Христа. Ты уклонился от знака, который каждому христианину надлежит иметь перед собой. Ты принимаешь пищу для телесного здоровья. Ты хочешь обладать телесным здоровьем, чтобы посвятить себя священным занятиям, священным бдениям, — вот тогда ты у цели. Если же ты печёшься о здоровье, чтобы не стать безобразным, чтобы не лишиться сладострастия, ты отпал от Христа, творя себе другого бога.

♦ Есть люди, слепо пристрастные к одному мнению. Так что они не в состоянии перенести ничего от него отличающегося. Всё, что они читают в Писаниях, они ложно толкуют как подтверждение мнения, которое они однажды приняли, — подобно тому, как молодые люди, которые безмерно влюблены и, куда ни повернутся, воображают, что повсюду видят предмет своей любви. Еще более здесь подойдет другое сравнение: как люди, которых борьба ожесточила так, что они превращают в оружие всё, что у них под рукой — будь это кружка или тарелка.

♦ В божественных Писаниях есть тайны, в которые Бог не хотел, чтобы мы проникали глубже; если мы попытаемся в них проникнуть, то чем глубже мы продвинемся, тем больше будет тумана, и мы, таким образом, непостижимое величие божественной премудрости и немощь человеческого разума.

♦ Существуют определённые телесные недуги, вынести которые легче, чем их унести, — как если бы кто-нибудь для избавления от проказы стал мыться в горячей крови умерщвленных детей. Существуют определённые заблуждения, которые приносят меньше бед, если их не замечать, чем если их искоренять.

♦ Представим себе, что в некотором смысле правда то, о чём учил Уиклиф* и что утверждает Лютер: всё, что нами делается, происходит не по свободной воле, а по чистой необходимости. Что может быть бесполезнее широкого обнародования этого суждения? Представим себе также, что в каком-то смысле правда то, что где-то написал Августин о том, что Бог творит в нас и добро и зло и Он награждает нас за свои добрые дела и наказывает нас за свои злые дела. Какое широкое окно для нечестия откроет бесчисленным смертным распространение этих слов?! Особенно при такой человеческой тупости, беспечности, порочности и неудержимой, неисправимой склонности ко всякого рода нечестию! Какой слабый человек выдержит постоянную и очень трудную борьбу со своей плотью? Какой дурной человек будет стараться исправить свою жизнь?

---

* **Джон Уиклиф** (ок. 1320 – 1384) — предшественник английской Реформации. Констанцский собор (1414 – 1418), созванный для обсуждения и осуждения гуситской ереси, осудил и учение Уиклифа. Ян Гус (1370 – 1415) был сожжен в Констанце по решению этого собора. Через 40 лет после смерти Уиклифа та же мера была применена и к нему: его останки были вырыты из земли и сожжены.

♦ У людей почти всегда ум грубый и плотский, он склонен к неверию, расположен к злодействам, лёгок на поношения...

♦ У Священного Писания свой язык, приспособленный к нашему пониманию. Ведь Бог там гневается, печалится, негодует, неистовствует, угрожает, ненавидит, снова жалеет, кается, меняет суждения; и нельзя сказать, что такого рода изменения свойственны Богу по природе, но эти слова соответствуют нашей немощи и тупости. Такая же мудрость, надо полагать, должна быть свойственна и тем, кто взял на себя распространение слова Божьего. И здесь, видимо, бывает что-то вредное, так как не подходит — наподобие того, как не годится давать вино горячечному больному.

♦ Иногда я слышу: зачем нужен толкователь, если Писание совершенно ясно? Если оно так ясно, то почему тогда пребывают в слепоте выдающиеся мужи всех веков и именно в весьма важных вопросах? Если бы в Писании не было никакого тумана, то зачем нужно было пророчествовать в апостольские времена? Это был дар Духа. Но я не знаю, исчезла ли эта благодать подобно тому, как исчезли исцеления и дарования языков. Если же не исчезла, то следует спросить, на кого она переложена? Если на кого угодно, то всякое толкование будет недостоверным. Если ни на кого, тогда тоже ни одно толкование не достоверно, хотя и сегодня еще ученых мучает очень много темных мест. Если же на тех, кто унаследовал место апостолов, то скажут, что в течение многих веков многие люди наследовали место апостолов, не имея апостольского духа. Однако если в остальном они и были равны, то вероятнее предположить, что Бог излил дух на тех, кому Он даровал должность, вроде того, как мы считаем более правдоподобным, что благодать дается крещеному, а не некрещеному.

♦ Свобода воли есть сила человеческого желания, при помощи которой человек может приблизиться к тому, что ведет к вечному спасению, или же отвратиться от этого.

♦ Есть такие, которые уверяют, что свободная воля не способна ни к чему, кроме греха, и что только благодать творит в нас добро — не посредством свободной воли и не вместе со свободной волей, а против свободной воли. И наше воление здесь не больше может, чем это имеет воск, который в руке ваятеля принимает любой вид по усмотрению мастера. Мне же представляется всё по-другому, и я думаю, что эти люди, убегая от веры в человеческие заслуги и дела, как говорится, своей лачуги не замечают.*

И ведь действительно. Почему хвалят раба, который своим усердием увеличил имущество господина? Почему проклинают нерадивого и ленивого, если от человека ничего не зависит?

То же следует сказать в связи с рядом мест из Евангелия. К примеру, взять такую содержащуюся там угрозу: «Горе вам, книжники, горе вам, лицемеры».

Или вот какие слова произносит Господь: «По их плодам узна́ете их».

* Здесь у Эразма намёк на распространённую литературную цитату — см.: **Теренций.** *Формион*, 768; в пер. А. Артюшкова: «Пословица гласит: беги, но всё ж не мимо дома».

Он говорит, что плоды — это дела, и называет их нашими. Они не были бы нашими, если бы всё совершалось по необходимости. Он молит на кресте: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят». Он был бы гораздо справедливее, если бы простил их по той причине, что у них нет свободной воли и они при всём желании не могли поступить иначе.

Опять же, зачем тогда все эти Павловы притчи о бегущих на ристалище, о награде, о венце, если наше усилие не имеет никакого значения? В Послании к коринфянам, глава девятая, он говорит: «Разве вы не знаете, что из бегущих на ристалище приз получает только один, хотя бегут все. Так бегите, чтобы получить приз». И то не следует забывать, что в Первом послании к Тимофею, глава шестая, этот апостол наставляет: «Борись, — говорит, — в доброй борьбе веры, лови жизнь вечную!» И мы это понимаем. Ибо где есть борьба, там есть волевое усилие, там есть опасность потерять награду, если промедлишь. Совсем не так происходит, если всё происходит по чистой необходимости.

4. МЫСЛИ

- Когда влюбленный целует родимое пятнышко своей подруги, — что это такое, как не чистейшей воды глупость?
- Скажите по совести, какой муж согласился бы надеть на себя узду брака, если бы, по обычаю мудрецов, предварительно взвесил все невыгоды супружеской жизни?
- Как вы думаете, может ли полюбить кого-либо тот, кто сам себя ненавидит?
- Если бы смертные удалялись от всякого общения с мудростью и проводили всю жизнь свою в обществе глупости, не было бы на свете ни одного старца, но все наслаждались бы вечной юностью. Взгляните на этих тощих угрюмцев, которые предаются либо изучению философии, либо иным трудным и скучным занятиям. Не успев стать юношами, они уже состарились. Заботы и непрерывные упорные размышления опустошили их души, иссушили жизненные соки.
- Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума...
- Такая уж у людей натура, что никто из них не бывает свободен от тяжких пороков.
- Природа во многих смыслах скорее мачеха, нежели мать: ведь наградила же она смертных, особливо тех, кто чуть-чуть поумней, печальной склонностью гнушаться своего и ценить чужое.
- **Давайте откровенно...** Разве не мудрость привела Сократа к чаше с ядом?
- Если мудрец вмешается в разговор — всех напугает не хуже волка. Если надо что-либо купить, если предстоит заключить какую-либо сделку, если, коротко говоря, речь зайдет об одной из тех вещей, без которых невозможна наша жизнь, тупым чурбаном покажется тебе мудрец этот, а не человеком. Ни себе самому, ни отечеству, ни своим близким не может быть он ни в чём полезен, ибо неискушён в самых обыкновенных делах и слишком далек от общепринятых мнений и всеми соблюдаемых обычаев. Из такого разлада с действительной жизнью и

нравами неизбежно рождается ненависть ко всему окружающему, ибо в человеческом обществе всё полно глупости, всё делается дураками и среди дураков.

- Глупость создаёт государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь человеческая, как не забава Глупости?
- Если бы кто-нибудь сорвал на сцене маски с актеров, играющих комедию, и показал зрителям их настоящие лица, разве не расстроил бы он всего представления и разве не прогнали бы его из театра каменьями, как юродивого? Ведь всё кругом мгновенно приняло бы новое обличье, так что женщина вдруг оказалась бы мужчиной, юноша — старцем, царь — жалким оборвышем, Бог — ничтожным смертным. Устранить ложь — значит испортить всё представление, потому что именно лицедейство и притворство приковывают к себе взоры зрителей. Но и вся жизнь человеческая есть не что иное, как некая комедия, в которой люди, нацепив личины, играют каждый свою роль, пока хорег не уведет их с просцениума.
- Что если, встретив человека, оплакивающего своего умершего отца, мудрец повелит ему радоваться, коль скоро лишь теперь покойник начал по-настоящему жить: ведь наша здешняя жизнь — лишь подобие смерти?! Что если тот же мудрец, увидя дворянина, хвастающего своими предками, обзовет его безродным нищим на том основании, что ему чужда сердечная доблесть, единственный источник истинного благородства? Что если он со всеми и с каждым вздумает рассуждать подобным же образом — разве не станут все глядеть на него, как на буйнопомешанного?
- Пусть никто необдуманно не берет на себя столь важное дело, как познание себя. Я не ведаю, знает ли кто-либо полностью свое тело и состояние духа?
- Ведь человек воюет не с человеком, а с самим собой, и как раз из собственного нашего нутра нападает на нас всё время вражеский строй.
- Жить достойно не возбраняется никому.
- Держи под подозрением всё, что диктует тебе душевный порыв, даже если это честное.
- Порок как раз в том, чтобы недобро делать доброе.
- Истине самой по себе свойственна неотразимая притягательная сила, если только не примешивается к ней ничего обидного, но лишь одним дуракам даровали боги уменье говорить правду, никого не оскорбляя.
- Нет ничего отважнее, чем победа на самим собой.
- Каждый человек проявляет в нравах то, что с помощью убеждения глубоко укоренилось в его душе.
- Иногда хорошо любить — значит хорошо ненавидеть, а праведно ненавидеть — значит любить.
- Хочешь, гневаясь, снискать похвалу? Тогда гневайся на порок, а не на человека.
- Никакие житейские блага не будут нам приятны, если мы пользуемся ими одни, не деля их с друзьями.
- Баснями желудка не наполнишь.

- Стыдливость непригодна для нуждающегося.
- Лучше меньше знать и больше любить, чем больше знать и не любить.
- Мудрая природа окутала младенцев покровом глупости, который, чаруя родителей и воспитателей, награждает их за труды, доставляет малюткам любовь и опеку.
- Мир полон фарисеев.
- Большинство людей глупы, и всякий дурачится на свой лад.
- То, чем мы грешим в молодости, приходится искупать в старости.
- Если кому-либо не хватает даров природы, он возмещает этот изъян усиленной дозой самодовольства.
- Изящество потребно не в одних искусствах, но во всех делах человеческих.
- Если заводишь новых друзей, не забывай о старых.
- Истинная честь — награда за добродетель, а не за богатства.
- Начать войну легко, а закончить трудно.
- Невежество — мать высокомерия, а ученость рождает скромность.
- Христианская вера, по-видимому, сродни некоему виду глупости и с мудростью совершенно несовместна. Отнюдь не случайно дураки столь угодны Богу.
- Церковь основана на крови, кровью скреплена и кровью расширилась.
- Фортуна любит людей не слишком благоразумных, но зато отважных, таких, которые привыкли повторять: «Будь что будет». А мудрость делает людей робкими, и потому на каждом шагу видишь мудрецов, живущих в бедности, в голоде... повсюду встречающих лишь презрение и ненависть. К дуракам же плывут деньги, они держат в руках кормило государственного правления и вообще всячески процветают.
- Любая вещь имеет два лица, и эти два лица отнюдь не схожи одно с другим. Снаружи как будто смерть, а загляни внутрь — увидишь жизнь, и наоборот, под жизнью скрывается смерть, под красотой — безобразие, под изобилием — жалкая бедность, под позором — слава, под ученостью — невежество, под мощью — убожество, под благородством — низость, под весельем — печаль.

- **Как ничего нет глупее непрошеной мудрости, так ничего не может быть опрометчивее сумасбродного благоразумия. Сумасбродом называю я всякого, не желающего считаться с установленным положением вещей и применяться к обстоятельствам.**
- **Истинно рассудителен тот, кто, будучи смертным, не стремится быть мудрее, чем подобает смертному, кто снисходительно разделяет недостатки толпы и вежливо заблуждается заодно с нею. Но ведь в этом и состоит глупость, скажут мне. Не стану спорить, но согласитесь и вы, что это как раз и значит играть комедию жизни.**

Макиаве́лли

XV – XVI вв.

Никко́ло ди Бернардо Макиавелли

• Итальянский философ

Родился: 03.05.1469 г.
Умер: 21.06.1527 г.

Прожил — 58 лет

> **«Цель — вот что надо иметь в виду при всех обстоятельствах».**
> *(Макиавелли)*

■ **«Тот, кто желает сохранить власть, должен прибегнуть ко злу».** *(Макиавелли)*

■ **«Пусть судьба растопчет меня, я посмотрю, не станет ли ей стыдно».** *(Макиавелли)*

■ **«Человеку, который желает при всех обстоятельствах пребывать добродетельным, остаётся лишь гибнуть среди множества тех, кто не добродетелен».** *(Макиавелли)*

■ **«Свидетельство моей честности и верности — моя бедность».** *(Макиавелли)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился во Флоренции, в знатной, но небогатой семье.
• Сведения о его биографии довольно скудны.
• С 1498 г. был на государственной службе в своей республике Флоренции.
• Хотя Макиавелли не занимал высоких постов, тем не менее хорошо узнал «кухню» и «пружины» большой политики.
• В 1512 г. республиканское правительство было заменено тиранией Медичи. Макиавелли изгнали из Флоренции.
• Испытал тюремное заключение, где подвергался пыткам.
• В марте 1513 г., в связи с вступлением на папский престол Льва X, Макиавелли амнистировали и он был отправлен в деревню, в свое небольшое именьице Сант'Андреа, неподалёку от Сан-Кашано.

/ Именно в деревне Макиавелли много и напряженно работал. Последующие 12 лет, когда он не занимался практической политикой, стали временем плодотворного теоретического осмысления накопленного им опыта... /

• Характеризуя свои занятия, называл себя «историком, комиком, трагиком».

• **Сочииенния Макиавелли:**

«О том, как надлежит поступить с восставшим народом Вальдикьянцы» (1502);

«Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньора Паоло и герцога Гравина Орсини» (1502);

«Картина того, что происходит в Германии» (1512);

«Картина того, что происходит во Франции» (1512);

«Государь» (1513):

/ У главного героя этой книги уже далеко нет той божественности, которую исповедовали Фичино, Пико делла Мирандола и другие гуманисты:

♦ Мифологическим образцом человека нынешнего времени пусть послужит кентавр. Новому государю необходимо владеть природой как зверя, так и человека. /;

«Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия» (1516 – 1519):

/ Именно здесь появляются важнейшие дерзновенные мысли:

♦ Именно раздоры между плебсом и римским сенатом сделали Римскую республику свободной и могущественной.

♦ Добрые примеры порождаются добрым воспитанием, доброе воспитание — хорошими законами, а хорошие законы — теми самыми смутами, которые многими безрассудно осуждаются. /;

«Золотой осёл» (1517; поэма);

«Мандрагора» (1518; комедия);

«Диалоги о военном искусстве» (1519 – 1520);

«Андрия» (1519);

«Сказка о Бельфагоре» (1520);

«Жизнь Каструччо Кастракани» (1520);

«Диалог о нашем языке»;

«История Флоренции» (1525).

• Как и все новаторы, Макиавелли в полной мере хлебнул непонимания, хулу, преследования. Среди первых обличителей его были такие люди, как Жан Боден (1530 – 1596) и Томмазо Кампанелла (1568 – 1639).

• ◐ Традиционно Макиавелли считается философом политики, но я бы его определил скорее как философа и мыслителя политической интриги. ◑

2. СУДЬБА

► В 1546 г. среди «отцов» Тридентского собора был распространен мемориал, в котором было сказано, что «Государь» «написан рукой Сатаны».

► В 1559 г. все сочинения Макиавелли были включены в первый «Индекс запрещенных книг».

3. УЧЕНИЕ

♦ Мне показалось более уместным исходить из действительной правды вещей, а не воображаемой.

♦ В делах судят по цели — достигнута ли она, а не по средствам — как она достигается.

♦ Пусть государь делает то, что нужно, чтобы победить и удержать государство, а средства всегда будут сочтены достойными, и каждый их одобрит.

♦ Насколько похвально, когда государь неизменно благочестив, живет цельно и бесхитростно, понятно каждому; тем не менее видно из опыта в наши времена, что те государи, которые мало заботились о благочестии и умели хитростью заморочить людям мозги, победили в конце концов тех, кто полагался на свою честность.

♦ Глава знаменитой семьи Борджиа, папа Александр VI, только то и делал, что обманывал, ни о чём другом не думал и находил случаи для этого; никто лучше его не мог давать заверения, подтверждая их сильнейшими клятвами, и никто не заслуживал меньше доверия; однако всегда он преуспевал в своих обманах.

♦ Благоразумный правитель не может и не должен быть верен обещанию, если это оборачивается против него и исчезли причины, побудившие его дать слово. Если бы все люди были добры, это был бы дурной совет, но, так как они наклонны ко злу и не будут верны правителю, то правитель не обязан быть верен им.

♦ Один из способов, с помощью которого можно удерживать власть в новом государстве и либо укрепить колеблющихся, либо сохранить в них состояние нерешительности и неизвестности, это держать их постоянно в ожидании, возбуждая в людях желание узнать, чем закончатся новые предприятия и начинания.

♦ Если бы был человек настолько умный, чтобы постичь все времена и положения и приспособиться к ним, то ему всегда везло бы и он не жаловался бы по меньшей мере на судьбу, тогда оправдалась бы поговорка, что мудрый повелевает звездами и роком. Но поскольку таких мудрецов не видно, в силу людской близорукости и неумения подчинить себе собственную природу, судьба непостоянна и распоряжается людьми, она держит их под своим гнетом... Новому правителю сто́ит создать свою репутацию жестокостью, коварством и безверием в провинции, где человечность, доверие и религия давно в избытке. Точно так же там, где некоторое время правили жестокость, коварство и безверие, пригодны человечность, доверие и религия, ибо как горечь возмущает вкус, а сладости приедаются, так людям наскучивает добро.

♦ Поскольку времена и нравы изменчивы, тому, кто идет навстречу времени, все замыслы удаются, и он счастлив; напротив, несчастлив тот, кто отклоняется от времени и обстоятельств.

♦ Так было, будет и всегда бывает —
Зло следует добру, потом обратно
Добро себе на смену призывает.
Признаться, я слыхал неоднократно,
Как губит образ жизни непотребный
Царей и государство безвозвратно
И как для них, наоборот, целебны,
Основы их величья воздвигая,
Посты, благотворительность, молебны.
Однако есть теория другая —
Что плотский грех держав еще не рушит

И не спасает набожность благая.
А вера в то, что можно бить баклуши,
Взывая к Божьей милости смиренно,
Уже сгубила много царств на суше.
Нужны молитвы, это несомненно,
И тот безумец, кто народ лишает
Обрядов его веры сокровенной,
Ведь польза, верно, есть от них большая —
Без них родятся смуты и раздоры,
Единство же судьбу держав решает;
Но если сыщется глупец, который
Под ветхой крышей ждет спасенья свыше,
Не думая искать другой опоры,
Он будет погребен под этой крышей.

♦ Когда государь пытается искоренить лесть, он рискует навлечь на себя презрение.

♦ Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что вначале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет.

♦ Ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить, как сделала Пиза через сто лет после того, как подпала под владычество флорентийцев.

♦ Люди обычно идут путями, проложенными другими, и действуют, подражая какому-либо образцу, но так как невозможно ни неуклонно следовать этими путями, ни сравняться в доблести с теми, кого мы избираем за образец, то человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравняться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духа. Надо уподобиться опытным стрелкам, которые, если видят, что мишень слишком удалена, берут гораздо выше, но не для того, чтобы стрела ушла вверх, а для того, чтобы, зная силу лука, с помощью высокого прицела попасть в отдаленную цель.

♦ Величию государя способствуют также необычайные распоряжения внутри государства, подобные тем, которые приписываются мессеру Бернабо да Милано, иначе говоря, когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать или карать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя — постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся.

4. МЫСЛИ

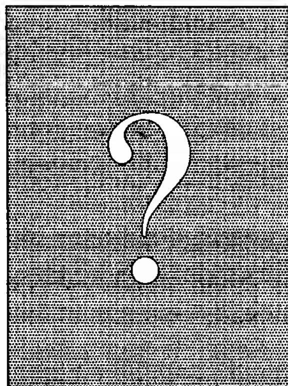
- Фортуна всё равно что женщина, и тот, кто хочет ее покорить, должен спорить с ней и бороться, как борьба с женщиной требует битья ее и помыкания ею.
- Большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество.
- Люди — враги всяких затруднительных мероприятий.
- Добрые советы, кто бы их ни давал, родятся из мудрости государей, а не мудрость государей родится из добрых советов.
- Это сила легко получает наименования, а не наименования силу.
- Кому не ведомо всегдашнее несоответствие между тем, что человек ищет и что находит?
- Люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками — немногим. Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство.
- Люди по натуре своей таковы, что не меньше привязываются к тем, кому сделали добро сами, чем к тем, кто сделал добро им.
- Не сто́ит лишь надеяться на то, что можно принять безошибочное решение, наоборот, следует сразу примириться с тем, что всякое решение сомнительно, ибо это в порядке вещей, что, избегнув одной неприятности, попадаешь в другую, однако в том и состоит мудрость, чтобы, взвесив все возможные неприятности, наименьшее зло почесть за благо.
- И сколько в аду дивных людей! И разве стыдно тебе будет очутиться в их обществе? Смотри своей судьбе в лицо, сторонись зла, но коли не сможешь его избежать — сноси ожидающую тебя расплату как мужчина.
- Всегда недруг призывает отойти в сторону, тогда как друг зовет открыто выступить за него с оружием в руках. Нерешительные государи, как правило, выбирают невмешательство, чтобы избежать ближайшей опасности, и, как правило, это приводит их к крушению.
- Промедление может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло.
- Человек не может заставить себя свернуть с пути, на котором он до сих пор неизменно преуспевал.
- Люди, привыкнув к определенному укладу жизни, не любят его менять, особенно когда они не сталкиваются со злом лицом к лицу...
- Расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь со множеством людей, чуждых добру.
- Война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого.
- Нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в ней утратишь.
- Добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными.
- Люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость.
- Люди не умеют быть ни достойно преступными, ни совершенно хоро-

шими; злодейство обладает известным величием или является в какой-то мере проявлением широты души, до которой они не в состоянии подняться.

- Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые. Холодность же эта объясняется отчасти страхом перед противником, на чьей стороне — законы; отчасти недоверчивостью людей, которые на самом деле не верят в новое, пока оно не закреплено положительным опытом. Когда приверженцы старого видят возможность действовать, они нападают с ожесточением, тогда как сторонники нового обороняются вяло.
- Хотя новые порядки и изменяют сознание людей, надлежит стараться, чтобы в своём изменении порядки сохраняли как можно больше от старого.
- Кто не умеет фехтовать, собьет с толку опытного фехтовальщика.
- Не следует никому давать советы и пользоваться чужими советами, кроме общего совета-правила каждому — следовать велениям души и действовать смело.
- Все вещи в мире во все времена на свой лад сходны с античными временами. Ибо их творят люди, у которых всегда одни и те же страсти, с необходимостью приводящие к одному и тому же результату. И это облегчает узнавание будущих вещей посредством прошлых.
- Можно, думается мне, полагать истинным, что судьба распоряжается половиной наших поступков, но управлять другой половиной или около того она предоставляет нам самим.
- Хороша, надёжна, устойчива только та защита, которая зависит от тебя самого и от твоей доблести.
- Когда человеческие коварство и злодейство доходят до крайних пределов, следует по необходимости, чтобы мир очищался от людей посредством одного из трех способов, будь то чума, неурожай или потоп: дабы люди, оставшись в малом числе и настрадавшись, зажили бы благополучней и стали бы лучше.
- Древние, единодушно восхваляющие мудреца, способного изменить даже течение планет, говорят не о светилах, ибо в вечном невозможны изменения, но о нем самом — он постоянно чередует и приноравливает к ним свою поступь.
- Монахи... по их вине мы, итальянцы, остались без религии и погрязли в пороках.
- Мы должны раз и навсегда отвергнуть взгляд, будто дела мира управляются судьбой и Богом и что люди, с их умом, ничего изменить в этом не могут.
- Хорошо то, что приносит добро наибольшему числу людей и чем наибольшее число людей довольно.
- Фортуна — это лишь пока непознанные, естественные закономерности времени и истории, но которые могут быть познаны и таким образом подчинены человеку.

Ван Янми́н

XV – XVI вв.

Ван Шоужэнь /по прозвищу Янмин/

• Китайский философ, политик, военный стратег

Родился: 31.10.1472 г.
Умер: 09.01.1529 г.

Прожил — 56 лет

> **«Знание в действии».**
> *(Ван Янмин)*

■ **«Имеющееся — это то, что ты сам имеешь».** *(Ван Янмин)*

■ **«Лишь тени прошлого — всех совершенномудрых сонмы».** *(Ван Янмин)*

■ **«В учении благородного мужа разве присутствует забота о тождестве и различии с другими учениями? Важна только его истинность, и ничего более».** *(Ван Янмин)*

■ **«Шесть канонов — это «И цзин» («Канон перемен»), «Шу цзин» («Канон писаний»), «Ши цзин» («Канон песен»), «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности»), «Юе цзин» («Канон музыки») и «Чунь цю» («Летопись вёсен и осеней») — суть *дао* моего сердца».** *(Ван Янмин)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в уезде Юйяо области Шаосин провинции Чжэцзян.

• Его отец Ван Хуа (1453 – 1522) происходил из старинного интеллигентного рода и сумел высоко подняться по служебной лестнице, достигнув в 1507 г. поста главы ведомства личного состава и аттестаций в Нанкине.

• По одной из биографических версий, бабушке будущего философа приснился волшебный сон, в котором она увидела святого в «нефритовом» облаке, под музыку вручившего ей внука. В этой связи ему было дано имя Юнь (Облако).

• До четырех лет мальчик не мог говорить. Некий буддийский монах, увидев его однажды, сказал: «Хороший ребенок, жаль только, что сущность (*дао*) обнаружена». Видимо, он намекал на известную формулу Лаоцзы: «Знающий не говорит». Дед ребенка после этих слов понял, в чем дело, и переименовал Юня в Шоужэня (Сохраняющего гуманность). Любопытно, что сразу же после этого Шоужэнь заговорил.

• С десяти до пятнадцати лет Шоужэнь проживал с отцом в Пекине, здесь он начал основной курс своего обучения.

• С десятилетнего возраста Ван Шоужэнь писал стихи. Причем они интересны не только с литературной точки зрения, но и представляют собой неотъемлемую часть философских взглядов Ван Янмина. Наиболее значимо в этом смысле стихотворение «Долголетие», написанное в 1527 г. и как бы подводящее, похоже, итог долгим исканиям истины на нелегких дорогах жизни:

Напрасно помышлял о долголетье,
На снадобья расходовался зря.
Прославленные горы* все облазил.
В заботах шелк седин покрыл виски.
Одна лишь мысль гнездилась в бренном теле.
И с каждым днем всё отдалялся Путь.
Но в зрелые лета вдруг пробудился:
Все «девять циркуляций» — здесь, во мне.
Не нужно ни «треножника», ни «печи»,**
Что проку от «воды» и от «огня»***?
Не надо изучать конец, начало,
Но лучше — в срок рождаться, умирать.
По свету странствующих магов
Лукавые слова — сомненья множат.
Почтенных старцев путаные речи
Дают нам много трудных направлений.
И *цянь, и кунь***** ведь из меня исходят,
Зачем в другом искать и домогаться?
Лишь тени прошлого — всех совершенномудрых соимы,
И благосмыслие одно — вот мой наставник.

• Когда Ван Шоужэню было двенадцать лет, умерла его мать.

• В шестнадцать лет он женился:

/ Первая жена оказалась бесплодной. И только во втором браке, после того как в 1525 г. Ван Янмин овдовел, у него родился сын. /

• В 1489 г. Ван Шоужэнь знакомится с известным конфуцианцем Лоу Ляном (1422 – 1491), последователем Чжу Си, и становится его учеником.

• В 1492 г. Ван Шоужэнь успешно сдал в своей провинции экзамен на степень *цзюй жэня* и снова поселился с отцом в Пекине. Примерно в это же время начинаются его первые пробы на литературном поприще.

• С 1493 по 1499 г. Ван Шоужэнь прилежно изучает даоскую, буддийскую и конфуцианскую классику, а в перерывах между этими занятиями уделяет время литературному творчеству и военному искусству.

• Именно в этот период с ним произошел важный эпизод, о котором он впоследствии говорил своим ученикам вот что:

---

* Имеются в виду горы, где совершенствовались все даоские мыслители.

** «Треножник» и «печь» — стандартные термины даосизма. Первый обозначает «природу», но часто и *мужское* начало, второй — «жизнь», *женское* начало.

*** Понятия «воды» и «огня» в даоской систематике были парными, типа: «почки — сердце», «пространство — время», «дух — моча». На истолковании этих же обозначений строилась даоская теория «схватывания **инь** для постижения **ян**», предписывавшая определенные формы сексуальных отношений, целью которых было увеличение долголетия мужчин за счет восприятия ими животворной энергии у женщин.

**** Два универсальных и абсолютных предела.

♦ Люди только и говорят, что в выверении вещей надо опираться на Чжу Си. Я пытался осуществить это. Мы с другом Цянь Дэхуном вместе полагали, что для того, чтобы стать совершенномудрым и высокодостойным, надо выверить вещи всей Поднебесной. Как-то я указал на побеги бамбука перед беседкой и предложил их выверить посредством созерцания. Цянь Дэхун с утра до ночи скрупулезно выверял *дао* и *ли* (принцип) бамбука. К третьему дню, исчерпав мышление своего сердца, он перетрудил дух и заболел. Поначалу я заявил, что его эссенциальных сил недостаточно, и сам отправился скрупулезно выверять. С утра до ночи бился и никак не мог достичь его принципа. На седьмой день также из-за этого перетрудил мышление и заболел. Затем мы вместе вздыхали из-за того, что не дано нам стать совершенномудрыми и высокодостойными, ибо нет у нас их великой силы выверения вещей.

/◐ Концептуальные идеи философа Чжу Си оказались и глубже, и труднее, чем это представлялось молодому Шоужэню. А событие, о котором идет выше речь, действительно стало знаменательным в жизни начинающего философа, поскольку явилось первым серьезным остужением горячей безоглядной быстроты молодости. Любое учение трудно не нашими с вами, читатель, трудностями в его постижении, а внутренней защищенностью от неумелого или поверхностного к нему приобщения. В этом плане на входе в «философию» есть свои ворота, которые распахиваются не вовнутрь, а наружу, и не столько зовут и приглашают, сколько оценивают и разрешают. ◑/

• В 1499 г. Ван Шоужэнь вновь сдает госэкзамен и получает вторую степень ***цзинь ши*** в императорской чиновничьей иерархии. Ему предоставляют место в ведомстве общественных работ.

• Посты сменяют друг друга, молодому человеку приходится много ездить по стране, и это пагубно сказывается на его здоровье. Поэтому в 1502 г. Ван Шоужэнь, добившись разрешения, отправляется в родные места для отдыха и лечения. Здесь, в близлежащих горах провинции Чжэцзян, он построил себе жилище у грота Янмин и в соответствии с этим местожительством принял псевдоним Янмин-цзы (то есть учитель Янмин):

/ «Янмин» имеет буквальное значение «солнечный свет», а также в качестве термина акупунктуры обозначает один из важнейших энергетических каналов человеческого тела. /

• Ван Янмин уже чувствует потребность в публичном озвучивании своих взглядов и мыслей. Библиотека у горы Гуйцзи становится его первой аудиторией:

/ Как пример можно привести нечто из тематического ареала философа Ван Янмина. Это фрагмент одной из его многочисленных постфактумных бесед с учениками и восторженными приверженцами:

♦ Прежде, живя в Чучжоу, я видел, как многие учащиеся занимаются распознаванием сходств и различий на уровне слов без какой-либо пользы для достижения истины, так что на первый случай я обучил их спокойному сидению. Временами перед их взором возникала какая-то светлая видимость и вроде бы получалось что-

то похожее на результат. Но постепенно по прошествии длительного времени они стали находить радость в покое и испытывать неудовольствие от движения; впадали в недуг сухости и закоснелости или занимались «таинственным разрезанием» (*сюань цзе**) и «чудесным (утонченным) осознанием» (*мяо цзюе***), возбуждая в людях любопытство. Поэтому я теперь и говорю только о доведении благосмыслия до конца. Если благосмыслие светло и ясно, то и при раздумьях в спокойной обстановке, и при упражнениях среди дел, всё будет хорошо. Первосущность благосмыслия изначально лишена и движения, и покоя — такова главная мысль учения. Эта моя доктрина на протяжении времени несколько раз видоизменялась, но только эти вот три слова «доведение благосмыслия до конца» (*чжи лян чжи*) остались неподверженными недугам. /

• В 1504 г., поправив здоровье, Ван, теперь уже Янмин, вновь прибыл в Пекин и в скором времени получил назначение руководить провинциальными экзаменами в Шаньдуне.

• В 1505 г. на трон взошел новый император Чжу Хоучжао (У-цзун; годы правления 1505 – 1521), которому было всего пятнадцать лет и который, как свидетельствуют дошедшие до нас источники, не отличался ни талантами, ни нравственностью. Бразды правления с большой для себя выгодой сумел перехватить евнух Лю Цзинь. В знак протеста группа видных чиновников, возглавляемая нанкинским цензором Дай Сянем, подала направленную против Лю Цзиня петицию.

Податели петиции тут же были взяты под стражу. В ответ на эту акцию Ван Янмин, со своей стороны, немедленно представил доклад, имевший целью доказать их невиновность. В результате он тоже был посажен в тюрьму и по прошествии двух месяцев заключения подвергнут во дворце телесному наказанию — сорока палочным ударам. Затем, после почти годового пребывания в заключении, он был сослан в Лунчан (провинция Гуйчжоу) начальником захолустной почтовой станции (в российском понимаиии, просто станционным смотрителем).

На пути в ссылку, опасаясь покушения со стороны преследовавших его агентов Лю Цзиня, Ван Янмин инсценировал самоубийство, бросив одежду на берегу реки Цяньтан. Скрывшись таким образом от погони, Ван Янмин хотел остановиться на ночлег в буддийском монастыре, но не был туда пущен. Тогда он заночевал в заброшенном храме, рядом с логовом тигров, которые среди ночи, подняв рёв, окружили его ночлег. Проникнуть в храм они, однако, не посмели. Наутро бессердечный буддийский монах в полной уверенности, что странник погиб, явился за его пожитками и был обескуражен, обнаружив, что тот спокойно спал. С испугом монах воскликнул: «Вы не обычный человек!» — и пригласил Ван Янмина в монастырь.

Посетив по дороге отца, находившегося в Нанкине, Ван Янмин только весной 1508 г. добрался до пункта назначения.

• В этот период происходит одно из главных прозрений Ван Янмина:

♦ Я совершенно постиг мысль, состоящую в понимании того, что вещи Поднебесной в корне не обладают тем, что может быть выве-

* Термин *сюань цзе* указывает на главный источник своего происхождения — даоский первотрактат «Дао дэ цзин».

** Термин *мяо цзюе* целиком буддийский. Здесь он означает «совершенный вид познания».

рено. Эффект выверения вещей получается только в собственном сердце. Если в самом деле считать, что всякий человек может стать совершенномудрым, то это значит, что надо самому на себя брать задачу выверения вещей.

• В 1509 г. окончилась ссылка и вместе с ней большой период в жизни Ван Янмина. Он духовно возмужал, стал автором оригинального мировоззренческого учения, им был сформулирован очень важный гносеологичсский принцип «совпадающего единства знания и действия». В это же время Ван Янмин получает от Си Шу (1461 – 1527), ставшего впоследствии защитником интересов философа при дворе, приглашение читать лекции в Гуйянской академии в городе Гуйяне — столице провинции Гуйчжоу:

/ Позднее, в 1512 г., вспоминая время, проведенное в изгнании, Ван Янмин не скрывал, что испытывал тяжкие нравственные и физические страдания. Тем не менее он признавал их полезность как для себя самого, так и для всякой личности, поскольку — такой была теперь его точка зрения — можно стать чистым и совершенным, как золото, только подвергнувшись огню выплавки. /

//◐ *Кто не сидел в тюрьме, тот человеком не был* — **такова** горькая в своей странной полезности, коснувшаяся судеб многих и многих философов **истина.** ◑//

• Все последующие годы были годами возрастания общественного признания и личной славы Ван Янмина. Он удостаивается уже при новом правителе Поднебесной[58] императорских аудиенций, назначается на ключевые административные и военные посты. В 1521 г. Ван Янмин награждается титулом графа Синьцзянского с соответствующим годовым жалованьем в 1000 даней риса (это более 100 000 л.) и свидетельством об освобождении его потомков от уголовных наказаний.

• Самым первым учеником и первым логографом Ван Янмина был его зять (муж сводной сестры) Сюй Ай (1487 – 1517), отношения которого с учителем современники сравнивали с отношениями между Конфуцием и его любимым, тоже рано умершим учеником Янь Хуем.

• Наставительным завещанием Ван Янмина своим ученикам были слова:

♦ Необходимо, господа, чтобы вы передавали наше учение друг другу из уст в уста. Если же занести его в книгу, то люди будут заниматься одним только буквоедством.

/◐ Что да, то да. Запечатлённое слово — это, конечно, память, но это и... искажающая фиксация. Фотография летящей ласточки показывает — безусловно — птицу в небе, но — и это тоже безусловно! — никак не **полёт**. Мы начинаем видеть то, чего нет, а в конечном счете, **не видеть** то, что есть. Всё, на что указывается, перестаёт быть самим собой и начинает жить в «обслуживающем» режиме — зависимо, согнуто, искаженно.

Откровения истины не живут живя. Фонтан ведь не в струях — иначе... он выливал бы сам себя. То есть он за пределами факта! И дорога скорее в стоптанной обуви, чем в исчерпывании пути. То есть она вне своего бытия! Статируя динамику в постоянство, мы реализуем энергию конечного смысла за счет исходного содержания и, значит... обез-

воливаем тягу приобщающего хотения. То есть прицеливанием заслоняем цель! Петля подобных обстоятельств очень притеснительна, она даже сурова, в ней, если хотите, звучит приговор: **вечность памятника превращает в ничто время его причины**. Нарисованная окружность всегда теряет в реальности, ибо никогда не сопроводима действительной толщиной, и глобус — всякий, любой, какой угодно! — уготован на постоянное отставание от своего прототипа.

Вообще, остановка для местобывания уязвимо подвóхова, так как при смыслоподсветке способна бросать тень. Здесь тот же эффект, что и в претензии точности: попытка попасть довольно явственна по своим, так сказать, *скрытым* гарантиям.

Однако и звукоряд совсем не прост. Сказав слово, мы *передаём* тем самым другим людям свою мысль. Но это только на поверхности явлений так. В глубине же, где обычно прячется сущность, всё обстоит совсем иначе — не «передаём», а предаём, ибо сама наша мысль — это мы сами во всей длительности своих раздумий. И длительности этой срок — годы. Как же обрывок, оторванный от целого, может его представлять — полноценно и совершенно?

Кто встрянет в этот спор, не рискуя проиграть?! ◑ /

• В отличие от большинства неоконфуцианцев, Ван Янмин не оттолкнул от себя буддизм и одно время даже практиковал *чаньскую* (*дзэн*) психотехнику:

/■■ В 1503 г., когда ему довелось увидеть чаньского монаха, просидевшего три года в молчании с закрытыми глазами, он воскликнул: «О чём весь день кричит этот человек и на что он весь день таращится?» ■

■■ Прямым заимствованием из чаньского арсенала выглядит ответ Ван Янмина на вопрос его ученика: «Если трудно преодолеть свои эгоистические желания, то как быть?» -- гласивший: «Давай я преодолею вместо тебя твои эгоистические желания». ■

Тем не менее его контакты с буддийскими мыслителями равнялись нулю. Не бóльшими были и ознакомительные соприкосновения с буддийскими сочинениями. /

• Ван Янмин был великолепным полемистом, способным в мгновение превратить чужую мысль в чувствительный укол ее же автору:

/ На этот счет есть показательный пример, достойный, по моему мнению, войти «изюминкой» в любой учебник по логике или искусству спора. Это великолепный «бумеранговый прием»: собеседник в диалоге с Ван Янмином утверждает: «Когда человек спит, его благосмыслие ведь не сознаёт», на что философ тут же парирует: «Если бы не сознавало, то как может при первом же призыве откликаться?»

◐ Согласитесь, что здесь нельзя не почувствовать рассудительную силу контраргумента. А всё дело в том, что находчивость Ван Янмина — и умна, и исчерпывающа. ◑ /

• Любимой поговоркой Ван Янмина были слова Мэн-цзы: «Не нужно помогать расти колосьям».

• Незадолго до кончины, 2 октября 1527 г., в беседе с Цянь Дэхуном и Ван Цзи на мосту Небесного источника Ван Янмин сформулировал **четыре постулата** — самый зрелый плод его философских раздумий:

1. Отсутствие и добра и зла — такова сущность сердца.
2. Наличие и добра и зла — таково движение помыслов.
3. Знание и добра и зла — таково благосмыслие.
4. Совершение добра и устранение зла — таково выверение вещей.

/■■■ Любопытно, что, очень логично используя многолетний тезис учителя: ♦ Сердце, помысел, знание и вещь суть единое дело ♦, ученик Ван Янмина Ван Цзи сформулировал доктрину четырех отсутствий: «Раз уж сущность сердца не имеет ни добра, ни зла, значит, помыслы также не имеют ни добра, ни зла, значит, и вещи также не имеют ни добра, ни зла. Если говорить, что помыслы обладают и добром и злом, то, в конце концов, сердце еще не является тем, что не имеет ни добра, ни зла». ■/

• В 1528 г. Ван Янмин прибыл в столицу Гуанси Наньнин, где миром уладил разногласия между ханьской администрацией и местными туземцами. Разрешать чужие конфликты — дело не из легких. Здоровье Ван Янмина резко пошатнулось. Он отправил императору донесение с просьбой об отставке и, не дождавшись ответа, отправился домой. По дороге, в Наньане, он скончался. Это произошло 9 января 1529 года.

• **Сочинения Ван Янмина:**

«Ответ своему корреспонденту, спрашивающему об одухотворении и обессмерчивании» (1508);
«Положения, установленные Чжу Си в конце жизни»;
«Древний оригинал “Великого учения”» (1518);
«Собственное мнение о Пятиканонии»:
/ Сохранились только тринадцать фрагментов. /;
«Запись о посвященном канонам зале библиотеки у горы Гуйцзи» (1525);
«Долголетие» (1527);
«Вопросы к “Великому учению”» (1527);
«Записи преподанного и воспринятого»:
/ Главное философское произведение Ван Янмина. Текст этого сочинения состоит из 343 фрагментов, 17 из которых в той или иной мере касаются буддизма. /;
«Погодичная биография».

2. СУДЬБА

► В 1488 г. в Наньчане (провинция Цзянси) в день своей свадьбы Ван Янмин случайно забрел в даоский храм Железных опор и, разговорившись с даоским монахом об искусстве пестования жизни, провел там всю ночь.

► В 1498 г., после того как в 1493 и 1496 гг. ему не удалось сдать экзамены на степень *цзинь ши*, а также в связи с ухудшением состояния здоровья и возросшей неудовлетворенностью неоконфуцианскими доктринами, у Ван Янмина возникла мысль **«покинуть мир и уйти в горы»**, то есть поселиться в даоской обители. Однако на следующий год проблема должной оценки знаний уладилась. Решился вопрос и о достойной притязаний Ван Янмина госслужбе. Благодаря этим обстоятельствам его мятущаяся душа поуспокоилась, философское рвение приугасло и на первый план личность Ван Янмина выдвинула его исконную тягу к насыщенной практической деятельности.

► В 1501 г., совершая инспекционную поездку в качестве чиновника ведомства юстиции, Ван Янмин пожелал встретиться с неким даосом Цай Пэнтоу (Лохматая голова). Об этой встрече в «Погодичной биографии» говорится следующее:

«В то время среди даосов Цай—Лохматая голова был искусным в рассуждениях о бессмертии. С соблюдением правил благопристойности, требуемых от гостя, Ван Янмин испросил разрешения задать ему вопрос. Цай ответил: «Пока еще нельзя». Через некоторое время, отослав своих спутников, Ван Янмин отвел его за беседку и снова с почтением испросил разрешения задать вопрос. Цай ответил: «Пока еще нельзя». Ван Янмин вопросил и в третий раз. Тогда Цай ответил: «Вы спрашивали и посреди зала, и позади беседки, но, хотя безукоризненно соблюдали правила благопристойности, всё-таки никоим образом не забывали о том, что вы — чиновник». Улыбнувшись друг другу, они расстались».

► Как-то Ван Янмин прослышал, что в гроте Кладовой земли имеется некий странный человек, который сидит на сосновой хвое и спит на ней, а также ест сырую пищу. Преодолев опасные горные перевалы, Ван Янмин посетил его. Тот как раз крепко спал. Ван Янмин сел рядом и дотронулся до его ног. Через мгновение тот проснулся и ошеломлённо спросил: «Как вам удалось добраться сюда по такой опасной дороге?» Вслед за этим в ходе обсуждения вопросов самого высокого порядка отшельник указал — в чисто китайской манере (т. е. в намекающей недоговорке переполненного смысла) — на стезю обитания мудрости: «Чжоу Ляньси и Чэн Миндао — два прекрасных конфуцианских таланта».

Через время, когда Ван Янмину вновь захотелось встретиться с этим человеком, оказалось, что тот отправился куда-то в другие места. В итоге Ван Янмин долго сокрушался, что близкая его сердцу натура, увы, находится вдалеке от него.

► В 1508 г. Ван Янмин попробовал подытожить свои искания в даосизме. Попытка удалась и теперь известна как «Ответ своему корреспонденту, спрашивающему об одухотворении и обессмерчивании». Вот наиболее значимое из квинтэссенции:

«Я с восьми лет интересовался этими вопросами. Уже более тридцати лет прошло с тех пор. Зубы постепенно расшатались, в волосах уже виднеются проседи, глаза едва видят далее одного *чи* (равен тридцати двум сантиметрам. — *П. Т.*), уши едва слышат далее одного *чжана* (равен десяти *чи*. — *П. Т.*). Часто по месяцу бываю прикован болезнью к постели, дозы употребляемых мною лекарств стремительно растут. Таковы вот результаты этого интереса. Однако мои знакомые всё ещё опрометчиво утверждают, что я способен достичь этого Пути (*дэ ци дао*). Раз уж так складываются обстоятельства, я вынужден поделиться своими опрометчивыми рассуждениями на этот счет.

В древности были совершенные люди, обладавшие чистым *дэ* и густым *дао*, гармонизировавшиеся с силами *инь* и *ян*, согласовавшиеся с четырьмя временами года, ушедшие от мира и отрешившиеся от суеты, накопившие семя и сохранившие целостность духа, странствовавшие между небом и землей, проникавшие зрением и слухом за пределы восьми удаленностей. Так, Гуанчэн-цзы (персонаж из книги «Мэн-цзы»), прожив 1500 лет, не одряхлел; Лао-цзы, живший в эпоху Шан (XVIII – XI вв. до н. э.) и в эпоху Чжоу (XI – III вв. до н. э.), ушел на запад через Вмещающее ущелье. Некогда такое имело место, и если это

так, а я буду говорить, что такого не было, то вызову у вас подозрение в обмане. Однако что касается образования единого с *дао* тела при выдохе и вдохе, движении и покое, долгого сохранения в целостности семени и костей, то это дается человеку с рождения, с первым дыханием, одним словом, с получения *ци*. Это ведь то, что формируется небом и не может быть переиначено человеческими силами. Так что сообщения, будто представители последующих поколений взмывали ввысь, видоизменяли объекты, отбрасывали и вновь возвращали свои телесные обличья, и прочие в таком же роде странные и удивительные вещи суть таинственные искусства и кривые приемы, которые иначе как химерами и не назовешь. И если это так, а я буду говорить, что такое было, то опять же вызову подозрение в обмане. Не при помощи слов можно попасть в пространство между небом и землей, но только после того, как, изрядно пожив, просветишься и, дойдя до глубин в пестовании жизни, сам достигнешь этого. Поистине не следует достигать этого насильственным познаньем, еще не обретя совершенства.

Ведь у нас, конфуцианцев, также имеется свой путь одухотворения и обессмерчивания. Янь Хуй умер 32-х лет, но не канул в Лету и до сих пор».

► Смерть Ван Янмина не только не успокоила его недоброжелателей, но, напротив, еще более активизировала их. Его главные враги, высокопоставленные сановники Гуй Э (умер в 1531 г.) и Ян Ицин (1454 – 1530) развернули кампанию, обвиняя Ван Янмина в самовольном оставлении поста, неправильном обращении с бунтовщиками, непочтительности к официальной идеологии и распространении собственного еретического учения. Император, дотоле весьма благосклонно относившийся к философу, под воздействием этих обвинений резко изменил свое мнение о нем. В результате покойному не только не были оказаны соответствующие его заслугам почести, но у него были отняты пожалованные ранее графский титул и прочие наследственные привилегии. Некоторые из его друзей в правительственном аппарате протестовали, однако сами за это были уволены. На учение Ван Янмина был наложен запрет.

Только пришедший на смену Чжу Хоуцзуну в 1567 г. император Чжу Цзайхоу (Му-цзун; 1567 – 1572), проводя реабилитацию незаслуженно репрессированных лиц, удостоил Ван Янмина более высокого, чем прежде, титула маркиза Синьцзянского и почетного посмертного имени Вэньчэн, означающего «Культурное совершенство». Через год принадлежавший ранее Ван Янмину титул графа Синьцзянского был пожалован его сыну. Венцом всей этой серии посмертных воздаяний философу явилось установление в 1584 г. таблички с его именем в храме Конфуция.

► В 1971 г. в Токио японские янминологи выпустили приуроченное к 500-летию со дня рождения Ван Янмина 12-томное издание «Общий курс учения Ван Янмина».

► **Чжан Цзюньмай:**

«За исключением Чжу Си только учение Ван Янмина обладает славой международной философской школы».

(**Чжан Цзюньмай**. *Сравнение китайского и японского янминизма*. Тайбэй, 1955 г.)

► **Чжан Сичжи:**

«Учение Ван Янмина возникло на основе глубокого понимания реальной жизни. Если, отрешась от его реальной жизни, просто так

слушать его наставления, то невозможно будет понять истинный смысл его слов. Если только искать объяснений в его словах, не вникая в собственную реальную жизнь, то также невозможно будет понять, в чем истинный смысл его слов».

(**Чжан Сичжи**. *Биография и учение Ван Янмина*. Тайбэй, 1961 г.)

► **Го Можо** (периодизация творческой биографии Ван Янмина):

«1-я фаза: период тщеславия (до 29 лет) — занятия военным искусством... верховая езда, стрельба из лука... литературные (в стихах и прозе) сочинения; 2-я фаза: период страданий (с 29 до 38 лет): во внешней жизни — болезни... ссылка, во внутренней жизни — даоские святые... буддисты... учение совершенномудрых и высокодостойных; 3-я фаза: период спасения (от 39 до 56 лет) — гражданское администрирование... военные подвиги... учение совершенномудрых».

3. УЧЕНИЕ

♦ Что такое природное знание? Это сердце, различающее истинное и ложное, знающее без раздумий, умеющее без учения.

♦ Природное знание в моем сердце — это и есть то, что называют высшим принципом Неба.

♦ Природные знания — распорядитель всеми предметами на небе и на земле; природные знания — это сверхъестественное, занимающееся творением. Это сверхъестественное родило небо и землю, создаёт души умерших и императоров, всё выходит из него, и поистине среди предметов нет равных ему.

♦ Сердце — это природа, а природа — это принцип.

♦ В природе первоначально нет ни капли зла.

♦ Ученик Лу Чэн спросил Ван Янмина об изначальной пнёвме, изначальном духе и изначальном семени, о которых говорят представители школы обессмерчивания. Ван Янмин ответил: «Это всё одна вещь. Распространяющаяся активность — это пнёвма, сгущённое скопление — это семя, а утончённое применение — это дух».

♦ Природа едина, и всё. Как оформленную телесность ее называют небом, как суверенного властелина ее называют владыкой, как дарованное человеку ее называют природой, как распространяющуюся активность ее называют предопределением, как господствующее в теле ее называют сердцем. Подобным образом человек един, и всё тут. По отношению к отцу он называется сыном, по отношению к сыну он называется отцом — и так далее до бесконечности. А ведь это только один человек, и всё тут.

♦ Природа едина, и только. Гуманность, справедливость, благопристойность, разумность представляют собой природу природы. Чуткость и прозорливость представляют собой основу природы. Веселье, гнев, печаль, радость представляют собой чувства природы. Эгоистические страсти и исходящие извне побуждения представляют собой затмение природы. Основа бывает и чистой, и мутной, поэтому чувства иногда чрезмерны, иногда недостаточны. Да и затмение бывает то поверхностным, то глубоким. Эгоистические страсти и исходящие извне побуждения — это одна болезнь, проявляющаяся как два недуга, а не как две **различные** вещи.

♦ У природы нет непоколебимого состояния. Нет его и у мнений о природе. Некоторые толкуют о ней с точки зрения первосущности, некоторые — с точки зрения проявляющейся активности, некоторые — с точки зрения истока, а некоторые — с точки зрения распространяющихся искажений. Если же говорить в общем, то существует только одна единая природа. Однако видится она то поверхностно, то глубоко. Если догматически держаться лишь одной стороны, истины не получишь. Первосущность природы изначально не добра и не зла. В проявляющейся активности изначально возможно и свершение доброго и свершение недоброго. А в распространяющихся искажениях тем более с самого начала определенно присутствуют и добро и зло. Взять, к примеру, взгляд. Он бывает веселый и гневный; прямой, т. е. открыто смотрящий, и скрытный, т. е. подсматривающий. Если же говорить в общем, то существует только один единый взгляд. Если, увидев гневный взгляд, утверждать, что не бывает веселого взгляда, а увидев открыто смотрящий взгляд, утверждать, что не бывает подсматривающего взгляда, то всё это будет догматическая односторонность, ошибочность которой очевидна. Мэн-цзы, говоря о природе, непосредственно исходил из ее истока и в целом утверждал то же самое. Сюнь-цзы, говоря, что природа зла, исходил из ее распространяющихся искажений, и его точку зрения нельзя полностью отвергать, просто он не проник достаточно глубоко. Был еще Гао-цзы, который догматически придерживался того взгляда, что внутри находится лишённая и доброго и недоброго природа, а добро и зло присутствуют в восприятии вещей, т. е. имеются находящиеся вовне вещи. Эта раздваивающаяся точка зрения безусловно ошибочна. Не имеющая ни доброго, ни недоброго — такова изначально природа. Настало время понять, что только этот тезис полностью справедлив, тем более что не существует межи, отделяющей внутреннее от внешнего. Гао-цзы видел только природу внутри и только вещи вовне, из чего видно, что относительно природы он не достиг доскональности понимания.

♦ Первосущность семи чувств — веселья, гнева, печали, радости, любви, ненависти и вожделения — сама по себе уравновешена и гармонична. Все семь чувств совместно присутствуют в человеческом сердце. И вот здесь-то надо правильно понимать суть благосмыслия. Благосмыслие не коснеет в веселье, гневе, скорби и т. п. чувствах, но и они также не внеположены благосмыслию.

Взять, к примеру, солнечный свет; для него также нельзя указать направление и установить место. Пронизанная солнечным светом малейшая щель становится его местоположением. Пусть даже облака и туман заполнят все четыре стороны, в великой пустоте можно будет различить цвета и образы. Значит, солнечный свет неуничтожим. Из того, что облака способны затмить солнце, не следует заключать, что небо не должно рождать облака.

Когда семь чувств следуют распространяющейся активности своего естества, все они являются деятельным проявлением благосмыслия и не могут быть разделяемы на добрые и злые. Однако не следует иметь здесь какую-либо нарочитость. Семь чувств, исполненные нарочитости, все вместе называются страстями и все вместе становятся затмевающими

благосмыслие. Впрочем, как только появляется нарочитость, благосмыслие также само способно это осознать, а осознав, — рассеять затмение и восстановить свою сущность.

♦ Когда учителю Ван Янмину был задан вопрос «о веселье, гневе, радости и печали», он ответил: «Радость — это первосущность сердца. Если имеет место радость — возникает веселье. Если имеет место противоположное радостному — возникает гнев. Если утрачивается радостное — возникает печаль. Когда отсутствуют и веселье, и гнев, и печаль, это называется истинной радостью».

♦ Истинная радость свойственна и совершенномудрым и простым людям. Однако обычные люди, обладая ею, сами не знают об этом. Напротив, сами добиваются множества скорбей и горестей и сами прибавляют к этому обманутость и заброшенность. Но хотя пребывают в скорбях и горестях, обманутости и заброшенности, эта радость не может не находиться в них. Стóит только проникнуться одной просветляющей мыслью, оборотиться к самому себе и обнаружить подлинность, чтобы она тут же возникла.

Любители каверзных вопросов могут, пожалуй, поинтересоваться: «Пусть радость — это первосущность сердца. Но тогда непонятно, сохраняется ли она, радость, во время рыданий в случае кончины кого-нибудь из родителей?» Но кому не очевиден ответ?! И разве здесь есть проблема?! Для того чтобы была радость, необходимы великие рыдания! Нет рыданий — нет и радости. Несмотря на рыдания, умиротворенность плачущего сердца и есть радость. Первосущности никогда не присуше движение.

♦ Что называется *телом*? Плотская оболочка и деятельное проявление сердца. Что называется сердцем? Духовный светоч и властелин тела. Что называется совершенствованием *тела*? Свершение добра и устранение зла.

♦ Иногда приходится слышать, что «каждая травинка, каждое деревце, находясь вне нас, обладает *ли* (т. е. принципом)». Но как это согласовать с правильным представлением о приобретении знания? Разве *отсутствием* можно познавать *наличие*?!. Пусть даже травы и деревья будут постигнуты, как можно от этого вернуться к себе и сделать искренними свои помыслы?

♦ Если говорить о знании, то само собой подразумевается и действие, в котором оно присутствует; если говорить о действии, то сами собой подразумеваются знания, в которых оно присутствует.

♦ Знание — главная мысль, руководящая действием, действие — это то, над чем работает знание; знание — начало действия, действие — завершение знания.

♦ Хорош или плох вкус пищи, можно узнать, лишь положив пищу в рот, как можно, не положив пищу в рот, заранее знать, хороша или дурна она на вкус? Ухабы и ровные места на дороге можно узнать, только лично проехав по дороге, как можно, не проехав по дороге, заранее знать об ухабах и ровных местах? Обучаясь стрельбе из лука, необходимо натянуть лук, положить стрелу, а когда лук будет натянут до отказа, выпустить стрелу в цель; при изучении книг необходимо разложить бумагу, взять кисть, положить дощечку для письма и обмакнуть кончик кисти в тушь. Среди всех существующих в Поднебесной наук нет ни одной, о которой

можно сказать, что ее можно изучить без действия. Поэтому нельзя добиваться знаний без действия, нельзя без действия постигнуть высший принцип.

♦ Обоснование знания тождественно цепочке обусловливающих действий. Отношение человека к знанию и действию подобно любви к красивому, подобно отвращению к дурному запаху. Ви́дение красивого относится к знанию, любовь к красивому относится к действию. Когда видишь красивое, заранее сам знаешь, что оно красиво, а не наоборот, что оно красиво только после того, как увидел его; обоняние дурного запаха относится к знанию, а отвращение к дурному запаху — к действию. Когда ощущаешь дурной запах, заранее сам испытываешь к нему отвращение, а не наоборот, что он становится отвратительным только после того, как почувствуешь его.

♦ Чжу Си говорит: то, что должны изучать люди, — это только сердце и высший принцип. Хотя сердце в теле главное, на самом деле оно управляет высшими принципами во всей Поднебесной; хотя высший принцип рассеян во всех делах, на самом же деле он не выходит за пределы сердца одного человека. Поскольку сердце и делится, и соединяется, поэтому это учение неизбежно приходит к ложному выводу, что сердце и высший принцип составляют два понятия. Но ведь отделять сердце от поиска высшего принципа вовне — значит отделять знание от действия. Искать высший принцип в моем сердце — это мудрое учение о единстве познания и действия.

♦ Я говорю о единстве знания и действия только для того, чтобы люди поняли, что там, где возникает какая-нибудь мысль, это будет рассматриваться как действие. Если в месте, где возникла мысль, произойдет недоброе, подобная недобрая мысль должна быть подавлена до самых корней, чтобы недоброе в мыслях не могло скрыться в умах людей. **Вот цель созданного мной учения.**

♦ Вне сердца нет предметов.

♦ Мой рассудок — распорядитель над ду́хами в небе и душами умерших на земле. Если бы под небом не было моего рассудка, кто бы увидел высоту неба? Если бы на земле не было моего рассудка, кто бы увидел глубину земли? Если оторвать мой рассудок от душ умерших, ду́хов и всех предметов на небе и на земле, то на небе и на земле не было бы душ умерших, ду́хов и всех предметов.

♦ Один из учеников Ван Янмина спросил его: «Ду́ши умерших, ду́хи и все предметы на небе и на земле существуют с глубокой древности, почему же, если исчезнет мой рассудок, их не станет?» Ван Янмин ответил: «Посмотри на умершего, его рассудок рассеялся, и где сейчас его предметы, находящиеся на небе и на земле?»

∇ ◐ Размышляя над этим высказыванием Ван Янмина, хочется найти адекватный образ. Вопрос не прост, предмет рассмотрения не только далеко не однозначен в понимании, но и многомерен даже в трактовке посылок. Здесь надо разобраться, ибо в этом месте колесо философии буксует и движения вперед нет...

Обычно человека — в познавательном аспекте — сравнивают с зеркалом, имея в виду его *как зеркало Вселенной.* Если принять это срав-

нение, то тогда распад индивида (потеря разума или смерть) может рассматриваться как разбиение зеркала, разлетание его на множество осколочков, в которых *отражению* мира уже никак не состояться.

Однако мысль Ван Янмина вряд ли предполагает «экранный» вариант восприятия. В зеркале мир *видится*, но вовсе не находится. Крушение зеркала губит *зеркальный* мир, а не реальный.

Но подойдем к существу дела иначе. Человек отправился в кругосветное путешествие и, вернувшись, должен был рассказать о нем. Но внезапно жизнь этого человека прерывается. Судьба, рок, обстоятельства... одним словом, его больше нет. Спрашивается: а есть ли без него мир, который ОН видел, будучи путешествующим?

Разве испытанный им зной или холод равны представлениям о жаре и прохладе того дня, данным объективным синоптиком в его официальной сводке о погоде? Разве разблюдайные почувствования в ресторанах и кафе эквиваленты формалистике языка меню? Разве услада усталости может быть измерена пройденными километрами? Наверное, нет.

Просто нет. Без всякого «наверное»! Мир человека, созданный с участием человека, будучи подлинным миром, а не только его, может быть, овеществленной частью (и в этом смысле попавшую и наблюдаемую во «вне»), со смертью человека уходит вместе с ним, как уходит его тень (хотя последняя скорее объективна, чем субъективна, — ее нет без источника света), как уходят его характер и мировоззрение. ◑

♦ Вне сердца нет ни вещей, ни событий, ни явлений, вне сердца нет высшего принципа, вне сердца нет справедливости, вне сердца нет добра.

♦ Там, где находится мысль, там и предметы.

♦ Если мысль направлена на слова и поступки, то слова и поступки становятся предметами.

♦ Ван Янмин гулял в Наньчжэне. Один из его друзей, указывая на росшие на скалах цветы, спросил: «Под небом нет предметов вне сердца, но эти цветы сами распускаются и сами увядают в глухих горах, какая тут связь с моим сердцем?» Ван Янмин ответил: «До того момента, пока ты не посмотрел на эти цветы, они и твое сердце были равно обращены в безмятежность — как только ты посмотрел на эти цветы, их цвет мгновенно был осознан тобой. Отсюда ясно, что эти цветы не находятся вне твоего сердца».

♦ С точки зрения истины, *«высший принцип»* находится не вовне, не в вещах, а во мне. Если искать высший принцип в каждом явлении, в каждом предмете, это всё равно что спрашивать у своих родителей о высшем принципе сыновнего почитания. Если он в них, то тогда ему никак не быть в моем сердце. А может быть, он в теле моих родителей? Допустим, что это так, но тогда после их смерти в моем сердце сразу же исчезнет высший принцип сыновнего почитания. По аналогии с этим примером так же обстоит дело и с высшим принципом всех предметов и явлений.

∇ ◐ Что и говорить, дилемма примечательная. Хотя и не без софистической аранжировки. Взять, к примеру, *нежность* солнечного лучика. Она где, во мне или в солнце? Если в солнце, то с его закатом не будет и нежности солнечного луча. Уходящее солнце, выбывая на всю ночь

из пáрного соотношения его с нами, заберет с собой и луч, и всё им несомое, вызываемое, сопровождаемое.

Но вот в другом моменте вопроса Ван Янмин, безусловно, остёр и наблюдателен. Оказывается, систематизация действительности идет не только по линии, так сказать, природной заданности, но может прокладываться и по канве *человеческой* активности. Классификационная формула сложившегося расположения яблок, растущих на ветках какой угодно (пусть любой!) яблони, ничуть не величественнее, важнее или приоритетнее их составленности при укладывании нами яблок в собирательную корзину.

Напряжение после трансформатора — тоже напряжение, но оно уже не сводимо к первичному, породившему его напряжению. Произошло отсоединение, переложение на другой носитель, переинтерпретация бытия.

Мы постигаем мир в законосообразности, заданной нами. Она не противоречит истоковой определительности мира, как вода в ведре в *ёмкостном аспекте* не перечёркивает, скажем, океана как хранилища воды.

Изначальные законы природы, если они и есть, то это другие законы, нежели те, которые составляют познание. Да, конечно, мы говорим, что они ищутся и извлекаются нами, но это скорее метафора, чем подлинное соответствие сути дела. То, что знаем мы, так же далеко от тождества со своим прототипом, как съеденный апельсин попунктно схож со здоровым румянцем на щеках! Но именно поэтому можно, нужно, дóлжно говорить о мире человека, о мире в человеке, о мире, не мыслимом вне человека.

Впоследствии Беркли и Фихте разовьют эту тему, оформят на нее философский паспорт и дадут статус гражданства в высокой науке, но акценты, сделанные Ван Янмином, вполне самостоятельно значимы: познание не потому очеловечено и осубъективировано, что неустранимо связано с человеком. Познание по сути своей выражает своего носителя, и его лицо есть того лицо. Постижение огнем есть пепел, постижение рублем есть опустошение...

Мы хотим знать мир таким, каким мы его видим. Это неверный путь, говорит Ван Янмин. Мы знаем мир таким, каким мы его знаем, и потóму **то**, что мы видим, как-то замысловато отстоит от **того, ЧТÓ** хотело бы нам броситься в глаза. Задайтесь вопросом о том, какой бы была вода, если бы она не была мокрой, и вы поймёте, почувствуете, согласитесь, что место в философии Ван Янмину выделить придется... ◑

♦ Постижение сущности вещей — это постижение вещей, находящихся в сердце, в мысли, в знании.

♦ Необходимо вникать в собственное сердце и не прибегать к знаниям на стороне, тогда они будут получены.

4. МЫСЛИ

◪ Благосмыслие человека — это и благосмыслие трав и деревьев, черепицы и камня. Если бы травы и деревья, черепица и камень не обладали человеческим благосмыслием, они не могли бы считаться травами и деревьями, черепицей и камнем. Но

разве таковы только травы и деревья, черепица и камень? Если бы небо и земля не обладали человеческим благосмыслием, они также не могли бы быть небом и землей. Ведь небо, земля и тьма вещей, в сущности, составляют с человеком единое тело. Квинтэссенция его проявления — это капля духовного света в человеческом сердце. Ветер и дождь, роса и гром, солнце и луна, звезды и небесные ориентиры, птицы и звери, травы и деревья, горы и реки, почва и камень, в сущности, составляют с человеком единое тело. Поэтому пять злаков, птицы, звери и всё тому подобное может вскармливать человека, а снадобья, минералы и всё тому подобное может исцелять болезни. Объединяет всё это только единая пнёвма, поэтому и возможны такие взаимопроникновения.

/ ♦ То, на что человек способен без научения, — это его благомочие; то, что он знает без рассуждения, — это его благосмыслие. /

◪ Один из учеников спросил: «Некоторые люди ночью страшатся навей (т. е. «духов», «чертей», «демонов»). Как тут быть?» Ван Янмин ответил: «Только тогда, когда днем не способен «накапливать справедливость», в сердце появляется неудовлетворенность, следствие которой — страх. Если же будничные поступки соответствуют свету разума, то какой еще может быть страх?» Тогда спросил другой ученик: «Порядочных навей не сто́ит страшиться, но боюсь, что лукавые нави не разбирают, кто хороший, а кто плохой человек, поэтому от страха не избавиться». Ван Янмин ответил: «Неужели существуют такие лукавые нави, которые способны ввести в заблуждение добропорядочного человека? Единственное, что страшно, так это лукавство сердца, ибо не нави, а оно само вводит себя в заблуждение. Если человек пристрастен к женской красе, это будет наваждение навей любострастия; если он пристрастен к богатству, это будет наваждение навей стяжательства; если он гневлив на то, что недостойно гнева, это будет наваждение навей гневливости; если он боится того, что недостойно боязни, это будет наваждение навей боязливости».

◪ Уход злой мысли означает приход доброй мысли, а также — восстановление первосущности сердца. Образно говоря, это так, как будто солнечные лучи перехвачены и скрыты облаками; но облака уплывают, и свет сияет вновь. Стремление сохранять добрую мысль, когда злая мысль уже ушла, подобно зажиганию лампы при свете солнца.

◪ Смотреть и не видеть, слушать и не слышать, есть и не ведать вкуса... У человека должно быть желающее еды сердце, чтобы потом он отведал еду. Желающее еды сердце — это помысел, т. е. начало действия. Еде необходимо попасть в рот, чтобы потом стало ведомо, прекрасен или безобразен ее вкус. Разве возможно, не отправив еду в рот, заранее знать, прекрасен или безобразен ее вкус?

◪ «Знание» происходит из выражения «знать Небо». Точно так же «ведение» взято из смысла «ведать округом» и «ведать уездом». Если ведаешь округом, то дела всего округа становятся твоими собственными делами. Таково единство с Небом. Служение же Небу подобно служению сына отцу, подданного — правителю и являет собой раздвоенность с Небом.

- Относительно людей, касательно предположений об их возможной лживости и ненадежности, благородный муж никогда не станет на позиции «презумпции виновности».
- Один из друзей спросил: «Если, читая книги, не запоминаешь, то как быть?» Ван Янмин ответил: «Надо только понимать, зачем еще запоминать? Да и нужда в понимании тоже более чем второстепенна. Надо только выявлять собственную первосущность. Если только запоминать, то не поймешь; если только понимать, то не выявишь собственную первосущность».
- Путь совершенномудрых открыт, как широкий тракт, а вульгарные конфуцианцы безрассудно блуждают, заходя в тупики нор и пробираясь по еле заметным тропинкам, набредают на терновник и падают в ямы. В конце концов их учения всё-таки уступают учениям двух родоначальников — Лао-цзы и Будды, и это способствует тому, что современные высокоумные мужи охладевают к первым и тянутся ко вторым.
- Для индивидуального блага буддизм, возможно, и годится, но его не применишь для приведения в порядок семьи, государства и Поднебесной.
- Некто спросил о сходствах и различиях конфуцианства, даосизма и буддизма. Ван Янмин ответил: «Путь (*дао*) велик до бесконечности. Если говорить, что каждый идет (*дао*) своим путем, — это значит умалять свой путь. Когда учение о сердце было чистым и ясным, вся Поднебесная в полном порыве стремилась к полному самоосуществлению. Вот так и это помещение первоначально было единым залом. Затем сыновья и внуки разделили жилище на центральный и боковые отсеки, а также постепенно дошли до сооружения изгородей и перегородок. При этом вроде бы могли ходить туда-сюда и помогать друг другу, но по прошествии длительного времени постепенно развились взаимное соперничество и взаимная борьба, и дело даже дошло до вражды друг с другом. Вначале же это была единая семья, и если убрать изгороди и перегородки, то это по-прежнему и будет единая семья. Разделение трех учений подобно этому. Вначале все имевшие сходство в характере объединились друг с другом и образовали отдельные научные отрасли, но по прошествии четырех-пяти поколений утратили единство своего корня, и каждый, кто следовал этому разделению, в соответствии со своим характером присоединялся к тому или иному направлению. Результатом этого было прекращение взаимного общения. А в том, что касалось славы или выгоды, доходили до борьбы и вражды друг с другом. И таково их положение. Поэтому говорится: «Гуманный, видя это, называет гуманным; мудрый, видя это же, — называет мудрым». Как только устанавливается угол зрения, возникает и односторонность».
- Человеческое сердце — это бездна Неба.
- Небо — это и есть благосмыслие... благосмыслие — это и есть Небо.
- В сердце у каждого скрыт сам Конфуций, который
  В миг, когда явным становится, рушит все шоры.
- Благосмыслие и благомочие у глупого мужика или у глупой бабы те же, что и у совершенномудрых.

- Совершенное благо — коренная сущность сердца. Даже отъявленный разбойник всё равно сам знает, что не дóлжно творить разбой, и, когда его кличут бандитом, чувствует смущение.
- Совершенномудрый заботится о том, чтобы каждый человек стал совершенномудрым.
- Благосмыслие всепóлно и самодостаточно. Утверждаемое — это им утверждаемое, отрицаемое — это им отрицаемое. Это благосмыслие и есть наш пресветлый наставник.
- Голодный идет есть, усталый идет спать.
  Только так совершенствуются деянья, всё глубже и глубже.
  Говоришь об этом своим вульгарным современникам — и никто не верит.
  Напротив, отрешась от своей личности, гоняются за святыми чудотворцами.
- Благосмыслие — это интимное, личное знанье,
  Нету ни грана познанья за этого знания гранью.
  [...]
  Лишь изведав терзания сам, получаешь о них представленье.
  О терзаньях души бесполезно других вопрошать,
  Ощутив их, не станешь вопросы к другим обращать.
- Все вы, о люди, причастны правде Небесной,
  Не обращайтесь к другим, вопрошать у других бесполезно.
- Высшее благо есть человеческая природа. Человеческая природа изначально не имеет и крупицы зла, поэтому и называется высшим благом. Установиться в нем — это значит вернуться к своей первоприроде, и только.
- Последовавшим за древними поколениями неведомо, что для того, чтобы стать совершенномудрым, главное — это чистота в небесном принципе. Они сосредоточиваются исключительно на перенятии у совершенномудрых мужей знаний и способностей и, полагая, что нет ничего, чего бы совершенномудрые не знали и не могли, считают, что нам необходимо овладеть буквально всеми их знаниями и способностями. Поэтому не пекутся о приложении труда к небесному принципу, а только изводят дух и истощают силы, копаясь в книгах, исследуя наименования вещей и сличая свидетельства о поступках. Чем более расширяются знания, тем более возрастают человеческие страсти; чем более увеличиваются способности, тем более замутняется небесный принцип.
- Если хочешь узнать, насколько горька горькая тыква, тебе надо самому ее отведать.
- В доведении знания до конца все мы достигаем только того, что позволяют наше положение и возможности.
- Законы вещей не существуют вне моего разума.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТРАНИЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Ка́персы, ка́перцы, ка́парис** [ср. *греч.* kapparis] — колючий полукустарник со стелющимися ветвями; растет на Северном Кавказе, Закавказье и Средней Азии; маринованные бутоны (цветочные почки), реже соленые недозрелые плоды употребляются как пряная приправа. — *Т. 1, с. 6.*

[2] **Архонты** (правители) — девять высших должностных лиц в Афинах, избираемых на год. — *Т. 1, с. 14.*

[3] **Акрополь** — городская крепость на холме, самом высоком месте Афин; здесь находился Парфенон и другие главные святилища города, сюда вела священная дорога через Пропилеи. Разоренный во время греко-персидских войн (500—499 гг. до н. э.), Акрополь был вновь отстроен при Перикле в 443—429 гг. до н. э. — *Т. 1, с. 16.*

[4] **Милет** — крупнейший город Ионии, центральной части малоазиатского побережья Эгейского моря. — *Т. 1, с. 21.*

[5] У **Спарты** было еще и другое название — Лакедемон (и именно это слово мы встречаем в диалогах Платона). Жители Лакедемона именовались лакедемонянами. — *Т. 1, с. 31.*

[6] **Сиддхартха** — личное имя (*букв.*: тот, чья цель достигнута). — *Т. 1, с. 51.*

[7] **Лу** — небольшое древнекитайское государство на территории нынешней провинции Шаньдун. — *Т. 1, с. 62.*

[8] О **Цзы-Гуне** известно, что он происходил из Вэй и отличался красноречием. — *Т. 1, с. 64.*

[9] **Цзи Вэнь-цзы** — сановник государства Лу, отличавшийся большой осмотрительностью. — *Т. 1, с. 64.*

[10] **Престер** (πρηστηρ) — вроде бы это воздух, но не обычный, не атмосферный, а воздух, вырывающийся из сопла меха, используемого в золотоплавильной мастерской для выплавления крупинок золота. Аналогичные золотые крупинки огня собираются в «корыта» или «чаши», подобные плавильным тиглям, где под воздействием престера они сплавляются в сплошные светящиеся массы, воспринимаемые нами как Солнце, Луна и другие небесные светила. — *Т. 1, с. 77.*

[11] **Лампсак** — город при проливе Геллеспонт (Дарданеллы). — *Т. 1, с. 85.*

[12] **Ми́на** — древнегреческая мера веса (преимущественно драгоценных металлов), равна 436,6 г. Мина состояла из 100 драхм. За 50 драхм можно было купить быка (см.: *Томан Йозеф, Томанова Мирослава.* **Сократ**: Пер. с чешск. — М.: Прогресс, 1981. — С. 470.). 60 мин составляли талант (мера веса, равная приблизительно 26 кг, также денежная единица). — *Т. 1, с. 109.*

[13] **Пирей** — местность и порт, обеспечивавший выход Афин к морю. — *Т. 1, с. 134.*

[14] Платону в это время было около 40 лет, Диону — 20. — *Т. 1, с. 141.*

[15] В версиях этой горестной вехи в биографии Платона нет недостатка, и по одной из них Платона якобы купил спартанец Поллид, а выкуплен Платон был у него своим учителем — известным пифагорейцем Архитом. — *Т. 1, с. 141.*

[16] **Дефини́ция** (*лат.* definitio — определение) — логическое определение понятия, установление содержания понятия, его отличительных признаков. — *Т. 1., с. 143.*

[17] Не хотелось бы говорить о плагиате, но общность воззрений очевидна. Вот что, к примеру, есть у Эпихарма: «В природе идеи пребывают как первообразы (парадигмы), а прочие вещи подобны им, представляя собой их копии». — *Т. 1, с. 144.*

[18] Подробнее об этом см.: *Таранов П. С.* **Острая философия**: Книга важнейших нача́л к объяснению всех проблем мира. Выдающиеся сюжеты владения неизвестным. — Симферополь: Реноме, 1998. — С. 463—481. — *Т. 1, с. 148.*

[19] **ГАИ** — Государственная автоинспекция. — *Т. 1, с. 148.*

[20] ◐ *Суть «закона отставания» в следующем.* Приобщение к неизвестному, неве́домому, новому протекает в рамках прежних констант. Вновь увиденное не может быть ни уяснено, ни присвоено, ни отчуждено вне форм текущей культуры, имеющегося языка и традиционных парадигм. Но поскольку оно и в них не укладывается, возникает парадокс усвоения: интерпретация факта всег-

да отстаёт от его новизны. Мы обременены использованием имеющегося багажа знаний, старым опытом, атмосферой укоренившихся представлений. ◑ — *Т. 1, с. 158.*

[21] **Персефона** — в греческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых. Дочь Деметры и Зевса, супруга Аида. Ей соответствует Прозерпина (римская мифология). — *Т. 1, с. 159.*

[22] **Фракия** — страна на северном берегу Эгейского моря, считавшаяся дикой и варварской. — *Т. 1, с. 179.*

[23] **Ван** — титулование государя (правителя царства) в Древнем Китае. — *Т. 1, с. 199.*

[24] О категории **жэнь** см. т. 1, с. 66. — *Т. 1, с. 199.*

[25] С глубокой древности и до III в. до н. э. высшие чины сановников (госаппарат) делились на 3 категории (по старшинству): цин, дафу, **ши**. При династии Цинь (III в. до н. э.) и в дальнейшем это были титулы знатности, даровавшиеся за заслуги. — *Т. 1, с. 199.*

[26] **Гао-цзы**, по имени Бу-хай, — ученик Мэн-цзы. — *Т. 1, с. 200.*

[27] **Хуан-ди** (Желтый император) — мифический правитель Древнего Китая, родоначальник китайской народности. Жил или в 2697–2596 или в 2550–2449 гг. до н. э. — *Т. 1., с. 204.*

[28] **Пелопоннес** — южный полуостров Греции с городами Спартой, Аргосом, Коринфом и др. Элида — область и город на северо-западе Пелопоннеса. — *Т. 1, с. 211.*

[29] **Фивы** — крупнейший город Беотии, равнинной области к западу от Аттики. — *Т. 1, с. 227.*

[30] **Клеанф** из Асса — древнегреческий философ-стóик, ученик Зенона. — *Т. 1, с. 228.*

[31] **Каталéпсис** — ◐ осуществление понимания объекта путем ловительного схватывания всех сторон его сути в единое, твердое, крепко удерживаемое представление о том, чтó этот объект есть ◑. — *Т. 1, с. 230.*

[32] **Пнёвма** (*греч.* pneuma — дыхание, горение эфира) — душа, жизненная сила, дух. — *Т. 1, с. 231.*

[33] **Аполлодор** из Афин (2-я пол. II в. до н. э.) — древнегреческий философ-эпикуреец, автор биографии Эпикура. — *Т. 1, с. 267.*

[34] **Ахерóнт** — в греческой мифологии одна из рек в Аиде (царстве теней усопших), через которую Харон перевозит души умерших. Ахеронт постепенно переходит в болото или Ахерусийское озеро. — *Т. 1, с. 293.*

[35] **Цéрбер** — в греческой мифологии трехголовый злой пёс с хвостом и гривой из змей, охранявший вход в подземное царство. — *Т. 1, с. 293.*

[36] **Фýрия** — в древнеримской мифологии каждая из трех богинь мщения и кары. — *Т. 1, с. 293.*

[37] **Тáртар** — в древнегреческих мифах подземное царство мертвых, преисподняя. — *Т. 1, с. 293.*

[38] **Христос** — таким словом переводится на греческий язык иудейское слово *мессúя* (помазанник), означающее «идеальный царь», потомок царя Давида. — *Т. 1, с. 295.*

[39] **Когóрта** (*лат.* cohors) — в Древнем Риме (со II в. до н. э.) подразделение (360–600 чел.) легиона (состоял из 10-ти когорт). Переносное значение — сплоченная группа людей, соратников. — *Т. 1, с. 304.*

[40] **Дамаск** — сирийский город, расположенный в районе восточного побережья Средиземного моря. — *Т. 1, с. 323.*

[41] **Филúппы** — город на юге восточной половины Балканского полуострова, где-то вблизи старой Абдеры. — *Т. 1, с. 324.*

[42] **Фессалоника** — город, расположенный несколько западнее (≈100–150 км) от города Филиппы. — *Т. 1, с. 324.*

[43] **Киликúя** — область в Малой Азии (юг современной Центральной Турции). — *Т. 1, с. 330.*

[44] **Кимвáлы** (*греч.* kymbalon) — древний музыкальный инструмент в виде медных тарелок. — *Т. 1, с. 337.*

[45] Злые языки говорили, что отец Коммода не Марк Аврелий, а некий гладиатор, ибо Фаустина имела в Кайете внебрачные связи с матросами и гладиаторами. — *Т. 1, с. 352.*

[46] Этот афоризм принадлежит А. В. Гуляеву (1970 г.), российскому профессору, заслуженному деятелю науки. Источник — сборник: Первая всесоюзная конференция по проблемам медицинской деонтологии. — М., 1970. — С. 166. — *Т. 1, с. 369.*

[47] Фразеологизм «подвести под монастырь» означает: поставить в неприятное положение, подвести под наказание. Версии этимологии здесь такие: 1) в монастырь уходили люди, у которых были большие неприятности в жизни; 2) русские проводники подводили неприятельские войска под стены монастыря, которые в военное время превращались в крепости. — *Т. 1, с. 373.*

[48] **Постфа́ктум** (*лат.* post factum -- после сделанного) — после того, как что-либо уже произошло. — *Т. 1, с. 373.*

[49] Дохристианское слово **«религия»** («religere») в исконном своем использовании означает то, что «требует особого внимания», чем «нельзя пренебречь». — *Т. 1, с. 407.*

[50] Во времена аль-Фараби город **Византий** (на европейском берегу пролива Босфор) назывался уже Константинополем. — *Т. 1, с. 426.*

[51] **«Альмагест»** — книга древнегреческого ученого Клавдия Птолемея, содержит энциклопедический свод астрономических знаний, а также сведения по прямолинейной и сферической тригонометрии. — *Т. 1, с. 428.*

[52] **Караха́ниды** — правящая династия в государстве Караханидов (927—1212 гг.). /Государство Караханидов — тюркское государство на территории Восточного Туркменистана, Семиречья и Южного Притяньшанья. Разгромлено хорезмшахом Мухаммадом./ — *Т. 1, с. 448.*

[53] **Прима́т** (*лат.* primatus) — первенство, преимущественное значение, главенство. — *Т. 1, с. 469.*

[54] © По сути, здесь Лейбниц повторяет головоломку «Аристотелево колесо», см. с. 190. — *Т. 1, с. 477.*

[55] К примеру, «Быть иль не быть — вот в чём вопрос» — начало монолога Гамлета в одноименной трагедии Вильяма Шекспира в переводе Н. А. Полевого (1837 г.), действие 3, явление 3. — *Т. 1, с. 479.*

[56] Просто для справки: 1) линейный диаметр Солнца больше диаметра Земли в 109 раз; 2) объем Солнца в 1301 тыс. раз больше, чем объем Земли; 3) масса Солнца в 332 400 раз больше массы Земли. — *Т. 1, с. 514.*

[57] Цицерон упоминает здесь диалог Платона «Менон» (фрагмент 82b—86b). — *Т. 1, с. 540.*

[58] В 1521 г. умер император Чжу Хоучжао и его место занял император Чжу Хоуцзун (Ши-цзун), правивший с 1521 по 1566 г. — *Т. 1, с. 668.*

СОДЕРЖАНИЕ

☑ **Введение.** *Разве вы не слышите зов?* VII

☑ **Предисловие.** *Что стоит за мудростью?* IX

ТОМ I

1. СОЛОМОН 1
2. ПЕРИАНДР 7
3. ПИТТАК 10
4. БИАНТ 12
5. СОЛОН 14
6. ЭПИМЕНИД 18
7. ФАЛЕС 21
8. АНАКСИМАНДР 26
9. АНАКСИМЕН 29
10. ХИЛОН 31
11. ЛАО-ЦЗЫ 33
12. ПИФАГОР 37
13. ГИППАС 48
14. БУДДА 51
15. КОНФУЦИЙ 62
16. ПАРМЕНИД 70
17. КЛЕОБУЛ 73
18. ГЕРАКЛИТ 74
19. МЕЛИСС 81
20. АНАКСАГОР 83
21. ЗЕНОН ЭЛЕЙСКИЙ 90
22. ЭМПЕДОКЛ 98
23. ПРОТАГОР 103
24. СОКРАТ 108
25. ДЕМОКРИТ 126
26. АГАФОН 133
27. АНТИСФЕН 134
28. АРИСТИПП 137
29. ПЛАТОН 140
30. АРХИТ 169
31. ДИОГЕН СИНОПСКИЙ 171
32. АРИСТОТЕЛЬ 179
33. МЭН-ЦЗЫ 198
34. ЧЖУАН-ЦЗЫ 203
35. ПИРРОН 211
36. ЭПИКУР 219
37. ЗЕНОН КИТИЙСКИЙ 227
38. СЮНЬ-ЦЗЫ 232
39. ХАНЬ ФЭЙ 242
40. ХРИСИПП 262
41. ЦИЦЕРОН 273
42. ЛУКРЕЦИЙ 287
43. ИИСУС ХРИСТОС 295
44. СЕНЕКА 312
45. АПОСТОЛ ПАВЕЛ 322
46. ЭПИКТЕТ 339
47. НАГАРДЖУНА 346
48. МАРК АВРЕЛИЙ 352
49. ТЕРТУЛЛИАН 358
50. СЕКСТ ЭМПИРИК 367
51. ПЛОТИН 374
52. АВГУСТИН 399
53. СИМПЛИЦИЙ 420
54. АЛЬ-ФАРАБИ 425
55. ФИРДОУСИ 438
56. АВИЦЕННА 448
57. АНСЕЛЬМ 467
58. ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ 484
59. ОМАР ХАЙЯМ 489
60. АЛЬ-ГАЗАЛИ 500
61. АВЕРРОЭС 509
62. ЧЖУ СИ 520
63. НИЗАМИ 529
64. Р. БЭКОН 538
65. ФОМА АКВИНСКИЙ 543
66. ПЕТРАРКА 557
67. НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ 576
68. ПОНТАНО 603
69. ФИЧИНО 609
70. ПОМПОНАЦЦИ 621
71. ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ 641
72. МАКИАВЕЛЛИ 658
73. ВАН ЯНМИН 664

☑ **Отдельные постраничные примечания** 682

Учебное издание

ТАРАНОВ Павел Сергеевич

120 философов:

Жизнь
•
Судьба
•
Учение
•
Мысли

Универсальный аналитический справочник по истории философии

Том I

Ответственный за выпуск: Т. А. Городниченко
Редакторы: Л. Г. Стахурская, Н. А. Таранова, Т. Н. Юкало
Художник Л. А. Хлевная
Корректоры: О. А. Кривоносова, И. В. Онипченко
Компьютерная верстка: М. Ф. Иванова
Дизайн обложки: Е. С. Бойченко

Подписано в печать 12.11.2004. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз.
Заказ № 167

ЧП «Издательство «Реноме»
Издательский Дом «Квадранал»
95048, Украина, Симферополь, ул. Поповкина, 18а

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Типография и издательство «Таврида»
95040, Украина, Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44

По вопросам приобретения обращаться:
Издательство «Реноме», тел. (0652) 27-74-40, 25-46-53

г. Суми, ТОВ «Книголюб», ул. Козацкий Вал, 2,
тел. (8-0542) 22-30-63; 21-07-35
менеджер Коваленко Людмила Васильевна